

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ВЫПУСК XXI

**В ЧЕСТЬ 80-ЛЕТИЯ
РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА**

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА – МАГНИТОГОРСК – НОВОСИБИРСК
2008

Редакционный совет

академик РАН *Г.М.Бонгард-Левин* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А.Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г.Гайдуков*,
академик РАН *А.П.Деревянко*, проф. *А.Иверниции*,
член-корр. РАН *С.П.Карпов*, член-корр. РАН *Г.А.Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А.Макаров*,
д.и.н. *Л.П.Маринович*, д.и.н. *Ю.М.Могаричев*,
академик РАН *В.И.Молодин*, член-корр. РАН *Р.М.Мунчаев*,
д.ф.н. *В.Ф.Романов*, д.и.н. *Э.Д.Фролов*, проф. *Чан Куквон*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М.Г.Абрамзон* (главный редактор, Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *М.Ф.Высокий* (Институт всеобщей истории РАН),
к.и.н. *В.А.Гаилов* (Институт археологии РАН),
д.п.н. *О.В.Гнзевек* (Магнитогорский гос. университет),
к.и.н. *Ю.В.Горлов* (Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.Д.Кузнецов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
к.и.н. *С.В.Мокроусов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.и.н. *И.В.Октябрьская* (зам. главного редактора,
Институт археологии и этнографии СО РАН),
д.и.н. *И.Е.Суриков* (Институт всеобщей истории РАН),
д.п.н. *З.М.Уметбаев* (Магнитогорский гос. университет),
д.фил.н. *С.Г.Шулежкова* (Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *Л.И.Киреева* (ответственный секретарь,
Магнитогорский гос. университет)

Editorial Board:

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A.Gaibov, O.V.Gnevek, Yu.V.Gorlov, V.D.Kuznetsov, S.V.Mokrousov,
I.V.Oktyabrskaya, S.G.Shulezhkova, I.E.Surikov, M.Ph.Vysokii, Z.M.Umetbayev.

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

РАУФУ МАГОМЕДОВИЧУ МУНЧАЕВУ — 80 ЛЕТ

Р.М. Мунчаев на раскопках Фанагории

23 сентября 2008 году исполнилось 80 лет выдающемуся отечественному археологу, доктору исторических наук, профессору, члену-корреспонденту Российской академии наук Рауфу Магомедовичу Мунчаеву. Имя Р.М. Мунчаева хорошо известно не только в России, но и широко за ее пределами, всем специалистам по первобытной истории и археологии Кавказа, Северной Месопотамии и Сирии. Он является автором около 300 научных работ по археологии Кавказа, Сирии и Ирака, которые приобрели мировую известность. Велик вклад Рауфа Магомедовича и в организацию российской науки. С 1993 по 2003 г. он был директором Института археологии РАН, председателем его Ученого совета. Рауф Магомедович — бессменный руководитель Иракской (1969—1988 гг.) и Сирийской (с 1988 г. по н.в.) археологических экспедиций. По настоящее время Рауф Магомедович является председателем редакционного совета журнала "Российская археология".

Коллеги, друзья и ученики от всей души поздравляют дорогого Рауфа Магомедовича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, бодрости духа и новых творческих успехов в научной деятельности.

Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры».

© 2008 г.

Г.А. Кошеленко

О ЮБИЛЕЕ РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА

23 сентября 2008 г. исполняется 80 лет выдающемуся исследователю-археологу и организатору науки член-корреспонденту Российской академии наук, советнику РАН Р.М. Мунчаеву. Естественно, что юбилей ученого такого масштаба в нашем сравнительно узком кругу профессиональных археологов вызывает особый интерес и желание принять участие в какой-либо форме в чествовании юбиляра.

Насколько я знаю, в одном из ближайших номеров журнала «Российская археология» будет помещена большая статья Н. Я. Мерперта, самого близкого друга Р.М. Мунчаева, в которой всесторонне обрисован творческий путь юбиляра; журнал «Вестник древней истории» в лице его главного редактора академика РАН Г.М. Бонгард-Левина подготовил к печати свой очерк научной биографии Р.М. Мунчаева; Институт археологии РАН издает сборник научных трудов, посвященных юбилею, и его также будет предварять биографический очерк; наконец, коллеги Р.М. Мунчаева в Дагестане в свою очередь печатают аналогичный сборник, и в нем, насколько мне это известно, обязательно будет представлена вводная статья, освещающая научную деятельность Р.М. Мунчаева.

Все это перечисление мне понадобилось для того, чтобы объяснить, почему я оказался в состоянии очень сильного смущения, когда Редакционная коллегия и Редакционный совет нашего журнала обратились ко мне с предложением написать вводную статью для этого номера, который также целиком посвящен юбилею Р.М. Мунчаева. Причиной этого смущения было то обстоятельство, что была очень большая опасность невольно заняться повторением того, что уже представлено в других статьях или скатиться на скороговорку. Поэтому (с согласия и Редколлегии и Редсовета) я решил пойти по другому пути — попытаться рассказать читателю о наиболее характерных чертах Р.М. Мунчаева как ученого и человека так, как я их воспринимаю.

Видимо справедливо мнение, что человека как личность формируют гены его родителей и та обстановка, в которой он живет первые годы жизни.

Р.М. Мунчаев родился в небольшом городке Закаталы на севере Азербайджана. Я хорошо могу представить себе его детство и отрочество не только на основании его воспоминаний, но и благодаря рассказам человека, который именно в первые послевоенные годы работал здесь. Это был дядя моей жены —

Андрей Петрович Маринович, который по возвращении с фронта вернулся к своей профессии биолога. Он провел несколько лет здесь в качестве заместителя директора по научной работе Закатальского (Южно-кавказского) заповедника. Естественно, он рассказывал не о Р.М. Мунчаеве, о существовании которого он, вероятнее всего, даже не подозревал, а о замечательной природе Кавказских предгорий, о тихом и спокойном городке, о тех труднейших условиях, в которых приходилось жить в это время. Одной из особенностей городка было то, что в нем сосуществовали люди множества национальностей: азербайджанцы, дагестанцы, русские, грузины, армяне, евреи и даже небольшая община немцев, переселившихся сюда еще в XIX веке.

Эти условия жизни, в которых прошло детство и отрочество Р.М. Мунчаева, естественно, наложили очень сильный отпечаток на весь его облик. В частности, поскольку Рауф был старшим из пяти сыновей в семье, ему очень рано пришлось приобщиться к труду. Отсюда, видимо, и происходит его трудолюбие, отличающее его на протяжении всей научной карьеры и являющееся одним из главных залогов его научных успехов.

Другое качество, унаследованное от этого времени, от родителей и от окружения — постоянное сочувствие бедным, слабым, несчастным. Оно находило многократные выражения в деятельности Р.М. Мунчаева, но мне хочется сослаться на один эпизод, имевший место в 1965 г., когда мы вместе работали в Афганистане в составе Французской археологической экспедиции на раскопках замечательного памятника Ай Ханум. Я вспоминаю этот эпизод потому, что он предельно прост и ясен, не замутнен никакими привходящими обстоятельствами.

Согласно распорядку экспедиции, ланч имел место непосредственно на памятнике. В традициях французской археологии, он всегда был вкусен и обилен. После трапезы археологов всегда оставалась добрая часть ланча несъеденной. Однажды Р.М. Мунчаев, уходя на раскоп, захватил с собой серьезный кусок лепешки, посоветовав мне, недоумевающему, сделать то же самое. Придя на раскоп, он отдал наши лепешки самому несчастному из наших рабочих-таджиков, который, как смог заметить Рауф, не мог себе позволить даже чаю во время перерыва. Я опасался, что эта форма «интернационализма» вызовет негативную реакцию наших французских коллег как явное нарушение системы отношений, сложившихся между археологами и рабочими-землекопами. Однако произошло прямо противоположное — когда французы осознали, что именно делают их советские коллеги, они все как один стали делать то же самое. На каждом из раскопов отныне самые бедные рабочие (а это, как правило, были таджики) стали получать свою порцию материальной помощи в форме лепешки, а иногда и еще чего-нибудь вдобавок.

Взросление в многонациональной среде имело и еще один результат: я не знаю никого, кто был бы более чем Р.М. Мунчаев, лишен чувств национальной исключительности, пренебрежения к людям иного этноса, иной культуры, иного цвета кожи и т.п. Его интернационализм — явление даже не сознания, а чего-то более глубокого, видимо, даже подсознания. Поэтому для него столь тяжелы были и развернутая в годы так называемой перестройки кампания взаимных национальных обвинений и распад СССР. Р.М. Мунчаев всегда делал и

делает все возможное для сохранения дружеских связей между археологами всех стран СНГ.

Еще одним следствием воспитания в многоэтничной среде стало то, что Р.М. Мунчаев вырос в какой-то степени полиглотом: помимо лакского и русского, он прекрасно говорит на азербайджанском языке, может объясниться на грузинском и армянском. Во время пребывания в Афганистане местные рабочие узбеки вели во время перерывов в работе долгие беседы с ним. Конечно, и азербайджанский и узбекский — тюркские языки и поэтому близки, но все же это разные языки и взаимное понимание достигалось только благодаря терпению и лингвистическим способностям Р.М. Мунчаева. И сейчас, по рассказам сотрудников Российско-сирийской экспедиции, эти способности помогают экспедиции. Район, где работает экспедиция, населен главным образом туркменами, а это — также тюркский народ. Каждый археолог, работавший в чужой стране, согласится с тем, насколько легче становится жизнь экспедиции, когда ее начальник общается с окружающим населением без переводчика.

Закончив среднюю школу, Р.М. Мунчаев поступает в Дагестанский Государственный педагогический институт — единственное в то время высшее учебное заведение республики. После окончания этого института его ожидает Москва и аспирантура в нашем Институте. По рассказам тех, кто знал Р.М. Мунчаева в эти годы, это был удивительный аспирант. Он прекрасно сознавал недостатки своего вузовского образования и сделал все, чтобы их ликвидировать. Он, в частности, прослушал все специальные курсы, читавшиеся тогда на кафедре археологии. Отсутствие серьезной полевой практики Р.М. Мунчаев восполнял участием в многомесячных экспедициях, руководимых опытными археологами. Но самое главное — он упорно работал над диссертацией, которая была им защищена (редчайший случай в истории Института) в срок. Через год, проведенный в Махачкале, Р.М. Мунчаев возвращается в Москву в Институт, который отныне стал не только единственным местом его работы, но, как мне кажется, самым смыслом его жизни.

Конечно, Р.М. Мунчаеву повезло в первые годы его научной карьеры — его научным руководителем был такой выдающийся специалист по археологии Кавказа, как Е.И. Крупнов. Об этом человеке много лет спустя сам нынешний юбиляр написал прекрасную статью в сборнике «Историки об историках», показав его огромное значение для развития нашей науки. Но надо помнить, что Е.И. Крупнов был человеком достаточно суровым и помогал только тем, в ком видел «искру божью» и кто упорно трудился.

Сейчас пришло время рассказать о научных достижениях Р.М. Мунчаева, сделавших его крупнейшим специалистом по археологии Кавказа и Переднего Востока. У читателя, естественно, может возникнуть вопрос: имеет ли право писать об этом археолог-классик, по роду своих занятий стоящий далеко от поля деятельности Р.М. Мунчаева? В оправдание себе могу выдвинуть два аргумента. Во-первых, целый ряд достижений его настолько велик, что даже не специалист может оценить их значение. Во-вторых, в моей собственной жизни был период, когда мне пришлось несколько лет осваивать материалы, весьма далекие от моей узкой специализации. Дело в том, что мне несколько лет пришлось преподавать курс «Введение в археологию» в ГУГНе (Государственный

университет гуманитарных наук при РАН). В связи с этим пришлось «поднимать» горы книг, которые в противном случае остались бы мною непрочитанными. В процессе этого «самообразования» я иногда делал неожиданные для себя (но, конечно, хорошо известные специалистам) открытия. Например, я понял, что покойный академик В. Седов был гениальным ученым, что Х. Амириханов, с которым мы когда-то вместе работали в Южном Йемене, совершил фундаментальнейшее открытие в изучении палеолита. Много было таких приятных (а иногда и не очень) открытий в те годы, когда я, обучая студентов, учился сам. В силу этого я осмеливаюсь судить о научном творчестве специалиста, занятого изучением много более ранних эпох.

Об исследованиях Р.М. Мунчаева можно сказать многое. Я же отмечу только две особенности его творчества. Прежде всего, его научное бесстрашие. Его большие работы — «пионерские», он всегда берется за проблемы очень сложные и малоразработанные. Такой была уже его кандидатская диссертация и, в еще большей мере, докторская. Что касается его полевой работы, то меня поражает способность Р.М. Мунчаева выбирать для раскопок из множества памятников именно тот, который может дать и дает максимум информации. Так было и при раскопках на Кавказе, а потом в Ираке, но самый яркий пример — Телль Хазна в Сирии, где для исследований избран объект, дающий потрясающие по своей ценности данные по проблемам становления древнейшей цивилизации Евразии. Своим даром Р.М. Мунчаев щедро делится с коллегами. Он, например, был в составе той группы археологов, которая ездила в Южный Йемен для заключения договора о раскопках советской экспедиции и выбора памятника для исследований. И именно по его совету в качестве главного объекта было выбрано городище Рейбун, исследования которого открыли ряд крайне важных страниц древней Аравии.

Научные заслуги Р.М. Мунчаева получили широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом. Он — член-корреспондент РАН, член-корреспондент Немецкого археологического института и Итальянского института Африки и Востока, его исследования в Месопотамии были высоко оценены — ему вместе с группой коллег была присуждена Государственная премия Российской Федерации. Р.М. Мунчаев входит в редакционных коллегий и редакционных советов многих журналов, состоит членом руководящих органов нескольких международных объединений археологов.

Но есть еще одна грань в биографии Р.М. Мунчаева, которая значит не меньше, а может быть и больше, чем все его научные заслуги. Я имею в виду его научно-организационную деятельность. Р.М. Мунчаев выполнял обязанности заместителя директора Института археологии при двух директорах-академиках: Б.А. Рыбакове и В.П. Алексееве. Но все в Институте прекрасно знали, на ком лежит бремя повседневных забот обо всех делах Института, кто выполняет самую «черную» административную работу. Р.М. Мунчаев был тем человеком, который знал состояние дел в каждом подразделении, его проблемы и трудности. Все сотрудники прекрасно понимали, что заместитель директора — это тот человек, к которому в первую очередь надо идти со всеми своими трудностями: он, если у него будут возможности, обязательно поможет, если же он не может решить вопрос, то, по крайней мере, даст наилучший совет. Все были убеждены

в его доброжелательности и мудрости. Поэтому не удивительно, что после преждевременной кончины академика В.П. Алексеева коллектив Института практически единогласно избрал Р.М. Мунчаева директором, и это избрание было утверждено Отделением исторических наук, а затем и Президиумом РАН.

Событие это произошло в 1991 г. Все помнят страшные 90-е годы, когда рушилось все: страна, Академия, когда уходили в небытие многие институты. Р.М. Мунчаеву пришлось стать руководителем в такое время, когда вплотную встал вопрос о самом существовании Института археологии. Существовал ведь «проект» о резком сокращении его и передаче в таком виде в Министерство культуры для обеспечения нужд чиновников, якобы отвечавших за сохранение памятников прошлого.

Именно Р.М. Мунчаев стал тогда бесспорным лидером, который сделал больше, чем кто-либо другой для сохранения нашего Института. Дело не только в том, что добывались всеми возможными способами средства для осуществления нормального функционирования, и не только в том, что они справедливо распределялись. Гораздо важнее было сохранение коллектива исследователей, сохранение в нем духа высокой морали, коллективизма, взаимного уважения и готовности трудиться. Мы все ведь были свидетелями того, какие страшные конфликты «раздирали» в этих критических условиях коллективы некоторых институтов. Совсем иную атмосферу создавал в нашем Институте Р.М. Мунчаев. Никто никогда не слышал, чтобы он даже в самой напряженной атмосфере повысил голос, наоборот, в разгар самой горячей дискуссии его тихий голос заставлял сбавлять тон самых горячих спорщиков. Трудно сказать, что в глубине души испытывал он в таких случаях, но он всегда был спокоен, рассудителен, внимателен ко всем мнениям.

Именно мудрость (другое слово здесь было бы неуместно) Р.М. Мунчаева, его беспредельная преданность науке и родному Институту, стали одной из главных причин того, что наш коллектив с минимальными потерями пережил тяжелое время, которое, к сожалению, длилось не один год.

И в заключение еще два маленьких штриха. Дух новаторства продолжает жить в душе Р.М. Мунчаева и сейчас. Нынешние раскопки важнейшего и крупнейшего античного городища на территории России — Фанагории — представляют собой место проведения важного эксперимента. Благотворительный фонд «Вольное дело» оказывает серьезную помощь академическому институту в осуществлении не только раскопок, но также и музеефикации его, издании результатов исследований. Здесь, в сущности, отрабатывается методика взаимодействия государства (в лице академического института) и частного капитала (в лице фонда) в осуществлении масштабного мероприятия в гуманитарной сфере. Р.М. Мунчаев был одним из тех, кто стоял у истоков проекта и кто постоянно участвует в его осуществлении. Он, в частности, каждый полевой сезон приезжает на раскопки Фанагории.

Позвольте также еще одно из воспоминаний из времен афганской эпопеи. У читателя благодаря тому, что написано вначале, могло создаться впечатление, что все рабочие, принимавшие участие в раскопках, были жалкими бедняками. Это не совсем так. Среди рабочих были и достаточно состоятельные (по местным масштабам) люди, приезжавшие на раскопки на прекрасных конях,

которыми они очень гордились и даже хвастались. Не могу сейчас вспомнить, что послужило поводом к тому, что однажды Р.М. Мунчаев подойдя к одному из таких прекрасных коней, вдруг вскочил в седло, гикнул, потряс плетью и бросил коня в галоп. Через мгновение он буквально исчез из виду и вернулся через полчаса, уже ведя коня легкой рысью. После этого его авторитет среди рабочих и без того очень высокий, поднялся буквально до небес. Р.М. Мунчаев — рафинированный русский интеллигент, но где-то в глубине души он все равно остается кавказским джигитом и это — прекрасно.

От имени Редсовета и Редколлегии нашего журнала желаю тебе, дорогой Рауф Магомедович, в день твоего юбилея долгих лет жизни, успехов и счастья.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Р.М.МУНЧАЕВА

1. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. канд. дисс. М., 1953. С. 2-14.
2. Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана. Махачкала, 1954. С. 1-29.
3. К вопросу о времени заселения Нагорного Дагестана // «Дагестанская правда» от 16 октября 1954 г.
4. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // СА. Вып. XXII. 1955. С. 6-20.
5. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганы у ст. Манас) // СА. Вып. XXVI. 1956. С. 167-203 (соавтор К.Ф.Смирнов).
6. Неолитическая стоянка близ г.Буйнакса (ДА ССР) // КСИИМК. Вып. 67. М., 1957. С. 78-82 (соавтор В.И.Марковин).
7. Конференция по древней и средневековой истории Кавказа // СА. 1957. № 1. С. 297-300.
8. Археологические памятники у с.Карабудахкент (ДАССР) // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М., 1958. С. 147-175 (соавтор К.Ф.Смирнов).
9. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. 1958. С. 41-52.
10. Рецензия. Т.А.Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957 // СА. 1958. № 4. С. 236-239.
11. Ученые ОАР в Советском Союзе // Вестник АН СССР. 1958. № 9. С. 80-83.
12. Итоги Кавказской археологической конференции // КСИИМК. Вып. 73. М., 1959. С. 3-13.
13. Рецензия. Е.И.Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957 // СА. № 2. 1959. С. 266-270 (соавтор В.И.Марковин).
14. К истории археологического изучения Дагестана // Сборник по археологии Дагестана, Махачкала, 1959. С. 9-20.

15. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // Тезисы докладов научной сессии Института ИЯЛ Дагестан. Филиала АН СССР по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 9-11.
16. Сессия Отделения исторических наук и Пленум ИИМК АН СССР 1959 г. // СА. 1959. № 3. С. 272-276 (соавтор Г.А.Федоров-Давыдов).
17. Научная Сессия по археологии Дагестана // СА. 1959. № 4. С. 334-337.
18. Институт археологии в 1958 г. // КСИА. Вып. 81. 1960. С. 121-125 (соавтор Н.Я.Мерперт).
19. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА. № 100.
20. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа // КСИА. Вып. 84. 1961. С. 19-29 (соавтор В.И.Марковин).
21. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 г.) // КСИА. Вып. 84. 1961. С. 56-62.
22. Археологические исследования в Ассинском ущелье в 1956 г. // Известия Чечено-Ингушского Республикан. краеведческого музея. Вып. X. Грозный, 1961. С. 73-94.
23. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. С. 57-66.
24. Некоторые данные о средневековых памятниках Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. С. 271-286 (соавторы В.Г.Котович и Н.Д.Путинцева).
25. Итоги полевых работ археологов и этнографов // Вестник АН СССР. 1962. № 6. С. 115-118 (соавтор В.А.Александров).
26. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3. С. 176-198.
27. С.В.Киселев // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 204.
28. Луговой могильник (Исследования 1956-1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 139-211.
29. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217-242. (Монография).
30. Рецензия. Т.А.Бунятов. Очерки азербайджанской археологии. Баку, 1960 // СА. 1963. № 3. С. 253-256.
31. Рецензия. Выдающийся труд по древней истории Северного Кавказа. Е.И.Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1961 // СА. 1963. № 4. С. 271-278.
32. К 60-летию Е.И.Крупнова // СА. 1964. № 1. С. 3-7.
33. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1. С. 158-164 (соавтор В.И.Марковин).
34. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98. 1964. С. 90-99.
35. Древнейший металлический котел // Приложение к газ. «Известия». «Неделя». 1964. № 10. С. 8.
36. Золотые лица // Приложение к газ. «Известия» «Неделя». 1964. № 12. С. 7.
37. Н.Б.Шейхов // СА. 1964. № 3. С. 342.
38. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА. Вып. 100. 1965. С. 40-49 (соавтор В.И.Марковин).
39. Каякентско-хорочоевская культура // СИЭ. Т. 7. М., 1965. С. 143-144.

40. Кувшинные погребения // СИЭ. Т. 8. 1965. С. 251-252.
41. Куро-аракский энеолит // СИЭ. Т. 8. С. 316-317.
42. Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2. С. 174-184.
43. Начало эпохи металла (энеолит) и бронзовый век // Очерки истории Чечено-Ингушетии. Проспект. Грозный, 1965. С. 6-8.
44. Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований (по материалам СКАЭ за 1958-1964 гг.) // Материалы Сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965. С. 10-13.
45. О древнейшем гончарном круге на Северном Кавказе // Материалы Сессии... С. 60-61 (соавтор А.А. Бобринский).
46. Рецензия. Д.М.Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963 // СА. 1965. № 4. С. 268-271.
47. Сессия ОИ АН СССР и Отделения обществен. наук АН АзССР // СА. 1965. № 4. С. 292-297 (соавтор И.Г. Нариманов).
48. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 92-96.
49. Лчашен // СИЭ. Т. 8. С. 823-824.
50. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. // КСИА. Вып. 106. 1966. С. 74-80 (соавтор В.И. Сарианиди).
51. А.А.Иессен // КСИА. Вып. 108. 1966. С. 3-5 (соавтор Е.И. Крупнов).
52. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. 1966. С. 14-22 (соавтор А.А. Бобринский).
53. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 9-28.
54. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. 1966. № 3. С. 133-151 (соавтор А.Л. Нечитайло).
55. Археологическая экспедиция в Афганистане // Вестник АН СССР. 1966. № 7. С. 64-68 (соавтор Г.А. Кошеленко).
56. Кызыл-Ванк // СИЭ. 1966. С. 347-348.
57. Мингечаур // СИЭ. Т. 9. 1966. С. 460-461.
58. Новосвободненский могильник // СИЭ. Т. 10. 1967. С. 289-290.
59. Одиши // СИЭ. Т. 10. С. 480.
60. Северокавказская экспедиция // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 57-64 (соавторы Е.И. Крупнов и др.).
61. Глава I. Население Чечено-Ингушетии при первобытно-общинном строе. Раздел 1. Древнейшие времена // Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т. 1, Грозный, 1967. С. 6-16 (соавтор В.И. Марковин).
62. Рецензия. С.А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967 // СА. 1968. № 3. С. 255-262 (Соавтор А.А. Мартиросян).
63. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4. С. 16-26 (соавторы Ф.М. Махмудов и И.Г. Нариманов).
64. Северокавказская экспедиция // Археологические открытия 1967 года. М., 1968. С. 65-69 (соавторы В.Б. Виноградов и др.).

-
65. Раскопки Бамутских курганов в 1965 г. // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968. С. 131-152.
 66. Находка медного котла майкопской культуры в г.Нальчике // КСИА. Вып. 115. 1969. С. 54-57.
 67. Советская археологическая экспедиция в Ираке // Вестник АН СССР. 1969, № 9. С. 96-104 (соавтор Н.Я.Мерперт).
 68. The investigations of the Soviet archeological expedition in Iraq // Sumer. Vol. XXV. № 1-2. Baghdad, 1969. P. 125-132. Pl. I-VII (соавтор Н.Я.Мерперт).
 69. Археологические исследования в долине Синджара (Ирак) // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 438-440 (соавтор Н.Я.Мерперт).
 70. Первая советская археологическая экспедиция в Месопотамии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М., 1970. С. 26-29.
 71. Дибир Муслимович Атаев // СА. 1970. № 3. С. 296-297.
 72. Советские археологические исследования в Северо-Западном Ираке // Вестник АН СССР. 1970. № 10. С. 105-114 (соавтор Н.Я.Мерперт).
 73. Раскопки в Ираке // «Аль Мадар». Багдад, 1970. № 18. С. 5-8 (на араб. яз.).
 74. Евгений Игнатьевич Крупнов // СА. 1971. № 1. С. 311-314.
 75. Е.И.Крупнов // Вопросы истории. 1971. № 1.
 76. Исследования раннеземледельческих памятников в Северном Ираке // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 450-454 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
 77. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии // СА. 1971. № 3. С. 141-169 (соавтор Н.Я.Мерперт).
 78. Исследования раннеземледельческих поселений в Северной Месопотамии в 1970 г. // Тезисы докладов, посвященных итогам археологических и этнографических исследований. Тбилиси, 1971. С. 95-99.
 79. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V-III тыс. до н.э.). Автореф. доктор. дисс., Тбилиси, 1971. С. 3-61.
 80. New studies of early agricultural settlements in the Sinjar valley // VII Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Moscow, 1971. P. 1-13 (соавтор Н.Я.Мерперт).
 81. Памяти автора // Предисловие к книге Е.И.Крупнова «Средневековая Ингушетия». М., 1971. С. 5-9.
 82. Работы советских археологов в Ираке // Вестник АН СССР. 1972. № 1. С. 72-78 (соавтор Н.Я.Мерперт).
 83. Раскопки раннеземледельческих памятников на севере Ирака // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 557-560 (Соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
 84. Итоги работ Иракской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г. // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л. 1972. С. 64-66.
 85. Первые земледельцы планеты // Наука и жизнь. 1973. № 1. С.89-96 (соавтор В.И.Гуляев).
 86. Иракская экспедиция // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С.502-506 (соавтор Н.Я.Мерперт и др.).

87. Тетрамица // СИЭ. Т. 14. М., 1973. С. 204.
88. Excavations at Yarimtepe 1970. Second preliminary report // Sumer. Vol. XXVII. № 1-2. 1971. Baghdad, 1973. P. 9-22. Pl. I-XV (соавтор N.Ya.Merpert).
89. The archeological research in the Sinjar valley (1971) // Sumer. Vol. XXVII. № 1-2. 1971. P. 23-32. Pl. I-IX (соавтор N.Ya.Merpert).
90. Бронзовые псаии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 71-77.
91. Early agricultural settlements in the Sinjar plain Northern Iraq // Iraq. Vol. XXXV. Part 2. London, 1973. P. 93-113 (соавтор N.Ya.Merpert).
92. Archeological investigations in Mesopotamia // Social sciences. 1973. Vol. 4. № 2. (на англ., франц., испан., и японс. языках).
93. Исследования Иракской экспедиции // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С.539-544 (соавтор Н.Я.Мерперт и др.).
94. Новые работы советских археологов // Наука сегодня. М., 1974. С. 191-198.
95. Первая встреча советских и английских археологов // Вестник АН СССР. 1975. № 4. С.105-112.
96. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С.3-415.
97. Раскопки в Месопотамии // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 563-565 (соавтор Н.Я.Мерперт и др.).
98. Ялойлу-тепинская культура // СИЭ. Т. 16. 1976. С.879-880.
99. Ярым-тепе // СИЭ. Т. 16. С.990-991.
100. К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза // СА. № 1. 1976. С. 5-8.
101. Evidence about ancient farming settlements in North Mesopotamia obtained by the Soviet expedition // IX Конгресс до и протоисторических наук. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1976. С. 58-67 (соавтор N.Ya.Merpert).
102. Советская экспедиция в Месопотамии // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С.584-585 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
103. У истоков цивилизации // Советский Союз. 1976. № 11 (соавтор В.И.Гуляев).
104. И мир встает столетье за столетьем. // Наука и жизнь. 1976. № 11. С. 33-35 + табл.IV (соавтор В.И.Гуляев).
105. Археологические раскопки в Синджарской долине // Азия и Африка сегодня. 1976. № 12. С. 55-58 (соавтор Н.Я.Мерперт).
106. The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1973 // Sumer. Vol. XXXII. № 1-2. 1976. P. 25-61 (соавторы N.Merpert, N.Bader).
107. Раскопки на городище Ай Ханум в 1965-1968 гг. // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 118-124 (соавтор Г.А.Кошеленко).
108. Археология (в разделе «историческая наука» // БСЭ. Т. 24. М., 1976. С.1099-1101.
109. Тайны Ярымтепе II (по материалам археологических исследований в Ираке) // Азия и Африка сегодня. 1977. № 1. С.46-47 (соавтор Н.Я.Мерперт).
110. Древнейшая металлургия Кавказа // СА. 1977. № 3. С.154-163 (соавторы Ф.А.Махмудов и И.Г.Нариманов).

111. IX конгресс Международного союза до-и протоисторических наук. Ницца // Вестник АН СССР. 1977. № 9. С.110-115 (соавтор Н.Я.Мерперт).
112. Исследования Иракской экспедиции // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С.590-592 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
113. Энеолит СССР. Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов». Тезисы пленарных докладов. М., 1977. С. 10-14 (соавтор В.М.Массон).
114. The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1974 // Sumer. Vol. XXXIII. № 1, 1977. P. 65-104 (соавторы N.Merpert, N.Bader)
115. Исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 577-579 (соавтор Н.Я.Мерперт и др.).
116. Soviet investigations in the Sinjar plain, 1975 // Sumer. Vol. XXXIV. № 1-2, 1978. P. 27-70 (соавторы N.Merpert, N.Bader).
117. Археологические исследования поселения халафской культуры Ярымтепе II В Синджарской долине на северо-западе Ирака // Археологические и этнографические разыскания в Азербайджане (1975). Баку, 1978. С. 10-14 (соавторы В.И.Гуляев и И.Г.Нариманов).
118. Исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 598-600 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
119. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР, 1979. № 2. С. 107-112 (соавтор Н.О.Бадер)
120. Проблемы происхождения производящих форм хозяйства // Вестник АН СССР. 1979. № 10. С. 60-65 (Соавтор Н.Я.Мерперт).
121. Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия? // СА. 1979. № 3. С. 320-327 (Соавтор Н.Я.Мерперт).
122. Предисловие к сборнику «Северный Кавказ в древности и средние века». М., 1980. С.3-6.
123. Исследование поселений Телль Магзалия и Ярымтепе III // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 487-489.
124. Зарубежные связи Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163. М., 1980. С. 36-42.
125. Совещание руководителей Институтов археологии // Общественные науки. 1980. № 2. С. 179-181.
126. Investigations of the Soviet expedition in Northern Iraq, 1976 // Sumer. Vol. XXXVII. № 1-2. 1981. P. 22-54 (соавторы N.Bader, N.Merpert).
127. Soviet expedition's surveys in the Sinjar valley. Журн // Sumer. Vol. XXXVII. № 1-2. 1981. P. 55-95 (соавторы N.Bader, N.Merpert).
128. Археологические исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 489-490.
129. XXVI съезд КПСС и задачи советской археологии // СА. 1981. № 1. С. 5-7.
130. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 1-320 (соавтор Н.Я.Мерперт).
131. Первый советско-американский симпозиум археологов // Вестник АН СССР. 1982. № 6. С (соавтор Н.Я.Мерперт).
132. Первый советско-индийский семинар по археологии // Вестник АН СССР. 1982. № 8. С. 81-83.

133. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 28-49 (соавтор Н.Я.Мерперт).
134. Советско-американский симпозиум по археологии // СА. 1982. № 3. С. 284-288.
135. Поселение убейдской культуры Ярымтепе III в Северной Месопотамии (Из итогов работ советской экспедиции в Ираке) // СА. 1982. № 4. С. 133-149 (соавтор Н.Я.Мерперт).
136. Образование СССР — торжество национальной политики КПСС // СА. 1982. № 4. С. 3-15.
137. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982. С. 93-164, 333-339.
138. Второе открытие Месопотамии // Наука в СССР. 1983. № 1. С. 56-61 (Соавтор Н.Я.Мерперт).
139. Peopling of the Sinjar Valley // Paper delivered at the First USA-USSR Archeological Exchange. Cambridge, 1983.
140. Археологическая поездка по Сирии // СА. 1984. № 1. С. 307-317 (соавтор Н.Я.Мерперт).
141. Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований (из итогов работ советской экспедиции в Ираке) // КСИА. Вып. 180. М., 1984. С. 38-44.
142. Archeological studies in the Sinjar valley, 1980 // Sumer. Vol. XLIII. № 1-2. 1984. P. 32-53 (соавторы N.Merpert, N.Bader).
143. Soviet expediton research at Iarimtepe III settlement in north-western Iraq, 1978-1979 // Sumer. Vol. XLIII. № 1-2. 1984. P. 54-68 (соавтор N.Merpert).
144. Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983) // СА. 1985. № 3. С. 312-315 (соавтор В.И.Гуляев).
145. Некоторые итоги и перспективы развития советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС // СА. 1986. № 1. С. 5-9.
146. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из курганов эпохи бронзы у сел. Бамут // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 27-39.
147. Второй советско-французский симпозиум по археологии Средней Азии с древнейших времен до эпохи раннего железа // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению Центральной Азии. Вып. 11. М., 1986. С. 51-58.
148. Советско-американское сотрудничество в области археологии // Древние цивилизации Ближнего Востока, Ташкент, 1986 (соавтор В.М.Массон).
149. Новая серия монографий в изданиях Французской археологической делегации в Афганистане // Народы Азии и Африки. 1986. № 4 (соавтор Г.А.Кошеленко).
150. Искусство Матхуры // 10-я авторско-читательская конференция журнала ВДИ. М., 1987. № 2. С. 52-67 (Соавторы Г.М.Бонгард-Левин и Г.А.Кошеленко).

151. Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы изучения // ВДИ. 1987. № 3. С. 18-42 (соавторы Г.М.Бонгард-Левин и Г.А.Кошеленко).
152. The earliest levels of Iarimtepe I and Iarimtepe II in northern Iraq // Iraq. Vol. XLIX. London, 1987. P. 1-36. Pl. I-IX (соавтор N.Ya.Merpert).
153. Матхура: 150 лет археологических исследований // СА. 1988. № 2. С. 5-22 (соавторы Г.М.Бонгард-Левин и Г.А.Кошеленко).
154. Kunst und Kultur in Nordkaukasus. Leipzig, 1988 (соавтор W.I. Markovin).
155. Третий советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) // СА. 1988. № 3. С. 295-299 (соавтор В.И.Гуляев).
156. Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита. Глава II,1 // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 35-44 (соавтор В.В.Бжания и др.).
157. L'étude du problem des rapports culture dans l'archeologie sovietique (Asie Moyene, Iran, Mesopotamie, Caucase) // L'Asie centrale et ses Rapports avec les civilisations orientales des origins a L'age du fer. Paris, november, 1985. Paris, 1988. P. 23-28.
158. Предисловие к сборнику «Древности Ставрополя». М., 1989. С. 3-5.
159. Советские археологи в Сирии // Природа. 1989. № 2. С. 62-64 (соавторы Н.О.Бадер и Н.Я.Мерперт).
160. Работы советской археологической экспедиции в Сирии // ВДИ. 1989. № 1. С. 181-185 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
161. Следы минувших тысячелетий (об археологических исследованиях в Сирии) // Вестник АН СССР. 1990. № 11. С. 101-111 (соавторы Н.О.Бадер и Н.Я.Мерперт).
162. Телль Хазна I (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988-1989 гг.) // СА. 1990. № 3. С. 5-24 (соавтор Н.Я.Мерперт).
163. Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г. // ВДИ. 1990. № 3. С. 113-117 (соавторы Н.Я.Мерперт и Н.О.Бадер).
164. Tell Hazna // Less Dossiers D'Archeologie, December 1990. № 155. Paris. P. 30-31 (соавтор N.Merpert).
165. The Caucasus in the 3rd millennium B.C. // Perspectives in Archeological Research in the USSR. Roma, 1991. P. 41-68.
166. Nordkaukasien in Neolitikum, Chalcolittikum und Fruhbronzezeit // Die kupferzeit als historische epoche. Teil I. Bonn, 1991. P. 47-54.
167. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов. Сб. «Проблемы происхождения нахских народов // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений». Шатой, 1991. С. 4-7.
168. Soviet investigations in North-East Syria, 1988 // Les Annales archeologiques Arabes Syrinnes. Vol. XXXVII-XXXVIII, 1987-1988, Damas. 1991. P. 190-216 (соавторы N.O.Bader and N.Ya.Merpert).
169. Культуры дописьменной Месопотамии // Наука и человечество. М., 1991. С.55-65.
170. Памяти Валерия Павловича Алексеева // Вестник шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М., 1993. С.4-11 (соавтор М.Г.Абдушелишвили и др.).

171. Телль Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4. С.25-42 (соавторы Н.Я.Мерперт, Н.О.Бадер и Ш.Н.Амиров).
172. Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии // ВДИ. 1993. № 4. С.127-136.
173. History and organization of archeological research in the USSR. Theory and Practice of prehistory: views from Edges of Europe. University of Cantabria, 1993. P.83-99 (на испанском и английском языках).
174. Archeological expedition of the Institute of Archeology, Academy of sciences of the USSR, Beyond the Soviet State borders // Theory and Practice of prehistory: views from Edges of Europe. University of Cantabria, 1993. P. 77-81 (на испан. и англ. языках).
175. Yarim Tepe I // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 73-114 (соавтор N.Ya.Merpert).
176. Yarim Tepe II // The Halaf levels // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 129-162 (соавтор N.Ya.Merpert).
177. Yarim Tepe III: The Halaf levels // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 163-205 (соавтор N.Ya.Merpert).
178. Burial Practice of the Halaf culture // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 207-223 (соавтор N.Ya.Merpert).
179. Yarim Tepe III: The Ubaid levels // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 227-240 (соавтор N.Ya.Merpert).
180. The earliest evidence for metallurgy in ancient Mesopotamia // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 241-248 (соавтор N.Ya.Merpert).
181. Some problems in the archeology of Mesopotamia in light of recent research by the soviet expedition in Iraq // Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. Soviet excavations in Nothern Iraq. The University of Arizona Press, 1993. P. 249-255.
182. The excavations at Tell Hazna I, Syria, 1991 // Cahiers de l'Euphrate. 7. Paris, 1993. P. 161-189 (соавторы N.Merpert, N.Bader).
183. La Edad Del Bronce Anticuo en el Caucaso // 6 Coloquio Hispano-Ruso De Historia. Madrid, 1994. P. 93-121.
184. Caucaso, Culture del // Enciclopedia Dell Arte Antica. Classicue Orientale. Secondo supplemento 1971-1994. Vol. II, Roma, 1994. P. 61-67.
185. Телль Хазна: открытия и загадки // Наука и человечество. 1992-94. М., 1994. С. 40-47 (соавтор Н.Я.Мерперт).
186. The religious complex at Tell Hazna I settlement in North-East Syria // The International Colloquium «Aleppo and Silk Road». Summaries of papers, Damascus, 1994. P. 38-40 (соавтор N.Ya.Merpert).
187. Origine and development of most ancient agricultural cultures of North-East

- Syria // The International Colloquium «Aleppo and Silk Road». Summaries of papers, Damascus, 1994. P. 41-43 (соавтор N.Ya.Merpert).
188. К 75-летию Института археологии РАН // РА. 1994. № 4. С. 5-8 (соавтор К.А.Смирнов).
189. Куро-аракская культура // Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 8-57, 147-156.
190. Майкопская культура // Археология. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158-225, 356-368.
191. Da Hassuna a Accad. Scavi della Missione Rusa Nella Regione di Hassake, Siria di Nord-East, 1988-1992 // Mesopotamia. XXIX. 1994. Firenze. P. 5-48 (соавтор N.Ya.Merpert).
192. Soviet investigations in Syria // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archeology. Vol. I. No.2. September, 1994. P. 196-201 (соавторы N.Ya.Merpert и N.O.Bader).
193. Les importations d'obsidienne sur les sites des IX-VII millénaires B.P. du Djebel Sinjar, Iraq // Paleorient. Vol. 20/2, Paris, 1994. P. 5-8 (соавторы N.O.Bader and N.Ya.Merpert).
194. Предисловие от редактора. Историко-археологический альманах. М., 1995. С. 3.
195. Исследования поселения Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 326-329 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
196. Halaf culture and Djezireh // The International Colloquium «The Syrian Djezireh. Cultural Heritage and Interrelations». Summaries of papers. Damascus, 1966. P. 107-108.
197. Северо-восточный Кавказ и Ближний Восток // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). Тезисы докладов. М., 1996. С. 3-4.
198. Памяти Д.А.Халилова // РА. 1996. № 2. С. 248-249.
199. Предисловие от редактора. Историко-археологический альманах. М., 1996. С. 4.
200. Раскопки поселения Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 397-399 (Соавторы Н.Я. Мерперт и др.).
201. Итоги деятельности Института археологии РАН в 1994 году // Бюллетень Отделения истории РАН. № 1. М., 1996. С. 145-152.
202. Ближний Восток и Кавказ: проблема культурных связей в VI-III тысячелетиях до н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э., Санкт-Петербург, 1996. С. 35-36.
203. The Halaf culture: peculiarities of the V mil. B.C. North Mesopotamian Architecture // Al-Rafidan. Vol. XVIII. Tokyo, 1997. P. 69-79.
204. Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // РА. 1997. № 2. С. 5-28 (соавтор Н.Я.Мерперт).
205. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тыс. до н.э. // РА. 1997. № 3. С. 5-20.
206. Актуальные проблемы историко-археологического изучения Северного Кавказа // Историко-археологический альманах, 3, Армавир, 1997. С. 3-5.
207. Предисловие. Памятники предскифского и скифского времени на юге

- Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России, № 1. М., 1997. С. 3 (соавтор В.С.Ольховский).
208. Recent Discoveries in North-Eastern Syria in the Context of the Archeology of Caucasus: new discoveries and perspectives // International Scientifical Session. Abstracts of papers. Tbilisi, 1997, P.64-66.
209. Раскопки культово-административного центра Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 390-393 (соавторы Н.Я. Мерперт и др.).
210. Северная Месопотамия в свете новейших археологических исследований // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. Санкт-Петербург, 1998. С. 67-69 (соавтор Н.Я.Мерперт).
211. Северная Месопотамия: итоги исследований экспедиции Академии Наук, 1968-1997 годы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998. С. 421-436.
212. Российская археология на международной арене. Археология России в XX веке: итоги и перспективы // Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М., 1999. С. 53-64.
213. Институт Археологии РАН сегодня // РА. 1999. № 2. С. 5-15.
214. Кавказ и Месопотамия (из итогов российских археологических исследований на Ближнем Востоке) // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала, 1999. С. 3-5.
215. Памяти Александра Ивановича Джавахишвили // РА. 1999. № 2. С. 253-254 (соавтор О.М.Джапаридзе).
216. Важное событие в археологическом и историко-культурном изучении Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. № 4. Москва-Армавир, 1998. С. 3.
217. Новые публикации по археологии и истории Северного Кавказа // Историко-археологический альманах. № 5. Армавир-Москва, 1999. С. 3-4.
218. The excavations of settlement Tell Hazna II, 1992 // Chronique Archeologique en Syrie. Vol. I, 1992. Damascus, 1997. P. 50-52 (соавтор Н.Я.Мерперт)
219. Origin and development of most ancient agricultural cultures of North-East Syrie // Les Annales Archeologique Arabes Syriennes Revue D'Archeologie et Historie. Vol. XLIII. P. 93-95. Damascus (соавтор Н.Я. Мерперт).
220. The Religious Complex at Tell Hazna I in North-East Syria // Les Annales Archeologioue Arabes Syriennes. Revue D'Arcyeologie et Historie. Vol. XLIII, P. 218-219 (соавтор Н.Я.Мерперт).
221. Российские археологические исследования в Месопотамии // Исторические записки. 2 (120). М., 1999. С. 296-318 (соавтор Н.Я. Мерперт).
222. Исследование Телль Хазны I в Северо-Восточной Сирии // Археологические открытия 1998 года. М., 2000. С. 373-376 (соавторы Н.Я.Мерперт, Ш.Н.Амиров, Ю.Б.Цетлин, Р.Г.Магомедов, С.Элиас).
223. Северная Месопотамия: новые открытия археологов. Наука в России. 2000. № 5. С. 82-90 (соавтор Н.Я. Мерперт).
224. В английской версии того же журнала (Science in Russia. 2000. № 5.) (данная статья на англ. языке на тех же страницах).
225. Археология Северной Месопотамии в свете новейших исследований //

- Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 25-30.
226. Актуальные проблемы изучения археологии Северного Кавказа // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж. 2000. С. 31-33.
227. Древнейшая Месопотамия: некоторые итоги исследований Российской экспедиции РАН // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Махачкала. 2000. С. 11-22.
228. Введение // Институт археологии РАН сегодня. Сборник научных биографий. 2000. М. С. 4-11.
229. Крупнов Евгений Игнатьевич (1904-1970) // Институт археологии: история и современность. 2000. М.
230. Кавказ и Ближний Восток (из результатов Месопотамской экспедиции РАН // Qafqaz Albaniyasinin Etnomedeni Irsi. Beiyelxalg elmikonffransi. Baki, 21-24 May, 2001. Баку. 2001. С. 10-11.
231. Древняя Месопотамия: итоги археологических исследований Российской академии наук // Восток-Россия-Запад. К 70-летию академика В.С.Мясникова. Памятники исторической мысли. М., 2001. С. 250-272.
232. Origin and development of most ancient agricultural cultures of North-East Syria // Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes. Vol. XLIII. 1999. P. 93-96. Damascus (соавтор Н.Я.Мерперт).
233. The Religious complex at Tell Hazna I in North-East Syria // Les Annales Archeologiques Arabes Syriennes. Vol. XLIII. 1999. P. 119-124. Damascus (соавтор Н.Я. Мерперт).
234. Северная Месопотамия в свете исследований Российской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. 2 (6). С. 82-96. Новосибирск (соавтор Н.Я.Мерперт).
235. Исследования Российской экспедиции в Сирии — 1999 г. // Древний Восток. Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 5-23 (соавтор Н.Я.Мерперт).
236. Caucasus and Near East (report on the results of Mesopotamian expedition of the Russian Academy of Sciences) // History of Caucasus. The scientific-public Almanac. Baku, 2001. P. 51-53.
237. Русская версия той же статьи в том же Альманахе. С. 54- 56.
238. Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 33-35. М.
239. Герман Алексеевич Федоров-Давыдов — выдающийся ученый и просветитель // Поволжье в средние века. С. 12-13. Нижний Новгород, 2001 (соавтор К.А. Смирнов).
240. Телль Хазна I: итоги новейших исследований (1997-2000 гг.) // РА. 2001. № 4. С. 92-113 (соавтор Н.Я.Мерперт).
241. Раскопки в долине Хабура // Археологические открытия 1999 года. М., 2000. С. 305-307 (соавторы Н.Я.Мерперт, Ш.Н.Амиров и др.).
242. Раскопки Телль Хазны I в Северной Месопотамии // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 256-258 (соавторы Н.Я.Мерперт, Ш.Н.Амиров и др.).

243. Культовая башня III тыс. до н.э. в Телль Хазне 1, Сирия // *Dziebani. VI (Caucasus. Essays on the Archeology of the Neolithic-Bronze Age)*. Tbilisi, 2001. P. 51-62 (соавтор Н.Я.Мерперт).
244. Дендрохронологическая шкала Новгорода — самая надежная в мире древностей // *Вестник РАН*. Т. 72. 2002. № 2. С. 141-142 (соавтор Е.Н.Черных).
245. Новое исследование по древней истории и культуре Северо-Восточного Кавказа (вместо предисловия) // *Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Яман-Су. М., 2002. С. 5-7.*
246. *Twenty five Field Seasons of the Russian Mission in North Mesopotamia // Of Pots and Plans. Nabu Publications. London, 2002. P. 240-258* (соавтор Н.Я.Мерперт).
247. Научные связи Института археологии РАН и Воронежского Госуниверситета: этапы сотрудничества и взаимодействия // *Археология в российских университетах. Воронеж, 2002. С. 8-15* (соавтор А.Д.Пряхин).
248. Роль Института археологии РАН в изучении Волжской Болгарии и Волго-Камья // *Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань, 2002. С. 13-20.*
249. Новейшие открытия российских археологов в Северной Месопотамии и проблема возникновения древнейших цивилизаций // *Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. 2002. № 3. С. 137-150* (соавтор Н.Я.Мерперт).
250. Телль Хазна 1: раскопки 2001 года // *РА. 2002. № 4. С. 20-39.*
251. К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // *РА. 2002. № 4. С. 176-181.*
252. Новые открытия на Телль Хазне 1 (Сирия) // *Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 518-524* (соавторы Н.Я. Мерперт, В.И.Молодин, Е.Е.Антипина, Е.Ю.Лебедева, С.Элиас).
253. Н.Я.Мерперт и развитие российской археологии // *Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 3-10.*
254. Погребальный комплекс III тыс. до н.э. в Телль Хазне 1 (Северо-Восточная Сирия) // *Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 314-330.*
255. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1967-1968 гг.) // *Культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2002. С. 25-38.*
256. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры // *М., 2003. С. 1-340* (соавтор В.И.Марковин).
257. Н.Я.Мерперт и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи // *Дона-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 2003. С. 5-9* (соавтор А.Д.Пряхин).
258. Н.Я.Мерперт и изучение бронзового века Степного Поволжья // *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной конференции. Чебоксары. 2003. С. 50-57* (соавтор С.В.Кузьмин).
259. Северная Месопотамия: некоторые итоги 30-летних исследований российской экспедиции // *Scripta Gregoriana. Сборник статей в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 107-128.*

-
260. Памяти Магомеда Гаджиевича Гаджиева // РА. 2003. № 4. С. 181-183 (соавторы О.М.Давудов, Р.Г.Магомедов).
261. Телль Хазна 1: некоторые итоги работ 2002 г. // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 451-455 (соавторы Н.Я.Мерперт и др.).
262. Доктор от бога (Воспоминание о Н.Ц.Цахаеве) // Махачкалинские известия. № 39 (587). 26 сентября 2003 г.
263. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. 2004. № 1. С. 5-14.
264. Об избрании Поля Бернара иностранным членом Российской Академии наук // РА. 2004. № 1. С.184 (соавтор Г.А. Кошеленко).
265. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV-III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2004 (соавторы Н.Я.Мерперт и Ш.Н.Амиров).
266. К истории российских археологических исследований в Месопотамии // Р.М.Мунчаев, Н.Я. Мерперт, Ш.Н.Амиров. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV-III тыс. до н.э. М., 2004. С. 383-395.
267. Новейшие российские исследования Сирии // ВДИ. 2004. № 1. С. 62-75 (соавтор Н.Я.Мерперт).
268. Памяти ученого. Магомед Гаджиевич Гаджиев (1935-2003) // Вестник Дагестанского Научного Центра РАН. 14. 2003. С. 181-183 (соавторы О.М.Давудов и Р.Г.Магомедов).
269. Марковин Владимир Иванович. Страницы жизни и творчества // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004. С. 5-20.
270. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М., 2004. С. 126-144.
271. The Halaf Culture and the Jezira // The Syrian Jezira. Cultural Heritage and Interpretations. Damascus. 2002. P. 307-312.
272. Культурно-исторический процесс на Кавказе и на Балканском полуострове на стадии формирования цивилизации // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 33-43 (соавтор Н.Я.Мерперт).
273. Институт археологии РАН и развитие охранной археологии в России // 30 лет Отделу охранных раскопок. Труды Отдела охранных раскопок. Т. 2. Тула, 2004. С. 4-9.
274. Дагестанская экспедиция // 30 лет Отделу охранных раскопок. Труды Отдела охранных раскопок. Т. 2. Тула, 2004. С. 86-89 (соавтор Г. Пятых).
275. К изучению археологии Чечни // Академическая и вузовская наука — народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. М., 2004. С. 22-23.
276. Телль Хазна 1: результаты новейших исследований // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 507-512 (соавторы Н.Я.Мерперт, Ш.Н.Амиров, Ю.Б. Цетлин, Д.В.Рукавишников, Д.Ф.Мадуров).
277. Идеи С.В.Киселёва осуществляются (некоторые итоги работ российской экспедиции в Месопотамии) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.В.Киселёва. Красноярск, 2005. С. 15-17.

-
278. Исторические науки в РГНФ: итоги конкурса 2005 года и обзор проектов, завершённых в минувшем году // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. 2005. № 2 (39). С. 5-11 (соавтор П.Г.Гайдуков).
279. Телль Хазна 1 (Сирия): итоги исследований 2003 г. // КСИА. Вып. 218. М., 2005. С.114-129 (соавтор Н.Я.Мерперт).
280. Волжско-балтийские торговые и экономические связи в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Великий Волжский путь. Материалы IV этапа международной научно-практической конференции. Август 2004. Казань, 2005. С. 184-190.
281. Клад бронзовых изделий III тыс. до н.э. из Телль Хазны 1 в Северной Месопотамии // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 33-40.
282. Великий Волжский путь: прошлое, настоящее и будущее. Казань, 2005. С. 3-640 (Член редколлегии и авторского коллектива).
283. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. 2005. № 4. С. 13-21.
284. Телль Хазна 1: исследование культово-административного центра IV-III тысячелетий до н.э. в Сирии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 528-534 (соавторы Ш.Н.Амиров, Ю.Б.Цетлин, Д.В.Рукавишников, Т.В.Корниенко, Д.Ф.Мадуров, С.Элиас).
285. Предисловие к книге К.В.Воронина и В.Ю.Малашева «Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия». М., 2006. С. 5-6.
286. Дагестан, Кавказ, Месопотамия: из итогов научной деятельности // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2005. № 4. С. 51-59.
287. Исторические науки в РГНФ: результаты конкурса 2006 года // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. 2006. 2 (43). М., С. 7-12 (соавтор А.А.Малышев).
288. Ярымская эпопея // Предисловие к книге В.И.Гуляева «В стране первых цивилизаций: Ирак». М., 2006. С. 7-14.
289. Паоло Эмилио Пекорелло // РА. 2006. № 3. С. 190 (соавтор Ш.Н.Амиров).
290. Новейшие археологические открытия в Месопотамии // Первая Абхазская Международная Археологическая Конференция. Сухум, 2006. С. 65-70.
291. Памяти Владимира Александровича Башилова // РА. 2006. № 4. С. 188-189 (соавторы М.Г.Мошкова, Н.О.Бадер).
292. Волжский путь в древности // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: материалы III Халиковских чтений (Болгар, 27-30 мая 2004 г.). Казань, 2006. С. 38-53 (соавтор С.Н.Кузьминых).
293. Нам 50, или от «Советской археологии» к «Российской археологии» // РА. 2007. № 1. С. 5-12 (соавторы Беляев Л.А. и Макаров Н.А.).
294. Создание журнала «Советская археология». Первые его годы // РА. 2007. № 1. С. 13-21.
295. Телль Хазна 1: итоги исследований Сирийской экспедиции // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 352-357 (соавторы Амиров Ш.Н., Цетлин Ю.Б. и др.).

-
296. Российские археологические исследования в Месопотамии // Достояние поколений. 2007. № 1(2). С. 14-21.
 297. Перспективы развития исторической науки: по материалам конкурса РГНФ 2007 года // Вестник Российского Гуманитарного научного Фонда. 2007. № 2(47). С. 7-13 (соавтор А.А.Малышев).
 298. О книге и её авторе // В.П.Дзагурова. Гераклея Понтийская. М., 2007. С. 7-10 (соавтор Г.А.Кошеленко).
 299. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, Этнография и Фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 8-9.
 300. Доктор от бога // Наби Цахаев — доктор из Хури. Махачкала, 2007. С. 27-34.
 301. Месопотамия и Кавказ в IV-III тыс. до н.э // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2007. 3 (11). С. 59-68 (соавтор Ш.Н.Амиров).
 302. Северная Месопотамия: из итогов работ российской археологической экспедиции // Человек в культурной и природной среде. М., 2007. С. 41-50.
 303. Телль Хазна в Северо-Восточной Сирии // Институт археологии Российской Академии Наук. М., 2007. С. 66-67.
 304. К 70-летию Валерия Ивановича Гуляева // РА. 2008. № 1. С. 175-177.

В данный список не вошли более 50 статей и заметок, опубликованных в БСЭ, Советской исторической энциклопедии, Азербайджанской энциклопедии и Итальянской археологической энциклопедии.

© 2008 г.

М.Х. Багаев

КАВКАЗОВЕД — ВОСТОКОВЕД

В уходящем 2008 году всемирно известному ученому-кавказоведу и востоковеду Рауфу Магомедовичу Мунчаеву исполнилось 80 лет. Столько времени прошло с тех пор, как 23 сентября 1928 г. в небольшом городке Азербайджана — Закаталы, в дружной и счастливой лакской семье Мунчаевых родился мальчик, нареченный Рауфом, именем арабского происхождения в переводе означающим «милостивый». На протяжении всей своей жизни Рауф Магомедович старается оправдать смысл своего имени. Он всегда милостиво поступает во взаимоотношениях с людьми, с которыми ему приходится встречаться по разным жизненным случаям.

Студенческие годы Рауфа совпали с временем работы в Дагестане Северо-кавказской археологической экспедиции во главе с Евгением Игнатьевичем Крупновым и Константином Федоровичем Смирновым. Знакомство с этими, уже тогда громко заявившими о себе, учеными привели Р.М.Мунчаева в археологию. Начались активные участия в экспедициях. В 1949 г., после окончания исторического факультета Даггоспединститута (ныне университета), он поступает в аспирантуру при Институте археологии АН СССР к Е.И.Крупнову. С тех пор судьба свяжет этих двух людей крепкой дружбой на долгие годы, до самой кончины (1970 г.) Е.И.Крупнова.

Работая над кандидатской диссертацией «Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III—II тыс. до н.э.)», он с завидным энтузиазмом посещает лекции корифеев археологии С.В. Киселева, Б.Н.Гракова на кафедре археологии МГУ. Принимал участие в работе археологических экспедиций не только Кавказа, но и просторах бассейна среднего и нижнего течений Волги.

В 1953 г., блестяще защитив кандидатскую диссертацию, он возвращается в Дагестан. Здесь, в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, успешно организует археологические экспедиции в различные регионы горного края. Через два года, в 1955 г., его, как перспективного археолога-кавказоведа, при активной поддержке Е.И.Крупнова и К.Ф.Смирнова, приглашают на работу в Институт археологии АН СССР, (ныне ИА РАН), где ученый работает по сей день.

В 1957 г. по инициативе Е.И.Крупнова формируется Объединенная Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИА АН СССР, НИИ при СовМине ЧИАССР и Чечено-Ингушского краеведческого музея (СКАЭ). Заместителем начальника СКАЭ Е.И.Крупнова был назначен Р.М.Мунчаев. Давая оценку работе экспедиции в 1957—1968 гг., Р.М.Мунчаев пишет, что благодаря ее беспримерным по масштабам целенаправленным стационарным и разведочным работам был осуществлен резкий перелом в историко-археологическом изучении Чечни, что позволило исследовать важнейшие этапы историко-культурного развития чеченского народа с древнейших времен до позднего средневековья. Я горжусь, подчеркивает Р.М.Мунчаев, — тем, что в течение десятилетия до 1967 г. включительно — был активным участником этой экспедиции (в качест-

ве заместителя начальника СКАЭ и руководителя одного из ее отрядов, сначала разведочного, а затем Бамутского) и совместно с Е.И.Крупновым способствовал всем ее начинаниям. В другой части своего исследования, Р.М.Мунчаев добавляет: «...совершенно очевидно, исходя из добытых Северо-Кавказской экспедицией подъемных материалов, что территории Чечни и Ингушетии, подобно соседним с ними Дагестану и Северной Осетии, были заселены человеком уже в древнекаменном веке, начиная по крайней мере с мустьерской эпохи (80 — 35 тысяч лет назад — М.Б.). Это касается и горной части Чечни. Доказательство того, что именно с палеолита (примерно 10 тысяч лет назад — М.Б.) в Чечне, как и в других сопредельных областях Кавказа, начался культурно-исторический процесс, следует признать одним из крупных достижений Северо-Кавказской экспедиции».

В Чечне нет района, где бы Рауф Магомедович не вел археологические исследования за десять археологических сезонов. При этом самые важные и поразительные результаты были достигнуты им у села Бамут, Ачхой-Мартановского района. Здесь археолог раскопал курганы разных эпох, начиная от III тысячелетия до н.э., кончая XIV—XVI веками, а также поселения позднебронзового века (начало I тысячелетия до н.э.) недалеко от хутора Новые Аршти, на левом высоком берегу р.Фортанги. Результаты этих раскопок были взяты за основу докторской диссертации «Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы», защищенной Р.М.Мунчаевым в 1971 г. Позже она была подготовлена в печать в виде фундаментального труда под названием «Кавказ на заре бронзового века». Книга увидела свет в 1975 г. Монография была расценена специалистами как этапное событие в первобытной археологии Кавказа. Автор подверг тщательному анализу две известные на Кавказе археологические культуры — куро-аракская и майкопская (III—II тыс. до н.э.), памятники которых изучены в достаточной мере. Археолог считает, что носители куро-аракской культуры в какой-то части, вероятно, являются отдаленными предками многих коренных народов Кавказа, а майкопские племена в целом сыграли определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Кавказа.

Древности Северного Кавказа IV—II тыс. до н.э. Р.М.Мунчаев всегда изучал вкуче с памятниками Закавказья и Ближнего Востока, что помогало ученому выявлять культурно-экономические и даже этнические связи на всем пространстве столь обширного региона. Этот проверенный метод вскоре очень пригодился кавказоведу. Это случилось в 1969 г., когда, по инициативе Е.И.Крупнова, была организована Иракская археологическая экспедиция. Ее руководителем был назначен Р.М.Мунчаев.

При этом назначении учитывались: высокая квалификация Р.М.Мунчаева, как археолога, а также способность достойно представить советскую археологию в кругах международного археологического представительства (сообщества), ибо Месопотамия — это регион, где уже более 100 лет ведут исследования высококвалифицированные археологи разных стран.

Экспедиция провела в Ираке 14 сезонов. Раскопки велись на памятниках VII—V тысячелетий до н.э. таких классических для Месопотамии культур, как хассуна, халаф и убейд, по своим масштабам, методическому уровню и значимости результатов стали в полном смысле слова опорными для решения многих

проблем первобытной археологии Ближнего Востока. Так что, Р.М.Мунчаев и его соратники — крупнейшие археологи из Москвы — Н.Я.Мерперт, Н.О.Бадер, Б.А.Башилов, О.Г.Большаков, А.Куза, В.И.Гуляев, а также кавказоведы Р.Г.Магомедов, И.Г.Нариманов и многие другие с честью оправдали оказанное им доверие.

Р.М.Мунчаев довольно легко вписался в круг зарубежных археологов-востоковедов. Более того, в 1988 г. он выступил инициатором нового крупного проекта, как принято сегодня говорить. При Институте археологии АН СССР организуется Сирийская археологическая экспедиция. Руководимая с тех пор бессменно Р.М.Мунчаевым, эта экспедиция продолжает свои исследования до настоящего времени в северной Месопотамии.

На сегодняшний день Р.М.Мунчаевым опубликовано около 300 научных трудов. По ним видно, что их автора заслуженно называют кавказоведом-востоковедом. Многие его работы опубликованы в Англии, США, Германии, Франции, Японии, Ираке и т.д.

Кроме того, одиннадцать лет (1991–2003 гг.) Р.М.Мунчаев являлся директором Института археологии РАН — одного из крупнейших археологических центров в мире. В настоящее время перешел на должность Советника РАН.

Герою нашего очерка приходилось с триумфом читать лекции студентам и коллегам в Лондонском, Эдинбургском, Парижском, Берлинском, Римском, Краковском, Чикагском, Багдадском и многих других университетах мира, а также доклады на многочисленных международных симпозиумах и конгрессах.

Р.М.Мунчаев сегодня — заслуженный деятель науки РФ и республики Дагестан, профессор, член-корреспондент РАН (2000 г.), член-корреспондент Германского археологического института и Итальянского института Африки и Востока, лауреат Государственной премии России (1999 г.), кавалер Ордена Дружбы (1998 г.).

Мне посчастливилось познакомиться с ним в свои студенческие 60-е году прошлого века, а в 1966–1967 гг. участвовать в составе его археологического отряда, при раскопках Бамутских курганов эпохи ранней бронзы. Тогда же, по поручению Р.М.Мунчаева, я провел свои первые самостоятельные раскопки курганов XIV в. н.э. у селения Бамут.

В преддверии 2009 г. я поздравляю своего учителя, и друга Рауфа Магомедовича с 80-летием, желаю крепкого здоровья ему, его семье и внучке и исполнения всех задумок на 2009 год!

Ж.Ж.Руссо как-то сказал: «Каждый возраст имеет свои особые склонности, но человек всегда остается один и тот же». Рауф остался прежним — добрым, чистосердечным, порядочным, тактичным, внимательным. Он бодр, подтянут, как истинный горец — кавказец, красив и полон энергии. Недавно вернулся из Сирии, где около двух месяцев вел археологические раскопки.

Так держать, Рауф Магомедович!

CAUCASUS AND ORIENT SCHOLAR

M.H. Bagaev

The article is devoted to a famous scholar of Caucasus and Orient — Rauf Munchaev. He is internationally famous for his works and archaeological excavations in North Ossetia, Dagestan, Chechnya and other territories of Caucasus. One of his most significant undertakings is the Iraq excavations, which lasted for fourteen seasons. In 1988 R. Munchaev drew up and put forward a project about the excavations in Syria, which has been proceeding with the researches till present. The numerous works done by the scholar are made on the excavations material and deal with ancient monuments, various findings.

© 2008 г.

М.Х. Багаев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ЧЕЧНИ
В ТРУДАХ Р.М. МУНЧАЕВА

В 1957 г. по инициативе Е.И. Крупнова была сформирована Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция ИА АН СССР, Научно-исследовательского института истории, языка и литературы при Совмине ЧИ АССР и Чечено-Ингушского краеведческого музея (СКАЭ). Заместителем начальника СКАЭ Е.И. Крупнова был назначен Р.М. Мунчаев. Давая оценку работе этой экспедиции 1957–1968 гг., Р.М. Мунчаев особо подчеркивает, что благодаря ее беспримерным по масштабам и целенаправленным стационарным и разведочным работам был осуществлен резкий перелом в историко-археологическом изучении Чечни, что позволило исследовать важнейшие этапы историко-культурного развития чеченского народа с древнейших времен до позднего средневековья. «Я горжусь, — подчеркивал Р.М. Мунчаев, — тем, что в течение десятилетия — до 1967 г. включительно — был активным участником этой экспедиции (в качестве заместителя начальника СКАЭ и руководителя одного из ее отрядов, сначала разведочного, а затем Бамутского) и совместно с Е.И. Крупновым способствовал всем ее начинаниям». В другой части своего исследования Р.М. Мунчаев добавляет: «...совершенно очевидно, исходя из добытых Северокавказской экспедицией подъемных материалов, что территории Чечни и Ингушетии, подобно соседним с ними Дагестану и Северной Осетии, были заселены человеком уже в древнекаменном веке, начиная по крайней мере с мустьерской эпохи. Это касается и горной части Чечни. Доказательство того, что именно с палеолита в Чечне, как и в других сопредельных областях Кавказа, начался культурно-исторический процесс, следует признать одним из крупных достижений Северокавказской экспедиции»¹.

Его первые археологические изыскания в Чечне и Ингушетии начались в

1952 году. Именно в конце 50-х гг. XX века при его участии открыты и исследованы памятники III тыс. до н.э. — Луговое и Сержень-Юртовские поселения; курганы у сел. Бамут, станицы Мекенской и селения Бачи-Юрт. На Луговом поселении, которое находится на окраине села Мужичи в Ассинском ущелье, были открыты остатки жилищ, хозяйственные ямы, большой керамический материал, каменные зернотерки, кремневые вкладыши в составные серпы, указывающие на развитие земледелия. Osteологический материал позволил говорить о большом значении скотоводства в хозяйстве местных племен III тыс. до н.э. Выяснилось, что для этого поселения характерны основные признаки культуры и так называемого куро-аракского энеолита, яркие памятники которого ранее были открыты в Закавказье. Однако этим не ограничивается значение этого памятника. Анализ материала показал, что в нем присутствуют также характерные признаки другой большой культуры Кавказа III тыс. до н.э. — майкопской. Таким образом, наличие в Луговом поселении характерных элементов двух основных культур (куро-аракской и майкопской) Кавказа III тыс. до н.э. позволило Р.М. Мунчаеву поставить вопрос о взаимосвязях Закавказья и Северного Кавказа на заре бронзовой эпохи и говорить об определенном этно-культурном единстве населения Кавказа в это время. Эти выводы подтвердились результатом археологических раскопок 1957–1963 гг. — двух поселений у сел. Сержень-Юрт. Они показали, что культура куро-аракского энеолита была распространена и на территории Чечни. Дело в том, что Сержень-Юртовские поселения двухслойные. Нижние слои относятся к III тыс. до н.э., верхние — к IX–IV вв. до н.э. Более того, анализ материала показывает, что при всем своем своеобразии Сержень-Юртовские поселения во II–I тысячелетиях до н.э. были связаны с синхронными памятниками Ингушетии, Северной Осетии и Горного Дагестана. Тем самым, удалось обнаружить район, где сочетаются элементы кобанской и каякентско-харачоевской культур².

У Р.М.Мунчаева не отнять завидный талант, трудолюбие и самодисциплинированность. Все это проявляется в его жизни как в «поле», так и при работе в тиши рабочего кабинета. Он тщательно и глубоко продуманно разрабатывает как широкомасштабные концепции о связях древневосточного мира с Кавказом, так и частные вопросы, связанные с археологией отдельных регионов Северного Кавказа. Поэтому, во всех его научных трудах — будь то предварительные публикации по результатам тех или иных раскопок или большой раздел в важнейшем коллективном труде типа «Археология СССР» в 20-ти томах, либо очередная монография, постоянно присутствует высокий профессионализм. Он прекрасно разбирается во всех периодах древней истории Кавказа и древнего Востока. Достаточно вспомнить его обширную рецензию на книгу Д.М. Атаева «Нагорный Дагестан в раннем средневековье» (1963 г.); большие статьи по раннему железному веку Чечни, а также его исследования Бамутских позднесредневековых «кабардинских» курганов.

Одним словом, Р.М.Мунчаев является археологом-кавказоведом широкого профиля, если можно так выразиться. Так, открыв и исследовав памятники скифо-сарматского круга в приграничной зоне между Чечней и Дагестаном в конце 50-х и начале 60-х годов XX века, появились в печати первые и довольно яркие результаты работ в горах Чечни археологического отряда СКАЭ, которым

руководил Р.М. Мунчаев. Например, 1958 г. им открыт и частично исследован могильник из каменных ящиков на окраине села Бетти-Мохк, Ножай-юртовского района. Некрополь датирован им V–IV вв. до н.э. и интерпретирован как могильник оставленный автохтонами региона. В последующие годы археологические работы были продолжены. Тогда, у селений Бети-Мохк, Мескеты, Замни-Юрт, Галайты были обнаружены каменные склепы и ящики, грунтовые могилы, каменные изваяния. Наличие этих памятников в данном районе — бассейне р. Аксай — очевидно, не случайно. Дело в том, что устье мелководной реки Аксай выходит на Прикаспийскую низменность, а верховья ее теряются в горном Дагестане. Долина реки явно служила путем для проникновения в горы кочевников, особенно скифских племен³. Именно последними и оставлены каменные изваяния исследованные как Р.М. Мунчаевым, совместно с В.И. Марковиным⁴, так и автором этих строк в 1974–1985 гг.⁵.

В целом, благодаря систематическим археологическим разведкам и раскопкам отряда Р.М.Мунчаева в предгорьях и горах Чечни было обнаружено много памятников I тыс. до н.э. Скифским временем (VI–IV вв. до н.э.) датирует Р.М.Мунчаев Луговой могильник, целиком раскопанный в 1952, 1955–1957 гг.⁶. Автор не сомневается в том, что некрополь оставлен местным этносом, поддерживавший тесные связи с соседними народами, особенно со степным скифо-сарматским миром⁷.

В Чечне нет района, где Рауф Магомедович не проводил бы археологические исследования за десять археологических сезонов. При этом самые важные и поразительные результаты были достигнуты им у села Бамут Ачхой-Мартановского района. Здесь археолог раскопал курганы разных эпох, начиная от III тыс. до н.э., кончая XIV–XVI веками, а также поселение позднебронзового века (начало I тыс. до н.э.) недалеко от хутора Новые Аршти, на левом берегу р. Фортанги. К сказанному добавим, что Р.М. Мунчаевым был открыт в 1965 г. напротив хутора Новый Аршти, на правом берегу реки Фортанги, к югу от селения Ачхой-Мартан, могильник, состоящий из кромлехов. В них, как и в ряде курганов у селения Бамут, вскрыты интересные комплексы постмайкопского периода, представляющие особый культурный пласт памятников эпохи бронзы на смежных территориях Чечни, Ингушетии и Северной Осетии⁸. Результаты указанных раскопок были взяты за основу докторской диссертации «Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы», защищенной Р.М. Мунчаевым в 1971 г. Позже она была подготовлена в печать в виде фундаментального труда под названием «Кавказ на заре бронзового века». В ней Р.М. Мунчаев основательно изучил известные в археологии данные по неолиту Кавказа, а также обобщил накопленные до него данные по раннебронзовому веку Закавказья и Северного Кавказа и относящиеся к куро-аракской и майкопской культурам. Такой комплексный подход позволил ученому достаточно широко и глубоко охарактеризовать древнейший очаг земледелия и скотоводства на Кавказе и составить сводную работу, посвященную изучению эпохи ранней бронзы всего Кавказа, выявлению взаимосвязей отдельных областей Кавказа между собой на заре бронзового века, а также выяснению закономерностей их культурно-исторического развития, что вскоре подтвердили и новые научные разработки крупнейших кавказоведов М.Г. Гаджиева, С.Н. Кореневского и других археологов. Книга увидела

свет в 1975 г. Монография была расценена специалистами как этапное событие в первобытной археологии Кавказа. Автор подверг тщательному анализу две известные на Кавказе археологические культуры — куро-аракскую и майкопскую (III—II тыс. до н.э.), памятники которых изучены в достаточной мере. Археолог считает, что носители куро-аракской культуры в какой-то части, вероятно, являются отдаленными предками многих коренных народов Кавказа, а майкопские племена в целом сыграли определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Кавказа. Достаточно назвать лишь два крупных раздела этого труда — «Древнейшие бытовые памятники Чечено-Ингушетии и проблема взаимосвязей культур раннебронзового века Кавказа» и «Вопросы развития земледелия, скотоводства гончарного производства и металлургии на Кавказе в эпоху ранней бронзы», чтобы понять значимость памятников Чечни в разработке обширной проблемы, которой посвящена эта монография. Так, Р.М. Мунчаеву удалось выявить закономерность, согласно которой древние поселения Чечни располагались как на естественно укрепленных холмах (Сержень-юрт I—II; Харбузи-Дук II, близ современного районного центра Курчалой), так и на речной террасе (Луговое). Более того, если последнее тяготеет к майкопским бытовым памятникам, то Сержень-Юртовские и Харбузи-Дук II — к куро-аракским. Кроме того, археологом прослежена и такая особенность как: на Сержень-Юртовских поселениях жилые постройки располагались плотно друг к другу, а на Луговом поселении — в отдалении друг от друга, а формы жилищ выглядели как круглоплановое легкое плетенное строение турлучного типа⁹, в то время как на Сержень-Юртовских поселениях дома строили в виде квадрата, прямоугольника и даже пятиугольника, а основание стен по углам укреплялись глиняными блоками¹⁰. Наблюдения и первые выводы Р.М.Мунчаева вскоре подтвердились и во многом углубились и расширились благодаря широкомасштабным раскопкам Е.И. Крупнова и В.И.Козенковой в Сержень-Юрте. В результате полного исследования «холма-убежище» поселения Сержень-Юрт конца II-первой половине I тыс. до н.э. выявилась яркая хозяйственная и этнографическая картина прочно оседлого быта той группы населения, материальная культура которой носит условное название восточного варианта кабанской культуры. «Инфраструктура Серженьюртовского поселка на первом этапе (конец XI — начало VII в. до н.э.) характеризуется, — по заключению В.И. Козенковой¹¹, — следующими чертами:

- наличием мощеных булыжником улиц;
- наличием наземного типа зданий прямоугольной формы и лишь как исключение — овальных и многоугольных;
- сооружением фундаментов помещений из крупных камней или глинобитных блоков. Для укрепления нижних частей стен иногда использовались дубовые плахи;
- сооружением стен из плетня с обмазкой глиной (так называемого турлучного типа);
- обшивки отдельных частей помещения тонкими досками, обмазанными поверх глиной;
- применением в конструкции домов столбов, которыми крепились углы и части стен. Иногда они врывались в землю, но большей частью, вероятно, уста-

навливались на каменных площадках — опорах или на кусках старых зернотерок;

- сооружением покатных крыш. Покрытые, вероятнее всего, из камыша или травы, укладывалось на тонкие жерди;
- вымосткой полов внутри помещений обломками керамики;
- сооружением внутри домов открытых очагов из камня или глины;
- сооружением внутри помещений ям-хранилищ для запасов пищи;
- сооружением внутри дома или за его пределами культовых жертвенников; наличием на поселении сакрального дома;
- сочетанием жилых и производственных помещений.

По характеру строительные остатки, а также объекты производственной деятельности во многом близки таковым же на других поселениях Северного Кавказа, относящихся к концу II — первой половине I тыс. до н.э. Но особое сходство усматривается с другими поселениями восточного варианта кабанской культуры, такими как Алхастинское, Бамутское, Луговое и Нестеровское. Важность материалов из Сержень-Юрта заключается в том, что они наиболее доказательно и всесторонне характеризуют бытовые детали поселенческой жизни»¹².

Таким образом, выяснилось, что Р.М.Мунчаев, положивший в 1959 г. начало стационарному изучению Сержень-Юртовскому поселению, оказался прав при определении хронологии памятника — эпохи ранней бронзы и эпохи поздней бронзы — раннего железного века¹³, то есть существование на Сержень-Юртовском поселении двух разделенных значительным временным периодом бытовых остатков: раннебронзового и раннежелезного веков¹⁴.

В наше время, после систематических публикаций В.И. Козенковой результатов работ на Сержень-Юртовском поселении и могильнике, особенно после выхода ее фундаментальных монографий¹⁵, стало очевидным прозорливость Р.М.Мунчаева относительно стратиграфии и хронологии Сержень-Юртовского поселения.

Древности Северного Кавказа Р.М. Мунчаев всегда изучал и продолжает эту работу вкупе с изучением памятников Закавказья и Ближнего Востока, что помогало ученому выявлять культурно-экономические и даже этнические связи на всем пространстве столь обширного региона. Этот проверенный метод вскоре очень пригодился кавказоведу. Это случилось в 1969 г., когда, по инициативе Е.И. Крупнова, была организована Иракская археологическая экспедиция. Ее руководителем был назначен Р.М. Мунчаев. При этом учитывались такие качества, как высокая квалификация Р.М. Мунчаева, как археолога, а также способность достойно представить советскую археологию в кругах международного археологического представительства (сообщества), ибо Месопотамия — это регион, где уже более 100 лет ведут исследования высококвалифицированные археологи разных стран. Р.М. Мунчаев довольно легко вписался в круг зарубежных археологов-востоковедов. Более того, в 1988 г. он выступил инициатором нового крупного проекта, как принято сегодня говорить. При Институте археологии АН СССР организуется Сирийская археологическая экспедиция, бессменно руководимая с тех пор Р.М. Мунчаевым, эта экспедиция продолжает свои исследования до настоящего времени в Северной Месопотамии. «Результаты

таты ее деятельности получили широкую международную известность и признание, выразившееся как в публикации итогов экспедиции в многочисленных изданиях в Европе, США, Японии, Ираке и Сирии, так и в присуждении группе ее участников Государственной премии РФ в области науки за вклад в изучение истории и культуры Месопотамии»¹⁶.

Не менее примечательно и то, что материалы этой экспедиции вновь возвращают нас к проблеме переднеазиатско-кавказских связей, имевшим место в V—IV тыс. до н.э. и отразившихся на процессе сложения и развития на Кавказе оседлоземледельческих культур переднеазиатского типа (Аликемек — Азербайджане, Техут — в Армении, Гинчи — в Дагестане, Бамут — в Чечне)¹⁷. В этом ряду особое место занимает поселение Лейлатепе (Азербайджане)¹⁸, «памятник, возникший и функционировавший под значительным месопотамским влиянием». Особенно активно проникала на Кавказ урукская культура в IV тыс. до н.э. По твердому убеждению Р.М.Мунчаева, движущей силой, стимулировавшей «экспансию «урукцев» на смежные с Месопотамией, в первую очередь Анатолию и Кавказ, было стремление найти источники металла». Фундаментально звучит и другой вывод археолога о том, что «урукская культура способствовала сложению феномена Майкопа на Северном Кавказе, более того отдельные группы племен этой культуры где-то на рубеже IV—III тыс. до н.э. или в самом начале III тыс. до н.э. проникли в Предкавказье и положили начало формированию здесь майкопской культуры. Если учесть также недавно выявленные в Великенте (прикаспийский Дагестан) находки керамики, близкие и даже идентичные и типологически и технологически месопотамским (урукским) образцам, то путь продвижения ближневосточного населения через Восточный Кавказ в Предкавказье в урукский период вполне мог иметь место. Но это всего лишь одна из вероятных и возможных гипотез»¹⁹. Однако, сказанное не отрицает, а наоборот, наполняет новым содержанием тезис Рауфа Магомедовича Мунчаева, высказанный им в 2000 году на Международной научной конференции в г. Махачкала: «Всем специалистам-исследователям древних культур Кавказа очевидно, что кавказские культуры достаточно самобытны и оригинальны и нет никаких оснований выводить их из Ближнего Востока или, тем более, связывать истоки того или другого кавказского народа с далекими месопотамскими предками, в частности с шумерами, как это делают некоторые мифотворцы»²⁰. Это как бы ответ востоковеда многочисленным псевдоученым, которые пытаются убедить своих слушателей и читателей в том, что чеченцы вовсе не автохтоны Кавказа, а мигранты из древнего Востока, а точнее — потомки шумеров.

Где бы ни работал Р.М. Мунчаев: в горах ли, предгорьях или в равнинно-плоскостной зоне Чечни, он всегда умел находить общий язык с представителями местной власти и доброжелательными сельчанами, станичниками. Так было в с. Бамут, где археолог дружил с семьей Дарчиевых. Навсегда запомнился ему, по словам самого ученого, беседа с директором республиканского музея краеведения Ж. Зязиковой, писателем и прекрасным краеведом Х.Д. Ошаевым, искренняя дружба связывала его с постоянным участником СКАЭ — И.Ф. Мутовиным, да и в самой Чечне многие помнят Р.М. Мунчаева и очень тепло отзываются о нем и, постоянно передают ему приветы. Среди них есть

учителя, врачи, механизаторы, общественные деятели, ученые, в том числе и непосредственные участники экспедиций Р.М. Мунчаева — Алик Ганжуев; Наиб Хаяури; Нохчо Дарчиев; к.и.н., этнограф С.-М.А. Хасиев; доктора филологических наук, профессора Апти Тимаев и Хасан Туркаев и многие жители Чечни. До конца своей жизни были верны дружбе с Рауфом Магомедовичем Сулейман Дукузов и Якуб Вагапов.

Имя «Рауф» в переводе с арабского означает «Милостивый». На протяжении всей своей жизни Рауф Магомедович старается соответствовать смыслу этого имени во взаимоотношениях с людьми, с которыми ему постоянно приходится общаться.

Мне посчастливилось познакомиться с Рауфом Магомедовичем в студенческие (1960–1964) годы, а в 1966–1967 гг. участвовать в составе его археологического отряда, при раскопках Бамутских курганов.

Я поздравляю своего учителя и друга Рауфа Магомедовича с 80-летием, желаю крепкого здоровья ему, его семье и исполнения всех задумок на будущее.

СПИСОК НЕКОТОРЫХ РАБОТ Р.М.МУНЧАЕВА ПО АРХЕОЛОГИИ ЧЕЧНИ

1. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М., 1961.
2. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА. Вып. 84. 1961.
3. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3.
4. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
5. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963 (соавтор Е.И. Крупнов).
6. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964, № 1 (соавтор В.И. Марковин).
7. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА. Вып. 100. 1965 (соавтор В.И. Марковин).
8. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. 1. Грозный. 1966.
9. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. 1966 (соавтор А.А. Бобринский).
10. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1., Грозный, 1967 (соавтор).
11. Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // АЭС. Т. 2., Грозный, 1968.
12. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коведства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
13. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
14. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982.
15. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из курганов эпохи бронзы у сел. Бамут // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

16. Раннебронзовый век Северного Кавказа и этногенез вайнахов // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Шатой, 1991.

17. Раннебронзовый век Северного Кавказа и этногенез вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы всесоюзной научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 г. Махачкала, 1996.

18. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003 (соавтор В.И. Марковин).

19. К истории археологического изучения Чечни. Из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 годах // Культура Чечни: история и современные проблемы. 2-е изд., перераб; доп. М., 2006.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Мунчаев Р.М.* К истории археологического изучения Чечни. Из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 годах // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006, С. 32.
2. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА. Вып. 100. 1965. С. 40–49.
3. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 61–67.
4. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. №1. С. 158–164.
5. *Багаев М.Х.* Новые каменные изваяния воинов из Чечено-Ингушетии // X Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). М., 1980. С. 21–22; *он же.* Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный: 1981. С. 128–137; *Багаев М.Х., Ольховский В.С.* Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия) // СА. 1989. № 4. С. 261–267; *Багаев М.Х.* Аборигены Кавказа и кочевники // Археологическая конференция Кавказа. II. Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы Международной конференции. Махачкала, 1999. С. 19; *он же.* К истории взаимоотношений номадов и аборигенов Северо-Восточного Кавказа // «Дешт- и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов». М., 2003. С. 155–160; *он же.* Место ландшафта Кавказа в истории автохтонов и номадов // Археологические памятники раннего железного века юга России: Сборник статей. М., 2004. С. 23–32.
6. *Мунчаев Р.М.* Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 139–142.
7. Там же. С. 211.
8. *Мунчаев Р.М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из курганов эпохи бронзы у сел. Бамут // Новое в археологии Северного Кавказа М., 1986. С. 27–39; *он же.* К истории археологического изучения Чечни... С. 34.
9. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 344–345.
10. Там же. С. 345.
11. *Козенкова В.И.* Поселок-убежище кабанской культуры у аула Сержень-юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001. С. 87.
12. Там же. С. 27.
13. *Мунчаев Р.М.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3. С. 177; *он же.* Кавказ на заре... С. 337–338.
14. *Козенкова.* Поселок-убежище... С. 5.
15. *Козенкова.* Поселок-убежище...; *она же.* У истоков горского менталитета: Мо-

- гильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 3. М., 2002.
16. Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и средние века. М., 2004. С. 135.
 17. Мунчаев Р.М. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 8–9; *он же*. Кавказ на заре ... С. 367–407.
 18. Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку. 2007.
 19. Мунчаев. Урукская культура... С. 9.
 20. Мунчаев Р.М. Древнейшая Месопотамия: Некоторые итоги исследования Российской экспедиции РАН // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2000. С. 17–22.

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE ANCIENT CHECHNYA IN WORKS BY
R.M. MUNCHAEV

M.H. Bagaev

The article is devoted to the role and value of R.M. Munchaev's scientific work in studying archaeology of the Chechnya. The work contains a brief scientific biography of the archeologist, some characteristic of the basic monuments open and investigated with the assistance of R.M. Munchaev. The author states the scientist's concepts about contacts between the ancient Oriental World and Caucasus and questions connected with the archeology of separate regions of Northern Caucasus.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

© 2008 г.

В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко, Г.В. Требелева

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОН МЕРВСКОГО ОАЗИСА (ПАРФЯНСКИЙ И САСАНИДСКИЙ ПЕРИОДЫ)

На территории древнего Мервского оазиса есть район, заслуживающий особого внимания. Он расположен в юго-западной части оазиса, к западу от современного русла реки Мургаб и к югу от города Мары. Важность этого района (с историко-археологической точки зрения) определяется несколькими взаимосвязанными причинами.

Прежде всего, эта часть оазиса почти не подвергалась археологическим исследованиям. Разведывательные поездки сотрудников ЮТАКЭ, которые много лет изучали территорию Мервского оазиса, были ориентированы почти исключительно в сторону северной его окраины, а юго-западная часть только изредка была объектом их специального внимания (в конце 40-х — начале 50-х годов XX века)¹. Позднее (в 50-е годы XX в.) сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН ТССР К.А. Адыков проводил исследования средневекового торгового пути между Серахсом и Мервом и в ходе них, естественно, посетил данный район². Однако, в его итоговой публикации практически не упоминаются ранние памятники (за единственным исключением — см. ниже), все его внимание сосредоточено только на населенных пунктах средневекового времени.

После этого данный район на несколько десятилетий был забыт археологами, и только с конца 80-х годов прошлого века здесь возобновила рекогносцировочные работы группа археологов Среднеазиатской экспедиции Института археологии АН СССР (позднее — РАН) в рамках проекта по составлению археологической карты оазиса. С 1990 года, после подключения к работам группы итальянских археологов, проект приобрел международный статус (сначала советско-итальянский, а позднее туркмено-российско-итальянский).

В ходе выполнения данного проекта вся территория оазиса, включая, естественно, и данный район была подвергнута сплошному исследованию с использованием топографических карт разных лет и различных масштабов (от 1:100000 до 1:10000), аэрофотоснимков, а позднее и космоснимков. У всех обнаруженных памятников с помощью приемников GPS фиксировались географические координаты, составлялись описания памятников, собрался подъемный материал. Если при этом памятник состоял из нескольких ясно различных компонентов, то подъемный материал фиксировался отдельно по каждому из таких компонентов.

Исследования, проведенные в рамках проекта показали, что данный район в некоторых отношениях достаточно сильно отличается от центральной и северной частей оазиса. Основное отличие состояло в том, что здесь не было зафиксировано ни одного памятника ранних эпох, самые древние памятники относятся только к парфянскому времени. Более поздние эпохи были представлены памятниками сасанидского и средневекового времени, при этом последние составляли явное меньшинство.

Уже достаточно давно было установлено, что сама территория оазиса не была стабильной, а «мигрировала»³. Освоение человеком Мервского оазиса произошло в эпоху бронзы, при этом первые населенные пункты возникли в самой северной части оазиса — там, где кончались протоки дельты Мургаба. Позднее освоенная территория несколько сдвигалась к югу и одновременно расширялась благодаря усовершенствованию ирригационных систем. Кажется, что наибольшие размеры освоенная территория приобрела в ахеменидское время (по археологической классификации — эпоха Яз-III). В эпоху эллинизма освоенная территория резко уменьшается, охватывая только непосредственные окрестности Гяур-калы (Антиохия-в-Маргиане). Возрождение оазиса начинается только в парфянское время благодаря целенаправленной политике правительства: приводятся в порядок заброшенные старые и создаются новые каналы, создаются новые населенные пункты, которые, как правило, имеют регулярный план и достаточно сильные укрепления. В сасанидское время этот процесс продолжается, хотя размеры освоенной территории почти не увеличиваются, количество населенных пунктов возрастает.

Таким образом, одним из самых значимых периодов в истории оазиса был раннепарфянский, который, по нашему суждению, характеризовался беспрецедентно активным вмешательством центральной власти в жизнь конкретной историко-культурной области. Однако наши выводы могли быть в какой-то степени неполными или даже ошибочными, поскольку процесс, например, создания новых ирригационных каналов имел место там, где каналы существовали уже ранее. Поэтому юго-западный район Мервского оазиса для выявления характерных особенностей парфянской политики явно более предпочтителен, поскольку здесь не существовало прежде ни населенных пунктов, ни, соответственно каналов.

Рассмотрим ту информацию, которая была собрана при исследовании этого района. Используемая в данной статье нумерация памятников соответствует нумерации «Предварительного отчета» по проекту⁴.

Достаточно бросить даже беглый взгляд на схему расположения памятников парфянского и сасанидского времени в юго-западной части Мервского оазиса, чтобы заметить, что памятники располагаются своего рода «гнездами», каждое из которых состоит из нескольких населенных пунктов, снабжающихся водой из одного магистрального канала (рис. 1).

Одно из таких гнезд представлено памятниками № 293, 297, 927 (рис. 1, 2). Памятники № 293, 297 — это части большого комплекса руин, называемого местными жителями Кельте-Минара и отождествляемого учеными со средневековым городом Генугирдом⁵. Местоположение — N37°23'27,24" E062°01'17,52" UTM 413386E 4138687N (№293)⁶. Впервые руины были зафиксированы в конце

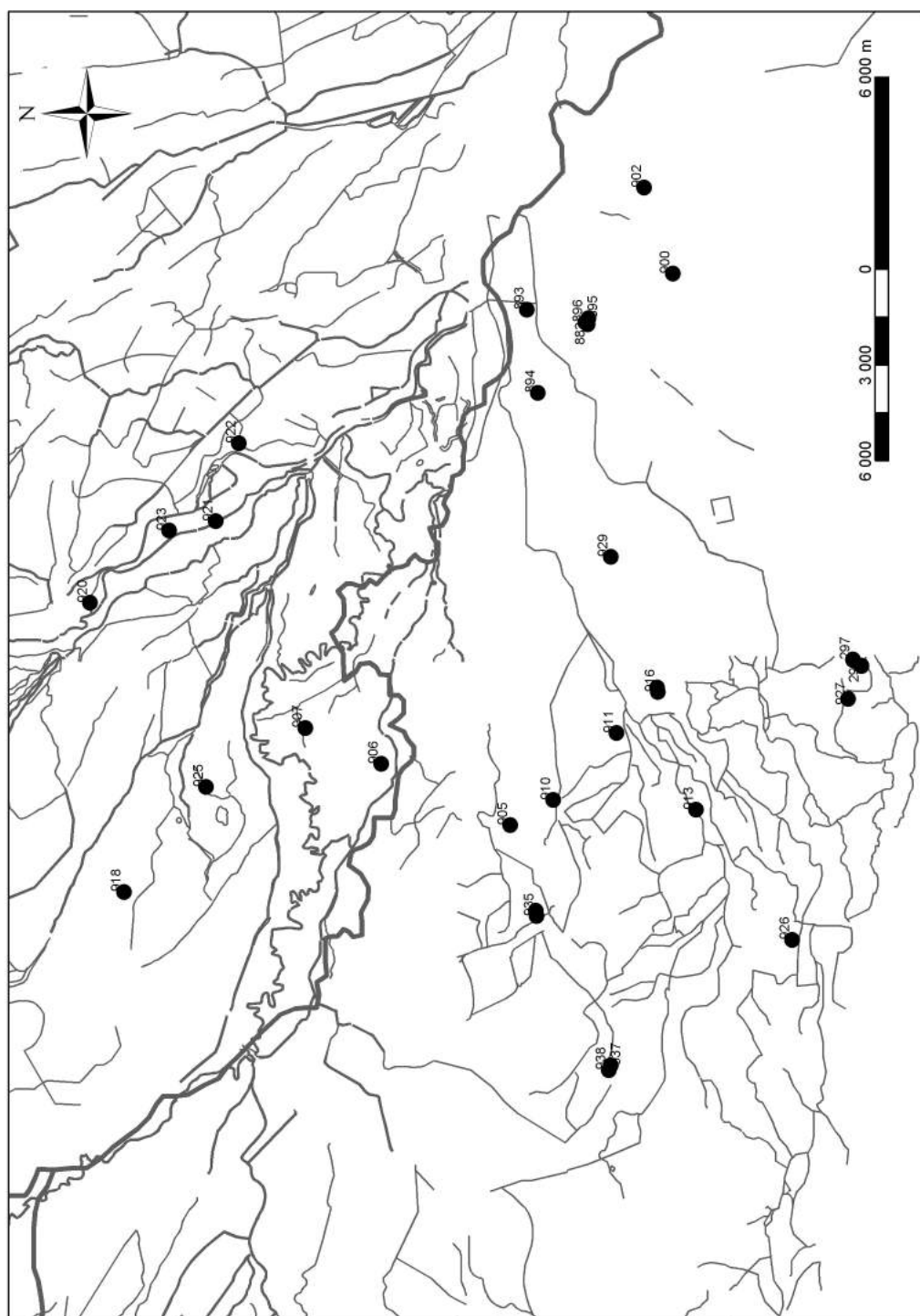

Рис. 1. Археологические памятники парфянского и сасанидского времени в юго-западной части Мервского оазиса

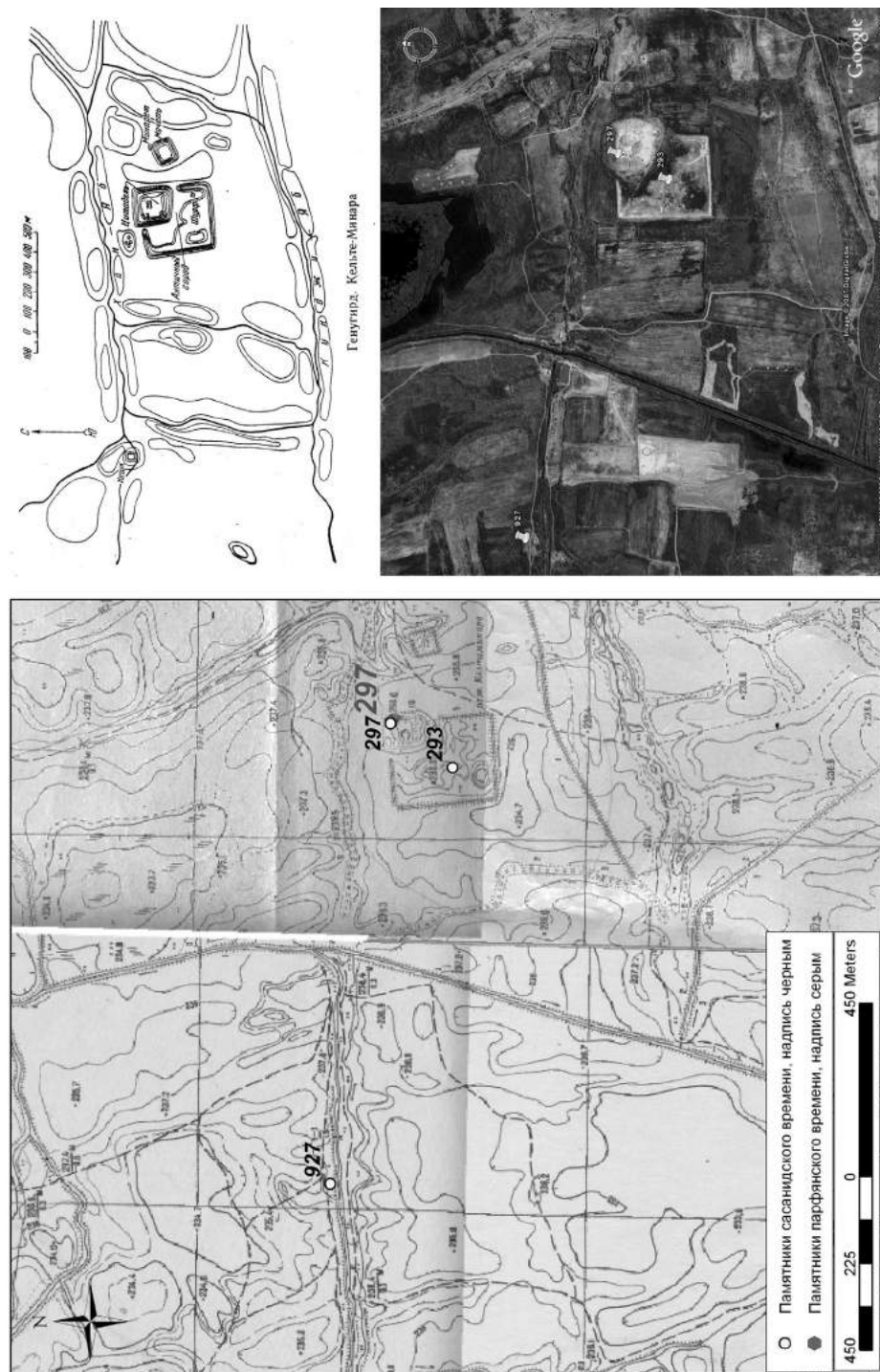

Рис. 2. Группа памятников № 293, 297, 927 (Кельте-Минора-кала, Генугирд). Топографическая карта, план по К.А. Адыкову, современный космоснимок

XIX в. В.А. Жуковским⁷. В 50-е годы XX в. К.А. Адыков в ходе исследований караванного пути из Серакса в Мерв посетил памятник, составил его план и провел шурфовку. К сожалению, о результатах раскопок в его публикации говорится только в нескольких словах. В 2001 г. памятник изучался группой сотрудников Среднеазиатской экспедиции, которые уточнили его координаты по системе GPS, собрали коллекцию керамики, соотнесли руины с аэрофотоснимками и (позднее) снимками системы Google⁸.

Таким образом, в настоящее время история данной группы памятников может быть представлена следующим образом. Возникновение населенного пункта (памятник № 293) относится к парфянскому времени, сообщение К.А. Адыкова о сероглиняной керамике в нижних слоях шурфа (с парфянскими надписями) вполне возможно указывает на раннепарфянское время. Населенный пункт был построен по регулярному плану, представляя собой почти квадрат (270x230 м по гребню стен), со стенами, сложенными из сырцового кирпича и пахсы. Стены ориентированы почти точно по сторонам света. Заметны башни — прямоугольные в плане.

Одновременно с основным прямоугольником укреплений в северо-восточном углу была создана прямоугольная цитадель размерами (современными) 125x115 м (памятник № 297). Местоположение — N37°23'32,81" E062°01'19,97" UTM 413448E 4138858N. Ее стены также были сложены из сырцового кирпича и пахсы. Интересно отметить, что населенный пункт имел (насколько это можно сейчас определить) двое ворот: в северной и восточной стенах, при этом они располагались рядом с цитаделью, что обеспечивало их большую защищенность.

В настоящее время создается впечатление, что стены цитадели на севере и востоке несколько выступают вперед по сравнению со стенами собственно поселения. Однако, это впечатление ошибочно. Оно создается благодаря тому, что цитадель существовала значительно дольше собственно поселения, над развалинами цитадели парфянского времени была возведена цитадель сасанидского времени, а затем, в свою очередь, средневековая. Слои разрушения, естественно, здесь более значительны и сползают вниз, создавая обманчивое впечатление.

В сасанидское (и средневековое) время дepe было оставлено, но населенный пункт продолжал существовать. Застройка населенного пункта этого времени, представленная сейчас оплывшими буграми, располагалась к западу, востоку и северо-востоку от цитадели. Среди них хорошо заметны руины мечети с минаретом, от которого, возможно и пошло современное название памятника.

Исследования 50-х годов показали наличие в этом месте достаточно хорошо организованной локальной ирригационной системы: к северу и югу от населенного пункта проходили два небольших канала, вода в которых текла с востока на запад. Каналы соединялись поперечными арыками, что, видимо, имело важное хозяйственное значение. Эти каналы в новое время были модернизированы. Их естественные русла были спрямлены, что хорошо видно на современном космоснимке.

Данный памятник, кажется единственным из всех памятников данного района, который был удостоен упоминания в средневековых источниках.⁹

Рис. 3. Памятник 984 (Бабаджан-депе)

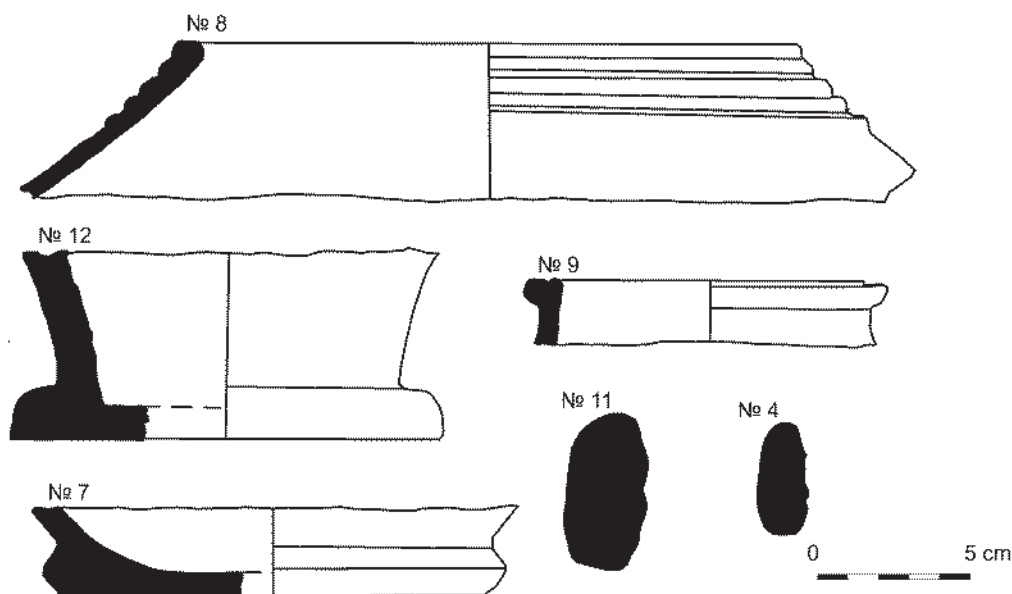

Рис. 4. Памятник № 894. Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 4 — ручка кувшина, розовая глина, ангоб светло-розовый; 7 — донце кувшина, розовая глина, ангоб серый; 8 — большой горшок, глина розовая, ангоб светло-розовый (только снаружи); 9 — венчик небольшого кувшина, розовая глина, светло-серый ангоб (только снаружи), верхняя поверхность покрыта красной краской, что (с некоторыми сомнениями) может говорить о парфянском времени сосуда); 11 — ручка кувшина, розовая глина, светлый ангоб; 12 — донце кувшина, розовая глина, светлый ангоб (только снаружи)

В эту группу входит также безымянный памятник № 927. Насколько нам известно, в литературе памятник не отмечен. Памятник исследовался в ходе разведочных маршрутов сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995г.¹⁰. Местоположение — N37°23'37,30" E062°00'33,31" UTM 412303E 4139008N. Представляет собой маленький кешк (размеры: 15x15 м.), существовавший в сасанидское и домонгольское время.

Эта группа памятников расположена достаточно изолированно, в самой южной части освоенной человеком территории оазиса. Вода сюда поступала из довольно длинного канала, выведенного из одной из протоков реки Мургаб (с нашей точки зрения, той самой, которая стала главным руслом Мургаба в новое время)¹¹.

Несколько севернее находится группа памятников, базирующаяся также на достаточно большом арыке Сухти-яб. В эту группу входят следующие памятники: №№ 894, 911, 913, 915, 916, 926, 929 (рис. 1).

Памятник № 894 (Бабаджан-депе). Местоположение — N37°28'55,18" E062°06'57,78" UTM 421848E 4148711N. Памятник представлен на схеме

Рис. 5. Памятник № 911

К.А. Адыкова, но в тексте он не упоминается¹². Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.¹³ Представляет собой депе квадратное в плане, размерами 85х85 м. по подножью (рис. 3). Памятник возник в сасанидское время, продолжал существовать в средневековое (до X в.). В подъемном материале довольно много типичной керамики сасанидского периода, имеются также фрагменты, которые с известной долей сомнения могут быть отнесены к позднепарфянскому периоду (рис. 4).

Памятник № 911. Название не известно. Местоположение — N37°27'35,68" E061°59'45,16" UTM 411197E 4146367N. Насколько нам известно, в литературе не отмечен. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.¹⁴ Судя по подъемному материалу, памятник существовал в парфянское и сасанидское время. Кажется, имел квадратный план, стороны ориентированы по странам света. Размеры: 75х75 м. по подножью. Вся окружающая территория снивелирована (рис. 5). На памятнике собрана достаточно представительная коллекция керамики парфянского и сасанидского времени (рис. 6, 7, 8). Также

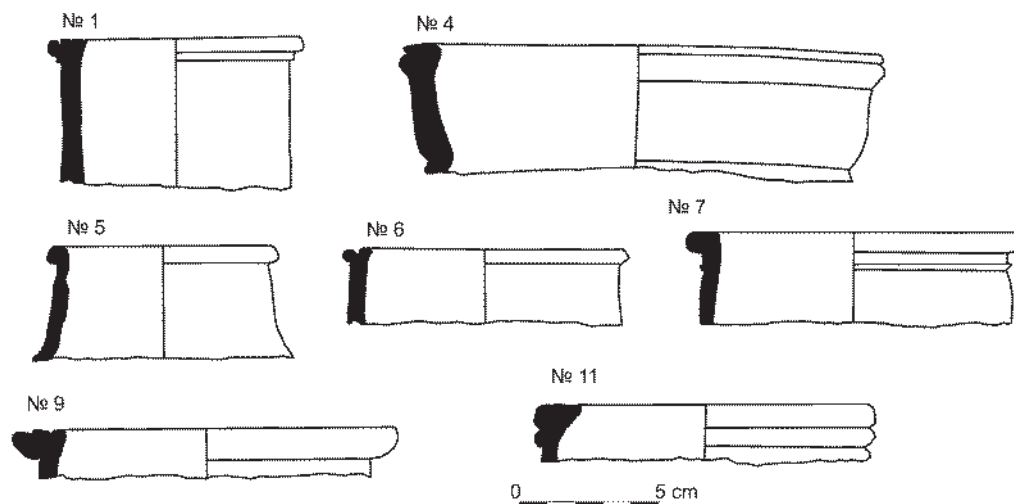

Рис. 6. Памятник № 911. Керамика парфянского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 1 — венчик кувшина розовой глины со светло-желтым ангобом; 4 — верхняя часть чаши, глина розовая, ангоб почти белый; 5 — венчик кувшина, глина розовая, без ангоба, верхняя поверхность покрыта красной краской; 6 — венчик кувшина, глина желтая, ангоб белый; 7 — венчик кувшина, глина и ангоб, как у предыдущего экземпляра; 9 — венчик кувшина, глина желтая, ангоб почти белый; 11 — венчик кувшина, глина желтая, ангоб светло-желтый

найдена бронзовая монета, очень плохой сохранности, видимо, маргианского чекана первых веков н.э.

Памятник № 913 (Дингли-депе). Местоположение — $N37^{\circ}26'10,59''$ $E061^{\circ}58'07,813''$ UTM 408777E 4143771N. Насколько нам известно, в литературе не отмечен. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.¹⁵ Имел квадратный план, углы ориентированы по странам света с небольшим отклонением. Размеры: 90x90 м. по подножью. В северо-восточном углу — небольшая цитадель (рис. 9). Говорить о наличии неукрепленного поселения вокруг памятника не представляется возможным. Судя по подъемному материалу, памятник существовал в парфянское и сасанидское время, может быть даже в эпоху средневековья, судя по единичным находкам: фрагменту чаши с зеленой поливой и фрагменту стеатитового сосуда (рис.10).

Памятник № 915 (Чилим-депе). Местоположение — $N37^{\circ}26'51,63''$ $E062^{\circ}00'44,60''$ UTM 412643E 4144994N. Насколько нам известно, в литературе не отмечен. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции¹⁶. Размеры городища — примерно 115x100 м. Памятник, в целом, не имеет регулярного плана, однако, восточная стена его, кажется, проведена по прямой линии (рис. 11). Вполне возможно, что памятник имел первоначально более регулярный план, искаженный позднее. В юго-западном углу находится небольшое возвышение, имевшее первоначально квадратный план. Вполне вероятно, что

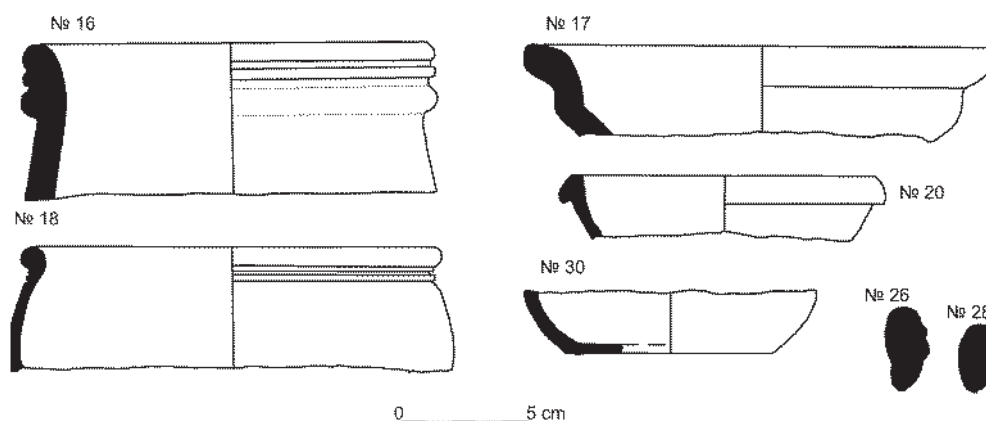

Рис. 7. Памятник № 911. Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 16 — венчик большого кувшина, глина желтая, ангоб светло-зеленый; 17 — венчик чаши, глина розовая, ангоб светлосерый; 18 — верхняя часть небольшого горшка, глина — желто-серая, ангоб зеленоватый; 20 — миниатюрная чаша, глина — желто-серая, ангоб зеленоватый; 26 — ручка кувшина, глина серая, глина — желто-серая, ангоб зеленоватый; 28 — ручка кувшина — глина розовая, ангоб зеленоватый; 30 — донце небольшого горшочка, серо-зеленая глина, ангоб цвета теста.

это — остатки цитадели. Памятник возник в парфянское время. Он продолжал существовать и в сасанидское время. Все пространство вокруг памятника подверглось глубокой распашке и в настоящее время ничего нельзя сказать о том, существовала ли застройка вокруг памятника к востоку от него. Небольшое количество подъемной керамики средневекового времени позволяют думать, что какая-то часть территории была обжита и тогда. К западу от памятника, в непосредственной близости от него — следы старого арыка.

Памятник № 916 представляет собой остатки обширного поселения к западу от Чилим-депе. Местоположение — $N37^{\circ}26'50,14''$ $E062^{\circ}00'38,71''$ UTM 412498E 4144950N. Площадь его определяется приблизительно: 200x250 м. На поверхности заметны следы застройки и находится обильный подъемный материал. Очевидно, что поселение существовало одновременно с Чилим-депе.

Памятник № 926 (Чемче-депе). Местоположение — $N37^{\circ}24'33,62''$ $E061^{\circ}55'24,50''$ UTM 404729E 4140827N. Расположен в середине центральной усадьбы колхоза «Коммунизм» (название 1995 г.). К.А. Адыков зафиксировал этот памятник на своей схеме, но в тексте объект даже не упомянут¹⁷. Сотрудниками Среднеазиатской экспедиции исследовался в 1995 г.¹⁸ Квадратный в плане, стороны ориентированы по странам света с небольшим отклонением. Размеры: 70x70 м. (рис. 12). Вся окружающая территория сnivelирована и

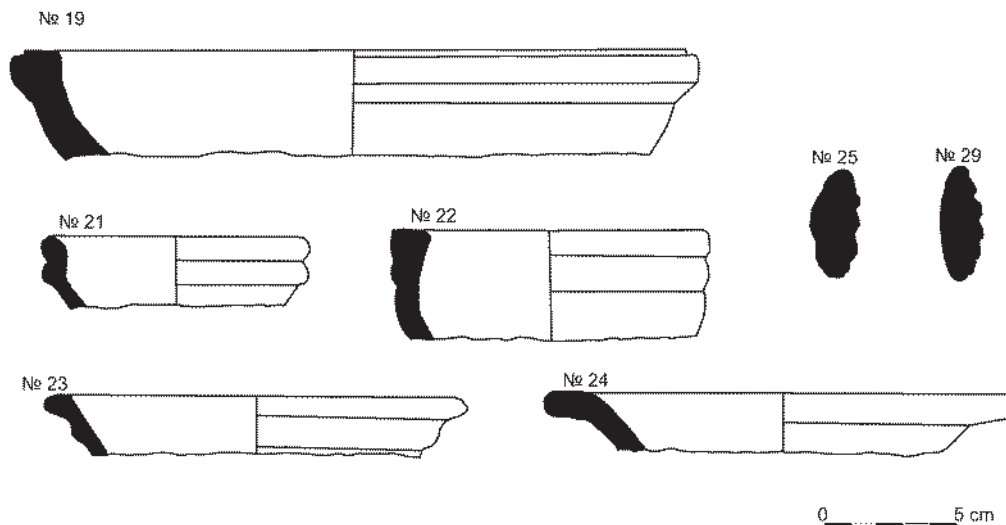

Рис. 8. Памятник № 911. Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 19 — верхняя часть большой миски, глина серо-розовая, ангоб зеленоватый (очень толстый слой); 21 — верхняя часть маленькой чаши, глина серо-зеленоватая, ангоб цвета теста; 22 — верхняя часть маленькой чаши, глина серо-зеленоватая, ангоб цвета теста; 23 — верхняя часть маленькой чаши, глина коричневая, ангоб серый; 24 — верхняя часть маленькой чаши, глина коричневая, ангоб светлый; 25 — ручка кувшина, глина розовая, ангоб серый; 29 — ручка кувшина, глина розовая, ангоб серый

скрыта растительностью и постройками, поэтому говорить о наличии поселения вокруг дepe крайне затруднительно. Судя по подъемному материалу, памятник существовал в парфянское и сасанидское время, небольшое количество средневековой керамики может свидетельствовать о частичном обживании в домонгольское время (рис.13).

Памятник № 929 (Йилбарс-депе). Местоположение — N37°27'41,82" E062°03'26,33" UTM 416632E 4146500N. Памятник был зафиксирован А.К. Адыковым на его схеме, но никак не представлен в тексте¹⁹. Судя по публикации терракотовых статуэток²⁰, памятник посещался и сотрудниками ЮТАКЭ, но в литературе этот факт специально не зафиксирован. Объект обследовался группой сотрудников Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.²¹ и повторно — в 2001 г.²². Памятник представляет собой городище, состоящее из центрального бугра, подпрямоугольного в плане, размерами 80x100 м, высотой до 10 м, и окружающего его прямоугольника стен (шахристана?) размером 230x200 м, с высотой стен до 3 м., разрушенного в северо-восточном углу. Памятник ориентирован по странам света с небольшим отклонением²³ (рис. 14). Городище возникло в парфянский период и продолжало существовать в сасанидское время. Заметны следы застройки вокруг памятника, особенно на юго-востоке.

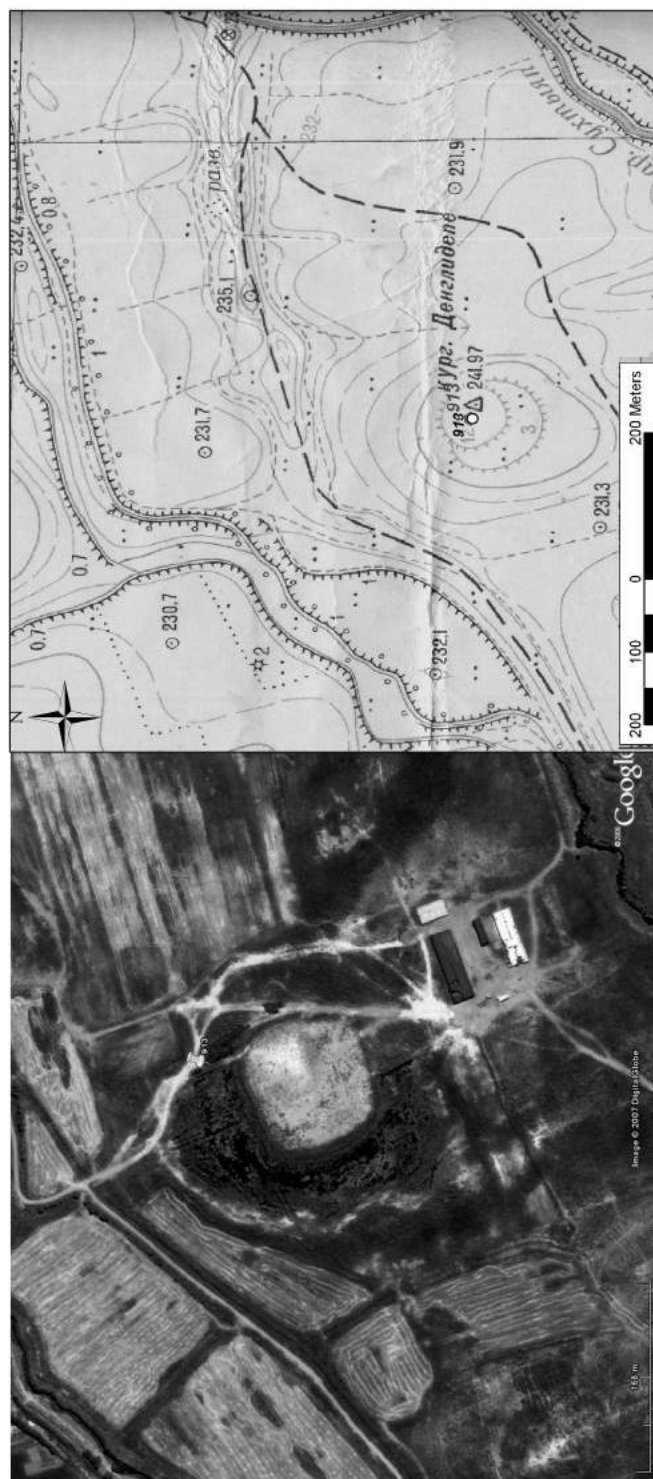

Рис. 9. Памятник № 913 (Дингли-деп). Космоснимок и топографическая карта

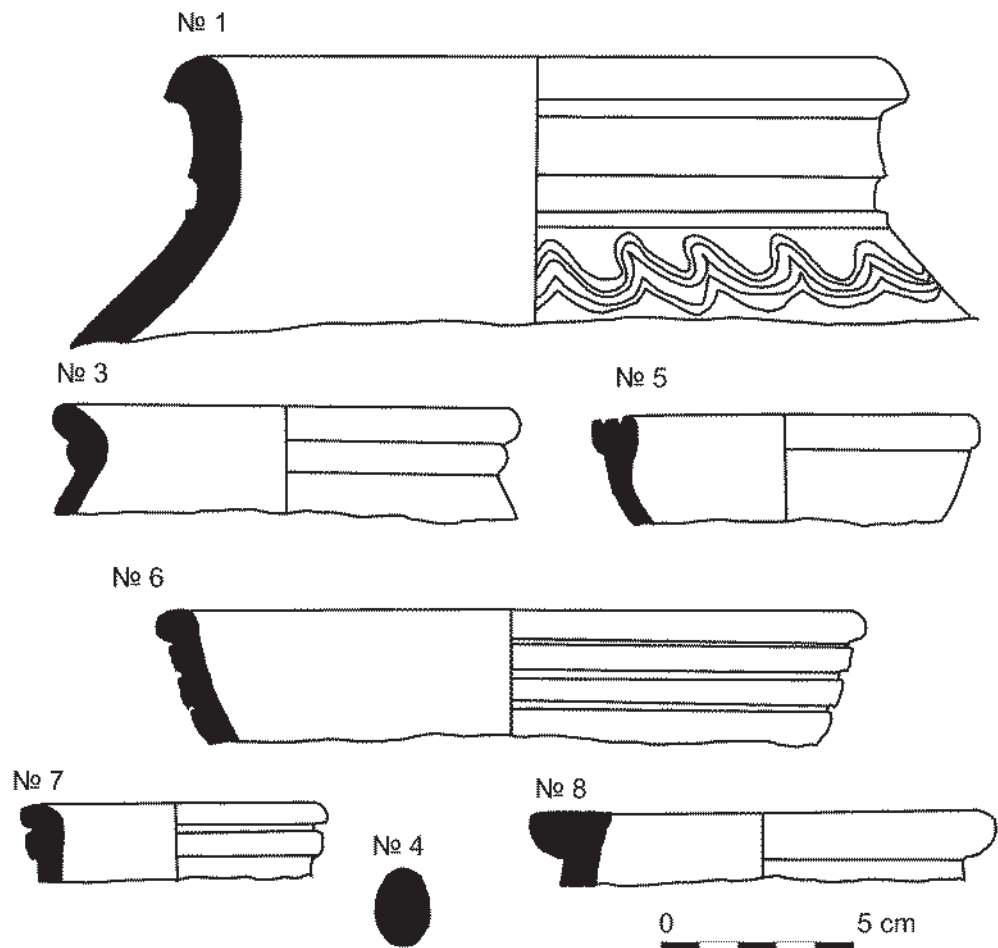

Рис. 10. Памятник № 913. Керамика парфянского и сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 1 — верхняя часть большого кувшина, глина светло-коричневая, ангоб зеленоватый; 3 — верхняя часть небольшого горшка или чаши, глина розовая, ангоб очень светлый, почти белый; 4 — ручка небольшого кувшина, глина желтая, ангоб светло-зеленоватый; 5 — венчик небольшого кувшина, желтая глина, светло-зеленоватый ангоб; 6 — верхняя часть небольшой чаши, глина коричнево-розовая, ангоб того же цвета, но чуть более светлого оттенка; 7 — венчик небольшого кувшина, глина розовая, ангоб светлый ангоб; 8 — венчик небольшого кувшина, такие же глина и ангоб. Парфянскими можно считать №№ 3, 4, 5, остальные — сасанидскими

Рис. 11. Памятник № 915 (Чилим-депе)

Несколько севернее — на другом ответвлении того же самого канала — расположена еще одна группа памятников. Она включает в себя №№ 905, 910, 934, 935, 937, 938.

Памятник № 905 (Геок-депе). Местоположение — N37°29'21,10" E061°57'47,24", UTM 408336E 4149647N. Городище расположено на юго-западной оконечности поселка Мургаб. Данный памятник кратко упоминается В.А. Жуковским, но никак не описывается²⁴. К.А. Адыков зафиксировал его на своей схеме, но в тексте также не упомянул²⁵. Объект обследовался в 1995 г. сотрудниками Среднеазиатской экспедиции²⁶. Населенный пункт возник, очевидно, в парфянское время, имел подквадратный план (200x180 м. по подножью) и был окружен стеной (рис. 15). Направление стен примерно совпадает с направлением сторон света. В северо-западном углу заметны следы мощной цитадели²⁷.

Крепость продолжала существовать и в сасанидское время, как показывает подъемный материал (рис. 16, 17). Небольшое количество керамики эпохи

Рис. 12. Памятник № 926 (Чемче-депе). Космоснимок и топографическая карта

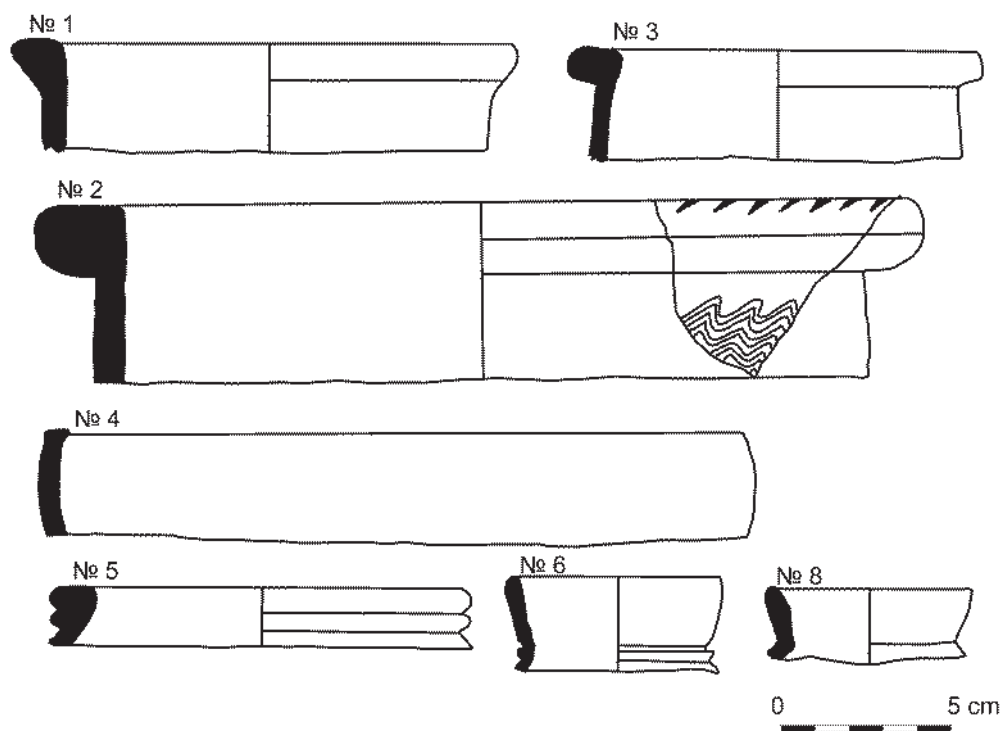

Рис. 13. Памятник № 926. Керамика парфянского и сасанидского времени. Керамика парфянского и сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 1 — венчик кувшина, серая глина, ангоб цвета теста (парфянское время); 2 — венчик большой чаши, серая глина, ангоб — серо-зеленоватый (вероятнее всего, поздне-сасанидское время); 3 — венчик кувшина, розовая глина ангоб цвета теста (парфянское время); 4 — венчик чаши, розово-коричневая глина, серый ангоб (парфянское время); 5 — венчик небольшого горшочка, серая глина, серый ангоб (парфянское или раннесасанидское время); 6 — венчик небольшого кувшина, розовая глина, ангоб светлый с зеленоватым отливом (сасанидское время); 8 — венчик небольшого кувшина, глина розовая, ангоб цвета теста (парфянское или раннесасанидское время)

Рис. 14. Памятник № 929 (Йилбарс-депе). Космоснимок и топографическая карта

Рис. 15. Памятник № 905 (Геок-депе). Космоснимок и топографическая карта

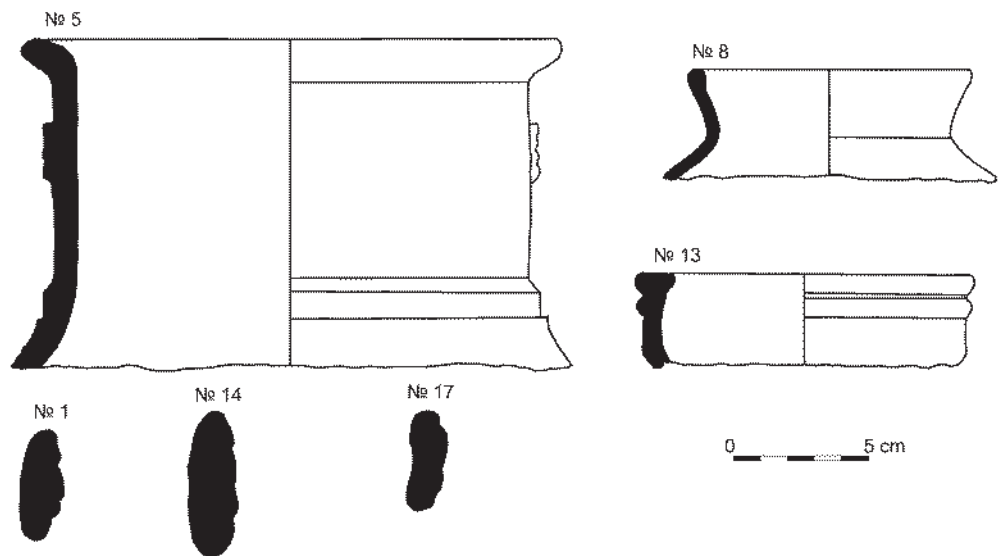

Рис. 16. Памятник № 905 (Геок-депе). Керамика парфянского и сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 1 — ручка кувшина, розовая глина, ангоб цвета теста (сасанидское время); 5 — верхняя часть кувшина, глина розовая, ангоб светлый (сасанидское время); 8 — верхняя часть горшочка, глина розовая, ангоб того же цвета, но чуть более светлого оттенка (парфянское время); 13 — верхняя часть чаши, желто-розовая глина, светлый с зеленоватым оттенком ангоб (сасанидское время); 14 — ручка кувшина, розовая глина, ангоб цвета теста (сасанидское время); 17 — ручка кувшина, розово-желтая глина, ангоб светлый с зеленоватым оттенком (сасанидское время).

средневековья позволяет предполагать, что частично памятник обжигался и в средневековое время. К югу от него имеются следы обживания в виде оплывших небольших бугров, однако, определить время существования этой застройки не представляется возможным. Хорошо заметны каналы, снабжавшие городище и его поля водой. Канал проходит с северо-востока. Извилистое русло канала свидетельствует о его древности. Он проходит несколько севернее памятника и затем от него отделяется протока, идущая на юг, чуть западнее собственно памятника. Здесь канал поворачивает и уходит в юго-западном направлении.

Памятник № 910. Название не известно. Местоположение — N37°28'36,60" E061°58'17,44" UTM 409062E 4148268N. Насколько нам известно, в литературе памятник донныне отмечен не был. Он исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.²⁸ Судя по подъемному материалу, памятник существовал в парфянское и сасанидское время. В настоящее время контуры деппе сильно оплыли, но кажется, памятник представлял в плане квадрат, углами

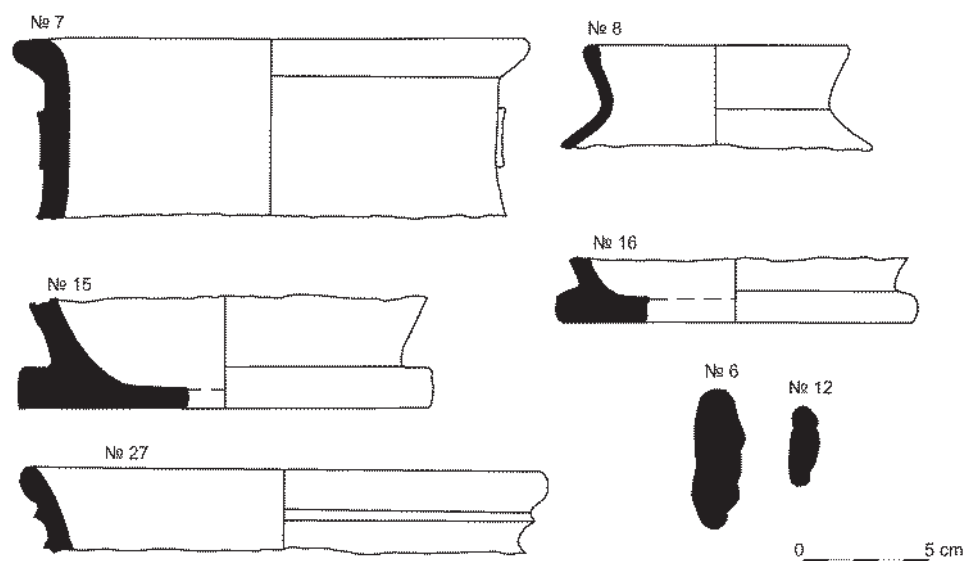

Рис. 17. Памятник № 905 (Геок-депе). Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 6 — ручка кувшина, розовая глина, светлый с зеленоватым отливом ангоб; 7 — верхняя часть большого кувшина, розовая глина, светлый ангоб с зеленоватым оттенком; 12 — ручка кувшина, розово-желтая глина, ангоб светлый; 15 — донце кувшина, желтая глина, светлый очень плотный ангоб (сасанидское время); 16 — то же самое; 27 — верхняя часть чаши, глина желто-розовая, ангоб светлый с зеленоватым отливом

ориентированный по странам света, размерами примерно 35x30 м. (рис. 18). Южная часть памятника была срезана при строительстве современного оросительного канала.

Памятник № 934 (Яссы-депе). Местоположение — N37°28'54,64" E061°55'55,64" UTM 405586E 4148863N. Насколько нам известно, памятник в литературе не зафиксирован. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.²⁹ Памятник существовал в парфянское и сасанидское время. Городище в плане представляет собой квадрат со сторонами, почти точно соотношенными со странами света. Размеры объекта у основания: 85x85 м. (рис. 19). Заметны следы стен, сложенных из сырцового кирпича и пахсы.

Памятник № 935. Название не известно. Местоположение — N37°28'52,93" E061°56'00,12" UTM 405695E 4148809N. В литературе, насколько нам известно, не зафиксирован. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³⁰ Расположен в непосредственной близости от Яссы-депе. В плане представляет собой прямоугольник со сторонами, несколько отклоняющимися от направлений сторон света³¹. Размеры: 15x15 м. Возник в сасанидское время,

Рис. 18. Памятник № 910

продолжал существовать и в до-монгольское время.

Памятник № 937 (Шехетли-депе). Местоположение — $N37^{\circ}27'37,77''$ $E061^{\circ}52'41,27''$ UTM 400784E 4146549N. В литературе, насколько нам известно, не зафиксирован. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³² Представляет собой памятник квадратного (даже ромбовидного) плана с углами ориентированными по странам света. Размеры: 120x120 м. (рис. 20). Возник в парфянский период, продолжал существовать и в сасанидский. Достаточно хорошо заметны остатки крепостной стены, выполненной, очевидно, из сырцового кирпича и пахсы. Фиксируются также остатки угловых башен, в частности, хорошо сохранилась юго-западная башня. К востоку от памятника хорошо заметны следы древнего ирригационного канала.

Памятник № 938. Местоположение — $N37^{\circ}27'39,76''$ $E061^{\circ}52'35,30''$ UTM 400638E 4146612N. Представляет собой неукрепленное поселение вокруг Шехетли-депе. На космоснимке хорошо заметны следы регулярной планировки поселения. В литературе не зафиксировано. Обследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³³. В настоящее время поселение окружает

Рис. 19. Группа памятников № 934 (Яссы-депе) и № 935

депе с трех сторон: с севера, запада и юга. К востоку от депе и поселения проходит канал, территория за которым сильно сnivelирована современными полями. Общая площадь — примерно 450х650 м. Судя по подъемному материалу, собранному в ходе разведочных маршрутов, поселение существовало в парфянское, сасанидское и домонгольское время.

В непосредственной близости от современного русла реки Мургаб (которое в древности являлось одним из протоков дельты) находится еще одна группа памятников, включающая в себя следующие №№ 883, 893, 895, 896, 900, 902.

Памятник № 883 (Элим-депе Западное). Местоположение — N37°28'06,04" E062°08'24,24", UTM 423958E 4147177N. Памятник отмечен К.А. Адыковым (как Алым-депе) на схеме, но в тексте не упомянут³⁴. Обследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³⁵ Городище представляет собой подквадратное в плане депе размерами (по основанию) примерно 90х80 м (рис. 21). Направление стен почти совпадает со сторонами света. Поселение возникло в парфянское время и продолжало существовать в сасанидский период. Сре-

Рис. 20. Группа памятников № 937 (Шехетли-депе) и № 938

ди подъемного материала встречается небольшое количество керамики домонгольского времени, что позволяет предположить по крайней мере частичное обживание памятника и в это время³⁶.

Памятник № 893. Местоположение — N37°29'09,16" E062°08'44,46", UTM 424472 4149117N. В литературе, насколько нам известно, не зафиксирован. Обследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³⁷ Представляет собой подквадратное в плане депе. Размеры: 80x70 м. (рис. 22). Стороны депе почти совпадают со сторонами света. Возник населенный пункт в парфянское время, продолжал существовать в сасанидский период.

Памятник № 895 (Элим-депе Восточное). Местоположение — N37°28'04,67" E062°08'34,48" UTM 424209E 4147132N. Находится в непосредственной близости от памятника № 883 (к юго-востоку от последнего). Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³⁸ Представляет собой поселение с нерегулярным планом. Приблизительные размеры: 120x170 м. Возникло в парфянское время, продолжало существовать в сасанидское и средневековое

Рис. 21. Группа памятников № 883 (Элим-депе Западное), № 893, № 895 (Элим-депе Восточное)

время. Его можно считать неукрепленным населенным пунктом рядом с памятником № 883.

Памятник № 896. Местоположение — $N37^{\circ}28'11,41''$ $E062^{\circ}08'35,77''$ UTM 424242E 4147339N. Неукрепленное поселение рядом с памятником № 883 (к северо-востоку от последнего). В литературе не зафиксировано. Памятник исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.³⁹ Оно имеет нерегулярный план и приблизительные размеры: 700x400 м. Поселение возникло в парфянское время, продолжало существовать и в сасанидское время, как показывает подъемный материал, небольшое количество керамики и иных находок (фрагмент стеатитового сосуда с просверленным отверстием) позволяет предполагать о продолжении жизни на поселении также и в средневековое время⁴⁰.

Памятник № 900 (Дех-Мастак-депе). Местоположение — $N37^{\circ}26'38,32''$ $E062^{\circ}09'27,17''$, UTM 425479E 4144459N. В литературе, насколько нам известно, памятник не отмечен. Обследовался сотрудниками Среднеазиатской экспеди-

Рис. 22. Памятник № 893

ции в 1995 г.⁴¹ Представляет собой дөпө квадратное в плане. Размеры: 80x80 м. (рис. 23). Памятник возник в парфянское время, продолжал существовать и в сасанидское время, как показывает подъемный материал (рис. 24). Достаточно хорошо заметны следы древних каналов в окрестностях памятника: с севера, юга и запада.

Памятник № 902. Местоположение — N37°26'26,80" E062°09'39,45", UTM 425778 E 4144102N. Название неизвестно. Насколько мы знаем, в литературе не зафиксирован. Исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.⁴² Представляет собой памятник нерегулярного плана в непосредственной близости от памятника № 900. Вероятно, является неукрепленным поселением рядом с дөпө. Размеры: 220x150 м. Подъемный материал очень незначителен, встречены фрагменты керамики парфянского и средневекового времени.

Небольшая группа памятников также находится в непосредственной близости от современного русла реки Мургаб, но севернее предыдущей. Она включает в себя только 2 памятника: №№ 906 и 907.

Рис. 23. Группа памятников № 900 (Дех-Мастак-депе) и № 902

Памятник № 906 (Куйрукли-депе). Местоположение — N37°31'33,91" E061°59'06,20" UTM 410319E 4153719N. Насколько нам известно, в литературе не отмечен. Исследовалось сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.⁴³ Находится внутри застройки современного поселка (рис.25). Данный населенный пункт возник в парфянское время. Он имеет прямоугольный план и размеры 200x160 м. Стены примерно соотнесены со странами света. Городище было окружено стеной, выполненной из сырцового кирпича и пахсы. На западном фасае в середине куртины заметны остатки прямоугольной башни. Юго-западный угол был занят цитаделью. Ворота располагались в середине двух стен: западной и южной. Памятник продолжал существовать и в сасанидское время. Наличие современной застройки в непосредственной близости от памятника не позволяет решить вопрос о том, существовало ли неукрепленное поселение вокруг ядра памятника. К северу и югу от городища проходят ирригационные каналы, при этом южный (Ашала-яп) — безусловно древнего происхождения. Имеются также следы рынков, соединяющих эти каналы.

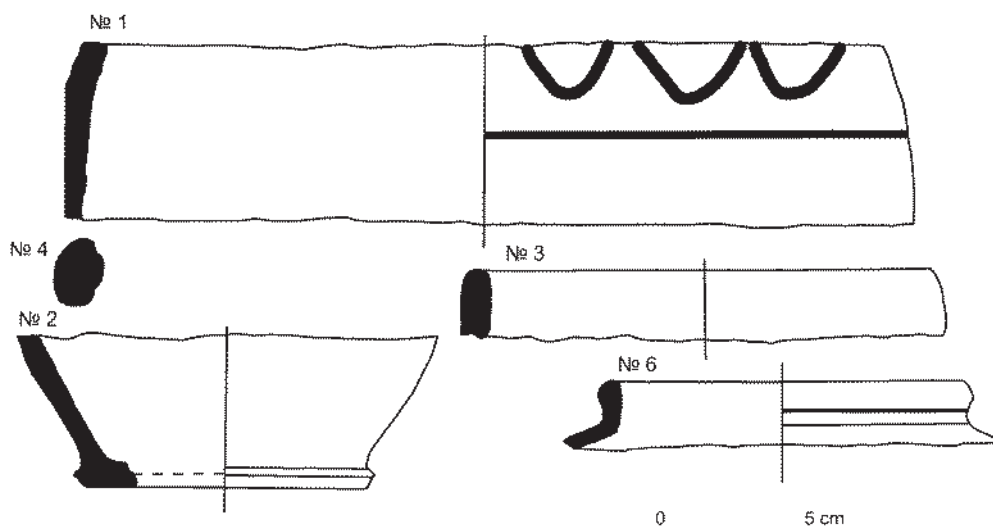

Рис. 24. Памятник № 900 (Дех-Мастак-депе). Керамика парфянского и сасанидского времени. Керамика парфянского и сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 1 — большая миска, желто-зеленая глина, ангоб цвета теста (сасанидское время); 2 — донце небольшого кувшина, глина ярко-розовая, ангоб светло-розовый (парфянское время); 3 — лепной сосуд, черная глина (время определить нельзя); 4 — ручка кувшина, глина желтая, ангоб цвета теста (сасанидское время); 5 — венчик небольшого горшка, розовая глина, ангоб — желто-зеленый (сасанидское время); 6 — венчик небольшого горшка, розовая глина, ангоб — желто-зеленый (сасанидское время)

На памятнике собран обильный подъемный материал, состоящий из керамики парфянского и сасанидского времени (рис. 26, 27, 28, 29). Здесь же найдена фрагментированная терракотовая статуэтка всадника.

Памятник № 907 (Чиш-депе). Местоположение — $N37^{\circ}32'49,38''$ $E061^{\circ}59'46,34''$, UTM 411329E 4156035N. Насколько нам известно, в литературе не отмечен. Памятник исследовался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции в 1995 г.⁴⁴. Данный населенный пункт был создан в парфянское время⁴⁵. Он имеет подквадратный план и размеры 115x110 (Рис. 30). Памятник ориентирован углами по странам света с небольшим отклонением. Был окружен стеной, выполненной из сырцового кирпича и пахсы. Северо-восточный угол был занят цитаделью. Ворота, очевидно, располагались в середине восточной стены и прикрывались с одной стороны высокими стенами цитадели, а с другой — угловой юго-восточной башне, хорошо заметной поныне. Все окружающее горо-

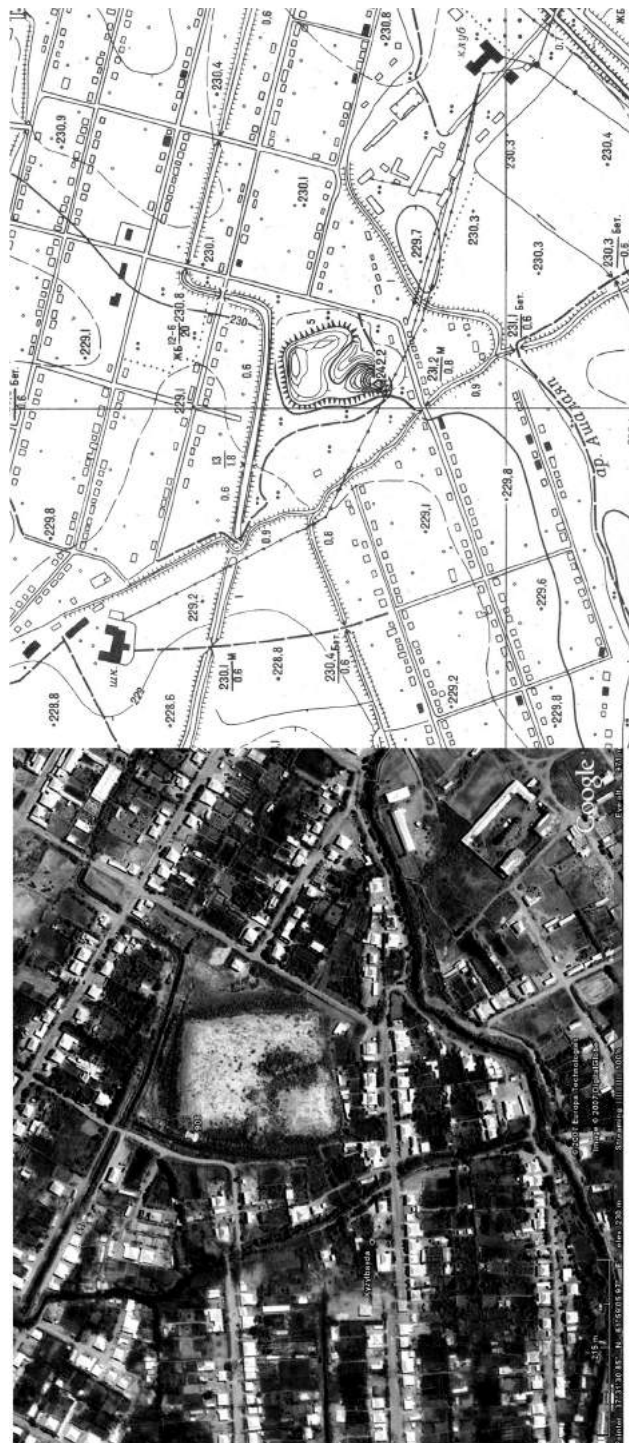

Рис. 25. Памятник № 906 (Куйрукли-депе). Космоснимок и топографическая карта

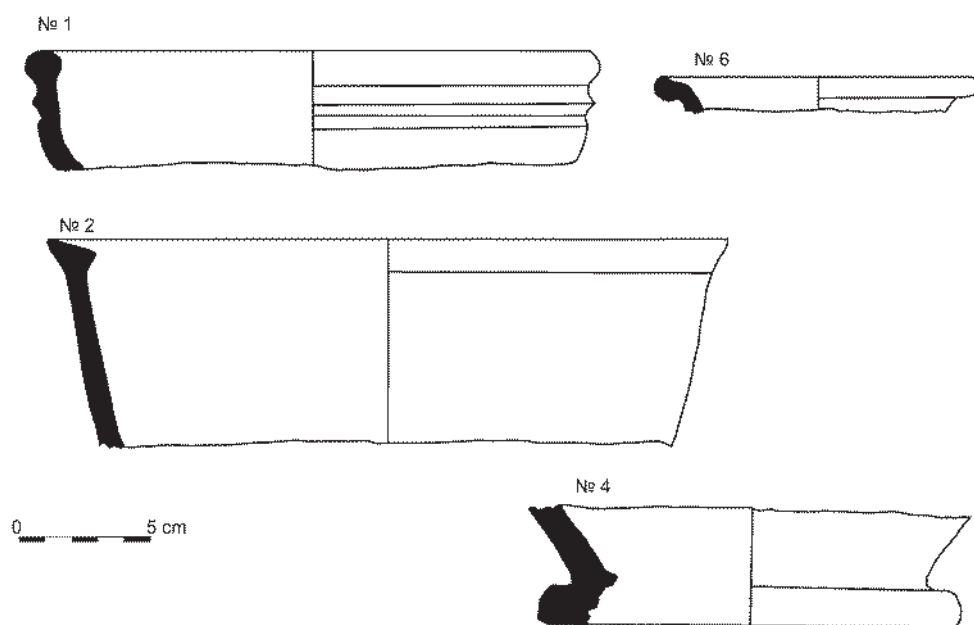

Рис. 26. Памятник № 906 (Куйрукли-депе). Керамика парфянского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 1 — верхняя часть чаши, глина розовая, ангоб желто-розовый; 2 — горшок, глина — розовая, ангоб желто-розовый; 4 — донце кувшина, глина розовая, ангоб желто-розовый; 6 — венчик чашечки, глина розовая, ангоб цвета теста.

дище пространство подверглось глубокой распашке и в настоящее время ничего нельзя сказать о том, существовала ли застройка вокруг памятника. Он продолжал существовать и в сасанидское время. Небольшое количество подъемной керамики средневекового времени позволяют думать, что какая-то часть территории была обжита и в этот период. К западу от памятника, в непосредственной близости от него сохранилось русло старого арыка.

При подведении итогов необходимо еще раз подчеркнуть, что сплошное обследование данной территории не дало ни одного памятника, более раннего времени, чем парфянский период. Таким образом, парфянская модель освоения новых территорий здесь представлена наиболее отчетливо.

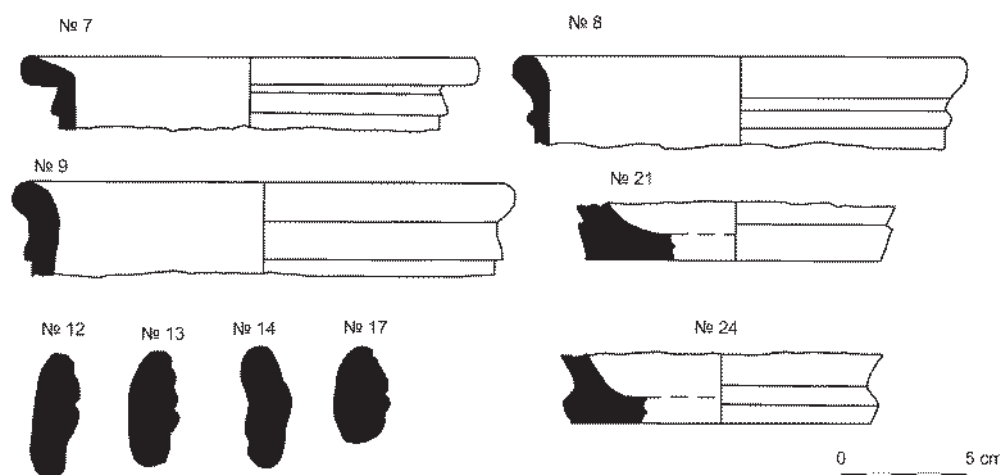

Рис. 27. Памятник № 906 (Куйрукли-депе). Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 7 — венчик кувшина, глина серо-желтая, ангоб светло-зеленый; 8 — венчик кувшина, глина серо-желтая, ангоб светло-зеленый; 9 — венчик кувшина, глина желтая, ангоб светло-зеленоватый; 12 — ручка кувшина, глина желтая, ангоб зеленоватый; 13 — ручка кувшина, та же глина и тот же ангоб; 14 — ручка кувшина, та же глина и тот же ангоб; 17 — ручка кувшина, та же глина и тот же ангоб; 21 — донце кувшина, глина серо-зеленая, ангоб зеленоватый; 24 — донце кувшина, глина желтая, ангоб зеленоватый.

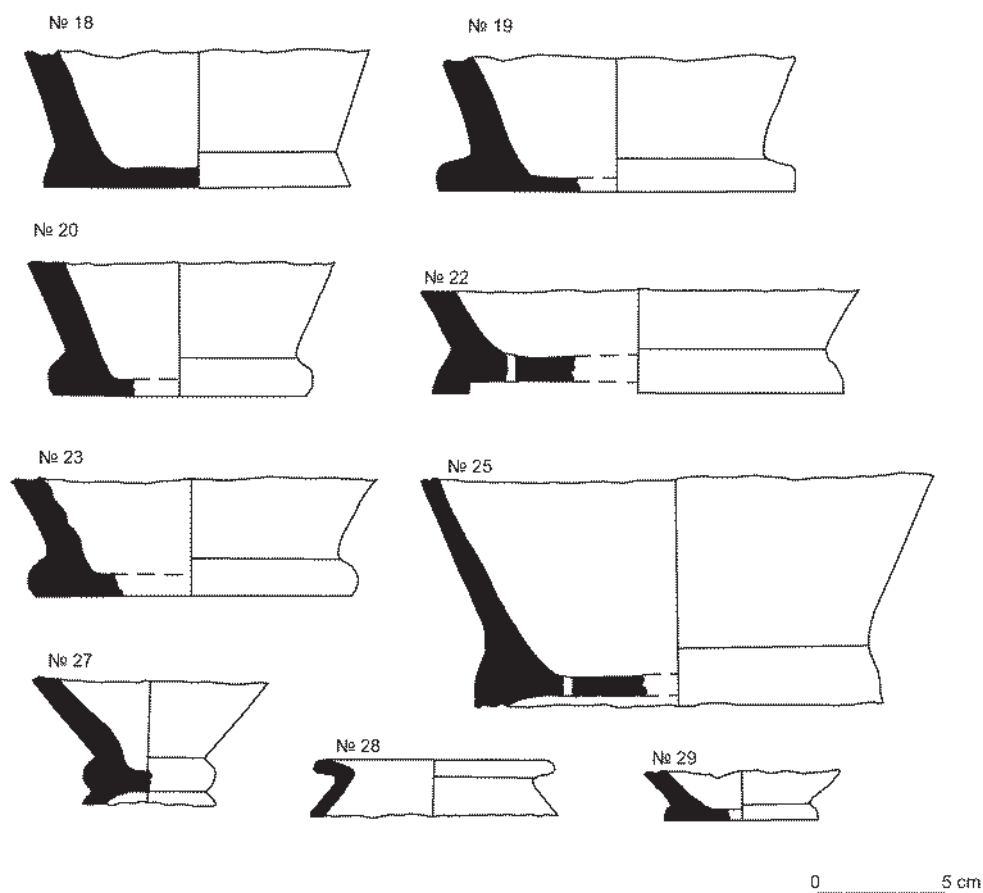

Рис. 28. Памятник № 906 (Куйрукли-депе). Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 18 — донце кувшина, глина серо-зеленая, ангоб зеленоватый; 19 — донце кувшина, глина желто-розовая, ангоб светло-зеленоватый; 20 — донце кувшина, глина розовая, ангоб зеленоватый; 22 — донце кувшина, та же глина и тот же ангоб, в донце имеется отверстие, сделанное до обжига; 23 — донце кувшина, глина желтая, ангоб светло-зеленоватый; 25 — донце кувшина, аналогичное экземпляру 22; 27 — донце небольшого кувшинчика, глина желто-зеленая, ангоб цвета теста; 28 — верхняя часть небольшого горшочка, глина и ангоб, как у предыдущего экземпляра; 29 — донце небольшого кувшинчика, глина желто-розовая, ангоб цвета теста, но с легким зеленоватым отливом

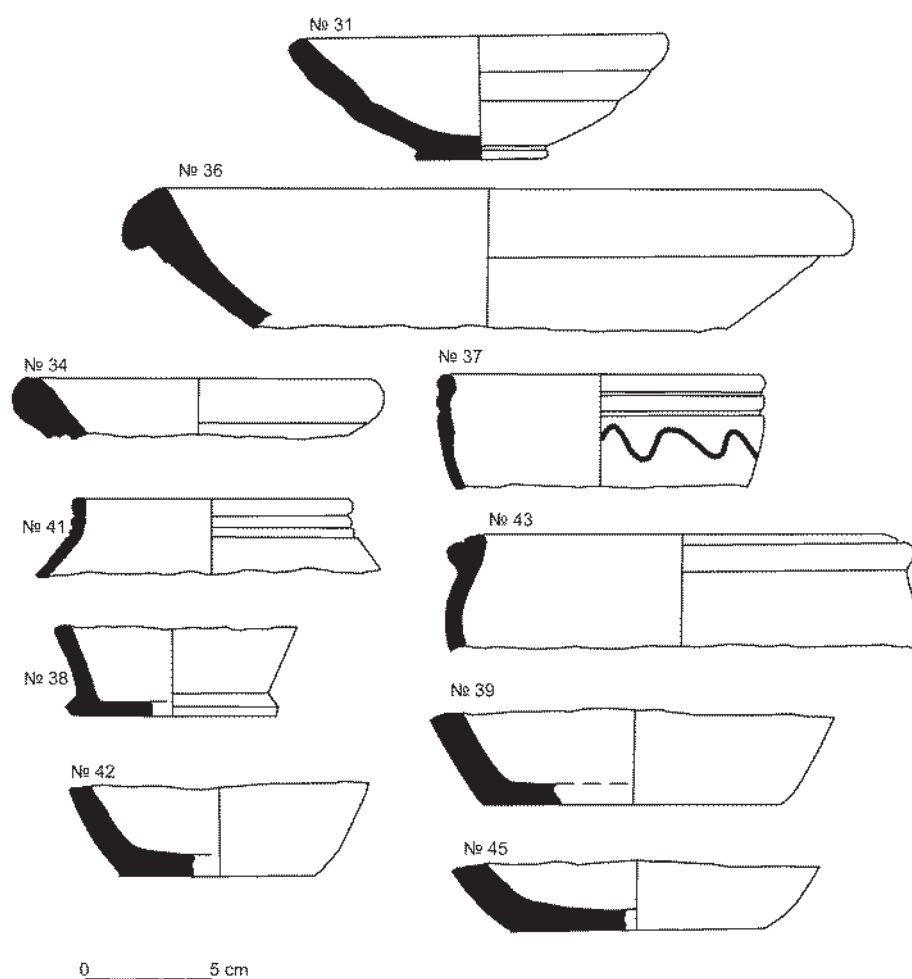

Рис. 29. Памятник № 906 (Куйрукли-депе). Керамика сасанидского времени. Номера предметов указываются согласно «Отчету», хранящемуся в Научном архиве ИА РАН: 31 — тарелочка (археологически целая), глина розово-желтая, ангоб светлый с зеленоватым отливом; 34 — верхняя часть тарелочки, глина и ангоб, как у предыдущего экземпляра; 36 — большая миска, глина розовая, ангоб, как у предыдущего экземпляра; 37 — верхняя часть чаши, глина розово-коричневая, ангоб светлый с зеленоватым отливом; 38 — донце небольшого кувшина, глина желто-зеленоватая, ангоб цвета теста; 39 — донце горшка, глина серая, ангоб светлый с зеленоватым отливом; 41 — верхняя часть небольшого горшка, глина розовая, ангоб светлый с зеленоватым отливом; 42 — донце горшка, глина коричнево-розовая, ангоб светлый с зеленоватым отливом; 43 — верхняя часть небольшого горшка, глина розовая, ангоб желтый с зеленоватым отливом; 45 — донце горшка, глина коричнево-розовая, ангоб светлый с зеленоватым отливом

Рис. 30. Памятник № 907 (Чиш-депе). Космоснимок и топографическая карта

Прежде всего, не подлежит сомнению, что основой освоения новых территорий стало создание сети ирригационных каналов. При этом создавался не один большой канал, а прокладывалось несколько более мелких. Все они выводились из одной протоки мургабской дельты, той самой, которая позднее (уже в Новое время), стала основным руслом реки Мургаб. Сеть каналов была достаточно густой. При ее создании старались использовать старые русла проток Мургаба, в результате чего это каналы очень редко текли прямо, они повторяли «меандры» естественных проток. В тех случаях, когда удастся проследить древние русла каналов в непосредственной близости от памятников, хорошо заметна одна техническая особенность: к памятнику подходят два текущих параллельно канала, которые соединяются поперечными арыками. Видимо, это обеспечивало большую гарантию получения воды, а также, возможно, было каким-то образом связано с техникой полива посевных площадей.

Освоение новых территорий происходило путем создания новых населенных пунктов. Эти новые населенные пункты, как правило, имели прямоугольные планы и укрепления, что говорит не о стихийном, а целенаправленном строительстве в соответствии с четко определенными принципами. Анализ зафиксированных памятников позволяет выделить несколько основных типов этих населенных пунктов (рис. 31).

Первый тип характеризуется достаточно большими размерами (см. схема, тип I). Длина окружающих стен этих населенных пунктов более 200 м.: 265x225 м. (Кельте-Минора-кала), 200x160 (Куйрукли-депе), 200x180 м. (Геок-депе). На этих памятниках фиксируется наличие цитаделей, расположенных в углах населенных пунктов. Характерно, что цитадели по своим размерам немного превосходили даже населенные пункты второго типа.

Второй тип представлен населенными пунктами, также имеющими четкий прямоугольный план, укрепления, но размеры их значительно меньше (См. схема, тип II). Длина сторон стен этих памятников несколько меньше 100 м: 70x75 м. (Бабаджан-депе), 75x75 м. (Чемче-депе), 85x85 м. (Яссы-депе) и т. д. Зафиксирован только один памятник со стенами, большими, чем 199 м. (Кельте-Минора-кала).

Особым вариантом этого типа (См. схема тип II а) являются населенные пункты аналогичной конфигурации и аналогичных размеров, но имеющие вокруг или рядом с основной территорией неукрепленные поселения. К их числу относятся Элим-депе Западное, Шехетли-депе, Дех-Мастак-депе. Необходимо указать, что вполне допустимо, что и другие памятники этого типа также могли иметь поселения вокруг, которые были уничтожены при освоении земель после строительства Большого Туркменского канала. С другой стороны, значительные размеры некоторых населенных пунктов могли быть следствием работ наземной техники. Выравнивание поверхности земли (что необходимо для посадок хлопчатника) осуществлялось мощными бульдозерами и эти бульдозеры могли резко расширить зоны, где встречается подъемный материал.

Третий тип (см. схема, тип III) памятниками Дингли-депе и Чиш-депе. Они также прямоугольны в плане, снабжены укреплениями и по своим размерам немного больше депе предшествующего типа. Основное отличие от него состоит в том, что эти населенные пункты имеют небольшие цитадели.

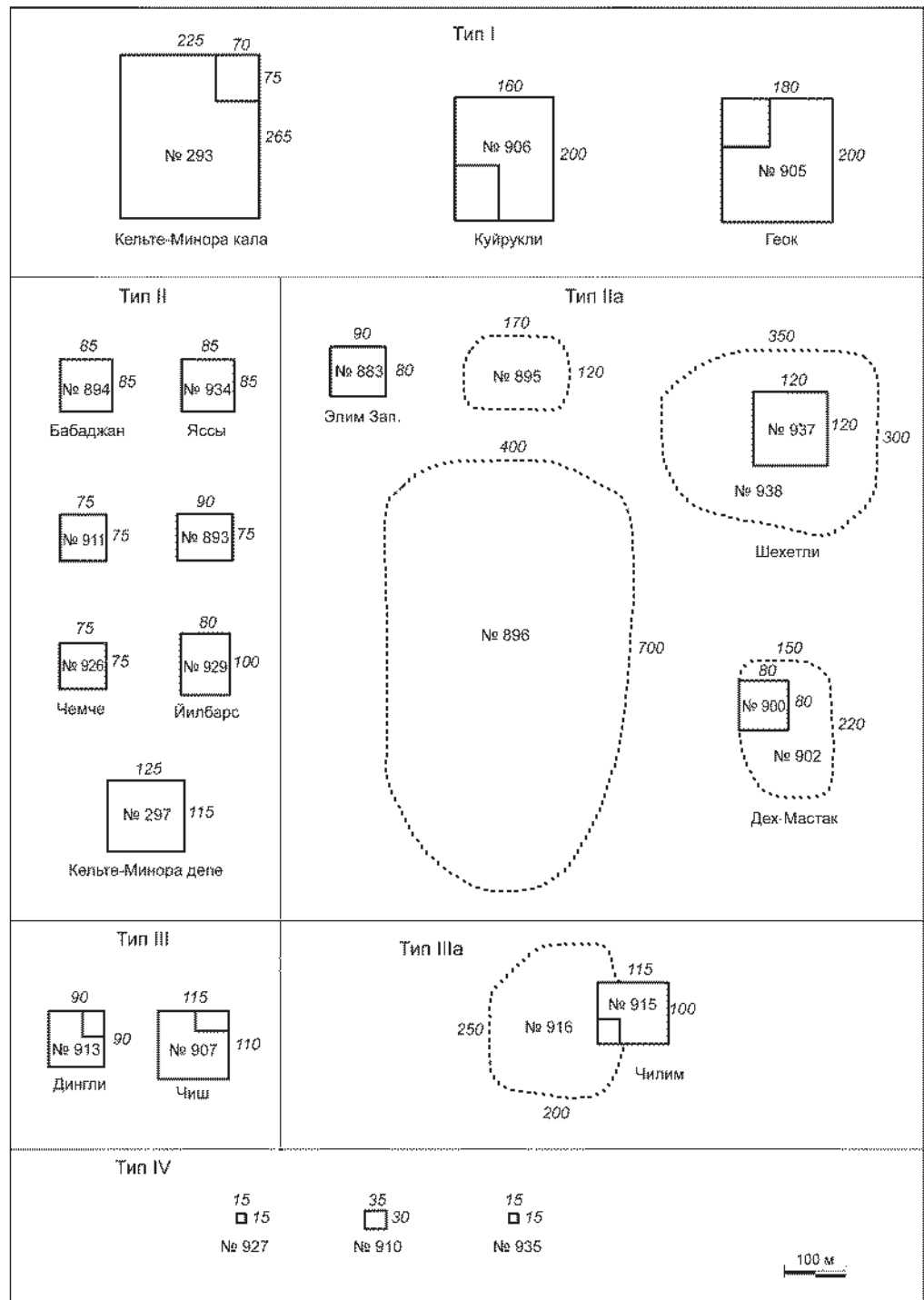

Рис. 31. Типология населенных пунктов юго-западной части Мервского оазиса (парфянский и сасанидский периоды)

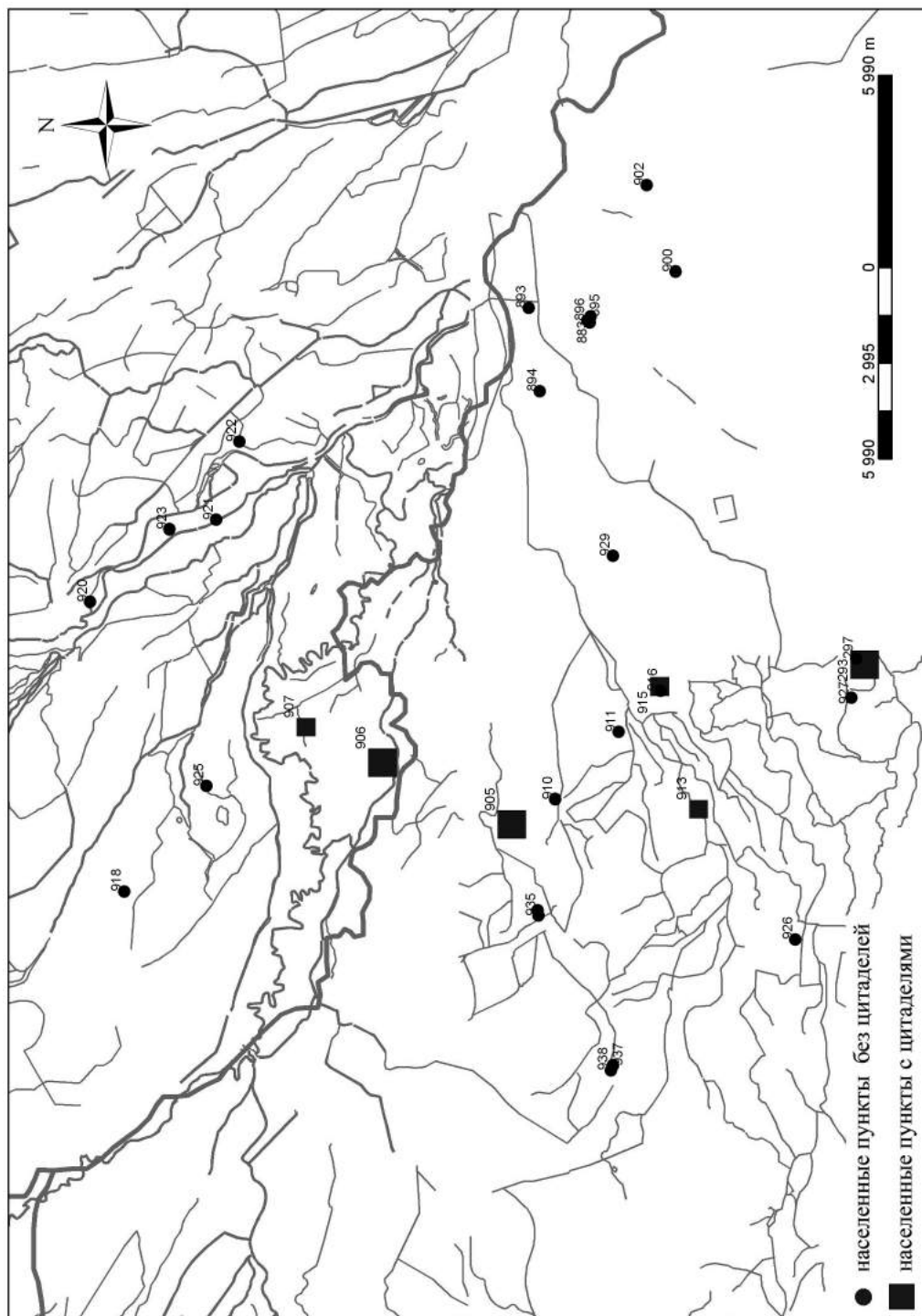

Рис. 32. Расположение населенных пунктов с цитаделями и без цитаделей

Этот тип также имеет вариант, отличающийся от основного тип (см. схема, тип III а). Это отличие состоит в наличии неукрепленного поселения вокруг центрального депе (Чилим-депе).

Четвертый тип представлен очень маленькими населенными пунктами, но также имеющими правильный план и, кажется, укрепления. Таких памятников в этом районе зафиксировано всего три: памятник № 927 (15х15 м.), № 935 (15х15 м.) и № 910 (35х30 м.). Все они относятся к сасанидскому времени и могут быть определены, как кешки. Бесспорно, в древности их было гораздо больше, но в силу своих незначительных размеров их было гораздо легче уничтожить при реконструкции оазиса после проведения Большого Туркменского канала.

Особую проблему составляют населенные пункты, имеющие цитадели. Расположение их на местности (рис. 32) показывает, что они вытянулись дугой с северо-востока на запад, а затем на юго-восток (№№ 906, 905, 913, 297). Создается впечатление, что они представляли собой линию обороны, прикрывавшую оазис в целом с юго-запада. При этом единственный не находящийся в составе дуги пункт — 915/916 представлял собой нечто вроде запасного укрепленного пункта, откуда было достаточно легко подать помощь любому из пунктов атакованных врагом. Только очень небольшое количество населенных пунктов (937/938, 934/935 и 926) выступают за линию крепостей. Если наше предположение верно, то цитадели, зафиксированные на ряде памятников, представляют собой место дислокации государственных воинских контингентов.

Наблюдения, сделанные при исследовании этого района, позволяют выявить и некоторые более общие закономерности в истории Мервского оазиса. Всего нами было зафиксировано 20 населенных пунктов парфянского и сасанидского времени (памятники №№ 915/916, 937/938 и 883/895/896 представляли собой каждый единый комплекс). Из них 18 возникли в парфянское время. Они все продолжали существовать и в сасанидское время, что бесспорно свидетельствует о стабильности и отсутствии каких-либо катастрофических последствий на этапе перехода от парфянского к сасанидскому господству. В сасанидское время число населенных пунктов увеличилось незначительно. В это время возникло всего 2 населенных пункта, но общий прогресс находил свое выражение в ином — появлении вокруг укрепленных населенных пунктов неукрепленных пригородов.

Но переход от сасанидского к арабскому периодам имел гораздо более разрушительный характер: из 20 существовавших населенных пунктов жизнь прекратилась на 6, а возникавшие позднее новые населенные пункты рождались на новых местах, без связи со старой инфраструктурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об итогах археологических разведок на севере Мервского оазиса см.: *Массон М.Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) (Труды ЮТАКЭ, том XIII). Ашхабад, 1966.
2. *Адыков К.А.* Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв (по археологическим данным) // СА. 1959. № 4. С. 212-227. К.А. Адыков включил в свою работу и материалы, полученные сотрудниками ЮТАКЭ.

3. Подробнее см. *Бадер А.Н., Гаибов В.А., Губаев А.А., Кошеленко Г.А.* Системы расселения и ирригации в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья. М., 1995.
4. См.: The archaeological map of the Murghab delta. Preliminary report 1990-95. Ed. By A. Gubaev, G. Koshelenko and M. Tosi. Roma, 1998.
5. *Адыков К.А.* Главные станции... С. 224-226.
6. В статье приводятся координаты памятников и их размеры, уточненные по карте Google Earth.
7. *Жуковский В.А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва (Материалы по археологии России. № 16). СПб., 1894. С. 191. В тексте и на карте памятник назван «Менар-кала».
8. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Губаев А.Г.* Отчет о разведках на территории Мервского оазиса в 2001 г. // Научный архив РАН.
9. Древнейшее упоминание этого города принадлежит Ибн Хордадбеку («Китаб ал-месалик ва-л-мемалик», который перечисляет его среди станций на торговом пути из Серакса в Мерв (Мит. Т. I. С.147). Очень важна короткая ремарка, в которой говорится о том, что «это поместье рода Али ибн Хишама Фаррахосроу», что, кажется не оставляет сомнения в том, что данный род восходил еще к Сасанидской аристократии. Упоминают его и более поздние авторы, в частности, Самани и Якут.
10. *Кошеленко Г.А., Бадер А.Н., Гаибов В.А., Губаев А.Г.* Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. // Научный архив РАН.
11. Наибольшего расцвета достигло данное «гнездо» в средневековое время, когда здесь были созданы населенные пункты №№ 278, 279, 281, 290, 291, 292, 928, не рассматриваемые в данной статье.
12. *Адыков К.А.* Главные станции... Рис. 1.
13. *Кошеленко, Бадер, Гаибов, Губаев.* Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-17).
14. Там же. Памятник 95-36.
15. Там же. Памятник 95-38.
16. Там же. Памятник 95-41.
17. *Адыков К.А.* Главные станции... Рис. 1.
18. *Кошеленко, Бадер, Гаибов, Губаев.* Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-51).
19. *Адыков К.А.* Главные станции... Рис. 1. К.А. Адыков называет памятник «Елбарс-Тепе».
20. *Пугаченкова Г.А.* Коропластика древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962. С. 140-142. Рис. 19 и С. 149. Рис. 21, 1. Терракотовые статуэтки датируются III-IV вв. н.э. Г.А. Пугаченкова называет памятник «Кичи-Иылбарс-депе».
21. *Кошеленко, Бадер, Гаибов, Губаев.* Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-54).
22. *Кошеленко, Гаибов, Губаев.* Отчет о разведках на территории Мервского оазиса в 2001 г. // Научный архив РАН.
23. В «Предварительном отчете» (см. The archaeological map... Р. 265, № 929) указано, что памятник имеет нерегулярный план, что, как сейчас выяснилось, не верно. Это предположение появилось из-за сильного разрушения восточной части его.
24. *Жуковский В.А.* Древности... С. 191-192.
25. *Адыков К.А.* Главные станции... Рис. 1.
26. *Кошеленко, Бадер, Гаибов, Губаев.* Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-30).

27. Следует отметить, что почти вся вершина памятника, за исключением возвышающейся цитадели, занята современным кладбищем.
28. Кошеленко, Бадер, Гаиров, Губаев. Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-35).
29. Там же. Памятник 95-59.
30. Там же. Памятник 95-60.
31. В «Предварительном отчете» (см. The archaeological map... Р. 265, № 935) указано, что памятник имеет нерегулярный план, что, как сейчас выяснилось, не верно.
32. Кошеленко, Бадер, Гаиров, Губаев. Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-62).
33. Там же. Памятник 95-63.
34. Адыков К.А. Главные станции... Рис. 1.
35. Кошеленко, Бадер, Гаиров, Губаев. Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-19).
36. Среди керамики встречены фрагменты чашек и мисок красной глины (явно парфянского облика), фрагменты венчиков и донец кувшинов серо-зеленой глины сасанидское время), а также фрагменты ручек кувшинов с «шишечками» на верхней поверхности (раннеарабское время).
37. Кошеленко, Бадер, Гаиров, Губаев. Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-16).
38. Там же. Памятник 95-20.
39. Там же. Памятник 95-18.
40. В «Предварительном отчете» (см. The archaeological map... Р. 263, № 896) ошибочно указано, что памятник возник в сасанидское время.
41. Кошеленко, Бадер, Гаиров, Губаев. Отчет об исследованиях в Мервском оазисе в 1995 г. (памятник 95-25).
42. Там же. Памятник 95-27.
43. Там же. Памятник 95-31.
44. Там же. Памятник 95-32.
45. В «Предварительном отчете» (см. The archaeological map... № 907) ошибочно указано, что памятник возник в сасанидское время.

SOUTHWEST AREA OF MERV OASIS (PARTHIAN AND SASANIDIAN PERIODS)

V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko, G.V. Trebeleva

The article cites the researches on the southwest area of Merv oasis. In total 20 settlements of Parthian and Sasanidian times have been fixed. 18 had arisen at Parthian time; all of them continued to exist during Sasanidian time. This fact testifies to stability and absence of any catastrophic consequences at a stage of transition from Parthian under Sasanidian domination. During Sasanidian time the number of settlements increased insignificantly. At that time there were only 2 new settlements, but the progress was in occurrence of natural suburbs around the fortified settlements. Transition from Sasanidian to Arabian period had a much more destructive character: from 20 existing settlements 6 ceased their being; new settlements arising later were born in new places and had nothing to do with the old infrastructure.

© 2008 г.

О.В. Обельченко

РЕСТАВРАЦИЯ ПАРФЯНСКИХ РИТОНОВ

Археологические раскопки на территории Туркменистана, которые после окончания Великой Отечественной Войны с 1946 г. производила Южно-Туркменистанская Археологическая Комплексная Экспедиция (ЮТАКЭ), осенью 1948 г. ознаменовались открытием уникальных памятников древней культуры — парфянских ритонов из слоновой кости. Южная Туркмения, т.е. подгорная полоса Копет-Дага, была коренными землями одного из крупных государств эпохи античности — Парфянского царства¹, наряду с государством Кушан, Древним Римом и Ханьским Китаем, а в 18 км от Ашхабада, около селения Багир, находятся городища — Старая Ниса и Новая Ниса, руины древнего города — Парфавниса².

Раскопки на Старой Нисе производил отряд экспедиции под руководством Е.А. Давидович, а сотрудниками были студенты исторического факультета Среднеазиатского Государственного Университета — В. Массон, М. Рудакова, Т. Якушева, А. Ганялин и К. Мухамадбердыев. 25 сентября 1948 года на раскопке северного комплекса раздался крик Т. Якушевой — «Головка!», так были открыты ритоны, произведения мастеров древнего государства — Парфии. Ритоны, сосуды в виде рога, были широко распространены в эпоху античности в странах древнего мира и науке известны находки ритонов из металла, стекла, терракоты, а также употреблялись рога животных: козла, тура, быка. Обнаруженные на Старой Нисе ритоны были из слоновой кости, которая от длительного пребывания в земле подверглась разрушению и представляла собой труху, разлетающуюся от малейшего дуновения воздуха. Первые же попытки расчислить появившиеся из-под слоя земли ритоны не увенчались успехом. Слоновая кость крошилась, расслаивалась и превращалась в пыль. Начальник экспедиции профессор М.Е. Массон, находившийся в это время в Ташкенте обратился за помощью к реставраторам из Государственного Эрмитажа в Ленинграде и Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. По распоряжению М.Е.Массона все раскопочные работы на объекте были приостановлены до его прибытия с реставраторами. Но тут вмешалась стихия, в ночь с 5 на 6 октября 1948 г. сильное землетрясение разрушило Ашхабад и прилегающие к нему селения. Все работы на раскопках были прекращены, сотрудники экспедиции уехали в Ташкент, оставив несколько человек для охраны раскопочной площадки и приема профессора М.Е. Массона и реставраторов.

25 октября профессор М.Е. Массон и археолог М.С. Мерсчиев прибыли из Ташкента в Ашхабад, а затем в Багирский лагерь экспедиции и присоединились к ожидавшим их археологу Б.А. Литвинскому и студенту А. Ганялину. Сформировавшийся таким образом археологический отряд приступил к подготовке раскопочной площадки, где находились ритоны. Вскрытая часть раскопа представляла собой беспорядочную кучу изделий из слоновой кости, которые лежали в слое земли один на другом в потрескавшемся, расколотом и раздавленном виде с резкой деформацией формы. Та часть суфы, на которой лежали в беспор-

рядке ритоны, была с двух сторон обнажена, образовав подобие «столика», чем облегчался процесс расчистки и консервации объектов. Осторожно была убрана лишняя земля на площадке в 6 квадратных метров и началась бережная очистка самих предметов с помощью колонковых кисточек и иголок дикобраза. По мере расчистки небольших частей поверхности ритонов она сразу же закреплялась раствором целлулоида на ацетоне. Эта немедленная операция была крайне необходима, потому, что открытая поверхность слоновой кости, пролежавшей в земле более двух тысяч лет, способствовала быстрому испарению из нее влаги и делала кость трухой, которая не выдерживала даже прикосновения кисточки, а тем более легкого дуновения воздуха.

Прибытие реставраторов из Москвы и Ленинграда задерживалось, а погода ухудшалась, холодные дни, с затянутым черными тучами небом, грозили перейти в длительные дожди, которые могли резко осложнить ход реставрационных работ. Решено было снимать ритоны с площадки самим. Для пробного снятия были определены два объекта, скульптурный фриз, венчающий ритоны и другой полный, сильно разрушенный ритон. Скульптурный фриз ритона был, обернут кругом толстым слоем ваты, обвязан суровыми нитками, а затем покрыт слоем разогретого парафина. Сильно разрушенный полный ритон покрыли мягкой льняной тканью, слегка промазанной жидким столярным клеем. Поверх нее ритон покрыли слоем парафина и оберточной бумагой, после чего был наложен гипсовый футляр из трех отъемных частей. Полученные блоки были благополучно сняты с места целиком. Это был первый опыт консервации объекта из слоновой кости в полевых условиях.

В тот же день, после первого успеха, в полевой лагерь прибыл реставратор А.В. Кирьянов из Москвы, а затем и реставратор В.Н. Кононов из Ленинграда. Предложенный А.В. Кирьяновым метод «жесткого гипсового блока» был разработан им в полевых работах археологических экспедиций, где ему пришлось извлекать из земли древние деревянные предметы и полуразрушенные бивни мамонтов, и в первый же день работы на раскопе он «вырвал», как он сам говорил, два ритона. Этот метод полевой консервации археологического предмета включал в себя тщательную очистку ритона от земли и открытие его наполовину или более из земли, а затем на разрушенную поверхность капали, не касаясь самого предмета, небольшое количество 20% спиртового раствора клея БФ-4. В случае надобности эта процедура повторялась через 10–15 минут еще два-три раза. Закрепленная таким способом поверхность слоновой кости смазывалась несколько раз, с небольшими промежутками, тем же раствором, мягкой кисточкой. Очищенная и закрепленная сторона ритона покрывалась небольшими кусочками мягкой оберточной бумаги, смоченной в воде, сплошным слоем. На первый слой накладывался второй и третий слой такой же бумаги, но другого цвета, чтобы убедиться, что весь предмет покрыт равномерно тремя слоями. Для придания жесткости гипсовому футляру, в который в дальнейшем заключался разрушенный ритон, из тонкой проволоки нарезались два-три обрезка, такой же длины, как и подлежащий загипсовке предмет.

На извлекаемый объект наносился слой гипса в 1,5 см и на него укладывались заготовленные обрезки проволоки, соблюдая форму ритона, а потом он покрывался равномерным слоем гипса толщиной 3–4 см. Через 10–15 минут,

после затвердения гипса, из-под ритона осторожно выбиралась земля и он переворачивался, открывая незакрепленную сторону, покрытую небольшим слоем земли. Дальше все операции повторялись в той же последовательности, как и в законсервированной ранее половине ритона. Во избежание сцепления уже готовой половины гипсового футляра, при изготовлении второй половины, нижний борт смазывался мылом или растворенным в керосине парафином. Через 15 минут в месте стыка обеих половин блока срезался лишний гипс, а для того, чтобы убедиться, что объект не замурован наглухо, в створ просовывался нож и «крышка» приподнималась и опускалась. На гипсовых футлярах, в которые заключались разрушенные ритоны, процарапывались соответствующие данные о пункте и времени находки и его номер полевой описи. Для транспортировки каждый блок обвязывался шпагатом и помещался в индивидуальный ящик с плотной упаковкой. Закончив изъятие из земли на открытой площадке раскопа законсервированных ритонов, оставшуюся часть раскопа, который не вскрывался, было решено оставить для весенних работ 1949 года. Обрез раскопа был заложен сырцовым кирпичом, оштукатурен и засыпан землей, а для охраны был нанят местный житель. Более трех десятков ритонов были отправлены в Ташкент самолетом, на кафедру археологии Среднеазиатского Государственного Университета (САГУ), а сотрудники и начальник экспедиции профессор М.Е. Массон поездом уехали в Ташкент.

Весной 1949 года на Старую Нису был направлен археолог М.С. Мерсчиев и лаборант Н. Конашенок для завершения работ по консервации и извлечению из земли, оставшихся в ней предметов. В короткий срок поставленные задачи были решены, и коллекция пополнилась еще семью ритонами и небольшим количеством фрагментов других ритонов и предметов из слоновой кости. По два блока ритонов были взяты реставраторами в Москву и Ленинград для проведения экспериментальной реставрации в лабораторных условиях и выработки методики реставрации древних изделий из слоновой кости. Летом 1949 г. из Москвы в Ташкент прибыл реставратор А.В. Кирьянов, чтобы на практике ознакомить ташкентскую группу со своими приемами сборки и придания ритонам экспозиционного вида.

Под руководством профессора М.Е. Массона, для восстановления ритонов, сформировался коллектив сотрудников, выполнивших все реставрационные работы. При снятии крышек с гипсовых блоков обнаружилось, что внутри скопилась влага, от которой полуразрушенная кость стала еще более размягченной и покрылась плесенью. Крышки блоков оставили приоткрытыми для просушки и, после некоторого затвердения кости, приступили к очистке и пропитке предметов. Отдельные фрагменты ритонов после пропитки промывались спиртом и склеивались чистым клеем БФ-4 при нормальной комнатной температуре. Подклейка остальных кусочков слоновой кости осуществлялась последовательно — склеивались фрагменты карниза, затем фриза, потом ствола, патрубка и завершающей фигуры. С тыльной стороны, для придания большей прочности фрагментам ритонов, накладывался каркас из плотной бумаги, пропитанной БФ-4. Следующей операцией было соединение отдельных частей ритона в целый объект, который собирался на картонном каркасе, имеющем форму ритона и соответствующие размеры. Восстановленный таким способом ритон перехо-

дил во вторую стадию — научно-художественную реставрацию, которая выполнялась скульптором А.Н. Ивановым. Скульптор для заделывания трещин, щелей, утрат гладких частей ритона употреблял воско-канифольную мастику с добавлением охры и белил. При наличии фрагментарно сохранившихся профилированных элементов на ритонах в виде карнизов, тяг, поясков они восстанавливались по всей окружности. Скульптурные детали делались лишь в тех случаях, когда была полная уверенность в их идентичности сохранившимся аналогам. Были изготовлены копии крыльев, ног, копыт и т.д. Иногда реставрированная поверхность или восстановленные детали тонировались под цвет кости ритонов, но так, чтобы было видно отличие от подлинника. Для наилучшего обозрения ритонов и хранения в музее профессором М.Е. Массоном была разработана конструкция специальной подставки, состоящей из дубовой доски, стального вертикального стержня с разъемным браслетом на одном конце и небольшим стержнем с развилкой на другом. На таких подставках ритоны стояли в древности. Для каждой подставки профессор М.Е. Массон делал чертеж с размерами, соответствующими величине и форме ритона. Изготовление этих стоек было поручено специалисту по точной механике А.С. Грушко. По завершению реставрации Е.Н. Юдицкий произвел детальную фотофиксацию каждого ритона, а сделанные им фотографии образовали альбом, который был опубликован как приложение к монографии об уникальных памятниках парфянского искусства. Летом 1951 года ритоны, упакованные в специальные ящики, были отправлены в Ашхабад для постоянного хранения. В реставрации ритонов приняли участие: археолог М.С. Мерсчиев, который собрал 27 ритонов, студенты В. Массон и И. Баишев, они собрали 7 ритонов, реставратор А.В. Кирьянов — 4 ритона, реставратор В.Н. Кононов — 1, химик Е.В. Федорович — 1. В период работы по спасению произведений древнего прикладного искусства методика реставрации дополнялась и совершенствовались технические приемы сборки ритонов, причем, при этом необходим был индивидуальный подход к каждому объекту, учитывающий его размеры, степень разрушения, количество фрагментов, наличие отдельных деталей. Особо следует отметить применение в реставрации ритонов новых полимерных материалов, достижений химии того времени. Сама работа по восстановлению памятников древнего искусства носила творческий, научный характер, присущий работе кафедры археологии Средней Азии Среднеазиатского Государственного Университета (САГУ) в Ташкенте.

По результатам исследования и тщательного изучения М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова в 1959 г. опубликовали монографию «Парфянские ритоны Нисы», которая повторным изданием в 1982 г. вышла в Италии. К монографии был издан альбом фотографий ритонов, сделанных на высоком художественном уровне Е.Н. Юдицким³. Находка и реставрация ритонов из Нисы были огромным достижением советской археологии середины XX века, открывшим миру художественную культуру древних предков туркменского народа. Ритоны из Нисы привлекли к себе внимание ученых всего мира, они стали объектами научных исследований и дискуссий об их происхождении, которые продолжаются до сего времени⁴.

Основная коллекция ритонов осталась в Ашхабаде, а несколько ритонов

были отправлены в музеи Москвы и Ленинграда, где они хранятся и сейчас, и находятся в хорошем состоянии потому, что соблюдается соответствующий температурно-влажностный режим (ТВР).

Условия же хранения ритонов в Государственном историко-краеведческом музее ТССР не соблюдались, ритоны в упаковочных ящиках стояли в шкафах, на полу, на подоконниках окон, из-за отсутствия специального оборудованного хранилища. Это, конечно, не могло не сказаться на состоянии ритонов, они со временем начали разрушаться, на что я обратил внимание дирекции музея в 1981 г. Я, будучи студентом, участвовал в экспедиции 1948 г. и был живым свидетелем находки и реставрации ритонов, в которой принимал участие ибо совмещал учебу в университете с работой лаборантом кафедры археологии исторического факультета Средне-Азиатского Государственного Университета (САГУ). Мне пришлось осенью 1948 г., после возвращения из экспедиции в Ташкент, получать в ташкентском аэропорту ящики с ритонами, подлежащими реставрации, а затем выполнять поручения профессора М.Е. Массона в ходе реставрационных работ. Поэтому, работая уже в Москве в должности заведующего отделом реставрации произведений прикладного искусства Всесоюзного Научно-исследовательского Института Реставрации (ВНИИР) Министерства культуры СССР, приезжая в командировку в Ашхабад, интересовался состоянием ритонов. Увидев их в ужасном состоянии я предложил дирекции музея заключить договор с нашим институтом на реставрацию ритонов. За прошедшие три десятилетия после реставрации и хранения их в ненадлежащем режиме они стали разрушаться.

Осмотр ритонов показал, что они сильно загрязнены, слоновая кость из-за дегидратации потеряла механическую прочность, стала «порошиться», т.е. превращаться в пыль, началось растрескивание, вследствие утраты связи между отдельными слоями костных волокон. Низкая влажность и высокая температура, при которой хранились ритоны, способствовали процессу коробления, выражающемуся в искривлении отдельных деталей или целого предмета, расхождении швов склеенных деталей, их поломке и утрате. Изменился цвет поверхности укрепленной кости, вызванный пожелтением клея БФ-4. Все это привело к потере экспозиционного вида. Ритонам грозила окончательная гибель. Однако на мои предложения принять меры к спасению ритонов дирекция музея не реагировала, ответ был очень простой — две тысячи лет пролежали и еще могут лежать. Такое отношение к хранению музейных ценностей в республике привлекло внимание центральной прессы и после критических выступлений в печати удалось заключить договор на исследование и разработку методики реставрации ритонов между музеем и ВНИИРом. Мне пришлось обратиться в Министерство культуры ТССР с просьбой о целевом финансировании реставрации и благодаря помощи начальника планового отдела И.А. Федун были выделены средства на выполнение этих работ. Два ритона были отправлены в Москву в наш Институт для проведения исследований и разработки методики реставрации всей коллекции в количестве 22 экземпляров.

Для разработки методики реставрации и ее проведения была образована группа под руководством заведующего отделом произведений прикладного искусства, доктора исторических наук О.В. Обельченко, заведующей сектором лаборатории химико-технологических исследований, кандидата химических

наук И.В. Назаровой, младшего научного сотрудника отдела произведений прикладного искусства Н.А. Травкиной и художника-реставратора высшей квалификации Г.А. Толстолицкой. Первоочередной задачей, стоящей перед группой, было исследование процессов происходивших в ритонах, вследствие которых они стали разрушаться и подбор новых консервантов для укрепления слоновой кости и предотвращения ее разрушения. Оказалось, что раствор клея БФ-4 не проник глубоко и создал напряжение на поверхности и это привело к разрушению кости, она стала рассыпаться, превращаясь в труху.

Основное вещество слоновой кости — дентин, состоит из двух частей, органической и неорганической. Неорганические вещества, их более половины в составе кости, включают в себя фосфат магния, кальций и другие вещества, а органическая часть представляет собой коллаген — природный белок, и все изменения происходящие в кости связаны с его старением. Сначала теряется в нем вода, а затем происходит химическое разрушение молекул коллагена, и археологическая кость полностью утрачивает его и ее составляющей остается только неорганическая часть Реставрация ритонов 1948–1951 гг. заменила утраченную органическую часть укрепляющим материалом — клеем БФ-4, и впервые для реставрации была использована поливинилацетатная смола. Химический анализ показал, что липидных и природных белковых компонентов в археологической кости обнаружено не было. На основании исследований была разработана методика переконсервации ритонов состоящая из следующих операций — промывка поверхности кости от загрязнений и внешних наслоений, укрепление порошковой, утратившей механическую прочность кости, приклейка сколотых и отслоившихся участков, заделка трещин, придание экспозиционного вида путем тонировки вставок доделочных масс.

Для промывки был рекомендован изопропиловый спирт, которым удаляли пятна и внешние наслоения в тех местах, где они имелись. Укрепление разрушающейся кости делалось смолой БМК-5, представляющей собой сополимер бутилметакрилата с 5 % метакриловой кислоты, отличающейся от других подобных материалов некоторыми лучшими свойствами. Пропитка производилась многократно, с обязательной просушкой после каждой операции. Там где полимер был избыточен его снимали тампоном, смоченным изопропиловым спиртом. Сколотые и отслоившиеся детали восстанавливались с помощью поливинилбутираля (ПВБ) в этиловом спирте. Этот клеящий материал обладает прозрачностью, бесцветностью, световой и влагостойкостью, высокой механической прочностью и морозостойкостью.

Все эти свойства ПВБ стабильны во времени, что очень важно для длительного хранения музейных экспонатов. Модельный образец, склеенный ПВБ, подвергался искусственному старению в гидростате марки Г-4 при температуре 60 °С и 100 % влажностью в течение 800 часов и склейка осталась без изменений. Сколотые фрагменты ритонов приклеивались 8 % раствором ПВБ в этиловом спирте. Утраченные детали ритонов создавали по аналогии с имеющимися. В эластичную формовочную массу погружали имеющуюся деталь и вынимали ее после отверждения массы, получая точную матрицу. Полученную форму заполняли доделочной массой состоящей из гипса, поливинилацетатной дисперсии 50 % концентрации и небольшого количества пигмента для тонировки.

Рис. 1. Ритон № 24 до реставрации

Рис. 2. Ритон № 24 после реставрации

Высохшую деталь вынимали из формы, шлифовали и подгоняли к месту, приклеивая 8 % раствором ПВБ. Когда форму было невозможно снять, делали макет из доделочной массы и после отверждения обрабатывали его поверхность, также делали дорубку, вытачивание штихелями, скальпелями, борами. Детали потрескавшиеся после реставрации 1948–51 гг. дублировали микалентной бумагой с внутренней стороны, а на нее наносили слой доделочной массы, что создавало дополнительную армировку.

Большие трещины появились в местах крепления отдельных частей ритонов — фриза и ствола, патрубка и ствола и завершающей фигуры и патрубка. Заделывали эти трещины пастообразной массой из мела, тонированного сухими пигментами, и раствора ПВБ в этиловом спирте. Для придания большей вязкости доделочной массе использовали 10–12 % раствор ПВБ в спирте. Масса наносилась в трещины шпателем, а там, где был пожелтевший старый реставрационный клей, приходилось проводить расклейку швов с помощью наложения тампонов с изопропиловым или этиловым спиртом. После высыхания нанесенную массу притирали, выравнивая ее с поверхностью ритона.

При изготовлении ритонов древними мастерами отдельные части их крепились с помощью втулок, иногда на штырях, а во время первой реставрации собранные из фрагментов ритоны были посажены на картонный каркас, пропитанный клеем БФ-4. За прошедшее время после первой реставрации этот каркас во многих местах ослаб и уже не выполнял своей функции основы ритона. Было проведено его укрепление армировкой стеклотканью, пропитанной доделочной массой, поверхность которой после отверждения с тыльной стороны зачищалась.

По окончании реставрационных работы было решено тонировать только отличающиеся по цвету воско-канифольные мастиковки. Тонирование проводили казеино-масляной темперой с цинковыми белилами или титановыми белилами с поливинилацетатной темперой. Для придания необходимого цвета и тона тонировкам добавляли небольшое количество акварели. Новая методика консервации и реставрации парфянских ритонов из слоновой кости в ходе ее разработки, а затем в законченном виде обсуждалась на реставрационном совете в отделе, с привлечением всех лучших специалистов по реставрации кости из научных организаций и музеев Москвы. Одобренная советом методика была применена при реставрации первого ритона в 1984 г., а затем, когда вся коллекция была привезена в Москву в 1985 г., были отреставрированы еще два ритона и они были отправлены на международную выставку шедевров древнего искусства в Японию, которая была приурочена к открытию международной конференции «Шелковый путь». Трудоемкий и сложный процесс разработки методики благодаря настойчивости и трудолюбию научных сотрудников ВНИИ реставрации — И.В. Назаровой, Г.А. Толстолицкой и Н.А. Травкиной увенчался блестящим успехом и по достоинству был оценен научной общественностью⁵. После утверждения методики был заключен с музеем договор на реставрацию всей коллекции ритонов и организована их транспортировка по железной дороге из Ашхабада в Москву. Уникальные экспонаты необходимо было перевозить так, чтобы исключить возможность хищения, учитывая их ценность. При отправке двух ритонов из Москвы в Японию, они были застрахованы на один миллион долларов каждый. Поэтому я с сотрудниками вылетел в Ашхабад и приняв ритоны по акту

отправился в Ашхабадское отделение железной дороги, где договорился, чтобы были проданы билеты в два купе около служебного купе проводников. В каждом купе на нижних полках ехали два сотрудника, а на верхних и багажных находились ящики с ритонами. Запрещено было оставлять купе без надзора, если один сотрудник выходил, то второй оставался в купе. Отправив поезд с ритонами в Москву, я на следующий день вылетел самолетом для организации встречи ценного груза в столице. На Казанский вокзал встречать поезд пришли все сотрудники отдела и под такой охраной они были привезены в Институт. В отделе для хранения ритонов была оборудована специальная кладовая с охранной сигнализацией типа охраны банковского сейфа, т.е. под охраной была комната, а в ней под дополнительной охраной кладовая с ритонами, из которой они брались на реставрацию, а по окончании рабочего дня помещались в кладовую. Реставрацией ритонов занимались сотрудники отдела — реставратор высшей квалификации Г.А. Толстолуцкая, сотрудники Н.А. Травкина и С.Ю. Липченко. Основную массу ритонов отреставрировала Г.А. Толстолуцкая, которая не покладая рук все дни проводила за рабочим столом. Ее умелые руки вдохнули вторую жизнь в художественные творения древних мастеров. Весь процесс реставрации фотографировался, а по окончании работ, на каждый экспонат, в соответствии с правилами, был оформлен реставрационный паспорт. По мере окончания работ над несколькими экспонатами из Ашхабада вызывались сотрудники музея и получив ритоны самолетом увозили их обратно.

Реставрация уникальных памятников древнего искусства сотрудниками отдела произведений прикладного искусства Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (ВНИИР) подтвердила не только профессиональное мастерство, но и высокий уровень организации процесса научной реставрации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кошеленко Г.А.* Родина парфян. М., 1976.
2. *Масон В.М.* Старая Ниса — резиденция парфянских царей. Л., 1985.
3. *Масон М.Е., Пугаченкова Г.А.* Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад, 1959.
4. *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М., 1966.
5. Исследование и реставрация археологических находок из слоновой кости II—I вв. до н.э. из Нисы в лабораторных условиях (Итоговый отчет). Архив ВНИИР, М., 1985.

RESTORATION OF PARTHIAN RHYTONS

O.V. Obelchenko

The article is devoted to archeological excavations in Turkmenistan in 1946 which were made by Southern-Turkmenian Archeological Complex Expedition under E.A. Davidovich's guidance and to finding of the unique monuments of the ancient culture — ivory Parthian rhytons in 1948. The work illustrates circumstances of discovery and restoration of valuable finds.

КАВКАЗ

© 2008 г.

С.Н. Корневский

О ЗООМОРФНЫХ ПРОТОТИПАХ КАМЕННЫХ СКИПЕТРОВ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА, РАННЕГО ПЕРИОДА БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И КАВКАЗА*

Цель настоящей работы — изложение версии об интерпретации изображений зооморфных скипетров-наверший посохов эпохи энеолита юга Восточной Европы и Кавказа. Ее главные объекты — каменные изваяния с вырезанной головой животного или некими зооморфными деталями. Дата рассматриваемых вещей, — примерно, V тысячелетие до н.э. в основном его середина и вторая половина, а также IV тыс. до н.э. Методика работы связана с двумя областями исследования. Первая область касается фактологической базы, вторая — затрагивает область интерпретации.

Каменные скипетры — или навершия, наделенные некой знаковой символикой эпохи энеолита и раннего периода бронзового века юга Восточной Европы и Кавказа разделяются на два класса. Класс 1 — скипетры-вставки с выступом в основу, вероятно в деревянную короткую рукоять (черенок) или в длинную палку (посох). Класс 2 — скипетры черенковые, напоминающие жезлы.

Скипетры класса 1.

Наиболее полные типологические сводки скипетров класса 1 даны в работах Б. Говедарицы и Э. Кайзер¹, Д.А. Телегина², В.А. Дергачёва³, И.В. Манзуры⁴. Ниже приводится их типологическая группировка по работам В.А. Дергачёва с небольшими нашими добавлениями

Скипетры зооморфные натуралистические с выступом. Они найдены, как обобщенная форма на городище Хлопково (рис. 1,1), у с. Ариушд (рис. 1,2), в виде более реалистических изображений в Фитионешть (поселение) (рис 1,3), Ржево (рис. 1,4), Драма (рис 1,5), Винул де Жос (рис. 1,6), Феделешень (поселение) (рис. 1,7), Кайраклия (рис 1,8), Сэлкуца (поселение) (рис 1,9), Суворово (погребение) (рис 1,10) Терекли-Мектеб, (рис 1,11) Суводол (рис. 1,12), Касимча (погребение) (рис 1,13), Кокберек (погребение?) (рис 1,14)⁵, Золотоноша Черкасской области (рис. 1,15)⁶.

Скипетры зооморфно абстрактные гладкие Хвалынский (погребение) (рис 2,1), Хвалынский 2а (погребение) (рис 2,2)⁷.

Скипетры абстрактные с оградкой: Бырлэлешть (поселение) (рис 2.3), Обыршень 1 (поселение) (рис. 2,4), Ростов-на-Дону (рис. 2,5)⁸.

Скипетры абстрактные с желобами Константиновское (поселение) (рис 2,6).

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 07-01-00066а.

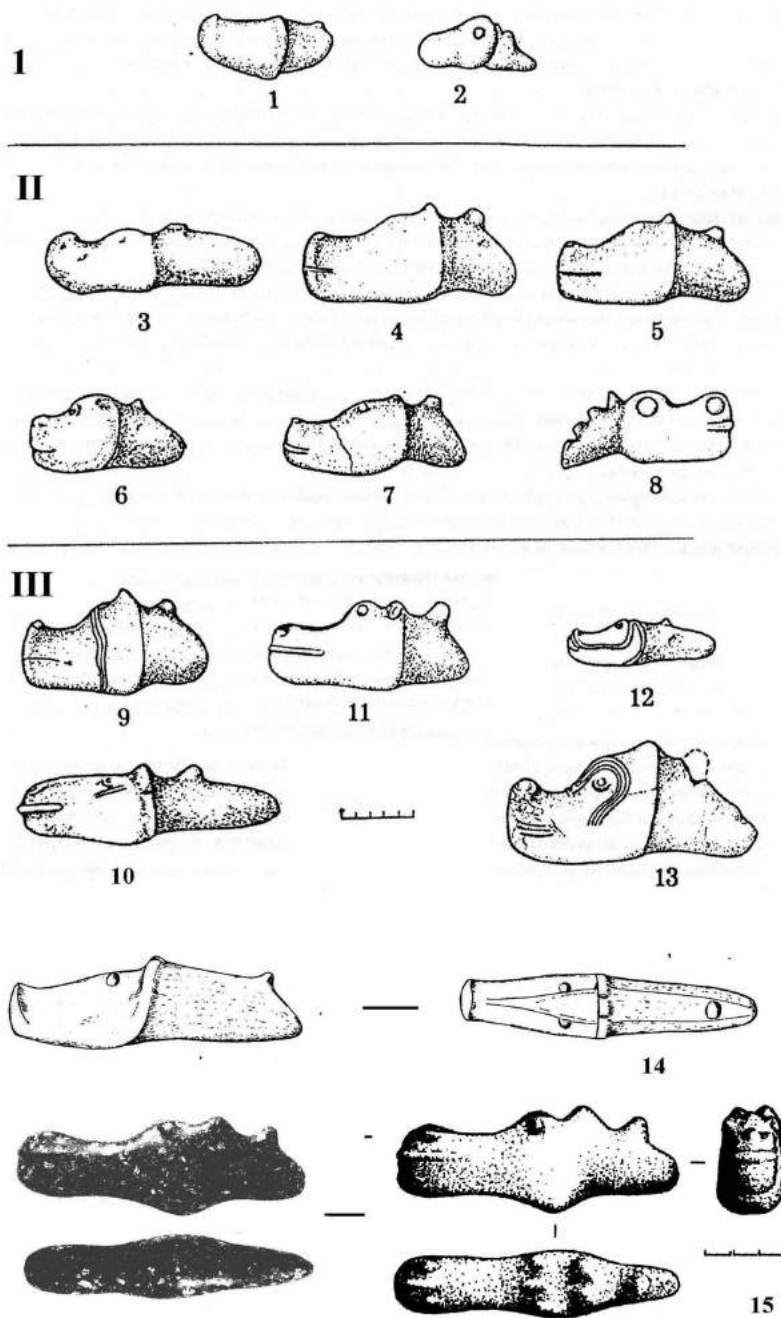

Рис 1. Типология реалистических (натуралистических) зооморфных скипетров по Дергачеву (с комментариями):

I: Обобщенная форма (примитивная) 1 — Хлопково; 2 — Ариушд; II и III: зоо-натуралистическая форма: 3 — Фитинионешть; 4 — Режево; 5 — Драма; 6 — Винул де Жос; 7 — Феделешень; 8 — Кайраклия; 9 — Сэлкуца; 10 — Суворово; 11 — Терекли-Мектеб; 12 — Суводол; 13 — Касимча; 14 — Кокберек; 15 — Золотоноша.

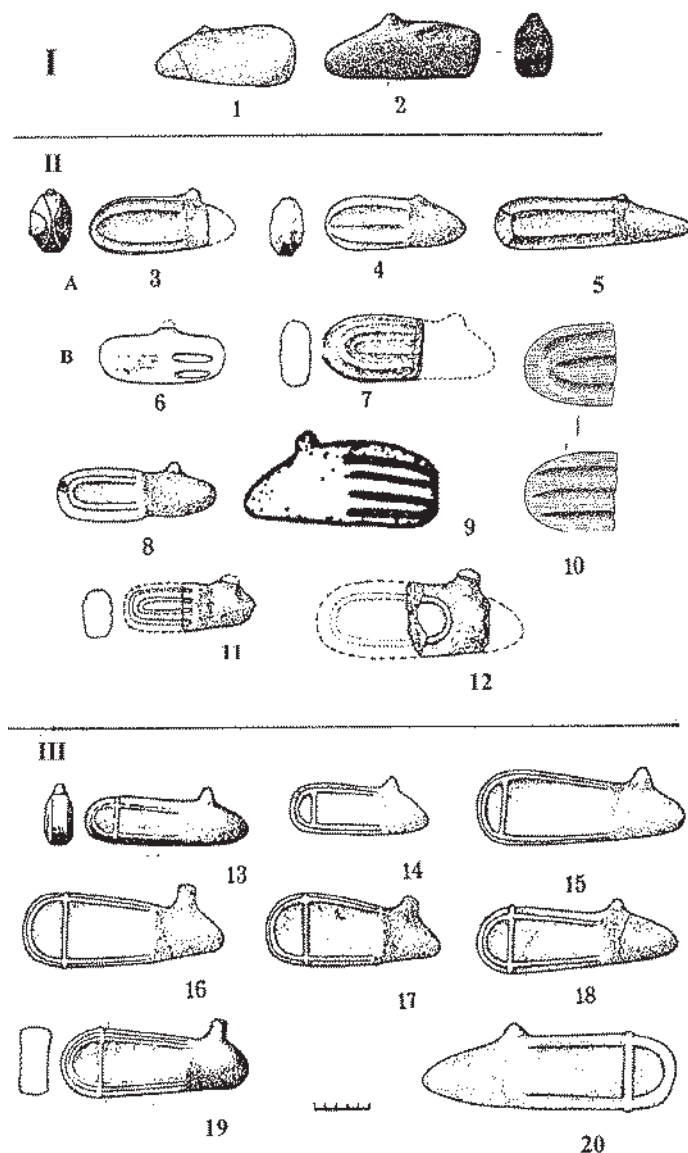

Рис. 2. Типология схематических скипетров по В.А.Дергачеву (с дополнением в списке):

I — Хвалынский тип (абстрактные); II — тип Обыршень — Жора де Суз. Переходная форма (схематические, канелюрованные и желобчатые); III — Архаринский тип (схематические с дуговидной линией и перекладиной)

I: 1 — Хвалынк; 2 — Хвалынк 2а. II: А вариант граненый. 3 — Бырлэлешть; 4 — Обыршень. 1, 5 — Ростов. В вариант желобчатый. 6 — Березовская ГЭС; 7 — Жора де Суз; 8 — Вэлень; 9 — Майкоп (по Телегину); 10 — Ясенева Поляна; 11 — Константиновка; 12 — Ружиноаса. III — 13 — Обыршень 2; 14 — Хлопково; 15 — Самара; 16 — Шляховский; 17 — Архара; 18 — Могошешть; 19 — Орджоникидзе; 20 — Джангр.

Ясенева Поляна (поселение) (рис. 2,10), Березовская ГЭС (поселение) (рис. 2,6), Жора де Суз (поселение) (рис. 2,7), Вэлень (рис. 2,8), Ружиноаса (рис. 2,12)⁹.

Скипетры зооморфные абстрактные с U-образными обводными линиями и линией-перехватом: Обыршень 2 (рис. 2,13), Хлопково 2 (поселение) (рис. 2,14), Куйбышев (рис. 2,15), Шляховский (погребение) (рис. 2,16). Архара (погребение) (рис. 2,17), Могошнешть (рис. 2,18), Владикавказ (рис. 2,19), Джангр (погребение) (рис. 2,20)¹⁰.

Навершия зооморфные втульчатые, топоробразные. Корнэцел (рис. 3,1), Альба Юлия (рис. 3,2), Кюлевчи (погребение) (рис. 3,3), Дагестан (рис. 3,4)¹¹.

Навершие зооморфное, втульчатое, клевцообразное Мариуполь (рис. 3,5)¹², с. Красное Артемовский район Донецкой области (рис. 3,6)¹³.

Навершия зооморфные втульчатые, булавообразные: хут. Чекон (Краснодарский край) (рис. 4,85), с. Аксай Волгоградская обл. (рис. 4,9)¹⁴.

Навершия абстрактно-зооморфные булавообразные втульчатые, двучастные. Мариупольский могильник, (погребение 24) (рис. 4,1), Острогжский музей (рис. 4,2,3), хут. Водопадный (рис. 4,4), Волгоградский музей (рис. 4,5), Копанище I (поселение) (рис. 4,6), Караузенъ (рис. 4,7)¹⁵. Сенькове Харьковской области (р. Оскол)¹⁶ (рис. 4,10).

Форма двучастной булавы необычна для этой категории оружия и никак не связана с его ударными функциями. Двучастность булав-наверший уже прослеживается на втульчатых зооморфных скипетрах типа Аксай-Чекон. Поэтому можно предположить, что двучастные булавы стали наиболее простым выражением зооморфизма с передачей фигуры зверя.

Исследователи давно отметили что распространение скипетров отражает две или три их основных географических зоны. Восточный ареал включает Поволжье, Волго-Донские степи. Западный — пространство от р. Днестр до Подунавья и Карпат. Третий ареал — Предкавказский (рис. 5). В последней зоне их найдено менее всего. Двучастные булавы концентрируются доно-волжском регионе, проникая в Предкавказье (рис. 6). Зооморфные каменные топоры в небольшом количестве найдены в Подунавье (рис. 6).

В западном ареале скипетры реалистических форм датируются по находкам на поселениях узкими рамками Кукутени А-3, А-4 или второй половиной периода Триполье В1¹⁷. Они найдены на территории таких энеолитических культур как Гумельница, Сэлькуцы IV, Криводол, Петрешти, Бубани. В этой же зоне известны и втульчатые скипетры-топоры (Корнэцел, Альба Юлия) (примерно, территория культур Сэлькуца, Петрешти). Дата реалистичного скипетра из погребения 7 кургана II группы Суворово (скелет 1)¹⁸ как и топора из погребении в Кюлевчи определяется в общих чертах дат погребений новоданиловского типа среднестоговской культуры в основном концом Триполья VI-VIВ¹⁹.

В восточном ареале погребений с реалистично выполненными скипетрами неизвестно (по крайней мере, не опубликованы). Нижняя дата скипетров Хвалынского могильника сейчас соответствуют концу Триполья А — началу Триполья В1, а также временем памятников среднестоговской культуры новоданиловского типа (в целом принята дата времени Триполья VI-VIВ). В Предкавказье дата поселения Ясенева Поляна, на котором найден обломок каменного втульчатого навершия и желобчатый скипетр, относится к времени Триполья

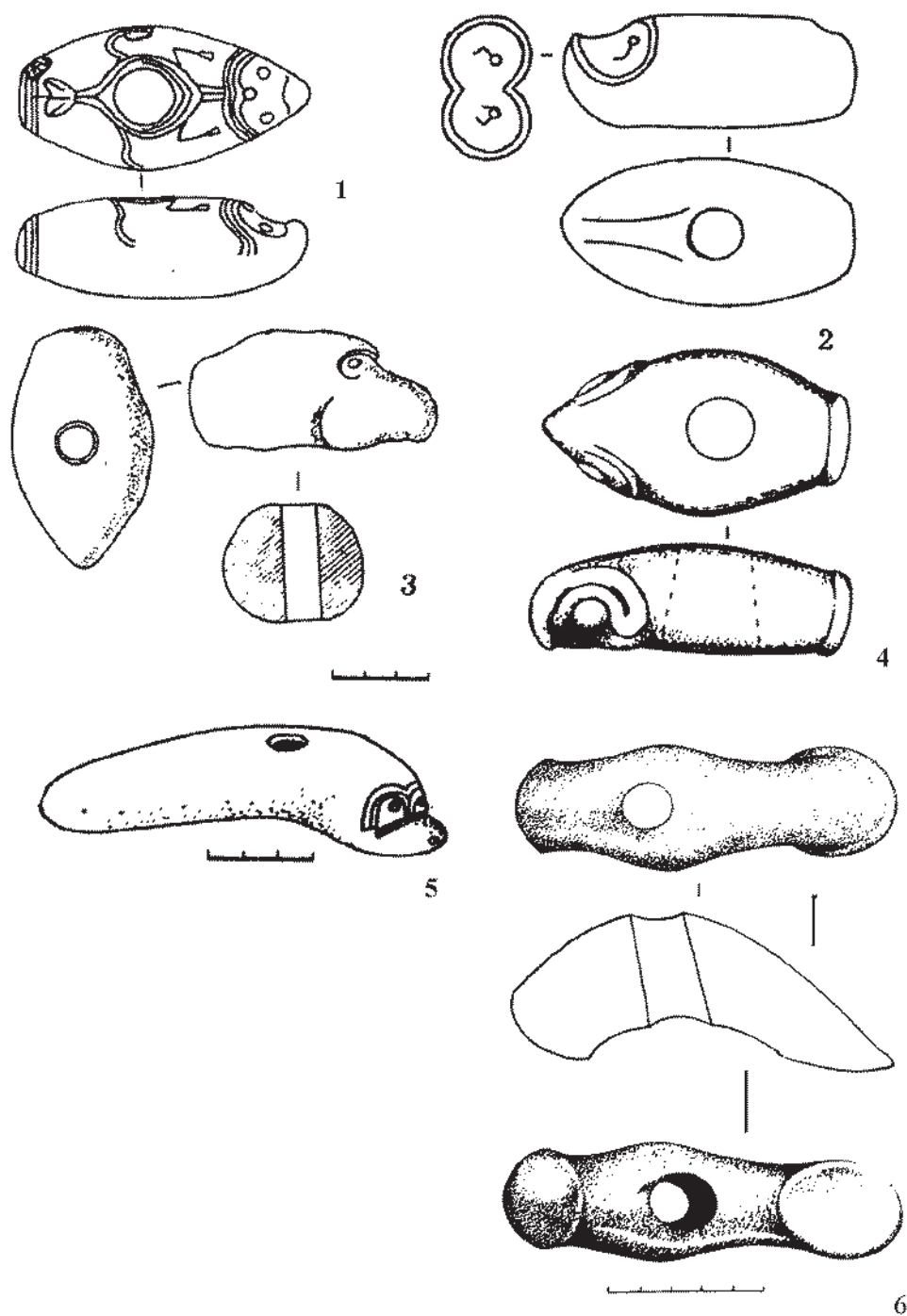

Рис. 3. Зооморфные топоры и клювцы:
1 — Корнэцел; 2 — Альба Юлия; 3 — Кюлевчи; 4 — Дагестан (по Дергачеву); 5 — Мариуполь; 6 — с. Красное.

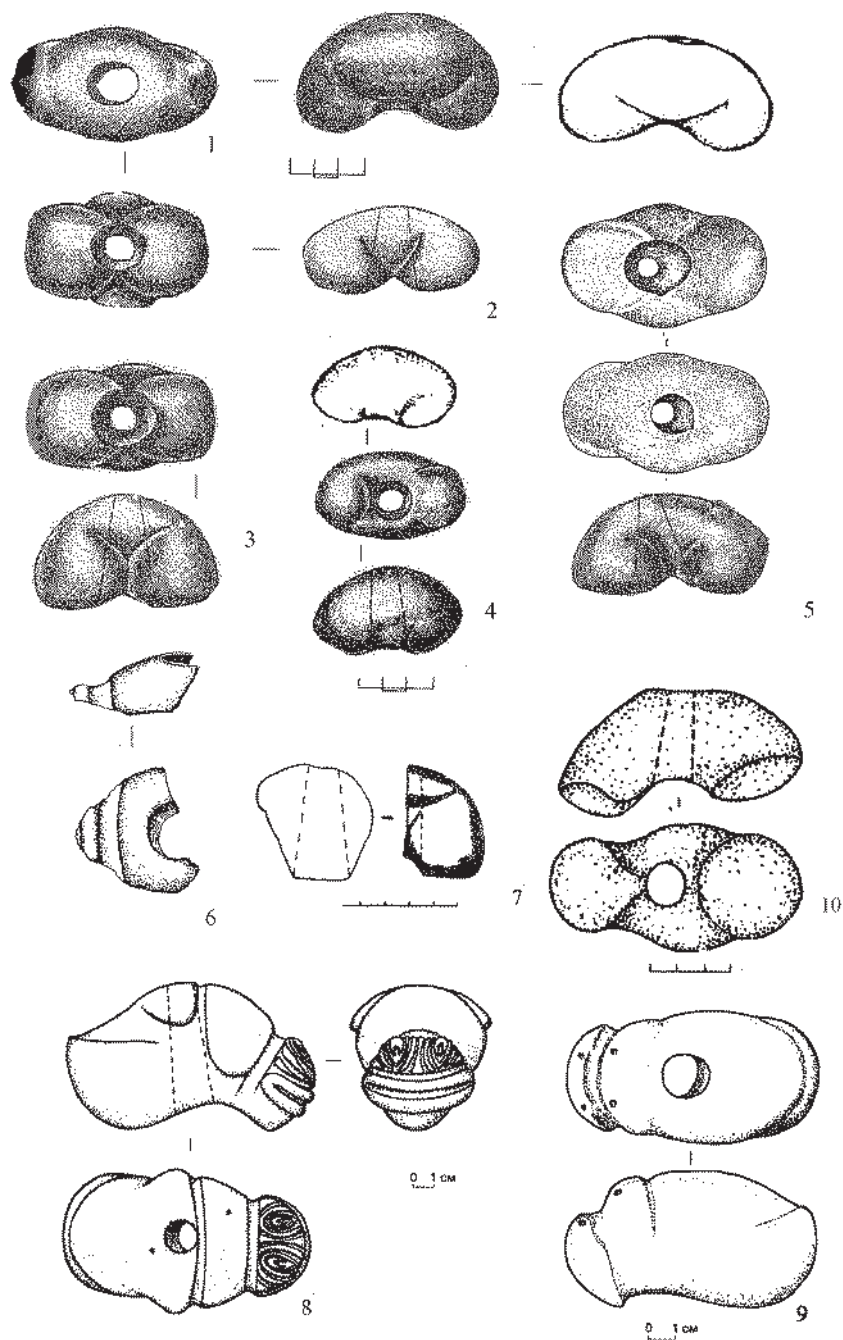

Рис. 4. Булавы двучастные абстрактно-зооморфные:

1 — Мариупольский могильник, погребение 24, — 2,3 — Острогожский музей, 4 — хут. Водопадный; 5 — Волгоградский музей; 6 — стоянка Копанище I; 7 — Карауль, (по Васильеву, Синюку); 8 — Чекон (по Новичихину, Трифонову); 9 — Аксай (по Цуцкину).

VI — Триполья VІВІІ, причем радиоуглеродными датами наиболее обоснован второй интервал. Самая поздняя находка желобчатого скипетра связана с Константиновским поселением. Она не исключает дату скипетра временем майкопской культуры (то есть IV тыс. до н.э.). Но без собственных даты этого памятника о возрасте его компонентов вопрос открыт²⁰.

Где и когда ранее всего появились скипетры вообще — предмет долгих споров. Есть точки зрения об их восточной прародине (Даниленко, Шмаглей, Гимбутас, Дергачев, Сорокин. Энтони, Мэлори, Комша) и западной, по крайней мере, для реалистических форм (Збенович, Сафронов, Резепкин, Говедарица и Кайзер, Манзура)²¹.

В западном ареале они являются атрибутом кукутени-трипольского общества, в котором и возникли, как считает И.В. Манзура²². В восточном ареале они относятся к хвалынской культуре или ее «курганным» дериватам, культурная принадлежность которых пока точно не определена: так называемые памятники новоданиловского типа среднестоговской культуры²³ или памятники протоямной культуры: Шляховский, Джангр, Архара.

Если рассматривать картину более детально по типам реалистичных, абстрактно-желобчатых и абстрактных U-образных скипетров, то получится следующая статистика.

Реалистичные скипетры и зооморфные каменные топоры в западном ареале известны только из погребений с «протоямным» обрядом захоронения покойных на спине скорчено с посыпкой охры (Суворово, Касимча, Кюлевчи). Сведений об их находках в погребениях с аналогичным «протоямным обрядом» на востоке нет (точнее, не опубликовано). Зато именно с восточным ареалом скипетров связаны находки в погребениях абстрактных скипетров архаринского простейшего типа и типа U-образным орнаментом (Хвалынский могильник, Шляховский, Архара, Джангр). Скипетры желобчатой формы из погребальных комплексов не известны.

В целом, статистика позволяет ставить вопрос о том, что именно погребальные традиции энеолитического населения юга Восточной Европы с канонами положения умерших сородичей на спину с посыпкой охрой включали в свои правила помещение каменного скипетра или зооморфного навершия в могилу.

Для погребальных канонизированных культур земледельцев и скотоводов Балкано-дунайской ориентации такой статистики вообще не отмечено, если вспомнить комплексы некрополей Дуранкулака, Варны и прочих могильников. Этот факт позволяет считать, что скипетр получил особое место вещи погребального обряда именно в мифологии восточноевропейского населения энеолита с «протоямными» традициями захоронения. У оседлых поселенцев культур круга Кукутени-Триполья об этом мало что известно, хотя использование аналогичных скипетров-наверший в их культах несомненно.

В целом каменные скипетры или втульчатые зооморфные навершия в рассматриваемом круге памятников являлись как бы «межкультурными» предметами, отражали сформировавшиеся каноны символов веры для совершенно различных по происхождению и путям формирования племен земледельцев и пастушеских скотоводов. Что же это были за символы веры и кого они изображали?

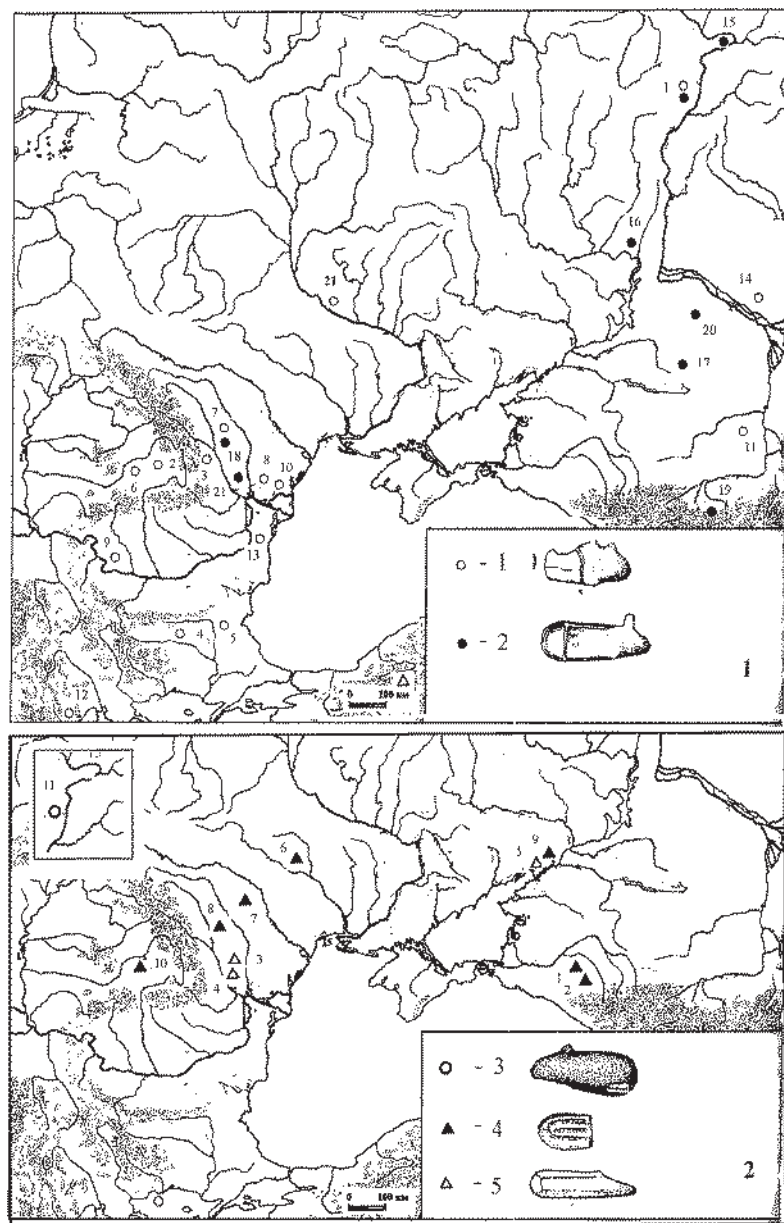

Рис. 5. Ареал скипетров U-образной формы с перекладиной и натуралистической формы. (по. Дергачеву, с комментариями):

1: 1 — Хлопково городище, 2 — Ариушд, 3 — Фитионешть, 4 — Режево, 5 — Драма, 6 — Винцу де Жос; 7 — Ружиноаса; 8 — Кайраклия; 9 — Сэлкуца; 10 — Суворово; 11 — Терекли-Иектеб; 12 — Суводол; 13 — Касимча; 14 — Кокберек; 15 — Самара; 16 — Шляховский; 17 — Архара; 18 — Могошешть; 19 — Владикавказ; 20 — Джангр; 21 — Обыршень. 2: 1 — Майкоп; 2 — Ясенева Поляна; 3 — Обыршень; 4 — Бырлелешть; 5 — Ростов; 6 — Березовская ГЭС; 7 — Жора де Суз; 8 — Ружиноаса; 9 — Константиновск; 10 — Вэлень.

Реалистическая традиция. Каменные скипетры-вставки представляют из себя искусно сделанные предметы четко определенных форм нескольких типов, о которых упоминалось выше. На их изготовление шли разные породы камней. Чаще всего диорит и гранит, реже — порфирит, амфиболит, базальт, песчаник²⁴. Их изготавливали порой явно мастера своего дела — одаренные в художественном отношении люди, резчики по камню. Отдельные из них были способные передать в камне портретные, реалистические черты животного (Суворово) или искусно вырезать детали моды воображаемого зверя. То же самое можно сказать в отношении мастеров, сделавших каменные скипетры-топоры, скипетр-клевец. Хорошее чувство симметрии должно было быть у камнерезов, изготавливающих абстрактные скипетры с линиями обводами и поперечной полосой, так называемые скипетры Архаринского типа. Наиболее просты в изготовлении были двучастные булавовидные скипетры. В целом, изготовление подобных художественных вещей — удел не всех.

Накопленные материалы уже не говорят о единичных формах скипетров. Они иллюстрируют довольно определенные каноны и как бы три направления в их семантике: натуралистическое, стилизованное и абстрактное. Предметы первого натуралистического направления единичны. В других случаях мы сталкиваемся с кодированной стилизацией образа или с его полной абстракцией. В последнем случае вещь теряла всякую наглядность натуры и превращалась в знак или символ, который могли понять только посвященные лица.

Среди скипетров, изображенных в натуралистической манере можно отметить только одну вещь, находку из Суворово (рис. 1,10). Она отражает голову эквида и весьма похожа на голову эквида, запечатленного на серебряном майкопском кубке. (рис. 6,4) Выгравированный на кубке зверь — это либо онагр, либо лошадь Пржевальского поскольку хвост у него заканчивается кисточкой — предмет охоты или культового поклонения. При этом нет никакой уверенности, что прообразом скипетра из Суворово была лошадь домашняя и это было свидетельство об ее приручении. Поэтому данных о древнем коневодстве рассматриваемая вещь не несет.

Все остальные так называемые реалистические скипетры представляют из себя стилизацию некоего образа. Они имеют уплощенную прямоугольную форму сечения, «курносый» профиль, как правильно отметил А.Д. Резепкин²⁵. Скипетры различаются деталями, пропорциями головы. Но в целом по ним можно составить некий обобщающий портрет животного. Для этого собирательного образа характерны «курносость», крупная пасть гораздо более длинная, чем пасть у лошади, в одном случае горбинка на носовой кости. У зверя-прототипа были крупные ноздри, уши, грива на загривке. Глаза обрамлялись надбровными дугами. Для их подчеркивания использовалась тройная линия обводки. На профиле головы, по середине морды может изображаться выпуклая линия, заходя на приподнятый нос.

Курносость морды отражена также зооморфных булавах типа Аксай-Чекон. Особенно красочна вторая находка (рис. 7,6). Перед нами сильно стилизованное, тупорылое животное с раздутыми ноздрями, «губастым ртом», отвислыми ушами. Находка из Аксай передает тот же образ, но сделана проще.

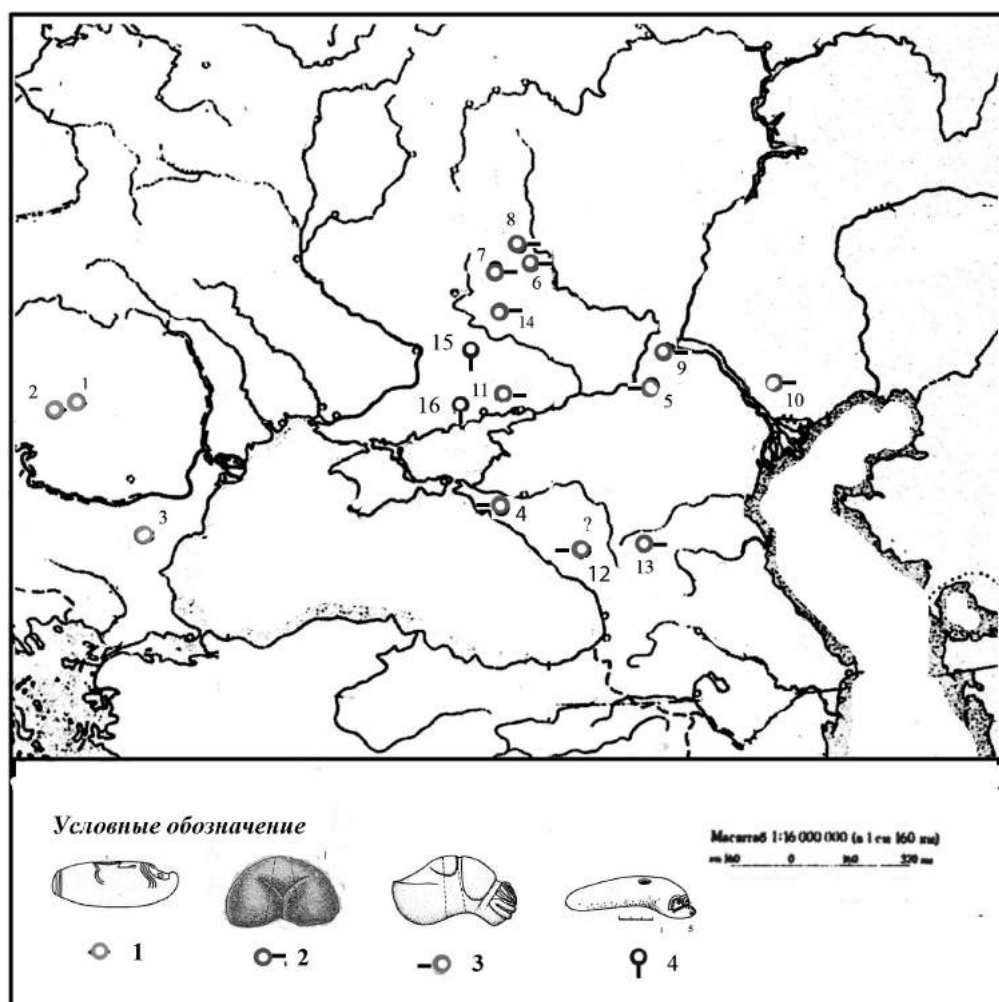

Рис. 6. Ареал зооморфных топоров, булав, клевцов:

1 — Альба Юлия; 2 — Корнэцел; 3 — Кюлевчи; 4 — Чекон; 5 — Аксай; 6, 7 — Остро-
гожский музей; 8 — Копанище; 9 — Вогоградский музей; 10 — Караузен; 11 — Ма-
риупольский могильник; 12 — Ясенева Поляна; 13 — Водопадный; 14 — Сенькове;
15 — Красное; 16 — Мариуполь.

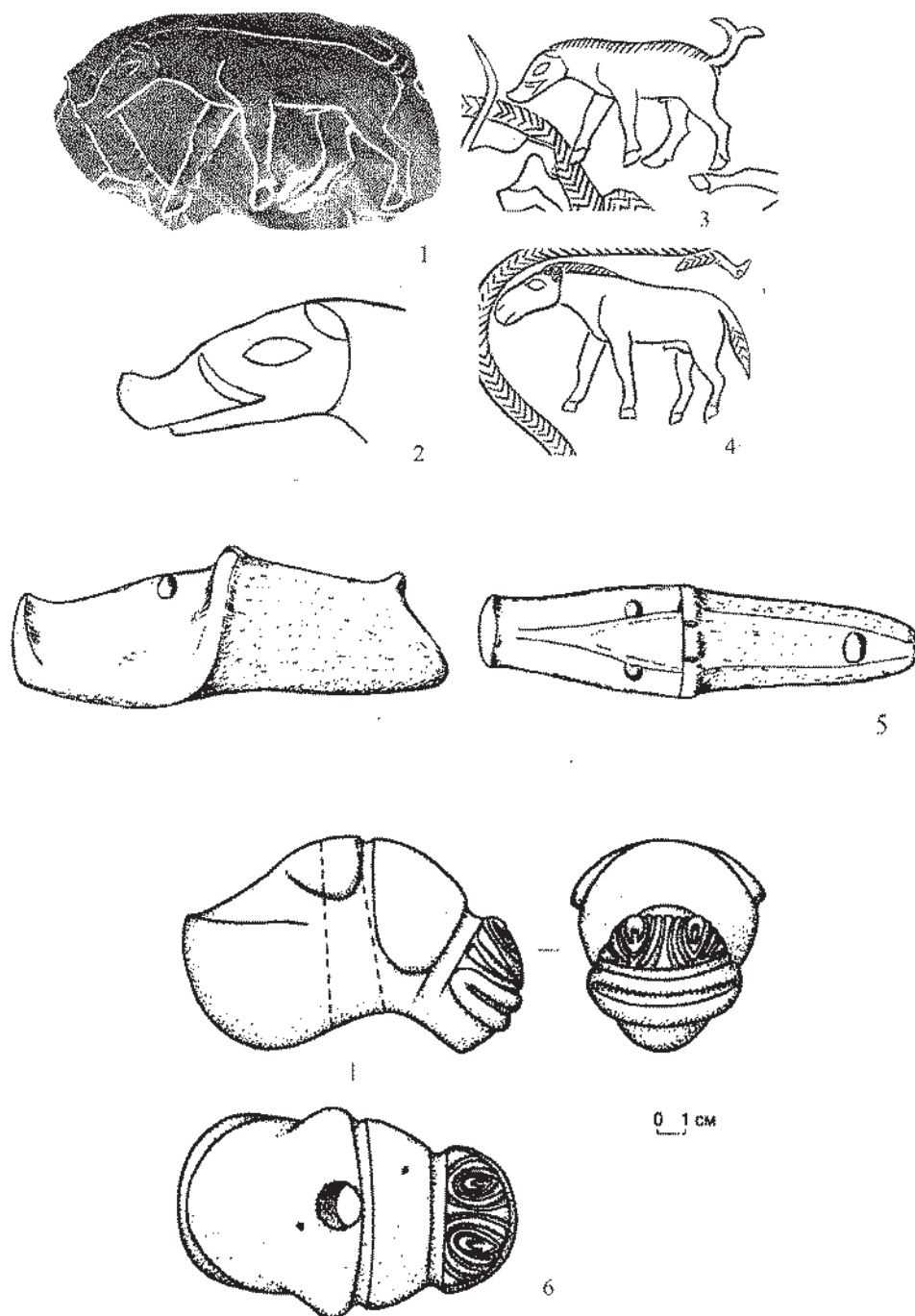

Рис. 7. Изображения на майкопском кубке и «курносые» скипетры:
 1 — фото с иллюстрации Б.В. Фармаковского; 2 — морда кабана увеличена; 3 — фигу-
 ра кабана; 4 — фигура онагра; 5 — Кокберек; 6 — Чекон

Курносый профиль головы животного передан на каменных втульчатых топорах-скипетрах, (Альба Юлия, Корнэцел из Румынии).

Другие, «не курносые» образы зверей редки. Так на топоре из Кюлевчи выделены только нависающие надбровные дуги, глаза, но нет курносого профиля (рис. 3,3), тоже самое прослеживается на клевце из Мариуполя (рис. 3,5). Топор из Дагестана (рис. 3,4) возможно снабжен двумя глазами. Но его зооморфный прототип весьма проблематичен.

Оригинальна находка то ли клевца-молота из с. Красное (рис. 3,6). Его ударная часть напоминает копыто или утиный клюв.

Ниже попытаемся дать интерпретацию образов животных, изображаемых на рассмотренных выше скипетрах.

Дельфин Крутолобые образы морды зверя с небольшим прямым носом изображены на топоре из Кюлевчи (рис. 3,4) и на клевце из Мариуполя (рис. 5,5) — это редкие изображения, лишенные «курносости». Возможно, они передают голову дельфина. Места их находок не так далеки от водной стихии, где водились такие морские животные. Но «курносые» изображения не напоминают этого зверя.

Кабан. А.А. Иессен полагал, что реалистические скипетры (Терекли Мектеб) напоминают кабана²⁶.

А.М. Новичихин и В.А. Трифонов, отмечая мнение А.А. Иессена, замечают, нельзя делать вывод, что все реалистические скипетры изображают это животное²⁷. Они более склоны разделить точку зрения Б. Говедарицы и Э. Кайзер о том, что большинство реалистических скипетров иллюстрирует «преднамеренное искажение реального образа животного и превращение его в фантастический персонаж»²⁸.

Очень широко распространена «лошадиная версия» интерпретации зооморфных реалистических и абстрактных скипетров²⁹. Но за исключением находки из Суворова (рис. 1,10) ни один из скипетров не имеет подлинно профиля головы эквида, который, например, изображен на майкопском кубке (рис. 7,4). Они в основном все — «курносики». А курносый профиль для лошади не типичен.

В 2006 году мне также пришлось затронуть поднятую тему о семантике скипетров³⁰. Для поиска прототипа животного, которое могло бы стать прообразом каменных «курносики», я посетил музеи им. Дарвина и Зоологический музей АН РАН в Москве, поскольку в них имеются чучела европейских кабанов. Особенно интересен был зверь из Дарвинского музея. Это матерый вепрь. Его шкура имеет скорей всего полный наряд. (То есть он не находится в период линьки). На его кабана проступает опушка щетины с седой проседью, выделены длинные бакенбарды, тянущиеся вдоль морды и поднимающиеся вверх, чуть позади носа-пяточка. На загривке — внушительная грива. Уши острые. Над глазами нависают надбровные дуги, и участок носа имеет небольшую горбинку. А вот клыки кабана — совершенно не видны (рис. 8).

При сравнении с этой натурой каменных натуралистических скипетров при некотором воображении можно предположить, что прототипом для «курносых» скипетров мог стать именно образ кабана (рис. 8,1,2,4), при чем вид матерого зверя в расцвете сил. Подчеркивались мелкие для нас, но важные для древних

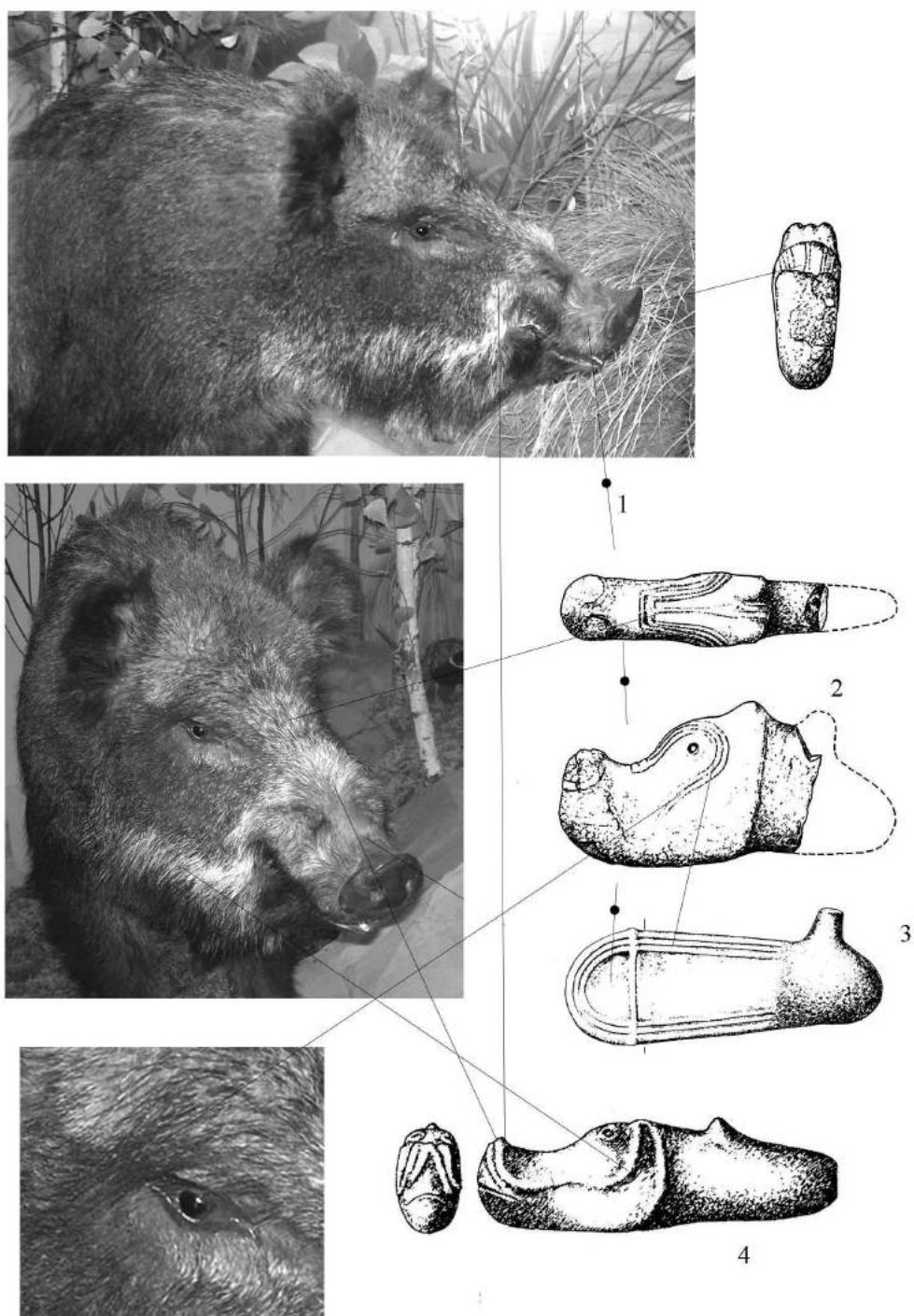
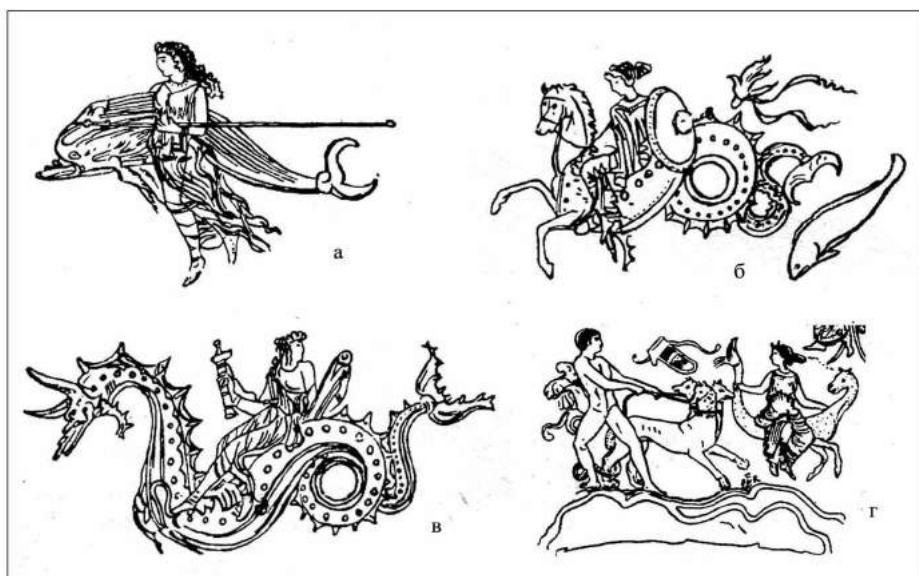
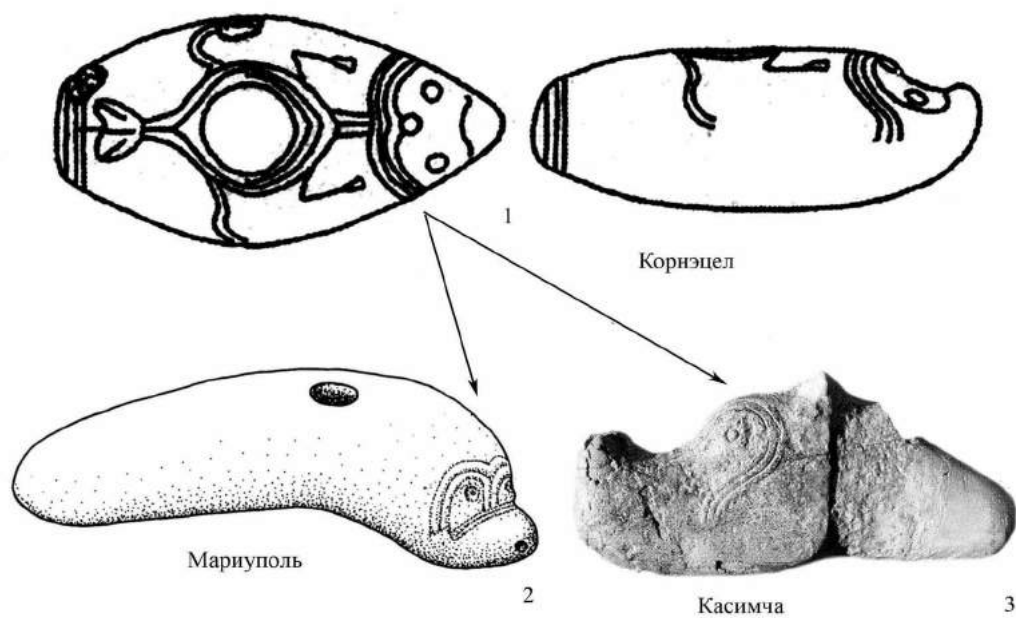

Рис. 8. Кабан и скипетры:

1 — Чучело кабана в Дарвинском музее; 2 — Касимча; 3 — Владикавказ; 4 — Суводол

4

Рис. 9. Топор из Корнэцел и гиппокампы:
1 — Корнэцел; 2 — Мариуполь; 3 — Касимча; 4 — рисунки на греческой вазе (по Кун)

людей, детали морды. Прежде всего курносый нос-пятачок, крупные ноздри, длинная пасть, бакенбарды (Сэлкуца), заходящие на нос (Суводол), надбровные дуги (Касимча), складки кожи, небольшие уши (Терекли Мектеб), грива (Кайраклия). Наиболее близок к натуре скипетр из Кокберека. (рис. 7,5). Его нос имеет горбинку. Именно так передавал образ кабана, например, художник, изобразивший его на серебряном майкопском кубке из кургана Ошад (рис 7,1,2,3.). Другие реалистические скипетры более стилизованы и у них нет горбинки носа. Почему? Видимо на это были свои причины. Случайности тут нет, скорее всего правила диктовали художникам свой тип «курносости», как бы уводя образ от реального прототипа в область гипотетической (мифологической) стилизации.

Ящер. Так кто же мог быть этот мифический зверь, наделенный чертами, присущими кабану? И можем ли мы обсуждать этот волшебный персонаж. Да, можем. Для этого обратим внимание на каменные скипетры-топоры из Корнэцел и Альба Юлии (Румыния), относимые к эпохе неолита или, по крайней мере, к ранней стадии производства каменных топоров и отверстием, действительно возникших в неолите или в энеолите балкано-карпатских культур³¹. У обоих топоров из Корнэцел и Альба Юлии одинаково смоделирована курносая мордочка. На топоре из Корнэцел голова выделена тремя параллельными линиями (рис. 9,1). Здесь применен тот же самый прием декора (или символики?) который использовался на клевце из Мариуполя или фигурке из Касимча (рис. 9, 2,3).

На скипетре из Альба Юлии показаны два глаза, а на топоре из Корнэцел даже три — явный признак мифологического существа. Самое главное, это мифологическое существо хорошо различимо при виде топора сверху (рис. 9,1). Художник дорисовал к трехглазой мордочке тулово, используя прием строенных или сдвоенных линий. Передана относительно длинная тонкая шея, втулка вписана само тело-туловище. Передние лапы меньше задних лап и снабжены ластами или перепонками. Задние лапы крупные и тоже с ластами. У монстра есть мощный хвост, но не рыбий. Он поставлен в горизонтальной плоскости. Таким хвостом обладает дельфин.

Но это не дельфин, конечно. У дельфина нет «курносой» морды и таких волшебных лап. Зверь связан с водной стихией и только напоминает это морское животное. Иными словами, перед нами изображен водоплавающий монстр — мутант, созданный человеческой фантазией с чертами головы курносого зверя, хвостом дельфина, разновеликими лягушиными лапами-ластами. В русской мифологической традиции его можно принять за ящера — обитателя нижнего мира мертвых, то есть монстра с туловищем змея, но с ногами-конечностями. Именно так и выглядит ящерица. В греческой и скифской мифологии таким морским монстром может стать одна из разновидностей гиппокампов (рис. 9,4-7). (По гречески, гиппо — лошадь, камп — гусеница)³².

Гиппокамп или Драгонкамп. Кто же такие были гиппокампы? Знаем мы о них из греческой мифологии мало. Гиппокампы были фантастическим созданием воображения греческих художников. Они имели голову лошади, ее передние ноги, змееподобное тулово плавники и раздвоенный дельфиний хвост. Жили они в царстве Посейдона и в царстве Аида. Во время Троянской войны гиппокампы стали средством перевозки нимф, несущих оружие, выкованное Гефе-

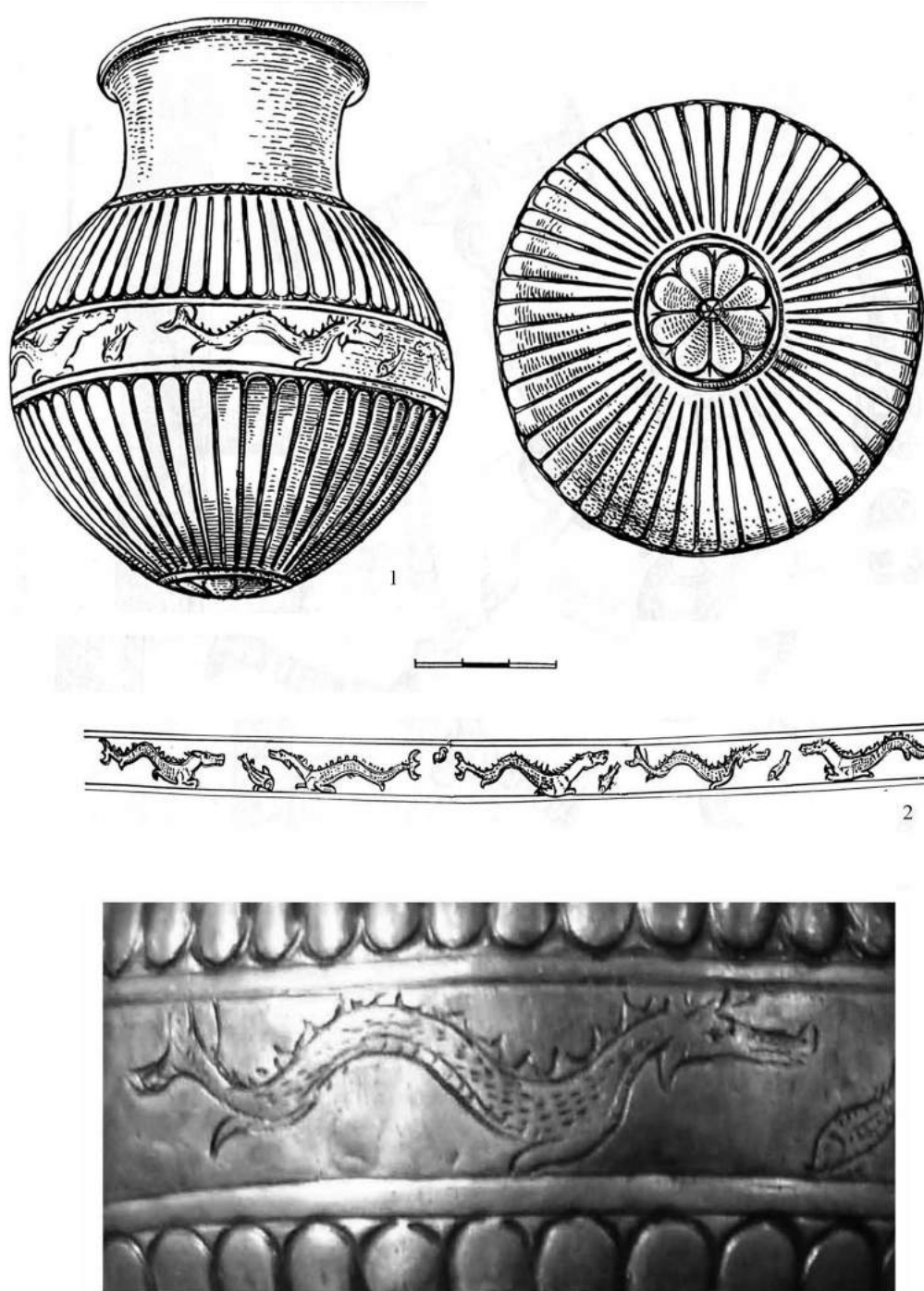

Рис. 10. Ваза из Дуровки, курган 14 (по Пузиковой):
1 — ваза; 2 — орнаментальный пояс; 3 — драгонкамп (фото автора)

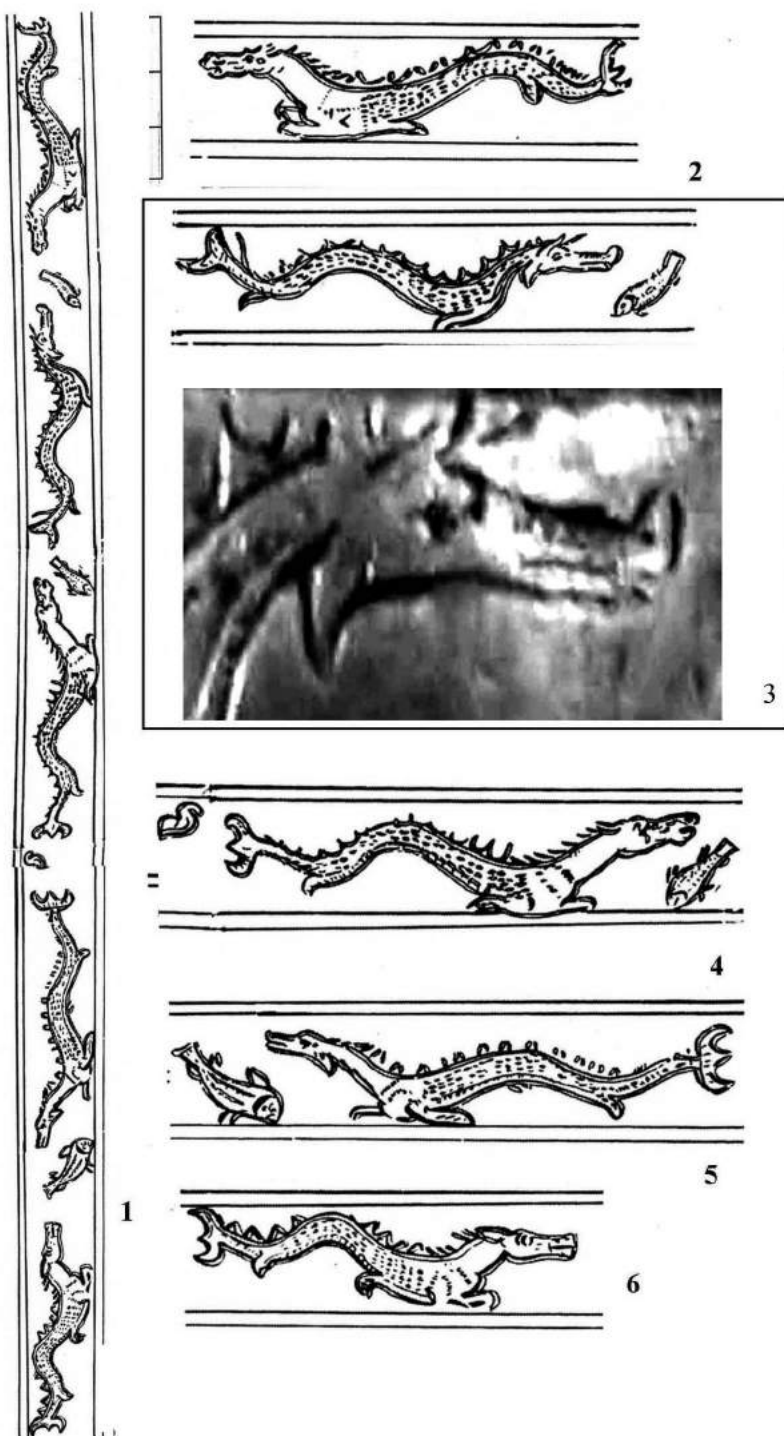

Рис. 11. Гиппокампы и драгонкампы на вазе из кургана в с. Дуровка (по Пузиковой)

стом, Ахиллу. Пожалуй, и все что о них известно (рис. 9,4-7)³³. Но эта информация явно не полная. Глядя на изображения греческих гиппокампов, сразу заметно, что среди них есть существа с драконьей головой, так называемые «драгонкампы» (рис 9,3). Туловище драгонкампов мало, чем отличается от туловища гиппокампа, но морда создана не на основе лошади, а на основе некоего курносого зверя или головы морского конька. Последнее не исключено, но морской конек — это рыба и у него не может быть ни ног, ни стоячих ушей, ни дельфиньего хвоста, ни лап.

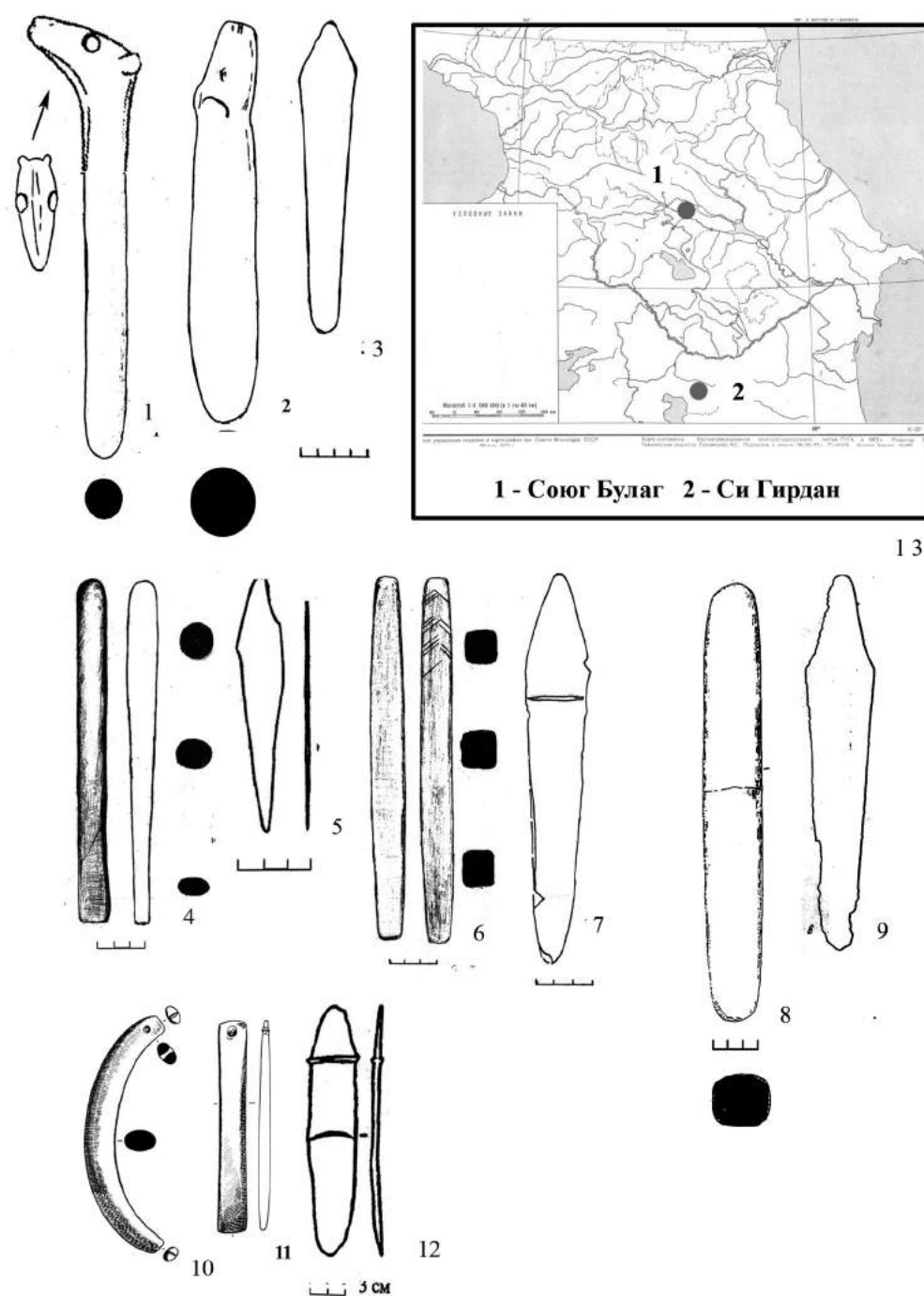
Интересный фриз с гиппокампами и драгонками отражен на серебряной вазе из скифского кургана у с. Дуровка³⁴. Всего на ней показано пять мифических существ. Три из них — гиппокампы, Два других — мифические драконы (рис. 10). У изображаемых драгонкампов морда передана как курносое рыло животного с торчащими вверх ушами, на голову рыбы оно не похоже. (рис. 10, 3, рис. 11,3). У рыб ушей не бывает. Туловище длинное, змееподобное и заканчивается дельфиньим хвостом. У водного драгонкампа есть четыре лапы, вместо передних ног настоящего гиппокампа (рис. 10,3). То есть по ряду важных признаков (курносый профиль головы, туловище с хвостом дельфина, лапы или лапы с лапами) этот мифический персонаж фракийско-греко-скифского пантеона божеств совпадает с изображением ящера-дракона на каменном топоре из Корнэцел эпохи нео-энеолита.

В итоге наших рассуждений мы можем предположить, что фантастический зверь, скрытый в стилизованном образе «курносых» каменных наконечников и есть прообраз зооморфного божества с чертами кабана или водного дракона-ящера. В его фигуре могли воплотиться признаки разных существ земли и моря, что совершенно не удивительно для мифологического мышления людей далекого прошлого. Так, например, в мифах об Язоне и Асклепии упоминается волшебный кабан-дракон, рожденный в образе змея³⁵. В рассматриваемом случае энеолитический ящер создан на основе изображения кабана, дельфина и морского конька. Последний прототип — морской конек — уже обсуждался в литературе³⁶.

Абстрактные скипетры. Идентифицировать напрямую другую обширную группу абстрактных скипетров с каким — либо образом (зверя, морского животного, рыбы) невозможно. Его вид полностью закодирован, хотя эта кодировка выдерживается в жестком каноне декора у скипетров архаринского типа с обводкой по периметру и линией-перехватом. Менее — у скипетров с желобами. Версия о том, что на скипетрах архаринского типа можно различить деталь конской узды весьма спорна. Об этом хорошо и верно написали А.М. Новичихин и В.А. Трифонов³⁷. И все же, что немного можно отметить в особенностях этих загадочных предметов.

Во-первых, скипетры архаринского типа имеют то же самое плоское, прямоугольное сечение корпуса, как и зооморфные реалистические скипетры. Это является указанием на единство формальной основы для передачи изображения как явно животного, так и некой абстракции.

Но каплевидная форма абстрактных скипетров с расширением к скругленному окончанию не напоминает ни один абрис головы зверя, ни деталь человеческого тела, например, фаллоса³⁸. Декор абстрактных скипетров тремя, двумя обводными линиями по контуру и поперечной линией — перехватом делит

13

Рис. 12. Каменные скипетры — оселки и кинжалы раннемайкопского типа:
 1, 3 — Союг Булаг к. 1 п. 1; 2 — Азербайджан; 4, 5 — Сунжа, к. 14 п. 1; 6, 7 — Сунжа, к. 21 п. 1; 8, 9 — Усть-Джегутинская к. 13 п. 1; 10-12 — Майкопский курган; 13 — карта на-
 ходок скипетров типа Си Гирдан.

скипетр как бы на две части. Переднюю — «голову» и заднюю — «туловище». Но так ли это? Трудно сказать.

Очевидно одно. Декор орнаментом в виде сдвоенных, строенных выпуклых линий на скипетрах абстрактной формы есть не что иное как элемент, подчеркивания глазниц, области головы реалистических скипетров и топора -скипетра из Корнэцел. Поэтому абстрактные скипетры, может быть, — это еще один фантастический образ «ящера» или некоего иного волшебного зверя, переданный лишь намеком, скупым приемом орнаментации. Но доказательств для такой версии нет, лишь общие рассуждения.

Небольшая группа абстрактных скипетров с желобами, куда входит обломок скипетра с Ясеновой Поляны, может рассматриваться как некая побочная ветвь в типологовании форм скипетров архаринского типа. Желоба и линии обводов у них могли иметь некий знаковый смысл. Но ареал этих находок пока довольно узок.

Класс 2 — скипетры-жезлы.

Каменные скипетры-жезлы, часто с зооморфными окончаниями открыты на Южном Кавказе относительно недавно Т.И. Ахундовым при раскопках погребений культуры Лейлатепе в Азербайджане. Ранее подобная вещь была обнаружена О. Мускареллой в кургане III местности Си Гирдан на границе Ирана с северной Месопотамией.

Зооморфные скипетры-жезлы известны из Азербайджана: курган I погребения 1 у с. Союг Булаг, место находки другого мне точно не известно. Первый скипетр имел длину 35 см, второй 32 см. (рис. 13. 1,2)³⁹. В состав комплекса погребения 1 кургана I входил бронзовый бесчеренковый кинжал раннего майкопского типа (рис. 13,3), золотые бусы и одна бусина из лазурита. Все эти вещи указывают на очевидный высоко престижный характер захоронения. Оба скипетра выполнены в манере стилизации реальных образов неких животных, скорей всего копытных, не хищников.

Скипетр из гробницы кургана III Си Гирдан отражает довольно реалистическое изображение головы хищника, кошачьего, как отметил О. Мускарелла (рис 13,4). Важно отметить, что он имеет также как и скипетр из Союг Булага круглое сечение стержня.

Само погребение в кургане III Си Гирдан представляет прямоугольную собой яму 3,5х2х1,2 м., ориентированную по линии запад-восток Яма была перекрыта деревом, а поверх него каменной наброской. Дно выстлано галькой и находилось в материковом грунте. Скелет взрослого человека лежал скорчено на правом боку по центру захоронения головой на юго-запад. Он весь был покрыт охрой. Между черепом и стенкой могилы находилась скопление вещей. В него входили скипетр длиной 37 см, фрагмент бронзового ножа длиной 12,8 см (не опубликован), бронзовое тесло длиной 13,4 см. В могиле также найдены обломки серебряного сосуда, двух серебряных стержней бусы из золота, камня и пасты, а также обломки керамики. Обряд погребения этого захоронения близок майкопской традиции погребальной практики, если вообще не является майкопским (рис. 14), как давно отметил Ж. Десай⁴⁰.

В собственно майкопских погребениях Предкавказья пока зооморфных скипетров неизвестно. Вместо них в сочетаниях с бронзовыми кинжалами неодно-

кратно встречаются так называемые каменные оселки. Некоторые из них имеют цилиндрическое строение с круглым сечением. Например, в Сунженском могильнике у г. Владикавказа П.К. Козаева⁴¹ раскопал захоронения, в которых были зафиксированы погребения майкопской культуры (галюгаевско-серегинской вариант) с клинками раннемайкопского типа и оселками необычной формы. Один такой оселок найден в кургане 14 погребение 1 (рис. 13, 5,6), другой в кургане 21 погребении 1 (рис. 13,7,8), Оселок из погребения 1 кургана 14 имеет двойное сечение круглое и овальное, длина предмета 17 см. (рис. 13,5). Сечение оселка из кургана 21 подквадратное. Округлое сечение каменного изделия из кургана 14 сближает эту находку с зооморфными скипетрами типа Си Гирдан. Оселок круглого сечения известен также из майкопского погребения в кургане у ст. Андрюковской (Фонды ГЭ). Другие майкопские оселки порой имели крупные размеры, как например, в погребениях курганов Сунженского могильника (рис. 13, 6,7) или Усть-Джегутинского могильника (рис. 13,9,10). Но сечение их подпрямоугольное скругленное или овальное. Все эти вещи тщательно отделаны и зашлифованы. В Майкопском кургане вообще найдено два великолепно отполированных оселка. Один изогнутый, овального сечения, другой прямой линзовидного сечения. Оба имеют отверстия на одном конце. При всех этих вещах обнаружены кинжалы раннемайкопского типа (рис. 13,11-13). Таким образом, можно предположить, что майкопские «оселки» могли играть не простую функциональную роль, а также иметь какое-то особое знаковое значение в погребальном обряде, возможно, в чем-то близкое роли скипетра-жезла.

Выводы.

Первое. Так называемые реалистические скипетры-вставки восточноевропейской традиции отражают сложение у населения степной и лесостепной зоны энеолита времени Триполья VI-VIII устойчивых зооморфных культов, образы которых начали использоваться на жезлах и формах оружия. Прототипами для этих изображений служили известные по единичным экземплярам изображений в камне лошадь Пржевальского или онагр, а также, возможно, дельфин. Наиболее массовыми находками представлены образы, созданные на основе «курносой» головы кабана. Четко фиксируется фантастический персонаж водного ящера или дракона с дельфиньим хвостом и стилизованной мордой вепря, своеобразного прототипа древнегреческих драгонкампов.

В распространении зооморфных наконечников эпохи энеолита выделяется две главных зоны. Первая связана с нижним Подунавьем (Румыния, Болгария) и Прутом, где более всего учтены «курносые» зооморфные скипетры, здесь же фиксируется образ ящера.

Вторая зона связана с областью Приазовья, среднего, Нижнего Дона и Прикубанья. Она отражает сложившийся здесь у племен среднестоговской общности оригинальный тип двучастной зооморфной булавы, представляющей собой всего вариацию на тему кабаньей курносой морды или кабано-подобного, иного волшебного зверя.

Эти находки позволяют ставить вопрос о почитании племенами разных культур культа кабана, более локальных культов лошади — онагра, дельфина и волшебного ящера-дракона.

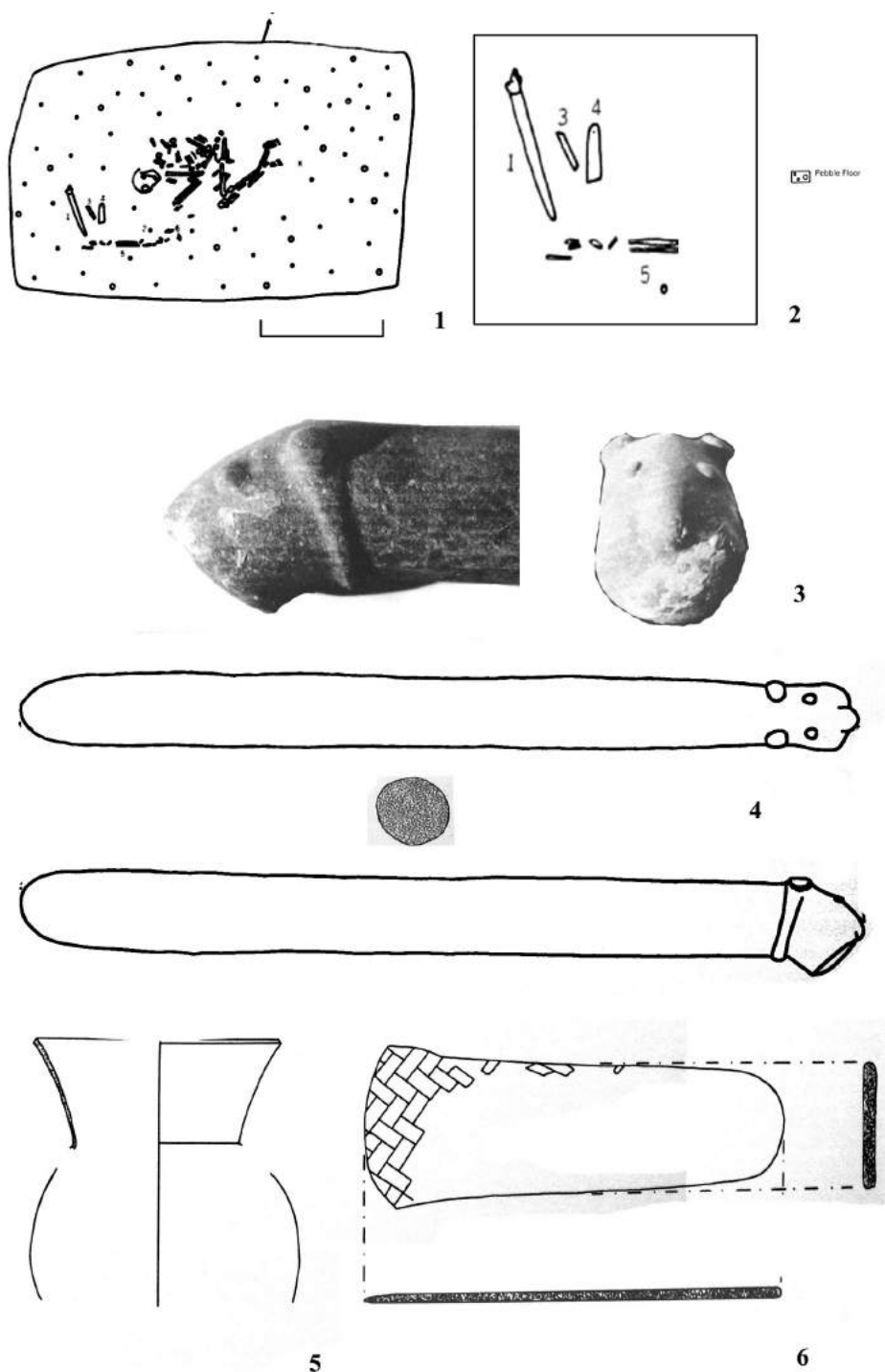

Рис. 13. Комплекс кургана III могильника Си Гирдан (по Мускарелла):
 1 — план погребения; 2 — комплекс вещей (выноска); 3 — голова хищника; 4 — ка-
 менный жезл; 5 — серебряный сосуд; 6 — бронзовое тесло.

В последствие ряд из них нашли яркое отражение в мифологии древних европейцев, став символами богатства, мощи, плодородия (кабан), символами хозяина подземного царства, связанного с культом плодородия и глобальными циклами возрождения природы в ее «женском начале». Последний образ соответствует мифам о ящере или водном драконе (Согласно мифологии германцев, славян, греков и иных народов).

Отзвуки поклонения ящерице-змею, как существу, причастному к культам плодородия и сезонности природы сохранились в славянской мифологии и украинском фольклоре, отражая многовековую глубину мифологической памяти народов.

Второе. Скипетры жезлы с зооморфными окончаниями типа Си-Гирдан на Южном Кавказе и северо-западном Иране фиксируются в погребениях, которые моложе времени скипетров племен энеолита Восточной Европы. По своему происхождению они с ними вряд ли не связаны. Хронология таких вещей пока не вполне ясна, но в целом может укладываться в рамках IV тысячелетия до н.э. Сведений о подобных предметах пока мало, но те данные, что есть, четко увязывают эти предметы с комплексами с символикой воинской элиты, возможно закрепившей за собой и культовые функции.

Собственно в погребениях майкопских племен Предкавказья можно наблюдать захоронения такого же воинского или воинско-плотницкого статуса. Вместо зооморфных скипетров здесь у племен раннего, галюгаевского-серегинского варианта (менее более позднего, новосвободненского варианта) широко представлены так называемые каменные оселки. Они четко фиксируются в курганной погребальной практике майкопского населения, как сопровождающая вещь положению в могилу бронзового боевого кинжала — вообще неизвестного оружия для энеолита Восточной Европы до времени Триполья VII.

Зооморфные образы таких скипетров пока отражают обыгрывание пород копытных животных и кошачьего хищника. Спустя века и тысячелетия, последний образ разовьется в широко распространенный воинский культ льва или иного могучего зверя, как образа, связанного с высшим социальным рангом воинов — властителей.

В связи поднятой темой о нельзя не отметить, что формы каменных скипетров-жезлов имели достаточно широкое хождение у населения Евразии помимо Кавказа, от Оренбуржья до Алтая (Барнаульско-Бийское Приобье), Казахстана и Монголии. Одни из них просто напоминают каменный цилиндр, как например, находки с Ивановской и Турганинской стоянок Оренбургской области⁴², другие снабжены изображениями медведя (?), коня с жесткой гривой, круторогого барана или абстрактной фигуры (р. Интуль, с. Шипуново, Алтай)⁴³. Зооморфные скипетры-жезлы из Алтая Ю.Ф. Кирюшин относит к локальному у проявлению раннего периода бронзового века, но более конкретно их дата не вполне документируется⁴⁴.

В целом все эти жезлы отражали распространение некой единой символики в почитании наиболее значимых видов животных в хозяйстве и мифологии древних скотоводов и охотников, которые приспособивались под знаковую систему развивающейся культовой и военной ветвей власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Govedariča B., Kaizer E.* Die äneolithischen abstracten und zoomorphen Steinzepter Sudost- und Osteuropas // *Eurasia Antiqua*. 1996. B.2.
2. *Телегин Д.Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной Европы // *РА*. 2000. №3. С. 18-29.
3. *Дергачев В.А.* Два этюда в защиту миграционной концепции // *Strutum*. 2000. №2; *Дергачев В.А.* О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции М. // *Revista archeologică. Seria nouă*. 2005. Vol. I. № 2.
4. *Манзура И.В.* Владеющие скипетрами // *Strutum+*. 2000. № 2.
5. *Дергачев В.А.* О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции...
6. *Ковальева И.Ф.* Конеголовый скипетр з колекції історико-археологічного музею корпорації «Весві // Матеріали та дослідження з археології східної України. Вид неоліту до кіммерійців. № 7. Луганськ. С. 66. Рис. 1, с. 65-68.
7. *Дергачев.* О скипетрах. Этюды в защиту миграционной концепции...
8. Там же.
9. *Дергачев.* О скипетрах. Этюды в защиту...; *Дитлер П.А.* Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института по раскопкам энеолитического поселения Ясенева Поляна в Лабинском районе Краснодарского края близ поселка Колосовка, проведенный в конце августа и начале сентября 1964 года П.А. Дитлером // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 2978. 1964.
10. *Дергачев.* О скипетрах. Этюды в защиту...; *Шилов В.П.* Древние скотоводы Калмыцкой степи. Рукопись монографии // *Архив Отдела Бронзового века ИА РАН*. 1987; *Цуцкин Е.В.* Каменное зооморфное навершие, найденное у с. Аксай Волгоградской области // *Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья*. Элиста, 1981; *Клепиков В.М.* Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // *РА*. 1994. № 3.
11. *Дергачев.* О скипетрах. Этюды в защиту...
12. Там же.
13. *Черных Е.В.* По одну форму специфічних каменних навершій доби энеоліту // *Матеріали та дослідження з археології східної України*. Луганск, 2006. С. 62 рис. 2.
14. *Новичихин А.М., Трифонов В.А.* Зооморфное навершие из Анапского музея. С. 80-86 // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2006. Вып. 2(26).
15. *Васильев И.Б., Синюк Т.А.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
16. *Черных.* Ук. соч. С. 64. Рис.4.
17. *Манзура.* Ук. соч. С. 255.
18. *Govedariča B.* Zepterträger — herrscher der Steppen. Mainz am Rhein, 2004. Tafl.18.
19. Хронология упомянутых культур и памятников, имеющих радиоуглеродные определения возраста. Кукутени А — 46—41 вв. до н.э. (синхронны культуре Гумельница, Коджадермен, Варна) // *Cucuteni. The Last Great chalcolithic civilization of Old Europe* (Archaeological museum of Thessaloniki). Bucuresht, 2006; Триполье А — 52/51—47/46 вв. до н.э. Триполье VI-VIBII — 47—41 вв. до н.э. (*Бурдо Н.Б.* Ранний этап формирования древнеземледельческого общества между Днестром и Днепром (Триполье А) // *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr.* Poznan, 2001; *Видейко М.Ю.* Нова хронологія кукутені — трипілля // *Трипільська цивілізація у спадщині України*. Київ, 2003; *он же.* Абсолютне датування трипільської культури // *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Киев. 2004. Том I. 2004). Погребения новоданиловского типа, западный ареал 45—42 вв до н.э. (Кайнары, Деча Мереше-

- луй п. 12, Джурджулешти п.3) (*Govedariča*. Op. cit.) (Культура накольчатой жемчужной керамики (предмайкопский период) 45–40 в. до н.э. Ясенева Поляна — 43–40 вв. до н.э. (предмайкопские интервалы дат) (*Корневский С.Н.* Радиоуглеродные даты древнейших курганов юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок-Мешоко-Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. С. 141–147). Майкопская культура 40/39–30/29 вв до н.э. (*Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии). М., 2004; он же. Радиоуглеродные даты древнейших курганов юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок-Мешоко-Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006.) Хвалынский могильник 52–47 вв. до н.э. (*Агапов С. А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.* Хвалынский могильник. Куйбышев, 1990; *Шишлина Н.И., Плихт Й. ван дер, Зазовская Э.П.* К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. С. 135–147. Дата приводимого в этой работе погребения Хвалынского могильника GrA 26899 5840±40, BC 4772–4623, но неизвестно какого.
20. *Кияшко В.Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.). Азов, 1994.
 21. *Манзура*. Ук. соч. С. 254.
 22. Там же. С. 257.
 23. *Котова Н.С.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.
 24. *Дергачев*. О скипетрах. Этюды в защиту... С. 39.
 25. *Резепкин А.Д.* К вопросу об эволюции энеолитических скипетров // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.) Тирасполь, 2002. С. 5,6.
 26. *Иессен А.А.* К вопросу о древних связях Кавказа с Западом // КСИИМК. Вып. 46. 1952. С. 48–53.
 27. *Новичихин, Трифонов*. Ук. соч. С. 85.
 28. *Govedariča B., Kaizer E.* Die äneolithischen abstracten und zoomorphen Steinzepter...; *Новичихин, Трифонов*. Ук. соч. С. 85.
 29. *Даниленко В.М., Шмаглий М.М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. Археологія. Киев, 1972; *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974; *Телегин Д.Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной Европы // РА. 2000. №3; *Дергачев*. Два этюда в защиту миграционной концепции; он же. О скипетрах. Этюды в защиту...
 30. *Корневский С.Н.* На долгом пути к государственности. Преполитарная модель этнологии и археология. // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). М., 2006. С. 5, 6.
 31. Стилизованные зооморфные втульчатые скипетры Балкано-Подунавья достоверно датируются эпохой энеолита, поэтому вполне возможно отнесение к этому времени находки из Корнэцел. (*Дергачев*. О скипетрах. Этюды в защиту... С. 97. Рис. 7,5.
 32. *Бессонова С.С.* Крылатый конь — гиппокамп — морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степного Причерномор'я і Криму. Запороже. Вып. XI. 2004. С. 25–30.
 33. *Кун Н.А.* Легенды и мифы древней Греции. Свердловск, 1960. С. 348.
 34. *Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М., 2001. С. 243. Рис. 41.

-
35. *Голосовкер Я.Э.* Сказания о титанах. М., 1993. С. 141.
 36. Словарь античности. 1985. С. 143.
 37. *Новичихин, Трифонов.* Ук. соч.
 38. *Манзура.* Ук. соч. С. 259.
 39. Выражаю глубокую благодарность Т.И. Ахундову за разрешение дать ссылку на этот еще не полностью опубликованный комплекс. Определение типологической близости рассматриваемых скипетров у нас с Т.И. Ахундовым идентично. И этот вывод не является исключительно моим заключением. См.: *Ахундов Т.И.* О связях майкопской традиции с южным Кавказом и Ближним Востоком // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала, 2007. С. 64. Табл. II, 2, 10, 11.
 40. *Deshayes J.* La date des tumulus de Sé Girdan // Iran. V. XI. London, 1973.
 41. *Козаев П.К.* Отчет об археологических раскопках курганов у с. Сунжа Пригородного района РСО-Алания в 1993 году. Владикавказ, 1998.
 42. *Дергачев.* О скипетрах. Этюды в защиту... С. 94. Рис. 44, 1, 2.
 43. *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юго-западной Сибири. Барнаул, 2002. С. 55-58, 215, 233-236. Рис. 109, 127, 128, 129, 130.
 44. Там же. С. 75-88.

ZOOMORPHOUS PROTOTYPES OF STONE SCEPTERS OF THE ENEOLITHIC AND THE EARLY BRONZE AGE OF EAST EUROPE AND CAUCASUS

S.N. Korenevskij

The purpose of the present article is to state the version about interpretation on images of zoomorphus scepters that are the staffs of the Eneolithic of the south of East Europe and Caucasus. The main objects are the stone sculptures with the animal head or any other zoomorphous details carved on them. The date of the examined artefacts is approximately the 5th millennium BC basically the middle and the second half, and also the 4th millennium BC. The method of the work is connected with two areas of the research. The first area concerns the factual account; the second one broaches the area of interpretation.

© 2008 г.

С.Н. Корневский

ПОСЕЛЕНИЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ, ЯСЕНЕВА ПОЛЯНА И КУЛЬТУРА НАКОЛЬЧАТОЙ ЖЕМЧУЖНОЙ КЕРАМИКИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ*

Становление культур ранних скотоводов и земледельцев Предкавказья может быть представлено двумя стадиями исторического развития местного населения. Сейчас Мы лучше знаем вторую, которая связана с распространением в Предкавказье майкопско-новосвободненской общности (МНО)¹. Для нее весьма показательны расцвет местной металлообработки, керамического производства, отражение археологическими источниками интенсивной военизации общества, ближних и дальних даро-обменных связей, а также строительство огромных курганов. Согласно радиоуглеродным датам это время приходится на IV тыс. до н.э. Оно соответствует урукскому периоду в Месопотамии, а также памятникам Триполья В II — Триполья СІ, СІІ в лесостепи и степи Северного Причерноморья².

Более ранняя, «предмайкопская» стадия известна хуже. Ее выделение, как особого направления в науке, связано с трудами конца 30-х годов прошлого века А.А. Иессена, А.П. Круглова, Г.В. Подгаецкого, Б.Б. Пиотровского. Представляющие предмайкопскую стадию памятники немногочисленны. В начале в их число входили Нальчикский могильник и Агубековское поселение³. Раскопки и находки послевоенного периода добавили к ним древнейшие курганы Северного Кавказа с инвентарем, соответствующим времени энеолита Восточной Европы, Триполья VI-VIII или убейдского периода в Месопотамии⁴, а также поселения с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья, имеющих аналогии в памятниках тех же культур Европы.

В целом изучение упомянутой выше предмайкопской стадии предкавказского населения можно представить в рамках нескольких требующих специального анализа тем.

Первая тема связана с селищами Западного и Центрального Предкавказья, на которых найдена керамика, украшенная орнаментом в виде накольчатых «жемчужин». Вторая тема охватывает проблему древнейших курганов в Предкавказье. Третья тема затрагивает изучение бытовых памятников Центральных и Восточных районов Предкавказья, на которых накольчатая жемчужная керамика отсутствует и наиболее показательным является гребешковый орнамент⁵.

В рамках настоящей работы мы концентрируем внимание, прежде всего, на одном из важнейших источников по первой теме — до сих пор неопубликованном поселении Ясенева Поляна⁶ (рис. 1). Историография исследования этого поселения тесно связана началом изучения бытовых памятников энеолитической эпохи с накольчатой жемчужной керамикой в конце 50-х, первой половине 60-х годов. Старт в их изучении положили работы А.Д. Столяра, А.А. Формозова и их коллеги из Адыгейского научно-исследовательского института —

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-01032а.

П.А. Дитлера. На поселении у хут. Веселый вместе с А.А. Формозовым работал Е.Н. Черных⁷. Результаты этих работ г.о. отражены в тезисах и статьях А.Д. Столяра⁸, работах А.А. Формозова, включая их совместные труды⁹. Кульминационной публикацией в этом направлении стала монография А.А. Формозова 1965 года¹⁰. В основном она касается раскопок на пос. Мешоко, в Хаджохских навесах. В ней сжато была предана информация о работах на хут. Веселом, Каменноостной пещере, стоянке Скала, по известным автору источникам до 1963 года включительно.

Однако, наиболее информативные памятники рассматриваемого круга, такие как поселения Мешоко и Ясенева Поляна, до настоящего времени остались недостаточно полно опубликованными. Поселению Мешоко в этом плане «повезло» больше, поскольку помимо первой и краткой публикации, памятник был отражен в печати повторно, имея поддержку гранта¹¹.

Поселение Ясенева Поляна было открыто П.А. Дитлером в 1962 году. Оно находилось на возвышенности заросшей лесом у пос. Колосовка на р. Фарс, (приток р. Псефирь) (рис. 2). Там же им был обнаружен могильник средневекового времени. Информация о памятнике им была представлена в докладе, прочитанном им на сессии археологов в Минске в 1963 году. Ниже привожу его содержание.

ПОСЕЛЕНИЕ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯСЕНЕВА ПОЛЯНА (предварительное сообщение)

Тезисы доклада П.А. Дитлера, прочитанного на археологической сессии в Минске

I. 1958-1961 годы ознаменовались открытием и последующим исследованием новых памятников, относящихся к майкопской культуре. Такими памятниками явились поселения, обнаруженные в долине р. Белой, в непосредственной близости от классических курганов майкопского круга. Раскопки поселений Мешоко, Скала, Хаджох, хут. Веселый, Каменноостной пещеры дали новые материалы, на основании которых А.А. Формозовым была осуществлена периодизация поселений майкопской культуры. Эти исследования поселений подтвердили периодизацию майкопской культуры, выработанную на материалах погребений и внесли в нее уточнения и дополнения.

II. Экспедиция Адыгейского научно-исследовательского института обнаружила в 1962 новое поселение Майкопской культуры в долине р. Фарс, в 12 км на северо-запад от ст. Новосвободной, которое получила название Ясенева Поляна. В отличие от поселений в долине р. Белой, его площадь значительно больше и равняется около 9 га. Территория поселения расположена на естественной горной гряде с крутыми высокими склонами на севере и западе и покрыта густым лесом. В 1960 г. на южной и западной окраинах поселений были прорублены широкие просеки. На очищенных площадях просек и был собран первый подъемный материал. Разведочные квадраты в разных местах поселения позволили установить неравномерность распределения культурных отложений, которые колебались от 0,25 м — 0,80 м. Стратиграфически культурный

слой однороден. В нем выделены нижний и верхний горизонты, соответствующие различным этапам развития майкопской культуры.

Материалы, получены с площади 36 кв. м. и многочисленны, культурный слой насыщен большим количеством кремневых отщепов и сколов, керамических обломков. Костей животных, общее число которых превышает 11 тыс. экземпляров. Изделий из камня выявлено 120 экземпляров. Среди них единичны находки каменных шлифованных топоров и их заготовок, браслеты трех типов, наконечники стрел, копий, концевые скребки, вкладыши для серпов, острия.

Керамический материал разделен по горизонтам на две соответствующие группы. Нижний горизонт содержал тонкостенную, лощеную красновато-желтого и серого цвета керамику. Она встречена в небольшом количестве и почти не орнаментирована. Здесь же найдены три фрагмента с рельефными овалами.

Верхний горизонт содержал огромное количество толстостенной, нелощеной из песчанистого желто-серого теста с жемчужным орнаментом. Встречены в единичных экземплярах другие виды орнамента: ямочный, налепные валики с вдавлениями и без них, желобчатый, треугольный штамп, нарезные линии.

III. Нижний горизонт культурных отложений по содержанию предметов соответствуют нижним горизонтам поселений Мешоко (топоры шлифованные, каменные браслеты, в том числе и пластинчатые, типа кургана № 11 у ст. Тульской, тонкостенная лощенная керамика без орнамента, черепки с орнаментом из рельефных овалов, кремневые наконечники с прямым для слегка выемчатым основанием. Но малочисленность некоторых материалов (топоров, тонкостенной, лощеной керамики) полное отсутствие сегментовидных кремневых орудий свидетельствует, что жизнь на поселении началась в конце первого этапа майкопской культуры, который согласно периодизации А.А. Формозова, наиболее ярко свое отражение нашел в ранней группе памятников этой культуры.

Верхний горизонт полностью соответствует верхним горизонтам поселения Мешоко, хутора Веселого, Скала, Очажному гроту. Обилие кремневых сколов, концевые скребки, острия подтверждают близость к раннему этапу этой культуры с яркими признаками более позднего этапа, что соответствует, согласно периодизации, средней группе памятников. Кости крупных животных, несколько обломков, зернотерок свидетельствуют об устойчивости скотоводческо-земледельческой характеристики поселения Ясенева Поляна.

12. 02. 63.

Архив П.А. Дитлера

Дальнейшая информация в литературе о поселении Ясенева Поляна связана с публикациями А.А. Формозова. В 1964 году, спустя два года после начала работ П.А. Дитлера на поселении у с. Колосовка на Фарсе в журнале КСИИМК появилась небольшая статья А.А. Формозова и Е.Н. Черных о новых находках поселений майкопской культуры в Закубанье¹². В ней кратко описывались материалы поселения у хут. Веселый, раскапываемого Е.А. Черных, а так же на поселении Ясенева Поляна. На нем в 1963 году работали П.А. Дитлер и А.А. Формозов. П.А. Дитлер вскрыл площадь более 80 м кв. Исследуемая площадь А.А. Формозова была на Ясеновой Поляне более скромной. По листу 2 ой формы он раскопал шурф 20 м кв.

Текст, посвященный Ясеновой Поляне, в статье 1964 года А.А. Формозова выполнен в жанре описания общей ситуации по раскопкам памятника и не сопровождался никакими иллюстрациями. По всей вероятности, А.А. Формозов не рассматривал его как исчерпывающий источник, поскольку в подстрочечном примечании он специально заметил, что более полная публикация поселения Ясеновой Поляны будет сделана автором его раскопок, то есть самим П.А. Дитлером¹³.

В рассматриваемой статье А.А. Формозовым были упомянуты условия находки памятника, характер его культурного слоя, выявленного его основным автором раскопок П.А. Дитлером. Далее отмечены находки, обнаруженные П.А. Дитлером, как например, следы части прямоугольной постройки с размерами 12х4, следы каменной кладки длиной 150 м, представляющей развал оборонительного сооружения аналогичной Мешоко. Интересны и его сопоставления материалов Ясеновой Поляны с находками на хут. Веселом, Скала и Мешоко.

«Комплекс находок Ясеновой Поляны очень похож на комплекс Веселого. Это клиновидные топоры, долота, наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием и с черешками, двусторонне обработанные ножи и вкладыши. Каменные браслеты и керамика с жемчужным и рельефным криволинейным орнаментом. Так как культурный слой здесь более насыщен и вскрыта большая площадь (с шурфами 120 м²), то и серии находок больше и показательней. Одних обломков браслетов свыше 500. Соотношение типов таково: сланцевых с прямоугольным сечением — 500, нальчикского типа — 10, тонких с пластинчатым сечением — 9. На последних есть иногда сверлины для связывания.

Фрагментов сосудов с рельефным криволинейным орнаментом около десятка. На одном — настоящая спираль, на другом — сложный фигурный налеп, быть может, от растительной или зооморфной композиции, на остальных — концентрические овалы, изредка встречающиеся и на керамике Мешоко. Спиральный орнамент и фигурный налеп впервые отмечены на поселении майкопской культуры. Упомянем о глиняных ситечках и сосудах с сосцевидными налпами, расположенными попарно, о пластинке обсидиана и скребках с подтеской на брюшке, таких же, как в Скале и Мешоко. Особенную близость к комплексу Веселого подчеркивает находка керамического браслета. Наибольший интерес в коллекции вызывают кремневый сегмент типа Мешоко и Майкопского кургана, асимметричный наконечник стрелы с вогнутым основанием типа Новосвободной (*к сожалению, эта находка не документирована рисунком — С.К.*) обломок сверленной крестовидной булавы, вроде мариупольских, медное шильце, фрагмент глиняной статуэтки животного. Есть долотце, проколки и наконечник стрелы из кости, несколько зернотерок (*Эти находки включены в отчет 1963 г. П.А. Дитлера — С.К.*).

Обращает на себя внимание некоторое своеобразие в орнаментации посуды Ясеновой Поляны — украшение воротничков сосудов нарезными параллельными венчику линиями, а тулова горшков — валиками с зашипами. Видимо, культура майкопского времени в долине Фарса кое в чем отличалась от культуры бассейна Белой... В этой связи заслуживает пристального изучения участок Ясеновой Поляны с наиболее мощным культурным слоем, выявленным только шурфовкой... В облике культуры (*этих поселений — С.К.*) заметны южные черты

— рельефная спиральная орнаментация, закавказский обсидиан. Но основной комплекс своеобразный, присущий только Прикубанью»¹⁴.

Далее в тексте А.А. Формозова читаем. «В Веселом найдены единичные кости медведя и кабана, в Ясеновой поляне — оленя, кабана и зайца. Состав стада обоих поселений сходен с составом стада Мешоко. Показательно преобладание костей свиньи и крупного рогатого скота над костями овцы и козы»¹⁵.

А.А. Формозов первый дал перечень находок каменных браслетов, находящих аналогии на исследуемых поселениях с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья. «Находки каменных браслетов, особенно обильные в Ясеновой Поляне, лишний раз показывают принадлежность этих украшений к энеолитическому, а не неолитическому времени... Сейчас браслеты обнаружены на шести ... памятниках (Мешоко, Скала, Ясенева Поляна, Веселый, Каменомостская, Воронцовская пещера) и в одном майкопском погребении (Севастопольская). Помимо этого, каменные браслеты встречены в пяти пунктах в Западной Грузии (три из могильника у Сачхере, Сагварджиле, Тетрамица) в центральной части Северного Кавказа (Нальчикский могильник, г. Змеевая под Пятигорском), в одном — на Днепре (Михайловка), в другом — на Волге (Криволучье). Несомненно, эти украшения более характерны для Западного Кавказа. Именно отсюда они и попали на равнину и в Поволжье»¹⁶.

Сейчас этот список находок каменных браслетов может быть несколько уточнен и скорректирован. Так, на Северном Кавказе сведения о них, как упоминалось выше, есть из Нальчикского могильника, который датируется временем первой половины V тыс. до н.э. (примерно, 49 в. до н.э.) (см. Таблицу дат). Далее такие украшения неоднократно найдены на поселениях с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья, таких как Ясеновая Поляна, Мешоко, Мысхако, Веселый, Скала, Каменномостная пещера, Свободное, Замок. Они встречаются в курганах у ст. Тульской¹⁷. (*Этот комплекс, раскопанный Н.И. Веселовским, неясен — С.К.*). К сожалению, находки таких браслетов у горы Змеевой остаются плохо документированными, так же как и находка из Сачхере.

Известна находка обломка мергелевого браслета из майкопского комплекса погребения 9 кургана 3 Усть-Джегутинского могильника¹⁸, в погребении 8 кургана 25 урочища Клады с неясной культурной атрибуцией¹⁹, дважды в кургане 7, погребении 18 (жертвы) и в ритуальной яме у с. Комарово²⁰. На Нижнем Дону каменный браслет был найден местным жителем вместе с иными вещами энеолитической эпохи во время рытья погреба в пос. Южный Сальского района Ростовской области²¹.

Каменные и глиняные браслеты, как справедливо отметил А.А. Формозов, известны в Воронцовской пещере и энеолитических стоянках Западной Грузии. Прекрасные образцы каменных браслетов были продемонстрированы И.Цвинария на встрече археологов во время I Абхазской археологической конференции в 2006 г. Они происходят из слоя поселения у г. Новый Афон.

В 1965 году А.А. Формозов повторил свою характеристику поселения Ясеновая Поляна, еще раз подчеркнув его близость поселению Мешоко. Было отмечено, что на Ясеновой Поляне встречены вкладыши для серпов с прямыми краями, так же как на Мешоко, Скала, Очажном Гроте, в Мешоко и Долинском есть вкладыши с зазубренными краями²².

В 1992 году появились новые сведения о поселении Ясеновая Поляна в связи с исследованиями пос. Свободное. Их автором стал А.А. Нехаев. Новой информации о памятнике по сравнению с публикацией А.А. Формозова 1965 года содержится мало. Так, им было отмечено, что на пос. Ясеновая Поляна и Мешоко открыты элементы жилых построек аналогичные строениям на пос. Свободное. На самом пос. Свободное площадь жилищ варьирована от 14 до 20 м. За очагом находился алтарь, с которым связана культовая пластика. В постройках жило до 120-150 человек²³. *(Но все эти замечания имеют слабое отношение к Ясеновой Поляне. Где там были найдены алтари? Откуда взяты цифры о количестве людей в жилищах? — С.К.)*. На поселениях Мешоко, Ясеновая Поляна, Замок, Скала отмечается упадок каменной индустрии, связанный с распространением медных орудий²⁴. *(Но вряд ли такие выводы доказуемы, — С.К.)*

С другой стороны, А.А. Нехаев был прав, что рассмотренные поселения *(с накольчатой жемчужной керамикой — С.К.)* отличны от майкопских поселений типа Галюгаевского и характеризуют домайкопскую культуру Северного Кавказа²⁵. А.А. Нехаев первый опубликовал некоторые вещи из Ясеновой Поляны (обломок браслета, сосуды, кремневые орудия, статуэтка, обломок скипетра). Сопоставимость их (скипетра, сосудов) с оригиналами не вполне полная²⁶.

Специальный анализ керамики поселения Ясеновая Поляна выполнил А.Д. Резепкин²⁷. В своей работе он предлагает рассмотреть анализ керамического материала этого памятника из небольшого раскопа с самым мощным культурным слоем 1,6 м, тогда как в остальных местах поселения он составлял 40-80 см. Материал этого раскопа хранится в Государственном Эрмитаже. К сожалению, источник для его аналитического обзора им точно не указан. Это мешает пониманию, откуда появилась опубликованная им коллекция. Ведь сам П.А. Дитлер в Гос.Эрмитаж свои находки не отправлял. Скорей всего в Эрмитаже хранится коллекция контрольного шурфа из рассматриваемого памятника, сданная на хранение в Гос. Эрмитаж А.Д. Столяром после 1964 года.

С целью определения примесей в керамике А.Д. Резепкиным было отобрано 816 фрагментов из 12 штыков раскопа на всю его глубину. В результате определений было выявлено, что в верхних семи штыках найдено: 1 фрагмент керамики с примесью песка, а в нижних пяти штыках (8-12) — 36. Соответственно, с примесью кварца — 166 и 9, известняка — 195 и — 223, известняка с песком — 238 и — 160. Отсюда видно, что в верхних семи штыках практически отсутствует керамика с примесью песка, а в нижних пяти — с примесью кварца.

В связи с этими опубликованными данными возникает несколько методических вопросов. Что имел в виду А.Д. Резепкин, приводя эти характеристики минеральных примесей в составе теста керамики? Какие из них носят искусственный, а какие естественный характер, есть ли примеси дресвы, отличает ли А.Д. Резепкин включения дресвы от включений песка? Упомянутая им примесь кварца — это песок или дресва? Как измерялось количественный показатель примесей? При отсутствии ответов на эти вопросы мне трудно комментировать полученные А.Д. Резепкиным.

При анализе форм венчиков также удалось выявить некоторую тенденцию: в верхних семи штыках отмечены 31 прямой венчик и 3 отогнутых, а в нижних пяти штыках — 14 прямых и 24 отогнутых. На глубине 7-го штыка отмечена

ручка. К сожалению, ни одной целой формы восстановить не удалось, но обращает на себя внимание то, что вся керамика имеет плоское дно. Это зафиксировано в первых восьми штыках. В четырех нижних штыках обнаружен только 1 фрагмент уплощенного дна. В связи с этим очень интересным представляется и тот факт, пишет А.Д. Резепкин, что во 2-м, 7-м и 9-м штыках найдены верхние части сосудов, которые по форме прямых венчиков, черному лощению, сохранившимся на одном сосцевидном налете — а самое главное, по специфическому составу теста: серого цвета, без видимых примесей, хрупкого на излом, имеют прямые аналогии среди ранних новосвободненских крупных сосудов.

Господствующим видом орнамента во всех горизонтах является жемчужный. Также во всех горизонтах встречается и лепной, в виде круглых сосцевидных налепов и валиков, но в единичных случаях. В одном случае встречен глубоко канелированный орнамент и отпечатки „гусенички“ по верху венчика.

Памятники типа Мешоко и Ясеновой Полны в конце 50-70-х годах прошлого века безоговорочно связывались с майкопской культурой. Такая интерпретация им дана была авторами раскопок Мешоко А.Д. Столяром и А.А. Формозовым²⁸. Они датировались второй половиной III тыс. до н.э.²⁹ в основном опираясь на хронологию майкопской культуры, изложенную в тезисах А.А. Иессена 1961 года³⁰. Более того, А.А. Формозов предложил синхронизацию поселений Мешоко, Ясеновой Поляны с Нальчикским могильником, а также с памятниками майкопской культуры³¹. При этом Нальчикский могильник со 150 захоронениями им был представлен как курганный. Искусственная насыпь Нальчикского могильника однако а чертеже памятника³² не документируется. Сам памятник не имеет отснятого поперечного профиля. Судя по описанию авторов раскопок, захоронения были совершены в невысокой возвышенности, которая не имела круговых очертаний, резко отличалась от насыпей курганов эпохи бронзы³³. В основании возвышенности находился галечный слой, возникший в следствии речного наноса. Он был перекрыт супесчаным слоем, переходящим в поверхностный бурый суглинок. Погребения были впущены в слой супесчанистого суглинка и в слой гравия. Авторы раскопок расценивали слой суглинка как искусственную насыпь. Но в таком случае должно быть основное захоронение или захоронения, имеющие выкиды из ям на поверхность. К сожалению, таковых не зафиксировано. Казалось бы, искусственный характер насыпи доказывался находками в ней кусочков керамики и кремневых отщепов. Но последние моги попасть на могильник вследствие взятия грунта для засыпки ям со слоя находящегося тут же поселения³⁴, как справедливо отметил Р.М. Мунчаев³⁵.

Синхронизация Нальчикского могильника с майкопской культурой была не принята Р.М. Мунчаевым³⁶ и версия А.А. Формозова рассматривалась как спорная³⁷.

Пересмотр хронологии культурной и принадлежности памятников типа Мешоко, Ясеновой Поляны произошел после 1985 года, когда было открыто поселение Галюгаевское 1³⁸ на Тереке, содержащее керамику и металл, идентичный Большому Майкопскому кургану, а автор его раскопок мог познакомиться с эрмитажной коллекцией находок из Мешоко, Ясеновой Поляны, Хаджохских навесов.

Примечательно, что именно после этого времени независимо друг от друга несколько авторов пришли к мнению об отнесении этих памятников в особой предмайкопской стадии предкавказского энеолита. При этом поселения типа Мешоко, Ясенеовой Поляны, Свободного и Замка стали объединяться по признаку наличия на них керамики с накольчатым жемчужным орнаментом³⁹. Были отмечены параллели этих поселений в вещах памятникам времени среднего Триполья и культурного блока Караново VI-Варна-Коджадермен или культуры Убейда⁴⁰. Хронология их, не имевшая в то время ни одной радиоуглеродной даты, представлялась в рамках второй половины IV тыс. до н.э.⁴¹.

Далее наступил период определения в основном в тезисах докладов или в беглых ремарках статей культурной принадлежности поселений типа Мешоко и Ясенеовой Поляны. В 1991 в тезисах доклада М.В. Рысин упомянул энеолитический субстрат майкопской культуры в предгорьях Западного Кавказа по р. Белой, Фарсу, Курджипсе. После чего памятники типа Мешоко, Ясенеовой поляны стали называться им субстратными⁴².

А.А. Нехаев в 1991, 1992 годах в своих статьях предложил связывать их с домайкопской культурой Северного Кавказа⁴³. Относительная хронология их рассматривалась в связи с памятниками среднего Триполья VI и Хвалынского могильника в среднем Поволжье, то есть в рамках середины IV тыс. до н.э.⁴⁴. По его схеме ранний I этап включал памятники: Каменноостную пещеру, пос. Свободное. Он был сопоставим с Трипольем AII. Средний 2 этап включал поселения: Замок, Мешоко нижний слой, Ясенеовую Поляну. Он синхронизировался с — Трипольем VI, Новоданиловской группой. Поздний 3 этап определяли поселения: Ахметовское, Скала, Веселый, Мешоко — верхний слой. Он был близок к времени Триполья VII⁴⁵.

В 1993 и 1995 годах в научный оборот были введены первые радиоуглеродные даты майкопских памятников и поселения Свободное⁴⁶. Начался уже новый «радиоуглеродный этап» хронологии памятников энеолита и раннего периода бронзового века Предкавказья. Даты майкопских памятников давали диапазон в рамках 40/39 — 30/29 вв. до н.э., а поселение Свободное относилось 45–40 вв. до н.э. Однако реальность этих дат нашла поддержку не сразу. Споры продолжались.

В 1994 году А.А. Формозов критическим откликнулся на точку зрения А.А. Нехаева и повторил акцент на синхронизацию Нальчикского могильника с майкопской культурой⁴⁷. Возникла дискуссия, в которой отстаивалась другая точка зрения о большей древности памятников типа Мешоко-Замок-Свободное, чем майкопская культура. Последние поселения с ней лишь частично существовать и то только на их позднем этапе⁴⁸.

Год спустя в 1998 году мной была опубликована работа с материалами поселения Замок, на котором была широко представлена накольчатая жемчужная керамика, такая же, как на поселении Мешоко, Ясенева Поляна и Свободное. В ней была снова поддержана точка зрения П.М. Мунчаева о большей древности Нальчикского могильника по сравнению с майкопской культурой. Памятники типа Мешоко, Ясенева Поляна, Замок, Свободное рассматривались в этой работе как особый культурный комплекс поселений с накольчатым «жемчужным» орнаментом. Точка зрения А.А. Нехаева о выделении особой пред-

майкопской культуры на основании только памятников с накольчатом жемчужным орнаментом, не принималась. Причина заключалась в том, что в предмайкопское время (то есть в эпоху позднего энеолита Кавказа) в Предкавказье обитали различные племена, которые невозможно расценивать как одно культурное явление наряду с памятниками «накольчатой жемчужной керамики»⁴⁹.

В 2000 году А.Д. Резепкин в после рассмотрения керамики поселений Мешоко, Хаджох, Скала и Ясеновой Поляны подчеркнул, что поселения Мешоко, Ясеновая Поляна не относятся к майкопской культуре, но сосуществуют с ней. К майкопской культуре он отнес только поселение Хаджох III⁵⁰.

В 2001 году В.А. Трифонов опубликовал развернутые тезисы доклада, в котором ввел новое понятие — Дарквети — Мешоковская культура⁵¹. Он датировал ее в рамках 4700–3200 гг. до н.э. По сути, то был тот же самый список памятников с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья только с добавлением западногрузинского поселения Дарквети и других памятников западного Закавказья, которые входило в число памятников западно-грузинской раннебронзовой (точнее, энеолитической) культуры, о которой уже писала Г.Г. Пхакадзе⁵² (рис. 1). Время появления самих поселений с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья датировались В.А. Трифоновым в рамках 4700–3700 гг. до н.э.⁵³. По его мнению, эти памятники воплощали местное западнокавказское развитие восточноанатолийской халколитической традиции.

В целом можно поддержать общее направление синхронизации западнокавказских памятников, которые отметил В.А. Трифонов. Однако, по сути и с формальной стороны, было предложено простое переименование двух культур в одну (культуры накольчатой жемчужной керамики и западно-грузинской энеолитической культур). Такой прием смены терминологии требует развернутого обоснования с проработкой всего материала, а так же соответствующей иерархии понятий, поскольку говорить о едином культурном тождестве западногрузинских и предкавказских памятников вряд ли возможно. Ниже мы специально затронем вопрос о том, какие показатели возможно рассмотреть в оценке сходства и различия памятников энеолита Западного Кавказа, поскольку обращение В.А. Трифонова к материалам Западной Грузии, как к сравниваемому контексту древностей, выглядит вполне правомерным.

С другой стороны, возникает необходимость и самого теоретического обоснования понятия «культура», которое начало применяться к рассматриваемой группе памятников предмайкопского энеолита. В его обсуждении хотелось бы заметить следующее. Упомянутое выше понятие культура в отношении памятников энеолита и раннего бронзового века выступает как термин, обозначающий близость поселенческих и погребальных комплексов, но на примере энеолитических селищ Предкавказья, не доходящую до тождества, а совпадающую только по ряду диагностических признаков. С формальной стороны процедуры это сочетание признаков дают группу памятников, которую можно рассматривать как «культуру» и как «комплекс» или общность.

В 2005 году А.Д. Резепкин еще раз провел анализ находок поселения Мешоко на базе эрмитажной коллекции А.Д. Столяра⁵⁴. Он отметил отличие ее основных показателей от материалов майкопских поселений, повторив наше заключение с А.О. Наглером 1987 года и свое 2000 года⁵⁵.

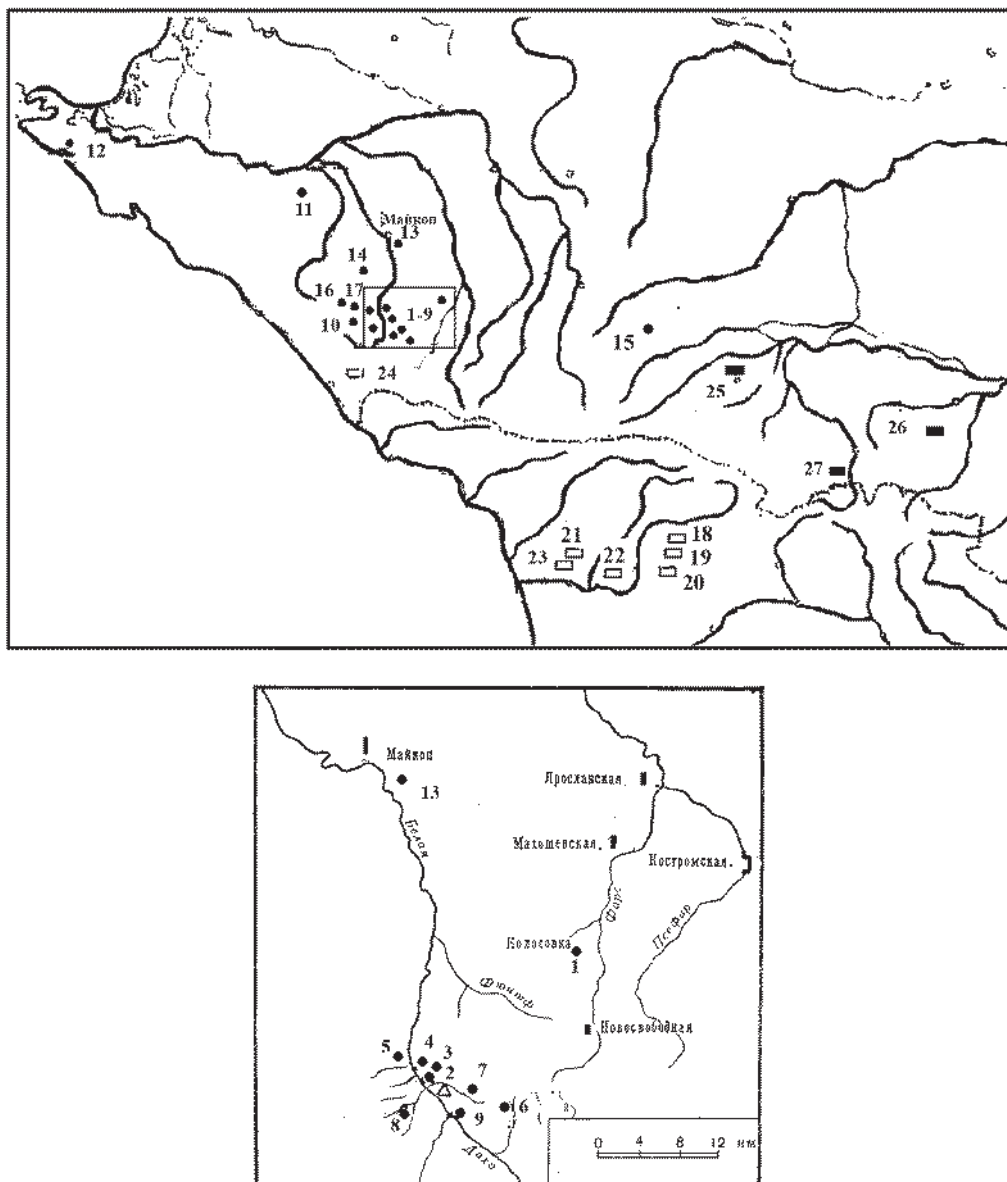

Рис. 1. Бытовые памятники энеолита Западного и Центрального Кавказа:
 Памятники культуры накольчатой жемчужной керамики Педкавказья: 1-9 — Ясенева Поляна; 2 — Мешоко; 3 — Мешоко — навес; 4 — Хаджохские навесы; 5 — Скала; 6 — хут. Веселый; 7 — Каменноостная пещера; 8 — Гуфанго; 9 — Даховская пещера; 10 — Гуамский грот; 11 — Свободное; 12 — Мысхако; 13 — Щегор; 14 — Унакозовская пещера; 15 — Замок; 16 — Руфабго; 17 — Пытапе.
 Памятники позднего энеолита Западной Грузии и Абхазии: 18 — Дарквети; 19 — Самерцхеле-клде; 20 — Дзудзуана; 21 — Тетраминца; 22 — Сагварджиле-клде; 23 — Тетраминца; 24 — Воронцовская пещера.

Ниже можно перейти к проблеме изучения круга аналогий поселению Ясенева Поляна, рассматривая их именно с точки зрения группировки формально-го анализа.

На современном этапе исследования памятников энеолита и раннего периода бронзового века Предкавказья, который начался во второй половине 80-х годов прошлого века⁵⁶, стало очевидным следующее. Накольчатая жемчужная керамика является одним из важных компонентов, отличающих памятники типа Ясеновой Поляны (рис. 3,4) Замок (рис. 5-7), Свободного (рис. 8, 9), Мешоко⁵⁷ от поселений собственно майкопской культуры, таких как Галюгаевское-I, Серегинское, Большетегинское, Долинское, Псекупское и так далее⁵⁸, равнин и предгорий Предкавказья. Исключения составляют только немногие памятники верховьев р.Белой, как например, Хаджох III, Мешоко-навес⁵⁹, на которых майкопская круговая керамика была встречена совместно с керамикой с накольчатой жемчужной орнаментацией и глиняными конусами — типичными признаками быта майкопцев.

Между поселениями с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья и поселениями собственно майкопско-новосвободненской общности галюгаевско-серегинского, долинского и псекупского вариантов имеется существенная разница в предметах быта. Так, на поселениях типа Мешоко-Замок-Свободное-Ясенева Поляна нет типично майкопской круговой охристой керамики с тестом без искусственно введенных минеральных примесей. Последняя посуда составляет порой около 50 % керамического фонда майкопских бытовых памятников. Нет глиняных конусов или приочажных подставок. На поселениях МНО в свою очередь нет накольчатой жемчужной керамики, отсутствуют находки каменных браслетов, крупных наконечников стрел и дротиков, каменных тесел энеолитического типа, которые, например, найдены на поселениях Мешоко, Ясенева Поляна, Замок, Свободное, нет также других престижных вещей энеолитического периода, как например, костяных цурок, нагрудных пластинок из клыка кабана.

Строения на поселениях с накольчатой жемчужной керамикой сохраняют следы глиняной обмазки пола (Ясенова Поляна) (рис. 2). В жилищах МНО отмеченных выше вариантов такая деталь не фиксируется.

Топография майкопских поселений и поселений с накольчатой жемчужной керамикой не совсем идентична. Первые тяготеют к открытой местности, предгорьям, равнинам вблизи речной поймы. Вторые часто фиксируются в предгорьях на мысовых участках, холмах, в пещерах, хотя известны и на равнине (Свободное). Некоторые их предгорных поселений с накольчатой жемчужной керамикой имеют каменные развалы стен или ров (Свободное).

Такой анализ черт материальной культуры дает основание выделить памятники типа Замок-Мешоко-Свободное-Ясенева Поляна в отдельную западно-предкавказскую группу или культуру накольчатой (многорядной) жемчужной керамики Предкавказья. В их число входят следующие поселения, на которых есть подобная керамика: Ясенова Поляна, Мешоко⁶⁰, Мешоко-навес⁶¹, Каменноостная пещера, верхний слой⁶², Скала⁶³, хут. Веселый⁶⁴, Хаджохские навесы⁶⁵, Мысхако⁶⁶, Свободное⁶⁷, Замок⁶⁸, Гуамский грот⁶⁹, Гуфанго⁷⁰, Щегор⁷¹. Унакозовская пещера⁷², Руфабго, Пытапе⁷³. Включаемые в нее па-

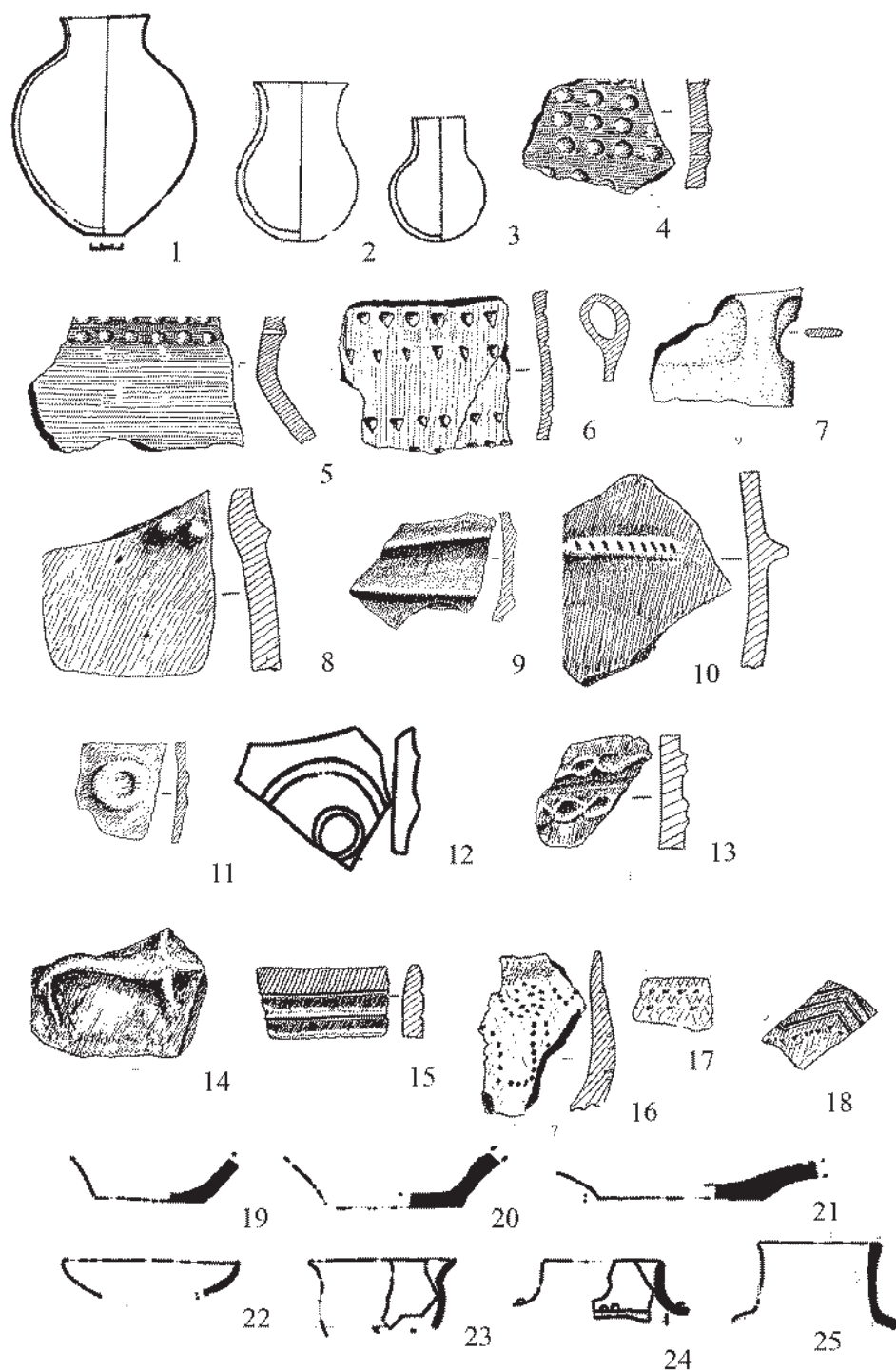

Рис. 3. Поселение Ясенева Поляна; показательные типы керамики (по Дитлеру и Резепкину)

мятники исследованы по-разному. Наиболее полно представлены в фондах хранения музеев и в публикации коллекции поселений Свободного, Ясеновой Поляны, Мешоко и Замка. Обширные материалы поселения Мысхако, например, еще в печати не получили отражения. Упомянутые поселения все обладают своими специфическими признаками в отношении облика керамики, интегральными чертами которой являются наличие посуды с прекрасным лощением, округлым дном наряду с плоскодонной посудой, различными орнаментами включая накольчатый жемчужный. Последний образует не только одиночный ряд под венчиком сосуда, но и komponуется в группы по несколько рядов или групп выпуклин.

Естественно, керамика с накольчатым жемчужным орнаментом является хотя и весьма показательным, но только одним из характерных признаков этой западно-предкавказской энеолитической культуры (См. Комментарии). Для них характерны находки каменных браслетов. Каменный инвентарь, украшения носят типичный энеолитический облик времени Триполья VI, инструменты ударного действия представлены плоскими теслами, режущие инструменты изготавливались на пластинах и сколах, широко использовались орудия из кости. Показательны как маркеры престижа своего времени костяные цурки с отверстиями, пластины из клыка кабана, отмечается антропоморфная и зооморфная пластика. Спорадически отмечается металл в виде простеньких шильев (рис. 3-9).

Поселения энеолитической культуры западного Предкавказья, как это уже давно отмечено, локализуются в труднодоступных, естественно укрепленных местах, на возвышенностях, мысах, в пещерах и гротах, но не в высокогорье с высотами от 1000 м и более. Некоторые из них отличает искусственная фортификация в виде каменной стены (Мешоко, Ясеновая Поляна). Равнинных поселений известно мало. Прежде всего, это поселение Свободное, укрепленное ровом и, надо полагать, частоколом, как полагает А.А. Нехаев⁷⁴. Но, тем не менее, это не позволяет рассматривать культуру с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья, как исключительно «горную», хотя обитание в предгорьях для ее носителей было типичным явлением.

Формы строений (жилищ?) известны недостаточно полно. По имеющимся данным поселения Ясеновая Поляна они были наземными, подпрямоугольный формы, со столбовыми опорами по периметру. Неполный размер одного из них дает площадь 12х4 м. В их строительстве мог использоваться турлук, но турлучные обмазки стен не зафиксированы.

Несколько загадочными остаются узкие глиняные «полы» каких-то строений. Устройство очагов в жилищах еще зафиксировано не достаточно четко.

На поселении встречаются ямы с отходами хозяйственного или культового предназначения.

Хозяйственно-культурный тип обитателей этих поселков связан с долговременным стационаром, что в корне отличается от подвижно оседлого образа жизни населения майкопско-новосвободненской общности, поселения которых имеют тонкие слои, образно говоря, «в один развал черепков»⁷⁵. Находки орудий аграрного цикла (зернотерок, вкладышей серпов) отражают занятие обитателей энеолитических поселков придомным животноводством.

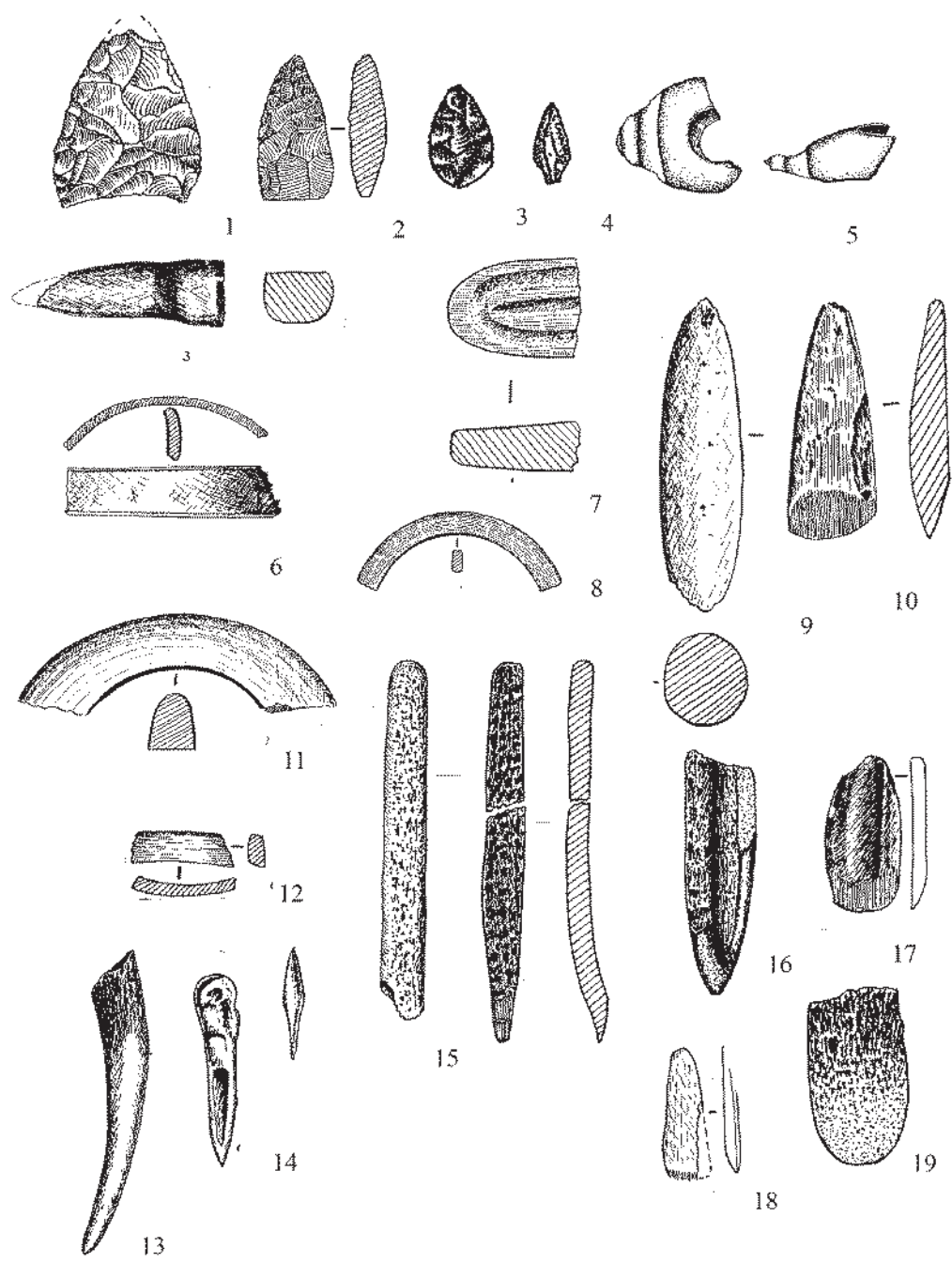

Рис. 4. Поселение Ясенева Поляна и Мешоко, орудия из камня, кости и украшения: 1–8, 11–19 — Ясневая Поляна, 9, 10 — Мешоко (по Дитлеру, Формозову).

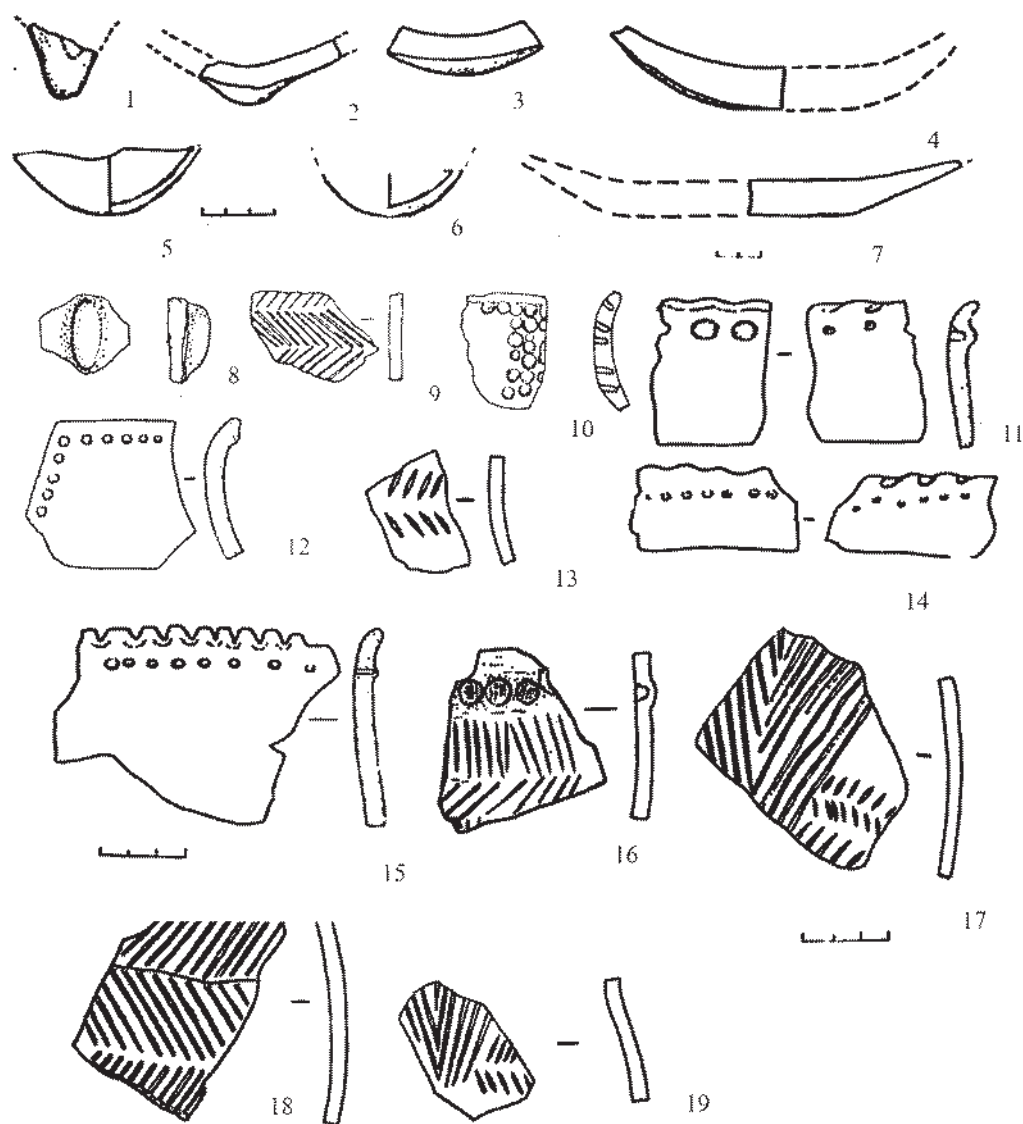

Рис. 5. Поселение Замок, керамика (по Корневскому, Руничу)

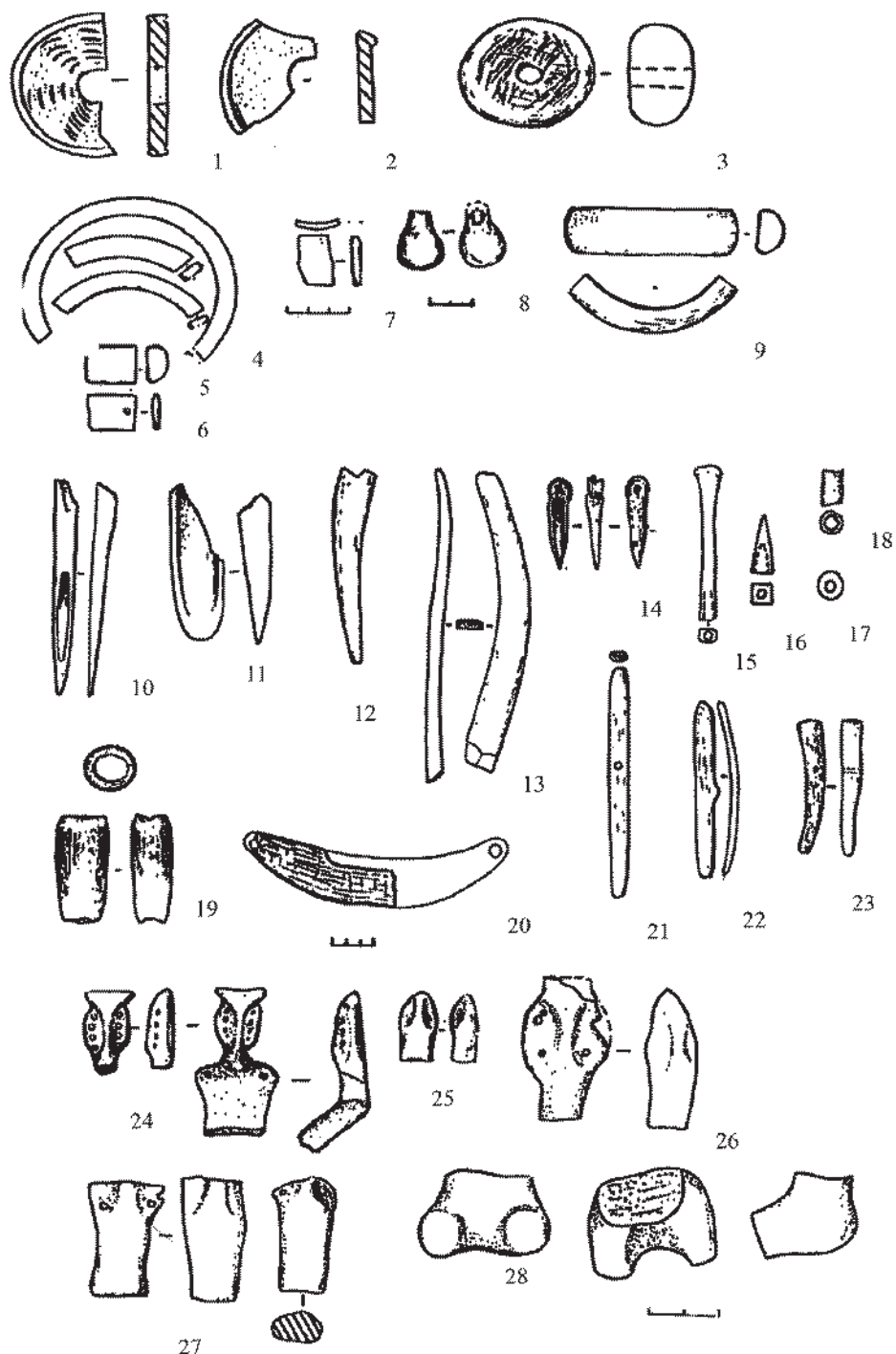

Рис. 6. Поселение Замок, глиняные пряслица, статуэтки, каменные браслеты, подвеска из зуба оленя, костяные «цурки», пектораль, бусы, муфта (по Корневскому, Руничу)

На Ясеновой Поляне, по данным В.И. Цалкина⁷⁶, доминируют кости крупного рогатого скота, далее идут кости свиньи, затем мелкого рогатого скота. На Мешоко среди домашних животных высок процент костей свиньи. (Возможно, из-за особых «свиных» праздников). Далее, следуют кости коровы, затем козы и овцы. Примечательно, что нет совсем костей лошади и встречены кости дикой кошки⁷⁷. В другой редакции — это кошка домашняя (?-С.К.)⁷⁸. Среди объектов охоты важную роль играет благородный олень. Процент костей диких промысловых животных вообще выше, чем на поселениях майкопской культуры, где охота на благородного оленя не нашла своего отражения в коллекции костей поселений⁷⁹.

Вопрос о погребениях для этой культуры во многом открыт, хотя захоронение в каменном ящике на стоянке Скала, может в какой-то мере иллюстрировать эту сферу духовной жизни⁸⁰. Об энеолитических погребениях взрослого и детей в слое Унаковской пещеры упоминает И.Д. Потехина. Эти погребения были открыты Н.Г. Ловпаче, но автором раскопок в печати еще не отражены. Информация о них очень краткая. Так, в статье И.Д. Потехиной отмечено, что в захоронении с каменной обкладкой скелеты взрослого и трех детей лежали на спине скорчено. Черепа были окрашены охрой. Инвентарь включал каменный браслет, костяную проколку, кремневые пластинки⁸¹. Комплексы пока остаются не опубликованными. Фото документации по этим захоронениям не сохранилось. Поэтому в целом пока еще трудно представить погребальную традицию обитателей энеолитических поселков с накольчатой жемчужной керамикой, за исключением того, что ее связь с курганными обрядами проследить весьма проблематично. А находка захоронения в слое обитаемой пещеры лишь указывает на особую традицию древних людей оставлять покойных в слое обитаемого места.

К упомянутому комплексу поселений с многорядной накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья близки поселения с круглодонной лепной керамикой района Сочи-Адлера и Западной Грузии. Так, А.А. Формозов упоминает о керамике с жемчужным орнаментом из Очажного, Колокольного, Заложного грота Воронцовской пещеры под Адлером⁸² со ссылкой на раскопки Л.Н. Соловьева. В работе Л.Н. Соловьева о накольчатом жемчужном орнаменте на неолитической или энеолитической керамике не сказано ничего. На реконструкциях сосудов из Очажного грота показаны фрагменты с нарезкой по венчику, и выпуклинами под венчиком в один ряд. Выполнены ли последние налепом или наколом — неясно⁸³ (рис. 10).

В Западной Грузии, комплекс позднее энеолитических поселений представлен памятниками Самеле-клде (рис. 11), Самерцхеле-клде, Сагварджиле-клде (рис. 12) Тетри-Мгвие, пещерой Дзудзуана (рис. 13), Тетраминца, пещерой Дарквети. О.М. Джапаридзе упоминает керамику, украшенную шишечками в один ряд из нижнего слоя пещеры Дзудзуана, Самерцхеле-клде, Дарквети такую же, как и на посуде Очажного грота⁸⁴. Но керамики с несколькими рядами накольчатых жемчужин, судя по публикациям, как на посуде из Предкавказья, здесь не известно.

Орнамент наколами изнутри заметен на керамике из Самерцхеле-клде (рис. 12, 11). Однако в основном накол располагается в один под венчиком. Его вариацией является ряд сквозных отверстий (рис. 12, 21) на верхней части сосу-

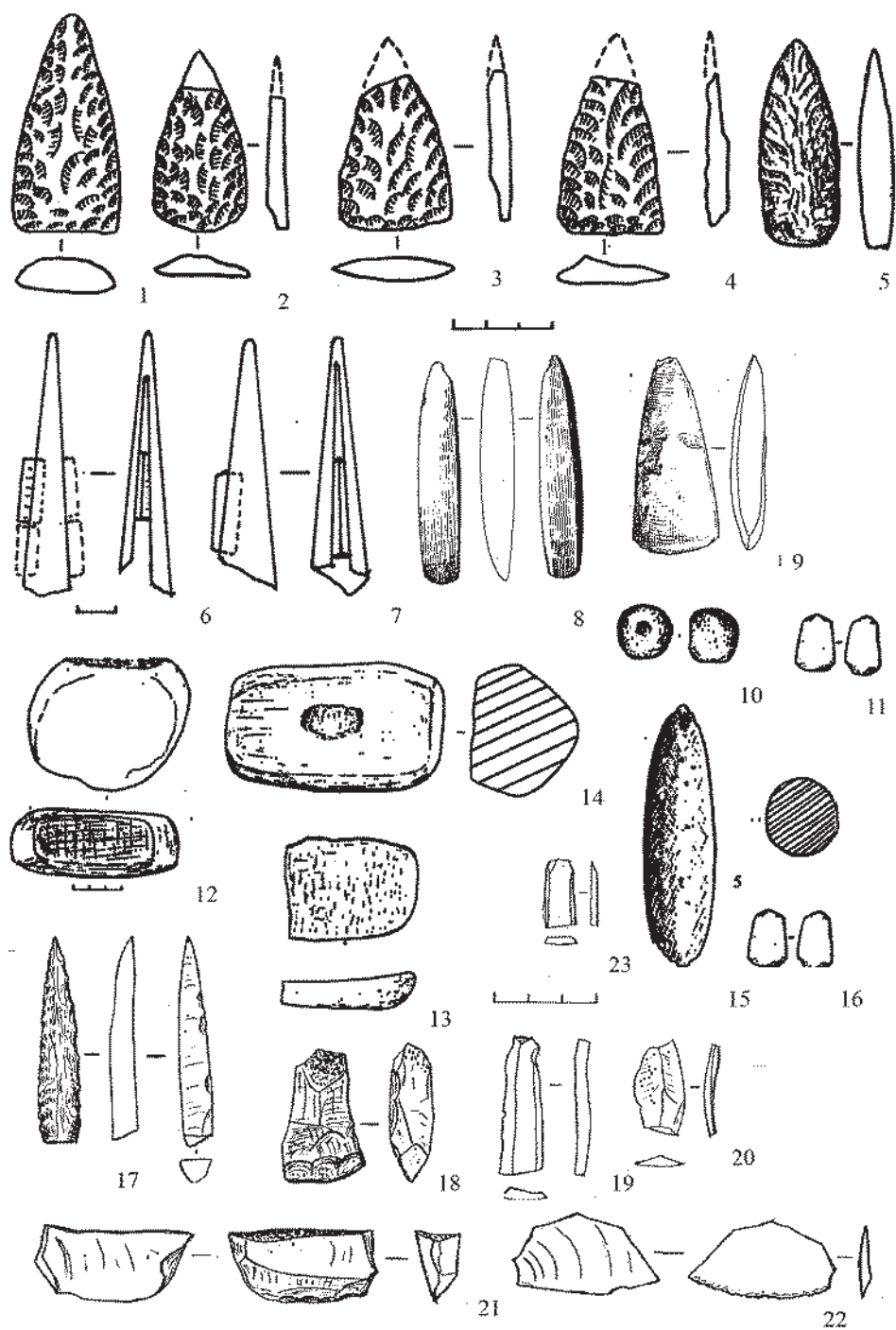

Рис. 7. Поселение Замок. Орудия из камня и кости (по Корневскому, Руничу)

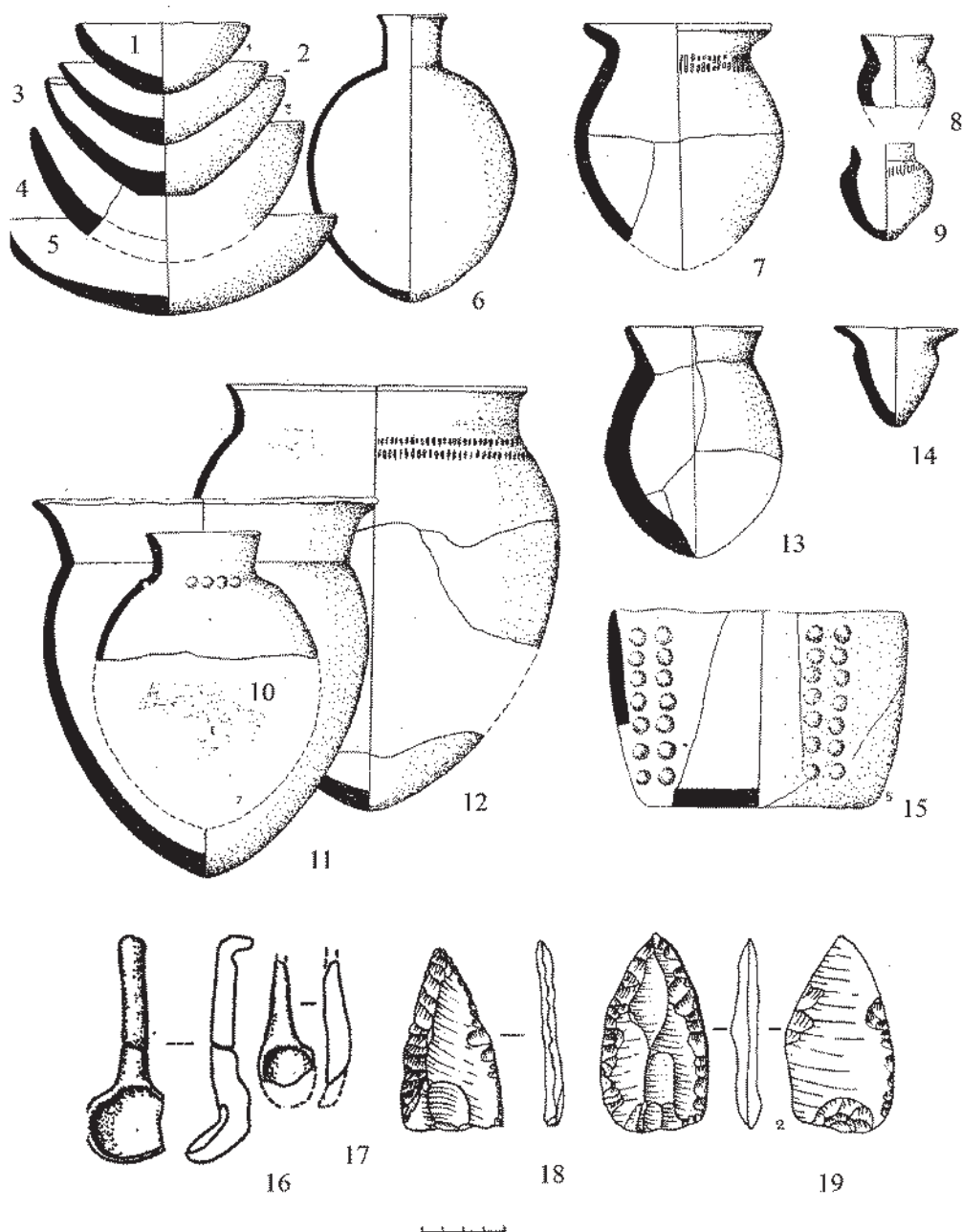

Рис. 8. Поселение Свободное. Керамика, глиняные ковши, кремневые наконечники стрел (по Нехаеву)

да. На поселениях энеолитического времени западной Грузии встречены плоскодонные миски с гребешковым орнаментом, миски с рядом отверстий (рис. 12, 10, 11). Для западного Предкавказья, поселений Ясеновая Поляна, Мешоко, такая посуда вообще не характерна. Она есть на поселении Замок, что лишь подчеркивает своеобразие этого памятника среди поселений с накольчатой жемчужной керамикой Западного Предкавказья⁸⁵.

Общими же для этих поселений являются лепные круглодонные сосудики, похожие на керамику Ясеновой Поляны (рис. 3, 2,3), реконструированные подобным образом и из Очажного грота и сосуды с S-отогнутым венчиком и уплощенным дном (рис. 10, 1, 2). Однако их формы довольно просты. Они находят круг широких аналогий, но более в культурах, связанных с убейдо-урукским влиянием на Кавказе.

Так, круглодонные сосуды на Южном Кавказе в эпоху энеолита — раннего бронзового века, но до появления куро-аракской культуры, встречены в нижнем слое на поселении Бериклдееби⁸⁶. Они характерны для ближневосточного, галюгаевско-серегинского варианта майкопско-новосвободненской общности и для восточно-анатолийского памятника Арслан-тепе VII⁸⁷.

Но более древние формы аналогичной конфигурации есть в слое северо-месопотамского Убейдского периода памятника Ярым-тепе III, который Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев относят к времени Тепе-Гавра XVIII–XVII⁸⁸, то есть более раннему периоду, чем урукское время в Месопотамии.

Поэтому можно поставить вопрос о том, что истоки этой формы на Западном Кавказе тяготеют к северо-месопотамским традициям убейдского времени. Но появились ли они в результате влияний в это время с юга или по иным причинам, пока не очень ясно. Вероятность миграции пришельцев с юга в этом случае исключить вряд ли правомерно. Во многом могли бы пролить свет на этот вопрос новые находки И. Цвиинария поселения энеолитического времени у г. Новый Афон в Абхазии, которые он любезно демонстрировал участникам I Археологической конференции в Сухуми в 2006 г.

На поселениях энеолитической культуры Западной Грузии отмечаются грунтовые погребения, так же как и в Унакозовской пещере. Известны находки каменных браслетов и даже керамических браслетов, фигурки животных из глины. Комплекс каменных и костяных орудий похож, хотя и не идентичен в отношении наконечников копий, стрел и дротиков. Так, южнокавказские памятники в основном содержат черешковые наконечники, а Предкавказские — наконечники без черешка. Но этот сюжет требует более подробного освещения в будущем. Для керамики из предкавказских памятников свойственны серии посуды с подостренным дном (Замок, Свободное). Эта традиция уходит, как давно отметил В.Н. Даниленко, в степной энеолит Северного Причерноморья. Более распространена была традиция различных наколов, прочерчиваний на посуде, а так же комплекса украшений и оружия, имеющего аналогии именно на юге Восточной Европы времени Триполья VI. Иными словами, предкавказские памятники культуры накольчатой жемчужной керамики, каждый по-своему, отражают синкретические процессы культурообразования, в которых смешались черты южных и северных контактов.

В целом такое сходство с учетом региональных различий может быть основа-

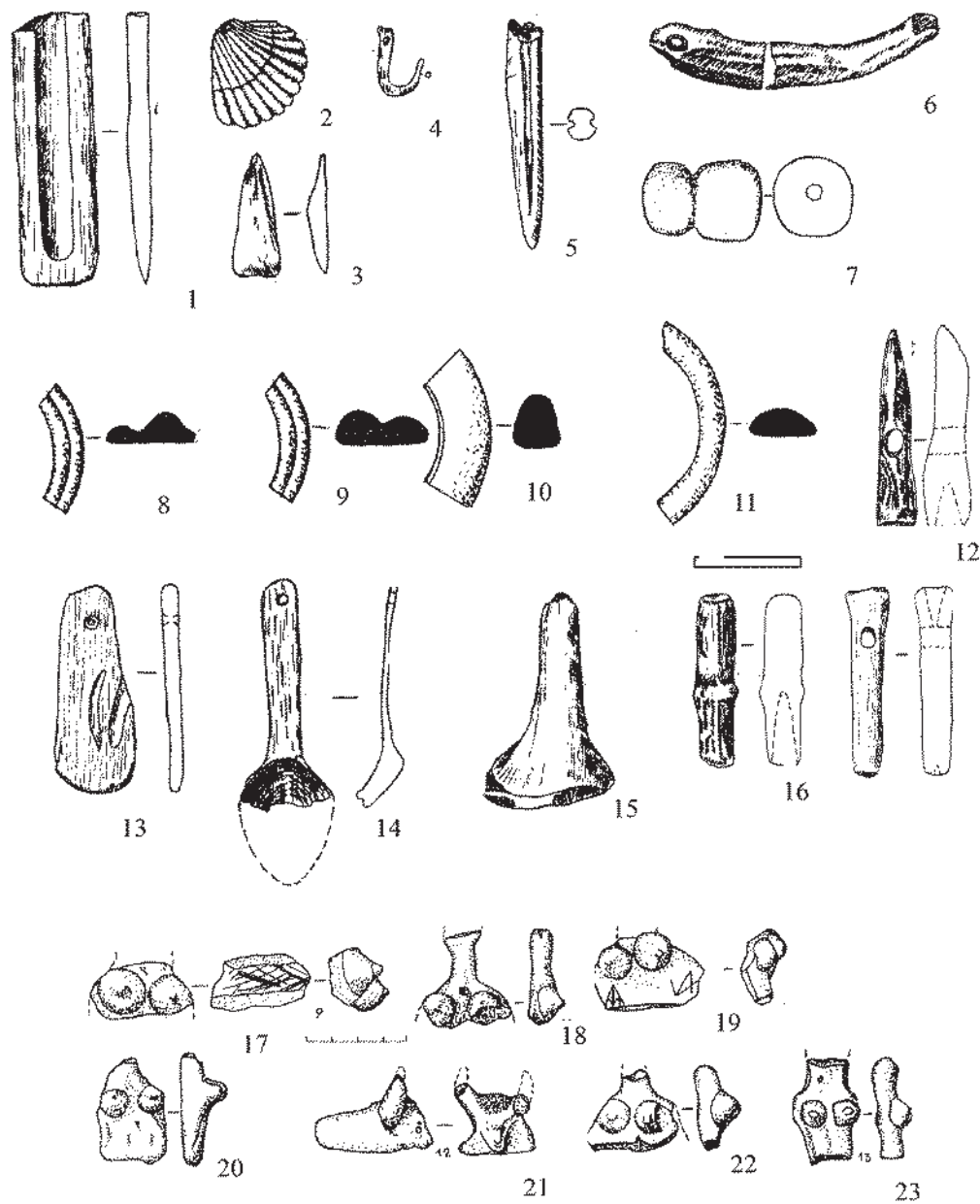

Рис. 9. Поселение Свободное. Раковина, каменные браслеты, костяные изделия и фигурки из глины (по Нехаеву)

нием для выделения Западно-кавказской энеолитической общности с круглодонной лощеной посудой и каменными браслетами. Она подразделяется на две культуры или варианта. Первый — северный Предкавказский с накольчатой (многорядной) жемчужной керамикой и второй, южный — с круглодонной керамикой с насечками и выпуклинами под венчиком в один ряд. Эти памятники уже фигурируют как уже выделенная западно-грузинская энеолитическая (раннебронзовая) культура, рассмотренная Г.Г. Пхакадзе⁸⁹, поэтому вряд ли стоит ее переименовывать и присваивать ей какое-либо иное название.

В настоящее время хронология памятников культуры с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья располагает серий из 17 радиоуглеродных дат, происходящих из поселений Свободное (2 даты)⁹⁰, Мешоко (7 дат)⁹¹ Ясенева Поляна (5 дат) и Замок (3 даты)⁹². Они выполнялись в основном по костям животных. Их значения имеют различные доверительные интервалы от 100 лет и более. Наиболее широкие они у дат пос. Свободное, в некоторых случаях из по-

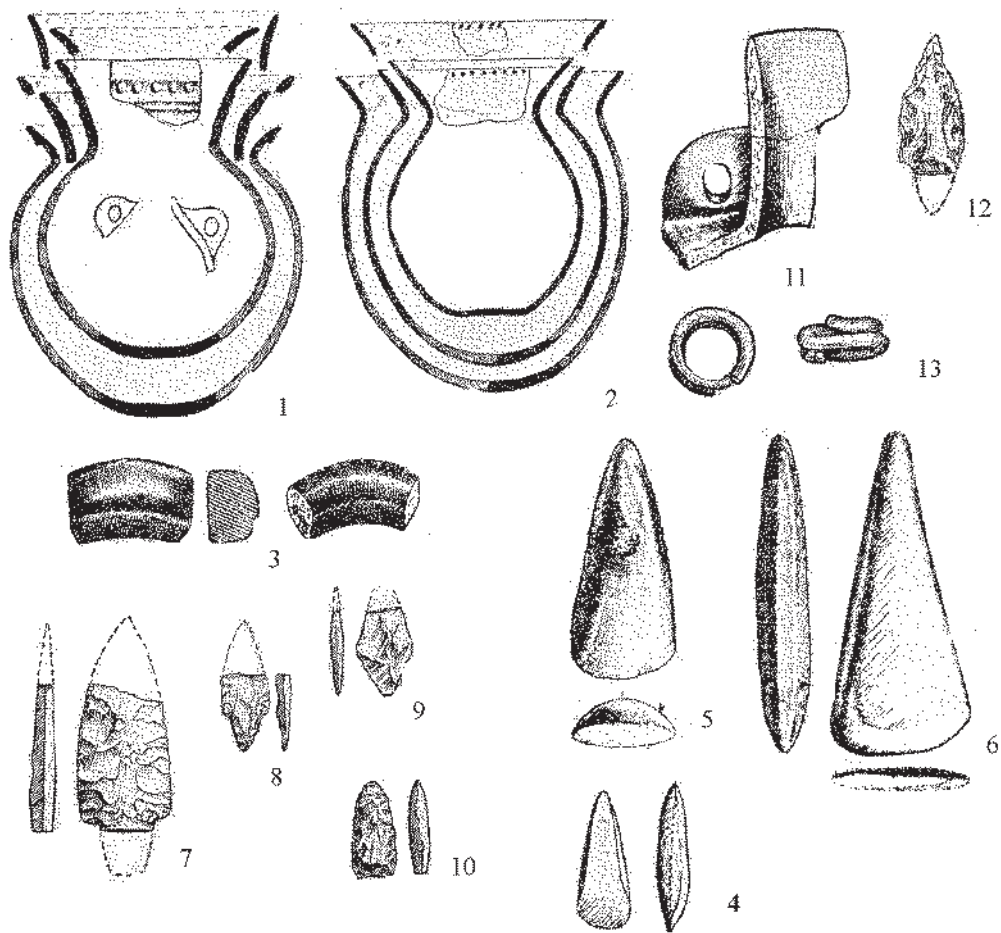

Рис. 10. Находки в Воронцовской пещере, (по Соловьеву)

селения Мешоко и пос. Ясенева Поляны. Более узки диапазоны даты с интервалом менее 100 лет. Но сам интервал зависел от количества коллагена в кости и особенностей метода анализа.

Даты поселения Ясенева Поляна отражают примерно такой же разброс. Одна дата явно древнее майкопской культуры 44-41 вв. до н.э., другая практически такая же 43-39 вв. до н.э. С ранним — средним диапазоном дат совпадает дата 37-34 вв. до н.э. Одна дата выглядит довольно молодой 26-24 вв. до н.э. Ее трудно связать с каким-либо археологическим среднебронзовым контекстом этого памятника. И с чем связано такое омоложение возраста — неясно (попадание в слой более молодой кости животного или с иными причинами?).

Даты поселения Свободное дают широкий диапазон 45—43 вв. до н.э., явно нуждаются в уточнении. Даты поселения Мешоко показывают, как собственно домайкопский возраст 44-41; 43-41 вв. до н.э., так и время начала МНО — 40-38 вв. до н.э. Есть дата, относящаяся к ранним — средним диапазонам дат МНО 38-34 вв. до н.э.

Даты поселения Замок, полученная из-под завала камней, перекрывшего слой энеолита, дают домайкопский возраст сер. 45 — сер. 43 вв. до н.э. возраст, связанный с нижним рубежом радиоуглеродных дат МНО 40-39 вв. до н.э. а так же указывающую на ранний — средний диапазон дат МНО 37-34 вв. до н.э. Исходя из этого списка, можно прийти к выводу, что нижний рубеж появления памятников типа Свободное-Ясенева Поляна-Мешоко-Замок приходится на время 45-44 вв. до н.э., но скорее более вероятно на 44 в до н.э. Далее они существуют до времени 40/39 вв. до н.э. то есть до времени проявления МНО в Предкавказье или несколько позже.

Практически все три поселения Мешоко, Ясенева Поляна и Замок одинаково показывают даты, совпадающие с ранним и средним диапазонами дат МНО, подчеркивая факт их сосуществования с ней. Но археологически на этих поселениях это событие документировать трудно. Вероятно, культурного контакта такое сосуществование не предполагало. Возможно, существование в этих локальных участках распространения поселений с накольчатой жемчужной керамикой могло длиться до конкретного появления на них людей майкопских племен, которое могло происходить в разное время.

В других случаях, например в слое Хаджоха III и Мешоко-Навес, где фиксируется присутствие керамики и конусы МНО, оно очевидно. Следовательно, такой симбиоз культур мог иметь избирательный характер. Интересно заметить, что даты Гуамского грота, в котором найдена керамика с накольчатым жемчужным орнаментом, все дают возраст раннего-среднего диапазона МНО (Таблица дат).

Пока нет данных о сосуществовании носителей традиций с накольчатой жемчужной керамикой во время позднего диапазона дат МНО, связанного с расцветом памятников ее долинского и новосвободненского вариантов.

Даты нижнего слоя стоянки Дзудзуана сер 45-43 вв. до н.э., хотя и имеют широкий доверительный интервал, но в целом соответствуют ранним датам западно-предкавказской энеолитической культуры, позволяя прийти к выводу, что и вся энеолитическая западно-кавказская культурная общность формировалась начиная с времени, примерно, 44-43 вв. до н.э., совпадая на Кавказе с

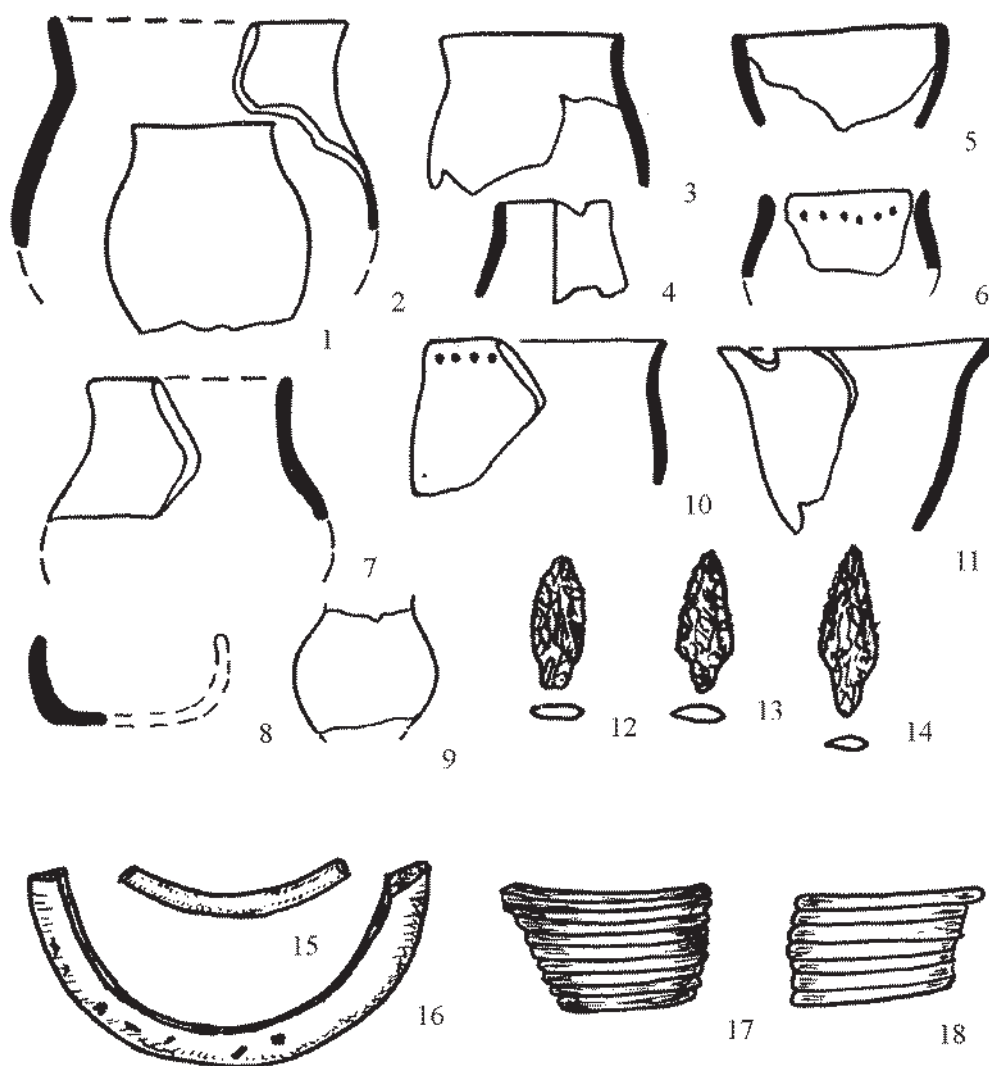

Рис. 11. Находки из поселений энеолита Западной Грузии:
1–14 — Самеле-кдде, 15–18 — Сагварджиле-кдде (по Пхакадзе)

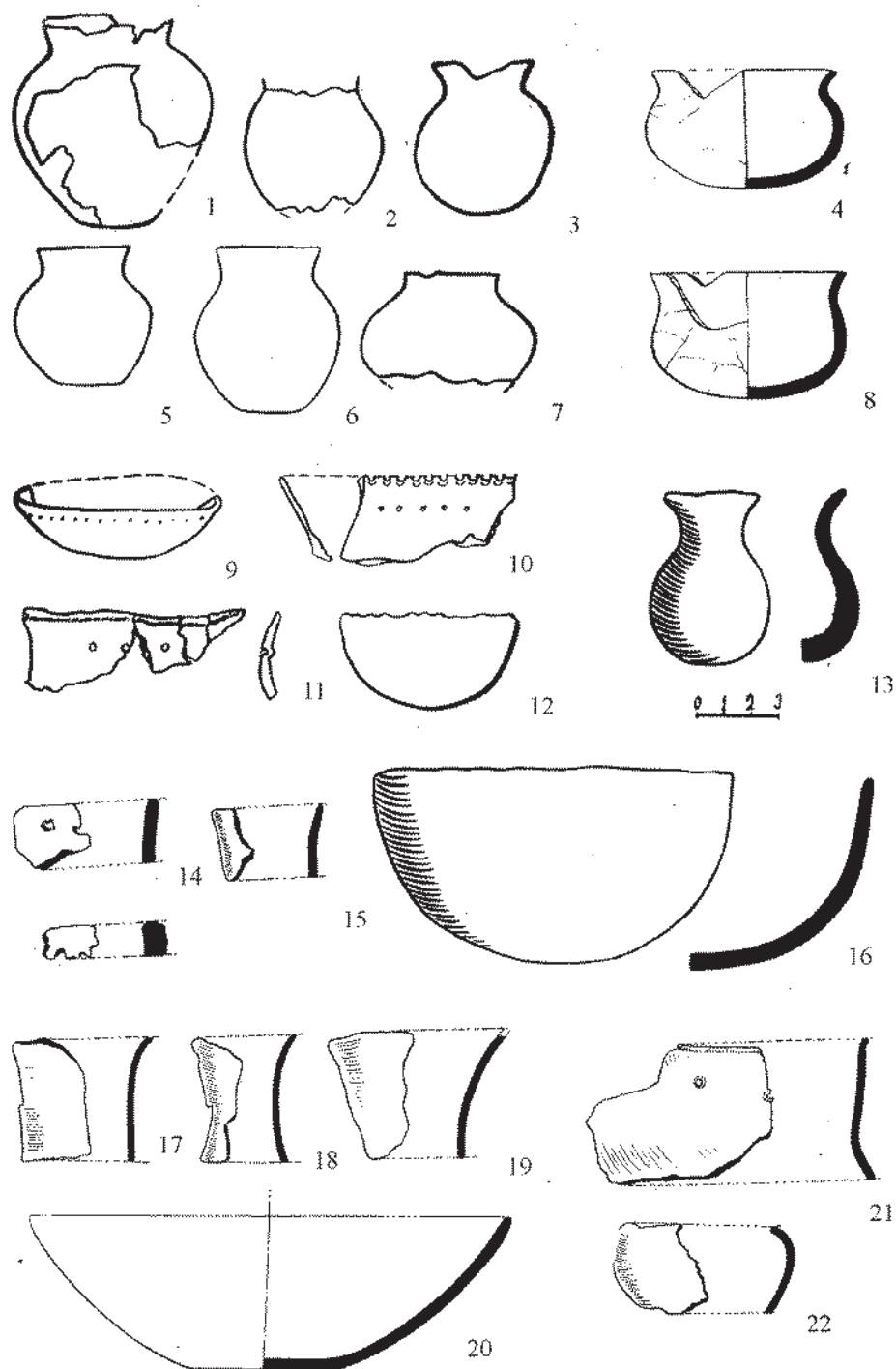

Рис. 12. Находки из поселений энеолита Западной Грузии:
1–12 — Самерцхле-кде, 13–22 — Сагварджиле-кде (по Пхакадзе)

периодом позднего энеолита и распространением памятников типа Сиони-Цопи в Грузии, являясь более ранним феноменом, чем майкопская и куро-аракская культуры.

Ее становление произошло во время более молодое, чем период Хвалынского и Нальчикского могильников, связанных с началом, первой половиной V тыс. до н.э. (48-50 вв. до н.э.). По хронологии Трипольской культуры время начального существования поселений с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья соотносится с финалом Триполья, VI, с периодом Триполья VIBII, а также с временем памятников так называемого новоданиловского типа Среднестоговской культуры (Таблица дат, даты погребения 3 кургана Джурджулешт, Кайнары, погребения 12 могильника Деча Мерешелуй). А так же времени древнейших курганов юга Восточной Европы (табл. 1: Регова, Перегрузное).

Позже оно соответствует раннему и среднему диапазонам дат МНО и времени Триполья VII и CI⁹³. Суммарно — 40/39 — 34 вв. до н.э. Однако мы никак не можем на материале показать, как изменилась в это время собственная материальная культура обитателей этих поселений.

В плане синхронизации с культурами Ближнего Востока можно отметить параллель во времени культуры НЖК с убейдскими слоями Ярым-Тепе III⁹⁴ и с более древним временем, чем слой Арслан-тепе VII и вообще, чем Урукский период в Месопотамии.

В связи с таким состоянием дел по хронологии рассматриваемых нами памятников энеолитической западно-кавказской общности, во-первых, представляется не оправданным сейчас строить более дробные схемы, выделяя более ранние или поздние памятники из культурного блока поселений Свободное, Ясенева Поляна, Мешоко, Замок, как это предпринял А.А. Нехаев.

Во-вторых, при исследовании проблем хронологии памятников времени майкопско-новосвободненской общности возможно наблюдать факт задерживания в Предкавказье более ранних явлений, связанных с временем конца V тыс. до н.э. или Триполья VI, — VIBII. В таком случае дата энеолитического комплекса 17/6 Айгурского могильника, совпадающего с временем среднего диапазона дат МНО, вполне кажется уместной⁹⁵. Также в этом свете хронологии находит объяснение и редчайшие находки каменных сланцевых браслетов в заполнении собственно майкопского захоронения Усть-Джегутинского могильника, курган 3 погребение 9⁹⁶.

В-третьих, территория энеолитической культуры накольчатой жемчужной керамики в верховьях р. Белой и Фарса прямо совпадает с территорией, распространившейся здесь новосвободненской группы памятников майкопской культуры (или по иной терминологии — новосвободненской культуры майкопско-новосвободненской общности⁹⁷. А само поселения Ясенева Поляна находится в 20 км от ст. Новосвободной. А.Д. Резепкин, сейчас специально исследующий поселение под курганами в урочище Клады, приводит свои наблюдения о том, что керамика поселения Ясенева Поляна, просмотренная им из коллекции Гос. Эрмитажа, внешне весьма напоминает посуду вышеназванной группы по цвету и излому черепка⁹⁸. Со своей стороны, я ранее уже отмечал, что категория одноручных кружек Ясеновой Поляны прямо имеет продолжение в типах одноручных кружек из гробниц ст. Новосвободной⁹⁹. Таким образом,

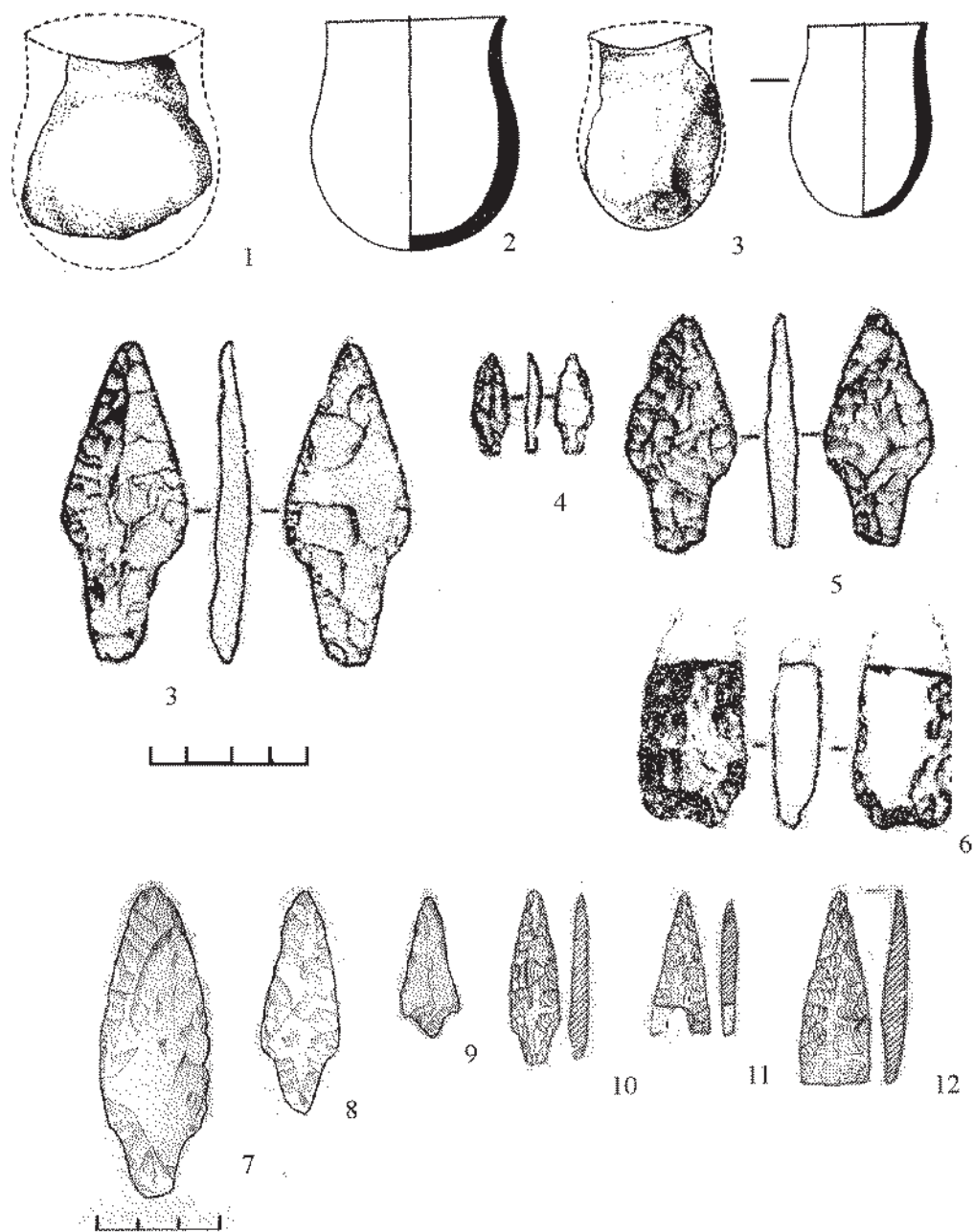

Рис. 13. Находки из поселений энеолита Западной Грузии:
1–6 — Тетри Мгвиме; 7–9 — Дзудзуана, 10–12 — Смерцхеле-кдде (по Джапаридзе)

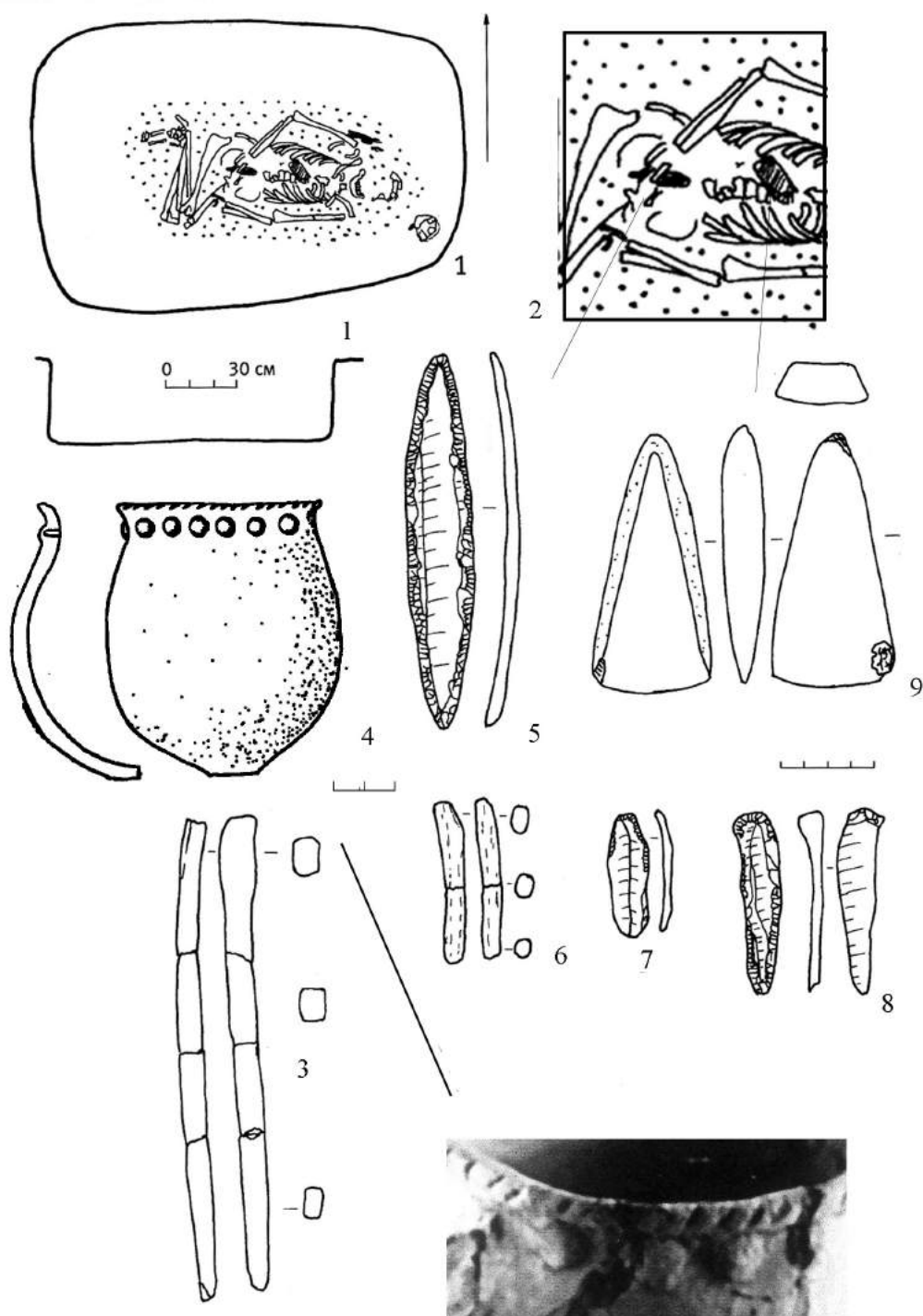

Рис. 14. Комплекс погребения 18 кургана 2 у с. Комарво (по Гиджрати)

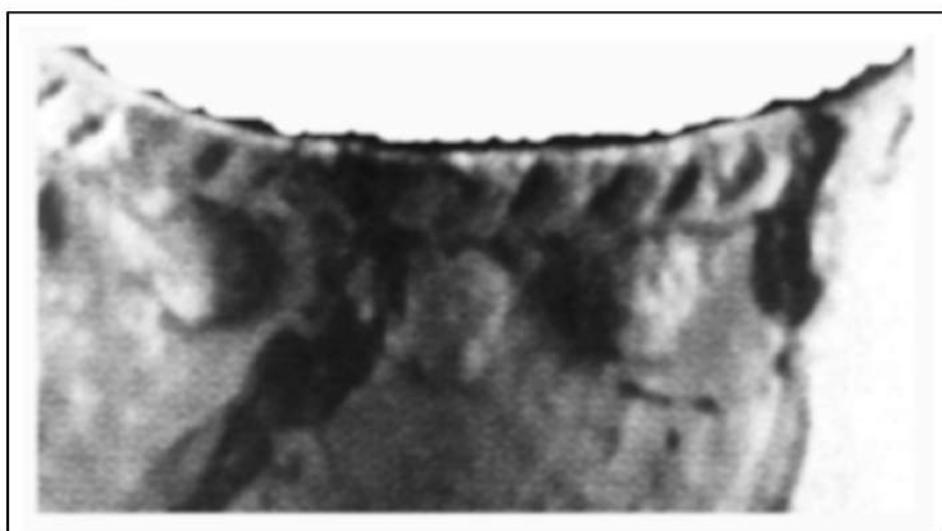

Рис. 15. Сосуд из погребения 18 кургана 7 (по Исторический атлас)...

обитателей поселений с накольчатой жемчужной керамикой можно рассматривать как один из компонентов в сложении такого сложного образования, как новосвободненский вариант (или культура) МНО.

Таблица дат западнокавказской энеолитической общности и дат комплексов новоданиловского типа Среднестоговской культуры¹⁰⁰.

№	шифр	Дата BP	Дата BC cal (Stuiver-Reimer)	Памятник.
1	ТБ-315	5515±130	4465–4210	Дзудзуана пещера
2	Ле-4532	5477±100	4450–4234	Свободное пос.
3	Ле-4531	5400±250	4466–3965	Свободное пос.
4	Ле-6341	5300±60	4240–4040	Мешоко 1964, гор. 18-20
5	Ле-6430	5210±50	4220–3970	Мешоко.1964, гор. 16-17
6	Ле-6342	5170±130	4230–3810	Мешоко 1963, шт. 1,2
7	Ле-6343	5170±80	4015–3825	Мешоко 1963, шт. 1,2
8	Ле-6344	5070±80	3970–3780	Мешоко 1963, шт. 4
9	Ле-6356	4770±110	3700–3370	Мешоко 1964, гор. 1,2
10	Ле-6948	5390±110	4350–4040	Мешоко 1958, шт. 7
11	ГИН-12642	4450±150	3357–2905	Ясенева Поляна, Г 7/3 27/III 1965 г.
12	ГИН-12643	5160±120	4212–3800	Ясенева Поляна, III/2, VIII, 1969 г.
13	Ki-12715	5370±70	4329–4048	Ясенева Поляна 6/12, кость жив
14	Ki-12718	4770±70	3643–3382	Ясенева Поляна 7/10, кость жив
15	Ki-12717	3970±70	2512–2353	Ясенева Поляна Е-6/8, кости жив
16	Ki-12712	5540±90	4458–4265	Замок. 1989, слой подчистки
17	Ki-12711	5140±90	4038–3801	Замок. 1989, слой подчистки
18	Ki-12713	4690±70	3628–3368	Замок 1989 слой подчистки
19	Ki-7037	5560±80	4459–4437	Джурджулешти погр. 3
20	GrA-9260	5430±50	4340–4236	Перегрузное 13/7 кость
21	ИГАН 2516	5180±100	4212–3818	Вертолетное поле к.1 п.12
22	Ki-11174	5450±80	4361–4165	Ревава, курган п.19, основное
23	GrA-22172	4740±60	3632–3378	Айгурский мог. 2 к. 17 п.. 6
24	KiA-368	5380±40	4324–4114	Деча Мерешелуй п.12
25	KiA-369	5580±40	4458–4353	Кайнары
26	GrA-24442	5910±45	4840–4820	Нальчикский мог. п.86
27	Le-4237	4495±80	3338–3044	Гуамский грот, слой 12
28	Le-4226	4570±200	3610–2930	Гуамский грот, слой 12
29	ОхА-4471	4905±65	3763–3644	Гуамский грот, слой 11

* * *

Комментарии. Накольчатая жемчужная керамика этих поселений, как отмечалось выше, является лишь одним характерным приемом украшения керамики рассматриваемой группы поселений. Ее ареал в Предкавказье ограничен. Сама по себе посуда с наколами и выступающими выпуклинами — жемчужинами, конечно, известна, как элемент декора, из иных регионов и культурных образований.

Такая посуда характерна для культур ямочно-гребенчатой керамики лесостепи Поднепровья¹⁰¹. Но у носителей этой традиции встречается иногда отличный способ нанесения жемчужин. Накол наносится изнутри под углом. Формы профилей посуды то же иные¹⁰². Сосуд с выпуклым орнаментом шишечками,

известен из неоднократно публикуемого погребения у с. Новоданиловка¹⁰³. Но действительно ли это аналог накольчатой жемчужной керамике Предкавказья — вопрос открыт. Важно отметить, что такая посуда есть в нижнем слое поселения Михайловка¹⁰⁴, хотя керамика этого слоя явно имеет отличия от предкавказской. Она однотонно черная и обработана расчесами. Накол изнутри с выпуклиной наружу свойственен памятникам ямно-репинского круга¹⁰⁵, встречен он и в степном Прикаспии¹⁰⁶, но последняя керамика не имеет столь тщательного лощения. В Предкавказье обломки керамики с степного (репинского) облика с наколом — жемчужинами (и иным типом наколов) обнаружены под насыпью кургана у с. Красногвардейского¹⁰⁷. Небольшой сосудик с плоским дном, украшенный по венчику нарезками и выпуклинами под венчиком найден в комплексе 2/18 у с. Комарово¹⁰⁸. В первой публикации он представлен как сосуд с накольчатым орнаментом изнутри. Но последующая детальная фотография этого горшочка, опубликована в 2004 году, позволяет предположить, что орнамент выпуклиной более похож на налест¹⁰⁹. (рис. 14). Детальных аналогий ему на поселениях с накольчатой жемчужной керамикой нет, хотя он отражает довольно стандартное сочетание элементов декора, встречаемое на предкавказской керамике: выпуклина и нарезка по венчику, но такие элементы есть и на посуде «репинского облика» или на керамике западно-грузинской энеолитической культуры.

Особенностью именно предкавказской традиции накольчатого жемчужного орнамента является так называемый каскад жемчужин, расположение их в несколько рядов с замазыванием отверстий на внутренней части тулова. Такие каскады встречаются не на всех сосудах, но именно они наиболее показательны для рассматриваемой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аналогично названию «майкопская культура» в трактовке Е.И. Крупнова.
2. *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. (Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004; *он же*. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок-Мешоко-Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
3. *Кричевский Е.Ю., Круглов А.П.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика // МИА. № 3. 1941; *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в г. Нальчике // МИА. № 3. 1941.
4. *Кореневский*. Радиоуглеродные даты древнейших курганов...
5. *Кореневский С.Н.* Общие черты предмайкопского периода в Предкавказье // XVIII Крупновские чтения. Кисловодск, 1994.
6. Название памятника имеет различное написание в публикациях, например, Ясенова Поляна, Ясеновая Поляна и Ясенева Поляна. Мы остановились на названии «Ясенева Поляна».
7. *Формозов А.А., Черных Е.Н.* Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье // КСИА. Вып. 101. 1964.
8. *Столяр А.Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 г., 1960. С. 36; *Столяр А.Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. Майкоп, 1961; *он же*. Поселение Мешоко и

- проблема двух культур Кубанского энеолита. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1963 год. 1964.
9. *Формозов А.А., Столяр А.Д.* Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. 1960. № 2; *Формозов А.А.* Археологическое обследование пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961; *он же.* Периодизация поселений Майкопской культуры // Историко-археологический альманах. М., 1962; *он же.* Каменноостанная пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // Палеолит и неолит в СССР. МИА. № 173. 1971; *он же.* Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972; *он же.* О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. 1994. № 4; *Формозов, Черных.* Новые поселения майкопской культуры...
 10. *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
 11. *Столяр А.Д.* Исследование энеолитической крепости Мешоко (Краснодарский край). Невский археологический сборник. СПб., 2004. С. 315-333; *Остаинский С.М.* Наконечники стрел и дротиков поселения Мешоко (вопросы классификации и стратиграфии); Невский археологический сборник. СПб., 2004. С. 334-355; *Каспаров А.К., Саблин М.В.* Исследование фаунистических остатков поселения Мешоко на Северном Кавказе. Невский археологический сборник. СПб., 2004. С. 356-364; *Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцова А.А.* Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко. Невский археологический сборник. СПб., 2004. С. 365-368.
 12. *Формозов, Черных.* Новые поселения майкопской культуры... С. 102-110.
 13. Там же. С. 109.
 14. Там же. С. 108.
 15. Там же. С. 109.
 16. Там же. С. 109, 110.
 17. *Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 146, 147, Коллекция ГИМ, № 42403.
 18. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 229.
 19. *Rezerkin A.D.* Das frühbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Archaologie in Eurasien. Band 10. Verlag Marie Leindorff: Rahden/Westf, 2000. Tafl. 36, 4.
 20. *Корневский С.Н., Наглер А.О.* Некоторые вопросы изучения энеолита центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 80. Рис. 2, 6, 7.
 21. *Кияшко В.А.* Между камнем и бронзой. (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.). Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994. С. 123. Рис. 37, 4.
 22. *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 87.
 23. *Нехаев А.А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992. С. 77.
 24. Там же. С. 78.
 25. Там же. С. 83.
 26. Там же. С. 77-80.
 27. *Резепкин А.Д.* Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенева Поляна. Судьба ученого. СПб., 2000. С. 223-235.
 28. *Формозов, Столяр.* Ук. соч. С. 103-114.
 29. *Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья.
 30. *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. 1941. С. 21.
 31. *Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 146.

32. *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в г. Нальчике // МИА. № 3. 1941. С. 69. Рис. 2.
33. Там же. С. 68, 69.
34. Там же. С. 69.
35. *Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века. С. 147.
36. Там же. С. 141-147.
37. *Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982. С. 130.
38. Появившееся в печати мнение Е.Н. Черных и Л.Б. Орловской рассматривать Галюгаевское поселение-1 как остатки разрушенных современными грабителями майкопских курганов (*Черных Е.Н., Орловская Л.Б.* Радиоуглеродная хронология майкопской археологической общности // Археология, этнография и фольклористика Кавказа // Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 10, 11) неправомерно. Курганных могильников майкопской культуры без находок погребенных людей, могильных ям и иных могильных конструкций не бывает. А на Галюгаевском — 1 поселении не было найдено никаких следов захоронений майкопцев. Зато хорошо представлен другой именно поселенческий комплекс находок; остатки очагов, мусорных или культовых ям, каменные инструменты в том числе турлучных конструкций, развалы керамики, давших коллекцию в 8000 образцов. Знакомые с полевой практикой коллеги легко могут убедиться в поселенческом характере Галюгаевского — 1 поселения, познакомившись с его полной публикацией (*Кореневский С.Н.* Галюгай 1 — поселение майкопской культуры. М., 1995.) или отчетами авторами в Архиве ИА РАН.
39. *Кореневский, Наглер.* Ук. соч. С. 77-85.
40. *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192, 1987.
41. *Кореневский, Наглер.* Ук. соч. С. 77.
42. *Рысин М.В.* Майкопская общность и генезис строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 49.
43. *Нехаев А.А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992.
44. Там же. С. 82, 83.
45. Там же. С. 82.
46. *Кореневский С.Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993; *Резепкин А.Д.* Энеолитическое поселение Мешоко // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5. 2005.
47. *Формозов А.А.* О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. 1994. № 4.
48. *Кореневский С.Н.* Общие черты предмайкопского периода в Предкавказье // XVIII Крупновские чтения. Кисловодск, 1994. С. 18-20, 1996.
49. *Кореневский С.Н.* Поселение «Замок» у города Кисловодска (нижний слой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь, 1998. С. 96-150.
50. *Резепкин А.Д.* Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенева Поляна. Судьба ученого. С. 234.
51. Там же. С. 223-235; *Трифонов В.А.* Дарквети-Мешоковская культура // Третья кубанская археологическая конференция. Краснодар-Анапа, 2001а. С. 190-193.
52. *Пхакадзе Г.Г.* К вопросу о взаимосвязи западно-грузинской раннебронзовой и майкопской культур. Вопросы археологии Грузии. Вып. III, 1985; *он же.* Опыт периодизации памятников Западного Закавказья эпохи энеолита и ранней брон-

- зы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1991; *он же*. Западное Закавказье в III тыс. до н.э. Тбилиси, 1993; *Трифонов В.А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа степной и лесостепной зоны Восточной Европы по данным радиоуглеродного датирования // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 78.
53. *Трифонов*. Поправки к абсолютной хронологии... С. 78.
54. *Резепкин*. Энеолитическое поселение Мешоко... С. 73-92.
55. *Корневский, Наглер*. Ук. соч.
56. Этот этап начался после открытия и ввода в научный оборот подлинно майкопских поселений, таких как Галюгаевское-1, 3, Серегинске, Псекупское, а также иных.
57. *Столяр*. Мешоко — поселение майкопской культуры...
58. *Корневский*. Галюгай 1 — поселение майкопской культуры; *он же*. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья...
59. *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965; *Резепкин*. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенева Поляна. С. 223-235.
60. *Столяр А.Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры...
61. *Формозов*. Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 80.
62. *Формозов А.А.* Каменноостная пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // Палеолит и неолит в СССР. МИА. 1971. № 173. С. 99-116.
63. *Формозов*. Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 78, 79.
64. *Формозов, Черных*. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье.
65. *Формозов А.А.* Археологическое обследование пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. С. 50-72.
66. *Онайко Н.О.* Раскопки поселения на Малой земле // КСИА. Вып. 128. 1970. С. 73-78; *Мунчаев*. Кавказ на заре бронзового века. С. 201-202; *Гей А.Н.* Энеолитический слой поселения Мысхако // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
67. *Нехаев А.А.* Энеолитические поселения Закубанья. Краснодар, 1980; *он же*. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992.
68. *Рунич А.П.* Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. 1967. № 1; *Рунич А.П., Формозов А.А.* Поселения Адыгеи эпохи раннего металла // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972; *Корневский*. Поселение «Замок» у города Кисловодска... С. 96-150.
69. *Трифонов В.А.* Гуамский грот — новый многослойный памятник на Северо-Западном Кавказе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1980.
70. *Формозов, Черных*. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье. С. 102, 103.
71. *Джигунова Ф.К.* Отчет о работах археологической экспедиции Национального музея Республики Адыгея в майкопском районе Республики Адыгея в 2003 году. Архив ИА РАН, 2004.
72. *Ловпаче Н.Г.* Унакозовские пещеры — памятник протомайкопской культуры // XVII Крупновские чтения. Майкоп, 1992.
73. *Ловпаче Н.Г.* Верхний слой Баракаевской пещеры. Майкоп, 1995. С. 25. Табл. 4, 1, 2, 3, 5.
74. *Нехаев А.А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992.
75. *Корневский*. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья.

76. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970. С. 273.
77. Там же.
78. Каспаров А.К., Саблин М.В. Исследование фаунистических остатков поселения Мешоко на Северном Кавказе. Невский археологический сборник. СПб., 2004. С. 357). Последний факт крайне интересен, так как кости кошки на бытовых памятниках первобытности обнаружить крайне сложно, но подобные случаи отмечены на поселениях трипольской культуры, таких как Лука Врублевская, Сабатиновка I, Городск. (Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.). Эти факты явно не случайны. Они требуют своего осмысления, суть которого в том, что здесь фиксируется то ли начальный этап приручения кошки в среде земледельцев, то ли факты указывают на кошку, как на объект охоты из-за ее меха, а также в культовых целях — С.К. Вместе с тем, заключение о том, что на Мешоко найдена именно домашняя кошка, требует особой аргументации. Пока оно голословно.
79. Корневский. Поселение «Замок» у города Кисловодска... С. 96-150. С. 118.
80. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья.
81. Потехина И.Д. Антропологические материалы из погребения раннего медного века в Унакозовской пещере // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 30.
82. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. С. 72.
83. Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XIX. Сухуми, 1958. С. 181, табл. V.
84. Джапаридзе О.М. На заре культурной истории Кавказа. Тбилиси, 1989. С. 357, 358.
85. Корневский. Поселение «Замок» у города Кисловодска... С. 126. Рис. 8, 3-9. С. 127. Рис. 9,1.
86. Глonti Л.И., Джавахишвили А.И. Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы в Шида-Картли—Берикдееби // КСИА. Вып. 192. 1987. С. 84. Рис. 3, 5, 6.
87. Корневский С.Н. Знаковая керамика Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 23. Рис. 11.
88. Мерперт. Мунчаев. Ук. соч. С. 133-149.
89. Пхакадзе. К вопросу о взаимосвязи западно-грузинской раннебронзовой и майкопской культур. Вопросы археологии Грузии. С. 22-38; он же. Опыт периодизации памятников Западного Закавказья эпохи энеолита и ранней бронзы; он же. Западное Закавказье в III тыс. до н.э.
90. Резепкин. Энеолитическое поселение Мешоко...
91. Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцова А.А. Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко. Невский археологический сборник. СПб., 2004. С. 365-368.
92. Отнесение радиоуглеродных дат поселения Мешоко, могильника Айгурского — 6 к.17 п.6, Гуамского грота в сводке радиоуглеродных определений майкопских памятников в статье Е.Н. Черных, Л.Б. Орловской к майкопской культуре отношения не имеет (Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология майкопской археологической общности // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 11. С. 20, 21), в связи с принадлежностью этих комплексов к иным культурным образованиям.
93. Відейко М.Ю. Нова хронологія кукутені — трипілья // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ, 2003; он же. Абсолютне датування трипільської культури // Енциклопедія трипільської цивілізації. Київ. Том 1. 2004.

94. Мерперт, Мунчаев. Ук. соч.
95. Корневский С.Н., Калмыков А.А. Энеолитическое погребение из курганного могильника Айгурский 2 (Ставропольский край) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Москва, 2007. С. 63-69.
96. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века. С. 229.
97. Корневский. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. С. 57-61.
98. Резепкин. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясенева Поляна. С. 223-235.
99. Корневский. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья... С. 93.
100. Источники: Корневский. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья...; он же. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок-Мешоко-Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006; *Govedariča B. Zeptertrager — Herrscher — der Steppen* (Die frühen Ockergraber des älteren Aneolithikums im karpatenbalkanischen Gebiet und im Stwppwnraum Sudost- und Osteuropas. Mainz am Rhein: Verlag Phillip von Zabern, 2004; Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Зазовская Э.П., Плихт Й. ван дер. Радиоуглеродная хронология майкопских памятников Южных Ергеней // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее Василия Алексеевича Городцова. Тезисы конференции. М., 2003; Шишлина Н.И., Плихт Й. ван дер, Зазовская Э.П., Севастьянова В.С., Чичагова О.А. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006; Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены — современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001; Коррекция по: *Stuiver M. and Reimer P.J. Radiocarbon Calibration Program. Rev. 3.0.3, 1991.*
101. Археология Украинской ССР. Киев, 1985. С. 184, рис. 51, 11.
102. Котова. Ук. соч. С. 282, рис. 128.
103. Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск, 2001. С. 75 рис. 27.7.
104. Лагодовська О.Ф. Шапошникова О.Г., Макаревич М.А. Михайлівське поселення. Киев, 1962, табл. IV.
105. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 60. Рис. 7.
106. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974. С. 78, 3.
107. Березин Я.Б., Калмыков А.А. Комплексы эпохи бронзы у хутора «Красное Знамя» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь, 1998. С. 95, рис. 26, 2, 3.
108. Гиджрати Н.И. Новые данные о каменном веке Северной Осетии // Новые материалы по археологии центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 17, 18, рис. 6, 7.
109. Исторический атлас Осетии. Владикавказ, 2002.

ENEOLITHIC SETTLEMENTS IN CISCAUCASUS, YASENEVA POLYANA AND
CULTURE OF PIN PEARL CERAMICS IN CISCAUCASUS*S.N. Korenevskij*

The article considers the issue of Pin Pearl ceramics culture in Ciscaucasus settlements. The becoming of cultures at early cattlemen and farmers of Ciscaucasus can be represented in two stages of the historical development at a local population. The well-known second stage is connected with the spreading of maykopian community at Ciscaucasus. This stage is quite significant for flourishing of local metal working, ceramic manufacture and intensive militarization of a society, neighbouring and distant daros that are exchange contacts and construction of huge barrows reflected by archeological sources. This time falls on the 4th millenium BC according to radicarbonic dates. The authors find it hard to show any considerable changes in culture of the community; however they note the synchronization aspect in connection with Oriental cultures, so, according to the state of chronology making schemes on late or early monuments out of the settlement culture set seems to be not well-grounded.

© 2008 г.

А.В. Мастыкова

«ВАРВАРСКИЕ КОРОЛЕВСТВА» ЭПОХИ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ У АЛАН ЦЕНТРАЛЬНОГО
ПРЕДКАВКАЗЬЯ*

В Центральном Предкавказье для эпохи переселения народов (конец IV — первая половина VI вв.) известна серия погребений с богатым инвентарем, которые можно характеризовать как привилегированные или «вожеские». В данной работе будет предпринята попытка исторической интерпретации этого археологического факта.

При выделении привилегированных погребений, были использованы критерии, разработанные для хорошо изученных социумов «варварской» Европы. Вопрос социальной интерпретации данных погребальной археологии является одним из наиболее сложных, поскольку принципы соотнесения «погребальной» и реальной иерархии древних обществ остаются дискуссионными¹. Именно поэтому археологи чаще всего ограничиваются выявлением стратификации древних погребений по уровню богатства инвентаря, но воздерживаются от прямой атрибуции выделенных страт той или иной социальной группе. Особенно сложной представляется классификация женских могил, так как обычно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ/НЦНИ в рамках международного российско-французского совместного проекта «НЦНИЛ_а», № 07-01-94652а, 2007-2009, «Варварские королевства в центральной и южной части Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов».

в них иерархия выступает не столь отчетливо, как в мужских², в том числе и в северокавказском материале³.

Тем не менее, некоторые общие закономерности улавливаются археологами. Привлечение этнографических параллелей и исторических данных позволяет утверждать, что погребальный обряд, как социальный акт, так или иначе отражает структуру социума. В раннесредневековой Европе, где археологические данные частично проверяемы письменными источниками, погребения наиболее знатных лиц, такие как могилы исторически известных франкских королей и королев, например, Хильдерика⁴ или Арегонды⁵, имеют самый богатый и престижный погребальный инвентарь, включая элементы костюма.

Погребения людей высокого социального статуса, как мужские так и женские, содержат редкие и престижные предметы — инсигнии, указывающие на статус их владельцев.

В могиле короля Хильдерика были такие «статусные» вещи — именной перстень-печать, римская золотая Т-образная фибула функционера высокого ранга, золотой «королевский» браслет с расширенными концами и меч с обложенной золотом рукоятью⁶. Могила королевы Арегонды содержала именной перстень, который собственно и позволил установить личность погребенной⁷. Кроме того, могилы знати по своей архитектуре и местоположению явно занимают привилегированное положение. Так могила короля Хильдерика находилась вероятней всего под большим курганом и вокруг нее сохранялось, не занятое другими погребениями, пространство⁸. Погребение королевы Арегонды было обнаружено в церкви Сен-Дени, где совершались погребения членов королевской семьи и их окружения⁹.

Другие известные на сегодняшний день могилы меровингской знати, надежно определяемые по их местоположению, например в той же церкви Сен-Дени, также содержат богатый и престижный инвентарь¹⁰. О существовании особой «статусной» погребальной архитектуры в догосударственных социумах Европы свидетельствуют и нарративные источники, например «Сага об Инглингах», согласно которой мифический прародитель первой шведской королевской династии Один постановил, что «в память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался»¹¹.

Все это позволяет утверждать, что в погребальной практике раннесредневековой Европы существовала несомненная связь между социальным статусом погребенного, богатством и престижностью погребального инвентаря, местоположением и архитектурой могилы. Иначе говоря, чем выше был социальный статус погребенного в «варварской» Европе эпохи Великого переселения народов, тем богаче и разнообразнее был его погребальный инвентарь.

То же самое явление наблюдается и в погребальных древностях протоисторических предгосударственных обществ Европы, где степень богатства инвентаря (показатель NAT: Number of Artefact Types) прямо связано с присутствием в могиле редких импортных и дорогостоящих вещей из ценных металлов¹². Конечно, как всякое обобщение, такой вывод нуждается в уточнениях и оговорках. Так, например, замечено, что разница в степени богатства инвентаря может быть связана с разными культурными традициями. В Северной Галлии «бо-

гатый» инвентарь (за исключением привилегированных аристократических могил в церквях) не характерен для городского населения¹³. В Южной и Восточной Галлии, а также в Италии «богатый» инвентарь типичен для германской культурной традиции. Погребения, соответствующие римским погребальным обычаям и часто находящиеся в дорогостоящих каменных саркофагах и мавзолеях, либо вообще не содержали деталей убора, либо сопровождались одним символическим предметом: гребень, пряслице, пряжка¹⁴. Необходимо учитывать и возрастные критерии погребенных, поскольку в традиционных обществах социальное положение человека зачастую зависело от его возраста. Этот факт хорошо известен, например, для народов Северного Кавказа в XIX в.¹⁵ Для ряда аламаннских раннесредневековых некрополей отмечено, что вещи из серебра обычны в погребениях людей пожилого возраста, в то время как золотые предметы чаще встречаются в захоронениях людей моложе 40 лет¹⁶.

Немецкий исследователь Р. Кристляйн, используя богатство и разнообразие инвентаря как критерий социальной дифференциации, выделил три уровня франкских и аламаннских могил, которые в целом соотносятся таким образом: группа «С» — со «знатью», группа «В» — «средним классом» и группа «А» — «беднотой»¹⁷. Автор благоразумно воздержался от прямого сопоставления выделенных им групп с известными по письменным источникам социальными категориями. Это придало системе Р. Кристляйна универсальность, она была с успехом применена не только для Германии, но и для других частей меровингского королевства¹⁸. Впоследствии для меровингской зоны среди привилегированных погребений группы «С» в системе Р. Кристляйна был выделен уровень «D», куда и попали вышеперечисленные королевские и «княжеские» могилы со «статусными» вещами¹⁹. Вскоре подобные схемы были созданы и для других регионов «варварской» Европы, например, для Подунавья²⁰ или для британских островов²¹.

Разумеется, невозможно механически переносить выработанные на западноевропейском материале критерии на северокавказский, можно только руководствоваться общими принципами. Поэтому предлагаемая здесь социальная интерпретация северокавказских находок имеет самый предварительный характер.

Итак, для Центрального Предкавказья, занятого в изучаемую эпоху аланами, к числу привилегированных отнесены женские и мужские погребения с наиболее богатым и разнообразным инвентарем, включающим изделия из золота и/или «статусные» престижные предметы, а также редкие импортные вещи.

Среди мужских погребений к числу привилегированных в Центральном Предкавказье для эпохи переселения народов относятся мужские захоронения, сопровождавшиеся набором из меча (в ряде случаев богато украшенного), котла, стеклянной посуды, поясной, обувной и портупейной гарнитуры из золота или серебра, предметов конской упряжи: Брут, курганы 2 и 7²²; Лермонтовская Скала-2, погребения 10 и 11²³; Кугульские Западные склепы 2 и 4²⁴; Мокрая Балка, погребение 123²⁵; Байтал-Чапкан, погребение 23²⁶; Гиляч, погребения 2.1965 г. и 4.1965 г.²⁷; Джамагат, погребение 1²⁸; Острый Мыс-1, погребение 1²⁹; Шестая Шахта³⁰; Зарагидж, погребение 118³¹ (рис. 1). Сюда же можно отне-

сти разграбленные парные погребения 3, 5 и 6 на могильнике Лермонтовская Скала-1, из которых происходят серебряная обкладка с чешуйчатым орнаментом (погребение 3), наконечник ножен меча (погребение 5), золотая инкрустированная бляха от конского убора и серебряная инкрустированная пряжка (погребение 6)³², а также разграбленный склеп 1 на горе Развалка, где была найдена золотая инкрустированная бляха от конского убора или поясной гарнитуры³³.

К числу привилегированных несомненно относится захоронение в разрушенном кургане 14 Былым-Кудинетово³⁴, откуда происходят небольшие золотые двупластинчатые фибулы, отражающие германскую аристократическую традицию женского костюма, а также золотая шарнирная бляха с перерегородчатой инкрустацией средиземноморского происхождения. Из того же кургана происходят средиземноморские золотые псалии стиля клуазонне, украшенные птичьими головками, вещь крайне редкая даже для «княжеского» уровня погребений «варварской» Европы³⁵. Погребение в Былым-Кудинетово могло быть, судя по наличию фибул, женским или парным, если конский убор относить исключительно к мужскому инвентарю. Скорее всего этой же категории принадлежит отдельная могила в кургане Былым-Озороково, где была найдена единственная на Северном Кавказе ранневизантийская пиксида из слоновой кости³⁶. В «варварском» контексте эпохи переселения народов подобный предмет известен еще только в «королевском» кургане Журань, в Южной Моравии³⁷. Но к сожалению неизвестно, было ли озороковское захоронение женским или мужским.

К числу женских привилегированных захоронений можно отнести погребения, содержащие предметы из золота, довольно редкие в северокавказском регионе. Это в первую очередь «княжеское» погребение со «статусной» гривной из могильника Клин-Яр-3³⁸. А также — погребение 5.1965 г. могильника Гиляч с золотыми проволочными серьгами, золотой шарнирной инкрустированной бляхой и фибулой обтянутой золотым листом³⁹; женское захоронение из коллективной могилы 10 некрополя Лермонтовская Скала-2 с золотой шарнирной бляхой с инкрустацией и золотой фибулой-брошью с камнями⁴⁰; погребение 3 могильника Гиляч⁴¹, погребение 52 некрополя Клин-Яр-3⁴², погребение 54 могильника Мокрая Балка⁴³, погребение 11 могильника Лермонтовская Скала-2⁴⁴, Чми-1, погребение 4/скелет девочки⁴⁵ — все с золотыми серьгами; женское погребение в могиле 118 некрополя Зарагидж с золотой подвеской и золотой аппликацией⁴⁶ и погребение 24 могильника Байтал-Чапкан с бляхой полихромного стиля, обтянутой золотым листом⁴⁷. Наконец, серия престижных вещей полихромного стиля происходит с осетинских могильников Верхняя и Нижняя Рутха⁴⁸.

Мужские и женские привилегированные могилы известны по всему Центральному Предкавказью, однако самые престижные, «княжеские» — Клин-Яр-3, Лермонтовская Скала-2, Брут, Былым-Кудинетово и Былым-Озороково — известны пока в Пятигорье, Кабардино-Балкарии и Осетии. Возможно их распространение отражает географию формирования центров власти, «варварских» королевств⁴⁹ (рис. 1).

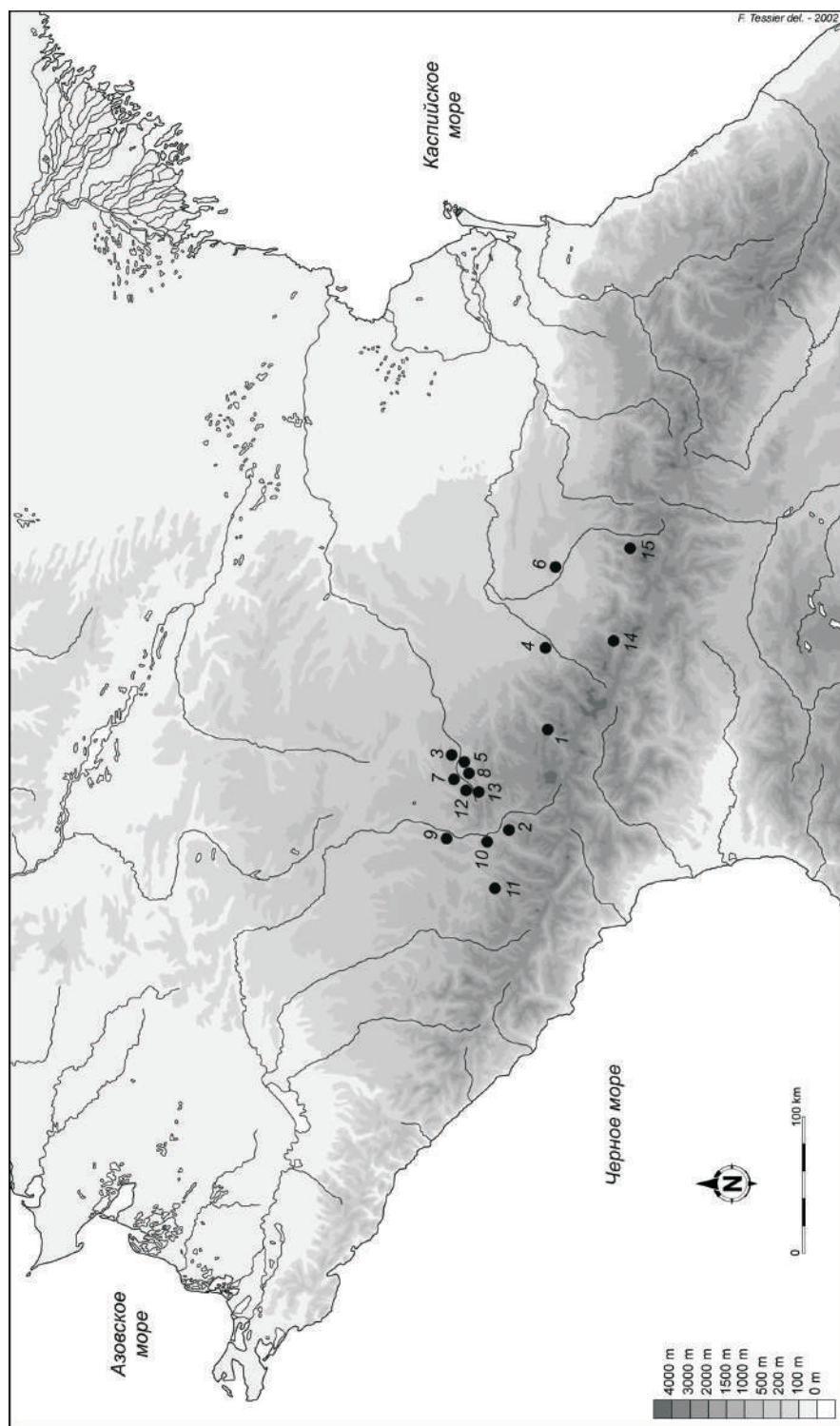

Рис. 1. Привилегированные погребения эпохи Великого переселения \ народов в Центральном Предкавказье.

1: Былым-Озурково и Былым-Кудинетово; 2: Гиляч; 3: Лермонтовская Скала 1 и 2; 4: Зарагич; 5: Клин-Яр-3; 6: Брут; 7: Мок-рая Балка; 8: Кутульские Западные склепы; 9: Байтал-Чапкан; 10: Шестая Шахта; 11: Джамагат; 12: Острый Мыс-1; 13: Развал-ка; 14: Верхняя Рутха и Нижняя Рутха; 15: Чми.

В западной археологии неоднократно отмечалось, что наиболее богатые погребения со сложным погребальным обрядом и пышным инвентарём относятся к эпохе становления государственных «варварских» формирований, с «открытой» структурой⁵⁰, когда «новые» правящие элиты пытаются таким образом подчеркнуть свою значимость и «обосновать» легитимность своей власти. Приведу два общеизвестных примера. Уже упоминавшийся франкский король Хильдерик был захоронен с богатым набором золотых вещей под курганом значительных размеров, его погребение сопровождалось принесением в жертву довольно многочисленных лошадей, а его сын Хлодвиг, кстати далеко превосшедший своего отца по части создания меровингской империи, погребен в саркофаге в церкви по христианскому обряду, который исключал «варварскую пышность». Анонимный черниговский правитель X века был удостоен при погребении огромного кургана Черная Могила, его сопровождали дополнительные погребения (или погребение?), богатый набор престижного оружия и другие приношения. А выдающийся русский государственный деятель Ярослав Мудрый, принадлежавший уже следующему поколению правящей элиты, покоился в церковном саркофаге и сопровождался весьма скромным инвентарем. Видимо, могилы аланских вождей Центрального Предкавказья с богатым инвентарем скорее соответствуют первой стадии становления «варварских королевств».

Концентрация богатых могил V в. с престижным оружием и убором в Пятигорье, долине Баксана и в Северной Осетии является археологическим свидетельством существования здесь политического формирования типа «варварского королевства» с военизированной знатью во главе. «Варварское королевство» является предгосударственной, наиболее развитой формой «вождества». Вождество (*chiefdom*) характеризуется наличием предводителя, часто сакрализованного, стоящего во главе иерархической системы, основанной на неравенстве кланов и семей. Иерархия кланов имела первостепенное значение для варваров, ее несоблюдение или незнание могли привести к тяжелым последствиям. Так, византийские послы, пытавшиеся возмутить гуннов-акацир против Аттилы, раздали подарки «не по чину» акацирским предводителям, чем вызвали недовольство знатных родов, которые немедленно сообщили о заговоре Аттиле⁵¹. Как и в обычном «вождестве», в «варварском королевстве» власть зиждется на традиционном устном праве, обычаях, авторитете вождя, а кодифицированные законы и структуры, необходимые для их применения (суд, полиция, армия и т.д.), отсутствуют. Однако, в «варварском королевстве» родовые привилегии начинают заменяться сословными. Появляются образования, не связанные с родовой системой, такие как дружина, часто включающие значительное количество иноплеменников. Одновременно родовая «знать» постепенно вытесняется королевскими представителями.

Такие «королевства» хорошо известны по письменным источникам V в. в Западной и Центральной Европе. Часто они возникают как пограничные формирования римских федератов, либо как «вассальные» княжества гуннской «империи». В отличие от больших варварских объединений позднеримского времени, таких как держава Германариха, они занимают компактную территорию, это особенно хорошо видно на примере дунайских или франкских коро-

левств середины-второй половины V в. Так, сравнительно небольшая территория позднеримской Паннонии, к западу от Дуная, была поделена между тремя остроготскими королевствами⁵². На ограниченной территории современной южной Бельгии и приграничных районов Франции располагалось, по меньшей мере, два франкских королевства: одно со столицей в Турнэ, принадлежавшее династии Меровингов и другое — короля Клодиона со столицей в Камбрэ⁵³.

Районы концентрации “привилегированных” могил V в. считаются археологическим выражением “варварских королевств”⁵⁴. Погребения варварской и варваризированной знати этого времени в Западной и Центральной Европе отличаются престижным инвентарем: парадные мечи с золотыми обкладками и полихромным декором на ножнах, рукояти и гарде; поясные и обувные гарнитуры из золота и серебра в мужских захоронениях⁵⁵; большие двупластинчатые фибулы, украшения полихромного стиля из золота или серебра в женских могилах⁵⁶.

На археологическом материале малые “варварские королевства” выделялись в Центральной Европе⁵⁷. По мнению Я. Тейрала речь идет о небольших высоко милитаризованных группах смешанного, германского и негерманского (гуннского, аланского и т.д.) происхождения, которые возникли в смутную эпоху Великого переселения народов. В начальной стадии своего существования такие группы выступают чаще всего как пограничные федераты Рима (такие как гото-алано-гуннские отряды Алафея и Сафрака в Паннонии в 378 г.) или вассалы гуннов (например, остроготские Амалы, оставшиеся в Восточной Европе). После смерти Атиллы и окончательного падения римского лимеса в 450–460 гг., эти королевства получают независимость и вступают между собой в жестокую борьбу за лидерство⁵⁸.

В Восточной Европе подобные “королевства” в V в. (гуннское и постгуннское время) выделяются у оседлого населения по концентрации “княжеских” находок, идентичных или близких по составу центральноевропейским и кладов золотых монет, в частности в Среднем Поднепровье и в Молдавии⁵⁹, на западной окраине Восточной Пруссии⁶⁰, в районе Танаиса (Синявка)⁶¹, на Черноморском Побережье Кавказа под Новороссийском⁶² и в южном Дагестане (Ираги)⁶³. Сложнее выделить погребения знати у кочевников (гуннов, болгар, алан), поскольку с гуннского времени мода на сравнительно недорогие, обтянутые золотым листом на бронзовой основе, украшения полихромного стиля является у них повсеместной. Тем не менее одно из таких “королевств” для постгуннского времени выделяется близ устья Дона⁶⁴. Находка второй половины V в. из кургана у Хасав-Юрта⁶⁵, возможно, свидетельствует о существовании какого-то кочевнического “королевства” в Северном Дагестане.

Разумеется, лишь немногие из привилегированных погребений принадлежат вождям варварских объединений. Большую же часть вышеназванных погребений, скорее всего, можно соотнести с варварской “аристократией” различного уровня (местные старейшины, предводители кланов, знатные воины и члены их семей). Однако, концентрация выделенных погребений в конкретных регионах весьма показательна для географии “варварских королевств” V в. в Восточной Европе, и в частности, в Центральном Предкавказье (рис. 1).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. 2000. № 1. С. 217-226; Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. 2000. № 2. С. 212-220; Périn P. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiennes // Antiquités Nationales. 30. 1998. P. 169-184.
2. Périn. Op. cit. P. 173, 178.
3. Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. Москва, 2003. С. 282, 288.
4. Périn P., Kazanski M. Das Grab Childerichs I // Die Franken, Wegbereiter Europas. Mainz, 1996. S. 173-182; Казанский М.М., Перен П. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. Вып. 218. 2005. С. 24-42.
5. Fleury M., France-Lanord A. (dir.). Bijoux et parures mérovingiens de la reine Arégonde, belle-fille de Clovis // Dossiers de l'archéologie. N° 32. 1979.
6. Périn, Kazanski. Op. cit.; Казанский, Перен. Ук. соч. С. 25. Рис. 1-4.
7. Die Franken. Wegbereiter Europas. Mainz, 1996. S. 936-938. Kat. VI.2.10.
8. Müller-Wille M. Les tombes royales et aristocratiques a tumuli // Antiquités Nationales. 29. 1997. P. 245-257; P. 248. fig. 3.
9. Fleury, France-Lanord. Op. cit.
10. Paris de Clovis a Dagobert. Paris, 1997. P. 62-70.
11. Снорри Стурлусон. Круг земной (пер. М.И. Стеблин-Каменского). М., 1995. Слага об Инглингах. VIII. С. 14.
12. Hedeager L. Iron-Age Societies. From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford-Cambridge, 1992. P. 120, 121.
13. Périn. Op. cit.
14. Martin M. Grabfunde des 6. Jahrhunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG // Archäologie der Schweiz. 11. 1988. S.167-181.
15. Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Ленинград, 1982; Казиев Ш.М., Карнеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.
16. Stauch E. Alter ist Silber, Jugend ist Gold 1 Zur altersdifferenzierten Analyse frühgeschichtlicher Bestattungen // Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis. 7. Jahrhunderts im Westen. Berlin; New-York, 2008. S. 275-295.
17. Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 20. 1973. S. 147-180.
18. Martin M. Le Haut Moyen Age // Peuples et archéologie. Bâle, 1990. P. 187-213.
19. Périn. Op. cit.
20. Bierbrauer V. Ostgermanischer Oberchichtgraber der romischen Kaiserzeit und des Frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Łódź, 1989. S. 39-106.
21. См. библиографию: Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений...
22. Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М., 2005. № 55-85.
23. Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 год // Архив ИА РАН. 1973. Р-1. № 5009; Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 256-266.
24. Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 232-247.
25. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Выпуск 1. Дневник раскопок. М., 2001. С. 228.

26. Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. Вып. XXVI. 1956. С. 236-361.
27. Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982. С. 222-234.
28. Биджиев Х.Х. Отчет археологической экспедиции Карачаево-Черкесского Научно-Исследовательского Института за 1978 год // Архив ИА РАН. Р-1. 1978. № 7121.
29. Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 год // Архив ИА РАН. 1974. Р-1. № 5249.
30. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997. С. 49.
31. Atabiev B. Tombe 118. Zaragij, Naltchik (Caucase du Nord, République de Kabardino-Balkarie), Russie // L'Or des princes barbares. Du Caucase a la Gaule, Ve siècle après J.-C. Paris, 2000. P. 162-165.
32. Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 год // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2454.
33. Рунич. Раннесредневековые склепы Пятигорья.
34. ОИАК за 1882–1888 гг. Санкт-Петербург. С. 156.
35. О них см.: Akhmedov I. Cheeck-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migration period // Probleme des frühen Merowingerzeit im Mitteldonaum. Brno, 2002. P. 11-30.
36. Искусство Византии в собраниях СССР. 1977. М., 1977. Т. 1. С. 128. кат. № 188.
37. Poulik J. Žufañ in Geschichte Mitteleuropas // Slovenská Archeológia. XLIII-1, 1995. S. 27–109, S. 97, Abb. A. 1–4.
38. Kuznetsov V.A. Deux tombes alaines des Ve-VIe s. a Hasaut et à Klin-Yar (Caucase du Nord) // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica. Vol. 5). Leiden, 2000. P. 153-192, P.170-185; Мастыкова А.В. Гривна из могильника Клинь-Яр и возможности выделения привилегированных женских погребений эпохи Великого переселения народов в Центральном Предкавказье // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 472-490.
39. Минаева. Раскопки святилища и могильника ...
40. Рунич. Захоронение вождя...
41. Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в Верховьях Кубани // МИА. № 23. 1951. С. 273-301.
42. Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных (Труды Клинь-Ярской экспедиции I). М., 2000. С. 36, 37.
43. Афанасьев, Рунич. Ук. соч. С. 115.
44. Рунич. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 год.
45. Абрамова М.П. Раннесредневековый могильник у с.Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С. 49-71.
46. Atabiev. Op. cit.
47. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан ...
48. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа (Материалы по Археологии Кавказа. Т.VIII). Москва, 1900; Абрамова. Ранние аланы Северного Кавказа ... С. 76, 77.
49. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Центры власти и торговые пути в Западной Алании V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки (Материалы и Исследования по Археологии России. 3). М., 2001. С. 138-161.
50. Binford L.H. Mortuary Practices: Their study and their potential // American Antiquity.

26. 1971. P. 6-29; *Steuer H.* Archaeology and History: Proposals on the Social Structure of the Merovingian Empire // *Birth of Europe (Analecta Romana Instituti Danici. Vol. 16).* Rome, 1989 P. 100-122; *Fischer S.* Roman Imperialism and Runic Literacy. The Westernization of Northern Europe (150-800 AD) (Aun. 33). Uppsala, 2005.
51. *Артамонов М.И.* История хазар. Ленинград, 1962. С. 55; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград, 1979.
52. *Kiss A.* Ein Versuch die Funde und das Siedlungsgebiet der Ostgoten in Pannonien zwischen 456-471 bestimmen // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 31. 1979. Budapest. S. 329-339; *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984, С. 170.
53. *Лебек С.* Происхождение франков V–IX века. 1. Новая история средневековой Франции. М., 1993. С. 39.
54. *Kazanski M.* Les tombes “princières” de l’horizon Untersiebenbrunn, le problème de l’identification ethnique // *L’identité des populations archéologiques.* Sophia Antipolis, 1996. P.109-126; *Tejral J.* Les fédérés de l’Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen a la lumière des données archéologiques // *Antiquités Nationales.* 29. 1997. P. 137-166; *Tejral J.* Neue Erkenntnisse zur Frage der donauländisch-ostgermanischen Krieger- beziehungsweise Männergräber des 5. Jahrhunderts // *Fundberichte aus Österreich. Bd. 41. S.* 2003. 496-524.
55. *Kazanski M.* Les tombes des chefs militaires de l’époque hunnique // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes.* Köln-Bрно, 1999. P. 293-316.
56. *Bierbrauer V.* Ostgermanischer Oberchichtgraber...; *Kazanski M.* Les tombes “princières” de l’horizon Untersiebenbrunn...
57. *Tejral.* Les fédérés de l’Empire...; *Tejral.* Neue Erkenntnisse...; *Kazanski.* Les tombes “princières” de l’horizon Untersiebenbrunn...; *Kazanski.* Les tombes des chefs militaires...
58. *Tejral.* Les fédérés de l’Empire...; *Tejral.* Neue Erkenntnisse...
59. *Казанский М.М.* Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum +.* Кишинев, 1997. С. 181-193; *Ахмедов И.Р., Казанский М.М.* После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье.* СПб., 2004. С. 168-202.
60. *Кулаков В.И.* Holibo. Междуречье Ильфинг и Фришинг в 5 в. н.э. // *Гістарычна-Археалагічны Зборнік, № 13.* 1998. Мінск, С. 98-119.
61. *Безуглов С.И., Ильяшенко С.М.* Богатое погребение гуннской эпохи биз Танаиса // *Донская Археология.* 2000. № 1. С. 91-100.
62. *Мастыкова А.В.* Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // *Историко-Археологический Альманах.* 7. 2001. М.-Армавир. С. 58-69.
63. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 215.
64. *Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С.* Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
65. *Kazanski M., Mastykova A.* Le Caucase du Nord et la region mediterraneenne aux 5e-6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua. Bd. 5.* 1999. P. 523-573. Fig. 25.

«THE BARBAROUS KINGDOMS» OF THE GREAT PEOPLE RESETTLEMENT
EPOCH AT ALLANIANS IN CENTRAL CISCAUCASIA.

A.V. Mastykova

The article is devoted to the important and interesting question of formation of pro-state forms at the Allanians in early Medieval Times in Central Ciscaucasia. Central Ciscaucasia of the Great resettlement epoch (the end of the 4th — first half of the 6th cc. A.D.) is famous for a series of burials with rich implements which can be characterized as exclusive or «chieftain's». The work undertakes an attempt of historical interpretation of this archeological fact. General principles of allocation for «chieftain» and «princely» tombs at «barbarous» peoples in Europe of the end of antiquity — the beginning of the middle Ages are defined and applied to some North Caucasian material. On allocation of exclusive burials the author uses the criteria developed for well investigated societies of «barbarous» Europe. Basing on mapping of the richest «princely» burials it is judged, that the early medieval pro-state formations, that are «barbarous kingdoms», arose at the Allanians in the 4th — 5th cc. A.D. in Pyatigorje, in valley Baksan in territory of Kabardino-Balkariya and in Northern Ossetia.

© 2008 г.

В.И. Козенкова

О ПОТЕНЦИАЛЕ «ЗАБЫТЫХ» КОЛЛЕКЦИЙ: ДРЕВНОСТИ
КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОБРАНИИ А. КОССНИЕРСКОЙ

Неисчислимо количество великолепных предметов знаменитой кобанской археологической культуры, разбросанных по многим музеям мира и в самой России, не поддается общему учету. По сути, эти собрания раритетов общепринято у специалистов рассматривать как депаспортизированные, утратившие первоначальные данные о своем происхождении и обесцененные для науки. То есть ничего нового не вносящие в изучение позднебронзового — раннежелезного века Кавказа. Однако это далеко не так, в особенности, если коллекции артефактов происходят из одного и того же географического региона.

За последние полвека теоретические разработки многих исследователей на основе стационарно раскопанных поселений, могильников и культовых мест по обе стороны хребта Большого Кавказа позволили создать несколько достаточно убедительных схем периодизации и хронологии научно изученных памятников кобанской культуры¹. В результате появилась возможность вновь обратиться к «забытым» коллекциям, научно упорядочить их и извлечь иногда уникальную информацию. К таким коллекциям XIX века относилась до недавнего времени и мало известное из-за отсутствия публикации Собрание более 2000 бронзовых вещей Аделаиды Коссниерской, хранящееся в Берлинском музее древней истории. В 1996 году из печати вышла монография немецкого ар-

хеолога Инго Мотценбеккера², посвященная тщательному научному исследованию более 1000 изделий этого Собрания, происходящих из окрестностей аулов Кумбулта и Галиат в Северной Осетии, но, главным образом из могильника Верхняя Рутха³. В рецензии на книгу И. Мотценбеккера⁴ достаточно полно изложены данные о приобретении Берлинским Музеем коллекции и высказана, как представляется, достаточно правдоподобная версия ее происхождения и формирования. В рецензии мною также дана оценка научной значимости исследования автора публикации, главным образом, глубокого подхода им к созданию схемы периодизации и хронологии предметов коллекции. Хотя основное внимание Мотценбеккером уделено систематизации вещей эпохи средней бронзы и начала позднебронзового периода, сама схема включает и кобанский период⁵. Однако непосредственной детальной характеристике кобанских древностей в монографии уделено минимальное внимание, а для предметов VI–IV вв. до н.э. она весьма схематична. Тем не менее такие предметы публикуются в иллюстрациях к книге.

Цель предлагаемой статьи восполнить научную характеристику вещей кобанской культуры из коллекции Коссниерской из Дигории и предложить их систематизацию, согласно моей периодизации и хронологии⁶ и с привлечением разработок последних лет других исследователей по близкой тематике. На таблицах иллюстраций (рис. 1–4) представлены наиболее типически выразительные и яркие предметы-маркёры, диагностирующие хронологические этапы кобанских вещей из анализируемой коллекции.

Протокобанский переходный период (Кобан Ia–б), датирующийся началом XIV — первой половиной XII вв. до н.э.⁷, представлен в Собрании Аделаиды Коссниерской предметами особого стиля. В украшениях он проявляется в сочетании легкости, ажурности геометрического орнамента, выполненного гравировкой и чеканкой (выемчатые треугольники, бегущая спираль, ломаные зигзаги, пуансонные точки, прорезная плетенка и т.п.) с зооморфным стилем объемных форм (рис. 1, 3). Это изящные бронзовые поясные пряжки овальных очертаний одной из сторон и выступающими стилизованными головками оленей и баранов над застежкой-крючком (рис. 1, 1). В том же стиле выполнены многочисленные бронзовые бляхи в виде овальных пластин, поверхность которых сплошь заполнена геометрическим чеканным узором, а одна из сторон увенчана объемными головками баранов (рис. 1, 10). Элементы орнамента близко перекликаются по изображениям и технике с орнаментом на наиболее раннем типе полуовальных сегментовидных поясных пряжках (рис. 1, 2), принятая многими исследователями дата которых в настоящее время — не позднее первой половины XII века до н.э.⁸. В вышеуказанную группу изделий входят также десятки бронзовых птицевидных блях с головками баранов и с распахнутыми, изогнутой формы, крыльями. Поверхность изделий также украшена чеканным «веревочным» узором и углубленными треугольниками, расположение которых образует пояс в виде выпуклой ломаной линии (рис. 1, 9, 11). Эти оригинальные бляхи из данной коллекции значительно расширяют наши представления об их модификациях, так как многие варианты не представлены в коллекциях вещей из Дигории, хранящихся в Эрмитаже и в Историческом музее. По мнению С.Н. Корневского и А.П. Мошинского, форма крыльев птицевид-

ных блях напоминает изображение двойной секиры, а бараньи головки аналогичны таковым на булавах с навершием в виде «павлиньего пера»⁹. Собрание Коссниерской содержит более трех десятков таких булавок с навершиями самых разных ажурных орнаментальных композиций (рис. 1, 4, 5). Данный вариант этого типа булавок, органично вписывающийся в контекст массовых материалов XIII — конца XII в. до н.э. центральной части Северного Кавказа¹⁰), представлен в ряде памятников, в частности, в Былымском кладе в Баксанском ущелье¹¹. Согласно нашим исследованиям удревнение их И. Мотценбеккером XIV веком до н.э.¹² не имеет твердых оснований. К протокобанскому периоду относится бесспорно и небольшая серия бронзовых булавок с навершиями в виде разного вида, горизонтально к стержню расположенных розеток (рис. 1, 6–8). Такие своеобразные булавки составляли специфику украшений костюма, характерных для синхронных памятников бассейна Баксана. Присутствие их в Собрании Коссниерской из Верхней Рутхи и среди изделий из Фаскау представляет собой совершенно новый неизвестный факт. Он не только более полно характеризует культуру могильника Верхняя Рутха, но и увеличивает источниковую базу этих изделий. Розетковидные булавки более доказательно свидетельствуют о существовании заметно интенсивных сношениях разных территориально удаленных друг от друга, групп населения внутри ареала родственной материальной культуры.

Новым свидетельством, подтверждающим переходный характер протокобанского периода, является нахождение в Собрании Коссниерской бронзовых молоточковидных булавок (рис. 1, 18), имитирующих такие же бронзовые конца эпохи северокавказской культурно-исторической общности¹³. Тем самым прочнее подтверждается версия о перемещении в горные районы некоторых групп населения, носителей культуры последней трети II тысячелетия до н.э. северокавказских предгорий¹⁴ и сращивания ее с местной культурой и некоторыми закавказскими ее элементами. Именно этот сплав явился основой субстрата, на котором сформировалась кобанская культура центральной части северных склонов¹⁵. Из других категорий украшений протокобанского периода в коллекции Коссниерской заметное место принадлежит браслетам (рис. 1, 12a), в особенности из тонкой бронзовой пластины, довольно примитивно украшенным по поверхности геометрическим орнаментом, выполненным пуансонной техникой (рис. 1, 12). Прямые аналогии им имеются в погребении 1 кромлеха № 5 Стырфазского могильника, а также в Тлийском могильнике¹⁶. Погребение прочно датируется не только архаичными типами погребального инвентаря, но и тем, что в комплексе находился бронзовый кинжал т.н. «переднеазиатского» типа¹⁷, датировка которых разными исследователями определяется для Кавказа в пределах XIV–XI вв. до н.э.¹⁸. Причем в результате конкретного анализа всех предметов погребения № 1 в кромлехе № 5 Б.В. Техов определяет его дату в пределах XIV — первой половины XII вв. до н.э.¹⁹. В связи с вышеизложенным считаю необходимым упомянуть и еще одну находку браслета, типологически родственную пластинчатым браслетам с пуансонным узором из Стырфаза и Тли, но происходящую из погребения 15 могильника Гастон Уота, территориально совсем близкого к Верхней Рутхе²⁰. Автор датирует браслет «по комплексу» концом V — началом IV века до н.э., что представляется весьма сомнитель-

ным. Этот браслет и еще 2–3 «аномальных» из других могил Гастон Уота демонстрируют здесь очевидную эпохальную чужеродность. Они выпадают стилистически из многочисленной устойчивой серии однотипных браслетов скифского периода, известных в данное время по всему ареалу кобанской культуры. Визуальная чужеродность подтверждается и единичностью таких вещей, что подразумевает их случайное присутствие среди изделий совершенно другого облика. Учитывая, что все могилы в Гастон Уота коллективные, а точнее многократного использования, главным образом, из-за скудности земли для захоронений в условиях высокогорья, более чем вероятно, что древний браслет эпохи поздней бронзы происходит из более ранней могилы, разрушенной во время возникновения некрополя середины I тыс. до н.э. То есть предмет находился в переотложенном состоянии и «омоложивать» его позднескифским временем, считать синхронным другим, действительно поздним предметам комплекса было бы методически неправильным.

Безусловно важным для дальнейшей работы специалистов (и не только кавказоведов!) открытием является наличие в Собрании Косниерской бронзового серпа с плавно изогнутой спинкой и удлиненным приостренным концом насада (рис. 1, 13). Он включен нами в протокобанскую группу, поскольку идеально соответствует признакам ранних серпов прикубанского типа, выделенных В.С. Бочкаревым в ахметовскую группу, датирующуюся не позднее XIII века до н.э.²¹ Его нахождение в коллекции позволяет предположить, что связи с Прикубанским очагом металлургии и металлообработки у местных умельцев по металлу из окрестностей Кумбулты (Фаскау) были налажены в высокогорной Дигории значительно раньше белозерского этапа. К протокобанскому периоду относились также некоторые формы бронзовых наконечников копий с лавролистным пером и раскрытой втулкой (рис. 1, 14). С большой долей вероятности этим же временем датируется часть из имевшей место в Собрании серии бронзовых кинжалов с объемной рукояткой и грибовидным навершием (рис. 1, 15, 16). При систематизации И. Мотценбеккер объединил их в одну группу и сравнивал, с одной стороны, с ранними закавказскими кинжалами т.н. кахетского типа, а с другой — с киммерийскими. На основе аналогий вся серия отнесена им к концу периода В-3, т.е. X–IX вв. до н.э.²² Однако при внешнем сходстве схемы их формы, в деталях, и особенно, по составу металла группа неоднородна. Кинжалы с цельнолитым вместе с рукояткой навершием были более ранними. Особенно это подтверждается кинжалом из Фаскау (рис. 1, 16), изготовленным из высокомышьяковистой (As-4, 35 %) бронзы²³ и имеющим на навершии следы литника. Такая же технология отливки и у другого кинжала (рис. 1, 15), но его рукоятка дополнительно украшена чеканкой елочным узором. Насечками, с образующими вписанными друг в друга углами сплошь покрыто и навершие. Подобная схема декора, действительно, роднит его с навершиями кинжалов кахетского типа. Особо примечателен среди изготовленных из высокомышьяковистой бронзы (As — 8,17 %) эстетически яркого облика кинжал с грибовидным навершием, отлитым вместе с рукояткой (рис. 1, 17), происходящий из Фаскау. Кинжал не получил своего места в хронологической таблице И. Мотценбеккера²⁴. Поскольку он датирует его периодом Тли-Д (по Г. Коссаку), т.е. VII веком до н.э., что остается как бы за рамками темы

Рис. 1. Древности кобанской культуры в дигорской коллекции А. Коссниерской. Знаковые предметы протокобанского периода Кобан I (начало XIV — пер. пол. XII вв. до н.э.).

Верхняя Рутха — 1, 2, 4-8, 12, 14; Фаскау — 3, 9-11, 13, 15-17.

Рисунки по И. Мотценбеккеру (*Motzenbäcker Ingo. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1996.*

приоритетной в монографии. Вслед за К. Йеттмаром, автор полагает, что в данном экземпляре проглядывает соединение «киммерийских» и «скифских» черт. Основным аргументом для такого предположения, безусловно, послужило некоторое визуальное сходство его перекрестия с перекрестиями кинжалов скифского облика. На фоне совокупности многих других важных деталей этот аргумент, на мой взгляд, не может быть решающим. Изделие это эксклюзивное, парадное, изготовленное, скорее всего, по особому заказу, так как не имеет прямых аналогий. Хотя объемная рукоятка в виде изящной ажурной плетенки была отлита в одноразовой утрачиваемой литейной форме, технологические особенности изготовления близки бронзолитейному делу периода поздней бронзы. Грибовидное навершие отлито вместе с рукояткой. Под навершием сохранилось отверстие, связанное с технологией отливки, как на других ранних кинжалах. Кроме глубоко архаичного состава металла, типичного для изделий Северного Кавказа на переходе от эпохи средней бронзы к поздней²⁵, прослеживаются и другие особенности металлопроизводства и металлообработки, характерные для протокобанского периода. Так первоначально, в рецензии на книгу И. Мотценбеккера мною было ошибочно указано, что кинжал из Фаскау был цельнолитым²⁶. Однако, более тщательное прочтение в книге текста Указателя²⁷ свидетельствует, что кинжал был составной: ажурная рукоятка была приклепана к клинку двумя (возможно тремя) заклепками. Сам же клинок с заметно выступающим продольным ребром и общими очертаниями близок бронзовому высокомышьяковистому клинку кинжала из погребения Аманькол протокобанского периода²⁸. Но в деталях оформления кинжала, действительно, имеются также и особенности, заимствованные в оформлении кинжалов кахетского типа XIII—XII вв. до н.э.²⁹ культуры Иоро-Алазанского бассейна. Близка не только техника соединения клинка с рукояткой на кинжалах II подтипа (по К.Н. Пицхелаури), но и манера украшать грибовидное навершие геометрическим орнаментом. Только на кинжале из Фаскау он сделан насечкой. Собственно, сходство с бабочковидным придает не сама форма перекрестия, а расположение на нем элементов чеканного узора: два конца ромбовидной плетенки на рукоятке, переходя на перекрестие, образуют тупой угол. Сам же узор (пояски с поперечными насечками, «елочки», пуансонные точки) — все это можно видеть и на других предметах протокобанского периода. Таким образом, ни по конструкции, ни по способу и технологии изготовления, ни по стилю орнаментального оформления бронзовый кинжал из Фаскау вряд ли может быть отнесен не только к раннему железному веку, но даже к заключительному этапу поздней бронзы³⁰. Не изученная до настоящего времени группа кинжалов с грибовидными навершиями открывает возможность более убедительно восстановить звенья местного кавказского развития так называемого кабардино-пятигорского (или «киммерийского») типа кинжалов, а от них — и форм степного «скифского» облика, как к этому склоняются некоторые из исследователей³¹.

Раннекобанский период или Кобан II, хронология которого определяется мною серединой XII — рубежом XI—X, с возможным переходом в начало X века до н.э.³² в Собрании Коссиерской не менее значителен по числу вещей, чем протокобанский период. Десятки предметов разных категорий представлены

здесь также целыми сериями. Особенно выделяются украшения одежды и самые разные модификации кинжальных клинков. Многочисленны ряды специфических форм предметов, характерных только для окрестностей аулов Галиат и Камунта (Верхняя Рутха, Фаскау). Таковы, например, бронзовые сегментовидные височные подвески сложной формы, из узкой прокованной ленты, дважды изогнутой и с концами закрученными в плоские волюты (рис. 2, 1). Аналогии этой форме неизвестны, за исключением находок в окрестностях аула До-нифарс в том же Дигорском ущелье³³. Не известны такие подвески и в раннем культурном субстрате Центрального Кавказа. По конструкции (но не по контуру) они отдаленно напоминают дважды изогнутые височные подвески с большими волютами, которые появились единично в памятниках протокобанского периода³⁴ сначала как инновации в местную культуру из памятников Центральной Европы, а в дальнейшем составляли особенность украшений кобанской культуры (Терезе, Кобань). Однако особо массовыми подвески дигорской модификации стали, скорее всего, в период Кобан II. Концом II тыс. до н.э., ближе к рубежу II—I тыс. до н.э. датировал их и Е.И. Крупнов³⁵. В раннекобанский период продолжали бытовать и разнообразные модификации бронзовых полуовальных (или сегментовидных) поясных пряжек, увенчанных зооморфными головками над крючком (рис. 2, 2). Но в отличие от более ранних, скорее всего, в это время самые ранние из них имели не петли, а отверстия для прикрепления к поясу. На следующем этапе (Кобан III) они уже обычны. Пряжки малочисленны в исследуемой коллекции, но составляют типическую черту данного периода. Не много в Собрании и прямоугольных, орнаментированных пряжек длиной 10–12 см (рис. 2, 3), которые были характерны для кобанской культуры этого периода и в других могильниках. Они типичны для погребального инвентаря могил XII–X вв. до н.э. Верхне-Кобанского и Тлийского могильников. Причем самые близкие и массовые аналогии известны в погребениях XI–X вв. до н.э., именно, в Тли, откуда они, видимо, и появились в Дигории³⁶. Из других атрибутов одежды к этому времени относится появление принципиально важного отличительного элемента: арочной фибулы с тонкой дужкой и узким приемником (рис. 2, 8). Они в коллекции Коссиерской также единичны среди их более поздних разновидностей.

К раннекобанскому периоду относилась целая серия бронзовых пластинчатых браслетов с продольным ребром по центру и с завитками на концах (рис. 2, 7). Среди украшений выделяются малые и большие бронзовые крючки с закрученными в разные стороны волютами (рис. 2, 6, 13). Также как и прямоугольные поясные пряжки, они особенно близки крючкам из могил XIII–X вв. до н.э. Тлийского могильника³⁷. По мнению Б.В. Техова, малые крючки служили украшениями одежды, а большие могли быть и поясными пряжками в первоначальный период их появления. Наиболее массово они представлены в могилах Тлийского могильника, датирующихся XII–X вв. до н.э. Именно в период их наибольшей моды в обиходе населения бассейна Большой Лиахвы, они могли проникнуть и в Дигорию. К этому же периоду относились небольшие литые из сурьмы привески в виде стержня, заканчивающегося имитацией волют, закрученных вовнутрь (рис. 2, 4, 5).

К периоду Кобан II относились в коллекции из Верхней Рутхи и многочис-

ленные бронзовые привески в виде фигурок животных с петлей для подвешивания (рис. 2, 9). Чрезвычайно интересен пантеон из всевозможных фигурок с головами животных и хвостами в виде треугольной секиры или тройными кружками (рис. 2, 10). Этот ряд причудливых привесок с отверстием в центре корпуса³⁸, скорее всего, действительно может быть, как полагает Х.Т. Чшиев, свидетельством наличия древнеиранского компонента в мировоззрениях местного кобанского населения³⁹. Вероятно, сакральный смысл имели и особого стиля бронзовые цельнолитые фигурки без петель и отверстий. Они изображали хищника по внешнему облику очень близкого к медведю. Одиночные и парные фигурки были украшены на поясе, шее и ногах выпуклыми поясками из рифленых полосок или волют (рис. 2, 11, 12). Их в коллекции насчитывается более 10 экземпляров. Некоторые фигурки отлиты парами. Аналогии им имеются в этом же могильнике Верхняя Рутха, но из раскопок Е.И. Крупнова. Они имели место только в комплексе 11, в котором исследователь видел погребальный инвентарь разрушенного погребения и относил к наиболее ранним на могильнике⁴⁰. Из других категорий украшений в это же время продолжали бытовать некоторые более поздние модификации бронзовых булавок с 5-ю выступами на навершиях и экземпляры с лопатообразными навершиями (рис. 2, 20, 21). Атрибутом костюма в начале этого периода были и привески в форме миниатюрных бронзовых кинжальчиков (рис. 2, 19), имитирующих форму раннекобанских кинжалов еще периода Кобан Iб⁴¹. В коллекции Коссниерской они также представлены серией из 6-ти экземпляров⁴². Ранние модификации кинжаловидных привесок имели место и в других памятниках кобанской культуры с более обоснованной датой в пределах второй половины XII—XI вв. до н.э.⁴³

К периоду Кобан II в коллекции Коссниерской относились и некоторые типы подлинных бронзовых кинжалов. Наиболее наглядны экземпляры с рукоятками (рис. 2, 16-18). Заметное место занимает серия (рис. 2, 16) цельнолитых кинжалов с треугольно-вытянутым, иногда орнаментированным клинком и ажурной основой для рукоятки из других материалов (по И. Мотцебеккеру — с рамочной рукоятью). Больше всего они известны по раскопкам в Тлийском могильнике⁴⁴. Однако мне представляется, что определение времени их появления XIII веком до н.э. Б.В. Теховым излишне занижено. Более взвешенным выглядит мнение Мотценбеккера, который определяет их дату не ранее XII века до н.э., подкрепляя этот вывод данными спектрального анализа одного из кинжалов из Собрания Коссниерской⁴⁵. Анализ показал, что кинжал относился, в отличие от более ранних, уже к высокооловянистой группе (Sn — 13 %). В целом этот тип довольно редкий в памятниках периода Кобан II. В облике таких кинжалов отмечены некоторые гибридные признаки, сочетающие кавказские и переднеазиатские черты. Это отмечал и Е.И. Крупнов, характеризуя особенности их рукояток. По его мнению, особенности рукоятей кинжалов «допускают мысль, что их местное производство связано с кинжалами так называемого переднеазиатского типа II тысячелетия до н.э.»⁴⁶. Периоду Кобан II принадлежат и два цельнолитых бронзовых кинжала с грибовидными навершиями (рис. 2, 17, 18). Сохраняя черты сходства с вышеупомянутыми более ранними, они уже имели существенные принципиальные отличия, доказывающие их более поздний возраст. Теперь навершия для них изготавливались от-

дельно и затем только приклеивались к четырем выступам на вершине рукоятки. Но самое существенное отличие было в рецептуре металла. Они были изготовлены из высокооловянистой бронзы⁴⁷. Один из них (рис. 2, 17) показал содержание олова 12,98 %. Металл второго кинжала (рис. 2, 18) имел меньший процент (Sn — 9,88 %), но также достаточно показательный для выводов.

К раннекобанскому II периоду относились также два бронзовых топора, типичных для центрального варианта культуры. Оба довольно массивные, характерной дважды изогнутой формы, с тремя выпуклыми ребрами на боковых сторонах обуха и овальной проушиной. На обоих экземплярах отсутствовал орнамент. Однако в деталях топоры имели отличия. Один из них (рис. 2, 14) имел узкую лезвийную часть и хорошо оформленную грибообразную пятку на конце обуха. По всем признакам топор соответствовал так называемым топорам прикубанской группы, по А.А. Иессену, или типу Д, по П.С. Уваровой⁴⁸. Вторым топор (рис. 2, 15) идеально соответствовал кобанскому типу А, по П.С. Уваровой, или III типу, по Ф. Ганчару и О.М. Джапаридзе⁴⁹. В отличие от первого, он имел расширенное лезвие с закругленным краем и овальную, слабо выделенную пятку на конце обуха. У специалистов общепринято считать, что оба типа хронологически относились к ранним разновидностям топоров конца II — самого начала I тысячелетия до н.э. Это мнение разделяет и И. Мотценбеккер⁵⁰. Заметная синхронизация таких топоров с топорами бекешевской группы, датирующейся по последним разработкам XII—X вв. до н.э.⁵¹ делает вполне адекватным отнесение их именно к периоду Кобан II. Однако, на мой взгляд, возможна детализация при их сравнительной характеристики. Так еще А.А. Иессен полагал, что тип Д является более ранней разновидностью топоров, чем топоры «классических» кобанских форм⁵². В частности, подтверждают это мнение и анализируемые топоры из коллекции Коссниерской. Весьма значимой представляется, помимо формы, разница в составе металла. Хотя оба топора относятся к группе высокооловянистых, топор типа Д в рецептуре имеет еще значительную долю мышьяка (соответственно As — 0,84 % при Sn — 6,32 %), что может указывать на переходный характер производства. Вторым же топор изготовлен по классической рецептуре этого периода (Sn — 10,20% и As — 0,38 %).

Артефакты **периода Кобан III** в коллекции Коссниерской выделяются более доказательно, поскольку бесспорно относятся по внешнему виду к периоду стабильности кобанской культуры. Этот период, по моей классификации, датируется второй половиной X — началом VII вв. до н.э.⁵³ Большинство предметов происходит из Верхней Рутхи и убедительно сопоставляется с многими аналогичными комплексными находками из других памятников кобанской культуры. Эпохально все изделия периода Кобан III из коллекции — это уже ранний железный век. Однако железных изделий в анализируемом Собрании нет, что объясняется спецификой формирования коллекции: отбирались хорошо сохранившиеся предметы⁵⁴. Изделия Кобан III, как и в более ранней группе вещей, представлены аксессуарами костюма, некоторыми типами вооружения и элементами доспеха, характерными для классического стиля культуры. Для иллюстрации отобраны наиболее типические, бесспорные предметы самого расцвета данного периода (рис. 3, 1-17). По-прежнему диагностирующими для периода являются полуовальные поясные пряжки, украшенные зооморфными головка-

Рис. 2. Древности кобанской культуры в дигорской коллекции А.Коссниерской. Знаковые предметы раннего периода Кобан II (середина XII — рубеж XI-X, возможно, начало X вв. до н.э.

Верхняя Рутха — 1, 3, 4, 5-8, 10-12, 14-21; Кумбулта — 2, 9; Фаскай — 6, 13.

Рисунки по И.Мотценбеккеру (*Motzenbäcker Ingo. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1996.*

ми и имеющие отверстия для прикрепления к поясу (рис. 3, 10). Остаются типичными бронзовые пластинчатые браслеты с завитками на концах (рис. 3, 7). Из других предметов периода Кобан III можно указать зооморфные амулеты типа головки медведя (рис. 3, 5). Стилистически они напоминают привески в форме головки хищника из погребения 45 конца X века до н.э. из Сержень-Юртовского могильника⁵⁵. Именно к этому периоду, скорее всего, относились прямоугольные поясные пряжки без орнамента (рис. 3, 14) и модифицированной формы височные подвески, дважды изогнутой формы, с волютами на концах (рис. 3, 11). Этим же периодом датируется, хорошо известная и в других памятниках, бронзовая ажурная бляха в виде кольца с крестом в центре, но отличающаяся от других наличием петли на обороте (рис. 3, 9). К периоду Кобан III относятся модификации бронзовых булавок с 5-ю грибовидными выступами с отверстиями или петлями под навершиями (рис. 3, 8). Аналогичного вида булавки имелись в погребениях могильника Фарс, где они достаточно надежно датируются В.Р. Эрлихом I хронологическим горизонтом (IX — первая половина VIII вв. до н.э.). Исследователь полагает, что они проникли в Прикубанье из кобанской культуры⁵⁶. Заметное место в Собрании принадлежит многочисленным гладким и витым гривнам, аналогичным таким же изделиям из других кобанских памятников периода Кобан III (рис. 3, 6). К этому же периоду, безусловно, относились и многочисленные бронзовые фибулы с узким приемником, арочные витые или утолщенные дужки которых приобретают более симметричные очертания (рис. 3, 2-4). Маркером периода служит фибула, имеющая на концах дуги кольцевидные утолщения и узкий орнаментированный приемник. На нем изображен выполненный гравировкой олень с повернутой назад головой (рис. 3, 1). В этом изобразительном стиле выполнен и рисунок на единственном орнаментированном топоре без точного указания места находки (рис. 3, 12), но, бесспорно, происходящий из окрестностей Кумбулты или Камунты. Топор имел прямой обух, расширенное лезвие с овальным контуром края и слабо выделенную пятку обуха (тип Б, по П.С. Уваровой). Богатый декор, выполненный гравировкой и чеканкой, покрывает всю поверхность изделия. Орнаментирована даже пятка топора. Веревоочным узором выделены продольные ребра на обухе. Широкий поясok на шейке сочетает узор из треугольников, «елочных» вертикальных поясов и чеканных точек. Но самое примечательное на топоре — это изображение на обеих сторонах лезвия стоящего на «цыпочках» зверя с когтистыми лапами, оскаленной мордой и торчащими ушами. Хвост зверя в виде колоса опущен вниз; голова повернута назад. И. Мотценбеккер приводит топору аналогию из погребения 432 Тлийского могильника и относит изделие к периоду Тли-С — началу Тли-Д (по Г. Коссаку), т.е. к скифскому времени⁵⁷. Однако, даже на беглый взгляд, приведенная параллель не соответствует топору из Дигории⁵⁸. Тщательная разработка графического стиля кобанских и колхидских топоров, предпринятая А.Ю. Скаковым⁵⁹ отводит топору из коллекции Коссиерской место в третьей хронологической группе своей классификации⁶⁰, что более соответствует действительности. На мой взгляд, изображение все же занимает гибридное положение в этой схеме. Статичная поза на «цыпочках», вытянутые ноги, кончающиеся когтями, близки к фигуре зверя на топоре из погребения 76 из Тли⁶¹, который по другим признакам соот-

ветствует второй хронологической группе А.Ю. Скакова. В то же время поворот головы, поясок на шейке, отделка обуха — это признаки третьей группы. Если относительная хронологическая последовательность изменения графического стиля четырех разработанных А.Ю. Скаковым групп представляется достаточно убедительной, то их абсолютные даты требуют уточнения. Вряд ли они были столь жестко разграничены по векам, как это полагает А.Ю. Скаков⁶². Например, подобному мнению явно противоречит дата, предложенная исследователем для изображения зверей с повернутой назад головой. А.Ю. Скаков относит появление такой позы только на топорах третьей хронологической группы, которую он в абсолютных цифрах определяет не ранее VIII века до н.э. В то же время, невозможно игнорировать известные факты существования подобной позы зверей на расписной керамике переднеазиатских памятников, бесспорно относящихся к концу IX — первой половине VIII вв. до н.э.⁶³ Весьма вероятно, что этот сюжет проник на Кавказ из Передней Азии, как и некоторые другие элементы культур конца II — начала I тыс. до н.э. из Ассирии, древней Мидии и Луристана⁶⁴. В настоящее время все больше выявляется археологических свидетельств в пользу того, что население Дигорского ущелья имело активные связи с Передней Азией через Закавказье. И на этом пути заметное место занимала территория древнего Урарту, о чем неоднократно упоминалось в специальной литературе. К известным случайным находкам конского снаряжения (прорезные бляхи, колокольчики) и даже очевидного импорта в виде урартского шлема VIII в. до н.э. с надписью «склад Аргишти»⁶⁵ следует прибавить и бронзовое навершие булавы из коллекции Коссниерской (рис. 3, 13). Аналогии навершию И. Мотценбеккер приводит из Тлийского могильника⁶⁶. Однако вещь явно не соответствует по форме тлийским экземплярам XII—X вв. до н.э. и представляет собой одну из модификаций урартских наверший⁶⁷. Ближе анализируемому навершию являются навершия из Учкулана в коллекции графа Зичи и четыре экземпляра из кладов северо-восточной территории Венгрии. Находка из анализируемой коллекции еще раз подтверждает предположение о посредничестве носителей кобанской культуры в существовавшем обмене между Закавказьем и Центральной Европой⁶⁸.

К безусловно сенсационным относится наличие в составе Собрания Коссниерской подковообразного бронзового нагрудника так называемой «пекторали» из Верхней Рутхи (рис. 3, 16). Вслед за И. Мотценбеккером и мною⁶⁹, эта очень важная вещь не только получила интерпретацию другими исследователями, но и способствовала успешному поиску других аналогичных изделий в этом же районе⁷⁰. Теперь их достоверно известно на Кавказе 9 экземпляров, причем 6 экземпляров — в ареале кобанской культуры. И. Мотценбеккер относил «пектораль» к защитному снаряжению лошадей колесничих; вслед за А.А. Иессеном я полагала, что пластины являлись элементами комбинированного доспеха воина⁷¹. Предположение о дополнительных свидетельствах в пользу принадлежности кавказских «пекторалей» к конскому снаряжению⁷² вызвало аргументированное и вполне справедливое, на мой взгляд, контрвозражение А.И. Иванчика⁷³. Несомненная связь «пекторалей» с шлемами ассирийского типа свидетельствует о едином репертуаре воинского облачения. Это, безусловно, местная кобанская новация, но появившаяся не без влияния идей Передне-

го Востока. Нет однозначного мнения и по поводу хронологии «пекторалей». Пока не убеждает аргументация в пользу того, чтобы принять «дату их появления концом VIII или рубежом VIII–VII вв. до н.э.»⁷⁴, поскольку она основывается, решающим образом, на относительной хронологической последовательности изменения деталей конской сбруи. Но абсолютная хронология выделенных этапов, учитывая весь контекст окружающих материалов, во многом остается дискуссионной. В связи с этим заслуживает внимания замечание А.И. Иванчика об относительной разновременности комплексов вещей, с которыми обнаружены «пекторали»⁷⁵. Исходя из проверенного А.Ю. Скаковым факта хронологического изменения графического стиля изображений на кобанских топорах, по мере его развития от более сложного к простому, можно полагать, что такая же тенденция с рубежа II–I тысячелетия до н.э. имела место и в торевтике. В таком случае наиболее ранней предстает «пектораль» именно из коллекции Коссиерской. На ней выбиты еще не три конусовидных выступа, а девять, с очень плотно расположенным концентрическим орнаментом (от 7 до 13 кругов) и отсутствием узора в виде ромбиков. Следующий этап изменения стиля предстает на «пекторали» из Эшери с тремя выпуклостями и змеями. Причем изделие сопровождалось архаичным инвентарем. Дальнейшее упрощение стиля прослеживается на «пекторали» из погребения 14 могильника Клин-яр-III⁷⁶. Она украшена также тремя выпуклостями без ромбиков и сопровождалась конской уздой «с архаичными чертами оформления», нижняя грань которой датирована не позднее «последней четверти (а возможно даже и трети) VIII в. до н.э.»⁷⁷. Еще близка к этой стадии изменения узора и «пектораль» из погребения 1 Султангорского-I-го могильника. В ее узоре по-прежнему еще три конические выпуклости, но уже в сочетании с единичными ромбиками⁷⁸. Главное же в том, что в комплексе теперь присутствуют наконечники стрел новочеркасского типа ранней модификации, близкой лавролистной форме негативов литейной формы Новочеркасского клада, отнесенной мной к концу первой половины — началу второй половины VIII в. до н.э., фазы ДНЧТ-II⁷⁹, хотя само погребение 1 входит в группу «классических» новочеркасских. Наконец, образцом самого позднего изменения стиля орнамента являются элементы декора на «пекторали» из Бештаугорского клада. Она украшена всего одним конусовидным выступом в кольце из многих ромбиков. Кроме того, сопровождалась крупной нагрудной бляхой с узором, выполненным в том же стиле, новочеркасскими наконечниками стрел и бронзовым котлом сибирского типа. Выпуклые чеканные ромбики на поясах и бронзовой посуде — типичный орнаментальный мотив, известный в погребениях Тлийского могильника. Впервые он представлен на бронзовом поясе в погребении 385, в комплекс которого входил орнаментированный топор первой хронологической группы (X в. до н.э.) по А.Ю. Скакову⁸⁰. Продольные полосы из мелких ромбиков образуют на поясе изощренный, сложный по исполнению узор⁸¹. Столь же эпизодически узор в виде выпуклых ромбиков выглядит в погребении 417 с топором третьей хронологической группы (VIII в. до н.э.), по А.Ю. Скакову⁸². Здесь более крупные выпуклые чеканные ромбики опоясывают кружку⁸³. Но наиболее типичен орнамент из таких же выпуклых ромбиков на бронзовых ситулах, крещках и поясах из погребений 49, 51, 362, 401, 405, 409⁸⁴, где все эти

изделия сочетаются с топорами четвертой хронологической группы (VII в. до н.э.), по А.Ю. Скакову⁸⁵. Как очевидный раритет, происходящий из высокогорья Центрального Кавказа, находится парадное бронзовое блюдо, орнаментированное ромбиками, в кургане 20 Нартанского могильника раннескифского периода⁸⁶.

Таким образом, выше приведенные наблюдения позволяют предполагать, что бронзовый нагрудник из Верхней Рутхи является наиболее ранним из всего ряда известных «пекторалей», то есть маркирует начало периода Кобан III, где-то в пределах рубежа X–IX, может быть IX в. до н.э. В то время как бештаугорский соответствует заключительному этапу Кобан III. На дату IX–VIII вв. до н.э. указывают еще два неожиданных для верхнерутхинских кобанских древностей предмета из анализируемой коллекции. Возможно, они, так же как и «пектораль», имеют отношение к защитному воинскому облачению. Это крупные (дм. 9,5 и 9,3 см) круглые бронзовые бляхи, выпукло-вогнутой формы, с конусовидной шишечкой в центре. По бокам бляхи друг против друга две петельки из бронзовых пластинок, продернутых через прорези на самом краю (рис. 3, 15). И. Мотценбеккер предполагает, что петельки служили для прикрепления к материи или коже⁸⁷. По его мнению, бляхи могли иметь отношение и к конской сбруе, и к одежде⁸⁸. Последнее представляется более соответствующим действительности. Бляхи не имеют аналогий среди кобанских вещей, но весьма близки по внешнему виду бронзовым блямбам уздечных наборов IX–VIII вв. до н.э. из Урарту (Макарашен, Кировокан). Последние, однако, имели с внутренней стороны петлю для продергивания ремня⁸⁹. Не исключено, что к защитным деталям доспеха относилась еще одна крупная (10х10 см) бляха из Верхней Рутхи, но отличавшаяся внешне от вышеописанных. Ее пирамидальную форму (рис. 3, 17) И. Мотценбеккер сравнивает с мелкими бляшками из Тлийского могильника⁹⁰, но это сравнение не кажется мне удачным. Ни по размерам, ни по орнаментации она не имеет точных аналогий. Однако по стилю и по технике исполнения узора (выпуклые концентрические кружки) бляха вполне может быть синхронна «пекторали».

Позднекобанский период, или Кобан IV (середина VII — начало IV вв. до н.э.) представлен в коллекции Коссиерской предметами, относящимися к самому началу этого хронологического этапа, т.е. к этапу Кобан IVa⁹¹. При этом среди подавляющего числа предметов данного этапа, опубликованных в монографии И. Мотценбеккера, также как и ранее описанных более древних, все же мало узнаваемых, надежно датированных изделий (рис. 4, 1–24). Хотя в коллекции они составляют целые серии. Многие из них дублируют однотипные, давно известные находки из старых раскопок в Дигории В.И. Долбежева и Е.И. Крупнова⁹². В массе своей почти все аналогичные категории предметов в настоящее время досконально охарактеризованы и на более высоком уровне классифицированы в свете и на основе самых последних полевых исследований А.П. Мошинского⁹³. При всем искусственном характере подборки вещей при формировании Собрания Коссиерской, невозможно не заметить, на первый взгляд, странную особенность. В ее составе отсутствовали такие, казалось бы, обычные для периода Кобан IV зрелищно яркие изделия как бронзовые наконечники стрел и украшений, выполненные в скифском зверином стиле. Имен-

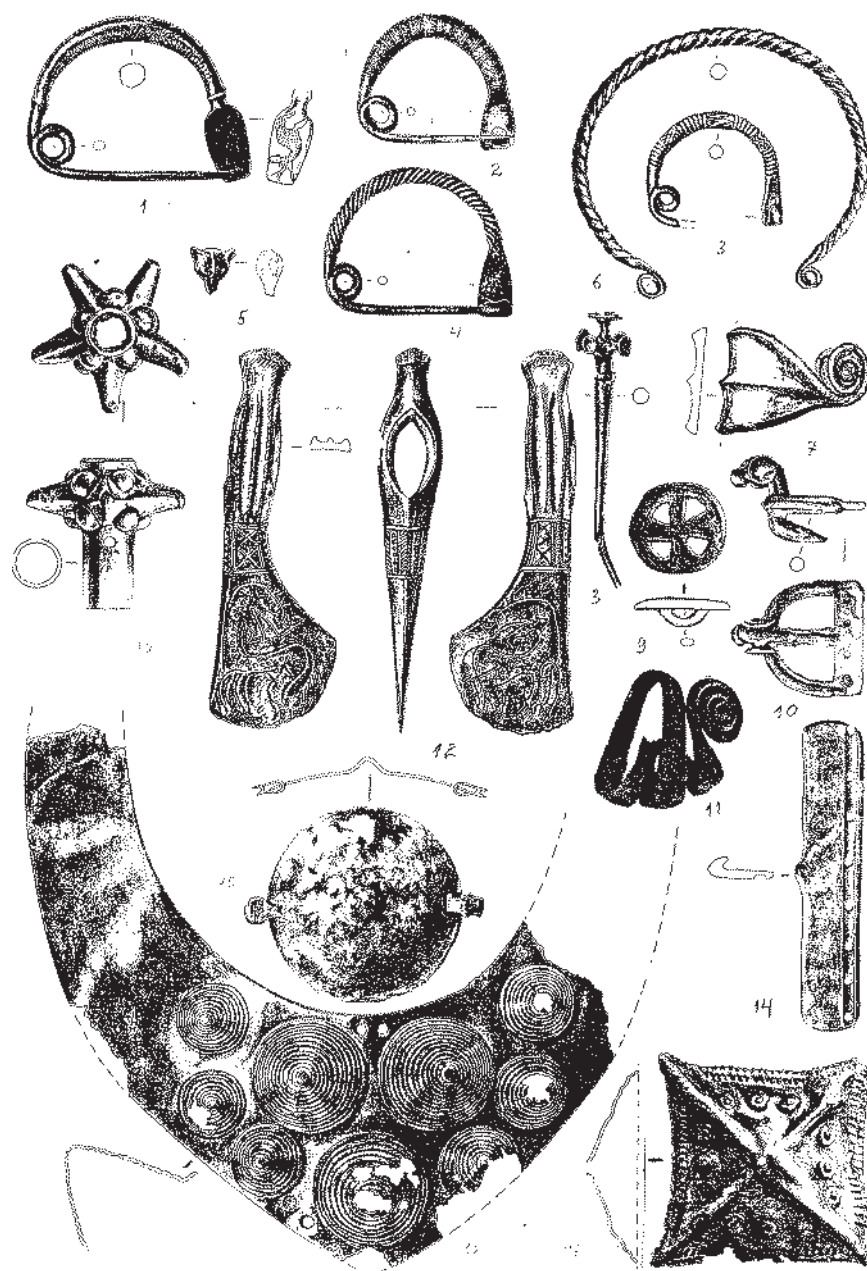

Рис. 3. Древности кобанской культуры в дигорской коллекции А.Коссниерской. Знаковые предметы классического периода Кобан III (начало втор. пол. X — начало VII вв. до н.э.).

Верхняя Рутха — 1, 3-5, 7, 8, 11, 14-17; Фаскау — 2, 6, 9, 10, 12, 13; Рахта — 9.

Рисунки по И.Мотценбеккеру (*Motzenbäcker Ingo. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1996.*

но этим отсутствием надежных хронологических реперов общий позднекобанский репертуар анализируемой коллекции отличается от синхронных, но комплексных погребальных инвентарей могил Гастон Уота⁹⁴.

В целом типический облик позднекобанского периода в коллекции составляют единичные экземпляры оригинальных бронзовых булавок (рис. 4, 1, 10). Некоторые из них по стилю напоминают западнокобанские предметы из могил конца VII — начала VI вв. до н.э. Например, изящная гвоздевидная булавка с объемной фигуркой птички у отверстия на навершии (рис. 4, 10) аналогична копоушке из погребения 6 могильника Уллубаганалы-2⁹⁵. Близки этой булавке и некоторые синхронные ей булавки III типа 4-го варианта из бассейна Баксана⁹⁶, а также булавка из погребения 7, датированного сер. V в. до н.э.⁹⁷ К данному периоду могут быть отнесены модифицированные типы бронзовых арочных фибул разного размера (рис. 4, 2, 6). К поздним в пределах VII — начала VI вв. до н.э. относятся дуговидные фибулы с овальной формы сечением и утолщениями на дужке из Верхней Рутхи (рис. 4, 6). К этому времени могут быть отнесены довольно примитивные браслеты из узкой, треугольной в сечении пластины (рис. 4, 5) и гривна из тонкого прута с нанизанными очковидными привесками (рис. 4, 4). Близкая аналогия ей имеется в погребении 1/76 (раскоп II) конца первой половины VII в. до н.э. Сержень-Юртовского могильника⁹⁸. Бесспорно, к этому же периоду относится многочисленная серия бронзовых поясных пряжек, характерных как для всего ареала культуры периода Кобан IVa (рис. 4, 13, 20, 22, 24), так и составляющих специфику культуры Дигории (рис. 4, 11, 12, 14, 21, 23). Они датируются, по мнению А.П.Мошинского, в большинстве своем рубежом VII—VI — началом VI вв. до н.э., но встречаются в могилах Гастон Уота еще в первой половине IV в. до н.э.⁹⁹ Периодом Кобан IVa датируется и бронзовый наконечник (Фаскау или Кумбулта), украшенный рельефными зооморфными головками (рис. 4, 3). По размерам (высота 5,4; дм. 3,3 см) он вполне мог быть наконечником для ритуального посоха. Из предметов, имеющих отношение к оружию позднекобанского периода, относятся в Собрании Коссниерской часть бронзовой рукоятки (рис. 4, 9) и три бронзовых наконечника для ножен кинжалов (рис. 4, 7, 8, 18). Один из них исполнен в виде клыкообразной фигуры (Верхняя Рутха), два других в зооморфном стиле (Фаскау). Мотив орлиноголового грифона (рис. 4, 8) довольно широко известен в кобанской культуре в ареалах всех ее трех вариантов, в том числе и в Дигории¹⁰⁰. В.Б.Виноградов допускал формирование их облика в кобанском искусстве независимо от скифских похожих образцов и датировал такие наконечники первой половиной VI в. до н.э.¹⁰¹ Однако, судя по комплексам Кливанского могильника, подобные наконечники украшали ножны кинжалов и в первой половине V в. до н.э.¹⁰² К периоду Кобан IV в анализируемой коллекции принадлежит и изящный, вероятно, отлитый в утрачиваемой литейной форме, орнаментированный «ковровым» елочным узором в сочетании с волнистообразным пояском бронзовый наконечник из Фаскау. Он завершается рельефно моделированной головой хищника, близкого изображению волка (рис. 4, 18). Аналогичные, но менее парадные наконечники известны в Каррасском и Белореченском I-ом могильниках¹⁰³. Особенно важен для достоверной датировки в пределах V в. до н.э. белореченский наконечник из погребения № 3¹⁰⁴.

По совершенству отделки деталей, по использованию архаичных элементов в стиле узора (рельефная «елочка» и «волна»), по близости к собственно кобанскому звериному стилю наконечник из коллекции Коссниерской, возможно, относится к наиболее ранним из известных аналогичных образцов.

К позднекобанскому периоду в коллекции Коссниерской относились также некоторые детали конского убранства и узды. Это многочисленные бронзовые колокольчики разных размеров и модификаций (рис. 4, 15-17) и бронзовые пельчатые удила (рис. 4, 19). Дата колокольчиков весьма широкая, особенно миниатюрных размеров, в пределах VI—IV вв. до н.э.¹⁰⁵ Но массивный крупный колокольчик (рис. 4, 17) находит ближайшие аналогии и в памятниках конца VII в.¹⁰⁶ и, в особенности, в VI в. до н.э. Например, в Абхазии такой колокольчик найден в комплексе с чернофигурной вазой¹⁰⁷. Ближайшая аналогия удилам имела место в погребении № 6 VI в. до н.э. Кызылкалинского могильника на западе ареала кобанской культуры¹⁰⁸.

Таким образом, анализ кобанских древностей из коллекции Коссниерской, увидевшей свет благодаря труду И. Мотценбеккера¹⁰⁹, показал, что «забытые» археологические материалы из Дигории (Верхняя Рутха, Фаскау, Рахта и др.) обладают высоким научным потенциалом. Проведенная в статье работа на основе новейших современных полевых достижений по вычленению и систематизации из общей массы изделий ее кобанской части показала, что эта часть представляет особую ценность. Систематизация этих материалов свидетельствует о том, что в коллекции Коссниерской выявляются типические группы изделий кобанской культуры, как самого раннего периода (Протокобанский этап), так и самого позднего, рубежа V—IV вв. до н.э.

Анализ материалов позволил не только упорядочить хронологическую последовательность групп вещей кобанского типа, но и выявить среди них, кроме давно известных категорий, уникальные, необычные для данного географического региона (кинжал с ажурной рукояткой, нагрудник-«пектораль», бляхи от защитного доспеха, булавки с навершием в виде розетки и т.п.).

В ряде случаев прослежен процесс эволюции формы некоторых изделий. Причем этот процесс отражает и хронологическую последовательность развития типов (топоры, кинжалы с грибовидными навершиями рукояток, сегментовидные поясные пряжки, булавки и т.п.).

Предложенная в статье более четкая хронологическая периодизация могильных древностей эпохи поздней бронзы — раннего железа из коллекции Коссниерской дает более упорядоченное представление о динамике развития кобанской культуры в Дигорском ущелье. Исследование массовых серийных изделий кобанской культуры из Верхней Рутхи и ближайшего к ней окружения, составивших значительную часть данной коллекции, подкрепляет неоднократно высказанное мною предположение об особом значении в древней металлообработке Центрального Кавказа т.н. Дигорско-Тлийско-Рачинского «треугольника». В этом ареале автономно аккумулировались, экспериментировались и трансформировались сообразно местным вкусам достижения в области металлопроизводства не только переднеазиатских и закавказских культур (Урарту, Ассирия, Луристан), но и культур Восточной и Западной Европы. Потому, кроме форм вещей, напоминающих о луристанских, ассирийских и урартских про-

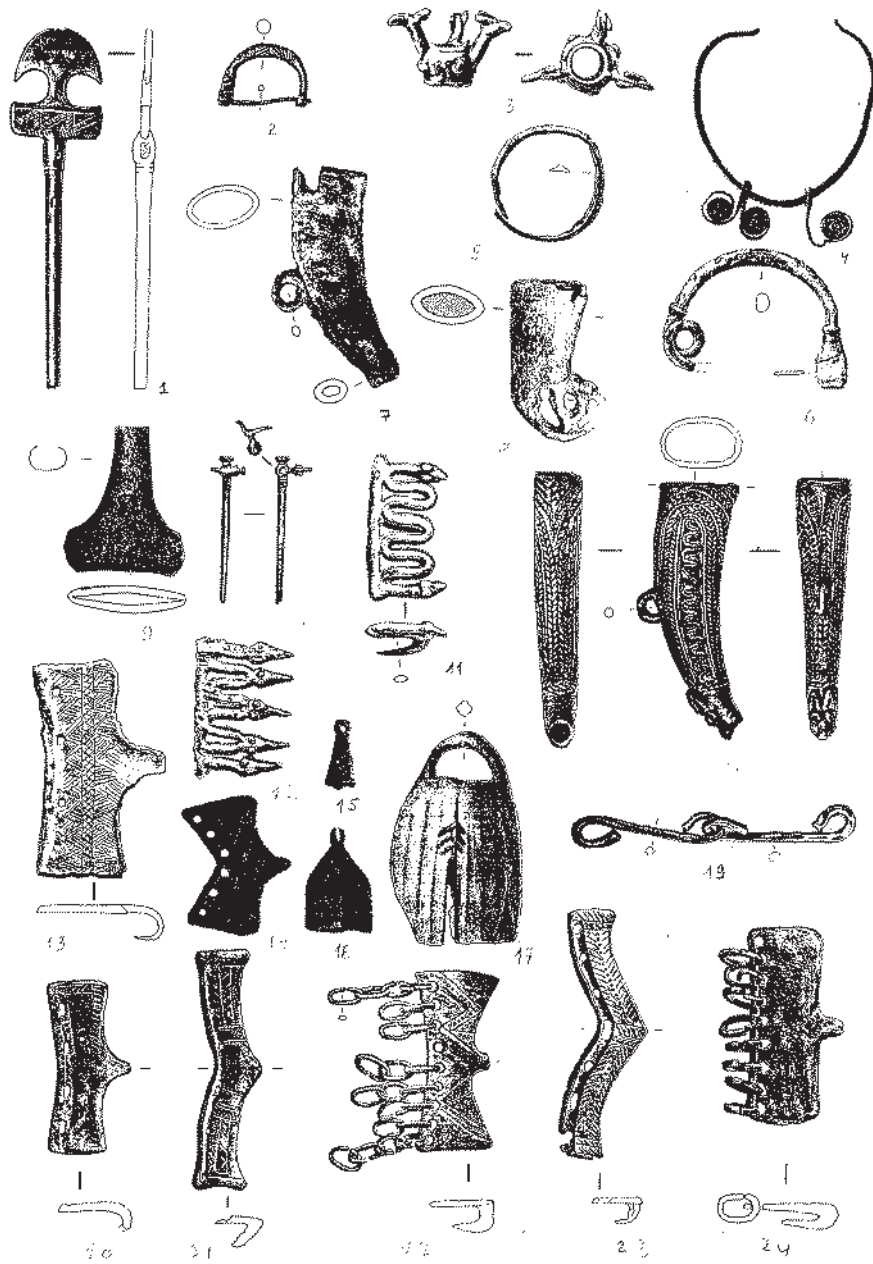

Рис. 4. Древности кобанской культуры в дигорской коллекции А.Коссниерской.

Знаковые предметы позднего периода Кобан IV (середина VII — нач. IV вв. до н.э.

Верхняя Рутха — 1, 2, 4-7, 9-11, 14-16, 19-24; Фаскау — 3, 8, 12, 13, 17.

Рисунки по И.Мотценбеккеру (*Motzenbäcker Ingo. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1996.*

тооригиналах, в коллекции Коссниерской из разоренных могил Верхней Рутхи можно увидеть кинжалы, близко напоминающие раннесрубные, разные варианты манжетовидных браслетов, форм близких тем, что известны вкладах эпохи бронзы Подунавья. Можно встретить бронзовые бляхи, напоминающие экземпляры из раннегаллштатских древностей Альпийского региона, а также дуговидные фибулы с гравированными зооморфными изображениями на приемниках, повторяющие стиль декора на фибулах конца II тысячелетия до н.э. островной Греции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977; *Kossack G.* Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 5. 1983; *Козенкова В.И.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3; *Reinhold S.* Die Spätbronze — und frühe Eisenzeit im Kaukasus // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 144. Bonn, 2007; *Чисев Х.Т.* Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 1. Владикавказ, 2007.
2. *Motzenbäcker Ingo.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1996.
3. *Алексеева Е.П.* Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа // Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук. Вып. 13. Л., 1949. С. 226–237; *Крупнов.* Ук. соч. С. 210–214; *Козенкова В.И., Мошинский А.П.* Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический альманах. Вып. I. Армавир-Москва, 1995. С. 48–52.
4. *Козенкова В.И.* Рецензия: Ingo Motzenbäcker. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Bestandskataloge. Bd. 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996 // СА. 1999. № 2. С. 223–229.
5. *Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der digorische... Рис. 12. В, I-3; 1200–900 гг. до н.э.
6. *Козенкова В.И.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3 *она же.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
7. *Козенкова.* Культурно-исторические процессы... С. 91. Рис. 34.
8. Там же. С. 116.
9. *Мошинский А.П.* Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 34–42.
10. *Козенкова В.И.* Датировка кобанской культуры в трудах А.А.Иессена (в свете последних археологических данных) // КСИА. Вып. 192. М., 1987. С. 43; 1989. С. 14, 15. Рис. 2
11. *Козенкова.* Культурно-исторические процессы... С. 93, табл. 2; рис. 40, 10.
12. *Motzenbäcker.* Op. cit. S. 28. Рис. 12.
13. *Марковин В.И.* Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М., 1999. Рис. 7, 6; 11, 12.
14. *Корневский С.Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в

- Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. I. Нальчик, 1984. С. 278, 281.
15. Козенкова, Мошинский. Ук. соч. С. 51.
 16. Техов Б.В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974. С. 32. Рис. 38, 7, 10; 2000. С. 91.
 17. Там же. С. 24. Рис. 32, 2.
 18. Motzenbäcker. Op. cit. С. 42-48, 51.
 19. Техов Б.В. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. Владикавказ-Цхинвали, 2000. С. 113.
 20. Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э. М., 2006. Рис. 25, 9.
 21. Бочкарев В.С. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработке эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 96, 97 и таблица.
 22. Motzenbäcker. Op. cit. S. 76, 77. Рис. 12.
 23. Ibid. S. 129.
 24. Ibid. S. 28. Рис. 12.
 25. Корневский. Ук. соч. С. 268, 274, 281.
 26. Козенкова. Рецензия: Ingo Motzenbäcker. Sammlung Kossnierska. Der digorische... С. 227.
 27. Motzenbäcker. Op. cit. S. 146. Кат. № 51.
 28. Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. Вып. В2-5. Табл. XXXVII, Г. 8; Корневский. Ук. соч. С. 262. Рис. 8, 24; с. 286, Приложение. Табл. I, анализ № 21360.
 29. Пицхелаури К.Н. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965. (на грузинск.яз; резюме на русском). С. 125-137, табл. IX.
 30. Данная статья была уже подготовлена к печати, когда появилась публикация новейшей находки близкого типа кинжала периода Кобан I из Адайдонского могильника в Северной Осетии (Чишев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 1. Владикавказ, 2007. Рис. 4, 7).
 31. Исмагилов Р.Б. Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 88, 93.
 32. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. Вып. В2-5. С. 93-96. Рис. 35.
 33. Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. № 23. М.-Л., 1951. С. 61. Рис. 21, 3.
 34. Козенкова. Оружие, воинское и конское снаряжение... С. 118.
 35. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии... Рис. 27, ряд VIII, 15.
 36. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 139. Рис. 102, 36-38.
 37. Там же. С. 60. Рис. 55, 1, 3.
 38. Motzenbäcker. Op. cit. Tafl. 67, 1-4, 13, 14.
 39. Чишев Х.Т. К вопросу о семантике кобанских птицевидных привесок // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 96-98.
 40. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. С. 223, 236. Рис. 34.
 41. Козенкова. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы... С. 118-124. Рис. 44, 45, 8.

42. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 165, 166, № 511, 516.
43. *Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М., 2004. С. 125. Табл. 17, 15, 16.
44. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 99. Рис. 1–5.
45. *Motzenbäcker*. Op. cit. С. 76.
46. *Крупнов*. Древняя история Северного Кавказа. С. 221.
47. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 129, анализы № 307 и 308.
48. *Крупнов*. Древняя история Северного Кавказа. С. 83. Рис. 8, 1.
49. Там же. Рис. 8, 3.
50. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 65, 66.
51. *Бочкарев В.С.* Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработке эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. К 100-летию со дня рождения А.А.Иессена. СПб., 1996. С. 97.
52. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23. М.-Л., 1951. С. 104, 105.
53. *Козенкова*. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы... С. 96–99. Рис. 36).
54. *Козенкова*. Рецензия: Ingo Motzenbäcker. Sammlung Kossnierska. Der digorische... С. 224.
55. *Козенкова*. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002. С. 128. Табл. 35, 14.
56. *Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007. С. 187. Рис. 106, 2.
57. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 65.
58. *Техов Б.В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. Рис. 52.
59. *Скаков А.Ю.* К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997. С. 70–87.
60. Там же. С. 125.
61. *Техов Б.В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988. Рис. 45.
62. *Скаков А.Ю.* Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. 2008. № 1. С. 20.
63. *Medvedskaya I.N.* A study on the chronological parallels between Greek geometric style and Sialk-B painted pottery // Iranica antique. Vol. XXI. Gent., 1986. Pl. V, 5.
64. *Козенкова*. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы... С. 97.
65. *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы // Степные народы Евразии. Т. II. Москва, 2001. С. 240. Рис. 116.
66. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 69. Рис. 34, 4.
67. *Есаян С.А.* Оружие и военное дело Древней Армении (III–I тыс. до н.э.). Ереван, 1966. С. 55, 56. Табл. X, 10, 11.
68. *Козенкова*. Оружие, воинское и конское снаряжение... С. 79. Табл. XXIII, 5.
69. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 80; *Козенкова*. Рецензия: Ingo Motzenbäcker. Sammlung Kossnierska. Der digorische... С. 228.
70. *Вальчак С.Б., Скаков А.Ю.* Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. 2003. № 3. С. 114–122. Рис. 3.
71. *Козенкова*. Оружие, воинское и конское снаряжение... С. 96, 97.
72. *Махортых С.В., Черненко Е.В.* О кавказских «пекторальных» VIII–VII вв. до н.э. // РА. 1995. № 2. С. 24–25.

73. *Иванчик*. Ук. соч. С. 256.
74. *Вальчак, Скаков*. Ук. соч. С. 119.
75. *Иванчик*. Ук. соч. С. 247.
76. Там же. С. 250. Рис. 122.
77. *Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. С. 164.
78. Там же. С. 335. Рис. 107, 1.
79. *Козенкова В.И.* Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 77-79.
80. *Скаков А.Ю.* К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997. С. 73.
81. *Техов Б.В.* Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. С. 341. Табл. 60, 10.
82. *Скаков*. К вопросу об эволюции... С. 79.
83. *Техов*. Тайны древних погребений... Табл. 90, 90а.
84. *Техов Б.В.* Тлийский могильник. Каталог. Т. II. Тбилиси, 1981. Рис. 53, 97; 2002. Табл. 32, 82, 154-156.
85. *Скаков*. К вопросу об эволюции... С. 82-85. Рис. 1; 2008. С. 21.
86. *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985. Табл. 48, 38.
87. *Motzenbäcker*. Op. cit. Tafl. 34, 2, 3. Кат. № 875, 876.
88. Ibid. S. 81.
89. *Мартirosян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 212. Рис. 84, 2, 3. Табл. XXI, 24, 25.
90. *Motzenbäcker*. Op. cit. S. 128.
91. *Козенкова*. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы... С. 99-103.
92. Там же Рис. 37.
93. *Мошинский А.П.* Древности горной Дигории VII—IV вв. до н.э. М., 2006.
94. Там же. Рис. 2-9.
95. *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. 1998. Вып. В2-5. С. 83. Табл. XXVII, 7.
96. Там же. С. 65. Табл. XXI, 9-12.
97. *Мошинский*. Ук. соч. С. 64. Рис. 37, 6.
98. *Козенкова*. У истоков горского менталитета.... С. 128. Табл. VI; табл. 71, 8.
99. *Мошинский*. Ук. соч. С. 204. Рис. 45.
100. *Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ, 2002. С. 77. Рис. 3; *Мошинский А.П.* Древности горной Дигории VII—IV вв. до н.э. М., 2006. С. 17.
101. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 144, 145.
102. *Козенкова В.И.* Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007. С. 268. Рис. 9, 2.
103. *Козенкова*. Оружие, воинское и конское снаряжение... С. 65. Табл. XV, 6, 9.
104. *Виноградов*. Ук. соч. С. 168.
105. *Мошинский*. Ук. соч. С. 68. Рис. 45.
106. Там же. Рис. 39.

-
107. Шамба Г.К. Древний Сухум (поиски, находки, размышления). Сухум, 2005. С. 120-123. Рис. 33-А, 4.
108. Козенкова. Оружие, воинское и конское снаряжение... Табл. XXVI, 11.
109. Motzenbäcker. Op. cit.

POTENTIAL OF «FORGOTTEN» GATHERINGS: KOBAN CULTURE ANTIQUITIES
WITHIN THE KOSSNIERSK'S COLLECTION

V.I. Kozenkova

The article gives the scientific characteristics of Kobanskaya culture artefacts in Kossnierskaya's collection from Berlin Museum and offer their systematization, according to the author's chronology, attracting late workings done by the researchers on similar subjects. The author recognizes typical groups of Kobanskaya culture products within Kossnierskaya's collection, both for the earliest period (Protokoban stage) and the latest one at the turn of the 5th — 4th cc. BC. The analysis of materials has allowed to regulate the chronological sequence within groups of the Kobanskaya type artefacts and to reveal among them some unique things unusual to the given geographical region (a dagger with the openwork handle, a bib «pectoral», metal plates out of the protective armour, a pin with the socket, etc.).

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

© 2008 г.

Э.Д. Фролов

АРХАИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ (ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ОБЗОР ИННОВАЦИЙ И ПЕРЕМЕН В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В VIII—VI вв. до н.э.)

Общие контуры исторической жизни греческого народа во 2-й половине II — 1-й половине I тыс. до н.э. определялись наличием двух циклов исторического развития и, соответственно, двух вариантов построения цивилизации древними греками: микенского (во 2-й половине II) и классического (в 1-й половине I тыс. до н.э.). При этом является непростая для разрешения проблема. Споры ведутся, в частности, по поводу характера микенской цивилизации, ее типологической близости передневозточным обществам (в отечественной литературе сторонником такого сближения был Я.А. Ленцман) или обществу античного типа (А.И. Тюменев, С.Я. Лурье), а затем относительно степени разрыва или континуитета между временем микенским и позднейшим, классическим. Вдаваться в обсуждение первой проблемы сейчас было бы, пожалуй, нецелесообразно; что же касается второй, то здесь мы придерживаемся, так сказать, срединной позиции. По нашему убеждению, было бы нелепо отрицать наличие в исторической жизни древних греков разрыва, обусловленного дорийским вторжением и последующим крушением микенской цивилизации. Но столь же очевидно, что от микенского времени греки унаследовали массу важных традиций — технологических навыков обработки земли и материалов, необходимых для занятия ремеслами, искусства мореплавания, богатых религиозных и мифологических представлений, наконец, крепко отложившихся в народной памяти героических преданий (в первую очередь, конечно, о великом совместном предприятии ахейских владык — Троянской войне). Несомненно, весь этот запас ценностей оказался полезен, когда, после относительного застоя в так называемую гомеровскую эпоху или, как еще называют это время, Темные века (с середины XII до середины IX в. до н.э.), началось новое поступательное развитие греческого общества.

Рождение города и формирование городской гражданской общины-полиса стало главным содержанием следующего, архаического, как его традиционно именуют, периода в истории древней Греции (VIII—VI вв. до н.э.)¹. Те факторы социального прогресса, которые были заложены в структуре древнегреческого общества вопреки — а может быть и благодаря — дорийскому завоеванию, если иметь в виду высвобождение сельских общин от тяжелой опеки дворцовых цен-

тров — теперь, наконец, сказали свое слово, и результатом было рождение новых, гораздо более прогрессивных форм экономических и социально-политических отношений. С распространением железа (в XI—X вв. до н.э., по-видимому, из Малой Азии)² была связана подлинная технологическая революция, повлекшая за собой интенсификацию производства как в земледелии, так и в ремесле. Следствием этого было углубление общественного разделения труда, отделение ремесла от земледелия, равно как и выделение в особый вид занятий торговли, что привело к появлению города в современном смысле слова как центра торгово-промышленной деятельности, противостоящего сельской округе. При этом общий экономический прогресс и особенно развитие торгового дела нашли свое выражение как в важных технических усовершенствованиях в морском деле (изобретение якоря, появление отдельных типов торговых и военных судов), так и в одновременном утверждении единообразных мер веса и объема и в выпуске правильных чеканных металлических денег (в VII—VI вв., сначала в греческих городах Малой Азии Эфесе и Милете, а затем на острове Эгина и в городах Балканской Греции Аргосе, Коринфе и Афинах)³.

Технический и экономический прогресс повлек за собой резкие перемены в области социальных отношений. Интенсификация производства содействовала рентабельности индивидуального хозяйства, что имело следствием решительное утверждение принципа частной собственности. Замечательным подтверждением этого явления может служить описанная в поэме Гесиода «Труды и дни» хозяйственная деятельность зажиточного земледельца, работающего на рынок, осознанно стремящегося к прибыли и видящего высшую цель в покупке чужих наделов (по последнему поводу см., в частности. Hes. Op. et dies, 340-341). Но вместе с тем стало фактом и высвобождение личности из-под общинной опеки, иными словами — торжество индивидуализма. Ярчайшим живым воплощением этого принципа является фигура Архилоха с острова Пароса, авантюриста и поэта, сформулировавшего свое жизненное кредо в следующих замечательных стихах: В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же — / из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье (fr.2 Diehl³, пер. В.В. Вересаева). Вместе с тем началось стремительное развитие и частновладельческого рабства, причем не только в сфере домашнего хозяйства, но и в непосредственном производстве, а главное, за счет захваченных или вывезенных из-за рубежа чужеземцев-варваров. По свидетельству Феопомпа, хиосцы первыми из эллинов стали покупать за деньги рабов-варваров для обработки своих полей (Theopomp. ap. Athen., VI, 88, p.265 b-c = FgrHist 115 F 122 a)⁴.

Однако на первых порах, как это не раз бывало в истории, экономический прогресс обернулся для греческого народа и некоторыми теневыми сторонами, осложнениями и трудностями, преодоление которых потребовало большого напряжения сил. Естественные в условиях частновладельческого хозяйства рыночная конкуренция и имущественное расслоение имели своим следствием усиление того слоя в общине, который, по традиции оставался главным владельцем земли — родовой знати. Напротив, большая часть рядовых общинников-крестьян, поскольку они не могли выбиться в крепкие хозяева, беднела и разорялась, входила в долги и, ввиду отсутствия в тот период гарантий личной свободы, попадала в долговую кабалу, превращалась в рабов-должников. Для

подтверждения сошлемся еще раз на Гесиода, который в «Трудах и днях» рисует впечатляющую картину царившего в ту пору произвола знати и, в противоположность этому, горестного существования простых сельчан, вечно страшившихся разорения и долговой кабалы.

Недовольство массы общинников социальными тяготами, которые время обрушило на их головы, находило естественное выражение в неприязни к тем, кто оказывался в выигрыше, — к землевладельческой аристократии. Нарастающее социальное недовольство сельчан сомкнулось с недовольством нового сословия горожан, утративших связь с древними родовыми подразделениями и потому не имевших доступа к политической деятельности, к управлению государством.

Складывавшийся против знати общий демократический фронт получал, благодаря объединению сил, большие шансы на победу. К тому же в его пользу действовали еще два очень важных обстоятельства. Во-первых, по мере вытеснения бронзового оружия более прогрессивным и более дешевым железным, возрастала роль вооруженного ополчения простолюдинов, фаланги пехотинцев-гоплитов, без которых правящая знать не могла уже обойтись в тогдашней, крайне осложнившейся политической обстановке. Ведь в ту пору, в условиях демографического взрыва и обострившейся вследствие этого борьбы за жизненное пространство, защита границ своего отечества стала делом гораздо более трудным, чем в прежние, гомеровские, патриархальные времена⁵.

Во-вторых, складывавшаяся демократия тем скорее должна была обратиться к решительным действиям, что у нее с самого начала не было недостатка в политически развитых и энергичных лидерах. Ими становились выходцы из среды самой аристократии. В самом деле, верхушка греческого архаического общества также испытывала разъедающее воздействие денежного хозяйства. Естественно, что члены захиревших аристократических родов или обойденные наследством младшие сыновья знатных семей также устремлялись в город, где они задавали тон оппозиционным настроениям и выступлениям. Именно эти отпрыски младших аристократических фамилий, достаточно образованные и предприимчивые, близкие по своему положению и к старой родовой знати, и к новому сословию горожан, с общего ли согласия, по желанию ли демоса, или, наконец, по собственному побуждению становились инициаторами проведения различных мер, имевших в виду преобразовать общественные отношения с позиций разума, в интересах новых прогрессивных групп.

Требованиями демоса в ту пору были сложение долгов и запрещение долговой кабалы, передел земли, установление политического равноправия и фиксация его гарантий в писаных законах. Обычно начинали с последнего — с записи законов, как дела более легкого для осуществления и вместе с тем очень важного для придания политической жизни правильного, упорядоченного характера. Античная традиция донесла до нас имена целого ряда таких ранних законодателей; то были Залевк в Локрах Эпизефирских (в Южной Италии), Харонд в Катане (в Сицилии), Драконт и Солон в Афинах. Вместе с тем проводились и другие реформы, включавшие облегчение положения должников и запрет кабального рабства. В этом отношении показательной была деятельность Солона, запретившего рабство-должничество в своем родном городе и даже

распорядившегося выкупить на волю уже проданных и вывезенных за рубеж бедняков-соотечественников. Этой мерой Солон был оформлен гражданский статус афинянина. По примеру Афин такие же мероприятия были позднее проведены во многих других городах Эллады.

Демократическая реформа была важным, но не единственным средством преобразования архаического общества. Ей сопутствовали и другие способы, а именно колонизация и тирания. Колонизация имела целью освобождение формирующегося полиса от избытка аграрного населения, а вместе с тем и расширение торговых связей и сферы приложения экономической деятельности растущего города. Что касается тирании, то это была античная разновидность бонапартизма, выросшая на волне демократического движения. Тирания обычно истреблением знати предуготовляла окончательное торжество демократии, которая и в самом деле, как правило, являлась ей на смену, но лишь после того, как обществу удавалось скинуть тяжкое ярмо тиранической опеки.

Радикальные сдвиги в фундаментальных сферах социальной жизни естественным образом влекли за собой не менее важные и ощутимые перемены в области культуры. Рассмотрим наиболее значимые инновации в этой сфере.

Первой в этом ряду должна быть названа революция свершившаяся у греков в области письменности. Вообще письменность у древних греков появилась еще в микенскую эпоху, т.е. во второй половине II тыс. до н.э. Мы имеем в виду заимствованное у древних жителей Крита так называемое линейное письмо (Б), представлявшее собой сравнительно примитивную систему слогового письма. Таким образом, уже тогда возникла возможность накопления официальных записей, что давало точку отсчета исторической памяти. Правда, с крушением микенской цивилизации традиция письменной культуры, по-видимому, прервалась, но насколько абсолютно и на сколь долгое время — это вопрос, на который не так-то просто ответить. Новое явление письменности у греков, на этот раз в виде заимствованной у финикийцев более прогрессивной алфавитной системы, может быть датировано достаточно ранним временем — не VIII столетием, как это делают сторонники примитивизирующей концепции (Ч. Старр), а, во всяком случае IX или даже X веком (Г. Бенгтсон)⁶. Более ранняя датировка выглядит предпочтительнее, тем более что представляется весьма вероятным письменное оформление героического (гомеровского) эпоса на рубеже IX–VIII вв. Последнее предположение опирается на ряд общих соображений и подкрепляется надписью на так называемом Кубке Нестора — глиняном сосуде (скифосе), обнаруженном на месте древнего греческого поселения на о-ве Питекуссы (совр. Искья, у входа в Неаполитанский залив). Датированная серединой VIII в. до н.э., надпись эта содержит прямую аллюзию на гомеровского Нестора, а главное — две строчки гекзаметрического стиха, имитирующего стиль Гомера⁷. С этого же времени, т.е. с рубежа IX–VIII вв., возобновляется и отсчет официального исторического времени, фиксируемого в различных государственных записях.

Вообще были очевидны успехи словесности, облеченной в письменную форму. Здесь имеются в виду прежде всего составление и запись Гомеровских поэм «Илиады» и «Одиссеи», что приходится на самое начало архаического периода; затем, развитие хронографии (начиная со списков эпонимных магистратов).

тов и победителей на общегреческих состязаниях) и летописания (городские хроники); наконец, составление различных официальных и, в частности, законодательных актов.

При рассмотрении культурных инноваций должна быть подчеркнута заглавная роль рационалистического начала в общественной жизни древних греков. Носителями его естественно были представители складывавшейся интеллектуальной элиты. В формировании этой социальной группы важную роль сыграло Дельфийское святилище Аполлона⁸. Этот древнейший религиозный центр Греции был в лице своей жреческой верхушки средоточием народной мудрости, хранителем скрепляющих жизнь нации обычаев и устоев, прибежищем для всех, кто нуждался в совете и поддержке. В период архаической революции Дельфийский оракул вместе с тяготевшими к нему так называемыми мудрецами (σοφοί) стал своеобразным духовным координатором всех важных начинаний, как личных, так и общественных, везде содействуя разумному соотношению необходимых новаций и традиций. «Ничего сверх меры» (μηδὲν ἄγαν) — таково было важное жизненное правило, по преданию, сформулированное кем-то из древних мудрецов и признанное в Дельфах. Это правило древние мудрецы положили и в основу своей общественной деятельности, добиваясь в качестве законодателей и реформаторов утверждения продиктованной долгим опытом и согласной с разумом справедливой меры (μέτρον). Простейшим конкретным воплощением этой меры и должен был стать новый полисный закон (νόμος).

Специального разъяснения заслуживает тема древних мудрецов. Складывавшаяся в архаическую эпоху греческая интеллектуальная элита была представлена на первых порах неспецифическими фигурами носителей народной мудрости, за которыми и закрепилось по преимуществу название мудрецов (sofoiv). Позднее систематизирующий ум греков сложил даже канон семи мудрецов. Платон причислял к этой ученой когорте Фалеса Милетского, Бианта Приенского, Питтака Митиленского, Солона из Афин, Хилона из Спарты, Клеобула Линдского и Мисона Хенейского (Plat. Protagor., p. 343 a). Диоген Лаэртский, автор важнейшего дошедшего до нас от античности труда по истории греческой философии, указывает на те же имена, только вместо Мисона называет коринфского тирана Периандра. В канон семи мудрецов включали иногда и другого тирана — Писистрата из Афин, и вообще набор персонажей у разных авторов был разный, и лишь четыре имени присутствуют непременно: Фалес, Биант, Питтак и Солон⁹. Активно участвовавшие в политической жизни своего времени, известные как законодатели, реформаторы и правители, эти греческие мудрецы, вникая в вопросы социальной практики, естественно переходили к рассмотрению и более широких проблем устройства и происхождения мира, и в этом случае они становились первыми представителями формирующейся философской мысли.

Архаическая эпоха выдвинула в Греции — нередко из числа так называемых мудрецов — целый ряд замечательных социальных посредников, законодателей и реформаторов, стараниями которых были проведены первые важные преобразования, имевшие в виду превратить хаотически, стихийно возросшие села и посады в правильно организованные полисы. Полуполюгендарный Ликург в

Спарте, деятельность которого древние относили к началу VIII в. до н.э., позднейшие (от VII—VI вв.), исторически вполне достоверные Залевк в Локрах Эпизефирских (Южная Италия), Харонд в Катане (Сицилия), Драконт и Солон в Афинах, Хилон в Спарте, Питтак в Митилене на Лесбосе — вот имена лишь наиболее значительных и известных из этих первых строителей греческого мира. Все они, как правило, несмотря на нередко приниженный реальный свой статус, были выходцами из старинных, уходящих корнями в микенское время, аристократических семей, стало быть, выступали носителями древнего, устоявшегося социального опыта и мудрости. Нередко они и сами, как было сказано, являлись, по общему признанию, мудрецами (*sofoiv*). Во всяком случае замечательно, что фигуры этих древних законодателей и реформаторов являются в античной традиции окруженными ореолом мудрости (*σοφία*). Замечательна также их связь с святилищем и оракулом Аполлона в Дельфах.

Следствием преобразования социально-политического строя и выработки нового правильного законодательства было формирование полисной идеологии. Решающим здесь стало утверждение главных принципов гражданского общества — свободы и равенства. Духовными устоями греческой гражданской общины был целый комплекс представлений и принципов, среди которых выделяются сознание принадлежности к общей родине, полисный патриотизм, равно как признание неотъемлемого права всех граждан на свободу и равенство (перед законом — *исономию*, и для выражения собственного мнения — *исегорию*).

В этом же русле происходило развитие противоположения свободных граждан и рабов, эллинов и варваров. В ряду социально-экономических преобразований, осуществленных в архаический период сначала в Афинах, а затем, по их примеру, и во многих других греческих общинах, особого внимания заслуживает то, которое означало решительный поворот на античный путь развития, именно — запрещение кабального рабства соотечественников, ориентация тем самым дальнейшего социально-экономического развития на рабство экзогенное, существующее за счет ввозимых из-за границы покупных рабов-чужеземцев. С этим было связано и другое — форсированная национальная консолидация греков, насколько, конечно, это допускалось их полисным партикуляризмом.

Первые контуры нового этнокультурного единства греков обнаруживаются уже на исходе гомеровского времени: распространение в IX в. до н.э. из Аттики, а также из Арголиды и других районов юго-восточной Греции на острова Архипелага и, далее, на побережье Малой Азии керамики более или менее единого геометрического стиля свидетельствовало о прогрессирующей унификации греческой культуры, о расширении и укреплении взаимных связей в том лоскутном мире, который был населен греками.

Сильнейшим образом этому способствовало такое важное достижение, как возрождение у греков — примерно в то же время, на рубеже X—IX вв., — письменности, на этот раз, как мы уже упоминали, в форме более прогрессивного, алфавитного письма, в основе своей заимствованного у финикийцев. Усвоенная первоначально, по-видимому, греками Кипра и Малой Азии и быстро распространившаяся затем по всему греческому миру, эта новая письменность, — простая, легкоизучимая, доступная широким слоям общества, в чем заключа-

лось огромное ее преимущество по сравнению с древнейшей, усложненной, доступной очень небольшому кругу избранных слоговой системой письма крито-микенского мира, — эта письменность стала мощным фактором культурного прогресса и духовной консолидации греческого мира.

Велико было в этой связи значение состоявшейся довольно скоро, где-то на рубеже IX–VIII вв., письменной фиксации гомеровского эпоса. Письменность содействовала более широкому ознакомлению греков с этим, созданным также на малоазийской почве, героическим эпосом, а вместе с тем и приобщению их всех через его посредство к той системе высоких духовных ценностей, которой суждено было стать подлинным фундаментом греческой духовной культуры.

Но особенно крупными успехами процесс национальной консолидации греков ознаменовался в архаическую эпоху (т.е. в XIII–IV вв. до н.э.), отлившись — именно в эту пору — в особую же диалектически-заостренную форму. Именно утверждение почти повсеместно нового, античного рабовладельческого принципа жизни, одновременно с ростом экономических, политических и культурных связей между греческими городами и воссозданием, в условиях рождавшейся классической цивилизации, древнего этнокультурного единства греческого народа привело к появлению более или менее осознанной оппозиции эллинства и варварства, оппозиции столь же национальной, сколь и социальной¹⁰.

В самом деле, свойственная грекам, как впрочем и многим другим народам в пору быстрого возмужания, повышенная открытость к позитивным контактам с соседями (подтверждением может служить практика брачных связей, в частности аристократов), несомненная готовность к заимствованию чужих достижений (напомним о заимствовании с Востока чеканной монеты и алфавитного письма) не исключали достаточно раннего зарождения и укоренения диаметрально-противоположной ценностной установки — осознания своей особенной этнокультурной исключительности. Эта иная позиция нашла яркое выражение в греческой литературной традиции в обозначении и третировании иноплеменников-негреков как варваров. Для суждения о возникновении понятия варваров и формировании его социокультурного смысла в ранней греческой литературе основными опорами служат, во-первых, Гомер, затем в какой-то степени лирическая поэзия и, наконец, первые философы (определенного, тяготеющего к социологии типа).

У Гомера мы впервые сталкиваемся с понятием варварского, а именно при языковой характеристике троянских союзников-карийцев, которые аттестуются как «говорящие наречием варварским» — βαρβαρόφωνοι (II, II, 867). То, что впервые понятие варварского встречается именно в языковом определении, представляется симптоматичным. Этот факт свидетельствует в пользу высказанного уже в древности и принятого в новое время взгляда, что первоначально слово «варвар» появилось как звукоподражательное для обозначения человека с чужим, грубым говором. Однако, можно утверждать, что у Гомера за языковым определением скрывается и некая более общая тенденция, которую можно оценить как ядро будущей всеохватной оппозиции. В используемом отрывке из «Илиады» не только карийцы в массе своей изъясняются по-варварски (в данном случае неважно — на вовсе чужом наречии или же на греческом с варвариз-

мами), но и вожди их выступают на поле боя в нелепом, с точки зрения поэта, отягощенном золотыми украшениями снаряжении (II, II, 867-875). В другом месте поэт, описывая выход для боя враждебных армий, подчеркивает — вполне в том духе, как это позднее будет делать Геродот, — стройный порядок и дисциплину греков, грозное движение их молчаливой рати в противовес нестройному многоголосию троянского ополчения, сравниваемого со стадом блеющих овец (II, IV, 422-438).

Страбон был прав, когда, полемизируя с Фукидидом (ср.: *Thuc.*, I, 3), находил у Гомера достаточно уже ясное обособление эллинов от варваров (см.: *Strab.*, XIV, 2, 28, p. 661). При этом он справедливо ссылаясь на места в «Одиссее» (I, 344, и XV, 80), где слово «Эллада» определенно обозначает страну греков вообще, в отличие от текста «Илиады» (II, 683-684 — место, которое имел в виду Фукидид), где «Эллада» и «эллины» прилагаются, очевидно в соответствии с древнейшим, изначальным обычаем, лишь к области и жителям Фтиотидской Ахайи (в юго-восточной Фессалии). Заметим также, что Гомеру известно и понятие панэллинов (II, II, 530), т. е. что ему, во всяком случае, присуще представление о греках как некой общности.

Однажды усвоенные литературной традицией греков понятия Эллады и эллинов (или панэллинов) продолжают жить и в послегомеровском эпосе (у Гесиода в «Трудах и днях»: Эллада — ст. 653, панэллины — ст. 528), и в архаической лирике (у Архилоха: панэллины — fr. 54 Diehl³). И надо думать, что утверждению связанного с этими понятиями представления о греках как некой особенной общности способствовало именно дальнейшее развитие оппозиции эллинов и варваров. Свою лепту здесь должна была внести поэзия архаического времени, времени Великой колонизации, широкой экспансии греков в Средиземноморье и Причерноморье. Недаром у Архилоха, поэта с Пароса, ведшего жизнь свободного авантюриста, участвовавшего также и в выводе паросцами колоний на фракийские земли, мы находим не только красочные подробности этого предприятия, но и выработку характерного стереотипа иноплеменника-дикаря в зоне колонизации (см. fr. 79 a Diehl³, где выразительно обрисованы жестокие в обращении с пленными «чубатые фракийцы» — Θρήκες ἄκρόκομοι) и даже бранливые выходки по адресу этих «дикарей» (см. fr. 51, 48, где брань адресована «фракийским собакам» — κυσὶ θρέξιιν).

Столетием-другим спустя развитие оппозиции эллинов и варваров достигает большой остроты. У Гераклита (рубеж VI—V вв.) встречаем характерный пассаж: «Глаза и уши — плохие свидетели у людей, имеющих варварские души (βαρβάρους ψυχάς)» (*Heracl. ap. Sext. Emp.*, VII, 128 = DK 22 [12] B 107, пер. А.Ф. Лосева). Здесь понятие варварского употреблено в переносном смысле, но это-то и показательно. Самая метафоричность использованного Гераклитом, этим ранним идеологом полиса, образа «варварские души» предполагает большое реальное основание, широкий спектр социокультурного, по сути классического, восприятия и трактовки мира негреческого, неполисного, — стало быть, по меркам античности, не равняющегося на разум, нецивилизованного, — как мира варварского.

Конечно, окончательно оппозиция эллины-варвары сформируется в ходе Греко-персидских войн, в результате победоносного отражения греками насту-

пленения, предпринятого на них восточной деспотией, более же всего — вследствие развернувшейся затем, особенно усилиями афинян, активной империалистической политики в сторону и за счет восточных соседей. У греческих писателей V в. до н.э. — современника войн с персами поэта Эсхила и жившего поколением позже историка Геродота — противопоставление эллинов и варваров является едва ли не основополагающим моментом мировоззрения. Особенно ярко это противопоставление проводится в политической сфере, в трактовке варваров как сугубых носителей деспотизма, а эллинов как защитников царства закона, республиканских и демократических начал (ср. у Эсхила в «Персах», стихи 176–201, 230–245; у Геродота, VII, 102 и 104, 135, 139).

Естественное у греческих писателей убеждение в превосходстве эллинского строя жизни над варварским конкретизируется — в частности, у того же Геродота — в описаниях военных столкновений. Не раз древний историк подчеркивает, насколько выше во всех отношениях оказывались греки по сравнению с персами: и по части личной подготовки и вооружения, и в быстроте и маневренности кораблей, и в рациональной тактике боя (ср. соответствующие реплики Геродота в описаниях сражений: у Фермопил — VII, 211; у Артемисия — VIII, 9–11; у Саламина — VIII, 86 и 89; у Платей — IX, 62–63; у Микале — IX, 90).

Это сознание абсолютного превосходства эллинов над варварами чуть позже, у Эврипида, превращается в конкретную политическую формулу, исполненную агрессивного панэллинского звучания: «Прилично властвовать над варварами эллинам» (Eur. Iphig. Aul., 1400). А в следующем IV столетии философ Аристотель, отражая воззрения зрелого рабовладельческого общества, уже без обиняков заявит, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Aristot. Pol., I, 1, 5, p. 1252 b 9).

Разумеется, это — суждения позднейшего времени, однако бесспорно, что первые основания для выработки такого характерного для античности национал-империалистского отношения к чужеземцам-негрекам, которых стали называть и третировать как варваров, были заложены еще в архаическую эпоху — постольку именно, поскольку самое формирование рабовладельческого способа производства было осуществлено в древней Греции, так сказать, за чужой счет, за счет других народов.

Завершая этот экскурс, попытаемся определить те главные импульсы, которые обусловили развитие первоначального простейшего, очевидно, по языковому признаку обособления греков от их соседей в исполненную широкого социально-политического и культурного смысла оппозицию эллинов и варваров. Как нам представляется, таких импульсов в век архаики было три.

Во-первых, рано осознанный греками собственный особенный культурный потенциал, диктовавший отношение превосходства ко всему негреческому. Этот потенциал складывается из микенского наследия и нового, найденного к началу архаики, прогрессивного пути развития. Отражение этого раннего ощущения превосходства мы, естественно, находим у Гомера, стоящего в преддверии новой эпохи.

Во-вторых, колонизационная практика, усугубившая это отношение греков к негрекам (карийцам, сикулам, фракийцам), как это видно, в частности, у Арилоха применительно к фракийцам.

Наконец, начавшаяся в последний век архаики общая конфронтация греков с практически единым миром варваров, объединенным под властью персидских царей Ахеменидов. Наверное, не случайно, что с характерным уничижительным перетолкованием понятия варварского, выдававшим глубинную духовную оппозицию, мы сталкиваемся именно у Гераклита, современника этой конфронтации.

Суммируя наши наблюдения над ходом исторического развития античной Греции в раннюю эпоху, мы имеем все основания подчеркнуть решающую роль архаического периода (VIII—VI вв. до н.э.), а более всего того радикального сдвига, свершившегося в это время, который получил название архаической революции. К числу важнейших перемен, составивших содержание этой революции надо отнести прежде всего технологическую революцию связанную с распространением железа, рождение города в собственном смысле слова, как центра ремесла и торговли, противостоящего сельской округе, формирование гражданского общества античного типа, то есть общины граждан, противостоящих рабам и отличающих себя от чужеземцев, наконец становление античной правовой системы и соответственной идеологии. На это же время приходится впечатляющий подъем культуры — распространения алфавитной письменности, дальнейшее развитие поэтического творчества, зарождение высоких форм гуманитарной науки, истории и философии, т.е. формирование всего того, что составило основание последующего расцвета культуры классицизма. Будет вполне справедливо вслед за немецким историком А. Хейсом¹¹ определить время греческой архаики как особую историческую эпоху, ключевую в становлении античной классической цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В представлении о революционном характере перехода от позднеархаического общества к классовому, античному, мы следуем взгляду, развитому советской наукой еще в 30-е годы в ходе дискуссий в ГАИМК. См.: *Ковалев С.И.* Проблема социальной революции в античном обществе // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций // ИГАИМК. Вып. 90 / Под ред. Н.Я. Марра, А.Г. Пригожина. М.; Л., 1934. С. 295—328; *Тюменев А.И.* Разложение родового строя и революция VII—VI вв. в Греции // Там же. С. 329—377. Тезис об архаической революции был затем обоснован и в других, более специальных исторических работах, принадлежавших перу все того же А.И. Тюменева. См. его труды: 1) История античных рабовладельческих обществ // ИГАИМК. Вып. 111. М.; Л., 1935. С. 42—49; 2) Революция VII—VI вв. Афины в VI в. // История Древней Греции. Ч. I (История древнего мира / Под ред. С.И. Ковалева. Т. II). М., 1937. С. 171—205. Разумеется, дальнейшие исследования расширили наши знания и уточнили представления об отдельных вехах архаической истории, однако мы не видим оснований для отказа от названного выше принципиального положения. В общей форме революционный характер процесса, приведшего к рождению классической полисной цивилизации, признается также и в западной историографии. Ср.: *Heichelheim F.M.* The Ancient Economic History. Vol. I. Leiden, 1958. P. 280 ff.; *Starr Ch.G.* A History of the Ancient World. 3rd ed. New York; Oxford, 1983. P. 205 ff.
2. О появлении и этапах распространения железа в греческом мире см.: *Ленцман Я.А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 195—196; *Полякова Г.Ф.*

- От микенских дворцов к полису. С. 118 и 119 (с критикой и отвержением некогда распространенного взгляда о связи появления железа в Греции с дорийским завоеванием). Более подробно — в специальных работах: *Burton-Brown T.* The Coming of Iron to Greece. Wincle, 1954; *Snodgrass A.M.*: 1) Barbarian Europe and Early Iron Age in Greece // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. XXXI. 1965. P. 229–240; 2) The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 228 ff.; *Pleiner K.R.* Iron Working in Ancient Greece. Praha, 1969. P. 7–16; *Waldbaum J.C.* From Bronze to Iron: the Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean (Studies in Mediterranean Archaeology. Vol. 54). Goteborg, 1978.
3. О начале выпуска греками правильных металлических денег ср. также: *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. № 16. М.; Л., 1951. С. 23–24; *Seltman Ch.* Greek Coins. 2nd. ed. London, 1955. P. 13 ff.; *Kraay C.N.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 20 ff.; *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B.C. New York, 1977. P. 108 ff. — Для общей оценки ср. также: *Heichelheim F.M.* The Ancient Economic History. I. P. 212–222.
 4. См. далее: *Шишова И.А.* Рабство на Хиосе // *Калустов Д.П., Нейхардт А.А., Шифман И.Ш., Шишова И.А.* Рабство на периферии античного мира. Л., 1968. С. 149–192. О развитии рабства в Греции в архаическую эпоху см. также: *Starr. The Economic and Social Growth...* P. 90–92, где, однако, роль и значение этого феномена сильно принижены.
 5. Относительно перемен в военном деле подробнее см. также: *Snodgrass A.* 1) The Hoplite Reform and History // *JHS*. Vol. 85. 1965. P. 110–122; 2) Archaic Greece. The Age of Experiment. London, 1980. P. 97–107, 223 (библиография); о принципиальной связи фаланги с полисом — *Nilsson M.P.* Die Hoplitentaktik und das Staatswesen // *Klio*. Bd. XXII. 1929. H. 3. S. 240–249; *Detienne M.* La phalange: problèmes et controverses // *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris; La Haye, 1968. P. 119–142. Для общей оценки ср. также: *Яйленко В.П.* Архаическая Греция // *Античная Греция*. Т. I. М., 1983. С. 171–173; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 4. Aufl. Munchen, 1969. S. 110–111, 118–119; *Jeffery L.H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B.C. London, 1976. P. 41, 67–68.
 6. Подробнее об усвоении греками алфавитного письма см.: *Дирингер Д.* Алфавит / Пер. с англ. М., 1963. С. 522 слл.; *Jeffery L.H.*: 1) The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961; 2) Archaic Greece. P. 25–26; *Heubeck A.* Schrift (Archaeologia Homerica. Bd. III. Kap. X). Göttingen, 1979. — Для общей оценки ср. также: *Bengtson H.* GG⁴. S. 60–62; *Starr Ch.G.* A History... P. 201.
 7. *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Vth Century B.C. Oxford, (1969) 1971, № 1. В дополнение к литературе, указанной у Р. Мейггса и Д. Льюиса, укажем на работы отечественных антиковедов: *Чистякова Н.А.* Древнейшая греческая эпиграмма (надпись Нестора из Питекусс) // *ВДИ*. 1975. № 4. С. 28–40; *Зайцев А.И.* Лексико-стилистические особенности надписи на «Кубке Нестора» из Питекусс // *Язык и стиль памятников античной литературы (Philologia classica. Вып. 3)*. Л., 1987. С. 59–65.
 8. Новейшее исследование о святилище Аполлона в Дельфах: *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001.
 9. Подробнее о формировании и составе канона семи мудрецов см.: *Barkowski. Sieben Weise* // *RE*. 2. Reihe. Bd II. Hbbd 4. 1923. Sp. 2242–2264; *Snell B.* Leben und Meinungen der Sieben Weisen. 4. Aufl. Munchen, 1971.
 10. О росте национального самосознания греков в век архаики см.: *Bengtson H.*: 1) Hellenen und Barbaren: Gedanken zum Problem des griechischen Nationalbewusstseins

- // Unser Geschichtsbild / Hrsg. von K. Rüdinger. München, 1954. S. 25 ff.; 2) GG⁴. S. 69, 86—88, 100—101; *Schaefer H.* Das Problem der griechischen Nationalität [1955] // *Schaefer H.* Probleme der alien Geschichte. Göttingen, 1963. S. 269—306. Специально об оппозиции эллинов и варваров см. также: *Jüthner J.* Hellenen und Barbaren (Das Erbe der Alten. N. F. H. 8). Leipzig, 1923; Grecs et barbares (Entretiens sur l'antiquité classique. T. VIII). Geneve, 1962. Для общей оценки ср.: *Колобова К.М., Глускина Л.М.* Очерки истории древней Греции. Л., 1958. С. 79.
11. Ср.: *Heuss A.* Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Antike und Abendland. Bd. II, Hamburg, 1946. S. 26—62.

THE ARCHAIC REVOLUTION IN ANCIENT GREECE
(PRINCIPAL REVIEW OF INNOVATIONS AND CHANGES IN SOCIAL-POLITICAL
AND CULTURAL LIFE OF ANCIENT GREECE IN THE 8th—6th CENTURIES B.C.)

Ed. Frolov

The article deals with the so-called Archaic revolution, i.e. with the radical change in all spheres of the social and cultural life of ancient Greeks, which falls on the archaic period in the history of Ancient Greece (8th — 6th centuries B.C.). The result of this revolution was the birth of ancient classical civilization and, first of all, its nucleus — the polis.

© 2008 г.

Н.Л. Поваляев

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ГРЕЧЕСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ: АПОЙКИЯ ИЛИ ЭМПОРИЙ.
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ

Изучение характера древнегреческой колонизации, несмотря на приращение источниковой базы и декларируемое в последние десятилетия изменение научных парадигм, продолжает вращаться в основном в рамках двух теорий, аграрной и противопоставляемой ей торговой колонизации. Комбинируя письменные источники классического времени и археологические материалы, многие исследователи приходят к выводу о существовании двух специализированных типов колониальных поселений, аграрного, т.н. апойкии с одной стороны и торгового, т.н. эмпория с другой¹.

Апойкиа, понимаемая как основанный на новом месте полис, т.е. гражданская община, часто априори идентифицируется с городом. Соответственно такому подходу полагают, что в археологических материалах должен проявляться урбанизированный характер апойкии. Другими словами она обязана была иметь четкое функциональное деление территории, т.е. деление на частный и публичный сектора; в последнем специализированные зоны для теменоса и

агоры, а также прямоугольную уличную сетку. Именно такой облик по мнению многих исследователей имели многие колонии Сицилии и южной Италии: Мегара Гиблея, Сиракузы, Метапонт и ряд других².

Такому урбанизированному образованию противопоставляется другой тип колониального поселения, торговая станция или эмпорий, т.е. поселение, в котором немногочисленные греческие купцы жили в окружении туземцев и где греческая, т.е. полисная политическая организация и следовательно соответствующие этой организации урбанистические формы не могли состояться³. Ряд ученых, не отрицая очевидной по их мнению разницы между апойкией и эмпорием, считает эмпорий первоначальной и универсальной моделью колониационного поселения. Примерами торговой колонизации в научной литературе считаются эвбейская колонизация южной Италии и Сицилии и милетская колонизация северного Причерноморья⁴.

И). Как своего рода образцовый эмпорий западного Средиземноморья выступает по распространенному мнению поселение на острове Питекуссы (Искья) в Неаполитанском заливе. Положение острова поблизости от металлоносных руд Этрурии и слабая по мнению Дж. Бордмана пригодность островных почв для зернового хозяйства не оставляли поселенцам другого выхода кроме как торговли продуктами металлообработки. Находки шлаков и других следов кузнечного ремесла на холме Меццавия вкупе с результатами химического анализа, согласно которому железо поставлялось с острова Эльба у берегов Этрурии служат аргументами в пользу такой теории. Считается также, что торговые интересы островитян не ограничивались экспортом железа из Этрурии. Киликийские печати, египетские скарабеи и сирийская бутылочка свидетельствуют о торговле с восточным Средиземноморьем⁵. Кроме того найденные в могилах фибулы итальянского типа, а также две чаши местного производства надписанные по арамейски и финикийски дают адептам торговой теории основание полагать, что на острове жило много негреков; считается например, что женское население острова состояло преимущественно из итальянских женщин⁶. Мужское население, судя по отсутствию элитарных воинских погребений, состояло по распространенному мнению в основном из относительно равноправных торговцев и ремесленников⁷.

а) Анализ опубликованных в последние годы материалов дает все основания считать, что представленная выше интерпретация является крайне односторонней. Хозяйство поселенцев было комплексным и в очень большой степени самодостаточным. Находки маленьких сельскохозяйственных поселений (ферм) VIII в. до н.э. в Пунто Кьярито на южной оконечности и в Сан Алессандро на северо-востоке острова заставляют предположить, что сельскохозяйственная активность жителей была высока⁸. Внимательное рассмотрение найденных на острове ремесленных изделий, прежде всего керамики также наводит на мысль об автаркичности местного хозяйства. В период LG I (760-735 гг. до н.э.) сосуды местного производства составляли 70,7% всех керамических захоронных даров некрополя в долине Сан Монтано. В период LG II (735-700 гг. до н.э.) в результате притока прежде всего коринфских арибаллов доля местной керамики упала правда до 48%⁹. Приток коринфской керамики в конце VIII в. до н.э. фиксируется однако во всех только что основанных колониях и не дает основа-

ний выделять Питекуссы как что-то особое. Если мы посмотрим на собранную у подножия т.н. «акрополя» керамику, то окажется, что доля местной посуды в VIII в. до н.э. был больше 80 %¹⁰. Новые находки позволяют к тому же утверждать, что металлические изделия с италийскими мотивами не прибыли с материка, а были изготовлены на месте¹¹.

Не стоит также переоценивать интенсивность контактов островитян с дальними регионами. Керамика из Леванта, киликийские печати, египетские скарабеи, т.е. предметы, которые обычно рассматриваются в качестве товаров массового спроса имели ограниченное распространение. Так среди керамических приношений сопровождавших кремацию доля левантйской керамики в период LG I составляла 14%. В ингумациях этого же периода ее доля понизилась до 2%. Что касается печатей и скарабеев, то они также не являлись массовым продуктом. В кремациях они составляли 4,3% от всего некерамического материала. В ингумациях их доля поднималась несколько больше, до 19,3%. Для периода LG II также было характерно неравномерное распределение экзотических восточных предметов в соответствии с погребальным ритуалом. В тоже время явно видна тенденция к уменьшению числа восточных объектов в могилах. В погребениях с кремацией доля левантйской керамики упала до 0,6%, печатей и скарабеев до 3,3%. В ингумациях соответственно до 0,9% и 7,1%¹².

Можно конечно возразить, что полученные данные, а именно ограниченное присутствие экзотических товаров в погребальном инвентаре, сами по себе не обязательно свидетельствуют об отсутствии торговых связей. Это могло быть также следствием контроля социумом репертуара загробных даров. Во многих греческих обществ геометрического и архаического времени существовал такого рода контроль¹³. Нельзя как мне кажется отрицать наличия такой практики и в Питекуссах. В то же время результаты исследований Дж. Уитли о том, как различные греческие общества геометрического времени в зависимости от их участия в «международной» торговле регулировали использование экзотических предметов в погребальном контексте, дают основания полагать, что в условиях интенсивных контактов элите не удастся воспрепятствовать использованию таких вещей в качестве загробных даров. Наиболее ярко это проявилось в общинах лежащих на торговых путях геометрического времени, Кноссе и Лефканди¹⁴. Редкость использования в Питекуссах экзотических восточных вещей в ритуальном контексте в конце геометрического времени является по моему мнению отражением реального факта, а именно того, что торговые контакты с Левантом были ограничены.

Конечно трудно, скорее невозможно количественно оценить интенсивность контактов поселенцев Питекусс с внешним миром. Такого рода оценки остаются как правило очень субъективными. Для некоторых авторов достаточно находок нескольких черепков коринфской или еще лучше левантйской керамики в греческой колонии, чтобы приписать такому поселению существование разветвленной и протяженной контактной сети¹⁵. Важно все-таки хотя бы приблизительно представлять себе физические объемы перевозимых товаров, чтобы оценить значение экспорта в жизни Питекусс. Структуру экспорта восстановить едва ли возможно; от соленой рыбы и тканей не остается никаких следов¹⁶. Редкие находки позволяют все же предположить, что керамика, не в

последнюю очередь как тара, составляла, к сожалению точно не определяемый, но значительный объем всех экспортных перевозок¹⁷. В связи с этим представляется оправданным вопрос, достаточно ли количество найденной на острове импортной керамики, чтобы постулировать интенсивность дальней межрегиональной торговли Питекусс. Как уже указывалось доля импортных сосудов в период LG I была небольшой. Опираясь на данные Д. Риджвея, можно учесть только 26 сосудов не местного производства в качестве загробных даров этого времени. Для такого количества керамики было достаточно одного корабля для всей второй половины VIII в. до н.э.¹⁸ Конечно приведенные данные весьма условны, в первую очередь из-за недостаточной репрезентативности археологических данных. Однако даже такие ограниченные результаты заставляют сомневаться, что жизнь Питекусс зависела от торговли. Следует учитывать к тому же, что вне Питекусс было найдено очень мало эвбейской керамики. Все подобные находки сосредоточены в прибрежных районах Кампании, Лация и южной Этрурии¹⁹. В этом отношении, а именно в том, что объемы керамики вне поселений, которым приписываются преимущественно торговые функции, очень малы можно увидеть прямые параллели между Питекуссами и Березанью.

б) Имеющиеся на данный момент археологические материалы не подтверждают по моему мнению наличие в Питекуссах такой определяющей для импорта черты, как этническая разнородность жителей. Как уже упоминалось, находимые в могилах фибулы в итальянском стиле интерпретируются как этнический маркер итальянских женщин. Подкрепляется такая интерпретация прежде всего ссылкой на теорию о распространенности смешанных браков между колонистами и туземными женщинами²⁰. Имеются однако достаточные основания сомневаться в прямой корреляции между наличием фибул в могилах и полом, а также этничностью погребенных. Такие фибулы часто находят в погребениях младенцев, которые согласно греческой практике обычно воспринимались как еще нейтральные по половому признаку. Конечно не лишено вероятности предположение, что фибулы предназначались для детей итальянских женщин. Обращает однако на себя внимание, что фибулы часто имеют огромные размеры, а также их поразительно большое количество в некоторых могилах. Как полагает Г. Шеперд фибулы в качестве статусных загробных даров не отличались по своим функциям от восточных импортных объектов. Результаты статистического анализа распределения фибул предпринятого Л. Фоксхолл подтверждают такой вывод. Фибулы имели статус престижных объектов, подчеркивавших социальный ранг погребенного²¹.

Сравнение погребальных обычаев Питекусс с таковыми же других колоний, которые считаются апойкиями (Сиракузы, Мегара Гиблея, Кумы) позволяет установить, что металлические изделия в т.н. итальянском стиле (фибулы, браслеты, подвески) встречаются исключительно в греческом контексте. В Кумах изделия в итальянском стиле обнаружены в погребениях с оружием, которые аналогичны элитным захоронениям у Западных Ворот Эретрии²². В Сиракузах и других греческих колониях фибулы встречаются в основном в детских погребениях, однако их количество и размеры препятствуют тому, чтобы интерпретировать их по аналогии с обрядами сикелиотов как необходимые принадлежности одежды. Как и в Питекуссах такие фибулы несли скорее социальную

нежели этническую нагрузку. Распространение таких фибул как вотивов в святилищах материковой Греции, на что указывает Г. Шеперд, подкрепляет последнюю интерпретацию. Фибулы функционировали как престижные объекты, и очевидно не только в женской среде²³.

в) От анализа отдельных элементов захоронного инвентаря некрополя Питекусс перейдем теперь к реконструкции отраженных в погребальном обряде и поэтому во многих отношениях идеализированных представлениях колониального общества о самом себе. Конечно следует учитывать неизбежную гипотетичность предлагаемых реконструкций, вытекающую из-за ограниченных масштабов раскопок некрополя в долине Сан Монтано; на данный момент раскопано лишь около 10 % предполагаемого некрополя. При этом опубликованы данные лишь о 493 погребениях VIII в. до н.э., хотя предполагается, что число могил геометрического времени могло быть по крайней мере в два раза большим²⁴.

Как уже говорилось выше, материалы некрополя отражают по распространенному мнению довольно однородное общество. Согласно Д.Риджвею нет ничего особенно аристократического или героического в колониальном обществе Питекусс. Наблюдаемые в ритуале различия по его мнению имеют не столько социальное измерение, сколько связаны с возрастными особенностями погребенных. Если к тому же учитывать общую бедность захоронных даров, то следует признать отсутствие в обществе особого элитарного слоя²⁵. По мнению Б. д'Агостино общество Питекусс было напротив сильно иерархизировано. Так обряд кремации свидетельствует очевидно о существовании замкнутой элитарной группы, державшей общину под контролем. Ингумации в неглубоких могилах без захоронных даров интерпретируется исследователем как останки людей подчиненного статуса. Слой таких неполноправных составлял по его мнению почти половину всего населения. Такого рода социальная структура была характерна скорее для архаической гентильной структуры (*γένος*), а не для постулируемого для эмпория скопления равноправных домохозяйств (*οἶκος*)²⁶.

Следует отметить, что археологические материалы дают основания для предположения как об элитарности, так и об эгалитарности оставившего их общества. С одной стороны следует учитывать половозрастную структуру погребенных. Дети и подростки составляли около 66 % всех умерших. Это близко к ожидаемой для VIII в. до н.э. частоте смертных случаев по возрастному признаку. Считается, что норма детской смертности в то время была не ниже 50 %²⁷. До периода LG I в Греции отсутствовали, несмотря на высокую детскую смертность, кладбища с репрезентативной половозрастной структурой погребенных. Такое положение И. Моррис объясняет тем, что значительная часть населения была исключена из строго формализованного, оставляющего отчетливые археологические следы, «видимого» для нас погребального обряда. Такого рода дискриминация отражала по мнению И. Морриса иерархичное членение социума, который распадался на два больших слоя, на владеющую землей элиту к которой примыкали богатые и временами не очень богатые, но достаточно состоятельные и независимые крестьяне с одной стороны и зависимые от них земледельцы с другой. Согласно более поздней греческой традиции И. Моррис называет их *αὔαττοι* и соответственно *κακοί*²⁸. Анализ погребальных даров, в том числе мотивов росписи погребальной керамики Афинских кладбищ²⁹

«геометрического» времени позволяет по мнению Дж. Уитли установить, что ритуальная практика в Афинах отличалась своего рода нормированием. Только ограниченный репертуар металлических загробных даров, керамических мотивов и форм допускался к обряду. В этом смысле погребальная обрядность Афин и очевидно многих других греческих обществ, судя по неполноте половозрастной структуры погребенной популяции и ограниченному загробному инвентарю, отличалась от обычной практики, когда общественная иерархия отражалась прежде всего в роскошных загробных дарах. По мнению Дж. Уитли это явилось результатом ритуальной конкуренции внутри элиты, которой удалось исключить других из подобного соревнования. Причины такой исключительности, а также формы контроля элитой такого соревнования не могут быть определены³⁰. В целом даже самые богатые захоронения Афин не идут однако, ни в какое сравнение с богатыми погребениями Этрурии и Фригии. Этот факт, а также то, что половозрастные различия в погребальном ритуале подчеркивались очень сильно соответствует по мнению английского исследователя обществу достигаемого, но не предписанного статуса. В таком обществе еще не установилась трудно преодолеваемая наследственная иерархия, а ключевые позиции были открыты для достаточно большого числа членов социума³¹.

Как бы то ни было, представительные по половозрастной структуре кладбища появляются в Афинах и Аргосе только после 750 г. до н.э. И. Моррис рассматривает это событие как симптом появления новой идеологии, для которой была характерна сильная эгалитарная тенденция и которая постулировала по крайней мере в ритуальной сфере равенство между «негражданами»-детьми и «гражданами»-взрослыми. Эта идеология знаменовала по его мнению возникновение полиса³².

Начала такой эгалитарной идеологии могут быть по моему мнению прослежены, исходя из однородности элитарных могил геометрического периода, еще в период до 750 г. до н.э. А именно, такого рода эгалитарная идеология функционировала в области погребальной обрядности в более узком элитарном кругу еще в протогеометрическое время³³. Возврат к такого рода элитарной эгалитарности можно наблюдать по моему мнению в Афинах после 700 г. до н.э. В период с 700 г. до н.э. до конца VI в. до н. в Афинах происходит возврат к рестриктивной погребальной практике геометрического времени; значительная часть детей и взрослого населения снова исчезает из «видимого» погребального ритуала. И. Моррис рассматривает такое попятное движение, как симптом возвращения Афин к дополисному иерархическому устройству «темных веков». Неучастие Афин в колонизации и отсутствие в течение долгого времени монументальной архитектуры — и колонизация и монументальная архитектура часто считаются симптомами полиса — подтверждают по его мнению такую интерпретацию³⁴. Консервативность и иерархичность афинского общества VII и VI вв. до н.э. по сравнению с последующим временем не могут быть по моему мнению оспорены. Считать однако, что Афины потеряли статус полиса нет никаких оснований. По крайней мере во времена Солона афиняне воспринимали самих себя как полис³⁵. Другое дело, что та корпоративная группа граждан, которая и являлась полисом была узка и возможно стала даже уже чем это было во второй половине VIII в. до н.э.

В этом смысле кажется весьма вероятным, что репрезентативная половозрастная структура некрополя Питекусс отражает широкое распространение эгалитарной идеологии и то, что колонисты воспринимали самих себя как единое сообщество. Могила детей, подростков и взрослых на одной парцелле, интерпретируемой как «семейный участок» указывают на отдельную «корпоративную» группу, члены которой были допущены к формально хорошо видимому погребению. При этом нет оснований интерпретировать такую группу как генос. Парцеллы состояли из группы перекрывающих друг друга насыпей, которые содержали кремированные останки и покрывали к тому же несколько ингумированных захоронений. Судя по половозрастной структуре усредненной парцеллы, она принадлежала скорее малой семье, состоящей из 2-3 взрослых с несколькими, в том числе уже умершими 2-3 детьми и немногими зависимыми родственниками³⁶. Для гентильной структуры следовало бы ожидать большего количества насыпей (тумулусов) на парцелле.

Важно подчеркнуть в тоже время наличие сильных элитарных тенденций в погребальном обряде Питекусс. Если рассматривать, не только загробные дары, но и, насколько это позволяют находки, всю погребальную церемонию в целом, то можно согласиться, что кремированные персоны составляли верхний слой общества. Размещение кремированных останков под насыпью представляло по-видимому только один из этапов дорогостоящей церемонии. Кремирование происходило где-то на стороне, кремированные останки смешивались с землей и черепками в своеобразную плотную линзу и только после этого уже на кладбище над ней насыпался тумулус. Для этого элитарного слоя аристократический образ жизни был также знаком, как и «воинам» из захоронений в Кумах. Так например кремация 168 была снабжена многочисленными сосудами, в том числе знаменитым «кубком Нестора» и четырьмя кратерами³⁷. Анализ надписи на «кубке Нестора» приводит О. Мюррея к выводу, что она представляет своего рода поэтическую насмешку, в которой составитель с помощью формульной эпической речи отражает атмосферу симпозиума с его поэтическими соревнованиями и шутливым соперничеством³⁸.

В любом случае мы можем наблюдать в некрополе Питекусс комбинацию обрядов, которые были типичны для современных им аграрных сообществ позднегеометрического и архаического времени и которые проявляются в таких однозначно аграрных сообществах как Афины и например Врулия на Родосе³⁹. В плане богатства загробных даров Питекусс ничем не выделяются среди таких признанных аграрных колоний как Сиракузы, Мегара Гиблея и даже Кумы с их «воинскими» погребениями. Основная масса захоронений тех же Кум исключительно бедна⁴⁰.

г) Как уже упоминалось выше, одной из основных посылок в теории об импортиальном характере Питекусс является противопоставление их в архитектурном плане Мегаре Гиблее⁴¹. При этом исходят из того, что Мегара Гиблея была заложена соответственно регулярному плану с параллельными улицами и ясным функциональным делением территории на частный и общественный сектор. Полагают, что ничего подобного в Питекуссах не наблюдалось. За такого рода различиями скрываются по мнению многих исследователей различия в политической организации колониальных поселений. Согласно подобному

подходу в регулярности Мегары Гиблеи и других урбанизированных поселений проявляет себя характерная для полиса рациональность мышления⁴².

Наличие вневременной и не поддающейся определению рациональности не является конечно решающим аргументом в споре об урбанистическом характере Мегары Гиблеи. Некоторые исследователи, которые не отождествляют полис и город и не считают возможным функционально делить ранние греческие колонии на апойкию и эмпорий, пытаются отрицать наличие единого архитектурного плана Мегары Гиблеи. Так по мнению Р. Осборна поселение состояло из пяти неодинаково ориентированных ядер. Такой план был по его мнению следствием очень слабой кооперации между разнородными группами поселенцев. Высказывается также мнение, что в плане Мегары Гиблеи нашел отражение легендарный синойкизм Мегары Нисейской из пяти различных деревень⁴³. В 90-е годы прошлого века получила признание теория, согласно которой в течение первых 50-100 лет своего существования колониальные поселения, в том числе Мегара Гиблея, были неурбанизированными и иррегулярными, они фактически являлись своего рода большими деревнями⁴⁴.

Исследования последних лет позволяют внести значительные коррективы в представления о первоначальном облике ранних колониальных центров. Мегара Гиблея как и ряд других поселений, в т.ч. по видимому Сиракузы и Наксос, другая эвбейская колония, которой часто приписывают эмпориальный статус, были заложены действительно по единому плану. План этот был однако не настолько регулярен, как он представляется сторонникам урбанизма и прямоугольной планировки греческих поселений⁴⁵. Согласно результатам крупномасштабных раскопок и измерений французских исследователей основатели Мегары Гиблеи стремились разделить территорию на равные участки (ойкопеда) и в то же время обеспечить для сгруппированных из таких участков блоков (парцелл) равный доступ к важнейшим коммуникационным узлам поселения, к гавани на севере и к точке поворота уже существовавшей до этого важной островной трассы, которая шла вдоль берега с севера и в центре поселения поворачивала почти под прямым углом в глубь острова⁴⁶.

По мнению Ф. де Полиньяка такого рода планировочная система, несмотря на определенную регулярность в рамках одной парцеллы, не превращала это поселение в город⁴⁷. Подобного рода планировку с ориентировкой жилых блоков на узлы коммуникаций и межеванием на равновеликие участки (ойкопеда) можно найти в новых и недолговечных поселениях Греции VIII–VII вв. до н.э. (например Загора на Андросе, Врулия на Родосе), которые даже просто в силу своего размера не могли претендовать на городской статус. Совершенно справедлив в этой связи вывод М. Винк, о том что наличие регулярной планировки в архаических поселениях Греции не является признаком города⁴⁸. Для более сбалансированного суждения о городском характере поселения следует безусловно учитывать целый ряд других критериев. Набор таких критериев спорен. К их числу часто причисляют плотность населения, наличие монументальной архитектуры, центральное положение, первенствующую экономическую и соответственно редиистрибутивную роль поселения в иерархии населенных пунктов. Такая центральная роль выражается в значительном развитии ремесла и торговли и значит в мощном неаграрном секторе хозяйства размещенном в

поселений⁴⁹. Большинство из этих черт, особенно неаграрный сектор сформировались согласно преобладающему мнению в достаточно полном виде только в конце VI в. до н.э.⁵⁰ Если сравнивать по этим показателям Мегару Гиблею и Питекуссы, то пожалуй невозможно провести функциональное различие между ними. Если исходить из предполагаемой численности населения, то Питекуссы были более плотно заселены в VIII в. до н.э. Что касается монументальной архитектуры, то процесс монументализации в Мегаре Гиблее начинается только приблизительно спустя сто лет после ее основания. Для своих жителей и Мегара Гиблея и Питекуссы занимали центральное место в системе регионального геоантропоценоза, так что по этому признаку поселения были равны.

Для многих исследователей четкое функциональное деление территории поселения является основным критерием античного греческого города⁵¹. Опираясь на исследования последних лет можно полагать, что в период жизни первого поколения колонистов разделение территории конечно проводилось, но в самых общих чертах. Более детальное разделение внутри выделенных под публичные цели участков могло происходить гораздо позднее. Так по мнению Ф. де Полиньяка и в Мегаре Гиблее и в Афинах и на Фасосе можно наблюдать перемещение агоры в VIII–VII вв. до н.э.⁵²

Если мы посмотрим на Питекуссы, то нет никаких препятствий к предположению, что первоначальное функциональное деление территории было принято там с самого начала. Невозможность провести крупномасштабные раскопки дает возможность оценить такое деление конечно лишь суммарно. Находки керамики позволяют предположить, что скалистый прибрежный холм Монте Вико мог служить своего рода убежищем-«акрополем» для поселенцев. Какая-то часть поселения лежала у гавани под современной деревней Лакко Амено. Позади «акрополя» находился некрополь и к юго-востоку от него на холме Меццавиа по видимому еще один жилой участок, где найдены следы ремесла и который считается ремесленным кварталом⁵³. Мы имеем поселение, хорошо вписанное в ландшафт и в силу тех же самых ландшафтных особенностей не обладавшее достаточными возможностями для реализации масштабного архитектурного проекта, сравнимого по размаху с Мегарой Гиблеей. Тем не менее в Питекуссах так же как и в Мегаре Гиблее различимы жилые ядра и отдельная от жилой зоны зона некрополя.

В целом приведенные материалы не позволяют по моему мнению проводить функциональное разделение между Питекуссами и другими ранними греческими колониями. Для погребального ритуала Питекусс был характерен набор черт, которые встречаются и в других колониях и в аграрных поселениях материковой Греции. Вполне возможно, что наблюдаемая регулярность архитектурного плана некоторых колоний и ярко выраженная половозрастная градация умерших просто по разному отражают одни и те же ценности архаичного аграрного общества⁵⁴.

II). Если мы теперь обратимся к колонизации Северного Причерноморья, то увидим, что разработанные на материалах западного Средиземноморья модели актуальны и здесь. Как уже упоминалось в начале статьи интерпретация севернопричерноморских колоний как торговых станций по прежнему распространена в западной литературе. В отечественной литературе казалось бы уже давно и

прочно отвергнутая эмпориальная теория возродилась в новом обличье в публикациях С.Л. Соловьева⁵⁵. Вкратце основные положения его теории могут быть сформулированы следующим образом: В поисках сырья, в основном хлеба в конце VII в. до н.э. греческими купцами был основан опорный торговый пункт на острове Березань. В это же время грекам удалось установить контакты с лесостепной аристократией от которой они получали этот хлеб. Привлеченные новыми возможностями на Березань начали переселяться группы лесостепного населения, которые принесли с собой свои традиции земляночного домостроения и металлообработки. Фактически варвары, по мысли С.Л. Соловьева, с самого начала доминировали в Березанском поселении, греческие купцы были немногочисленны и не могли повлиять на социо-политическую организацию туземцев. К середине VI в. до н.э. процесс переселения лесостепных групп в нижнее Побужье приобрел массовый характер, именно к этому времени была основана еще одна фактория на Нижнем Буге на месте будущей Ольвии, где также преобладало аборигенное население. Именно эти варвары выращивали теперь уже непосредственно вокруг немногочисленных факторий вывозимый в метрополию хлеб. Лишь прибытие больших масс греческих колонистов, на Березань в конце третьей четверти и в Ольвию в самом конце VI в. до н.э., привело к основанию на их месте настоящих греческих полисов, которые С.Л. Соловьев представляет как города-государства, с городским центром, застроенным по регулярной планировке и с наземными домами⁵⁶.

а) Положения гипотезы С.Л. Соловьева базируются среди прочего на одном укоренившемся представлении, а именно об имманентном зерновом богатстве Северного Причерноморья, которое заставляет многих исследователей рассматривать севернопонтийскую колонизацию как априори торговую. Между тем новые палеоботанические данные из лесостепи о доминировании проса и ячменя в наборе сельскохозяйственных культур и дополняющем характере земледелия по отношению к главной отрасли хозяйства — скотоводству делают гипотезу о наличии товарного хлеба в лесостепи невероятной⁵⁷. Также невероятным представляется идея о массовом переселении лесостепного населения в нижнее Побужье с целью выращивать там хлеб на экспорт. С самого начала сельскохозяйственного освоения колониальной хоры там выращивались сорта т.н. мягкой пшеницы, которые в лесостепи и тем более в степи в VI в. до н.э. не встречались. Если принять тезис, что это дело рук переселившихся из лесостепи варваров, то придется постулировать радикальную смену хозяйственно-культурного типа у переселенцев: От придомного скотоводства и экстенсивного вспомогательного земледелия к интенсивному земледелию с другим набором культур. Такого рода моментальная перестройка жизненного уклада невероятна. Обычно традиционный тип хозяйствования сохраняется очень долго. Именно сохранение лесостепного культурного наследия обусловило по мнению С.Л. Соловьева своеобразие археологических находок в колониальных поселениях. Странно однако, почему связанные с традиционным образом жизни домостроение и ремесленное производство были перенесены в новый район практически без изменений, в то время как в сельском хозяйстве традиции были нарушены радикально. Можно было бы конечно объяснить такого рода хозяйственный сдвиг давлением рынка, т.е. иными словами потребностями

греческих городов, особенно Милета в зерне. Это в свою очередь предполагает однако не только способность варварской аристократии аккумулировать гипотетическое зерно (для продажи его грекам), сколько подразумевает готовность к выполнению функций несвойственных для военизированной элиты северно-причерноморских варварских обществ и следовательно достаточно высокую степень аккультурации этой элиты. Маловероятно однако, что модус контактов лесостепной и степной аристократии с греческими колонистами лежал в VI в. до н.э. вне военно-политической сферы. В архаическое время, судя по сообщениям Геродота (IV 76-78) о судьбе Анахарсиса и Скила именно так и было. Внутри скифского общества функционировал механизм прямого распределения ресурсов, как это представлено в эпизоде о погребальном обычае скифских царей (IV 73). Вряд ли механизмы внутри лесостепного общества действовали иначе. При этом подчеркивание своей военно-политической функции играло важнейшую роль в самоопределении лесостепной элиты. Конечно торговые сделки греков и варавров имели место, однако не зерно а типичные понтийские товары — рабы и скот — именно-то, что варварская элита могла с избытком получить выполняя свою основную общественную задачу, преобладали скорее всего в этой торговле⁵⁸. Мне кажется, что сообщение Полибия (IV 38) об отсутствии стабильного экспорта хлеба из прилегающих к Понту стран отражает данности и архаического времени.

Для доказательства поставки зерна грекам лесостепным населением часто комбинируют сообщение Геродота о скифах земледельцах, которые сеяли зерно не только для себя, но и на продажу и данные афинских источников IV в. до н.э. об экспорте боспоранского зерна. Такая комбинация носит несколько искусственный характер; анализ В.Д. Кузнецова оставляет мало сомнений в том, что экспорт зерна с Боспора был тесно связан с концентрацией власти Спартокидами и остался хоть и ярким, но в конечном итоге кратковременным эпизодом северопонтийской истории⁵⁹. Не исключена возможность, что запрос на зерно, приведший к созданию больших хлебных резервов на Боспоре в IV в. до н.э., шел не только из Афин, но также от скифов. По данным Н. Гаврилюк скифское общество в конце V века до н.э. уже нуждалось в дополнительном фуражном зерне для корма скоту. Демографический взрыв в скифском обществе и в конечном итоге обусловленная им пастбищная дигрессия должны были усилить в IV в. до н.э. уже наметившуюся ранее тенденцию. Исследовательница также отмечает, что кочевники в силу логистических проблем предпочитали не отнимать насильно, а покупать зерно⁶⁰. Поэтому вполне возможно, что известие Геродота отражает реальный аспект взаимоотношений скифов и лесостепного населения в V в. до н.э. Постулировать однако отсюда, что лесостепное население продавало грекам зерно уже в VI в. было бы неверно. Геродот нигде не говорит о том, что его поставляли в греческие поселения.

б) Среди аргументов о варварской этнической принадлежности колониальных центров Нижнего Побужья можно выделить, кажушиеся более весомыми доводы, которые указывают на преобладание до конца третьей четверти VI в. до н.э. в археологических находках Березани и Ольвии типичных для населения лесостепи материалов. К таковым причисляют прежде всего остатки землянок и полуземлянок, керамику и металлические изделия. Причем именно переход от

земляночного к наземному стротельству должен отмечать границу в распределении материалов: В земляночный период доминировала лепная посуда и металлические изделия типичные для лесостепи, с момента начала наземного строительства напротив преобладали греческие вещи.

Нужно отметить, что сторонники массового варварского присутствия в колониальных центрах исключают из своих расчетов амфорную тару, чтобы добиться впечатляющих арифметических результатов. Тем не менее даже такой сомнительный способ не дает возможности говорить о сколько нибудь значительной концентрации лепной керамики в Ольвии и основной массе сельских поселений в VI веке до н.э.⁶¹ Что касается Березани в целом, то данные которые использует С.Л. Соловьев дают очень смутное представление о распределении лепной керамики в этот период⁶². Гораздо более осязаемые результаты получаются при анализе керамики на участке Б, где по распространенному мнению в конце 3-ей четверти 6 в. до н.э. были сооружены первые наземные жилища и который был заброшен в конце 1-ой четверти V в. до н.э. До начала наземного домостроительства доля амфорной тары колебалась на этом участке в пределах 78-86 %. Доля другой кружальной посуды составляла 11-22 %, лепной 1,4-2,4% от всего керамического материала. В результате делался вывод, что отношение кружальной посуды неамфорного типа к лепной керамике лежало в пределах 82-92% к 8-18%. Среди керамики следующего периода преобладала как и прежде амфорная тара с 87-95 %. Другие кружальные сосуды составляли 4-12%. Процент лепной посуды с ее 0,5-2% был меньше чем ранее. Раскопки определяют соотношение неамфорной кружальной керамики к лепной как 91-97% к 3-9%⁶³. Эти данные не дают по моему мнению оснований для вывода, о том, что переход к наземному домостроительству повлек кардинальное изменение керамического материала. Они также совершенно недостаточны, чтобы постулировать на основании легкого колебания процентных данных существование двух резко отличных по своим этническим и социо-политическим параметрам этапов в жизни Березанского поселения.

При внимательном рассмотрении не выдерживает критики еще один тезис, на основании которого делается вывод о доминировании в Березани до конца третьей четверти VI в. до н.э. варварского населения; а именно тезис о том, что изделия из цветных металлов имели на протяжении большей части VI в. до н.э. негреческий характер. Используя материалы С.А. Ольговского, С.Л. Соловьев делает вывод, что такого рода предметы имели в архаическое время типичные скифские формы⁶⁴. Такой вывод представляется излишне поспешным. Напомним, что речь идет о 189 медных и бронзовых предметах VII—IV вв. до н.э., значительную часть которых (72 шт.) составляют наконечники стрел. Эти наконечники были согласно С.Л. Соловьеву скифских форм и соответственно должны были изготавливаться скифами. С.Я. Ольговский делит наконечники на две группы: одну (42 шт.) он относит к VII—VI вв., другую (30 шт.) к VI—V вв. до н.э. Металл наконечников этой второй группы по своему химическому составу идентичен металлу, из которого выливались, т.н. дельфинчики (47 шт.), т.е. предметы типично греческие. Можно следовательно предположить, что наконечники и первой группы также изготавливались греками. Учитывая находки литейных форм для изготовления бляшек в зверином стиле из завезенного сре-

диземноморского камня⁶⁵, не подлежит сомнению способность греческих ремесленников изготавливать в архаическое время скифские предметы. К изделиям греческих мастеров следует отнести и следующую значительную группу предметов в коллекции С.А. Ольговского, т.н. монеты-стрелки (28 шт.). Находки таких стрелок в качестве оболов Харона и их изображение на весовых гирьках делают такое предположение наиболее вероятным⁶⁶.

Важно подчеркнуть следующее. Имеющиеся материалы не фиксируют какой-то сверхординарной концентрации скифских, или лесостепных изделий из цветных металлов в период т.н. земляночного строительства в Нижнем Побужье. Оружие скифского типа встречается например в могилах Березани и Ольвии классического периода, т.е. в то время, когда якобы уже произошла эллинизация обоих поселений. Использование образцов вооружения скифского типа греками уже в VI в. до н.э. можно связать среди прочих причин с ранней перестройкой военного дела поселенцев по местному образцу. Далее, можно утверждать, что господствующие технологии в металлургии и металлообработке и других отраслях ремесла несмотря на присутствие нетипичных для Греции форм были греческими. Так в Березани уже в конце VII — начале VI вв. до н.э., а также на Кинбурнском полуострове использовалась технология по добыче железа из магнетитовых песков прямо аналогичная малоазиатской греческой, стеклопроизводство может быть связано только с греками, также как более высокий по сравнению со скифскими бронзами процент олова в найденных в Ягорлыке «скифских» изделиях указывает на их нескифское происхождение⁶⁷. Все это не позволяет принять гипотезу С.Л. Соловьева о том, что греческие элементы в ремесле и прежде всего в металлургии в нижнем Побужье были недостаточно представительны.

в) Следы варварского присутствия часто ищут в материалах некрополей Ольвии и Березани. Скорченные погребения, такие же как в скифских некрополях, следы деревянных конструкций и форма погребальной камеры, а также наличие некоторых предметов скифского инвентаря, прежде всего оружия, позволяют по мнению некоторых исследователей выделить скифские погребения среди греческих захоронений Нижнего Побужья⁶⁸.

Резюмируя критические замечания, которые уже высказывались по поводу варварского характера могил Ольвии и Березани, следует отметить следующее. Конечно нельзя исключить присутствия в Ольвии или же Березани прослойки варварского населения, скифских женщин например или же группы воинов. В то же время археологические следы такого присутствия практически неуловимы. Т.н. скифские элементы погребальной обрядности вплетены в греческий ритуальный контекст. Скорченные погребения в большинстве случаев снабжены греческими приношениями, в то время как скифские отсутствуют. К тому же скорченные погребения Березани и Ольвии крайне немногочисленны⁶⁹. Не стоит забывать, что скорченные погребения встречаются и в собственно Греции, в Аттике, Аргосе и Коринфе в VII и начале VI вв. до н.э.⁷⁰ Что касается т.н. «скифских» женских могил, то репертуар их загробных даров, за исключением каменных блюд, состоит из греческих форм, которые были по видимому произведены в Ольвии же. Еще одна категория могил, которые часто считаются скифскими, погребения с оружием, не содержат таких обязательных атрибутов

скифского погребального обряда, как еда и снаряжение для потусторонней жизни⁷¹. Относительно самой большой группы погребений, так называемых катакомбных могил, которые из-за своей конструкции часто определяются как скифские, то признать их скифскими мешает хронология. Пик их распространения приходится на IV в. до н.э., то есть период, когда в греческом характере Ольвии сомневаться нет никаких оснований. В последней трети VI в. до н.э., когда Ольвия была якобы варварской, такие могилы (всего 6 штук) только появлялись⁷².

Иными словами подход, при котором некоторые особенности погребального ритуала вырываются из контекста и оцениваются только как этнические маркеры не представляется продуктивным и в Северном Причерноморье. Если исходить из того, что такой обряд имел прежде всего социальное измерение, то можно по моему мнению признать, что ольвийское и березанское общества использовали для своего самопредставления лишь отдельные элементы скифской материальной культуры. Эти элементы были встроены в систему, которая в некоторых своих аспектах производит впечатление архаичной и рудиментарной. А именно, ольвийский погребальный обряд, о котором мы осведомлены лучше всего, очень сильно подчеркивал половозрастные различия, причем методами, которые использовались еще в геометрическую эпоху. Исключение детей из видимого погребального ритуала подчеркивало их неполноправный статус. Из 266 погребений ольвийского некрополя лишь ок. 50 принадлежали детям и подросткам⁷³. Исключение детей из «видимого» обряда фиксируется и в Березани. Г.Л. Скадовский во время своих раскопок натолкнулся по всей видимости на очень ограниченное число детских погребений. Из открытых в 80-е годы 20 в. более чем 150 погребений первой половины шестого — первой половины пятого века детские погребения составляют лишь около 10 %⁷⁴. Пожояная ситуация прослеживается и в Пантикапее⁷⁵. Такое исключение детей из «видимого» обряда как мы знаем было особенно распространено в «геометрику». Далее можно отметить, наличие богатых женских погребений в Ольвии. Подчеркивание статуса женщин в погребальном обряде — это тоже атрибут «геометрического» времени. Богатые женские погребения были характерны прежде всего для Афин IX и VIII вв. до н.э.⁷⁶. Погребения с оружием, скифская интерпретация которых как мы видели маловероятна, указывали по моему мнению не на то к какому роду войск в ополчении Ольвии в соответствии с образцом снаряжения, находимого в могиле, принадлежал умерший⁷⁷, а имели метафорическое значение. Они подчеркивали пол умершего и его высокий и равный таким же как он статус⁷⁸. Подобные погребения с оружием встречались в Греции прежде всего в «геометрическое» время. В конце VIII в. и в начале VII в. до н.э. они однако быстро исчезают из центральных районах Греции.

Такого рода сходство погребального обряда Ольвии VI в. до н.э. с ритуальной практикой IX — начала VII в. до н.э. не означает с неизбежностью, как уже отмечалось выше, что Ольвия находилась на дополисном уровне развития. Как политически функционировало ольвийское общество можно представить себе из краткого комментария Аристотеля (1305a 36–1306b 21) о причинах смены олигархического государственного устройства. Рассуждая о таких причинах Аристотель упоминает, что число имевших политические права в Массилии,

Гераклее и Истре некогда было очень малым. Доступ к должностям происходил по возрастному принципу, так что за исключением отца семейства все остальные мужчины в семье оставались пораженными в своих политических правах. Лишь после волнений доступ к должностям получили сначала старшие братья, а затем и младшие. Таким образом олигархия была сменена другой формой правления с более широкой базой. В Истре например она превратилась в демократию. Этот комментарий Аристотеля может быть понят так, что распределение политических прав учитывало семейную и возрастную структуру колонистов. Вполне возможно, что схожая с Истром ситуация существовала в родственной ему через Милет Ольвии.

Несомненно, что на уровне самопредставления ольвийское общество было очень архаичным. Такого рода представления конечно могли быть оживлены знакомством с патриархальным скифским миром. В этом смысле вполне оправданно говорить о контаминации двух традиций. Например принесенные из Греции и воспринимаемые в известном смысле как «героические» ритуалы⁷⁹, такие как погребения с оружием или катакомбные гробницы⁸⁰ после контакта со скифским миром могли получить «второе дыхание».

г) Важно все таки подчеркнуть следующее: погребальный ритуал являлся только частью того способа, с помощью которого организовывался и воспринимался окружающий мир. Сюда же принадлежало и архитектурное оформление области обитания в широком смысле слова. Вслед за параллелями с «геометрической» погребальной практикой следует обратить по моему мнению внимание на определенные параллели архитектуры геометрического времени с особенностями архитектурного оформления Ольвии и других севернопричерноморских колоний в архаическую эпоху. Для «геометрического» времени многих областей Греции было характерно быстрое изменение фокуса поселений, отсутствие монументальной архитектуры, апсидальный план зданий и общая невыразительность строительных остатков⁸¹. Подобного рода картину можно наблюдать и в Северном Причерноморье. Упомянем для примера сырцово-деревянные храмы Ольвии, апсидальное здание из Березани и меняющийся фокус сельских поселений.

Обычно говорят при этом об отсталости урбанистического развития местных поселений которая выражалась в длительной фазе земляночного домостроительства. Несостоятельность последнего тезиса была на мой взгляд убедительно продемонстрирована В.Д. Кузнецовым⁸². Тем не менее фактом остается примитивность тех первых строений, которые удастся обнаружить. Такого рода примитивность была как мне кажется следствием не технической неумелости колонистов, а скорее сознательным выбором модели, которая ассоциировалась с отеческим устройством (*patroia politeia*), возможно по представлениям колонистов уже искаженным на родине. Не стоит конечно упрощать представления прибывших в Северное Причерноморье поселенцев и полностью отождествлять таковые с воззрениями «геометрического» времени. Можно предполагать, что этаблированная для своего времени идея о функциональном делении территории полиса была воплощена в жизнь уже первым поколением эмигрантов. Так например в Ольвии представляется возможным говорить о выделении большой публичной зоны в центре Верхнего Города уже в начале 2-ой четверти

VI в. до н.э.⁸³ Аргументы о том, что только западный теменос был зарезервирован для культовых целей, а на месте восточного теменоса до последней четверти VI в. до н.э. существовал жилой квартал базируются на интерпретации одной ямы как остатка жилой землянки и не представляются убедительными⁸⁴. Конец VI в. до н.э. отмечает по моему мнению не начало наземного домостроительства, а период когда было предпринято более дробное деление прежде слабо дифференцированной территории, в том числе отделение агоры от теменоса. Вымостка центральной части главной улицы в середине VI в. и снос двух прямоугольных зданий, датируемый Л.В. Копейкиной рубежом VI и V вв. до н.э. отмечают этапы этого процесса⁸⁵. Датировка указанных зданий в соответствии со схемой техники кладки и наличию подвального помещения серединой V века на данный момент должна быть пересмотрена. Находки кладок в т.н. землянках 41 и 47 на Березани первой половины VI в. до н.э., не укладываются на пример в такую схему. Согласно ей березанские кладки должны были бы появиться на свет только в конце столетия. Такого рода противоречия заставляют сомневаться в соответствии разработанной С.Д. Крыжицким схемы реальным условиям. Неоправданным представляется также скептицизм по отношению к раннему появлению подвалов в Ольвии. По крайней мере шаг в направлении создания подвалов, а именно возникновение полуподвальных помещений может быть отслежен в Нижнем Побужье на примере уже упоминавшейся «полу-землянки» 41 еще в 1-ой половине VI в. до н.э.⁸⁶ Аналогичный шаг в детализации и наполнения пространства может быть вероятно отмечен в Березани вскоре после середины VI в. до н.э., когда по мнению В.В. Назарова просходит переход к наземному домостроительству⁸⁷. То, что территория Березани все-таки хотя бы и грубо но была уже к этому времени структурирована, свидетельствуют находки интерпретируемых как вотивы кольцеобразных сосудов датируемых началом VI в. до н.э. Такие вотивы маркировали вероятно территорию какого-то святилища⁸⁸.

Рассмотренные материалы не подтверждают по моему мнению гипотезу о существовании функционально различных колониальных поселений. Греки переселялись за море не с торговыми или аграрными целями. Невероятно также, что они за время плавания на новое место успевали обдумать какую-то передовую идею, не существующую еще в метрополии. В этом смысле мне кажется оправданным, ввиду улик, указывающих на сознательное сохранение архаизирующих черт в жизни колонии, особенно ярко проявлявшихся в Северном Причерноморье, говорить о колонизации не только как о полисной, но и как о консервативной эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Mertens D.* Städte und Bauten der Westgriechen. Von der Kolonisationszeit bis zur Krise um 400 vor Christus. München, 2006. S. 36.
2. *Hoepfner W., Schwandner E.L.* Haus und Stadt im klassischen Griechenland. 2. Auflage. München, 1994.
3. *Boardman J.* Kolonien und Handel der Griechen: vom späten 9. bis zum 6. Jh. v.Chr. München, 1981.
4. *Bresson A.* Les cités grecques et leurs *emporía* // *L'Emporion* / Ed. by A. Bresson, P. Rouillard. Paris, 1993. P. 220.

5. *Boardman*. Op. cit. P. 199.
6. *Buchner G.* Early Orientalizing: Aspects of the Euboean Connection // Italy before the Romans / Ed. by D. and F. R. Ridgway. London, 1979. P. 135ff.
7. *Ridgway D.* The first Western Greeks. Cambridge, 1992. P. 77.
8. *d'Agostino B.* Euboean Colonisation in the Gulf of Naples // Ancient Greeks West und East. Leiden, 1999. P. 206.
9. *Ridgway*. The first Western Greeks. P. 72-73.
10. *Ridgway D.* Euboeans and others along the Tyrrhenian Seaboard in the 8th century B.C. // Greek Identity in the Western Mediterranean / Ed. by Lomas. Brill, 2004. P. 26.
11. *Ridgway*. The first Western Greeks. P. 67.
12. *Ibid.* P. 73-77.
13. *Morris I.* Burial and Ancient Society. The rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987. P. 148, 150-151, 184, 216; *Whitley J.* Style and Society in Dark Age Greece. Cambridge, 1991. P. 75-80, 137, 181-182.
14. *Whitley*. Op. cit. P. 137, 181-182.
15. *Osborne R.* Early Greek colonisation? The nature of Greek settlement in the West // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / Ed. by N. Fisher, H. van Wees. London, 1998. P. 259.
16. *Foxhall L.* Cargoes of the heart's desire: the character of trade in the archaic Mediterranean world // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / Ed. by N. Fisher, H. van Wees. London, 1998. P. 295-310.
17. *Gill D.* Positivism, pots and long distance trade // Classical Greece. Ancient histories and modern archaeologies / Ed. by I. Morris, Cambridge, 1994; *Osborne R.* Pots, trade and the archaic Greek economy // Antiquity. № 70, 1996.
18. *Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, 1986. P. 184.
19. *Crielaard J.P.* How the West was won: Euboeans vs. Phoenicians // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 19/20. Mainz, 1996. P. 243-244.
20. *Buchner*. Op. cit. P. 135-136; *Van Compernelle R.* Femmes indigènes et colonisateurs // Modes de contact e processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone 24-30 mai 1981. Pisa and Rome, 1983; *Doherty C.* The poetics of Colonisation. Oxford, 1993. P. 67; С оговорками *Coldstream J.N.* Prospectors and Pioneers: Pithekoussai, Kyme and Central Italy // The Archaeology of Greek Colonisation. Essays dedicated to Sir John Boardman. Oxford, 1994. P. 53, 56; Против *Hall J.* Ethnic identity in Greek antiquity. Cambridge, 1997; *Morgan C.* The archaeology of ethnicity in the colonial world of the eight to the sixth centuries BC.: approaches and prospects // Confini e frontiera nella grecita d'Occidente. Atti 37 Convegno Magna Grecia. Taranto, 1999.
21. *Shepherd G.* Fibulae and Females: Intermarriage in the Western Greek Colonies and the Evidence from the Cemeteries // Ancient Greeks west und east. Leiden, 1999. P. 295-296; *Foxhall L.* Village to City: Staples and Luxuries? Exchange Networks and Urbanisation // Mediterranean Urbanisation 800-600 BC / Ed. by R. Osborne, B. Cunliffe. Oxford, 2005. P. 240.
22. *Buchner*. Op. cit. P. 131-135; Против *Strøm I.* Problems concerning the origin and early development of the Etruscan Orientalizing style. Odense, 1971. P. 147ff.; Параллели между Эретрией и Кумами см. *Crielaard J.P.* How the West was won: Euboeans vs. Phoenicians // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 19/20. Mainz, 1996. P. 236-239; *Crielaard J.P.* Honour and Valour as Discourse for Early Greek Colonialism (8th-7th centuries B.C.) // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr. Wien, 2000. S. 500-503.

23. *Shepherd G.* Fibulae and Females: Intermarriage in the Western Greek Colonies and the Evidence from the Cemeteries // *Ancient Greeks West und East*. Leiden, 1999. P. 293.
24. *Ridgway.* The first Western Greeks. P. 45-46; *Coldstream J.N.* Prospectors and Pioneers: Pithekoussai, Kyme and Central Italy // *The Archaeology of Greek Colonisation. Essays dedicated to Sir John Boardman*. Oxford, 1994. P. 52, note. 8.
25. *Ridgway.* The first Western Greeks. P. 77.
26. *d'Agostino.* Op. cit. P. 216, 218-219.
27. *Morris I.* Burial and Ancient Society. P. 57-58, 72ff.; *idem.* Death-ritual and social structure in classical antiquity. Cambridge, 1992. P. 79-80; *Hansen M.H.* Demography and Democracy: The Number of Athenian Citizens in the Fourth Century B.C. (Herning, 1986. P.10-11). Можно предположить, что детская смертность в колонии была первоначально выше, чем в метрополии.
28. *Morris.* Burial and Ancient Society. P. 184-185.
29. Афинские материалы наиболее представительны, поэтому большинство реконструкций геометрического и архаического общества Греции базируется на них. Такого рода «афиноцентричность» несет в себе конечно опасность доминирования разработанных на основе аттических данных моделей.
30. *Whitley.* Style and Society in Dark Age Greece. P. 136-137, 181-182.
31. *Whitley J.* The Archaeology of Ancient Greece. Cambridge, 2001. P. 97.
32. *Morris I.* Archaeology and archaic Greek history // *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence* / Ed. by N. Fisher, H. van Wees. London, 1998. P.71ff.
33. *Whitley.* The Archaeology of Ancient Greece. P. 96-98; *Поваляев Н.Л.* Некоторые проблемы социальной структуры общества протогеометрического периода в современной литературе // ПИФК. 1996. Вып. III. С. 8.
34. *Morris.* Burial and Ancient Society. P. 184, 216; *Whitley J.* The Monument that stood before Marathon: Tomb-Cult and Hero-Cult in Archaic Attica // *AJA* 98, 1994.
35. *Murray O.* Das frühe Griechenland. 6. Auflage. München, 1998. S. 235-238.
36. *Morris I.* Death-ritual and social structure in classical antiquity. Cambridge, 1992. P. 196-199.
37. *Ridgway.* The first Western Greeks. P. 55ff.; *d'Agostino.* Op. cit. P. 215-216.
38. *Murray O.* Nestor's cup and the origin of the Greek *Symposion* // *Annali di Archeologia e storia antica (AION)*. № 1, 1994. P. 47-54.
39. *Morris.* Death-ritual and social structure in classical antiquity. P. 198-199.
40. *Crielaard.* Op. cit.
41. *Vallet G.* La cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident // *La città e il suo territorio: Atti del VII-o Convegno di studi sulla Magna Grecia*. Napoli, 1968. P. 72; cp. *Hansen M.H.* Emporion. A Study of the use and meaning of the term in the archaic and classical periods // *Yet more studies in the ancient Greek polis* / Ed. by T. H. Nielsen. Stuttgart, 1997. P. 99.
42. *Murray O.* Das frühe Griechenland. 6. Auflage. München, 1998. S. 147-148.
43. *Osborne R.* Early Greek colonisation? The nature of Greek settlement in the West // *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence* / Ed by N. Fisher, H. van Wees. London, 1998. P. 260-261; *Fischer-Hansen T.* The Earliest Town-Planning of the Western Greek Colonies, with special regard to Sicily // *Introduction to an Inventory of Poleis*. Mogens H. Hansen. Copenhagen, 1996. P. 345.
44. *Di Vita A.* Urban Planning in Ancient Sicily // *The Western Greeks. Classical Civilisation in the Western Mediterranean* / Ed by G.P. Caratelli. London, 1990. P. 349.
45. Cp. *Hoepfner W., Schwandner E.L.* Haus und Stadt im klassischen Griechenland. 2. Auflage. München, 1994. S. 306ff.

46. *Tréziny H.* Lots et olots a Mégara Hyblaea. Questions de métrologie // La Colonisation Grecque en Méditerranée Occidentale. École Française de Rom, 1999; *Polignac de F.* Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization 800-600 BC / Ed. by R. Osborn, B. Cunliffe. Oxford, 2005. P.51ff.
47. *Polignac.* Op. cit. P. 63.
48. *Vink M.* Urbanization in late and sub-Geometric Greece: abstract consideration and concrete case-studies of Eretria and Zagora c. 700 B.C. // Urbanisation in the Mediterranean in the 9th to 6th centuries BC // Acta Hyperborea. 7. 1997. P. 113.
49. *Kolb F.* Die Stadt im Altertum. München, 1984. S. 5-6.
50. *Whitley J.* The Archaeology of Ancient Greece. Cambridge, 2001. P. 174-179.
51. *Hölscher T.* Öffentliche Räume in frühen griechischen Städten. Heidelberg, 1998. S.11-23.
52. *Polignac.* Op. cit. P. 54-62; cp. *Malkin I.* Exploring the Concept of "Foundation": A Visit to Megara Hyblaia // Oikistes: studies in constitutions, colonies, and military power in the ancient world, offered in honour of A. J. Graham. Leiden, 2002. P. 202-206.
53. *Ridgway.* The first Western Greeks. P. 37-39, Fig. 5; *Mertens D.* Städte und Bauten der Westgriechen. Von der Kolonisationszeit bis zur Krise um 400 vor Christus. München, 2006. S. 36. Abb. 38.
54. *Morris.* Death-ritual and social structure in classical antiquity. P. 198-199; *Purcell N.* Statics and Dynamics: Ancient Mediterranean Urbanism // Mediterranean Urbanization 800-600 BC / Ed. by R. Osborn, B. Cunliffe. Oxford, 2005. P. 260-261.
55. *Solovyov S.L.* Ancient Berezan: the architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea. Leiden, 1999; cp. *Kuznetsov V. D.* Some Problems of Trade in the North Black Sea Region in the Archaic Period // ВДИ. 2000. № 1.
56. *Solovyov.* Op. cit. P. 63-64.
57. *Lebedeva E. Yu.* Palaeoethnobotanic materials on agriculture of the Scythian epoch: problems of interpretations // Скифы и Сарматы в VII-III вв. до н.э.: Paleoekologija, antropologija i archeologija / V.I. Guljaev, V.S. Ol'chovskij (Hrsg.). Moskau, 2000; *Pashkevich G.A.* Palaeoethnobotanic investigations of the Scythian sites from the steppe zone of the northern Black Sea Coast // Скифы и Сарматы в VII-III вв. до н.э.: Paleoekologija, antropologija i archeologija / V. I. Guljaev, V. S. Ol'chovskij (Hrsg.). Moskau, 2000.
58. *Kuznetsov V.D.* Some Problems of Trade in the North Black Sea Region in the Archaic Period // ВДИ. 2000. № 1.
59. *Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1. С. 115-117.
60. *Гаврилюк Н.А.* История экономики степной Скифии VI-III вв. до н.э. Киев, 1999. С. 127-128, 162-164, 310-311.
61. *Bujskij A.* Borysthenes-Olbia: Die Gründung von Olbia im Lichte der jüngsten archäologischen Untersuchungen // Eurasia Antiqua. Bd. 11. 2005.
62. *Solovyov.* Op. cit. P. 43; *Марченко К.К.* Лепная керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 105.
63. *Доманский Я., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л.* Основные результаты работ березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 35-38.
64. *Ol'govskij S.Ja.* The bronze artefacts from Berezan // SA. 1980. № 4; *Solovyov.* Op. cit. P. 49.
65. *Сон Н.А.* Ремесленное производство // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 119-123.

66. *Vinogradov Ju.G., Kryzickij S.D.* OLBIA. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum. Leiden, 1995. S. 88.
67. *Ostroverchov A.S.* Raw-Material Sources of Ancient Greek Handicraft Production in the Dnieper-Bug Liman Area // ВДИ. 1979. № 3; *Vinogradov, Kryzickij.* Op. cit. S. 87.
68. *Капошина С.И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. № 50. 1956. С. 172ff.
69. *Буйских А.В.* Рецензия на «The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archeology. Ed.G. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998 // ВДИ. 2002. № 1. С. 206; *Kopeikina L.V.* Elements of local nature in the culture of the Berezan archaic settlement // The demographic situation in the Black Sea littoral in the period of the Great Greek Colonisation. Tbilisi, 1981. С. 169.
70. *Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 8-9.
71. *Скуднова В.М.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. № 1. 1960; *она же* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 28.
72. *Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. № 15. С. 166; *Козуб Ю.И.* Погребальные сооружения некрополей Ольвии и ее округи // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 33; *Vinogradov, Kryzickij.* Op. cit. S. 123-124.
73. Подсчет произведен по материалам В.М. Скудновой // *Скуднова.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
74. *Козуб.* Ук. соч. С. 31; *Treister M.Y., Vinogradov Ju.G.* Archaeology on the Northern Coast of the Black Sea // AJA. 97. 1993. P. 539.
75. *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. 1951.
76. *Whitley.* The Archaeology of Ancient Greece. P. 94-96.
77. *Скуднова.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии; *она же.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 28.
78. См. *Härke H.* "Warrior graves"? The background to the Anglo-Saxon weapon burial ritual. Past and Present. 126. 1990.
79. Мы можем предполагать, что ярко выраженный интерес греков к своему героическому прошлому (*Whitley.* Style and Society in Dark Age Greece. P. 41; *Antonaccio S.C.* Contesting the Past: Hero Cult, Tomb Cult, and Epic in Early Greece // AJA. 98. 1994; *Whitley.* Early states and hero cults: a re-appraisal // JHS. CVIII. 1988; *Morris I.* Tomb cult and the „Greek renaissance“: the past in the present in the 8th century BC // Antiquity 62, 1988), проявлялся в Северном Причерноморье с особой силой еще в архаическое время (ср. Дион Хризостом 36.П).
80. Катакомбные могилы Ольвии классического времени имеют своих предшественников в Греции архаического периода (*Козуб.* Ук. соч. С. 33).
81. *Whitley.* Style and Society in Dark Age Greece. 1991. P. 184.
82. *Kuznecov V.D.* Early Types of Greek Dwelling Houses in the North Black Sea // Ancient Greeks West und East. Leiden, 1999.
83. *Русяева А.С.* К истории изучения первоначальных границ теменосов и древнейших храмов в Ольвии Понтийской // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002.
84. *Крыжицкий С.Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 64.
85. *Kopeikina L.V.* Nouveaux renseignements sur l'aspect de Berezan et d'Olbia a l'epoque archaique. SA № 2, 1975. С. 194-195.

-
86. *Solovyov*. Op. cit. P. 59-62, *Крыжицкий С.Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
87. *Назаров В.В.* Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1.
88. *Ильина Ю.И.* О новых находках восточно-греческой керамики на острове Березань // SUSSITIA. Памяти Ю. В. Андреева. СПб, 2000.

QUESTION ON MODELS OF GREEK COLONIZATION: APOIKIA OR EMPORION. ARCHEOLOGICAL COMPARISON

N.L. Povaljaev

The article is concerned with the question, if there are archaeological signs which point to two different types of settlements, which differ in function. One type, the *apoikia* — supposed to be a *polis* — is seen as a typical Greek city. The Emporion on the other hand is often the institution of a polis or the architectural features of a city. First, the archaeological material from the settlement on the island Pithekoussai (Ischia) in the Gulf of Naples — a good example for a trade station — is analysed. New results suggest that economy, social organisation and culture were not different from other contemporary Greek colonies or cities. Second, the validity of the hypothesis that all settlements in the Bug region were Emporia is discussed. So, the author suggests that this theory has no foundation in the analysis of the archaeological material. The specific character of the colonisation on the Northern Pontos — which has led many researchers to characterize it as «underdeveloped» — can't be denied, though the reason for this characteristic is not a massive presence of indigenous population but the conservative attitude of the colonists themselves. In this context the statement of Aristotle about the political constitution of Istros, a neighbouring Milesian colony, is taken into consideration. The colonists emphasized those aspects in their culture which were called *patroioia politeia* referring to the ideal political organisation. The analysis led the author to the conclusion that the Greek colonisation was neither purely agrarian nor purely commercial. The motifs for the colonisation were beyond the dichotomy and distinctly conservative.

© 2008 г.

М.Ф. Высокий

«АРГОНАВТИКА» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО И ВЕЛИКАЯ ГРЕЦИЯ*

Регион Великой Греции (Сицилия и Южная Италия), представлявший собой наиболее освоенную греками колониальную зону эллинской Ойкумены, был густо «населен» с точки зрения греческой мифологии. Здесь представлен практически весь спектр греческих богов и героев, мифологическая биография которых неоднозначна и часто имеет региональную вариативность. Не является исключением и весьма популярный в античности цикл о приключениях Аргонатов.

Как известно, наиболее раннее, хотя и краткое, упоминание о походе греков в Колхиду к царю Эю и о похищении Медеи содержится в труде Геродота (I.2), однако наиболее полно весь цикл представлен в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, кабинетного ученого первой половины III в. до н.э., в чьем распоряжении были все сокровища руководимой им Александрийской библиотеки¹, и прежде всего многочисленные труды по мифологической «истории».

Сюжет о пребывании аргонатов на Западе требовал не только мифологического, но прежде всего географического обоснования, поэтому родилась гипотеза, которой придерживался и Аполлоний, о двух рукавах реки Истр, один из которых впадал в Черное море, а другой — в Адриатическое: пройдя этим путем, аргонаты начали свою «одиссею» по землям Запада (Apoll. Rhod. IV. 285-290). Однако многие древние авторы сомневались в данной схеме (см. Diod. IV.56.3: οὐκ ὀλίγοι γὰρ τῶν τε ἀρχαίων συγγραφέων καὶ τῶν μεταγενεστέρων ... φασί), предлагая иную, более, по их мнению, реалистичную. Наиболее полно данная версия представлена в труде старшего современника Аполлония Родосского, Тимея из Тавромения.

Тимей написал несколько сочинений, важнейшее из которых — «История» (Ἱταλικά καὶ Σικελικά) в 38 книгах (Suda. s.v. Τίμαιος), — судя по объему и сохранившимся фрагментам, подробная и обстоятельная история с мифологических времен до 264 г. до н.э. При этом исторический подход Тимея, выходца из сицилийского города Тавромения, был обусловлен его патриотизмом: он сопоставлял историю Великой Греции с историей Эллады, всячески подчеркивая важность истории данного региона для греческого мира в целом (Polyb. XII, 26b, 4-5)². Поэтому можно не сомневаться, что он уделил значительное внимание эпосе аргонатов в родном ему регионе. Итак, из Понта аргонаты, поднявшись по реке Танаису до ее истоков, перетащили корабль к реке, текущей в Океан (омывавший, по представлениям древних, снаружи Ойкумену). Выйдя в Океан, они, следуя вдоль внешнего берега Ойкумены (обитаемого мира), возвращаются в Средиземноморье через Геракловы Столпы, и далее следуют вдоль побережья Иберии, Галлии, Этрурии (см. Diod. IV. 3-4; V. 20.1-2). Диодор, цитируя Тимея, представляет несколько мифологических «доказательств» появле-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-01-00016а.

ния аргонавтов на берегах Галлии и Этрурии, однако, к сожалению, опускает фрагмент об аргонавтах в Великой Греции (о наличии которого, учитывая исторический патриотизм Тимея, можно предполагать с большой долей уверенности), переходя сразу к прибытию их в Ливию. Однако данный сюжет достаточно подробно сохранился у Аполлония Родосского, опиравшегося, по всей видимости, на труды по мифологической истории региона, составленные в полисах Великой Греции³.

Центральным сюжетом плавания аргонавтов в данном регионе был их проход через Мессинский пролив, благодаря чему в поэме оказалась представлена мифологическая карта побережья Сицилии и Южной Италии: ведомые богиней Фетидой и посланными ею Нереидами, аргонавты благополучно преодолевают Сциллу, Харибду и Планкты, далее проплыв мимо горы — кузницы Гефеста и лугов Гелиоса, на которых паслись его стада, они направились к острову феаков (IV. 914-975).

Остановимся прежде всего на входе в Пролив. Герои должны были пройти между двумя стоящими в море утесами, на одном из которых жила чудовище Сцилла, а на другом — чудовище Харибда. Харибда, дочь Посейдона, трижды в день всасывала в себя огромное количество воды, а потом выпускала ее обратно. Сцилла представляла собой чудовище с шестью собачьими головами и двенадцатью ногами. Своими головами Сцилла ловила моряков и поедала их (Hom. Od. XII.73-126; 222-259; Apollod. Epit. VII. 20-22).

Причины появления данных образов — географические в широком смысле. В данном мифе отражены трудности природного характера, связанные с освоением данного региона. Для сравнения рассмотрим описание Пролива Павсанием (V. 25.2-4), созданное уже в те времена, когда данный регион являлся прекрасно известной частью Великой Греции, а берега Пролива были густо заселены эллинами: «Море в этом проливе является самым бурным, чем в каком бы то ни было другом месте моря. Ветры поднимают здесь сильное волнение, гоня волны с двух сторон: из Адриатики и из так называемого Тирренского моря; даже когда не бывает ветра, даже тогда пролив сам по себе находится в сильнейшем волнении и образует опасные обратные течения; и столько кишит в нем морских чудовищ, что сам воздух над этим морем наполнен зловонием, исходящим от этих диких животных, так что для потерпевшего крушение нет никакого спасения или надежды уйти целым из этого пролива, и если бы Одиссею пришлось здесь потерять свой корабль, едва ли можно было бы поверить, что он живым достиг Италии, хотя милость богов делает все легким». Как видим, даже в эту цивилизованную эпоху имеющиеся объективные природно-климатические сложности мореплавания в Проливе, прекрасно осознаваемые греками, все равно поддерживали живучесть мифов о морских чудовищах, живущих в водах Пролива. Эти мифы, являвшиеся рецепцией легенды о Сцилле и Харибде, отражают определенные природно-географические реалии.

Страбон, описывая побережье Южной Италии, сообщает о Σκύλλαϊον — «высокой скале в виде полуострова с низким и с двух сторон доступным перешейком». Как следует из дальнейшего текста Страбона, этот Скиллей находится практически у входа в Пролив, и если на этой скале соорудить укрепления, то можно полностью контролировать вход и выход из Пролива. Именно этим

расположением Скиллея воспользовался тиран Регия Анаксилай в начале V в. до н.э., построив на перешейке якорную стоянку, чем воспрепятствовал проходу этрусков через Пролив (Strabo.VI.1.5). И в наше время этот небольшой полуостров у входа в Пролив сохранил свое название — Scilla (Шилла), а мощная средневековая крепость на вершине скалы свидетельствует о стратегическом положении этого полуострова в районе Пролива, не утеревшем своего значения и в Средние Века. По всей видимости, этот Σκύλλαιον и есть тот утес, на котором жила мифическая Сцилла (Σκύλλη). Об осознании этого факта еще в древности свидетельствует само название скалы.

Другое чудовище, Харибда, проживала у противоположного утеса, т.е. у мыса Пелориада на сицилийском побережье (ср. у Страбона: «На небольшом расстоянии перед городом [Мессаной] в Проливе показывают Харибду — страшную пучину, в которую обратные течения Пролива легко увлекают опрокинутые корабли...», — VI. 2.3). Фактически, Харибду можно и сегодня наблюдать, у мыса ди Фаро (древней Пелориады). В этом месте сталкиваются воды более теплого Тирренского моря и более холодного Ионического; кроме того, эти моря имеют разный уровень: уровень Ионического моря ниже, а Тирренского выше. Каждые 6 часов чередуются приливы и отливы. Прилив идет из Ионического моря в Тирренское, отлив — из Тирренского в Ионическое. Чередование этих приливов и отливов образует сильное течение и водовороты, особенно сильные в районе мыса, самом узком месте Пролива (3 км.), которые могли представлять вполне серьезную угрозу небольшим греческим кораблям. Кроме того, это сильное течение выбрасывает на берег много глубоководных рыб и растений, что также могло быть основой для легенд о морских чудовищах, которые мы наблюдаем, например, у Павсания.

Что касается Планктов, то их существование также базируется на очевидных географических факторах, рассмотренных выше. Однако в греческой традиции Планкты в Мессинском проливе, в отличие от Симплегад, фигурируют достаточно редко, и источником представлений о них, а также о прохождении аргонавтов через них, является «Одиссея» Гомера (XII.55-106):

«После, когда вы минуете остров сирен смертоносный
Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя Планкты дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчаться ...
Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Ээта, прославленный Арго ...
После ты две повстречаешь скалы ...»

Как мы видим, гомеровская мифологическая география несколько отличается от описания Аполлония: автор «Аргонавтики» поместил Планкты после Сциллы и Харибды (IV. 915-917: «Здесь внезапно Скиллы скала из моря явилась; / Здесь же все время ревела, водой изливаясь, Харибда; / Дальше из-под волны рокотали Планкты...»), в то время как у Гомера сказано, что Планкты находились перед Сциллой и Харибдой, у самого входа в Пролив, когда судно плывет со стороны острова сирен (т.е. Тирренского моря). Если посмотреть на карту, то наиболее обоснованным будет отождествить Планкты с мысами Ке-

ний (Южная Италия) и Пелориада (Сицилия), образующими вход в Пролив, что и соответствует мифолого-географическому описанию Аполлония (точнее, его источника). У Гомера же мы находим неожиданное подтверждение подобному отождествлению: с Планктами связана Амфитрита, nereida (дочь Нерей) и жена Посейдона. У Аполлония аргонавтов через Планкты по просьбе Геры проводит другая nereida, Фетида. Возможно, появление Фетиды обусловлено романтическими причинами, более актуальными для литературного произведения — среди аргонавтов был ее супруг, Пелей, которому Фетида явилась, оставаясь невидимой для всех остальных аргонавтов (IV. 842-845). Была ли эта «замена» инициативой самого Аполлония, либо его источника — точно сказать невозможно, однако не исключено, что в ранних версиях мифа могла фигурировать именно Амфитрита. Следы культа Амфитриты и ее супруга Посейдона (вместе с которым она обычно почиталась) фигурируют у Планкт⁴. Как сообщает Страбон (VI. 1.5), поблизости от мыса Кений жители Регия основали святилище Посейдона, соорудив так называемый «Столб регийцев» (στύλις Ῥηγίωνων) — небольшую башню на берегу Пролива (III. 5.5; VI.2.1; 2.3; Mela. II.68). Этот культ на берегах Пролива имеет чисто халкидское происхождение, появление его относится к самым ранним временам колонизации, и основан он, вероятно, по аналогии с культом Посейдона, расположенном на юге Эвбеи.⁵ Халкидянами этот культ был перенесен и на сицилийский берег: Диодор (IV.85.5) сообщает местную версию мифа об Орионе, сыне Посейдона, согласно которой герой Орион насыпал мыс Пелориада и основал на нем святилище (τέμενος) Посейдона. По словам Диодора, это святилище было особо почитаемо местными жителями, и значимость этого культа в Мессане подтверждают изображения Посейдона и его трезубца на монетах Мессаны третьей четверти IV в. до н.э. (338-318 гг.)⁶. Солин (V.12) называет это святилище Mons Neptunus, что говорит о том, что само святилище располагалось на возвышенности, доминирующей над Проливом. В целом, можно предположить, что и святилище у мыса Пелориада, и святилище у мыса Кений играли роль ориентиров или маяков при судоходстве в Проливе.

Но вернемся к тексту Аполлония. Сразу после Планкт аргонавты увидели гору, внутри которой находилась сильно чадившая кузница Гефеста (IV. 918-922), а в дальнейшем сам Гефест следил с вершины этой горы за тем, как Арго с помощью nereid преодолевал Планкты (IV. 950-952). Речь идет безусловно об Этне, вулканическая деятельность которой в традиции отождествлялась с кузницей Гефеста: уже для Пиндара в первой половине V в. до н.э. это совершенно очевидно (Pyth. I.25). Мифологическая история Гефеста на Сицилии практически не сохранилась, хотя она явно существовала: так, в одном из произведений Симонида, современника Пиндара, упоминается о том, что нимфа Этна была арбитром в споре Гефеста и Деметры, «соперничавших из-за земли» (apud Schol. Theoc. I.65). Как известно, Деметра почиталась южнее Этны, в Сиракузах и Катане (Diod. XI.26.7)⁷, поэтому результат этого «арбитража», не сохранившийся в кратком фрагменте схолий, вполне определим: Гефесту досталась Этна и прилегающие территории, а Деметре — земли южнее.

На склонах Этны находилось почитаемое святилище Гефеста, где располагался храм, росло священное дерево и горел священный неугасимых огонь

(Aelian. *Natur. anim.* XI.3). По всей видимости, именно здесь и функционировал оракул Гефеста, о котором сообщает Иоанн Лид (*De mens.* IV.54. p.95).

Миновав Планкты и проплыв мимо Этны, аргонавты увидели на сицилийском берегу «пастбище коров Гелиоса», на котором паслись его знаменитые стада (IV.959-972). Подробное описание стад коров и овец Гелиоса, которые пасли его дочери Лампетия и Фаэтуса, позаимствовано из «Одиссеи» Гомера (XII. 127-133). Однако упоминание конкретного топографического пункта — «пастбища коров Гелиоса», является оригинальным. На восточном побережье Сицилии культ Гелиоса отмечен в Сиракузах (Plut. *Dio.* 27.2; 28.3; 50), однако это достаточно далеко от зоны Пролива, миновав который аргонавты, как мы увидим далее, двинулись вдоль побережья Южной Италии, не достигнув, по всей видимости, района Сиракуз. Поэтому «пастбище коров Гелиоса» должно находиться на сицилийском берегу Пролива.

И действительно, у нас есть информация о подобном культе в данном районе, недалеко от Занклы-Мессаны. В 493 г. до н.э. Занклу при помощи тирана Регия Анаксилая захватил отряд переселенцев из Самоса⁸. Обосновавшись в полисе, самосцы стали чеканить собственную монету, на аверсе которой был изображен скальп льва — типичный для Самоса символ культа Гелиоса, из чего можно заключить, что самосцы ввели в Занкле свой традиционный культ Гелиоса. Но вскоре, в 488 г. до н.э. Занклу при помощи все того же Анаксилая захватили мессенцы, и больше мы не имеем никаких сведений о культе Гелиоса в Занкле (переименованной в Мессану). По всей вероятности, этот культ, как привнесенный захватчиками, был удален из полиса. Однако он сохранился: как сообщает Аппиан (B.C. V.109), существовала легенда, что в районе, где в описываемую им эпоху находился храм Артемиды⁹, в свое время паслись знаменитые быки Гелиоса. Учитывая подобную, довольно точную локализацию, можно предположить, что святилище Гелиоса, т.е. то самое «пастбище коров Гелиоса», располагалось между Милами и Тиндари, небольшими городками на берегу Тирренского моря, недалеко от Мессаны. Но все дело в том, что данное святилище находилось не на восточном побережье Сицилии, где расположены берега Мессенского пролива, а на северном. Подобная путаница связана с широким использованием Аполлонием «Одиссеи» Гомера, что естественно, поскольку пути аргонавтов и Одиссея в этом регионе полностью совпадали. Согласно Гомеру, быки Гелиоса паслись на широких равнинах Сицилии, и спутники Одиссея увидели их после того, как миновали Сциллу и Харибду (XII.260-266), поэтому Аполлоний и включил в текст своего повествования фрагмент об этих быках, хотя сюжетно это никак не оправдано¹⁰. Вместе с тем, Аполлоний упомянул и конкретный топографический пункт, «пастбище коров Гелиоса», позаимствованный им уже из другого источника — труда по истории и географии региона, в котором содержалось описание не только берегов Пролива, но и как минимум северного побережья острова.

Другим примером использования Аполлонием описания северного побережья Сицилии является сюжет о Буте: один из аргонавтов, Бут, сын Талеонта, не смог противостоять пенью сирен, и бросился в воду; однако его пожалела Афродита, властвовавшая в Эриксе, вызволила его из волн и поселила на мысу Лилибее (Apoll. *Rhod.* IV. 905-913; практически так же этот сюжет изложен и

Аполлодором, — I.9.25). Очевидно, здесь имеется в виду знаменитое святилище Афродиты в Эриксе, городе элимов на северо-западе Сицилии (Arist. apud Athen. IX.394f; Polyb. I.55; Paus.VIII. 24.6; др.). Диодор, позаимствовавший этот сюжет у Тимея¹¹, следовавшего сицилийской традиции, рассказывает, что Бут был знаменитым местным царем и супругом Афродиты, которая родила от него Эрикса, основавшего город своего имени и святилище Афродиты (IV. 83.1). Очевидно, произошло обычное для эллинской мифологической традиции смешение на основе схожести имен, и местный герой Бут был идентифицирован с аргонавтом Бутом. Подобная идентификация восходит, скорее всего, к трудам первых сицилийских историков, и к Аполлонию Родосскому дошла уже в форме сложившегося романтического мифа. Географически же культ Афродиты и, вероятно, местного героя Бута в Эриксе представлял собой одну из основных достопримечательностей северо-западной Сицилии: Эрикс располагался не на мысу Лилибее, широко известной крайней западной оконечности Сицилии, а был основан севернее, невдалеке от побережья, так что Лилибей играл роль географической «привязки» к местности для источника Аполлония.

Сразу после рассказа о быках Гелиоса, пасшихся на лугах Сицилии, Аполлоний переходит к описанию острова феаков, куда пристали аргонавты. Поэт именует его Дрепаной — мифологическим названием острова Керкира, и дает географическое описание острова Керкиры (перед Ионийским проливом, в Керавнийском море, — IV. 976-977; 985-987). Вообще, обычно считается, что именно остров Керкира является островом феаков, где правил мудрый царь Алкиной. Эта традиция восходит главным образом к Фукидиду, который утверждает, что на Керкире когда-то обитали знаменитые мореходы феаки (поэтому и у керкирян был столь мощный флот), а на острове находилось святилище Алкиноя. (I. 25.4; III. 70.4-5).

Однако вполне вероятно, что у Фукидида представлена версия, опирающаяся на местную, собственно керкирскую традицию, видимо, связанную со святилищем Алкиноя, а подобная традиция зачастую может являться лишь региональной версией того или иного сюжета, — ср., например, аргументы спора 7 полисов о праве считаться родиной Гомера, либо многочисленные региональные трактовки мифов, собранные в «Описании Эллады» Павсания.

Подтверждением подобной трактовки мы находим при изучении описания земли феаков в «Одиссее» Гомера, наиболее ранней версии данного мифа. По нашему мнению, следует согласиться с гипотезой А. Вольфа, убедительно доказывающего, что описанная в «Одиссее» земля феаков — это не остров, а побережье Калабрии¹². Не будем здесь перечислять все аргументы исследователя, отметим лишь основное: этимология древнего названия острова феаков, Σχερία, восходит к σχερός — «континент, материк», что явно противоречит его описанию как острова. Этому противоречит и рассказ о Схерии в «Одиссее», где земля феаков описана подробно, с историческим экскурсом, но ни слова не сказано о том, что это остров.

Что касается описания острова феаков в «Аргонавтике», то здесь безусловно сыграла свою роль уже сложившаяся литературная традиция, восходящая к тому же Фукидиду. Однако сам миф об аргонавтах значительно древнее (см. Нег. I.2), естественно, перекликается с гомеровской традицией (ср., например,

практически совпадающее описание стад Гелиоса и его дочерей, пасущих эти стада), и вполне вероятно, что в ранней версии мифа аргонавты посещали именно Схерию (о том, что Схерия — это древнее название Дрепаны см. Schol. Homer. Od. V.34; Hellanic. FGrH.4. Fr. 76; Steph. Byz. s.v. Δρεπάνη), т.е. побережье Калабрии. Подобная остановка совершенно обоснована географически, поскольку после прохождения Мессенского пролива путь к Греции для древних (да и современных) кораблей идет вдоль побережья Калабрии.

Описывая Дрепану, Аполлоний вскользь упоминает две версии, обосновавшие этимологию названия острова феаков в «Аргонавтике»: под островом скрыт серп (δρεπάνη — греч. серп), которым Кронос кастрировал своего отца Урана, либо которым Деметра научила титанов срезать спелые колосья (IV.976-986). Обе конкурирующие версии достаточно широко представлены в античной традиции: о серпе Кроноса и, как следствие, о происхождении феаков от крови Урана, пишут Алкей (fr.116), Акусилай (FGrH.2. Fr.3), Тимей (FGrH.566. Fr.79), в то время как версия о серпе Деметры освящена авторитетом Аристотеля, который в своей «Керкирской политике» явно излагает версию самих керкирян (apud Schol. Apoll. Rhod. IV.982/92g). Параллельно с этой дискуссией формируется традиция, что Дрепана — это не только остров Керкира, но и определенная местность на Сицилии (Steph. Byz. s.v. Δρεπάνη; Tzetz apud Schol. Lycophr. 869; вероятно, Tim. FGrH.566. Fr.79¹³). И действительно, на Сицилии есть местность, тесно связанная с мифом о серпе Кроноса — Занкла-Мессана.

Само название «Занкла» происходит от местного, сикульского слова ζάγκλον, означающего «серп», которое данное поселение получило из-за серповидной формы косы, образующей городскую гавань (Thuc. VI.4.5; Strabo. VI.2.3). Вероятно, с этим были связаны какие-то местные легенды (у Диодора сохранилась небольшая информация о Занкле, царе города, по имени которого он и был назван; именно его правлению местная легенда приписывает сооружение серпообразной насыпи и порта города, — IV.85.1), но сохранилось лишь осмысление этого названия греками: они полагали, что серповидная коса — это зарытый в этом районе серп, которым Кронос кастрировал своего отца Урана (Hecataeus apud Steph. Byz. Ζάγκλη). Очевидно, что именно эта местность могла идентифицироваться с Дрепаной (ср. прямое указание на это автора II в. до н.э. Никандра Колофонского, написавшего поэму «Сицилия», — apud Steph. Byz. Ζάγκλη), что нашло отражение в местной топонимике. У Плиния мы находим упоминание о мысе Drepanum, расположенном рядом с Мессиной (N.H.III.88). В данном случае речь не идет о мысе Пелориада, который Плиний также упоминает (III.91), поэтому вполне вероятно, что так именовалась собственно коса, образующая гавань Мессины. Не исключено, что данный пункт также фигурировал в ранней версии мифа, но впоследствии слился с функционально аналогичным древним названием Керкиры.

В заключении следует отметить, что история аргонавтов была довольно распространена в регионе Великой Греции. Различные эпизоды этого мифа представлены в произведениях искусства данного региона, и прежде всего на знаменитых краснофигурных кратерах V–IV вв. до н.э. из Южной Италии¹⁴. Более того, данные сюжеты были столь распространены среди населения греческих

полисов Италии, что уже во второй половине VII в. до н.э. частично были восприняты этрусками¹⁵. Не обошел своим вниманием столь популярные сюжеты и один из крупнейших греческих лириков, творивший на рубеже VII/VI вв. до н.э. на Сицилии (в Гимере) — Стесихор: нам известна его поэма, посвященная погребальным играм по Пелию, от которой, к сожалению, сохранились лишь незначительные фрагменты.¹⁶ Подобная популярность мифа обусловила его разработку в трудах местных авторов по истории и географии региона, которые (один или несколько) были широко использованы при создании «Аргонавтики» Аполлонием Родосским.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее об Аполлонии и его труде см.: *Чистякова Н.А.* Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М., 2001. С.142-172
2. Подробнее см. *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н.э. СПб., 2004. С.10-13.
3. Об этих трудах см. *Высокий.* История Сицилии в архаическую эпоху. С.6-13.
4. Амфитрита в традиции была тесно связана с районом Пролива: согласно мифу, сохранившемуся у Цеца (Schol. Lycogr. 50), Посейдон вступил в связь со Сциллой, дочь Фортия; узнавшая об этом Амфитрита в гневе превратила Сциллу в чудовище с шестью собачьими головами и двенадцатью ногами, подбросив в водоем, где она купалась, волшебной травы. Поэтому мифологическая локализация в одном районе Амфитриты, Сциллы и Посейдона кажется отнюдь не случайной.
5. *Camassa G.* Per una storia dei culti nell'area dello Stretto // Nel cuore del Mediterraneo antico. Reggio, Messina e le colonie calcidesi dell'area dello Stretto. Messina, 2000. P.92.
6. Miti e culti dello Stretto nelle Monete Antiche (fine VI — inizi III sec. a.C.). Messina, 1999. P.31.
7. Подробнее о культе Деметры и Керы на Сицилии см.: *Высокий.* История Сицилии в архаическую эпоху. С.254-256.
8. Подробнее о захвате Занклы самосцами и о монетном деле самосцев в Занкле см.: *Высокий.* История Сицилии в архаическую эпоху. С.288-291; 301-302.
9. О святилище Артемиды Фацелины и его локализации на хоре Мессаны см.: *Высокий М.Ф.* Греческие мифы и культы региона Мессинского пролива // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С.30-31.
10. В «Аргонавтике» появление этих стад не несет никакой смысловой нагрузки, являясь лишь описанием проплывающего за бортом Арго пейзажа, в то время как в «Одиссее» появление быков Гелиоса очень важно: спутники Одиссея, причалив к берегу, из-за голода убивают одного из этих быков, за что впоследствии их корабль был разбит Зевсом (XII.352-388).
11. *Meister K.* Die Sizilische Geschichte bei Diodor von den anfangen bis zum Tod des Agathokles. Munchen, 1967. S.27.
12. *Wolf A.* Odysseus im Phaiakenland — Homer in der Magna Graecia // “Troianer sind wir gewesen” — Migrationen in der antiken Welt. Stuttgart. 2006. S.5-24. Автор даже определяет примерное расположение территории феаков: это земли в районе античного Скиллетиона, между Каулонией и Кротонем.
13. В очень кратком фрагменте Тимея, сохранившемся в Схолиях к Аполлонию Родосскому, сказано лишь, что в Дрепане во времена Урана или Кроноса был спрятан половой орган. Учитывая то внимание, которое Тимей уделял сицилийским

реалиям, вполне можно предположить, что он не оставил без внимания сицилийскую версию о серпе Кронаса.

14. *J. de la Geniere, P.Zancani Montuoro. L'epos Greco in Occidente: problemi iconografici // L'epos Greco in Occidente. Atti del XIX Convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 1980. P.65-67; 72.*
15. Так, в при раскопках могильника в Черветери (Центральная Италия) в захоронении была найден фрагмент вазы, датируемой ок. 630 г. до н.э., на котором была изображена Медея, что подтверждает соответствующая подпись, а также представлена этруская надпись, — см. *Smith C.J. Medea in Italy: barter and exchange in the archaic Mediterranean // Ancient Greeks. West and East. Brill, 1999. P.197-202.*
16. *Стесихор. Фрагменты / Пер. Н.Н. Казанского // ВДИ. 1985. № 4. С.225.*

«ARGONAUTICA» BY APOLLONIUS RHODIUS AND GREAT GREECE

M.F. Vysokji

The region of Great Greece (Sicily and Southern Italy), being a colonial zone mostly developed by Greeks of Hellenic Oykumen, was «the most populous» from the point of view of the Greek mythology. The cycle about adventures of Argonauts which was popular in antiquity is not the exception. This myth reflects the hardship of a natural character connected with the development of the given region.

© 2008

О.Л. Габелко, Е.Г. Тейтельбаум

ВЗГЛЯДЫ ПОЛИБИЯ НА РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ*

Непреходящее значение труда Полибия для изучения истории эллинизма состоит не только в том, что этот историк (прямо или через посредство своих последователей Диодора, Тита Ливия, Аппиана) сообщает нам большую часть фактической информации о взаимоотношениях эллинистических государств между собой и с Римом в конце III — сер. II в. (здесь и далее все даты — до н.э.). Свидетельства Полибия особенно важны тем, что они передают взгляды современника — представителя политической и интеллектуальной элиты тогдашнего греческого мира — на происходившие в Средиземноморье грандиозные события. Мы, вероятно, вправе ожидать, что адекватным господствующим в указан-

* Авторы выражают глубокую благодарность профессору Луису Бальестерос-Пастору (Севиля), снабдившему их недоступным в России ценным историографическим материалом, необходимыми для написания данной статьи.

ных кругах общества воззрениям окажется и восприятие Полибием тех или иных аспектов религиозной жизни современного ему общества.

Что касается отношения древнегреческого историка к религии, то в историографии существуют две основные точки зрения на этот вопрос. Согласно первому мнению, он верил в способность богов влиять на дела людей, но для него боги — это всего лишь некий символ. Таково, например, мнение П. Педека и М. Балаша. Согласно П. Педеку, Полибий верил во вмешательство богов в дела этого мира, но для него боги являются всего лишь воплощением некой высшей божественной силы¹. М. Балаш — сторонник теории о так называемой интеллектуальной религиозности Полибия². Атеистом Полибия М. Балаш однозначно не считает, подчеркивая, тем не менее, его отрицательное отношение к безбожию и нечестию. Исследователь определяет греческого историка как сторонника религиозного символизма: не веря в традиционных олимпийских богов, он тоже признавал существование высшей божественной силы³.

Согласно второй точке зрения, в мировоззрении Полибия вообще отсутствует непосредственный аспект религиозности, т.е. вера в некие высшие сверхъестественные силы; вместе с тем, для Полибия религия — это неотъемлемая часть политических и культурных учреждений. Этой точки зрения придерживаются К. Родригес⁴ и А. Альварес-и-Миранда⁵. Статья второго из них носит несколько вызывающее название «Нерелигиозность Полибия», что именно и вызвало полемику со стороны М. Балаша (как это видно уже из сопоставления названий работы этих исследователей). По мнению К. Родригеса, Полибий не верил в божественное влияние на происходящее в мире. Даже если греческий историк и использовал религиозную фразеологию при оценке тех или иных личностей или событий, то все равно главным критерием для отношения к ним у Полибия была политическая выгода. По наблюдению А. Альвареса-и-Миранды, при оценке религиозных преступлений историк использовал ту же терминологию, что и для гражданских преступлений⁶. Подобной точки зрения придерживается и А. Ван Хооф⁷.

В нашей статье мы не собираемся обстоятельно исследовать религиозные взгляды древнегреческого историка и его отношение к религии — это, безусловно, тема специальной работы, причем, как показывает краткий историографический обзор, однозначные выводы по этому вопросу вряд ли возможны. Тема данной работы значительно уже: постараться определить отношение нашего автора к случаям святотатства — нарушениям общепринятых религиозных и моральных норм, допускаемым в адрес храмов и святилищ во время многочисленных военных конфликтов римско-эллинистического мира (а также и в мирное время, но предпринимаемым в ходе насильственных акций). Конечно, те или иные аспекты религиозных воззрений Полибия так или иначе будут затронуты в ходе проводимого анализа, но рассматривать их предполагается в тесной связи с проявлениями политических симпатий и антипатий историка, чего в перечисленных выше работах сделано не было. Кроме того, следует выяснить, какими же мотивами руководствовались осуждаемые им за кощунство политики и полководцы, предпринимая априорно обреченные на всеобщее осуждение акции, и насколько Полибий смог (или не смог — а, быть может, не захотел?) дать их поступкам реальное истолкование.

Несмотря на очевидную перспективность данного сюжета, специальных обращений к нему в историографии, насколько нам известно, не существует. Наиболее яркие эпизоды кощунственного поведения политиков эллинистического мира по отношению к религиозным святыням глубоко проанализированы Ф.В. Уолбэнком в его монументальном комментарии к сочинению Полибия, однако полученные данные не были им обобщены — чего, впрочем, и не требовал характер его исследования. Отдельные аспекты проблемы были рассмотрены в уже упоминавшейся работе А. Альвареса-и-Миранда, но его выводы носят частный характер, поскольку основаны на анализе далеко не всех содержащихся во «Всеобщей истории» показательных примеров и не со всеми из них можно согласиться (что отчасти предопределено всей системой взглядов испанского историка). Наконец, отдельные немаловажные замечания содержатся и в ряде других исследований, посвященных творчеству Полибия или политической истории эллинизма, хотя о создании целостной картины и здесь говорить не приходится.

Начать, очевидно, следует с анализа применяемой историком терминологии. Именно Полибию принадлежит довольно четкое определение разного рода преступлений, связанных преимущественно со сферой межгосударственных отношений: «... Нечестие (ἀσέβημα) — грех против богов, родителей или умерших, вероломство (παρασπίδημα) — нарушение клятвы и писаного договора, насилие (ἀδίκημα) — деяние, противное законам и обычаям» (XXXVII. 1. 15) (здесь и далее — пер. Ф.Г. Мищенко) (отметим, что эти слова часто приводятся вместе). По мнению Ф.В. Уолбэнка, первая категория перечисленных деяний является наиболее серьезной, вместе с тем, он отмечает, что часто понятия асебейя/асебема используются историком в расширительном смысле, относясь главным образом к массовым и жестоким убийствам (см. II. 56. 15; 58. 7; VII. 13. 6, где умерщвление сограждан квалифицируется как μέγιστον ἀσέβημα⁸. А. Мауэрсбергер на этом основании справедливо разделяет употребление данных терминов в «сакральном» и «профанном» значениях⁹; очевидно, для нас представляет наибольший интерес употребление этих слов в первом контексте. Нельзя игнорировать, разумеется, и изложение событий, обозначаемых нами как «религиозные преступления» (то есть прежде всего разграбление и разрушение храмов в ходе различных военных конфликтов), но описанных Полибием в иных выражениях.

В историографии давно отмечалось, что в III—II вв. количество случаев подобных проявлений святотатства значительно увеличивается¹⁰. Очевидно, причину этого следует искать не только в возрастании количества войн, их масштабов и жестокости, но и в определенной эволюции нравственно-религиозного сознания греков, выражающейся в падении традиционной религиозности, утрате веры в старых олимпийских богов и все большем использовании религии в своекорыстных политических целях¹¹. Как самое яркое (даже несколько утрированное) проявление этих тенденций может расцениваться деятельность наварха Филиппа V Дикеарха, который во время экспедиции к Кикладам и на Геллеспонт «всюду на местах корабельной стоянки... сооружал по два жертвенника, один Нечестия (᾽Ασεβείας), другой Беззакония (Παρανομίας), возжигал на них жертвы и чествовал их как истинные божества» (XVIII. 54. 8—10). Рас-

ширение подобной практики, вне всякого сомнения, должно было вызвать определенную реакцию во взглядах Полибия. Об этом свидетельствует хотя бы описание историком эпизодов кощунства в сходных устойчивых выражениях, что позволяет выделить в трактовке им соответствующих событий определенную схему.

Но сначала следует перечислить все наиболее вопиющие примеры религиозных преступлений эпохи эллинизма, упомянутые в сохранившейся части «Всеобщей истории». Это (в хронологическом порядке): 1) ограбление этолийцем Тимеем святилища Посейдона в Тенаре и святилища Артемиды в Лусах в 244 г. (IX. 34. 9); 2) расхищение этолийцем Фариком святыни Геры в Аргосе (IX. 34. 10) в 244 г. или во время Деметриевой войны; 3) разорение этолийцем Поликратом святыни Посейдона в Мантинее (IX. 34. 11), случившееся между 229 и 224 гг.; 4) действия этолийцев в Аркадии в ходе Союзнической войны (IV. 18. 9–12); 5) разграбление ими же святилищ в Дионе (219 г.) (IV. 62. 1–5) и 3) Додоне на следующий год (IV. 67. 3–4); 6) разорение Ферма Филиппом V в том же году (V. 8–12; VII. 14. 3); 7) повторные его бесчинства в Ферме в 207 г. (XI. 7. 2); 8) разрушение Филиппом Никефориона и других храмов под Пергамом в 201 г. (XVI. 1. 6) и 9) храма Афродиты в ходе той же кампании (XVIII. 2. 2; 6. 4); 10) попытка Антиоха IV ограбить святилище Артемиды в Элимаиде в 164 г. (XXXI. 11); 9) бесчинства вифинского царя Прусия II в округе Пергама в отношении храмов Афины Никефорос и Асклепия (XXXII. 27. 1–4) и 10) в Эолии в 156–155 гг. — разорение святилища Артемиды в Гиеракоме и Аполлона Киннейского возле Темна (XXXII. 27. 11–12). Ограбление дельфийского храма фокидскими тиранами Ономархом и Филомелом относится к 356–355 гг. (IX. 33. 4), и этот случай, таким образом, выходит за обозначенные нами временные рамки.

Кроме того, в «Римской истории от основания города» Тита Ливия упоминаются два эпизода святотатства, совершенных Филиппом V во время Второй Македонской войны. Это, во-первых, сожжение святилища Геракла в Киносарге и Аполлона Ликейского в предместьях Афин (XXXI. 24. 17–18). Второй пример подобного рода — это разрушение большого числа храмов в Аттике в том же походе (XXXI. 26. 10–12). Скорее всего, эти эпизоды римским историком заимствованы из «Всеобщей истории» Полибия¹². Наконец, Иосиф Флавий (С. Ар. II. 84) упоминает про рассказ греческого историка о разграблении Антиохом IV Иерусалимского храма, а в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского содержится сообщение о том, что Антиох III Великий погиб, пытаясь ограбить храм Бела в Вавилонии (XXVIII. 3¹³; XXIX. 15; ср. Starbo. XVI. 1. 18). Вероятно, и это повествование восходит к Полибию¹⁴.

Таким образом, греческий историк перечисляет 6 святотатств, совершенных Филиппом, 6 — этолийцами. Дважды два раза в подобных преступлениях у него упомянуты Прусий II и Антиох IV, по одному разу — Антиох III и Ономарх с Филомелом. Бесспорно, осуждая святотатства, греческий историк отражал общие представления своего времени¹⁵. Вместе с тем, нельзя не отметить определенную корреляцию между обвинениями в осквернении храмов и политическими антипатиями греческого историка: вряд ли случайным представляется тот факт, что 12 из 18 случаев святотатства приходится на 2 государства — Этолийский союз и Македонию (а если более конкретно, то на Филиппа V). Не вызывает

особого удивления подбор лиц и государств, фигурирующих в списке святотатцев: понятно, что Этолия, Македония, держава Селевкидов и Вифиния не являются теми субъектами международной политики III–II вв., которые пользуются симпатиями нашего историка. Особенно это относится к македонянам и этолийцам¹⁶.

Любопытно, однако, что Полибий лишь однажды (при перечислении этолийских кощунств в речи Ликиска) уподобляет религиозные преступления деяниям, характерным для варваров: этолийские стратеги Латтаб и Никострат, напав на беотийцев в мирное время и нарушив всенародный праздник, уподобились скифам и галатам — Σκυθῶν ἔργα καὶ Γαλατῶν ἐπιτελοῦντες (IX. 34. 11)¹⁷. Отметим, что в данном случае не идет речь о разрушении святынь. Очевидно, историк, хотя он и не чужд предубеждений в отношении негреков, уже считал асебейю явлением, имманентно присущим именно эллинскому миру. Тем не менее, один из народов удостаивается от историка сомнительной чести первенствовать по части кощунств: это, разумеется, именно этолийцы, которые, по мнению историка, целенаправленно ставили во главе своих походов «начальников, которые дерзали посягать даже на неприкосновенные святилища» — ἡγεμόνας... οἷους... οἱ γὰρ καὶ τοῖς ἀσύλοις ἱεροῖς ἐτόλμησαν προσάγειν τὰς χεῖρας (IX. 34. 8). Зная особо пристрастное Полибия к этому этносу, можно не сомневаться: он полагал, что склонность к святотатству у них «в крови». Во всех других случаях ответственность за кощунство носит не «национальный», а «персональный» характер.

Итак, описывая эти эпизоды, Полибий постоянно делает логический акцент на следующих моментах. 1) Он квалифицирует эти деяния как «войну не только с людьми, но и с богами» (οὐ μόνον τοῖς ἀνθρώποις ἀλλὰ καὶ τοῖς θεοῖς) применительно к этолийцам (IV. 62. 3; IX. 35. 6), Филиппу (XVI. 1. 2–3) и Прусию (XXXII. 27. 13), а также к упоминавшемуся выше Дикеарху (XVIII. 54. 10). 2) Он подчеркивает, что, предпринимая подобного рода действия, святотатец рассчитывал нанести урон противнику, но причиняет вред прежде всего себе самому (XVI. 1. 4). 3) Действия Филиппа и Прусии он уподобляет поведению безумцев (V. 11. 4; XXXII. 27. 9). 4) В связи с проявлениями святотатства Полибий затрагивает тему божественного гнева и возмездия (θεόπεμπτος μῆτις), говоря об Антиохе III (Diod. XXIX 15¹⁸ — ἐκ θεῶν ἔτυχε κολάσεως), Антиохе IV (XXXI. 11. 3–4) и Прусии II (XXXII. 27. 14); подобная же сентенция применительно к Филиппу (XXIII. 10. 1–4, 13) имеет все же более общее значение — македонский царь понес божественное наказание за свои грехи в целом. Все это позволяет заключить, что взгляды историка на религиозные преступления довольно систематичны, и составные части этой системы требуют целенаправленного рассмотрения. Нет сомнения в том, что в этой системе присутствуют и собственно религиозные установки, и элементы рационалистической критики, занимающее немаловажное место в Полибиевом труде; однако соотношение их видится нам иным, чем считает А. Альварес-и-Миранда, который отдает приоритет именно последним¹⁹: здесь, как представляется, необходимо учитывать и обстоятельства, связанные с политическими пристрастиями историка.

Вопрос о мотивах религиозных преступлений и их результатах решается Полибием однозначно: такие акции могут быть вызваны только умоисступлением,

злостью и яростью и неизбежно оборачиваются против того, кто их предпринял. Тем не менее, он признает в наиболее обширном пассаже, трактующем подобный эпизод (речь идет о бесчинствах Филиппа в Терме), и рациональный момент: святотатец надеется приобрести выгоду сам и ослабить силы противника (V. 11. 3–4).

В акциях подобного рода на поверхности, разумеется, лежат соображения чисто материального плана: святилища были источниками богатейшей добычи (судя по всему, именно эту цель в основном и преследовали этолийцы). Но в ряде случаев причины, побуждавшие тех или иных политиков эллинистического мира к покушению на храмы, носили гораздо более сложный характер, который наш источник обычно склонен игнорировать. Так, Полибий признает, что Филиппом двигало в первую очередь желание отомстить этолийцам за их злодеяния в Дионе и Додоне (V. 9. 2), но считает эти действия бесполезными и безрассудными. Однако действия македонского царя можно расценить и иначе. Эпиграмма, представляющая собой цитату из Еврипида и начертанная на стене одного из зданий в Ферме его приближенным Самом «Видишь ли ты, куда метнула божественная стрела?», которую македоняне начертали на стенах разрушенного храма (V. 9. 4), должна была представить в образе Зевса-мстителя самого Филиппа. Выпущенные примерно в то же время македонские монеты с изображением Зевса Додонского имели предназначение ознаменовать восстановление разрушенного этолийцами святилища²⁰. Все это позволяет заключить, что «акция возмездия», осуществленная македонским владыкой, отнюдь не была проявлением стихийной ярости, а являлась важным моментом в пропагандистской деятельности царя. Святотатество Филиппа не было тотальным: Полибий специально оговаривает, что македонянами не были разрушены посвящения богам и изображения божеств (IV. 9. 3). Кроме того, по мнению Ф. Уолбэнка, разрушением Ферма Филипп мог надеяться заставить противника принять угодные ему условия мира. Не вполне ясен вопрос с тем, кто из советников стоял за спиной молодого монарха, побуждая его к кощунству: Полибий обвиняет в этом Деметрия Фарского (V. 12. 5–7). В то же время, по мнению английского антиковеда, не менее веские причины ненавидеть этолийцев и желать разрушения их святилища имелись у Арата²¹ — но к этому политику Полибий испытывает симпатию (IV. 8. 1–5; V. 12. 7; VII. 13. 4), а потому о такой возможности вообще ничего не говорит. Наконец, не следует игнорировать и те экономические выгоды, которые получил македонский царь за счет разграбления Терма (равно как и экономический урон, понесенный его противником)²².

В этом случае греческий историк, очевидно, противопоставлял Филиппа V Александру Великому, который во время справедливой войны в Азию не осквернял храмы. Подобным образом он вел себя и после взятия мятежных Фив — весь город был разрушен, но храмы остались нетронутыми (V. 10. 5–8).

Вполне ясные цели преследовал Филипп и в ходе своей малоазийской экспедиции. Им были целенаправленно разрушены Никефорион (XVI. 1), место отправления династического культа Атталидов, а также не локализуемое точно святилище Афродиты (XVIII. 2. 2; 6. 4), о котором известно из эпиграфических источников, что оно было местом победы Аттала I над галатами²³. Здесь налицо стремление нанести максимальный урон престижу своего противника — на-

сколько циничный, настолько и логичный шаг в ходе военных действий.

В чем-то сходная ситуация прослеживается и с действиями Прусия II в 156–155 гг. Ни о каком «умопомрачении» вифинского царя при непредвзятом анализе источника говорить, пожалуй, не приходится. Во-первых, разрушение Прусием того же многострадального Nikephorionа вполне можно рассматривать в рамках своеобразной «династической преемственности» — ведь Филипп V, насколько нам известно, приходился Прусию двоюродным дедом. Кроме того, Nikephorion были преобразованы в особенно крупный фестиваль Эвменом II после победы над отцом нынешнего царя Вифинии в 183 г.²⁴, и потому нанесение урона храму, связанному с этим празднеством, Прусий II мог рассматривать как своеобразный идеологический «реванш». Во-вторых, святилище Асклепия, где Прусием производились жертвоприношения, не было им разрушено (в отличие от мнения многих специалистов — того же А. Альвареса-и-Миранда, например²⁵). Наш историк об этом ничего не говорит: он лишь сообщает, что вифинский царь вывез из Асклепийона статую бога, изготовленную известным скульптором Фиромахом (XXXII. 27. 4–5). Учитывая популярность Асклепия в Вифинии (существование названной в его честь филы в Никомедии²⁶ и тесные связи Косом, центром культа Асклепия, во второй половине III в.²⁷), можно не сомневаться в том, что эта скульптура была увезена в Вифинию — мера, конечно, не слишком щепетильная, но не укладывающаяся в рамки банального святотатства²⁸.

Вполне «политический» характер носили также действия Прусия, когда им были разрушены святилища Артемиды в Гиеракоме и Аполлона в округе Темноса (XXXII. 27. 12–13). Асияция по крайней мере первого из этих храмов, судя по всему, была провозглашена Атталидами (на это указывают эпиграфические материалы²⁹), и Прусий тем самым косвенно действовал против своего врага. Кроме того, эта акция была предпринята им в тот момент, когда малоазийское эллинство, первоначально державшееся в стороне от вифинско-пергамского конфликта, стало склоняться к поддержке Аттала II³⁰, и потому разрушение вифинским царем популярных среди греков святилищ тоже могло выглядеть как «акция возмездия».

Впрочем, в повествовании Полибия наряду с явным осуждением заметно и недоумение. Так, сообщает он, вначале Прусий совершал в святилище Асклепия великолепные жертвоприношения, которые дали благоприятные знамения. На следующий день после этого вифинский царь отдал своим войскам приказ разорить святилище, похитив статуи богов. Полибий не видит логики в действиях Прусия, задавая вопрос: зачем царь совершил святотатство, если еще за день до этого он так горячо молился в этом храме и даже получил благоприятные знамения (XXXII. 27. 7–9)³¹? Пожалуй, здесь рационалистический момент в описании историком событий действительно проявляется довольно отчетливо, а в действиях вифинского царя могли иметься какие-то мотивы чисто психологического свойства, выявить которые наши источники не позволяют³².

По мнению греческого историка, именно святотатство было причиной того, что вифинское войско на обратном пути страдало от голода и расстройства желудка. Полибий считал, что в данном случае гнев божества как бы следовал по пятам за армией Прусия (XXXII. 27. 12–14)³³.

Наконец, на насильственную реквизицию храмовых богатств (отметим — на собственной территории и в мирное время!) селевкидских царей Антиохов III и IV толкала крайняя нужда в деньгах. Помимо этого, Антиоху IV нужны были средства для проведения политики эвергетизма по отношению к греческим городам. К сожалению, до нас не дошел рассказ самого Полибия о гибели первого из них при попытке разграбить храм Бела, однако показательно, что Антиоха Великого вынудила к этому необходимость выплаты контрибуции римлянам (так что Г. Бенгтсон даже считает именно их косвенными виновниками смерти царя³⁴). В этом фрагменте Диодора (XXVIII. 3) говорится также о божественном мщении Филиппу V за всевозможные преступления, в том числе и осквернение храмов; примечательно, что рассказ о попытке Антиоха разграбить храм Бела начинается сразу после сентенции о Филиппе V. Что же касается Антиоха III, то в отношении его опять проводится мотив божественного наказания за нечестие (XXIX. 15)³⁵. Таким образом, для Полибия нечестие Филиппа и Антиоха имело закономерное последствие в виде политического крушения их государств и гибели для второго из них. Вместе с тем, представляется примечательным, что греческий историк не проводил параллели между судьбой отца и сына — Антиохов III и IV, что, казалось бы, напрашивается само собой (впрочем, возможно, что подобные пассажи до нас не дошли). Рассказ о наказании богов последнему из них за попытку разграбить храм в Элимаиде греческий историк сопровождает фразой ὡς ἔτιοι φασιν. Что же касается Антиоха IV, то его смерть безоговорочно расценивается как божественное воздаяние в иудейской традиции (Joseph. Ant. Iud. XII. 354–357; I Macc. VI. 1–17; II Macc. I. 13–17; IX. 1–29)³⁶.

Как ни удивительно, но во «Всеобщей истории» нет никаких конкретных эпизодов, повествующих об актах святотатства со стороны карфагенян и «варваров», хотя неприязненное отношение Полибия к этим народам представляется бесспорным³⁷. Но и тут, скорее всего, дело обстоит в слабой сохранности текста «Всеобщей истории». Помимо того, можно предположить, что для историка святотатство со стороны греков и других «культурных» народов представляло собой предел морального падения; к варварам же и карфагенянам он не предъявляет столь строгого спроса ввиду их изначальной, с его точки зрения, неполноценности.

Наконец, стоит отметить еще один (и, возможно, самый показательный) факт. Греческий историк ни разу не обвинял в святотатстве Рим или Ахейский союз. Это представляется вдвойне примечательным с учетом того, что он в отдельных случаях не был чужд критики римлян. Так, он осуждал их за незаконный захват Сардинии³⁸, непорядочное отношение к некоторым эллинистическим государствам³⁹, отмечая по мере приближения к концу своего труда некоторый упадок римских нравов⁴⁰. Но восприятие историком римлян как народа благочестивого и богобоязненного (III. 112. 8–9; VI. 56. 6–8), видимо, заведомо исключало возможные нелицеприятные оценки их действий, которые применительно к какому-либо другому народу наверняка квалифицировались бы как святотатство.

Так, говоря о взятии римлянами Сиракуз и отмечая большое количество захваченной добычи, Полибий не использовал ни одного термина, применяемого

им в тех случаях, когда он говорил о разграблении храмов этолийцами, Филиппом, вифинскими царями или Селевкидами. Вместо этого он пустился в пространственные рассуждения о том, какие богатства в захваченном городе допустимо присваивать победителю, а какие — нет (IX. 10. 1–14). Хотя осуждение римлян в том отрывке не вызывает сомнения⁴¹, Полибий сводит всю критику римлян лишь к следующим двум обвинениям: что добыча, захваченная в Сиракузах, ничего не добавит к величию Рима и римлян, и что столь большой размер награбленного может вызвать зависть и ненависть со стороны тех, у кого все это было украдено⁴². Поскольку же наряду с захватом домашней утвари и «предметов народного достояния» (IX. 10. 14) речь ведется о картинах и статуях (12), то вряд ли тут дело обошлось без разграблений храмов

Вместе с тем, даже «официальный» римский историк Тит Ливий признавал, что при захвате Сиракуз «было явлено много примеров гнусной жадности, отвратительного неистовства» — *cum multa irae, multa auaritiae foeda exempla ederentur* (XXV. 31. 9), добавляя, что добычи тогда было захвачено больше, чем впоследствии в Карфагене (XXV. 31. 11). По логике вещей, Полибий вполне мог бы сказать, что нелепая гибель Марцелла в ходе рекогносцировки через несколько лет после взятия Сиракуз (X. 32. 1–6) была результатом мести богов за допущенное римским полководцем святотатство, но здесь он предъявляет римлянину обвинения совершенно иного рода⁴³.

Аналогичной представляется ситуация с поведением римлян после взятия ими Коринфа. Греческий историк отмечал только их небрежное грубое обращение с произведениями искусства и храмовой утварью (XXXIX. 13. 1–3), тоже не используя ни одного термина, относимого им к религиозным преступлениям. Но тут следует сделать оговорку, что отношение Полибия к этому событию дошло до нас только в пересказе Страбона (VIII. 6. 23). Кроме того, данные современных археологических исследований говорят, что большинство коринфских храмов было сохранено римлянами от разрушения⁴⁴. Римскому военачальнику Квинту Муммию, командовавшему римской армией в той кампании, было свойственно вообще уважительное отношение к греческим святилищам (Polyb. XXXIX. 17. 1–4)⁴⁵, а пренебрежение римлян культурными ценностями греков в данном эпизоде хорошо сочетается с широко известной фразой этого полководца: «Если с ними что случится, то вы должны будете изготовить новые» (Vell. Pat. I. 13. 4), в чем можно видеть оценку римлян как народа на тот момент грубоватого и малообразованного, но к святотатствам не склонного.

Таким образом, из всего вышеприведенного материала можно сделать следующие выводы. Во-первых, нельзя отрицать наличие довольно развитой системы взглядов Полибия на святотатства. Греческий историк, бесспорно, осуждал этот вид военных преступлений, относя их к числу тяжчайших⁴⁶. Об этом свидетельствует применяемая им терминология, довольно подробное описание таких эпизодов и их развернутая характеристика с точки зрения морали и нравственности. Во-вторых, налицо явная субъективность в оценке описываемых Полибием случаев нечестия. Греческий историк все сводил к иррациональным, темным сторонам характера лиц, совершавших эти преступления. Наконец, несомненна явная субъективность Полибия — он обвинял в нечестии только те

государства и политических деятелей, которые были враждебны Риму или Ахейскому союзу, не оставляя, вместе с тем, ни тени сомнения в том, что этим двум субъектам международной политики того времени такие действия были не свойственны имманентно. Нам представляется, что, хотя греческий историк не был атеистом, для него обвинение в святотатстве является одним из аргументов в комплексной критике оппонентов Рима и Ахейского союза — аргументом не столько даже религиозного или морально-этического, сколько политического плана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Pedech P.* La méthode historique de Polybe. P., 1964. P. 47, 154.
2. *Balasch M.* La religiosad de Polibio // *Helmantica*. 1972. T. 23. P. 379.
3. *Ibid.* P. 385.
4. *Rodriguez C.A.* El problema de la religion en las historias de Polibio // *MHA*. 1989. T. X. P. 78–80.
5. *Alvarez-i-Miranda A.* La irreligiosad de Polibio // *Emerita*. 1956. T. 24. P. 61–63.
6. *Ibid.*
7. *Hoof A.J.L. van.* Polybius' Reason and Religion // *Klio*. 1977. Bd. LIX. P. 104, 108–109.
8. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, 1979. P. 667.
9. *Mauersberger A.* Polybios-Lexicon. Lief. 1. B., 1956. S. 239.
10. *Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I. Oxford, 1941. P. 200–201.
11. *Hoof.* Op. cit. P. 104.
12. *Briscoe J.* A Commentary on Livy. Vol. I. Oxford, 1973. Vol. I. P. 115.
13. В этом же пассаже содержится обобщающее обвинение Филиппа V в убийствах друзей, осквернении могил и грабежах храмов.
14. *Walbank.* Op. cit. Vol. II. P. 473.
15. *Ibid.* Vol. I. P. 517.
16. В историографии предпринималась попытка показать, что отношение Полибия к этолийцам не было всецело отрицательным: *Sacks K.* Polybius' Other View on Aetolia // *JHS*. 1975. Vol. 95. P. 92–106. Впрочем, здесь уточняются лишь частные аспекты проблемы, к тому же и конкретные выводы К. Сакса подвергаются сомнению другими исследователями. См. *Mendels D.* Did Polybius Have an Another View on Aetolia? // *AncSoc*. 1984–1985. Vol. 15–17. P. 63–73.
17. Ср. с романтической историей, рассказанной литератором I в. Парфением, о захвате галатами милетских женщин, справлявших Фесмофории (*Naag. amor.* 8). Если предположить, что источником Парфения был Деметрий Византийский, автор труда в 12 книгах «О переходе галатов в Азию» (*Diog. Laert.* V. 83), то вполне вероятно ссылка Полибия именно на этот эпизод: труд Деметрия наверняка активно им использовался (*Stähelin F.* Geschichte der kleinasiatischen Galater. Leipzig, 1907.).
18. Как уже отмечалось нами выше, данный отрывок, говорящий о смерти Антиоха III, скорее всего, был заимствован сицилийским историком у Полибия.
19. *Alvarez-i-Miranda.* Op. cit. P. 58–63.
20. *Walbank F.W.* Philip V of Macedon. Oxford, 1967. P. 54.
21. Касательно разрушения святилища в Ферме и связанных с этим обстоятельств см. *Walbank F.W.* Philip V of Macedon. P. 54–55; *idem.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. P. 543–550; *Сивкина Н.Ю.* Последний конфликт независимой

- Греции. Союзническая война 220–217 гг. до н.э. СПб., 2007. С. 221–225.
22. Этот вопрос аспект событий особенно подробно разбирается в статье Н.Ю. Сивкиной «Разгром Ферма в 218 г. до н.э.: упадок нравов или экономический расцвет?», пока еще не опубликованной. Авторы выражают искреннюю благодарность Н.Ю. Сивкиной, позволившей им ознакомиться с текстом этой работы до ее появления в печати.
 23. OGIS 275. *Walbank F.W.* A historical Commentary on Polybius. Vol. II. P. 501.
 24. *Ohlemutz E.* Die Kulte und Heiligtümer der Götter in Pergamon. Würzburg, 1940. S. 37–39; *Segre M.* L'institution des Niképhoria de Pergame // *Hellenica*. 1948. T. 5. P. 101–128; *Jones C.P.* Diodoros Paspasos and the Nikephoria of Pergamon // *Chiron*. 1974. Bd. 4. P. 184–189. Можно вспомнить, что празднование Никефорий нанесло косвенный ущерб репутации Пруссия I еще в 220 г. (Polyb. IV. 49. 3).
 25. *Alvarez-i-Miranda*. Op. cit. P. 68.
 26. Paus. III. 3. 8; CIG 3774. См. об этом: *Boffo L.* I re ellenistici e i centri religiosi dell'Asia Minore. Firenze, 1985. P. 209.
 27. *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 319–320.
 28. Там же.
 29. OGIS 333; *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 539.
 30. *Габелко*. Ук. соч. С. 320.
 31. *Alvarez-I-Miranda*. Op. cit. P. 58.
 32. В этом эпизоде Пруссий проявил также не подобающее государственному мужу «женское малодушие» (γυναικίζόμενος), что обычно вызывает суровое осуждение Полибия (*Eckstein A.* Moral Visions in the Histories of Polybius. Berkeley, 1995. P. 155–156).
 33. По мнению Ф.В. Уолбэнка (A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 540), рассказ о гибели Пруссия, содержащийся у Аппиана (Mithr. 7) и Диодора (XXXII. 21), был заимствован из произведения Полибия.
 34. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 245.
 35. Любопытно, что божественное возмездие, на взгляд Диодора (и Полибия?), судя по всему, могло последовать и за покушение на храм негреческого божества.
 36. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 474. При этом Иосиф Флавий (Ant. Iud. XII. 358) удивляется, что Полибий, ἀγαθὸς ὢν ἀνὴρ написал смерть Антиоха намерению разграбить храм Артемиды в Элимаиде, в то время как он уже совершил разграбление Иерусалимского храма и, по мнению Иосифа Флавия, смерть этого царя была воздаянием за уже совершенное, а не планируемое святотатство. Сложно сказать, допустимо ли тут предположение, что Полибий по каким-то причинам не считал Иерусалимский храм, в отличие от святилищ других азиатских богов, сакральным объектом, за осквернение которого положена божественная кара (см. предыдущ. прим.).
 37. *Eckstein*. Op. cit. P. 119–126; *Champion C.* Cultural Politics in Polybius's histories. Berkeley, 2004. P. 77–78, 87, 95, 102–111, 117–122, 141–143, 186, 241–242.
 38. *Eckstein*. Op. cit. P. 25, 100–101.
 39. Ibid. P. 100–107, 131, 224–225, 229–231, 234, 235, 261–262, 264.
 40. О взглядов Полибия на порчу римских нравов см. *ibid.* P. 142, 149, 182, 260, 261–262; *Champion*. Op. cit. P. 144–173.
 41. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. II. P. 134.
 42. Ibid.
 43. Полибий жестко порицает Марцелла, к которому в целом он относится вполне позитивно, за неосторожность и неосмотрительность, приведшие его к гибели. Об этом см. подробнее *Тейтельбаум Е.Г.* Взгляды Полибия на участие полководца

- в сражении // *Antiquitas juventae*. Саратов, 2006. С. 73.
44. *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 729.
45. *Di Leo G.L.* Mummio Acaico e la distruzione di Corinto // *RSA*. Anno XXXI. 2001. P. 74
46. *Alvarez-i-Miranda*. *Op. cit.* P. 57; *Balasch*. *Op. cit.* P. 379.

POLYBIUS' VIEW UPON RELIGIOUS CRIMES IN MILITARY CONFLICTS OF HELLENISTIC STATES

O.L. Gabelko, E.G. Tejteltbaum

In «The General History» by Polybius the sacrilege is one of the most heinous crimes. The Greek historian used the terms *ajsevbhma* или *ajsevbeia*. He described a big number of analogous cases. Basically, there were destructions or defilements of temples. At the same time, one cannot but note some regularity in his descriptions of the episodes. First, Polybius accused of sacrilege only those powers which were hostile to Achaean League and to Romans (first of all, Aetolia and Macedon). Besides, a Greek historian gave only irrational reasons for actions of sacrilege committers, ignoring their real motives of the economical or ideological character. The conclusion is despite the fact, that Polybius was not an atheist; the charge in sacrilege was only one of the arguments when he subjected Rome and Achaean League's opponents to complex criticism.

© 2008 г.

Н.Ю. Сивкина

ЗАГОВОР АПЕЛЛЕСА В 218 Г. ДО Н.Э.

После смерти македонского царя Антигона Досона его преемником стал Филипп V, сын Деметрия II. В царском доме не было другого претендента на трон, но поскольку Филиппу было лишь семнадцать лет, правитель перед смертью назначил совет регентов, в который вошли высшие офицеры и сановники. Полибий (IV, 87, 6–8) приводит состав этого совета: Апеллес — глава совета регентов, Леонтий — начальник пельтастов, Мегалей — заведующий царской канцелярией, Таврион — царский уполномоченный в Пелопоннесе и Александр — начальник дворцовой стражи. Естественно, на столь ответственные посты Антигон назначил преданных и лояльных друзей, которые разделяли его политику. Однако каков будет политический выбор молодого царя, предугадать тогда было невозможно.

В ходе Союзнической войны 220–217 гг. до н.э. Филипп V, обвинив Апеллеса и его сторонников в заговоре, расправился с ними. В истории этого мятежа много спорных моментов и, к сожалению, невозможно с уверенностью говорить, кто и с какой целью его инспирировал. Полибий затеняет факты намека-

ми, что все выгоды из устранения заговорщиков извлек иллирийский авантюрист Деметрий Фарский, укрывавшийся от римлян при македонском дворе. Подобные заявления основаны лишь на общей дидактической¹ концепции историка, на противопоставлении благородного и низменного поведения личности. Н. Хэммонд полагает², что Полибий пользовался сомнительными источниками, дал им гипотетическую интерпретацию и, соединив воедино несвязанные друг с другом события, представил читателю заговор.

Рассмотрим подробности этого конфликта. Еще перед смертью Антигон Досон назначил в помощь Филиппу пять человек: упомянутого выше Апеллеса, Леонтия — начальника пельтастов, Мегалея — заведующего царской канцелярией, Тавриона — царского уполномоченного в Пелопоннесе и Александра — начальника дворцовой стражи (Polyb. IV, 87, 8). Они считались его опекунами, а по достижении им восемнадцатилетия в 220 г. остались на положении советников³. Но даже среди них сложились две конкурирующие группы, претендовавшие на формирование македонской политики. Полибий представляет нашему вниманию процесс, который зародился как кампания против Арата, а закончился государственной изменой. Однако его версия выглядит весьма смутно и неоднозначно.

Ахейский историк утверждает, что Апеллес пользовался наибольшим влиянием на Филиппа среди совета регентов (Polyb. IV, 76, 1). Он желал уравнять ахейский союз с Фессалией по правовому статусу (Ibid.). Преследуя эту цель, Апеллес позволил македонянам чинить обиды ахейским солдатам: тех выгоняли из помещений, у них отнимали добычу, затем стали применять и физические наказания (Polyb. IV, 76, 3–5). Арат был вынужден обратиться с жалобой к Филиппу. Царь приказал Апеллесу не отдавать «ахеянам никаких приказаний без согласия их стратега» (Polyb. IV, 76, 8–9). В данной ситуации можно отметить два момента. Во-первых, события происходят зимой 219/8 г. Царь уже командует самостоятельно, но Апеллес действует так, словно управление по-прежнему в его руках. Во-вторых, притеснения, перечисленные историком, едва ли можно связать с попыткой низвести ахейцев до положения подконтрольных Македонии фессалийцев. Перечисленные выше меры, вероятно, были вызваны плохими качествами ахейского войска и стремлением поднять дисциплину в рядах греков.

В конце кампании 219/8 г. последовала новая попытка «надеть ярмо» на ахейцев. На этот раз козни были направлены против Арата (Polyb. IV, 82, 3). Апеллес стал приглашать к себе тех, кто выступал против политики Арата в Ахейском союзе, заводил с ними дружбу, представлял их царю. Советник обещал Филиппу, что при поддержке этих людей весь Пелопоннес скоро станет послушен македонянам (Polyb. IV, 82, 4–5). Финалом этих действий явилось прибытие царя в Эгий на выборы ахейского стратега и избрание на этот пост Эперата из Фар в ущерб кандидатуре Тимоксена — ставленника Арата (Polyb. IV, 82, 6–8). Плутарх сообщает, что кроме Апеллеса в эту интригу был замешан и Мегалей (Plut. Arat. 48, 1). Оценивая данный пассаж Полибия, Ф. Уолбэнк отмечает⁴, что дорогостоящая экспедиция в Пелопоннес зимой 219/8 г. ради спасения Ахейского союза, вероятно, вызвала недовольство македонских землевладельцев. Кроме того, придворная партия высказывалась за военный кон-

троль Пелопоннеса. Возможно, оккупация Трифилии свидетельствует в пользу того, что и Филипп склонился к этой идее в конце похода. Тарн полагает, что Апеллес был сторонником жесткой линии в отношении греков в духе Кассандра⁵. П. Тревес полагает⁶, что антиаратовская кампания Апеллеса была на самом деле реализацией тайных планов Антигона, которыми царь поделился с советниками перед смертью. Эррингтон указывает, что регенты стремились заменить ахейского стратега, признав неспособность Арата с сыном к продолжению войны⁷. Н. Хэммонд, напротив, сомневается во влиянии Апеллеса на выборы⁸. Стоит вспомнить, что Эперат был представителем оппозиционно настроенной западной Ахайи, не получившей реальной помощи в предыдущей кампании. Можно признать все эти высказывания вполне справедливыми. Но следует и добавить, что этот инцидент не следует связывать с предыдущими притеснениями ахейцев.

Летом 218 г. Апеллес открыто оклеветал Арата: якобы Арат подговорил стратега элейцев Амфидама не передавать в выгодном свете обещания Филиппа Элиде, поэтому мирные предложения царя были отвергнуты. Однако поскольку Амфидам был вынужден бежать из Элиды к Филиппу, клевета раскрылась, Арат был оправдан (Polyb. IV, 84–86). Возможно, Полибий преувеличил значение этого эпизода. Арат, конечно, не желал расширения македонской власти по полуострову. Может быть, какие-то переговоры с Амфидамом имели место. Полибий лишь стремился затушевать не вполне лояльные для союзника действия своего кумира. Возможно, данный эпизод вообще не имел серьезных последствий для складывания «заговора». Полибий явно преувеличивает роль Арата.

Следующим нападка Апеллеса подверглись Таврион и Александр, также входившие в совет регентов. Апеллес попытался сместить Тавриона с должности уполномоченного по делам Пелопоннеса и отобрать у Александра командование личной охраной царя (Polyb. IV, 87, 1–5). В случае удачи совет, назначенный Антигоном Досоном, перестал бы существовать. Вся власть сконцентрировалась бы в руках одного Апеллеса. Характерен факт, данное событие никак не связано ни с Аратом, ни с ахейскими делами. Оно представлено как раскол в ближайшем окружении македонского царя. Таврион был несколько не либеральнее других регентов в отношении Ахейского союза, но в силу своих служебных обязанностей он и командир гвардии оказались проводниками новой македонской политики в отношении греков. Таврион, базируясь в Пелопоннесе, и являясь в сущности «стражем» Общего Мира, лучше Апеллеса понимал устремления молодого царя. Возможно, именно Таврион рекомендовал Филиппу Деметрия Фарского, во всяком случае они имели общие дела (Polyb. IV, 19, 7–8; V, 95, 3; IX, 23, 9). Они были сторонниками морской программы царя, в то время как Апеллес был недоволен переносом войны на море в 218 г.⁹ Александр, как глава телохранителей, также всегда находился при царе, был предан, впоследствии именно ему Филипп доверил ответственный пост в Фокиде (Polyb. V, 96, 4–8). Сместить своих противников Апеллесу не удалось. Более того, в придворной борьбе его собственная позиция была ослаблена. Его ставленник Эперат оказался бездарным стратегом. Македонской армии требовалось снабжение и значительное финансирование морских операций, но Ахей-

ский союз, под давлением сторонников Арата, не оказывал помощи. Эперат не мог ничего сделать. Филипп пошел на сближение с Аратом и в частной беседе, вероятно, свалил всю вину на Апеллеса, обещав более не вмешиваться в предвыборные кампании (Polyb. V, 1, 7–9). Не разделяя взглядов правителя на македонскую политику, Апеллес не мог удержать власть в своих руках. Полибий сообщает, что советник «был не в силах ни возратить себе прежнее значение у Филиппа, ни переносить спокойно свое принижение» (Polyb. V, 2, 8). Хотя ахейский историк пишет, что Апеллес под каким-то благовидным предлогом отправился в Халкиду (Polyb. V, 2, 9), вероятно, на самом деле этот отъезд был равносильным удалению от двора.

Непосредственно перед отбытием в Халкиду, по заявлению Полибия, Апеллес, Мегалей и Леонтий составили заговор (Polyb. V, 2, 8), планируя препятствовать замыслам царя. Леонтий якобы при осаде Палы на Кефаллении удерживал воинов, рвавшихся занять город (Polyb. V, 4, 10–11). Затем на военном совете Леонтий высказывался против предложения Арата о походе в Этолию, предлагая оказать помощь Мессении (Polyb. V, 5, 5–7), что должно было задержать царя в Пелопоннесе до осени. В походе на Ферм Леонтий вновь дает «дурной» совет: вместо стремительного продвижения к Ферме он советовал разбить лагерь и дать войску отдых (Polyb. V, 7, 1–5). Однако перечисленные выше деяния Леонтия не имели ничего общего с заговором. Возможно, высшие офицеры македонской армии не разделяли стратегии ведения войны¹⁰, они привыкли к осторожной тактике, а молодой царь жаждал рейдов и побед в духе Александра Македонского. Полибий объединяет события, но если рассматривать каждый совет Леонтия в отдельности, то его слова были не лишены здравого смысла. Под Палой его действия не следует рассматривать как саботаж. Леонтий был командиром пельтастов, отборного отряда, и такое поведение им было несвойственно, если учесть, как они сражались в других кампаниях¹¹. Вероятно, причина отступления была иной. Пала была крупным городом острова. Павсаний говорит, что жители ее составляли четвертую часть населения Кефаллении (Paus. VI, 15, 7). Этим объясняется большое количество осадных машин, использованных Филиппом. Видимо, сопротивление жителей было довольно сильным. Кроме того, к царю прибыли послы от союзников с просьбой о помощи. Выслушав всех, Филипп решил готовиться к нападению на Этолию (Polyb. V, 5, 10–11). Выбор в пользу помощи Мессении объясняется тем, что опытный военный не поддерживал авантюры, какой представлялось ему вторжение в Этолию. Оказание помощи мессенцам можно рассматривать как антиспартанский совет, но не совет изменника¹². Что касается роли Арата в этом эпизоде, то ее не следует преувеличивать. Филипп решился на вторжение в Этолию не под влиянием ахейского стратега, а потому, что царю импонировали смелые рейды, и ситуация сложилась весьма благоприятно для македонян. Предложение дать войску отдых в походе на Ферм также едва ли не был оправдан. Командир заботился о своих солдатах, а царь хотел прославиться виртуозно организованной операцией¹³. Иными словами, советы Леонтия не говорят о его измене. Они лишь свидетельствуют о неприятии их македонским царем. Также и в армии Александра были не только соратники царя, но и те, кто не разделял его восточной политики и его миродержавных устремлений. Однако неприятие

планов Александра не всегда превращало оппозиционеров в изменников¹⁴. Указание Полибия, что Мегалей и Леонтий были недовольны удачей царя (Polyb. V, 14, 11) также можно объяснить банальной завистью к чужим успехам, достигнутым вопреки их предупреждениям и опасениям, досадой на свое неверие в это предприятие и, возможно, насмешками приближенных правителя над ними.

Следующий эпизод заговора опять проходил с участием Арата. После разгрома Ферма летом 218 г. Филипп устроил пир. Выпив довольно много вина, Мегалей и Леонтий повстречались с Аратом и, считая его виновником своих бед, затеяли с ним стычку (Polyb. V, 15, 3–4), в драку с обеих сторон вмешались прибежавшие на помощь. По приказу царя Мегалей и Кринон были арестованы, Леонтий каким-то образом ускользнул в суматохе (Polyb. V, 15, 5–9). На следующее утро Леонтий явился к царской палатке и дерзко спросил, по чьему приказу арестован Мегалей. Узнав, что приказ отдал сам Филипп, Леонтий отступил (Polyb. V, 16, 1–4). В предложенном изложении событий следует отметить несколько моментов.

Первый касается пьяных выходок Мегалея, Леонтия и Кринона после царского пира (Polyb. V, 15), чьи речи были также неприятны Филиппу, как когда-то высказывания Клита Черного Александру Македонскому¹⁵. Причиной недовольства и возмущения было возвеличивание при дворе иностранцев¹⁶. Стоит вспомнить, что и при дворе Александра ненависть македонской знати вызывало расположение правителя к Эвмену, греку по происхождению¹⁷.

В другом месте историк говорит (Polyb. V, 16, 5), что ахейский стратег Арат на суде обвинял Леонтия и его друзей с давнишнего времени, а это подразумевает существование между ними серьезных разногласий. По версии Полибия получается, что Арат «знал» о сговоре командиров с Апеллесом. Не вполне ясна ситуация с Леонтием. Он не был арестован, но в суде основные обвинения были против него. Тем не менее, хотя обвиняемые были «единогласно осуждены друзьями царя», под стражей остался лишь Кринон, а за Мегалея дал поручительство Леонтий (Polyb. V, 16, 6–8). Подобные противоречия позволяет утверждать, что изложение следствия процесса над «заговорщиками» измышлено ахейским историком. Во всяком случае изменниками их не признали, в противном случае состоялась бы казнь. Они были нарушителями дисциплины.

В конце военного сезона 218 г. сообщники попытались поднять бунт элитных частей македонской армии. Мегалей и Леонтий подстрекали пельтастов и агему заявлениями о неправильном распределении добычи среди воинов. Раздраженные подобными речами солдаты в Коринфе стали грабить палатки царских друзей и даже ворвались в царский дворец (Polyb. V, 25, 1–3). Филипп спешно прибыл в город, собрал македонян в театре, обратился к ним с увещеваниями и угрозами. Примирение было достигнуто (Polyb. V, 25, 4–7), репрессий не последовало. По мнению Эррингтона, восстание по поводу раздела добычи тоже не имеет отношения к «заговору»¹⁸. Опекуны в очередной раз показали свою несостоятельность, царю пришлось улаживать проблему самому, это и вызвало недовольство Филиппа.

Однако, попав в трудное положение, «заговорщики» не успокоились и призвали Апеллеса вернуться из Халкиды (Polyb. V, 26, 2). Расчет был неудачен.

Апеллес был удален от двора и потерял былое влияние на Филиппа. Более того, его поведение в Халкиде оставляло желать лучшего: он возвеличивал свои заслуги перед троном, а царя выставлял неопытным юношей (Polyb. V, 3–5). Стоит вспомнить, что в Халкиде были царские амбары и арсенал. Апеллес, видимо, не смог организовать снабжение армии через Халкиду. Царь был вынужден даже заложить свою серебряную посуду (Polyb. V, 2, 8–10). Полибий упоминает, что Арат, находясь при Филиппе, искусно подогревал недовольство правителя (Polyb. V, 26, 6). Устранение партии, высказывавшейся за установление военного контроля над Пелопоннесом, конечно, было в интересах ахейского стратега. Стоит вспомнить, что Арат был тонким дипломатом и интриганом. Прибытие Апеллеса не внесло никаких изменений. Его приглашали ко двору, он сохранил знаки отличия, но он не принимал участия ни в совещаниях, ни в ежедневных царских беседах (Polyb. V, 26, 15). Фактически, Филипп указал ему, что придворному¹⁹ следует помнить о своем месте.

Мегалей бежал в Афины, затем в Фивы (Polyb. V, 27, 1–2). Получив об этом известие, царь приказал арестовать Леонтия. Это была нормальная процедура, поскольку Леонтий поручился ранее за Мегалея. Активное заступничество пельтастов за своего командира и готовность собрать деньги и уплатить за него штраф подтолкнули царя к казни бывшего советника (Polyb. V, 27, 4–8). Затем были перехвачены изменнические письма Мегалея к этолийцам, Филипп приказал арестовать Апеллеса и его близких, а за Мегалеем отправил Александра. Мегалей не стал дожидаться исхода дела и покончил жизнь самоубийством. Вероятно, также поступили²⁰ Апеллес и его сын (Polyb. V, 28, 4–9). Примечательно, что после смерти Леонтия Филипп должен был ждать доказательств виновности Апеллеса и Мегалея, чтобы арестовать их.

Позднее был арестован некий Птолемей, уцелевший из числа сообщников Леонтия, и, после проведенного следствия, казнен. (Polyb. V, 29, 6) Филипп воспользовался старой аргеадской традицией, согласно которой обвиненные в измене представляли перед судом армейского собрания²¹. Возможно, необходимость прибегать к столь суровым мерам была вызвана волнением агемы — элитного подразделения.

По мнению Эррингтона²², следует обратить внимание и на тот факт, что Арат, потерявший влияние на царя в начале Союзнической войны, играет одну из основных ролей в раскрытии «заговора» и падении опекунов, но после расправы ахейский стратег вновь теряет всякое влияние при дворе. Замечание весьма справедливое. Арат был нужен Филиппу лишь в тот период, когда он реализовал «чистку» своего окружения. Фактически, единственным изменником в последнем эпизоде «заговора» выступил Мегалей. Его побег, а тем более письма к врагу можно трактовать в этом смысле, хотя допустимо предположение, что Мегалей лишь искал политического убежища, попав в опалу. Фактически, вина Мегалея и Леонтия в разжигании бунта солдат не была доказана, следствие по делу не проводилось. Однако вольное поведение советников, их влияние на армию требовали от Филиппа их устранения. Вероятно, нервы не выдержали у Мегалея, а его побег послужил предлогом для ареста других нелюбимых опекунов.

Любопытно и то, что упомянутый выше Клит принадлежал в старшему поколению соратников Александра, ему было 53 года, он сражался вместе с отцом Александра Македонского. Апеллес, Мегалей и Леонтий также относились к старшему поколению, они служили Досону.

Таким образом, в «заговоре Апеллеса» переплелись гораздо более сложные интриги, чем те, которые представил нашему вниманию ахейский историк. Возможно, Филипп действовал также как в свое время Александр Македонский, который круто расправился с оппозиционерами, первым претворив в жизнь закон, провозглашенный позднее Селевком Никатором: «Всегда справедливо то, что постановлено царем» (App. Syg. 61). Ни один Антигонид до Филиппа не решился в полной мере следовать этому принципу. Пользуясь военными успехами и возросшим авторитетом, Филипп V, имея наглядный пример в лице Александра Великого, представил дело как заговор²³. Ахейский историк впоследствии расширил рамки этого «заговора».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Следует помнить, что историческое произведение должно формировать у читателя определенное суждение о происходящем. Это, в свою очередь, зависит от объяснений историком причин происходящего, намерения действующих лиц и их споров. Подробнее об этом см.: Самохина Г.С. К методологии исторического исследования в эпоху эллинизма: понятие аподейктической истории у Полибия // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 114 слл.
2. Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 381 ff.
3. Hammond, Walbank. Op. cit. P. 371.
4. Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1967. P. 44, 47; Walbank F.W. Macedonia and the Greek Leagues // CАН². Vol. 7. 1984. P. 477 f.
5. Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedonia // CАН. Vol. 7. 1928. P. 764.
6. Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. Vol. 13. 1935. P. 36.
7. Errington R.M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. Bd. XVI. Hft. 1. 1967. P. 24.
8. Hammond, Walbank. Op. cit. P. 381.
9. Errington. Op. cit. P. 27; Walbank F.W. Philip V of Macedon. P. 51f.; Walbank F.W. Aratus of Sicyon. Cambridge, 1933. P. 139 f.
10. Walbank F.W. Philip V of Macedon. P. 51–52; Errington. Op. cit. P. 16, 27.
11. Еще в первый год войны, когда этолийцы препятствовали переправе македонян через реку, пельтасты показали превосходную дисциплину и выучку. Царь приказал пельтастам первыми идти в реку и выходить из нее всем вместе по отрядам с сомкнутыми щитами. Первый же переправившийся отряд был атакован этолийской конницей, но македоняне остались на месте с плотно сдвинутыми щитами. Когда же переправился второй и третий отряд, конница врага, понеся потери, отступила (Polyb. IV, 64, 6–8). Данный эпизод показателен тем, что хотя психологический перевес в столкновении всегда на стороне всадников, эта пехота мужественно выстояла против них, обеспечив переправу всего войска.
12. Walbank F.W. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 541.
13. Отдых солдаты получили лишь добравшись до Ферма, где и был разбит лагерь (Polyb. V, 8, 4).
14. Примером является Полиперхонт. Он был потомком тимфейских царей, но несмотря на свой возраст и свое происхождение он никогда не получал высокого

- самостоятельного командования. Объясняется этот факт тем, что при Гавгамелах был согласен с Парменионом (Curt. 4, 13, 7), а не с царем и не скрывал своего мнения; выступал против обычая проскинесиса и насмехался над этим обычаем. Он долго был в немилости (Curt. VIII, 5, 22–23; Arr. IV, 12, 2), но к заговору оказался непричастен. Впоследствии вместе с Кратером он вел ветеранов в Македонию (Arr. 7, 12, 4; Just. 12, 12, 8).
15. Клит — один из друзей юности Александра Македонского, спасший жизнь царю в битве при Гранике (Arr. I, 15, 8). Канва событий, связанных с убийством Клита, у всех античных авторов идентична (Arr. IV, 8, 8; Plut. Alex. 50–51; Curt. VIII, 1, 31–35): заносчивый командир конницы так умалил славу царя, что Александр, не владея собой и под влиянием опьянения, заколол его копьем, выхваченным из рук телохранителя. Инцидент с Клитом часто рассматривают не как роковую случайность в пьяной перебранке, а осуждение действий Александра, противоречащих устремлениям македонской элиты: *Ковалев С.И.* Заговор пажей. Александр и Клит // ВДИ. 1949. № 3. С. 72–73; *Шофман А.С.* Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского // ВДИ. 1973. № 4. С. 117–136; *он же.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 363–372; *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 273–277. См. также: *O'Brien J.M.* Alexander the Great: the invisible enemy. P. 128–142.
 16. *Errington.* Op. cit. P. 32.
 17. *Шофман.* Восточная политика Александра Македонского. С. 327.
 18. *Errington.* Op. cit. P. 33.
 19. Примечательно, что еще во времена Александра многие командиры македонской армии, такие как Пердикка или Леоннат, принадлежали к царскому роду, но отличались преданностью и лояльностью к царю; многие были связаны с царем узами личной дружбы: *Шофман.* Восточная политика Александра Македонского. С. 330–333.
 20. Возможность самоубийства допускают: *Hammond, Walbank.* Op. cit. P. 382. n. 4; *Errington.* Op. cit. P. 35.
 21. *Cary M.* A history of the Greek World from 323 to 146 B.C. L., 1932. P. 254.
 22. *Errington.* Op. cit. P. 35.
 23. Они были слишком сильны, поэтому царь был вынужден оправдывать насилие, предложив свою версию происходивших событий. См. также: *Errington.* Op. cit. P. 29 f.

APELLES' PLOT IN 218 BC

N. Yu. Sivkina

In 218 BC Macedonian king Phillip V put to death the adviser Apelles and his accomplices. Polybius gave quite an inaccurate interpretation to many facts and presented this event in history as a conspiracy of the nobility against Achaean strateg Arat.

© 2008 г.

А.П. Беликов

ЗАВЕЩАНИЕ АТТАЛА III: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Пергамский царь Аттал III Филометор Эвергет, умерший весной 133 г. до н.э., завещал свое царство Риму. По проблеме этого завещания существует обширная историография. Главные и наиболее дискуссионные вопросы: *почему* и, собственно говоря, *что* завещал Аттал Риму. Сообщения источников, притом — более поздних, очень скудны, поэтому в исследованиях и нет единого мнения по этим вопросам.

Страбон (XIII.4.2) передает содержание завещания самыми общими словами. Упоминает его Плиний Старший (NH. XXXIII.148). Тит Ливий (Per. 58) — *heredem autem populum Romanum relicverat Attalus, rex Pergami*; (Per. 59) — Аристоник захватил Азию, которая «*cum testamento Attali regis legato populo Romano libere esse deberet*». Плутарх (Tib. Gracch.. 14.1) и Юстин (XXXVI. 4.5) говорят практически одинаковыми словами — «в завещании назначил своим наследником римский народ» (*huius testamenti heres populus Romanus tunc instituitur*).

Более конкретен Веллей Патеркул (II.IV.1) — «*mortuo rege Attalo, a quo Asia populo Romano hereditate relicta erat*». Отсюда следует, что царь оставил римлянам весь Пергам, т.е. — будущую провинцию Азия.

Запутывает ситуацию сообщение Флора: римский народ — наследник всего царского имущества — *testamentum reliquit: Populus Romanus bonorum meorum heres esse* (XXXV. II.20.2), близка версия Сенеки (Controv. II). Речь здесь идёт не конкретно о пергамском царстве, а об *имуществе царя*, что можно толковать неоднозначно.

Луций Ампелий пишет: «Аттал, часто сражавшийся за римлян. По завещанию он сделал римский народ своим наследником» (33.4). В период Республики правительственные распоряжения начинались стандартной фразой — сенат и народ римский (*senatusque populus romanus*) постановили... По римским представлениям граждане Рима (*cives*), римская гражданская община — это и есть государство, понятия эти были тождественны и эквивалентны. Поэтому «личность наследника» совершенно понятна — это римское государство.

Кроме декрета народного собрания из города Пергама и *Senatus consultum* о принятии завещания это и есть все источники, которыми мы располагаем, других просто нет. Текст самого завещания, к сожалению, не сохранился. А возможно, римляне не были заинтересованы в его сохранении...

Все источники упоминают завещание как нечто общеизвестное. Луций Ампелий — автор поздний и «несерьёзный», но он, как и Веллей Патеркул, чётко передаёт восприятие завещания *самими римлянами*. В качестве наследника Рим мог поступать с наследством, как ему заблагорассудится, что бы там ни было написано в тексте самого завещания. Исходящего, к тому же, от зависимого монарха, который и при жизни-то никогда даже не пытался выступить против воли сената.

Ни один источник не раскрывает мотивов его завещания¹.

Предварительная проблема — а было ли само завещание или его сфальсифицировали римляне? Саллюстий пишет: Митридат VI Евпатор обвинял римлян в том, что они подменили завещание, чтобы завладеть Пергамом (Hist. 4.69.9). Очевидно, в устах Митридата эти слова были скорее средством ведения пропагандистской войны против Рима, нежели констатацией реального факта. Правда, А.И. Немировский пишет о неясности — сам Аттал завещал своё царство или завещание было подделано². Г.Е. Кавтария категорически говорит о «ложности завещания»³, однако не приводит никаких аргументов в пользу своего утверждения. Г. Штоль утверждал, что завещание было сфабриковано римлянами⁴, но ничем не подтвердил своего обвинения. Эти мнения не имеют опоры в текстах источников, поэтому у нас нет достаточных оснований согласиться с ними.

Имеющиеся эпиграфические источники дают четкую конкретную информацию, которую нельзя толковать двусмысленно. Декрет народного собрания из города Пергама, принятый в 133 г до н.э., однозначно подтверждает факт существования завещания *в пользу Рима* (OGIS. I. 338 = IGRR. IV.289). Сам декрет был принят еще *до появления* здесь римских войск и его невозможно объяснить давлением Рима. О том же свидетельствует Senatus consultum о принятии наследства, датированный июлем 133 до н.э.⁵ Римские авторы, при всей их тенденциозности, не стали бы выдумывать завещание, с фактической стороны они обращались достаточно корректно. Можно согласиться с П. Сэндсом, что подлинность завещания не вызывает сомнений⁶, это бесспорный факт⁷. Таким образом, часть предварительной проблемы можно считать решенной — завещание реально существовало. Но — действительно ли оно передавало Пергам Риму или же имело другое содержание? Вопрос остаётся открытым.

Пергамский декрет часто цитируют, упоминают, но редко приводят его текст полностью. А между тем, это очень важный источник, *современный самим событиям*, поскольку все сообщения античных авторов являются более поздними. Приведём перевод сохранившегося текста⁸ декрета:

«При жреце Менестрате, сыне Аполлодора, в 19-й день месяца Эвменейя. Решил народ по предложению стратегов. Поскольку царь Аттал Филометор и Эвергет, покинувший число людей, оставил отечество наше свободным, присоединив и гражданскую землю, которую он выделил, следует утвердить завещание у римлян. Необходимо ради общей безопасности предоставить гражданские права и подчинённым группам (людей) ввиду их полной благосклонности, оказанной народу. В добрый час! Народу постановить, чтобы предоставить гражданские права нижезаписанным: внесённым в списки пареков и тем из воинов, которые населяют город и страну, равным образом и македонянам, и мисийцам, и катекам, числящимся в крепостях и в древнем городе, и масдиенам,, и ..., и стражникам, и другим вспомогательным войскам, живущим или имеющим владения в городе или в стране, равно как и женщинам и детям. В пареки перевести происходящих от вольноотпущенников и царских рабов: взрослых и юношей, также и женщин, кроме купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений, ставших царскими; то же и относительно общественных рабов; те же из живущих постоянно, кто или оставил ко времени смерти царя или собирается покинуть город или страну, те, и муж-

чины и женщины, будут лишены гражданских прав, а имущество каждого из них будет передано городу. По истечении четырёх дней решил народ по предложению стратегов. Так как в состоявшемся постановлении о предоставлении гражданских прав внесённым в списки пареков и остальным категориям, разъяснённым в постановлении, и относительно перевода в пареки из вольотпущенников, а также царских и общественных рабов...»

Текст очень краткий, большая его часть посвящена предоставлению гражданских прав и прав пареков, он не содержит никаких объяснений причин завешания. Концовка текста не сохранилась, поэтому он и открывает простор для самых произвольных толкований.

Постановление народного собрания содержит в себе следующие вполне *ясные моменты*: 1) смерть Аттала (стрк. 4-5); 2) завешание в пользу Рима (стрк. 7); 3) завешание было вызвано, якобы, необходимостью и заботой о всеобщей безопасности⁹ (стрк. 7-8); 4) но при этом царь «оставил отечество наше свободным» (стрк. 5).

Обстоятельства смерти царя в декрете не уточняются, и даже не упоминаются. Факт существования завешания не может вызывать абсолютно никаких сомнений: народное собрание не могло внести в своё постановление *фикцию* — это просто немыслимо.

Сам факт завешания в пользу могучей державы вступает в явное и вопиющее противоречие с утверждением декрета об оставлении отечества «свободным», но это, очевидно, *цитата из текста завешания*, а не решение народного собрания.

Эллинистическая практика предполагала при восшествии на престол нового монарха оказание благодеяний подданным: прощения недоимок, снижения налогов, возвращения изгнанников, увеличения численности граждан либо расширения гражданского коллектива и т.д. и т.п. Почти все перечисленные меры предпринял, например, царь Македонии Персей, и не только для того, чтобы укрепить государство и *снять внутренние противоречия в нём*, но и потому, что *так было принято*. Менее известны такие действия для «уходящего» царя, который в завешании тоже мог бы выступить «посмертным благодетелем» народа. Возможно, это до какой-то степени могло бы объяснить последнюю волю Аттала.

Но, вероятно, главным было совсем не это. Очевидно, население без восторга приняло завешание, превращающее его в бесправных провинциалов Рима. Чтобы предотвратить его возмущение и примирить с таким решением Атталида, для успокоения народа и были дарованы льготы части населения Пергама. Можно предположить, что это было сделано по подсказке римлян, хорошо знавших эллинистические традиции и поднатюривших в использовании их для своих целей. Отсюда упоминающиеся в тексте декрета льготы и дарования прав, а также чисто демагогическое заверение в тексте завешания о том, что оно вызвано исключительно заботой о всеобщем благе и общей безопасности. Это попытка успокоить встревоженное население и элементарно *подкупить* его дарованием льгот и привилегий.

Однако в документе нет ни слова о *восстании населения*, о его *претензиях* к Атталу или *недовольстве его политикой* либо *самим его правлением*, хотя после

смерти царя всё это можно было выразить совершенно безбоязненно. Напротив, общий тон декрета по отношению к Атталу весьма доброжелателен! Произвольные, мягко говоря, построения О.Н. Юлкиной о всеобщей ненависти к царю и восстании, разразившемся ещё в конце его правления¹⁰ — никак не могут опираться на текст самого эпиграфического источника или исходить из него.

Завещание действительно существовало, в чем не сомневался и сам Митридат, оспаривавший лишь его подлинность. Своим наследником Аттал назначил Римское государство — это представляется *почти* бесспорным.

Более сложный вопрос: **что именно** завещал Аттал Риму — только царскую казну, вместе с царскими землями, или все-таки — всё царство? В своей монографии О.Ю. Климов соглашается с К.М. Колобовой, Э. Хансеном и А.Н. Шервин-Уайтом, что Риму были завещаны лишь царские владения, а города остались свободными¹¹. В доказательство обычно приводятся слова из пергамского декрета 133 г. до н.э. — царь «оставил отечество наше свободным» (OGIS. I. 338, стрк. 5). Однако далее О.Ю. Климов уточняет, что, возможно, эта свобода означала всего лишь освобождение от контроля центральной власти и налогов, а во время восстания Аристоники города не поддерживали его, видимо, опасаясь лишиться предоставленных им по завещанию льгот¹².

Так о чем же шла речь в завещании: о свободе или всего лишь о льготах? На наш взгляд, чтобы попытаться найти ключ к ответу на эту проблему, надо посмотреть на нее с трех разных сторон. Взгляд первый — **терминологический**. В декретах эллинистических правителей термин *eleutheria*, в общем, никогда не означал политической независимости, а всегда был конкретен — как освобождение от налогов, постоя или набора войск, как внутренняя автономия и т.п.

Взгляд второй — **дипломатический**, т.е.: чем была свобода в дипломатической практике эллинистического мира? Термин этот использовался для успокоения и привлечения на свою сторону населения тех территорий, над которыми предполагалось установить свою власть¹³. Именно в этом смысле диадохи обещали «свободу» для земель, которые они оспаривали друг у друга. Они не заявляли, что завоюют эту землю у противника, но — что они *освободят ее* от врага. Антиох III обещал освободить Грецию от римского владычества для того, чтобы установить в ней свое собственное господство. Такое эллинистическое понимание свободы использовали в своих целях и римляне. Объявив об освобождении Греции в 196 г. до н.э., они прекрасно понимали, что освобожденная Эллада не будет свободна от своих освободителей.

Взгляд третий — **юридический**. Речь идет о завещании не частного лица, а царя. Частное лицо завещает нажитое личное имущество. Завещание царя — это не только правовой, но и *политический документ*, решающий не судьбу личного имущества, а судьбы государства. Такое завещание должно четко и конкретно обозначить наследника.

К тому же анализ римской юридической лексики позволяет прийти к вполне определенному выводу. Веллей Патеркул считал — царь оставил в наследство римлянам то, что потом называлось провинция Азия — *Asia populo Romano hereditate relicta erat* (II.IV.1). Вернемся к фразе Флора — *testamentum reliquit: populus romanus bonorum meorum heres esse* (XXXV.II.20.2). Отметим, что слово

bonum во множественном числе (bonorum) имеет значение не только как «имущество», «состояние», но и «достояние», т.е. — вообще всё, над чем человек властвовал при жизни.

Часто встречающаяся в юридических документах устойчивая и стандартно шаблонная юридическая формула bonorum omnium heres означает **«полный наследник»** — именно так и никак иначе (!!!). В этом смысле формула «достояния всего наследник» (*bonorum omnium heres*) ничем не отличается от фразы Флора: римский народ — достояния моего наследник (*bonorum meorum heres*). Очевидно, предельно точный буквальный перевод текста должен выглядеть так: «завещание оставил: народ римский достояния моего наследник есть». Следуя стандартной юридической формуле, это может означать только одно — полный наследник. Т.е. — наследник всего, чем царь владел при жизни.

На пересечении этих трех взглядов неизбежно напрашивается вывод — Аттал, несомненно, завещал Риму **всё** царство. Действительно, **передал** его римскому народу. Так же должны были понимать это и римляне, исходя из их установки — «провинции — это поместья римского народа».

Х. Ласт полагает: из текста завещания следует, что сам город Пергам должен был оставаться свободным¹⁴. Выше мы уже показали, что термин «свобода» в период эллинизма не имел реального наполнения. Воля царя должна была быть ратифицирована Римом¹⁵ — выполнение завещания зависело лишь от воли сената, и он мог поступать так, как считал нужным.

Как отметил Д. Браунд, менее эллинизированные и более удалённые окраины Пергама сенат отдал соседям, оставив себе то, что было легче защищать и лучше эксплуатировать¹⁶. В 129 г. до н.э. прекратило свое существование царство Пергам и на его месте появилась римская провинция Азия.

А свобода, как внутренняя автономия, была объявлена (вернее — обещана) в завещании городам с конкретной целью. Именно — для того, чтобы успокоить их жителей и предотвратить возмущение пергамцев против самого завещания. Это можно рассматривать как отступное городам. Города действительно не выступили против Рима. Обещание свободы было тонко продумано, но — едва ли самим Атталом. Скорее, здесь чувствуется рука римского сената, поднаторевшего в использовании лозунга свободы в своих политических целях.

И, наконец, самая главная проблема — **почему** царь пошел на такой неординарный поступок, как завещание своего царства Риму?

В историографии можно выделить несколько позиций по этому вопросу.

1) Отечественная историография 30–80 гг. XX века сводит все к внутриполитическому кризису. Рабовладельцы в условиях усиливающейся народной борьбы не могли сохранить свое классовое господство, и в лице Атталы пошли на предательство национальных интересов, отдав царство Риму, чтобы он задушил в нем надвигающуюся революцию¹⁷.

К сожалению, такие устаревшие взгляды встречаются даже в новейшей литературе — «Аттал жестокими казнями подавлял недовольство, вызванное его проримской политикой. Под угрозой назревавшего восстания завещал своё царство Риму»¹⁸.

Как это ни странно, в зарубежной историографии высказываются близкие мнения: мятежи эксплуатируемых масс и политический кризис¹⁹; возможно,

цель завещания — предотвратить социальную революцию²⁰. Сразу отметим, что источники не дают никаких оснований для таких выводов. Репрессии Аттала были направлены не против народа или рабов, а против представителей аристократии. В его действиях можно увидеть лишь попытки укрепить центральную власть, или подавить придворную смуту, но никак не борьбу с революцией. Мнение о революционном кризисе в Пергаме представляется нам, мягко говоря, сильно преувеличенным. Предположение О.Н. Юлкиной, что народные выступления начались еще в правлении Аттала²¹, ничем не подкреплено, не подтверждается источниками и является абсолютно произвольным допущением. Текст декрета, на который она ссылается, «остаётся дискуссионным»²², но при всех неясностях — он не содержит никаких указаний на восстание. Все имеющиеся источники показывают, что восстание началось *после смерти* Аттала²³.

Как убедительно показал О.Ю. Климов, причиной восстания Аристоника были отнюдь не социальные мотивы, а желание претендента утвердиться на пергамском троне²⁴. Оно началось не как *социальное движение*, а как элементарная попытка претендента захватить власть! Участие в нем свободной бедноты и рабов невозможно объяснить их невыносимой жизнью в правлении Аттала. Единственно возможное объяснение заключается в умелой демагогической политике Аристоника. Как справедливо отметил Й. Хопп, только после тяжёлого поражения при Кимах претендент в качестве крайней меры обратился к рабам и малоимущим²⁵. Нельзя переносить острую ситуацию 133–130 гг. до н.э. на предыдущие годы, для этого у нас просто нет никаких оснований. Благодаря участию низов восстание, даже независимо от целей претендента, обрело социальную окраску. Устремления вождя и характер восстания не обязательно совпадают. Но это еще отнюдь не означает, что социальный вопрос остро стоял в Пергаме еще до смерти Аттала. Считать выступление Аристоника «классовой войной»²⁶ просто методологически безграмотно.

Таким образом, данную позицию в историографии (передача царства Риму, чтобы подавить в Пергаме революцию), порожденную сугубо классовым подходом, очевидно, следует признать ошибочной и исключить из дальнейшего обсуждения.

2) Аттал был последним законным представителем царского рода, и у него просто не было наследников²⁷. Поэтому он и завещал свое царство Риму. Однако все источники (Страбон, Ливий, Флор, Диодор, Юстин, Евтропий, Орозий), за исключением Плутарха (Flam. XX1) и Веллея Патеркула (II.IV.1)²⁸, признают царское происхождение Аристоника. Как подчеркивают У. Вилькен и Й. Хопп²⁹, он действительно был единокровным братом Аттала, сыном царя Эвмена II, хотя и от наложницы.

В период эллинизма такое происхождение не являлось препятствием для восхождения на трон, чему можно привести множество примеров. Самый яркий — это царь Македонии Персей, рожденный наложницей Филиппа V. Аристократы и армия признали его законным наследником и никаких сомнений в легитимности его власти не высказали. Наконец, Аттал мог официально усыновить Аристоника, и сенат не стал бы возражать против этого, поскольку это соответствовало и римским обычаям³⁰.

Следовательно, эту версию, как необоснованную, также можно исключить из дальнейшего обсуждения проблемы.

3) Аттал не был расположен к своему наследнику, и из нелюбви к нему передал царство Риму³¹. Утверждение совершенно бездоказательное, т.к. источники не содержат вообще никакой информации о взаимоотношениях братьев. Да и выглядит это объяснение слишком уж прямолинейным и упрощенным, в мировой истории вообще нет примеров передачи государства соседу из-за неприязни к собственному наследнику. Только нелюбовь к брату, даже если допустить ее существование, не может объяснить завещания Аттала. Несомненно, здесь были задействованы другие, более существенные факторы.

Получается, что и третью позицию не стоит рассматривать всерьез.

4) Четвертый блок мнений — понимая, что Рим доминирует, полагая, что прямое римское правление будет полезнее для Пергама, и не желая противиться неизбежному³², Аттал хотел избавить свою страну от раздоров после своей смерти и от притязаний соседних царей³³.

Такой подход представляется вполне обоснованным, но он нуждается в развитии, т.к. выглядит неполным и несколько односторонним. Пергам процветал, и у пергамцев не было оснований опасаться будущего. По справедливому замечанию А. Шервин-Уайт, эта версия была бы убедительнее, если бы Аттал жил двадцатью годами позже³⁴.

5) К предыдущей близка позиция Р. Макшейна: вслед за Дж. Свэйном³⁵ он полагает — Аттал ожидал, что Рим будет покровительствовать грекам, защитит их от давления враждебного им Востока и на много веков установит верховенство эллинской культуры на Ближнем Востоке³⁶. Не особо веря в римский альтруизм, царь внёс в завещание пункт об автономии города Пергам³⁷.

Объяснение довольно наивное — римлянам не было никакого дела до распространения греческой культуры на Восток, да и едва ли Аттал вообще думал об этом.

6) Завещание объясняется традиционной проримской политикой Пергама. А также тем, что пергамцы были обязаны Риму за его победу над галатами. Да и присоединение царства было неизбежно как центра для контроля над Малой Азией³⁸. Версия неубедительна. Если бы Аттал завещал царство Аристонику, тот тоже вынужден был бы проводить точно такую же проримскую политику.

7) Особняком стоит версия Р. Виппера: возможно, царь задолжал римским капиталистам, и вынужден был отдать им свой залог — всю свою страну³⁹. Оставим её без комментариев.

8) Д. Боудер вслед за Т. Моммзеном⁴⁰ допускает, что причина завещания — злоба Аттала против своих подданных⁴¹. Ещё до неё, видимо, тоже под влиянием авторитета Т. Моммзена, А. Вэйгал предположил, что завещание царя объясняется «его ненавистью к своей семье и его безразличием к своим подданным»⁴². И ненависть к семье, и безразличие к подданным — всё это явно противоречит показаниям эпиграфических источников, показывающих царя заботливым правителем. У Аттала не было оснований гневаться на всех своих подданных. И уж тем более — наказывать их таким оригинальнейшим способом.

9) Весьма любопытную версию, к сожалению, без указания имени её автора, мы встретили в Internet: Аттал завещал царство Риму, возможно, с целью улучшить положение своих подданных (?! — А.Б.) и избавить их от бессмысленного кровопролития⁴³. Оставим и её без комментариев.

10) Аттал завещал царство Риму добровольно и без давления со стороны Рима⁴⁴. Однако имеются и противоположные мнения. Ещё более ста лет назад Г. Дюкудре полагал, что Рим *заставил* признать себя наследником Аттала III⁴⁵. Завещание, вероятно, следует приписать энергичным усилиям ловкой и вероломной римской дипломатии⁴⁶. Завещание было составлено не добровольно, оно — особая форма римской «мирной» экспансии⁴⁷. Последнее предположение представляется нам вполне обоснованным, но оно нуждается в дополнительной аргументации.

Заканчивая обзор **историографического аспекта проблемы**, мы вынуждены констатировать некий *историографический тупик*. Во-первых, многие объяснения в историографии выглядят неубедительно. Во-вторых, Диана Боудер пишет — «Мотивы завещания не ясны»⁴⁸. Джозеф Свэйн — «Мы не знаем ни времени, ни обстоятельств, при которых он написал завещание, и не можем объяснить его мотивы»⁴⁹. Ф. Старк — «мотив этой щедрости царя никогда не будет установлен»⁵⁰. О.Ю. Климов констатирует «неутешительный вывод о том, что загадка последнего царя Пергама до сих пор так и не решена»⁵¹ и соглашается с мнением, что «затянувшаяся в науке дискуссия по завещанию Аттала не в состоянии добавить что-либо существенное»⁵². Видимо, к такому же неутешительному выводу пришли многие современные учёные, т.к. 30–60-е гг. XX века дали довольно много публикаций по интересующей нас теме, но затем наступило явное затухание интереса к ней и дискуссии о завещании Аттала.

С этим трудно смириться. И мы рискуем, никоим образом не претендуя на истину в последней инстанции, а выдвигая всего лишь собственные версии, *попытаться* добавить все-таки что-нибудь существенное.

Для этого необходимо затронуть прежде всего *дипломатический аспект проблемы*, обращая внимание на то, что ускользнуло от внимания исследователей.

Достоверно известно пять случаев царских завещаний в пользу Рима.

1) В 155 г. до н.э. Птолемей Эвергет завещал Киренское царство Риму, если умрет бездетным⁵³. Смысл завещания состоял в том, чтобы сделать для Птолемея IV Филометора, правителя Египта, бесполезным убийство своего брата Эвергета. Ведь в случае его смерти Кирена досталась бы не Египту, а Риму. Сенат одобрил это завещание, т.к. не хотел, чтобы Кирена была присоединена к Египту. Не исключено, что сами римляне подсказали Эвергету такой ход, чтобы оградить его от притязаний Египта, дать ему гарантии личной безопасности, стать гарантом выполнения последней воли царя, а при удачном стечении обстоятельств (бездетность царя) получить Кирену.

2) Завещание Аттала III в 133 г. до н.э.

3) Завещание Птолемея Апиона в 96 г. до н.э. По нему Кирена действительно перешла в руки римлян.

4) Завещание Птолемея X Александра I в 88 г. до н.э.⁵⁴. Впоследствии оно использовалось римской дипломатией для давления на египетское правительство и обоснования законности присоединения Египта к Римской державе.

5) Завещание Никомеда IV Филопатора в 74 г. до н.э., по которому Рим мирным путем, без войны, прибрал к рукам Вифинию.

Поскольку завещание Аттала лишь одно из пяти, то здесь уже нельзя говорить о *случайности*. Скорее — речь идет о *тенденции*. Обкатав саму идею на завещании киренского царя в 155 г. до н.э., римляне успешно применили ее к Пергаму в 133 г. до н.э. и еще трижды использовали в дальнейшем⁵⁵.

Все это не может быть просто случайным совпадением. Можно утверждать, что среди богатого арсенала дипломатических средств и приемов, с помощью которых римляне завоевали полмира, есть место и для завещаний вассальных царей, которые использовались римским сенатом для увеличения территории римского государства. Это позволяет под новым углом взглянуть на основные принципы римской внешней политики. Не приходится сомневаться, что завещания были инициированы самим Римом, и их появлению предшествовала кропотливая работа сената по их подготовке. В том числе — соответствующая «психологическая обработка» царей.

В своё время ещё Э.Д. Гримм обратил внимание на обстоятельство, почему-то проигнорированное последующими поколениями учёных — на реформы Тиберия Гракха нужны были деньги, которых в казне просто не было. И тут очень кстати подошло завещание Аттала, чему сенат был рад, т.к. казна пуста, а богатый Пергам — выгодное поле деятельности для римских откупщиков и торговцев⁵⁶. Но Тиберий хотел показать сенату, что нельзя бороться с всемогущим представителем народа, и потребовал, чтобы пергамские деньги пошли только на его реформу, отчего нобили пришли в бешенство⁵⁷. Это требование Гракха было выдвинуто без предварительных консультаций с сенатом⁵⁸. Завещание было нужно и выгодно как сенату, так и Гракху, на тот момент ставшему одним из влиятельнейших лиц Республики. Любопытная деталь — посольство, доставившее из Пергама текст завещания, обратилось не в сенат, а к Тиберию, хотя Гракхи никогда не были патронами Пергама. Это невозможно объяснить только «наследственными узами гостеприимства»⁵⁹, связывающими Гракхов с Атталидами. Скорее, причина в том, что влиятельный Тиберий много сделал для появления самого завещания, действуя согласованно с сенатом. Этим, видимо, и объясняется гнев сенаторов: плоды совместно проведённой акции Тиберий решил использовать исключительно для собственных целей.

Невозможно согласиться с Хабиштом, утверждающим, что для римлян завещание стало сюрпризом⁶⁰. К тому же — его никак нельзя рассматривать изолированно, вне тех событий, которые происходили в восточном Средиземноморье в 60–30 гг. II в. до н.э. Каков же был дипломатический фон событий, обычно игнорируемый историографией? Устранив своих главных конкурентов, Македонию и Селевкидское царство, Рим стал намного жестче к недавним союзникам. Теперь ему были нужны не союзники, а подданные, и сенат стал на путь прямой аннексии. Этот переход начался вскоре после разгрома Македонии в 168 г. до н.э.

Именно тогда римляне ослабили и унизили Родос, очень жестко повели себя с Пергамом, недвусмысленно дали понять Ахейскому союзу, кто теперь хозяин Греции. В 146 г. до н.э. Греция фактически стала римской провинцией. Было очевидно, что очередь за Пергамом.

Естественно, Аттал понимал это и мог предположить, в каком направлении развивается общая тенденция. Посольства из Рима периодически посещали вассальные царства для ознакомления с ситуацией в них и утверждения про-римской политики их правителей. Очевидно, они и подготовили Аттала к мысли о неизбежности поглощения его царства Римом — ещё в первый период его правления, пока он ещё сохранял физическое и психическое здоровье.

Если завешание было написано именно в это время⁶¹, то тогда в нём соединились инициатива Рима и мудрость Аттала. Вспомним древнее изречение — «Разумный человек не спорит с неизбежным». Для царя это был вынужденный шаг. Для римского сената — продуманный и просчитанный. Сенат владел всей полнотой информации о ситуации в зависимых государствах и мог влиять на неё не только через своих послов. Хорошо известно, что во всех зависимых от Рима государствах были «агенты влияния» римского сената. Была и настоящая действующая агентура, что хорошо видно на примерах из римской политики на Балканах (Калликрат в Ахейском Союзе — послушный проводник воли сената). Вообще царские завешания в пользу Рима можно признать одним из средств изолированной римской дипломатии. Последний вывод представляется нам имеющим полное право на существование.

Прошло не больше 13 лет с момента разгрома римлянами Ахейского союза и уничтожения Коринфа. Понимая, что в покое Пергам все равно не оставят, и могут покорить так же жестоко и кроваво, как и Ахейский союз, Аттал, видимо, и решил отдать царство Риму добровольно. Чтобы *неизбежное* поглощение произошло хотя бы бескровно. Не исключено, что такую же мысль внушали ему и римские дипломаты, а к их словам разумные люди уже давно вынуждены были прислушиваться. Царь Аттал, вне всяких сомнений, в начале своего правления был разумным человеком.

И он показал себя не только проницательным правителем, способным предвидеть будущее, но и настоящим гуманистом. Можно предположить, что он действительно хотел спасти Пергам от кровопролития. И тем самым продемонстрировал высокий уровень государственного и политического мышления⁶².

Не вина Аттала, что кровь все-же пролилась. Аристоник, исходя из своих корыстных побуждений, обманул народ. И простой люд, в очередной раз, проявив свой низкий уровень политического сознания и понимания ситуации, ввязался ради красивых лозунгов в бессмысленную авантюру, пытаясь вместо «чужого» Рима посадить себе на шею «своего» царя.

Чем это закончилось для пергамцев — хорошо известно.

Вместе с тем в качестве гипотез можно высказать и несколько альтернативных суждений.

1. Возможно, правы как те исследователи, которые полагают, что Аттал завещал Риму только царские земли, так и те, что настаивают на передаче всего царства. Примирить их позволяют следующие соображения. Анализ римской юридической лексики приводит к выводу, что авторы понимали текст завешания как полную передачу царства. Но это римская юридическая лексика. Насколько адекватно она отражает содержание завешания, в котором использовались иные — эллинистические юридические формулировки? Фраза декрета «оставил отечество наше свободным, присоединив и гражданскую землю, кото-

рую он выделил» (стрк. 5-6) — вероятно, ограничивает наследственное имущество только царскими землями, личной собственностью царя. Это мнение царя, выраженное в завещании. Но по римским понятиям собственностью царя является всё его государство, без деления на царский домен и земли полисов либо общин.

Таким образом возникает противоречие, о котором Аттал *мог и не подозревать*. Он мог полагать, что оставил римлянам лишь свой домен, но по их восприятию — всё царство. И они могли абсолютно искренне считать именно так. Это может объяснить, почему римляне, действительно дотошные во всём, что касается правовых аспектов, не позаботились сохранить сам текст завещания, лишь кратко пересказываемый в источниках. Исчезновение завещания снимало противоречия по его толкованию. Тогда получается, что римляне просто не были заинтересованы в его сохранении.

2. Если в завещании было написано, что какая-то часть государства должна остаться «свободной», то это напрямую противоречило нормам римского частного права. По римскому праву «завещание не существует, если наследник в нём не обозначен»⁶³. Если при этом был назван поимённо хотя бы один наследник, то он и считался единственным законным наследником. В таком случае он и получал всё наследственное имущество. В современном гражданском праве это называется «приращение доли наследства» — вместо тех, кто не вступил, или не имел права вступить в наследство, их долю получает оставшийся наследник.

Исходя из формально-правовых аспектов римского права, единственным наследником могло остаться только римское государство⁶⁴. В таком случае источники формально справедливо указывают, что Аттал оставил царство римскому народу.

3. Фраза из пергамского декрета «утвердить завещание у римлян» (стрк. 7), в принципе, может иметь неоднозначное толкование. Слово *ἐπι-κύρω*, аорист *ἐλκύρω*, с родительным падежом может означать «получать долю, удел, в чём-либо». Это ведь можно перевести и так — следует «получить свою долю по завещанию у римлян». Тогда не возникает видимого противоречия с предыдущей фразой — «оставил отечество наше свободным, присоединив и гражданскую землю, которую он выделил» (стрк. 5-6).

Такое толкование, как представляется, подтверждает мнение тех, кто полагает, что Риму предназначалась только часть Пергамского царства.

4. Глагол *ἐπι-κύρω* кроме значения «утверждать», переводится и как «решать», «определять». Фраза из седьмой строки декрета может иметь перевод «решить с завещанием у римлян», или — «определиться с завещанием у римлян». Поскольку Пергам находился под патронажем, а фактически — господством Рима, то в любом случае завещание его царя должно было получить санкцию сената, что бы там ни было написано в тексте самого завещания.

Но в таком случае, гипотетически можно предположить версию, которая вообще ни разу не прозвучала в историографии проблемы. Возможно, Рим вообще не фигурировал в завещании в качестве наследника! А был назван только гарантом соблюдения последней воли царя, его «душеприказчиком». Здесь можно провести параллели с известным случаем — в 204 г. до н.э. опека над

малолетним Птолемеем V официально была передана Риму в надежде, что он защитит страну, гарантирует соблюдение завещания и права нового царя на трон Египта. Рим стал гарантом египетской безопасности⁶⁵. Следовательно, не только Птолемей, но и весь Египет оказался под опекой Рима⁶⁶.

Такая практика — просить сенат обеспечить выполнение завещания царя, была довольно обычной для зависимых государств-клиентов. Намного позже, в 51 г. до н.э., Птолемей Авлет завещал царство сыну и дочери, чтобы они правили совместно. При этом он просил сенат принять опеку над юными правителями и быть не только опекуном, но и гарантом соблюдения завещания.

Т.о., фраза декрета «утвердить завещание у римлян» при любом варианте перевода — утвердить, определиться с текстом завещания, решить судьбу завещания — может иметь два варианта понимания. Первый — получить согласие сената **принять** причитающееся ему наследство: всё царство либо только его часть. Второй вариант — получить согласие Рима **признать** завещание, оставляющее «отечество наше свободным». Последняя версия тоже имеет право на существование, поскольку народное собрание, принимая важные решения своим декретом, фактически уже выступило в роли руководителя страны.

Нет ничего невероятного в том, что царь Аттал решил, как это ни странно, после своей смерти оставить Пергам полисной республикой, свободной. И просил сенат утвердить его завещание, стать гарантом его соблюдения. Такое понимание текста декрета вполне вероятно. В данном случае судить мы можем только по нему, т.к. завещание не сохранилось, а римские источники выражают римский взгляд на проблему.

Но и в этом случае сенат не мог признать завещание, назначающее наследником царя народ (граждан) Пергама. Не конкретизированная личность наследника, по римскому праву, лишала завещание юридической силы. К тому же богатое царство Рим и сам хотел бы получить в качестве новой провинции. В середине II в. до н.э. в римской политике завершилась дискуссия о судьбах зависимых или покорённых территорий — победили сторонники их аннексии. С этого времени чётко наметилась тенденция переводить зависимые страны в статус провинций. Завещание Аттала III в любом случае давало легальную возможность аннексии Пергама. Даже если Рим фигурировал в завещании лишь в качестве гаранта исполнения воли царя, а не его наследника. Сенат, как опекун страны, мог пересмотреть решение царя и «назначить» наследником себя — по причине отсутствия других наследников.

Но поскольку для римской политики вообще свойственно стремление придавать всем своим действиям характер справедливости и законности, то официальная версия сената, затем повторяемая в римских источниках, гласила, что Аттал передал царство римскому народу.

Высказанные альтернативные суждения, естественно, уязвимы для критики. Но они показывают возможность различного подхода к решению сложнейшей проблемы завещания Аттала III. Само завещание, скорее всего, существовало в одном экземпляре, и очевидно, утрачено безвозвратно. Вероятно, пергамский декрет тоже не имеет дубликатов — тексты, высеченные на каменных плитах, стоили дорого.

Однако можно надеяться, что будет обнаружено несохранившееся окончание декрета. Возможны и какие-нибудь другие находки, проливающие дополнительный свет на рассматриваемую проблему. В любом случае всё вышесказанное имело главной целью усилить интерес к завещанию Аттала — и четырём другим царским завещаниям в пользу Рима. И стимулировать дальнейшее их комплексное изучение, с привлечением новых методов и подходов. В том числе — с применением разностороннего филологического и правового анализа, сравнения римской и эллинистической юриспруденции, их сходства и различий в наследственном праве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. Duckworth, 1984. P. 80.
2. См.: Малые римские историки. В. Патеркул Римская история; Ф. Флор Две книги римских войн; Луций Ампейлий Памятная книжица. М., 1996. С. 319. Прим. 16.
3. *Кавтария Г.Е.* Тиберий Гракх и Блоссий Куманский // Известия АН ГССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси. 1988. № 1. С. 139.
4. *Штоль Г.* Боги и гиганты. М., 1971. С. 121.
5. Его датировка не вызывает сомнений. Подробнее см.: *Vogt J.* Pergamon und Aristinicos // Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina. Roma, 1959. S. 45; *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen, 1977. S. 133. Текст завещания прибыл в Рим в начале лета 133 г. до н.э. — см.: *Toynbee A.* Hannibal's legacy. Vol. 2. London, 1965. P. 54, Note 3.
6. См.: *Sands P.C.* The client princes of the Roman Empire. Under the Republic. Cambridge, 1908. P. 146.
7. *Broughton T.R.S.* Roman Asia Minor // An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. IV. Africa, Syria, Greece, Asia Minor. Baltimore, 1938. P. 505; *Ferguson J.* Utopias of the classical world. London, 1975. P. 141.
8. Перевод К.М. Колобовой с некоторыми изменениями О.Ю. Климова — см.: *Климов О.Ю.* Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 47.
9. Однако здесь возникает неясность — эта фраза «необходимо ради общей безопасности» происходит из **текста завещания**, или же это из **решения народного собрания**. То же самое следует сказать о предоставлении гражданских прав и прав пареков — это воля Аттала, высказанная в завещании, или самостоятельное решение народного собрания? Декрет **пересказывает** текст завещания или **сопровождает** его постановлениями народа? Если завещание следовало «утвердить у римлян», то, следовательно, оно не нуждалось в утверждении народом Пергама. «**Решил народ** по предложению стратегов» — отсюда следует, что завещание царя занимает в тексте всего 4 строки (стрк. 4-7), всё остальное — это **решение самого народного собрания**. Т.о., это самостоятельный документ, не дублирующий текст завещания. Тогда из него мы можем узнать только очень мало о содержании самого завещания.
10. *Юлкина О.Н.* Пергамский лекрет 133 г. до н.э. // ВДИ. 1947. № 2. С. 164.
11. *Климов.* Ук. соч. С. 47.
12. Там же.
13. См.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220-146 гг. до н.э. М., 1993. С. 267-287.
14. *Last H.* The wars of the age of Marius // CAH. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 102.

15. *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. Vol. I. Princeton, 1950. P. 33.
16. *Braund D.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. New York; London, 1984. P. 7. — Речь идёт о территориальных дарах царям, участвовавшим в подавлении восстания Аристоника.
17. *Юлкина О.Н.* Пергамский лекрет 133 г. до н.э. С. 164; *Вейнберг В.П.* Образование провинции Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. С. 3, 7, 10; *Ковалёв С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 330-331; *Квезерели-Конадзе Н.Н.* Восстание гелиополитов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955. С. 8-10; *Ильинская Л.С.* Римская экспансия в Малой Азии в конце республиканского периода (I в. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 11-12, 16; *Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские отношения. Ч. 1. Тбилиси, 1981. С. 32.
18. *Гладкий В.Д.* Древний мир: Энциклопедический словарь. Т. 1. Донецк, 1997. С. 65. Почти теми же словами — в серьёзных коллективных изданиях: см.: История Востока. Т. 1. Восток в древности. М., 1997. С. 529; Всемирная история. Т. 4. Эллинистический период / Ред. А.Н.Бадак и др. Минск, 1997. С. 467.
19. *Rostovtzeff M.* SEHNW. Vol. 2. Oxford, 1941. P. 807; Great Events from History. Ancient and Medieval Series. Vol. 1. 4000-1 B.C. / Ed. by F.N.Magill. New Jersey, 1972. P. 487.
20. *Stark F.* Rome on the Euphrates. London, 1966. P. 36; *Grant M.* From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. New York, 1982. P. 15, 70.
21. *Юлкина.* Ук. соч. С. 166-168. Это же утверждение некритично повторено в Истории Востока. Т. 1. С. 529.
22. *Drew-Bear T.* Three Senatus Consulta concerning the Province of Asia // Historia. 1972. Bd. XXI. Hft. 1. P. 75.
23. *Kim K-H.* On the Nature of Aristonicus's Movement // Forms of Control and subordination in Antiquity. Leiden, 1988. P. 159. Сравн.: *Toynbee A.* Op. cit. P. 602.
24. *Климов О.Ю.* К оценке характера восстания Аристоника в Пергаме // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д.Фролова. СПб., 1998. С. 227-235; *Он же.* Царство Пергам. С. 48-52. О том же: *Habicht C.* The Seleucids and their rivals // CАН. Vol. VIII. Cambridge, 1989. P. 379.
25. *Hopp J.* Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen, 1977. S. 149.
26. *Eddy S.K.* The king is dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism 334-31 B.C. Lincoln, 1961. P. 167; *Stark.* Op. cit. P. 36; *Ломоури Н.Ю.* К истории понтийского царства. Ч. 1. Тбилиси, 1979. С. 63.
27. *Long G.* The decline of the Roman Republic. Vol. 1. London, 1864. P. 190; *Gilman A.* Rome. From the earliest times to the end of the republic. London, 1885. P. 166; *Marsh F.B.* A History of the Roman world from 146 to 30 B.C. London, 1934. P. 41; *Robinson C.E.* A History of the Rome from 753 B.C. to A.D. 410. London, 1935. P. 97; *Jonkers E.J.* Social and economic commentary on Cicero's De imperio Cn. Pompei. Leiden, 1959. P. 1.
28. «Аристоник, выдумавший себе царское происхождение...»
29. *Wilken U.* Aristonicos // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 962-964; *Hopp.* Op. cit. S. 122. Not. 8.
30. *Sherwin-White A.N.* Op. cit. P. 80; Idem. Roman Involvement in Anatolia 167-88 B.C. // JRS. 1977. Vol. LXVII. 67.
31. *Burn A.R.*, *Edwards J.M.B.* Grece and Rome 750 B.C. / 565 A.D. Glenview, 1970. P. 106; *Bowder D.* Op. cit. P. 66.
32. *Boak A.E.R.* A history of Rome to 565 AD. New York, 1945. P. 138; *Heuss A.* Ronische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 116; *Swiderek A.* Hellada krolow. Warszawa, 1967.

- S. 363; *Hansen E.V.* The Attalids of Pergamon. 2nd ed. Ithaca, London, 1971. P. 148; *Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. М., 1984. С. 78
33. *Rostovtzeff M.* Pergamum // САН. Vol. VIII. Cambridge, 1930. P. 618; *Habicht.* Op. cit. P. 377; *Magie.* Op. cit. P. 33. М.Ростовцев говорит о благостных для Пергама последствиях превращения его в римскую провинцию: Pergamum. P. 618; Idem. SEHRE. Oxford, 1926. P. 8. Ранее такой же тезис постулировал П.Уссинг (см.: *Ussing P.* Pergamos, seine Geschichte und Monumente. Berlin, 1899. S. 55-56. Однако положительные последствия для Пергама проявились далеко не сразу, и более прав Д. Мэйджи — Пергам стал провинцией под игом римских публиканов (Op. cit. P. 33). В другой своей работе (написанной ранее!) М.И.Ростовцев пишет, что царь решил передать страну Риму, опасаясь, что сам не сможет защитить её от всевозрастающей анархии, охватившей Малую Азию, и признаёт, что римляне мало заботились о процветании своих новых владений (Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., 2000. С. 26) — с последним утверждением спорить невозможно, но тезис об анархии на полуострове выглядит бездоказательным. Да и сил у Пергама было достаточно, чтобы противостоять соседям — в этом могли убедиться его традиционные враги галаты и вифинцы
 34. *Sherwin-White A.N.* Roman Involvement in Anatolia... P. 66.
 35. *Swain J.W.* The Ancient World. Vol. 2. The World Empires: Alexander and the Romans after 334 B.C. P. 234.
 36. *McShane R.B.* The foreign policy of the Attalids of Pergamon. Urbana, 1964. P. 194, 198. Ранее подобную мысль высказал Л.Педроли — союз Атталидов с Римом спасал эллинизм Малой Азии (*Pedroli L.* Il regno Pergamo. Torino, 1896. P. 4. Позже — см.: Great Events from History. Ancient and Medieval Series. Vol. 1. P. 487.
 37. *McShane.* Op. cit. P. 194.
 38. *Last.* Op. cit. P. 102.
 39. *Bunner P.* Очерки истории римской империи. М., 1908. С. 38.
 40. «Трудно сказать, завещал под влиянием **безумной злобы против своих подданных, мучившей его всю жизнь**, или это было лишь признанием фактического верховенства Рима» — *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. Кн. 3. Кн. 4. С. 307. Маститый учёный допускает явное преувеличение «злобы» царя, тем более — «мучившей его всю жизнь». Это чрезмерно эмоциональное заключение не соответствует действительности.
 41. *Bowder.* Op. cit. P. 66.
 42. *Weigall A.* The life and time of Marc Antiny. London, 1931. P. 16.
 43. Атталиды // <http://www.krugosvet.ru/articles/05/1000569/1000569al.htm>
 44. *Badian E.* Roman imperialism in the late republic. Ithaca, New York, 1981. P. 21.
 45. *Дюкюдре Г.* Краткая история цивилизации. Т. 1. Древний мир. СПб., 1895. С. 246.
 46. *Манандян Я.А.* Тигран II и Рим. В новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943. С. 13.
 47. *Колобова К.М.* Аттал III и его завешание // Древний мир. Сб. статей. М., 1962. С. 545.
 48. *Bowder.* Op. cit. P. 66. Теми же словами ранее — А. Джоунс (*Jones A.H.M.* The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 57.) и — Great Events from History. Ancient and Medieval Series. Vol. 1. P. 487.
 49. *Swain.* Op. cit. P. 234. О том же — *Rawson E.* The Expansion of Rome // The Oxford History of the Classical World / Ed. by J.Boardman. Oxford, 1986. P. 419.
 50. *Stark.* Op. cit. P. 36.
 51. *Климов О.Ю.* Царство Пергам. С. 47.

52. *Sherwin-White A.N.* Foreign Policy... P. 82. Note 11; *Климов О.Ю.* Царство Пергам. С. 47.
53. Подробнее см.: *De Sanctis G.* Il primo testamento regio a favore dei romani // *Rivista di filologia e d'istruzione classica* (nuova serie). 1932. № 10. P. 59-67; *Wilken U.* Das Testament des Ptolemaios von Kyrene vom Jahre 155 v. Chr. // *Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Klasse.* 1932. №14. S. 317-336; *Жебелёв С.А.* Манифест Птолемея Киренского // *Известия АН СССР. VII серия. Отдел общественных наук.* № 6-7. Л., 1933. С. 391-405.
54. Подробнее см.: *Badian E.* The Testament of Ptolemy Alexander // *RM.* 1967. Hft. 2. P. 178-192.
55. Позже император Август, уже не утруждая себя трудами по **подготовке завещания в пользу Рима**, просто своей собственной волей объявляя сам себя наследником умерших правителей. Так было с Мавританией после смерти царя Бохуса в 33 г. до н.э. (см.: *Нони Д.* Калигула. Ростов-на-Дону, 1998. С. 297). В 25 г. до н.э. в качестве наследства он востребовал Галатию в Малой Азии (см.: *Виттенгоф Ф.* Император Август // *Создатели империй.* Ростов-на-Дону, 1998. С. 394). Здесь наблюдается определённая преемственность с политикой сената II—I вв. до н.э., но Август уже мог себе позволить действовать жёстче, более прямолинейно и более откровенно. В предшествующую эпоху «экспансионизм через царские наследства» приходилось проводить в более мягких и завуалированных формах. Но связь между этими двумя этапами нам представляется очевидной. Вероятно, император хорошо знал и учитывал опыт своих предшественников.
Позже появилась ещё одна форма «наследования»: зависимому правителю даровали римское гражданство. Как римский гражданин, с юридической точки зрения, он возглавлял римское же имущество. После его смерти возникали легальные основания «вернуть» (или «принять») римское добро в состав Римского государства.
56. *Гримм Э.Д.* Гракхи. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894. С. 57.
57. Там же. Ср.: *Сергеев В.С.* Реформы братьев Гракхов. Горький, 1935. С. 12.
58. *Badian.* Op. cit. P. 21.
59. Op. cit. P. 21, 47.
60. *Habicht.* Op. cit. P. 378; Так же полагает А. Гринидж: *Greenidge A.H.J.* A history of Rome during the later republic and early principate. Vol. I. London, 1904. P. 129.
61. Впрочем, это весьма сомнительно — см. прим. 62. Больше оснований полагать, что завещание было написано в последний период правления царя, может быть — даже нескольких последних месяцев, когда он уже был серьёзно болен и физически, и психически. В таком случае можно считать, что оно вообще не имеет юридической силы.
62. Мы не будем рассматривать здесь нашу версию о том, что царь составил завещание в самом конце своего правления, будучи уже физически и психически больным человеком, не совсем понимающим, что он, собственно, делает. (См.: *Беликов А.П.* Болезнь и смерть Аттала III: попытка историко-медицинской реконструкции // *Наука и образование. Известия южного отделения Российской академии образования и Ростовского государственного педагогического университета.* Ростов-на-Дону, 2003. № 1. С. 120-128). В любом случае, как представляется, просматривается влияние Рима на принятое царём решение, возможно — даже давление на него.
63. *Мусаев Р.М.* Наследование в римском частном праве // *Античный вестник.* Вып. VII. Омск, 2005. С. 141.
64. Другое дело, что по тем же формально-правовым аспектам завещание царя, по-

следние месяцы правления явно психически больного (не в здравом уме и трезвой памяти) — не могло иметь юридической силы.

65. См.: *Lloyd A.B.* Ptolemaic period (332-30 B.C.) // *The Oxford history of Ancient Egypt* / Ed. I.Shaw. Oxford, 2000. P. 421.

66. *Нич К.* История Римской республики. М., 1908. С. 203.

ATTAL THE III TESTAMENT: SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

A.P. Belikov

The king of Pergam Attal III Philometor Everget, who died in the spring of 133 BC, bequeathed his empire to Rome. There is an extensive historiography on the problem of this will. The main and most debatable questions are why and, as a matter of fact, what Attal had bequeathed to Rome. Messages from the sources are very poor; therefore there is not a general opinion on these questions in the researches. The decree of the national assembly of Pergam, accepted in 133 BC, unequivocally confirms the fact of existence of the will which had been done in favour of Rome. Thus, a part of a preliminary problem can be regarded as a solved one — the will really existed. But, had it really transferred Pergam to Rome or had any different content? The issue remains open.

© 2008 г.

В.А. Квашнин

КАТОН ЦЕНЗОР И СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ В СИЦИЛИИ (205/204 гг. до н.э.): ИСТОРИЯ И РИТОРИКА В ПРОСТРАНСТВЕ НАРРАТИВА

Конфликт Катона Цензора и Сципиона Африканского является одним из самых популярных сюжетов заключительного этапа Ганнибаловой войны. Практически ни одна работа, посвященная этим выдающимся государственным деятелям, не обходится без упоминания о ссоре исполнявшего должность квестора Катона со своим начальником. Изложение событий, связанных с выступлением Катона против Сципиона сначала в Сицилии, а затем и в сенате в Риме основывается на античной традиции — сочинениях Корнелия Непота, Тита Ливия и Плутарха. При этом широкая известность сочинений этих древних авторов порой заставляет исследователя игнорировать методы историко-критического анализа, приводит к тому, что он попадает под своего рода «гипноз» источников, навязывающих ему свое видение и логику. Между тем даже, казалось бы, хорошо известные факты и события порой выглядят по-иному при детальном изучении и сравнении источников, позволяя внести коррективы в устоявшиеся представления.

Общим местом в науке об античности стало положение о том, что при рабо-

те с источниками необходимо учитывать синкретичность греко-римской историографии, впитавшей в себя элементы литературы, риторики и собственно истории. В связи с этим при использовании данных древних авторов необходимо учитывать методы их работы с историческим материалом. В этом отношении особый интерес представляет Ливий, поскольку его фундаментальный труд является своеобразным итогом определенного этапа развития римской историографии, формировавшейся под сильным влиянием эллинистических традиций¹. Созданию эффекта убедительности и правдоподобия в историческом сочинении в наибольшей степени способствовала риторическая техника, детально разработанная еще греческими теоретиками классического периода. В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что античным авторам было чуждо современное понимание смысла «ремесла» историка. В связи с этим подход древних историков к материалу определялся не целью исследования всей возможной совокупности фактов для познания на их основе определенных закономерностей исторического развития, а, напротив, исходя из общей идеи, авторской концепции, определявшей смысл повествования, шел отбор фактов, которые должны были обосновать и проиллюстрировать эту идею². По-видимому, в глазах древнего автора не обладало большой ценностью то историческое сочинение, в котором не содержались бы какие-то злободневные, актуальные для большого или малого социального сообщества, к которому принадлежал сам автор, вопросы и проблемы. Это представляется естественным для сознания, сформировавшегося в условиях античной гражданской общины. Реальная жизнь, таким образом, неизбежно должна была рассматриваться не сама по себе, в прямой и непосредственной данности, а через устанавливаемую автором аксиологическую шкалу, отражавшую устойчивые социокультурные характеристики данного общества. Риторическая обработка материала с ее заведомым «исправлением» исторической действительности приближала предмет исследования к существующей в общественном сознании модели истории, «какой она должна была быть», сглаживая противоречие между «реальным» и «должным». Как отмечает Г.С. Кнабе, «в эпосе Тита Ливия мы имеем дело не с одной лишь непосредственной римской действительностью как таковой и не с одним лишь общественным идеалом римской гражданской общины как таковым, а с объединяющим их римским мифом»³.

Уже в XIX в. в исторической науке возникло понимание необходимости критического анализа сведений древних авторов. Попытка критического осмысления историографического наследия античной цивилизации, чей авторитет, по крайней мере, со времени Возрождения был непререкаем, выглядит закономерным продуктом интеллектуального опыта эпохи европейского Просвещения. Возникшее и ставшее очень влиятельным к концу XIX в. соответствующее направление в антиковедении получило название гиперкритицизма. Издержки этого метода достаточно быстро стали очевидными, что вызвало справедливую критику идей исследователей, условно объединяемых в группу гиперкритиков, хотя их влияние ощущалось на всем протяжении следующего столетия. Новые данные, полученные исторической наукой (особенно в области археологии) вернули доверие к античной исторической традиции, перечеркнув многие выводы историков гиперкритического направления. При

этом, однако, никем из серьезных ученых не ставится под сомнение необходимость критического анализа сведений, сообщаемых античными авторами. В этой связи обращает на себя внимание научная деятельность Т.П. Вайзмана, вернувшегося в своих работах к проблеме достоверности античной традиции⁴. На многочисленных примерах он показывает часто причудливое соотношение истины и вымысла в сочинениях древних авторов. Методология исследований Т.П. Вайзмана безусловно не является воспроизведением идей, выводов и положений историков гиперкритического направления. Скорее, его работы следует рассматривать как новую попытку критического осмысления римской историографии, основанную на достижениях исторической науки XX в. В центре внимания последних работ Т.П. Вайзмана находится проблема римской мифологии, существование которой долгое время отрицалось в науке. Справедливо оценивая концепцию римской религии, лишенной мифологии как искусственную конструкцию, созданную учеными XIX в., Т.П. Вайзмен акцентирует внимание на той роли, которую играли в ней исторические мифы, заменившие мифы о богах, характерные для греческой мифологии. Воссоздавая богатый мир римского мифа, он показывает различные этапы его развития с VIII по конец I вв. до н.э. По мнению исследователя, римский миф прошел длительную эволюцию, впитав на начальной стадии своего существования бродячие мифологические и сказочные сюжеты, и постепенно трансформировавшись (прежде всего под влиянием греческой культуры) в сложное многослойное явление, окрашенное риторическими и драматическими формами⁵. Сильной стороной исследований Т.П. Вайзмана является стремление максимально полно выявить те условия, которые влияли на возникновение римских мифов, рассматриваемых «как часть диалога с культурными, социальными, политическими и историческими обстоятельствами»⁶.

Определяя римский миф как историческую, псевдоисторическую или полностью вымышленную историю общины, передававшуюся от поколения к поколению, исследователь последовательно ищет ту важную, но часто неуловимую стадию, когда исторические фигуры становились легендарными⁷. На этом пути он выделяет несколько этапов формирования римского мифа. По мнению исследователя, в конце IV — начале III вв. до н.э. был создан цикл мифов об основании Рима. На протяжении III в. до н.э. происходит формирование группы мифов, связанных с поисками определения римской идентичности, которые были призваны объяснить причины возвышения Рима. В результате был мифологизирован ряд исторических персонажей, ставших живым воплощением отдельных составляющих идеальной системы римских ценностей: Гай Фабриций Лусцин и Марк Атилий Регул — верности данному слову, клятве и традициям, Маний Курий Дентат — умеренности в своих потребностях, Луций Квинций Цинциннат — готовности к самопожертвованию и т.д. Сюжетная составляющая следующего этапа (II—I вв. до н.э.) полностью исторична, хотя и тенденциозно окрашена. В то же время и в этот период продолжается процесс мифологизации реальных исторических персонажей (таких, к примеру, как Публий Корнелий Сципион Старший), чьи деяния, манера поведения, убеждения в силу исторических обстоятельств стали легендарными и вошли в комплекс легенд и преданий о прошлом римской общины⁸.

Таким образом, римский миф, в отличие от «классических» мифологических систем, возникших еще на стадии первичной формации, сложился уже в условиях цивилизации. Формирование его, как попытался показать еще Ж. Дюмезиль, было связано с процессом трансформации архаического римского социума в античную гражданскую общину⁹. На это, в частности, указывает подчиненность римской мифологии морально-этическим идеалам, явно возникшим либо получившим актуальность в эпоху глубоких структурных изменений в римской общине. Своеобразие римского мифа, прежде всего, связано с тем, что вымысел и историческая реальность переплетены в нем необычайно тесно. Это объясняет, почему литературно-риторическое пространство сочинений древних историков, создаваемое римским мифом, не отрицает исторической реальности, а напротив, органично с ней сочетается, образуя зачастую нерасторжимое целое. Следовательно, важнейшей задачей современного исследователя является выявление контекста ситуации, воссоздаваемой древним историком, попытка понять, каким образом историческая реальность преломлялась в его сознании через морально-этические, социальные, политические стереотипы и представления.

С этой точки зрения определенный интерес представляет формирование традиции, относящейся к квестуре Катона, во время которой и произошло ставшее впоследствии знаменитым первое столкновение Сципиона Африканского с Цензором. Показательно, что даже по вопросу о времени квестуры Катона в античной традиции нет единства: Корнелий Непот датирует ее 205 г. до н.э., тогда как Цицерон и Ливий — 204 г. до н.э. (Nep.Cat.1.3; Cic.Senect.10; Brut. 60; Liv.XXIX.25.10). Первая дата выводится из сообщения Непота о том, что Катон, будучи квестором, служил под началом консула 205 г. до н.э. Публия Корнелия Сципиона Африканского. Ливий, отмечая участие Катона в африканской экспедиции, называет его квестором, хотя на момент перевозки войск консульский год уже закончился¹⁰. Цицерон однозначно относит квестуру Катона к 204 г. до н.э. Э. Марморале попытался обосновать эту датировку, опираясь на сообщение Цицерона об учреждении в год квестуры Катона *sodalitates Magnae Matris* — товариществ Великой Матери богов (Senect.45). По его предположению, Катон занимался организацией этих товариществ¹¹. Д. Кинаст, оспаривая выводы итальянского исследователя, отмечает, что даже если учреждение товариществ и относилось к обязанностям квесторов, это входило в круг обязанностей квесторов городских, а не провинциальных. Кроме того, священный камень, являвшийся воплощением Великой Матери, прибыл в Рим 4 или 12 апреля 204 г. до н.э., когда Катон должен был находиться в Сицилии, если принять в качестве даты его претуры 204 г.¹²

Выявленное противоречие в датировке событий может быть объяснено тем, что Непот по ошибке поставил «консул» вместо «проконсул» напротив имени Сципиона, что привело к переносу даты с 204 на 205 г. до н.э. Возможно и другое объяснение: Катон в 205 г. до н.э. был квестором в армии Сципиона, а в 204 г. до н.э. участвовал в перевозке войск в качестве проквестора (*pro quaestore*). При пролонгировании империя консула находившийся при нем квестор также получал проквесторские полномочия¹³. Из-за относительной незначительности данной магистратуры проквесторы крайне редко упоминаются в

источниках, поэтому римские анналисты, сведениями которых пользовались Цицерон и Ливий, вполне могли перепутать квестуру Катона с его проквестурой. Возможны оба предложенных варианта объяснения, хотя второй выглядит более предпочтительным, позволяя объяснить расхождения в версиях Непота и Ливия — Цицерона.

Наиболее подробный рассказ о квестуре Катона содержится у Плутарха. Приведем его полностью: «Из граждан постарше Катон сблизился с Фабием Максимом, знаменитым и чрезвычайно влиятельным человеком, однако больше всего привлекали Катона его жизненные правила, которые он взял себе за образец. Вот почему он не задумываясь стал противником Сципиона Старшего, который был тогда молод, но уже выступал против Фабия (побуждаемый, по-видимому, ненавистью Фабия к нему): посланный в Африку квестором при Сципионе и видя, что тот и на войне не отказался от своей обычной расточительности и щедро раздает солдатам деньги, Катон без всяких обиняков обличил его, ставя ему в упрек не величину расходов, а то, что он губит исконную римскую простоту, ибо воины, не зная нужды ни в чем, привыкают к удовольствиям и изнеженности. Сципион ответил, что, на всех парусах идя навстречу войне, он отнюдь не нуждается в таком чрезмерно аккуратном квесторе — ведь не в деньгах, а в подвигах ему придется отчитываться перед римским народом. Тогда Катон покинул Сицилию и вместе с Фабием в сенате обвинил Сципиона в том, что он бросил на ветер огромные деньги и вел себя как мальчишка, пропадая в палестрах и театрах, точно не на войну, а на праздник приехал. Дело кончилось тем, что в Сицилию послали плебейских трибунов с поручением привести Сципиона в Рим, если обвинения подтвердятся, однако тот убедительно показал, что подготовка к войне есть залог победы, что он, действительно, старался на досуге угодить друзьям, но что его человеколюбие и щедрость никак не означает легкомыслия по отношению к серьезным и важным делам, отплыл в Африку» (Cat. Mai. 3)¹⁴. Обращает на себя внимание внутренняя противоречивость сообщения Плутарха: если поводом к ссоре между Катонем и Сципионом служит нарушение последним норм взаимоотношений военачальника со своими солдатами, то обвинение и защита Сципиона строятся на посыле его легкомысленного «неримского» поведения, идущего вразрез с традиционной моделью поведения римского магистрата. Возможно, это является результатом того, что Плутарх объединил в рамках одного текста два эпизода (ссора квестора с консулом — обвинение квестором консула в сенате), извлеченных из разных источников. При этом если первый эпизод кажется вполне правдоподобным, то второй, по мнению Д. Кинаста выглядит совершенно невероятным в условиях того времени¹⁵.

Для того чтобы оценить степень достоверности информации Плутарха, прежде всего, необходимо определить источники, которыми он пользовался. В историографии существует несколько работ, посвященных исследованию источниковой базы катоновской биографии Плутарха¹⁶. Подробно вопрос об источниках Плутарха рассмотрел Д. Кинаст, который пришел к выводу о том, что в основе биографии Катона Старшего лежат, по крайней мере, три источника¹⁷. Это, во-первых, содержащий перевод греческих изречений и, вероятно, только после смерти Катона дополненный его собственными высказываниями сбор-

ник, изданный под его именем. Во-вторых, это биография Катона на греческом языке, основанная на большой биографии, принадлежащей Непоту (Кинаст убежден в существовании большой катоновской «Vita», от которой сохранилось только незначительное сокращение) и дополненная сведениями Цицерона и Ливия. Третьим источником Плутарха был также написанный на греческом языке антикатоновский политический памфлет, рисующий Цензора в черных тонах. В данном случае, однако, рассказ Плутарха явно основывался либо на сообщении Ливия, либо на сочинении кого-то из анналистов, сведениями которого Ливий пользовался¹⁸.

Сравним версии Плутарха и Ливия. Римский историк пишет: «Толковали не только о преступлениях Племиния и бедах локрийцев, но и о том, что сам Сципион ведет себя не по-римски и даже не по-военному: разгуливает в греческом плаще и сандалиях по гимнасию, занимается упражнениями и книжонками, и весь его штаб, такой же изнеженный и ленивый, наслаждается прелестями Сиракуз; Карфаген и Ганнибал выпали из их памяти, все войско испорчено своеволием, таким оно было в Сукроне в Испании, таково оно сейчас в Локрах — оно страшнее для союзников, чем для врага» (XXIX.19.11-13)¹⁹. Как можно заметить, у Ливия обвинение в неподобающем римскому магистрату поведении дополняется указанием на то, что Сципион пренебрегал традиционными методами дисциплинарного воздействия на армию, т. е. по сути, совпадает с содержанием первого эпизода у Плутарха. Однако, в отличие от Плутарха, сообщение Ливия логически связано с предшествующим эпизодом о локрийцах, подавших в сенат жалобу на легата Сципиона Квинта Племиния (Liv. XXIX. 19.1-9).

Обращает на себя внимание и то, что Ливий не называет имени обвинителя Сципиона, хотя ему известно, что Катон был при нем квестором. Более того, если буквально следовать общему смыслу сообщения Ливия, Катон так же как и Сципион может быть обвинен в неподобающем поведении, поскольку он входил в его штаб, а никаких оговорок относительно квестора историк не делает. В этой связи вполне оправданным выглядит мнение о том, что описание Ливия является частичной реминисценцией из «Веррин» Цицерона (Ver. V.31, 86, 137)²⁰. Сам Цицерон, видимо, ничего о выступлении Катона в сенате не знал, поскольку иначе он обязательно использовал бы эту информацию в своих сочинениях, увязывая деятельность Катона с фигурой Квинта Фабия Максима. Корнелий Непот также ничего не сообщает об этой истории, что вызывает большие сомнения в достоверности рассказа Плутарха. Кроме того, согласно Ливию (а у нас нет оснований сомневаться в правильности этой информации) Сципион назначает Катона командовать левым флангом римского флота вместе со своим близким другом Гаем Лелием (Liv. XXIX.25.10). Казалось бы, это исключает разрыв отношений между проконсулом и квестором, который должен был последовать после выступления последнего в сенате. В то же время в менее резкой форме конфликт между ними вполне мог иметь место. Ливий упоминает о том, что армия Сципиона была испорчена как своеволием солдат, так и произволом командиров. Сведения Ливия находят косвенное подтверждение у Полибия, и, особенно, у Аппиана и Диона Кассия, описывающих подавление мятежа солдат Сципиона в Испании в 206 г. до н.э. (Polyb. XI. 25-30;

App. Hisp. 34-36; Dio Cass. fr. 57.47; Zon. IX. 10.4-9). Во второй речи против Сципиона, произнесенной в сенате, Квинт Фабий Максим (Катон появляется там только у Плутарха), говорит о его неримских, «царских» методах (букв. «regio more») командования (Liv.XXIX.19.3-4). Плутарх, следуя изложению Ливия, дополняет его рассказ сообщением о ссоре Катона и Сципиона из-за щедрых раздач последним денег солдатам. Некоторые сомнения в реальности такого повода для служебного конфликта могут возникнуть в связи с тем, что Сципион использовал средства не из государственной казны (эрария), а собственные, в том числе собранные союзниками. Из рассказа Ливия, однако, вытекает только то, что на деньги, собранные Сципионом, был построен и снаряжен флот. О том, каким образом происходило снабжение армии Сципиона, историк ничего не говорит. Аппиан, на которого часто ссылаются в этой связи, также оставил достаточно неопределенное сообщение (Lyb.7). По сути, Аппиан держится в русле повествования Ливия, не давая никакой новой информации. Источники, таким образом, оставляют открытым вопрос о том, на чьи деньги финансировалась африканская экспедиция Сципиона. Более определенно можно говорить лишь о том, что источников финансирования было несколько, в том числе и деньги эрария. Без них вся сюжетная линия теряет смысл, так как непонятной становится роль квесторских полномочий Катона в возникшем конфликте.

В связи с этим следует обратить внимание на компетенцию и правовое положение квесторов. Название *quaestor* относилось к двум категориям римских должностных лиц — *quaestores classici* и *quaestores paricidii*. Варрон дает следующее определение, раскрывающее основные функции этих магистратов: «Квесторы — от слова «разыскание»: те, кто разыскивал общественные деньги и преступления» (Ll.V.81). *Quaestores classici* обладали рядом важных полномочий: выдача необходимых средств из эрария, учет долговых требований, предъявляемых к государственной казне, взимание и учет штрафов и неуплаченных долгов, надзор за похоронами и памятниками выдающихся граждан, расходы на которые согласно постановлению сената оплачивались из казны. Поскольку управление финансами осуществлял сенат, квесторы были тесно связаны с ним, не имея права распоряжаться средствами эрария без согласия либо распоряжения курии. Тесная связь квесторов с сенатом явно позволяла последнему осуществлять контроль над деятельностью высших магистратов в качестве военачальников и наместников провинций. Это позволяет понять эпизод с выступлением Катона в курии, который мог не существовать в реальности, но логично вытекал из полномочий римского квестора. То, что Катон мог информировать сенат о положении дел на Сицилии, давая негативную оценку деятельности Сципиона Старшего, не вызывает сомнений. Вполне вероятно, что эту информацию мог использовать Квинт Фабий Максим во время обсуждения в сенате жалобы жителей Локр на бесчинства войск Сципиона. Кроме того, квесторы ведали финансовой отчетностью, учитывая все поступления и расходы в *tabulae publicae*. Под надзором квесторов был архив сената, находившийся, как и эрарий, в храме Сатурна. Согласно Ливию, в V в. до н.э. появляются военные квесторы, сопровождавшие консула, отправлявшегося на войну (IV.43.3-4). Первоначально, видимо, в их обязанности входило наблюдение за

продажей военной добычи, выручка от которой либо распределялась среди легионеров, либо передавалась в эрарий. Позднее квесторы становятся армейскими казначеями. На хранении у них находился денежный фонд армии, который они получали из казны, и из которого выплачивали солдатам жалованье (Polyb.VI.39.15). Фактически такими же полномочиями обладали *quaestores provinciales*, направлявшиеся к проконсулу или претору, управлявшему провинцией. Однако в отличие от военных квесторов они постоянно находились в своих провинциях в течение всего срока должностных полномочий. Хотя Публий Сципион получил Сицилию в качестве провинции, наместником там был претор Луций Эмилий Пап (Liv.XXVIII.12-13). Поэтому, хотя источники не уточняют, к какому разряду квесторов принадлежал Катон, можно с уверенностью говорить о том, что он исполнял должность военного квестора.

Несмотря на то, что взаимоотношения между высшим магистратом и его квестором регулировались не только требованиями дисциплины и служебной субординации, но и морально-этическими нормами (Цицерон их уподоблял отношениям отца и сына)²¹, у Катона были все основания иметь свою точку зрения на положение дел в армии Сципиона. Следует обратить внимание на определенную двусмысленность положения Катона в окружении Сципиона. По сути, он был представителем сената, который, согласно нашим источникам, отказался финансировать экспедицию в Африку. Если буквально следовать им, то Катону приходилось распоряжаться не деньгами эрария, а частными средствами. Если финансирование экспедиции все же было смешанным, это создавало дополнительные трудности для квестора, который должен был распоряжаться сразу несколькими денежными фондами. Очевидно, что в этой ситуации Сципион рассматривал армейскую казну как свою собственность и должен был воспринимать квестора лишь как досадную помеху своим планам. Помимо необоснованных с точки зрения Катона раздач денег солдатам, видимо были и другие эпизоды, вызвавшие негативную реакцию квестора. В этой связи следует еще раз вернуться к делу Квинта Племиния, оставленного Сципионом в Локрах после того, как город был очищен от карфагенян. Римский гарнизон, во главе которого находился Племиний, устроил грабежи и бесчинства такого масштаба, что дело дошло до сенатского расследования. За время наместничества Племиния им и его солдатами были награблены значительные средства, в частности опустошена сокровищница храма Прозерпины (Liv.XXIX.8.9-11, 18.8-9). Нельзя исключать того, что, по крайней мере, часть их попала в руки Сципиона. Готовясь к войне, которая в лучшем случае недостаточно финансировалась со стороны сената, Публий явно испытывал острую нужду в средствах, которые ему мог дать Племиний. Во всяком случае, жители Локр обвиняли в сенате Сципиона в том, что он покрывает Племиния (Liv.XXIX.9.8). Все эти события не могли пройти мимо Катона, находившегося рядом со Сципионом.

Таким образом, ссора между Сципионом и Катоном выглядит вполне возможной, что указывает на достоверность первой сюжетной линии у Ливия и Плутарха. На то, что конфликт все-таки был, прямо указывает Корнелий Непот. Установить время, когда произошел этот конфликт, представляется возможным, лишь восстановив всю последовательность событий. На наш взгляд, ссора между консулом и его квестором была лишь незначительным звеном в

цепи событий, связанных с борьбой политических группировок в Риме вокруг планов ведения войны на заключительном ее этапе. Наиболее зримо она была обозначена столкновением в сенате двух самых влиятельных фигур того времени — Квинта Фабия Максима и Публия Корнелия Сципиона. В противостоянии Фабия планам Сципиона не следует видеть только конфликт двух выдающихся личностей, подогреваемый завистью старого сенатора к стремительному восхождению молодого римского политика, на что недвусмысленно намекает античная традиция (Liv.XXVIII.40-43; Plut.Cat.Mai.3, Fab.25-26). По мнению Х. Скалларда политически Фабий представлял тот класс римского общества, который не видел будущего Рима вне пределов Италии²². Его стратегические замыслы не шли дальше задачи вытеснения Ганнибала из Италии, скорейшего окончания войны и начала восстановления разрушенного войной хозяйства. Сципион Африканский, напротив, опираясь на новую «наступательную» тактику (противоположную фабиевой тактике «изматывания» противника), вынашивал иные замыслы — войны «до победного конца», которая должна была закончиться разгромом Карфагена и в общей перспективе — установлением власти над всем Средиземноморьем²³. В литературе высказывалось даже предположение о существовании в этот период в Риме «партии мира», возглавляемой Фабием, которая склонялась в 205 г. до н.э. к компромиссу с Карфагеном, будучи готова гарантировать сохранение всех его африканских владений в обмен на мир²⁴. В. Шур видел в политике группы Фабия стремление к скорейшему очищению территории Италии от войск Ганнибала для повторного завоевания утраченной долины По, с дальнейшей ее колонизацией римским крестьянством как платой за все жертвы и потери войны²⁵. Можно было бы дальше перечислять точки зрения, высказывавшиеся в историографии, однако, как представляется, следует обратить особое внимание на выводы И.Ш. Шифмана, видевшего в борьбе вокруг планов африканской кампании один из этапов длительной политической борьбы за власть между влиятельными римскими группировками²⁶. Спор шел не столько о целях войны, сколько о последовательности действий, от которых зависело, кому достанется слава, а, следовательно, и влияние в сенате и комициях. Сразу же по возвращении из Испании Сципион столкнулся с серьезным противодействием со стороны значительной части сената. Несмотря на претензии Сципиона на триумф, сенат, по всей видимости, ему отказал (Liv.XXVIII.38.2-5)²⁷. Следующим этапом борьбы стало распределение провинций для консулов. Из-за вмешательства Квинта Фабия Максима и Квинта Фульвия Флакка едва не были сорваны планы африканской экспедиции Сципиона. В разгар ее подготовки вспыхнул скандал, связанный с легатом Сципиона Квинтом Племинием, который бросал тень на самого Публия. Этим незамедлительно воспользовался Фабий, указав в своем выступлении в сенате на характерную для армии Сципиона со времени войны в Испании распущенность и мятежность. Смысл выступления Фабия заключался в том, что именно Сципиону и его армии предстояло выполнение важнейшей задачи — перенос военных действий из Италии в Африку. То обстоятельство, что Сципион дискредитировал себя эпизодом в Локрах, логично подводило к заключающему речь Фабия предложению лишить Сципиона проконсульской власти. В результате ожесточенных споров в сенате по предложению консулара

Квинта Цецилия Метелла была создана комиссия из 10 сенатских легатов во главе с претором Марком Помпонием Матоном (Liv.XXIX.20.2-8). На компромиссный характер этого решения указывает то, что Помпоний приходился родственником Сципиону по материнской линии, а в Метелле исследователи видят главу сципионовской группировки в сенате²⁸. В то же время комиссия была дополнена двумя плебейскими трибунами и плебейским эдилом, задачей которых был арест Сципиона в случае его неповиновения претору, а также возвращение его обратно в Сицилию, если экспедиция к моменту прибытия комиссии уже началась бы (Liv.XXIX.20.11). В нее вошли трибуны Марк Клавдий Марцелл-младший и Марк Цинций Алимент, автор *lex Cincia*, принятого в том же году при поддержке Квинта Фабия Максима²⁹.

Как представляется, открытый конфликт между Катонем и Сципионом стал возможен только во время пребывания сенатской комиссии в Сиракузах. Видимо, Катон дал показания не в пользу Сципиона, что и стало поводом для конфликта. Это предположение позволяет объяснить как сообщение Непота о ссоре, произошедшей между Порцием и Корнелием, так и то, почему Ливий, зная о квестуре Катона, не связывает его имя с выступлениями против Сципиона в сенате. Реальным поводом к ним была подготовка африканской экспедиции, а эпизод, связанный с неподобающим поведением Сципиона, Ливий вставляет для усиления художественного эффекта своего повествования. Для этого он использует материал цicerоновских речей, посвященных злоупотреблениям римских магистратов в Сицилии, сохранивший актуальность для современников Ливия. Однако, поскольку ни Ливию, ни Цицерону ничего не было известно о том, что Катон покидал Сицилию для того чтобы выступить в сенате с обвинениями в адрес Сципиона, римскому историку пришлось оформить этот эпизод как безымянный, основанный на слухах.

Сципион после открыто обозначившегося конфликта с Катонем не мог сразу же отстранить его от участия в экспедиции. Катон участвует в походе, возглавив вместе с Гаем Лелием левый фланг экспедиционного флота. Из сообщения Аврелия Виктора и Плиния Старшего можно заключить, что какое-то время Катон провел в Африке под началом Сципиона, приняв участие в боевых действиях ([*Aur.Vic*].*De vir.*11.47.1; *Plin.N.H.Praef.*(1).30). Мнение исследователей по этому поводу разделились. Р. Хейвуд и Т.А. Бобровникова вообще отрицают участие Катона в африканской экспедиции, считая сведения о выступлении в сенате вернувшегося в Рим Катона достоверными³⁰. А. Астин также считает версию Плутарха вполне надежной³¹. П. Грималь полагает, что Сципион не стал сводить счеты со своим квестором, благодаря чему тот участвовал в экспедиции³². По мнению Х. Скалларда Катон воевал в Африке и даже принимал участие в битве под Замой³³. Д. Кинаст считает, что из-за установившихся неприязненных отношений со Сципионом Катон вернулся в Рим по окончании 204 г. до н.э., самое позднее в конце 203 или начале 202 г. до н.э.³⁴. Н.Н. Трухина полагает, что Катон пробыл в армии Сципиона до 202 г. до н.э., после чего его сменил проквестор Гай Лелий³⁵. Наиболее правдоподобной, на наш взгляд, выглядит версия Д. Кинаста, поскольку она не вступает в противоречие с имеющимся в нашем распоряжении материалом источников и в наибольшей степени соответствует логике событий того времени³⁶.

Возвращаясь к вопросу об источниковой базе сюжета о противостоянии Катона и Сципиона в период африканской экспедиции, отметим следующее. Реальность этого конфликта не вызывает сомнений, поскольку он упоминается в самом раннем из известных нам источников — жизнеописании Катона, принадлежащем Корнелию Непоту. Вместе с тем Непот не сообщает никаких подробностей произошедшего, что объясняется, прежде всего, малым объемом текста и незначительностью самого конфликта. На последнее указывает и то, что Цицерон, несколько раз упомянув в своих сочинениях о квестуре Катона, умалчивает о его ссоре со Сципионом. Следует также обратить внимание на то, что Непот ничего не сообщает о поездке Катона в Рим, лишь отметив, что ссора носила служебный характер. Вновь этот сюжет появляется в сочинении Ливия, который не упоминает о конфликте Катона и Сципиона в Сицилии, но передает содержание обвинений, выдвигавшихся против Публия в курии. Однако, поскольку, по всей видимости, ни Ливию, ни Цицерону ничего не было известно о том, что Катон покидал Сицилию для выступления в сенате с обвинениями в адрес Сципиона, данный эпизод был оформлен как анонимный, основанный на слухах. Судя по негативному освещению фигуры Сципиона, мы имеем дело с фрагментом традиции, идущей не от Полибия, а от какого-то другого автора. Вероятно, Ливий использует сведения одной из линий анналистической традиции, скорее всего Валерия Анциата, отразившей противостояние в курии Сципиона и Фабия³⁷. Окончательное свое оформление сюжет получает в биографии Катона Старшего, принадлежащей Плутарху. В сочинении греческого автора происходит контаминация нескольких сюжетных линий, первоначально не связанных друг с другом. Одна из них — конфликт Катона и Сципиона, вызванный неправильными с точки зрения квестора расходом армейской казны и методами поддержания дисциплины в период подготовки африканской экспедиции. С этими же проблемами связаны выступления против Сципиона в сенате, инициированные скандалом с преступным поведением солдат Квинта Племиния в Локрах. Связующим моментом, когда эти две линии могли наложиться друг на друга, является инспекционная поездка сенатской комиссии на Сицилию, в ходе которой, по нашей версии, Катон дает показания против своего начальника, что и спровоцировало их конфликт. Совершенно иной является линия, связанная с грекофильскими замашками Сципиона во время его пребывания в Сицилии. Скорее всего, она вообще отсутствовала в ранних источниках. Возможно, эпизод, связанный с «неримским» поведением Сципиона, Ливий вставляет для усиления художественного эффекта своего повествования. Для этого он использует материал цicerоновских речей, посвященных злоупотреблениям римских магистратов в Сицилии. Вопрос, опирался ли он при этом на какие-то сведения, найденные у других историков, остается открытым. Для Плутарха актуальной была проблема влияния греческой культуры на Рим, особенно на римскую элиту, к которой он проявлял особый интерес³⁸. Поэтому информация Ливия об обвинениях Сципиона в грекофильстве не могла не вызвать его интереса. Выстраивая свое повествование в биографии Катона, Плутарх замыкает все сюжетные линии на его фигуре, в результате чего Катон становится одним из обвинителей Сципиона в сенате.

Таким образом, популярный в античной традиции сюжет о выступлении

Катона против Сципиона сначала в армии, а затем в сенате, как минимум нуждается в критическом осмыслении. Если все сведения древних авторов, вне зависимости от времени их появления и социально-культурного контекста оформить в единый комплекс (что собственно и является содержанием «традиции», используемой современным исследователем), легко обнаружить сколь разнохарактерными являются составляющие его элементы. В своем окончательном виде он явно не только сложился уже после смерти главных героев, но и многие характеристики были перенесены на их отношения того времени «задним числом». Иными словами, последовательная позиция Катона, атакующего своего непосредственного начальника сначала в армии, а затем в курии имеет ретроспективный характер, отражая их взаимоотношения более позднего времени. Политическое противостояние 80-х гг. II в. до н.э. обусловило интерес к событиям 205/204 гг., когда встречаются будущие антагонисты, связанные к тому же служебными ролями начальника и подчиненного. Несомненно, это придавало особую эмоциональную окраску тем событиям, явно незначительным на фоне грандиозных потрясений Ганнибаловой войны. Еще одним обстоятельством, способствовавшим закреплению этих событий в исторической памяти, было то, что столкновение квестора со своим начальником совпало по времени с ожесточенной политической кампанией, вызвавшей бурный общественный резонанс. При ближайшем рассмотрении — насколько нам позволяют это источники — ссора между Сципионом и Катонам была лишь звеном в цепи событий, связанных с борьбой политических группировок в Риме вокруг планов ведения войны на заключительном ее этапе. Как уже отмечалось, спор шел не столько о целях войны, сколько о последовательности действий, от которых зависело, кому достанется львиная доля славы и влияния в комициях и сенате. В то же время объединение Квинта Фабия Максима и Марка Порция Катона с одной стороны, и Публия Сципиона Африканского и Квинта Племиния, с другой, в рамках одного сюжета, не было случайным. Попавшие в поле зрения традиции антисципионовские выступления в сенате позволили придать больший драматизм и логическую последовательность событиям, добиться четкости сюжетной линии, увязав воедино Фабия, Катона и Сципиона как равноправных участников событий 205/204 гг. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. North H. Rhetoric and historiography // CPh. 1965. Vol. 42. №3. P. 234–242; Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий. М., 1984. С. 81 сл.; Кузнецова Т.И. Историография и риторика: Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С. 203–205; она же. Техника исторического повествования Тита Ливия // Поэтика древнеримской литературы. М., 1989. С. 224–235.
2. См. напр.: Lefevre E. Argumentation und Struktur der moralischen Geschichtsschreibung der Römer am Beispiel von Livius Darstellung des Beginns des römischen Freistaates // Livius: Werk und Rezeption. Festschrift für T. Burk. München, 1983. S. 31.
3. Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия — образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1994. Т. 3. С. 646.
4. Wiseman T.P. Clio's Cosmetics. Leicester, 1979; *idem*. Lying Historians: Seven Types of

- Mendacity // *Lies and Fiction in the Ancient World* / Ed. C. Gill and T. P. Wiseman. Exeter, 1993. P. 122–146; *idem*. *Historiography and Imagination: Eight Essays on Roman Culture*. Exeter, 1994; *Myth, History and Culture in Republican Rome: Studies in Honor of T. P. Wiseman* / Ed. D. Braund and C. Gill. Exeter, 2003; *idem*. *The Myths of Rome*. Exeter, 2004.
5. *Wiseman*. *Lying Historians...* P. 132.
 6. *Wiseman*. *The Myths of Rome...* P. 12.
 7. *Ibid.* S. 10 f.
 8. *Ibid.* S. 119–226.
 9. См.: *Dumésil G.* *Mythe et épopée*. P., 1978.
 10. *Kienast D.* *Cato der Censor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit*. 3 Aufl. Darmstadt, 1979. S. 16.
 11. *Marmorale E.* *Cato Maior*. Bari, 1949. P. 41, 45.
 12. *Kienast*. *Op. cit.* S. 136–137. Anm. 7.
 13. *Mommsen Th.* *Römisches Staatsrecht*. Leipzig, Bd. II. 1885. S. 259, 531–532, 562–563.
 14. Пер. С.П. Маркиша.
 15. *Kienast*. *Op. cit.* S. 18.
 16. *Smith R.* *Plutarchs Biographical Sources in the Roman Lives* // *CQ*. 1940. Vol. 34. № 1–2. P. 1–10; *idem*. *The Cato Censorius of Plutarch* // *CQ*. 1940. Vol. 34. № 3–4. P. 105–112; *Della Corte F.* *Catone Censore, la vita e la fortuna*. Torino, 1949. P. 145–150.
 17. *Kienast*. *Op. cit.* S. 25.
 18. *Ibid.* S. 18–19.
 19. Пер. М.Е. Сергеев
 20. *Ливий Т.* *История Рима от основания города*. Т. 2. М., 1991. С. 516. Прим. 64.
 21. *Cic.* *De orat.* 2.200
 22. *Scullard H.* *Scipio Africanus — Soldier and Politician*. L., 1970. P. 161–166, 168.
 23. *Scullard H.* *A History of the Roman World 753 to 146 B.C.* 5th ed. L.-N.Y., 1980. P. 232–233.
 24. *Ibid.* P. 502. N. 8.
 25. *Schur W.* *Scipio Africanus und die begründung der römischen Weltherrschaft*. Berlin, 1927. S. 47.
 26. *Кораблев И.Ш.* *Ганнибал*. Изд. 2-е. М., 1981. С. 245–246.
 27. Ливий определенно пишет о том, что Сципион, будучи *privatus cum imperio*, не получил разрешение на проведение триумфа (XXVIII.38.2–5). Сообщение Полибия не вносит ясности из-за своей неопределенности (XI.33.7). В то же время оно не может быть истолковано как свидетельство того, что триумф был проведен (*Moscovich M.J.* *Dio Cassius on Scipio's Return from Spain in 205 B.C.* // *АНВ*. 1988. № 2. 5. P. 109. N. 2). Лишь Аппиан утверждает, что триумф был проведен (Hispr. 38). Из-за ненадежности сведений греческого историка, не использовавшего полибийскую традицию и часто бессистемно компилировавшего свои источники, сообщение это вызывает большие сомнения. Как попытку примирить противоречащие друг другу пласты античной традиции следует рассматривать гипотезу г. Скалларда, согласно которому Сципион отпраздновал триумф частным образом на Альбанской горе (*Scullard H.* *Roman Politics, 220–150 B.C.* 2th ed. Oxford, 1973. P. 75).
 28. *Scullard*. *A History...* P. 232–234; *Трухина Н.Н.* *Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.)*. М., 1986. С. 79, 106.
 29. Как сообщает Ливий, в сенатскую комиссию вошел также плебейский эдил, имя которого не называется (XXIX.20.11).

30. *Haywood R.M.* Studies on Scipio Africanus. Baltimore, 1933. P. 79; *Бобровникова Т.А.* Сципион Африканский: Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Кн. 2. Воронеж, 1996. С. 221. Прим. 37.
31. *Astin A.E.* Cato the Censor. Oxford, 1978. P. 13.
32. *Grimal P.* Le siècle des Scipions: Rome et l'hellénisme aux temps des guerres Puniques. P., 1975. P. 112.
33. *Scullard.* Scipio Africanus... P. 179.
34. *Kienast.* Op. cit. S. 39.
35. *Трухина Н.Н.* Политика и политики... С. 86, 99.
36. Поскольку точное время возвращения Катона в Рим неизвестно (с уверенностью мы можем говорить лишь о том, что это произошло не позднее 202 г. до н.э.), можно предположить следующее. Катон, высадившись весной 204 г. до н.э. вместе с армией Сципиона в Африке, некоторое время находится там, однако, из-за установившихся неприязненных отношений с начальником покидает материк. Происходит разрыв, о котором сообщает Непот. Воспользовавшись старыми связями, Катон в том же 204 г. до н.э. отплывает в Сардинию, которой управляет претор Тиберий Клавдий Нерон. Возможно, перед Катонем была поставлена задача организации сбора продовольствия, которое доставлялось в Африку. Сардиния неоднократно упоминается Ливием в качестве важного поставщика продовольствия и снаряжения в армию Сципиона (29.36.1; 30.3.2; 30.24.5; 30.36.2; 30.38.5). На Сардинии Катон служит под началом Тиберия Клавдия Нерона до истечения срока проквесторских полномочий, что делает весьма вероятным его обучение у Квинта Энния, о чем сообщает Корнелий Непот (Nep.Cat.1.4). Поскольку полномочия Нерона на 203 г. до н.э. не были продлены, вероятно, Катон вместе с ним возвращается в конце 204 или начале 203 г. до н.э. в Рим.
37. *Moscovich M.J.* Dio Cassius on Scipio's Return from Spain in 205 B.C. // АНВ. 1988. № 2.5. P. 110.
38. *Swain S.* Hellenism and Empire. Language, Classicism, and Power in the Greek World AD 30–250. Oxford, 1996. P. 135–186; *Schepens G.* Plutarch's View on Ancient Rome // Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman World. Proceedings of the International Colloquium, Bertinoro, 19–24 July 1997 / Ed. L. de Mooren. Peeters (Leuven), 2000. P. 349–364.

CATO THE CENSOR AND SCIPIO AFRICANUS IN SICILY (205/204 B.C.):
THE HISTORY AND RHETORIC IN SPACE OF NARRATIVE

V.A. Kvashnin

The article studies the topic connected with a conflict between Cato and Scipio in Sicily in 205–204 B.C. The author investigates data of the ancient tradition, subjecting to the analysis each component of the material. It allows to deduce the development of the topic. The author allocates inside the ancient tradition some subject lines, one of which has been connected with the struggle around of plans of the African expedition, and another — with the behaviour model of the Roman magistrates in a province. Actually a basis of the given topic is the opposition of such representatives of Roman political elite, as Q. Fabius Maximus and P. Cornelius Scipio. Cato, originally playing a supporting role in these events, had been placed in the center of a topic in the rhetorical purposes much later.

© 2008 г.

Ю.А. Бибарсова

ВИФИНИЯ В ПИСЬМАХ ЦИЦЕРОНА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СЕНАТОРА В ПРОВИНЦИИ

Письма Марка Туллия Цицерона являются важнейшим источником по истории Поздней римской республики, в которых нашли отражения экономические и социальные реалии 60–40-х гг. до н.э. В этом аспекте особый интерес вызывает провинция Вифиния, представлявшая с 74 г. до н.э. новое поле для обогащения римских политиков и дельцов.

В данной статье мы попытаемся на основе анализа писем Цицерона определить его политические и финансовые интересы в провинции Вифинии и охарактеризовать патронно-клиентские отношения, связывавшие сенатора с его вифинскими «друзьями». Эта тема является малоработанной: вопрос о взаимовыгодных контактах Цицерона и всаднического сословия в Вифинии не являлся объектом отдельного исторического исследования¹. Между тем, рассмотрение путей усиления политического влияния и личного обогащения Цицерона на примере одной провинции, позволит сделать выводы о новых принципах сотрудничества «верхов» и «низов» в социально-политической иерархии Рима.

Практически все упоминания о данном малоазийском регионе в письмах известного оратора приходятся на период его проконсульства в провинции Киликии с 51–50 гг. до н.э. (Cic. Fam., XIII, 61; Fam., XIII, 62; Fam., XIII, 64; Fam., XIII, 65; Fam., XIII, 63; Fam., XIII, 9; Fam., XIII, 47; Fam., VIII, 8). Из десяти писем, в которых упоминается Вифиния, одно письмо относится к периоду гражданской войны между Цезарем и Помпеем (Fam., XIII, 29), одно — к периоду Мутинской войны (Fam., XII, 13). В них Вифиния упоминается вскользь, — лишь как географическая область.

Интерес представляют шесть писем Цицерона проконсулу провинции Вифинии Публию Силию Нерве (Cic. Fam., XIII, 61; Fam., XIII, 62; Fam., XIII, 64; Fam., XIII, 65; Fam., XIII, 63; Fam., XIII, 47) и одно письмо Публию Фурию Крассипеду, второму мужу его дочери, с которым Цицерона связывали не только родственные отношения, но финансовые дела (Fam., XIII, 9).

Общеизвестно, что сенаторам римской республики было запрещено заниматься ростовщичеством и торговлей, но многие из них обходили законы, привлекая к своей деятельности клиентов, родственников и друзей². Как представитель политической элиты, Цицерон поддерживал традиционные нравы сената, но одновременно прибегал и к *beneficia, officia, gratia*, с помощью которых не только расширял свою клиентелу, но и получал немалые доходы (Cic. Att. I, 4, 1; Att. X, 6; Fam. XIV, 1, 2, 4). Кроме того, влиятельные соратники обеспечивали политическую поддержку Цицерону в Риме, взамен этого сенатор представлял интересы политических «сотоварищей» в курии, суде, провинциях³.

Родственники, друзья и клиенты Цицерона содействовали ему в получение постоянного дохода путем суд, процентов и депозитов. В период проконсульства в Киликии сенатор снискал славу «честного наместника» (Plut. Cic. 36), не

использовавшего регион в качестве средства личного обогащения, в отличие от своего предшественника Аппия Клавдия (наместничество в Киликии с 49 по 50 гг. до н.э.)⁴. Цицерон не принимал даров от царей и городов, не проводил наказаний в оскорбительной форме, освобождал провинцию от пиров в честь наместника, инспектировал финансовую сферу, возвращая городам похищенные чиновниками средства (Cic. Att., VI, 2, 5; Plut. Cic., 36). Цицерон не нуждался в киликийских деньгах: доказательством финансового благополучия именно в этот период жизни Цицерона может служить и тот факт, что к концу своего проконсульства сенатор имел достаточно средств, чтобы справить триумф по возвращению в Рим⁵. Резонно предположить, что основной статьей дохода Цицерона в период его проконсульства в Киликии являлись коммерческие дела с товариществами откупщиков-публиканов и друзьями за пределами своей провинции.

1. Многие из **друзей Цицерона** были вовлечены в финансовые дела провинций в качестве поручителей. Так, самый известный его друг Аттик Помпоний являлся его главным финансовым советником и менеджером. Имеющий владения как в Риме, так и за его пределами Аттик нередко обращался к Цицерону за помощью, поскольку последний имел обширные клиентские связи в римских провинциях (Cic. Att., V, 2, 5; Att., III, 20). Цицерон же использовал коммерческих партнеров Аттика, служивших посредниками в его многочисленных операциях с банкирами, торговцами и ростовщиками (Cic. Att., V, 1. 19. 11; 2. 20.; 22. 7).

2. Коммерческие дела в Малой Азии и, в частности, в Вифинии также вели **родственники Цицерона** (Cic. Fam., XIII, 65). Публий Теренций Гиспон, родственник жены сенатора и старшина товарищества откупщиков, отдавал Цицерону часть процентов от налога (*scriptura*), собираемого с жителей провинции Вифинии. Сенатор подчеркивал, что с Гиспоном его связывает давняя дружба и «многочисленные и большие равные и взаимные услуги». В письме также упоминаются соглашения товарищества с городами региона, но жители Вифинии, в частности Эфеса, не стремятся заключать сделки с Гиспоном, делая это лишь из уважения к Цицерону.

3. Сенатор отстаивал интересы **всаднического сословия** в Вифинии⁶. Известно, что он помогал сыну некоего Тита Пинния, с которым поддерживал «самые тесные дружеские отношения» (Cic. Fam., XIII, 61), — необходимо было вернуть деньги отцу Тита, одолженные никейцами. Сенатор настоятельно просит Публия Силию Нерву посодействовать в скорейшей выплате долга в размере 8 000 000 сестерциев, преследуя личный интерес (Цицерон являлся вторым наследником и опекуном Пинния младшего). По просьбе того же Цицерона Публий Нерва «спас почтенного римского всадника» Атилия (Fam., XIII, 62). Сенатор не упоминает дело, за которое судили Атилия, но можно предположить, что всадник, взяв суду под проценты, не вернул долг вовремя. Цицерон выражает признательность пропретору провинции за оказанную услугу, а также просит посодействовать и в личном деле его брату Квинту, находящемуся в Вифинии.

Публий Нерва откликнулся на еще одну просьбу Цицерона, касающуюся Тиберия Клавдия Нерона, знатного молодого человека, сватавшегося к его дочери — Туллии. Известно, что отец Нерона покровительствовал городу Нисы в

Вифинии. Однако нисейцы не стремились становиться под патронаж его сына, хотя, по словам Цицерона, покровительство Нерона стало бы «наивысшей защитой для города». Сенатор отмечает, что по наследству юноше перешли важнейшие клиенты в провинции и ему необходимо закрепить их и образовать новые связи. Вифиния представляет для Тиберия Клавдия «обширный театр» для прославления его самого и своего рода (Fam., XIII, 64).

В последнем письме Цицерона к пропретору Силию Нерве, относящемся к проконсульству Цицерона в Киликии, упоминается римский всадник Луций Эгнаций Руф, находившийся в Вифинии по личным делам (Fam., XIII, 47). Эгнаций Руф был поручителем и заемщиком Цицерона и его брата Квинта (Att., VIII, 18, 4; Att., X, 18, 4; Fam., XIII, 43). И вероятнее всего, в провинцию Эгнаций Руф прибыл по делам товарищества ростовщиков.

Таким образом, отношения Цицерона и всаднического сословия представляют собой институт взаимовыгодных услуг: сенатор защищал интересы ростовщиков перед пропретором провинции, они же способствовали материальному обогащению и политическому влиянию оратора⁷.

4. В письме Публию Фурию Крассипеду Цицерон перепоручает ему вифинское товарищество откупщиков и настоятельно рекомендует во всем помогать и покровительствовать **публиканам**, особенно Публию Рупилию и Гнею Пупию, «близким друзьям» сенатора (Fam., XIII, 9). Предполагается, что за счет товарищества Цицерон и муж его дочери не только расширили свою клиентелу в Вифинии, но и получили немалые проценты за покровительство. Кроме того, Крассипед был квестором провинции и, обладая определенной финансовой властью, вполне мог предоставить откупщикам не только выгодные условия по уплате налогов, но и защитить их интересы в регионе⁸.

5. Еще одним немаловажным путем обогащения Цицерона служили его многочисленные связи с **банкирами** (Fam., XIII, 63, Att., X, 5). По рекомендации Цицерона к Силию Нерве в Вифинию был отправлен Марк Лений Флакк — банкир из Брундисия, который, вопреки закону Клодия⁹, приютил Цицерона во время его изгнания (Fam., XIV, 4, 2). Марк Лений, «человек необычайной честности и исключительной скромности» (Fam., XIII, 63), также оказывал финансовые услуги брату Цицерона Квинту и другу Аттику. Цицерон отправляет его в провинцию Вифинию по коммерческим делам и просит пропретора оказать ему должное почтение и помощь: «Перепоручаю тебе человека так, как я, как ты понимаешь, должен препоручить того, о ком я написал вышеизложенное, а тебя еще и еще настоятельно прошу облегчить ему дела, какие у него только ни найдутся в твоей провинции, и сказать ему то, что тебе покажется подходящим» (Fam., XIII, 63). Цицерон преследовал личную выгоду, лоббируя интересы даже самых близких друзей и родственников, в свою очередь, таковыми становились те, кто приносил ему доход¹⁰. Это обусловило характерную форму просьб Цицерона: во всех письмах он просит адресатов рассмотреть интересы «друзей» как собственные — как интересы Цицерона: «если ты чтить меня, постарайся относить брата моего Квинта к числу тех же, что и меня. Так ты на много увеличишь свою большую услугу» (Fam., XIII, 62); «настоятельнее обычного прошу тебя согласиться из уважения ко мне, чтобы Гиспон стяжал эту славу <...> ты и окажешь честь моему Гиспону по моему ходатайству» (Fam.,

XIII, 65); «<...> из всех твоих услуг, и многочисленных и больших, самой приятной мне будет, если ты обойдешься с Эгнацием так, чтобы он понял, что и он любим мной и я тобой» (Fam., XIII, 47).

6. В письмах о коммерческих делах в Вифинии и других провинциях Малой Азии Цицерон не упоминает о сделках с **влиятельными и богатыми греками**¹¹, что свидетельствует о недоверии римского сенатора к местным жителям в финансовых вопросах: «Что касается самих греков, то нужно тщательно остерегаться дружеских отношений с ними, за весьма малыми исключениями. Многие из них лживы и легкомысленны, а вследствие продолжительного рабства приучены к чрезмерной угодливости» (Q. fr., I, 1, 16). Вероятно, в этом не было необходимости: дела с греками вели товарищества откупщиков и ростовщиков.

Таким образом, основными причинами пристального внимания Цицерона к Вифинии являлись его политические и финансовые интересы. Сенатор, оказывая покровительство откупщикам, публиканам, ростовщикам, банкирам, клиентам и друзьям в провинции, мог рассчитывать на их экономическое сотрудничество и лояльность по отношению к его персоне. Две основные задачи — личное обогащение и расширение круга своей клиентелы — Цицерон решал не с позиции силы, а путем предоставления взаимовыгодных услуг:

1). Цицерон защищал интересы сословия всадников перед пропретором провинции Публием Силием Нервой.

2). Ростовщики имели ряд экономических и политических обязательств перед сенатором: отстаивали его денежные интересы в Вифинии, предоставляли кредиты Цицерону и его семье, начисляли проценты с налогов, выгодно продавали и покупали земли, инвестировали строительство важных объектов в Вифинии и способствовали популяризации личности самого успешного сенатора-политика конца римской республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dulski E.* Cyceron jako namiestnik Cylicji // *Antiquitas*. Wrocław. 1992. № 15; *Cotton H.M.* A Note on the Organization of Tax-Farming in Asia Minor (Cicero, *Fam.*, XIII, 65) // *Latomus revue d'études latines*. Bruxelles. 1986; *Mittelstadt M.C.* Cicero's political Velificatio Mutata: 54 B.C. — 51 B.C. compromise or capitulation? Napoly. 1985; *Rauh N.K.* Cicero's business friendships: economics and politics in the late Roman Republic // *Aevum*. Milano. 1986. № 1; *Vasaly A.* Ars Dispositionis: Cicero's second Agrarian speech // *Hermes*. Stuttgart. 1988; *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II до н.э. — 74 г. н.э.). СПб., 2005; *Власова О.А.* Цицерон: деятельность в качестве наместника провинции // *Личность в политике, науке, культуре (всемирная история)*. Ярославль, 2005; *Шмалько А.В.* Римская социальная политика в провинции Вифиния-Понт во второй половине I в. до н.э. — I в. н.э. // *Античная древность и средние века: проблемы социального развития*. Свердловск, 1985.
2. *Rauh*. Op. cit. P. 6.
3. *Walser G.* Der briefwechsler des L' Mutatius plancus mit Cicero. Berlin, 1957. P. 25.
4. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 132; *Dulski*. Op. cit. P. 28.
5. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 132; *Власова*. Ук. соч. С. 28; *Dulski*. Op. cit. P. 37.
6. Письмо Квинту Туллию Цицерону, в провинцию Азию (Q. fr., I, 1) дает представление о важности покровительства всадничеству. Цицерон прямо указывает на

то, что благодаря откупщикам римские провинции не только не разорены, но и в государственную казну исправно поступают доходы.

7. *Ziegler K.* Cicero staatstheoretische schriften. Berlin, 1974. P. 38.
8. Там же. P. 40.
9. Закон Клодия был принят в апреле 58 г. до н.э. и запрещал предоставлять Цицерону убежище на расстоянии ближе 500 миль от Италии.
10. *Rauh.* Op. cit. P. 7.
11. *Ziegler.* Op. cit. P. 45.

BITHYNIA IN CICERO'S LETTERS: ECONOMIC AND POLITICAL INTERESTS OF THE SENATOR IN THE PROVINCE

Yu.A. Bibarsova

One of the major sources on the history of Late Roman republic are Marcus Tullius Cicero's letters; there have been found reflections on economic and social realities of the 60–40th BC. Since 74 BC Bithynia was of great interest to Roman politicians and businessmen as a new field of enrichment. The main task of the research is to define Cicero's political and financial interests in province Bithynia and to characterize the patron-client relations connected the senator with his Bithynian «friends» upon the basis of the analysis done on Cicero's letters.

© 2008 г.

А.Р. Панов

АРМЯНСКИЙ ЦАРЬ ТИРИДАТ I: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РИМОМ И ПРОБЛЕМЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЕГО ВЛАСТИ

В длительной истории римско-армянских отношений одним из ключевых эпизодов является, безусловно, период закрепления на армянском троне основателя династии армянских Аршакидов Тиридата I, добившегося признания со стороны Рима весьма нелегким путем. Именно урегулирование отношений Рима, Парфии и Армении в первой половине 60-х гг. I в. н.э., заключительным аккордом чего стало прибытие Тиридата в Рим, на многие десятилетия определило как характер развития внешнеполитической ситуации на восточных границах Римской империи, так и статус Армянского царства, зажатого между Римом и Парфией.

Впервые в поле зрения римлян Тиридат попадает около 52 г. Вступивший к тому времени на парфянский престол Вологез I решил укрепить свои внешнеполитические позиции и одновременно обезопасить себя путем удовлетворения честолюбивых помыслов своих родственников за счет соседних областей: одного из своих братьев Пакора Вологез сделал царем Мидии Атропатены, а права на Великую Армению он передал другому своему брату Тиридату (Jos., Ant., XX, 3, 4; Tac., Ann., XII, 50). Вторжение в Армению облегчалось тем обстоятельством, что внутри иберийской династии, которой римляне передали контроль над Армянским царством, разгорелась усобица, в результате которой армянский царь Митридат был убит своим племянником Радамистом, причем римляне в ходе этого конфликта повели себя довольно двусмысленно, не погасив смуту в самом зародыше, что, бесспорно, несколько подорвало их позиции в Армении¹.

Итогом произошедших событий стало занятие армянского трона Тиридатом и утрата римлянами контроля над Армянским государством, которое оказалось на некоторое время в сфере прямого влияния Парфии. Впрочем, Радамист был полон решимости отстаивать свои права на Армению, и окончательный исход его борьбы с Тиридатом долгое время был неопределенным, так как Тацит пишет относительно сложившейся ситуации, что Радамист «не раз завладевал этим царством и бежал из него (*saepe regni eius potitus, dein profugus*)» (Tac., Ann., XIII, 6). Тем не менее, самостоятельно Раламист не мог прочно закрепиться на троне, и ему была крайне необходима прямая поддержка римлян, которые со своей стороны стали проявлять все большее беспокойство по поводу развития ситуации в Армении и в 54 г. решили вмешаться в события более активно.

Безусловно, вторжение парфян в Армению было явным посягательством на римские интересы, поскольку римляне со времен победы над Тиграном II рассматривали Армянское царство как часть сферы своего влияния, и непосредственные предшественники Тиридата на армянском троне были прямыми римскими ставленниками. Очевидно, что римско-парфянское противоборство

из-за Армении в основе своей являлось столкновением политических амбиций правящих кругов обеих держав. С одной стороны, Тацит недвусмысленно указывает на то, что Вологез воспринимал Армению как «находившуюся во владении своих предков (*a maioribus suis possessam*)» (Тас., *Ann.*, XII, 50), и «не мог допустить, чтобы его брат Тиридат был лишен предоставленного им царства или чтобы он владел им в качестве дара другого властителя (*sinebat fratrem Tiridaten dati a se regni expertem esse aut alienae id potentiae donum habere*)» (Тас., *Ann.*, XIII, 34). С другой стороны, и побудительные мотивы римлян историк оценивает как то, что их обязывало «к отвоєванию приобретенного некогда Лукуллом и Помпеем величие римского народа (*dignum magnitudine populi Romani rebatur parta olim a Lucullo Pompeioque recipere*)» (Тас., *Ann.*, XIII, 34). Тем самым обе стороны во многом оказались заложниками своих имперских притязаний, что сделало достижение компромисса возможным лишь после того, как и римляне, и парфяне убедились в бесперспективности продолжения вооруженной борьбы, что, впрочем, потребовало значительного времени и обоюдных потерь.

Изначально же для восстановления контроля над Арменией римляне были готовы прибегнуть к дипломатическим, а в случае необходимости и к военным мерам. Очевидно, операция в Армении представлялась римлянам не слишком сложной задачей, и они были нацелены на оказание силового давления на Вологеза с тем, чтобы заставить его отступить от армянских земель, — подобные шаги, начиная с Августа, широко практиковались и обычно приводили к желаемым результатам. Организатором демонстрации военных сил Рима был назначен Корбулон², однако четкого распределения функций Корбулона³ и сирийского наместника Умидия Квадрата не было произведено, что с самого начала подрывало римские усилия по стабилизации положения. Так, союзным царям было приказано «повиноваться, в зависимости от хода войны» либо Корбулону, либо Квадрату, и последующий спор между ними из-за парфянских заложников (Тас., *Ann.*, XIII, 8-9) явно не способствовал росту авторитета Рима на Востоке и слаженности действий полководцев. Тем не менее, назначение было обеспечено адекватными мерами по укреплению обороноспособности империи (пополнение армии, приказ союзным царям Агриппе и Антиоху подготовить войска, назначение в Малую Армению и Софену надежных римских клиентов Аристубула и Сохема — Тас., *Ann.*, XIII, 7), и первый раунд борьбы, развернувшийся в 54–55 гг., остался целиком за римлянами, поскольку парфяне покинули Армению и выдали заложников. Тацит упоминает о «возобновлении дружбы (*redintegrataque amicitia*)» (Тас., *Ann.*, XIII, 37), но подробности той части соглашения, которая касалась Армении и Тиридата, не сообщает. Видимо, главным итогом договора было прекращение военных действий и восстановление мирных и «дружественных» отношений Рима и Парфии, а вопрос о Тиридате мог остаться открытым. Характерно построение фразы у Тацита: по его словам возобновление дружбы «открывало путь новым благодеяниям (римлян) (*novis quoque beneficiis locum aperiret*)» — под этими новыми благодеяниями можно понимать только признание Тиридата армянским царем, и, стало быть, в действительности договор этого условия не содержал. Тем самым, Тиридат скорее обманывался в своих надеждах, и его восприятие договора отлича-

лось от взгляда римлян, которые полагали, что соглашение остановило агрессию парфян в отношении Армении, которая оставалась в римской сфере влияния. Бесспорно, Тиридат не был полноценным участником соглашения, и вообще на первых этапах конфликта он действовал как фигура, подчиненная Вологезу, который и должен был защитить его интересы, но, видимо, во время переговоров с римлянами сделал это недостаточно энергично, не решившись поставить вопрос об Армении ребром и надеясь на то, что ситуация в последующем позволит вернуться к этому вопросу вновь.

Следующие два года прошли спокойно, но какая-то военная активность в Армении была заметна, так как Тацит говорит о вялой и нерешительной войне (Тас., *Ann.*, XIII, 34). Скорее всего, целью пребывания Корбулона в Армении было наведение порядка в отношении местного населения и сдерживание возможной парфянской агрессии, поскольку Тиридат не успокоился и продолжал организовывать мелкие рейды. Его брат Вологез не желал и не мог открыто вмешаться в борьбу, так как был занят подавлением мятежа в Гиркании и не хотел разрыва отношений с Римом. Позволено ли было Радамисту вернуться на армянский престол, вопрос спорный, и скорее действия Корбулона нужно трактовать как временный переход Армении под прямое римское управление⁴, но в любом случае Радамист был основным претендентом на власть в случае, если бы Армения не была аннексирована.

В 58 г. расклад сил становится более ясным. Очевидно, до этого времени Тиридат действовал в большей степени чужими руками, не желая быть виновником нарушения римско-парфянского договора, и довольствуясь возбуждением недовольства римскими действиями среди армянской знати. Лишь в 58 г. Тиридат решился выступить открыто, причем в это раз он действовал самостоятельно, на что со всей очевидностью указывает то обстоятельство, что отныне переговоры с римлянами он стал вести лично (Тас., *Ann.*, XIII, 37), а не только через своего старшего брата.

На послание Тиридата Корбулон ответил советом обратиться к императору, но затем все же дал согласие на личную встречу, которая, впрочем, не состоялась (Тас., *Ann.*, XIII, 37-38). Кто был виновен в срыве переговоров в большей степени, судить сложно: по Тациту Тиридат готовил ловушку римлянам, которой Корбулон избежал, но субъективное отношение историка к своему герою, которого он причислял к немногочисленным деятелям, достойным императорской власти⁵, не позволяет в данном случае безоговорочно доверять его оценке. Вполне возможно, что Корбулон и Тиридат стали жертвой излишних подозрений в отношении друг друга, хотя объективно ничто не мешало заключению предварительного соглашения. Едва ли Тиридат мог готовить Корбулону западню, поскольку предыдущая и последующая его деятельность рисуют царя как разумного политика, не склонного к радикальным действиям. Тиридат не мог не осознавать, что убийством римского полководца он сам себя загонит в угол: в этом случае всякие надежды на признание со стороны императора были бы утрачены, и Тиридату пришлось бы в одиночку, без помощи брата, сдерживать римлян, разъяренных подобным коварством. Корбулон же мог бы проявить больше дипломатического такта и добиться приемлемых для обеих сторон условий встречи, не прибегая к сбору всего войска, что только напугало Тиридата.

Срыв переговоров побудил римского военачальника активизировать ход кампании, и к концу 58 г.⁶ было взято несколько крепостей, в том числе столичная Арташата (Тас., *Ann.*, XIII, 39, 41; Dio Cass., LXII, 19, 4). В 59 г. Корбулон продолжил теснить противников, реальным воплощением чего стало взятие Тигранакерта. Парфяне по-прежнему были связаны войной с гирканами, которые в свою очередь увидели в римлянах потенциальных союзников и сами обратились с предложением о союзе (Тас., *Ann.*, XIV, 25).

В 60 г. завершение основной кампании и окончательное изгнание Тиридата сделало возможным произвести назначение на армянский престол. Новым римским ставленником стал Тигран, прибывший из Рима, где он содержался при дворе императора (Тас., *Ann.*, XIV, 26). Выбор Тиграна мог быть подкреплён тем, что его дядя Тигран V в свое время получил от римлян Армению, и он таким образом имел определенные законные права на царство. Для закрепления на троне Тиграну были приданы войска в составе тысячи легионеров, двух союзнических когорт и двух отрядов вспомогательной конницы (Тас., *Ann.*, XIV, 26). Отдельные части Армении получили соседние цари Фарасман, Полемон⁷, Аристобул и Антиох Коммагенский, которые, видимо, должны были содействовать Тиграну VI. Корбулон отбыл в Сирию на место умершего Квадрата, и, таким образом, римляне считали свою миссию выполненной, оставляя в Армении верного им царя, опиравшегося на поддержку римских войск и других союзников Рима.

Однако спокойствие было нарушено вторжением Тиграна в Адиабену, которое заставило Вологеза отказаться от миролюбивой позиции (Тас., *Ann.*, XV, 1; Dio Cass., LXII, 20, 2). Тигран, который вряд ли бы решился действовать по собственной воле, скорее всего либо следовал указаниям Нерона⁸, либо использовал данную ему ранее римлянами возможность отвоевать земли парфянского вассала — правителя Адиабены⁹. На то, что это был не грабительский поход, а целенаправленная попытка захвата страны ясно указывает Тацит (Тас., *Ann.*, XV, 1). Вологез, подстрекаемый Тиридатом и адиабенским властителем Монобазом, возложил на голову своего младшего брата диадему и направил в Армению войска. Парфянским силам удалось запереть Тиграна в Тигранакерте, но на этом их продвижение приостановилось: взять город им было не под силу, против них вели военные действия римские и армянские отряды, из Сирии римлянами было направлено два легиона, к тому же там оставался Корбулон, чье прибытие грозило окончательно склонить чашу весов в пользу Тиграна и римлян. Корбулон, со своей стороны, обнаружил очевидное нежелание ввязываться в войну: он посоветовал Тиграну сохранять спокойствие, Нерону дал рекомендацию назначить для Армении другого полководца, а сам остался в Сирии под предлогом большей важности обороны римской провинции (Тас., *Ann.*, XV, 3), что было вполне обоснованно. Вполне возможно, что Корбулон не одобрял авантюру Тиграна, за которой угадывалась воля принцепса, что и побудило его занять такую уклончивую позицию¹⁰.

Стремление к компромиссному решению проблемы обнаруживал и Вологез: он вступил в переговоры с Корбулоном, завершившиеся подписанием соглашения, после чего парфянские войска очистили Армению (Тас., *Ann.*, XV, 5; Dio Cass., LII, 20, 4). Аналогичный вывод римской армии и удаление из Армении

Тиграна VI, который после этого вообще исчезает из поля зрения античных историков, вызывают недоумение даже у Тацита, который является основным источником по данным событиям. Исходя из того, что Корбулон имел явное военное преимущество, едва ли это была вырванная парфянами уступка. Обозревая всю деятельность Корбулона в Армении, можно заметить, что он к тому времени ничего не имел против передачи армянского трона парфянскому принцу, как в конце концов и случилось. Если бы решение целиком зависело от него, то вполне вероятно, что многолетней военной кампании в Армении не потребовалось бы, и признание Тиридата состоялось бы намного раньше, без ненужных жертв, как с римской, так и с парфянской стороны. Примечательно, что на переговорах с Корбулоном Вологез дал обещание направить послов к императору (Тас., *Ann.*, XV, 5), и эта рекомендация не могла исходить ни от кого иного, как от римского полководца, ранее давшего такой же совет Тиридату. Подобная настойчивость показывает, что лично Корбулон был готов допустить вступление на армянский престол парфянина, и все упиралось лишь в согласие императора¹¹. Слухи о тайном соглашении Корбулона с Вологезом, о которых сообщает Тацит (Тас., *Ann.*, XV, 6), весьма похожи на правду. Очевидно, что Корбулон осознавал бесперспективность насаждения в Армении слабых проримских режимов и увидел в Тиридате политическую фигуру, способную принести стабильность Армянскому государству и не уйти в откровенно антиримскую политическую плоскость. Поэтому можно согласиться с тем, что Корбулон мешал проведению политики Нерона, но при этом не выказывал открытого неповиновения¹². Тем самым он скрыто подталкивал императора к решению, которое в конечном итоге и стало наилучшим выходом из сложившейся в Армении ситуации. В таком случае оставление Тиграном Армении было продиктовано Корбулоном, считавшим, что дальнейшее его пребывание у власти будет лишь дестабилизирующим фактором¹³.

Однако, в 61 г. надежды Корбулона на то, что принцепс примет его точку зрения, не оправдались: в Армению был направлен новый полководец Цезенний Пет (Тас., *Ann.*, XV, 6; Dio Cass., LXII, 20, 4), который был настроен очень заносчиво. В Риме, действительно, осознали нежизнеспособность власти Тиграна VI или подобного ему правителя, но вместо предлагаемого Корбулоном компромисса замыслы императора обратились в совершенно противоположную сторону. Очевидно, в планы Пета и, следовательно, Нерона входил отказ от неудачной формы управления Арменией через зависимых царей и превращение ее в провинцию¹⁴. Грандиозные проекты Нерона по расширению территории римских провинций нашли воплощение и в последующих его акциях, поэтому Армении отводилась роль первого звена в цепи новых восточных провинций.

Войска, находившиеся в распоряжении римлян на Востоке, были разделены: оба полководца получили по три легиона, и Пету были еще приданы вспомогательные войска из Понта, Галатии и Каппадокии. К началу кампании 62 г. послы Вологеза вернулись из Рима ни с чем, и потому парфяне возобновили военные действия, что также входило и в планы Пета, рвавшегося в бой. Его поход был недостаточно хорошо организован — войска продвигались в спешке, не было даже как следует заготовлено продовольствия (Тас., *Ann.*, XV, 8). Очевид-

но, что Пет не старался остановить грабежи, и местное население было настроено враждебно по отношению к римлянам. До Тигранакерта римская армия не добралась и вернулась в основной лагерь в Рандейе.

В ходе зимовки Пет продолжил совершать ошибки: массовыми отпусками он ослабил свои войска, к тому же разбросал их на большом пространстве. Вологез воспользовался предоставившимся шансом и запер римскую армию в лагере, доведя ее до отчаянного положения. Попытки римского полководца договориться с парфянским царем закончились фактически капитуляцией армии Пета. Согласно условиям соглашения римляне должны были очистить Армению: им позволили беспрепятственно уйти, подвергнув, однако, унижениям и насмешкам (Тас., *Ann.*, XV, 14-15; Dio Cass., LXII, 21).

Возлагать часть вины за Рандейскую катастрофу на Корбулона¹⁵, который будто бы допустил поражение своего коллеги, вряд ли справедливо. Какими бы напряженными ни были личные отношения Корбулона с Петом, сознательно позволить парфянам победить целую римскую армию Корбулон не мог, поскольку он оставался верен традиционной системе римских ценностей, превыше всего ставившей интересы государства. К тому же, Тацит пишет, что Корбулон двигался «кратчайшим (*proximum*) путем» и от Пета его отделяло не более трех дней пути, когда тот оставил Рандейский лагерь (Тас., *Ann.*, XV, 12, 16)¹⁶.

Вместе с тем, неудача Пета должна была еще раз показать Корбулону правильность его собственной позиции в отношении Армении, и насколько это от него зависело, Корбулон пытался достичь компромисса с парфянами. Вологез также не хотел дальнейшей конфронтации: характерно, что в условиях соглашения с Петом не содержалось никаких гарантий Тиридату, и парфянский царь лишь получил возможность направить новых послов к Нерону (Тас., *Ann.*, XV, 14). Очевидно, что парфянский правитель требовал, прежде всего, беспристрастного рассмотрения вопроса о судьбе армянского трона, рассчитывая, что по справедливости Нерон передаст Армению Тиридату. Именно поэтому Вологез так легко пошел на переговоры с Корбулоном и согласился на вывод своих войск из Армянского царства в обмен на уничтожение римских укреплений за Евфратом (Тас., *Ann.*, XV, 17). Корбулон вполне мог убедить Вологеца в возможности благоприятного для его брата решения принцепса.

Прибывшие в Рим весной 63 г. парфянские послы предложили признать Тиридату, который был готов принять корону из римских рук. Невозможно согласиться с Тацитом, что такие условия были издевательством со стороны парфян, просивших то, чем они уже владели (Тас., *Ann.*, XV, 25). В данном случае римский историк противоречит сам себе, так как несколькими главами ранее он сообщает, что условия договора с Корбулоном о выводе парфянских войск с армянских земель были выполнены (Тас., *Ann.*, XV, 17). Общая линия поведения Вологеца была лишена какого-либо коварства или надменности в отношении римлян, и несомненно, что парфянский царь был вполне искренен, желая разрешения конфликта на справедливых, как он полагал, условиях. Недовольство Нерона было вызвано срывом своих планов, и было принято решение продолжать войну, так как договор с парфянами воспринимался как бесславный мир (Тас., *Ann.*, XV, 25).

Для обеспечения успешности новой кампании были приняты во многом

беспрецедентные меры по концентрации военных сил Рима на Востоке. Корбулону были переданы все военные силы, и наместники, а также союзные цари обязаны были ему повиноваться¹⁷ (Тас., *Ann.*, XV, 25). В Армению были переброшены дополнительные войска — XV легион и подразделения из Иллирии и Египта.

Капитуляция Пета была серьезным ударом по авторитету императора, и Нерону необходимо было переломить общественный настрой в Риме в свою пользу. Несомненно, события в Рандеи должны были породить массу слухов, обыгрывающих глубину поражения Пета. Примечательно, что Тацит сомневается даже в том, имело ли место проведение воинов Пета под ярмом¹⁸ (Тас., *Ann.*, XV, 15), хотя при всем желании римского полководца скрыть подобный позор было невозможно, учитывая, что в состав армии Пета входило два легиона и вспомогательные отряды. В такой ситуации для Нерона крайне важно было реабилитироваться: несмотря на все свои отклонения от традиционно принятой в римском аристократическом обществе модели поведения, он понимал, что внешнеполитические поражения подрывают его престиж императора. С одной стороны, забыть о поражении Пета должны были заставить успехи Корбулона, на которого император возлагал большие надежды. С другой, Нерон имел возможность продемонстрировать римскому обществу территориальные и политические приобретения в более «безопасных» с военной точки зрения регионах.

Первой жертвой такой политики стало Понтийское царство, аннексированное вместе с Колхидой, очевидно, около 63 г. Причины присоединения Понта к провинциальным землям объясняются по-разному, и, видимо, они в самом деле носили комплексный характер. Так, по мнению С.Ю. Сапрыкина, среди мотивов Нерона было желание укрепить границы с Арменией и Парфией и не допустить дальнейшего роста могущества Полемона¹⁹, с чем трудно не согласиться. Д. Браунд полагает, что аннексия была вызвана стремлением обеспечить силы Корбулона и, возможно, неспособностью Полемона поддерживать порядок²⁰, что также можно принять, но с оговоркой, что некомпетентность понтийского царя в поддержании спокойствия на управляемой им территории ничем не подтверждается и потому кажется весьма сомнительной. Еще более спорными выглядят предположения Т. Миттфорда и Д. Мэджи об аннексии Понта как подготовке к Кавказскому походу и захвату Иберии и Албании²¹ и гипотеза Г. Халатьянца, что Рим присоединил Понт, чтобы легче бороться с аланами²². В разгар борьбы за Армению приготовления к аннексии более северных областей выглядели по меньшей мере преждевременными, да и аланская проблема еще только вырисовывалась на горизонте и явно не относилась к числу самых актуальных для римской внешней политики. Вместе с тем, можно выделить еще одну возможную цель, преследование которой имело в виду, а именно — поддержание образа императора как успешного завоевателя. Создание новых провинций, независимо от того, сопровождалось оно военными усилиями или нет, относилось к числу наиболее славных деяний любого принцепса, и таким образом Нерон мог поправить свой пошатнувшийся авторитет. Очевидно, что Полемон II был настолько покорен римской воле, что безропотно принял решение Нерона — так, Светоний и Аврелий Виктор пишут, что Пон-

тийское царство было обращено в провинцию «с согласия Полемона» (Suet., Ner., 18; Aur. Vict., De Caes., V, 2). Таким образом, Понт был аннексирован даже без какого-либо формального предложения.

Основное внимание Рима, между тем, было приковано к Армении, поскольку только успешное решение армянского вопроса могло полностью восстановить репутацию императора. Несмотря на воинственные настроения в Риме, Корбулон продолжал придерживаться прежней линии, предпочитая дипломатические методы для урегулирования конфликта. Хотя военные действия против мятежных армянских аристократов велись, Корбулон вступил в переговоры с Вологезом и Тиридатом, которые также склонялись к компромиссу (Тас., Ann., XV, 27-28). Возросшие полномочия Корбулона²³ позволили заключить предварительное соглашение, которое мало отличалось от первого Рандейского договора. Новым пунктом стало только обязательство для Тиридата лично явиться в Рим к императору для получения диадемы — несомненно, что Нерон придавал большое значение этой символической процедуре, которая должна была выставлять его в победоносном свете. В остальном это было соглашение, к достижению которого давно уже стремились и парфяне, и Корбулон. В назначенный день в присутствии обеих войск Тиридат сложил перед изваянием императора диадему с тем, чтобы Нерон возложил ее на него в столице империи (Тас., Ann., XV, 31; Dio Cass., LXII, 23, 3).

Пышно обставленный визит Тиридата в Рим, произошедший в 66 г., был разрекламирован как блестящая победа и сопровождался закрытием храма Януса²⁴ (Suet., Ner., 13). Прием армянского царя позволил Нерону укрепить свою власть и вернуть часть популярности у городского плебса²⁵. Однако на практике первоначальные намерения императора в отношении Армении оказались нереализованными, и восторжествовала «умеренная» программа Корбулона²⁶.

Восторженные оценки по поводу личных заслуг Нерона в установлении длительного мира на Востоке²⁷ здесь вряд уместны. Римская политика к концу правления Нерона вернулась к тому, с чего все начиналось: военные усилия Рима на протяжении целого десятилетия оказались потраченными впустую. Поэтому предположения о сознательном отказе Нерона от Армении²⁸ или выборе варианта с номинальным сюзеренитетом²⁹ кажутся натянутыми. Настоячивый отказ вести какое-либо серьезное обсуждение парфянской кандидатуры на армянский трон вплоть до второго Рандейского соглашения показывает, что Нерон изначально не был намерен терпеть парфянское присутствие в Армении. Несомненно, что для Нерона примирение с Тиридатом было вынужденной мерой: ход событий показал бесперспективность продолжения борьбы и заставил пойти на предлагаемый парфянами компромисс, который при этом был представлен в виде торжества римского оружия и дипломатии.

Бесспорно, что соглашение было крупным успехом Парфии, но и считать римлян побежденными и отказавшимися от Армении³⁰ выглядит слишком поспешным выводом. Внешне Армения продолжала оставаться зависимым царством, и Тиридат проявлял лояльность к римским интересам, не остановившись даже перед тем, чтобы переименовать Арташату в Неронию (Dio Cass., LXIII, 7, 2). Мудрость Корбулона проявилась в том, что он рано осознал — Армения под

властью парфянского царевича не обязательно должна представлять угрозу интересам Рима, - и способствовал решению проблемы в приемлемой для римской и парфянской сторон форме. Как показали дальнейшие события, Армянское государство даже под властью Аршакидов оставалось в сфере римского влияния и было избавлено на протяжении длительного времени от политических катаклизмов, не раз сотрясавших его в предшествующие периоды.

Отношение к Риму Тиридата было неоднозначным. С одной стороны, как представитель парфянского царского дома он не был желанным для Рима армянским правителем, и римское сопротивление его попыткам утвердиться в Армении неминуемо вызывало прилив антиримских настроений. На протяжении долгих лет Тиридат в открытой или скрытой форме вел борьбу с римлянами и их ставленниками. Однако, как показывает анализ сообщений Тацита о переговорах Тиридата с Корбулоном, тот проявлял готовность к компромиссу и занимал гораздо более гибкую позицию, чем Нерон. Вместе с тем, лишь военные неудачи римских войск позволили Тиридату и парфянам добиться принятия римлянами их предложений. После того, как в Риме возможность признания Тиридата принципиально стала приниматься, споры лишь касались частных — а именно, внешнего оформления процедуры соглашения. В этом вопросе Тиридат также был готов пойти на уступки, согласившись явиться лично в Рим, от чего он первоначально уклонялся.

Внешне статус Тиридата как зависимого от Рима царя не подлежал никакому сомнению — римляне постарались придать акту коронации царя императором подобающую торжественность и даже помпезность. Бесспорно, в глазах участников этого пышно обставленного действия Тиридат признавал себя клиентом императора. Разумеется, царь объявил себя другом римлян и дал гарантии своей лояльности, в том числе оставив в столице Империи своих братьев и правителя Адиабены Монобаза. Однако в реальности унижение царя перед Нероном было меньше, чем это может показаться с первого взгляда. Как известно, во время путешествия по территории Римской империи Тиридату должны были оказываться знаки уважения как консулу (Тас., *Ann.*, XV, 31), и царская процессия напоминала триумфальную (Dio Cass., LXI, 1, 2).

Процедура коронации тоже получила неоднозначные оценки: к примеру, А.А. Степанян полагает, что произошедшее в Риме действие нельзя считать коронацией в полном смысле слова, поскольку символом власти армянских царей кроме диадемы, сложенной перед изображением императора и полученной назад в столице Империи, была еще и тиара, в которой Тиридат прибыл в Рим (Suet., *Ner.*, 13, 2), что показывает, что собственно царский титул он приобрел не от римлян, а от Вологеза, короновавшего своего брата еще ранее³¹. М.Т. Гриффин выдвинул предположение, что Тиридат мог воспринимать инвентитуру как зороастрийско-митраистский обряд, а не как часть установленной римлянами процедуры, и таким образом выражал покорность Нерону как воплощению Митры, что было менее унижительно в представлении парфян³². В частности, на определенное влияние зороастрийских обычаев в ходе организации приема Тиридата может указывать ссылка Тацита на то, что римские савонники должны были приветствовать царя поцелуем (Тас., *Ann.*, XV, 31), что было характерно для иранских, а не римских традиций³³.

Бесспорно, что оценка личной встречи Нерона с Тиридатом отличалась с римской и парфянской точек зрения: если римляне акцентировали внимание на факте преклонения царя перед императором и получения им власти из рук Рима, что было широко разрекламировано, то отношение парфян было иным. В отличие от римлян, воспринимавшим инвеституру как чисто политический акт, парфяне могли вкладывать в нее прежде всего религиозное содержание. Удивительно сильные симпатии парфян к Нерону, продолжавшие жить даже после смерти императора³⁴ (Suet., *Ner.*, 57, 2), нашли отражение и в последующей политике Тиридата: хотя в Рим он отправился по суше ввиду религиозных ограничений, обратно уже двигался по морю (Dio Cass., LXIII, 7, 1). Оценка этого шага Э. Сизеком как изменение мировоззрения Тиридата и превращение его из иранского принца в эллинистического монарха на службе Рима³⁵, может быть оспорена во второй своей части: мировоззрение, действительно, менялось, но не стало римским, оставаясь в рамках зороастризма.

Образ Нерона на Востоке в конце его правления и после смерти принял некую новую религиозную окраску, что может объясняться либо посвящением Нерона в культ Митры, что повысило авторитет императора среди восточных народов³⁶, либо, и это кажется более вероятным, восприятием императора как воплощения Митры³⁷. Последнее предположение позволяет объяснить неожиданное решение Тиридата отказаться от прежних предрассудков, поскольку он являлся свидетелем морских прогулок Нерона. Переименование Арташата в Неронию также имело не только политическую, но и религиозную подоплеку: конечно, подобным образом Тиридат благодарил императора, снабдившего его архитекторами и деньгами для отстройки города и вообще признавшего его власть, но переименованный город мог стать центром поклонения Нерону, причем не в традициях римского императорского культа, а по митраистским обычаям.

С этим можно связать и гарнийскую надпись³⁸, поставленную от имени Тиридата. Слово Гелиос вряд ли было приложимым к царю эпитетом³⁹ — скорее это было обращение к своему покровителю Нерону⁴⁰. Известно, что Митра обычно выступал рядом с солнцем и даже отождествлялся с ним, а также то, что в восточной части Империи обращение к Нерону как к новому Аполлону и новому солнцу было весьма распространено⁴¹. Поэтому очень привлекательно видеть в Гелиосе, к которому царь обращается, обобщенный образ верховного божества, в котором сочетались не только иранские, но и греко-римские элементы, заключавшиеся в признании божественной природы Нерона и наложении на него черт Митры. Таким образом, почитание Нерона продолжалось и после его смерти, поскольку надпись датируется 77 г., причем инициатива в этом исходила от царя, резиденция которого располагалась в Гарни.

Данная реконструкция позволяет выделить во взаимоотношениях армянских царей с Римом совершенно новый элемент, проявившийся при Тиридате — восприятие Нерона как божества, что делало подчинение ему отчасти даже почетным. Это снимало остроту парфяно-римского конфликта и позволяло Тиридату как правителю сохранить высокий статус, поскольку он склонялся не перед властью другого монарха, а перед обладателем божественной силы. В таком контексте фраза Тиридата, обращенная к Нерону, «владыка, я потомок Ар-

шака, брат царей Вологеза и Пакора, твой раб⁴²; и я пришел к тебе, мой бог, чтобы почтить тебя, словно Митру» (ἐγώ, δέσποτα, Ἀρσάκου μὲν ἑκγονος, Οὐολογαΐσου δὲ καὶ Πακόρου τῶν βασιλέων ἀδελφός, σὸς δὲ δοῦλός εἰμι. καὶ ἦλθόν τε πρὸς σὲ τὸν ἐμὸν θεόν, προσκυνήσων σε ὡς καὶ τὸν Μίθραν) (Dio Cass., LXIII, 5, 2), имела полностью буквальное содержание. Таким образом, преклоняясь перед божеством, Тиридат ничуть не унижал свое царское достоинство, которое выражалось путем указания на принадлежность к царской династии. При этом проблема оформления своей власти решалась Тиридатов весьма оригинально, но последовательно: в политическом отношении он должен был чтить старшую ветвь Аршакидов, управлявшую Парфией, в то время как Рим в лице Нерона отождествлялся с покровительством божественного характера. Это давало возможность одновременно поддерживать сбалансированные отношения и с Парфией, и с Римом, что при прочих условиях было сложно осуществимо. Конечно, данная конструкция выглядит слишком идеализированно, но в представленном виде она должна была не только устраивать парфян и Тиридата, но и тешить самолюбие Нерона. Правда, отношения на этой основе могли строиться лишь короткое время — до смерти Нерона, так как Флавии не удостоились столь высокого уважения со стороны парфян, оплакивавших память прежнего императора.

Таким образом, оформление властного статуса Тиридата заняло более десятилетия, в результате чего был достигнут определенный компромисс, который при этом по-разному воспринимался римской и парфянской сторонами. Римляне продолжали упорствовать в своей оценке Армении как клиентского государственного формирования, и для них было важно продемонстрировать внешние атрибуты зависимого положения Тиридата. Для самого же армянского царя высший авторитет старшей, парфянской ветви рода Аршакидов был вне сомнений, поскольку даже своим тронном Тиридат был во многом обязан Вологезу, и обращение за римским признанием было для него вынужденной мерой, значимость которой, впрочем, могла быть подменена признанием божественной природы Нерона, что вытесняло необходимость следовать указаниям Рима из политической в религиозную сферу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тацит отмечает, что среди самих римлян возникали определенные разногласия по вопросу видения интересов Рима в этих событиях: по его словам префект Целлий Поллион и прокуратор Каппадокии Юлий Пелигн, будучи подкуплены иберами, предали Митридата и признали Радамиста, в то время как центурион Касперий и наместник Сирии Квадрат пытались остановить иберов и сохранить в Армении порядок (Тас., Ann., XII, 45-49).
2. Наиболее подробный анализ информации Тацита о восточной кампании Корбулона дан у К. Гилмартина (*Gilmartin K. Corbulo's Campaigns in the East // Historia. 1973. Bd. XXII. Hft. 4. P. 584-625*).
3. Видимо, первоначально Корбулон являлся военным наместником и лишь в 63 г. получил *imperium maius* (*Sherk R.K. Roman Galatia: The Governors from 25 B.C. to A.D. 114 // ANRW. Bd. 7. 2. Berlin; New York, 1980. P. 985, 987*).
4. Ф.Я. Косыке даже полагает, что римляне изначально были настроены на захват

- Армении (*Коське Ф.Я.* Армянский поход Нерона и сопротивление народов Востока римской агрессии. Автореферат... к.и.н. М., 1951. С. 11-12).
5. *Benario H.W.* Imperium and Capaces Imperii in Tacitus // *AJPh.* 1972. Vol. 93. № 1. P. 26.
 6. Несмотря на то, что «армянские» вставки в «Анналах» Тацита имеют точные временные привязки, при изложении событий историк нередко выходил за рамки того или иного года (подробнее см. *Кудрявцев О.В.* Источники Корнелия Тацита и Кассия Диона по истории походов Корбулона в Армению // *ВДИ.* 1954. № 2. С. 135-136), и потому определение точной хронологии событий наталкивается на известные трудности. За основу взяты хронологические расчеты М. Хэммонда (*Hammond M.* Corbulo and Nero's Eastern Policy // *HSCP.* Vol. 45. 1934. P. 81-104).
 7. Имена Полемона и Фарасмана, впрочем, являются восстановлением, сомнения в правомерности которого остаются (*Barrett A.A.* Annals 14.26 and the Armenian Settlement of A.D. 60 // *CQ.* 1979. Vol. 29. № 2. P. 465-469).
 8. О.В. Кудрявцев полагает, что таким образом Нерон хотел помочь гирканам (*Кудрявцев О.В.* Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона // *ВДИ.* 1949. № 3. С. 52), но последующее быстрое заключение Вологезом мира с гирканами (Тас., *Ann.*, XV, 2) практически исключает такую возможность, так как подобная римская операция должна была хотя бы в общих чертах согласовываться с гирканами.
 9. *Халатьянц Г.* Очерк истории Армении в связи с общим ходом событий в Передней Азии. Период I: древняя история. М., 1910. С. 278.
 10. *Hammond.* Op. cit. P.92. Г. Халатьянц объяснял все страхом войны у Корбулона (*Халатьянц.* Ук. соч. С. 280), но предположение М. Хэммонда выглядит более убедительным.
 11. Б. Кэмпбелл полагает, что Корбулон действовал с одобрения Нерона, который тоже имел в виду возможность признания парфянского ставленника (*Campbell B.* War and diplomacy: Rome and Parthia, 31 B.C. — A.D. 235 // *War and society in the Roman world.* L., N.Y., 1993. P. 230), но очевидное нежелание Нерона вести переговоры с парфянами лишает это предположения обоснования.
 12. *Hammond M.* Op. cit. P. 93.
 13. М. Хэммонд полагает, что Корбулон частным образом дал согласие на его устранение (*Hammond M.* Op. cit. P. 93).
 14. *Magie D.* Roman rule in Asia Minor. Princeton; N. J., 1950. P. 558; *Коське Ф.Я.* Поход Пета в Армению и поражение римской армии при Рандеие (из истории борьбы армянского народа с римской агрессией) // *Из истории древнего Рима.* М., 1960. С. 81.
 15. *Моммзен Т.* История Рима. Т. IV. Ростов-на-Дону, 1997. С. 295; *Hammond.* Op. cit. P. 99; *Кудрявцев.* Ук. соч. С. 57; *Коське.* Поход Пета в Армению... С. 90.
 16. Н. Дебевоиз также подчеркивает эти обстоятельства (*Debevoise N.C.* A political history of Parthia. Chicago; L, 1969. P. 190).
 17. Видимо, его полномочия напоминали полномочия Помпея (*Кудрявцев О.В.* Провинция Каппадокия в системе римской восточной политики (17–72 гг.) // *ВДИ.* 1955. № 2. С. 58).
 18. Светоний приводит это как реальный факт (*Suet., Ner., 39, 1*).
 19. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 339.
 20. *Braund D.* Georgia in antiquity. A history of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC — AD 562. Oxford, 1994. P. 176.
 21. *Mittford T.B.* Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes //

- ANRW. Bd. 7. 2 Berlin; New York, 1980. S. 1178; *Magie D.* Op. cit. P. 562.
22. *Халатьянц*. Ук. соч. С. 292.
 23. О.В. Кудрявцев оценивает состояние дел таким образом, что «фактически правительство предоставило Корбулону вести войну по своему усмотрению» (*Кудрявцев О.В.* Рим, Армения и Парфия... С. 59).
 24. Правда, существует предположение, что это произошло еще до прибытия Тиридата в Рим (*Гриффин М.Т.* Нерон. Конец династии. М., 1999. С. 190).
 25. *Сизек Э.* Нерон. Ростов-на-Дону, 1998. С. 294, 313.
 26. *Hammond.* Op. cit. P. 100; *Кудрявцев*. Ук. соч. С. 57-58; *Magie.* Op. cit. P. 561.
 27. *Грант М.* Нерон. Владыка земного ада. М., 2003. С. 151; *Shotter D.* Nero. New York, 2004. P. 39-40. Н.В. Лысенко пишет даже о «геополитической гениальности» Нерона или его советников, что выразилось в примирении с Парфией и направлении усилий на ликвидацию аланской угрозы (*Лысенко Н.В.* Военно-политическая история аланов. Ранний период: II в. до н.э. — II в. н.э. СПб., 2007. С. 487).
 28. *Моммзен*. Ук. соч. Т. IV. С. 290; *Кянджунцян И.Г.* Армяно-римские отношения в эпоху принципата. Диссертация... к.и.н. Ереван, 1953. С. 73.
 29. *Henderon B.W.* The Life and Principate of the Emperor Nero. L., 1903. P. 159-161.
 30. *Халатьянц*. Ук. соч. С. 287; *Коське*. Армянский поход Нерона... С. 13-14.
 31. *Степанян А.А.* Рандейский договор и коронация Тиридата Аршакида в Риме // ИФЖ. 1976. № 3. С. 178.
 32. *Гриффин*. Ук. соч. С. 358.
 33. *Степанян*. Ук. соч. С. 180.
 34. М. Чарльзворт объясняет это пышным приемом Нерона (*Charlesworth M.P.* Nero: Some Aspects // JRS. 1950. Vol. 40. P. 72), но несомненно причины уважения и даже почитания парфянами Нерона имели более глубокую основу.
 35. *Сизек*. Ук. соч. С. 358.
 36. *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. II. Ранний принципат. Новосибирск, 1992. С. 41.
 37. *Гриффин*. Ук. соч. С. 358.
 38. *Тревер К.В.* Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., 1949; *Аракелян Б.* Результаты работ Гарнийской археологической экспедиции в 1949–1950 гг. / Гарни. I. Ереван, 1951. С. 65; *Мурадян Г.С.* Греческая надпись Трдата I, найденная в Гарни // ИФЖ. 1981. № 3. С. 90.
 39. Такой вариант перевод дает Г.С. Мурадян (*Мурадян*. Ук. соч. С. 90).
 40. *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. — IV в. н.э.) М.; Л., 1953. С. 187-189.
 41. *Shotter.* Op. cit. P. 39.
 42. Правда, по мнению А.А. Степаняна, в данном случае Дион Кассий использовал этот термин ретроспективно и взял его из своей эпохи — в действительности же Тиридат именовал себя другом императора (*Степанян*. Ук. соч. С. 181-182).

THE ARMENIAN KING TIRIDATES I: RELATIONSHIP WITH ROME AND PROBLEMS OF LEGISLATION OF HIS AUTHORITY

A.P. Panov

The article considers circumstances of coming to power and fastening on the throne of the Armenian king Tiridates. The author comes to a conclusion, that in his policy Tiridates had inevitably been compelled to direct his efforts on Parthia which remained the nest to him. But at the same time it was necessary to obtain the Roman recognition to provide durability of his regime. Search of an acceptable variant of settlement of relationship with Rome took a decade, and the sides compromised only after they had convinced of hopelessness of further confrontation. Thus legislation of the imperious tsar status was taken in by the Romans and Tiridates differently. The Romans laid high emphasis on external attributes of Rome higher authority; the external manifestations of power had political value for them. Tiridates tried to transfer a worship of the emperor into a religious sphere and rid himself of necessity to follow Roman political line.

© 2008 г.

Ю.В. Куликова

ФИНАНСОВАЯ И ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГАЛЛЬСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

С момента образования Галльской империи галльские императоры наряду с государственными преобразованиями, проводили активную финансовую политику. Для стабилизации экономического положения в новом государстве особо важно было наладить финансовые дела. Монета должна была приобрести вес на рынке, чтобы тем самым дать возможность Галльской империи завязать торговые связи и восстановить циркуляцию внутренней торговли.

К середине III в. римская монетная система оказалась окончательно подорванной. Римские императоры уменьшали не только вес и размеры монет, а в целях экономии вместо серебряных монет чеканились монеты из латуни и бронзы, которые зачастую покрывали серебром лишь сверху. Покупательная способность антониниана «катастрофически упала»¹. Римский император Галлиен усугубил положение, особенно часто прибегая к порче монеты. Результатом стал финансовый кризис, поразивший империю и способствовавший углублению социально-экономического кризиса в целом.

Провозглашение Постума императором произошло после осады Колонии-Агриппины и убийства Цезаря Салонина и его наставника префекта претория Сильвана. Одна из найденных в самом начале XX в. монет датируется 259 г.², что позволяет уточнить датировку вышеуказанного события — конец 258 г., поскольку после принятия титула императора с 1 января следующего

года Постум берет на себя консульские полномочия. Некоторые исследователи сомневаются в это, утверждая, что первый галльский император не стал дожидаться наступления следующего года, а, вопреки правилу, принял консульские полномочия сразу после провозглашения его императором. Выдвигается предположение о том, что вышеуказанное событие произошло в 259 г.³ Упомянутая монета была отчеканена на монетном дворе в Лугдуна (совр. Лион). Сомнения в дате ее чеканки нет, поскольку монета датирована надписью на ней.

По мере того, как отдельные регионы входили под юрисдикцию нового императора, определялись и монетные дворы. Первый галльский император чеканил свои монеты на официальных монетных дворах Лугдуна (совр. Лион), Нарбона, Августы Треверов (совр. Трир), Колонии-Агриппины (совр. Кельн), а с середины 60-х гг. — Медиолана (совр. Милан)⁴. Первые эмиссии монет Постума были отчеканены в Лугдуна, чей монетный двор довольно быстро отреагировал на изменение политической ситуации в регионе и переквалифицировал свою работу для нужд нового властителя.

Исследователи ведут дискуссию по вопросу, был ли перевод монетного двора из Лугдуна в Колонию-Агриппину окончательным, или монеты чеканились и на том и на другом дворе. Гипотезу о продолжении функционирования монетного двора в Лугдуна поддерживают исследователи старой школы — А. Альфельди, Р. Дельбрюк, П. Вебб, Элмер Дж., Гарольд Маттинли⁵, а также ряд современных исследователей, таких как П. Бастьен⁶. Второй вопрос затрагивает само существование монетного двора в Лугдуна. Эту гипотезу также поддерживают представители “старой” школы.

Первому галльскому императору необходимо было правовое обоснование для существования его «государства», а также юридическое оформление полученной власти. Монеты являлись тем инструментом, которые лучше всего позволяли это сделать. И прежде всего, это сама чеканка монеты, право на которое имел и мог дать только император — носитель высшей власти.

Первые монеты Постума выходили с буквами SC — *Senatus Consultum*, или обозначением *Senatus et Romae*. Очевидно, этим первый галльский император стремился подчеркнуть как неразрывную связь своего “государства” с Римской империей, так и главенствующее положение Рима.

Вместе с титулом императора Постум принимает консульские полномочия, которые возобновлялись через каждые два года в течение 10 лет его правления, а *tribunicia potestas* — ежегодно. На аверсе одной из монет сохранилась четкая надпись *TRIB POT X COS V PP*⁷. Полное имя Постума известно нам из античных письменных источников, но подтверждено надписями на его монетах: *M C L P*. Юридическое обоснование его власти выражалось и в титулатуре, которая указывалась на монетах в различных вариациях. Полный первоначальный титул — *Imperator Caesar Marcus Cassianus Latinus Postumus Pius Augustus* — постепенно видоизменяется, приобретая форму — *Imperator Caesar Marcus Cassianus Latinus Postumus, pius felix, invictus Augustus, pontifex maximus, Germanicus maximus, tribunicia potestate, consul, pater patriae, proconsul*⁸. На монетах первой эмиссии чеканится аббревиатура: *IMP C M CASS LAT POSTVMVS P F AVG*⁹. На сестерциях и антонинианах 2-й серии первой эмиссии титул выбивается: *IMP C POSTVMVS P F AVG*. Обычно сестерции имеют

короткую титулатуру. IMP C POSTVMVS PIVS FE AVG.¹⁰. Другие эмиссии несут титулы: IMP C M CAS LATI POSTVMVS P F AVG.¹¹, POSTVMVS P F AVGSTVS T P¹² (tribunicia potestate).

Помимо этого, монеты галльских императоров чеканились на неустановленных временных монетных дворах Тарраконы в Испании, где находились серебряные рудники, возможно, в Валенции, а также в Галлии, один из которых был расположен, по-видимому, во Вьенне, и в Британии. Выдвигается справедливое предположение, основанное на археологических изысканиях, о функционировании в этот период монетных дворов в гг. Кам¹³ и Арль¹⁴. Монетный двор Могонтиака (совр. Майнц) начал свою работу в конце правления Постума, но чеканил монеты мятежника Лелиана. Очевидно, этот монетный двор не был особо большим и может быть отнесен к разряду второстепенных и нерегулярных монетных дворов¹⁵.

Ряд монетных дворов появлялся и прекращал свое существование в течение правления императора не один раз. Особо популярными такие временные монетные дворы были у последующих галльских императоров — Мария, Викторина и Тетриков. Современные исследователи выдвигают предположение о существовании двух различных монетных зон: одна охватывает Испанию и Южную Галлию, а другая включает в себя Центральную и Северную Галлии, обе Германии и Британию. При этом монетные эмиссии Постума охватывают обе зоны¹⁶.

Первые монеты Постума были отчеканены в Лугдуне, монетный знак которого выглядел как L, LN, LVG, LVGD. Это были как перечеканенные монеты Галлиена, так и вновь отбитые ауреусы, ауреусы-квинарии, антонинианы, денарии, квинарии, сестерции, дупондии, ассы. Найденных монет Лугдуна насчитывается более двухсот пятидесяти. Исследователи предполагают, что, видимо, монетный двор Лугдуна продолжал действовать даже после переезда основного монетного двора в Колонию-Агриппину. Произошло это между третьим и четвертым консулатами Постума. Монет этого монетного двора найдено более сотни во Франции, вдоль русла Рейна как на левом, так и на правом берегу реки¹⁷, а также в Северной Италии и Британии: Кент, Корнуолл, Ремсгейт, Йоркшир, Хеслингтон, Сомерсет и др.¹⁸. Они отличаются видоизмененным титулом Постума. Четвертый консулат включен в легенду монет из Колонии-Агриппины: COL. CL AGRIP. COS III и C. C. A .A .COS III и монетный штамп C I A.

Причины перемещения монетного двора не совсем понятны. Возможно, это стало необходимым из-за недостатка охраны на юге. Другой монетный двор находился для удобства в резиденции императора в его отстроенном дворце в Августе Треверов. Его монетный знак был TR, TRE. Некоторые исследователи ставят под сомнение не только интенсивную работу монетного двора Августы Треверов, но и само его существование на том основании, что надпись, в которой упомянут официальный представитель монетного двора Августы Треверов, датирована 273 г.¹⁹. Тем не менее, очевидно, что этот монетный двор функционировал (или начал функционировать?) при Постуме. Серебряная монета улучшенного качества чеканилась именно на монетном дворе Августы Треверов.

Почти все монеты Постума с монетного двора Медиолана (совр. Милан) имеют легенды, относящиеся к коннице: CONCORD AEQVIT., FIDES

AEQVIT., FIDES EQVIT., VIRTVS EQVIT.²⁰. Первый галльский император вообще придавал большое значение коннице, упоминавшейся в легендах гораздо чаще, чем у других императоров, не исключая Галлиена, который в результате военной реформы создал единые кавалерийские силы в римской армии. Одна из монет Постума посвящена Кастору — особому покровителю конницы²¹. Интересна и монета с портретом Галлиена и именем Постума — IMP C M LAT POST PF AVG., отчеканенная явно подмастерьем²². Для Медиолана характерны монетные штампы — M, MD. Чаще всего на монетах иных монетных дворов указывался номер мастерской, в которой был произведен выпуск, например, S — secunda officina (вторая мастерская), T — tertia officina (третья мастерская).

Монеты первого галльского императора отличались от монет римского императора Галлиена высоким содержанием серебра и золота²³. Постум никогда не прибегал к порче монеты. Монетные эмиссии стали регулярными; вес монет стабильным. Так, к примеру, вес золотых монет Постума варьируется от 4.47 г до 6.09 г., а серия ауреусов, посвященных Гераклу, — от 5.75 г до 6.85 г.²⁴

В правление Постума чеканились последние сестерции, почти в точности сохраняющие вес и достоинство, хотя они и чеканились зачастую уже без обозначения монетной стоимости. Некоторые из сестерциев Галлиена были перечеканены Постумом на его собственные, очевидно, в целях экономии металла²⁵. Ранние монеты первого галльского императора по стилю соответствуют монетам императора Галлиена: GERMANICVS MAX., MINER. FAVTR., SPEI PERPETVAE, NEPTVNO REDVCI, PAX AVG., FELICITAS AVG., MONETA AVG., PROVIDENTIA AVG., SALVS AVG.

Выпуск первых бронзовых монет был произведен во время третьей эмиссии Постума в конце 260 г. и в период четвертой эмиссии в начале 261 г.²⁶. В это же время была произведена третья монетная эмиссия сестерциев регулярной серии с легендой FELICITAS AVG. В 260 г. состоялась первая эмиссия антонинианов и ауреусов галльского императора, которые условно можно разделить на две категории: с длинной титулатурой IMP C M CASS LAT POSTVMVS P F AVG.²⁷, и короткой титулатурой IMP C POSTVMVS P F AVG.²⁸

В Колонии-Агриппине был возобновлен выпуск относительно крупной бронзовой монеты. До Постума бронза выпускалась нерегулярно, а достоинство монет определить подчас очень сложно ввиду неустойчивости ее веса²⁹. Содержание меди в бронзовых монетах Постума достигает 72-87 %, соединение свинца 3-20 %, а олова 3-12 %. Вес бронзовых монет варьируется от 20.08 г. до 26.88 г. Диаметр достаточно стабилен — 28-32 мм.³⁰ Некоторые из бронзовых монет Постума содержат ошибки в чеканке надписей. Возможно, речь идет об имитации монет Постума или существовании второстепенного монетного двора, где они производились: IMP C PSTVMVS AVG.³¹, IMP C M CSS LAT POSTVMVS P F AVG.³², LAEITIA вместо LAETITIA³³, имитация сестерция Постума с легендой RESTITVTOR GALLIAR³⁴.

Все вышесказанное позволило галльскому императору выполнить поставленную задачу и оживить торговые взаимоотношения как внутри региона, так и за его пределами. Как отметила Ю. К. Колосовская, старые торговые связи между Римом, Нориком, Рецией, Испанией, Паннонией, Германиями и Северной Италией не прерывались даже в особо сложные периоды кризиса.³⁵ Причи-

на в том, что связи рейнских и дунайских провинций основывались на их до-римской истории³⁶. Торговые связи этих регионов прослеживаются благодаря археологическим находкам в Британии и Скандинавии³⁷. С середины III в. н.э. основная торговля из-за непрекращающихся вторжений варваров сосредоточилась в приграничной полосе на лимесах. Внешняя торговля осуществлялась практически только по морю, внутренняя, следовавшая по рекам и сухопутным дорогам, не могла обеспечить потребности в товарах. Об этом свидетельствует распространение монетных кладов в Европе.³⁸

Один из значимых аспектов нумизматических источников — иконография, изучение которой позволяет ответить на многие вопросы. Подчас иконография монет является единственным свидетельством. В частности, только изображения на монетах позволяют нам определить то, как в действительности выглядел Марк Кассиан Латиний Постум³⁹.

Для удаленных от столицы Галльской империи монетных дворов, в частности, галльских, и особенно для временных монетных дворов характерны выпуски монет с изображением бородатого мужчины. При этом мастера не особо утруждали себя портретным сходством, они просто использовали уже существовавшие шаблоны, слегка их подправив. Поэтому достаточно трудно восстановить облик Постума по монетам.

Ранний портрет демонстрирует нам продолговатую голову с гладкими волосами и бородой и профиль, который иногда почти правильный и не имеет столь острого угла между носом и бровями, как мы находим на более поздних портретах. Это лицо человека римского происхождения. Изменения коснулись портрета первого галльского императора в связи с переездом монетного двора в Колонию-Агриппину. Черты лица становятся более грубыми, щеки полными, волосы и борода кудрявыми. Также появились различия и в диаметре монет: монеты Колонии-Агриппины периода четвертого и пятого консулатов Постума больше по диаметру, чем монеты Лугдуна. Сравнение изображений оборотной стороны приводит к выводу, что в Колонии-Агриппине использовались лишь отдельные общие типы. Диаметр бронзовых монет второго монетного двора около 35 мм, вес от 25 до 17 g. Более мелкие бронзовые монеты достигают всего 7-8 g.

После гибели Постума практически все официальные монетные дворы сохранили свой статус и чеканили монеты последующих галльских императоров. Сомнения вызывает только Лугдун, монетный двор которого, по всей видимости, прекратил свое функционирование⁴⁰. Продолжал работу монетный двор Августы Треверов и Колонии-Агриппины. Монетный двор Могонтиака (совр. Майнц) начал свою работу в конце правления Постума, но чеканил, по большей части, монеты мятежника Лелиана. Очевидно, этот монетный двор не был особо большим и может быть отнесен к разряду второстепенных временных монетных дворов⁴¹. С возвращением Северной Италии под власть римских императоров была утрачена связь и с монетным двором Медиолана.

Помимо этого, монеты галльских императоров чеканились на неуставленных временных монетных дворах Тарраконы в Испании, где находились золотые, серебряные и медные рудники, возможно, в Валенции⁴², а также в Галлии, один из которых был расположен, по-видимому, во Вьенне, и в Британии⁴³.

Выдвигается справедливое предположение, основанное на археологических изысканиях, о функционировании в этот период монетных дворов в гг. Кам⁴⁴ и Арль⁴⁵.

Ряд монетных дворов появлялся и прекращал свое существование не один раз. Особо популярными такие временные монетные дворы были у последующих галльских императоров — Мария, Викторина и Тетриков. Современные исследователи выдвигают предположение о существовании двух различных монетных зон: одна охватывает Испанию и Южную Галлию, а другая включает в себя Центральную и Северную Галлии, обе Германии и Британию⁴⁶. При этом монетные эмиссии Постума охватывают обе зоны. Интересно, что монеты галльских императоров находят и на территории Северной Британии и Шотландии⁴⁷, а также Португалии⁴⁸.

С середины III в. н.э. внешняя торговля осуществлялась практически только по морю, внутренняя — по рекам и сухопутным дорогам, не могла обеспечить потребности в товарах. Об этом свидетельствует распространение монетных кладов в Европе.⁴⁹ Однако последующая политическая нестабильность внутри Галльской империи привела к достаточно разрушительным последствиям, отбросив развитие региона на целое десятилетие назад.

Некоторые города играли особую роль в монетном обращении. К таким городам относятся, прежде всего, те, в которых размещались основные монетные дворы галльских императоров. Кроме того, к ним относятся и города, имевшие временные или небольшие монетные мастерские. Их определить достаточно сложно. Они довольно хаотично открывались и закрывались. Сведения о них и штампы на монетах отсутствуют. Так, например, в военном лагере Ксантена (Ветера), где началось восстание Лелиана, первоначально и находился монетный двор этого непризнанного галльского «императора», который затем был передислоцирован в Могонтиак⁵⁰.

Для стабилизации положения в государстве необходимо было укрепить обороноспособность рейнской границы. Для этого Постум принимает на службу наемников из германских племен (Zosim, I. 38; Zonaras, ХП. 24), (хотя в его легионах служили франки и аламанны)⁵¹ собрав из них ударные отряды. В этой связи интересна легенда INDVLGENTIA PIA POSTUMI AVGVSTI⁵² и изображением Постума с коленопреклоненным пленником-варваром. Е.М. Штаерман считала, что она указывает на использование варваров, взятых в плен, в качестве земледельцев, а возможно, и солдат⁵³, но это более ничем не подтверждено.

Благодаря четко организованной обороне границ, а также тому, что Постум сумел создать линии обороны внутри всего региона, Галлии и обеим Германиям было подарено спокойствие. В связи с этим характерны легенды VICTORIA GERMANICA, RESTITVTOR GALLIAR, SALVS PROVINCIARVM, VICT GERM P M TR P V COS III P P., появившиеся еще в Лугдуне.

Галльский император, видимо, пытался наладить отношения с восточными узурпаторами, в том числе и торговые, в частности, с Квиетом⁵⁴. Легенда SPES AV. на найденной в Галлии монете характерна была для его отца Макриана. Не исключено, что между Постумом, Макрианом и Квиетом намечался политический союз⁵⁵. Может быть, об этом свидетельствуют монеты первого галльского

императора с легендой SERAPI COMITI AVG.⁵⁶, так как сам культ Сераписа не пользовался особенным распространением в Галлии. Не менее интересным в этой связи кажется нам и антониниан одной из поздних эмиссий Постума с легендой ORIENS AVGVSTI и изображением Солнца, который трактуется некоторыми современными исследователями как выражение решимости Галльской империи распространить свое влияние на восток⁵⁷.

Некоторые легенды выражают стремление показать улучшение жизни в регионе, к примеру, — ANNONA AVG.⁵⁸ с колосом пшеницы и рогом изобилия в руках, VBERTAS AVG.⁵⁹ с рогом изобилия и кошельком с деньгами в руках, PIETAS AVG.⁶⁰ благочестие изображено с четырьмя детьми, двое из которых на ее руках, PAX AVG.⁶¹ и изображение мира с веткой оливы и скипетром в руках, SPES PVBLICA⁶² с цветами в руках.

Финансовая политика первого галльского императора принесла определенное оздоровление экономике региона, позволив расширить ремесленное производство и оживить торговлю в значительных размерах. Монеты Постума отличались качеством и повышенным содержанием золота и серебра. Вновь появляются крупные бронзовые монеты, их выпуски становятся регулярными. На территории Галльской империи было возобновлено активное денежное обращение. Монеты Постума достаточно высоко ценились в торговом обращении. На это указывают многочисленные клады монет, в которых обнаруживают значительное число монет первого галльского императора⁶³. Малоизученным является вопрос имитации (подделки) монет. Зачастую такие подделки много хуже по качеству исполнения, но встречаются и экземпляры весьма хорошей работы⁶⁴.

К сожалению, много неразрешенных вопросов осталось за рамками данного исследования. Остается надеяться, что новые находки монет позволят решить некоторые из них и пролить свет на отдельные моменты правления Постума.

Однако более поздний образ крепкого мужчины плебейской наружности с вьющимися волосами и бородой, с полными щеками и курносом носом не является окончательным портретом первого галльского императора. Скорее всего, подобный портрет был ближе галлам, чем более ранний. Профиль должен был, видимо, подчеркнуть галльское происхождение, во всяком случае, не римское.

Интересную категорию составляют погрудные изображения императора, отчеканенные на монетах. Часть бюстов представляет Постума, лицо которого повернуто вправо или наиболее часто попадающейся пропорции — три четверти, в панцире и шлеме или увенчанного короной: лавровой — на сестерциях и лучевой — на двойных сестерциях.

Монеты с легендой VIRTUS AVG представляют нам погрудное изображение императора, лицо которого повернуто влево. Постум изображен в шлеме с гребнем, с кудрявыми волосами до плеч. Выпуск данного типа был возобновлен позже с погрудным изображением в пропорции в три четверти. Погрудные изображения Постума в шлеме были найдены на монетах его последователей, к примеру, Викторина и Тетрика, стремившихся показать, что они являются наследниками первого галльского императора. Подобные типы погрудных изображений часто использовались всеми галльскими императорами.

Особенность типов аверсов монет Галльской империи 259–269 гг. не исключается различными вариациями погрудного изображения Постума. Разнообразие аверсов зависит от опытности и таланта мастера, от того, является ли это копией с уже существующего варианта аверса (к примеру, часто использовались типы монет Галлиена), так и от того, насколько монетный тип адаптирован к условиям: это могла быть простая перечеканка монеты Галлиена, а могла быть очень хорошо выполненная копия портрета, учитывающая черты лица Постума. Подчас такие монеты были гораздо лучше оригиналов Галлиена как по мастерству работы, так и по содержанию в монете золота или серебра.

Монеты первого консулата Постума представляют портрет императора в раннем стиле, как и монеты второго, среди которых, правда, встречаются портреты Постума с различной трактовкой профиля. Антонинианы первых двух лет около 21 мм в диаметре. В период 3-го консулата овал лица становится меньше, а угол между линиями лба и носа больше, но волосы и борода, по большей части, остаются без изменения. Диаметр большинства монет уменьшается на 1 мм. Монеты 4 и 5-х консулатов показывают формирование так называемого провинциального портрета Постума, их диаметр обычно 18–19 мм⁶⁵.

Монеты большого достоинства встречаются достаточно редко. Это были монеты в один антониниан, полтора антониниана или 3 денария. Ауреусы Постум чеканил в достаточном количестве как в Лугдуна, так и в Колонии-Агриппине. Многие из них датированы. Интересно, что более поздние ауреусы по стилю и атрибутике (портрет императора, титулатура, легенды и изображения на реверсе) характерны для монетного двора Лугдуна. Вполне возможно, что с перенесением центрального монетного двора в Колонию-Агриппину и Августу Треверов, Лугдунский монетный двор не прекращал свою деятельность. И еще одно подтверждение этому: пятилетие правления Постума — QVINQVENNALES AVG. — было отпраздновано и отмечено на монетах Лугдуна, на аверсах которых помещено погрудное изображение императора в шлеме и доспехах⁶⁶.

На монетах Колонии-Агриппины использовался характерный прием римских монетных дворов — изображение бюста в так называемые три четверти⁶⁷. Портрет этих монет рисует нам картину крепкого и сурового мужчины, способного удержать бразды правления в столь неспокойное время. Этот портрет был более удачен, чем схожий портрет императора Караузия.

Нумизматические источники позволяют нам выявить важнейшие направления политики первого галльского императора. По монетным надписям мы определяем военные силы, которые были в распоряжении Постума. Реверсы также чеканились, учитывая военные события, происходящие в Галльской империи, в том числе победы над германцами. На монетах Постума значительное место занимает изображение богини Виктории, военных трофеев, а также военнопленных. Некоторые варианты реверсов бронзовых монет копируют реверсы сестерциев и двойных сестерциев, а иногда и антонинианов. Характерно, что вначале правления Постума на реверсах в качестве изображения использовались классические варианты, которые затем подвергаются разнообразной модификации. Для этого часто использовались изображения на монетах Галлиена, а также Северов и Антонинов, например, монеты с легендами FELICITAS, NEPTVNI REDVCI воспроизводят изображения реверсов Адриана⁶⁸. Также

модификации подвергается и изображение на монете с легендой. Так Галлиен на подобной монете изображен только со скипетром, а Постум на своей монете с такой же легендой показан вооруженным, что называется, «до зубов»⁶⁹.

Постум одержал несколько побед над германцами, грабительские набеги которых не только разрушали рейнский лимес, но и стали одной из причин социально-политического и экономического кризиса III в. н.э. в Римской империи. Надпись 259 г. уже называет его *Germanicus Maximus*⁷⁰, что, возможно, было связано не только с его активной деятельностью в качестве наместника Галлии и обеих Германий, но и помощью соседней провинции Реции в разгроме одного из племен. Ряд монет, отчеканенных во второй и третий консулат Постума, отмечают его победы над германцами именно вышеуказанным титулом, а также титулами *INVICTO AVG.*⁷¹, и легендами, восхваляющими Постума: *LIBERATIONIS AVG.*⁷², *PROVIDENTIA AVG.*⁷³, *AEQVITAS AVG.*⁷⁴, *FORTVNA AVG.*⁷⁵. Сам тип монет с этими легендами является несомненной копией подобных монет Галлиена.

К этому же времени относятся многочисленные монеты с легендой *Felicitas* и изображением пленных или триумфальной аркой; монеты с легендой *Indulgentia pia Postumi Aug(usti)* и с изображением Постума, поднимающего коленопреклоненную Галлию. То же изображение имеется на монете с легендой *Restitutor Galliarum*⁷⁶. Видимо, этим показывалось, что первый галльский император не только одержал победы, но и позволил стране обрести политическую и экономическую стабильность.

Легенду *PROFECTIO AVG.*⁷⁷ связывают с посещением Постума Испании и Британии, присягнувших галльскому императору. Британию, по-видимому, первый галльский император посетил во время морской экспедиции вдоль побережья с целью проверки обороноспособности ряда крупных рек и готовности флота, а также для того, чтобы наметить дальнейшие мероприятия по укреплению линий обороны берегов и устьев рек (Рейн, Сена, Луара, Эско и более мелких — притоки Сены, Дендра, Лиз) и ряда крепостей по берегам этих рек и вдоль морского побережья современных территорий Фландрии, Нидерландов, Германии, Бельгии, Франции. К этому времени относится и появление монет с легендами *SALVS PROVINCIARVM* с изображением Рейна в виде бородатого мужчины, который лежит, положив руку на корабль⁷⁸, а также легендами *ADVENTVS AVG.*⁷⁹ с изображением императора поднявшего в приветствии одну руку и опирающегося на щит другой.

На монетах Постума с легендой *REST.*, *RESTIT.*, либо *RESTITVTOR GALLIARVM* или *GALLIAR*⁸⁰ помещено изображение императора в полный рост в шлеме и при оружии. Стоя слева, он поднимает коленопреклоненную Галлию в виде женщины, держащей копье и оливковую ветвь и задрапированной в ниспадающие одежды, а также с лучевой короной на голове. В другом варианте Постум также изображен в полный рост, поставившим ногу на часть земляной насыпи. Галлия показана в виде задрапированной в ниспадающие одежды женщины, протягивающей руку к императору. На голове у нее башеновидная корона. Думается, что здесь прослеживается намек на то, что Постум, возведя оборонительные сооружения, остановил варваров и позволил Галлии вновь начать мирную жизнь.

Интересно, что одна из монет галльского императора посвящена Антонину Пию⁸¹, что, по мнению Е. М. Штаерман⁸², чей вывод не совсем обоснован, показывает приверженность к традиции Антонинов.

Изображения и надписи на монетах помогают нам выявить легионы, присягнувшие галльским императорам. Однако для Постума характерно отсутствие названий конкретных военных подразделений именно на монетах. Эта тенденция связана, очевидно, с опасением оскорбить кого-либо из своих сторонников: будь то легионы, отдельные когорты или варвары-наемники. Поэтому для уточнения сведений необходимо обратиться также к эпиграфике, что выходит за рамки данного исследования⁸³.

Инициатором бунта стал 1-й легион Минервы (Minervia), о чем свидетельствуют монеты Постума, выпущенные чуть позднее⁸⁴. Вообще же, Постум предпочитал общие темы прославления побед, в частности, выражавшиеся в чествовании богов-покровителей: Марса, Виктории, Фортуны, Военного мужества и удачи: VIRTVS MILITVM, VIRTVS POSTVMI AVG., FELICITAS AVG., FIDES MILITVM, FIDES EXERCITVS, SAECVLI FELICIYAS, SALVS EXERCITVS⁸⁵.

Монеты галльских императоров находят вдоль всей рейнской границы, русла реки Рейн и на территории зарейнских земель, в том числе на территории Декуматских полей.⁸⁶ Их обнаруживают на территории Франции, Нидерландов, Западной Фландрии, Британии и Северной Италии. Они были распространены по всей Римской империи, подобно тому, как монеты центрального производства были в ходу на территории Галльского государства.⁸⁷ Монеты галльских императоров встречаются в ряде западных провинций Римской империи. При этом по количеству находок монеты Постума превосходят монеты его последователей⁸⁸.

Особенностью эмиссий Постума была также корректность в титулах, чеканенных на монетах: EXERCITVS AVG., VICTORIA AVG., SALVS AVG., VICTORI VICTORIA, CASTOR, HERC DEVSONIENSI, NEPTVN COMITI, NEPTVN REDVX, FIDES MILITVM, FIDES EXERCITVS.

Интересен ряд монет первого галльского императора с легендами о новом счастливом времени — SAECVLI FELICITAS, SAECVLI FRVGIFERO⁸⁹, SALVS PROVINCIARUM, FELICITAS TEMPORVM⁹⁰, FORTVNA и FORTVNA REDVX⁹¹, LAETITIA, SPEI PERPETUAE, JOVI OPTIMO⁹², MAXIMO SPONSORI SAECVLI AVGVSTI⁹³.

Желание захватить власть в Риме интерпретируется отдельными современными исследователями в связи с появлением на монетах легенды ROMA AETERNA, датируемых 266-267 г.⁹⁴ На одной из них есть изображение Постума, протягивающего руку Риму⁹⁵. Подобные предположения делались и на основе монет с легендами AETERNITAS AVG., ORIENS AVG., PACATOR ORBIS⁹⁶, и изображения солнца вместе с изображением самого Постума и луны на монете с легендой CLARITAS AVG⁹⁷. Е.М. Штаерман предполагала, что легенды появляются в связи с намечавшимся союзом с восточными узурпаторами⁹⁸. Английский исследователь П. Вебб считает, что легенды RESTITVTOR ORBIS, PACATOR ORBIS появляются на монетном дворе Колонии-Агриппины в тот момент, когда был достигнут определенный экономический прогресс и очеви-

ден военный успех: одержана крупная победа над германцами, набеги которых практически прекратились⁹⁹.

Как уже говорилось выше, для некоторых монет Постума, в том числе и бронзовых монет Колонии-Агриппины характерно появление монетного типа S.C.— Senatus Consultum. Это сокращение встречается как на реверсах с легендами (к примеру, FIDES MILITVM, HERC PACIFERO, LAETITIA AVG., VICTORIA AVG., RESTITVTOR GALLIAR, VICTORIA GERMANICA, VIRTVS POSTVMI)¹⁰⁰, так и на реверсах типа P M TR P COS II P P¹⁰¹. Легенда IOVI OPTIMO MAXIMO сопровождается изображением Капитолия и Юпитера, а также изображением имперской столицы вместе с богиней победы Викторией и щитом в легенде ROMAE AETERNAE, ADLOCVTIO, AETERNITAS AVG. или изображение Капитолия с легендой ADVENTVS AVG.

В свете вышесказанного, можно говорить, что подобные изображения лишний раз подтверждает желание первого галльского императора заключить мир с Римом в лице Галлиена. Поскольку это имело место в 266–267 гг., т. е. после решительных военных столкновений с Галлиеном, думается, что мнение о том, что римский император “примирился” с существованием Галльской империи, может иметь под собой некоторые основания.

Однако интересно, что не существовало легенды прославления Imperium Galliarum или любого из составляющих ее регионов. Легенды ROMAE AETERNAE и HERCVLES ROMANVS, а также SALVS PROVINCIARVM считаются выражением уважения Риму не только у отечественных исследователей, к примеру, Е. М. Штаерман и М. Г. Абрамзона¹⁰², но и зарубежных ученых, таких как П. Вебб, Дж. Дринкуотер и И.Кёниг¹⁰³. Характерно и то, что легенда ROMAE AETERNAE¹⁰⁴ появляется на монетах первой эмиссии в Лугдуна, что лишний раз подтверждает неоправданность предположений на основе этой легенды о претензиях на захват Постумом власти в Риме.

Финансовая политика Галльской империи начала затухать после смерти Постума. Постепенно уменьшается содержание количества драгоценных металлов в монетах, уменьшаются и становятся нерегулярными выпуски бронзовых монет. И хотя основные монетные дворы продолжают свою работу, значительная часть монет галльских императоров чеканится на временных монетных дворах.

Эмиссии Викторина зависели в первую очередь от монетных дворов Могонтиака и Колонии-Агриппины¹⁰⁵, а также от монетного двора Лугдуна, стиль и атрибуты которого явно прослеживается на некоторых монетах галльского императора.¹⁰⁶ Существует также клеймо, впервые появившееся у Постума, а затем встречающееся на монетах Викторина и Тетрика V / *. У Викторина — V / P. Предполагается, что это все-таки не имя императора, а первая буква города, к примеру Виенна (Viennae) или Валенция (Valence), которые расположены к югу от Лугдуна. Некоторые исследователи отстаивают точку зрения¹⁰⁷, что монету били именно во Виенне, которая была под властью Галльской империи весь период ее существования.

Финансовая политика Викторина была пассивнее, чем подобная политика у Постума¹⁰⁸. Нумизматические и эпиграфические источники позволяют нам говорить о трех периодах, когда Викторин обладал tribunicia potestate, в течение которых он дважды был наделен консульскими полномочиями¹⁰⁹. Период

третьего консулата Викторина доказывается только одной монетой¹¹⁰. На монетах вместе с привычной длинной титулатурой¹¹¹ чеканилось полное имя императора — PIAVVONIVS¹¹². Укороченный вариант имени был характерен для монетного двора Колонии-Агриппины¹¹³ — PIAVVONI, PIAV, PIA и даже сокращенное до двух букв — PI¹¹⁴.

Портрет Викторина на монетах точно соответствует характеристикам подобного портретного изображения Постума. Отличие можно найти лишь в особой драпировке отчеканенного бюста. Портретные вариации найдены на монетах, как из серебра, так и из золота¹¹⁵. В большинстве случаев это хорошее исполнение с явно уважительным отношением мастера к императору. Голова изящно и тщательно вырисована: узкие брови, красивый классический профиль, хорошей формы нос, более короткая и остроконечная борода¹¹⁶.

Реверсы монет этого галльского императора не отличаются разнообразием, а лишь копируют подобные монеты Постума. Интересна одна монета с надписью VICTORIN и VICTORINE и изображением двух лиц в профиль¹¹⁷. Предполагается, что это либо жена Викторина, либо его мать Витрувия¹¹⁸. Уважение подданных выразилось в монете с надписью CONSECRATIO (галльский вариант — CONSACRATIO)¹¹⁹. Викторин также выпускает монету ROMAE AETERNAE с красивым изображением бюста Ромы¹²⁰.

Примечательная серия монет Викторина выполненная почти вся из золота. Одна часть посвящена Гераклу, а другая выбита в честь легионов императора. Монетные легенды, прославлявшие присягнувшие Викторину военные подразделения характерны, в большинстве своем, для ауреусов. Подобные посвящения характерны для многих римских императоров. Постум избегал подобных легенд и был необычайно корректен в своих титулах и прославлениях побед, чтобы не оскорбить ни легионы, ни наемников из германских племен. Исследователи приравнивают серию монет Викторина с прославлением легионов к подобным монетам Антонинов, Септимия Севера и Галлиена¹²¹. В серии монет Викторина, посвященной легионам, встречаются монеты достоинством в денарий и антониниан. Этой чести, соответственно, были удостоены легион XXII Primigenia и легион XXX Ulpia Victrix¹²². Подобные монеты, посвященные легионам III Gallica и XIII Gemina, были найдены в начале XX века и не вошли в ряд каталогов¹²³.

Многие из монет Тетрика и его сына, по-видимому, отчеканенных на одном из временных монетных дворов, соответствуют по стилю монетам Викторина из не идентифицированного южного монетного двора¹²⁴, так что вполне можно предположить, что этот двор, скорее всего располагавшийся в г.Виенна, продолжал свое функционирование. Относительно небольшое количество монет отчеканено в Колонии-Агриппине. Некоторые из золотых монет Тетриков имитируют монеты Галлиена.

Особой разницы в иконографии монет Постума, Викторина и Тетрика проследить нельзя. Тетрик в монетных легендах, также как Постум и Викторин, уделяет немало внимания войску: Concordia equit(um), Fides milit(um), Invictus, Mars Victor, Victoria Aug(usta). На монетах сам Тетрик изображался не только как сенатор в тоге, но и как воин в боевом снаряжении¹²⁵. Постум же широко использовал «гражданские» мотивы — мир, счастье, изобилие, благочестие, ми-

лосердие и т.п. Монеты “варварского” типа находят у всех галльских императоров, что может свидетельствовать о функционировании временных монетных мастерских весь период существования Галльской империи. Первый галльский император никогда не прибегал к порче монеты, чего не скажешь о его преемниках. Монеты видоизменяются: их диаметр и вес уменьшается. После Постума ни один из его последователей не привнес ничего нового в стилистику иконографии монет.

Предположительно, система управления «государством» была в точности скопирована Постумом с Римской империи и, соответственно, фискальные органы, необходимые для нормального функционирования государства, копировали подобные в Римской державе¹²⁶.

Интересно, что единственным доказательством этого могут служить найденные в Галлии в нач. 80-х гг. XX в. рельефные изображения сбора налогов в денежном эквиваленте и натуральными продуктами. Дж. Дринкуотер выдвигает предположение, что, администрацией Галльской империи было предусмотрено как сбор налогов в денежном эквиваленте, так и выделение ссуд или неких денежных сумм (налоговые льготы) для торговли или развития отдельных направлений «индустрии»¹²⁷.

Уполномоченные ¹²⁸	Представительство	Виды налогов
Praetorian prefecture	Vicarius	Indiction Customs dues
Sacrae largitiones (res summa)	Rationales	Aurum coronarium Aurum oblativum Collatio lustralis (chrysargyron)
Res privata	Magistri (rationales later)	Rents

В таблице приведена примерная схема фискального устройства Галльской империи. Первая колонка — уполномоченные императором, вторая — представители, которые назначались уполномоченными на местах, и третья — непосредственно виды налогов, которые могли взимать представители и за которые они отчитывались перед уполномоченными.

Денежная реформа, проведенная римским императором Аврелианом, должна была изменить положение в Римской империи и способствовать прекращению хождения монет галльских императоров, особенно, на территории Британии и Галлии. Однако даже реформа не могла уничтожить имитации монет, которые чеканились в значительном количестве. Копии монет составляли проблему и для галльских императоров, особенно для Постума и Тетрика. Современные исследователи выдвигают гипотезу, что подобные монеты могли производиться в Британии или Северной Галлии. Менее вероятно, по их мнению, что такие монеты могли быть отчеканены в других частях западных провинций Римской империи¹²⁹. Направление исследований могут ошибочно изменить современные подделки монет того времени.

Согласно имеющимся материалам, имитировались обычно монеты, имевшие более широкий ареал хождения, а также пользующиеся особым спросом. Зачастую такие имитации много хуже по качеству исполнения, но встречаются и экземпляры весьма хорошей работы¹³⁰. Интересно, что из монет Постума имитировались и бронзовые монеты¹³¹.

Циркуляция монет во 2-й половине III в. н.э. носила, в основном, региональный характер. В частности, монеты галльских «императоров» имели хождение в Галлии, Британии, Верхней и Нижней Германиях, Испании и по обе стороны рейнской границы¹³². Так, на территории Франции было найдено 69 монет Мария и Викторина, 5 — на территориях Бельгии и Люксембурга, 13 — в Великобритании, 10 — на территориях бывших германских провинций, 60 в Швейцарии и только одна в Испании¹³³. При этом количество находок монет Постума подчас превышает находки монет его преемников.

Если рассматривать конкретные центры циркуляции монет, то ими являлись крупные города. Основными районами циркуляции монет галльских императоров в Британии являлись юг и север, а города — Киренчестер, Честер, Лондон и Веруламий¹³⁴. Если сравнивать в процентном соотношении, то монеты Римского государства составляли здесь между 20 % и 30 %, а монеты Галльской империи — между 30 % и 40 %, т. е. их количество было значительно больше, а соответственно, в жизни этого региона монеты Галльской империи имели большее значение¹³⁵. При этом даже в правление Караузия и Аллекты процентное соотношение их монет с монетами Римской империи было не в пользу последней. Однако, если сравнивать соотношение монет галльских императоров, Караузия и Аллекты, то процент монет Галльской империи выше. В Британии также очень незначительный процент имитаций.

Иное дело в Галлии. Предполагаемыми центрами чеканки имитаций монет были Верден (Verdun), Плугерно (Plouegneau), Отен. Современные исследователи выдвигают теорию, на основе изучения циркуляции монет и археологических находок, что основная часть имитаций чеканилась именно в Северной Галлии¹³⁶. Возможно, этому способствовала близость границы. При этом имитировались как монеты галльских императоров, так и монеты императоров Римской империи. Однако в процентном соотношении монет Галльской империи здесь было много больше, чем монет Римского государства, а имитаций наоборот. Причин этому может быть много. прежде всего, финансовая политика галльских императоров, которая заключалась также в контроле над стабильностью монеты. Чтобы обеспечить это, периодически проводилось выборочное изъятие монет из ежедневного обращения с целью проверки. Интересно, что в южной Галлии в обращении достаточно высокий процент имели монеты Римской империи (от 40% в большинстве городов, и более 60% в девяти городах)¹³⁷.

Существование большого количества имитаций монет в городах Галлии могло быть из-за недостатка подлинных монет в ареале, отсутствия постоянства в качестве монет Галльской империи и Рима, увеличения количества банд, которые имитировали монеты, а также из-за плохо отлаженного аппарата финансовой администрации галльских императоров и Римской империи. Интересно, что подчас имитировались особые монеты, к примеру, консекрационные монеты Клавдия Готского. Это, как и имитация монет Тетриков, характерная примета периода с 270 по 274 гг.¹³⁸.

Возможно, что основная масса производства монет-имитаций в Северной и Западной Галлии падает на 270-280-е гг. Однако известно, что примерно до этого периода в течение около 20-ти лет в Северной Галлии вообще не чекани-

лось новых монет. В 270-е годы, даже после падения Галльской империи, на уже подконтрольной Риму территории, хотя и в небольшом количестве, но производились монеты-имитации. Много имитаций монет Тетрика производилось в Реннах. Современные исследователи считают, что основной монетный двор к тому времени почти перестал работать, но зато множество мелких мастерских стали имитировать монеты¹³⁹. Только на территории племени осисмов таких мастерских было 26, у ридонов — 11 и т.д. В юго-западной Британии мастерских, имитировавших монеты, было около шести.

Имитации монет галльских императоров использовались, в основном, по обеим сторонам рейнской границы, в Британии и Северной Галлии¹⁴⁰. Гораздо меньше монет-имитаций использовалось в обращении в Центральной, Восточной и Южной Галлии и Испании¹⁴¹. И достаточно редко имитации циркулировали в Италии и в ареале Альп¹⁴². Можно предположить, таким образом, что локальная циркуляция способствовала и стимулировала в какой-то мере производство фальшивых монет.

Итогом успешной внутренней политики Постума стало оживление торговли и денежного обращения. Именно финансовая деятельность наиболее ярко может показать социально-экономическую и идеологическую политику галльских «императоров», а также выявить торговые связи. Развитие искусства в «Галльской империи» может быть рассмотрено на примере иконографии монет.

После смерти Постума ситуация в монетном обращении постепенно меняется. Так в Восточной, Центральной Галлии и прирейнском регионе около 50 % монет, находящихся в обращении, принадлежали Римской империи и датируются 270-ми гг. При этом в обеих Германиях и на рейнской границе больше были распространены монеты галльских императоров, и гораздо меньше — Римской империи. В этом ареале достаточно широк процентный разброс имитаций монет: в некоторых городах он составляет 1%, а в других до 20 % и даже более¹⁴³. В прирейнском регионе нет находок монет Караузия и Аллекты.

Особо можно выделить район Испании и ареал Альп. Количество монет Галльской империи здесь составляет от 20 % до 60 %. Подобное процентное соотношение наблюдается и в циркуляции монет Римской империи¹⁴⁴. Имитированные монеты практически отсутствуют. Монеты Галльской империи имели хождение и в Италии, где они составляют около 10–15 %¹⁴⁵.

Все вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, в Галльской империи монеты галльских императоров и Римского государства имели равное хождение и равное по своей финансовой ценности значение. Во-вторых, регион Южной Галлии резко контрастирует с остальными регионами, входившими в состав Галльской империи. Это проявляется и в политическом положении (нейтралитет по отношению к галльским императорам, многие члены римского Сената были родом из Аквитании), в монетном обращении (большой процент монет Римской империи), в романизации, которая здесь была особо сильна. И, в третьих, приведенные выше цифры и выводы не окончательные, поскольку археологические изыскания продолжаются, ежегодно значительно пополняя данные, а подчас и изменяя их коренным образом.

После смерти первого галльского императора Постума фискальные мероприятия были практически свернуты. Начался постепенный упадок и после-

довавшее затем крушение финансовой системы Галльской империи, что привело в нач. 70-х гг. III в. н.э. к экономическому упадку внутри этого «государства».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 56.
2. RIC. V/2. Postumus, 1.
3. *Bastien P.* Le monnayage de bronze d'Postum. Wetteren, 1967. (Num. Romaine, III). P. 14-15.
4. Об этом свидетельствуют монеты Постума, выпущенные в Медиолане в этот период. *Grant M.* Roman History from coins. Cambridge, 1968. P. 33; *Lafaurie J.* L'Empire Gaulois apport de la numismatique // ANRW. 1975. Bd. II/2. №4. P. 855-860. В основном, в Медиолане выпускались монеты (их значительная часть) так называемых легионных типов. *Абрамзон.* Ук. соч. С. 79, 136.
5. *Alföldy A.* The reckoning by the regnal years and victories of Valerian and Gallien // JRS. 1940. №1. P. 6-7; *idem.* The Numbering of the victories of the emperor Gallienus and the loyalty of his legions // NC. 1929. №1. P. 210; *Elmer G.* Die Münzprägung der Gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand // BJ. 1941. Bd. 146. S. 43-44; *Delbrueck R.* Die Münzbildnisse von Maximinus bis Carus. Berlin, 1940. S. 131-136.
6. *Bastien.* Op. cit. P. 44-45.
7. На реверсе — POSTVMVS PIVS FELIX AVG; — *Luckger H.J.* Eine unbekannte Münze aus dem letzten Jahre des Postumus // Germania. 1919. №1-2. S. 19-20.
8. *Drinkwater J.F.* The Gallic Empire: Separatism and continuity in the North-Western provinces of the Roman Empire A.D. 260-274. Stuttgart, 1987. — (HISTORIA, H. 52). P. 125.
9. *Bastien.* Op. cit. 2-4.
10. Ibid. 15, 70, 91.
11. Ibid. 133-134.
12. Ibid. 136.
13. *Drinkwater.* The Gallic Empire... P. 137; *Bastien.* Op. cit. 46.
14. *Chawfoad M.* Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantin // ANRW. 1978. Bd. II/2. P. 587.
15. *Drinkwater.* The Gallic Empire... P. 143-144.
16. Ibid. P. 214.
17. *Reece R.* Roman coins in northern France and the Rhine valley // NC. 1972. Ser. 7. Vol. XII. P. 159-165; *Bastien.* Le monnayage... P. 95-100.
18. *Garson R.A.G.* Gare (Cornwall) Find of Roman Silver and Bronze coins // NC. 1971. Vol. XI. P. 181-188; *Reece R.* Roman coinage in Britain and the Western Empire // Britannia. 1973. Vol. IV. P. 227-251; *Curnow P.* Roman Coins from Wint Hill, Banwell, Somerset // NC. 1971. Vol. XI. P. 227-235; *Merrifield R.* A Roman Coin — Hoard from Ramsgate, 1969 // NC. 1971. Vol. XI. P. 199-206; *Reece R.* Roman coinage in Northern Italy // NC. 1971. 7 ser. Vol. XI. P. 167-179; *Bastien.* Le monnayage... P. 95-100.
19. *Lafaurie.* Op. cit. P. 886.
20. RIC. V/2. Postum, 366-369.
21. Ibid. 259, 297.
22. Ibid. 327.
23. *Абрамзон.* Ук. соч. С. 57, 136; *Besly.* The Gold.... P. 228: Серебро, по большей части, поставлялось из Испании. Галлиен выпускал бронзовые монеты сравнительно

- небольшого размера. Он особо прибегал к порче монеты. *Lafaurie*. Op. cit. P. 882.
24. *Lafaurie*. Op. cit. P. 882.
25. *Bastien*. Op. cit. Plate LXIV, 392-393.
26. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 24, 36, 38 *Bastien P.* Les travaux d'Heracle dans le monnayage de Postum // *Revue numismatique française*. 1958. №6. Vol.1. P. 60-78; *Andreotti R.* Il culto deilo Hercules Beuseniensis nella politica dell'usurpatore Postumo // *Studi di antichita classica in enore di E.Ciacchi*. Roma Soc. Dante Alighieri. 1940. P. 404.
27. *Bastien*. Catalog, 2, 4.
28. *Ibid.* 15.
29. *Зограф А.Н.* Античные монеты // *МИА*. № 16. 1951. С. 103.
30. *Lafaurie*. Op. cit. P. 882.
31. *Bastien*. *Ibid.*, Catalog, 33.
32. *Ibid.* 63, 87, 101, 105.
33. *Ibid.* 114.
34. *Ibid.* 353.
35. *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае в I-IV вв. н.э. М., 2000. С. 173.
36. Там же. С. 174.
37. Там же. С. 174.
38. *Laser R.* Zur Einfuhr und Verbreitung römischer Münzen bei den Stämmen des freien Germaniens und zur Möglichkeit ihrer wirtschaftlichen Aussage / *Roemer und Germanen in Mitteleuropa*. Berlin, 1976. S. 65.
39. Безусловно, подобное свидетельство относится ко всем галльским императорам. По портретным изображениям современные исследователи пытаются определить не просто характерные черты лица, но и происхождение каждого из императоров Галльской «империи». См.: *RIC*. P. 328-329, 370, 374, 379, 398; *Bastien*. Op. cit. 60-61; *Lafaurie*. Op. cit. 886-887.
40. *Galliou P.* Western Gaul in the third century / *The Roman West in the third century: In II Parts* / A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 269-271; *RIC*. T.V. Part 2. P. 369, 374-375, 384-385, 388-400; *Lafaurie*. Op. cit. P. 898-901.
41. *Reece R.* Coins as minted and coins found // *ActaNum.* 1992. Vol. 21-22-23. P. 57-62. *Drinkwater J.F.* Coin Hoards and the Chronology of the Gallic Emperors // *Britannia*. 1974. № 5. P. 293-302; *Drinkwater*. The Gallic empire.... P. 143-144;.
42. *Lafaurie*. Op. cit. P. 998; *Циркин Ю.* Древняя Испания. М., 2000. С. 7; *Curchin L.A.* Roman Gold Coins from Center Spain // *The Picus*. 1994. P. 60-64.
43. *Lafaurie*. Op. cit. P. 1003; *Webster Gr.* The History and Archaeology ... *Webster Gr.* The history and archaeology of Roman Britain in the third century / In: *The Roman West in the third century: In II Parts* / A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 345; *Reece R.* Roman coins from 140 sites in Britain. Dorset, 1991. P. 88-90.
44. *Drinkwater*. The Gallic Empire... P. 137; *Bastien P.* Le monnayage de bronze de Postum. Wetteren, 1967. (*Numismatique Romaine*, III). P. 46.
45. *Chawfoad M.* Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantin // *ANRW*. 1975. Bd.II/2. P. 587.
46. *Wightman E.M.* Gallia Belgica. California (Los Angeles), 1985. P. 214; *Reece*. Roman coinage in Northern Italy... P. 168-177; *Galliou*. Western Gaul... P. 271-272; *Coins Hoards 1999*. Ancient Hoards. Britain. Gallo-Belgica // *NC*. 1996. Vol. 156. P. 282-329; *Coins Hoards 1998*. Ancient Hoards. Gallo-Belgica // *NC*. 1998. 158. P. 291-342; *Coins Hoards 1999*. Ancient Hoards. Britain. Gallo-Belgica // *NC*. 1999. Vol. 159. P. 290-348; *Coins Hoards 2000*: Prepared under the auspices of the International Numismatic Commission. Ancient Hoards. Britain // *NC*. 2000. Vol. 160. P. 309-322.

47. Монеты Постума — в Kirkcardy, Fife, Hadrian's Wall, Great Chesters; Викторина — Troon Ayr, Lochmaddy, North Vist; Тетриков — Minnigaff, Kircudbrights, Whithorn, Hadrian's Wall, Great Chesters, Wigtowns. — *Robertson A.S.* The Romans in the North Britain: The Coin Evidence // ANRW. 1975. Bd. II / 3. P. 375-376; 389-390.
48. *Centeno R.M.S.* A Nummijmatice Antigai. Um Balanço da investigação en Portugal. [Antient Numismatic: A Balans of research in Portugal] // ActaNum. 1992. Bd. 21-22-23. P. 63-76; ActaNum. 1993. Bd. 21-22-23. P. 63-75.
49. *Laser*. Op. cit. S. 65.
50. *Drinkwater*. The Gallic Empire... P. 138, 177; *Lafaurie*. Op. cit. P. 894; *König I.* Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. München, 1981. (Vestigia, Bd. XXXI). S. 134.
51. Об этом свидетельствуют находки золотых монет галльского императора в верховьях р. Эльбы и в бассейне р. Заале. Они показывают также, что наемники набирались из «глубинки» Германии. *Werner J.* Bemerkungen zur Mitteldeutschen Skelettgrabergruppe. Hassleben-Leuna zur Herkunft der Ingentia Auxilia Germanorum des Gallischen Sonderreiches in den Jahren 259-274 // Festschrift für W.Schlesinger. Bd. 1. Köln. Wien, 1973. S. 28-30; *Brulet R.* Les dispositifs militaire du Bas-Empire en Gaule septentrionale / L'armee romaine et les barbares du III-e au VII siecle / Reun. Par Vallet F.Kazanski M-Rouen, 1993 [Memoires de l'Assoc. Fr. D'archeol. merovingiennes] S. 135-140.
52. RIC. V/2. Postum., 276.
53. *Штаерман*. Кризис... С. 453; *Cohen*, Postum., 71.
54. Об этом свидетельствует монета этого узурпатора, найденная в Галлии. См. *Абрамзон*. Ук. соч. С. 251; *Callu P.* La politique monetaire. P. 132-134; на другом берегу Рейна был найден мильевой камень с именем Викторина — *Drinkwater*. The Gallic... P. 25; *Bouvier-Ajam*. Ibid. S. 163.
55. *Штаерман*. Кризис..., С. 456.
56. *Cohen*, Postum., 169-172; RIC. V/2. Postum., 329, 282.
57. *Drinkwater*. The Gallic... P. 164;.
58. RIC. V/2. Postum., 19.
59. Ibid. 330.
60. Ibid. 320-321.
61. Ibid. 318.
62. Ibid. 384.
63. *Gricourt*. Op. cit. P. 10-17; *Lafaurie*. Op. cit. P. 967-968; *Garson R.A.G.* Gare (Cornwall) Find of Roman Silver... P. 181-188; *Reece*. Roman coinage in Britain... P. 227-251; *Curnow*. Roman Coins from Wint Hill, Banwell, Somerset... P. 227-235; *Reece*. Roman coinage in Northern Italy... 167-179; *Bastien*. Le monnayage... P. 95-100. *Reece*. Roman coins in northern France... P. 159-165; *Callu*. La politique... P. 240-244.
64. Речь идет не о современных фальсификациях. *Bastien*. Op. cit. P. 219-220; *Lafaurie*. Op. cit. 1010.
65. RIC. V/2. P. 329; *Drinkwater*. The Gallic... P. 161.
66. RIC. V/2. Postum., 34, 50.
67. RIC. V/2. P. 330-331; *Bastien*. Op. cit., 60-61.
68. *Bernhart M.* Handbuch zur Münzkunde der Römischen Kaiserzeit, Bd. II. S. 61.
69. *Elmer*, 23, 202; *Bastien*. Op. cit. 60, 63, 68.
70. *Bastien*. Ibid. Catalog, 301-302.
71. RIC. V/2. Postum., 25.
72. Ibid. 27.
73. Ibid. 49.

74. Ibid. 16.
75. Ibid. 60.
76. *Witte J. de.* Recherches sur les empereurs, qui ont regné dans la Gaule. Paris, 1864, Postum., 38-42, 113-116, 212-221, 256-261, 332.
77. Dessau, 562; RIC, Postum., 155.
78. RIC. V/2. Postum., 87; Plate XIII, 8.
79. RIC. V/2. Postum., 115, 191; *Bastien.* Ibid; Catalog, 322.
80. RIC. V/2. Postum., 13, 157, 223-225.
81. *Witte.* Op. cit., 147.
82. *Штаерман.* Кризис... С. 455.
83. Можно лишь сказать, что Постуму присягнули 18 легионов: I Minervia и XXX Ulpia Victrix из Нижней Германии; XXII Primigenia и VIII Augusta из Верхней Германии; VI Победоносный и XX Valeria Victrix из Британии, II Галльский, XIII Gemina и VIII Ulpia Victrix из Галлии, VII Gemina из Испании, а также V Macedonia с дунайского лимеса; IV Macedonia с рейнского лимеса; IV Flavia из Moesia superior; XIV Gemina из Pannonia Superior; III Gallica из Финикии; III Italica из Реции, присягнувшей Постуму; II Траянов из Египта, именуемый Германским, был передислоцирован в Северную Италию, где произошло восстание Авреола, также присягнувшего Постуму; X Fretensis из Палестины был направлен в Британию. Также Постуму присягнули отдельные военные подразделения и вспомогательные войска. Из источников нам известно, что в распоряжении Постума была сильная галльская конница и отряды наемников-германцев. Эпиграфика позволяет утверждать, что Постуму присягнули: когорта I-я Aelia Dacorum.
84. Elmer 309 (Aur.) 313 (Ant.), MINER(va) FAVTR(ix); RIC. V/2. Postum., 29.
85. RIC. V/2. Postum., 44, 59, 105, 236-241, 244, 245, 327.
86. *Gansbeke D. van.* La mise en état de la défense de la Gaule au milieu du III-e siècle après J.-C. // *Latomus.* 1955. Vol. XIV. P. 405-425; *Garson R.A.G.* Gare (Cornwall) Find of Roman Silver... P. 181-188; *Reece.* Roman coinage in Britain... P. 227-251; *Curnow.* Roman Coins from Wint Hill, Banwell, Somerset... P. 227-235; *Merrifield R.* A Roman Coin — Hoard from Ramsgate // *RN.* 1969. P. 199-206; *Reece.* Roman coinage in Northern Italy... P. 167-179; *Bastien.* Le monnayage... P. 95-100. *Reece.* Roman coins in northern France... P. 159-165; *Gricourt D.* Les incursions de pirates de 268 en Gaule septentrionale et leurs incidences sur la politique de Postum // *TMon.* Vol. X. P. 10-115; *Callu.* La politique... P. 38-42.
87. RIC. P. 318.
88. *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае в I–IV вв. н. э. М., 2000. С. 158-162.
89. *Cohen.* Postum., 156, 157.
90. Ibid. 2, 30.
91. Ibid. 40, 42.
92. Ibid. 82, 173, 241.
93. RIC. V/2. P. 248.
94. *Штаерман.* Кризис... С. 455.
95. *Webb P.H.*, 36; *Штаерман.* Кризис... С. 455.
96. *Cohen.* Postum., 95-96.
97. Ibid. 8; RIC. V/2. Postum., 260, 336.
98. *Штаерман.* Кризис... С. 457.
99. RIC. P. 332.
100. RIC. V/2. Postumus, 123, 135-136, 143, 157, 176, 177, 185.
101. Ibid. 164, 187.
102. *Штаерман.* Кризис... С. 457; *Абрамзон.* Ук. соч.. С. 135.

103. *Drinkwater*. Op. cit. P. 166; *König*. Die Gallischen... S. 59.
104. RIC. V/2. Postum., 36.
105. Монетный двор, обнаруженный в Coupvray, прекратил свою работу в 273 г. или ранее, поскольку монет Тетриков он не чеканил: см. *Foucray B.* Le trésor de deniers et d'antoniniens de la Grosse Haie a Souzy-la-Briche (Essonne) // Tmon. 1995. №15. P. 35-70; Другой монетный двор, был найден в 1988 г. на территории civitas Parisiorum и работал только до 270 г. см. *Hollard D.* Le trésor d'antoniniens des environs de Limours (Essonne) // Tmon. 1995. № 15. P. 115-135; *The Roman Imperial...* P. 379-380; *Foucray B.* Le trésor d'antoniniens de Coupvray (Seine- et Marne): Un nouveau de terminus mixte Victorin / Aurélien // Tmon. 1995. №15. P. 137-150.
106. В Лионе была найдена одна из нерегулярных монетных мастерских, которая продолжала свою работа в течение правления всех галльских «императоров» до 284 г. *Estiot S.* Le trésor de Saint-Maurice-de-Gourdans (Ain): une tire lire du III siècle de Notre ere // BSFN. 1996. № 6. P. 124-127.
107. *Mowat R.* Les ateliers monétaires impériaux en Gaule: principalement de Postume a Tetricus (258-273) // RN. 1895. 3 ser. Vol. XIII. P. 134.
108. *König*. Die Gallischen... S. 147; *Drinkwater*. The Gallic Empire... P. 201; *Callu*. La politique... P. 273; *Lafaurie*. La chronologie... P. 959.
109. *Dessau H.* Die Consulate des Kaisers Victorinus // Germania. 1917. №1. S. 173; *König*. Die Gallischen... S. 147; *Drinkwater*. The Gallic Empire... P. 201; *Callu*. La politique... P. 273; *Lafaurie*. La chronologie... P. 959.
110. *Dessau*. Die Consulate... S. 174; *Lafaurie*. La chronologie... P. 930, 935; *Patti*. Op. cit. 87; *Callu*. La politique... P. 240, 242; *Elmer*. Op. cit. P. 63; RIC. V/2. Victorin, 39.
111. *Lafaurie*. La chronologie... P. 935; RIC. P. 379, 386; *Barrandon J.-N., Brenot C.* Variations du titre de l'antoninianus de Victorin: une émission trévière exceptionnelle // RN. 1976. Bd. 101. P. 97-109.
112. *Barrandon, Brenot*. Variations... P. 101; RIC. V/2. Victorin, 117.
113. *Lafaurie*. La chronologie... P. 935; *Barrandon, Brenot*. Variations... P. 101-102.
114. RIC. V/2. Victorin, 41, 62, 65, 66, 113, 117, 126.
115. *König*. Die Gallischen... S. 148; *Drinkwater*. The Gallic Empire... P. 202-203; *Mowat R.* Les atelier monétaires impériaux en Gaule: principalement de Postum a Tétricus (258-273) // RN. 1845. Vol.13. P. 134-176.
116. RIC. Plate XIV, n. 9.
117. RIC. P. 382;.
118. *König*. Die Gallischen... S.147; *Drinkwater*. The Gallic Empire... P. 201-202.
119. RIC. V/2. Victorin, 82-84.
120. RIC. V/2. Victorin, 26.
121. *Omar Ch.* The Legionary coins of Victorinus, Carausius and Allectus // NC. 1924. №1. P. 90; NC. 1924. №2. P. 53.
122. *Witte J. de.* Les Legions de Victorin // RN. 1884. 3 ser. Vol. 10. P. 293-294.
123. *Cohen*.
124. *Lallemand J.* Les trésor 17 et 18 de Tournai. Antoniniens de Victorin et des Tétricus // Musées royaux d'art d'histoire. Monographie d'archéologie nationale. Bruxelles, 1992. №7. P. 9-12; *Reece R.* Coins as minted and coins found // ActaNum. 1992. Vol. 21-22-23. P. 57-62.
125. *Thys M.* Un très rare denier de Tetricus I découverte près de Barcelone // CENB. 1993. Vol. 30. №1. P. 15-16; *Gilliam H.* Laetitia Augg in retrograder Antoninian des Tetricus I // MÖNG. 1990. Vol. 30. P. 80-81; *idem*. Tetricus pater et filius im Trésor d'Evreux // MÖNG. 1988. Vol. 28. P. 26-28. *Bastien P.* Le Buste Monétaire des Empereurs Romain: Vols 1-3. Wetteren, 1992-1994. Vol. 3. P. 20-25.

126. *Chawfoad M.* Finance, Coinage and Money from the Severans to Constantin // ANRW. 1978. Bd. II/2. P. 587-588; *Drinkwater J.F.* Money-rents and food-renders in Gallic funerary reliefs / The Roman West in the Third Century: Contributions from Archaeology and History: In II Parts / A. King, M. Henig. Part I. P. 215.
127. *Drinkwater.* Money-rents... P. 216.
128. Таблица приводится по изданию: *Chawfoad M.* Finance... P. 587 — без изменений.
129. *Webster.* Op. cit. P. 346-347; *King C.E.* The circulation of coin in the western provinces A.D. 260-295 / The Roman West in the Third Century: Contributions from Archaeology and History: In II Parts / A. King, M. Henig. Part I. P. 89-90; RIC. P. 379-380; *Bastien.* Le monnayage... P. 219-220.
130. Речь идет не о современных подделках. *Bastien.* Le monnayage... P. 219-220; *Lafaurie.* Op. cit. 1010.
131. *Bastien.* Le monnayage... P. 219.
132. *King.* The circulation... P. 90; *Lallemant J.* La penetration des monnaies de la I-er moitié du III-e siècle dans quelques vici du nord de la Gaule // NAC. 1990. №19. P. 241-250.
133. На сегодняшний день количество найденных монет значительно увеличилось. Так только в районе Норфолка в 1996-1997 гг. было обнаружено 468 монет Викторина, 460 — Тетриков, 2 — Лелиана, 4 — Мария, 118 Постума. В 1998-1999 гг. в Сомерсете было обнаружено 563 монеты Тетриков, 197 — Викторина, 13 — Постума и по одной Мария и Лелиана. В Сюррее — 65 монет Постума и 1 — Викторина. Были найдены довольно большие клады в Испании и Португалии, содержащие монеты галльских «императоров». *Reece R.* Roman coins in the Northern France and the Rhine Valley // NC. 1972. Ser.7. P. 159-165, tabl. II; *Callu J.P.* La politique monétaire des empereurs romains de 238 a 311. Paris, 1969. P. 273. В 2000-2006 гг. на территории Британии было найдено несколько монетных мастерских, монеты и заготовки монет галльских императоров: Постума более 60, Викторина — более 400, Тетриков около 500. Coins Hoards 2001-2002 // NC. 2002. Vol. 162. P. 358-394; Coins Hoards 2003-2004 // NC. 2004. Vol. 164. P. 249-252; Coins Hoards 2006-2007 // NC. 2007. Vol. 167. P. 307-322.
134. *King.* The circulation... P. 90; *Strickland T.J.* Third century Chester / The Roman West in the third century: In II Parts / A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 424-425; *Sheldon H.* London and South East Britain / The Roman West in the third century: In II Parts / A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 364-365; *Frere S.S.* Verulamium in the third century / The Roman West in the third century: In II Parts / A. King, M. Henig. London, 1981. (BAR, 4). Part II. P. 390-391.
135. *King.* The circulation... P. 92.
136. Ibid. P. 93; *Giard J.* La monnaie locale en Gaule a la fin de III-e siècle, reflet de la vie économique // JS. 1969. №1. P. 24; *Wightman.* Gallia Belgica... P. 197.
137. *Bastien.* Le monnayage... P. 217-218; *King.* The circulation... P. 94.
138. *Doyen J.-M.* Une imitation de Tétricus II découverte au Népal // CENB. 1993. Vol. 30. №1. P. 16-18; *Rocour M.* Les monnaies de tombes de St. Victor // Bulletin du Cercle Archéologique Hesbaye — Condroz (La Necropole de Saint-Victor a Huy, Vienne). 1989-1990. Vol. 21. P. 181-182.
139. *Galliou.* Western Gaul... P. 273; *Lafaurie.* La chronologie... P. 885-886; *Bastien.* Le monnayage... P. 217-219.
140. *King.* The circulation... P. 95-96; *Reece.* Roman coinage in Britain and the Western Empire... P. 247-249; *Wightman.* Gallia Belgica... P. 197.
141. *King.* The circulation... P. 94.
142. *Reece.* Roman Coinage in Northern Italy... Tabl. IV.

143. Ibid. P. 95.

144. Ibid. P. 96.

145. Ibid. P. 162-163. Tabl. IV.

FINANCIAL AND FISCAL POLICY OF GALLIC EMPERORS

Yu. V. Kulikova

The question-matter of the article is a financial policy at Gallic emperors. In the Gallic Empire coins of Gallic emperors and the Roman state had one and the same circulation and financial value. The region of Southern Gallia contrasts sharply with the rest regions of Gallic empire. The contrast manifests itself in a political state, monetary circulation and especially in strong Roman impact. After the death of the first Gallic emperor Postumus fiscal actions were practically curtailed. A gradual weakening and a collapse of the financial system of Gallic empire brought the «state» to the economic decline in early 70th of the 3rd c. AD.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И БОСПОР

© 2008 г.

А.В. Заморяхин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЛАСТИ КРЫМСКИХ ГОТОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЁНЫХ

Изучение истории крымских готов долгое время базировалось лишь на данных нарративных памятников. Археологические раскопки при этом не проводились.

Впервые на территории Крыма их начал осуществлять в Керчи с 1816 г. Поль Дебрюкс, сумевший заинтересовать раскопками ряд влиятельных лиц, включая великого князя Михаила Павловича, обеспечивавших им финансирование. Поэтому проводились они достаточно регулярно, и после смерти П. Дебрюкса были продолжены А. Б. Ашиком и Д. В. Карейшей¹. Но данные исследователи мало интересовались историей собственно крымских готов, и большинство их находок относилось к античному периоду существования Боспора. К тому же археологи того времени зачастую увлекались поиском драгоценностей, мало внимания обращая на массовый археологический материал.

В 1853 г. А.С. Уваровым были произведены небольшие раскопки на Мангупе и Чуфут-Кале². В Мангупе он разыскивал гробницы его правителей, но из четырёх раскопанных им гробниц, лишь одна оказалась неразграбленной. После этого вновь надолго приоритет был отдан другим методам научного исследования. Проводилось множество научных экскурсий по «пещерным городам», церквям и иным памятникам области обитания крымских готов, известным на то время.

Лишь с конца XIX в. исследователи Крыма стали более активно использовать данные археологии. Увеличилось количество изучаемых объектов, совершенствовались методы исследования.

В 1890 г. Ф.А. Брауном было продолжено археологическое изучение Мангупа. Ученый стремился обнаружить там следы готских поселений³. Он исследовал цитадель, расположенную на мысе Тешкли-бурун, являвшуюся, по его мнению, местопребыванием мангупских князей, которых он определял как «го-то-греческих»⁴, и греческое кладбище, где был вскрыт ряд могил. Также им было раскопано две церкви: одна — около «дворца», другая — в районе мыса Чуфут-бурун, которая по предположениям Ф. А. Брауна являлась кладбищенской церковью⁵. В дореволюционной литературе последняя получила наименование «базилика Брауна». Исследователь не смог определить время постройки этих сооружений⁶.

В 1912–1914 гг. раскопки Мангупа производил Р.Х. Лепер. Он продолжил

изучение базилики, открытой Ф. А. Брауном и выделил два периода её существования. Высказанное поначалу предположение о третьем периоде при дальнейшем исследовании не подтвердилось⁷. К сожалению, никаких хронологических рамок этих периодов автором указано не было. В «базилике Брауна» было найдено надгробие с надписью 1456 г.⁸ о погребении чтеца Стефана с супругой и ребёнком⁹, а также часть каменной плиты с именем императора Юстиниана, использовавшаяся в качестве строительного материала¹⁰. Последняя надпись свидетельствует о существовании поселения в Мангупе уже при Юстиниане I.

На восточном краю мыса Гелли-бурун была раскопана небольшая церковь, которая по найденному в ней рельефу с изображением Святого Георгия была отождествлена с упоминаемой польским путешественником XVI в. М. Броневским церковью св. Георгия¹¹. Частично был расчищен восьмиугольный храм внутри цитадели¹². Относительно «дворца» было высказано предположение, что он является произведением сасанидско — византийского строительства¹³.

Неподалёку от «базилики Брауна» Р.Х. Лепером была раскопана постройка, которая была им идентифицирована как подвальный этаж здания, верхняя часть которого не сохранилась¹⁴. Как и базилика, открытая Ф. А. Брауном, это помещение также подвергалось перестройке после пожара¹⁵, что породило предположение о некоей катастрофе, пережитой горожанами и повлекшей за собой многочисленные разрушения. После катастрофы жизнь в городе не замерла, здания были отстроены вновь, хотя и в меньших размерах.

В этой постройке была обнаружена надпись 1425 года о строительстве башни и дворца в годы правления господина города Феодоро и поморя Алексея¹⁶. Найденная надпись в совокупности с обрывком надписи с упоминанием «крепости Феодоро», обнаруженной Ф.А. Брауном¹⁷, укрепила позиции исследователей, отождествлявших Феодоро с Мангупом.

Р.Х. Лепер провёл также раскопки на кладбище в Табана-дере и в районе «дворца», где обнаружил ряд предметов (фрагменты керамики, аналогичные найденным в Суук-Су, глиняные кувшины грубой выделки с толстыми стенками), которые он, с некоторым сомнением, определил как готские¹⁸.

Немало сделал для изучения археологических древностей крымского средневековья художник Д.М. Струков. Им были найдены или раскопаны храмы в Инкермане, Гурзуфе, Никите, Ялте, Ай-Василе, Аутке, Мангупе, Партените¹⁹. Главной его заслугой является открытие в Партените, на месте разрушенного храма, надписи, сообщающей о возобновлении его в 1427 г. митрополитом города Феодоро Дамианом²⁰. На основании этой находки Д.М. Струков сделал неверный вывод о тождестве Партенита и Феодоро²¹, получивший лишь незначительную поддержку специалистов (В.Х. Кондараки)²² и впоследствии окончательно опровергнутый вышеуказанными мангупскими находками Ф.А. Брауна и Р.Х. Лепера.

В 1907 г. Н.И. Репников раскопал данную базилику. По характеру кладки и найденным монетам он выделил три периода её существования²³. Как видно из найденной Д.М. Струковым надписи, храм был построен в VIII в. Нижний слой, в котором были обнаружены византийские медные монеты IX–X вв., соответствует первому периоду существования базилики. Инкерманский камень, из которого сложены стены первоначальной постройки, добывался только в

устье р. Чёрной, что говорит о тесных связях между этим районом и южным берегом Крыма во второй половине VIII в. Первый и второй слой разделены следами пожарища. В это время храм был разрушен. Н.И. Репников датирует данное событие концом X в.²⁴ Весьма вероятно, что разрушение было вызвано теми же трагическими событиями, что привели к гибели построек в Мангупе. От XI–XIII вв. на месте храма находки полностью отсутствовали. Отстроена партенитская базилика была в 1427 г., как свидетельствует найденная Д.М. Струковым надпись, а вторичное её разрушение Н.И. Репников отнёс к турецкому завоеванию Крыма в 1475 г.²⁵ Позже (по Репникову — в XVI в.) на месте храма была построена небольшая часовенка из местных камней на очень плохом растворе²⁶.

Внимание Н.И. Репникова привлекла одна из гробниц, находившихся внутри храма, судя по материалу (инкерманский камень) и характеру кладки одновременная постройке базилики. При всех последующих постройках ниша тщательно сохранялась, в отличие от соседних гробниц в ней не совершалось повторных погребений, что говорит об её особом значении. Н.И. Репниковым данная гробница была идентифицирована как место погребения самого основателя храма Иоанна Готского²⁷. В Житии этого святого, скончавшегося в Амастриде, говорится о перенесении его останков в Партенит и о погребении его в основанном им храме Петра и Павла²⁸. Предположение Н.И. Репникова о тождестве раскапываемого храма с упоминаемым в агиографическом источнике было принято в научном мире.

Найденные Д.М. Струковым и Р.Х. Лепером надписи были изучены В.В. Латышевым²⁹.

В 1880 г. К.С. Мережковский, разыскивая остатки древностей каменного века, раскапывал Баклу и Эски-Кермен и сделал вывод, что они оставлены «народом, знакомым с металлической культурой»³⁰. В 1886 г. небольшие раскопки в Алуште и её окрестностях произвёл В.Ф. Миллер, исследовавший ряд могильников с позднесредневековыми погребениями³¹. В том же 1886 г. раскопками Инкермана занимался А.Л. Бертъе-Делагард³².

В 1889 г. А.Н. Харузиным впервые раскопки были проведены на Суук-Су близ Гурзуфа. Обнаруженные деформированные черепа и украшения автор раскопок приписал готам³³. Случайные находки 1901–1902 гг.³⁴ побудили Н.И. Репникова в 1903–1907 гг. предпринять более детальное исследование местного могильника³⁵. В результате раскопок было выявлено два основных типа погребений: а) земляные могилы в нижнем культурном слое, подразделяющиеся в свою очередь на простые земляные могилы, крытые досками и земляные склепы. По находимым в них монетам Н. И. Репников датировал их V–VII вв.³⁶. В этом слое нередко встречались находки деформированных черепов³⁷; б) каменные гробницы в верхнем слое³⁸. Датировка каменных гробниц, ввиду крайней скудности инвентаря, вызвала большие затруднения. Н.И. Репников по аналогии с рядом изделий из склепов Херсонеса, находимых с монетами IX–XI вв. предположительно датировал их этим временем³⁹. Тот факт, что три гробницы из верхнего слоя были сооружены из плит раковистого известняка («евпаторийского камня»), не встречающегося в окрестностях Гурзуфа⁴⁰, свидетельствует о тесных связях между различными районами Крыма в указанное время.

В те же годы Н.И. Репниковым были проведены археологические разведки и раскопки некоторых церквей, башен, могильников и отдельных каменных гробниц, расположенных на южном берегу и в горных районах Крыма⁴¹. В целом инвентарь погребений и типы погребальных сооружений соответствовали найденным на могильнике Суук-Су. На некоторых могильниках (Бал-Гота, позднее на самом Суук-Су) были отмечены земляные могилы, крытые плитами. По мнению Н.И. Репникова, они составляли переходную стадию от простых земляных могил ко всегда им сопутствующим более поздним каменным гробницам⁴². Этнически, судя по названию статей («Некоторые могильники области крымских готов») и отдельным упоминаниям в тексте, Н.И. Репников все описанные выше погребальные сооружения приписывал готам. Их эволюцию исследователь объяснял влиянием распространяющегося христианства, приводившего к постепенному уменьшению количества вещей в могилах⁴³.

В 1905 году исследование ряда могильников горных областей Крыма проводил Н. Печёнкин⁴⁴.

Исследователь Боспора В.В. Шкорпил, изучая необычные знаки с рельефа на памятнике с надписью Евпатерия, найденной в 1803 г. отверг высказываемую зарубежными учеными связь их с готами, хотя и допускал, что некоторые из загадочных знаков, находимых на Боспоре, могли там появиться с приходом готов в Крым⁴⁵. В то же время, раскапывая боспорские погребения, он находит массу предметов, которые относит к «готскому стилю»⁴⁶. По найденным с ними монетам В. В. Шкорпил датировал их III–IV вв. Более того, он высказал предположение, что вся отрасль ювелирного искусства, называемая «готским стилем», относится именно к III–IV вв.⁴⁷ Несколько раз в гробницах с предметами «готского стиля» были найдены деформированные черепа⁴⁸.

Большой заслугой В.В. Шкорпила явилась находка в 1913 году двух обломков плиты со скульптурным изображением всадника и медведя, бросающегося на лошадь с нигде до этого не встречавшимся орнаментом в виде стилизованной лавровой ветви. В сохранившейся строке надписи содержалось имя неизвестного до той поры боспорского царя Хедосбия. В.В. Шкорпил приблизительно датировал его правление 280–283 гг. н.э., так как не было найдено ни одной монеты царя Фофорса, относящейся к этому времени, которому, однако, приписывалось правление в том числе и в эти годы⁴⁹. Имя царя, возможно, указывает на то, что его приход к власти был следствием готских нападений на Боспор во второй половине III в.

Рассматривая археологические исследования, изучающие древности, приписываемые крымским готам, необходимо упомянуть и о логически связанных с ними раскопках на Северном Кавказе. В 1907 году разведки на севере черноморского побережья Кавказа производил А.А. Миллер. Исследуя Агойский могильник в районе Туапсе, он обнаружил среди находимого инвентаря ряд предметов (прорезные серебряные бляшки, медные пряжки и браслеты, зеркала из серой бронзы), аналогичные находимым в могильниках крымских готов, что дало ему возможность выдвинуть версию о едином пункте производства всех этих изделий. Хронологически он также относил культуру Агойского могильника ко времени могильников крымских готов⁵⁰.

В 1911–1912 гг. раскопки Борисовского могильника неподалёку от Геленд-

жика предпринял В.В. Саханев. В северо-восточной его части, где были сосредоточены погребения в каменных гробницах, предметный инвентарь захоронений был весьма близок инвентарю нижнего слоя крымских могильников, раскопанных Н.И. Репниковым (Суук-Су, Бал-Гота, Артекского и др.), хотя и беднее (так, отсутствуют находимые в Крыму золотые пряжки и золотые фибулы)⁵¹. Это позволило по аналогии датировать данную часть могильника V–VII вв. Позднее В.В. Саханев конкретизировал датировку, сузив её до VI в.⁵² Вещи из Борисово составляли полную аналогию вещам из Агойского могильника. Это позволило исследователю отнести их к особой Юстиниановской культуре⁵³.

Юго-западную часть Борисовского могильника составляли резко отличающиеся по составу погребения с трупосожжениями, по характеру инвентаря, особенно оружию, имеющие сходство с Верхне-Салтовским могильником⁵⁴. Небольшая часть погребений, сочетающая черты первой и второй групп, являлась переходной. В.В. Саханев датировал её VII в., а юго-западную, самую позднюю — VIII–IX вв.⁵⁵

По предположению исследователя, все погребения Борисовского могильника, несмотря на большие различия в характере захоронений и инвентаре, принадлежали одной этнической группе, так как пришельцы не стали бы хоронить своих покойников на одном кладбище с аборигенами. Однако, сопоставляя известия источников — Прокопия Кесарийского и анонимного Перипла Черного моря — с географией и топографией местности, он отрицал принадлежность данной культуры готам-тетракситам, приписывая её зикхам, хотя и без излишней категоричности⁵⁶.

Могила, находимые в области крымских готов, относятся к следующим типам: простые земляные могилы, земляные подбойные могилы, небольшие земляные склепы, земляные могилы, крытые плитами. Наиболее поздними являются каменные гробницы. Положение костяков во всех могилах схоже: они лежат на спине в вытянутом положении, чаще всего головой на запад. Одна из характерных особенностей этих могил — нередкое наличие у людей, похороненных в них, деформированных черепов. Кресты на каменных плитах, среди могильного инвентаря и выгравированные на перстнях свидетельствуют о том, что погребены были христиане. Датировка данных могил — с III в. до XI в.

Наиболее характерными деталями инвентаря этих могил являются фибулы со стилизованными птичьими головками и орнаментом в виде двух кружков, один в другом и точкой посередине или завитков; оригинальные большие золотые серьги, зачастую с гранчатыми колбочками и другие предметы, обильно украшенные цветными камнями и стеклами; янтарные бусы; большие пряжки, как правило со стилизованным изображением зверя или птичьей головы.

Также часто встречаются браслеты из золота и серебра, прорезные серебряные бляшки, золотые треугольники, серебряные и медные перстни, медные колокольчики, раковинки каури, обычно со срезанным верхом. Среди бус второе место за янтарными занимают стеклянные.

Если элементы «звериного стиля» и украшения цветными камнями исследователи относили к заимствованиям у местных сарматских племён, то обилие янтарных бус относилось, в глазах ученых, хозяев этих предметов к племенам,

обитавшим ранее на берегах Балтики. Так как подобные предметы были распространены на территории Западной Европы в местах, где проходили и поселялись готы, то культура крымских могильников III–XI вв. определялась большинством дореволюционных исследователей как готская, а инвентарный набор данных могильников как «готский стиль».

Во второй половине XIX — начале XX вв. внимание специалистов и путешественников продолжали привлекать так называемые «пещерные города» Крыма⁵⁷. Помимо археологических раскопок, о которых было сказано выше, появлялись многочисленные описания этих сооружений. Как и в предыдущий период основополагающим в этих исследованиях был вопрос об их происхождении.

Необходимо отметить, что в это время сократилось количество сторонников палласовой теории христианского происхождения «пещерных городов»⁵⁸. Полностью солидарны с его концепцией были А.Я. Фабр и иеромонах Ефрем⁵⁹. По мнению О. Шишкиной пещеры были сооружены христианами, но не спасавшимися от гонений, а исключительно из благочестия⁶⁰. А.В. Терещенко, описывая Качи-Кальён, категорически заявлял, что в нём обитали первохристиане. Однако Тепе-Кермен он считал генуэзской крепостью⁶¹. По мнению Е.Л. Маркова, первые христиане воспользовались пещерами, построенными прежде них в доисторические времена, лишь частично раскапывая новые «с целью подвига трудолюбия»⁶². В качестве примера он приводил легенду о собственноручном «строительстве» пещерной церкви Инкермана папой-изгнанником Климентом I⁶³. И.И. Толстой и Н. Кондаков считали, что пещеры, возникшие естественным путём, использовались сначала сарматами, а потом христианами, устраивавшими в них церкви и усыпальницы⁶⁴. Схожие идеи развивал Д.Н. Косцюшко-Валюжинич⁶⁵.

В начале XX в. появилась концепция Ю.А. Кулаковского, давшая новый импульс казалось бы подзабытой христианской теории. По версии учёного, основание пещерных монастырей относилось к иконоборческой эпохе и связано с эмиграцией монахов-иконопочитателей в Крым⁶⁶. «Основанием для такого предположения является сходство в типе... между крымскими сооружениями этого рода и теми, какие имеются в южной Италии и Сицилии. Эти последние сооружены монахами, бежавшими с востока. Они принесли с собой свой тип пещерножительства, процветавший в Малой Азии. Такие же эмигранты, направлявшиеся на северное побережье Чёрного моря, могли занести его и в горы южного берега Крыма»⁶⁷. Данная гипотеза нашла поддержку ещё до революции (Е.Э. Иванов, А.С. Башкиров)⁶⁸ и, как отмечает Ю.М. Могаричёв, «оказала сильное влияние на формирование современных взглядов на происхождение пещерных монастырей Крыма»⁶⁹.

Большинство авторов второй половины XIX — начала XX вв. создание «пещерных городов» приписывали первобытным людям. Так считал, к примеру, Е.Л. Марков, который в этих первобытных троглодитах предполагал древних тавров⁷⁰. Аналогичные взгляды высказывал Д.М. Струков, по мнению которого «...постройки относятся к тому древнему периоду, когда не было орудий из металла..., пещерные же комнаты могли быть долблены остриём камня»⁷¹. В.Х. Кондраки считал, что первобытными основателями пещер были тавро-

скифские воины⁷². Также тавроскифам приписывали их создание Ф.К. Брун, К. Фоменко⁷³ и Е. Горчакова, хотя и отмечавшая, что первые пещеры были вырублены троглодитами⁷⁴. Н.П. Никольский также колебался между тавроскифами и доисторическим человеком⁷⁵. А.А. Коротнев, на основании находок в пещерах неполированных каменных орудий сделал вывод об основании пещер человеком каменного века, неумевшим ещё полировать своих орудий. Наиболее архаические пещеры, по его мнению, находились в Эски-Кермене. Одну из них он даже считал доисторическим капищем⁷⁶. Троглодитам приписывали появление пещер ещё ряд авторов⁷⁷.

Я.Ф. Ставровский считал, что первые пещеры появились естественным путём в результате размыва слоёв известняка, и лишь затем на них обратил внимание человек⁷⁸. О естественном происхождении пещер писал также А. Чеглок. «Пещерные города», по его мнению, существовали уже при скифах, а первохристиане вырубали здесь храмы⁷⁹.

Г.А. Караулов, описывая Эски-Кермен и Тепе-Кермен, отрицал принадлежность пещерных сооружений гонимым первохристианам или арианам. Он полагал, что пещерные сооружения были созданы народом, который не умел возводить наземные каменные жилища. По его мнению, этим народом были киммерийцы⁸⁰. «Киммерийская» концепция нашла своих сторонников и была повторена в нескольких путеводителях⁸¹.

По мнению Ф. В. Ливанова строителями пещер был «...очень древний народ, живший по крайней мере за 3000 лет до нашего времени»⁸². В преданиях гомеровских времён он отразился в образе циклопов — строителей пещер. А. И. Попов сообщал, что основателями пещерных сооружений была короткоголовая раса, которая в начале неолита переселилась из Азии в Европу. Первой стоянкой на их пути был Крым⁸³.

Первооткрыватель крымского палеолита К. С. Мережковский отверг принадлежность «пещерных городов» людям каменного века и сделал вывод, что «они могли быть сделаны только народом, уже знакомым с металлической культурой»⁸⁴. А. Л. Бертъе-Делагард относил возникновение пещерных церквей к XIII–XIV вв⁸⁵.

Ещё на рубеже XVIII–XIX вв. большое распространение имела легенда об обширном море, омывавшем крымские горы в древние времена. И впоследствии при описании крымских «пещерных городов» исследователи не раз затрагивали эту тему. Е. Л. Марков описывал предания об этом, бытовавшие среди местных жителей⁸⁶. В. Х. Кондараки при описании Мангупа упоминал о древней каменной колонне у самой пропасти. По словам его проводника, к этому столбу прежде привязывали корабли, подплывавшие прямо к пещерам. Правда, сам В. Х. Кондараки считал данный рассказ неправдоподобным и назначение колонны видел в том, что во время осады к ней привязывали лестницу, спуская и поднимая по ней людей⁸⁷. Г. А. Караулов в русле своей концепции полагал, что к пещерам на лодках подплывали киммерийцы и привязывали их к железным и бронзовым кольцам, в местах крепления которых в наше время остались дыры⁸⁸. Д. М. Струков на основании данной легенды построил целую теорию основания «пещерных городов». Согласно его взглядам, на горах, бывших в каменном веке островами, их первые обитатели сделали пещеры. В выдолблен-

ные отверстия вставлялись крюки для привязывания судов. Позднее, по мере спада воды, люди спускались ниже. Следовательно, верхние пещеры более древние, сделаны каменными орудиями, нижние — более поздние, времён античности и средневековья, металлическими⁸⁹. Весьма критически отнёсся к данной легенде А. Л. Бертъе-Делагард. При описании Инкермана, он отметил, что дыры, в которые якобы ввинчивались кольца для привязывания судов, на самом деле являются пазами для устройства приспособлений по спуску в пещеры⁹⁰.

Чаще всего авторы давали простое описание осмотренных ими «пещерных городов»⁹¹. Как правило, пещеры рассматривались ими как жилые помещения⁹². Д. Н. Косцюшко-Валюжинич при описании Черкес-Кермена полагал, что жилыми являлись только верхние помещения, в нижних же, по его мнению, находились загон для животных, кладовые и убежища для первобытных троглодитов⁹³. Е. Л. Марков обращал внимание на стратегическое значение «пещерных городов», расположенных в неприступных скалах «в глубине важных долин, ведущих внутрь гор»⁹⁴. Он считал, что «древние пещерные города были расположены не случайно, а по обдуманному плану...»⁹⁵ и представляли собой единую систему, прикрывая проходы к южному берегу Крыма. В эту оборонительную систему, по мнению исследователя, входили и другие укрепления, связывающие собой «пещерные города». Они уцелели в виде остатков башен и стен, прикрывавших горные проходы⁹⁶. «...Непрерывная цепь больших и малых укреплений, то целых городов, то замков, то сигнальных башен — опоясывала северо-западные склоны и проходы крымских гор, т.е. именно страну пещерных городов Крыма»⁹⁷.

В. Х. Кондараки при осмотре караимского кладбища в Мангупе заметил множество могил, по форме и изображениям на надгробиях принадлежащих иному народу, тем более, что самая ранняя из найденных им караимских надписей на мангупских могилах относилась к 1274 г.⁹⁸ Е. Л. Марков прямо писал, что Мангуп был основан готами⁹⁹ и являлся резиденцией князей готов-трапезитов¹⁰⁰. При осмотре кладбища у деревни Биасала, проводники рассказали ему, что это «готвейское кладбище; сказывают готва какая-то прежде грека тут находилась»¹⁰¹. На основании этого исследователь сделал вывод, что Тепе-Кермен, расположенный над этим кладбищем «был одним из укрепленных пунктов готов-трапезитов»¹⁰². Е. Л. Марков в своих работах неоднократно отмечал, что готское пребывание в Крыму тесно связано с «пещерными городами», готы жили на месте «пещерных городов»¹⁰³. «Страна готов есть вместе с тем страна пещер»¹⁰⁴. Но, принимая во внимание свидетельство Прокопия о том, что готы избегали городской жизни, основателями «пещерных городов» он готов не считал, и даже описанная система укреплений, в которую входили эти «города», была, по его мнению, сооружена византийцами¹⁰⁵. Среди обитателей «пещерных городов» готов называл Е. Свищов¹⁰⁶. А. С. Башкиров считал Мангуп резиденцией гото-греческих князей, местом проживания которых был так называемый «дворец» на мысе Ташкли-бурун¹⁰⁷. По его предположению, после захвата Мангупа турками город был поделен на «кварталы», каждый из которых был заселён населением определённого этноса. Гото-грекам он отвёл место «по Гелли-буруну и ближайшей площади города до дворца»¹⁰⁸. Основанием для по-

добного суждения послужили «названия местности», но какие конкретно названия говорят об этом факте, разъяснено не было¹⁰⁹.

Достаточно подробно исследованиями «пещерных городов» занимался А. Л. Бертъе-Делагард. Он требовал систематического их изучения, начиная с составления точных и подробных описаний с обмерами, планами и чертежами. Пример подобного описания он подал сам, рассматривая Инкерманскую крепость, у которой выделил два периода строительства. Первоначальная крепость, очень слабая и неудачная, была, на его взгляд, построена в начале XV в. при владетеле Феодоро Алексее; затем, не ранее конца XVI в., а может быть в XVII–XVIII вв., на месте прежней турками была сооружена новая, гораздо более удачная¹¹⁰. А. Л. Бертъе-Делагард считал неверным мнение о доисторическом происхождении пещер. Он писал, что пещеры «находятся в полном соответствии с надземными постройками» и служили подвалами домов или жилищами бедноты. Так как пещеры в крымских горах вырубать очень легко, то «кто бы и когда, по каким бы то ни было причинам находил надобным поселиться на меловых горах Тавриды, непременно устраивал и пещерные жилища включительно до наших дней»¹¹¹.

В начале XX в. большую работу по исследованию «пещерных городов» проводило Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. Был проведён ряд экскурсий по ним. И. М. Волошинов и Н. И. Клепинин произвели фотосъёмку, составили обмеры и чертежи пещер Баклы¹¹². Н. А. Боровко в обзорном очерке крымских «пещерных городов» писал, что ни в одном из них не видно следов длительного проживания человека¹¹³. В то же время везде рядом с «пещерными городами» прежде находился укреплённый жилой наземный город. Таким образом, Н. А. Боровко пришёл к выводу, что «пещерные города» на самом деле являлись каменоломнями и обеспечивали потребность в камне жителей близлежащих городов. Лишь изредка они становились временным жилищем спасающихся от набегов врагов местных обитателей, кельями монахов-анакхоретов или загонами для скота¹¹⁴. «Итак, в Крыму нет никаких пещерных городов»¹¹⁵, — делает вывод Н. А. Боровко. В другой своей работе Н. А. Боровко проделал исключительно подробное описание Тепе-Кермена с множеством фотографий, планов и чертежей. В ней он уже не отдаёт предпочтения ни одной из существовавших гипотез происхождения пещерных сооружений¹¹⁶.

В то же время появляется ряд исследований, в которых пещерные сооружения интерпретируются как места погребения евреев (А. Я. Гидалевич)¹¹⁷, эллинизированных иудеев-христиан I в. (А. Магид)¹¹⁸ или просто как могилы, без указания их этнической принадлежности (В. М. Кузьменко)¹¹⁹.

Во время раскопок и описаний «пещерных городов» были найдены важные эпиграфические источники — надпись с именем императора Юстиниана в Мангупе, надпись 1425 г. оттуда же о строительстве дворца в годы правления владетеля Феодоро Алексея, надпись 1427 г. о строительстве храма Константина и Елены с именем владетеля Феодоро Алексея, надпись 1503 г. из Мангупа о постройке стены в годы правления наместника Цулы, надпись 1457 г. из Мангупа с надгробия чтеца Стефана, его жены и ребёнка, надпись 1587 г. из Биасалы об основании храма Предтечи и Крестителя Иоанна. Их изучением и интерпретацией занимался В. В. Латышев¹²⁰.

Таким образом, в середине XIX — начале XX вв. было начато археологическое изучение средневековых древностей Крыма, проведены разведки и раскопки отдельных памятников, совершены важные архитектурные и эпиграфические находки, выявлены наиболее характерные черты инвентаря могильников области крымских готов. Пожалуй, наиважнейшим вопросом, который пытались решить учёные в этот период с помощью археологических исследований, была проблема этнической привязки найденных древностей. Практически единодушно исследователи середины XIX — начала XX вв. относили их к памятникам готов, что породило термин «готский стиль».

По-прежнему, внимание специалистов привлекали, прежде всего, так называемые «пещерные города», находящиеся на территории готского обитания. Вопрос об их этнической принадлежности, по которому одной из основных версий продолжала оставаться готская, так и остался до конца неразрешённым. Однако стоит отметить несомненные подвижки, произошедшие в определении характера данных пещерных сооружений. К началу XX в. большинством серьёзных исследователей отмечалась условность термина «пещерные города».

В целом, несмотря на несовершенство методов исследования, порой неверные выводы учёных, изыскания этого периода заложили фундамент для дальнейшего изучения истории крымских готов и средневековой истории Крыма в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 141-145.
2. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. Т.3. М., 1910. С. 14-15.
3. ОИАК за 1890 год. 1893. С. 15.
4. Там же. С.15. По мнению Е.В. Веймарна местопребыванием мангупских князей был не «дворец», который он считал просто богатым домом, а донжон, также находящийся в пределах цитадели. См.: *Веймарн Е.В.* Во владениях «господ Феодоро» (История Мангупского княжества) // Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966. С. 121-122.
5. Там же. С. 19.
6. Там же. С. 17.
7. *Лепер Р.Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (предварительное сообщение) // ИИАК. Вып. 47. 1913. С. 76-77, 146.
8. У Р.Х. Лепера неверно указан 1457 год. См.: Там же. С. 149
9. Там же. С. 149. Рис. 1. Ср.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 220-221.
10. ОИАК за 1913-1915 годы. 1918. С. 74-75; *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // Известия Археологической комиссии. Вып. 65. 1918. С. 18-19.
11. *Лепер.* Ук. соч. С. 74-75. Ср.: *Марков Е.Л.* Пещерные города Крыма // Вестник Европы. 1872. Т. 3. Кн. 6, июнь. С. 681.
12. ОИАК за 1913—1915 годы. С. 81.
13. Там же. С. 79.
14. *Лепер.* Ук. соч. С. 78, 152.
15. Там же. С. 150.
16. Там же. С. 79. Рис. 7.
17. ОИАК за 1890 год. С. 20.

18. *Лепер*. Ук. соч. С. 75-76, 154.
19. *Струков Д.М.* О древнехристианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. С. 8.
20. Там же. С. 9-10. Д.М. Струков неверно указывает 1428 год; *Струков Д.М.* Древние памятники христианства в Тавриде // *Русский вестник*. М., 1876. Т. 125. С. 146.
21. *Струков Д.М.* О древнехристианских памятниках... С. 10; *Струков*. Древние памятники... С. 146-147.
22. *Кондараки В.Х.* Важная археологическая новость в Крыму // *Одесский вестник*. 1871. №280.
23. *Репников Н.И.* Партенитская базилика // *ИИАК*. Вып. 32. 1909. С. 96.
24. Там же. С. 96.
25. Там же. С. 97.
26. Там же. С. 96-97.
27. Там же. С. 110-111.
28. *Васильевский В.Г.* Русско-византийские отрывки. VII. Житие Иоанна Готского // *ЖМНП*. 1878. Ч. 195, январь. С. 128.
29. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времён из Южной России. СПб., 1896. С. 77-79; *Латышев*. Эпиграфические новости... С. 18-19.
30. *Мережковский К.С.* Отчёт об антропологической поездке в Крым в 1880 году // *Известия императорского Русского Географического общества*. Т. 12. М., 1886. С. 120-129.
31. *Миллер В.Ф.* Археологические раскопки в Алуште и её окрестностях в 1886 г. // *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. 12. М., 1886. С. 120-129.
32. *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерных городов Крыма // *ЗООИД*. Т. 14. 1886. С. 166-279.
33. *Харузин А.Н.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша // *Известия Общества любителей естествознания и археологии*. Т. 64. 1889. С.5.
34. ОИАК за 1901 год. 1903. С. 135; ОИАК за 1902 год. 1904. С. 134.
35. В 1903 г. раскопки на могильнике Суук-Су производились Н.И. Репниковым совместно с Н.Е. Макаренко.
36. ОИАК за 1903 год. 1906. С. 55; ОИАК за 1904 год. 1907. С. 84; *Репников Н.И.* Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 году // *ИТУАК*. Вып. 39. 1906. С. 109.
37. ОИАК за 1903 год. С. 55; ОИАК за 1904 год. С. 84; *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // *ИИАК*. Вып. 19. СПб., 1906. С. 32-33.
38. ОИАК за 1903 год. С. 54; ОИАК за 1904 год. С. 83; *Репников*. Некоторые могильники... С. 29-30.
39. ОИАК за 1903 год. С. 58; *Репников*. Некоторые могильники ... С. 35.
40. ОИАК за 1903 год. С. 57-58; *Репников*. Некоторые могильники ... С. 35.
41. См.: *Репников*. Некоторые могильники ... С. 36-43; *он же*. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 2. // *ЗООИД*. Т. 27. 1907. С. 102-148; *Репников Н.И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // *ИИАК*. Вып. 30. 1909. С. 99-126.
42. *Репников*. Некоторые могильники... С. 43; *он же*. Разведки и раскопки ... С. 108.
43. *Репников*. Некоторые могильники ... С. 43.
44. *Печёнкин Н.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя // *ИТУАК*. № 38. 1905. С. 29-37.
45. *Шкорпил В.В.* Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // *ИИАК*. Вып. 37. 1910. С. 34.
46. ОИАК за 1904 год. 1907. С. 74; *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904

- году // ИИАК. Вып. 25. 1907. С. 2, 6 (погребение №13), 7-8 (№19), 42(№154), 46 (№163), 58 (№180); *он же*. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИИАК. Вып. 30. 1909. С. 3 (№1), 4 (№6), 6 (№12,15); *он же*. Отчет о раскопках, произведённых в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // ИИАК. Вып. 30. 1909. С. 52 (№52), 67; *он же*. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИИАК. Вып. 47. 1913. С. 3, 5 (№5), 10 (№31), 16 (№48), 19 (№52), 29 (№77-79), 31 (№88); *он же*. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 году // ИИАК. Вып. 47. 1913. С. 42, 47 (№11). О «готском стиле» см. также: *фон Штерн Э.Р.* К вопросу о происхождении готского стиля предметов ювелирного искусства // ЗООИД. Т. 20. 1897. С. 1-15.
47. *Шкорпил*. Отчет о раскопках ... в 1904 г. С. 2.
 48. *Шкорпил*. Отчет о раскопках ... в 1905 г. С. 6; *он же*. Отчет о раскопках ... в 1906 г. С. 67-68.
 49. *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 году // ИИАК. Вып. 54. 1914. С. 65- 67.
 50. *Миллер А.А.* Разведки на черноморском побережье Кавказа в 1907 году // ИИАК. Вып. 33. 1909. С. 94.
 51. *Саханев В.В.* Раскопки на северном Кавказе в 1911-12 годах // ИИАК. Вып. 56. 1914. С. 155-156.
 52. Там же. С. 159-160.
 53. Там же. С. 157-158, 161-162.
 54. Там же. С. 163.
 55. Там же. С. 165.
 56. Там же. С. 165-175.
 57. В своё время проблема изучения «пещерных городов» Крыма в середине XIX — начале XX вв. была подробно рассмотрена Ю.М. Могаричёвым. См.: *Могаричёв Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии и интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С. 18-26.
 58. *Заморяхин А.В.* Ранний период изучения области расселения крымских готов (конец XVIII — 30-е гг. XIX в.) // Вестник Пермского университета. Серия История и Политология. Пермь, 2007. Вып. 3 (8). С. 151-154.
 59. *Фабр А.А.* Достопамятные древности Крыма. Одесса, 1859. С. 28-37; Ефрем. Краткое описание Инкерманской киновии и древнего её храма. М., 1861. С. 3.
 60. *Шишкина О.* Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. Ч. 2. СПб., 1848. С. 153.
 61. *Терещенко А.В.* Очерки Новороссийского края // ЖМНП. 1853, июнь. Отд. 11. С. 74-77.
 62. *Марков Е.Л.* Пещерные города Крыма // Вестник Европы. 1872. Т. 4. Кн. 7, июль. С. 205.
 63. Там же. С. 205. См. также: *Марков Е.Л.* Крым и его особенности // Живописная Россия. Т. 5. Ч. 2. Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. СПб.-М., 1898. С. 256-257.
 64. *Толстой И.И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. С. 24.
 65. *Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* Из глубины веков. — Черкес-Кермен // Природа и люди. 1915. № 19. С. 290-291.
 66. *Кулаковский*. Ук. соч. С. 74-75. До этого на основании письма испанского министра Ибн-Хаздая к хазарскому хакану Иосифу от 960 г. Ю.А. Кулаковский утверждал, что в создании «пещерных городов» в X в. принимали участие хазары. См.:

- Кулаковский Ю.А. Заметки по истории и топографии Крыма // Археологические известия и заметки. Т. 4. № 1. М., 1896. С. 3-4.
67. Там же. С. 175.
68. *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Ч. 1. Симферополь, 1912. С. 86-87; *Иванов Е.Э.* Инкерман // Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914. С. 432; *Башкиров А.С.* Историко-археологический очерк Крыма // Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914. С. 178 и прим. 1. Собственно начало пещерножительства А.С. Башкиров относил ко времени проникновения христианства в Тавриду.
69. *Могаричёв*. Ук. соч. С. 24.
70. *Марков*. Пещерные города Крыма. С. 202-204; *Марков*. Крым и его особенности, С. 200, 257.
71. *Струков*. Древние памятники... С. 122.
72. *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. С. 120.
73. *Brun F.K.* Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gasarie // Mémoires de l'Académie de St.-Petersbourg. 1866. VII serie. Т. X. № 9. S. 66; *Фоменко К.* Пещерные храмы в Крыму // Труды Киевской духовной академии. Т. 3. Киев, 1894. С. 387.
74. *Горчакова Е.* Воспоминания о Крыме. М., 1884. Ч. 2. С. 51-52.
75. *Никольский Н.П.* Мангуп-Кале // Записки Крымского горного клуба. Вып. 3. Одесса, 1893. С. 77, 79.
76. *Коротнев А.А.* Экскурсия в Крым весною 1893 г. (пещеры Качи-Кальёна и Черкес-Кермена) // Университетские известия. Киев, 1895. № 5. С. 5, 8.
77. *Завадский-Краснопольский А.К.* Русское царство Крым. СПб., 1874. С. 26; *Гермоген*. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 63; *Маркевич А.И.* Симферополь и его окрестности. Учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии для обозрения г. Симферополя и его окрестностей. Симферополь, 1889. С. 204-205; *Филиппов С.* По Крыму. М., 1889. С. 173; *Чикин А. А.* Пещерные города в Крыму // Всемирная иллюстрация. Т. 57. № 11. 1897. С. 244; *Косцюшко-Валюжинич*. Ук. соч. С. 290.
78. *Ставровский Я.Ф.* Горный Крым и Керченский полуостров // Россия. Полное географическое описание. Т. 14. СПб., 1910. С. 702-709.
79. *Чеглок А.* Красавица Таврида. Вып. 2. М., 1910. С. 8-9.
80. *Караулов Г.А.* Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. Т. 8. 1872. С. 39.
81. *Сосногорова (Славич) М.* Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880. С. 195; *Головкинский Н.* Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894. С. 247. Последний колебался между киммерийцами и тавроскифами.
82. *Ливанов Ф.В.* Инкерман и Инкерманская киновия в Крыму. М., 1874. С. 3.
83. *Попов А.И.* Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай. Симферополь, 1888. С. 191-192.
84. *Мережковский*. Ук. соч. С. 114.
85. *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД. Т. 28. 1910. С. 55.
86. *Марков*. Пещерные города Крыма. С. 173-174.
87. *Кондараки В.Х.* Мангуп-Кале // ЗООИД. Т. 8. 1872. С. 423.
88. *Караулов*. Ук. соч. С. 86-107.
89. *Струков Д.М.* О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879. С. 4.
90. *Бертье-Делагард*. Остатки древних сооружений... С. 210.
91. *Шишкина*. Ук. соч. С. 124-129, 151-154; *Терещенко*. Ук. соч. С. 1-69; *Фабр*. Ук. соч. С. 1-95; *Марков Е.Л.* Пещерные города Крыма. Т. 3. Кн. 6. С. 669, 672-677. Т. 4.

- Кн. 7. С. 170-174, 182-183, 188-196, 200-202; *Марков Е.Л.* Крым и его особенности. С. 252-256; *Горчакова*. Ук. соч. С. 89-91; *Маркевич А.И.* Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК. № 8. 1889. С. 108-113; *он же*. Экскурсия на Мангуп // ИТУАК. № 9. 1890. С. 101-108; *Гроздов А.* Сведения о Бахчисарайской Успенской церкви, устроенной в каменной скале // ИТУАК № 9. 1890. С. 62-67; *Толстой, Кондаков*. Ук. соч. Вып. 4. С. 24-31; *Свищов Е.* Полуденная Таврида. Путевые заметки. Симферополь, 1907. С. 72-78; *Башкиров*. Ук. соч. С. 289-291.
92. *Кондараки*. Мангуп-Кале. С. 425; *Струков*. Древние памятники... С. 122; *Свищов*. Ук. соч. С. 72.
93. *Косцюшко-Валюжинич*. Ук. соч. С. 290.
94. *Марков*. Крым и его особенности. С. 257.
95. *Марков*. Пещерные города Крыма. С. 200.
96. Там же. С. 200-202.
97. Там же. С. 200.
98. *Кондараки*. Мангуп-Кале. С. 420-421.
99. *Марков*. Пещерные города Крыма. Т. 3. Кн. 6. С. 679.
100. *Марков*. Крым и его особенности. С. 255.
101. *Марков*. Пещерные города Крыма. Т. 4. Кн. 7. С. 189.
102. Там же. С. 193.
103. Там же. С. 204; *Марков*. Крым и его особенности. С. 223, 252-253.
104. *Марков*. Крым и его особенности. С. 253.
105. *Марков*. Пещерные города Крыма. С. 204.
106. *Свищов*. Ук. соч. С. 72, 78.
107. *Башкиров*. Ук. соч. С. 257, 260.
108. Там же. С. 271.
109. Там же. С. 270-271.
110. *Бертъе-Делагард*. Остатки древних сооружений... С. 166-279.
111. *Бертъе-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. № 57. 1920. С. 120.
112. *Волошинов И.М., Клепинин Н.И.* Пещерное поселение Бакла в Крыму // ЗКОЕЛП. Т. 2. Симферополь, 1912. С. 151-160.
113. *Боровко Н.А.* Тайны Крыма. Крымские пещерные города // Природа и люди. 1911. № 3. С. 44; № 4. С. 67.
114. Там же. № 5. С. 83-84.
115. Там же. № 5. С. 84.
116. *Боровко Н.А.* Тепе-Кермен. Пещерный город в Крыму // ЗКОЕЛП. Т. 3. Симферополь, 1913. С. 3-72.
117. *Гидаевич А.Я.* Пещерный город Тепе-Кермен и его древнее еврейское кладбище // Еврейская старина. Т. 8. Вып. 2. СПб., 1914. С. 204-205.
118. *Маггид А.* К надписям в Тепе-Кермене // Еврейская старина. Т. 8. Вып. 3-4. Пг., 1914. С. 490.
119. *Кузьменко В.М.* Очерки южного берега и горной части Крыма // По Крыму. № 4. Симферополь, 1918. С. 85.
120. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей... С. 49-52; *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России // ИИАК. Вып. 3. 1902. С. 31-33; *Латышев*. Эпиграфические новости... С. 18-19.

THE ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF THE CRIMEAN GOTHS' REGION IN THE
INTERPRETATION OF THE PREREVOLUTIONARY SCHOLARS*A.V. Zamorjakhin*

The author analyzes the process of investigation made on the regions of the Crimean Goths' settlement in the archaeological studies from the middle of the 19th till early 20th century.

© 2008 г.

М.С. Шапцев

МЕГАРСКИЕ ЧАШИ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ГОРОДИЩА
БУЛГАНАК*

Булганакское городище расположено в 15 км к западу от города Симферополя и в 2 км к югу от села Пожарское, на границе степного и предгорного Крыма. Оно занимает вершину высокого холма, возвышающегося над долиной реки Западный Булганак. Время возникновения поселения относится к III в. до н.э. Занимаемая городищем площадь около 6 га, а общая раскопанная площадь составляет более 1,5 тыс. м². Мощност культурных напластований на различных участках памятника колеблется от 0,8 до 2,5 м. Следует отметить, что памятник подвергся плантажной вспашке, вследствие чего культурный слой на всей территории, кроме акрополя, был поврежден на глубину до 0,8 м. Наивысшего расцвета поселение достигает I в. до н.э. — I в. н.э., в это же время накапливается почти весь культурный слой. В конце I в. н.э. его территория сокращается и жизнь, до середины II в. н.э. концентрируется на акрополе¹.

Изучение городища проводилось экспедицией Симферопольского университета, возглавляемой И.Н. Храпуновым, в 1981–1985 и 1987–1991 гг. Основные результаты раскопок отражены в специальных работах². Отдельно рассмотрены краснолаковая и лепная керамика, а также амфорные клейма Булганакского городища³.

Выбор мегарских чаш в качестве объекта исследования объясняется слабой изученностью этой группы материала из позднескифских памятников. В настоящее время мы располагаем подробной публикацией полных комплексов только из городищ Чайка⁴ и Кара-Тобе⁵. Имеются публикации отдельных сосудов из Беляусского некрополя⁶, фрагментов обнаруженных при исследовании Неаполя Скифского⁷ и культурных напластований скифского периода Керкинитиды⁸. Один фрагмент мегарской чаши найден при исследовании позднескифского поселения Золотое Ярмо⁹.

* Выражаю благодарность И. Н. Храпунову за возможность опубликовать данную группу материала.

Предлагаемая статья имеет своей целью частично заполнить существующий пробел в представлениях о находках штампованной эллинистической керамики на позднескифских памятниках Крыма, и рассмотреть направления и механизмы торговых связей населения оставившего их.

Булганакская коллекция мегарских чаш насчитывает 28 фрагментов сосудов этого типа, (часть из них была опубликована¹⁰). В данной работе рассмотрены все фрагменты рельефных сосудов. Неопубликованные фрагменты чаш обозначены годом находки, и через косую черту номером по коллекционной описи.

Ниже дан каталог находок, включающий описание сосудов, их атрибуцию и датировку.

КАТАЛОГ

1. Рис. 1,1. Фрагмент придонной части мегарской чаши, украшенной чешуйчатыми листиками, наползающими друг на друга. Такая орнаментация обычна для ионийских мастерских¹¹. Данная находка происходит из слоя датированного I в. до н.э. — I в. н.э.¹². Датируется этот фрагмент второй половиной II в. до н.э.¹³.

2. Рис. 1,3. Фрагмент стенки мегарской чаши. Орнаментирован напозающими друг на друга чешуйчатыми листиками. Найден в нижней части зольника с материалом III-II вв. до н.э.¹⁴. Аналогичен № 1.

3. Рис. 1,9. Фрагмент стенки мегарской чаши. Орнаментирован чешуйчатыми листиками, стоящими рядами. Скорее всего, этот фрагмент, как и фрагмент № 1 относится к ионийскому производству и датируется второй половиной II в. до н.э. Найден в комплексе с фрагментом № 2¹⁵.

4. Рис. 1,4. Фрагмент стенки мегарской чаши. Орнаментирован напозающими друг на друга чешуйками. Найден в слое I в. до н.э.¹⁶. Аналогичен фрагментам №№ 1,2.

5. Рис. 1,2. Фрагмент заметно отогнутого венчика мегарской чаши. Орнамент бордюра представлен овами с выделенной серединой. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э.¹⁷. Возможно ионийское производство. Тип ов используемый в бордюрной зоне, характерен для чаш, датируемых третьей четвертью II в. до н.э.¹⁸.

6. Рис. 1,7. Фрагмент края мегарской чаши со слегка отогнутым венчиком. В бордюре — два ряда изображений. Верхний занят двумя рядами завитков, нижний повернутыми влево лепестками. Остальную часть тулова, скорее всего, украшали, напозающие друг на друга чешуйчатые листики. Данный фрагмент происходит из слоя начала I в. до н.э.¹⁹. Вероятно ионийское производство, так как для него характерно распределение орнамента по горизонтальным зонам, его стилизация и невысокий рельеф²⁰. Набор же растительных мотивов более характерен, для Эфесских мастерских²¹. Полной аналогии найти не удалось но, скорее всего данный фрагмент, как и остальные с похожей орнаментацией можно датировать второй половиной II в. до н.э.

7. Рис. 1,8. Фрагмент придонной части и дна мегарской чаши. Дно не орнаментировано, плоское. Фрагмент стенки сосуда украшен восьмью точками и двумя парами параллельных, вертикальных линий. Происходит из слоя начала

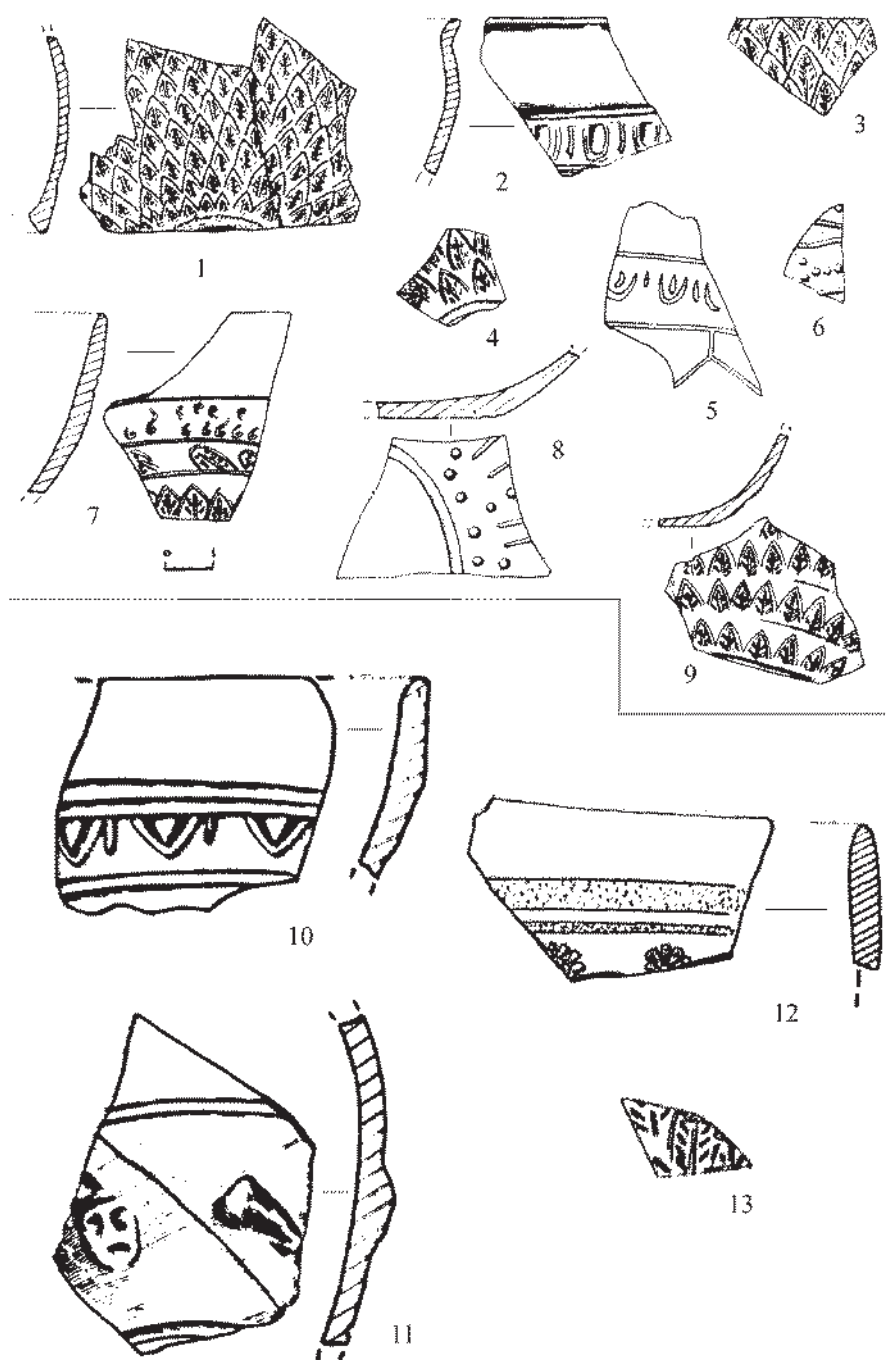

Рис. 1. Фрагменты мегарских чаш из Булганакского городища
(1-9 - по Храпунов 1991)

I в. до н.э.²². Из-за незначительных размеров фрагмента датировать его и отнести к тому или иному центру производства не удалось.

8. Рис. 1,6. Фрагмент стенки мегарской чаши орнаментированный шестью точками и тремя линиями. Происходит из нижней части зольника датируемой III-II вв. до н.э.²³. Из-за незначительных размеров фрагмента датировать его и отнести к тому или иному центру производства не удалось.

9. Рис. 1,5. Фрагмент стенки мегарской чаши, орнаментированной бордюром ов с выделенной серединой, а в нижней части рельефными пятиугольниками (net-pattern ornament). Данный фрагмент происходит из нижней части зольника, датируемой III-II вв. до н.э.²⁴. Пик популярности подобного мотива приходится на середину-вторую половину II в. до н.э.²⁵. Наиболее вероятная дата нашего фрагмента середина-третья четверть II в. до н.э.

10. 89/55. Рис. 1,12 Фрагмент слегка загнутого венчика мегарской чаши. Восстанавливаемый диаметр венчика 110 мм. Бордюр украшен розетками, выполненными в невысоком рельефе. Фрагмент происходит из хозяйственной ямы, датируемой III-II вв. до н.э. По форме и сохранившемуся орнаменту в бордюре, данный сосуд можно отнести к продукции ионийских мастерских и датировать второй половиной II в. до н.э.²⁶.

11. 89/55. Рис. 1,13. Фрагмент стенки мегарской чаши, украшенной листиками, наползающими друг на друга. Этот фрагмент, как и предыдущий, происходит из хозяйственной ямы III-II вв. до н.э. Фрагмент, относится к ионийской группе²⁷. Грубое, неаккуратное исполнение и резкий схематизм используемых мотивов позволяет датировать этот фрагмент концом II столетия до н.э.

12. 90/34. Рис. 3,8. Фрагмент края мегарской чаши со слегка вогнутым венчиком. Восстанавливаемый диаметр венчика 130 мм. Бордюр украшен крупными восьмилепестковыми розетками. Фрагмент происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Вогнутый венчик и характер орнамента в бордюре указывает на ионийское производство и датируется суммарно серединой II в. до н.э.²⁸.

13. 90/35. Рис. 3,9. Фрагмент края мегарской чаши со слегка вогнутым венчиком. Восстанавливаемый диаметр венчика 130 мм. Бордюр украшен крупными восьмилепестковыми розетками. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Аналогичен фрагменту № 12.

14. 90/36. Рис. 3,7. Фрагмент края мегарской чаши со слегка вогнутым венчиком. Восстанавливаемый диаметр венчика 120 мм. Бордюр украшен крупными семи лепестковыми розетками. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Относится к той же группе, что и фрагменты 12-13.

15. 90/38. Рис. 2,3. Фрагмент края полусферической мегарской чаши со слегка отогнутым венчиком и утолщением с внутренней стороны под венчиком. Восстанавливаемый диаметр венчика 130 мм. Бордюр украшен крупными семи лепестковыми розетками, под бордюром видны остатки растительного орнамента. Скорее всего, чаша принадлежит к продукции эфесских мастерских и суммарно датируется сер. II в. до н.э.²⁹.

16. 90/33. Рис. 3,6. Фрагмент стенки мегарской чаши орнаментированной отдельно стоящими острыми листочками. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Данный фрагмент принадлежит к ионийскому производству. Близок фрагментам №№ 1-4. Может датироваться второй половиной II в. до н.э.

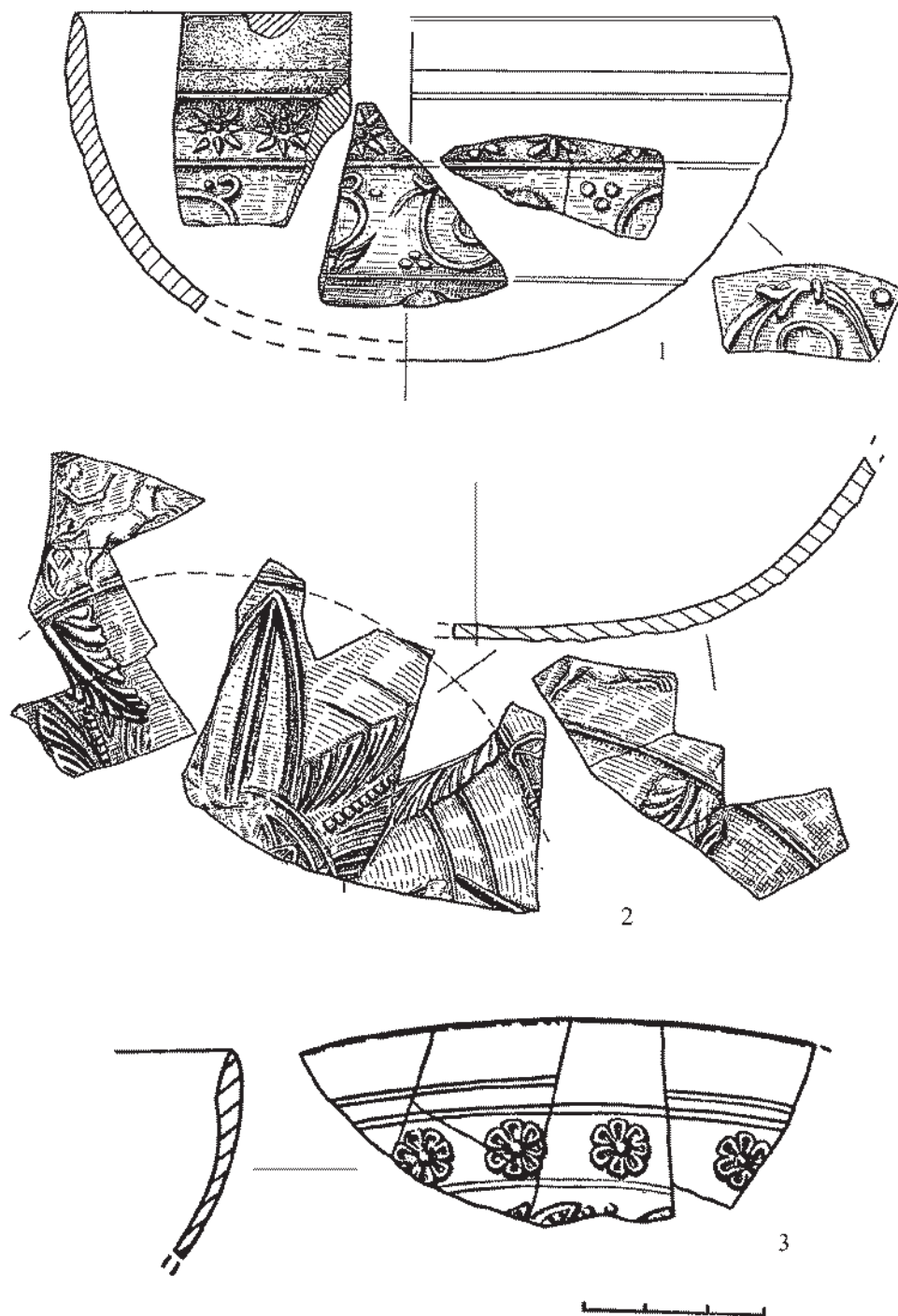

Рис. 2. Фрагменты мегарских чаш из Булганакского городища

17. 90/37. Рис. 1,10. Фрагмент края мегарской чаши со слегка вогнутым венчиком. Восстанавливаемый диаметр венчика 130 мм. Бордюр украшен остроугольными овами. Фрагмент происходит из разрушенного культурного слоя, и принадлежит к ионийскому производству. Датировать его можно сер II в. до н.э.³⁰.

18. 91/42. Рис. 3,2. Фрагмент придонной части и дна мегарской чаши. Дно на низком кольцевом поддоне не орнаментировано. Фрагмент стенки украшен двумя вертикальными линиями и листком. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Из-за незначительных размеров фрагмента датировать его и отнести к тому либо иному производственному центру не удалось.

19. 91/49. Рис. 3,5. Фрагмент придонной части мегарской чаши. Дно украшено 12-лепестковой розеткой. Придонная часть тулова была украшена, листьями аканфа со склонённой верхушкой, чередующимися с ланцетовидными и ромбовидными листьями. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Орнаментация дна розеткой с двенадцатью ланцетовидными лепестками характерна для чаш эфесского производства в середине-второй половине II в. до н.э.³¹. Наш фрагмент может быть датирован серединой — третьей четвертью II в. до н.э.

20. 91/48. Рис. 3,1. Фрагмент дна и придонной части мегарской чаши. Дно украшено 12-лепестковой розеткой. Придонная часть сохранила остатки орнамента в виде листьев аканфа. Сосуд происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. и аналогичен фрагменту № 19.

21. 91/47. Рис. 3,3. Фрагмент края мегарской чаши с вогнутым венчиком. Восстанавливаемый диаметр венчика 128 мм. Бордюр украшен овами с выделенной серединой. Аналогичен фрагменту № 17.

22. 91/44. Рис. 3,4. Фрагмент стенки мегарской чаши. Зона бордюра украшена повторяющимися изображениями побегов. Происходит данный сосуд из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Использование побегов характерно для многих ионийских мастерских. С подобным бордюром встречаются изображения листьев аканфа переломленных пополам, чередующиеся с ланцетовидными и ромбовидными листьями, а также 12-лепестковая розетка³². Это позволяет нам датировать данный фрагмент по аналогии с №№ 19-20 серединой-третьей четвертью II в. до н.э.

23. 91/51. Рис. 2,2. Фрагменты принадлежащих одному сосуду придонной части и стенок мегарской чаши. Средняя зона занята изображениями эротов скачущих на колесницах, придонная часть тулова — листьями аканфа со склонённой верхушкой, чередующимися с ланцетовидными и ромбовидными листьями. Происходит из хозяйственной ямы № 5 где является единственным датирующим материалом. Орнамент нижней части характерен для изделий мастерских милето-эфесской группы. Данный сосуд можно датировать серединой-третьей четвертью II в. до н.э.³³.

24. 91/46. Рис. 2,1. Фрагменты принадлежащих одной чаше слегка вогнутого венчика и стенок. Орнамент бордюра представлен 8-лучевыми геометрическими розетками. В средней зоне сохранилось схематическое изображение виноградной лозы. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Орнамент средней зоны характерен для мастерских милето — эфесской группы, сам же фрагмент может быть датирован серединой-третьей четвертью II в. до н.э.³⁴.

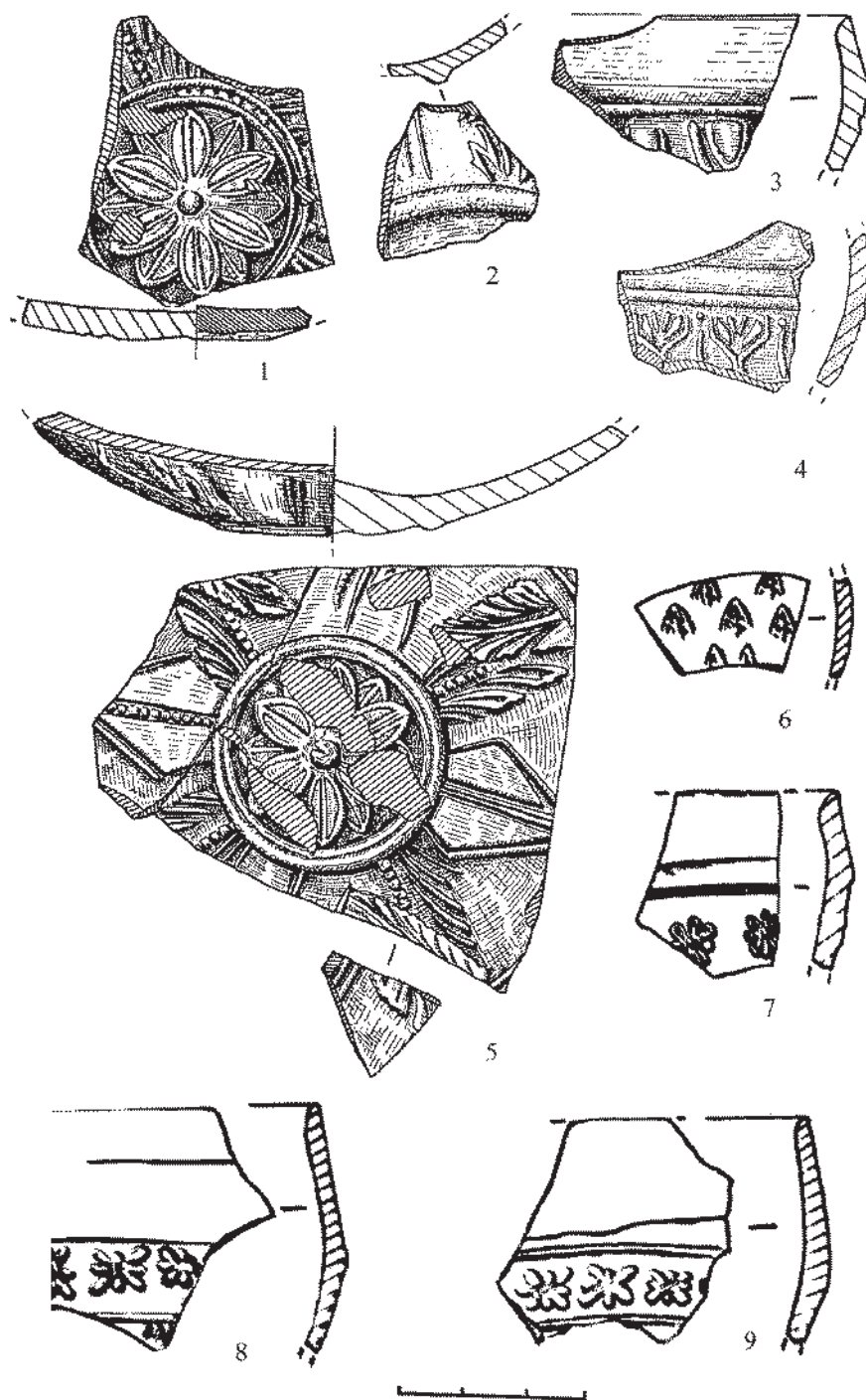

Рис. 3. Фрагменты мегарских чаш из Булганакского городища

25. 91/52. Рис. 4,1. Практически полный профиль мегарской чаши. Бордюр состоит из двух рядов изображений. Верхний ряд занят повторяющимися изображениями побегов, нижний — 7-лепестковыми розетками. Всё тулово чаши было украшено наползающими друг на друга листочками. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Как и у чаши № 6 здесь наблюдается характерное для ионийского производства распределение орнамента по горизонтальным зонам, так же для сосудов этого круга был характерен прямой венчик³⁵. Датируется чаша серединой-третьей четвертью II до н.э.

26. 91/50. Рис. 4,2. Фрагмент прямого венчика мегарской чаши. В бордюре — три ряда изображений. Верхний занят овами, с выделенной серединой, средний — 8-лучевыми геометрическими розетками, нижний — четырёхлепестковыми розетками. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Форма чаши говорит о её принадлежности к ионийским изделиям. Аккуратные остроугольные овы верхнего ряда указывают на дату — середина II в. до н.э.³⁶

27. 91/45. Рис. 4,3. Фрагмент слегка загнутого венчика мегарской чаши. Бордюр украшен небрежно выполненными овами с выделенной серединой. Средняя часть была украшена повторяющимися изображениями эротов скачущих на колесницах запряженных двумя лошадьми. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Ионийское производство, используемый в бордюре тип ов характерен для чаш, датируемых третьей четвертью II в. до н.э.³⁷

28. 90/43. Рис. 1,11. Фрагмент стенки мегарской чаши. Орнаментирован нечёткое изображение лица (театральной маски ?) и непонятного предмета. Происходит из слоя I в. до н.э. — I в. н.э. Крымские аналогии булганакской находке происходят с городищ Чайка и Кара-Тобе³⁸, для всех этих сосудов характерно расплывчатость контуров низкорельефных изображений, возможно обусловленная стёртостью формы, примитивизм композиционного и изобразительного решения³⁹ они датируются временем не ранее первой четверти I в. до н.э.⁴⁰. С.Ю. Внуков и С.А. Коваленко предполагают, что местом производства подобных сосудов мог быть Херсонес, но до открытия там форм для производства чаш типа мегарских это мнение является гипотетическим⁴¹.

Комплекс рельефной керамики из Булганакского городища, в целом очень близок аналогичным сосудам из других позднескифских памятников Северо-Западного и Центрального Крыма — Чайкинского городища, Керкинитиды, Беяусского могильника, Кара-Тобинского городища, Неаполя Скифского. Все они отличаются подавляющим (в пределах 85-95 % всех находок мегарских чаш) преобладанием ионийской продукции. В крупнейших городских центрах Северного Причерноморья доля изделий ионийских мастерских составляет 60-70 %⁴².

Можно согласиться с С. А. Коваленко в том что, возможно снабжение Северо-Западного и Центрального Крыма, рельефной керамикой, начиная со второй четверти II в. до н.э. и вплоть до последних десятилетий II в. до н.э. осуществлялось через Ольвию и Керкинитиду⁴³. Объединение всего Крыма в державе Митридата в конце II в. до н.э. должно было открыть доступ продукции мастерских Боспора и Херсонеса на позднескифские поселения Северо-Западного и

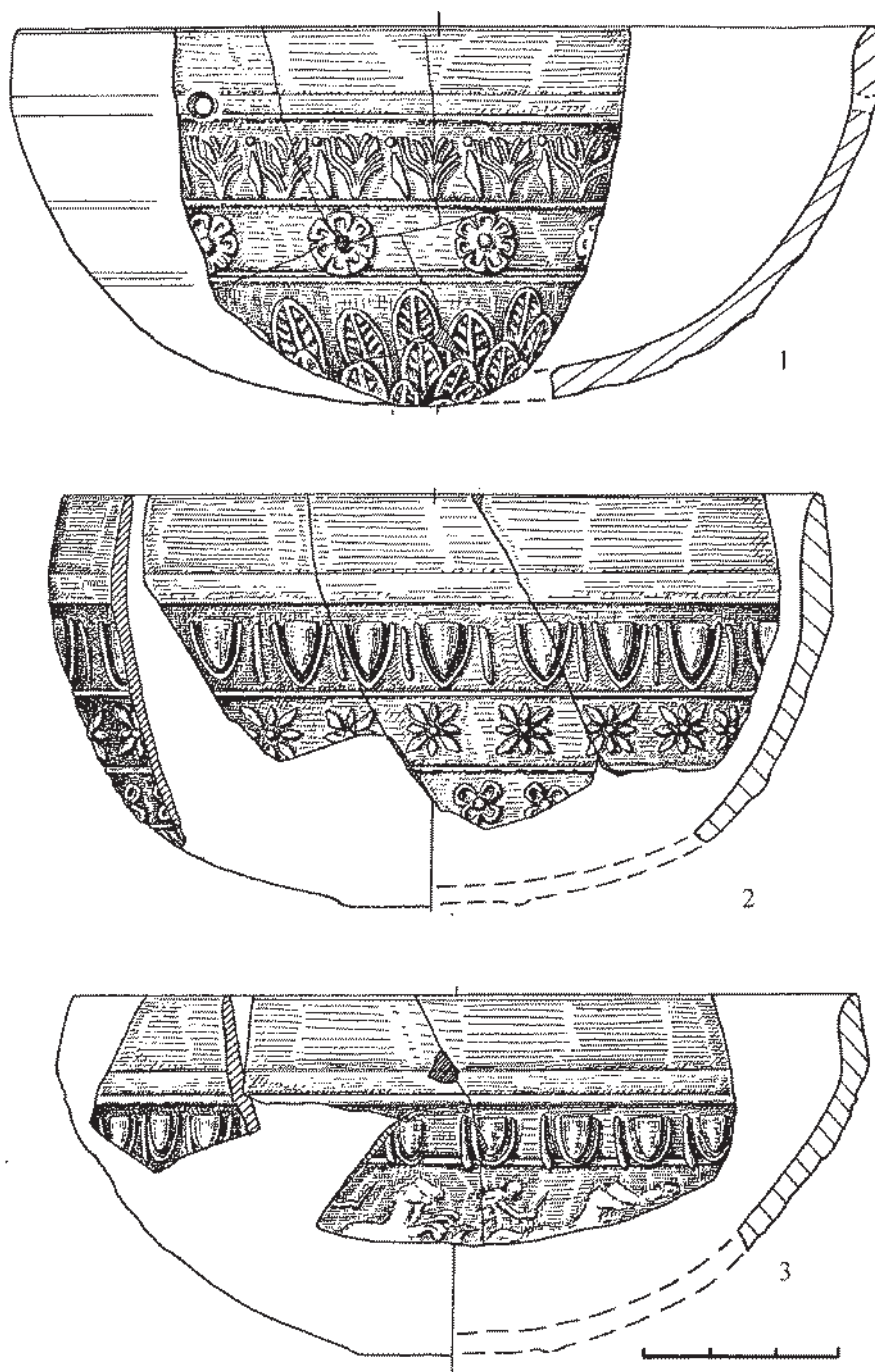

Рис. 4. Фрагменты мегарских чаш из Булганакского городища

Центрального Крыма, что, подтверждают находки фрагментов боспорских и, предположительно, херсонесских чаш⁴⁴. В пользу переориентации на рубеже II-I вв. до н.э. и в I в. до н.э. на крымские производственные центры говорит и наша находка рельефной чаши возможно херсонесского производства. Отсутствие же чаш боспорского производства, и в целом немногочисленность Булганакской коллекции рельефных сосудов можно объяснить удалённостью поселения от торговых путей и слабой торгово-экономической активностью его жителей во II в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. Вып. II. 1991. С. 23, 25, 31.
2. Храпунов. Ук. соч.; Храпунов И.Н., Мульд С.А. Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
3. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского городища Булганак // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997; Храпунов И.Н., Федосеев Н.Ф. Керамические клейма Булганакского городища // Древности. 1996. Харьков, 1997; Шкроб О.Б. Методика изучения и классификации краснолаковой керамики (из материалов раскопок Булганакского городища) // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
4. Коваленко С.А. Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 1987.
5. Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.
6. Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3. Рис.3Б, Рис 6,2аб, 3.
7. Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979. Рис. 61, 1, 7, 10, 12, 13, 15; Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в до н.э. — III в. н.э.). Симферополь, 2003. Рис. 20, 65; 67, 1-3.
8. Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. К., 2004. Рис. 62-64.
9. Храпунов И.Н., Власов В.П., Молодцов О.Э., Мульд С.А. Позднескифское поселение Золотое Ярмо // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. Рис. 5, 5.
10. Храпунов. Ук. соч. Рис. 24, 1-9.
11. Турова Н.П., Коваленко С.А. Мегарские чаши из археологической коллекции Ялтинского историко-литературного музея // БИ. Вып. VIII. Симферополь-Керчь, 2005. С. 343.
12. Храпунов. Ук. соч. С. 20. Рис. 24, 1.
13. Внуков, Коваленко. Ук. соч. С. 69.
14. Храпунов. Ук. соч. С. 19. Рис. 24, 3.
15. Там же. С. 19. Рис. 24, 7.
16. Там же. С. 9. Рис. 24, 9.
17. Там же. С. 16. Рис. 24, 2.
18. Турова, Коваленко. Ук. соч. С. 343.
19. Храпунов. Ук. соч. С. 9. Рис. 24, 5.
20. Внуков, Коваленко. Ук. соч. С. 66.
21. Там же. С. 66.
22. Храпунов. Ук. соч. С. 9. Рис. 24, 6.
23. Там же. С. 19. Рис. 24, 4.

24. Там же. С. 19. Рис. 24. 8.
25. *Коваленко С.А.* К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики // *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье*. М., 1998. С. 14.
26. *Турова, Коваленко*. Ук. соч. С. 342.
27. *Внуков, Коваленко*. Ук. соч. С. 70.
28. Там же. С. 69.
29. Там же. С. 69.
30. Там же. С. 69.
31. Там же. С. 69.
32. *Алексеева Т.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. табл. 87, 3.
33. *Турова, Коваленко*. Ук. соч. С. 344.
34. Там же. С. 344.
35. *Внуков, Коваленко*. Ук. соч. С. 70.
36. Там же. С. 69.
37. *Турова, Коваленко*. Ук. соч. С. 343. Рис. 4, 4.
38. *Коваленко*. Ук. соч. Рис. II, 3; *Попова Е.А.* Юго-западный квартал скифского поселения у санатория "Чайка" близ Евпатории // *Памятники железного века в окрестностях Евпатории*. М., 1991; *Внуков, Коваленко*. Ук. соч. Рис. 7, 1.
39. *Внуков, Коваленко*. Ук. соч. С. 71.
40. Там же. С. 74.
41. Там же. С. 74.
42. Там же. С. 74.
43. *Коваленко*. Ук. соч. С. 10-11.
44. *Внуков, Коваленко*. Ук. соч. С. 74.

MEGARIAN BOWLS OF LATE SCYTHIAN ANCIENT SETTLEMENT BULGANAK

M.S. Shaptsev

The article examines megarian bowls from the excavation of Bulganak late Scythian ancient settlement. The bulk of them is dated to the middle — second half of the 2nd century BC and is to be the Ionium output. As a whole, according to its composition, the complex of relief vessels from Bulganak ancient settlement is characteristic for Northern-Western and the Central Crimea.

© 2008 г.

Н.И. Храпунов

МОНЕТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДРУЖНОЕ*

Могильник Дружное находился в центральном Крыму, километрах в 15 к юго-востоку от Симферополя. Регулярные раскопки велись в 1990–1994 гг. под руководством И.Н.Храпунова. В результате раскопано 86 погребальных сооружений. Еще 3 исследовали в 1984 А.И.Айбабин и В.А.Сидоренко. Все они принадлежали сарматам и аланам, населявшим этим места в III–IV вв. н.э. Результаты раскопок опубликованы в монографии.¹ Находки хранятся в Центральном музее Тавриды (бывший Крымский республиканский краеведческий музей) в Симферополе.²

Среди многочисленного и разнообразного инвентаря небольшую группу составляют монеты (всего 13 экземпляров). В монографию вошло их краткое определение, сделанное В.А. Сидоренко.³ Мне показалось возможным уточнить эту информацию, а некоторые определения исправить. К тому же, подробные описания монет могут оказаться небесполезными для реконструкции (экономических?) связей населения предгорного Крыма с другими регионами.

В нижеследующем каталоге монеты расположены в приблизительном хронологическом порядке. На рисунках приводятся фотографии монет, причем номера монет соответствуют номерам в каталоге. Поскольку сохранность монет в большинстве случаев далека от идеала, фотографии даны с увеличением. В двух случаях (№№ 10 и 13) фотографии монет опущены, так как сохранность находок не позволяет ничего разобрать по фотографии: необходим личный осмотр монет под разными углами. Следует сказать, что довольно качественные рисунки монет опубликованы в монографии (соответствующие ссылки приведены в каталоге). К сожалению, некоторые из них не избежали погрешностей при изображении мелких деталей рисунка и надписей. В круглых скобках указан инвентарный номер Музея.

Приведенный вес монет в большинстве случаев не соответствует тому, с которым монета покинула монетный двор. Он отражает физическую сохранность находки, изменение ее состава в результате химических реакций во время пребывания в могиле, а также влияние консервации (очистка, нанесение защитного слоя). Проба и вес серебряных монет (№№ 1–3) определены Музеем при апробации.

При описании легенд использованы следующие условные обозначения: угловые скобки — буква не сохранилась, восстановлена; круглые скобки () — буква сохранилась частично, восстановлена. Все монеты, за исключением последней — римские, потому их принадлежность империи специально не оговаривается.

№ 1.

Могила № 24, номер находки 3 (КП-45506). Прежнее определение и датировка: Гордиан III, 238–244 гг.⁴

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины.

Гордиан III. Выпуск января 241 — июля 243 гг. Рим. Серебро. Антониниан.

Л.с. Бюст Гордиана III; на голове лучевая корона, вправо. IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Точечный ободок.

О.с. Юпитер стоит прямо, голова повернута вправо; в правой руке держит скипетр, в левой молнию. IOVI STRATORI. Точечный ободок.

*RIC IV.3.*⁵

Сохранность: Хорошая. Отчеканена на овальной заготовке, немного не отцентрована. Размеры: 22,0-23,5 мм. Вес: 4,17 г. Проба: 500. Соотношение осей: 12:1 (здесь и далее — по циферблату часов).

№ 2.

Могила № 24, номер находки 4 (КП-45507). Прежнее определение и датировка: Филипп II, 247-249 гг.⁶ Вероятно, В.А.Сидоренко принял эту монету за тип из антиохийской чеканки Филиппа II⁷. Главное отличие антиохийских монет от находки из Дружного в том, что на первых бюст императора повернут влево.

Филипп I Араб. Недатированный выпуск в интервале 244-247 гг. Рим. Серебро. Антониниан. Юбилейный выпуск в честь тысячелетия Рима.

Л.с. Бюст Филиппа I, задрапированный, в кирасе, вправо; на голове лучевая корона. IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Точечный ободок.

О.с. Рома в шлеме, сидит на щите влево; в левой руке держит скипетр, в правой, вытянутой — Викторию, которая протягивает ей венок. ROMAЕ AETERNAE. Точечный ободок.

*RIC IV.3.*⁸

Сохранность: Лицевой стороны — хорошая, оборотной — плохая. Стерлось изображение Виктории, легенда неразборчива. По краям монеты имеются две выщерблены от удара при чеканке. Размеры: 22-23 мм. Вес: 3,39 г. Проба: 500. Соотношение осей: 12:7.

№ 3.

Могила № 24, номер находки 2 (КП-45505). Прежнее определение и датировка: Траян Деций, 249-251 гг.⁹

Траян Деций. 249-251 гг. Рим. Серебро. Антониниан.

Л.с. Бюст Траяна Деция, задрапированный, в кирасе, вправо; на голове лучевая корона. IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Точечный ободок.

О.с. Уберитас стоит прямо, влево, в правой руке держит кошелек, в левой — рог изобилия. VBERITAS AVG. Точечный ободок.

*RIC IV.3.*¹⁰

Сохранность: Хорошая. По краям имеются две выщерблены от удара при чеканке. Уже после реставрации монета снова начала покрываться зеленой патиной. Изображение немного не отцентровано. Размеры: 22 мм. Вес: 3,8 г. Проба: 500. Соотношение осей: 12:6.

№ 4.

Могила № 20 (южный подбой), номер находки 23 (Д-5404НВ). Прежнее определение и датировка: Галлиен, 253-268 гг.¹¹

Галлиен. 257 г. (Медиоланум) или недатированный, в интервале 259-268 гг. (Сисция). Биллон. Антониниан.

Л.с. Голова Галлиена в лучистой короне, вправо. IMP. GA(LLIE)NVS.... Точечный ободок.

О.с. Спес стоит влево, левая рука опущена. (S)PE(S) PVB. Точечный ободок. RIC V.1.¹²

Сохранность: Плохая. От монеты уцелело два фрагмента, вместе составляющие немного меньше половины кружка. В публикации приведен рисунок большего фрагмента. На оборотной стороне меньшего фрагмента сохранилась буква S, лицевая его сторона полностью разрушена. Соединив фрагменты вместе, получаем возможность определить приблизительный диаметр монеты (25-26 мм). Кроме того, буква S на меньшем фрагменте оказывается начальной в легенде реверса, что позволяет установить его тип (Спес). В настоящее время надпись аверса не видна (результат вторичной коррозии). Повторная реставрация открыла букву N, ранее скрытую под фрагментом органического тлена, приставшего к монете (на рисунке в публикации изображен тлен). Соотношение осей: насколько можно судить, 1:1 или около того. Вес фрагментов: 0,9 г.

№ 5.

Могила № 85, номер находки — 59 (КП-46958). Прежнее определение и датировка: Галерий, 293 г.¹³

Галерий Максимиан. Ок. 295-299 гг. Кизик. Медь.

Л.с. Бюст бородатого цезаря в лучистой короне, в панцире, задрапированный, вправо. GAL. VAL. MAXIMIANVS NOB. CAES. Точечный ободок.

О.с. Цезарь в воинском костюме стоит вправо и принимает Викторию с венком в руке на шаре от Юпитера (справа), стоящем, влево, опирающегося на скипетр в левой руке. CONCORDIA MI(LIT)VM. Над обрезом, между фигурами: КД. Точечный ободок.

RIC VI.¹⁴

Сохранность: Удовлетворительная, оборотная сторона стерта сильнее (мелкие детали не видны). Монета сильно расплющилась в момент чекана, края обрезаны не ровно, по краям несколько выщерблин. Обратная сторона не отцентрована (отсутствует часть легенды). Судя по опубликованному рисунку, монета пострадала при реставрации (особенно легенда оборотной стороны). Размеры: 21-23 мм. Вес: 2,5 г. Соотношение осей: 12:7.

№ 6.

Могила № 80, номер находки 10 (КП-46474). Прежнее определение и датировка: Максимиан, 286-305 гг.¹⁵

Максимиан Геркулий. Ок. 295-299 гг. Кизик. Медь.

Л.с. Бюст бородатого императора в лучистой короне, задрапированный, в панцире, вправо. IMP. C. M. A. MAXIMIANVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О.с. Император (слева), стоит, вправо, в воинском костюме, принимает Викторию на шаре, с венком в руке, от Юпитера (справа), в рост, влево, опирающегося на скипетр в левой руке. CONCORDIA MI(LIT)VM. Над обрезом, между фигурами: КЕ. Точечный ободок.

1

2

3

Увеличено в два раза

*RIC VI.*¹⁶

Сохранность: Хорошая. В верхней части оборотной стороны стерты несколько букв и часть точечного ободка. Монета сильно расплющилась в момент чекана, края обрезаны не ровно. Оборотная сторона немного не отцентрована. Размер 22-23 мм. Вес: 2,5 г. Соотношение осей: 12:5.

№ 7.

Могила № 10, номер находки — 1 (КП-45466). Прежнее определение и датировка: Валериан, 253-260 гг.¹⁷

Галерия Валерия. Ок. декабря 308 г. — ок. мая 311 г. Фессалоника. Медь.

Л.с. Бюст Галерии Валерии в расшитом платье и ожерелье на голове диадема G(AL). VALE-RIA AVG. Точечный ободок.

О.с. Венера стоит прямо, голова влево, в правой поднятой руке держит яблоко, левой приподнимает драпировку над левым плечом; слева звезда, справа В. VENERI V-ICTRICI. В обрезе: ·SM·TS·. Точечный ободок.

*RIC VI.*¹⁸ От описанных в каталоге монет наша отличается наличием дифференца «звезда» на реверсе.

Сохранность: Лицевой стороны — удовлетворительная, оборотной — хорошая. Над головой императрицы (на 12 часов) проделано отверстие для подвешивания. Размеры: 26 мм. Вес: 6,8 г. Соотношение осей: 12:5.

№ 8.

Могила № 85, номер находки — 58 (КП-46957). Прежнее определение и датировка: Максимиан Даза, 309-313 гг.¹⁹

Максимиан II Даза. Выпуск начала 312 г. Никомедия. Медь.

Л.с. Бюст бородатого императора в лавровом венке, вправо. IMP C. GAL. VAL. MAXIMINVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О.с. Гений стоит, влево, обнаженный, через левое плечо переброшена хламида, на голове модиус, в левой руке держит рог изобилия, в правой — патеру, из которой совершает возлияние на пылающий алтарь, стоящий внизу слева от фигуры гения. Вокруг надпись: GENIO AV-GVSTI. Справа в поле: E. В обрезе: SMN. Точечный ободок.

*RIC VI.*²⁰ Единственное отличие от нашей — разрыв легенды оборотной стороны находится в другом месте: A-VGVSTI.

Сохранность: Удовлетворительная. Легенда лицевой стороны неразборчива. Размеры: 22-23 мм. Вес: 3,9 гр. Соотношение осей: 12:1.

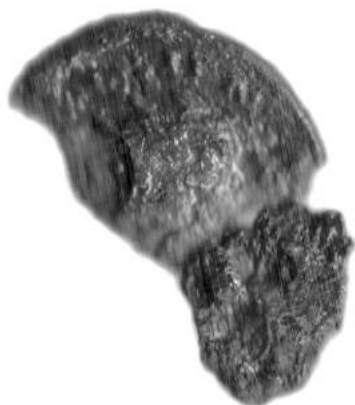
№ 9.

Могила № 64, номер находки 24 (Д-6342НВ). Прежнее определение и датировка: Константин I или соправители, 304-324 гг.²¹

Лициний I. Один из выпусков в промежутке между 311 и 317 гг. Малая Азия (Гераклея, Кизик или Никомедия). Медь.

Л.с. Бюст императора в лавровом венке, вправо. Круговая надпись: IMP C. VA(L)<...>. Точечный ободок.

О.с. Юпитер в рост, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на шаре, с венком в руке; внизу слева

4

5

6

Увеличено в два раза

орел, влево, с венком в клюве. <IOVI> CONS—<ERVAT>(OR)<I...>. Точечный ободок.

Никомедия, ок. 311 г.;²²

Никомедия, 313-317 гг.;²³

Гераклея, начало 313 г.;²⁴

Гераклея, 313-314 гг.;²⁵

Гераклея, 315-316 гг.;²⁶

Кизик, 313-315 гг.;²⁷

Кизик, 316-317 гг.²⁸

Сохранность: Плохая. Обрез не сохранился; слева в поле над обрезом знаков нет, справа в поле над обрезом, возможно, остатки буквы. Края кружка обломаны; от изображений в уцелевшей части сохранились, главным образом, контуры. Размеры сохранившейся части: 20-21 мм (вероятно, монета была на несколько мм больше). Вес фрагмента: 1,1 г. Соотношение осей: 12:6.

Константин I не чеканил монеты с таким началом легенды аверса. С букв IMP. C. VAL... начинались легенды четырех императоров: Валериана I, Диоклетиана, Лициния и Максимиана Геркулия. По морфологическим характеристикам, эта монета — медный фоллис, отчеканенный после реформы Диоклетиана (294 г.). По сочетанию типов аверса и реверса, разрыву легенды реверса, и отсутствию знаков монетного двора слева в поле над обрезом, это может быть только монета Лициния, отчеканенная на одном из малоазийских монетных дворов. Ниже перечислены все возможные варианты:

№ 10.

Могила № 85, номер находки 56 (КП-46955). Прежнее определение и датировка: Лициний, 308-324 гг.²⁹

Лициний I. Выпуск начала 313 г. Гераклея. Медь.

Л.с. Бюст бородатого императора в лавровом венке вправо. IMP. C. VAL. LICIN. LICINIVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О.с. Юпитер в рост, в фас, голова влево, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на шаре, с венком в руке; внизу слева орел, влево, с венком в клюве. IOVI CONSER-VATORI AVGG. В обрезе: SM(НГ). Точечный ободок.

RIC VI.³⁰

Сохранность: Плохая. Поверхность коррозирована, края с выщерблинами. Определение сделано методом исключения, по сочетанию типов аверса и реверса, с учетом малейших деталей. Буквы в обрезе, обозначающие место чекана, сохранились плохо. Справа в поле оборотной стороны должен был находиться знак — номер мастерской, который не сохранился. Размеры: 22-23 мм. Вес: 3,3 г. Соотношение осей: 12:1.

№ 11.

Могила № 85, номер находки 57 (КП-46956). Прежнее определение и датировка: Лициний, 308-324 гг.³¹

Лициний I Старший. Выпуск 313-317 гг. Никомедия. Медь.

Л.с. Бюст бородатого императора в лавровом венке вправо. IMP. C. VA(L.) <LICI>N. LICINIVS P. F. A<VG.>. Ободок не сохранился.

7

8

10

Увеличено в два раза

О.с. Юпитер стоит, влево, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на шаре, с венком в руке; внизу слева орел, влево, с венком в клюве. Справа по вертикали: N-Z. IOVI CONS-ERVATORI. В обрезе: SMN. Точечный ободок.

*RIC VII.*³²

Сохранность: Плохая. Лицевая сторона пострадала больше, возможно, в результате реставрации. Сохранившийся кружок неправильной формы, нижняя часть легенды на обеих сторонах обрезана. Размеры: 21-22 мм. Вес: 2,9 г. Соотношение осей: 12:12.

№ 12.

Могила № 59, номер находки 50 (КП-46048). Прежнее определение и датировка: Лициний, 308-324 гг.³³

Лициний I Старший. Выпуск 321-324 гг. Кизик. Медь.

Л.с. Бюст бородатого императора в лучистой короне, задрапированный, в кирасе, вправо. IMP. C. VAL. LICIN. LICINIVS P. F. AVG. Точечный ободок.

О.с. Юпитер стоит, влево, в хламиде через левое плечо, опирается на скипетр в левой руке, в правой держит Викторию на шаре, с венком в руке; внизу слева орел, влево, с венком в клюве; внизу справа — пленник, вправо. Справа по вертикали: X-III. IOVI CONS-ERVATORI. В обрезе: SMKG. (Точечный) ободок.

*RIC VII.*³⁴

Сохранность: Удовлетворительная. В каталожном описании монеты указано, что на верхушке скипетра Юпитера должен помещаться орел; в нашем случае, ничего разобрать не возможно. Справа от портрета императора (на 3 часа) проделано отверстие для подвешивания. Над головой — выщерблена. Размеры: 19-20 мм. Вес: 3,0 г. Соотношение осей: 12:12.

№ 13

Могила № 2, номер находки 9 (КП-45419). Прежнее определение и датировка: боспорский деградированный статер второй половины III — начала IV в.³⁵

Боспорское царство. Середина III — вторая половина 30-хх или начало 40-хх гг. IV в. Медь. Статер.

Л.с. Бюст длинноволосого царя вправо (смещен в нижнюю левую четверть монеты). Возможно, справа от него находилась какая-то фигура. Легенда не сохранилась.

О.с. Голова императора. Легенда не сохранилась.

Сохранность: Очень плохая. Поверхность сильно коррозирована, по краям выщерблены. Диаметр: 18 мм. Вес: 4,7 г. Соотношение осей: 12:10 (?).

По типу изображения на лицевой стороне и размеру можно с уверенностью предполагать, что монета отчеканена на Боспоре. Такие монеты выпускались приблизительно с середины III в. и до окончания боспорской монетной чеканки во второй половине 30-х — начале 40-хх гг. IV в.³⁶ Поскольку коррозия полностью уничтожила легенду, определить, при каком из последних боспорских царей отчеканена монета, не представляется возможным.

Уточнения и изменения в определениях монет не меняют представлений о хронологии погребений в Дружном, за исключением одного случая. Подбойная могила 10 датируется как раз по монете № 7³⁷. Изменение даты выпуска монеты на полстолетия заставляет пересмотреть датировку могилы. Ее следует отнести к IV в., вероятно, к началу столетия. Таким образом, и без того небольшое количество могил второй половины III в., выявленных в Дружном,³⁸ сокращается на одну: теперь их 6 из 89.

Таблица 1

МОНЕТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

№ могилы	Склеп	Подбойная	Не ограблена	Ограблена	Хронология по другим вещам	Найдено монет	С отверстием	Положение монет в погребении	Пол (по вещам) или возраст погребенного
2	*			*	IV в.	1	—	—	—
10		*		*	—	1	1	—	—
20		*	*		2 пол. III в.	1	?	на животе	детский
24		*	*		2 пол. III в.	3	—	в шкатулке за головой	женский
59	*			*	IV в.	1	1	—	—
64	*			*	IV в.	1	?	—	—
80		*	*		—	1	—	у ног	детский
85	*			*	IV в.	4	-	столбиком, в неизвестном месте	—
Всего: 8	4	4	3	5		13	2		

В могильнике Дружное открыты следующие типы погребальных сооружений, предназначенных для захоронения людей: склепы, подбойные могилы, грунтовые могилы.³⁹ Монеты встречаются в склепах и в подбойных, но не в грунтовых могилах. В тех случаях, когда это можно определить, монеты составляли часть женского или детского (но не мужского) погребального инвентаря. Монеты помещали в разные части погребальной камеры.

Из 89 погребальных сооружений, открытых в Дружном, монеты найдены лишь в 8 (ок. 9 %). При этом в одном погребении найдено 3 монеты, а в другом 4. Следовательно, монеты не были обычным элементом погребального инвентаря.

Судя по набору вещей в этих могилах, монеты не долго находились в обращении перед тем, как попадали в руки людей, оставивших Дружное.

В 2-х монетах проделано отверстие для подвешивания, в 9ти его нет, еще в 2х случаях с уверенностью судить нельзя из-за плохой сохранности монеты. Обе монеты с отверстием относятся к более поздней группе медных римских

11

12

Увеличено в два раза

фоллисов конца III — первой четверти IV в. (о ней ниже). По инвентарю могил, где они найдены, невозможно определить, как долго они использовались в качестве украшения перед тем, как стать элементом погребального обряда. Нельзя исключить того, что между изготовлением отверстия и погребением прошло очень мало времени. Тех, кто проделал отверстие в монете №12, не интересовало изображение на монете, потому что при подвешивании монеты как рисунок аверса, так и реверса оказывался повернут на 90 градусов. Отмечу, что и сейчас монета удовлетворительной сохранности, рисунок и надписи видно отчетливо. Значит, они владельцев не интересовали. Монету № 7 можно было подвесить так, чтобы аверс находился в нормальном положении, реверс же при подвешивании оказывался перевернут.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из 13 найденных в Дружном монет лишь 1 отчеканена на Боспоре и 12 — на территории Римской империи. Это вряд ли случайно, если учесть, что в это время на Боспоре выпускалось огромное количество монет. Тем более, что в синхронном и однокультурном могильнике Нейзац, расположенном примерно в 15 км к северо-востоку от Дружного,⁴⁰ боспорские монеты составляют чуть меньше трети от всех найденных (в ходе раскопок 1996–2006 гг. обнаружено монет: 8 боспорских, 14 римских, 6 неопределенных или других центров). Зато в варварских могильниках, расположенных ближе к Херсонесу, боспорских монет практически нет, лишь в могильнике на территории совхоза «Севастопольский» (который в момент начала раскопок назывался «Совхозом № 10») найдены 2 боспорские монеты (всего монет — 65).⁴¹

Мог ли источником поступления монет к людям, оставившим Дружное, быть Херсонес? В пользу этого говорит географическая близость указанных памятников. Конечно, в Дружном нет ни одной херсонесской монеты (для сравнения, в Нейзаце такая 1). Но и в «Севастопольском», который был непосредственно связан с Херсонесом, по крайней мере, на некоторых этапах своего существования, херсонесских монет найдено всего 10 (из 65).⁴² Вероятно, это связано с ситуацией, сложившейся в денежном обращении Херсонеса в III–IV вв. В III в. увеличивается приток римских монет в город. Во второй половине III в. вообще прекращается городская монетная чеканка, и ее место занимают боспорские медные деньги. А уже с начала IV в. в городе доминируют римские монеты.⁴³

Таким образом, хотя предположение о Херсонесе как источнике поступления римских денег к варварам юго-западного Крыма и является спекулятивным, оно никак не противоречит ходу событий. Причем боспорские монеты могли попадать в юго-западный Крым также через Херсонес.

Таблица 2

ХРОНОЛОГИЯ И НОМИНАЛЫ РИМСКИХ МОНЕТ

№ по каталогу	Гордиан III	Филипп I Араб	Траян Деций	Галлиен	Галерий Максимин (цезарь)	Максимин Геркулес (август)	Галерия Валерия	Максимин II Дая	Лициний				Серебро или биллон (антониниан)	Медь (фоллис)
1	241/3												*	
2		244/7											*	
3			249/51										*	
4				257/68									*	
5					295/9									*
6						295/9								*
7							308/10							*
8								312						*
9									311/7					*
10										313				*
11											313/7			*
12												321/4		*

Таким образом, римские монеты из Дружного можно разделить на две группы. К ранней относятся серебряные (в одном случае — биллоновый) антонинианы середины III в. (№№ 1-4). К поздней — медные фоллисы конца III — первой четверти IV в. (№№ 5-12). Между группам имеется незаполненный монетами хронологический промежуток. Могила этого времени в Дружном есть,⁴⁴ так что отсутствие монет объясняется, быть может, прекращением контакта с тем источником, откуда к людям, оставившим Дружное, поступали римские монеты.

Количественное преобладание монет второй группы (8 из 12) можно объяснить тем фактом, что ранних могил в Дружном мало — по-видимому, их уничтожил современный карьер.⁴⁵

Монеты первой хронологической группы отчеканены только из серебра или биллона, второй — только из меди (бронзы). Это, по-видимому, объясняется тем, что римская медь до эпохи Диоклетиана вообще выпускалась редко, и только после его денежной реформы стала основным металлом для монетной чеканки.

Любопытно, что найденные в разных могилах монеты №№ 5 и 6 выпущены в составе одной серии на одном монетном дворе.

И во второй группе, и среди монет в целом преобладают выпущенные Лицинием. Более того, это вообще единственный император, которым чеканено более 1 монеты, найденной в Дружном (всего 4 из 12, то есть ровно половина монет второй группы).

Таблица 3

РИМСКИЕ МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ И МАСТЕРСКИЕ

№ по каталогу	Рим	Милан или Сисция	Кизик (мастерская)	Фессалоника (мастерская)	Никомедия (мастерская)	Никомедия, или Гераклея, или Кизик	Гераклея
1	*						
2	*						
3	*						
4		*					
5			(4)				
6			(5)				
7				(2)			
8					(5)		
9						*	
10							*
11					(7)		
12			(3)				
Всего	3	1	3	1	2	1	1

Как видно, большинство монет отчеканено на монетных дворах восточной части империи. Причем для монет №№ 1-3 нужно учитывать, что выпустившие их императоры пользовались главным образом (хотя и не исключительно) услугами римского монетного двора.⁴⁶ Все монеты второй хронологической группы (№№ 5-12), то есть выпущенные после диоклетиановой реформы, отчеканены на монетных дворах восточной части империи и за единственным исключением — в Малой Азии.

Эта ситуация похожа на ту, что наблюдается в Херсонесе. Найденные там римские монеты, насколько можно судить, отчеканены в подавляющем большинстве на монетных дворах, находившихся в восточной части империи.⁴⁷ Если монеты попадали к людям, оставившим Дружное, из других источников, возможно, среди них были бы отчеканенные на других монетных дворах, или же соотношение монетных дворов было бы иным.

В целом, ситуация с римскими монетами представляется следующим образом. В Дружном всего две могилы первой половины III в., так как ранняя часть могильника уничтожена современным карьером.⁴⁸ В результате, статистических данных попросту недостаточно, чтобы сделать какие-либо выводы о поступлении монет на памятник в это время. В середине III в. к людям, оставившим могильник, римские монеты периодически поступают. Однако между Галиеном (253-268 гг.) и Диоклетианом (284-305 гг.) в поступлении монет наступает перерыв. Более того, в Дружном нет монет, чеканенных в начале правления Диоклетиана. Похожая картина наблюдается в Нейзаце. Складывается впечатление, что оставившие могильник варвары в конце 60-х — начале 90-х гг. III в. утратили связь с источником, откуда ранее получали монеты. Впрочем, не исключено, что это случайность, статистическая погрешность.

Любопытно, что в «Севастопольском» эту паузу заполняют 2 монеты Аврелиана (270-275 гг.).⁴⁹

Монеты вновь появляются, начиная со второго десятилетия правления Диоклетиана, после его монетной реформы и введения нового фоллиса (реформа произошла, вероятно, в 294 г.). В это время и позднее, при Константине I (306-337 гг.) монет в Дружном сравнительно много. В основном это чеканка Малой Азии, есть также Фессалоника. Все это — центры восточной части империи. Монет «пост-Константиновского» времени в Дружном нет, хотя могильник продолжал активно функционировать.

Уже отмечалось, что в могильниках крымских варваров очень мало монет позднеримского времени, чеканенных после смерти Константина I.⁵⁰ Одна монета Феодосия I (379-395 гг.) обнаружена в Инкерманском могильнике.⁵¹ По словам А.И.Айбабина, в склепе № 53 Чернореченского могильника найдены две серебряные монеты Валента (364-378 гг.).⁵² К сожалению, ни рисунков, ни фотографий он не приводит. В публикации результатов раскопок ни о чем подобном не говорится, хотя монеты (из подбойных могил) описаны, есть и неплохие их фотографии.⁵³ Ещё 8 «пост-Константиновских» монет найдены в «Севастопольском».⁵⁴ Сейчас можно несколько уточнить определения, сделанные А.М.Гилевич.⁵⁵

Таблица 4

РИМСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА «СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ»,
ЧЕКАНЕННЫЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ КОНСТАНТИНА I

Инв. номер НЗХТ	Могила	Император	Время чеканки	Аналогия
8898	154	Констанций Галл	351-354 гг.	<i>RIC</i> VIII, ⁵⁶ p. 457, no. 107
9251	223	Иовиан	363-364 гг.	<i>RIC</i> VIII, p. 424-425, no. 236; или <i>RIC</i> VIII, p. 465, no. 175; или <i>RIC</i> VIII, p. 533, no. 228
9252	227	Констанций II	347-348 гг.	<i>RIC</i> VIII, p. 493, no. 46 (Pl. 25.46)
9254	227	Констанций II	340 г.	<i>RIC</i> VIII, p. 539, nos. 18, 19
9255	227	Констанций II	337-340 гг.	<i>RIC</i> VIII, pp. 143-145, 205-206, 316, 407, 431, 471-472, 515, 539-540
9256	227	Констанций II	337-340 гг.	<i>RIC</i> VIII, pp. 143-145, 205-206, 316, 407, 431, 471-472, 515, 539-540
9257	227	Констанций II	337-340 гг.	<i>RIC</i> VIII, p. 471-472 (cf. nos. 22-24)
9258	227	Констанций II	347-348 гг.	<i>RIC</i> VIII, p. 474, nos. 49-50

Монету № 8695 из могилы 41 А.М.Гилевич отнесла к середине IV в., монету № 8892 из могилы 81 — к IV в. Сохранность монет довольно плохая, так что полностью прочесть надпись на лицевой стороне невозможно; на оборотной стороне изображены два воина с двумя штандартами между ними. Монеты с та-

ким реверсом и легендой GLORIA EXERCITVS чеканились начиная с 330 г. Хотя после смерти Константина Великого этот тип продолжали выпускать, на реверсе изображали не два, а один штандарт.⁵⁷ Следовательно, монеты № 8695 и № 8892 выпущены в 330-337 гг., то есть в конце правления Константина.

Итак, если не считать могильника «Севастопольский», после смерти Константина I римские (да и вообще все) монеты исчезают из варварских могильников юго-западного Крыма. Снова создается впечатление, что у местных жителей прервалась связь с источником, откуда прежде поступали монеты. В руки тех, кто оставил «Севастопольский», монеты попадали еще лет тридцать, вероятнее всего — из Херсонеса. Любопытно, что в находившихся поблизости могильниках Чернореченский и Инкерманский ничего подобного нет. Причем в «Севастопольском» продолжали хоронить и после окончания второй трети III в., но монет в могилы уже не клали. В Херсонесе же в это время продолжают активно использоваться римские монеты.⁵⁸ Две монеты Валента оказываются в Чернореченском могильнике, одна монета Феодосия I — в Инкерманском. Показательно, что изготовленные в римских провинциях вещи (например, стеклянная и красная лаковая посуда) продолжали поступать к крымским варварам в течение всего IV в.

Таблица 5

НАХОДКИ НА ПАМЯТНИКАХ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Дата:	238-268	268-295	295-337	337-364	364-379	379-395
монеты из:						
Дружное	+	—	+	—	—	—
Нейзац	+	—	+	—	—	—
Севастопольский	+	+	+	+	—	—
Инкерманский	—	—	+	—	—	+
Чернореченский	+	—	—	—	+	—
Херсонес	+	+	+	+	+	+
прочий римский импорт	+	+	+			

Можно сформулировать следующие вопросы. Откуда поступали монеты? Существовал один источник их поступления или несколько? Менялись или нет эти источники со временем? Был ли этот источник (источники) единым для всех варварских могильников юго-западного Крыма, или же жители разных районов получали римские деньги из разных мест? Ответив на эти вопросы, можно перейти к причинам, по которым в большинстве могильников нет монет примерно 268-295 гг. и периода после 337 г. Почему монет в могильниках нет, а римский импорт есть? Почему в разных могильниках картина несколько отличается? Идет ли речь о статистической погрешности, или об отображении каких-то исторических обстоятельств? В публикации материалов из могильника «Севастопольский» высказано предположение, что римские деньги попадали к оставшим его людям в виде жалования за службу в качестве союзников империи.⁵⁹ О.В. Шаров изучил находки римских монет из пяти (так в тексте; в таблице учтены шесть) позднеимперских могильников юго-западного Крыма, включая

Дружное, которые он разделил на семь хронологических групп. В его интерпретации, монеты эпохи «готских войн» (238-275 гг.) попали в могилы потому, что местные жители приняли участие в боевых действиях, прежде всего, на Дунае, причём многие монеты служили военной добычей. Монеты же эпохи тетрархов (284-305 г.; дата неверна — очевидно, автор имел в виду 284-337 гг.) — это вознаграждение, которое получили германцы и сармато-аланы, находившиеся на службе у Рима в качестве федератов (союзников). В конце III в. н.э. Крым, возможно, стал частью *limes Tauricus*.⁶⁰

Несколько слов о терминологии. В современной литературе «федератами» зачастую называют любых варваров, заподозренных в связях с Римом. Из источников же известно, что между статусом племен-союзников Рима существовали различия, обусловленные договором, заключенным между данным племенем и империей. Эти отличия нередко фиксировались специальными терминами.⁶¹ Потому употреблять термин «федераты» следует очень аккуратно, тем более, что источники, называющие крымских варваров «федератами», не известны. Что же касается *limes Tauricus*, то это название также не фиксируется в источниках, потому от его употребления также лучше отказаться.⁶²

Сложно избавиться от ощущения, что к указанной интерпретации О.В.Шарова склонила разница в металле, из которого чеканены монеты — если находки середины III в. сделаны из серебра, то монеты конца III — начала IV в. бронзовые. Потому серебро интерпретируется как добыча, бронза — как жалование.⁶³ Объяснение, однако, в другом: как уже говорилось, до эпохи Диоклетиана римляне сравнительно редко чеканили медную монету, тогда как его реформы медь стала основным монетным металлом. В любом случае, если обратиться к материалам Дружного, предположение О.В.Шарова сталкивается с трудностями. Особенно уязвима интерпретация монет эпохи тетрархий как вознаграждения, полученного варварами-союзниками Рима. Во-первых, письменные источники ничего не говорят о взаимоотношениях варваров юго-западного Крыма и Рима в III-IV вв. и, в частности, не упоминают их ни среди врагов, ни среди союзников империи. Даже в рассказе Константина Багрянородного о подвигах херсонесцев при Диоклетиане и Константине (*Const. Porph. De adm. imp.* 53), как не относиться к их достоверности, ничего не говорится о жителях юго-западного Крыма. Во-вторых, в Дружном нет вещей, позволяющих определить их владельцев как римских союзников, нет и трофеев, привезенных их походов, или, по крайней мере, невозможно эти вещи выделить археологическими методами. В-третьих, римские монеты из Дружного, выпущенные при Диоклетиане и Константине, то есть когда в империи функционировало много монетных дворов, отчеканены, главным образом, в Малой Азии (еще одна монета — в Фессалонике). Резонно предположить, что, если бы оставившие Дружное люди воевали где-нибудь на Дунае, к ним попадала бы также продукция других монетных дворов, в частности, балканских (Сисций, Сердика и др.). В-четвертых, в Дружном найдено мало римских монет — 12 (всего монет 13) на 89 погребальных сооружений. Подобная картина и в других могильниках юго-западного Крыма: в Нейзаце это 14 (всего 28) монет на 329 погребальных сооружений (учтены результаты всех раскопок до 2007 г.), в Инкерманском — 3 монеты на 50 погребальных сооружений, в «Севастопольском» — 49 (всего 65) на более чем

700 погребальных сооружений. Эта статистика не совсем корректна (не учитываются типы и хронология могил, количество погребений в могиле, использование монет в различных типах обряда — при захоронении мужчин, женщин, детей), но некоторое представление она дает. В-пятых, исключаются другие возможности поступления римских денег, например, торговля, как и то, что монеты могли попадать к варварам через третьи руки (например, через Херсонес или другой центр). Непонятно, почему в Дружном монеты найдены в женских и детских погребениях. Судя по отверстию в монете № 12, ее владельцем не интересовали изображения на монете (может быть, они вообще слабо себе представляли, что это за предмет?).

Выше приводятся некоторые соображения, позволяющие задуматься о том, что жители юго-западного Крыма могли получать монеты из Херсонеса — ближайшего к ним античного центра. В таком случае, перерывы в поступлении римских денег к людям, оставившим варварские могильники, могли быть вызваны ухудшением отношений с Херсонесом. Вполне возможно, что жители разных районов юго-западной части полуострова могли иметь разные отношения с Херсонесом на том или ином этапе. Этим может объясняться наличие монет Константа II, Констанция Галла и Иовиана в могильнике «Севастопольский» и их отсутствие на других памятниках. Однако возникает вопрос об источниках поступления римских вещей к населению, оставившему могильники. Итак, данных в пользу высказанного предположения пока недостаточно. Подобно «гипотезе о федератах», оно остается в основном спекулятивным.

В итоге, сейчас можно только констатировать некоторые особенности попадания монет в варварские могильники юго-западного Крыма в III–IV вв., а убедительное их объяснение — дело будущего. Для этого необходимо, в частности, полное переиздание монет из варварских памятников с фиксацией, в частности, места монеты в погребальном обряде, места чеканки монеты (если возможно) и уточнением типов римских денег на основе десятитомника «The Roman Imperial Coinage». Возможно, статистическое изучение полученных материалов даст больше материалов для размышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002; см. также: Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 89–131.
2. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить главного хранителя Музея Л.Н.Храпунову, без помощи которой эта статья не была бы написана.
3. Храпунов. Ук. соч. С. 43.
4. Там же. С. 21; 43; 209. Рис. 109.3.
5. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. Part III. Gordian III — Uranius Antoninus / Ed. by H. Mattingly, E.A. Sydenham, C.H.V. Sutherland. London, 1949. P. 24, 25; nos. 84, 85; pl. 2.8.
6. Храпунов. Ук. соч. С. 21; 43; 209. Рис. 109.1.
7. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. Part III. Gordian III — Uranius Antoninus... P. 99, no. 243.
8. Ibidem. P. 68; 71; 73, no. 44b.
9. Храпунов. Ук. соч. С. 21; 43; 209. Рис. 109.2.

10. The Roman Imperial Coinage. V. IV. P. III. Gordian III – Uranius Antoninus... P. 120, 123; no. 28b.
11. Храпунов. Ук. соч. С. 19; 43; 195. Рис. 95.13.
12. Webb P.H. The Roman Imperial Coinage. Vol. V. Part I / Ed. by H.Mattingly, E.A.Sydenham. London, 1927. P. 99, nos. 402, 403; p. 182, no. 584; p. 8; 22.
13. Храпунов. Ук. соч. С. 36; 43; 305. Рис. 205.11.
14. Sutherland C.H.V. The Roman Imperial Coinage. Volume VI. From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313) / Ed. by C.H.V.Sutherland, D.Litt, R.A.G.Carson. London, 1967. P. 579-581, no. 19 b.
15. Храпунов. Ук. соч. С. 34; 43; 285. Рис. 185.13.
16. Sutherland. Op. cit. P. 579, 581, no. 15 b.
17. Храпунов. Ук. соч. С. 17; 43; 178. Рис. 78.7.
18. Sutherland. Op. cit. P. 513-516, no. 36.
19. Храпунов. Ук. соч. С. 36; 43; 285. Рис. 185.13.
20. Sutherland. Op. cit. P. 565-566, no. 71b.
21. Храпунов. Ук. соч. С. 29; 43; 255. Рис. 155.47.
22. Sutherland. Op. cit. P. 566, no. 69a.
23. Bruun P.M. The Roman Imperial Coinage. Vol. VII... P. 601, nos. 13, 15.
24. Sutherland. Op. cit. P. 541, no. 73.
25. Bruun. Op. cit. P. 542, no. 6.
26. Idem. P. 543, nos. 11, 13.
27. Idem. P. 643, no. 4.
28. Idem. P. 644, no. 6.
29. Храпунов. Ук. соч. С. 36; 43; 305. Рис. 205.8.
30. Sutherland. Op. cit. P. 540, 541; no. 73. Pl. 12.73.
31. Храпунов. Ук. соч. С. 36; 43; 305. Рис. 205.9.
32. Bruun. Op. cit. P. 600-601, no. 14.
33. Храпунов. Ук. соч. С. 28; 43; 249. Рис. 149.4.
34. Bruun. Op. cit. P. 645, no. 15.
35. Храпунов. Ук. соч. С. 15; 43; 168. Рис. 68.3.
36. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 118-132, 170-174; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н.э. – сер. IV в.н.э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211-341/342 гг. н.э. Москва, 1997. С. 41-83, 112-136, 233-372.
37. Храпунов. Ук. соч. С. 17; 67.
38. Там же. С. 72.
39. Там же. С. 15.
40. Храпунов И.Н., Мульд С.А. 10 лет систематических раскопок могильника Нейзац // Боспорские чтения. Вып. VIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007. С.315-317.
41. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население окрестности Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum+. 2003-2004. № 4. Между певкинами и феннами. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. С. 265-266.
42. Там же. С. 265-266.
43. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 1968. Вып. 3. С. 32-33.
44. Храпунов. Ук. соч. С. 72.
45. Там же. С. 72.
46. The Roman Imperial Coinage. Vol. IV. P. III... P. 1-2, 12-14, 54-65, 107-119.

47. Гилевич. Ук. соч. С. 34, 57, Приложение III.
48. Храпунов. Ук. соч. С. 72.
49. Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова. Ук. соч. С. 265-266.
50. Храпунов. Ук. соч. С. 43.
51. Веймарн Е.В. Археологические работы в районе Инкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Том XIII. Київ, 1963. С.37, 42.
52. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. 1984. № 1. С. 115.
53. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Том XIII. Київ, 1963. С. 118; ср.: с. 121; таб. VIII, 1-8, и др.
54. Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова. Ук. соч. С. 265-266.
55. Находки из раскопок могильника «Севастопольский» хранятся в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь). Пользуясь случаем, хочу поблагодарить научного сотрудника Заповедника Л.А.Рыжову за помощь в работе с этими монетами.
56. Kent J.P.C. The Roman Imperial Coinage. Volume VIII. The Family of Constantine I, A.D. 337-364 / Ed. by C.H.V.Sutherland, D.Litt, R.A.G.Carson. London, 1981.
57. Bruun. Op. cit. P. 20; cf. p. 740, s.v. GLORIA EXERCITVS; Kent. Op. cit. P. 568, s.v. GLORIA EXERCITVS; cf. p. 587, s.v. Soldiers.
58. Гилевич. Ук. соч. С. 56.
59. Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова. Ук. соч. С. 195.
60. Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007. С.35-39.
61. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. New York, 1971. P. 276, 277; Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. 1. Baltimore, 1992. P. 199-203, 611-613, 663-664; Liebeschuetz J.H.W.G. Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, 1991. P. 32-36.
62. Подробнее см.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в.н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004. С. 532.
63. Шаров. Ук. соч. С. 39, стлб. 1-2.

В каталоге даются ссылки на следующие издания в следующих сокращениях:

RIC IV.3;4 [The Roman Imperial Coinage. Volume IV. Part III. Gordian III – Uranian Antoninus / Ed. by H.Mattingly, E.A.Sydenham, C.H.V.Sutherland. London, 1949.]

RIC V.1;5 [Webb P.H. The Roman Imperial Coinage. Volume V. Part I / Ed. by H.Mattingly, E.A.Sydenham. London, 1927.]

RIC VI;6 [Sutherland C.H.V. The Roman Imperial Coinage. Volume VI. From Diocletian's reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313) / Ed. by C.H.V.Sutherland, D.Litt, R.A.G.Carson. London, 1967.]

RIC VII;7 [Bruun P.M. The Roman Imperial Coinage. Vol. VII. Constantine and Licinius. A.D. 313-337 / Ed. by C.H.V.Sutherland, D.Litt, R.A.G.Carson. London, 1966.]

COINS FROM THE NECROPOLIS OF DRUZHNOYE

N.I. Khrapunov

The article analysis 12 Roman and 1 Bosporan coins excavated from the necropolis of Druzhnoye in Crimea, Ukraine. This necropolis was made by the Sarmatians and the Alans in the third and fourth centuries AD. It contained 89 funeral constructions: burial vaults, undercut graves, and pit graves. Coins did not make common grave goods. The coins that laid in situ are uncovered from two child's and one woman's burials. Bosporan coin dates to ca. 250 — early 340s. Roman coins divide into two groups: 4 silver *antoniniani* of AD 241/43-257/68 and 8 bronze *folles* of AD 295/99-321/24. The former were minted in Rome (3 pieces) and Milan or Siscia (1), the latter in mints of Asia Minor (7) and in Thessalonica (1). This situation corresponds to what is observed in the other barbarian necropoleis in the south-western part of Crimea. The reason(s) why most of these sites did not contain Roman coins minted, first, between Gallienus and Diocletian, and, second, after the death of Constantine I, is still disputable. The source(s) from which the coins came to the south-west of Crimea is unclear as well. There is some background to relate this source to the Greek city of Chersonese in the south-western tip of Crimea.

© 2008 г.

И.Н. Храпунов

СКЛЕП IV В. Н.Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ*

Могильник Нейзац расположен в центральной части крымских предгорий, приблизительно в 25 км к востоку от Симферополя, в долине реки Зуя. Он был открыт в 1927 г., когда Н. Л. Эрнст доследовал три разграбленных крестьянами склепа. В 1957 и 1959 гг. еще три склепа зачистили сотрудники Института археологии АН УССР. Регулярные раскопки памятника ведутся с 1996 г. На площади более 3,5 тысяч кв. м раскопано 323 погребальных сооружения, в том числе 56 склепов, 107 подбойных и 160 грунтовых могил. Многие погребальные сооружения некрополя разграблены. Из всех исследованных склепов грабители, древние или современные, не побывали менее чем в десяти. Грабители пытались проникнуть и в склеп № 4, однако они не смогли разобрать заполнение погребальной камеры, состоявшее из огромных каменных глыб. Поэтому останки погребенных и погребальный инвентарь сохранились *in situ* почти полностью. Результаты раскопок этого склепа публикуются в данной статье.

Склеп № 4 состоял из входной ямы, дромоса и погребальной камеры (рис. 1). Прямоугольная в плане входная яма ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее размеры 2,5х1,0 м, глубина от современной дневной поверхности 2,15—3,0 м (дно понижается по направлению ко входу в дромос). Значительная

* Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Министерства образования и науки Украины.

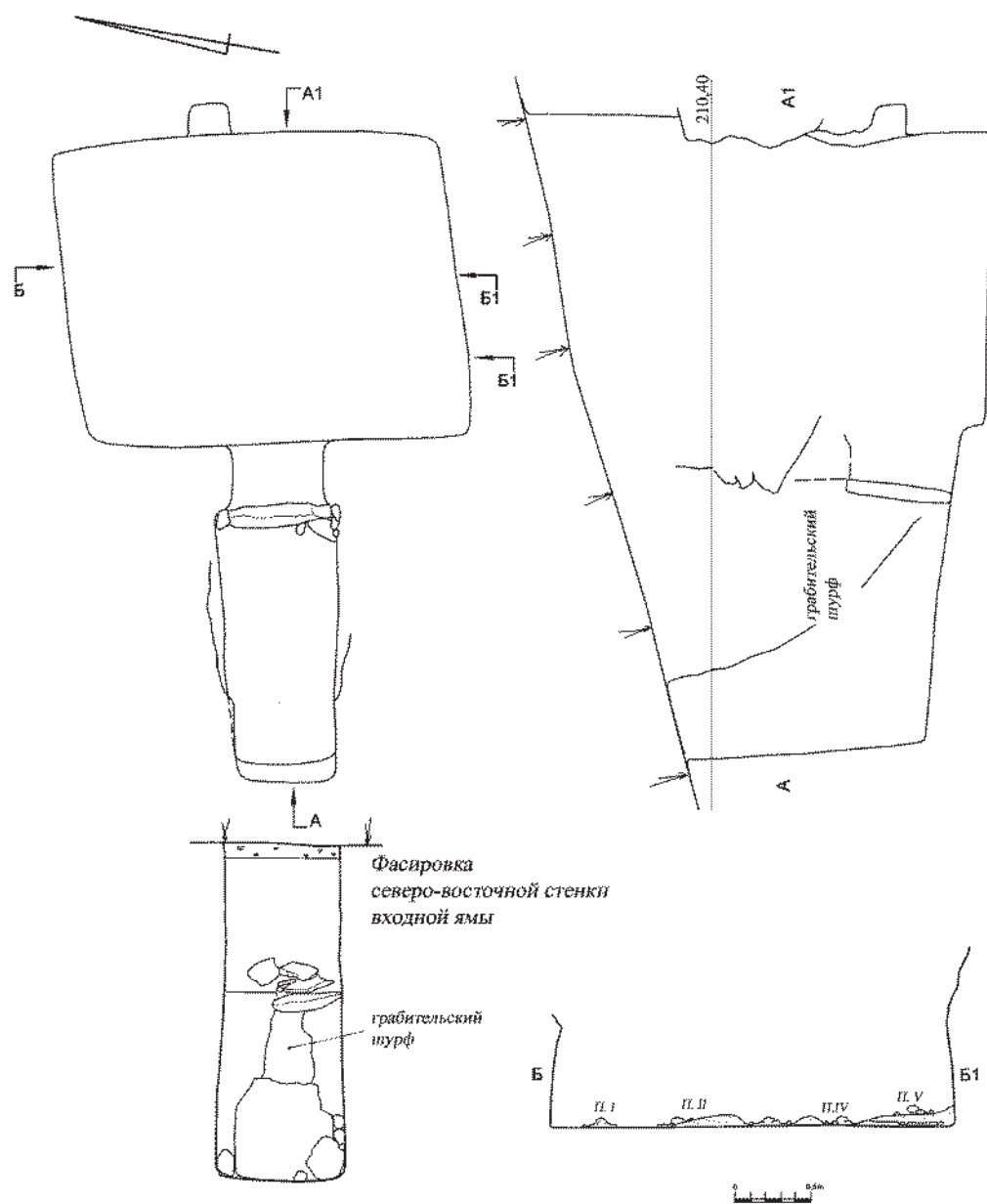

Рис. 1. План и разрезы склепа № 4

часть заполнения входной ямы была выбрана грабителями. В грабительской яме найдены четыре серебряные накладки на ремни (рис. 4, 16–18, 21).

Вход в дромос сделан в северо-восточной стене входной ямы. Его закрывала массивная, поставленная вертикально плита и несколько более мелких камней. Над плитой пробито отверстие, через которое грабители попали в погребальную камеру. Над этим отверстием образовалось скопление камней, рухнувших в грабительский лаз. Среди них найдены краснолаковый (рис. 13, 4) и стеклянный (рис. 16, 2) кувшины.

Размеры дромоса 0,55х0,8 м. Его пол расположен на 0,2 м выше пола погребальной камеры. Погребальная камера прямоугольная в плане, размером 3,65х2,8 м. В стене противоположной входу, на высоте 0,75 м от пола вырублена ниша размером 0,4х0,3 м, высотой 0,35 м. Потолок погребальной камеры не сохранился, но, вероятно, он начинался сразу над нишей, таким образом, его высота несколько превышала 1,2 м.

Строители склепа, очевидно, натолкнулись на естественный скальный грот и, подрубив, использовали его в своих целях. Позднее свод грота рухнул, поэтому на глубину более 4,0 м от современной дневной поверхности образовался сплошной завал каменных глыб, заполнивших погребальную камеру. Это обстоятельство помешало грабителям. Пробив отверстие над входом, они смогли расчистить от камней и разграбить только северо-западный угол склепа. При этом были уничтожены нижние части ног двух погребенных и, очевидно, унесены некоторые вещи, в том числе и те, что были найдены во входной яме.

В погребальной камере обнаружены останки шести погребенных (рис. 2). Все они были похоронены в вытянутом положении на спине. Пятеро ориентированы головами на северо-восток. Иными словами, лежали ногами ко входу. Они пронумерованы от северо-западной к юго-восточной стене погребальной камеры.

На месте плеч погребенного I лежало по мечу. Меч на правом плече (рис. 7, 1) был направлен концом к груди, а на левом (рис. 7, 3) — в противоположную сторону. На месте живота обнаружен железный топор (рис. 6, 3) и рядом с ним — обломки деревянного предмета, возможно, рукояти. Там же найдены фрагментированные железная (рис. 3, 15) и бронзовая (рис. 3, 6) фибулы. На правую руку был надет бронзовый браслет (рис. 4, 13), на тазовых костях лежала янтарная бусина (рис. 3, 3), рядом — серебряная пряжка (рис. 4, 10). На кости левой руки и рядом с ней находились два железных гвоздя (рис. 5, 5; 9, 4), у левого колена — железная пряжка (рис. 5, 12), приблизительно на уровне разрушенных грабителями стоп — бронзовая пряжка (рис. 4, 3). За черепом погребенного, у стены погребальной камеры находились лепные (рис. 13, 1, 2; 15, 1, 4) и краснолаковые (рис. 12, 4; 13, 3; 17, 4–6) сосуды, три амфоры (рис. 10, 1; 2; 15, 2), железный нож (рис. 8, 5) и кость животного.

Справа от погребенного II расчищен длинный железный меч (рис. 7, 4). Его рукоять находилась почти на уровне колен, а конец — почти на уровне плеча. Еще один меч (рис. 7, 5) лежал на первом, под углом к нему, концом к ногам погребенного. На тазовых костях найдена железная пряжка (рис. 4, 28), справа от них — еще одна пряжка (рис. 5, 11). Между бедренными костями лежало бронзовое кольцо с «шишечками» (рис. 4, 5), чуть ниже колен, слева — желе-

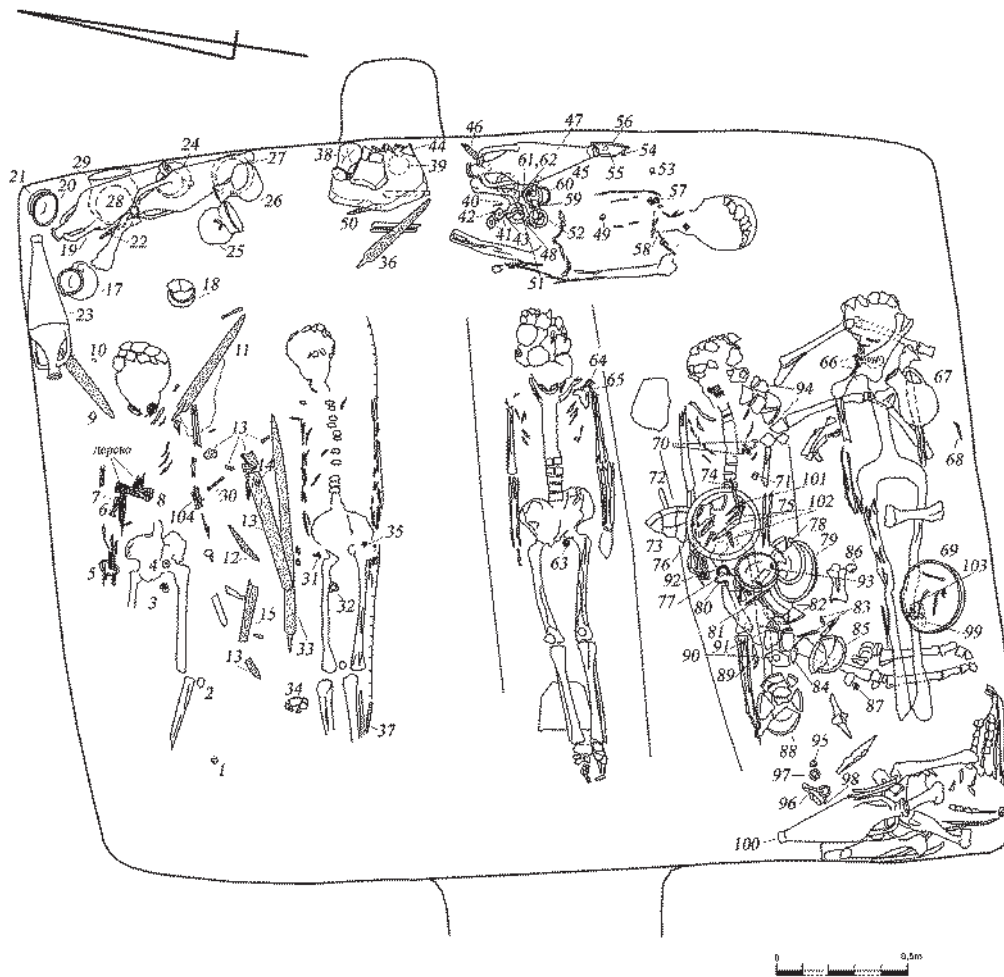

Рис. 2. План погребальной камеры.

1, 59, 63, 105 — пряжки бронзовые; 2, 31, 35, 55, 87, 95 — пряжки железные; 3, 14 — пряжки серебряные; 4, 58, 66, 70 — бусы; 5 — браслет бронзовый; 6, 64 — фибулы железные; 7 — фибула бронзовая; 8 — топор железный; 9, 11, 13, 15, 33, 36 — мечи железные; 10, 40, 62, 68, 74, 92, 97, 98 — предметы железные; 12, 22, 37, 46, 50, 75, 81, 83, 89, 99, 101 — ножи железные; 16, 19, 23, 45, 100 — амфоры; 17, 24, 25, 27, 29, 84, 88, 94 — сосуды лепные; 18, 20, 21, 26, 28, 56, 67, 69, 73, 76 — 78, 80, 82, 85, 106 — сосуды краснолаковые; 30, 102, 104 — гвозди железные; 32 — кольцо бронзовое; 34, 38, 39, 44, 103 — сосуды стеклянные; 41 — подвески височные серебряные; 42 — изделия стеклянного фр-т; 43 — накладка бронзовая; 47, 48, 53, 54 — накладки серебряные; 49 — кольцо с зажимом серебряное; 51, 52, 96 — удила железные; 57, 86, 90, 91 — пряслица керамические; 60 — предмет бронзовый; 61, 65 — шилья железные; 71 — кольцо с зажимом бронзовое; 72 — точильный камень; 79 — сосуд гончарный сероглиняный; 93 — перстни серебряные.

ный нож (рис. 8, 2), справа — раздавленный стеклянный сосуд (рис. 16, 6). Погребение II было совершено таким образом, что его правая часть оказалась на полу погребальной камеры, а левая — на глинистом слое, образовавшемся, вероятно, в результате осыпания потолка.

На месте левого плеча погребенного III найдены железные фибула (рис. 4, 27) и шило (рис. 5, 3), у тазовых костей, между бедрами — бронзовая пряжка (рис. 4, 4). Под ноги, ниже колен был подложен плоский камень.

На месте груди погребения IV, слева найдены стеклянная (рис. 3, 13) и гагатовая (рис. 3, 18) бусины, а также янтарные подвески (рис. 3, 20–22, 24, 25, 27–32) и бронзовое кольцо с зажимом (рис. 4, 19). Справа от локтя правой руки лежал точильный камень (рис. 5, 8), слева от левой ноги — два керамических пряслица (рис. 4, 1; 5, 20). Слева от погребения и на нем самом находились лепные (рис. 11, 6, 7), гончарный сероглиняный (рис. 11, 3) и краснолаковые (рис. 11, 4, 5; 12, 5; 14, 2, 3; 17, 1) сосуды. Некоторые из них стояли на дне, другие лежали на боку, третьи были перевернуты вверх дном. Рядом с ними найдены железные ножи (рис. 5, 16; 8, 3, 6), железный крюк (рис. 9, 6) и обломки двух серебряных перстней со стеклянными вставками (рис. 3, 9, 14). На месте живота стояло краснолаковое блюдо (рис. 14, 5), в нем находились железные гвозди (рис. 9, 1–3, 5, 8, 10–12), ножи, причем от одного из них сохранилась костяная ручка (рис. 5, 17; 8, 8) и обломок еще одного железного предмета с черенком (рис. 5, 10).

Погребение V совершено на слое, образовавшемся, вероятно, в результате осыпания потолка и стены погребальной камеры. Справа от челюсти расчищено ожерелье, состоявшее из гагатовых (рис. 3, 1, 2) и янтарных (рис. 3, 4, 5) бус и подвесок. На левую руку упал краснолаковый кувшин (рис. 12, 2), еще левее лежал обломок железного предмета (рис. 8, 4). Справа от правого колена обнаружены пряслице (рис. 5, 19) и кость животного. Слева от ног стояло краснолаковое блюдо (рис. 11, 1), в нем, кроме костей животного, лежали нож (рис. 8, 1) и мелкие обломки стеклянного сосуда.

Под слоем, на котором было совершено погребение V, на полу обнаружены лежавшие в анатомическом порядке кости ног лошади. Другие лошадиные кости были сдвинуты в юго-западный угол погребальной камеры. На них лежала амфора (рис. 10, 2). Рядом находились железные пряжки (рис. 5, 2, 6; 9, 9) и удила (рис. 6, 4).

Погребение VI располагалось перпендикулярно всем остальным, вдоль северо-восточной стены погребальной камеры, головой на юго-восток. На месте груди находилось ожерелье из бус (рис. 3, 7, 8, 10–12), на правом плече — пряслице (рис. 5, 18), справа от плеча — серебряная накладка на ремень (рис. 4, 8), в районе живота — серебряное кольцо с зажимом (рис. 4, 6). Скопление предметов обнаружено в области таза. Среди них — пара серебряных, украшенных позолоченной фольгой и сердоликовыми вставками, височных подвесок (рис. 3, 23, 26), две пары железных удил с бронзовыми зажимами (рис. 6, 1, 2), две серебряные ременные накладки (рис. 4, 20, 23), железные гвоздик (рис. 5, 7), шило (рис. 5, 4) и стержень с оболочкой из органического материала (рис. 5, 1), бронзовые пряжка (рис. 4, 25) и пластинчатый предмет с загнутыми краями (рис. 3, 17). Справа от погребения, у стены погребальной камеры лежали две се-

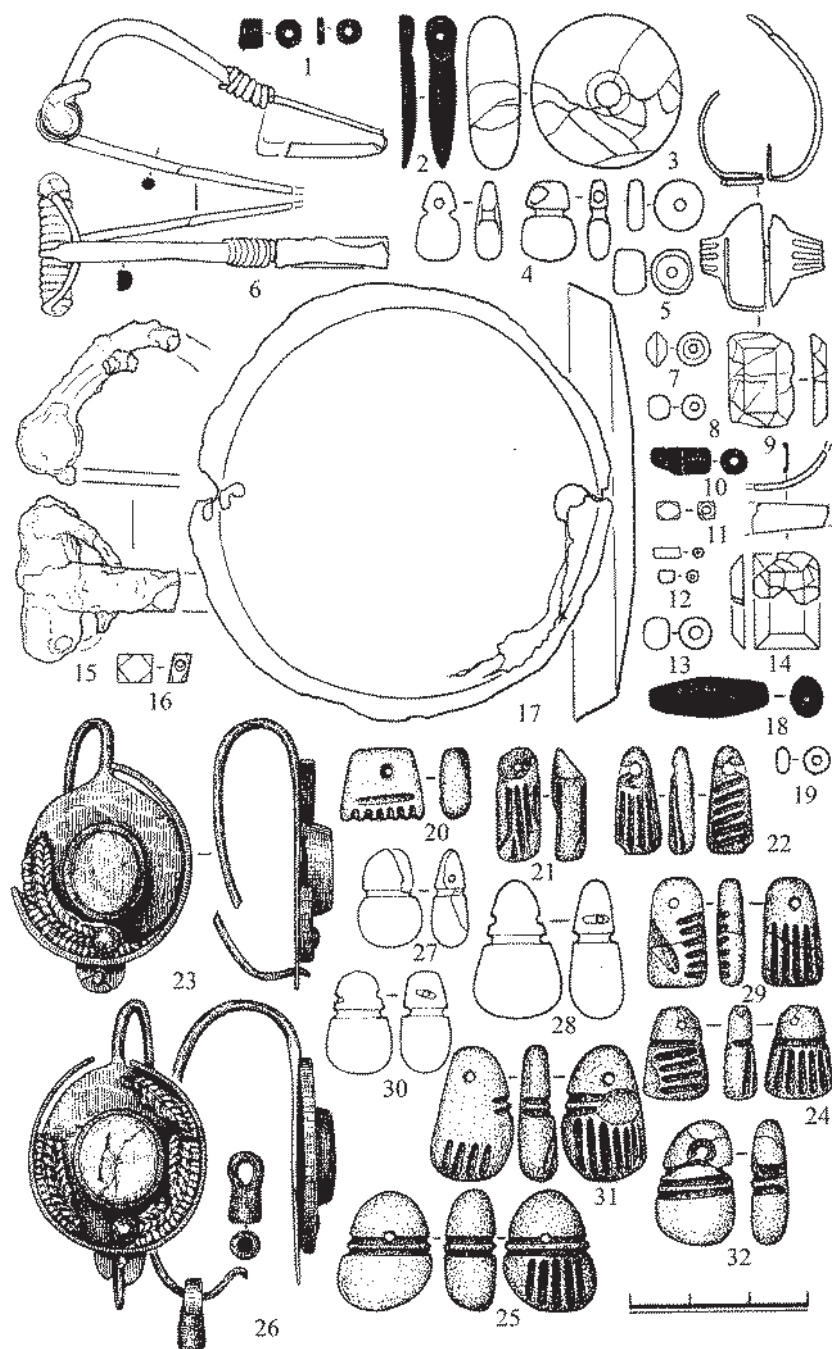

Рис. 3. погребальный инвентарь.

1 — бусы гагатые; 2, 18 — подвески гагатые; 3, 5, 19 — бусы янтарные; 4, 20 — 22, 24, 25, 27 — 32 — подвески янтарные; 6 — фибула бронзовая; 7, 8 — бусы стеклянные; 9, 14 — перстни серебряные со стеклянными вставками; 15 — фибулы железной фр-т; 16 — бусина сердоликовая; 17 — предмет бронзовый; 23, 26 — подвески височные серебряные

ребраые ременные накладки (рис. 4, 9, 15), железные пряжка (рис. 4, 26) и нож (рис. 8, 9), краснолаковая миска (рис. 12, 3), амфора (рис. 10, 3) и кость животного. У той же стены погребальной камеры, под нишей лежал плоский камень. Под ним найдены нож (рис. 8, 7), обломки стеклянного сосуда и кость животного. На камне находились фрагменты стеклянного сосуда (рис. 16, 4), рядом с камнем — меч (рис. 7, 2), лежавший на кости животного.

Среди каменных глыб заполнивших погребальную камеру, примерно на 1,0 м выше уровня пола обнаружены различные предметы. В том числе, краснолаковое блюдо (рис. 11, 2) с лежавшим в нем бронзовым навершием (рис. 4, 7), разбитые стеклянные сосуды (рис. 17, 2, 4; 15, 3; 16, 1–3, 5), накладки из бронзы (рис. 4, 22, 24) и серебра (рис. 4, 11, 17), бронзовая пряжка (рис. 4, 12), обломки железных изделий (рис. 5, 9, 14, 15), монета (рис. 9, 14) и еще одно, напоминающее монету, бронзовое пластинчатое изделие (рис. 9, 13).

Обнаруженный в склепе погребальный инвентарь позволяет высказать некоторые суждения о его датировке и культурной принадлежности.

Фибула бронзовая (рис. 3, 6). По классификации А. К. Амброза принадлежит группе 16, подгруппе 2, серии I, варианту 4.¹ К этому варианту А. К. Амброз отнес прогнутые подвязные двучленные фибулы, длина которых превышает 7 см. Их главное отличие от остальных фибул серии I — большие размеры, по остальным признакам могут относиться к любому из трех остальных вариантов серии. Дата — IV в. н.э.

Наша фибула несколько уступает по размерам (ее длина 6 см) застегкам варианта 4, собранных А.К. Амброзом. Однако она заметно больше фибул всех других вариантов серии I. По другим признакам (кроме размеров) близка варианту 1 той же серии. Фибулы этого типа распространяются в Крыму со второй половины III в. н.э.²

Фибула железная (рис. 4, 27). Двучленная с узкой ножкой, так называемая воинская.

Близка, но не аналогична бронзовым фибулам группы 17, подгруппы 1 по классификации А. К. Амброза.³

Несколько аналогичных железных фибул найдены в комплексах IV в. н.э. могильника Дружное. За пределами Крыма известна лишь одна такая находка на Нижнем Дону,⁴ что позволило предположить их местное производство по черняховским образцам⁵. Любопытная «воинская» фибула найдена в некрополе Танаиса, в погребении гуннского времени. Ее корпус изготовлен из железа, а игла и пружина из бронзы.⁶

Вероятно, к тому же типу принадлежала еще одна фибула, от которой сохранился только обломок (рис. 3, 15).

Пряжки бронзовые (рис. 4, 2, 4, 12) и *серебряные* (рис. 4, 10, 14). Обладают признаками, характерными для IV в. н.э.: у них овальные, утолщенные в передней части рамки и загнутые за рамку, ступенчато срезанные в тыльной части язычки.

У двух пряжек имеются признаки более раннего времени. Их язычки не загнуты, а лишь немного выступают за рамки. На тыльных сторонах язычков имеются прямоугольные площадки. Площадка на язычке одной из пряжек украшена шестью насечками, образующими крест, заключенный в квадрат (рис. 4, 3). Щиток другой пряжки (рис. 4, 25) скреплен двумя, а не тремя за-

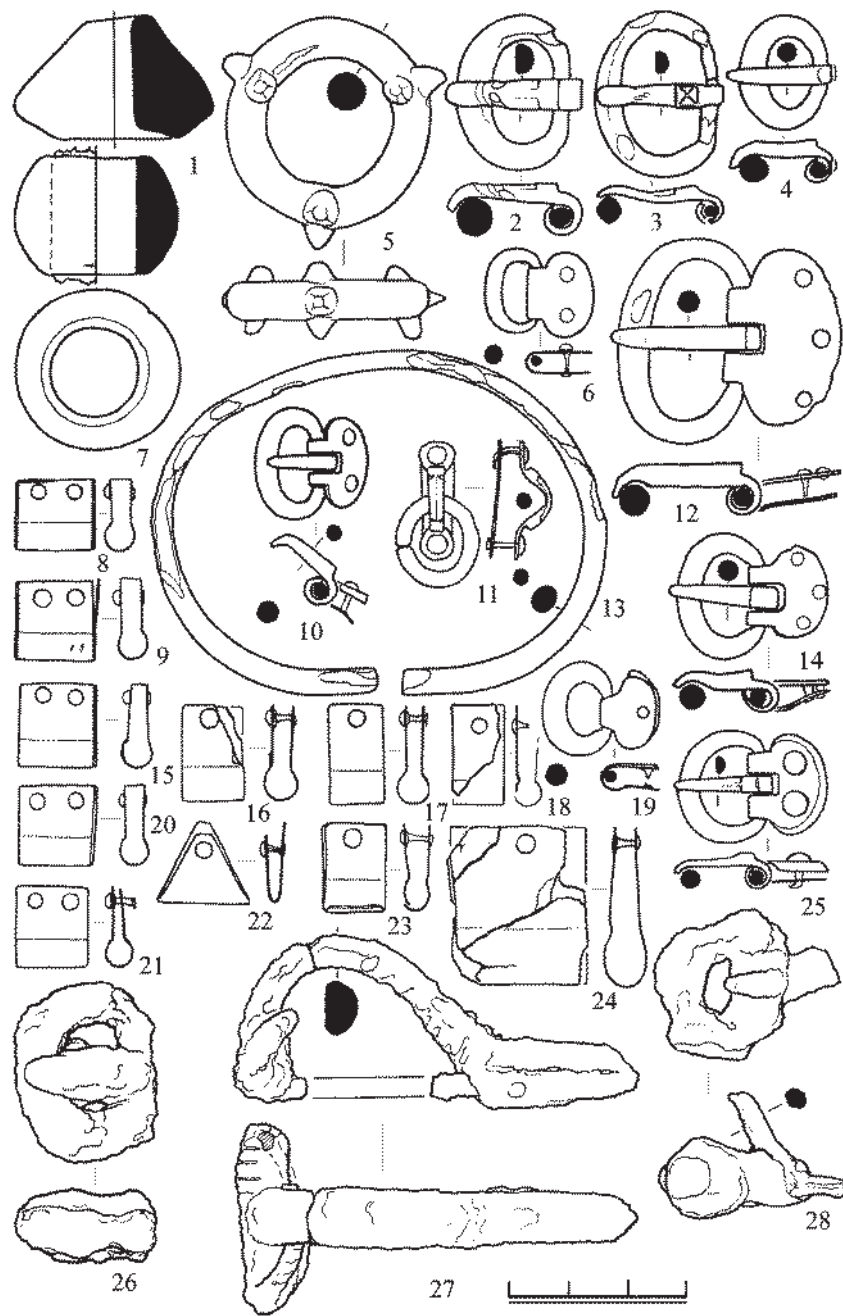

Рис. 4. Погребальный инвентарь.

1 — пряслице керамическое; 2—4, 12; 25 — пряжки бронзовые; 5 — кольцо бронзовое; 6 — кольцо с зажимом серебряное; 7 — навершие бронзовое; 8, 9, 11, 15—18, 21, 23 — накладки серебряные; 10, 14 — пряжки серебряные; 13 — браслет бронзовый; 19 — кольцо с зажимом бронзовое; 20, 22, 24 — накладки бронзовые; 26, 28 — пряжки железные; 27 — фибула железная

клепками, что, по мнению А. А. Васильева и А. Н. Дзиговского, также является ранним признаком⁷. Правда, две заклепки имеются и на щитке другой пряжки, обладающей всеми признаками IV в. н.э. (рис. 4, 10).⁸

Накладки на ремни. Они четырех типов.

1). Из согнутой пополам, соединенной двумя заклепками металлической пластины с валикообразным расширением в месте перегиба. Четыре из них серебряные (рис. 4, 8, 9, 15, 21), одна — бронзовая (рис. 4, 20).

2). Сделанные по такой же схеме серебряные накладки, но они более узкие и соединены одной заклепкой (рис. 4, 16–18, 23).

3). Сделанная по той же схеме крупная бронзовая накладка с одной заклепкой (рис. 4, 24).

4). Накладка бронзовая треугольная, сделанная из согнутой пополам пластины, соединенной заклепкой (рис. 4, 22).

Подобные накладки впервые появляются в «Золотом кладбище» в Прикубанье, известны в северокавказских комплексах III в. н.э., в IV в. н.э. широко распространяются на Дону и в Крыму, на полуострове продолжают использоваться и в V в. н.э.⁹

Эти накладки не всегда надевались на ремень, иногда ими оковывали края деревянных чаш.¹⁰ Деревянная тарелка, окованная серебряными накладками, найдена и в склепе № 306 могильника Нейзац. Однако в нескольких накладках из склепа № 4 сохранился кожаный тлен.

Кольца с зажимами — серебряное (рис. 4, 6) и бронзовое (рис. 4, 19).

Девять подобных изделий найдено в могильнике Дружное. В публикации этого могильника приведены аналогии из степных сарматских и крымских памятников. Они позволяют установить, что кольца с зажимами использовались во II–IV вв. н.э.¹¹ Не учтенные в публикации могильника Дружное кольца с зажимами найдены в склепе № 2 IV в. н.э. могильника Красный Мак,¹² в склепе № 20 гуннского времени могильника Совхоз 10,¹³ в склепе № 2 IV в. н.э. могильника Курское.¹⁴

Кольца с зажимами, обнаруженные в склепе № 4, использовались, вероятно, как детали одежды. Об этом позволяет судить их местоположение на костях, в одном случае на месте груди, в другом — на месте живота, а также наличие кожаного тлена в одном из зажимов.

Накладка (рис. 4, 11). Состоит из двух серебряных пластин, скрепленных двумя заклепками и бронзового кольца, заключенного между ними. Одна из них изогнута, ступенчато срезана у уплощенных концов и фасетирована. Между пластинами сохранились остатки дерева.

Две такие накладки (одна из них без кольца) найдены в склепе № 2 IV в. н.э. могильника Курское.¹⁵ В Керчи, в склепе на Тарханной дороге найдена очень похожая на нашу изогнутая серебряная пластинка с плоскими концами, в которые вставлены заклепки (вторая пластина и кольцо, по-видимому, не сохранились).¹⁶ Керченские склепы традиционно датируют гуннским временем. Однако в склепе на Тарханной дороге найдены явно более ранние вещи: индикация монеты Лициния (308–324 гг.), деградированный статер Фофорса (286–308 гг.), одночленная и двучленная луковые фибулы, изделия в стиле

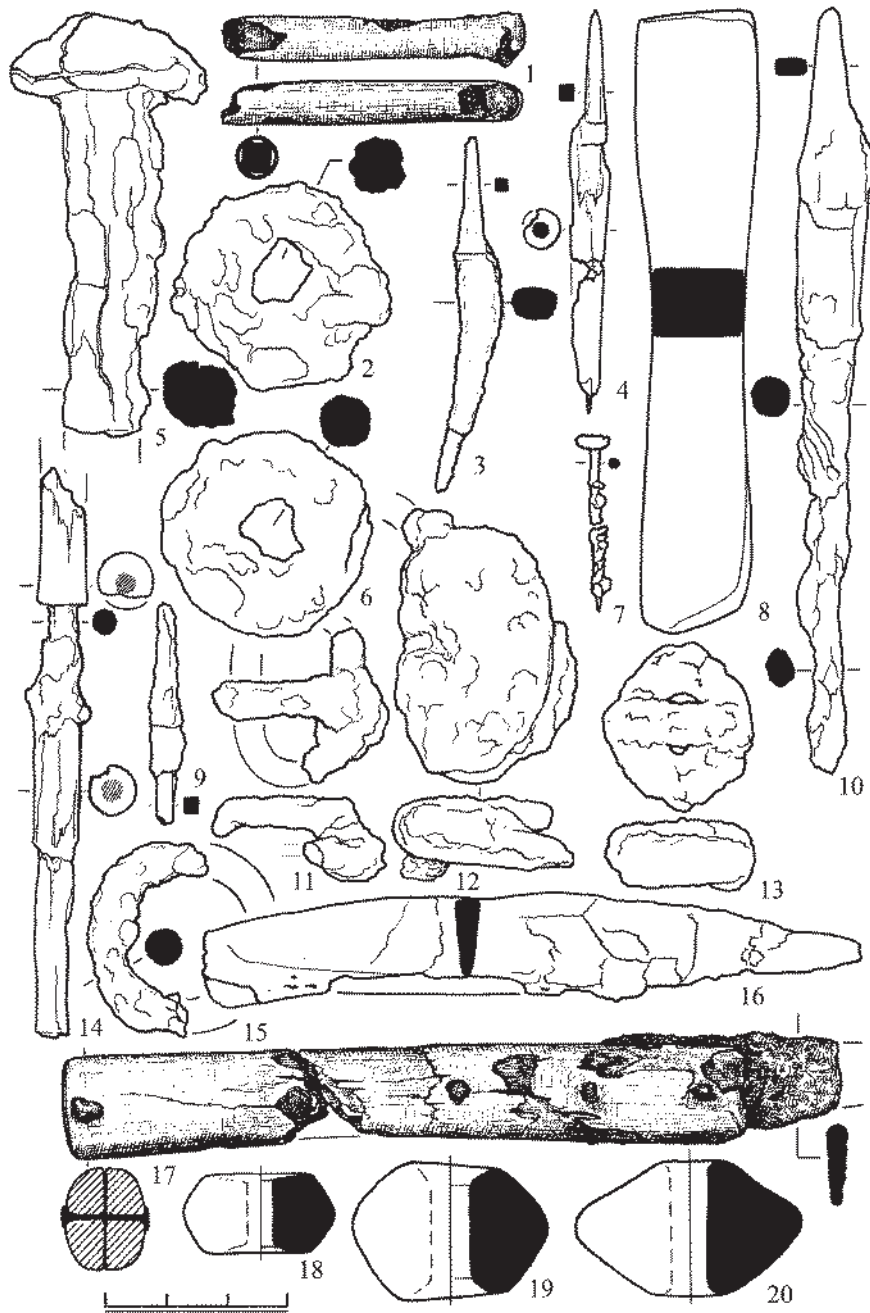

Рис. 5. Погребальный инвентарь.

1 — стержень железный в оболочке из органического материала; 2, 6, 11–13 — пряжки железные; 3, 4, 14 — шилья железные; 5, 7 — гвозди железные; 8 — камень точильный; 9, 10, 15 — предметы железные; 16 — нож железный с остатками кожаных ножен; 17 — нож железный с костяной рукоятью; 18–20 — керамические пряслица

«раннего клуазоне». К гуннскому времени можно уверенно отнести только серьгу с четырнадцатигранником.¹⁷

Подобная, но отличающаяся в деталях железная вещь найдена в погребении 1 кургана 7 могильника Градешка в Северо-Западном Причерноморье.¹⁸ Погребение датируется второй половиной III¹⁹ или первой четвертью IV в. н.э.²⁰ Это изделие, также как и находка из Нейзаца, крепилось к деревянной основе.

Навершие бронзовое (рис. 4, 7) шаровидное с остатками дерева внутри.

Навершие, возможно, принадлежало одному из мечей и было перемещено при подзахоронении (оно найдено в краснолаковом блюде). Правда, позднесарматские мечи с подобными навершиями не известны. Навершия изготавливались, как правило, из различных пород камня, хрусталя, стекла, янтаря и т.д., очень редко — из бронзы, но тогда они совсем иных форм. К тому же навершия исчезают у мечей, датируемых временем более поздним, чем середина III в. н.э. Однако в склепе № 4, если не считать мечей, нет вещей, на которые можно было бы надеть публикуемое навершие.²¹

Бронзовые навершия, но иной, удлиненной формы, найдены в склепах IV в. н.э. Суворовского могильника. Они интерпретируются как навершия нагаек.²² Наше навершие отличается от находок в могильнике Суворово шаровидной формой, большими размерами и массивностью. Навершие аналогичное суворовским найдено в Луганской области, в подкурганном склепе IV в. н.э. Авторы публикации этого комплекса полагают, что навершие, наряду с несколькими другими мелкими изделиями, представляет собой деталь бурдюка.²³ Бронзовое навершие найдено и в Инкерманском могильнике, но непонятно в какой могиле.²⁴

Кольцо бронзовое (рис. 4, 5), украшенное тремя рядами рельефных выступов («шишечек») по три штуки в каждом.

Среди многих колец с «шишечками», найденных в могильниках римского времени, есть и такие, где «шишечки» сгруппированы по три. Например, в склепе № 92 усть-альминского могильника с материалами преимущественно I в. н.э.,²⁵ в подбойной могиле № 91 некрополя Неаполя с материалами II в. н.э.,²⁶ в подбойной могиле № 208 могильника Нейзац с материалами второй половины II — первой половины III в. н.э. Однако точных аналогий публикуемое кольцо не имеет. Его отличает, во-первых, наличие всего трех групп «шишечек» (как правило, их бывает по пять-шесть), во-вторых, то, что вершины «шишечек» заострены. По три группы «шишечек» имеется на некоторых трансильванских находках (тип I/2 по классификации I. Glodariu), но и там они круглые, не заостренные.²⁷ То же можно сказать о кольце из юго-восточной Польши, которое обнаружено в комплексе с вещами второй половины V — начала VI в. н.э. и является, таким образом, самой поздней находкой такого типа.²⁸ Общепринятая до недавнего времени точка зрения о латенском происхождении идеи украшать изделия в виде колец или браслетов выступами-«шишечками»²⁹ подвергнута критике. Д.В. Журавлев, правда, в очень осторожной форме, выдвигает предположение о непрерывной линии развития подобных вещей в Северном Причерноморье начиная со скифского времени, при возможном фракийском влиянии.³⁰

Перстни серебряные пластинчатые.

Один из перстней (рис. 3, 9) украшен тремя бороздками. Его незамкнутые концы раскованы в виде трапециевидных щитков. К щитку было прикреплено прозрачное бесцветное стекло, имевшее форму усеченной пирамиды.

От второго перстня сохранилось такое же стекло и мелкие обломки (рис. 3, 14).

Однотипные, украшенные бороздками перстни (тип IVб) найдены в каменном ящике XIV (вместе с монетой IV в. н.э.), в могилах №№ 216 и 240 могильника Совхоз 10.³¹

Перстень такой же формы, но без стекла обнаружен в могильнике Суворово.³² Очень похожий перстень происходит из склепа №1/1984 могильника Дружное.³³ Перстень из могилы № 20 в Дружном относится к тому же типу, но имеет заметные отличия: он более широкий, без бороздок, украшен не стеклом, а сердоликом.³⁴

В целом, можно сказать, что перстни, у которых раскованные незамкнутые концы образуют щиток, были весьма распространены в Крыму в позднеримское время. Иногда, как в нашем случае, они у щитка орнаментировались бороздками. Щитки украшались приклеенными стеклами или, реже, сердоликами. Но чаще всего таких украшений не было, что, кстати сказать, позволяло изменять диаметр перстня в зависимости от размера пальца. Наличие стеклянного украшения такой возможности не оставляло.

Серьги серебряные.

1). Состоит из дужки и щитка. Замок сделан в виде крючка, которым заканчивается проволоочная дужка и петельки, припаянной к щитку. Щиток круглый, покрыт серебряной позолоченной фольгой, которая крепилась, вероятно, двумя гвоздиками (сохранился один). В центре щитка, в напаянном гнезде укреплен круглый сердолик. Край щитка украшен мелкими насечками. Сохранившийся обрывок фольги орнаментирован по внешнему краю тремя рядами тисненых жгутиков (рис. 3, 23).

2). Отличается от предыдущей только надетой на дужку серебряной подвеской (рис. 3, 26).

Судя по месту расположения на костяке ребенка и по сохранившемуся на серьгах толстому слою кожного тлена, они были помещены в мешочек, подвешенный к поясу.

Четыре пары сделанных в том же стиле серег найдены в могильнике Дружное. Все — в склепах IV в. н.э.³⁵ Три пары подобных серег обнаружены в чернореченском могильнике, все в подбойных могилах. Могилы №№ 3 и 9 надежно, в том числе и монетами, датированы серединой — второй половиной III в. н.э. Инвентарь могилы № 2 «узкой» даты не имеет, но в ней обнаружены янтарные восьмерковидные подвески, аналогии которым в Крыму происходят исключительно из комплексов IV в. н.э.³⁶ Еще одна пара серег со щитками, покрытыми фольгой с тисненым орнаментом, найдена в могиле № 75 могильника Совхоз 10 с монетами Гордиана III (238–244 гг.) и Филиппа Араба (244–249 гг.). Возможно, также были украшены еще какие-то серьги, отнесенные авторами публикации к типу I, но из описаний и рисунков невозможно понять, как были украшены их щитки.³⁷ Две серьги найдены в могиле № 14 могильника Опушки. Серьги сделаны в одном стиле, украшены тисненой фольгой и стеклянными

вставками, но они не парные, отличаются друг от друга орнаментом и другими деталями. Вместе с ними находилась янтарная восьмерковидная подвеска (материал не опубликован).

В Дружном найдены три серебряных браслета, щитки которых, также как у серег, покрыты фольгой, украшенной тисненым орнаментом. Два браслета происходят из подбойной могилы середины III в. н.э., один — из склепа IV в. н.э.³⁸ Браслет того же типа обнаружен в упоминавшейся уже могилы № 9 чернореченского могильника вместе с украшенными аналогичным образом серьгами³⁹.

Стилю, в котором сделаны публикуемые серьги, посвящена специальная статья⁴⁰. В ней определены, в пределах второй половины III—IV в. н.э., его хронологические рамки, описан ареал сделанных в этом стиле вещей, в каталоге собраны описания всех известных ко времени написания статьи находок. Учитывая новый материал, можно сделать некоторые дополнения. Основываясь на ограниченном количестве доступных им находок, С.А. Яценко и В.Ю. Малашев отнесли все украшения из предгорного Крыма к своей хронологической группе I (вторая половина III в. н.э.). Теперь ясно, что дату следует расширить, включив в нее IV в. н.э. Самый любопытный вывод, касающийся крымских находок, можно сделать, просмотрев приложенный к статье каталог, и он подтверждается всеми новыми находками. В варварских могильниках предгорного Крыма обнаружены исключительно украшения, покрытые тисненой фольгой с сердоликовыми или стеклянными вставками. Там нет ни оружия, ни деталей конской сбруи, ни пряжек орнаментированных подобным образом и найденных на Боспоре, на Северном Кавказе, на Нижнем Дону, в Северо-Западном Причерноморье. За пределами Крыма не известны как раз украшения, сделанные в подобном стиле. Таким образом, перечисленные выше серьги и браслеты, а также два предмета невыясненного назначения, но также, несомненно, являющиеся украшениями, из могильников на Черной речке⁴¹ и Суворово⁴², в совокупности следует признать характерной особенностью культуры населения предгорного Крыма позднекримского времени.

С.А. Яценко и В.Ю. Малашев полагают, что покрытые тисненой фольгой украшения для жителей юго-западного Крыма производили в Херсонесе. Это вполне логично, если исходить из ареала находок. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в Херсонесе ни серьги, ни браслеты до сих пор не найдены. Зато есть пряжки, а также матрица, с помощью которой выдавливали узоры на фольге, покрывавшей детали конской сбруи найденные, например, в Подонье. Ни сбруей, ни пряжками, украшенными в обсуждаемом стиле, население предгорного Крыма не пользовалось. Об этом можно судить уверенно, так как в этом ареале найдены тысячи пряжек и деталей конской сбруи, но все они сделаны в ином стиле.

К особенностям серег из склепа № 4, не отмеченным в других случаях, следует отнести наличие серебряной подвески на одной из них, а также место находки — на поясе, вероятно, в кожаном мешочке.

Удила железные.

1) Двусоставные, концы грызл загнуты, в них вставлено по железному кольцу. К каждому из колец прикреплено по два двупластинчатых железных зажима. В один из зажимов вставлено железное кольцо (рис. 6, 1).

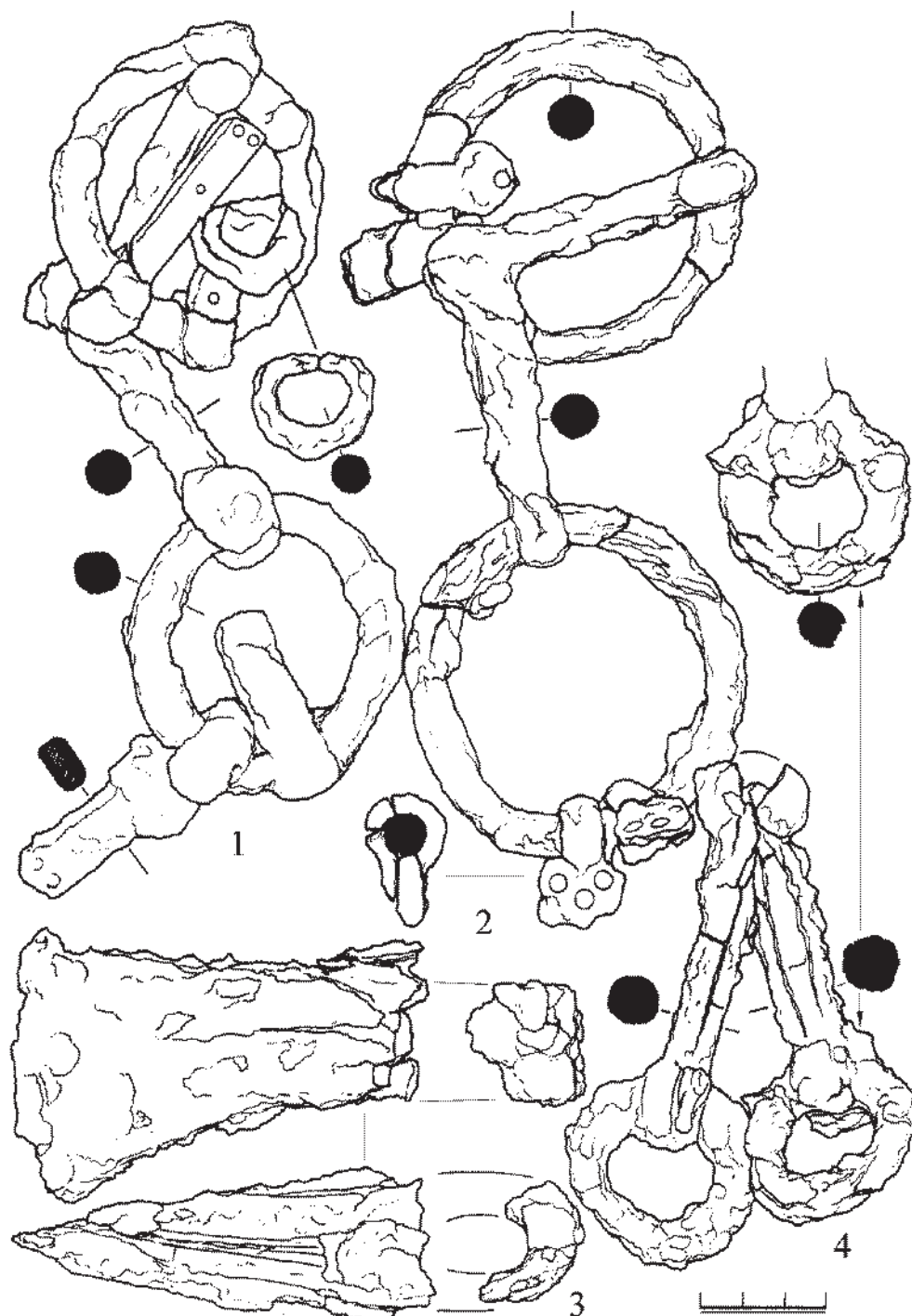

Рис. 6. Погребальный инвентарь.
1, 2, 4 — удила железные; 3 — топор железный

2). Двусоставные, концы грызл загнуты, в них вставлено по железному кольцу. На кольцах сохранились остатки зажимов (на одном кольце двух, на другом — одного). Лучше других сохранившийся зажим представляет собой кольцо, концы которого уплощены и соединены тремя заклепками (рис. 6, 2).

3). Двусоставные, концы грызл загнуты, в них вставлено по железному кольцу (рис. 6, 4).

Такие удила как № 3 многократно находили в погребениях синхронных публикуемому⁴³. Зажимы на кольцах удила в сарматское время встречаются редко⁴⁴. В предгорном Крыму железные удила с зажимами найдены в подбойной могиле № 114 Битакского могильника. Они датируются II в. н.э. и отличаются от нейзацких значительной длиной зажимов, а также тем, что к каждому кольцу удила крепился только один зажим⁴⁵. В погребениях IV в. н.э. в Крыму удила с зажимами до сих пор не находили.

Зажимы на кольцах удила широко распространяются в гуннское время. Их, как правило, бывает по два на кольцо, в одном крепился ремень повода, в другом ремень оголовья. Кольца сарматских удила отличаются от гуннских большим (5–8 см) диаметром⁴⁶. В нашем случае кольца небольшого (4,5 см) диаметра от удила № 3 сочетаются с удилами №№ 1 и 2, где диаметр колец достигает соответственно 7,4 и 7,0 см. Наиболее близкую аналогию из комплексов гуннского времени удилам № 1 представляет находка из разрушенного погребения у с. Федоровка, а удилам № 2 — из погребения у дер. Муслимово⁴⁷.

Топор железный (рис. 6, 3) с прямым верхним краем, овальной проушиной и серповидным лезвием.

Топоры в крымских памятниках позднееримского времени встречаются не часто⁴⁸. Все они соответствуют типу 2 цебельдинских топоров⁴⁹ и отличаются от нейзацкого экземпляра, главным образом, выделенным обухом.

Публикуемый топор, не имеющий выделенного обуха, относится к одному типу почти со всеми топорами черняховской культуры⁵⁰. Именно этот экземпляр может свидетельствовать о северо-западных связях населения крымских предгорий IV в. н.э. В то же время, в полной мере сохраняются сомнения в общепринятой точке зрения о германском происхождении всех северопрichernоморских топоров позднееримского времени. Они основаны на явных типологических отличиях между черняховскими топорами с одной стороны, и крымскими и цебельдинскими с другой, а также на находках топоров с выделенным обухом на северопрichernоморских памятниках, датирующихся временем более ранним, чем готские походы⁵¹.

Любошицкая культура, наверное, самая богатая на находки топоров в Европе, дает несколько изделий с выделенным обухом (тип «В» по классификации Г. Доманьского), но их намного меньше, чем топоров иных типов. Эта культура синхронна могильнику Нейзац, но по погребальному обряду и всем видам инвентаря отличается от крымских памятников позднееримского времени⁵². По классификации Г. Киферлинга нейзацкий топор может быть отнесен к западной серии группы 5. Топоры этой серии римского времени и начала эпохи переселения народов обнаружены на территории вельбарской, черняховской, пшеворской культур, на Эльбе, в юго-западной Германии и в Богемии⁵³.

Гипотеза о местном, прichernоморском происхождении топоров с выделен-

ным обухом, которые и были главным образом распространены в Крыму в позднеримское время, представляется более обоснованной, чем тезис об их появлении в Северном Причерноморье из германского ареала. Топор из склепа № 4 в этом смысле является исключением. Его находка как раз позволяет судить о германо-сарматских контактах.

Мечи без металлического перекрестия. Два коротких (рис. 7, 2, 3) и два длинных (рис. 7, 4, 5). На каждом из них видны следы дерева от ножен.

Длинные мечи относятся к типу 3 по А. М. Хазанову. Из-за плохой сохранности трудно определить ко 2 или 3 типу относятся короткие мечи. Эти мечи представляют собой самый распространенный в позднесарматское время тип оружия⁵⁴. Длинные мечи обладают главным признаком, отличающим мечи второй половины III–IV вв. н.э. от более ранних, у них широкие (5–6 см) клинки⁵⁵. Длинные мечи встречены в нескольких погребениях могильника Нейзац⁵⁶.

Не вполне понятно положение мечей по отношению к погребенным (рис. 2). Один из них, несомненно, лежал на левом плече погребенного I. На месте другого плеча этого погребенного зафиксирован меч с вырезами у пяты клинка. Как правило, концами мечи бывают направлены в ту же сторону, что и голова погребенного. В данном случае, конец меча направлен в противоположную сторону. Поэтому вполне вероятно, что меч лежал у стены склепа, как и другой экземпляр, и был перемещен на место плеча погребенного случайно. Один из длинных мечей лежал вдоль погребенного II, справа. Положение его необычно тем, что рукоять была направлена в ту же сторону, что и ноги погребенного. Как правило, длинные мечи клали рукоятью в сторону головы, то есть так, как их носили при жизни, подвешенным к портупее. Другой длинный меч найден в обломках. Принадлежность его погребенному I или II не вполне ясна. Скорее всего, первоначально он лежал вдоль погребенного I, слева. Об этом позволяет догадываться положение некоторых фрагментов, а также то обстоятельство, что случаи положения двух длинных мечей с одним погребенным до сих пор не фиксировались. Таким образом, возможно, что с погребенным I положили только один меч, а возможно и более вероятно — три. Если к этому добавить еще и топор, найденный на месте груди, то получится, что его сопровождало почти беспрецедентное количество оружия. Единственный сопоставимый случай отмечен в склепе № 2 могильника Озерное III, где вместе с одним из погребенных положили четыре меча с вырезами у пяты клинка, два у плеч и два вдоль бедер⁵⁷.

Меч с вырезами у пяты клинка (рис. 7, 1). Вырезы видны плохо из-за коррозированной и фрагментированности меча. Относится по классификации А.М. Хазанова к типу 5 сарматских мечей и кинжалов⁵⁸.

О хронологии и ареале мечей с вырезами пришлось говорить в связи с публикацией довольно значительной их коллекции из могильника Дружное. Они сконцентрированы, в основном, в Крыму и на Северном Кавказе, в памятниках IV–V вв. н.э. Почти во всех случаях, когда они найдены *in situ*, и в Крыму, и на Кавказе, мечи с вырезами лежали на плечах или головах погребенных. Столь специфический обряд является одним из признаков, фиксирующих миграцию населения с Северного Кавказа в Крым⁵⁹.

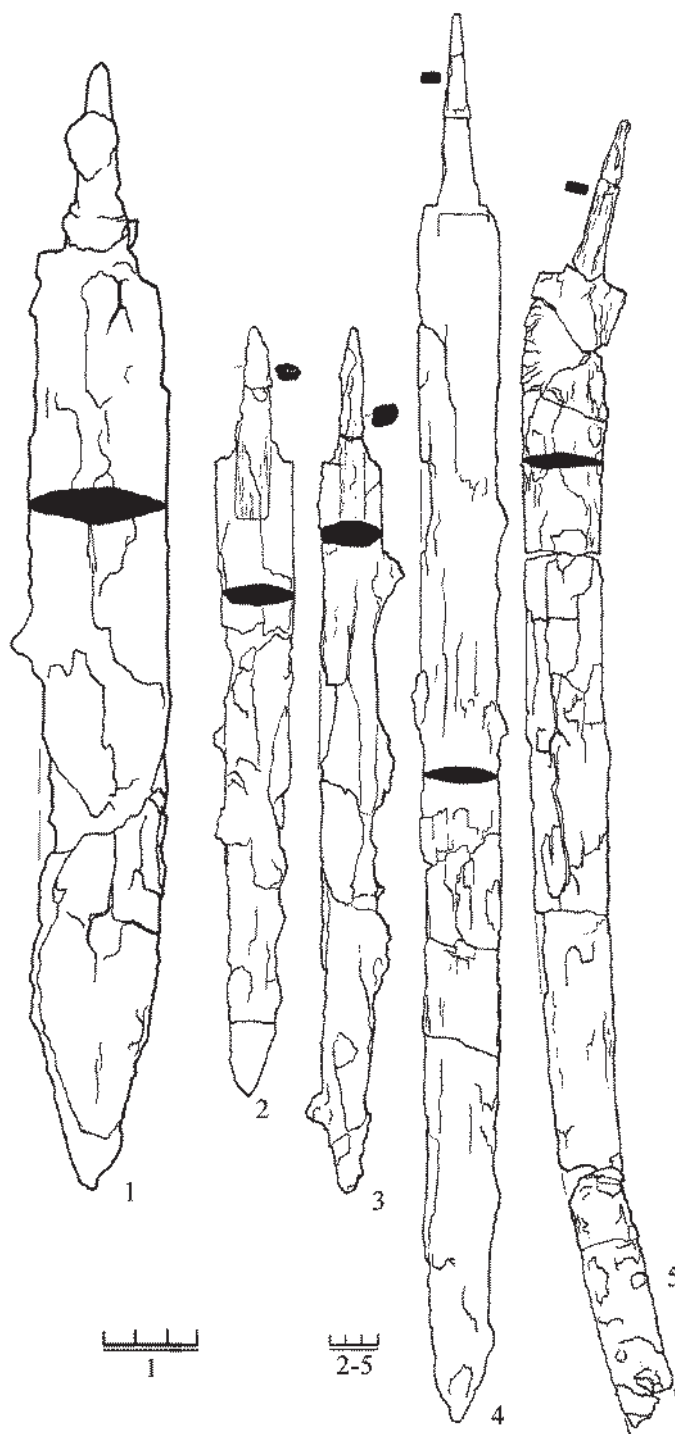

Рис. 7. Погребальный инвентарь.
1–5 – мечи железные

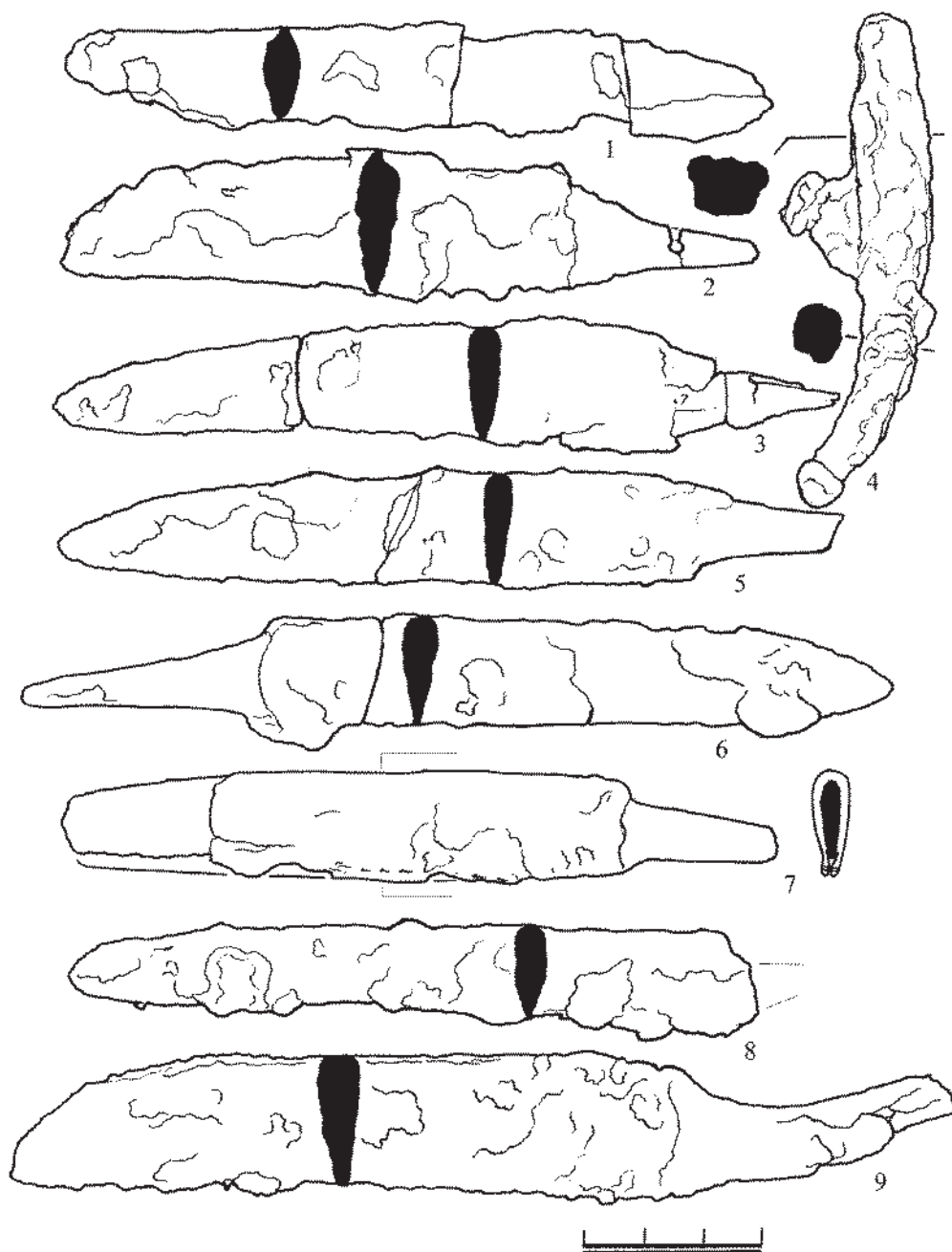

Рис. 8. Погребальный инвентарь.
1–3, 5–9 — ножи железные; 4 — предмет железный

После публикации мечей из Дружного сделаны новые находки⁶⁰. Высказаны мнения о назначении и применении этого оружия. Так, авторы публикации результатов раскопок могильника Чатыр-Даг рассматривают два возможных варианта. Первый: меч держали в левой руке, а вырезы в нем задерживали меч противника. Второй: это оружие вовсе не меч, а наконечник копья или алебарды. При этом допускается полифункциональное назначение оружия, и как меча, и как алебарды⁶¹. Первый из вариантов обсуждался уже неоднократно, и вполне убедительно опровергнут⁶². Второй также представляется невероятным по многим причинам, в частности, потому, что все найденные до сих пор мечи в древности были заключены в деревянные ножны. Представить себе снабженное черенком, а не втулкой копье, на которое надевали ножны, кажется, невозможно. Правда, следует обратить внимание на находку, сделанную в подкурганном погребении IV в. у с. Лимаревка на востоке Украины. Там найден короткий меч. По форме и размерам он аналогичен обычным мечам с вырезами у пяты клинка. О вырезах авторы публикации ничего не сообщают, не видно их и на рисунке. Создается впечатление, что их просто не заметили. Вырезы часто бывают заполнены коррозией и их приходится расчищать специально. Меч лежал не как обычно в Крыму или на Кавказе на плече погребенного, а в стороне от него. От черенка меча тянется узкая полоса деревянного тлена длиной 0,55 м.⁶³ Если тлен остался от рукояти, то мы имеем дело с каким-то невиданным и никем не описанным предметом вооружения.

Одновременно и независимо друг от друга Б. Контны⁶⁴ и М. Е. Левада⁶⁵ предположили, что вырезы служили для крепления ремня, которым приматывали к мечу деревянную рукоять. Такое предположение не невероятно, но пока недоказуемо: ни в одном случае остатки ремней в вырезах не зафиксированы. Можно высказать и сомнения в предложенной реконструкции. Глубина вырезов составляет 0,5–1,0 см, ширина, приблизительно 0,5 см. Следовательно, ремешок должен быть очень небольшим. Второй его конец, если предложенная реконструкция верна, приходилось привязывать к самой рукояти. Насколько прочна такая конструкция, до проведения экспериментов останется не ясным, но впечатления надежности она не производит. Самое главное, непонятно, зачем все это нужно было делать, если деревянную рукоять можно было прочно закрепить на черенке с помощью заклепок так, как поступали с рукоятями длинных мечей или втулками копий.

Таким образом, необычное положение мечей с вырезами в могилах, также как и их конструкция остаются достоверно не объясненными. Ясно только, что они представляют собой неотъемлемый элемент культуры населения крымских предгорий IV–V вв. н.э.

Гвозди (рис. 5, 5; 9, 1–5, 8, 10, 12) и другие железные изделия. Гвозди слишком велики для того, чтобы служить для скрепления гробов или других деревянных конструкций, к тому же некоторые из них найдены в краснолаковом блюде. Гвозди положили в могилу как погребальный инвентарь. Следовательно, они выполняли самостоятельную обрядовую функцию. Ничего подобного в других могилах Нейзаца встречать не приходилось. Крупные кованые железные гвозди найдены в нескольких погребениях IV в. н.э. Инкерманского могильника⁶⁶.

Обращают на себя внимание и другие необычные для погребальных соору-

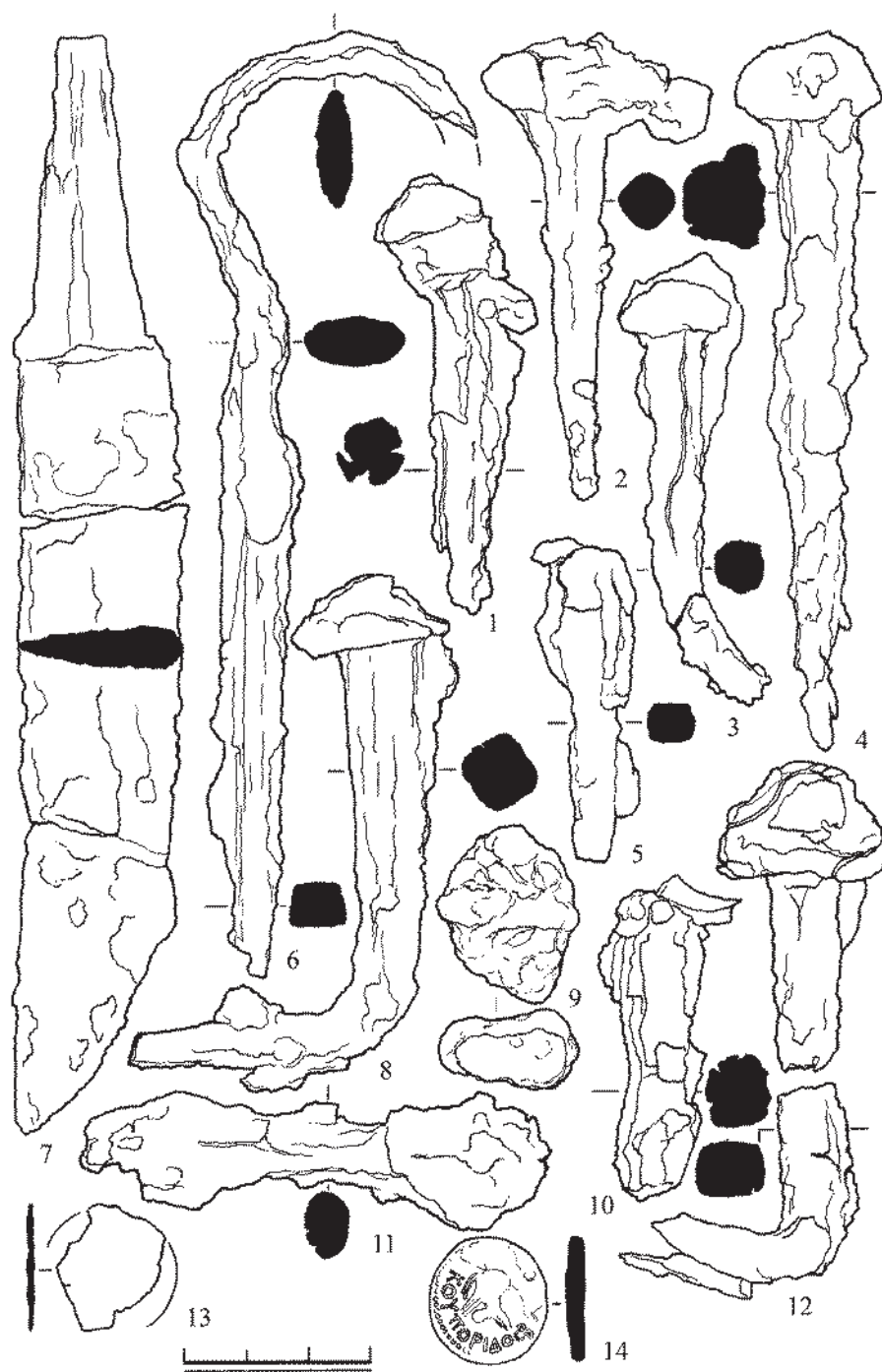

Рис. 9. Погребальный инвентарь.

1–5, 8, 10–12 — гвозди железные; 6 — крюк железный; 13 — предмет бронзовый; 14 — монета биллоновая

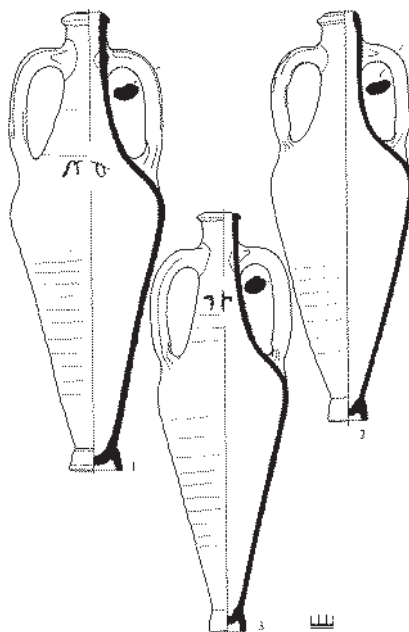

Рис. 10. Погребальный инвентарь.
1–3 – амфоры

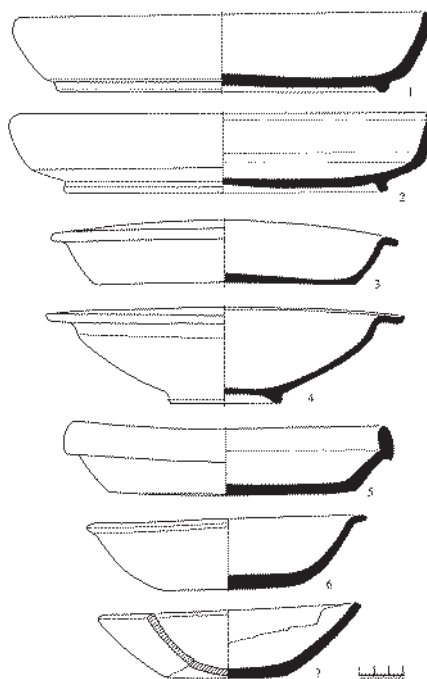

Рис. 11. Погребальный инвентарь.
1, 2, 4, 5 – сосуды краснолаковые; 3 – сосуд гончарный сероглиняный; 6, 7 – сосуды
лепные

жений железные вещи, в частности, крюк (рис. 9, 6), круглый в сечении предмет с деревянной рукояткой (рис. 5, 10) и еще одно неясного назначения изделие (рис. 8, 4). Крюк имеет весьма точную аналогию в синхронной склепу № 4 могиле № 125 с погребением воина.⁶⁷

Амфоры. В склепе обнаружено пять узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 10, 1–3; 12, 1; 15, 2). На двух из них сохранились слабые следы дипинти, нанесенных красной краской.

Все амфоры принадлежат типу «F» по классификации Д. Б. Шелова⁶⁸. В настоящее время датировка сосудов этого типа IV в. н.э. общепризнана⁶⁹. Некоторая неясность существует относительно времени их появления. Д. Б. Шелов и А.В. Сазанов⁷⁰ полагали, что амфоры типа «F» появились во второй половине III в. н.э., сменив амфоры типа «D». Эта дата повторялась многими исследователями. Теперь установлено, что амфоры типа «D» производились в течение всего III в. н.э.⁷¹ В Причерноморье, где находки амфор обоих типов исчисляются сотнями, они ни разу не встречены в одном комплексе, Нет также ни одного комплекса III в. н.э. с амфорами типа «F» и ни одного комплекса IV в. н.э. с амфорами типа «D». Следовательно, смена одного типа другим произошла приблизительно на рубеже III и IV вв. н.э.

Важные замечания по поводу обсуждаемого вопроса высказал А.М. Обломский⁷². Он обратил внимание на то, что узкогорлые светлоглиняные амфоры второй половины III в. н.э. рядом деталей отличаются от классических «танаисских». Это совершенно верно. Однако отличия не настолько велики, чтобы обладающие ими амфоры можно было выделить в отдельный тип. Преимущество амфор типа «F» от амфор типа «D» продемонстрировано в работе А. В. Сазанова. Еще более важен сообщаемый А. М. Обломским факт взаимовстречаемости обломков амфор «D» и «F» в некоторых поселенческих комплексах Днепровского лесостепного левобережья. Представляется все же, что это какая-то локальная особенность. Возможно, она связана с малым количеством амфор, попадавших в столь отдаленный от Причерноморья регион, где их поэтому долго хранили. Возможны и другие столь же априорные предположения. Уникальная ситуация, зафиксированная в Днепровском лесостепном левобережье, не отменяет того факта, что на основной территории распространения амфоры типов «D» и «F» вместе не встречаются. Это решающий аргумент, позволяющий установить их относительную хронологию.

Краснолаковые сосуды

1. Блюда с отогнутым краем (рис. 14, 5).

Такие блюда регулярно встречаются в крымских комплексах IV в. н.э. Соответствуют типу II, варианту 2 краснолаковых сосудов из могильника Дружное⁷³. Аналогичные сосуды обнаружены в погребениях IV в. н.э. могильника Нейзац⁷⁴. Некоторые исследователи предполагают их понтийское производство⁷⁵.

2. Блюда с загнутым краем (рис. 11, 1, 2).

Это едва ли не самый распространенный тип краснолаковой керамики в крымских памятниках IV в. н.э. Соответствуют типу I краснолаковой керамики из могильника Дружное, где их найдено 10 экземпляров⁷⁶.

3. Миски с горизонтально отогнутыми краями (рис. 12, 5; 13, 3; 14, 2, 3; 17, 5).

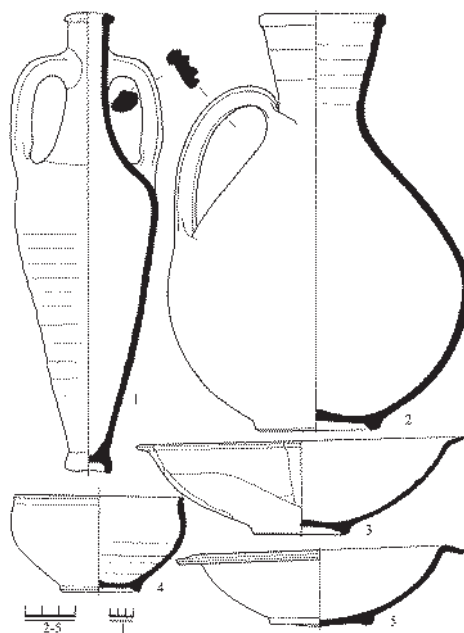

Рис. 12. Погребальный инвентарь.
1 — амфора; 2–5 — сосуды краснолаковые.

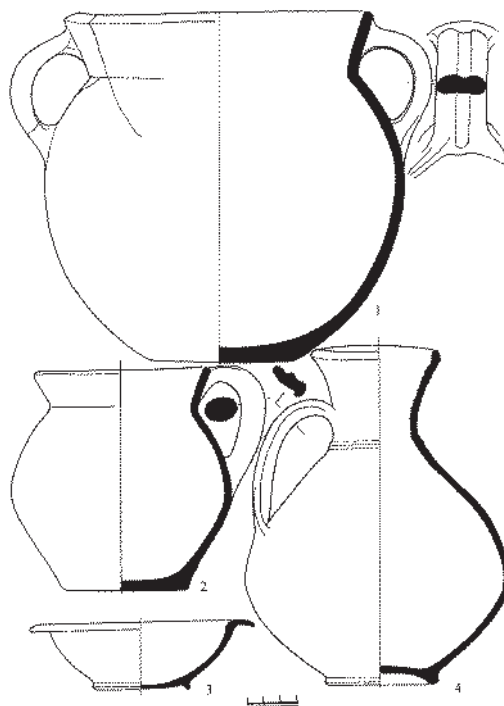

Рис. 13. Погребальный инвентарь.
1, 2 — сосуды лепные; 3, 4 — сосуды краснолаковые

Миски отличаются друг от друга глубиной, шириной края, у некоторых из них края профилированы.

Соответствуют типу IX, варианту 4 краснолаковых сосудов из Дружного, где они найдены в комплексах IV в. н.э.⁷⁷.

4. Миска большого диаметра с горизонтально отогнутым краем, стенки в верхней части изогнуты почти под прямым углом к краю (рис. 122, 4).

Соответствует типу IX, варианту 5 краснолаковых сосудов из Дружного, где датируются IV в. н.э.⁷⁸. Такие же миски найдены в могильнике Совхоз 10⁷⁹.

5. Миска с венчиком, представляющим собой плавно отогнутое продолжение стенки (рис. 12, 3).

Точно такая же миска найдена в Килен-Балке⁸⁰, похожая — в могильнике Совхоз 10⁸¹.

6. Миска без выделенного венчика (рис. 17, 4).

Соответствует типу VI, варианту 1 краснолаковых сосудов из Дружного, где найден 21 экземпляр таких сосудов. Постоянно встречаются в крымских комплексах III — первой половины V в. н.э.⁸².

7. Чашка (рис. 12, 4).

Аналогичная чашка, по-видимому, малоазиатского производства, найдена в Танаисе, в подвале усадьбы, погибшей в середине III в. н.э.⁸³. Похожие сосуды обнаружены в склепе № 1 могильника Курское⁸⁴.

8. Миска плоскодонная с массивным краем, нависающим над стенками (рис. 11, 5).

Миски с нависающим венчиком найдены в Танаисе. Однако они несколько отличаются от нашей. В танаисских мисках внутренние поверхности стенок гладкие, переход от стенок к венчику не выделен, как в нейзацком экземпляре. Кроме того, Т. М. Арсеньева, несмотря на то, что опубликованы только верхние части мисок, отмечает наличие у них кольцевого поддона⁸⁵.

9. Миска с узким дном и слабо загнутым верхним краем (рис. 17, 1).

Соответствует типу VI, варианту 2 краснолаковой керамики из могильника Дружное, где их найдено 17 экземпляров. Миски типа VI датируются в пределах III — первой половины V в. н.э.⁸⁶.

10. Кувшин (рис. 12, 2).

Соответствует типу X краснолаковой керамики из могильника Дружное, где семь экземпляров подобных кувшинов найдены в комплексах IV в.⁸⁷. Такие же кувшины многочисленны в Килен-Балке⁸⁸, несколько экземпляров найдено в могильнике Совхоз 10⁸⁹.

11. Кувшин с цилиндрическим горлом (рис. 17, 6).

Сходные, но в то же время отличающиеся различными деталями кувшины найдены в херсонесском некрополе. В.М. Зубарь предполагает херсонесское производство кувшинов типа 5 своей классификации⁹⁰. Тоже можно сказать о кувшинах найденных в усть-альминском некрополе⁹¹ и в могильнике Совхоз 10⁹².

Миска сероглиняная (рис. 11, 3) плоскодонная с отогнутым под прямым углом краем.

Аналогичный сосуд «с лаковым покрытием серого цвета» найден в склепе IV в. н.э. у с. Суворово⁹³, сероглиняное лощеное блюдо серого цвета происходит из склепа IV в. н.э. могильника Красная Заря⁹⁴, такой же по форме сосуд

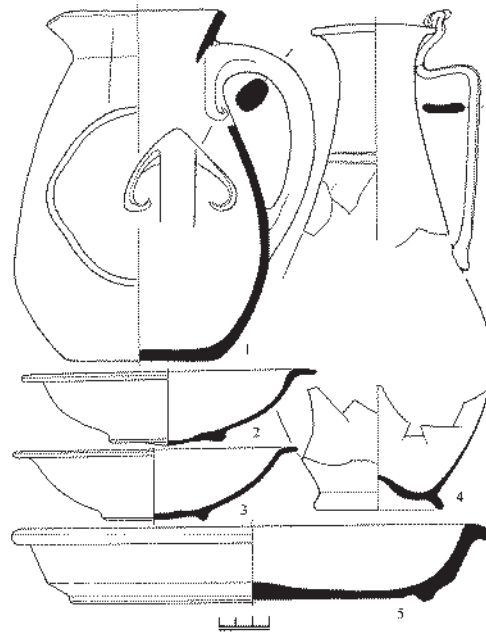

Рис. 14. Погребальный инвентарь.
1 – сосуд лепной; 2, 3, 5 – сосуды краснолаковые; 4 – сосуд стеклянный

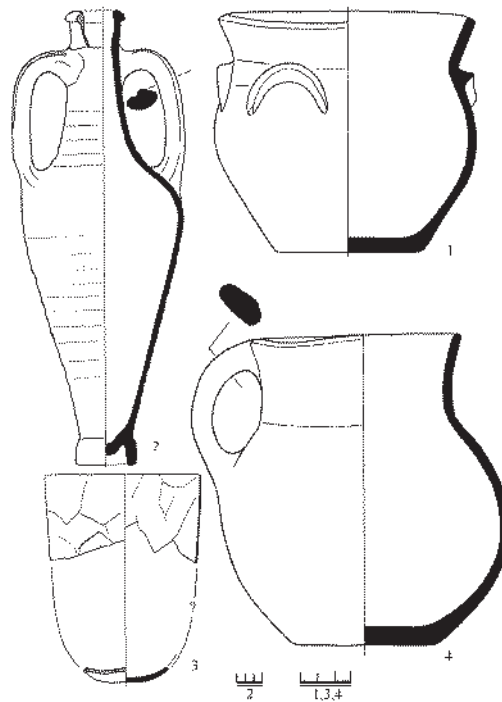

Рис. 15. Погребальный инвентарь.
1, 4 – сосуды лепные; 2 – амфора; 3 – сосуд стеклянный

обнаружен в могильнике Тас-Тепе⁹⁵. Два сероглиняных блюда аналогичной формы найдены в 1941 г. на территории инкерманского могильника. Одно из них «покрыто лаком плохого качества», второе — «с лощеной поверхностью»⁹⁶.

Лепные сосуды

1. Миска усеченно- конической формы (рис. 11, 7).

Соответствует типу 1, варианту «В» мисок из могильника Дружное. Такие сосуды в Крыму и на сопредельных территориях производились с эпохи бронзы до средневековья⁹⁷.

2. Миска с усеченно-коническим туловом и горизонтально отогнутыми краями (рис. 11, 6).

Соответствует типу 4, варианту «В» мисок из могильника Дружное. Немногочисленные сосуды этого типа, возможно, имитируют краснолаковую керамику⁹⁸.

3. Горшок со сферическим туловом, усеченно-коническим горлом и двумя вертикальными профилированными желобком ручками (рис. 13, 1).

Подобные сосуды, с некоторыми вариациями в пропорциях, формах тулова, профилировке ручек, регулярно встречаются в склепах IV в. н.э. могильников Дружное и Нейзац (ср. с типами 1-II/В и 10/II горшков из Дружного)⁹⁹.

4. Кувшин с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости, низким усеченно-коническим горлом и петлевидной ручкой (рис. 14, 1).

Близок сосудам типа 3.3-I/A1 из погребений IV в. н.э. в Дружном. Кувшины близкой формы изредка встречаются в Крыму и на Северном Кавказе в памятниках предшествующего времени¹⁰⁰. Особенностью публикуемого экземпляра является горло с выделенным сливом. Такое оформление горло очень редко, но встречается у сосудов IV в. н.э.¹⁰¹. От места верхнего прилепа ручки отходят рельефные ребра. Этот способ украшения характерен для многих сосудов могильников Дружное и Нейзац¹⁰².

5. Горшок с овалоидным туловом и низким усеченно-коническим горлом, на плечиках украшен двумя дуговидными налечами (рис. 15, 1).

Сосуды подобных форм и сходным образом орнаментированные являются неотъемлемой частью керамического комплекса IV в. н.э. могильников Дружное, Нейзац, Суворово¹⁰³.

6. Еще один сосуд найден в обломках, его целая форма восстанавливается графически с некоторой долей условности (рис. 17, 3). Он имел сфероконическое тулово, эллипсоидное горло, выделенное дно. Под местом максимального расширения сосуда прикреплены две горизонтальные ручки, направленные под углом вверх.

Изделия аналогичной формы не известны, но горизонтальные, направленные под углом вверх ручки имеются на нескольких горшках IV в. н.э. могильника Дружное¹⁰⁴.

7. Кружки с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости, усеченно-коническим горлом и петлевидной ручкой (рис. 13, 2; 15, 4).

Это один из самых распространенных типов сосудов в крымских предгорных и горных могильниках позднеримского и раннесредневекового времени, встре-

чаются также и на Боспоре. Соответствуют кружкам типа 6 В могильника Дружное¹⁰⁵. Их появление в Крыму аргументировано объясняется кавказским влиянием¹⁰⁶.

Сосуды из прозрачного бесцветного стекла.

1. Стакан (рис. 17, 2).

Аналогичен стакану из склепа № 21 в Дружном. Этот стакан образует вариант 2 типа II стеклянных сосудов из Дружного. Очень близок ему, но все же отличается некоторыми деталями стакан варианта 1, найденный в том же склепе. Аналогий стаканам обоих вариантов обнаружено немного, они датируются в пределах середины III–IV вв. н.э.¹⁰⁷.

2. Стакан (рис. 16, 6).

Соответствует типу I, варианту 1 стеклянных сосудов из Дружного. В крымских могильниках найдено несколько десятков таких стаканов. Первые из них появились во второй половине III в. н.э., а в IV в. н.э. они превращаются в самый популярный у крымских варваров тип стеклянной посуды¹⁰⁸.

3. Стакан (рис. 15, 3).

Похожий стакан найден в подбойной могиле IV в. н.э. № 125 некрополя Нейзац. От публикуемого в данной статье он отличается только вогнутым дном¹⁰⁹. Стакан из Танаиса, найденный в помещении с остатками стеклоделательного производства, погибшего в середине III в. н.э., отличается от публикуемого чуть отогнутый и утолщенный венчик¹¹⁰.

4. Бутыль (рис. 16, 4).

Сосуды такой формы встречаются на разных территориях от Крыма до Франции. Датируются они в широких пределах IV–VI вв. н.э. В Крыму встречены в нескольких комплексах IV в. н.э.¹¹¹.

7. Кувшин (рис. 16, 2).

Аналогичный кувшин найден в Пантикапее¹¹². Н.П. Сорокиной известны еще несколько подобных кувшинов из Пантикапея, а их обломков — из Танаиса. Учитывая отсутствие аналогичных изделий в других центрах, исследовательница вполне логично предположила, что в III в. н.э. их изготавливали на Боспоре, возможно, в Пантикапее¹¹³.

8. Кувшин (рис. 16, 3).

Очень близкий по форме кувшин найден в могиле № 125 некрополя Сиреневая бухта в крымском Приазовье. Судя по находке в той же могиле сосуда, украшенного каплями синего стекла, погребальной сооружение относится к концу IV–V вв. н.э.¹¹⁴.

9. Блюдо (рис. 16, 1).

Вероятно, подобные сосуды бытовали в III в. н.э. в Танаисе, но они найдены в обломках и с уверенностью судить об целых формах трудно¹¹⁵.

Бусы

1. Шаровидная из глухого белого стекла (рис. 3, 19). Тип ОС I (2)¹¹⁶.

2. Шаровидная из глухого синего стекла (рис. 3, 13). Тип ОС I (86).

Шаровидные одноцветные бусы были широко распространены на протяжении всей античной эпохи. В Крыму большая их часть найдена в погребениях I–III вв. н.э., где они часто образуют наборы из десятков и даже сотен экземпляров. В погребениях IV в. н.э. встречаются значительно реже.

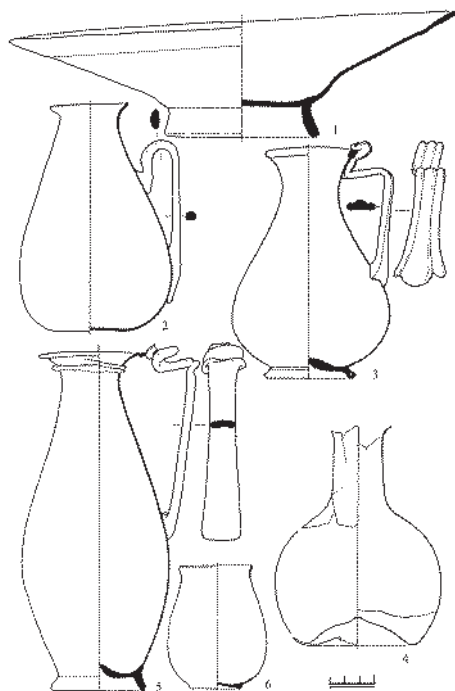

Рис. 16. Погребальный инвентарь.

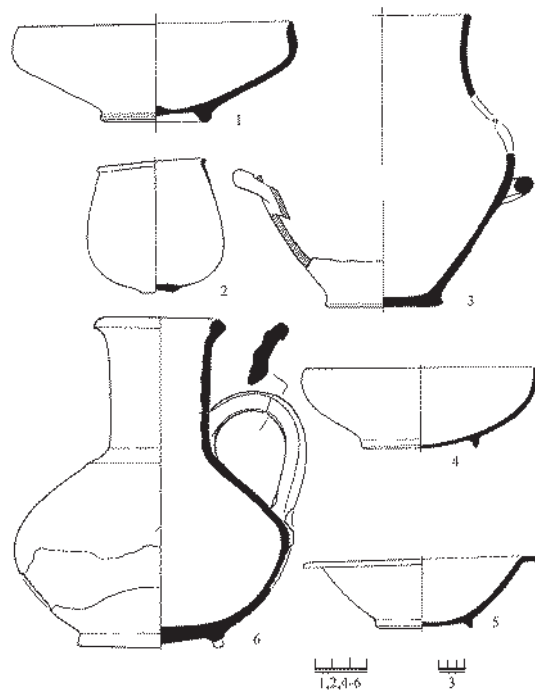

Рис. 17. Погребальный инвентарь.

1, 4 – 6 – сосуды краснолаковые; 2 – сосуд стеклянный; 3 – сосуд лепной

3. В виде четырнадцатигранников из прозрачного синего стекла — 6 экз. (рис. 3, 11). Тип ОС VII (7).

Бусы этого типа использовались все время существования могильника Нейзац. За пределами Крыма они во множестве открыты в вельбарских и черняховских памятниках, а также в могильниках Цебельды¹¹⁷.

4. Усеченно-биконическая из прозрачного синего стекла (рис. 3, 7). Тип XII (6).

Время наибольшего распространения таких бус — III–IV вв. н.э., в могильниках центрального Крыма и памятниках черняховской культуры¹¹⁸.

5. Цилиндрические из глухого стекла неопределенного цвета — около 20 экз. (рис. 3, 12).

6. Шаровидная из бесцветного прозрачного стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета (рис. 3, 8). Тип ВМП 1.

Такие бусы в большом количестве находят в комплексах эллинистического и римского времени Восточной и Центральной Европы.

7. Гагатовые цилиндрические — 55 экз. (рис. 3, 1). Тип Гт I (4).

8. Гагатовые веретеновидной формы — 2 экз. (рис. 3, 18). Тип Гт I (9).

9. Гагатовые подвески в виде топориков — 5 экз. (рис. 3, 2). Тип Гт III(1).

Цилиндрические гагатовые бусы широко распространяются начиная с эллинистического времени в Поволжье, на Северном Кавказе и на Боспоре. В предгорном Крыму встречаются значительно реже, причем в комплексах римского времени.

Крупные веретеновидные гагатовые пронизи встречаются единичными экземплярами в некрополе Пантикапея и в могильнике Совхоз 10.

Круг аналогий гагатовым топоровидным подвескам ограничен находками в Подкумском могильнике в Предкавказье и в Пантикапее¹¹⁹.

10. Сердоликовая в форме четырнадцатигранника (рис. 3, 16). Тип Сб.

Такие бусы массово встречаются в памятниках вельбарской и черняховской культур, а также в Нижнем Поволжье. В Крыму обнаружены в гораздо меньшем количестве, но во многих памятниках III–IV вв. н.э.¹²⁰.

11. Янтарная шаровидная поперечно сжатая (рис. 3, 3). Тип Я I (1).

12. Янтарные короткоцилиндрические — 4 экз. (рис. 3, 5). Тип Я I (3).

13. Янтарной бочковидной уплощенной фрагмент. Тип Я I (5).

Янтарные бусы этих типов были очень популярны у населения, оставившего могильник Нейзац. В основном, они найдены в погребениях первой половины III в. н.э. и имеют широкий круг аналогий в памятниках римского времени¹²¹.

14. Подвески янтарные трапециевидной и восьмерковидной формы, украшенные бороздками — 7 экз. (рис. 3, 21, 22, 24, 25, 29, 31, 32). Тип Я II (1).

15. Подвеска янтарная трапециевидная, украшенная в нижней части короткими вертикальными бороздками (рис. 3, 20). Тип Я II (2).

Подвески этих типов не имеют аналогий ни в Крыму, ни за его пределами. Лишь одна из них (рис. 3, 24) очень похожа на подвеску из погребения периода С2 германского могильника Ниенбург¹²².

16. Подвески янтарные восьмерковидные неорнаментированные — 8 экз. (рис. 3, 4, 26, 27, 29).

Подвески этого типа обычны для крымских комплексов IV в. н.э.¹²³. Открытые в последние годы янтарные восьмерковидные подвески I—III вв. н.э. отличаются от них морфологически¹²⁴.

*Монета биллоновая (рис. 9, 14)*¹²⁵

Л.С. В точечном ободке круговая надпись: [ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣ]ΚΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо.

Об. С. Два бюста напротив друг друга в точечном ободке. Под ними год: ΞΦ (560 г. б. э.).

Боспорская. Рескупорид IV (242/243 — 276/277 гг.). Статер. Выпуск 263/264 г.

Склеп № 4 интересен, прежде всего, тем, что его конструкция, зафиксированные при его раскопках погребальные обряды, а также набор погребального инвентаря типичны для населения крымских предгорий IV в. н.э. О причинах появления склепов такого типа в Крыму ведется дискуссия. Наиболее вероятная гипотеза заключается в том, что в них хоронили мигрировавшие в Крым с Северного Кавказа предки средневековых алан¹²⁶.

Склепы IV в. н.э. состоят, как и в данном случае, из прямоугольных в плане входных ям, коротких дромосов и прямоугольных или трапециевидных погребальных камер. Входы в дромос закрывались каменными плитами. Пол погребальной камеры располагался ниже пола дромоса, в стенах делались ниши. Шесть — восемь погребенных располагали, как правило, в вытянутом положении на спине, ногами или, реже, головами ко входу в погребальную камеру. В склепах IV в. н.э. всегда много керамической посуды. Большинство сосудов ставили вдоль стены за головами погребенных. В то же время, часть сосудов располагали в углах погребальной камеры, рядом с погребенными и, иногда, на них самих. Последняя черта погребального обряда зафиксирована, кроме склепов, в подбойных и грунтовых могилах IV в. н.э. Вместе с сосудами всегда обнаруживаются ножи, кости животных и птиц, яичная скорлупа. На костях находятся, обычно немногочисленные, украшения и детали одежды, рядом с ними — предметы вооружения, конская сбруя и некоторые другие вещи.

Благодаря тому, что склеп не был разграблен, а это довольно редкий случай, удалось зафиксировать положение костяков вместе с разнообразным погребальным инвентарем¹²⁷. Вещи, найденные в погребальной камере, имеют множество аналогий среди находок, сделанных при раскопках других крымских могильников. Они, как нельзя лучше, характеризуют материальную культуру крымских варваров.

Несмотря на свою типичность, склеп № 4 имеет некоторые индивидуальные особенности. Погребальная камера была сделана под естественным скальным навесом. Таких случаев в могильнике Нейзац зафиксировано несколько, что обусловлено, конечно, природными условиями местности, в которой расположен могильник. При устройстве склепов в других некрополях предгорного Крыма скальные навесы не использовались.

Весьма редкое явление представляет собой захоронение лошади в погребальной камере склепа. Близкая аналогия обнаруживается только в склепе № 78 могильника Дружное¹²⁸.

Не находит объяснения находка некоторых предметов погребального инвен-

таря, в том числе семи стеклянных сосудов, на высоте около 1,0 м выше уровня пола погребальной камеры, среди рухнувших сверху каменных глыб. Возможное предположение о принадлежности этих предметов к инвентарю могилы, расположенной над погребальной камерой склепа № 4, опровергается отсутствием костей, а также тем, что ни в одной из 323 раскопанных могил нейзацкого некрополя не было такого количества стеклянных сосудов. Кроме того, вещи, найденные выше пола погребальной камеры, синхронны инвентарю, обнаруженных в ней погребений.

Необычно соотношение сосудов, обнаруженных в склепе. Найдено 17 краснолаковых сосудов, 1 гончарный сероглиняный, 8 лепных, 9 стеклянных и 5 амфор. Как правило, в склепах IV в. н.э., где сосудов всегда много, лепных намного больше, чем краснолаковых. Их обычное соотношение составляет примерно 4:1. Во многих склепах стеклянных сосудов нет вообще, а там, где они есть, их не больше пяти. Амфоры тоже встречаются далеко не во всех склепах. Склеп № 4 могильника Нейзац, наряду со склепом № 38 могильника Суворово, представляет собой редкое исключение, так как в нем найдено целых пять амфор. В обоих случаях, кстати говоря, все амфоры относятся к одному типу «F» по классификации Д.Б. Шелова¹²⁹. Значительное количество дорогих, по сравнению с лепными, краснолаковых и, особенно, стеклянных сосудов, а также амфор свидетельствует, вероятно, о высоком социальном статусе семьи или рода, которому принадлежал этот склеп. Об этом же можно судить по беспрецедентно большому количеству оружия, обнаруженному вместе с погребением I.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д 1–30. М., 1966. С. 66.
2. Там же. С. 62.
3. Там же. С. 70, 71.
4. *Parusimov I.* Römerzeitliche Hügelgräber am Untern Don // *Balácai Közlemények.* 1997. V. P. 138. Abb. 10, 1.
5. *Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin, 2002. С. 55.
6. *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001. С. 110, 207. Табл. 24, 343.
7. *Васильев А.А., Дзиговский А.Н.* Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // *Stratum +.* 2001–2002. №4. С. 319.
8. Об эволюции пряжек римского времени см.: *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990. С. 27, 28; *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1. 1992. С. 12; *Казанский М.М.* Могила алаано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 240, 241; *Абрамова М.П.* Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI. 1998; *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур поздне-сарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону.* Ростов-на-Дону, 2000. С. 195, 196; *Храпунов.* Могильник Дружное. С. 48–50; *Godlowsky K.* The chronology of the Late Roman and Early Migration Period. Krakow, 1970. P. 126.
9. *Храпунов.* Могильник Дружное. С. 44. Типы II и III.
10. См. напр. *Выборный Ю.В., Ключева И.Н.* Позднесарматский курган у с.Лимарев-

- ка Луганской области // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1988. С. 92.
11. Храпунов. Могильник Дружное. С.42.
 12. Лобода И.И. Раскопки красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. Вып. XI. 2005. С. 214, 215.
 13. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз №10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. Вып. VI. 1998. С. 268.
 14. Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с.Курское в юго-восточном Крыму // Stratum +. 2001–2002. № 4. С. 289. Рис. 16, 18.
 15. Там же. С. 291. Рис. 16, 14, 16.
 16. Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. 1993. С. 93. Табл. 62, 372.
 17. Там же. Кат. № 351.
 18. Гудкова А.В., Редина Е.Ф. О сарматском могильнике Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. VII. Запоріжжя, 1999. Рис. 5, 9; Дзиговский А.Н., Субботин Л.В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986. С. 151. Рис. 2, 9.
 19. Храпунов И.Н. Три подбойные могилы IV в.н.э. из некрополя Дружное // МАИЭТ. Вып. VII. 2000. С. 54.
 20. Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов карпато-днепровских земель. Одесса, 2003. С. 186.
 21. О длинных позднесарматских мечях с навершиями см. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 16; Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 172.
 22. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. Рис. 63; Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХС. Вып. XII. 2003. С. 203, 208. Рис. 2, 18.
 23. Выборный, Ключнева. Ук. соч. С. 92, табл. XXVIII, 14.
 24. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. Рис. 21, 8.
 25. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. Рис. 34, 20. Табл. 30, 56.
 26. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983. С. 73. Табл. XLIII, 9.
 27. Glodariu I. «Brătările» cu nodorități lateen firzu în Dacia // Acta musei Napocensis. 1984. XXI. S. 64. Fig. 1. 7. 9.
 28. Kokowski A. Ein extraordinärer Fund aus der späten Völkerwanderungszeit im südöstlichen Polen // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2007. 39. S. 25–27. Abb. 2b.
 29. Кухаренко Ю.В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1959. №1. С. 36, 41; Трейстер М.Ю. Кельти у Північному Причорномор'ї // Археолгія. 1992. Вип. 2. С. 43, 44; Нефедова Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб, 1992.
 30. Журавлев Д.В. Об одной группе «браслетов» или кельтский мираж в Крыму // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006.
 31. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население окрестности Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некро-

- рополя «Совхоз № 10») // *Stratum +*. 2003–2004. № 4. С. 163. Табл. 28, 3; 29, 27; 59, 8.
32. Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 204. Рис. 4, 48.
 33. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 90. Рис. 5, 8.
 34. Храпунов. Могильник Дружное. С. 46. Рис. 97, 19, 22.
 35. Там же. С. 50, 51. Рис. 103, 4, 5; 104, 5, 6; 206, 19, 20; Айбабин. Раскопки... С. 90, 94. Рис. 6, 1, 2.
 36. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 92, 93, 98, табл. II, 13, 14; Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. Вып. V. Керчь, 2004. С. 292, 293.
 37. Стржелецкий и др. Ук. соч. С. 150, 151. Табл. 11, 27.
 38. Храпунов. Могильник Дружное. С. 40. Рис. 89, 1; 109, 4, 5.
 39. Бабенчиков. Ук. соч. С. 99. Табл. XIII, 1.
 40. Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеармского времени на территории Сарматии // *Stratum +*. 2000. № 4, там же краткая историография.
 41. Бабенчиков. Ук. соч. С. 93. Табл. VI, 5.
 42. Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 203, 204, 208, 209. Рис. 4, 47.
 43. См. напр. в Дружном: Храпунов. Могильник Дружное. С. 52.
 44. Примеры см.: Безуглов С.И. Воинское позднеармское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов, 1997. С. 134. Рис. 1, 2, 3 — вторая половина II — первая половина III в. н.э.; Кузнецов В.А. Погребения III в. из Кисловодска // СА. 1990. № 2. С. 253. Рис. 1, 7, 8 — вторая половина III в. н. э.
 45. Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 129, 130. Рис. 6, 13.
 46. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. С. 41.
 47. Там же. Табл. 34, 9; 44, 5, 6.
 48. Сводку см.: Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin/ Marburg, 1994. P. 456–458. Новые находки: Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка типологического анализа и технология производства // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 256, 257; Храпунов. Могильник Дружное... С. 51, 52; Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006. С. 123; Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч.1. 2006. С. 136–138. Рис. 5, 1.
 49. Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков. М., 1982. С. 27.
 50. Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques // L'armée romaine et les barbares du III au VII siècles, 1993. P. 337; Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Вып. V. 1996. С. 308.
 51. Об этом см.: Храпунов. Могильник Дружное... С. 52. Не понятно, почему Б. Контны и Д.Ю. Савеля усомнились в ранней (до середины III в. н. э.) дате топоров с выделенным обухом из некоторых меотских могильников (Контны, Савеля. Ук. соч. С. 138, прим. 16). К этим ранним находкам следует добавить еще экземпляры

- из Усть-Альминского могильника, который не может датироваться временем более поздним, чем середина III в. н.э. (*Высотская. Усть-Альминское поселение...* С. 88. Рис. 28, 10. Табл. 44,9). Распространение топоров с выделенным обухом в Причерноморье отмечает и М.Е. Левада, но он почему-то думает, что их появление объясняется миграциями населения (*Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени* // БИ. Вып. XI. 2006. С. 208).
52. *Domanski G. Kultura Luboszycka miedzy Łabą a Odra w II–IV wieku.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 51–53. *Domanski G. Cmentarzysko w Luboszykach (II–IV w.).* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982. S. 77–78.
53. *Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum* // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin / Marburg, 1994. P. 343. Abb. 7.
54. *Хазанов. Ук. соч. С. 17.*
55. *Безуглов С.И. Позднесарматские мечи...* С. 181.
56. *Храпунов И.Н. Погребение воина IV в. н.э. из могильника Нейзац* // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 43. Рис. 4, 5.
57. *Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг.* // СА. 1977. №4. С. 245. Рис. 36.
58. *Хазанов. Ук. соч. С. 17.*
59. *Храпунов. Могильник Дружное...* С. 42, 75, 79.
60. *Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму* // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001. Рис. 12, 9; *Айбабин А.И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого* // МАИЭТ. Вып. IX. 2002. С. 40. Рис. 2, 17; *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г.* // МАИЭТ. Вып. X. 2003. Рис. 2, 9; 6, 2; 13, 10; *Храпунов. Погребение воина...* С. 43; *Мыц. и др. Ук. соч. С. 119; Контны, Савеля. Ук. соч. С. 138–148; Стржецкий и др. Ук. соч. С. 143.*
61. *Мыц. и др. Ук. соч. С. 119.*
62. *Храпунов. Могильник Дружное...* С. 42; *Контны, Савеля. Ук. соч. С. 145.*
63. *Выборный, Ключнева. Ук. соч. С. 93, табл. XXVIII.*
64. *Контны, Савеля. Ук. соч. С. 146.*
65. *Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье* // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006. С. 193.
66. *Веймарн. Ук. соч. С. 25, 28, 38. Рис. 17, 6–8.*
67. *Храпунов. Погребение воина...* С. 42. Рис. 4, 2.
68. *Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология* // КСИА. Вып. 156. 1978. С. 19.
69. *Айбабин. Хронология могильников Крыма...* С. 14; *Храпунов. Могильник Дружное...* С. 39; *Васильев, Дзиговский. Ук. соч. С. 317; Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 212, 213, 216, 217; Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея – Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.)* // «О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических» Киев, 2004. С. 119; *Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре* // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 52.
70. *Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор* // МАИЭТ. Вып. III. 1993. С. 16–19.
71. *Храпунов. Могильник Дружное...* С. 39.
72. *Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.).* М., 2003. С. 58.

73. Храпунов. Могильник Дружное... С. 58, там же аналогии из разных памятников. Новые находки: Пуздровский, Зайцев, Неневоля. Ук. соч. Рис. 5, 2, 7; Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХС. Вып. XII. 2003. С. 109, 111. Рис. 3, 6–10; Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 213–217; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVIII, 13.
74. Храпунов. Погребение воина... С. 43. Рис. 3, 3.
75. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporian Kingdom // *Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta* 36. Abingdon, 2000. P. 163, 164, Fig. 2, 4.
76. Храпунов. Могильник Дружное... С. 58, там же см. многочисленные аналогии. Новые находки: Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. Рис. 5, 71; Нессель. Ук. соч. С. 109. Рис. 2, 1–8, 10; 3, 1–4; Лобода. Раскопки красномакского могильника... С. 209, 210. Рис. 8, 3; 12, 9; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVII, 8, 10, 12.
77. Храпунов. Могильник Дружное... С. 59, там же аналогии. Новые находки: Нессель. Ук. соч. С. 110, 111. Рис. 4, 6; Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. Рис. 3, 31; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVI, 8.
78. Храпунов. Могильник Дружное... С. 59, там же аналогии.
79. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVI, 7.
80. Нессель. Ук. соч. С. 114. Рис. 4, 1.
81. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XVI, 9.
82. Храпунов. Могильник Дружное... С. 58. Новые находки: Нессель. Ук. соч. С. 114. Рис. 4, 2–5; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XIV, 27.
83. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992. С. 15, 95. Рис. 54, 3.
84. Труфанов, Колтухов. Ук. соч. С. 288. Рис. 14, 8, 10.
85. Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V в. н.э. // КСИА. Вып. 168. 1981. С. 45. Рис. 1, 6–8.
86. Храпунов. Ук. соч. С. 58, там же аналогии. Новая находка: Труфанов, Колтухов. Ук. соч. С. 288. Рис. 14, 3.
87. Храпунов. Могильник Дружное... С. 59.
88. Нессель. Ук. соч. С. 116, 118. Рис. 5, 3; 6, 7.
89. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XXIII, 12, 13.
90. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 70. Рис. 45, 4, 6.
91. Высотская. Усть-Альминское городище... С. 79. Табл. 34, 1.
92. Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XXI, 10.
93. Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. С. 202. Рис. 29.
94. Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 143. Рис. 5, 2.
95. Пуздровский, Зайцев, Неневоля. Ук. соч. Рис. 5, 24.
96. Веймарн. Ук. соч. С. 39. Рис. 13, 14, 15.
97. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 324.
98. Там же. С. 326.
99. Там же. С. 322, 335.
100. Там же. С. 339.
101. Там же. Рис. 9, 17.
102. См. напр. Там же. Рис. 6, 5, 9; 8, 6, 7; 9, 9, 14; 10, 16; 12, 12 и др.
103. Там же. С. 331. Рис. 3, 2, 3; Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. 2005. С. 177. Рис. 10, 7; Зайцев, Мордвинцева. Ук. соч. Рис. 9, 3.
104. Власов. Ук. соч. Рис. 3, 12; 4, 1, 5; 5, 14.

105. Власов. Ук. соч. С. 346; Храпунов. Последние погребения... С. 177. Рис. 10, 1, 2, 5; Зайцев, Мордвинцева. Ук. соч. Рис. 6, 9; Веймарн. Ук. соч. Рис. 14, 9; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. XXX, 15.
106. Власов В.П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. X. 2003. С. 106.
107. Храпунов. Могильник Дружное... С. 56.
108. Там же. С. 56.
109. Храпунов. Погребение воина... С. 42, 43. Рис. 3, 1.
110. Алексеева Е.М., Арсеньева Т.Н. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 2. С. 182. Рис. 4, 4.
111. Храпунов. Могильник Дружное... С. 57. Новые находки: Пуздровский, Зайцев, Неневоля. Ук. соч. Рис. 5, 2; 12, 14; Стржелецкий и др. Ук. соч. Табл. 3, 5, 6; 12, 65; 28, 31.
112. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965. Рис. 9, 2.
113. Там же. С. 217, 219; Кунина Н.З. Античное стекло из собрания Эрмитажа. СПб., 1997. С. 310. Кат. №№278, 279.
114. Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. Вып. 3. М., 2000. С. 145, 172. Табл. II, 1.
115. Jacenko E.G. Glassgefäße der Römerzeit und Spätantike aus Tanais. Funde aus Grabungsareal XIX der Kampagnen 1993–2000 // Eurasia Antiqua. 2005. Bd. 11. P. 291. Abb. 5, 71.
116. Используется типология А.А. Стояновой разработанная специально для бус из могильника Нейзац (Стоянова. Ук. соч.).
117. Стоянова. Ук. соч. С. 272.
118. Там же. С. 274.
119. Там же. С. 289, 290.
120. Там же. С. 291, 292.
121. Там же. С. 292, 293.
122. Tempelmann-Mączyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985. Typ 478. S. 86. Abb. 9.
123. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. Вып. III. 2003. С. 344; Стоянова. Ук. соч. С. 292, 293.
124. Храпунов И.Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. 2006. С. 187.
125. Определил и описал монету Н.А. Алексеенко, за что приношу ему глубокую благодарность.
126. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. Вып. VI. 2004. С. 138–140.
127. Другие опубликованные не разграбленные склепы IV в. н.э.: №№1/1984, 3, 18, 21, 58, 66, 78, 84, 87 в могильнике Дружное (Айбабин. Раскопки могильника...; Храпунов. Могильник Дружное...), №№ 1–3 в могильнике Озерное III (Лобода. Раскопки могильника...), №№ 38, 51, 53 могильника Суворово (Юрочкин, Труфанов. Ук. соч.; Зайцев, Мордвинцева. Ук. соч.), №№ 2 (7), 3 (40) чернореченского могильника (Бабенчиков. Ук. соч.).
128. Храпунов. Могильник Дружное... С. 33.
129. Юрочкин, Труфанов. Ук. соч. Рис. 1А; 4, 56–58; 5, 59.

CRYPT OF THE 4th C. AD FROM THE BURIAL GROUND NEIZATZ*I.N. Khrapunov*

The burial ground Neizatz is located in the central part of the Crimean foothills. The results of excavation of one of the crypts are published in the article. The crypt 4 is interesting, first of all, for its design, the funeral ceremonies fixed at its excavation and also a set of funeral implements which are typical for the population of the Crimean foothills of the 4th century AD. Due to the fact that the crypt had not been plundered, and it is a rather rare case, it was possible to fix the position of skeletons together with various funeral inventories. The things found in the funeral chamber, have a set of analogies with the finds made at excavation of other Crimean burial grounds. They, as well as possible, characterize the material culture of the Crimean barbarians.

© 2008 г.

В.Д. Кузнецов

БОСПОРСКИЕ ЧЕРЕПИЧНЫЕ КЛЕЙМА
(НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Ремесленное производство на Боспоре остается темой крайне плохо исследованной. Причина лежит на поверхности — практически полное отсутствие письменных источников. Археологические же материалы весьма неоднородны. Если они могут дать определенную информацию о самих ремесленных изделиях, о технологических процессах, то по вопросам организации производства значение данных археологии очень лимитировано.

Важной категорией письменных документов являются различного рода клейма, прежде всего на амфорах и черепицах. Если первая категория таких документов привлекает внимание исследователей уже давно, то оттиски на черепицах остаются в тени амфорных клейм. Во многом это связано с довольно ограниченным их количеством, которое несравнимо с числом клейм на амфорах различных производственных центров. Литература, касающаяся проблем организации производства черепиц, невелика. В этом отношении исследования боспорского черепичного производства можно считать счастливым исключением. Хотя публикаций на эту тему не так уж и много, можно уверенно говорить о том, что в отечественной науке господствует единая и вполне устоявшаяся точка зрения. В соответствии с ней производство черепиц на Боспоре по преимуществу находилось в собственности царствующего дома Спартокидов и приближенных к нему людей, наряду с которым существовало и некоторое количество частных мастерских. Наиболее полно эта точка зрения обоснована в работах В.Ф. Гайдукевича (см. ниже). Она принята всеми исследователями, которые касаются вопросов организации производства черепиц на Боспоре.

Задача данной работы состоит в том, чтобы заново рассмотреть некоторые проблемы организации изготовления этой важной категории строительных материалов на Боспоре. Автор предполагает, что эта статья не будет последней на эту тему, поэтому основное внимание сейчас будет уделено таким вопросам, как причины клеймения черепиц и содержание клейм, в частности оттисков со словом βασιλική/κός.

Клейма на черепицу ставили во многих античных городах. Они показывают большое разнообразие категорий и типов. Среди них можно встретить оттиски с именем изготовителя или владельца мастерской, с указанием принадлежности черепицы (например, «государственная»), с датировочной формулой в виде имени магистрата и т.д. На первый взгляд, уловить какую-либо закономерность в клеймении черепиц невозможно: складывается впечатление, что в каждом городе существовали свои законы и правила клеймения.

Боспор в этом отношении ничем не отличается от прочих античных центров. Все известные клейма на боспорских черепицах делятся на несколько категорий: с одним или двумя именами (часто в сокращении, редко в виде монограммы или лигатуры), с именем бога, царя, названием городской общины и т.д. Можно ли увидеть какую-то систему в клеймении или оно осуществлялось совершенно произвольно? Исследователи по-разному отвечают на вопрос о том, что означает каждая категория клейма и с какой целью они ставились. Например, черепицы с клеймами βασιλική/κός, δημόσιος или ἱερός одни исследователи интерпретируют как произведенные в мастерских, принадлежащих царям, городу или святилищу соответственно. Другие же на основе этих клейм определяют принадлежность черепиц, но не принадлежность мастерских¹. Рассмотрим эту проблему поближе на примере боспорских черепиц с клеймом βασιλική.

Наиболее полно общепринятая теперь точка зрения на эту категория клейма обоснована в статьях Б.Н. Гракова и особенно В.Ф. Гайдукевича². Первый из этих исследователей исходит из того, что поскольку на черепичных клеймах встречаются такие имена, как Спарток, Перисад, Притан, Евмел, известные нам как имена царей, то отсюда следует, что черепица была произведена на «царском заводе». Затем он добавляет: «Могло бы возникнуть сомнение в том, что клейма без титулатуры — не клейма царей; но монеты, надписи и источники рисуют нам эти имена как царские, а совпадение клейм с временем царей очевидно: не нужно было отмечать титул, если само имя говорило за себя.... Можно было бы предположить, как это сделал Нильссон (ссылка на: M. Nillson. *Timbres amphoriques de Lindos*. Copenhagen, 1909. P. 64 и сл. — ВК), что царские имена на боспорских клеймах обозначали покрытие этими черепицами царских зданий. Но такое предположение опровергается фактом распространения черепиц с царскими клеймами в различных городах царства и тем, что нередко черепичные гробницы рядового населения делались из черепиц, клеймённых царскою печатью»³. Сразу же отметим не только шаткость аргументации автора, но и ее полную неубедительность. С одной стороны, имена без титулатуры совершенно необязательно должны были принадлежать боспорским царям. С другой стороны, черепица для могил могла использоваться вторично спустя многие годы, что и отмечал В.Ф. Гайдукевич⁴.

Более развернутой является аргументация В.Ф. Гайдукевича. Прежде всего, он соглашается с существовавшим до него мнением о том, что клейма на черепицах и кирпичах обозначали первоначально, кому принадлежит данный строительный материал, а не кем он сделан. Так, например, клейма со словом δημόσιος означают, что черепица была изготовлена для зданий общественного назначения, а со словом ἱερός — для храмов и святилищ⁵. Доказательством такой интерпретации являются клейма, происходящие из Спарты⁶. Они являются наиболее полными с точки зрения содержания. В.Ф. Гайдукевич приводит в качестве примера такое клеймо: δημόσιος τεχνέων ἐργῶν Εὐαμέρου («государственная (черепица), для стен, фабриканта Евамера»⁷). Из него ясно следует, что подрядчик Евамер изготовил в своей мастерской черепицу для общественных нужд (для покрытия стены). Казалось бы, что по аналогии с δημόσιος и ἱερός должны быть интерпретированы и клейма βασιλική/κός — черепица, изготовленная для царских нужд, по заказу царя. Однако В.Ф. Гайдукевич отказывается от такого понимания содержания этих клейм. Он обращается к давней теперь уже полемике между двумя возможными значениями клейм βασιλική, происходящими из Пергама. В первом случае считалось (и считается некоторые исследователями до сих пор), что речь идет о черепице, произведенной в мастерских, принадлежащих царю. В другом случае исходили из того, что слово «царская» означало здание (в данном случае портик). По мнению исследователя, этот вопрос окончательно разрешен Ж. Леру, который доказал, что клейма βασιλική означали происхождение черепиц из царских черепично-кирпичных «фабрик»⁸.

При этом В.Ф. Гайдукевич осознает нелогичность этого вывода: с одной стороны, клейма с прилагательным δημόσιος означают *принадлежность* черепицы, а с другой клейма с прилагательным βασιλική почему-то должны означать ее *происхождение*. На это у него имеется решающий, как ему кажется, аргумент — имена боспорских царей в клеймах. Вот как он объясняет свою логику: «Клейма Βασιλική и Βασιλικός следует, конечно, трактовать как обозначение происхождения соответствующей продукции из керамических предприятий, принадлежавших государству в лице боспорских царей. Если бы в нашем распоряжении были только эти клейма, мы не смогли бы, пожалуй, сделать вывода о том, кому принадлежали промышленные предприятия, в которых изготавливались черепицы. В самом деле, вспомним спартанские клейма на кирпичах и черепицах... На Боспоре дело могло обстоять так же, и тогда Βασιλική можно было бы понимать только как *термин, фиксирующий собственность*. Такое предположение было бы допустимо, если бы мы не имели клейм, где имена боспорских царей фигурируют, как обычные имена промышленников, наряду с именами других подобных же промышленников, хотя, видимо, и принадлежавших к «высшему обществу», но не занимавших, однако, столь высокого места в государственной организации Боспора»⁹. В.Ф. Гайдукевич, как и Б.Н. Граков, полагает, что присутствие в черепичном клейме имени человека, которое совпадает с именем одного из боспорских правителей, является вполне достаточным основанием для того, чтобы считать его царем. На этом предположении, которое принимается как доказанный факт, построены все выводы исследователя. В частности, отсюда следует, что как с точки зрения филологической, так

и с точки зрения ономастической клейма βασιλική/κός свидетельствуют о том, что на Боспоре существовали черепичные мастерские, принадлежавшие правящим царям династии Спартокидов. Посмотрим, насколько доказательны приведенные аргументы.

Прежде всего, восстановим справедливость по отношению к Ж. Леру, мнение которого В.Ф. Гайдукевич использовал в подтверждение своей точки зрения. По поводу кирпичей из Спарты, в которых встречается слово *damosiai*, французский исследователь пишет: «Отсюда следует заключить, что кирпич не был изготовлен государством, но что здание, из которого происходил кирпич, было общественным сооружением. В случае с черепицами, найденными в Пергаме, слово βασιλική, если оно было прилагательным, должно, таким образом, переводиться как «черепица, происходящая из царской собственности»...»¹⁰. Другими словами, Ж. Леру полагал прямо противоположное тому, что ему приписал В.Ф. Гайдукевич: слово βασιλική в клеймах означало, что черепица происходила из какого-то здания, принадлежавшего царю, а отнюдь не то, что она была выпущена в царской мастерской.

Теперь обратимся к вопросам ономастики. В ряде городов найдены черепичные клейма, в которых стоит имя того или иного царя (Филиппа, Аттала, Набиса и др.)¹¹. Как правило, такое имя сопровождается словом «царь». Например: βαίλέος (= βασιλέως) Νάβιος, βασιλέως Σπартόκου, βασιλέως Φιλίππου¹². Сам по себе такой тип клейма не дает оснований думать, что черепица была изготовлена в мастерской, принадлежавшей царю. Более того, одно из спартанских клейм противоречит такому пониманию, поскольку имя царя Набиса поставлено в дательном падеже (βασιλεῖ Νάβι, «царю Набису»)¹³. Очевидно, что значение надписи в клейме e.g. βασιλέως Φιλίππου равно по значению обезличенному слову βασιλική. Однако все специалисты, которые исследовали боспорские черепичные клейма, считают иначе. В соответствии с традиционной точкой зрения, под именами Спарток, Перисад, Притан, Евмел и др. они видят царей из династии Спартокидов. Даже если эти имена не сопровождаются словом «царь»¹⁴. На чем же основана такая уверенность? Ведь если в клейме встречается имя Спартока, Перисада, Сатира или Притана, то это не может автоматически означать, что речь обязательно идет о боспорском царе. Такие имена были довольно распространенными¹⁵. Хронологическое совпадение клейма и времени правления данного царя также не является решающим: в годы правления, например, царя Притана такое имя могли носить и другие люди. Поэтому отнюдь не является случайным факт появления в клейме слова «царь» (например, «царя Спартока»), которое подчеркивает не только отличие правителя от любого его тезки, но и вкладывает иной смысл в значение клейма. Имя боспорского царя Спартока помещалось в клеймо на черепице совершенно с другой целью, чем имя просто Спартока. Царь был заказчиком черепицы, тогда как его тезка мог быть владельцем мастерской, ремесленником, либо (при определенных обстоятельствах) магистратом. Именно поэтому имя правителя обязательно должно сопровождаться указанием на его статус или заменяться безличным словом «царская».

Для того, чтобы понять, почему могло появиться мнение о черепицах с надписью βασιλική как продукции царских «фабрик» необходимо вспомнить дату

появления статьи В.Ф. Гайдукевича «Строительные керамические материалы Боспора» — 1934 г. Работа была написана в период, когда актуальным был вопрос об обосновании рабовладельческого способа производства. Задача состояла в том, чтобы найти доказательства эксплуатации трудящихся масс рабовладельцами. Появление гипотезы о том, что в руках рабовладельческой верхушки были сосредоточены средства производства, приносившими им баснословные барыши, было очень кстати, поскольку находилось в русле господствующей идеологии. Напомним в связи с этим некоторые выводы В.Ф. Гайдукевича: «Очевидно, производство черепиц, как одна из прибыльных отраслей промышленности, находилась в руках боспорской «аристократии», верхушку которой составляли Спартокиды». И еще: «Тот факт, что их (т.е. мастерских по производству черепицы — *ВК*) владельцы составляли богатую рабовладельческую верхушку Боспора, уже достаточно хорошо свидетельствует, что черепичные мастерские приносили им немалые барыши, иначе едва ли стоило им заниматься этим делом; получать же более или менее солидный доход можно было, конечно, только при том условии, если производство было сравнительно крупным. Рентабельность этих мастерских, по-видимому, не в малой степени обусловливалась также и наличием достаточно дешевой рабской рабочей силы, осуществлявшей производственный процесс»¹⁶.

Таким образом, на основе сказанного выше мы вправе поставить под сомнение устоявшуюся и общепринятую точку зрения о том, что клейма со словом βασιλική, а также с именами, аналогичными именам некоторых царей из династии Спартокидов, являются свидетельством наличия царских мастерских по производству черепицы.

На протяжении многих лет исследователи выдвигали различные объяснения причин клеймения черепиц. Среди них можно назвать контроль за качеством, соответствие установленным стандартам, указание на происхождение, способ предотвратить воровство, фискальные цели и т.д.¹⁷. Однако практически все эти объяснения не могут быть приняты. Например, клеймо βασιλική никак не может помочь ни в контроле за качеством, ни в определении происхождения, ни в чем-либо другом. Принимая во внимание, что клеймилась лишь небольшая часть черепицы, невозможно говорить и о стремлении избежать воровства. Один из крупнейших специалистов в области амфорных клейм, И. Гарлан, рассмотрел причины клеймения амфорной тары¹⁸. По его мнению, клейма предназначались не кому бы то ни было, а «экспертам». Они не ставились для снабжения информацией потребителя, не служили для рекламы фабрикантов, поскольку часто их имена даже не упоминались в клеймах или давались в сокращенном виде. Не может быть речи и о предназначении их для датировок, т.к. в качестве магистрата могло даваться имя не официального эпонима города, а ложного эпонима. Они не были также гарантией происхождения, поскольку этникон упоминался не всегда. Клеймо относится к амфоре, а к не содержащему в ней, и не является гарантией объема амфоры. Одна и та же печать ставилась на амфоры разных типов и, соответственно, объемов. Невозможно до обжига гарантировать объем амфоры, можно только контролировать размеры. Ответ автора на причины клеймения состоит в том, что это делалось в фискальных целях. Однако сам автор признает этот вывод предположительным, по-

сколько амфорное клеймение не было унифицированным, единым явлением для всех регионов античного мира и для всех времен.

Несмотря на то, что клейма на амфорах имеют свою специфику, негативная часть выводов И. Гарлана применима и в случае с черепичным клеймением. Чем же тогда объясняется необходимость клеймения этого вида строительных материалов?

Ответ на этот вопрос может быть дан на основе эпиграфических документов о строительстве зданий общественного назначения. Эти надписи имеют важнейшее значение для понимания организации строительных работ в древней Греции. Одним из главных моментов в этой организации был процесс сдачи работ. Любые виды работ, связанных со строительством более или менее важных частей здания и его отделкой и требовавших высокой квалификации, должны были сдаваться с торгов, что отвечало публичности всех видов деятельности в демократическом государстве и духу соревновательности, характерному для античности. По результатам торгов заключался письменный контракт между ремесленником и строительной комиссией, представлявшей интересы полиса. В этом контракте давалось техническое задание подрядчику, описывались сроки выполнения работ, условия, после выполнения которых он получал уговоренную сумму денег, штрафные санкции за нарушения условий контракта и т.д.¹⁹. В строительных отчетах, происходящих из панэллинских святилищ в Эпидавре и на Делосе, сохранились описания нескольких контрактов, заключенных для обеспечения строительства черепицей. Рассмотрим некоторые из них.

В документах о строительстве святилища Асклепия в Эпидавре (IV–III вв. до н.э.) имеются записи о контракте Технона на поставку черепицы для одного из зданий этого святилища (Эпидотейона). В них говорится: «Технону, взявшему подряд на (изготовление) 117 пар черепицы, по три драхмы за пару, первая доля (выплаты) с удержанием одной десятой получается 315 драхм 5,4 обола» (IG IV² 108.147-8). Несколькими строками ниже говорится о штрафе с Технона за какое-то нарушение условий контракта («От Технона штраф за черепицу, 93 драхмы», IG IV² 108.153), а еще ниже такая запись: «Подрядчику (ἐργῶναι) Технону... за черепицу остаток вместе с одной десятой, 243 драхмы» (IG IV² 108.154).

Таким образом, Технон, который был владельцем мастерской по изготовлению черепицы, заключил контракт со строительной комиссией на изготовление 117 пар черепицы. По условиям договора он получал деньги порциями после привоза определенного количества черепицы. Однако в один момент он нарушил условия договора, за что был оштрафован на 93 драхмы, что составляло примерно четвертую часть стоимости всей работы (351 драхма)²⁰. Показательной для решения стоящей перед нами задачи является запись о контракте еще одного изготовителя черепицы: «Подрядчику (ἐργῶναι) Матрохару за черепицу *неокория* для домов на (холме) Кионе, 768 пар, каждая пара по 3,5 обола, после удержания одной десятой получилось 405 драхм 4 обола 1 халк²¹» (IG IV² 109 II. 141-3). Еще более важным в этом отношении является описание контракта из святилища Аполлона на Делосе: «Анапсиктиду, подрядившемуся (ἐγλαβόντι) (изготовить) 500 пар черепицы для палестры, (каждая) пара 1 драхма 1 обол 9

халков, после того как он привез черепицу и пересчитал целые (экземпляры), мы выдали в соответствии с контрактом (κατὰ τῇ συγγραφῇ) в присутствии архитектора и эпимелетов насчитанную (сумму) 645 драхм 5 оболов» (IG XI 199.109–10). Следует обратить внимание, что в этих записях присутствует такая важная информация как имя подрядчика, название изделия, его стоимость и назначение.

Теперь нам необходимо вернуться к черепичным клеймам из Спарты, о которых речь уже шла выше. Их уникальность состоит в том, что они более информативны по сравнению с клеймами из других мест. Приведем такой пример из довольно большого их количества: «Государственная (черепица), при Евдамиде, для стен; подрядчиков Никиона и Ксенарха» (IG V, 1. 889)²². Здесь указаны собственник изделия, датировка по магистрату, назначение изделия и подрядчики-изготовители²³. Следует обратить внимание на определенное сходство содержания спартанских клейм с приведенными выше записями контрактов на изготовление черепицы. Очевидно, что клейма из Спарты являются своего рода «кратким изложением» контрактов, заключенных при строительстве оборонительных стен и других сооружений. Понятно, что в клейме невозможно полностью перечислить условия договора. В большинстве случаев в этом и не было необходимости, поскольку заказчик знал от кого поступил товар. Иначе могло быть в случае большого строительства, когда заключалось множество контрактов. Например, при сооружении городских укреплений поставками черепицы занималось большое количество подрядчиков, партии изделий каждого из которых нужно было идентифицировать среди прочих для проверки качества, пересчета количества и оплаты. Известны случаи, когда черепица изготавливалась по заказу государства впрок. Она хранилась на специальном складе и предназначалась для строительства и ремонта общественных зданий²⁴.

Таким образом, спартанские черепичные документы ясно показывают значение каждого элемента клейма, который отражал основные клаузулы контракта, заключенного на изготовление черепицы. Поэтому они являются своего рода ключом к пониманию клейм из других мест, гораздо более лаконичных по своему содержанию.

Из всего сказанного следует, что клеймо на черепице ставилось для заказчика, которым мог являться полис, святилище, царь, частное лицо и т.д. Этого заказчика могли представлять специально назначенные люди, которые были ответственны за осуществление строительных работ, в частности за поставку строительных материалов. Как видим, такое заключение совпадает с выводом И. Гарлана о предназначении амфорных клейм для экспертов. Перед тем, как расплатиться с подрядчиком за выполненную работу, заказчик должен был проверить ее на предмет соответствия условиям договора. Для этого ему необходимо было получить определенную информацию об изделии. Если спартанские клейма давали максимум такой информации, который был возможен в документе такого рода, то оттиски на черепице в других городах были короче. Однако такая лаконичность, по всей видимости, удовлетворяла заказчика, поскольку текст полный контракта был записан отдельно, на специальных дощечках. В зависимости от обстоятельств, в клейме указывалась та или иная клаузула. Как правило, в нем подчеркивалась принадлежность черепицы (госу-

дарственная, храмовая, царская), либо имя подрядчика-изготовителя. Все те же клейма из Спарты дают примеры такого рода. Так, наряду с полными вариантами клейм на черепицах, предназначенных для городских стен, встречаются и сокращенные («Государственная (черепица) для стен. Аристон», IG V, 1. 898). Еще более короткие клейма: «При Клеоксене» или «Подрядчика Прасиона» (IG V, 1. 911, 913). Если в последнем из приведенных клейм убрать слово «подрядчик», то останется имя ремесленника в род. падеже. Таких клейм очень много в различных регионах античного мира. Французская исследовательница М.-Ф.Билло, посвятившая большую статью проблемам производства и клеймения черепицы, полагает, что за таким именем может скрываться покупатель (частное лицо или представитель полиса) или магистрат-эпоним, контролировавший производство продукции и/или торговлю ею. Что же касается производителей черепицы, то они определенно появляются только в двух категориях клейм. К первой относятся клейма с двумя именами, одно из которых и принадлежит производителю, а к второй — с именем в номинативе, которое может сопровождаться словами ἐπόει или ἐποίησεν²⁵. С этим утверждением согласиться крайне затруднительно хотя бы уже потому, что в клейме с одним именем видеть магистрата без предлога ἐπί; вряд ли возможно²⁶: в таком случае должностное лицо легко спутать с ремесленником, сделавшим черепицу. В то же время наличие в клейме с одним именем только имени подрядчика-производителя черепицы в род. падеже без слова ἐργώτης или в номинативе без слова ἐπόει/ἐποίησεν выглядит оправданным, поскольку другие варианты интерпретации этого имени более проблематичны²⁷.

Мы не можем сказать, по какому принципу выбиралась надпись в клейме: почему в одних случаях вырезалось имя мастера-ремесленника, в другом — имя магистрата, в третьем указывалась принадлежность черепицы (например, государственная или царская) и т.д.²⁸. Видимо, такой выбор объясняется конкретными условиями, в которых осуществлялся заказ черепицы, и требованиями ответственными за этот заказ должностных лиц. Рассмотрим, например, такой конкретный случай. На некоторых черепицах из Аргоса (из святилища Геры) имеются клейма, в которых упоминается архитектор. Например: Σωκλῆς ἀρχιτέκτων (SEG 51 (2001) 419)²⁹. Что может означать такое клеймо? Очевидно, что архитектор не мог иметь отношения к производству черепицы, на которой стоит его имя. Принимая во внимание то, что мы знаем о роли архитектора на строительной площадке, можно с определенной долей уверенности предложить такое объяснение. Во время строительства какого-либо общественного здания нередко возникала необходимость быстро выполнить ту или иную небольшую по объему работу, на которую контракт не заключался. Такая работа, как показывают строительные надписи, выполнялась по прямому указанию архитектора, который был главным техническим экспертом на строительной площадке³⁰. Отсюда следует, что во время строительных работ в святилище Геры архитектор Сокл заказал какое-то количество черепицы, которая могла потребоваться срочно, и ремесленник поставил его имя в клейме, чтобы отделить эту черепицу от прочей и чтобы строительная комиссия могла оплатить ее по договоренным расценкам (поскольку цену за работу назначал все тот же архитектор)³¹.

На характер клеймения могли оказывать и другие факторы. Нужно иметь в виду, что черепица была необходима не только в процессе строительства зданий общественного назначения. Ее могли изготавливать по заказу городских властей, царей, святилищ, частных лиц. Например, известны случаи посвящения клейменных черепиц в святилища или для государственных нужд³². С большой долей уверенности можно полагать, что клейма, в которых поставлено имя полисной общины, указывало на принадлежность черепицы государству³³. Отсюда следует, что причины появления того или иного слова или имени в клейме могли быть разными, обусловленными конкретными обстоятельствами, в которых происходило осуществление заказа черепицы.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в подавляющем большинстве мы судим о клеймах по обломкам черепиц, поскольку целые клейменные экземпляры встречаются нечасто. Однако хорошо известно, что на одной и той черепице могло стоять два клейма, каждое из которых несло свою информацию. Например, на одном оттиске могло стоять имя ремесленника-производителя, а на другом — заказчика³⁴.

Вернемся к боспорским черепичным клеймам. К сожалению, до сего дня не издан полный каталог этих клейм, что затрудняет работу по их интерпретации. Тем не менее, можно говорить о нескольких категориях этих клейм. К одной из них относятся оттиски с именами царей в сопровождении слова βασιλεὺς или просто со словом βασιλική, к другой — с указанием полисной общины (например, ΠΑΝΤΙ)³⁵, к третьей — с именами божеств к четвертой — с именами магистратов, к пятой — с именами ремесленников-изготовителей («фабрикантов») и т.д.³⁶. Первые три категории клейм означают заказчиков (боспорских царей, городов, святилищ), тогда как имя в генетиве или номинативе, скорее всего, принадлежит изготовителю черепицы³⁷.

В заключении отметим, что тщательный анализ информации, содержащейся в боспорских клеймах, еще предстоит сделать. Первым шагом должно стать составление полного каталога таких клейм. Необходимым же условием для корректного понимания этой информации является рассмотрение оттисков на черепицах из Боспора в контексте клеймения этого вида строительных материалов в других греческих государствах, а также учет прочих видов источников по этой проблеме (прежде всего данных эпиграфики). Однако уже сейчас ясно, что необходимо пересмотреть традиционный взгляд на боспорское черепичное производство как своеобразный домен правителей Пантикапея. Очевидно, что изготовление черепицы находилось, главным образом, в руках частных лиц³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Billot M.-F.* Centres de production et diffusion des tuiles dans le monde grec // *L'artisanat en Grèce ancienne. Les productions, les diffusions.* Éd. par F. Blondé et A. Muller. Lille, 2000. P. 211; *Doulgeri-Intzesiloglou A.* Quelques «artisans éponymes» de l'«industrie» de l'argile a Phère (Thessalie) // *Topoi*. Vol. 8/2. 1998. P. 615.
2. *Граков Б.Н.* Эпиграфические документы царского завода в Пантикапее // *Из истории Боспора.* ИГАИМК. 104. М.-Л., 1934. С. 202-210; *Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // *Из истории Боспора.* ИГАИМК. 104. М.-Л., 1934. С. 211-315.

3. Граков. Ук. соч. С. 208.
4. Гайдукевич. Строительные керамические материалы. С. 217.
5. Там же. С. 252.
6. Клейма впервые опубликованы в статьях: *Wace A.J.B.* Excavations at Sparta, 1906 // BSA. XII. 1905-1906. P. 344-350; *idem.* Excavations at Sparta, 1907 // BSA. XIII. 1906-1907. P. 17-43; *Woodward A.M.* Excavations at Sparta, 1924-28 // BSA. XXX. 1928-1929, 1929-1930. P. 226-240. Переиздано: IG V, 1.
7. Там же. С. 253. Слово ἐργῶνης правильное перевести как «подрядчик» (а contractor, LSJ). В пользу этого свидетельствуют многочисленные надписи из Делоса, Эпидавра, Тегеи, Лебадии и др. (см.: *Кузнецов В.Д.* Организация общественного строительства в древней Греции. М., 2000. С. 519 s.v.).
8. Там же. С. 281-285.
9. Там же. С. 293.
10. «Il en faut conclure que la brique n'a pas été fabriquée par l'État, mais que le bâtiment dont elle provient était un édifice public. Dans le cas des tuiles trouvées a Pergame, le mot βασιλική, s'il était un adjectif, devrait donc se traduire «tuiles provenant d'une propriété royale»...» (*Leroux G.* La prétendue basilique de Pergame et les basiliques hellénistiques // BCH. 38. 1909. P. 241).
11. *Billot.* Op. cit. P. 201-202.
12. IG V, 1, 885; *Hood M.S.F.* Archaeology in Greece, 1957 // Archaeological Reports 1957 (1958). P. 15; SEG 49 (1999) 707.
13. *Wace.* Op. cit. P. 349; SEG 50 (2000) 414.
14. *Гайдукевич В.Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. Вып. 17. 1947. С. 22; *Берзин Э.О.* Из истории производства клейменной черепицы на Боспоре (IV — начало III в. до н.э. // СА. 1959. № 4. С. 53-60; *Шелов Д.Б.* Керамические клейма из раскопок Фанагории // Фанагория. МИА. № 57. М., 1956. 153; *Савельев Ю.А.* Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории в 1950—1960 г. // СА. 1964. № 3. С. 196-206; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. Вып. 18. 2007. С. 327 и слл.
15. См.: A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005. S.v. Πρύτανις, а также Σάτυρος, Εὐμηλος, Λεύκων.
16. *Гайдукевич.* Строительные керамические материалы. С. 270, 297.
17. *Billot.* Op. cit.
18. *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. P., 1999. P. 77-82.
19. *Кузнецов.* Ук. соч. С. 299 и слл.
20. Этот ремесленник, видимо, не был аккуратным в исполнении договоренностей: при строительстве еще одного здания в святилище он также был оштрафован за несвоевременную поставку черепицы (IG IV² 109 II. 151).
21. В тексте надписи подсчеты некорректны: Матрохар должен был получить в общей сложности 448 драхм, а после удержания одной десятой 403 драхмы 1,2 обولا.
22. Δαμόσιαι ἐπὶ Εὐδαμίδα τευχέων ἐργῶν Νικίωνος (κ)α(ι) Ξενάρχου. В спартанских клеймах можно встретить упоминания и других сооружений: «Государственная (черепица) для портика, при Мнасистрате, подрядчик — моклей» (*Woodward.* Op. cit. P. 235).
23. По поводу имен в именительном падеже, которые встречаются в клеймах Спарты (например: «Государственная (черепица) для стен. Аристархид», IG V, 1.896)

- М.-Ф. Билло пишет: человек, скрывающийся под таким именем, был скорее изготовителем черепицы (*tuilier*), чем предпринимателем (*entrepreneur*) (*Billot*. Op. cit. P. 208). В действительности, как показываю строительные надписи, практически все предприниматели были ремесленниками, которые сами работали на строительной площадке или выполняли заказы в своей мастерской (*Кузнецов*. Ук. соч. С. 435-436).
24. «При Никономе, для хранилища (черепицы) (*παρθέσεος*), подрядчик Евфранор» (IG V, 1.870).
 25. *Billot*. Op. cit. P. 200-201.
 26. Наличие на черепице только одного клейма с именем магистрата с предлогом в сопровождении предлога *ἐπί* выглядит несколько странным, поскольку оно дает только датировку, но не сообщает, кто изготовил черепицу или кому она принадлежит. Однако клеймо с именем магистрата могло быть не единственным на черепице. В таком случае второй оттиск мог сообщать крайне важную информацию об изготовителе или владельце строительного материала.
 27. К такому же мнению склоняется А. Дулгери-Инцесилоглу на материалах из Фессалии (*Doulgeri-Intzesiloglou*. Op. cit. P. 613), с чем не согласны И. Гарлан и Б. Элли (Там же. С. 617; дискуссия, опубликованная в конце статьи). См.: SEG 43 (1993) 444; 51 (2001) 906, 1093.
 28. См., например: *Kindt B.* Les tuiles inscrites de Corcyre. Louvain-La-Neuve, 1997. P. 29-30.
 29. При раскопках в святилище Зевса в Немее найдены клейма на черепице с именем Сосиклея (в генетиве). С.Миллер полагает, что этот Сосиклей идентичен архитектору Соклу из Аргоса. Отсюда следует, что имя в клейме, стоящее в род. падеже, может означать не только подрядчика-ремесленника, но и, например, архитектора. В качестве аргументации своего вывода американский специалист говорит об идентичности имен Сокл и Сосикл. Он также указывает на хронологическое совпадение клейм и географическую близость Немее к Аргосу, хотя и признает отсутствие «абсолютного доказательства» идентичности этих двух человек (*Miller S.G.* Sosikles and the Fourth-century Building Program in the Sanctuary of Zeus at Nemea // *Proceedings of the International Conference on Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods* / Ed. by N.A. Winter. Hesperia Suppl. XXVII. Princeton, 1994. P. 88-97). Однако одного только отсутствия слова «архитектор» в клеймах из Немее достаточно для сомнений в такой идентификации С. Миллера — имена Сокл и Сосиклей широко распространены в греческом мире (см., например: *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IIIA. The Peloponnese, Western Greece, Sicily, and Magna Graecia* / Ed. by P.M. Fraser and E. Matthews. Oxford, 1997. P. 409, 413). Приведем еще пример из соседнего Аргосу и Немее Эпидавра, где примерно в это же время работали два ремесленника по имени Сокл (IG IV² 102.76-8, 106 I.67-9). Поэтому очень вероятно, что архитектор Сокл из Аргоса и ремесленник Сосиклей из Немее были разными людьми.
 30. Например, в делосских надписях о строительных работах в святилище Аполлона говорится о работах, выполненных по указанию архитектора (*ἀρχιτέκτονος ἐγδόντος*) (IG XI, 2, 156A.34; 161A.73), «как предписал (*ἐξηγεῖτο*) архитектор» (ID 287A.108).
 31. *Кузнецов*. Ук. соч. С. 338.
 32. В Истрии (5 в. до н.э.) посвящение черепицы Афродите в качестве начатков (от деятельности по производству черепицы?): 'Αφροδίτῃ ἀνέθηκεν 'Εχ.λε [.....] ἄπαρμα (SEG 50 (2000) 685); в Мегалополе — Зевсу знаменитым полководцем Филопеменом и не менее знаменитым историком Полибием для общественных

- нужд (Ὁμίλου δαμόσιοι | Πόλυβιος ἀνέθηκε) (SEG 52 (2002) 451).
33. Например: Πέλλης (SEG 49 (1999) 760); ср.: πόλεως (SEG 48 (1998) 670).
34. *Wace*. Op. cit. P. 18; *Miller*. Op. cit. P. 95.
35. И. Гарлан справедливо подчеркивает (на примере амфорных клейм), что оттиски со словом «государственная» означали «изготовлено для государства», а не «изготовлено государством» (*Garlan*. Op. cit. P. 77).
36. Из Фанагории происходит редкое клеймо ἰδιωτικῆ, которое вопреки искусственной интерпретации Ю.А. Савельева следует переводить как «частная» (*Савельев*. Ук. соч. С. 202-204).
37. Отметим в этой связи, что наиболее трудной является интерпретация боспорских клейм с двумя именами, стоящими в род. падеже, таких, например, как ΠΑΝΘΕΡΟΣ | ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ. Объяснение наличия двух имен кооперацией производителей не выглядит убедительным (*Garlan*. Op. cit. P. 76). Этот вопрос требует специального внимания.
38. Ср.: *Garlan*. Op. cit. P. 77.

BOSPORUS TILE STAMPS (SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION)

V.D. Kuznetsov

The important categories of written documents are various stamps, first of all on amphorae and tiles. While the first category of these documents has been drawing the researchers' attention for a long time, prints on the tiles still remain in the background. In many respects it is connected with a quite limited amount of tile stamps incomparable with a number of amphorae's stamps of the various industrial centers. So, the question-matter is consideration of the prints on tiles from Bosphorus in a context of stamping this kind of building materials in other Greek states, and also taking into account other types of sources on this problem (first of all, the epigraphy data). Besides, it is necessary to reconsider a traditional view on Bosphorus tile manufacture as an exclusive domain of Panticapaeum governors as far as it is obvious that private persons got their hands on tile manufacturing.

© 2008 г.

С.Н. Прокопенко

ХОРА ГОРОДОВ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА (конец VI — 1-я четверть III вв. до н.э.)

Исследование хоры боспорских городов на ранних этапах существования приобретает ныне особую актуальность. Ряд ученых в полисных землях видят ядро организации сельской территории Боспора античного времени¹ в целом, что подчеркивает важность и необходимость ее исследования. Ныне идет увеличение количества памятников сельской округи городов, исследуемых археологами и публикаций ряда обобщений на представленную тему². Но, несмотря

на успехи, достигнутые в изучении данного вопроса, окончательное решение еще далеко.

Несмотря на кажущуюся исчерпанность проблемы, следует отметить, что работы последних двух десятилетий были направлены на исследование общей или политической истории раннего Боспора (Ф.В. Шелов-Коведяев, Е.А. Молев), материальной культуры раннего Боспора (А.А. Завойкин).

Особенно интенсивно разрабатывались в последние годы проблемы земельной размежевки и наделов. Однако, комплексной исторической реконструкции сделано не было. Причем, мы не стали бы абсолютизировать важность именно территориального размежевания хоры, точной реконструкции системы наделов на основе археологических исследований. Это задача на многие годы вперед. Пока же сделаны лишь аэрофотосъемки. Межевые линии, зафиксированные на них, не должны распространяться на весь античный период, а должны иметь конкретные хронологические привязки. И более вероятно, что указанные следы размежевки относятся к позднеантичному времени. Следовательно, система наделов раннего Боспора в ближайшее время реконструирована не будет.

Более перспективен, на наш взгляд, исторический анализ развития хоры, связанный с системой расселения, фиксацией поселений, устанавливаемых более надежно, нежели наделы и системы межевания, порой не совпадающие со здравым смыслом и «житейской логикой» (А.А. Масленников). Также было бы опасно абсолютизировать херсонесскую модель и механически переносить на Боспор херсонесские представления о клерах; на Боспоре имела немалая специфика (позднейшая «царская земля», наступление некрополей на хору городов за 1000 лет и т.д.).

Не менее важно и попытаться реконструировать «практические» аспекты повседневной реальной хозяйственной жизни: отдаленность участка земли от поселения, организация обороны отдельных поселений, время пути до города и его оборонительных стен, возможность перевозок грузов и т.п., блестяще проанализированные М.И. Ростовцевым для Римской империи первых веков н.э.

Нельзя в этой связи не коснуться и проблем полисного статуса того или иного раннебоспорского города, организации системы «полис-хора», специфики функционирования этой системы в надполисном Боспорском государстве — одном из первых в античности.

В историографии изучения поселенческой структуры Боспора³ наблюдался крен в пользу исследования сельской территории европейского Боспора. Поэтому не удивительно, что первые обобщения о системе поселений Боспора были сделаны на материале Восточного Крыма, где информация о поселениях азиатского Боспора VI-IV вв. до н.э. была представлена крайне фрагментарно.

Можно перечислить ряд ученых, занимавшихся и занимающихся проблемами развития поселенческой структуры европейского Боспора: В.Д. Блаватский, И.Т. Кругликова, А.А. Масленников, В.Н. Зинько, А.В. Гаврилов, в то время как на Таманском полуострове систему поселений кроме Я.М. Паромова никто серьезно не изучал. Но в настоящее время с каждым годом объем археологических работ на Тамани растет, и процесс накопления материала по обозначенной проблеме идет быстрыми темпами, что позволяет исследователям в процессе их сравнения с материалами Восточного Крыма приходиться к некоторым

интересным выводам. Особенно отметим исследования А.А. Завойкина и А.А. Масленникова, где затронуты вопросы развития поселенческой структуры начального этапа освоения эллинами данных территорий.

Однако сельская территория Европейского Боспора также исследуется неравномерно, что приводит к построению обобщений в основном на материале наиболее изученных территорий. Керченский полуостров имеет неисследованные или частично исследованные участки. К ним можно отнести юго-восточную часть полуострова, археологическое изучение которой на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

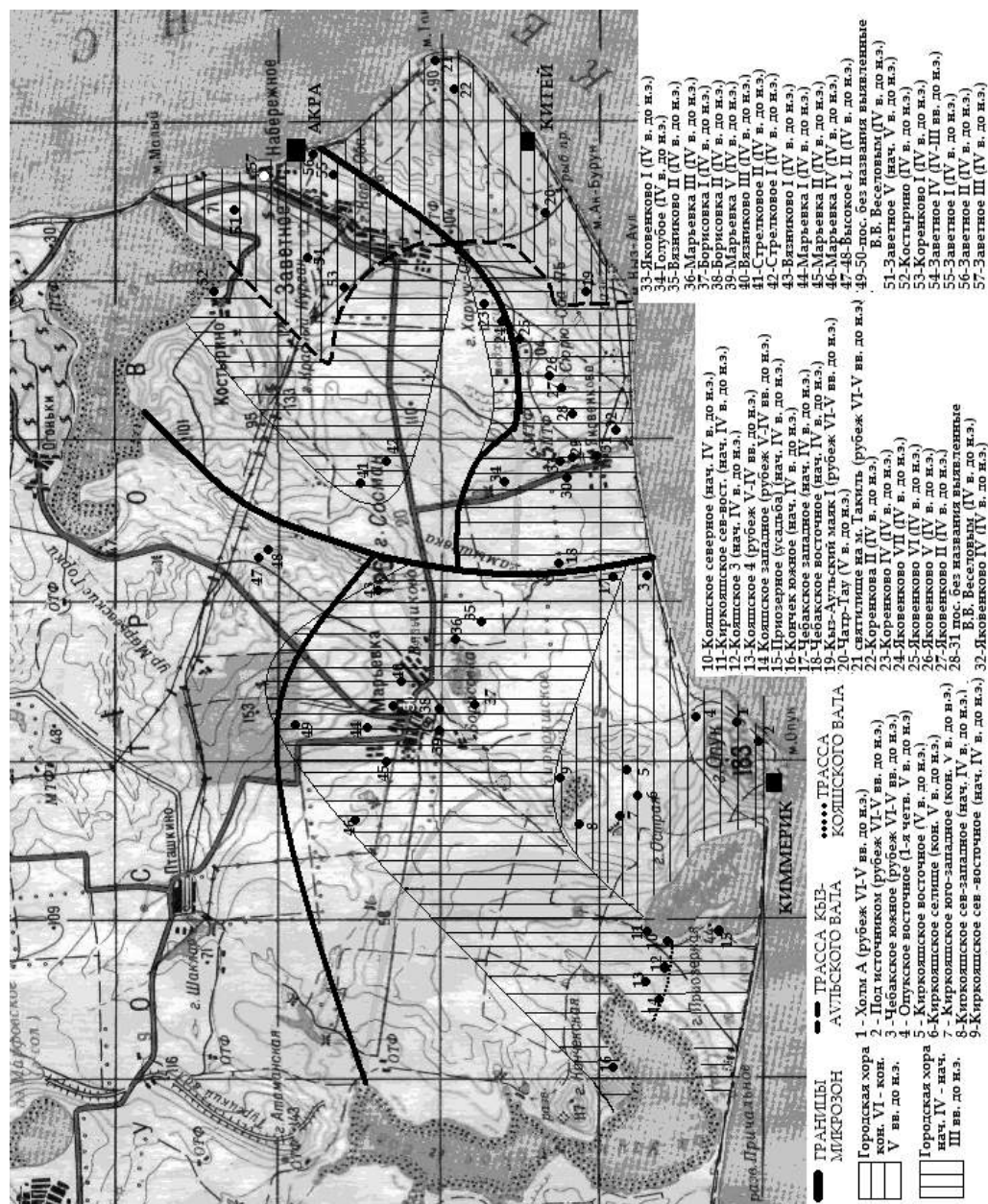
Некоторые фрагментарные исследования на сельской территории юго-восточной части европейского Боспора начались еще в 1-й пол. XX в.⁴ Но после Великой Отечественной войны работы получили новый импульс. Выделяются разведки В.В. Веселова⁵, В.Ф. Гайдукевича⁶, М.М. Кубланова⁷. Но всю информацию, известную на тот период, свела воедино И.Т. Кругликова⁸. Приведенные ею данные являлись предварительными и требовали уточнения. К сожалению, данный процесс затянулся, и каких либо крупных археологических работ по исследованию данной территории в дальнейшем не проводилось, за исключением разведочных работ 90-х гг. XX в. КФ ИА НАНУ под руководством В.К. Голенко и С.Б. Ланцова, результаты которых частично опубликованы⁹, и планомерных раскопок Античной комплексной археологической экспедиции под руководством Л.Г. Шепко (ДОНУ) (2001-2006 гг.) античного поселения Заветное V сельской округа Акры¹⁰.

Специальные исторические исследования на тему развития городской хоры рассматриваемого региона на сегодняшний день еще не написаны. Такие ученые как А.А. Масленников и В.Н. Зинько, опубликовавшие наиболее крупные обобщающие труды по сельской территории европейского Боспора¹¹, вообще вынесли за рамки своего исследования округа Киммерика, Китея и Акры.

Освоение эллинами данных территорий не могло проходить без учета ими природных условий, и в первую очередь ландшафтных особенностей. Это нашло отражение в системе расселения и перспективах ее развития¹². Естественно-географическими предпосылками выделения сельской округи городов могут служить природные условия Боспора. На Керченском полуострове существуют достаточно изолированные друг от друга микрзоны, ограниченные заливами (ныне озера, отделенные пересыпями) и цепями холмов.

Помимо этого исследователи выделяют ряд более крупных природно-хозяйственных зон: зона пролива, степная зона, Причерноморское побережье, Крымское Приазовье¹³. Нас интересует зона Причерноморского побережья, частью которой является рассматриваемая нами территория. Юго-восточная часть Керченского п-ова представляет собой географически обособленную зону (приблизительно 500 км кв.), которая ограничена с юга морем, с востока проливом, с севера Тобечикским, на западе Узунларским озерами (в древности являвшимися заливами). Здесь можно выделить три естественных ландшафтных микрзоны, в каждой из которых доминирует античный город — это микрзоны Акры, Китея и Киммерика.

Микрзона Акра включает территории ограниченные с севера Тобечикским озером; с запада цепью холмов, протянувшейся с северо-востока на юго-запад с

Карта. Развитие хоры античных городов юго-востока Керченского полуострова в VI — 1-й четв. III вв. до н.э. (сост. по материалам И.Т. Кругликовой (1975), В.В. Веселова (2005), В.К. Голенко (2007)).

вершиной в 101 м у оз. Тобечик и г. Сосман (126 м) в юго-западной оконечности микрозоны; с юга другой цепью холмов с доминирующими вершинами Кара Оба (96 м) и Харучу Оба (104 м).

Данная цепь холмов являлась, в свою очередь, северной границей Китейской микрозоны, ограниченной с юга Черным морем, с востока Керченским проливом, с запада Чебакской балкой (бал. Камышевка). Микрозона Киммерик занимала район, ограниченный с востока Чебакской балкой, с запада Узунларским озером с юга Черным морем. С севера данная микрозона была ограничена серией всхолмлений, тянувшихся от северной оконечности оз. Узунлар до г. Сосман.

В древности ландшафт юго-восточной части Керченского п-ова, скорее всего, мало отличался от современного — холмистая равнина. Береговая линия вследствие абразии претерпела изменения. Возможно, она была менее обрывиста и чуть более изрезана, нежели сегодня. Что же касается качества почв этой части полуострова, то Страбон отмечал высокое их плодородие для выращивания зерновых (Strab., VII, 44), в то время как современное положение дел указывает на обратное. В наше время юго-восток полуострова является одной из самых засушливых территорий Крыма (всего 300–350 мм осадков в год). Земли представлены в основном солонцеватыми черноземами, темно-каштановыми почвами и южными черноземами¹⁴. Но в античный период земли все же отличались большей плодородностью, т.к. лучше дело обстояло с водными ресурсами¹⁵. Насколько лучше было качество земель, сегодня судить сложно, но, учитывая сообщение Страбона и аграрный характер античной цивилизации (т.е. греки просто не осваивали бы земли, отличавшиеся крайне низкими качественными показателями), мы можем предположить, что плодородие местных почв греков поселившихся здесь вполне устраивало. Но в среднем, возможно, оно было все же ниже качества земель зоны пролива, что вероятно и послужило причиной более позднего их освоения колонистами.

Если сравнить выделенные нами микрозоны в обеспеченности природными ресурсами, необходимыми для нормального функционирования античного общества, то можно согласиться с В.К. Голенко о первенстве микрозоны Киммерик — обширной территории со стратегическим пунктом г. Опук в большом количестве обеспеченной водными ресурсами, лесистыми насаждениями, удобной стоянкой для кораблей¹⁶ и т.д. Микрозона Акра, скорее всего, как в античное время, так и ныне, обладала наиболее плодородным земельным фондом (южные черноземы), приближенным по качеству к землям Нимфейской хоры. Китейская микрозона отличалась компактностью и протяженностью вдоль моря, и, вполне возможно, имела большее количество источников пресной воды, нежели округа Акры.

Таким образом, в юго-восточной части Керченского п-ова рассмотренные микрозоны обладали всеми необходимыми природно-географическими характеристиками для успешного освоения эллинами этой части Боспора.

Юго-восток Керченского п-ова древние греки начали заселять в кон. VI — нач. V вв. до н.э. При этом, освоение указанных микрозон началось, скорее всего, одновременно¹⁷. На сегодняшний день можно уверенно говорить, что в кон. VI в. до н.э. были основаны Киммерик¹⁸ и Акра¹⁹. Китей возник, скорее всего,

позже — в 1-й пол. V в. до н.э.²⁰ или в начале 2-й пол. V в. до н.э.²¹, т.е. его основание выходит за рамки периода массового основания апойкий на Боспоре Киммерийском в VI в. до н.э.

Статус данных поселений на начальной стадии их развития вызывает массу вопросов. Практически все исследователи единодушно относят эти поселения к т.н. «малым» городам Боспора. Одни ученые отрицают наличие у них автономного полисного статуса²², другие же приходят к противоположной точке зрения²³. Не останавливаясь подробно на данном вопросе²⁴, отметим лишь, что нам трудно предположить освоение достаточно отдаленной территории от Нимфея и Пантикапея вне рамках полисной организации в 1-й пол. V в. до н.э. Идея полиса предшествовала основанию поселения. Иной формы политической и территориально-хозяйственной самоорганизации античная цивилизация не знала. Проблема полисного статуса применительно к рассматриваемым нами городам заключается скорее в ответе на вопрос: были ли достаточными для автаркичного (и автономного) существования территориально-хозяйственные (по преимуществу) условия в начальный период их существования? Включение в надполисное государство Археанактидов и Спартокидов при этом не играет принципиальной роли, так как внеполисных форм политической организации греческого населения в то время не было.

При этом мы склонны связывать основание поселений с внешней колонизацией. Вполне возможно, что в процессе основания Китея, Киммерика, Акры могли принимать участие Пантикапей или Нимфей, но лишь в качестве некоего «регулирующего» новой волны *внешней* колонизации, вызванной, возможно, усилением давления Персидской державы на города Ионии на рубеже VI–V вв. до н.э. В пользу этого можно привести еще один косвенный аргумент: на рубеже VI–V вв. до н.э., т.е. одновременно с Киммериком и Акрой, появляется ряд поселений и в Крымском Приазовье (поселение на м. Зюк, поселение Чокракский родник). Это совпадение вряд ли можно считать случайным, и, хотя развернутая доказательная база отсутствует, А.А. Масленников полагает, что они принадлежали первопоселенцам очередной, «третьей» волны греческой колонизации, носившей внешний характер²⁵. К этому можно добавить и тот факт, что единого государства на берегах Керченского пролива, которое могло бы патронировать освоение отдаленных территорий, в этот период еще не существовало, а степень развития хоры таких центров как Пантикапей и Нимфей, которым нередко приписывают освоение данных территорий, оставляла желать лучшего (всего 20 поселений в совокупности к сер. V в. до н.э.)²⁶. Таким образом, о каком либо контроле со стороны Пантикапея или Нимфея или зависимости от них городов юго-востока Керченского п-ова, по крайней мере, до конца V в. до н.э., говорить не приходится. Одновременно с основанием Киммерика, Китея и Акры начинает осваиваться и их сельская округа, формируется система «полис-хора»²⁷.

Для определения границ распространения хоры можно использовать ряд признаков: письменные свидетельства, географические ориентиры, трассы антропогенных погранично-оборонительных сооружений (валов), расположение выявленных систем межевания и концентрации поселений.

К сожалению, письменные источники здесь практически отсутствуют. При-

родно-ландшафтная характеристика региона свидетельствует о том, что хора основных античных центров юго-востока п-ова, особенно на раннем этапе, вряд ли распространялась за пределы границ вышеописанных микрозон.

Уже на раннем этапе своего развития сеть поселений хоры Киммерика демонстрирует хорошую динамику (см. карту). Практически одновременно с основанием Киммерика в конце VI в. до н.э. возникают поселения: «холм А», «под источником», Чебакское южное. Первые два из этих поселений располагались в непосредственной близости от городища Киммерик, а Чебакское южное отстояло на расстоянии около 6 км. В V в. до н.э. начинает осваиваться район Киркояшского озера. Следующий всплеск развития поселенческой структуры округа Киммерика приходится на конец V — начало IV вв. до н.э., когда появляется ряд поселений в районе Кояшского вала и г. Кончек. Видимо, позднее, в 1-й пол. IV в. до н.э., осваиваются земли в районе современных поселений Марьевка, Вязниково, Борисовка. Здесь было основано более десятка новых поселений. Таким образом, к концу рассматриваемого периода на хоре Киммерика насчитывалось более сорока поселений.

Межевая система, относящаяся к рассматриваемому времени в округе Киммерика, исследователями не выявлена. Что касается валов, то достаточно хорошо известен Кояшский вал, перекрывающий перешеек между Узунларским и Кояшским озерами. Автором его предварительных исследований памятник датирован в пределах не раньше рубежа V-IV вв. до н.э. и не позже 2-й четв. — 30-х IV в. до н.э. (вероятнее всего, нач. IV в. до н.э.)²⁸ Целесообразность сооружения вала у исследователей в основном вызывает недоумение²⁹. Версия В.К. Голенко о том, что Кояшский вал являлся логическим продолжением Узунларского вала и предназначался «для отражения вторжений из степных прибрежных районов юго-западной части Керченского полуострова через пересыпь Узунларского озера»³⁰, на наш взгляд, достаточно спорна. Во-первых, мы согласимся с А.А. Масленниковым, который не понимал, почему нельзя было перекрыть более узкий участок — пересыпь³¹. К тому же, если принять за дату сооружения Узунларского вала из двух предложенных А.А. Масленниковым³², начало III в. до н.э., к которой исследователь склоняется как к более вероятной, тогда связь этих двух валов может выглядеть не так убедительно. Как бы то ни было, данный вал прямым образом связан с хорой Киммерика, на что указывает система расположения поселений (с внешней стороны вала их единицы). Но, в то же время, мы полагаем, что земли к югу от вала нельзя исключать из полисных владений Киммерика, это выглядит, по крайней мере, нелогично. Возможно, не стоит рассматривать Кояшский вал как составную часть глобальной системы обороны сельской территории Боспора, его строители могли преследовать и локальные цели, важные для Киммерика и его хоры, к примеру, отделить общественную землю от частновладельческой или пастбища от сельскохозяйственных угодий.

Сказать что-либо определенное о хоре Китея VI — 1-й четв. III вв. до н.э. очень сложно. Некоторые данные о поселениях и валах существуют, но они фрагментарны.

А.А. Масленников привел сведения, со ссылкой на своих предшественников, о двух валах на данных территориях: Кыз-Аульском и безымянном вале

Дюбрюкса. Кыз-Аульский вал начинался в районе одноименного маяка, тянулся на север, дойдя до гряды холмов, поворачивал на восток по высотам, оставляя на расстоянии 1,2 км г. Чатр Тау, далее поворачивал на север и шел по пашне вдоль западной окраины д. Коренково, огибал с запада г. Красный курган, поворачивал на северо-восток и заканчивался у юго-восточной оконечности Тобечикского озера³³. Но остатков валов в ходе исследований 1997, 2002 гг. выявлено не было, возможно, какие-то фрагменты Кыз-Аульского вала обнаружены у Красного кургана³⁴. Вал Дюбрюкса находился восточнее Кыз-Аульского, начинался «у моря», тянулся в направлении северо-восток и оканчивался у гряды холмов на расстоянии 2,2 км от Китея (возможно, в районе г. Чатр Тау)³⁵. Можно высказать предположение, что валы эти функционировали уже на раннем этапе освоения рассматриваемых территорий эллинами. При этом Кыз-Аульский вал, возможно, являлся западной границей Китейской хоры и хоры Акры на раннем этапе их развития, по крайней мере, до нач. IV в. до н.э., когда поселенческая система Китейской хоры, перешагнув его, распространилась на запад. Особо хотелось бы подчеркнуть в большей степени межевой характер сооружения, нежели стратегический оборонительный. Вал Дюбрюкса, возможно, до начала IV в. до н.э. ограничивал с запада ближние предместья Китея.

Поселенческая структура Китейской округи является одной из наименее изученных. В Китейской микроне в конце VI в. до н.э. основываются поселения Кыз-аульский маяк I, поселение у Чатр-Тау, а также святилище на м. Такиль. Образуется парадоксальная ситуация: само городище Китей в месте его современной локализации еще не возникло, а поселения в зоне распространения его влияния уже существовали. Соотнести эти поселения с хорой Киммерика и Акры, как наиболее близко расположенными античным центрами, не представляется возможным в силу ограниченности их ресурсов. Проще всего предположить, что раннее поселение на месте Китея располагалось на южной оконечности памятника, но обрушилось в море и не сохранилось до наших дней, но тогда возникает закономерный вопрос, почему же на сохранившейся части городища наблюдается практически «стерильная» чистота в отношении остатков керамического материала кон VI — нач. V в. до н.э., чего в принципе не должно быть. Этот факт дает почву для появления альтернативных версий по данному вопросу. Интересное решение данной проблемы предложили А.В. Куликов и П.Г. Столяренко. Авторы полагают, что гражданская община Китея в кон. VI в. до н.э. первоначально обосновалась на поселении у подножья кряжа Чатр-Тау («Пра-Китей») в 2 км к северо-западу от возникшего позже Китея³⁶. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что доказательная база, приводимая авторами, выстраивает логичную схему освоения Китейской микроне в данный период, но требует дальнейшей разработки. Какой бы точки зрения ученые по этому вопросу не придерживались, для нас ясно одно, что уже с кон. VI в. до н.э. в Китейской микроне существовал политический и экономико-хозяйственный центр, который позже стал называться Китеем и локализовался в привычном для нас месте. Поселенческая структура Китейской микроне до нач. IV в. до н.э. не отличалась динамичными темпами развития. В первой же половине IV в. до н.э. наблюдается резкий скачок численности по-

селений, которые наполнили собой в основном территории к западу и северо-западу от Китея вплоть до Чебакской балки. Всего к концу рассматриваемого нами периода на хоре Китея существовало около двух десятков поселений (см. карту). Кроме этого в предместьях Китея С.Л. Смекаловым были выявлены остатки межевых пяти систем, носящих как иррегулярный, так и регулярный характер. Система №4 — более ранняя, чем некрополь Китея, т.е. ее можно отнести к начальному периоду существования города³⁷.

Хора Акры на протяжении V в. до н.э. в своей динамике не демонстрирует ничего выдающегося. К началу века можно отнести возникновение крупного сельского поселения Заветное V к северо-западу от городища. Возможно, это было не одно поселение, а скопление нескольких меньших по размеру³⁸. О других ранних поселениях на округе Акры у нас данные отсутствуют. В IV в. до н.э. хора Акры серьезно разрастается, кроме близлежащих территорий осваивается район Красного кургана и достаточно отдаленный район восточного склона г. Сосман. Поселения Высокое I, II находящиеся на расстоянии приблизительно в 14 км от Акры, мы склонны интерпретировать как выселки, тесно связанные с хорой Акры, но находящиеся за ее пределами. Всего для хоры Акры выявлено чуть более десятка сельских поселений для рассматриваемого нами времени.

В итоге следует констатировать следующее: округи Киммерика, Китея и Акры в рассматриваемый период переживают два хронологических этапа в своем развитии: 1) кон. VI — кон. V вв. до н.э.; 2) нач. IV — нач. III вв. до н.э.

Первый этап связан с автономным и независимым существованием полисов юго-восточной части Керченского п-ова. Развитие хоры в этот период не отличалось динамикой, было плавным и размеренным. Преимущественно осваивались прибрежные территории в радиусе не более 5-6 км. В данном случае мы можем провести прямые аналогии со становлением хоры таких крупных городов европейского Боспора, как Нимфей и Пантикапей³⁹. Но нужно учесть и особенность: период освоения окрестностей полисом на юго-востоке полуострова без основания на ней сельских поселений минимален, в отличие от Нимфея и Пантикапея, где этот период длился около 60-70 лет⁴⁰. Поселенческая структура была представлена в основном небольшим количеством поселений, автономно расположенных в основном по границам хоры, что также роднит ее с поселенческой структурой Нимфейской хоры⁴¹. В целом к концу V в. до н.э. размеры хоры каждого из городских центров региона были приближены к значению 25 кв. км, что соответствует размерам хоры идеального полиса по Аристотелю (Aristot. Pol., VIII, 5, 1-2).

Второй этап характеризуется резким скачком в развитии округи изучаемых нами центров (см. карту). Это, на наш взгляд, может быть связано с завершением оформления надполисного территориального Боспорского государства и включением исследуемых территорий в него. В этот период были налажены рынки сбыта боспорского зерна, земли находились под покровительством и защитой государства, наблюдалась политическая стабильность за исключением редких столкновений (война Перисада I со скифами в кон. IV в. до н.э. и т.д.)⁴². И, как следствие этого, хора городов юго-восточной части Керченского п-ова увеличилась как минимум вдвое, количество сельских поселений возросло втрое. Для этого периода характерно кустовое размещение сельских поселений

на освоенных территориях, что не совсем свойственно системе расселения европейского Боспора IV в. до н.э., но в то же время повсеместно распространено на Таманском п-ове. Микрозоны практически полностью освоены полисами, наметилась тенденция к преодолению границ микрозон и расширение хоры за их пределы. В целом можно предположить, что сельская округа Киммерика, Китея и Акры к нач. III в. до н.э. находилась на пике своего развития и была сопоставима по основным показателям с хорой наиболее крупных центров Боспорского государства.

Кроме того, налицо преемственность между античными и современными поселениями (античная и татарская; античная и современная русская) (см. карту). Та же ситуация прослеживается и на Таманском п-ове.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 171-201; Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI-V вв. до н.э. // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006. С. 110-128; Зубарь В.М., Зинько В.М. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. Вып. XII. 2006. С. 243-244; Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора // БИ. Вып. XV. 2007. С. 288 и др.
2. В первую очередь, это работы В.Н. Зинько, посвященные результатам исследований городской хоры европейского Боспора. Автор одним из первых реконструировал пространственную организацию хоры античных городов западного побережья Керченского пролива и определил их значение в экономики и истории Боспора. См., например: Зинько. Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI-V вв. до н.э. // БИ. Вып. XI. 2006. С. 3-28; он же: Хора городов европейского Боспора. Можно отметить работы С.Ю. Сапрыкина, обобщившего материал в рамках всего Боспора. См., например: *Saprykin S.Ju. The Chora in the Bosporan Kingdom* // *Surveying the Greek Chora the black sea region in a comparative perspective*. Aarhus: Aarhus University Press, 2006. P. 273-288; он же: Этюды по социальной и экономической ... С. 171-242. Выделяются также работы Л.Г. Шепко, в которых исследовательница раскрывает вопросы развития земельных отношений на Боспоре. См.: Шепко Л.Г. Земельные отношения на Боспоре V-III вв. до н.э. // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. 2000. №2. С. 132-138; она же: К вопросу о земельных отношениях на Боспоре в V-III вв. до н.э. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 80-82. Кроме вышеприведенных работ можно перечислить важное исследование А.А. Масленникова и А.А. Завойкина, положившее начало целенаправленному сравнительному анализу развития сельских территорий европейского и азиатского Боспора. См.: Завойкин, Масленников. Специфика освоения сельских территорий... С. 110-128.
3. Прокопенко С.Н. Поселенческая структура Боспора VI — нач. III вв. до н.э. // Личность в истории. Личность историка. Воронеж, 2008. С. 166-167.
4. Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИТОИАЭ. Вып. 2 (59).
5. Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. Supplementum II. М., 2005. С. 44-54.

6. *Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69. М., 1959. С. 212-215.
7. *Кубланов М.М.* Археологические разведки в районе Коп-Такиля // КСИА. Вып. 83. М., 1961. С. 91-94.
8. *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 31-39, 58-64.
9. *Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
10. *Соловьев С.Л., Шенко Л.Г.* Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Ч. I. СПб., 2004. 100 с.; *они же:* Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Ч. II. СПб., 2006.
11. *Масленников.* Эллинская хора... 304 с.; *Зинько.* Хора городов европейского Боспора.
12. См. например: *Блаватский В.Д.* Природа и античное общество. М., 1976; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 33; *Виноградов Ю.А.* Природный фактор в развитии Боспора в Скифскую эпоху (VI-IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1996. №3. С. 77-88; *Паромов Я.М.* Пространственная организация системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000. С. 39-42 и др.
13. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 11; *Зинько.* Хора городов европейского ... С. 27.
14. *Масленников.* Эллинская хора... С. 14-15.
15. *Молев Е.А.* Археологические исследования Китея в 1970-1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40-67.
16. *Голенко.* Ук. соч. С. 10-24, 243-257, 258-260.
17. *Куликов А.В., Столяренко П.Г.* О начальных этапах истории городов Юго-Востока Европейского Боспора — Киммерик, Китей, Акра // Иресиона. Античный мир и его наследие / Под ред. *Н.Н. Болгова.* Вып. 3. Белгород, 2006. С. 48.
18. *Голенко.* Ук. соч. С. 91-107.
19. *Куликов А.В.* О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб., 2004. С. 163; *Он же:* Обзор монетных находок с городища Акра (1981-2001) и вопросы периодизации денежного обращения Боспора // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 259.
20. *Молев Е.А.* О времени основания Китея // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 69-74. Евгений Александрович предлагал и более раннюю дату основания Китея (кон. VI в. до н.э.). См., например: *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII—I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 120.
21. *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы / Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2007. С. 19.
22. *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. Вып. 9. 1993. С. 79-96; *он же:* О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 65-69; *он же:* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum +. №3. 1999. С.101-115; *Цецхладзе Г.Р.* О полисном статусе городов античного Боспора // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М., 1999. С. 193-200. См. также работы о хоре европейского Боспора В.Н. Зинько, где автор существенно расширяет список Ю.А. Виноградова ранних полисов на Боспоре; *Чурекова Н.Б.* Модели формирования государственных институтов в греческих колониях Северного Причерноморья (VII — сер. III вв. до н.э.) / Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 15-16;

22. *Молев Е.А.* «Патрида кититов» // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006. С. 220; *Куликов, Столяренко.* Ук. соч. С. 46-51.
24. См. подробнее: *Прокопенко С.Н.* Боспорские полисы в VI — 1-й четв. V вв. до н.э. // Боспорские чтения. Вып. VIII. Керчь, 2007. С. 253-258.
25. *Масленников А.А.* Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. 1995. №2. С. 82-84; *он же.* Эллинская хора... С. 42.
26. *Зинько В.Н.* Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // Боспорский феномен. СПб., 2004. С. 14-19; *он же:* Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI-V вв. до н.э. // БИ. Вып. XI. 2006. С. 3-17; *он же:* Постройки VI-V вв. до н.э. полисной хоры Европейского Боспора // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006. С. 133-141.
27. *Шеглов А.Н.* Система «полис-хора» и контактные зоны в Причерноморье // Эйрене. XIV Международная конференция античников социалистических стран. Ереван, 1976. С. 523-525. Хора (η χώρα) как составная часть указанной системы определяется нами как сельская округа полиса, с присущей ей системой наделов и определенной структурой поселений. Термин полис (ησις) употребляется для характеристики относительно крупного населенного пункта, имеющего автономную городскую гражданскую общину, причем наличие признаков урбанизации поселения на раннем этапе является не обязательным, т.к. апойкии первоначально, по-видимому, представляли собой в лучшем случае крупные сельские поселения и лишь постепенно на протяжении рассматриваемого периода они приобрели черты урбанистического центра. Как известно, это в среднем происходило через 70-80 лет после его основания. См., например: *Бутягин А.М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // Боспорский феномен. СПб., 1999. С. 112-116; *Виноградов Ю.А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum +. 1999. Вып. 3. С. 107-108. В.Н. Зинько, полагаясь на новые археологические данные, сокращает этот период до 50-60 лет. См.: *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Тиритака в VI-V вв. до н.э. // Из истории античного мира. Вып. 9-10. Н. Новгород, 2007. С. 71.
28. *Голенко.* Ук. соч. С. 177.
29. *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 2003. С. 115.
30. *Голенко.* Ук. соч. С. 177.
31. *Масленников.* Древние земляные погранично-оборонительные... С. 115.
32. Там же. С. 208.
33. *Веселов.* Ук. соч. С. 51; *Кубланов.* Ук. соч. С. 92-93.
34. *Масленников.* Древние земляные погранично-оборонительные... С. 128-130.
35. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. IV.1. Одесса, 1858. С. 67.
36. *Куликов, Столяренко.* Ук. соч. С. 49-51; *Куликов А.В.* К находке архаической пантикапейской монеты на поселении Чатр Тау (о месте возникновения боспорского города Китея) // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. II. СПб., 2007. С. 325-331.
37. *Смекалов С.Л.* Древние антропогенные структуры Восточного Крыма (геоинформационный и историко-картографический аспекты) / Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2005. С. 103-105.
38. *Соловьев С.Л., Шенко Л.Г.* Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Ч. I. С. 6.

39. *Зинько В.М.* Сільська округа міст європейського узбережжя Боспору Кіммерійського / Автореферат дисертації... д.і.н. Київ, 2006. С. 8; *он же*: Постройки VI-V вв. до н.э. полисной хоры Европейского Боспора // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006. С. 137.
40. *Зинько.* Хора городов европейского побережья ... С. 45-51.
41. *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфей // БИ. Вып. IV. 2003. С. 43.
42. *Зинько В.Н.* Хора городов Западного побережья Боспора Киммерийского в IV — нач. III в. до н.э. (по письменным и археологическим источникам) // Боспорский феномен. СПб., 2005. С. 76.

CHORA OF BOSPORAN CITIES IN SOUTH-EAST OF KERCH REGION IN THE 6th — EARLY THE 3rd AD

S.N. Prokopenko

This article shows a model of genesis and development of *chora* — rural territory of Bosporan cities at early time of its history in the ancient state in North Black Sea Coast region. The author marks the periods of evolution and compares character of *chora* of different towns at South-East of Kerch region.

© 2008 г.

Ю.В. Горлов

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ТАМАНСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ В ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ГОЛОЦЕНА*

С эпохи плиоцена Таманский полуостров являлся частью обширной дельты Кубани, в пределах которой ее отдельные русла, впадавшие в Черное или Азовское море, находились в депрессиях между антиклинальными поднятиями. Эволюция дельты была одним важнейшим фактором, определявшим облик региона. Система современных кубанских лиманов в значительной мере наследует дельту реки, разделявшуюся на несколько рукавов. В трансгрессивные фазы дельта в большей или меньшей степени затапливалась морем. На значительном протяжении позднего голоцена основным было черноморское русло Кубани, которое окончательно потеряло свое значение лишь в конце XVIII в. В литературе внятно не комментируется «неупоминание» Страбоном этого русла Кубани. В ход идут рассуждения о том, что античный географ в данном случае использовал не столько географические, сколько политические понятия, проти-

* Работа выполнена в рамках проекта «Палеогеографические аспекты в этнокультурогенезе и палеэкономике Боспора Киммерийского в VI–IV тыс. до н.э. — I тыс. н.э.» программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

вопоставляя азиатскую часть Боспора и Синдику. Это объяснение трудно принять, поскольку, во-первых, ко времени появления его «Географии» политическое понятие Синдика потеряло свою актуальность, а, во-вторых, в других случаях в описании региона Страбон предельно «географически» точен.

Неполнота сохранившихся письменных источников порождает неоднозначные историко-географические реконструкции ландшафтно-геоморфологического облика Таманского полуострова, которые выступают в качестве основы для локализации древнегреческих колоний, палеотопонимов и палеогидронимов, известных из античной письменной традиции, боспорской эпиграфики и нумизматики. Это привело к тому, что до настоящего времени господствуют представления о том, что в древности Таманский полуостров представлял собой архипелаг дельтовых островов, разделенных протоками Кубани, которые к настоящему времени оказались заполненными речными наносами и потоками грязевых вулканов островов¹. Сторонники более осторожного подхода к палеогеографическим реконструкциям развития дельты Кубани в историческое время² полагают, что сведения античной и средневековой письменной традиции, данные боспорской эпиграфики, географические описания, картографические материалы XIV–XVIII вв. и результаты первых инженерно-геологических обследований скорее дают основание предполагать, что Тамань в древности представляла собой один крупный остров, отделенный от материка двумя основными рукавами Кубани, азовским и черноморским.

Суть разногласий сводится в сущности к одному вопросу: впадало ли одно из русел дельты Кубани в Таманский залив. Ответ на этот вопрос дает ключ к интерпретации описания Азиатского Боспора Страбоном (XI, 2,9) и Псевдо-Аррианом (64–66) и, в конечном итоге, идентификации Корокондамитского озера и локализации древнегреческих городов на берегах Таманского полуострова, которая до настоящего времени пока носит условный характер. Предпринятая недавно попытка пересмотреть устоявшуюся локализацию населенных пунктов и идентификацию палеогидронимов азиатской части Боспорского государства породила новые проблемы и противоречия³. Критическому обзору этих точек зрения была посвящена наша отдельная работа⁴.

В основе этой работы лежат результаты комплексных археолого-палеогеографических исследований на Таманском полуострове, проведенных в последние годы. Самостоятельный интерес в его рамках представляла история развития отдельных участков побережья полуострова. Одним из первых мы рассмотрим район Таманского залива, строение и условия формирования донных отложений которого получили гораздо меньшее освещение в геологической литературе.

Результаты исследований прибрежной зоны Керченского пролива⁵ показали, что голоценовые отложения внутренней части Таманского залива представлены толщей мелкоалевритовых илов с прослоями раковинного материала, мощностью около 7 м, залегающей на верхнеплейстоценовых образованиях, поверхность которых лежит на гипсометрических отметках минус 10–11 м. Однородность состава илистой толщи свидетельствует об относительной стабильности условий седиментации во внутренних частях залива с начала ингрессии моря в эрозионно-тектоническое понижение Таманского залива.

Начало проникновения морских вод и установление лиманно-заливных условий в его пределах на основании биостратиграфических данных можно отнести к возрастному рубежу 6,5–7,0 тыс. лет назад. Состав малакофаунистического комплекса из основания илистых отложений залива свидетельствует о том, что на раннем этапе развития Таманский залив представлял собой полуизолированный водоем лагунного типа без притока пресных вод. Выше по разрезу увеличивается количество раковин *Cerastoderma glaucum*, появляются новые морские, более стеногалинные виды — редкие раковины *Loripes lacteus*, *Paphia discrepans*, *Mytilus galloprovincialis*, *Chrissalida interstincta*, *Cyclope neritea*, *Nassa reticulata*, указывающие на дальнейшее проникновение в залив морских вод и повышение его солёности.

Материалы по строению и составу донных отложений, полученные в ходе исследований Е.Н. Невесского, позволили более детально охарактеризовать условия седиментации во внутренней части залива в второй половине голоцена. Полученные данные показали, что строение приповерхностной толщи донных отложений, выстилающих центральную, относительно глубоководную части залива характеризуется отчетливо выраженной слоистостью. В основании вскрытой толщи залегают темно-серые пелитовые илы, сменяемые выше полуметровым прослоем алевритовых илов с ракушей. Приповерхностный слой донных осадков мощностью около 1,5 м образован чередованием прослоев алевритовых илов с ракушей и раковинных песков. Формирование подобной слоистости, вероятно, отражает изменения гидрологического режима залива и может обуславливаться как колебаниями уровня моря, так и изменениями гидродинамической активности вод залива, определяемой состоянием блокирующих его аккумулятивных барьеров — Маркитанской банки (в прошлом — надводного образования) и косы Тузла.

Ископаемое фаунистическое сообщество из нижнего илистого слоя подтверждает условия закрытого мелководного залива лагунного типа без притока пресных вод. Абсолютный возраст раковинного материала из горизонта 2,0–2,5 м составил 2060 ± 50 лет назад (калиброванный возраст 449–721 гг. н.э.). Залегающие выше более песчаные осадки при сходном видовом составе моллюсков характеризуются увеличением количества раковин *Chione*, *Gastrana*, появлением редких *Ostrea edulis*, *Mytilaster lineatus*, что, по-видимому, свидетельствует об осолонении вод залива в результате более широкого сообщения его с морем. Абсолютный возраст раковинного материала из основания приповерхностного песчано-ракушечного слоя (глубина 1,2–1,5 м) составил 1240 ± 50 лет назад (калиброванный возраст — 1305–1452 гг. н.э.).

Изучение строения затопленной в настоящее время аккумулятивной формы — Маркитанской банки, протянувшейся в виде подводного вала через весь залив между косами Маркитанской и Рубанова, показало, что в ее основании залегают темно-серые илистые пески с ракушей, в составе которой многочисленны *Abra ovata*, *Loripes lacteus*, *Cerastoderma glaucum*, *Gidrobia ventrosa*, *Rissoa* sp., *Bittium reticulatum*, единичны *Gastrana fragilis*, *Mytilaster lineatus*. Отметки кровли этих отложений меняются от 4,5 м (ниже современного уровня моря) во внешней части Маркитанской банки до 3–3,5 м в пределах ее склона, обращенного в сторону внутренней части залива. Соответственно, в различных частях

аккумулятивной формы меняется и состав перекрывающих их более грубозернистых отложений. В ее внешней части это залегающие с достаточно резким переходом пески с крупными окатанными раковинами моллюсков и галькой. Во внутренней части (с постепенным к ним переходом) они представлены мелкозернистыми песками с раковинами и их обломками. В фаунистическом составе осадков представлены преимущественно раковины *Cerastoderma glaucum*, *Loripes lacteus*, *Bittium reticulatum*, редкие *Abra ovata*, *Cardium exiguum*, *Chione gallina*, *Mytilus galloprovincialis*, *Mytilaster lineatus*, *Corbula mediterranea*. Верхние 40–60 см отложений представляют собой заиленный раковинный песок с обломками и редкими целыми окатанными раковинами *Corbula mediterranea*, *Cerastoderma glaucum*, *Abra ovata*, *Mytilus galloprovincialis*, *Chione gallina*, *Bittium reticulatum*.

Слагающие Маркитанскую банку отложения по их литологическому облику и малакофаунистическому содержанию (видовой состав раковин, их количество, внешний облик, наличие обломков) подразделяются на три фациальных типа, характеризующих последовательность развития залива в условиях изменений уровня моря в позднем голоцене. Первый — илистые пески в основании разреза с преобладанием самых эвригалинных форм, предпочитающих спокойные гидрологические условия, отвечают изолированной акватории лагунно-лиманного типа. Залегающие выше крупнозернистые пески с добавлением галечного материала и раковинного детрита представляют собой второй тип — фации прибойного потока, сформировавшиеся в период образования аккумулятивного тела Маркитанской банки. Выше по разрезу их перекрывает (третий тип) относительно маломощный плащ современных осадков, несущих черты повышенной гидродинамической активности и, по-видимому, частично включающих в себя переработанный раковинный материал из более глубоких слоев.

Разрез имеет отчетливо выраженное трансгрессивное строение, отражающее надвигание тела древней барьерной формы, некогда перегораживавшей Таманский залив, вслед за повышающимся уровнем моря на залегающие бережное мелководные отложения. Исходя из гипсометрических отметок отложений древнебереговой формы, ее формирование происходило при положении уровня моря на 5–5,5 м ниже современного.

Радиоуглеродные датировки раковин из различных фациальных типов отложений⁶ позволили оценить некоторые возрастные рубежи в истории ее развития. В частности, датировка в 2450 ± 70 лет (калиброванный возраст 339 г. до н.э. — 50 г. н.э. или 2289 — 1900 лет назад) подтверждает факт существования барьерной формы, частично или полностью отгораживавшей внутреннюю часть Таманского залива от акватории Керченского пролива в сер. I тыс. до н.э. Обращает на себя внимание перерыв в накоплении отложений Маркитанской банки, установленный на основании геохронологических данных. Временной разрыв между базальными грубозернистыми отложениями в основании маркитанской банки и перекрывающими их мелкозернистыми песками с ракушей (калиброванный возраст 1300–1447 гг. н. э.) свидетельствует об относительно продолжительном существовании Маркитанской банки в виде надводного образования.

Существенное изменение условий в развитии этой аккумулятивной формы, связанные с активизацией ее размыва и смещения в тыловую, обращенную во внутреннюю часть залива, произошло в первой половине второго тысячелетия нашей эры (календарный возраст — 1377–1500 гг. н.э.). К этому же возрастному интервалу относится возрастание волновой активности, сопровождавшееся огрубением осадков во внутренней части залива (календарный возраст — 1305–1450 гг. н.э.). Активизация смещения Маркитанской банки с последующим ее затоплением, а также усиление гидродинамических условий залива, по-видимому, могут быть связаны как с влиянием продолжавшегося повышения уровня, так и с эпизодом усиления штормовой активности в Черном море в период «средневекового климатического максимума».

Результаты проведенных исследований донных отложений Таманского залива позволяют реконструировать картину палеогеографического развития этого района полуострова во второй половине голоцена. Эрозионно-тектоническое понижение Таманского залива постепенно заполнилось водами Керченского пролива и превратилось в полуизолированный морской залив около 5,5–6,0 тыс. лет назад. Керченский пролив в эту эпоху своего существования имел более широкое сообщение с Черным морем, его населяла обильная фауна как эвригалинных моллюсков, так и отдельных представителей стеногалинной фауны. Лишь самые эврибионтные ее представители смогли освоить акваторию Таманского залива.

К середине I тыс. до н.э. в условиях малоамплитудного понижения уровня моря в ходе т.н. «фанагорийской регрессии» произошло формирование серии аккумулятивных образований вдоль берегов Керченского пролива: барьерная система из Палео-Тузлинской и Палео-Чурубашской кос в его восточной части, на севере — коса Чушка, перекрывших свободный доступ черноморских вод по проливу в Азовское море, что вызвало их некоторое опреснение и сокращение солонолюбивой фауны. В это же время внутренняя часть Таманского залива частично или полностью отгородилась от акватории Керченского пролива барьерной формой — Маркитанской банкой, сравнительно долго существовавшей как надводное образование. Амплитуда относительного положения уровня моря в этот период составила 5–5,5 м и, несомненно, отражает суммарное влияние неотектонического и эвстатического фактора. При этом следует отметить, что близкие оценки величины относительного понижения уровня моря получены на основании результатов изучения строения и геохронологии Анапской пересыпи в районе Бугазского и Витязевского лиманов.⁷

Существование в середине первого тысячелетия до н.э. на месте внутренней части современного Таманского залива изолированного мелководного бассейна лагунно-лиманного типа, где располагаются затопленные части городищ Фанагория, Кепы и Патрей, представляет большой интерес для исторической географии. Следует отметить, что до последнего времени возрастная привязка более низкого положения уровня моря в I тыс. до н.э. основывалась исключительно на данных изучения археологических памятников. Наибольшая глубина их залегания составляет около 3,7 м,⁸ что позволяет приблизительно оценить верхний рубеж положения уровня моря в сер. I тыс. до н.э. на 5–5,5 м ниже современного. В основании культурных слоев IV–III вв. до н.э., вскрытых под-

водным шурфом в пределах затопленной части Фанагорийского городища⁹, залегают глинистые илы с раковинным материалом, что свидетельствует о прекращении нормальных лагунно-заливных условий седиментации в результате относительного понижения уровня моря и осушении внутренней части залива, сделавшей его берега доступным для освоения древнегреческими колонистами.

Очевидно, изменения относительного уровня моря в позднем голоцене носили колебательный характер, с одной из регрессивных фаз которого связано его положение в I тысячелетии до н.э., — период «фанагорийской» регрессии. В эпоху, предшествующую ей, уровень моря достигал положения, близкого к современному, на что указывают фрагменты террасы с отметками 3,5–4,0 м над уровнем моря на юго-западном берегу Таманского залива в окрестностях ст. Тамань. Радиоуглеродный возраст — 4370 ± 60 лет (календарный возраст — 2703–2402 гг. до н. э.) раковинного материала из отложений террасы позволяет отнести ее формирование к первому максимуму новочерноморской трансгрессии, оставившему следы в виде надводных образований на тектонически активных участках Черноморского побережья.

Вместе с тем, несомненно, существенное влияние на величину итоговых изменений относительного положения уровня неотектонических процессов. Результаты наших исследований на побережье Таманского залива наглядно иллюстрируют влияние локальных структур на деформацию высотного положения древнебереговых отложений позднеголоценового возраста, а также отчетливо указывают на проявление разнонаправленных молодых тектонических движений в пределах локальных структур, осредненные темпы которых превышают 0,7–1 мм/год. Более корректной оценке интенсивностей неотектонических движений препятствует фрагментарность развития и узкий временной интервал установленных следов древних береговых линий.

В вершине Таманского залива в пределах депрессии, протянувшейся к востоку в сторону Ахтанизовского лимана бурением была вскрыта однородная толща покровных суглинков, без каких-либо следов перерывов, связанных с существованием аллювиальных или субаквальных условий осадконакопления. Речь идет о том, что здесь не существовало какой-либо дельтовой протоки Кубани в историческую эпоху¹⁰. Объяснения существования и масштабов другого, так называемого Ахтанизовско-Приморского русла Кубани (Шемарданской протоки) среди специалистов тоже пока носят предположительный характер¹¹. Считается, что со временем эта протока могла заилиться, о чем, якобы, свидетельствуют остатки вала вдоль ее северного берега к юго-востоку от пос. Приморский. Возникновение этого вала связывают с возможной расчисткой этого русла, которое затем окончательно прекратило свое существование. В настоящее время оно выражено заметным понижением поверхности, вдоль которого местами тянутся камыши. В «заиливании» протоки, помимо изменений интенсивности стока и обусловленной ими разгрузки обломочного материала могли сыграть определенную роль современные тектонические процессы, наиболее выраженные проявлениями водно-грязевого вулканизма. Нам хотелось бы обратить внимание на искусственный характер вала севернее протоки, который мог возникнуть в любое время, вплоть до позднего средневековья. Другие «доказательства» в пользу существования этой протоки сводятся к цитированию

известного отрывка из Страбона, посвященного описанию Корокондамитского озера, традиционно отождествляемого с Таманским заливом. Существующая хронология возникновения проток азовского русла также пока носит вероятностный характер.

Важное значение для исторической географии полуострова имеет и то обстоятельство, что в толще голоценовых отложений Таманского залива отсутствуют следы как собственно кубанского аллювия, так и влияния опресняющего воздействия речных вод на видовой состав морских моллюсков, что свидетельствует о том, что ни один из рукавов Кубани не впадал в Таманский залив в голоцене. В связи с этим историко-географические представления о Таманском полуострове, разделенном на несколько островов протоками Кубани, широко используемые при описании его ландшафтно-геоморфологических условий в период греческой колонизации не получили своего подтверждения, что ставит под сомнение традиционную идентификацию Корокондамитского озера с Таманским заливом.

На наш взгляд под Корокондамитским озером, скорее, можно рассматривать лиманы в черноморском русле Кубани, которые в древности, как мы уже подчеркивали, представляли собой огромный ингрессионный залив, простиравшийся на восток вплоть до Семибратнего городища¹². Его размеры более соответствуют цифрам, которые приводит Псевдо-Арриан (Ps.-Arr., 64) — 630 стадий, но эта гипотеза встретила возражения. По мнению ее противников, описание Страбона свидетельствует о том, что его карта была ориентирована на север, следовательно, озеро располагалось севернее одноименного селения Корокондамы, которое традиционно локализуют на мысе Тузла. Нам трудно принять эти аргументы, поскольку, во-первых, описание Азиатского Боспора у Страбона идет с севера на юг и носит характер перипла, а последние часто имели южную ориентацию. Об этом говорят многочисленные сохранившиеся портоланы средневекового и нового времени, восходившие в своей информационной основе к античным предшественникам. Во-вторых, локализация селения Корокондама носит гипотетический характер, и строить на ней палеогеографические реконструкции опрометчиво. Если мы локализуем это селение, например, в районе Благовещенского останца, то группа черноморских лиманов Кубани будет расположена севернее. Таким образом, противоречие будет снято.

Вопрос об идентификации Корокондамитского залива взаимосвязан с двумя другими проблемами — реконструкцией палеоландшафта Таманского полуострова и локализацией древнегреческих колоний на его побережье. Мы уже писали о том, что речь скорее может идти об одном большом острове, упоминание о котором встречается в нескольких боспорских надписях (КБН 40, 697, 982, 1000), и нескольких небольших (нынешние Голубицкая и Темрюкская возвышенности, а также Благовещенский останец). Все они имеют недельтовое происхождение. Любые попытки объяснить упоминание одного острова в источниках вместо архипелага островов нам представляются неубедительными. Достаточно, например, сравнить описание дельты Танаиса у Страбона, где упоминаются даже самые мелкие острова (Strabo, XI, 2,3).

Главные города расположены на большом острове, который скорее всего и носил имя Фанагора. Основание одноименной колонии носило массовый ха-

ракти, что могло и определить ее доминирование на азиатской стороне Боспора Киммерийского. К сожалению, идентификация Фанагории с крупнейшим городищем на полуострове на западной окраине пос.Сенной подтверждается пока косвенными свидетельствами, к которым можно добавить, что город, основанный несколько позже своих соседей, занимает не самое выгодное географическое положение в глубине мелководного залива в стороне от главных экономических путей региона — Керченского пролива, открывавшего дорогу в Меотиду и далее в устье Танаиса, и рукавов Кубани — основной экономической артерии Северного Кавказа. Но при этом город обладал прекрасными условиями для развития экономики, главное из которых — равнина южнее городища, которая сегодня носит название «Сенной балки». Для многочисленных переселенцев на первых порах это было гораздо важнее для существования, а экономические связи носили опосредованный характер. Об этом свидетельствует характер ранней чеканки Боспора.

Нам представляется, что искать возможные упоминания о Таманском заливе в древних источниках следует в контексте общего описания региона, в нашем случае это азиатская сторона Боспора и Синдики. Об упоминании Синдики Геродотом (IV, 28) у исследователей нет единого мнения на предмет того, о чем идет речь. О стране или области, которую занимают синды, или о городе. Позднее Диодор и Страбон отличали Азиатскую часть Боспора от Синдики, расположенной восточнее, за Гипанисом. Какой характер носили эти понятия, географическое, административно-политическое или этническое, определенно сказать трудно. Кроме того, следует иметь в виду, что источники обоих авторов относятся к позднеэллинистическому времени и могут отражать общую географическую ситуацию, которая со времени появления на Тамани греческих колонистов могла претерпеть существенные изменения.

Гекатей Милетский, наряду Синдикой в описании Азии упоминает остров Фанагора и Фанагорию (FGH, 1 F 212), Апатур, святилище Афродиты в Фанагории и одноименный залив в Азии. Таким образом, мы можем констатировать, что Гекатею были известны город Фанагория на одноименном острове, святилище Афродиты — Апатур в Фанагории на берегу залива Апатур. Естественным будет предположить, что этот залив принадлежал острову, получившего имя ойкиста теосских колонистов. Больше никто из авторов залив с подобным названием не упоминает. С чем связано это обстоятельство, неясно.

Еще одним косвенным аргументом в пользу идентификации Таманского залива или его восточной части с заливом Апатур, как нам представляется, может быть следующий хорошо известный сюжет. Из сообщения Страбона (XI, 2, 10) следует, что эпитет Афродиты Апатура связан с неким мифом о том, что богиня, опасаясь нападения гигантов где-то поблизости от Фанагории, позвала на помощь Геракла, спрятав его в каком-то укромном месте. Затем, впуская гигантов по одному, передавала их герою для умерщвления. Хорошо известно, что на восточном берегу Таманского залива находится песчаный карьер, в котором встречаются кости ископаемых животных, часто неглубоко от поверхности. Мы не исключаем возможности, что подобные находки в древности могли послужить основанием для конкретной привязки мифологического сюжета и основания святилища к определенному месту. Историография вопроса о проис-

хождении и локализации святилища Афродиты Апатуры на Боспоре обширна¹³.

Колебания относительного уровня моря, береговая абразия, тектонические и аллювиальные процессы значительно изменили очертания азовского побережья полуострова за последние тысячелетия. При реконструкции его облика большинство антиковедов, как правило, пытаются экстраполировать сегодняшнюю географическую ситуацию в древность или, наоборот, информация античных авторов проецируется на современную карту. Это имеет место, например, при перенесении таких географических понятий, как «Боспор Киммерийский» или «устье Меотиды», а также производных от них на современный облик Керченского пролива. Возникает вопрос о том, насколько наши современные географические представления соответствуют античным, который, если и поднимается, то, как правило, остается без внятных комментариев.

Предпринимаемые попытки палеорекострукции пока находятся на уровне «поиска новых критериев» локализации древних поселений или уже традиционного восстановления очертаний побережья по 4–6-ти метровым изобатам. Подобный подход к реконструкции древней береговой линии представляется недостаточно обоснованным хотя бы потому, что существующие геологические данные показывают, что на этих глубинах с некоторым сдвигом относительно друг друга располагаются реликты не одной, а сразу нескольких древних береговых линий. Сложившаяся ситуация также сопряжена с рядом сложностей, обусловленных в первую очередь плохой сохранностью древних береговых линий этого периода, связанной с почти полным их размытием в ходе последующей трансгрессии, охватывающей последнее тысячелетие. На других участках черноморского побережья активное нарастание берега в последующий период привело к захоронению реликтов «фанагорийской» регрессии под толщей более молодых прибрежно-морских отложений. Небольшие аккумулятивные образования античной эпохи сохранились лишь в относительно изолированных водоемах с соответствующими гидрологическими условиями, например, в Таманском заливе и Керченском проливе.

Еще одной ошибкой при локализации античных топонимов в этом районе побережья представляется использование недостаточно обоснованной, а порой и просто произвольной идентификации современных протоков Кубани с палеогидронимами азовской дельты, известными из письменной традиции. Наиболее яркий пример, «правомерное», «твердо установленное» или «общепринятое сопоставление» античного Антикита Страбона с Пересыпным гирлом реки, которое так и не привело к приемлемым результатам в локализации или идентификации античных топонимов с известными археологическими памятниками¹⁴. Следует заметить, что подобная идентификация противоречит естественному развитию азовской дельты Кубани, в соответствии с которым Пересыпное гирло является самой молодой протокой реки.

Современное азовское побережье Таманского полуострова на протяжении около 30 км представляет собой сильно абрадированный берег высотой до 90 м с активными оползнями, которые разрушают берег со скоростью до 1,0 м/год. Западный участок берега между мысами Ахиллеон и Пеклы является оконечностью антиклинальной гряды, ориентированной с северо-запада на юго-восток.

Морфологически этот участок состоит из двух неглубоких бухт, разделенных мысом Каменный, который сложен устойчивыми к абразии песчаниками и известняками. От мыса Ахиллеон на протяжении 11 км на восток подводный береговой склон представляет собой отмель шириной около 0,9 км. Далее от мыса Пеклы до мыса Ачувский, расстояние между которыми составляет около 59 км, в побережье вдается Темрюкский залив. Восточнее мыса Пеклы берег на протяжении 11 км понижается, а затем в районе Синей балки вновь повышается. Далее, на участке между Пересыпным гирлом Кубани и ст. Голубицкая на побережье выходит другая, Темрюкско-Курчанская антиклиналь. Ее остатками в виде коренного выступа в рельефе современного подводного берегового склона считается Темрюкская банка, расположенная в 5 км к северо-востоку от Пересыпного гирла на глубине около 2,5 м. Далее коренные породы отходят от современного берега, уступая место пересыпи, отделяющей Ахтанизовский лиман от Азовского моря, и Голубицкой террасе. Восточнее современной Темрюкской дельты тянется ракушечный бар, за которым располагаются приазовские плавни. Современная пятиметровая изобата проходит примерно в 2,2 км от берега¹⁵.

Ю.А.Павлидис, основываясь на собственных исследованиях азовского побережья и прилегающего шельфа, рассматривал многочисленные подводные выступы коренных пород, сохранившиеся в прибрежной зоне, как свидетельства того, что участок побережья между мысами Ахиллеон и Пеклы в древности был значительно изрезан и выдвинут дальше в море¹⁶. Линза илов, обнаруженная среди прибрежных осадков западнее мыса Каменный, позволила ему сделать предположение о существовании в этой части побережья небольшой бухты, частично закрытой от Азовского моря. Второй крупный выступ берега — «Темрюкский древний мыс» мог находиться в районе современной Темрюкской банки. Он являлся восточной оконечностью обширной бухты, которая с запада была ограничена упомянутым выше выступом коренных пород в районе мысов Каменный и Пеклы. В профиле коренных пород по линии геологического разреза в районе пос. Кучугуры, на глубине 4,5 м ниже современного уровня моря был выявлен уступ высотой около 1,0 м, который, по мнению Ю.А.Павлидиса, мог сформироваться только в период стабилизации относительного уровня моря между отдельными этапами голоценовой трансгрессии. К сожалению, возрастная оценка слоев прибрежных слоев производилась методом сравнения их «гипсометрического положения с уже известными возрастными уровнями». Исходя из современных представлений о динамике голоценовой трансгрессии, можно лишь предполагать, что период стабилизации относительного уровня моря вполне мог соответствовать одному из этапов «фанагорийской» регрессии между «джеметинским» и «нимфейским» этапами голоценовой трансгрессии. Дальнейший подъем относительного уровня моря, и береговая абразия привели к разрушению этих мысов и выравниванию побережья. Если эта реконструкция развития побережья имеет право на существование, оба эти разрушенных береговых выступа могут претендовать на роль Киммерийского мыса, упоминаемого Птолемеем (Ptol., V, 8,5).

При немногочисленности геоморфологических индикаторов положения относительного уровня моря в античный период на этом участке побережья суще-

ственная роль в его реконструкции могла бы принадлежать археологическим памятникам, но ожидаемые результаты, например, в отличие от Таманского залива и Керченского пролива оказались ограниченными из-за небольшого количества сохранившихся археологических объектов и степени их изученности. Речь может идти о нескольких поселениях, одним из которых является Кучугуры 1. Оно находится на морской террасе, сложенной внизу бурыми делювиальными суглинками и супесями, а в верхней — слоистыми песками, затопленная часть поселения пока неизвестна. От другого поселения (Тиранбы), расположенного у пос. Пересыпь сохранилась незначительная часть, расположенная на краю морской террасы, которая сложена прибрежными суглинками и подвергается интенсивной абразии и оползанию. Третий памятник, городище эллинистического — позднесредневекового времени, расположен в центре ст. Голубицкой, на двух холмах высотой до 15–20 м. Севернее находится плоское понижение, которое в прошлом могло быть частью Темрюкского залива, отделенной от моря косой, куда когда-то, вероятно, впадала одна из дельтовых протоков Кубани. Сейчас дно этого понижения приподнято над уровнем моря на высоту около 1,0 метра.

Таким образом, на археологических памятниках азовского побережья Таманского полуострова следов «фанагорийской» регрессии не обнаружено. Уровень моря в античную эпоху, по крайней мере, в районе ст. Голубицкой, по мнению специалистов, мог даже чуть превышать современный. Этот участок побережья, вероятно, испытал позднеголоценовое тектоническое поднятие на 3–4 м относительно побережья Таманского залива и Керченского пролива. В качестве подтверждения такого вздымания рассматривается останец аккумулятивной террасы высотой до 4,0 м у северного подножья г. Тиздарь, сложенный слоистыми песками, аналогичными современному пляжу, и перекрытый оползнем сарматских глин. Эти обстоятельства позволяют его рассматривать в качестве пляжных отложений, сформировавшихся во время максимума новочерноморской голоценовой трансгрессии. Севернее в Азовском море древние береговые валы, условно сопоставляемые с этой эпохой, находятся на глубинах 5–9 м.¹⁷ Это относительное смещение могло быть результатом движений в зоне Южно-Азовского разлома — поднятия его южного и опускания северного крыла с суммарной амплитудой до 10 м.¹⁸ Подобная тенденция к подъему береговой линии времени фанагорийской регрессии отмечена на азовском побережье Керченского полуострова¹⁹.

Предложенная реконструкция побережья, в основе которой — вероятность существования двух бухт на азовском побережье Таманского полуострова, позволяет иначе взглянуть на проблему локализации античных топонимов в этом районе. Существующие версии, как мы уже отмечали, строятся на произвольной идентификации древнего Антикита с современным Пересыпным гирлом, которое случит точкой отсчета для измерений расстояний между античными населенными пунктами и их последующей локализации. Причина этого заключается в том, что, казалось бы, определенные указания на расположение, например, Киммерика — Киммериды при «выходе из Боспора Киммерийского» или «у самого устья Меотиды» и т.п. нельзя признать достаточно информативными для точной локализации по причинам, о которых шла речь выше.

Меньшего внимания удостоивается другая характеристика Киммерийского селения. Оно служило «отправным пунктом» для плавания по Меотиде (Strabo, XI, 2,4–8). Это определение предполагает наличие удобной гавани или якорной стоянки для кораблей, защищенных от опасных ветров и течений.

Существование приемлемых условий в северной части пролива или в бухте, располагавшейся между современными мысами Литвинова и Каменный, проблематично или даже невозможно, но отрицать потенциальную возможность существования гавани, может быть искусственной мы не можем. В таком случае на роль Киммерика могло бы претендовать практически полностью разрушенное оползнями поселение «Приазовский 1». Однако серьезными основаниями для подобной идентификации мы пока не располагаем.

Более благоприятным местом для расположения гавани или якорной стоянки для кораблей, скорее могла быть вторая бухта, расположенная восточнее, в западной части современного Темрюкского залива. Если быть точнее, это побережье в районе пос. Кучугуры, где расположено значительное античное поселение, которое предлагал идентифицировать с Киммериком Ю.М. Десятчиков²⁰. Стратиграфия этого памятника не противоречит хронологическим рамкам «литературного» Киммерика. Что же касается географического несоответствия его расположения с информацией нарративных источников, то уместно напомнить еще раз о том, что сегодня в своих рассуждениях о географических соответствиях мы оперируем характеристиками не Боспора Киммерийского, а современного Керченского пролива. Географические представления древних об устье Меотиды в отличие от современных формировались не на основе инструментальной съемки, крупномасштабных карт, аэрофотосъемки или космоснимков, а в лучшем случае на базе непосредственных наблюдений с кораблей или с возвышенностей на побережье. Это обстоятельство вместе с произошедшими изменениями предполагают существенные различия во взглядах на облик побережья. Нельзя забывать о возможных ошибках в описании региона и относительной точности расстояний между пунктами на побережье. Например, в описании Страбона фигурируют цифры, кратные 10 стадиям. Вероятно, мы должны учитывать эту погрешность или приблизительность его расчетов. Подобных географических несовпадений можно найти значительно больше. Общепринятая идентификация большинства античных центров на азиатской стороне Боспора не соответствует античным географическим данным. Одно из объяснений подобной ситуации сводится к констатации ошибок у античных авторов, и отчасти, это соответствует действительности.

К востоку от «Темрюкского древнего мыса» эволюция побережья носила несколько иной характер. Строение толщи лиманных илов в азовской дельте Кубани свидетельствует о существовании древней аккумулятивной формы, отделявшей дельту Кубани от Азовского моря. Она меняла свою форму и местоположение в зависимости от изменений относительного уровня моря, интенсивности береговой абразии и аккумулятивных процессов, смещаясь вслед за отступавшим на юго-восток «Темрюкским древним мысом». Ю.А. Павлидис предложил несколько этапов в развитии этого участка побережья²¹. По его мнению, повышение уровня моря привело к быстрому смещению косы на юг и общему отступанию берега, которые привели к образованию открытого морского залива.

Позднее, благодаря дешифрированию крупномасштабных аэрофотоснимков, маршрутному обследованию территории, бурению опорных скважин, изучению фауны моллюсков и радиоуглеродному датированию образцов из морских и лиманных осадков эти представления были существенно расширены. По общему мнению, современный вид азовской дельты сформировался во второй половине голоцена в ходе северных миграций части кубанских протоков. Структура дельтовых отложений свидетельствует о ряде глубоких (до нескольких десятков километров) морских ингрессиях в пределы современной дельтовой равнины. В мористой части дельты были выделены наиболее молодые генерации береговых валов, абсолютный возраст наиболее ранних из которых составил 2,2—1,9 тыс. лет назад.

В ходе наших работ на Таманском полуострове были обследованы древнебереговые валы в Темрюкской дельте Кубани и в районе Ясенской косы. Их некалиброванный радиоуглеродный возраст составил 1,5—1,3 тыс. лет назад. Калиброванные радиоуглеродные даты, полученные по раковинному материалу, слагающему различные генерации береговых валов азовской дельты Кубани²².

Для калибрации использовалась программа CALIB 3,0.²³ При этом в качестве поправки на резервуарный эффект принималась величина в 400 лет, полученная в ходе сопоставления датировок раковинного и древесного материала, совместно залегающих в позднеголоценовых отложениях Черного моря, которая может быть постоянной для последних 6 тыс. лет²⁴. Существование крупного ингрессионного залива в этот период подтверждается сохранившимися картографическими материалами, как итальянскими портоланами, собранными когда-то Е.Д. Фелициным, так и менее известными греческими портоланами и картами XV—XVII вв., опубликованными относительно недавно²⁵.

Таким образом, в формировании современного облика азовского побережья полуострова принимали участие несколько природных процессов. Это так называемая «нимфейская» трансгрессия моря, вызвавшая ингрессии в пределы Кубанской дельты, береговая абразия, оползни, неотектонические движения, повлиявшие на современное геоморфологическое положение археологических памятников, а также выдвижение дельтовой равнины Кубани. Особенности эволюции отдельных участков азовской дельты Кубани определялись миграциями дельтовых протоков, которые могли быть обусловлены как естественными процессами, так и деятельностью человека (Strabo. XI, 2, 11). Поэтому идентифицировать имеющиеся сегодня и существовавшие в древности многочисленные гирла Кубани на азовском побережье с античными гидронимами практически невозможно, хотя бы потому, что они формировались и существовали в разной обстановке, в одном случае в условиях регрессии, в другом — трансгрессии. Результаты наших исследований показывают, что дельта Кубани, ее черноморская и азовская части достигли своего современного местоположения довольно поздно. В античную эпоху ее западная граница едва ли достигала Семибратнего городища²⁶.

В таком случае, ближайшее к Керченскому проливу азовское «устье» Кубани следует искать восточнее Пересыпного гирла. Причем речь должна идти о судорожном устье, другие вряд ли привлекли к себе серьезное внимание. Хорошо известно, что до XVIII в. подобное устье существовало западнее ст. Голубиц-

кой. Оно позволяло судам помимо Керченского пролива достигать Черного моря, а по реке проникать в Прикубанье. Для охраны этих коммуникаций турками была специально построена крепость²⁷.

Какой ситуация была в период «фанагорийской» регрессии определенно сказать трудно. Мы должны принять во внимание последствия всех вышеупомянутых природных явлений. Возможно, что изменения, вызванные «нимфейской» трансгрессией, были каким-то образом компенсированы тектоническим поднятием побережья, и ситуация была похожей. Если принять схему эволюции азовского побережья, предложенную Ю.А. Павлидисом, то «самым западным устьем» Кубани могла быть протока, впадавшая в Азовское море восточнее «древнего Темрюкского мыса», т.е. в районе ст. Голубицкой, где сохранились ее следы. Однако для подобной реконструкции у нас пока нет достаточного геохронологического обоснования.

Как показали результаты многолетних работ в области исторической географии Северного Причерноморья²⁸, уровень наших сегодняшних представлений о палеогеографии и степень археологической изученности азовского побережья пока недостаточны для однозначной локализации не только античных топонимов и гидронимов, но и более поздних, известных из нарративных источников. В связи с этим, мы призываем коллег к аккуратности в попытках окончательно решить существующие спорные вопросы палеогеографии Таманского полуострова и локализации его памятников, известных из античной письменной традиции. Вероятно, время для этого еще не настало, требуются дополнительные исследования.

Еще одним районом исследований на черноморском побережье стал Благовещенский останец. Его исключительно выгодное географическое положение в черноморском устье Кубани не вызывает сомнений. Для первых древнегреческих переселенцев этот район побережья на первом этапе освоения региона мог стать идеальным местом для основания апойкии, которая, в свою очередь, позднее могла послужить «трамплином» для дальнейшего освоения Прикубанья. Отсутствие условий для безопасной стоянки кораблей на черноморском побережье могло компенсироваться наличием песчаной косы, на которую относительно легко можно было вытащить корабли колонистов, или существованием закрытой гавани во внутренней части Палео-Кизилташского лимана. В пользу последнего предположения свидетельствуют результаты исследований отложений в черноморской дельте Кубани²⁹. Они подтверждают сохранившуюся информацию о существовании возможности плавания между Азовским и Черным морями через Кизилташский и Ахтанизовский лиманы еще в XVIII в.³⁰

Согласно Е.Н. Невесскому, Благовещенский останец представляет собой выступающий в море массив коренной суши, ядро которого образовано песками и глинами верхнего плиоцена, перекрываемые толщей покровных отложений. Их крайне высокая неустойчивость к волновому воздействию предопределила быстрые темпы разрушения этого палео-выступа коренной суши, сопровождавшиеся общим выравниванием контура береговой линии. Подобная плановая перестройка контура береговой линии протекала на фоне сложной по своему характеру голоценовой трансгрессии. Как показывают результаты палеогео-

морфологических реконструкций³¹, зарождение древних кос на этом участке побережья относится к периоду 6,0–5,5 тыс. лет назад при положении уровня моря на 7–9 м ниже современного. Дальнейшее развитие этого участка побережья позволили реконструировать материалы изучения геологического строения Анапской пересыпи³², а также полученные в ходе наших исследований результаты определения абсолютного возраста слагающих ее отложений³³. Наконец, относительно недавно была опубликована монография Я.А.Измайлова³⁴, в которой подведены итоги изучения Анапской пересыпи на сегодняшний день.

В строении отложений Анапской пересыпи фиксируются следы трансгрессивной фазы, максимум которой относится к периоду 1,7–1,5 тыс. лет до н.э. В это время уровень моря приближался к его современному положению и сопровождался абразионно-аккумулятивной переработкой контура береговой линии в пределах ее современного положения. В первую очередь этот процесс нашел отражение в активизации размыва коренных участков берега в районе Благовещенского останца, выступавших в виде мыса. Отступление береговых уступов Благовещенского останца, следы которого в виде устойчивых к размыву скалистых гряд — современной банки Марии Магдалины расположены на удалении до 2,5–3 км от современного берега, сопровождалось выравниванием очертаний береговой линии, что находило свое отражение в динамике развития древних пересыпей. Строение и возрастная структура верхней части толщи отложений Анапской пересыпи показывают, что в период этой трансгрессивной фазы основной массив, образывавший выступ в районе Благовещенского останца, был размыт. На это указывает залегающая под маломощным покровом современных пляжевых наносов древняя поверхность размыва, выработанная в слагающих останец покровных суглинках.

Характер перекрывающих их пляжевых наносов и абсолютный возраст этих горизонтов на смежных участках Витязевской пересыпи свидетельствует об их формировании во время заключительной «нимфейской» фазы голоценовой трансгрессии. В середине I тыс. до н.э. относительное понижение уровня моря на 2–3 м по отношению к предшествующему его положению сравнительно мало повлияло на общий облик прибрежной полосы. Это отразилось в незначительном расширении полосы пляжа, и в период появления на этом участке побережья древнегреческих поселений, побережье в районе Благовещенского останца имело близкий к современному облик. Акватория Кизилташского лимана и прилегающая часть дельты была занята палеолиманом, который образовался на раннем этапе новочерноморской трансгрессии. Несмотря на относительное понижение уровня моря в период регрессии в I тыс. до н.э., обширное пространство внутренней части дельты было занято мелководной акваторией, северо-восточная граница которой была образована палео-устьевой зоной Кубани в районе современного лимана Разнокол. От Черного моря палеолиман отделялся аккумулятивной формой, которая находилась значительно мористее современной Бугазской пересыпи. Естественно, что представленная здесь реконструкция палеотопографии участка Таманского побережья в районе Черноморской дельты Кубани в середине I тыс. до н.э., имеет предварительный характер и нуждается в дальнейшей детализации. Обследование побережья останца и прилегающего морского шельфа, включая окрестности банки Марии

Магдалины, не дали конкретных сведений о возможных затопленных археологических объектах.

Для реконструкции палеогеографической ситуации на юго-западном побережье Таманского полуострова обычно используется геоморфологическое положение затопленных археологических объектов в регионе. Естественно, что надежность подобных «археологических» реконструкций в значительной мере ограничена уровнем изученности затопленных археологических объектов, который в большинстве случаев пока остается недостаточным для обоснования палеогеографических построений. В рамках выше названного проекта мы попытались собрать новые материалы, направленные на реконструкцию изменений береговой линии Таманского полуострова.

Восточным входом в Керченский пролив в настоящее время считается мыс Панагия, от которого более чем на 3 км на запад выступает риф Тутаева. Основная часть его поверхности сейчас располагается на глубинах от 0,5 до 1,5 м, отдельные скальные выходы достигают поверхности моря. Во внутренней части рифа, примерно в 0,8–1,0 км от берега, где проходит современная 5-ти метровая изобата, среди камней были обнаружены несколько типов древних якорей и их детали, которые по аналогиям были отнесены к началу — середине I тыс. до н.э., первым векам нашей эры и V–VII вв. н.э. Эти находки позволили руководителю исследований А.В.Кондрашеву сделать предположение о существовании в районе мыса Панагия бухты или якорной стоянки для кораблей, защищенной рифом³⁵.

Другой участок побережья, представлявший для нас интерес, находится в 2,5 км севернее мыса Панагия в районе урочища «Холодная долина», где располагается античное поселение, известное под названиями Соколов XIII, Войцеховский 24, Миллер 11, Волна 3 — Паромов 139. Во время подводных археологических исследований в этом районе на глубинах около 5 м были обнаружены обработанные известняковые блоки и эллинистическая керамика, а на расстоянии 240 м от берега в месте донного излома была зафиксирована кладка длиной более 40 м из аналогичных блоков, ориентированная параллельно берегу. По мнению А.В.Кондрашева со ссылкой на результаты работ Д.Ф.Кравченко в 1982 г., эти строительные остатки могли принадлежать поселению, о котором речь шла выше.

Особого внимания заслуживает район мыса Тузла и расположенной рядом одноименной косы, который отличается сложным подводным рельефом. Основная часть косы с 1925 г. представляет собой низкий песчаный остров, ранее она была сплошной или представляла собой цепочку островов. Об этом свидетельствуют хорошо известные специалистам картографические материалы, а также опубликованные относительно недавно греческие портоланы³⁶.

Из-за большого количества рифов, подводных камней и песчаных банок этот участок побережья пролива является в настоящее время крайне опасным для судоходства. На северо-запад от острова Тузла на 3,7 км тянется искусственная каменная гряда, которая суживает ширину судоходной части Керченского пролива до 750 м. Кроме этого остров практически со всех сторон окружают песчаные отмели, поверхность которых находится на глубинах от 1,8 до 3,8 м. На запад от мыса Тузла на глубине от 0,2 — до 1,6 м. тянется риф более

чем на 1,5 км. Отдельные вершины его подводных скал выступают над водой до 0,5 м. О ситуации, существовавшей здесь в древности, письменная традиция ясных сведений не сохранила. Интерпретация имеющихся в распоряжении, как правило, поливариантна и порождает новые проблемы. Лишь у Плиния есть свидетельство о существовании острова Алопекия в проливе (Plin., IV, 87).

По наблюдениям В.В.Соколова, еще в начале XX в. на мысе Тузла сохранялись остатки городища, которое к настоящему времени практически разрушено береговой абразией. Раскопки, начиная с середины XIX в., проводились, главным образом, на расположенных поблизости от побережья курганных и грунтовых некрополях. Погребения, обнаруженные на территории самого городища, послужили основанием для гипотезы, что причиной их появления могла быть береговая абразия, наступавшая на западную часть городского некрополя³⁷. Результаты подводных археологических исследований в окрестностях мыса³⁸ показали, что береговая линия в VI–V вв. до н.э. могла находиться в пределах современных глубин 4–4,5 м примерно в 450 м от нынешнего берега, а в период поздней античности и средневековья — несколько восточнее. Расположенный здесь участок назван «прибрежной зоной», обнаруженные строительные остатки истолкованы как «маячное сооружение». Зона подводного рифа, расположенная в 670–800 м от современного берега на глубинах от 4,5 до 7,0 м, судя по якорным находкам, могла соответствовать месту «расположения гавани Корокондамы» в античную эпоху. А западнее, на глубине 8–9 м в это же время могла находиться якорная стоянка для более крупных судов.

На отмели, лежащей западнее косы Тузла на глубинах 1–2,5 м, были обнаружены затопленные строительные остатки и керамика VI — начала I вв. до н.э., которые могли принадлежать приморскому поселению, располагавшемуся на палео-косе, которая сегодня затоплена морем. По мнению исследователей, этот археологический памятник с той или иной степенью достоверности может быть идентифицирован с античной Корокондамой.

Таким образом, накопленные в районе мыса Тузла материалы на первый взгляд позволяют не только определить местоположение остатков античного поселения, его гавани и некрополей, но и оценить приблизительные очертания этого участка побережья в античный период, а также величину подъема уровня моря за последние 2 тыс. лет цифрами не менее чем в 5–5,5 м, что удовлетворительно согласуется с полученными нами данными по Таманскому заливу и черноморскому побережью полуострова³⁹. Вызывает некоторые возражения предлагаемая локализация античного города на отмели у основания современной косы Тузла. Она представляется нам пока недостаточно обоснованной, так как в распоряжение исследователей попали, как нам представляется, лишь переотложенные остатки разрушенного абразий культурного слоя. Результаты изучения строения прибрежных отложений на этом участке побережья⁴⁰, и также материалы наших работ показали, что аккумулятивный выступ в основании косы Тузла имеет очень молодой возраст (менее 1,0 тыс. лет). Кроме того, при идентификации обнаруженных археологических материалов с Корокондамой следовало бы предложить какое-то приемлемое объяснение несоответствию между их датировкой и временем появления этого топонима в письменных источниках.

Данные, полученные в результате дешифровки аэрофотосъемки этого участка побережья, также требуют к себе более осторожного подхода, поскольку их интерпретация носит неоднозначный характер. Действительно, имеющиеся в нашем распоряжении аэрофотоснимки дают основание предполагать о существовании каких-то затопленных строительных остатков. Результаты подводных разведок позволили установить их оборонительный характер, но время существования этих фортификационных сооружений без целенаправленных подводных исследований достоверно определить сложно. Нельзя исключать вероятности того, что в данном случае мы можем иметь дело с остатками крепости Тузла, о которой упоминает Эвлия Челеби⁴¹. По его словам, крепость была построена на песчаном месте, вероятно, речь идет об одноименной косе. Она находилась в одном дневном переходе от крепости Кизил-таш, что соответствует сегодняшнему расстоянию между мысом Тузла и остатками турецких укреплений на берегу Кизилташского лимана. Если принять во внимание характер эволюции косы Тузла, то предлагаемые локализация античной Корокондамы и реконструкция ее топографии вызывает немало вопросов.

Проведенные нами комплексные исследования на Таманском полуострове помимо археологического и геоморфологического обследования его побережья, включали в себя дешифровку материалов дистанционного зондирования земной поверхности (ДДЗ), среди которых в нашем распоряжении была не только панхроматическая аэрофотосъемка, но спектрозональные космоснимки⁴². Представляющие интерес результаты были получены при изучении района, где располагаются остатки археологического памятника, хорошо известного в литературе как поселение Соколов IX, Войцеховский 48, Миллер 10, Пятколодезное — Блаватский 13, Тамань 1 — Паромов 124. Существенно новой информации о самом поселении нам получить не удалось. Видимые на аэрофотоснимках аномалии в виде нескольких светлых пятен, ориентированных широтно в линию, соответствовали пологим возвышениям в рельефе, скрывающим под собой, по мнению Я.М. Паромова⁴³, следы древней застройки, носившей линейный характер. Но были выявлены особенности расположенного поблизости участка древнего землеустройства, который уже был предметом изучения, однако его результаты трудно признать удовлетворительными⁴⁴. Следы межевания, обнаруженные севернее поселения Тамань 1⁴⁵, соответствуют экспозиции склона, который в северной части ориентирован на юго-запад в сторону Керченского пролива, а ниже — на юг. Она составляет от 200° до 235°, ориентация валов — от 200° до 220° и от 110° до 175°. Поверхность участка имеет естественный уклон чуть более 1° (0,019–0,012). Скорее всего, в данном конкретном случае мы имеем дело со следами землеустройства сельской территории небольшого боспорского городка. В пользу этого говорят размеры «ячеек» (3–9 га) и общая площадь сохранившегося участка — около 200 га. Рассуждая о характере памятника, следует согласиться с существующей точкой зрения о том, что здесь мог находиться один из небольших боспорских центров городского типа уже на первом этапе освоения этого участка побережья древнегреческими колонистами. По нашим представлениям, во-первых, об этом свидетельствуют найденная керамика, во-вторых, система землеустройства имеет самостоятельный характер и структурно не вписывается в организацию расположенной се-

веро-восточнее сельской территории, центром которой является Таманское городище, которое идентифицируется с античной Гермонассой. Следовательно, можно говорить о том, что это поселение не было «выселком» или результатом постепенной внутренней колонизации региона жителями Гермонассы. В-третьих, это компактность и монументальность застройки самого поселения, применение правильной планировки, по крайней мере, в первые века нашей эры, отмеченные В.Д. Блаватским, заметно выделяющие его среди других сельских поселений юго-западной Тамани. В-четвертых, это характер экономики поселения, способной обеспечить население всем необходимым⁴⁶.

Благодаря реконструкции изначальных размеров (около 400 га) и конфигурации размежеванного участка древнего землеустройства (радиально-концентрическая схема), мы можем с большой долей уверенности говорить о том, что абразия уничтожила здесь береговую полосу шириной не менее 500 м. Эти материалы наряду с результатами подводных археологических исследований, подтверждают общепринятую точку зрения⁴⁷ в соответствии с которой береговую линию середины I тыс. до н.э. следует искать в районе современной 5-ти метровой изобаты, которая в районе мысов Панагия — Тузла находится в пределах 0,52–0,92 км от берега, однако ее детали остаются пока неизвестными⁴⁸. В нашем случае на изучаемом участке побережья в первом эпизоде речь шла о возможной якорной стоянке или гавани, которая, судя по датировке собранных якорей, прекратила свое функционирование в конце I тыс. н.э., а во втором — о строительных остатках эллинистического времени на нижней террасе древней береговой линии. Эти объекты не могли синхронно находиться на одном уровне, если только за кладку не было принято какое-то естественное образование или на величину итоговых изменений относительного уровня моря и первоначальное гипсометрическое положение археологических остатков существенное влияние оказали локальные разнонаправленные неотектонические движения.

Таким образом, полученные новые материалы позволяют оценить произошедшие изменения в облике данного участка побережья, обусловленные не только региональными особенностями изменений относительного уровня моря и характером береговой абразии, но с неотектоническими движениями. Можно допустить, что на побережье между мысами Тузла и Панагия существовали три естественные бухты, образованные скалами, которые в настоящее время выступают в роли подводных рифов. К ним тяготели известные поселения Волна 3, Волна 2, Тамань 1 и практически полностью разрушенное береговой абразией городище на мысе Тузла, которое идентифицируется с Корокондамой. Из-за трудностей и опасностей мореплавания, вызванных подводными препятствиями на таманской стороне, основной маршрут судов через пролив в древности, скорее всего, шел вдоль крымского берега, как это происходит сейчас. Поэтому гавани, расположенные здесь носили второстепенный характер. Исключение могла составлять якорная стоянка или некое подобие порта у мыса Тузла, обслуживающего основную переправу через пролив. Достоверность и точность предлагаемой реконструкции в значительной мере пока остается гипотетической, ее окончательный вариант зависит, прежде всего, от получения новых надежных археологических и палеогеографических индикаторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase. T.V., Paris, 1843; *Герц К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 2. Вып. 3-4. М., 1870; *Поночевный М.О.* Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. Екатеринодар, 1892; *Войцеховский С.Ф.* Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и эпиграфики. Кн. I (Т. III). Вып. 5-6. Ростов-на-Дону. 1929; *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. М., 1958; *Сокольский Н.И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. Sophia, 1963; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985; *Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. М., №1. 1992; *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 2. 1993 и другие.
2. *Латышев В.В.* Pontika. Спб., 1909; *Ростовцев М.И.* Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. Часть 2. Государство и социальный строй эпохи римского протектората. // ВДИ. 1989. № 3; *Забелин И.Е.* Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Восточного Киммерийского. // Труды III Археологического съезда. Т. II. Киев, 1978; *Жаринцов Д.Ф.* Об исследованиях реки Кубани и проектах судоходного соединения ее устья с морем. // Известия собрания инженеров путей сообщения. 1884. № 11-12; *он же.* Археологическая топография Таманского полуострова // Труды V Археологического съезда. Приложения. М., 1887.
3. *Зубарев В.Г.* Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. Т. 2. 1999; *он же.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
4. *Горлов Ю.В.* Палеогеография Азиатского Боспора // Сборник 20 лет музею М.Ю.Лермонтова в Тамани. II раздел. Тамань археологическая. Таманский музейный комплекс. Ст. Тамань, 1996.
5. Керченский пролив. Киев, 1984.
6. *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 2002. Вып. XII. Табл. 1.
7. *Каплин П.А., Поротов А.В., Янина Т.А., Горлов Ю.В., Фуаш Э.* Возраст и условия формирования Бугазской пересыпи. // Вестник МГУ. 2001. Серия 5. География. № 2.
8. *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985; Патрей. Материалы исследований. Вып. 1. М., 1999.
9. *Блаватский В.Д.* Подводные раскопки в Фанагории в 1959 г. // СА. 1961. №1.
10. *Muller Ch., Fouache E., Gorlov Yu., Abramzon M., Gaibov V., Porotov A.* Peninsule de Taman (Russie meridionale) // ВСН. 1999. 123.2. P.589-598.
11. *Трифонов В.Г., Караханян А.С.* Геодинамика и история цивилизаций. М., 2004. С. 463.
12. *Muller, Fouache, Gorlov, Abramzon, Gaibov, Porotov.* Op.cit.
13. *Горлов, Поротов, Янина, Фуаш, Мюллер.* Ук. соч. С. 248-257.
14. *Сударев Н.И.* К вопросу о Тиамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998; *Завойкин А.А.* Проблема локализации Киммериды // ДГ. 1996-1997. Северное Причерноморье в античности. М., 1999; *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.

15. Лощия Черного моря, 1954. С. 114-118.
16. Павлидис Ю.А. Новейшая история развития Темрюкского побережья Азовского моря // Труды Института океанологии АН СССР. 1961. Т. XLVIII. С. 103-113.
17. Щербаков Ф.А. Отражение изменений уровня моря в разрезах позднечетвертичных морских отложений // Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет. М., 1982. С. 112-120.
18. Трифонов, Караханян. Ук.соч. С. 462.
19. Никонов А.А. Признаки молодой тектонической активности в зонах южно-азовского и Керченского разломов // Геотектоника. 1995. № 5; *он же*. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменений уровня моря). // РА. 1998. № 3.
20. Десятчиков Ю.М., Чернов Ю.В. Раскопки городища Кучугуры // АО-1976. М., 1977; Десятчиков Ю.М. Азиатский Киммерик // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985; *он же*. К истории Азиатского Киммерика // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1989; *он же*. Некоторые аспекты внутрибоспорской колонизации // II Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар, 1993.
21. Павлидис. Ук. соч. Рис. 3.
22. Измайлов Я.А., Арсланов Х.А., Тертычная Т.В., Чернов С.Б. Реконструкция и датирование голоценовых береговых линий моря в дельте Кубани // Вестник ЛГУ. Серия геологическая. 1989. Вып.6.
23. Stuiver M., Reimer P.J. Expanded ^{14}C / Data Base and Revised CALIB 3.0 ^{14}C Calibration Program // Radiocarbon. 1993. Vol. 35. №1.
24. Фирсов Л.В. Опыт радиоуглеродного датирования античных и средневековых образцов из Херсонеса.// СА. 1973. № 2; Stuiver, Reimer. Op.cit.
25. Τολιάς Γ. Οι ΕΛΛΗΝΙΚΟΙ ΝΑΥΤΙΚΟΙ ΧΑΡΤΕΣ ΠΟΡΤΟΛΑΝΟΙ 15ος -17ος αιώνας. Αθήνα.1999.
26. Muller, Fouache, Gorlov, Abramzon, Gaibov, Porotov. Op.cit.
27. Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 46-48; Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 67-68).
28. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
29. Измайлов Я.А., Арсланов Х.А., Тертычная Т.В., Чернов С.Б. Реконструкция и датирование голоценовых береговых линий в дельте Кубани // Вестник ЛГУ. Сер.7. 1989. Вып. 6. С. 61-69.
30. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. 1778-1793. Краснодар. 1992. С. 64.
31. Невесский Е.Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М., 1967; Айбулатов Н.А., Щербаков Ф.А., Кузнецов В.Г., Студзинский Е.П. Новые данные о происхождении Анапской пересыпи и прилегающих районов шельфа Черного моря // Современные процессы осадконакопления на шельфах Мирового океана. М., 1990. С. 145-150.
32. Айбулатов, Щербаков, Кузнецов, Студзинский. Ук. соч.
33. Поротов А.В., Горлов Ю.В., Янина Т.А., Фуаш Э. Особенности развития черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология, 2004. № 4. С. 63-77.
34. Измайлов Я.И. Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Книга 1. Анапская пересыпь. Сочи, 2005.

35. *Кондрашев А.В.* Подводные исследования у мыса Панагия // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования (Studia Pontocavcasica). Краснодар, 1993. С. 84-90; *он же.* Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. С-Пб. Вып. 2. 1995. С. 55-67.
36. *Τολιάς.* *Op.cit.*
37. *Соколов В.В.* Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 1919. № 56.
38. *Шилик К.К.* Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Тракия Понтика. IV. София, 1991; *Кондрашев А.В.* Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Таманская старина. 3; *он же.* Спасательные раскопки Тузлинского некрополя (1995-1999) // Музейный вестник (К 25-летию музея-заповедника), Краснодар. 2001; *Шамрай А.Н.* Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003; *он же.* К вопросу локализации селения Корокондамы (археолого-топографический аспект) // Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
39. *Горлов, Поротов, Янина, Фуаш, Мюллер.* Ук.соч.; *Поротов А.В., Горлов Ю.В., Столярова Е.В.* К оценке изменений уровня Черного моря в античный период по археолого-палеогеографическим данным // ДБ. № 7. 2004. С. 117-128.
40. *Болдырев В.Л.* Процессы отмирания аккумулятивных береговых форм на примере Керченского пролива // Труды Института океанологии. 1958. Т. XXVIII.
41. *Эвлия Челеби.* Ук.соч. С. 50-51.
42. *Поротов, Горлов, Янина, Фуаш.* Ук.соч. С. 63-77; *Fouache E., Gorlov Y., Porotov A., Muller K.* The role of neo-tectonics in the variation of the relative mean sea level throughout the last 6000 years on the Taman peninsula (Black Sea, Azov SeaRussia) // Colloque «Rapid Transgression into semi-enclosed basins». PIGG 464. Gdansk. Polish Geological Institute (Pologne). 8-9-10 mai 2003. Polish Geological Institute. Special Papers». 2004. Vol. 11. P. 47-57.
43. *Абрамов, Паромов.* Ук. соч. С. 55.
44. *Nouvelot E.* Des traces de parcellaire antique autour de Phanagoria et Hermonassa (cote Nord du golfe de Taman). Nouvelles hypotheses de travail // Dialogues d'histoire ancienn. 1997. Т. 23/2.
45. *Горлов Ю. В., Портов А.В., Требелева Г.В.* Участок древнего землеустройства в районе м. Тузла // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2005. С. 72-74.
46. *Блаватский В.Д.* Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. Вып.70. 1957.
47. *Шелов-Коведяев.* Ук.соч. С. 24-37; *Паромов Я.М.* Материалы к выделению культурно-исторических ландшафтов Тамани // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997. С. 192-196.
48. *Лоция Черного моря.* Л. С. 186-188.

GEOGRAPHICAL SITUATION ON TAMAN PENINSULA IN SECOND HALF OF HOLOCENE

Yu. V. Gorlov

The work is devoted to the evolution of paleo-geographical conditions on Taman peninsula and the adaptation of its population, beginning with the Bronze epoch. The sources of the present work are results of archeological-paleogeographical researches in the region which in-

clude archeologic geomorphological investigations, drilling chinks, selecting samples of the kernel for the radiocarbon analysis.

© 2008 г.

В.Л. Строкин

«...СИНДСКАЯ ГАВАНЬ И [ОДНОИМЕННЫЙ] ГОРОД»
(STRABO. XI. 2. 14)

В последнее время Синдская Гавань вновь оказалась в центре внимания исследователей¹. Неослабевающий интерес к этому восточно-боспорскому городу вполне понятен и, более того, во многом предопределен длительной неразрешенностью вопроса о его местоположении, а также наличием ряда других проблем, имеющих с ним общие точки соприкосновения. Среди последних особое место занимают такие, как существование государственности у синдов, атрибуция монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ и, наконец, идентификация недавно открытого города — предшественника Горгииппии.

Безусловно, наибольшей популярностью пользуется версия, введенная в оборот Ф.К. Бруном², согласно которой Синдская Гавань располагалась на месте Анапы и являлась предшественницей Горгииппии³. По мнению же А.А. Сибирского⁴, поддержанному М.О. Поночевным⁵, М.И. Ростовцевым⁶ и Д.П. Каллистовым⁷, речь идет о двух разных городах. В поддержку «отождествляющей» версии недавно высказались А.А. Завойкин⁸ и С.Р. Тохтасьев⁹. Напротив, М.В. Агбунов¹⁰, Е.М. Алексеева¹¹, и В.Г. Зубарев¹² локализуют Синдскую Гавань в районе Бугазского, Цукурского и Кизилташского лиманов соответственно.

Известно, что в основе наблюдаемой разногласии во взглядах исследователей лежит информационный хаос, царящий в дошедшей до нас литературной традиции. Собственно говоря, древние авторы единодушны лишь в одном: город располагался в Синдике. Далее начинаются расхождения, приобретающие подчас непримиримый характер.

И тем не менее, даже на этом донельзя эклектичном информационном фоне бросается в глаза отсутствие упоминаний о Кизилташском лимане. Между тем, Кизилташ, а также смежные с ним Бугазский и Цукурский лиманы образуют одну из самых значительных в боспорском регионе систему внутренних водоемов, и, казалось бы, уже по одной этой причине должны были обратить на себя внимание древних авторов. Таким образом, данная информационная лакуна способна лишь преумножить недоумение и, как следствие, инициировать широкий спектр новых гипотез: от отрицания самого их существования в античную эпоху¹³ до отождествления с Корокондамитским озером¹⁴. Правда, первая версия (С.Р. Тохтасьева) представляется менее всего вероятной. Как показывают археолого-палеографические исследования¹⁵, данная система водоемов существовала. Прямое указание на то, что причерноморские лиманы были су-

доходными (вероятно, лишь для маломерных судов) дает цепочка из двух десятков больших и малых городищ, расположенных вдоль современной береговой линии¹⁶. Причем весьма показательно, что в этом отношении им способен составить достойную конкуренцию, пожалуй, лишь Таманский залив.

Несложно заметить, что приведенные данные возвращают нас к только что обозначенной парадоксальной ситуации. В этих условиях, по сути дела, ничего иного не остается, как вновь обратиться к литературным источникам, точнее, к одному широко известному месту в «Географии» Страбона (XI. 2. 14). В указанном параграфе в частности говорится: «Так вот, сразу же от Корокондамы плавание идет на восток¹⁷. В ста восьмидесяти стадиях от нее находится Синдская гавань и город» (перевод С.Р. Тохтасьева). Несколько озадачивает последний оборот, причем на этом же месте акцентирует внимание А.А. Завойкин, подчеркивая, что опускать название города «совершенно нехарактерно для географа»¹⁸. Эта ремарка представляется чрезвычайно значимой и, в свою очередь, наводит на мысль, что данную фразу следует трактовать так: «...Синдская гавань и [одноименный] город». Если согласиться с таким прочтением Страбона, значит, остается констатировать, что на Азиатском Боспоре существовали два одноименных топонима, причем один из них не являлся населенным пунктом. Попытаемся выяснить, что может скрываться под Страбоновой «Синдской гаванью»?

Ответ находим у того же автора. Не далее чем в указанном параграфе великий географ сообщает расстояние от Корокондамы (мыс Тузла) до интересующих нас объектов. Поскольку в 180 стадиях (ок. 28–33 км) к юго-востоку от названного Страбоном населенного пункта находится Бугазско-Кизилташская группа лиманов, следовательно, обе «Синдские гавани» нужно искать именно в этом районе. В силу того, что Кизилташ (а также смежные с ним Бугазский и Цукурский лиманы) образует не только одну из самых значительных в дельте Кубани систему внутренних водоемов, но сопоставим по своей величине лишь с Таманским заливом (Корокондамитским озером), здесь как бы сама собой возникает аналогия: $\text{Κοροκωνδαμίτις λιμὴν} — \text{Σινδικῆς λιμὴν}$. Итак, наличие недвусмысленных параллелей в названиях двух географических объектов, один из которых является заливом (озером, гаванью, бухтой), позволяет склоняться к выводу, что Страбон «город» воспринял древнее название другой, очевидно, крупнейшей в Синдике «гавани» (читай — лимана)¹⁹. Поскольку в указанном районе находился лишь один, с точки зрения Страбона, достойный упоминания населенный пункт, следовательно, руинами Синдской Гавани должно являться крупнейшее из находящихся в бассейне Бугазско-Кизилташской системы лиманов городищ²⁰.

В этом смысле особый интерес представляет Вышестеблиевская 11. Поселение расположено в 2,3 км к юго-востоку от одноименной станицы на восточной стороне мыса²¹, отделяющего Цукурский лиман от Кизилташского (Рис. 1, 1), и датируется серединой V в. до н.э. — IV в. н.э. и VIII–IX вв.²². Следует подчеркнуть, что названное городище отвечает всем перечисленным требованиям: находится на берегу Кизилташского лимана, на одном «острове» с Фанагорией и Гермонассой (Ps.-Skymn. Per. 886–895) и, судя по всему, является крупнейшим, причем не только в его бассейне, но и всех прочих смежных с ним

лиманов²³. В этой связи хотелось бы обратить внимание на расположенные неподалеку знаменитые курганы Большая и Малая Близницы (Рис. 1, 13), которые следует скорее относить к некрополю Синдской Гавани, нежели, скажем, Фанагории, находившейся на противоположной стороне соседнего «острова» (Strabo. XI. 2. 10). Вспоминается также и один из древнейших эпиграфических памятников Боспора — посвящение Демарха (КБН, 1111). Как известно, двойная герма с этой надписью найдена в окрестностях ст. Вышестеблиевской (в 1871 г.), а значит, нельзя исключать того, что она может иметь своим происхождением названное городище. Так или иначе, но следует еще раз подчеркнуть, что по совокупности имеющихся данных Вышестеблиевская 11 с полным правом может претендовать на название «Синдская Гавань». Что касается указанных М.В. Абгуновым, Е.М. Алексеевой и В.Г. Зубаревым городищ Благовещенская 4 (рис. 1, 2), Веселовка 1 (рис. 1, 3) и Старотитаровская 17 (рис. 1, 4) соответственно, то, по моим наблюдениям, они несколько уступают в размерах Вышестеблиевской 11 (особенно последнее).

Вместе с тем, заслуживает внимания городище, названное М.В. Абгуновым. Поселение выгодно расположено на Благовещенском останце у основания Бугазской косы, отделяющей одноименный лиман от Черного моря (Рис. 1: 2), и датируется концом VI—I вв. до н.э.²⁴. Особенно примечательно то, что жизнь возобновляется здесь в римское время, но уже в гораздо меньших масштабах²⁵, причем последнее обстоятельство перекликается с данными Клавдия Птолемея (V, 8. 8), который в непосредственной близости от Синдской Гавани помещает деревню Синду (бывшие Синдик(а)/Синд?). Немаловажно и то, что названный объект просматривается со стороны Черного моря, и должен был найти отражение в периплах в качестве опорного пункта в этой пустынной части черноморского побережья Синдики. Достаточно сказать, что следующим античным поселением, расположенным примерно в 20 км к юго-востоку, является городище в п. Витязево.

Здесь невольно вспоминается Аборака. И хотя соответствующее место в «Географии» (Strabo. XI. 2. 10) дошло до нас в сокращенном виде²⁶, тем не менее, местоположение названного объекта (Рис. 1, 5) некоторым образом согласуется с данными Страбона. Из контекста сообщения следует, что Аборака располагалась неподалеку от Горгии²⁷ и притом «поблизости от моря»²⁸, т.е. в пределах прямой видимости (для мореплавателя)²⁹. Но, безусловно, наиболее примечательным является местоположение названного объекта: у южной оконечности Витязевского лимана — естественной корабельной стоянки. И хотя в настоящее время лиман отрезан от Черного моря Джемитейской (Анапской) косой, тем не менее, надо полагать, что так было не всегда, и в древности он мог иметь прямое сообщение с морем. Как знать, возможно, эпизодическое существование «Витязевского гирла» (Рис. 1, 10) и нашло отражение в данном сообщении Страбона. Остается заметить, что Витязевское городище является одним из трех поселений античного времени, расположенных в бассейне Витязевского лимана³⁰, а район Анапы выделяется отсутствием других естественных гаваней, и следующей (за Анапской бухтой) идет Цемесская.³¹ Таким образом, предложенная локализация Абораки представляется не только вполне правдоподобной, но, в сущности, и безальтернативной³².

Рис.1. Реконструкция дельты р. Кубань в античное время по Я.М. Паромову.

1 — Вышестеблиевская 11; 2 — Благовещенская 4; 3 — Веселовка 1; 4 — Старотиторовская 17; 5 — Витязево; 6 — Капустин; 7 — Суворово-Черкесский; 8 — Бугазское гирло; 9 — Бугазское гирло 2; 10 — «Витязевское гирло» — предполагаемое место соединения Витязевского лимана с Черным морем в античное время; 11 — Пересыпское гирло; 12 — Фонталовская 1, 6; 13 — курганы Большая и Малая Близницы

Здесь уместно перейти к следующему вопросу и попытаться выяснить причины, обусловившие разногласия в показаниях древних авторов³³. Думается, что ключ к разгадке следует искать в специфических особенностях этого региона. Безусловно, наиболее характерной его чертой является расположение в дельте Кубани. Именно река в значительной мере сформировала известный нам облик Таманского п-ва, ежегодно доставляя к морю многие тысячи кубометров размытых горных пород, которые затем аккумулировались в виде песчаных пересыпей или кос (Чушка, Тузла, Бугазская, Джемитейская (Анапская), Голенькая, Благовещенская, Соловьевская и т.д.). Таким образом, Кубань с неизменным постоянством возводила преграды на своем пути, вследствие чего (и в соответствии с принципом сообщающихся сосудов) изменяла свое направление, например, с черноморского на азовское, или же устремлялась к Таманскому заливу (ныне не существующие Шимарданский рукав (Страбонов Гипанис-Антикит) — протока Кубани, некогда впадавшая в залив западнее п. Приморский³⁴, и отчасти сохранившийся Субботин ерик³⁵)³⁶. Однако и здесь со временем развивалась аналогичная ситуация, и Кубань вновь бросала свои воды на прорыв некогда сооруженной ею дамбы³⁷. Это положение наглядно иллюстрирует следующий ряд наблюдений Ф.В. Шелова-Коведяева: «На карте, помещенной в книге В.Ф. Гайдукевича³⁸, Ахтанизовский лиман показан полностью отделенным от моря, и только пунктирная линия показывает древнее русло Кубани, соединявшее его с Азовским морем в районе древней Тирамбы; лиманы же Кизилташский и Витязевский имеют связь с Черным морем через Бугазский. На карте одного из новейших немецких атласов³⁹ ситуация обратная: последние три лимана отчленены от моря широкой пересыпью, а Ахтанизовский лиман соединяется с Азовским морем точно в указанном выше месте»⁴⁰. Эти данные несколько дополняют сведения, предоставляемые картой № 2, приложенной к монографии К.К. Герца. Пересыпское гирло здесь показано полностью заблокированным, а сток Кубани идет в Черное море (р. Старая Кубань — Кизилташский (Кубанский) лиман — Бугазское гирло) и отчасти в Азовское (р. Переволока и Казачий ерик — Ахтанизовский лиман — Темрюкское гирло — Курчанский лиман — Курчанское гирло). Но особенно примечательно, что Ахтанизовский и Титоровский лиманы образуют единое водное пространство (как, впрочем, и на карте в упомянутой книге В.Ф. Гайдукевича), а гора Дубовый рынок, которая в настоящее время находится у юго-восточной оконечности Ахтанизовского лимана, представляет собой мыс⁴¹. По последним данным основной сток Кубани идет в Азовское море (через Темрюкское гирло, а выше по течению — через реки Курку и Протоку), но при этом действует и черноморский рукав (р. Старая Кубань — Бугазское гирло, а также безымянное, которое можно условно назвать Бугазским гирлом 2). Пересыпское же гирло, где традиционно локализуется Тирамба (рис. 1, 11)⁴², функционировавшее вплоть до самого последнего времени, в начале 2007 г. вновь перестало существовать, поскольку оказалось заблокированным сплошной песчаной пересыпью.

Так как нет ни малейших сомнений в том, что подобным образом Кубань вела себя и в античную эпоху, то, кажется, именно это обстоятельство многое способно прояснить. Итак, наблюдаемая разногласия в сообщениях древних

авторов в отношении Синдской Гавани может объясняться тем, что какая-то часть лоций писалась в те периоды, когда Кизилташский лиман был изолирован от Черного моря и, соответственно, Синдская Гавань, расположенная в бассейне первого, выпадала из поля зрения составителей периплов. Когда же в Бугазской косе образовывалась промоина — Бугазское гирло (Рис. 1, 8), — и тем самым доступ к Синдскому озеру и (одноименному) городу открывался, последний вновь появлялся в лоциях. Этим, вероятно, и объясняется отсутствие Синдской Гавани в частности у Арриана, а также отмеченное М.В. Абгуновым внезапное исчезновение конкретики в перипле Псевдо-Арриана, лишь только дело доходит до этого населенного пункта⁴³.

Здесь уместно обратить внимание на другой парадоксальный факт: такой значительный город как Горгиппия упоминается лишь двумя древними авторами — Страбоном (XI, 2. 10-12) и Стефаном Византийским (s.v. Σίνδικος)⁴⁴. Надо сказать, что в последнее время исследователи часто задавались этим вопросом, однако решался он по-разному и притом в полном соответствии с различными подходами к локализации Синдской Гавани. Понятно, что автору этих строк ближе «дифференцирующая» аргументация В.Г. Зубарева. Исследователь полагает, что Горгиппия не получила должного отражения в источниках, поскольку «...до нас дошли далеко не все географические сочинения античных авторов» и, к тому же, «...в начале II в. до н.э. город подвергся нападению врагов и частично был разрушен... Стабилизация экономического положения Горгиппии начинается лишь к концу II — началу I вв. до н.э.»⁴⁵. Менее убедительно прозвучала ссылка на то, что на предшествовавшем разгрому этапе Горгиппия, вероятно, не имела статуса города⁴⁶. Можно привести немало примеров, когда заведомо более скромные населенные пункты упоминаются значительно чаще — взять хотя бы Корокондаму, которую, помимо Страбона (XI, 2. 8-9, 14) и Стефана Византийского (s. v.), называют Клавдий Птолемей (V, 8. 8), Элий Геродиан (XII, 325. 4) и Псевдо-Арриан (PPE, 64).

Кажется, более существенное значение может иметь другое обстоятельство. Дело в том, что широко распахнутая в Черное море *Анапская бухта*⁴⁷ вряд ли могла рассматриваться составителями периплов в качестве надежного прибежища для захваченных штормом судов. В этом смысле особенно показательно одно место у Арриана (PPE, 76): «От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, *защищенная от западных ветров* (курсив мой — В.С.)» (перевод В.В. Латышева).

Видимо, нечто подобное имело место и в отношении Абораки. Похоже, древние авторы обходили вниманием этот населенный пункт (его называет лишь Страбон) не столько потому, что он находился на некотором отдалении от Черного моря, и даже не потому, что уступал в размерах своим ближайшим приморским соседям — Горгиппии и Благовещенскому 4, — но, скорее всего, вследствие отсутствия в этом районе корабельной стоянки, а точнее, доступа к его естественной гавани — Витязевскому лиману. Иное дело — защищенные от всех ветров Корокондамитское озеро (где Корокондама являлась главным ориентиром) и Синдское, где в качестве опорных пунктов *поочередно* выступали то одноименный город⁴⁸, то Синдик(а)/Синд. Кстати, выделенное курсивом обстоятельство наводит на мысль, что в те периоды, когда Бугазское гирло было

блокировано, могло функционировать другое (Бугазское гирло 2), ныне существующее в юго-восточной части той же косы (Рис. 1: 9) и, что особенно примечательно, находящееся неподалеку от поселения Благовещенская 4 (Рис. 1: 2), которое, быть может, и есть тот самый триединый Синдик. Если согласиться с таким подходом к оценке ситуации с источниками, это открывает возможность для классификации сообщений древних авторов в соответствии с указанными функциональными состояниями Бугазской косы.

К первой группе можно отнести сообщения, в которых Синдская Гавань упоминается. Итак, свидетельства Псевдо-Скилака (72-73), Псевдо-Скимна (886-889) и Страбона (XI. 2. 14), судя по всему, восходят к тому времени, когда Бугазское гирло существовало и, соответственно, доступ к городу со стороны Черного моря был открыт.

Сообщения же Плиния (NH. VI. 17)⁴⁹, Элия Геродиана (152. 8), Арриана (PPE. 29) и Помпония Мелы (I. 110-111), по всей видимости, запечатлели обратное положение. Следует при этом иметь в виду, что перечисленные авторы зафиксировали ситуацию, при которой Синдская Гавань не была полностью изолирована от Черного моря; в город можно было попасть другим, правда, несколько более длинным и извилистым путем: через второе устье Кубани (Бугазское гирло 2) и далее — в обход косы Голенькой. Важно еще раз подчеркнуть, что данная группа авторов не упоминает Синдскую Гавань, видимо, только потому, что главным ориентиром (для входа в Синдское озеро) являлся другой населенный пункт — Синдик(а)/Синд.

Примечательно, что в отличие от Синдской Гавани, Синдик(а)/Синд(а) появляется в источниках довольно поздно — лишь в первые вв. н.э. Впрочем, мы располагаем еще одним свидетельством (Herod. IV. 86), которое, однако, зачастую расценивается как упоминание о стране. Между тем, представляется совершенно очевидным, что великий галикарнасец почерпнул информацию о ширине Черного моря (расстояние между Синдикой и Фемискирой) либо из некоего не дошедшего до нас перипла, либо сам проделал этот путь на судне (на чем он, собственно, и настаивает), имевшем отправным пунктом своего маршрута (равно как и конечной целью) конкретный причерноморский город, но никак не страну обитания синдов. Важно при этом указать на отсутствие прецедентов использования в логиях названий территориальных владений варварских племен в качестве опорных пунктов, а еще более на то обстоятельство, что Отец Истории, приводя данные о длине Черного моря, опять же дает привязку к «точечным» географическим объектам: устью Понта (Боспор Фракийский) и Фасису (реке или одноименному городу — не суть важно). Все это побуждает присоединиться к мнению тех исследователей, которые склонны видеть в Геродотовой Синдике населенный пункт⁵⁰. Таким образом, у нас имеются довольно веские основания для отнесения данного сообщения Геродота к только что рассмотренной 2-й группе, а значит, и возможность говорить о том, что Бугазское гирло 2 функционировало не только в первые вв. н.э., а также в эллинистическую эпоху (куда зачастую ведут следы сообщений римских и византийских авторов⁵¹), но и в V в. до н.э. (ориентировочно до 425 г. — предполагаемой даты смерти Геродота⁵²).

К только что перечисленным сообщениям примыкает еще один ранее упо-

минавший источник (Ptol. V. 8. 8), в котором приводятся координаты как Синдской Гавани, так и деревни Синды. Следует особо подчеркнуть, что именно Птолемей сохранил для нас уникальную информацию, дающую прямое указание на существование в Синдике двух населенных пунктов, носивших родственные имена и, судя по всему, находившихся при одном и том же Синдском озере. Это важное обстоятельство в совокупности с отмеченной выше специфической занимающего нас региона позволяет склоняться к выводу, что данное сообщение отражает единовременное существование двух черноморских устьев Кубани — Бугазского гирла и Бугазского гирла 2. Иными словами, Птолемей, по всей вероятности, зафиксировал эпизодическое островное состояние Бугазской косы, которое, как уже отмечалось, существует и в настоящее время.

Последний штрих в «портрет» Синдского озера вносит Страбон (XI. 2. 10). Данный параграф примечателен главным образом тем, что здесь великий географ «забыл» упомянуть о существовании в Синдике как Синдской Гавани, так и Синдика. Судя по всему, мы имеем дело с уникальным в своем роде свидетельством (очевидно, восходящим к другому (нежели XI. 2. 14) источнику), запечатлевшим положение, при котором причерноморская группа лиманов (Кизилташский, Бугазский и Цукурский) была полностью отрезана от Черного моря, т.е. представляла собой озеро лагунного типа. Этим, вероятно, и объясняется появление «в Синдике» новых, если угодно, резервных корабельных стоянок, в роли которых выступают, надо думать, малопривлекательная с этой точки зрения Горгиппия и весьма кстати оказавшаяся доступной Аборака, а точнее, ее «гавань», в которой, как уже говорилось, предпочтительнее всего видеть Витязевский лиман⁵³.

Наконец, совершенно особое и, безусловно, наиболее примечательное место (среди интересующей нас категории сообщений древних авторов) занимает последняя группа источников: Арриан, Псевдо-Арриан и Стефан Византийский.

Перипл Псевдо-Арриана — единственный, в котором Синдская Гавань отождествляется с городом Синдикой (Ps.-Arr. PPE. 62), — по всем признакам, представляет собой продукт компиляции только что названных двух первых групп источников⁵⁴. Такой вывод следует из контекста весьма вероятной ситуации, при которой Аноним располагал сведениями, с одной стороны, о существовании в Синдике одноименного города, находящегося при одноименном озере, а с другой — о Синдской гавани и (одноименном) городе (Strabo. XI. 2. 14). Далее, Псевдо-Арриан (PPE. 73-74), вслед за Псевдо-Скимном (886-895), помещает Синдскую Гавань на один остров с Фанагорией и Гермонассой, что, как легко заметить, противоречит им же приводимым цифровым данным, которые указывают на район Анапы (Ps.-Arr. PPE. 64, 67); Арриан (PPE. 29) примерно здесь же помещает Синдику. При этом оба автора загадочным образом хранят молчание о Горгиппии (последний также о Синдской Гавани). Таким образом, внутренне противоречивая информация, предоставляемая названными источниками, в свете сформулированного А.А. Завойкиным вопроса: «...что перепутано: расстояния или названия?»⁵⁵, побуждает склоняться к выводу: и то, и другое. Перефразируя заключение историка⁵⁶, можно сказать так: две неточности двух авторов (Арриана и Псевдо-Арриана) досадны, но с ними придется смириться.

Похоже, столь же особый случай представляет собой и свидетельство Стефа-

на Византийского (s.v. Σίνδικος). Судя по всему, у этого автора соединилась разрозненная (а зачастую, как видим, и крайне противоречивая) информация о том, что в Синдике расположены Горгиппия, Синдик и Синдская Гавань. Поскольку два последних города находились при Синдском озере, причем фигурировали в имевшихся у него источниках неизменно порознь (как, впрочем, и в дошедших до нас), то Стефан, вероятно, решил избавиться от тавтологии, отдав предпочтение Синдику. Далее, имея перед собой сведения, с одной стороны, о расположенной в стране синдов Горгиппии (без упоминания Синдика и Синдской Гавани (*Strabo*. XI. 2. 10)), а с другой — о находящемся в Синдике одноименном городе при одноименном озере (без упоминания Горгиппии), византийский автор (или его информатор) мог решить, что речь идет об одном и том же населенном пункте. Так, вероятно, и родилась фраза, окончательно спутавшая все карты: «...некоторые называют [Синдик] Горгиппой».

Предложенную схему уместно завершить напоминанием о том, что свидетельства Псевдо-Скимна (886-895) и Псевдо-Арриана (РРЕ. 73-74), скорее всего, восходят к тому времени, когда Шимарданский рукав не функционировал и, соответственно, Фанагория, Гермонасса и Синдская Гавань действительно оказывались на одном «острове»⁵⁷. Сюда же, правда, с некоторыми оговорками, можно отнести и ряд других сообщений: Гекатея (fr. 164), Дионисия Периегета (541-553), Евстафия (ad Dion. Per. 549), Плиния (NH. VI. 18), Помпония Мелы (I. 19. 111) и Александра Полигистора (FGrHist 273 F139). Данные же Страбона (XI. 2. 9-10), Аммиана Марцеллина (XXII. 8. 30) и Стефана Византийского (s.v. Θαναγόρεια), очевидно, запечатлели обратное положение⁵⁸.

Осталось попытаться ответить на последний и, в общем-то, как бы сам собой возникающий здесь вопрос, касающийся названия города — предшественника Горгиппии. Нельзя, однако, не заметить, что вышеизложенные рассуждения фактически заводят нас в тупик. И хотя создавшееся положение выглядит совершенно безнадежным (разумеется, до обнаружения новых данных), тем не менее, некий выход из этой ситуации, кажется, может подсказать уникальное в своем роде наречение города именем одного из Спартокидов.

Прежде всего, следует напомнить, что приемлемое толкование этого феномена недавно представил А.А. Завойкин. Основывая свое мнение на археологически прослеженной картине разгрома Анапского поселения во второй четверти IV в. до н.э., историк склонен объяснять столь специфический характер переименования города его реколонизацией, в связи с чем «...Горгипп рассматривался в качестве ойкиста нового города и потому... дал ему свое имя»⁵⁹. Действительно, такой постановке вопроса во многом способствует основание Горгиппии в тесном соседстве с руинами старого города⁶⁰.

Небезынтересно, однако, взглянуть на эту ситуацию под несколько иным углом зрения, а именно: через призму свидетельства Псевдо-Скимна (896-899), согласно которому Спартокидами был основан другой восточно-боспорский город, получивший «свое название от варваров киммерийцев». Надо сказать, что данная историческая параллель предстает перед нами в еще более любопытном ракурсе в свете концепции А.А. Завойкина, суть которой сводится к тому, что Киммерида также подверглась реколонизации⁶¹. Как бы то ни было, но важно заострить внимание на том, что в этом случае присвоение городу назва-

ния носило уже не «династийный», а так сказать, историко-этнографический характер. Таким образом, приведенная справка Псевдо-Скимна дает наглядное представление о дифференцированном подходе Спартокидов к разрешению вопросов такого рода и тем самым предоставляет обильную пищу для дальнейших размышлений.

Вообще говоря, боспорских тиранов можно подозревать в чем угодно, но только не в целенаправленном искоренении туземных, а вернее даже исконных топонимов, как, впрочем, и в стремлении оставить о себе яркий след на карте подвластного им региона. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют, с одной стороны, варварские имена многих населенных пунктов Боспорского царства, включая его столицу, а с другой, — уникальность города, носившего имя представителя правящего дома. Здесь возникает ряд вопросов: почему возрожденному Анапскому поселению не было возвращено его прежнее, причем, скорее всего, греческое название⁶², а переименование носило столь необычный характер (особенно для первой половины IV в., когда такого рода случаи — буквально наперечет⁶³)? И почему, наконец, город получил имя Горгиппа — второго сына Сатира I⁶⁴, — тогда как верховную власть в государстве официально унаследовал Левкон (Diod. XIV. 93. 1)?⁶⁵

Если довольно убедительный ответ на два последних, в общем-то, дискуссионных вопроса⁶⁶, как только что говорилось, дал А.А. Завойкин, то для прояснения первого целесообразно сфокусировать внимание на следующем, как представляется, бесспорном и, вместе с тем, принципиально важном положении. За инициированным боспорскими тиранами переименованием Анапского поселения — а тот факт, что инициатива здесь исходила «сверху», вряд ли нуждается в комментариях — может стоять не иначе как стремление к упразднению прежнего названия. Отсюда следует, что у Спартокидов имелись на то некие и, во всяком случае, достаточно веские основания. А раз так, значит, перед нами именно тот редкий случай, когда имеющиеся косвенные данные, по сути дела, не оставляют пространства для полета фантазии, и тем самым фактически вынуждают прийти к следующему категорическому заключению.

Такого рода действия новых хозяев города становятся сколько-нибудь понятными лишь при том неслучайном условии, если непосредственный предшественник Горгиппии носил чуждое Спартокидам или, лучше сказать, вызывавшее у них сугубо негативные ассоциации название, которое, к тому же, как выясняется, а priori не могло быть исконным и, попутно замечу, таким заведомо «нейтральным», как Синдская Гавань (а равно и прочие однокоренные этнонимы)⁶⁷. Причем этим условиям в полной мере соответствует опять-таки, пожалуй, лишь один теоретически возможный вариант: к моменту переименования в Горгиппию город носил, как минимум, второе по счету название, присвоенное некими пришельцами, находившимися во враждебных отношениях с Пантикапеем. Так как в них логичнее всего видеть афинян, следовательно, упразднение топонима, способного при одном его упоминании возвращать к временам конфронтации с «нынешними» союзниками Спартокидов⁶⁸, выглядит шагом не только вполне закономерным, но, в сущности, и неизбежным.

Здесь уместно покинуть на время находящееся в центре нашего внимания Анапское поселение и окинуть взглядом окружающие его земли. Судя по оби-

лию керамического импорта, регион Нижнего Прикубанья (в пределах нынешнего Анапского района) уже в V в. до н.э. находился в оживленных торгово-экономических отношениях с внешним миром⁶⁹ и, соответственно, располагал значительными продовольственными ресурсами⁷⁰. Более того, по мнению В.Д. Кузнецова, начиная со второй трети V в. до н.э. понтийский хлеб в Средиземноморье поступал в основном из двух мест: с Таманского п-ва, а также из района Анапы⁷¹. Думается, что последнее обстоятельство в сочетании с уникальностью расположенного здесь приморского города вряд ли могло ускользнуть от внимания афинян, тем более в годы Пелопоннесской войны, когда проблема обеспечения метрополии продовольствием приобрела особую актуальность⁷².

Поскольку вышеизложенные соображения, как мне кажется, способны убедить в том, что мы стоим на правильном пути, поэтому возьму на себя смелость утверждать, что Анапское поселение, во-первых, входило в сферу прямого политического влияния Афин (причем его включение в I Афинский морской союз⁷³, скорее всего, приходится на период массового вовлечения припонтийских городов в это объединение — по разным оценкам в обложение 425/4 г. было включено от 40 до 50 городов⁷⁴) и, во-вторых, подверглось переименованию, что, в свою очередь, подразумевает выведение сюда афинской клерухии⁷⁵. Кстати, несложно подсчитать, что в этом случае Анапский полис носил «проафинское» название, по меньшей мере, 55 лет (425/4 г. — 370/365 гг.⁷⁶), т.е. период времени, сопоставимый с продолжительностью сознательной жизни двух поколений, иначе говоря, вполне достаточный, чтобы лишить Спартокидов возможности вернуть ему исконное имя (к сожалению, остающееся неизвестным по сей день) и, как следствие, подвигнуть на поиски нового. Что касается резонно возникающего здесь следующего вопроса — о «проафинском» названии пред-Горгиппии, — то его рассмотрение уместно предварить несколькими соображениями.

Вряд ли стоит приводить пространные доводы в пользу того, в общем-то, бесспорного положения, что Спартокиды отнюдь не являлись пионерами в области использования личных имен в топонимической лексике. Более того, представляется совершенно очевидным, что напряженная военно-политическая обстановка, сопровождавшая насильственное включение Анапского поселения в состав Боспора (судя по всему, шедшее в контексте развернувшихся в Нижнем Прикубанье масштабных боевых действий⁷⁷), явно не располагала к такого рода творческой деятельности. Это обстоятельство в совокупности с уникальным характером переименования Анапского поселения, на мой взгляд, создает высокую вероятность того, что при разрешении вставшего перед Спартокидами вопроса об изменении его названия они пошли по пути, так сказать, наименьшего сопротивления и воспользовались примером, который как раз и мог давать этот завоеванный ими город. Если же согласиться с таким ходом наших рассуждений, это позволяет сделать еще один шаг. Итак, корни рассматриваемого феномена, по всей видимости, следует искать не просто в греческой, но гораздо эже — в официальной афинской ономастике.

В этом отношении несомненный интерес представляет следующий и, если не ошибаюсь, единственный в своем роде факт: некий восточно-боспорский

город носил то же имя, что и афинский архонт-эпоним 425/4 г.⁷⁸. Причем велика вероятность того, что правление Стратокла приходится на год дебютного появления припонтйских городов в списках фороса I Афинского морского союза (МИС, № 1: 425/4 г.) — принято считать, что именно в этом году был создан Евксинский податной округ⁷⁹. Поскольку случайный характер наблюдаемого стечения обстоятельств представляется маловероятным, это дает довольно веские основания к тому, чтобы предполагать причастность афинян к переименованию одного из населенных пунктов Азиатского Боспора (разумеется, приморского и, скорее всего, причерноморского), что с учетом вышеизложенного позволяет, в общем-то, без больших колебаний поставить знак равенства между Стратоклеей и пред-Горгиппией. Пожалуй, единственным препятствием является свидетельство Плиния (NH. VI. 18), из контекста которого следует, что искомый объект располагался между Фанагорией и Кепами⁸⁰.

Представляется, однако, что указанная названным источником (и, казалось бы, уже по одной этой причине не подлежащая ревизии) локализация интересующего нас города, на деле же может оказаться весьма далекой от географических реалий. Во всяком случае, место для серьезных сомнений здесь оставляет другой, и на сей раз уже совершенно очевидный факт: путаница с локализацией населенных пунктов, как мы видим, — явление достаточно характерное для древних авторов⁸¹. Судя по всему, и данный случай — из их числа. Думать так заставляет, во-первых, география Плиния, которая, по мнению М.И. Артамонова, «отличается невообразимой путаницей сведений, извлеченных из разных источников, и полнейшим смешением хронологии»⁸². Причем все это в равной мере относится и к боспорскому региону, в описании которого у Плиния также царит «полный сумбур»⁸³. Во-вторых, уникальность упоминания Стратоклеи в литературной традиции, что особенно бросается в глаза на фоне ее именитых «соседей» (которых в частности последовательно называет такой заслуживающий доверия источник, как Страбон (XI. 2. 10), перечисляющий интересующие нас города Корокондамитиды, располагавшиеся, судя по контексту сообщения, на южном ее побережье, причем к востоку от современного п. Приморский). И наконец, отсутствие поселений античного времени на упомянутом отрезке побережья Таманского залива, а точнее, между находящимися здесь фанагорийским и кепским городищами⁸⁴, местоположение которых в районе п. Сенного установлено достаточно надежно (особенно первого)⁸⁵. Если же наши сомнения в справедливости Плиниевой локализации Стратоклеи признать небеспочвенными, это открывает возможность для вынесения следующего обобщающего заключения.

Итак, велика вероятность того, что в поисках нового названия для Анапского поселения Горгипп (который, согласно доминирующему в историографии мнению, «после кончины Сатира I стал его преемником в азиатских владениях»⁸⁶, т.е. архонтом) воспользовался ближайшей, находившейся, что называется, под рукой «афинской формулой», в соответствии с которой городу в свое время было присвоено имя архонта, правившего тогда в метрополии.

Впрочем, если продолжить движение по только что намеченной линии обратной связи, то мы выходим на другую «афинскую формулу», использованную, например, в южнопонтйском Амисе, где генератором идеи переименова-

ния города явилась выведенная туда афинянами клерухия (Strabo. XII. 3. 14). Это подразумевает и несколько иной вариант трактовки возможных обстоятельств появления у интересующего нас города имени Горгиппа, а вернее даже два. Правда, наименее вероятным выглядит «канонический вариант», предполагающий механическую экстраполяцию данной «формулы» в ее, так сказать, чистом виде. В самом деле, довольно сложно представить ситуацию, при которой прежнее название могло «резать слух» не только, а точнее даже не столько Спартокидам, сколько попавшему под их власть (причем в результате насильственных действий) гражданскому коллективу. Поэтому более правдоподобным вариантом (из двух последних) выглядит оставшийся, который можно условно назвать комбинированным. Так вот, если попытаться адаптировать данную «афинскую формулу» к упомянутым боспорским реалиям, то представленная выше «горгиппийская формула» приобретает несколько иной, а вернее двухступенчатый вид. Неизменной остается первая часть, т.е. инициатива по упразднению прежнего названия, скорее всего, исходила «сверху», из Пантикапея. Что касается второй, — то можно предполагать передачу Спартокидами «вниз» юридических полномочий по наделению города новым именем. Кстати, по известным нам итогам «голосования» городская община должна была быть не только лояльной по отношению к правителям Боспора (что, в свою очередь, подразумевает появление в городе контингента новых поселенцев⁸⁷, возможно, из числа наемников и ветеранов (как это в частности допускает А.А. Завойкин⁸⁸, ссылаясь на такого рода действия в аналогичных условиях сиракузского тирана Дионисия Старшего), но и быть в курсе резких перемен в афино-боспорских отношениях, произошедших в конце V в. до н.э.⁸⁹, т.е. задолго до рассматриваемых здесь событий, а значит, и всех обстоятельств появления у города прежнего, скажем так, не вполне политкорректного имени, что, замечу, уводит в глубь того же века еще на два десятилетия и, таким образом, вновь возвращает нас в, надо полагать, хорошо осведомленный на сей счет Пантикапей.

Отдавая приоритет первой из предложенных здесь версий, нужно признать и то, что на сегодняшний день мы лишены возможности для однозначного выбора, да и вряд ли когда-нибудь узнаем, какая из рассмотренных схем получила реальное воплощение на древней земле Анапы. Вместе с тем, хотелось бы заострить внимание на другом, с моей точки зрения, существенно более важном моменте. При любом из этих двух теоретически возможных вариантов получает удовлетворительное объяснение феномен столь раннего присвоения Анапскому поселению имени одного из Спартокидов, а известные нам действия центральных властей (а быть может, отчасти и городской общины) довольно органично вписываются в вышеозначенный общеисторический и военно-политический контекст. Иначе говоря, приведенные соображения, как мне кажется, расставляют имеющиеся данные на свои места, и усматриваемое А.А. Завойкиным наличие причинной связи между переименованием Анапского поселения в Горгиппию и основанием последней рядом с обращенным в руины прежним городом становится еще более явным в том случае, если то были руины бывшего союзника афинян — Стратоклея.

И, наконец, еще один непосредственно вытекающий отсюда штрих. Послед-

нее из упомянутых сообщений Плиния Старшего (23/4-79 гг. н. э.), очевидно, восходит к недошедшему до нас анонимному источнику, который можно отнести ко времени не позднее начала 2-й четверти IV в. до н.э.⁹⁰. Остается заметить, что на раннее исчезновение Стратоклеи с карты боспорского региона некоторым образом может указывать отмеченная выше уникальность случая упоминания этого города в литературной традиции.

Возвращаясь из «Горгиппийской бухты» в Синдское озеро, не могу удержаться от соблазна, а потому рискну предложить свою трактовку древнейшего, восходящего еще к середине VI в. до н.э. (Shol. Apoll. Rhod., IV, 321), упоминания о Синдике⁹¹.

Итак, все имеющиеся данные, как представляется, указывают на то, что не иначе как амбивалентному или, если можно так выразиться, физиологически двуликому и (да простят меня представительницы прекрасного пола) по-женски непредсказуемому Бугазскому гирлу (Рис. 1, 8) с его, надо полагать, диковинной для древних мореплавателей способностью периодически то исчезать, то вновь появляться, и тем самым то преграждать, то открывать доступ к вожделенной «тихой заводи» — Синдскому озеру, — и было присвоено скабрзное прозвище «Синдская расселина» (по С.Р. Тохтасьеву⁹², «...«синдский разрезик» или попросту «синдская щелка»)⁹³. Нельзя при этом не отметить, что истинный смысл этого, вероятно, неофициального топонима или же, по мнению В.Д. Блаватского⁹⁴, «ходячего выражения» обнажился лишь в самое последнее время благодаря блистательно обыгранным С.Р. Тохтасьевым полемическим откровениям⁹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражаю глубокую признательность А.Н. Васильеву и А.А. Завойкину за ценные советы и помощь в подготовке рукописи к публикации, И.С. Хаустову (п.Джигинка), Е.Ю. Киселевой (СПб), Е.А. Кравцу (Темрюк) — за информационную и техническую поддержку.
2. Брун Ф.К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею областей // Черноморье. Одесса, 1880. С. 264-266.
3. Библиографию вопроса см.: Завойкин А.А. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия // ВДИ. № 1998. 3. С. 135-136.
4. Sibirsky A.A. Catalogue des medalles du Bosphore Cimmerien. St.-Petersburgh. 1859. P. 237.
5. Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник II. Екатеринодар, 1891. С. 39-40.
6. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. М., 1925. С. 293-294.
7. Калистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М.-Л., 1953. С. 73-75.
8. Завойкин. Ук. соч. С. 134-145.
9. Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // ТС. 2002. № 4. С. 20-23.
10. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 89-91.
11. Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н.э.) // КСИА. № 197. 1990. С. 25; она же. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 5.
12. Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции // ДБ. 1999. № 2. С. 140.

13. Действительно, если иметь в виду лишь т.н. нимфейскую трансгрессию, то может создаться впечатление, что в античное время Кизилташский лиман представлял собой заросшие камышом и кишящие комарами непроходимые топи (*Тохтасьев* Ук. соч. С. 21). Между тем, процесс формирования кубанской дельты имеет не столь односторонний вид и, помимо названной С.Р. Тохтасьевым трансгрессии, включает в себя ряд «встречных» процессов, главными из которых являются активное накопление донных отложений (как органического, так и неорганического происхождения), а также береговая абразия (*Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора VI–IV вв. до н.э. // ДГ СССР. 1984. М., 1985. С. 34; *Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo., XI, 2. 7) // ДБ. 2000. № 3. С. 50–51). Поскольку комплексное воздействие перечисленных факторов в значительной степени компенсирует последствия трансгрессии Черного моря, это позволяет скорее более, нежели менее уверенно говорить о существовании Кизилташского и смежных с ним лиманов в античную эпоху.
14. *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Янина Т.А., Фуаш Э., Мюллер К.* К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 254–256. Данная группа авторов основывает свою гипотезу на следующем ряде обстоятельств. Во-первых, «...в толще голоценовых отложений Таманского залива отсутствуют следы как собственно кубанского аллювия, так и влияния опресняющего воздействия речных вод на видовой состав морских моллюсков, что свидетельствует о том, что ни один из рукавов Кубани не впадал в Таманский залив в голоцене» (*Горлов* и др. Ук. соч. С. 254). Во-вторых, «...лиманы в черноморском русле Кубани... в древности... представляли собой огромный ингрессионный залив, простиравшийся на восток до Семибратнего городища. Его размеры более соответствуют цифрам, которые приводит Псевдо-Арриан (PPE, 64) — 630 стадий» (там же). В-третьих, «...локализация селения Корокондама носит гипотетический характер, и строить на ней палеогеографические реконструкции опрометчиво. В пользу данной версии можно привести еще один довод. Если, вслед за указанной группой авторов, локализовать Корокондаму в районе Благовещенского останца, то в этом случае снимается одно из главных противоречий в показаниях наших основных источников по палеогеографии Таманского п-ва — Страбона (XI. 2. 14), с одной стороны, и Арриана (PPE. 28) и Псевдо-Арриана (PPE. 67), — с другой: Синдская Гавань довольно четко локализуется на месте Анапы. Правда, в этом случае возникает ряд противоречий и нестыковок. 1. Приведенное Страбоном (XI. 2. 14) расстояние от Синдской Гавани до Бат (традиционно локализуемых в районе Новороссийска (см.: *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л. 1949. С. 220)) — 400 стадий или 62–74 км — уводит нас в район Геленджика, где обычно помещается Торик (см.: *Онайко Н.А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 6–7, 103). 2. Если из района Благовещенского останца (где, по условиям, локализуется Корокондама) взглянуть на причерноморскую группу лиманов через призму данного Страбоном (XI. 2. 10) описания Корокондамитского озера, то Гермонассу и Апатур, очевидно, следует искать на левом коренном берегу поймы р. Старая Кубань и далее — на восточном побережье Витязевского лимана, т.е. примерно между современными поселками Джигинка и Витязево. Хотя в указанном районе имеется несколько поселений античного времени (см.: прим. 29, 30; *Салов А.И.* Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. Вып. 159. 1979. С. 101. № 36, 38), однако ни одно из них не может быть соотносено с остатками сколько-нибудь значительного города, каким рисуется Гермонасса в свете сообщений древних авторов. Наконец, хотелось бы обратить внимание

на вполне определенную привязку интересующего нас водоема к Керченскому проливу, которую дает Страбон (XI. 2. 8-9): «Недалеко отсюда селение Патраэй, от которого сто тридцать стадиев до деревни Корокондамы; последняя представляет предел так называемого Киммерийского Боспора... Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называется Корокондамским. (перевод П.И. Прозорова).

15. *Болыховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фуаш Э.* Изменение ландшафтно- климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 257 слл.; *Поротов А.В., Горлов Ю.В., Янина Т.А., Фуаш Е.* Особенности развития Черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология. 2004. № 4. С. 63 слл.
16. *Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. 1992. Вып. 1. С. 122-123. Рис. 1. С. 140-141. Рис. 3; *Горлов Ю.В., Поротов А.В., Треблева Г.В.* Археологические памятники Благовещенского останца // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 146-154.
17. А точнее, на юго-восток. Попутно замечу, что этот пассаж Страбона лишает оснований локализацию Корокондамы на месте ст. Тамань, предложенную В.Г. Зубаревым (Ук. соч. С. 131-132). При этом исследователь оставляет без ответа, по меньшей мере, один вполне уместный здесь вопрос: какому поселению принадлежал некрополь у мыса Тузла (*Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИИАК. Вып. 56. 1914. С. 2 слл.).
18. *Завойкин.* Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 138.
19. Здесь уместно перевести взгляд на другой «анонимный» топоним, упомянутый Страбоном (XI. 2. 14) в связке с Батами: «селение Баты и гавань». По аналогии с только что рассмотренной ситуацией с Синдской гаванью, можно предполагать, что Цемесская бухта в древности именовалась Батским (Патусским/Патунтским) озером (гаванью). Любопытный нюанс привносит сюда Птолемей (V. 8. 8): сообщая координаты как деревни Баты, так и гавани Баты, римский автор тем самым обязывает видеть в последней населенный пункт, располагавшийся на берегу Цемесской бухты и воспринявший ее древнее название. Не лишено любопытства еще и то, что здесь в точности воспроизведена ситуационная схема, которая наблюдается в отношении Синдского озера и располагавшихся при нем Синдской Гавани и, надо думать, деревни Синды (*Ptol.* V. 8. 8).
20. Строго говоря, данные Страбона приводят в район Бугазского лимана. Однако в виду того, что Бугаз вряд ли мог восприниматься в древности как отдельный (от Кизилиашского лимана) водоем, поэтому ничто не мешает искать Синдскую Гавань в бассейне Бугазско-Кизилташской системы лиманов. Наименее вероятно расположение искомого объекта в районе Цукурского лимана. К справедливому замечанию А.А. Завойкина (*Завойкин.* Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 137) можно добавить еще один штрих. Судя по тому, что Синдская Гавань фигурирует в значительной части дошедших до нас древних лоций, данный населенный пункт просматривался со стороны Черного моря, тогда как южное побережье Цукурского лимана, где расположено названное Е.М. Алексеевой городище Веселовка I (*Алексеева.* Ук. соч. 1991. С. 5), полностью недоступно для визуального наблюдения (с указанной стороны).
21. Известно, что подобные (с трех сторон окруженные водой) места особенно ценились эллинами, и им отдавалось предпочтение при основании нового города — взять хотя бы Синопу или Херсонес Фракийский.
22. *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова

- // БС. 1993. Вып. 2. С. 62; *Рогов Е.Я., Кашаев С.В., Форназир Й.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 177-217.
23. Площадь памятника составляет ок. 50 га (0,9-1,1 км х 0,5 км) (*Рогов*. и др. Ук. соч. С. 177). Судя по случайным монетным находкам, поселение достигло указанных размеров в эллинистическое время и несколько сократилось в римское. Уместно также отметить собранную здесь коллекцию (кстати, весьма представительную) анэпиграфного боспорского серебра, чеканка которого прекращается около середины V в. до н.э. (*Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев. 1986. С. 137), включающую в себя монеты позднеархаического и раннеклассического времени, причем древнейшей из происходящих отсюда монет является триобол типа 2/2 (*Анохин*. Ук. соч. С. 136. Табл. 1).
24. *Горлов* и др. Археологические памятники Благовещенского останца... С. 148. «Это самое крупное поселение на останце, площадь распространения подъемного материала составила около 25 га» (там же).
25. *Горлов*. и др. Археологические памятники Благовещенского останца... С. 148, 150.
26. *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 12.
27. *Гайдукевич*. Ук. соч. С. 220.
28. *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 15.
29. Поселение находится на берегу Витязевского лимана примерно в 2,5 км от Черного моря и, судя по немногочисленным (в силу его местоположения — в районе Дома Культуры п. Витязево) случайным монетным находкам, существовало, по меньшей мере, в последней трети IV в. до н.э. — начале III в. н.э. Небезынтересно отметить, что возможность нахождения здесь Синдской Гавани (наряду с районом ст. Благовещенской) допускали еще А.А. Сибирский (*Sibirsky*. Op. cit. P. 237) и М.И. Ростовцев (*Ростовцев*. Ук. соч. С. 293, прим. 1), причем последний автор при этом отмечал: «К сожалению, ни о руинах около Витязевки и Благовещенской станицы, ни о предположительно существовавших здесь некрополях мы ровно ничего не знаем» (*Ростовцев*. Ук. соч. С. 294). Уместно также отметить, что в доступной литературе названный объект не упоминается.
30. Два других городища расположены в северо-восточной, т.е. наиболее удаленной от Черного моря части Витязевского лимана, а именно: в районе х. Капустин (*Салов*. Ук. соч. С. 101. № 34) (Рис. 1, 6) и х. Суворово-Черкесский (Рис. 1, 7). Случайными монетными находками поселения датируются соответственно IV в. до н.э. — IV в. н.э. и серединой V в. до н.э. — началом III в. н.э.
31. Которая, по вполне понятным причинам, зачастую именуется Новороссийской.
32. «Вряд ли имеет под собою серьезные основания высказывавшееся предположение (*Поночевный*. Ук. соч. С. 41-42) о возможности отождествления античного синдского поселения Аборака с районом горы, озера и (заведомо не судоходной — В.С.) речки Абрау» (*Гайдукевич*. Ук. соч. С. 519. Прим. 171).
33. Весьма оригинальный подход к решению этой проблемы представил В.Г. Зубарев. Не имея возможности детально рассмотреть данную концепцию (*Зубарев*. Ук. соч. С. 140-142), тем не менее, хотелось бы отметить главное. Все дошедшие до нас сообщения такого рода — суть периплы, т.е. морские лоции. Поскольку «Перипл являл собой последовательное перечисление прибрежных пунктов — ориентиров и возможных корабельных стоянок» (*Завойкин*. Памятник Сатира I... С. 50), то, кажется, уже одно это обстоятельство лишает доказательной силы соответствующие «сухопутные» построения В.Г. Зубарева. Последнюю по времени и, пожалуй, не менее оригинальную попытку разрешения этого вопроса предпринял С.Р. Тохтасьев. Противоречивые данные источников исследователь применил

- ряет с привлечением, на мой взгляд, избыточно радикальных средств, а именно: фактическим исключением Синдика(и)/Синда(ы) с карты Азиатского Боспора (Тохтасьев. Ук. соч. С. 18-20), а также констатацией ошибочности показаний Псевдо-Скимна (886-895) и Страбона (XI. 2. 14) (Тохтасьев. Ук. соч. С. 20). Принято, однако, считать, что названные древние авторы опирались соответственно «на авторитетные данные Деметрия Каллатийского» (Завойкин. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 134, со ссылкой: Ростовцев. Ук. соч. С. 26, 29, 34) и Артемидора Эфесского (см.: Ростовцев. Ук. соч. С. 37-38; Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // ДГ СССР. 1985. М., 1986. С. 63-66), причем первый из них, будучи уроженцем понтийского региона, являлся одним из «лучших знатоков севера» (Ростовцев. Ук. соч. С. 30-31. Прим. 3), тогда как последний, по мнению самого С.Р. Тохтасьева, «был крупным теоретиком описательной географии» (Тохтасьев. Ук. соч. С. 16).
34. Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб. 1898. С. 25-28; Гайдукевич. Ук. соч. С. 26-28, 156.
 35. Герц. Ук. соч. С. 37; Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 112 слл.
 36. Существование которых, как уже говорилось (прим. 14), недавно поставлено под сомнение (Горлов. и др. Ук. соч. 2002. С. 250-254).
 37. Пересыпь могла быть прорвана и в результате сильного шторма, как, например, это произошло в 1925 г., когда коса Тузла была размыта у основания и превратилась в остров (Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 33).
 38. Гайдукевич. Ук. соч. С. 156.
 39. Naack Weltatlas. VEB Hermann Naack. Geographisch-Kartographische Anstalt. Gotha; Leipzig. 1972.
 40. Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 33.
 41. По сообщению местного жителя (ст. Вышестеблиевская), в 1942-43 гг. мелководный Цукурский лиман полностью высох и представлял собой соляное плато, которое использовалось в качестве военного аэродрома. Косвенное подтверждение этой информации можно извлечь из вышеупомянутой послевоенной карты В.Ф. Гайдукевича: Цукурский лиман (в который, замечу, не впадает ни один из рукавов Кубани) показан полностью отрезанным от Кизилташского мысом Кизилташ-Бурун, превратившимся в сплошную пересыпь или косу.
 42. Пожалуй, только Н.И. Сударев помещает здесь Герусу/Керусий (Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 249). Что касается Тирамбы, то исследователь, вслед за Ф. Дюбуа де Монпере и К.К. Герцем (см.: Герц. Ук. соч. С. 147-148), отождествляет этот населенный пункт с крупным городищем, расположенным в ст. Голубицкая (Сударев. Ук. соч. С. 247 слл.). Веским аргументом в поддержку такой локализации города является замечание Н.И. Сударева (сообщенное приватным образом) о явном созвучии «Тирамбы» с современным «Темрюком». Известно, что последний вплоть до конца XVIII в. располагался близ ст. Голубицкая на некогда существовавшем здесь острове Адасс. Правда, К.К. Герц ограничился лишь информацией о находившейся там одноименной турецкой крепости (Герц. Ук. соч. С. 149).
 43. Исследователь заостряет внимание на отсутствии данных о расстоянии между Корокондамой и Синдской Гаванью (Абгунов. Ук. соч. С. 94). Действительно, эта лакуна особенно бросается в глаза, поскольку в отношении всех прочих опорных пунктов этот анонимный автор неизменно пунктуален.
 44. Причем последний автор, скорее всего, заимствовал это место у Страбона (см.: Завойкин. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 138).

45. *Зубарев*. Ук. соч. С. 139. По другим (последним по времени) сведениям, древнейший слой разрушения Горгиппии датируется около середины III в. до н.э., «ближе к его третьей четверти... Восстановительная застройка города произведена вскоре после разрушения в пределах прежних планировочных узлов» (*Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 44-45; См. также: *Алексеева Е.М.* Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. — III в. н.э.) // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 23-25); *Кругликова И.Т.* Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1. С. 97–100.
46. *Зубарев*. Ук. соч. С. 139.
47. Вообще говоря, применительно к интересующей нас античной эпохе выделенный курсивом гидроним с полным правом можно взять в кавычки. Дело в том, что главный, так сказать, бухтообразующий элемент гавани Анапы — мол — является искусственным сооружением новейшего времени (*Гайдукевич*. Ук. соч. С. 216). Таким образом, уже одно это обстоятельство полностью исключает возможность локализации Синдской Гавани на месте Анапы, причем даже в том случае, если допустить наличие у древнего города неких портовых сооружений, защищавших акваторию от западных ветров. Такой вывод неизменно следует из сообщения Псевдо-Скимна (886–889), согласно которому Синдская Гавань была «заселена эллинами, пришедшими из ближайших местностей». Поскольку названный источник прямо указывает на то, что это, к счастью, весьма красноречивое название было дано городу изначально, следовательно, он был основан на берегу защищенного от всех ветров *естественного* водоема. Остается заметить, что в причерноморской части Синдики, т.е. в указанном древними авторами районе нахождения Синдской Гавани, на эту роль могут претендовать лишь лиманы.
48. Вид на который открывался при следовании по Черному морю вдоль побережья Синдики (на участке низменных кос: Бугазской и Голенькой). Следует уточнить, что в роли главного ориентира у Страбона (XI. 2. 14) выступает именно «гавань» — великий географ в первую очередь называет водоем. Кстати, этот нюанс, во-первых, указывает на то, что Синдская Гавань располагалась в глубине одноименного озера и, во-вторых, исключает возможность отождествления Синдской Гавани и Горгиппии — гавань последней Страбон вообще не упоминает, причем, надо думать, за отсутствием у города таковой. Напротив, у Стефана Византийского (s. v.) главным ориентиром является Синдик — «город... имеющий гавань», из чего следует, что данный населенный пункт располагался в непосредственной близости от Черного моря и, вместе с тем, при «гавани», иначе говоря, близ устья, в сущности, лишь одного теоретически возможного лимана — Бугазского, — что, замечу, опять же приводит нас к городищу Благовещенская 4.
49. *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 18.
50. *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.-Л. 1953. С. 169; *Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. Вып. 116. 1969. С. 17; *Кругликова И.Т.* Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1. С. 89; *она же*. Синдская Гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975. С. 13; *Агбунов*. Ук. соч. С. 36; *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 327. Прим. 519; *Алексеева*. Ук. соч. 1991. С. 3; *она же*. Ук. соч. 1997. С. 23; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 58.
51. См.: *Ростовцев*. Ук. соч. С. 42 слл.
52. *Гайдукевич*. Ук. соч. 1949. С. 593.
53. Еще одним следствием данной ситуации, может быть вывод о том, что в этот пе-

риод Витязевский лиман представлял собой изолированный (от других причерноморских лиманов) водоем, как, впрочем, и в настоящее время. Если к этому допущению, а также отмеченным выше моментам добавить варварское имя названного Страбоном населенного пункта и, наконец, принять во внимание местные аналогии в области топонимики, то совокупность этих данных позволяет признать довольно высокой вероятность того, что Витязевский лиман в древности мог именоваться Аборакским озером.

54. Ср.: *Зубарев*. Ук. соч. С. 139-140.
55. *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 141.
56. Там же.
57. *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 25. Прим. 4.
58. Там же.
59. *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 143.
60. Там же. С. 142.
61. Там же. С. 143-144.
62. Вывод об основании города в ходе заключительного этапа Великой греческой колонизации следует из материалов исследования городища и некрополя пред-Горгиппии (*Алексеева*. Ук. соч. 1997. С. 20-21).
63. *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 142-143; *Кузнецов В.Д.* Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 233.
64. *Шелов-Коведяев*. Ук. соч. С. 134.
65. Своего рода компромиссный вариант, примиряющий разноречивые показания Диодора (XIV. 93. 1) и Полиена (VIII. 55), исследователи находят в том, что Горгипп являлся соправителем своего старшего брата, Левкона I (см.: *Алексеева*. Ук. соч. 1997. С. 38-39; *Шелов-Коведяев*. Ук. соч. С. 134). Пожалуй, лишь С.Ю. Сапрыкин считает, что «После серии заговоров и измен, а скорее всего после падения Феодосии и победы над гераклеотами Левкону I удалось постепенно отодвинуть старшего брата (Горгиппа — В.С.) на второй план, оставив ему только азиатский Боспор» (*Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании до эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 27).
66. С.Ю. Сапрыкин склоняется к тому, что «Горгипп... мог превратиться в простого наместника в Синдике или в Синдской Гавани, переименованной в его честь в Горгиппию, являясь там эпистатом, подобно тому же Гилону в Кепах» (*Сапрыкин*. Ук. соч. С. 27). Несколько иначе видит эту ситуацию Е.А. Молев: «Вероятнее всего, он (Горгипп — В.С.) получил управление Синдской Гаванью в качестве самостоятельного правителя со статусом тирана... Вклад его в перестройку и укрепление города оказался столь велик, что он имел все основания дать ему свое имя» (*Молев*. Ук. соч. С. 74-75). Однако в другой его работе последнее положение выглядит уже так: Синдская Гавань была переименована в Горгиппию «за заслуги Горгиппа в его государственной деятельности» (*Молев Е.А.* Эллы и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003. С. 148).
67. Которые довольно сложно представить в роли раздражающего (Спартокидов) фактора — мы имели возможность убедиться в том, насколько трудно заподозрить боспорских тиранов в особых антипатиях к варварам вообще, а значит, и к синдам в частности.
68. См.: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н.э. М., 1959. С. 49-55; *Завойкин А.А.* Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 62-63.
69. *Алексеева*. Ук. соч. 1997. С. 32-34.
70. *Шелов-Коведяев*. Ук. соч. С. 131-132.

71. Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1. С. 108-109.
72. См.: Кузнецов. Ук. соч. 2000. С. 110.
73. К такому же выводу пришел Е.А Молев, правда, исходя из ряда других посылок: присутствия типично афинского сюжета (сова) на монетах с легендой ΣΙΝΔΩΝ, атрибуции данных эмиссий в качестве полисной чеканки Синда (Синдика) и локализации города на месте Анапы (Молев. Ук. соч. 1997. С. 58-59). Кстати, здесь же наш автор помещает и Синдскую Гавань (Молев. Ук. соч. 1997. С. 66; он же. Ук. соч. 2003. С. 142, 148).
74. Кондратюк. Архэ и афинская демократия // АГ. 1983. Т. 1. С. 338.
75. Существенное значение здесь имеет также то обстоятельство, что именно таким образом афиняне, как правило, «контролировали, причем в массовом масштабе, наиболее уязвимые для своей гегемонии в Афинской архэ местности, имевшие важное стратегическое значение» (Кондратюк. Ук. соч. С. 362).
76. Завойкин А.А. Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э... С. 83-84. Прим. 142.
77. Там же. С. 65.
78. См.: Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1922. II. С. 83.
79. Meritt B.D., Wade-Gery H.T., Mc Gregor M.F. The Athenian Tribute Lists. I. 1939. Cambridge (Mass.). P. 203; Кондратюк. Ук. соч. С. 338.
80. Кажется, единственную попытку локализации Стратоклеи предпринял В.Г. Зубарев. Следуя в русле своей «сухопутной» версии, исследователь отождествляет данный населенный пункт с городищами Фонталовская 1, 6 (Зубарев. Ук. соч. С. 136, 146). Нельзя, однако, не заметить, что названные объекты (Рис. 1, 12) находятся вне пределов прямой видимости, причем как со стороны Таманского залива и Керченского пролива, так и Азовского моря, и поэтому вряд ли могли привлечь внимание составителей периплов и оказаться в одном ряду с другими прибрежными населенными пунктами (Кузнецов. Ук. соч. 2001. С. 228).
81. Это положение можно проиллюстрировать еще одним примером. По свидетельству Псевдо-Скилака (72), Синдская Гавань располагалась между Кепами и Патунтом (Патусом/Батами), причем данный автор локализует Кепы в Синдике, а исходя из контекста сообщения, на черноморском ее побережье. Это в частности противоречит показаниям Страбона (XI. 2. 10), который помещает город вне Синдики и притом в бассейне Таманского залива, а также Псевдо-Скимна (896-899), дающего принципиально иную привязку: к Киммериде, т.е. последний автор локализует Кепы в северо-западной части Таманского п-ва, а точнее, на прилегающем к Керченскому проливу побережье Фонталовского п-ва (Завойкин А.А. Киммериды — полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. Вып. IV. Ч. 1. С. 130; он же. Проблема локализации Киммериды // ДГВЕ. 1996-1997. М., 1999. С. 220 сл.). По мнению В.Г. Зубарева, Киммериды (а значит, и Кепы — по Псевдо-Скимну) располагалась близ устья Ахтанизовского лимана (Рис. 1, 11) в районе п. Пересыпь (Зубарев. Ук. соч. С. 124-126), т.е. на берегу Азовского моря.
82. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л. 1974. С. 132.
83. Тохтасьев. Ук. соч. С. 25-26, прим. 4.
84. Правда, на существование в указанном районе античного поселения, затопленного водами Таманского залива, обращает внимание В.Д. Кузнецов (Кузнецов. Ук. соч. 2001. С. 228).
85. Пожалуй, только В.Г. Зубарев отождествляет Фанагорию с другим городищем — Гаркушанским (Зубарев. Ук. соч. С. 129-130). Во избежание использования дис-

куссионной аргументации, вероятно, имеет смысл ограничиться цитатой из наблюдений известного французского путешественника начала XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере (*Герц*. Ук. соч. С. 89): «Число курганов, окружающих город... всегда находится в прогрессивном отношении к важности и богатству города. Приведу пример. На Керченском полуострове курганы нигде не встречаются в столь значительном числе как вокруг развалин Пантикапеи. Поэтому если мы захотим приложить ту же мерку к азиатской метрополии и будем ее искать на Таманском полуострове, то мы должны остановиться на местности, более всего покрытой курганами. Посетив весь полуостров, мы должны признаться, что курганы, окружающие станцию Сенную, суть самые значительные и многочисленные. Если их счесть, то они превосходят числом все прочие группы курганов Таманского полуострова, вместе взятые». Контраргументы иного рода см.: *Кузнецов*. Ук. соч. 2001. С. 227-228.

86. *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 142.
87. *Алексеева*. Ук. соч. 1997. С. 32; *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 144.
88. *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия... С. 144.
89. *Блаватская*. Ук. соч. С. 70; *Завойкин*. Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. ... С. 111.
90. Или даже первой четвертью IV в. до н.э., если, конечно, согласиться с концепцией Е.И. Похитонова (*Pochitonov E. Několik sporných otázek nejstarsích bosporských mincí // Numismatický Sborník*. 1960. VI. Praha. 1960. S. 32-34), поддержанной автором этих строк (*Строкин В.Л. АПОЛ[лония Боспорская] или [храм] АПОЛ[лона]? // ДБ. 2007. Вып. 11 — в печати*), согласно которой крупнейший город Тамани получил имя своего ктиса около рубежа V—IV вв. до н.э.
91. См.: *Блаватский Д.Б.* Древнейшее свидетельство о Синдике // *Античная археология и история*. М.1985. С. 55-58.
92. *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 24.
93. Ср.: *Bergk Th. Poetae Lyrici Graeci*. Ed. 4. Lipsiae. 1882. P. 485; *Блаватский*. Ук. соч. С. 56; *Никонов А.А.* Синдская расселина // *ТС*. 2000. № 3. С. 161 слл.; *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 23-24.
94. *Блаватский*. Ук. соч. 1985. С. 56.
95. *Тохтасьев*. Ук. соч. С. 23-24.

«...THE SINDIAN HARBOUR AND THE [SAME] CITY»
(*STRABO*. XI. 2. 14)

V.L. Strokin

The author offers a new interpretation of a well-known Strabonius's phrase as: «The Syndian harbour and the [same] city» and considers, that this name belonged to Kiziltashsky estuary in the antiquity. The city Sindian Harbour is identified with the largest ancient settlement in the region. This city is not mentioned in some periplus, probably, because at that time the entrance into the lake Sindian was impossible, as far as Bugaz Girlo had been blocked by the sand. It is supposed, that in antiquity Bugaz Girlo was called «Σινδικὸν διάσπαγμα». The ancient settlement Blagoveshchensk 4 is identified with the ancient Sindian and the settlement Vityazevo with Aboraka mentioned by Strabonius. It is supposed also, that the settlement Anapskoe was included in the First Athenian sea union in 425/4 BC, in this connection it received the name of the Athenian arhont-eponim Stratoclaus. Stratoclea had become a part of Bosphorus in 370—365 BC. It was renamed in Gorgippia according to the «the Athenian formula» — in honour of the Asian Bosphorus arhontus Gorgipp.

© 2008 г.

А.А. Земскова

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА I–III вв. н.э.*

Классификации погребальных сооружений европейского Боспора рассматривались в нескольких работах отечественных исследователей, посвященных публикации материалов боспорских некрополей римского времени¹.

Необходимо отметить, что среди разработанных классификаций преобладали локальные, поскольку исследователи анализировали отдельные некрополи — городские или сельские. Они не ставили перед собой задачу разработки единой классификации погребальных сооружений, хотя необходимость в этом уже назрела. Ведь очень сложно соотносить между собой некрополи, если они рассмотрены и обработаны по одному подходу.

В основу всех имеющихся классификаций погребальных сооружений легло аналитическое описание их формы, используемого материала и строительных приемов.

Среди классификаций, выработанных на раскопках городских некрополей европейского Боспора, необходимо выделить классификации М.М. Кубланова², Е.А. Молева и С.А. Шестакова³, а также Н.Л. Грач⁴.

Классификация М.М. Кубланова была составлена по материалам некрополя Илурата, исследователь разделил могилы некрополя на следующие типы⁵:

1) простые могилы:

а) могилы, вырубленные в скале или встроенные в пустоты, образовавшиеся при выемке строительного камня (они встречались в той части некрополя, где скальный массив подходит к поверхности);

б) могилы, выкопанные в грунте, с облицованными плитами стенками (находились в земляной части некрополя).

В качестве перекрытий отдельных грунтовых могил этого типа употреблялись плиты вторичного использования, вероятно из более ранних погребений.

М.М. Кубланов утверждал, что грунтовые могилы с каменными стенками являлись самыми простыми на некрополе, именно по этой причине он отнес их к рядовым погребениям⁶.

2) катакомбы — это целиком вырубленные в скальном массиве пещеровидные камеры с открытым дромосом (также вырубленным в скале), подводящим с поверхности к входному проему. Иногда в ряде случаев внутри погребальных камер катакомб располагались каменные лежанки. Как правило, вход закрывался закладной плитой. Щебень, выработанный при строительстве, образовывал основание насыпи кургана над катакомбой. Автор отмечал, что данная группа представлена на некрополе различными по своим размерам, трудоемкости, строительному мастерству сооружениями⁷.

3) вырубленные склепы, по мнению М.М. Кубланова, этот тип погребального сооружения совмещает в себе технические параметры строительства ката-

* Особую благодарность автор выражает д. и. н., проф. Винокурову Н. И. за предоставленный материал.

комб с архитектурными формами склепов четвертой группы. Вырубные склепы представляют собой в большинстве случаев прямоугольные помещения, высеченные в скале, завершающиеся полуцилиндрическим сводом из блоков. Было установлено, что часть этих погребальных сооружений прагматически утилизировала те пустоты в скальном массиве, которые оставались после выработки строительного материала. Необходимо отметить, что в одних случаях такие пустоты углублялись для достижения нужной высоты, в других — торцы скальных стен наращивали строительными блоками. Данная методика значительно упрощала и удешевляла строительство⁸.

4) склепы с полуцилиндрическим сводом и дромосом, выполненные в высокой строительной технике, из тщательно обработанных тесаных плит известняка. Данный тип погребального сооружения полностью зависел от характера грунта. Для их возведения выкапывался или вырубался в скальном массиве котлован и в него встраивался склеп⁹.

Необходимо отметить, что одним из недостатков данной классификации является выделение катакомбы как отдельного погребального сооружения, отличного от склепа. Однако, если детально рассмотреть данные погребения (типы 2 и 3 по классификации М.М. Кубланова), то можно отметить, что структурно они едины и представляют собой грунтовый тип склепов. К сожалению, исследователь также не указал на то, что подобные погребения могут быть сооружены и в земляном грунте. Автором не были учтены в силу локального характера классификации некоторые другие типы захоронений, встречающихся на территории Боспора. Впрочем, целью его работы был анализ некрополя Илурата. Несомненными плюсами данной классификации является попытка разделения каменных и грунтовых склепов.

Следующую классификацию погребальных сооружений, на основании материалов анализа некрополя Китея, предложили Е.А. Молев и С.А. Шестаков¹⁰. По их мнению, могилы Китея можно разделить на четыре типа:

1. Грунтовые могилы с перекрытием или без него. Данный тип погребального сооружения является основным на территории некрополя Китея.

К понятию грунтовой могилы авторы типологии относят погребения, вырытые в земле или глинистом грунте, а также вырубленные в материковой скале¹¹.

2. Плитовые гробницы — по конструкции представляют собой каменные ящики, сложенные из четырех и более плит. Пространство между плитами заполнено мелкими камнями и глиной. Эти могилы перекрывались одной или несколькими плитами, либо совсем не имели перекрытия¹².

3. Подкурганные склепы;

4. Впускные погребения, совершенные в насыпи более ранних курганов.

В данной классификации отсутствует разделение склепов на грунтовые и каменные. Исследователи ограничились определением подкурганных склепов. Однако стоит отметить, что этот признак не является всеобщим: далеко не над всеми склепами сооружались курганные насыпи. Как правило, насыпи сооружались над каменными склепами, хотя встречаются и исключения¹³. Еще одним недостатком представленной классификации является общее определение 4 типа. Не ясно, что авторы понимают под термином «впускные погребения», т.к. захоронения совершенные в более ранних курганах могут быть как просты-

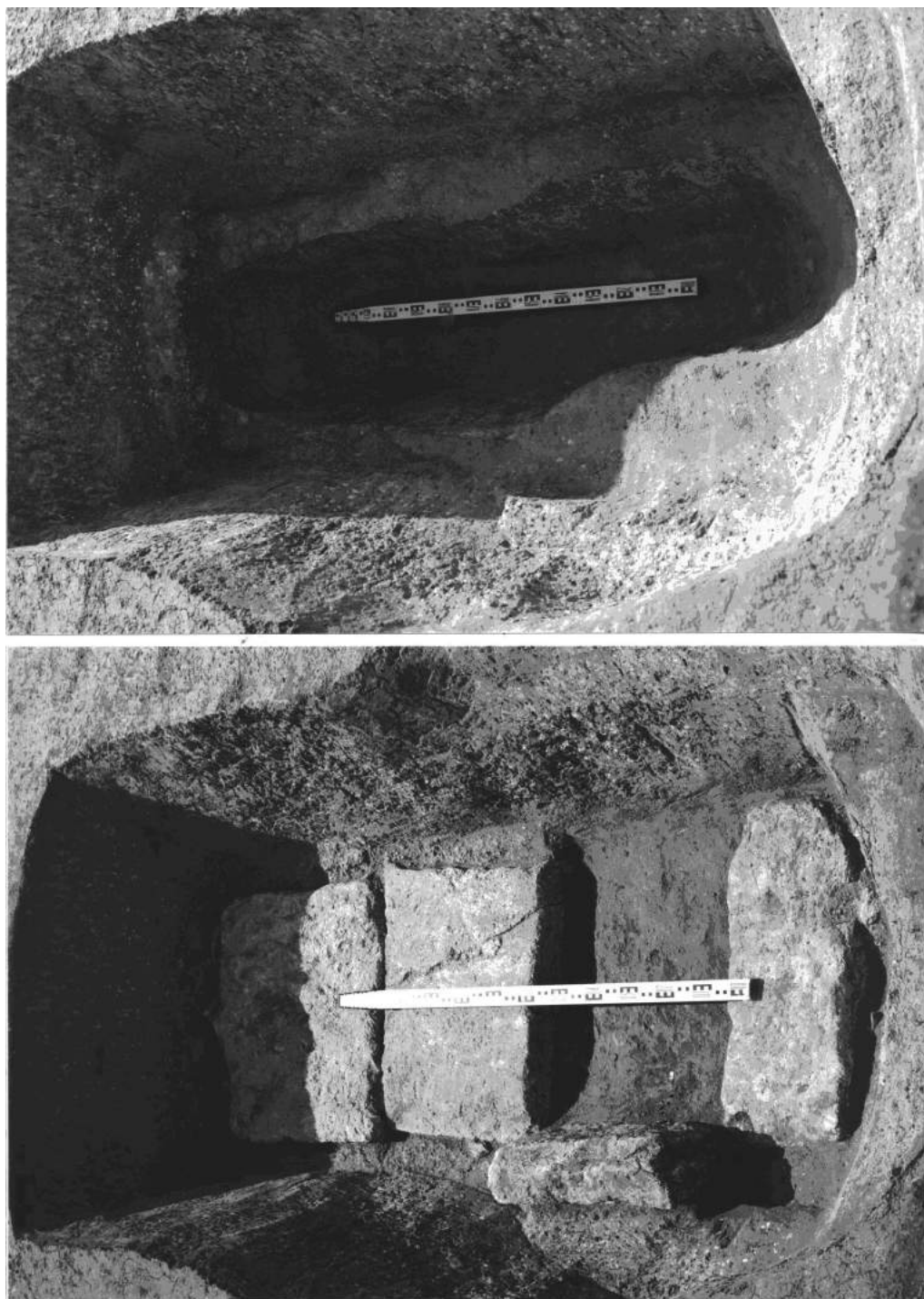

Рис. 1. Могила с заплечиками (2 тип согласно нашей классификации)

ми грунтовыми могилами, так и монументальными склепами¹⁴. Данная локальная классификация, как и в случае с классификацией М.М. Кубланова не учитывает все погребальные сооружения, встречающиеся на территории европейского Боспора. Следует отметить, что выделение и описание авторами типа плитовых могил не вызывает возражений и вполне исчерпывающе.

Н.Л. Грач при исследовании нимфейского некрополя первых веков нашей эры разработала оригинальную классификацию погребальных сооружений. По ее мнению, могилы нимфейского некрополя, необходимо разделить на пять типов¹⁵:

1. Катакомбы. Этот тип погребального сооружения состоит из погребальной камеры и дромоса, которые соединены между собой узким проходом, заложённым плитой¹⁶.

2. Глубокие камеры, вырубленные в скале или грунте и перекрытые сверху плитами. Данный тип погребения располагался на территории скального плато некрополя Нимфея.

3. Камеры с обожженными сырцовыми стенами. Характерной особенностью устройства этих гробниц является большая, вырезанная в грунте камера, стенки которой облицованы слоем пережжённого самана.

4. Грунтовые могилы, как с перекрытиями, так и без них. Данный тип погребения, по свидетельству Н.Л. Грач — самый распространённый на территории грунтового некрополя¹⁷.

5. Склепы. Этот тип погребального сооружения представлен на нимфейском некрополе в виде каменных склепов, сложенных из больших, хорошо обработанных плит известняка¹⁸.

Следует отметить, что одним из минусов этой классификации является, то, что автор, описывая признаки грунтового склепа, называет его катакомбой. Выделенные автором второй и четвёртый типы гробниц между собой подобны. Они относятся к типу простой могилы, особенности, конструкции которых определялись скальным или грунтовым характером. Еще необходимо сказать о том, что третий тип погребения по своей конструкции сходен со вторым и четвёртым типами захоронений. Все они, по нашему мнению, относятся к простым грунтовым могилам. Однако, данная классификация несомненно важна и имеет право на существование.

Не менее интересной и информативной представляется классификация погребальных сооружений, представленная В.Н. Корпусовой¹⁹, разработанная для анализа некрополя сельского поселения Золотое. А.А. Масленников²⁰ применил данную классификационную схему для исследования некрополей сельской территории ряда поселений европейского Боспора.

1. Грунтовые ямы (простая грунтовая могила) были разделены на два подтипа или варианта:

- а) простые грунтовые могилы без перекрытия. Они по конструкции довольно примитивны. Это были овальные или прямоугольные ямы, копанные в подерновом или материковом грунте²¹;

- б) грунтовые могилы с каменным перекрытием. В данном типе погребального сооружения вдоль длинных сторон устраивали уступы (или так называемые «заплечики»), служившие упорами для каменных перекрытий. Сами перекры-

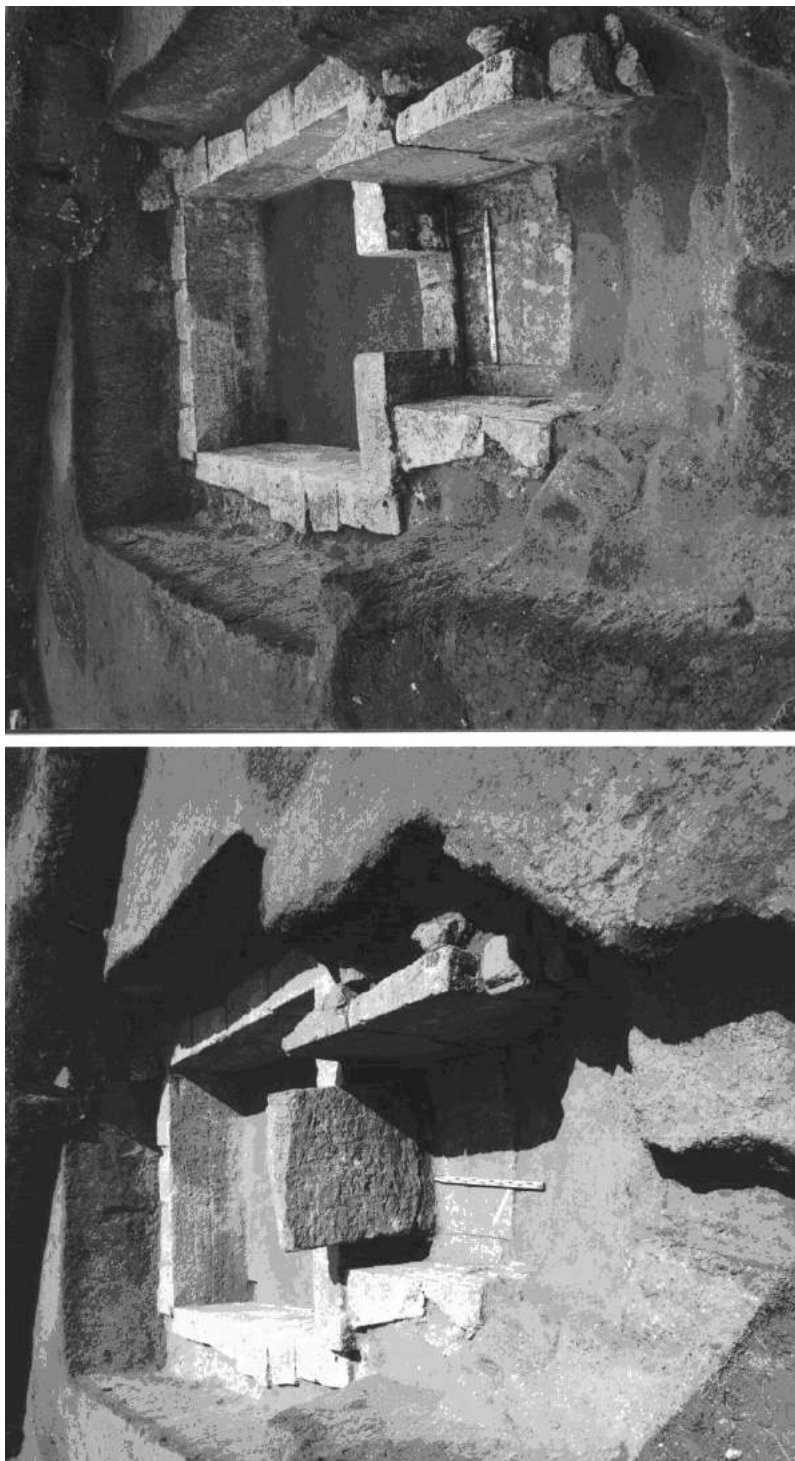

Рис. 2. Каменный склеп (подтип 56 согласно нашей классификации)
классификации)

тия, как правило, сложены из больших, грубо обработанных известняковых плит (встречается от одной до четырех). Когда ширина перекрытия была меньше ширины могилы или равна ей, плиты перекрытия с течением времени оказывались непосредственно в погребальной камере²²;

в) грунтовые могилы с обкладкой стен и перекрытием. Они отличались от предыдущего подтипа тем, что со всех или с длинных сторон ямы обкладывались грубо обработанными известняковыми плитами. Подобные типы погребальных сооружений с каменной обкладкой стен так же называют плитовыми или каменными ящиками²³.

2. Подбойные гробницы. Под ними В.Н. Корпусова понимает погребальное сооружение, в котором погребальная камера расположена вдоль одной из длинных сторон входной ямы. В большинстве случаев дно камеры расположено ниже дна входной ямы. Вход в погребальную камеру закрыт несколькими необработанными известняковыми плитами, поставленными на ребро²⁴.

3. Склепы. В.Н. Корпусова считает, что склепы являются наиболее сложным по конструкции типом погребального сооружения. А.А. Масленников выделяет два подтипа склепов:

а) склепы, вырытые в грунте или в скальных породах. Это были однокамерные, овальные, относительно небольшие гробницы с короткими вертикальными или наклонными входными ямами;

б) склепы, высеченные в скале или сложенные из камня, с прямоугольными погребальными камерами, стенными нишами для приношений и лежанками для гробов или покойников. Иногда на оштукатуренных стенах склепов сохранялись следы росписи²⁵.

Одним из недостатков классификации В.Н. Корпусовой является включение в тип простой грунтовой могилы гробниц с заплечиками и плитовых могил, существенно отличных друг от друга. Данная классификация впрочем, хорошо разработана. В ней учтены все погребальные сооружения, которые встречаются как на сельской территории европейского Боспора, так и в боспорских городах.

Итак, все выше перечисленные классификации не лишены некоторых недостатков, поскольку, как уже говорилось выше, основой для них служили материалы отдельных некрополей. Однако накопление большого количества новых источниковых данных, введение их в научный оборот, требует разработки единой классификационной схемы, удобной для разработки большого массива разноплановых данных. Сравнительный анализ классификаций исследователей некрополей европейского Боспора выявил ряд проблем, которые требуют специального рассмотрения.

Необходимо отметить, что ряд исследователей (Г.А. Цветаева²⁶, М.М. Кубланов²⁷) считали, что часто встречаемая на некрополях могила с заплечиками является одним из вариантов простой грунтовой могилы с перекрытием. Другие исследователи (Н.И. Винокуров²⁸) полагали, что данный тип погребального сооружения конструктивно отличается от простой грунтовой могилы с перекрытиями. На наш взгляд, вторая точка зрения более приемлема, т. к. по конструктивным характеристикам могил они отличны.

Еще одной дискуссионной проблемой является вопрос, к какому типу относить, так называемые катакомбные погребения. Ряд исследователей

(М.М. Кубланов²⁹, Н.Л. Грач³⁰) выделяли катакомбу в отдельный тип погребальных сооружений Боспора, но большинство антиковедов, изучавших некрополи европейского Боспора (А.А. Масленников³¹, Г.А. Цветаева³², М.Ю. Сохин³³) полагали, что катакомбы нельзя выделять в отдельный тип, поскольку это те же грунтовые склепы только с особенно длинным дромосом.

В зависимости от особенностей конструкции погребальные сооружения некрополей европейского Боспора можно разделить на 5 основных типов, внутри которых выделяются подтипы³⁴:

1. Простая грунтовая могила — под ними мы понимаем яму прямоугольной формы, иногда немного расширенную к «головам» с округленными углами, вырытую в земле или вырубленную в скальном массиве, в зависимости от природных условий местности, где располагались античные некрополи I—III вв. н. э. Внутри данного типа выделяются 2 варианта:

а). Простые грунтовые погребения без перекрытий.

б). Простые грунтовые ямы с плитовыми, досчатыми или комбинированными перекрытиями.

2. Могилы с заплечиками — это особый тип грунтовых погребальных сооружений, вдоль длинных сторон, которого устраивали уступы (или заплечики), служившие упорами для каменных или деревянных перекрытий (рис. 1).

3. Могилы с подбоем — представляют собой сооружение, в котором погребальная камера расположена вдоль одной из длинных сторон входной ямы. В большинстве случаев дно камеры расположено ниже дна входной ямы. Вход в погребальную камеру закрыт несколькими необработанными известняковыми плитами, поставленными на ребро. Некоторые авторы (И.С. Каменецкий³⁵) считают могилы с подбоем своего рода микросклепом, который был рассчитан на индивидуальное или максимум — парное захоронение.

4. Плитовая (каменная) гробница:

а). Плитовая гробница с каменным полом — по конструкции она представляют собой каменные ящики, с выложенным плитами полом, а так же сложенными из четырех и более плит стенками. Пространство между ними заполнялось мелкими камнями и глиной. В качестве перекрытий применялись одна или несколько плит. Но встречались плитовые гробницы и без перекрытия (его или не было изначально или оно не сохранилось);

б). Плитовая гробница без каменного пола — это, по сути, тот же тип, что и 4а, только яма обкладывалась со всех сторон вертикальными плитами, а пол оставался грунтовым (с подсыпками или без них) или был досчатым.

5. Склепы состояли из наклонного входа — дромоса различной длины, который вел в камеру коридора, как правило, довольно короткого, и собственно погребальной камеры. В большинстве случаев склепы имеют одну камеру, однако нередко встречаются две. Как правило, это были коллективные усыпальницы. Размеры погребальных камер были достаточными для размещения нескольких покойников на полу камеры или вдоль стен, в особых нишах. Необходимо отметить, что нередко склепы содержали несколько десятков разновременных захоронений. Большинство погребальных камер имели форму неправильного четырехугольника или трапеции. Вдоль стен камер устраивались лежанки, на которые устанавливались гробы и саркофаги или на них просто помещали тела

покойных. Однако, не смотря на схожие конструктивные черты, в зависимости от строительного материала, склепы делились на два типа:

а). Грунтовые склепы — это сооружения, целиком вырытые в грунте, или высеченные в скале (в зависимости от рельефа и почвенных особенностей местности);

б). Каменные склепы — строения, полностью сложенные из больших, хорошо обработанных, поставленных на ребро плит известняка в специально выкопанном котловане или прямо на поверхности почвы (рис. 2);

в). Комбинированные склепы — погребальные усыпальницы, частично выкопанные в грунте или вырубленные в скальном массиве и частично достроенные из камня.

Подтипы 5б и 5в имели полуциркульный или уступчатый свод, который перекрывался специальной курганной насыпью. Однако, сохранность таких комплексов обычно оставляет желать лучшего, что представляет определенные трудности в понимании их конструктивных особенностей.

Данная классификация не является окончательной и в ходе поступления новых археологических материалов может уточняться. Выработанная классификация позволяет анализировать погребальные сооружения европейского Боспора I—III вв. н.э. с целью выявления общих и различных черт в погребальной культуре Боспорского населения римского времени, изучения социально-экономической, этнической, религиозной ситуации на Боспоре.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата // КСИА. Вып. 130. М., 1972. С. 88; *он же*. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983. С. 104; Молев Е.А. Шестаков С.А. Некрополь Китея (по материалам раскопок 1972—1985) // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991. С. 75; Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 32; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 17—30; Масленников А.А. Население Боспорского государства в первые века н.э. М., 1990. С. 87—90.
2. Кубланов. Раскопки некрополя Илурата... С. 88; *он же*. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983. С. 104.
3. Молев, Шестаков. Ук. соч. С. 75.
4. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 32.
5. Кубланов. Раскопки некрополя Илурата. С. 88; *он же*. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983. С. 104.
6. Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. С. 104.
7. Там же. С. 104.
8. Там же. С. 106.
9. Там же. С. 106—107.
10. Молев, Шестаков. Ук. соч. С. 74.
11. Там же. С. 74.
12. Там же. С. 75.
13. Масленников А.А. Отчет Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН // Р-1. № 14014. М., 1988. С. 58.

14. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея 1945–1949 гг. // МИА. № 103. 1962. С. 78.
15. *Грач.* Некрополь Нимфея. С. 32.
16. *Грач Н.Л.* К характеристике катакомбного некрополя Нимфея первых веков н.э. // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. С. 280.
17. *Грач.* Некрополь Нимфея. С. 33.
18. Там же. С. 34.
19. *Корпусова.* Ук. соч. С. 17–30.
20. *Масленников.* Население Боспорского государства в первые века н.э. С. 87–90.
21. *Корпусова.* Ук. соч. С. 17.
22. Там же. С. 17–19.
23. Там же. С. 19.
24. Там же. С. 19.
25. *Масленников А.А.* Население Боспорского царства в первые века н.э. М., 1990. С. 87.
26. *Цветаева Г.А.* Грунтовой некрополь Пантикапея // МИА. 1951. № 19. С. 67 слл.; *она же.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 241 слл.
27. *Кубланов.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. С. 106 слл.
28. *Винокуров Н.И.* Отчеты Артезианской археологической экспедиции за 2000–2006 гг.
29. *Кубланов.* Раскопки некрополя Илурата. С. 88; *он же.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы. С. 104.
30. *Грач.* Некрополь Нимфея. С. 34.
31. *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 28–29.
32. *Цветаева.* Ук. соч. С. 67 слл.
33. *Сохин М.Ю.* Изучение «новой системы» подземного некрополя Пантикапея // ДБ. Вып. 5. М. С. 242. и слл.
34. В нашей классификации типы обозначены арабскими цифрами, а подтипы – буквами русского алфавита.
35. *Каменецкий И.С.* Один из факторов искажения погребального обряда // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических исправлений. М., 1999. С. 142.

CLASSIFICATION OF FUNERAL CONSTRUCTIONS AT EUROPEAN BOSPORUS IN THE 1st – 3rd CC. AD.

A.A. Zemskova

The article gives analysis on local classification of obsequial construction of urban and rural necropolises in European Bosphorus. On the basis of the collected material an attempt was made to work out a general classification which can be applied to any obsequial constructions of all necropolises of European Bosphorus.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

© 2008 г.

Д.Л. Бродянский

БЕЗГОЛОВЫЕ, ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ И ПТИЦЕГОЛОВЫЕ ФИГУРКИ ЛЮДЕЙ В НЕОЛИТЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Посвящается замечательному человеку
Рауфу Магомедовичу Мунчаеву

В 2004 г. при раскопках поселения Сергеевка 1 в Приморье, в жилище неолитической руднинской культуры открыт ритуальный комплекс¹: в центральной части жилища находился очаг — яма 175х150х25 см, стенки обложены крупными камнями. В одной из ям, окружавших очаг, в столбовой яме, глубина ее 44 см, диаметр сверху 34 см, забутована камнями, в верхней части найдена керамическая фигурка (рис. 1, 2)². Фигурка изображает сидящую на коленях девочку (?) с узкой талией. Размеры 49х36х27 мм. Головы нет: отломана или изначально ее не было, верх затерт. Вместо рук — выступы, основание плоское. Ложалась фигурка животом вниз. Прочерчены черточки, обозначающие трусики или складки кожи. Пол, строго говоря, не определен, это может быть и мальчик³. У западного края того же жилища найдена еще одна керамическая фигурка (рис. 1, 1), верхняя часть отломана, похоже, что фигурка однотипна с первой. А.Н. Попов и С.В. Батаршев полагают, что первая фигурка — строительная жертва⁴.

До сих пор строительные жертвы были известны в культурах приморского палеометалла: синегайской (XI–IX вв. до н.э.)⁵, лидовской (VIII–III вв. до н.э.)⁶, на Дальнем Востоке это чаще всего черепа, челюсти свиней или их стилизованные фигурки. Такие жертвы широко распространены⁷.

Ближайший аналог фигурке из Сергеевки 1 — керамическая фигурка из неолитического поселения Синамни у города Ульсан (Республика Корея): изображена молодая женщина на коленях, головы нет и, похоже, ее не было изначально (рис. 2, 1)⁸. В другом южнокорейском неолитическом поселении с гребенчатой керамикой, как и в Синамни, в Нонпходоне, у Чжонджина, найдена керамическая фигурка медведя с отбитой головой (рис. 2, 2)⁹. Еще одна безголовая фигурка в Корее найдена в раннеолитическом поселении Мунамни¹⁰.

На Нижнем Амуре, на о-ве Сучу, в святилище и жилищах позднеолитической вознесенновской культуры найдена серия фигурок, соединяющих изображение женщины и фаллоса — с отбитой головой и сами головы¹¹. В.Е. Медведь называет такие фигурки гинандроморфными. Одна такая обезглавленная фигурка в жилище № 4 на о. Сучу была помещена в специальную яму¹². Такую

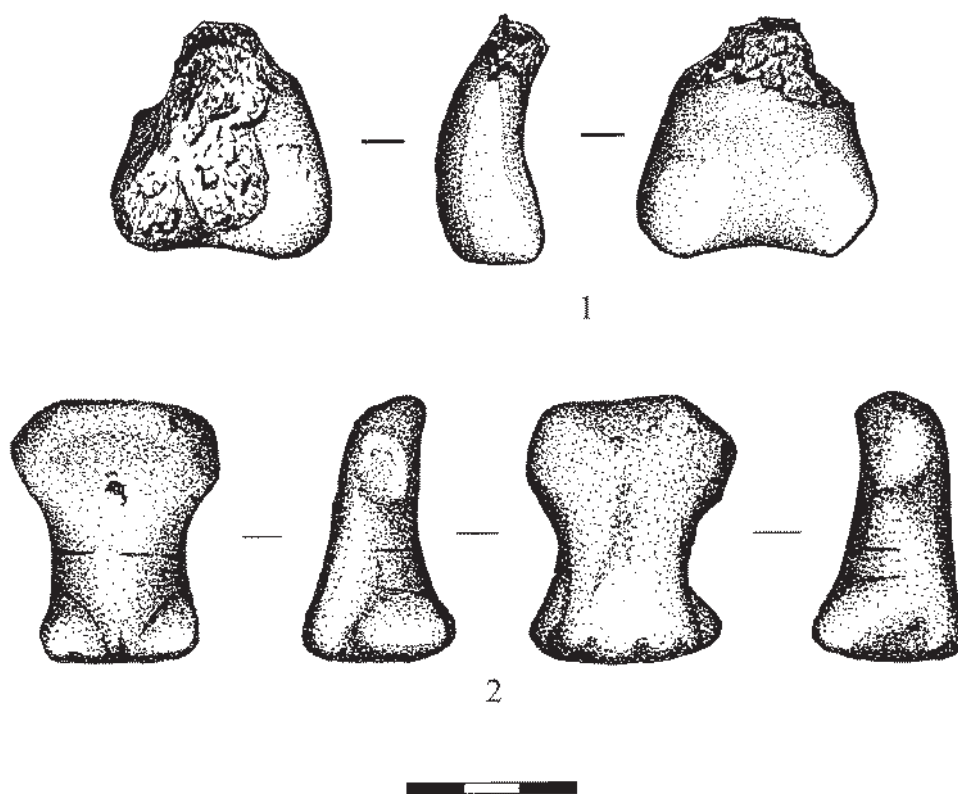

Рис. 1. Приморье, Сергеевка 1, руднинская культура: керамические фигурки

же обезглавленную фигурку в ямке в поселении Кольчем 3 нашел И.Я. Шевкомуд¹³. У большинства таких фигурок есть сквозное, по всей вертикали фигурки отверстие: для палочки или подвешивания?

В Маньчжурии, в святилище Нюхэлян (культура хуншань) найдены керамические фигурки без головы и головы¹⁴, внутри полый фигурки обугленные кости человека, среди находок — большая «голова богини»¹⁵. В Дуншаньцзуй найдены две обезглавленные женские фигурки из глины (рис. 6, 2,3)¹⁶, в Сишуйцюань — стилизованная девичья фигурка без головы (рис. 6, 4)¹⁷ — все из культуры хуншань. Севернее, в Аобашань, пров. Цзилинь, найдены керамические головки зоо- и антропоморфных фигурок¹⁸.

Больше всего фигурок—догу найдено в неолите Японии: 15000 по данным на середину 90-х годов¹⁹, только в одном поселении Сакадо, преф. Яманачи, в ритуальном центре среднего дзёмона найдены 1116 разбитых догу²⁰. При колоссальном разнообразии догу есть фигурки изначально безголовые (рис. 3, 1,2; 4, 3,4) и с отбитой головой (рис. 3, 3,4; 5, 2,3). Обезглавленную фигурку или отдельную голову помещали в столбовую или специально вырытую яму (рис. 3, 5; 4, 3)²¹.

Рис. 2. Республика Корея, неолит, керамические фигурки:
1 — Синамни, 2 — Нонпходон

Традиция безголовых или обезглавленных человеческих фигурок — древняя. В верхнем палеолите Европы такие фигурки представлены сериями. В Мезине найдена 31 фигурка, вырезанная из бивня мамонта. Фигурки без голов, как и нижнеамурские, соединяют символы женщины и мужчины, и еще они напоминают птиц²². Обезглавленную фигурку — торс беременной женщины, вырезанную из бивня мамонта, найденную во втором жилом комплексе в Костенках 1, благодаря любезности Н.Д. Праслова, я держал в руках. Интересно, что холодная слоновая кость в руках нагревается, становится теплой — через 22 тыс. лет после того, как ее вырезал древний мастер. Такая же фигурка из мергеля найдена в соседнем и однокультурном поселении Костенки 13 (возможно, продолжение Костенок 1). У фигурки «голова отсутствует, причем трудно сказать, была ли она отломана или же не изображалась вообще»²³. В первом жилом комплексе Костенок 1 найдены две фигурки беременных женщин с отломанной головой и отломанными ниже колен ногами²⁴. Большинство из найденных в Костенках 60 фигурок женщин обнаружены в специальных ямках в полу жилищ.

Обезглавлена девичья фигурка из бивня мамонта, найденная в Елисеевичах²⁵. Серии стилизованных безголовых фигурок и графических рисунков из памятников Западной и Средней Европы приводят А.Д. Столяр²⁶, Я. Елинек²⁷, одна такая фигурка из Долни Вестонице есть у П. Бана²⁸.

В неолите традиция безголовых фигурок, в том числе фигурок — сосудов, получает дальнейшее развитие. Р.М. Мунчаев почти 40 лет возглавляет российскую экспедицию, ведущую раскопки в Северной Месопотамии. В отчете о раскопках поселения Ярымтепе II опубликован сосуд в виде фигуры женщины, горловина сосуда — шея, головы нет²⁹. В ранних слоях поселения — рубеж VI—V тыс. до н.э.³⁰ найдена серия керамических женских статуэток с отбитыми головками³¹. В сосуде—женщине Р.М. Мунчаев и Н.Я. Мерперт видят «богиню плодородия» людей халафской культуры³².

Кремневую безголовую антропоморфную фигурку с Урала опубликовал Ю.Б. Сериов³³.

В палеометалле традиция продолжается. В энеолитическом поселении Самусь IV вблизи Томска найдены сосуды с антропоморфными безголовыми фигурами³⁴. В Приморье большинство фигурок лидовской культуры — с отбитой головой, или отдельно — головка, из более чем 20 фигурок — целая одна³⁵.

Дальневосточные безголовые и обезглавленные фигурки: женские, двуполые, — очевидно ритуальные, фигурка из Сергеевки 1 — вероятная строительная жертва. Амурские и японские фигурки, помещенные в ямки — объекты ритуала жертвоприношения, цели которого не ясны. Святилище в Нюхэляне оставлено неолитическими земледельцами, цепь земледельческих культур от Китая до Месопотамии оставила скульптурные изображения богинь плодородия. В греческой Ольвии в 1958 г. был раскопан колодец, в который бросили более 2-х тысяч фигурок Деметры — в большинстве целые — информация из моей первой студенческой экспедиции.

Особое отношение к голове, к черепу, несомненно, связано с безголовыми и обезглавленными фигурками. Народ ва (кава) в юго-восточном Китае слыл охотниками за черепами. У некоторых сёл ва находили до 700 черепов на колышках: жертвоприношения «матери риса»³⁶. Папуасы из племени ма-

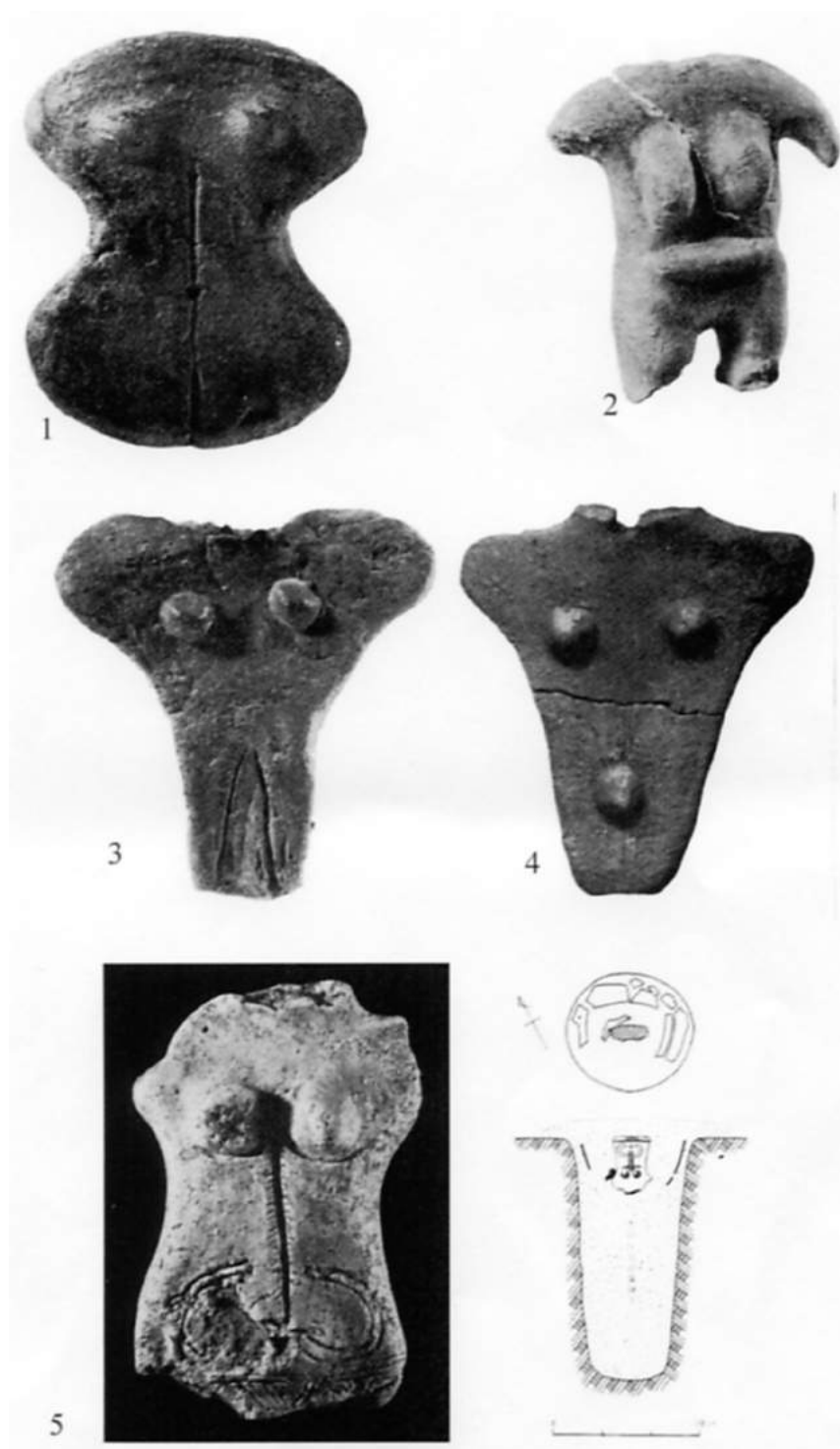

Рис. 3. Япония, дзёмон, догу

Рис. 4. Япония, дзёмон, догу

ринд-аним известны как охотники за черепами. Жертву стремились захватить живьем и узнать имя, потом убивали и съедали. Череп укрепляли на крыше мужского дома, после смерти человека, присвоившего себе имя и череп убитого, череп погребали³⁷. О.В. Зайцева исследовала культ черепов в Западной Сибири, где он прослежен от неолита до средневековья³⁸. Находка в Бойсмана II ритуального комплекса со скульптурой детского черепа побудила меня познакомиться с литературой о культе черепов — распространение всемирное³⁹, семантика разная. Сергеевская находка подсказывает один из вариантов, но и здесь возможны другие трактовки ритуала.

На о. Сучу в первом из трех святилищ культового центра, возникшего в раннем неолите, найдена серия обезглавленных фигурок женщины-фаллоса, голов этих фигурок и захоронение обезглавленной фигурки⁴⁰. В поселении Кондон-почта А.П. Окладников в жилище №3 (вознесеновская культура) нашел самую знаменитую из нижнеамурских фигурок женщины-фаллоса, она собрана из двух частей — тулово и голова, при этом голова была отброшена в сторону. В этом же жилище найдены: каменный фаллос, сверленный камень, напоминающий черепаху, 9 сосудов со спиральным орнаментом, индивидуальным на каждом из сосудов⁴¹. Женщина-мужчина — камень-черепаха — классическая триада мифа о солярных супругах: женщина — солнце, муж — ветер, камень — корабль⁴². Загадка серии нижнеамурских неолитических святилищ — почему фигурки обезглавливали, приносили в жертву? Может быть, слились два мифа: о солярных супругах и о стрелке, сбившем два лишних солнца? Обезглавленные фигурки — сбитые солнца? Эту гипотезу я здесь высказываю впервые, при этом, вовсе не склонен ее абсолютизировать.

Среди антропоморфных фигурок дальневосточного неолита есть не менее загадочная серия птицеголовых. Две такие фигурки из Приморья были опубликованы в ПИФК⁴³. В обоих случаях в одной фигурке соединены женщина и сова. Третий персонаж фигурки из Киевки — лосиха. Возможно, что отбитый нижний конец каменной фигурки из Лузановой Сопки 6 (и такой же фигурки из Рудной Пристани)⁴⁴ мешает увидеть в горизонтальном ракурсе лосиху.

В Тахте, на Нижнем Амуре, найдена серия скульптурно оформленных сосудов, верхнюю часть одного из них украшает клюв совы⁴⁵. Изображения птиц В.Е. Медведев видит на знаменитых личинах из Вознесеновки⁴⁶. Есть дзёмонские птицеголовые догу: в Танабатаке, преф. Нагано найдена одна из самых крупных фигурок — 27 см высота, 2 кг вес — с птичьей головой (рис. 4, 1)⁴⁷. Фигурка с головой утки, животом беременной женщины, короткими массивными ногами — мать-утка? Относится догу-утка к среднему дземону — 4500 лет назад. Фигурка с головой совы (рис. 5, 1) найдена в Токосинай⁴⁸, еще одно догу — сова найдено в Камэгаока⁴⁹.

Соединение образа человека и птицы есть в искусстве верхнего палеолита: птицевидные фигуры⁵⁰. А.Д. Столяр высказал предположение, что птицевидные фигуры — души, покидающие тело⁵¹. Самая знаменитая из таких фигур — мужчина с птичьей головой, которого атакует разъяренный бизон с пропоротым брюхом — сцена из колодца в пещере Ласко (Франция)⁵².

Этнографические примеры соединения образов человека и птицы ограничу главным персонажем берингийской мифологии — Вороном. Его образ в древ-

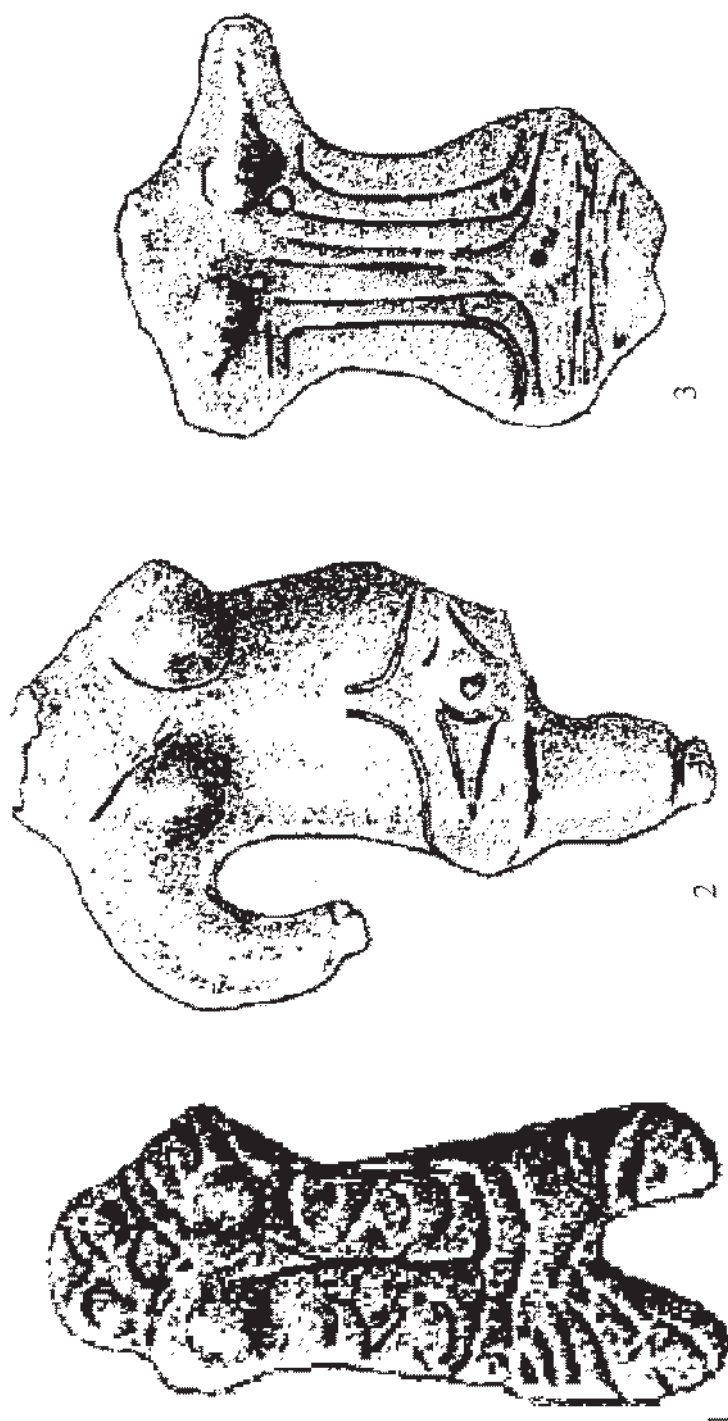

Рис. 5. Япония, дзёмон, догу (по Молодину, Соловьевой, Соловьеву)

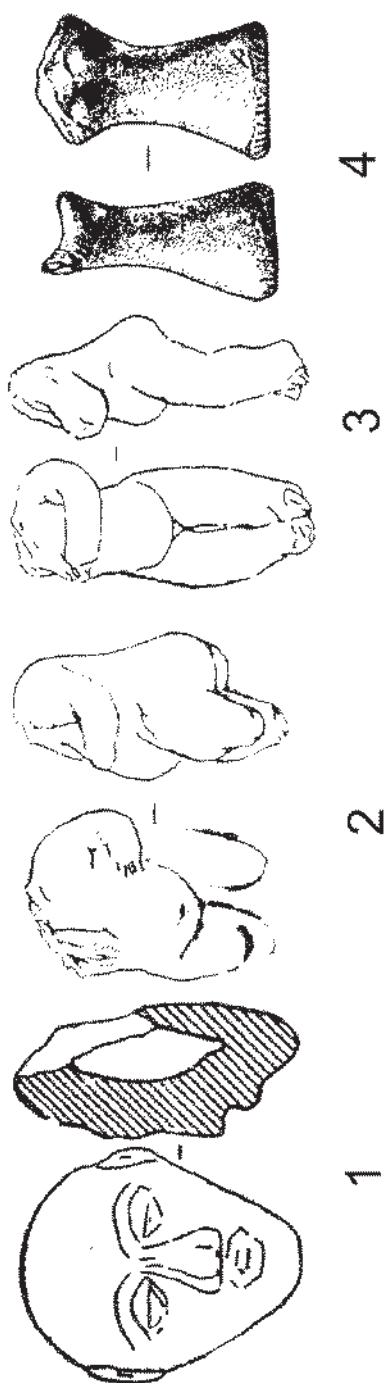

Рис. 6. Маньчжурия, неолит, керамические фигурки: 1 — Чжаобаогоу; 2, 3 — Дуншаньцзуй; 4 — Сишуйцюань (1 — культура чжаобаогоу, 2–4 — культура хуншань), (по Чжао Бинфу).

неэскимосских памятниках Чукотки — соединение человека и ворона; крюк из моржового клыка из Эквенского могильника⁵³, Ворон-Человек из того же материала⁵⁴. У современных эскимосов маска Ворона — человеческое лицо, изо рта которого выглядывает головка ворона⁵⁵. Сравнение с Берингией оправдано явным протоберингийским характером бойсманской культуры (в могильниках Бойсмана II погребены 6 тыс. л.н. арктические монголоиды, среди их занятий — морская охота, в их искусстве образы Ворона, Хозяйки моря, рассеянного волка, гагары, тюленя и кита в одной фигурке — «тюлень приводит кита», среди украшений — лабретки).

В мифологии орочей среди помощников доброго шамана — птицы: орел, сова, филин⁵⁶. У орочей же и эвенков божество по имени Бугады мусун — дух-хозяин природы — женского пола, обладает двойкой персонификацией: старуха-прародительница, она же — лосиха или самка дикого оленя⁵⁷. Фигурка из Киевки иллюстрация последнего сюжета.

Рассмотренные здесь группы неолитических фигурок полисемантичны, предложенные их трактовки — гипотезы, лишь в очень небольшой степени приближающие нас к разгадке. Все три группы — продолжение традиций, восходящих к искусству и мифологии верхнего палеолита. Простейшие объяснения: человек-сова — фигурка тотема — возможны, но маловероятны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов А.Н., Батаршев С.В. Ритуальный комплекс памятника Сергеевка 1 (руднинская культура) // V Гродековские чтения. Ч. I. Хабаровск, 2006. С. 95–98.
2. Там же. С. 96.
3. Бродянский Д.Л. Мифы, интеллект древних в ископаемом искусстве Приморья. Владивосток, 2007. С. 32.
4. Попов, Батаршев. Ук. соч. С. 96.
5. Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. С. 133–134.
6. Бродянский. Мифы, интеллект древних... С. 50–54.
7. Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. 1984. №4. С. 238–241.
8. Ли Гонму, Чо Хёнджон. Первобытные памятники и находки. Сеул, 2005. (на кор. яз.). С. 97.
9. Там же. С. 89.
10. Kim Eun-yong. A study on the flat-bottom pottery culture in the early Neolithic Age focusing on Yoseong Munam-ri site // Мунхва чжэ. Vol. 40. 2007. Р. 171–205 (на кор. яз.). Рис. 9:9.
11. Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 57–59. Рис. 1, 1,2; 3, 1; 6, 1-3.
12. Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. №4. С. 40–69. Рис. 16.
13. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток, 2004. С. 22–23, табл. 11, 81, 5.
14. Афремов П.Я. Неолитическое святилище в Нюхэляне, Западная Маньчжурия // Мир древних образов на Дальнем Востоке // Тихоокеанская археология. Вып. 10. Владивосток, 1998. С. 19–33. Рис. 5.

15. Там же. Рис. 2.
16. *Чжао Бинфу*. Археология каменного века Дунбэя (Сев. — Вост. Китая). Чанчунь, 2003 (на кит. яз.). Рис. 76, 1, 2.
17. Там же. Рис. 139, 4.
18. Цзилинь шэн чжи (Описание провинции Цзилинь). Т. 43 // *Вэньу чжи* (Памятники культуры, 68 томов). Чанчунь, 1991. (на кит. яз.). Рис. 8: 1-3.
19. *Kobayashi Tatsuo*. Yomon Reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese arhipelago. Rome, 2004. P. 154.
20. Там же. Fig. 7:11.
21. Памятники древней истории. Искусство догу и верования. Т. 3. Токио, 1973 (на яп. яз.). С. 6—7; Рис. 35, 43, 44; 57, 83, 85; 60; 62, 96, 97; 75, 141; 80, а, в; 82, 160, 161; Музей Мацудо. Токио, 1995. С. 16—17.
22. *Бибиков С.Н.* древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981. С. 23—28, 30—33.
23. Палеолит Костеновско-Борщевского района на Дону, 1879—1979. Л., 1982. С. 144—145. Рис. 45, 4.
24. Там же. Рис. 20, 12; *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 240—241.
25. *Столяр*. Ук. соч. С. 243.
26. Там же. С. 249, 253.
27. *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1983. Рис. 591, 615—617, 651—653.
28. *Bahn P. Y.* Yorney through the Ice Age. London, 1997. Fig. 11, 15.
29. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981. Рис. 70; 98.
30. Там же. С. 266.
31. Там же. Рис. 64, 1-7, 9.
32. Там же. С. 251.
33. *Сериков Ю.Б.* Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005. С. 136. Рис. 1, 3.
34. *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. Рис. 34, 2; 35; 37.
35. *Бродянский Д.Л.* Искусство древнего Приморья (каменный век — палеометалл). Владивосток, 2002. Рис. 86, 87; *Бродянский*. Мифы, интеллект ... Рис. 47.
36. *Чеснов Я.В.* Народ кава // Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968; *Итс Р.Ф.* Археологические формы социально-производственных объединений тайваньских горцев // Охотники. Собиратели. Рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 133—143.
37. *Иванова Л.А.* Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения // Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. М., 1980. С. 117—143.
38. *Зайцева О.В.* Об особом отношении к человеческой голове в воинских ритуалах на примере Васюганской бляхи // Международн. конф. по первобытному искусству. Т. 1. Кемерово, 1999. С. 204—206.
39. *Бродянский*. Искусство древнего Приморья ... С. 159—166.
40. *Медведев*. Неолитические культовые центры в долине Амура. С. 40—69, 50—52. Рис. 16.
41. *Окладников А.П.* Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск, 1983. С. 17—19. Рис. 22, 23. Табл. 28, 3.

42. *Бродянский*. Искусство древнего Приморья... С. 140–141.
43. *Бродянский Д.Л.* Антропоморфные персонажи в неолитическом искусстве Приморья // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 631–641. Рис. 5, 4, 7.
44. *Бродянский*. Искусство древнего Приморья... Рис. 73,5.
45. *Медведев*. Неолитические культовые центры в долине Амура. С. 40–69. Рис. 31:2.
46. Там же. Рис. 8.
47. *Kobayashi Tatsuo*. Fig. 7, 9.
48. *Молодин В.И., Соловьева Е.А., Соловьев А.И.* Коллекция догу университета Тохоку // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007. С. 334–338. Рис. 1,7.
49. Там же. С. 336–337. Рис. 2,2.
50. *Елинек*. Ук. соч. Рис. 700, 701; *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. Рис. 243.
51. *Столяр*. Ук. соч. С. 254.
52. *Bahn P.Y.* Yorney through the Jce Age. London, 1997. P. 178–179, fig. 11,8.
53. Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное. Каталог выставки. М.-Анадырь: Гос. музей искусства народов Востока, Музейный центр «Наследие Чукотки», 2007. Рис. 212.
54. *Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Отке Н.П., Широков Ю.А.* Искусство Чукотки. М., 1997. Рис. 7.
55. *Fienup-Riordan Ann.* Agayuliyararput (Our Way of Making Prayer): The Living Tradition of Yupik Masks. Seattle and London, 1996. P. 216.
56. *Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Орочские тексты и словарь. Л., 1978. С. 51.
57. Там же. С. 29.

HEADLESS, BEHEADED AND BIRD-HEAD FIGURINES OF HUMANS IN NEOLITHIC OF THE FAR EAST

D. L. Brodyansky

At Sergeevka-1 site a figurine of a headless girl was found in one of the central pole's hole of the Neolithic dwelling, perhaps, it's a constructive sacrifice. The finds of such figurines in the Priamurye, Korea, Japan, Manshuria are presented in this article, some part of them was found in pole's hole. The author considers them to be sacrifice objects which implied different functions. There are some bird-head figurines among the sacrifice objects; perhaps, they are the images of the «Upper World» people — the habitants of World of the deceased.

© 2008 г.

А.В. Епимахов, И.В. Чечушков

«ГОРИЗОНТ КОЛЕСНИЧНЫХ КУЛЬТУР» СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ:
ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ИСТОРИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ*

Синхрония сродни геометрическому измерению. Ее можно описать логически, но на бумаге изобразить можно только ложно.

И. Валлерстайн

Введение

Различные аспекты колесничной тематики давно и вполне заслуженно находятся в сфере интересов самых разных специалистов — историков, археологов, лингвистов и др. Особое звучание теме придает ее общепризнанное значение в вопросах, связанных с происхождением и распространением индоевропейских языков, распадом ИЕ единства, реконструкцией индоиранских мифологических сюжетов. Подробный обзор этой части историографии не входит в наши планы, тем более что примеры такого рода имеются в изобилии¹. Свою задачу мы видим куда скромнее: оценка эвристических возможностей термина, вынесенного в заглавие и получающего все большее распространение в специальной литературе². Предвидя разногласия оценок, обратимся, тем не менее, к содержанию составляющих само словосочетания «горизонт колесничных культур», дабы рассмотреть возможность использования колесничного комплекса в качестве средства синхронизации весьма удаленных друг от друга частей Евразийского континента.

Горизонты хронологические, типологические и культурные

Прежде всего, следует определиться с дефиницией понятия «горизонт». Термин широко используется в зарубежной и отечественной археологии как минимум с 1950-х гг. С самого начала он был призван преодолеть рамки археологических культур, т.е. выйти на надкультурный уровень, акцентируя внимание на широком *географическом* распространении конкретных типов (модов) и *коротком времени* их бытования³. Наиболее развернутая система понятий, включающая интересующий нас термин, в отечественной историографии предложена Л.С. Клейном⁴.

Горизонт — разновидность мегахрономы: мегахронома, которая устанавливает одновременное или приблизительно одновременное упокоение типов (или других абстрактов такого же рода). Является результатом обобщения и идеализации горизонтальных стратем, в которых состоят данные типы (или подобные абстракты). Разновидности горизонта: хронологический, типологический, культурный.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН, при поддержке грантов РФФИ (проекты №06-06-96906-р_урал_а и 08-06-00380-а).

Среди перечисленных разновидностей наиболее интересными применительно к заявленной теме являются вторая и третья, поскольку в случае с горизонтом хронологическим речь идет о *произвольно* намеченных границах (например, рубеж тысячелетий, веков и т.п.). Понятие «типологического горизонта», подразумевающее одновременность упокоения эмпирических типов, видимо, может быть использовано в незначительной степени. Для огромных пространств Евразии такое понимание, по меньшей мере, трудно обосновать, а количество синкретических комплексов наперечет. Очевидно, исследователи оперирующие данным термином, усматривают за ним историческое содержание, т.е. речь идет о таком горизонте, *в котором одновременность упокоения установлена для культурных типов на основе культурной оценки наблюдаемых связей и с помощью реконструкции частей, которые не выступают наглядно (т.е. используя экстра- и интерполяцию, сравнительную хронологию и т.д.)*. Границы культурных типов должны соответствовать реальной, внутренней периодизации древней культурной жизни. КГ рассматривает не только время упокоения, но и возраст архем, и это требует выходить за границы сетей стратем.⁵

Если такой вариант интерпретации принципиально возможен, есть смысл рассмотреть совокупность фактов, на которых базируется реконструкция, в частности основания для относительной и абсолютной хронологии ряда культур в той или иной степени демонстрирующих знакомство с колесничным комплексом. В данном случае мы не касаемся Переднеазиатского региона, ограничившись de facto территориями Восточной Европы, Урала, Казахстана, Западной Сибири и прилегающих к ним⁶.

Разнообразие способов отображения колесничных идей в археологических памятниках достаточно велико: реальные повозки и их детали, предметы конской упряжи, погребения лошадей (в первую очередь парные), изображения на посуде и наскальные рисунки. Иногда этот список расширяется за счет сопровождающего «колесничего» инвентаря (оружие, «стрекало», «предмет неизвестного назначения» и др.). Совокупность признаков для каждой из культур индивидуальна, не говоря уже о типологии находок. В этой связи необходимым является обзор фактов, который вынужденно будет носить очерковый характер.

Археологические культуры со свидетельствами знакомства с колесницей

В основу дальнейшего изложения нами положен географический принцип, в рамках региона культуры рассматриваются в хронологическом порядке. По сути, в региональных системах относительной хронологии очень немного дискуссионных звеньев, посему нами фиксируются только существующие разногласия, остальная часть подробно не обосновывается. Заметно дальше от единства мнения специалистов в вопросах согласования региональных шкал, когда трудно опереться на стратиграфические наблюдения, а типологические ряды могут интерпретироваться по-разному.

Еще одно обстоятельство требует предваряющих замечаний. Колесница в нашем понимании — это легкая, быстрая повозка, снабженная, как правило, двумя колесами со спицами и запряженная лошадьми. Ее использование связано, в первую очередь, с военной сферой, охотой, что не исключает и церемониально-ритуального варианта эксплуатации. Последний представляется производным от общепризнанного значения колесницы как социального атрибута.

Катакомбная КИО, пожалуй, наиболее раннее из восточно-европейских культурных образований, упоминаемых в связи с колесничным комплексом⁷. В настоящее время опубликован лишь один погребальный памятник (Тягунова Могила), содержавший, по мнению авторов, остатки колесницы⁸. Согласно реконструкции, повозка, снабженная двумя трехчастными колесами, имела жестко зафиксированную на массивной дубовой плахе ось, решетчатые борта и мощный передок. С.Ж.Пустовалов даже предполагает наличие тормоза для «крутых и резких разворотов, остановки и т.д.»⁹. Трудности возникают, в первую очередь, уже в ходе анализа фактов, легших в основу реконструкции (точнее их очевидного дефицита). На это обстоятельство указывал, например, А.И.Гей¹⁰.

Однако имеются и другие вопросы, касающиеся содержательной интерпретации данного типа транспортных средств. Количество повозок в ямных и катакомбных погребениях сегодня довольно значительно, однако они обычно не определяются в качестве колесниц¹¹. Таким образом, на повестке дня стоит, скорее, вопрос критериев. Количество колес вряд ли может быть надежным базисом для однозначных заключений, во всяком случае, по наблюдениям П.М. Кожина¹², в Передней Азии имеются примеры и двух-, и четырехколесных колесниц. Апеллировать к функции данного вида транспорта также не вполне уместно, хотя бы ввиду довольно острой дискуссии о возможности использования синташтинских колесниц в боевой практике¹³.

Интерпретация повозки со сплошными деревянными колесами как колесницы кажется нам малоосновательной. Транспортное средство такого рода в силу значительной массы вряд ли обладало быстротой и маневренностью, что почти единогласно признается главными достоинствами (и признаками) колесницы. Поэтому представляется, что облегченное колесо — неперменный атрибут этого типа повозки. Кроме того, для достижения этих же целей произошел переход к использованию тягловой силы лошади — резвого и маневренного животного. Нам и другим авторам уже приходилось обосновывать обязательность введения специальных средств управления для воздействия на упряжных лошадей¹⁴. Однако для катакомбных культур нам неизвестны примеры достоверных деталей оголовья¹⁵, что косвенно свидетельствует против интерпретации повозок (включая, двухколесные) как колесниц, запряженных лошадьми — животными, обладающими высокой резвостью и требующими довольно строгой системы управления (при невозможности прямого воздействия).

Бабинская культура (КМК), относящаяся в целом к посткатакомбному времени, безапелляционно причисляется некоторыми авторами к колесничным¹⁶. Наиболее последовательным сторонником этой версии зарекомендовал себя В.В.Отрошенко¹⁷. К числу свидетельств знакомства носителей бабинских традиций относятся единичные находки псалиев в ареале распространения культуры (Каменка, Трахтемирово, Богуслав), а также территориально-хронологическая близость с дово-волжской абашевской культурой, располагающей несомненными фактами использования колесничного комплекса (см. ниже). Не противоречат такому заключению и центрально-европейские находки в культурах, синхронных КМК. Косвенным аргументом считается традиция расположения покойного в «ящичной конструкции, что проистекает от обычая погребения в кузове колесницы»¹⁸.

В оценке колесничных комплексов и отдельных артефактов, относящейся к бабинской культуре (КМК), мы склоняемся к точке зрения Р.А.Литвиненко¹⁹, который на основании имеющихся фактов не видит достоверных свидетельств широкого использования колесниц этой группой посткатакомбного населения за вычетом упомянутых находок. Несмотря на массовый характер погребальной обрядности (количество исследованных могил превысило три тысячи), артефактов, имеющих отношение к колесничному комплексу, нет. Включение костяных пряжек в число колесничных атрибутов кажется некоторой натяжкой, хотя они и обнаружены вместе с псалиями в комплексах доно-волжской абашевской культуры²⁰ и памятниках покровского облика. Трасологический анализ также не подтверждает их функциональную принадлежность к конструкции оголовья²¹. Таким образом, несмотря на частичную синхронность с достоверно «колесничными» культурами, КМК не может быть безоговорочно включена в этот круг. Впрочем, имея ввиду территориально-хронологическую близость с «колесничными» культурами (включая Ближний Восток), этот тезис может изложен в иной редакции: комплекс колесничных идей не был включен в идеологическую и социальную систему бабинского населения.

Абашевская КИО, представленная тремя локальными вариантами²², в разной степени обеспечена интересующей нас информацией. Так средне-волжский локальный вариант вовсе не имеет колесничной атрибутики, уральский располагает единичными находками псалиев вне закрытых комплексов (поселения и случайные находки), а в доно-вожском имеются целые серии, происходящие из отдельных погребений²³, выделены парные псалии (в том числе изготовленные одним мастером); небольшой серией представлены и кости лошади. Несмотря на отсутствие находок повозок, нет никаких сомнений в знакомстве местного населения с колесницей, что прямо подтверждается находками псалиев со следами сработанности, а косвенно — значительным количеством выявленных предметов (30 экз.).

Эта наиболее массовая категория по ряду специфических признаков демонстрирует вполне самостоятельную традицию (при сохранении в неприкосновенности основных *принципов* конструкции оголовья). Характерными чертами псалиев староюрьевского типа являются широкое использование вставных шипов; планка с расположенными в ряд отверстиями для крепления ремня (по нашему мнению, суголовного); наличие орнаментации щитка, дополнительного отверстия в иной плоскости и некоторые другие. Часть псалиев, судя по всему, изготавливалась из дерева, а кость и рог использовались только для производства вставных шипов и втулок трензельных отверстий. Абашевские образцы, без сомнения, представляют собой продукт длительного технологического и культурного развития, однако достоверные прототипы на территории Северной Евразии не известны.

Нередко погребения, содержащие находки деталей упряжи, сопровождаются предметами вооружения, в том числе статусного. Следует отметить еще одну особенность этой серии погребений — они, как правило, не входят в состав некрополей и исследованы в одиночных либо парных курганах.

Памятники потаповского культурного типа Среднего Поволжья (могильники Потаповский и Утевка IV) дали 15 прекрасных экземпляров роговых и костяных

псалиев. Численно коллекция не столь значительна, однако комплексное происхождение находок, их концентрация всего в двух памятниках позволяет говорить о системности явления. Таким образом, данную группу памятников, без сомнения, следует причислять к блоку колесничных культур. Авторы исследования Потаповского могильника связывают его генезис со смешением местного полтавкинско-абашевского населения с пришлым, мигрировавшим из-за Уральских гор с территории расселения носителей синташтинской культуры²⁴. По конструктивным особенностям одна часть псалиев имеет прямые аналогии в доно-волжских абашевских памятниках, другая — в синташтинских.

Ранний этап срубной КИО определяется исследователями в весьма разнообразных терминах, но камнем преткновения, в сущности, является вопрос о месте и таксономическом уровне памятников покровского типа²⁵. Между тем, именно эта группа (наряду с иными памятниками периода) имеет наиболее выразительную колесничную атрибутику, часто сопровождаемую наборами вооружения. Разногласия могут быть сведены к нескольким ключевым вопросам: происхождение покровских древностей; степень их самостоятельности в рамках абашевской или срубной КИО; участие носителей данных традиций (с добавлением синташтинских) в генезисе собственно срубной КИО. Подспудно присутствует и проблема хронологической позиции раннесрубных памятников на межрегиональном (от Подонья до Казахстана) уровне.

Колесничные находки (16 экземпляров псалиев и жертвоприношения лошадей) связаны именно с покровской (покровско-маевской по В.В.Отрощенко) частью срубной КИО. Поиски аналогий предметам упряжи приводят, прежде всего, к наиболее близким территориально потаповским и доно-волжским абашевским памятникам. Видимо, к этому же времени относятся псалии из расколотой кости²⁶. Историческая судьба колесничного комплекса в степях Восточной Европы не вполне ясна: означает ли исчезновение примеров помещения соответствующих атрибутов в погребения, что традиция была утрачена вовсе? С нашей точки зрения, ответ, скорее всего, отрицательный. Вероятным контраргументом служат пиктограммы на сосудах²⁷, которые обнаружены в разных частях срубного ареала, включая восточную периферию. Отсюда же происходят и отдельные находки псалиев, обнаруженные в ходе раскопок поселений²⁸.

Синташтинская культура, стоит одной из первых в ряду колесничных, как по времени открытия в ней колесничного комплекса, так и по степени значимости и количеству находок. В середине 1970-х гг. при раскопках эпонимного памятника в Челябинской области были обнаружены остатки семи колесниц. Последующие исследования позволили выявить еще не менее 6 случаев установок в могильные ямы повозок. Все памятники находятся в степной зоне Южного Зауралья. В археологическом плане находки представляют собой пару углублений в дне могильной ямы, прямоугольных в плане и линзовидных в сечении. Их принято именовать «колесными ямками», которые выкапывались с целью фиксации в них колеса, таким образом, что последнее оказывалось углубленным в дно могилы от 1/4 до 1/3 своего диаметра. Тщательное исследование этих структур позволило в пяти случаях выявить в разрезах отпечатки спиц и ободов. Эти негативы позволяют с достаточной долей уверенности выполнить реконструкцию колеса. Оно состояло из легкого обода, 9–12 прямоугольных в

сечении спиц, составной ступицы²⁹. Уникальной является находка повозки из кургана 9, м.я. 1 могильника Кривое Озеро³⁰, где были зафиксированы остатки ступиц, оси и днища кузова. Таким образом, было установлено и достаточно надежно документировано знакомство населения степей эпохи бронзы с идеей легкой двухколесной повозки. Интерпретации данных находок именно как колесниц способствовала их сопряженность жертвами лошадей (парных или кратных двум), средствами управления упряжными лошадьми (псалиями), а также вооружениям.

Коллекции синташтинских материалов содержат одну из самых значительных серий псалиев (не менее 46 экземпляров). Как правило, это роговые или костяные изделия, округлой, прямоугольной или сегментовидной формы, снабженные 4 монолитными шипами фигурной формы, выделенной планкой и валиком вокруг трензельного отверстия. Нам уже приходилось неоднократно высказываться в пользу того, что данные изделия являются полностью функциональными и свидетельствуют о применении колесниц в повседневности. Технологический анализ позволяет говорить, что эти изделия, также как и абашевские, являются продуктом длительной технологической и культурной эволюции, однако исходные ее этапы пока достоверно не выявлены.

На наш взгляд, синташтинская традиция изготовления не может быть выведена из абашевской, равно как и нет оснований считать абашевские изделия дерииватами синташтинских. Все изделия имеют устойчивую совокупность типологических признаков, одинаково сложны в изготовлении и идентичны с точки зрения управления лошастью (вне зависимости от модели оголовья).

Петровская культура генетически связана с синташтинской и полностью дублирует ее колесничные традиции (установка колесницы в могилу с фиксацией колес в грунте, жертвы лошадей, укладка конской сбруи и вооружения). Петровские находки имеют несколько иную территорию распространения и меньшее количество. К настоящему времени опубликованы сведения о находках остатков 4 повозок, известно не менее 32 экземпляров псалиев. Материалы петровского круга дали еще одну уникальную находку колесницы: в кургане 1 могильника Сатан в Казахстане хорошо сохранившегося кузова и колес с кожаными «шинами»³¹. Петровские псалии морфологически разнообразнее синташтинских: некоторые экземпляры идентичны, остальные можно объединить их в два собственно петровских подтипа. Один из них характеризуется использованием кости в качестве материала, сегментовидным щитком, треугольной планкой, монолитными, прямыми по форме шипами незначительных размеров. Трензельное отверстие прямоугольной формы и никогда не имеет валика. Кроме того, в петровское время появляются изделия из расколотой пополам кости.

Алакульская культура (генетически связанная с синташтинской и петровской) имеет довольно незначительное количество свидетельств ее принадлежности к «колесничному горизонту». Так, известен лишь один случай нахождения колесных ямок в могильнике Николаевка II и мы склонны интерпретировать его как имитацию установки повозки³². Коллекция псалиев также сравнительно немногочисленна (на фоне огромного корпуса источников) и насчитывает менее двух десятков артефактов. Анализ всей доступной совокупности позволяет выделить два основных подтипа. Первый схож с происходящими

с тех же территорий изделиями синташтинско-петровского круга. Характерными деталями является перфорация трапецевидной планки с зацепами рядом круглых отверстий, вставные шипы. Во второй подтип можно объединить хорошо известные алакульские псалии с округлым орнаментированным щитком, отверстием в иной плоскости, вытянутой планкой. Несмотря на «парадный» вид некоторых изделий их функциональность подтверждается следами эксплуатации. Пока единично представлены наскальные изображения колесниц в районе Мугоджар, где пока обнаружены пока только памятники данного периода³³. Вполне вероятно, что эта серия будет умножена в результате целенаправленных поисков.

Окуневская культура, локализованная в основном в Южной Сибири также некоторыми авторами причисляется к колесничным. Реальных доказательств в пользу такого заключения немного. Более того, строгая аргументация использования носителями окуневских традиций домашней лошади тоже затруднительна³⁴. Впрочем, особенности некоторых изображений лошадей позволяют усмотреть на них свидетельства оголовья³⁵. Данный сюжет явно не входил в число наиболее «популярных», что не удивительно в свете ландшафтных особенностей памятников и хозяйственной специализации. Окуневская культура известна в основном благодаря погребальным и очень ярким изобразительным памятникам (в ряде случаев, сочетающихся в одних комплексах). Но обнаружить среди огромного корпуса источников повозки весьма непросто³⁶, еще сложнее обосновать принадлежность наскальных рисунков именно окуневской традиции. Наиболее известные и достоверные из них имеют в конструкции мало общего с легкими экипажами, снабженными колесами со спицами. Что касается рисунков колесниц, то большинство из них, видимо, относится и к более позднему времени (варчинская традиция по терминологии И.В. Ковтун³⁷ и может быть результатом взаимодействия с андроновским миром, где этот вид транспорта имел широкое распространение и вошел в мифологическую систему. Артефактов, соотносимых с деталями упряжи, не выявлено³⁸.

Есть некоторая неопределенность в вопросе о собственной хронологии культуры и ее соотношении с соседними³⁹. Так, по мнению большинства исследователей, это длительно функционировавший феномен, прошедший в своей эволюции от двух до четырех этапов. Если наиболее ранние материалы имеют следы афанасьевского участия⁴⁰ или даже предшествования⁴¹, то поздние смыкаются с карасукским временем⁴². Это крайние точки шкалы, осложненной андроновское присутствие в Южной Сибири, следы которого вполне определены. Косвенным подтверждением частичной синхронности андроновских и окуневских древностей (при несомненном приоритете как минимум части вторых) являются многочисленные случаи переиспользования окуневских изваяний в андроновской погребальной обрядности.

Андроновская КИО

Во избежание разночтений и ввиду многочисленности суждений по данному вопросу, оговоримся, что имеются в виду, прежде всего, материалы восточного фланга, где собственно алакульские черты практически не прослеживаются. Считаем необходимым присоединиться к точке зрения авторов, предпочитаю-

щих использовать термин «федоровский» только по отношению к Зауральским памятникам⁴³. К списку свидетельств знакомства с колесничным комплексом в этот период могут быть причислены только наскальные изображения с огромной территории от Западного Казахстана до Монголии и Синьцзяна, хотя восточный фланг наименее обеспечен надежными данными⁴⁴ (для Енисея такие примеры не известны⁴⁵). Отчасти картина распространения согласуется с зоной, где выявлены памятники сейминско-турбинской изобразительной традиции и сейминско-турбинские бронзы. Стоит, правда, иметь в виду тезис о сохранении основных стилистических элементов вплоть до скифского времени⁴⁶.

Конечно, этим не исчерпывается содержание наскального искусства очерченного региона, но связь с колесничной тематикой имеет прямую аргументацию. Этот хронологический пласт служит своеобразным мостом, соединяющим носителей колесничных традиций восточно-европейских и уральских культур с карасукским миром. Как и во всех других случаях, проблема датирования наскальных изображений остается, особенно в части определения верхней даты⁴⁷.

Карасукские памятники, культура херексуров и оленных камней Южной Сибири и сопредельных территорий также включается некоторыми авторами в список «колесничных», хотя приходится делать ряд оговорок⁴⁸. Особенности памятников таковы, что прямые свидетельства использования этого вида транспорта отсутствуют. Более того, М.А.Дэвлет акцентирует внимание на серьезных трудностях использования этого транспорта в горных условиях и делает вывод о ирреальном характере «небесных» колесниц (с.28).

Некоторые материалы имеются на территориях Монголии, Восточного Туркестана, Забайкалья, где широко представлены херексуры и оленные камни. Первые трактуются как изображения колес, а вторые содержат изображения разнотипного оружия, которое относят к атрибутам колесничного. Нетрудно заметить, что вторая трактовка базируется на первом, по сути, априорном допущении в сочетании с синхронизацией этих типов памятников. В последние годы надмогильные сооружения с радиально-лучевыми структурами были обнаружены и в составе карасукских древностей⁴⁹, известны они и среди бегазы-дандыбайских⁵⁰, но их связь именно с колесничной идеей требует более досконального обоснования, чем внешнее сходство.

В определении состава вооружения Ю.С. Худяков основывается не только на изображениях на оленных камнях, но и на китайских аналогиях эпохи Чжоу, благо они такую возможность предоставляют в полной мере. В числе прочих благодаря китайским аналогиям в качестве колесничных атрибутов были интерпретированы и «модели ярма» («предметы неизвестного назначения»), которые согласно «Шицзин» «служили своеобразными поручнями при езде знатных лиц стоя»⁵¹. О конструкции колесниц и формах их применения можно составить мнение в основном благодаря китайским источникам, наскальные изображения добавляют лишь некоторые детали. Они представляли собой одноосные, дышловые пароконные (иногда запряженные четверками лошадей) повозки с легким кузовом и высокими колесами. Кузов располагался на центральной части оси, есть примеры с изображением вожжей и единственного (редко двух) колесничного⁵².

Комплекс боевых средств, включающий практически все известные на тот

момент варианты (сложный лук и стрелы, копье (в том числе и с багром), чекан, кельт, клевец, секира, многозубчатый наконечник, меч, кинжал, а также защитные средства), отображенный на оленных камнях явно демонстрирует знакомство с ним местного населения. Однако культовый характер памятников заставляет с некоторой осторожностью относиться к идее прямого перенесения отображаемого на реальную боевую практику, не говоря уже о том, что доказать стогую взаимосвязь оленных камней и колесничной аристократии весьма проблематично.

Приведенный очерк заведомо неполон и касается только северо-евразийской части находок. Кроме того, нами исключены из рассмотрения хорошо известные центрально-европейские и микенские артефакты⁵³. Это несколько обедняет возможности заключительной части. Косвенное отношение к заявленной теме имеют также и заведомо более поздние персидские или античные колесницы. Специального анализа требует и колесничный комплекс Передней Азии, близкий по хронологии. Однако авторы вынуждены ограничиться ссылками на обширную историографию по данному вопросу⁵⁴.

Возможности синхронизации

Рассмотрению хронологии описанной группы памятников сопутствует ряд затруднений, главными из которых следует признать следующие. Это — огромная пространственная протяженность, в большинстве случаев исключающая определение относительной хронологии культур с помощью данных стратиграфического анализа. Исключения из этого правила крайне немногочисленны и касаются в основном Урала. Здесь имеются факты, позволяющие определить соотношение синташтинских, петровских и алакульских памятников. Однако, и в этом случае вывод приходится сопровождать оговорками о возможности параллельного существования хотя бы некоторых из перечисленных образований на разных территориях. Во всяком случае, такую возможность не исключает ряд авторов в обсуждении соотношения северо- и центрально-казахстанских петровских и зауральских синташтинских памятников⁵⁵. Алакульская и федоровская керамические и погребальные традиции (атасуская и нуринская), синхронизируемые А.А. Ткачевым для Центрального и Северного Казахстана⁵⁶, тем не менее, вполне определенно относятся к более позднему времени относительно петровских (нуртайских, по терминологии А.А.Ткачева) памятников.

Столь же непрозрачна ситуация в отношении покровских древностей Поволжья, таксономический уровень которых определяется исследователями по-разному: самостоятельная культура, археологический тип, ранняя фаза срубной общности, поздняя фаза абашевской. Из приведенного перечня можно уяснить лишь относительное единодушие в хронологической «локализации» этих памятников в посткатакомбный период до начала существования срубной общности в ее «классическом» виде. Сходным образом определяется позиция памятников потаповского типа Среднего Поволжья, основой сложения которых авторы раскопок считали полтавкинские памятники⁵⁷. Однако прямого ответа на вопрос о соотношении покровских и потаповских древностей нет, отчасти в силу относительной малочисленности последних. К тому же, имеются некоторые типологические различия в металлокомплексе, традиционно признаваемого одним из основных средств синхронизации.

Практически идентичная ситуация имеет место в отношении абашевской культуры, которая располагает колесничными свидетельствами в основном в границах доно-волжского варианта. Здесь хронологический приоритет относительно срубного периода неоспорим, равно и соотношение с катакомбным⁵⁸. Однако, сопоставление с соседними территориями и даже с иными вариантами самой абашевской культуры (средне-волжским и уральским) не выглядит абсолютно однозначным⁵⁹. Надежно установлено взаиморасположение в стратиграфической колонке абашевских и срубных материалов и в Приуралье, для которых В.С. Горбунов предполагает эволюционный характер перехода⁶⁰. Несмотря на усилия О.В. Кузьминой⁶¹, проблема внутренней хронологии абашевских культур (или локальных вариантов) также далека от убедительного решения, в первую очередь как раз в отношении доно-волжских древностей, которые автор вообще исключила из рассмотрения. Нет сомнения, что некоторые металлические изделия, происходящие из памятников этого круга (включая «колесничные»), обладают «поздними» технологическими чертами, традиционно связываемыми с Евразийской металлургической провинцией⁶².

Сибирские материалы, как показано выше, при всей огромности корпуса источников не всегда дают ответ на вопрос о соотношении культур, особенно в случае взаимодействия местной и пришлой традиций. Большинство современных исследователей в той или иной степени допускают сосуществование разных традиций (в особенности изобразительных). В целом не возникает сомнений в части относительно поздней позиции андроновских древностей в сравнении с окуневскими (и в соответствии с «принципом домино» — с афанасьевскими). Сложнее дело обстоит, когда приходится определять место андроновских памятников восточного фланга относительно, например, зауральских, поскольку, начиная с работ С.С.Черникова⁶³, некоторые исследователи связывают генезис андроновских традиций с Восточным Казахстаном.

Хронология абсолютная

Предшествующий обзор показывает, что, с точки зрения относительной хронологии мы можем предложить синхронизацию хотя бы некоторых культур (и сформулировать представление о блоках культур). На этом фоне абсолютная хронология восточноевропейского бронзового века выглядит удручающе⁶⁴. По существу, используется очень ограниченный круг аналогий, среди которых, едва ли, не первую позицию занимает колесничный комплекс (точнее, его Микенские параллели). Несмотря на многочисленные дискуссии о происхождении составляющих и комплекса в целом, подспудно предполагается близость его хронологической позиции для больших территорий, во всяком случае, в рамках Восточной Европы, Урала и Казахстана. Эта уверенность опирается на аргументы разной силы, прежде всего на внешнее и конструктивное сходство больших серий деталей упряжи (от Микен до Казахстана). Часть восточноевропейских изделий украшена циркульными орнаментами, имеющими карпато-микенские аналогии. Эти орнаменты сочетаются с наконечником копья сейминско-турбинского типа в составе Бородинского клада, который имеет и центрально-европейские датированные параллели⁶⁵. К сожалению, датировка сейминско-турбинского транскультурного феномена (связывающего воедино огромные пространства от северного Китая до Скандинавии) также не вполне

определенна⁶⁶, а в свете все прибывающих количественно материалов предполагаемый авторами термина узкий период бытования этих древностей может оказаться не столь уж кратким⁶⁷.

Датированные аналогии колесничному комплексу (и отчасти циркульным орнаментам) имеются на территории Ближнего Востока, правда, характер источников несколько отличен. В основном они представлены изображениями запряженных колесниц, есть и редкие находки упряжи, изготовленной из металла. При внешней простоте решения в вопросе о синхронности либо асинхронности материалов удаленных друг от друга территорий ясности нет. Виной тому отсутствие единой согласованной системы хронологии даже в границах зоны первичных государств, наличие же многочисленных периодизаций проблемы не может решать в принципе. Альтернативу «западной» линии привязок составляет Китай, где колесницы хорошо известны по разным типам источников, а хронология построена на данных письменной традиции и, отчасти, основана на астрономических событиях. Однако почти всеми эта зона признается вторичной⁶⁸, а исходный импульс усматривается в северных, в частности карасукских древностях⁶⁹. Удаленность региона от рассматриваемой территории и значительный хронологический разрыв лишают эту линию особых перспектив не только в рассматриваемом аспекте, но и в датировании сейминско-турбинских материалов⁷⁰.

Для северной зоны распространения колесничного комплекса вариантов оснований для построения системы абсолютной хронологии гораздо меньше, в связи с чем на первый план оказались выдвинуты естественнонаучные методы датирования. Разногласия исторической («традиционной») и радиоуглеродной шкалы бронзового века хорошо известны специалистам Западной и Центральной Европы, однако предпочтение отдается, все-таки, калиброванным значениям, которые выверялись по данным дендрохронологии. Более того, принятие этой версии привело К. Ренфрю к радикальным выводам о значении «южных» импульсов на раннюю историю Европы⁷¹, точнее к пересмотру традиционного представления об исключительной роли зоны первичных цивилизаций.

К настоящему времени упомянутые культуры в очень разной степени обеспечены соответствующими анализами⁷². Особенно печальная ситуация с памятниками абашевской культуры и сейминско-турбинским феноменом. Последний не имеет свидетельств знакомства с колесницами (чему не приходится удивляться с учетом основной ландшафтной зоны распространения памятников и отдельных находок), но имеет очевидные общие черты в металлическом инвентаре с целым рядом археологических культур, интересующего нас круга. Большая часть датировок относится к синташтинским, потаповским, петровским, алакульским, срубным памятникам, меньшим числом анализов располагают раннесрубные (включая покровские), окуневские, андроновские и карасукские. Впрочем, качество некоторых материалов, полученных в период становления методики датирования в нашей стране, оставляет желать лучшего (претензии могут быть предъявлены также к способам отбора и хранения датирующих материалов). Сводка радиоуглеродных датировок колесничных погребений Урало-Поволжья была недавно опубликована П.Ф.Кузнецовым⁷³. Конкретные интервалы существования культур, приводимые ниже, определялись в

ходе суммирования вероятностей калиброванных значений⁷⁴, часть из них была опубликована ранее⁷⁵. В отличие от упомянутой работы П.Ф.Кузнецова нами при вычислениях использована вся совокупность дат для каждой из культур.

Синташтинский (Южное Зауралье) интервал датировок приходится на — 2040–1690 (2900–1500) гг. до н.э. При включении в серию только результатов, полученных с помощью ускорительных технологий он заметно сужается 1970–1770 (2030–1750) гг. до н.э. Увы, эту процедуру пока невозможно применить ко всем рассматриваемым группам. В Приуралье три даты могильника у г.Березовой оказались существенно древнее — 2400–1950 (2650–1750) гг. до н.э. Потаповские памятники Поволжья демонстрируют сходные (хотя и более широкие в сравнении с синташтинскими зауральскими) показатели — 2020–1600 (2300–1500) гг. до н.э. Небольшая серия дат раннесрубных памятников Поволжья оказалась хронологически довольно компактной — 1950–1660 (2050–1400) гг. до н.э. Практически идентичные цифры можно привести для немногочисленных анализов уральского варианта этой культуры — 1880–1740 (1920–1690) гг. до н.э.

Наиболее ранняя (но, увы, единственная) дата имеется для Пепкинского кургана на Средней Волге⁷⁶ — 2470–2190 (2600–2000) гг. до н.э. Во-вторых, есть основания для синхронизации этого уникального памятника с синташтинским и доно-волжскими абашевскими погребениями⁷⁷, чему дата прямо противоречит. Находки в Турбинском могильнике материалов заведомо абашевского облика⁷⁸ говорят в пользу синхронизации (как минимум частичной) эти культурных традиций, но сейминско-турбинская радиоуглеродная хронология пока опирается на очень скромные, к тому же, не лишённые внутренних противоречий данные. Все имеющиеся результаты существенно моложе пепкинской даты. Приведенная в монографии Е.Н.Черных⁷⁹ сумма вероятностей 12 абашевских дат — 2200–1650 (2500–1100) гг. до н.э. — в целом близка синташтинской серии⁸⁰.

Для сейминско-турбинского транскультурного феномена в нашем распоряжении одна дата по западносибирскому могильнику Сатыга (2125–1955 (2140–1940) гг. до н.э.) и три — по средневожскому Усть-Ветлужскому могильнику⁸¹ — 1910–1620 (2020–1600) гг. до н.э. Совмещение этих результатов приводит лишь к механическому расширению интервала. Можно отметить, что приведенная для Сатыги дата близка серии датировок елунинских памятников Алтая (2200–1600 (2600–1300) гг. до н.э.)⁸². Многие авторы связывают формирование сейминско-турбинского феномена именно с этим регионом⁸³. Выше упомянуто также и существование сейминско-турбинской изобразительной традиции, наиболее отчетливо опознаваемой благодаря характерному стилю изображения лошадей. Впрочем, те же авторы предлагают синхронизировать этот круг памятников с синташтинским и абашевским (реже в этот перечень попадают петровские древности).

Петровская серия, внешне выглядящая вполне респектабельно в количественном плане, таковой на деле не является в силу значительного расхождения результатов (в том числе и для одних и тех же комплексов). Выделяется две группы 2500–2250 и 1950–1500 (2700–1400) гг. до н.э. Нам кажется предпочтительной более поздний вариант, поскольку все значения, полученные с исполь-

зованием ускорительной технологии, компактно укладываются в 1880–1740 (1930–1690) гг. до н.э. К тому же, «ранний» вариант заметно старше синташтинских древностей, что прямо противоречит серийным стратиграфическим наблюдениям в Приуралье и Зауралье. Косвенным подтверждением такого вывода может служить единственная дата центрально-казахстанской колесницы из могильника Сатан — 1880–1490 (2150–1300) гг. до н.э.⁸⁴

Еще менее благополучная ситуация в отношении алакульских памятников, располагающих более чем пятью десятками образцов. Трудно признать адекватным итогом полученный интервал 2300–1500 (2600–1400) гг. до н.э. Единственным вариантом проверки остается «внешняя» — с привлечением не только стратиграфических свидетельств, но и результатов датирования соседних территорий. С точки зрения стратиграфии, имеется масса фактов, иллюстрирующих более поздний характер алакульских материалов в сравнении с синташтинскими и петровскими и более раннюю позицию относительно памятников финала бронзового века. Однако, это мало подвигает нас к получению абсолютной хронологии. Более надежны серийные данные по срубным древностям и синкретическим (алакульско-федоровским).

Первые из них и для Поволжья и для Урала указывают на сходный временной промежуток 1880–1380 (1900–1250) и 1690–1400 (1900–1300) гг. до н.э., близкий XVIII–XIV вв. до н.э.⁸⁵ В этот же интервал укладываются датировки алакульско-федоровских памятников — 1750–1320 (1900–1250) гг. до н.э. Учитывая совокупность изложенных фактов, логично предположить, что собственно алакульские памятники должны относиться примерно к этому же времени. Этот вывод может быть легко упрочен типологическими соответствиями в металлокомплексе.

Хронология «восточного фланга» колесничных культур не столь очевидна в силу особенностей источниковой базы, но некоторыми данными мы располагаем⁸⁶. Согласно шкале, созданной для Минусинской котловины окуневские памятники относятся к 2200–1750 (2600–1700) гг. до н.э.⁸⁷, т.е. они близки абашевским, синташтинским, петровским, потаповским и покровским. Однако, *de facto* отсутствуют прямые доказательства знакомства этого населения с легкой повозкой, имеющей колеса со спицами, хотя иные варианты транспортных средств и запряжка лошадей могли иметь место. Андроновские древности, явно родственные урало-казахстанским, датируются 1610–1410 (1740–1400) гг. до н.э. Для этого времени, видимо, можно предполагать наличие навыков обращения с колесничной запряжкой, тем более что для следующего хронологического периода сомневаться в этом не приходится.

Карасукские памятники (1440–1130 (1450–1050) гг. до н.э.) синхронизируются с китайской эпохой Шан, радиоуглеродные датировки которой несколько разнятся с традиционной хронологией Китая. Согласно C14 — это период 1700–1050 гг. до н.э.⁸⁸ или 1600–1046 гг. до н.э. по результатам сопоставления дендрохронологической и радиоуглеродной шкал⁸⁹. Вероятно, с накоплением серий произойдет некоторое сужение интервала и две системы окажутся согласованы лучше. Но уже сегодня традиционная датировка колесниц Аньяна XIV–XIII вв. до н.э. (конец эпохи Шан)⁹⁰ в целом укладывается общую схему. Видимо, и карасукские памятники, и херексуры датируются сходным образом,

что позволяет сформулировать вывод об очевидном хронологическом приоритете восточноевропейских и казахстанских колесниц над более восточными. Вполне вероятно, что этот тезис может быть детализирован — казахстанские материалы, скорее всего, относятся к чуть более позднему времени, чем абашевские и синташтинские. В целом процесс распространения колесничных традиций в Северной Евразии растянулся на несколько веков, а Китая они достигают практически спустя полтысячелетия.

В дальнейшем традиция применения колесниц в военных и церемониальных целях, конечно, не была утрачена и этот вид транспорта с не столь уж принципиальными изменениями обнаруживается на территории Востока, в Древней Греции, Древнем Риме. Масса фактов иллюстрирует знакомство с идеей колесничества народов, не создавших собственной государственности (кельты, носители пазырыкских традиций и т.д.).

Заключение

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие, мы должны признать, что колесничный комплекс — одно из наиболее масштабных исторических явлений, хронологически охвативших значительную часть периода бронзового века (эпоха поздней бронзы по восточноевропейской шкале относительной хронологии), равно и ранний железный век. Не менее впечатляет и территориальный охват: Передняя Азия, Египет, Центральная и Восточная Европа, Северная Евразия, Китай, Индия. Независимо от принятия любой из версий формирования колесничного комплекса во всей полноте, очевидно, что спор о приоритете в основном касается противопоставления восточноевропейско-зауральского и переднеазиатского вариантов, каждый из которых располагает собственными *pro et contra*. При всех разногласиях (связанных с разницей применяемых систем хронологии) большинство специалистов относит начало событий к концу III — началу II тыс. до н.э. и признает взаимосвязь обозначенных территорий⁹¹. Этот факт представляется принципиально важным для оценки общей ситуации.

Довольное строгое разграничение мира первичных цивилизаций и степного мира (пользуясь терминологией М.Б. Щукина⁹²) имеет длительную историографическую традицию и во многом обусловлено историей развития науки (очередность открытия, различия в источниковой базе и пр.). Мы полагаем такое допущение априорным, тем более что оно противоречит фактам. Мир культур бронзового века не был замкнут на «самое себя», динамика и формы взаимодействий неизбежно должны были иметь специфику (региональную, культурную и пр.). Вопрос состоит в возможности установления скорости распространения инноваций (в частности технических) и формах передачи информации. Мы исходим из того, что вероятность *самостоятельной* выработки *всего* технологического комплекса, связанного с производством и функционированием колесниц, чрезвычайно мала и проблема определения исходной зоны действительно существует. Однако в условиях очевидного несовершенства хронологических систем уловить процесс распространения традиции вряд ли реально. Разрешающая способность радиоуглеродных датировок также недостаточна. На сегодня, пожалуй, можно констатировать только, что колесничный комплекс — это *длительно функционирующий феномен*, который не может и не

должен выступать как средство «узкой» синхронизации. К этому можно добавить также, что восточный флаг распространения колесничных традиций (карасукские древности, Китай), видимо, датируется более поздним временем в сравнении с Передней Азией, Восточной Европой, Уралом и Казахстаном, однако исходные импульсы для восточных территорий также не вполне ясны. Более вероятным нам кажется степной, но строгие аргументы привести сложно.

В свете изложенного, очевидно, что применение термина «хронологический горизонт» по отношению к колесницам сопряжено с существенными затруднениями, которые, на наш взгляд, сводят на «нет» преимущества его использования. Приходится оговариваться, что речь идет не обо всем периоде бытования, а лишь о его начальной фазе, что рассматривается не вся территория распространения, а только восточно-европейская и т.д. Да и само словосочетание «горизонт культур» внутренне противоречиво, поскольку не нацелено на выделение *максимального короткого* промежутка времени, что собственно предусматривает сам термин. По сути, «горизонт культур» используется как синоним «блока культур», умножая терминологические неурядицы и без того многочисленные. Смещение языка метафор и научной терминологии вряд ли будет способствовать прояснению сути явления, а сложившаяся практика употребления термина «горизонт колесничных культур» способна лишь затемнить суть яркого исторического явления. Тем более что сам колесничный комплекс, в свете длительной истории бытования, не выполняет (и не может выполнять) функции синхронизации. С оговорками об ограниченности территории, признаем, что такую роль могут сыграть псалии при условии построения их единой дробной типологии и хронологии, но эта работа пока находится в начальной стадии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 169–18; *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев // Центральная Азия: источники, история, культура (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005. С. 383–411; *она же.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994; *она же.* Арии — путь на юг. М., 2008; *Нефедкин А.К.* Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI—I вв. до н.э.). СПб., 2001; *Piggott S.* The Earliest Wheeled Transport. From the Atlantic coast to the Caspian Sea. London, 1983; *Littauer M.A. & Crouwel J.H.* The origin of the true chariot // *Antiquity*. Vol. 70. № 270. 1996. P. 934–939 и др.
2. В настоящей публикации мы сосредоточим внимание исключительно на находках бронзового века, хотя есть примеры использования словосочетания «хронологический горизонт комплексов колесниц конца VIII — первой половины VII в. до н.э.» (*Эрлих В.Р.* Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. 1994. №2. С. 148). Поразительное сходство некоторых деталей («колесные» ямки, скелеты лошадей, имитирующие запряжку, уздечный набор) для принципиально разных периодов и территорий подтверждает высокую значимость этой традиции в ИЕ мифологии.
3. *Колтаков Е.М., Бочкарев, Васкул И.О., Вишняцкий Л.Б., Власова Е.В., Ковалев А.А., Чеснокова Н.А., Шаров О.В.* Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990. С. 62.

4. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 386.
5. Мы не хотели бы отвлекать читателя обсуждением вопроса о возможности рассмотрения колесничного комплекса как типа. Предмет для обсуждения, конечно, имеется, он, вряд ли, может быть уложен в рамки настоящей статьи.
6. К сожалению, строгое использование терминов (или указание на их понимание) — большая редкость в отечественной практике. Не является исключением и термин «горизонт», который часто служит объединению групп культур. Например, В.В. Отрощенко пишет об особом *досрубном горизонте культур* (курсив наш): бабинская, доно-волжская абашевская, синташтинская, памятники потаповского типа (Отрощенко В.В. К истории срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 17: Доно-донецкий регион в бронзовом веке. Воронеж, 2003. С. 75). В таком варианте используемый нами термин *de facto* приравнивается к «блоку культур» или этапу.
7. Бехтер А.В. Курганы с колесницами раннеандроновского времени // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. Тез. докл. тематической науч. конф. / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб., 1996. С. 18–19.
8. Чердениченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничество в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. 1991. № 4. С. 206–212.; Пустовалов С.Ж. Некоторые проблемы изучения колесного транспорта эпохи бронзы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998. С. 50–55.
9. Пустовалов. Ук. соч. С. 52.
10. Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000. С. 189
11. Например, Турецкий М.А. Развитие колесного транспорта у племен ямной культуры в степной зоне Восточной Европы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург, 2004. С. 31–37 и др.
12. Кожин. Ук. соч.
13. Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // Archaeology. An official Publication of the Archaeological Institute of America. Vol. 48. № 2. 1995. P. 36–1; Littauer M.A. & Crouwel J.H. The origin of the true chariot...; Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003; Епимахов А.В., Чечушков И.В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 168–182.
14. Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 39–45; Brownrigg G. Horse Control and the Bit // Horses and Humans: The evolution of Human-Equine Relationships. BAR International Series 1560, 2006. P. 165–171.
15. Даже, если принять гипотетическую возможность ритуального запрета на помещение псалиев (или иных деталей) в погребения, трудно объяснить их полное отсутствие в иных типах памятников.
16. Матвеев Ю.П. О векторе распространения колесничных культур // РА. 2005. №3. С. 5–15.
17. Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічне зставлення). Київ, 2002; Отрощенко. К истории срубной общности...
18. Отрощенко. К истории... С. 89. Надо признаться, что авторам неизвестны достоверные погребения в *кузове* колесницы в синташтинской и петровской среде (где,

- собственно, и имеются примеры этого вида транспорта). Более того, немногочисленные не потревоженные погребения демонстрируют абсолютно иную картину.
19. *Литвиненко Р.А.* Некоторые замечания по поводу хронологии донно-волжской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тез. докл. междунар. науч. конф. Тамбов: б.и., 1996. С.13–16; *Литвиненко Р.О.* До проблеми псаліїв, колісниць і воїнів-колісничих у бабинській культурі // Археологія. 2005. №4. С. 37–52.
 20. *Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И.* Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.
 21. *Усачук А.Н.* Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998. С. 125–135.
 22. *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. М., 1987. С. 124–130.
 23. Правда, культурная атрибуция некоторых комплексов дискутируется — альтернативу абашевской (иногда с добавлением поздне-) версии составляет покровская (*Малов Н.М.* Погребения с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 г. Вып. 3. Саратов, 2003. С. 157–219.), есть и варианты сочетания — «покровско-абашевская»; «покровская срубная» (*Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996; *Отрощенко.* Проблемы перэодизацэі культур... и др.).
 24. *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. 208 с.
 25. *Синюк.* Ук. соч.; *Малов.* Ук. соч.; *Отрощенко.* Проблемы перэодизацэі культур...; *Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
 26. *Мышкин В.Н., Турецкий М.А.* Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 314–334.
 27. *Захарова Е.Ю.* Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж, 2000.
 28. *Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии // СА. 1975. №2. С. 254–257.
 29. *Чечушков И.В.* Колесо евразийской степной колесницы эпохи бронзы // Вестник ЮУрГУ. №17 (72). Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 7. Челябинск, 2006. С. 127–130.
 30. *Виноградов.* Ук. соч.
 31. *Новожинов В.А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алма-Аты, 1994.
 32. *Епимахов А.В.* К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) // Вестник ЧГПУ. Серия 1 «Исторические науки». №2. Челябинск, 2004. С. 105–111; Возможно, еще один пример дали раскопки Д.Г.Здановичем могильника Степное VII (доклад на XVII Уральском археологическом совещании (Екатеринбург, 2007)).
 33. Доклад В.В.Ткачева на XVII Уральском археологическом совещании (Екатеринбург, 2007).
 34. *Миклашевич Е.А.* Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной ло-

- шади в Южной Сибири // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. Вып. 2 / Сост. и ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб., 2006. С. 191–211.
35. Миклашевич. Ук. соч.
36. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. Рис. 74, 177. В действительности указанные рисунки могут быть привлечены только благодаря не вполне корректному использованию термина «колесница» в отношении четырехколесных экипажей с дисковыми колесами (Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986. С. 178–179). Такой трактовки большинство авторов не придерживается (Савинов Д.Г. К вопросу о формировании Окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб., 1997. С. 209–211).
37. Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-Западного Саяно-Алтая). Новосибирск, 2007. С. 66–73.
38. Ритуальные ограничения на помещение тех или иных категорий в погребения вполне вероятны, но нет таких находок и на поселениях. Высказанное, конечно, не является очень серьезным аргументом «против», однако лежит в общем ряду остальных фактов.
39. Семенов Вл.А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 159; Соколова Л.А. Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №2. С. 41–51.
40. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
41. Соколова. Ук. соч. С. 44
42. Бобров В.В. Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы кузнецкой котловины // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. Вып. 2 СПб., 2006. С. 322–324.
43. Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия // РА. 2004. №4. С. 52–66.
44. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989; Новожинов В.А. Наскальные изображения повозок...
45. Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982. С. 24.
46. Савинов Д.Г. Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007. С. 100.
47. Нижняя дата должна определяться самим фактом появления колесницы в Евразийской степной и лесостепной зонах.
48. Дэвлет. Ук. соч.; Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 65–73; он же. Боевые колесницы Южной Сибири и Центральной Азии // Северная Евразия в эпоху бронзы; пространство, время, культура. 2002. С. 139–141.
49. Боковенко Н.А. Новые памятники радиальной конструкции эпохи поздней бронзы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999. С. 175–176.
50. Чугунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы; пространство, время, культура. 2002. С. 142–149.

51. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Кемерово, 2004. С. 31.
52. Худяков. Боевые колесницы Южной Сибири...
53. См. сводку Penner S. Schliemanns Schachtgräberung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung // Saabrücker Beiträge zur Altertumskunde. B. 60. Bonn, 1998.
54. Нефедкин. Ук. соч.; Кожин. Ук. соч.; Littauer M.A., Crouwel J.H. Kampfwagen (streitwagen) b. archaologisch // Selected writings on chariots and other early vehicles, riding and harness. Leiden-Boston-Köln: Brill, 2002. S. 26–37.
55. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002. Ч.2. 243 с.
56. Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 2003. С. 33–34
57. Васильев, Кузнецов, Семенова. Ук. соч.
58. Синюк. Ук. соч.
59. Да и местная катакомбная культура некоторыми авторами оценивается как наиболее поздняя в составе соответствующей КИО.
60. Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.
61. Кузьмина О.В. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999. С. 154–205.
62. Григорьев С.А. Основные этапы и проблемы культурогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 188–222.
63. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88. 1960.
64. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989; Беседин В.И. О новых абсолютных датах предрубного периода // Исторические записки ВГУ. Вып. 4. 1999. С. 189–197; Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // ПИФК. 2007. Вып. XVII. С. 402–421.
65. Епимахов А.В. Проблемы хронологии синташтинских памятников // ПИФК. 1997. Вып. IV. Ч. 1. История. С. 14–20; Епимахов. Относительная и абсолютная хронология...
66. Черных, Кузьминых. Ук. соч.
67. Koryakova L., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age (Cambridge world archaeology). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 106–110.
68. Это заключение хорошо согласуется с техническим «совершенством» китайского колесничного комплекса.
69. Васильев Л.С. Проблема генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976. С. 265–279.
70. Черных, Кузьминых. Ук. соч. С. 259.
71. Renfrew C. Civilization. The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. London, 1973.
72. Если ориентироваться на показатели минимально необходимых серий (Черных Е.Н., Черных Н.Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы/ Науч. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М., 2005. С. 37), то таковы располагает явное меньшинство.
73. Kuznetsov P.F. The emergence of Bronze Age chariots in Eastern Europe // Antiquity. Vol. 80 (309). 2006. P. 638–645.
74. Для вычислений использована программа OxCal 3.9. Далее вне скобок приведены даты с калибровкой 68 %, в скобках — 95 %.

75. Епимахов А.В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. №4. С. 92–102; Епимахов. Относительная и абсолютная хронология...; Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. Vol. 81. 2007. P. 353–367.
76. Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отображение конфронтации в начальный период формирования культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Поволжья и Урала. Вып.2. Самара, 2004. С. 146–154.
77. Беседин В.И. О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. №3. С. 197–200.
78. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.
79. Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007. С. 72.
80. К сожалению, автором не опубликованы конкретные датировки. Среди известных нам примеров (Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 108; Кузнецов П.Ф. О роли культур Южного Урала в культурогенезе эпохи поздней бронзы // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 88) имеются заведомо поздние значения, заставляющие предполагать ошибки отбора или методики.
81. Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. №4. С. 103–111.
82. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул, 2004.
83. Черных, Кузьминых. Ук. соч. С. 261
84. Новоженов В.А. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей // Вопросы археологии центрального и северного Казахстана. Караганда, 1989. С. 110–122.
85. Поволжские срубные материалы, пока представленные единичными анализами (Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита — бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 56–59 и др.), ближе «покровскому» интервалу — их верхняя граница не выходит за пределы XVI в. до н.э.
86. Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ¹⁴C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. London: Kluwer Academic, 2004. P. 83–89.
87. Публикация Е.Н.Черных, С.В.Кузьминых Л.Б.Орловской (Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B. Ancient metallurgy in Northern Asia: from the Urals to the Saiano-Altai // Metallurgy in Ancient Central Asia from the Urals to the Yellow river / Lewiston, Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2003. P. 15–36, fig. 1.5) содержит несколько иные, хотя и в целом близкие значения — 2150–1790 гг. до н.э.
88. Linduff K., Drennan R., Shelach G. Early Complex Societies in NE China: The Chifeng International Collaborative Archaeological Research Project // Journal of Field Archaeology. Boston. 2002–2004. Vol. 29. №1/2. P. 51.
89. Guo Zhiyu, Kexin Liu, Xiangyang Lu, Hongji Ma, Kun Li, Sixun Yuan, Xiaohong Wu. The use of AMS radiocarbon dating for Xia-Shang-Zhou chronology // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. B 172. 2000. P. 731.
90. Колесничные комплексы Китая ныне представлены довольно массово

- (Excavations of Some Tombs of the East Wu and West Jin Periods in Zhenjiang // Kaogu. 1984. №6. P. 528–555; The Pits with Horses and Chariots Buried at Lougang in Yicheng County // Wengwu. 1993. P. 1–35; Horse-and-Chariot Burial Pits of Yin Period Southwest of Meiyuanzhuang // Kaogu. 1998. №10. P. 48–55). С одной стороны, некоторые черты погребальной обрядности (например, традиция вкапывания колес, расположение лошадей и пр.) имеют прямые аналогии в восточноевропейских и казахстанских материалах, с другой, система упряжи с широким использованием металлических деталей да и сама конструкция колесницы с металлическими втулками (*Васильев*. Проблема генезиса китайской цивилизации... С. 277) выглядит гораздо более совершенной. Есть также различия в конструкции колес и др. Предположение о доаньянском возрасте колесничных традиций в Китае пока не опирается на серьезные фактические материалы.
91. Крайняя позиция обозначена С.А.Григорьевым, выдвинувшим идею о краткосрочной миграции из Анатолии в Зауралье, участники которой принесли архитектурные, металлургические и другие (включая колесничные) традиции (*Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999; *Григорьев*. Основные этапы и проблемы культурогенеза... и другие работы).
 92. *Шукин М.Б.* На рубеже эр // Российская археологическая библиотека. Вып.2. СПб., 1994.

«HORIZON OF CHARIOT CULTURES» OF THE NORTHERN EURASIA: POETIC METAPHOR AND HISTORICAL SUBSTANCE

A.V. Epimakhov, I.V. Chechushkov

Archaeological evidences of chariot complex include finds of real chariots its images, details of harness and paired sacrifices of horses. It is one of the most significant events in the history of the Bronze Age. It has united huge territories of Eurasia from Mycenaean Greece up to China, it is one of the first manifestation of globalization process. The author considers questions of chronology of archaeological cultures showing acquaintance with a chariot complex. As a result he has drawn a conclusion on the origin of tradition at the turn of the 3rd — 2nd millennium BC and its long existence during the Bronze Epoch and the Early Iron Age. Dynamics of distribution of the chariot idea from the West on the East is revealed. These conclusions do not allow using the examined complex as means of a narrow synchronization. Thus the word-combination «horizon of chariot cultures» is a poetic metaphor and should not be applied as a scientific term.

© 2008 г.

Ю.В. Горбунов

МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВО ПЛЕМЕН УРАЛЬСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Уральская абашевская культура является одной из трех локальных групп абашевской культурно-исторической общности.¹ В системе абашевской общности уральская группа занимает особое место. Именно здесь находятся многочисленные месторождения медных руд, следы разработки и использования сырья абашевским населением.

Первой специальной работой об истории абашевской металлургии Южного Урала является обширная статья К.В. Сальникова, опубликованная в 60-е годы XX столетия². В ней автор рассматривает все проблемы, связанные с металлургией и металлообработкой, выделяет абашевские формы металлических изделий и делает попытку выявления их места среди культур бронзового века.

Поэтому данная постановка вопроса на современном уровне отчетливо актуализирует проблемы, связанные с металлопроизводством племен уральской абашевской культуры.

Как уже отмечалось выше, основная масса памятников уральской абашевской культуры расположена преимущественно в лесостепной зоне Южного Приуралья. Большинство поселений выявлены на правобережье среднего течения р. Белой и в Урало-Сакмарском междуречье³. В культурном слое наиболее полно исследованных поселений помимо абашевской керамики и вещей, найденных в нижних штыках, как правило, присутствует посуда других культур, чаще всего срубной, алакульской, черкаскульской. Замечено, что на тех памятниках, где имеется абашевская керамика, почти всегда достаточно четко прослеживаются следы металлопроизводственной деятельности, а также находки изделий из меди или бронзы.

Е.Н. Черных, на примере Каргалинского металлургического центра, проиллюстрировал все трудные вопросы, связанные с металлопроизводством. В их число включены: технические способы выявления рудных залежей, металлургические печи и искусственное дутье, топливо, социально-бытовая сфера и стратегия жизнеобеспечения горняков, металлургов и кузнецов⁴. В процессе разработки данной проблемы мы также столкнулись с подобными сложностями в осмыслении археологических следов и остатков, обнаруженных на поселениях. Поэтому требуется комплексный анализ разнообразных материализованных следов металлопроизводственной деятельности людей, составляющих племена уральской абашевской культуры.

Рудные источники, которыми пользовались абашевцы Приуралья, связаны, в первую очередь, с многочисленными месторождениями и рудопроявлениями выходов медистых песчаников. Из всех запасов металлической меди, учтенных в месторождениях пермских медистых песчаников, более трети приходится на территорию Башкирии⁵. К наиболее значительным относятся: Белебей-Стерлитамакский район (с участками Губерлинским, Икским, Синанским,

Усть-Ивановским, Кусинским и др.); Куюргазы-Белореченский район (с участками Сандинским, Сараевским, Назаровским, Салвьевским и др.) Уфимский район (с участками Демским, Сакмашевским, Урманевским и др.)⁶.

Медные руды встречаются в цементе песчаников, пропитанном азурином, малахитом, халькозином, реже купритом и самородной медью. Залежи медистых песчаников представлены линзами, гнездами или имеют лепешковидные неправильные формы. Размеры рудных скоплений весьма разнообразны, но обычно невелики. Длина залежей составляет 60-200 м, ширина 10-80 м при мощности рудной линзы 0,1-0,4 м. Глубина залегания рудных тел колеблется от нескольких метров до 70 и более⁷.

Картографирование абашевских поселений, могильников и рудопроявлений показывает их близкое соседство. Однако на нынешней научно-технической базе определения химического состава руд и изделий из меди невозможно доказать, что их разрабатывали племена абашевской культуры. Но размах и объемы получаемого металла свидетельствуют о многочисленных и разнообразных источниках медисодержащего сырья. На эти трудности обращает внимание и С.А. Григорьев, который отмечает, что пока невозможно привязать образцы руд к какому-то определенному руднику, однако с уверенностью можно говорить о более широкой базе металлургии абашевского времени, чем это представлялось ранее⁸.

Следы металлоразводственной деятельности племен уральской абашевской культуры фиксируются во многих постройках. Оно осуществлялось, вероятно, в рамках домашнего производства. Плавка, литье, кузнечные операции осуществлялись, судя по всему, в жилых помещениях. Обычно следы плавки (кусочки руды, сплески шлака, плавильные чаши и др.), а также каменные орудия (молотки, наковальни, торочки и др.) фиксируются вблизи очага. В настоящее время известно несколько специализированных помещений. Это достаточно четко выраженная металлопроизводственная зона в постройке 1 поселения Тюбьяк⁹. Отдельно стоящее специализированное помещение с очагом, дымоходом и следами металлопроизводственной деятельности выявлено на 1 Береговском поселении¹⁰. В нем, кроме кусочков руды, выявлены шлаки, фрагменты глиняных плавильных чаш, каменные орудия, предназначавшиеся, по всей видимости, для проведения кузнечных работ. Металлопроизводственные зоны фиксируются практически во всех постройках I и II Береговских и Тюбьякском поселениях.

Достаточно сложной является проблема реконструкции по восстановлению осуществления операций плавки и обработки полученного металла у племен абашевской культуры. С.А.Григорьев на исследованных памятниках синташтинского типа выделил несколько типов печей. К основному типу он отнес небольшие купольные печи, зачастую пристроенные к колодцам и имеющие дымоход. Специализированные очаги-печи автор разделил на три типа - канавообразные, восьмеркообразные и ямные¹¹. По имеющимся публикациям трудно судить о существовании купольных печей, у населения синташтинского типа. На абашевских поселениях Приуралья места плавки, как правило, представлены очагами кострового типа и очагами-печами, сооруженными из крупных булыжников¹².

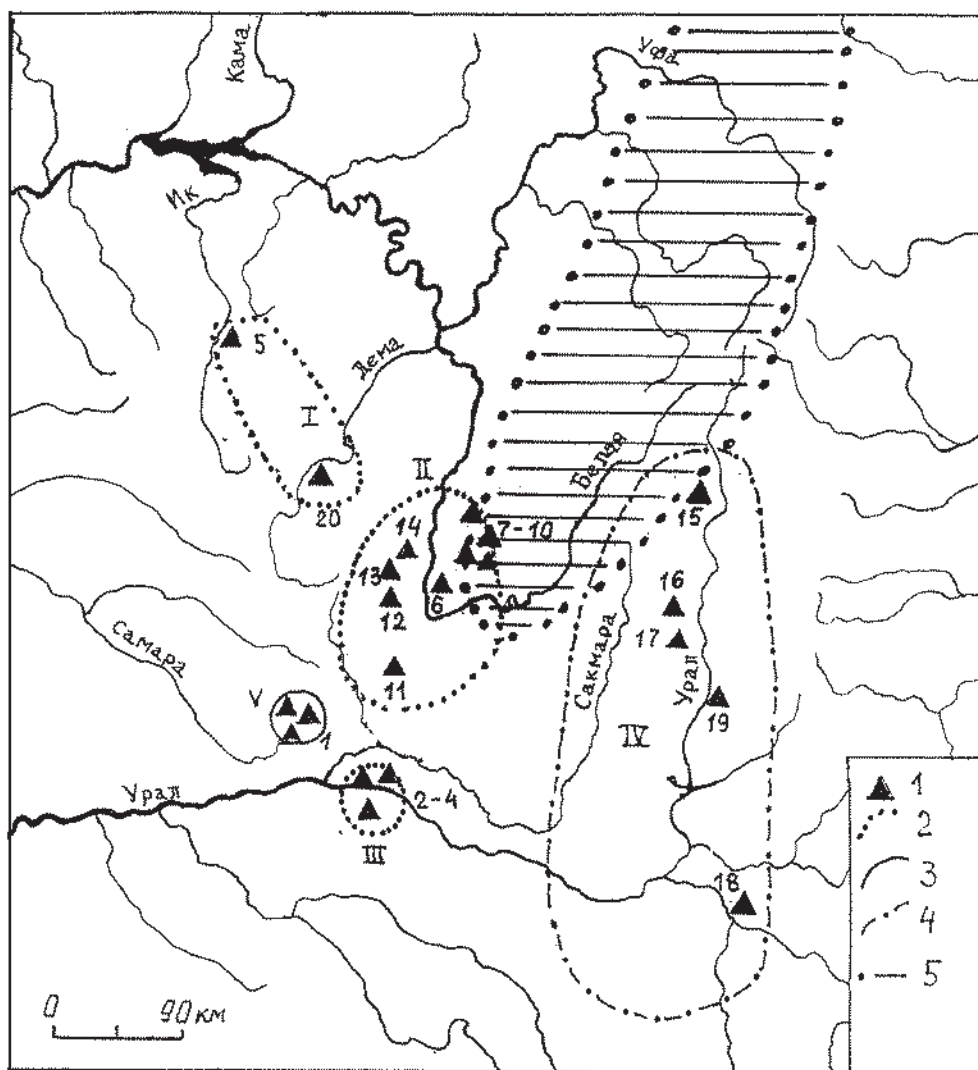

Рис. 1. Металлоносные зоны и некоторые важные месторождения меди и рудопроявления меди на Южном Урале.

1 — рудники и рудопроявления; 2 — ареал рассеянных рудопроявлений Южного Приуралья; 3 — ареал концентрированных рудопроявлений (горно-металлургический центр); 4 — ареал зауральских меднорудных месторождений; 5 — Уральские горы.

I — Икско-Демское скопление рудопроявлений; II — Куюргаза-Белореченский район рудопроявлений; III — Сакмаро-Уральское скопление рудопроявлений; IV — Зона зауральских месторождений; V — Каргалинский ГМЦ,

1 — Каргалы; 2 — Сайгачий рудник; 3 — Горюн; 4 — ур. Рудницкое; 5 — Нижний Сардык; 6 — Самаро-Ивановка; 7 — Краснояр; 8 — Александровка; 9 — у Мазарного дола; 10 — кордон на г. Зиргантау; 11 — у д. Старая Уралка; 12 — Антоновка; 13 — Конаревка; 14 — Дарьино; 15 — Таш-Казган; 16 — Новоникольское; 17 — Бакр-Узяк; 18 — Еленок; 19 — Воровская яма; 20 — Раевка.

Значительно полнее на абашевских памятниках представлен набор емкостей для плавки руды и медного лома. В общей сложности, с поселений Южного Приуралья, содержащих керамику и вещи абашевской культуры, получено более 200 целых и фрагментов от литейных емкостей — чаш, тиглей, льячек. Литейные чаши представлены несколькими формами. Наиболее полно все три основных типа выявлены на поселении Тюбяк. Первый тип — вазообразная чаша на сплошном поддоне, второй тип — вазообразная чаша на кольцевом поддоне, третий тип — чаша без поддона¹³. У плавильных чаш второго типа днище представляет собой как бы перевернутую и уменьшенную модель верхней части. Стратиграфически, на поселении Тюбяк, чаши первых двух типов залежали в нижних слоях абашевского горизонта. В срубном горизонте встречались чаши без поддона. Замечено, что чаши со сплошным и кольцевым поддонами встречаются на всех поселениях, содержащих абашевский слой — Баланбаш, Урняк, I-II Береговские, I-IV Юмаковские, Тюбяк¹⁴. Наличие в материалах уральской группы абашевской культуры вазообразных плавильных чаш отмечал еще К.В.Сальников на материалах поселений Баланбаш и Урняк¹⁵. Крупные чаши встречаются крайне редко. На поселении Тюбяк найдена крупная (около 20 см в диаметре) плавильная чаша с носиком-сливом. Кроме указанных медиплавильных емкостей на Тюбякском, Верхнее-Биккузинском, II и III Юмаковских поселениях были обнаружены каменные и глиняные тигли.

Несмотря на внушительное количество плавильных чаш в металлопроизводственных комплексах, крайне редко встречаются литейные формы. Несколько фрагментов от каменных литейных форм было найдено на I и II Береговских и Тюбякском поселениях¹⁶. В этой связи, несомненный интерес представляют находки кусков шлака, целых и фрагментов льячек, сопла и двух обломков створки литейной формы вислообушного топора, обнаруженные на поселении Азануй¹⁷. Специалисты отмечают сходство данного топора с топорами абашевского, баланбашского и турбинского типов.

Кузнечный инвентарь на абашевских памятниках представлен массивными каменными наковальнями, молотками из крупных галек и булыжников, пестами-курантами и др. На всех приуральских абашевских поселениях имеются крупные коллекции изделий из камня, имеющие аналогии на таких известных памятниках, как Мосоловское поселение и Каргалинский горнометаллургический центр. Нам удалось также выявить несколько погребений уральской абашевской культуры с каменным инвентарем, которые мы склонны связывать с захоронениями кузнецов (могильники Чукраклы и Старые Ябалаклы).

Весьма представительна коллекция изделий из металла. Уникальными являются находки наконечника копья, крюка, долота с кованой несомкнутой втулкой (Тюбяк), топоров-тесел (Русско-Тангирова). К более массовым находкам, относятся находки металлических ножей, кинжалов, пластинчатых орудий и шильев различных типов и размеров. На поселении Тюбяк выявлено 35 орудий труда и вооружения и 31 украшение¹⁸. Хотя по количеству украшений, сделанных из металла, Приуралье уступает памятникам Среднего Поволжья и они, преимущественно, встречаются в могильниках. Самой представительной серией является коллекция украшений найденных в погребениях Старо-Ябалаклинского могильника, где обнаружено 212 предметов¹⁹.

Картографирование памятников уральской абашевской культуры показывает, что основная масса их фиксируется в верхнем течении реки Белой на сравнительно небольшом участке от поселка Тюбак на юге, до поселения Баланбаш на севере, протяженностью чуть более ста километров. Они занимают узкую полосу поймы и надпойменной террасы от правого берега Белой до подножья отрогов Уральских гор. Здесь, по берегам древних стариц выявлено 13 поселений (Тюбак, Ялчино, Азануй, I-II Береговские, I-II Озерковские, I-IV Юмаковские, Баланбаш, Урняк), 4 могильника (III Красногорский, Береговский, Юмаковский, Сабашевский) и два клада (Красноярский и у Долгой горы) (рис. 1). Исследованные поселения имеют мощный и насыщенный находками культурный слой, следы построек, большую площадь, содержащую следы жизнедеятельности, свидетельства металлургии и металлообработки. Практически все поселения демонстрируют процессы трансформации абашевских древностей в постабашевские (раннесрубные и раннеандроновские). На этом основании данную группу памятников можно рассматривать как зону активных процессов культурогенеза эпохи бронзы Южного Приуралья. Именно здесь возникли хозяйственно-культурные центры (ХКЦ) с развитым производством и сложной инфраструктурой.²⁰ При этом необходимо подчеркнуть, что все хозяйственно-культурные центры возникли из небольших абашевских поселков, а во многом объясняет преобладание абашевской металлургии и металлообработки у племен срубной культурно-исторической общности.²¹

В связи со всем вышесказанным можно сделать некоторые общие выводы.

Уральская абашевская культура в системе абашевской культурно-исторической общности занимает особое место в связи с открытием и освоением носителями её культурных традиций громадных природных рудных ресурсов Южного Урала, позволивших создать самостоятельную производственную и технологическую базу по добыче руды, плавке и обработке металла.

Анализ материалов абашевских могильников Приуралья позволяет выделить особую группу захоронений лиц, связанных с металлопроизводственной деятельностью, что отражает их особый статус в обществе

Металлопроизводственная деятельность племен уральской абашевской культуры, характеризуется высоким уровнем профессионализма. Он отчетливо проявляется в виде позитивного сплава технологий среднебронзового века как степной зоны (ямных и катакомбных традиций), так и зоны широколиственных лесов (фатьяновско-балановские традиции).

Уральская абашевская культура, благодаря мощным темпам развития явилась на рубеже среднего и позднего бронзового века одной из активных зон культурогенеза в лесостепной зоне Северной Евразии.

Металлопроизводственная деятельность населения уральской абашевской культуры получило прямое развитие в раннесрубных и раннеандроновских древностях, а позднее в системе срубной андроновской культурно-исторических общностей Северной Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Пряхин А.Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976. *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР в 20 т. М., 1987. С.124-131. Карта 23.
2. *Сальников К.В.* К истории древней металлургии на Южном Урале (металлургия абашевских племен) // АЭБ. Т.1. Уфа, 1962. Оценка вклада К.В. Сальникова в изучение абашевской металлургии дана в нашей статье: *Горбунов Ю.В.* О вкладе К.В. Сальникова в изучение абашевской металлургии и металлообработки на Южном Урале // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Матер. межд. конф. Уфа, 2007. С.113-119.
3. *Горбунов В.С.* Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986. С.21-22.
4. *Черных Е.Н.* КАРГАЛЫ, Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития. М., 2007. С.110-115.
5. Государственная геологическая карта СССР. М., 1962. С.21.
6. Там же. С. 22.
7. Там же. С. 23.
8. *Григорьев С.А.* Металлургическое производство эпохи бронзы Южного Зауралья // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995. С.124.
9. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа, 2001. Рис. 4-5.
10. *Горбунов В.С.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989. С. 34. Табл. III, 1-5.
11. *Григорьев.* Ук. соч. С.123.
12. См. *Горбунов В.С.* Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. Уфа: БГПИ, 1992. С. 20.
13. *Горбунов В.С., Горбунов Ю.В.* Свидетельства металлургии и металлообработки на поселении Тюбьяк // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). Воронеж, 2006. С.1 17-123.
14. *Горбунов В.С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. С. 192.
15. См. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
16. См. *Горбунов.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Рис. 13. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Рис. 10, 66.
17. *Морозов Ю.А.* Находки бронзолитейного производства на поселении Азануй в верховьях р. Белой // Уфимский археологический вестник. Вып 4. Уфа, 2003. С.113-114.
18. *Горбунов, Горбунов.* Свидетельства металлургии и металлообработки на поселении Тюбьяк. Таблица 1.
19. *Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С.67-68. Табл. 6, большую площадь, содержащую
20. *Горбунов В.С., Горбунов Ю.В.* К вопросу о хозяйственно-культурных центрах срубной-культурно- исторической общности // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Уфа, 2005. С.15-25
21. *Горбунов В.С., Горбунов Ю.В.* Преемственность традиции абашевской металлургии и металлообработки в Приуралье // Наследие М. Акмуллы: взгляд через века. Матер. Межд. конф. Т. 2. Уфа, 2006. С.3-5.

METAL INDUSTRY AT TRIBES OF URAL ABASHEVO CULTURE

U.V. Gorbunov

Ural Abash culture is one of three local groups within Abashevo cultural-historical community. There are numerous deposits of copper ores, traces of mine working and use of raw material by Abashevo population. E.N. Chernykh, has illustrated all difficult problems connected with the metal industry on the example of Kargallinsky metallurgical center. When working on the given problem the authors also faced similar difficulties trying to understand archeological traces and the remains found in settlements. So, the problem requires a complex analysis on various materialized traces of metallurgical activity of people who formed tribes of Ural Abashevo culture.

© 2008 г.

И.П. Алаева

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
СТЕПНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ
БРОНЗЫ*

Алакульская культура эпохи поздней бронзы является одним из наиболее значимых культурных образований андроновской культурно-исторической общности. В настоящее время достаточно четко определены ее общие характеристики. Несмотря на выделение локальных вариантов алакульской культуры, у исследователей нет единства в понимании их содержания, пространственного и хронологического соотношения¹. В общем плане, проблема выделения и соотношения локальных вариантов алакульской культуры связана с проблемами ее развития и в целом развития андроновской общности.

Обращаясь к району Южного Зауралья необходимо отметить, что описание специфики алакульской культуры этой территории впервые было произведено К.В. Сальниковым. Он выделил магнитогорский вариант андроновской культуры, характеризующийся тесным взаимодействием со срубными племенами². Такое понимание Южного Зауралья было закреплено в дальнейших работах, где памятники степных территорий Южного Зауралья стали рассматриваться как часть срубно-алакульской контактной зоны. В частности Э.А. Федорова-Давыдова определяла обширную территорию Зауралья, Южного Приуралья и Западного Казахстана как территорию срубно-алакульских контактов³. Той же точки зрения придерживался и В.С. Стоколос (1972)⁴. В 70-80-х гг. XX увеличился объем работ в степной зоне Южного Зауралья. Был накоплен достаточно большой объем материала, однако целостного осмысления материалов эпохи

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-85117а/У

поздней бронзы Южного Зауралья сделано не было. Вопрос о специфике алакульской культуры в степях Южного Зауралья по-прежнему остается на периферии исследовательского интереса. С.А. Григорьев отмечает, что в Южном Зауралье алакульские материалы более представлены на немногочисленных поселениях, погребальные комплексы необходимо интерпретировать как срубно-алакульские или даже срубные с элементами алакульских⁵. В качестве особого варианта памятников алакульской культуры (магнитогорского) вслед за К.В. Сальниковым рассматривает комплексы эпохи поздней бронзы территорий северного Оренбуржья, юго-восточной Башкирии и Южного Зауралья Я.В. Рафикова, сближая их с памятниками орско-домбаровского района⁶.

Таким образом, на сегодняшний день, алакульская культурная традиция в Южном Зауралье не проанализирована сколь-нибудь комплексно, не выявлена характеристика алакульских комплексов, участвовавших во взаимодействиях со срубными племенами, нет понимания роли алакульской культурной традиции в процессах, происходивших в эпоху поздней бронзы на территории степных районов Южного Зауралья.

По нашему мнению территория степного Южного Зауралья должна рассматриваться как единое, достаточно специфическое природное и культурное пространство. В плане природном – это степные ландшафты с развитой гидрографической сетью и богатыми природными ископаемыми. Это обусловило постоянный приток разнообразных культурных компонентов на исследуемые территории, что привело к формированию здесь в эпоху поздней бронзы устойчивой контактной зоны, выделенной еще К.В. Сальниковым (1967). Это во многом и обусловило проблематичность уверенного вычленения чистых комплексов разных культур. Алакульский компонент в пределах этой зоны характеризовался на уровне общекультурных признаков, а то, что выбивалось из этих характеристик, объяснялось влиянием срубной культуры⁷.

Исходя из такого культурного разнообразия, представляется, что памятники этой зоны необходимо рассматривать как целостное явление, поскольку для выделения относительно чистых культурных традиций необходима разработка системы признаков специфических для местного варианта алакульской культуры. А это возможно только при совокупном анализе всех памятников этой зоны: как смешанных, срубно-алакульских, так и относительно «чистых» культурных комплексов (срубных и алакульских).

Погребальные памятники степных районов Южного Зауралья.

Всего в пределах Южного Зауралья (степи Челябинской области, восточные отроги Уральских гор Башкирского Зауралья, северные районы Оренбургской области) исследовано 62 могильника (149 курганов) эпохи поздней бронзы (Рис. 1). Исследованные памятники были учтены в базе данных. В нее вошло 137 курганов из 58 могильников, содержащих 542 могильных ямы. Первоначально, остановимся на описании в целом, памятников всего изучаемого района, что позволит определить специфику погребальной обрядности для территории степных районов Южного Зауралья.

Обряд захоронения населения эпохи бронзы Южного Зауралья можно определить как курганный, но первоначально надмогильные сооружения не являлись простыми земляными насыпями. В нескольких памятниках удалось

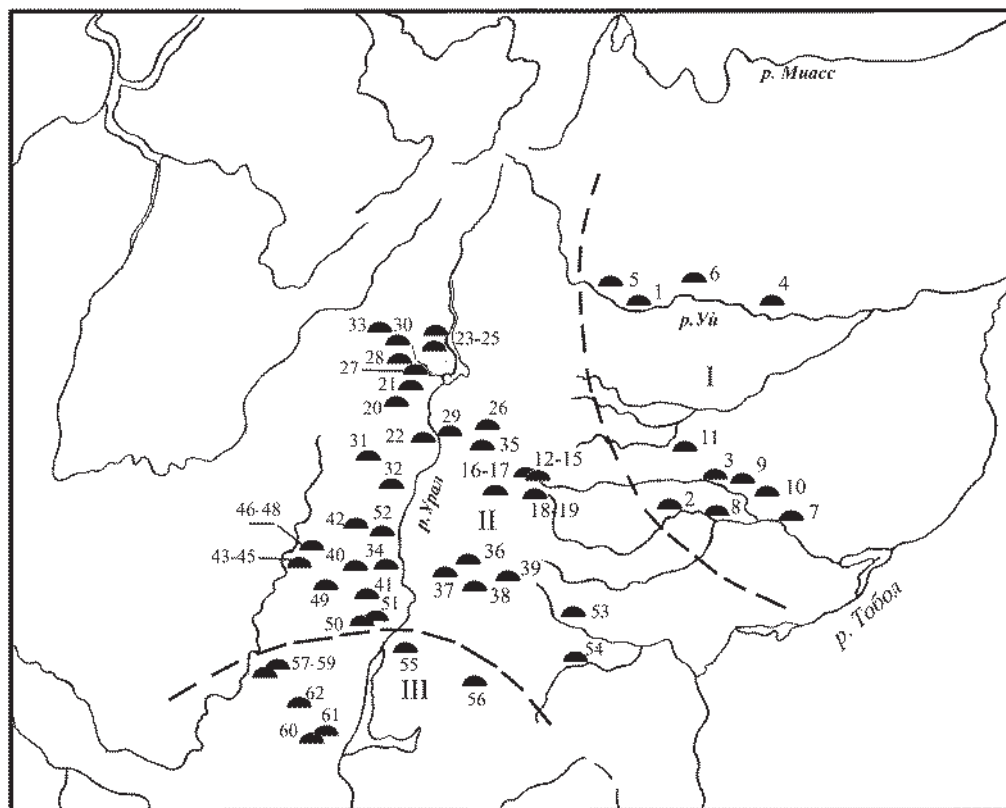

Рис. 1. Погребальные памятники степей Южного Зауралья.

I район Северо-восточный (11 могильников, 24 кургана): 1 — Чернореченская курганная группа; 2 — мог. Городищенское IX; 3 — мог. Кулевчи VI; 4 — мог. Троицк-7; 5 — вторая курганная группа Степное II; 6 — мог. Приплотный лог I; 7 — Николаевские II курганы; 8 — погребение у с. Владимировка; 9 — мог. Исиней; 10 — мог. Чекотай; 11 — погребения у Башни Тамерлана.

II район Центральный (30 могильников, 113 курганов): 12 — мог. у станции Система-1; 13 — мог. у станции Система-2; 14 — мог. у станции Система-4; 15 — мог. у станции Система-6; 16 — мог. у села Песчанка-2; 17 — мог. у села Песчанка-3; 18 — мог. Акмулла I; 19 — мог. Акмулла II; 20 — II Михайловские курганы; 21 — Селивановский II могильник; 22 — мог. Наровчатский I; 23 — мог. в районе с. Спасское-1; 24 — мог. в районе с. Спасское-2; 25 — мог. в районе с. Спасское-3; 26 — Первомайский могильник; 27 — Мало-Кизильский — I могильник; 28 — Мало-Кизильский — II могильник; 29 — мог. Агаповка-II; 30 — Туишевские I курганы; 31 — мог. Ишкуловский; 32 — Альмухаметовские I курганы; 33 — мог. Муракаевский; 34 — мог. Кизильский; 35 — мог. Дальний Лог; 36 — мог. Ильяский-I; 37 — мог. Калмыцкая молельня; 38 — курганный могильник Александровский; 39 — мог. Крутая гора; 40 — Сибайские II курганы; 41 — Казанкинские курганы; 42 — Булатовские курганы; 43 — Тавлыкаевский I могильник; 44 — Тавлыкаевский II могильник; 45 — Тавлыкаевский III могильник; 46 — Бекешевские III курганы; 47 — Бекешевские IV курганы; 48 — Бекешевские V курганы; 49 — курган Кара-Тал-1; 50 — мог. Комсомольский III; 51 — мог. Комсомольский V; 52 — Сосновские курганы; 53 — курганы у поселка Мирный; 54 — мог. Берсуат.

III район Юго-западный (8 могильников, 12 курганов): 55 — Березовский V могильник; 56 — мог. Солончанка VII; 57 — Ивановские курганы-1; 58 — Ивановский курган-2; 59 — Ивановские курганы-3; 60 — Мамбетовские курганы-1; 61 — Мамбетовские курганы-2; 62 — курганы Мекан II.

зафиксировать глинисто-дерновые надмогильные конструкции пирамидальной формы (мог. Наровчатский, мог. Калмыцкая Молельня, мог. Песчанка-2). Сложность сооружений и использование долговечных материалов (глина, камень) связано с неординарностью совершенных захоронений⁸. Вероятно, большинство насыпей с массовыми захоронениями создавались по близким канонам, но недолговечность дерновой архитектуры не позволяет нам реконструировать форму и конструктивные особенности большинства курганов. В некоторых случаях границы погребальной площадки маркировались неглубоким ровиком, либо оградкой, подобные сооружения были выявлены в 12,4 % памятников (Табл. 1), среди них в равной мере встречены как земляные ровики, так и каменные оградки. Маркировка погребальной площадкой ровиком или оградкой имеет широкое распространение в кругу алакульских памятников. Ровики распространены в лесостепных алакульских памятниках и комплексах Северного Казахстана⁹, каменные оградки характерны для южных алакульских памятников — в Центральном Казахстане¹⁰, центре Оренбургской области¹¹, Еленовско-Ушкаттинском микрорайоне¹².

Количество погребальных сооружений на подкурганных площадках памятников Южного Зауралья не позволяет выделить многомогильность комплексов в качестве доминирующей традиции (Таб. 1). Так количество курганов, на площадках которых размещено больше 7 ям (в основном от 7 до 17) составляет не более 13 % от общего количества курганов, причем курган с 33 ямами в мог. Кулевчи VI, к. 4, является единственным многомогильным комплексом. В целом, более-менее многочисленные захоронения характерны для памятников с почти абсолютным преобладанием детских могил и, как правило, минимальным количеством захоронений взрослых, чаще всего по одному на весь курган (мог. Спасское-1, К.2, К.3, К.4; мог. Система-4, К.1, К.2; мог. Ильясский 1, К.3; мог. Калмыцкая молельня-1, К.4; и др.).

Наибольшее количество курганов (38 %) на подкурганном поле содержало от 3 до 7 могильных ям. Одномогильные курганы составили почти треть (29 %) всех изученных погребальных комплексов, что отражает явную тенденцию индивидуализации погребений с захоронением взрослых индивидов.

Таблица 1.

ОСОБЕННОСТИ ПОДКУРГАНЫХ ПЛОЩАДОК

Всего курганов	Одномогильные курганы	По 2 погребения в кургане	По 3-7 погребений	Больше 7 погребений (до 17 ед.)	Всего конструкций «Ровик \ оградка»	Земляной ровик	Каменная оградка	Ровик + оградка	Круговая планировка подкур. площадки	Линейная	Смешанная	Неясная планировка
137	29 %	19,7%	38 %	13 %	13 %	5 %	6,5 %	1,5 %	44,7 %	8 %	9,5 %	8 %

Расположение ям на подкурганной площадке демонстрирует несколько традиций. Наиболее распространена ситуация, когда в центре располагалась одна или две крупных ямы, а остальные погребения организовывались по кругу (44,7 %). К этой традиции мы отнесли и курганы с двумя ямами на площадке. Этот вариант, по нашему мнению является переходным между одномогильными и многомогильными комплексами и демонстрирует начальный этап освоения погребального поля. Линейная организация ям встречается в многомогильных комплексах (8 %). Смешанной названа планировка, где захоронения взрослых организованы в линию (обычно широтную), а погребения детей концентрируются вокруг погребений одного или нескольких крупных комплексов, курганы этого типа составили 9,5 %.

Захоронения осуществлялись преимущественно в грунтовых могильных ямах (98 %), как впущенных в материк (94,5 %), так и сооруженных в гумусном слое (3,5 %). Только в единичных случаях (9 или 1,7 %) прослеживается устройство погребения на уровне древней поверхности. Погребальные конструкции на уровне древней поверхности представлены 6 бревенчатыми камерами в 2-3 венца, часть из которых сожжена (Песчанка – 2,3) и двумя каменными ящиками, внутри которых не было сделано углублений для могильных ям. В погребенной почве преимущественно фиксируются детские погребения, взрослые и коллективные всегда заглублены в материк.

Могильные ямы встречаются прямоугольной, овальной и квадратной формы. Абсолютно преобладают ямы прямоугольной формы (83,2 %) с соотношением длины к ширине как 3/2, что является стандартом для алакульских памятников¹³. Овальные ямы (9 %) содержат, как правило, погребения детей, квадратные же в свою очередь (2,6 %) в большей части связаны с коллективными захоронениями. По размерам, ямы достаточно уверенно разделяются на две группы: большие (50,2 %) – больше 1 м² и малые (44,5 %) – менее 1 м². Эти группы уверенно соотносятся с взрослыми и детскими погребениями. Глубина могильных ям достаточно четко зависит от их размеров. Среднее значение детских могильных ям – 25-30 см, взрослых – 55-65 см.

Ориентировка могильных ям разнообразна, но в целом преобладает меридиональное направление с различными отклонениями. Широтная ориентировка могильных ям, встречается реже и составляет порядка 10 %. Большой процент занимают ориентировки ям по линии северо-восток – юго-запад (17,8 %) и северо-запад – юго-восток (10 %). Как меридиональное, так и широтное направление ориентировки могильных ям вполне характерно для разных районов алакульской культуры.

Таблица 2.

ОРИЕНТИРОВКА МОГИЛЬНЫХ ЯМ (В % ОТ ОБЩЕГО КОЛ-ВА ЯМ – 542 ЯМ)

С-Ю	СВ-ЮЗ	ССЗ-ЮЮВ	СЗ-ЮВ	З-В	ВЮВ-ЗСЗ	ССВ-ЮЮЗ	ЗЮЗ-ВСВ
37,3	17,7	9,2	10	8,5	0,6	6,5	1,5

Внутримогильные конструкции в этом регионе представлены практически всеми типами, известными в алакульских и срубных памятниках. Однако в силу того, что почти половина (44 %) погребений потревожена, часто не удается с

достаточной долей вероятности восстановить характер внутримогильных сооружений. Вероятно, именно этот факт стал причиной того, что в 61,4 % могильных ям не зафиксировано следов каких-либо сооружений. Наиболее часто встречаются деревянные перекрытия могильных ям (27 %). Они могут быть как продольными (зафиксировано в 4,4 % случаев), так и поперечными (5,5 %). Деревянные срубы и камеры, так же как обкладка стенок ямы досками или плахами встречаются крайне редко (3,3 %) и связаны исключительно с взрослыми или коллективными захоронениями. В редких случаях, перекрытие располагалось на уступах по стенкам могильной ямы (6,5 %).

Традиционно алакульским признаком, характерным для степной зоны считается использование камня в погребальной обрядности. Каменные перекрытия встречены в 13 % случаев и также могут быть разделены, на продольные и поперечные. Большая часть каменных перекрытий связана с детскими, младенческими захоронениями, и лишь небольшая являлась составной частью каменных ящиков. Число каменных ящиков невелико (1,8 %).

Традиция распланирования выкида вокруг могильных ям отмечена только в 5,3 % случаев. Несмотря на то, что эта традиция является достаточно характерной для обсуждаемого круга памятников, небольшой процент зафиксированных случаев объясняется неполнотой данных. В целом, данная традиция связана с центральными могилами, захоронениями взрослых, крупными могилами подростков, что логично объясняется достаточным объемом материкового грунта, изъятых из ямы. В основном материковый выкид размещался с восточной и южной стороны от могилы, либо в виде аморфных скоплений глинистого грунта, либо в виде небольшого вала, огибающего могилу по дуге с востока на юг. Практически все случаи организации монументальных выкидов в виде дуги связаны с центральными захоронениями. Тот факт, что выкид оконтуривал могилу по дуге восток-юг, находит параллели в организации ям на подкурганной площадке, где периферийные погребения в большинстве случаев огибают центральное, с востока на юг, либо концентрируются в восточном, южных секторах подкурганной площадки. Кстати, и немногочисленные в этом районе ровики представлены дугой, огибающей погребение с востока на юг. Такая устойчивая традиция ограждение погребений с восточной и южной стороны, причем любыми средствами может быть связана с представлениями о локализации потустороннего мира. В этой связи, необходимо добавить, что северо-западные и северные сектора подкурганной площадки часто игнорировались в размещении здесь каких-либо сооружений, или проведения ритуальных действий, они оставались как бы «незаполненными», открытыми направлениями, путями.

Использование огня в погребальной обрядности южнозуральского населения встречается редко. Среди наиболее характерных приемов следует отметить: разведение огня на перекрытии камеры (3,1 %), разведение огня внутри могильной ямы (1,3 %), обожжение камеры по периметру (0,7 %).

Анализ половозрастного состава погребенных во многом затруднен тем, что большая часть погребений взрослых ограблена, плохой сохранностью костяков, а также тем, что антропологические определения выполнены далеко не для всех памятников. Поэтому при анализе учитывались и косвенные признаки: размеры могильной ямы, характер инвентаря.

Половая принадлежность погребенных по антропологическим данным определяется только в 11 случаях: 8 мужчин и 3 женщины. Не особенно помогает в этом вопросе и привлечение косвенных данных по нескольким причинам: во-первых — большая ограбленность погребений, во-вторых — скудость инвентаря, порой ограничивающимся только керамикой, в-третьих, отсутствием маркирующих категорий мужского инвентаря в алакульской культуре¹⁴. Так или иначе, с привлечением косвенных данных в нашей выборке присутствуют 16 мужчин и 18 женщин. Конечно, о какой-либо представительности этих данных говорить не следует. Более четко определяются возрастные характеристики.

Таблица 3.

ВОЗРАСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОГРЕБЕННЫХ

	Ребенок	Подросток	Взрослый
По антропологии	24,5 %	7,4 %	32,3 %
По размерам ям	33,7 %	12,6 %	38,3 %

По антропологическим определениям — 24,5 % составляют погребения детей. Немногочисленны погребения подростков (7,4 %), наибольший процент составляют захоронения взрослых индивидов (32,3 %). Если учитывать и косвенные признаки — размеры ям в тех случаях, где костяки не сохранились, то картина остается та же: преобладают захоронения взрослых (38,3 %), на втором месте детские (33,7 %) и подростковых меньшинство (12,6 %). Такая структура половозрастного состава погребенных вполне сопоставима с другими территориями распространения алакульской культуры¹⁵. В тех случаях, когда детские погребения численно преобладают это связано с функционированием многомогильных комплексов и, так называемых, «детских» некрополей (напр. Кулевчи VI, к. 4).

Обряд погребения подразумевал помещение в могилу разного количества погребенных. В тех случаях, когда это удалось восстановить, численно преобладают одиночные погребения (60,4 %), гораздо реже отмечены парные (6 %) и коллективные (2,5 %). Парные погребения содержат либо захоронения мужчины и женщины, либо захоронения взрослого и ребенка (подростка). В коллективных погребениях вариаций больше. Это могут быть захоронения взрослых, детей или смешанные.

Большая часть погребений совершена по обряду ингумации (75,2 %). Кремация встречена в 5,4 % случаев. Погребенные помещены на дно могильной ямы, только 3 погребения из всей выборки являются ярусными.

Рассмотрим подробнее характеристики групп погребений, совершенных по обрядам ингумации и кремации. Погребения первой группы, характеризуются положением погребенных в различной степени скорченности (51 %). В тех случаях, когда это удастся установить, костяки размещены на левом боку (32, %). Правобочное положение встречается гораздо реже (5,6 %), часть из них связана с парными погребениями. Ориентировки погребенных прослеживаются практически по всем румбам, но преобладающим является направление в северный

сектор: север — 22,7 %, северо-восток — 6,7 %, северо-северо-восток — 3,4 %. Частота ориентировок погребенных по остальным направлениям не превышает 5 %, хотя опять необходимо оговориться, что во многих погребениях костяки не сохранились.

Погребения по обряду кремации по характеру и оформлению ям практически ничем не отличаются от погребений с ингумациями. Остатки кремаций помещались на дно ямы и зафиксированы в виде округлых скоплений, реже форма скоплений вытянутая. Остатки сожжения в кучках в пределах ямы имели разную локализацию. Необходимо отметить, что все компактные скопления (кучкой), как правило, располагались либо по углам могилы, либо вблизи одной из стенок, в центральной части преимущественно были отмечены только вытянутые скопления. Из анализа микропланиграфии останков сожжения в пределах могильных ям совершенно очевидно тяготение в размещении кучек по углам и коротким сторонам могилы. Сосуды и другой инвентарь, в сохранивших свою целостность могилах, чаще размещались в северной части погребения, что соответствует стойкой традиции срубно-алакульских памятников этих районов.

Погребальный инвентарь, как уже говорилось выше, весьма незначителен и зачастую представлен только керамикой (76 %). Количество сосудов в яме может быть различно. В базе данных учитывалось количество сосудов соотносящихся с каждым погребенным. Выяснилось, что довольно большой процент погребений (21,2 %) керамики не содержит, что согласуется с данными алакульских могильников на других территориях: в 20 % — 21 % погребений в могильниках Алакуль, Алексеевский, Раскатиха, Миасс I погребенные не сопровождалась керамической посудой¹⁶. Наиболее часто в могилы ставились по 1 (38,1 %) или по 2 (30 %) сосуда. Большее количество сосудов в могиле встречается в единичных случаях (5,6 %). Сосуды размещались в основном в головах или в ногах погребенных. Реже за спиной погребенного.

Среди других категорий инвентаря преобладают украшения. Они встречены в 20,5 % погребений. Чаще всего встречаются бронзовые и пастовые бусы, пронызи, браслеты, подвески в 1,5 оборота, бронзовые бляшки. Орудия труда и оружие встречаются в единичных случаях. Наиболее часто встречаются шилья и иглы (6 случаев), ножи-кинжалы (6 случаев), костяные, реже каменные наконечники стрел (в 6 ямах). Единично встречены песты, топоры. Три погребения сопровождалась каменными булавами (Кулевчи VI, к. 4, п.5, Кизильское, к. 2, п.2, Сибайский II, к. 15, п.1). Все погребения с булавами располагались в центре подкурганных площадок. В большей части погребений, кроме керамических сосудов другие категории артефактов не встречены. Такая скудость инвентаря зачастую объясняется тотальным ограблением взрослых погребений.

Керамические коллекции, обсуждаемых памятников также вполне четко демонстрирует специфические черты. Выборка керамики представлена 126 сосудами из 16 могильников степных районов Южного Зауралья, которые традиционно определяются как срубно-алакульские. В выборку вошла алакульская или срубно-алакульская керамика, которая составляет от 60 до 95 % всей керамики могильников. Срубные сосуды не обсчитывались¹⁷. Если анализировать данную выборку на предмет культурной идентификации, то необходимо отметить,

что основу керамической традиции составляет алакульский компонент. Он проявляется в преобладании сосудов с уступом, наличии неорнаментированной полосы по шейке, использовании в орнаментации преимущественно зигзагов, равнобедренных треугольников. В технологии, несомненно, алакульской компонентой является частая встречаемость в примесях талька и слюды. Однако несомненно, что анализируемая выборка не сопоставима с чистыми алакульскими комплексами. Часть характеристик можно отнести к срубным влияниям. Это примеси песка и кварцевой дресвы в тесте, расчесы по тулову; небрежность и асимметричность орнаментации; некоторые формы, где уступ или ребро тяготеют к середине высоты сосуда.

Другие признаки отличающие керамику степных районов Южного Зауралья от керамики типа «Алакульского могильника», но не находящие аналогов в срубных комплексах, по всей вероятности свидетельствуют о местной специфике развития алакульской керамической традиции. Такими признаками можно считать очень приземистые пропорции посуды, частую невыделенность ребра или уступа, а также плавнопрофилированность тулова. В орнаментации это частая встречаемость средней и крупной гребенки и небольшой удельный вес протасенного гребенчатого штампа; небольшое количество сосудов с классической трехзональной схемой и преобладание керамики схемы шейка+верх тулова; чрезвычайное разнообразие элементов орнамента.

Таким образом, завершая описание погребальной обрядности памятников степного Южного Зауралья необходимо отметить, что они по основным характеристикам вполне находят соответствие в кругу алакульских комплексов лесостепного Притоболья, памятников Причелябинской зоны, Северного и Центрального Казахстана, Оренбуржья. Вместе с тем в этих материалах прослеживается и определенные отличия, которые позволяют говорить о специфике обсуждаемых комплексов в рамках алакульской культуры.

Описанная выше степная южнозауральская группа памятников при ближайшем рассмотрении не представляется однородной. Предварительный анализ позволил выделить три группы погребальных комплексов, различающихся как географической локализацией, так и по определенным культурным параметрам (Приложение 1, рис. 1-2).

Первый вариант условно назван северо-восточным. Включает в себя памятники, расположенные на границе степной и лесостепной полосы в среднем течении рек Уй и Караталы-Аят. В этот район включено 24 кургана из 11 могильников. По мнению автора, эта группа наиболее тяготеет к лесостепным и северо-казахстанским алакульским комплексам.

Основная масса памятников (30 могильников, 113 курганов) включена в центральный район. Это собственно территория степного Южного Зауралья, ограниченная реками Караталы-Аят на севере и Синташтой на юге. Именно эта территория воспринимается исследователями как основное ядро срубно-алакульской контактной зоны. Мы склонны полагать, что эта группа является наиболее пестрой в культурном отношении: здесь представлены признаки лесостепного и южного алакуля, срубных комплексов.

И, наконец, третья группа — юго-западная. В нее объединены 12 курганов из 8 могильников. Памятники этой группы концентрируются в северных районах

Оренбуржья и на юге Зауральской Башкирии и наделены чертами, сближающие их с западноалакульскими комплексами¹⁸.

Ниже мы подробно остановимся на анализе тех групп признаков, которые позволяют определить специфику выделенных вариантов и отличают их друг от друга.

Прежде всего, обратимся к анализу организации подкурганных площадок.

Таблица 4.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИГРАФИИ ПОДКУРГАННЫХ ПЛОЩАДОК ПО РАЙОНАМ

Район	Всего курганов	Одномогильные	2	3-7	Больше 7	Всего конструкций «Ровик \ оградка»	Земляной ровик	Каменная оградка	Ровик + оградка	Круговая	Линейная	Смешанная	Неясная планировка
СВ район	21	4	5	8	2	6	4	1	1	14	0	0	1
%	100	19	23,8	38,1	9,52	28,57	19	4,76	4,8	66,7	0	0	4,7
Ц район	104	30	20	39	15	8	1	4	1	29	11	11	6
%	100	28,8	19,2	37,5	14,4	7,692	0,96	3,85	1	27,9	10,6	10,58	5,7
ЮЗ район	11	4	2	4	1	4	1	3	0	2	0	2	4
%	100	36,4	18,2	36,3	9,09	36,3	9,09	27,3	0	18,2	0	18,18	36,3

Прежде всего, обращает внимание тот факт, что для центрального и юго-западного районов характерно преобладание одномогильных комплексов (28,8 % и 36,4 % соответственно). В северо-восточном районе количество одномогильных комплексов относительно невелико. Преобладание курганов с небольшим количеством ям отмечено для алакульских памятников Оренбуржья и Западного Казахстана. Так, например, в могильнике Хабарное I из 15 погребальных сооружений – 12 содержали одну могильную яму, еще в двух было по 2 погребения и только в одном кургане исследовано 26 погребений¹⁹. Многомогильные комплексы напротив более характерны для лесостепных алакульских памятников²⁰. Не случайно, именно в северо-восточном районе находится наиболее крупный многомогильный комплекс, включающий 33 погребения – Кулевчи VI, курган 4²¹.

Использование для ограничения погребальной площадки ровика или оградки также весьма симптоматично. Для северо-восточной группы памятников чаще фиксируются ровики и только в одном случае встречена оградка (мог. Степное II), для центральной и юго-западной групп характерно преобладание

оградок. Этот признак также определяет направление связей южнозауральских алакульцев – южные и северные. И последний признак, который довольно четко отличает районы друг от друга – распределение ям на подкурганной площадке. Для северо-восточного варианта доминирующим является радиальное расположение периферийных погребений относительно центральных и практически не встречается линейное распределение. В центральном же районе встречается как круговая (27,9 %) и линейная (10,6 %), так и смешанная (10,6 %). Небольшая выборка погребальных комплексов юго-западного района демонстрирует равное количество случаев круговой и смешанной планировки. Расположение ям на подкурганной площадке вокруг одного-двух центральных погребений характерный признак алакульских памятников лесостепного Притоболья²² и Северного Казахстана²³. Доминанта подобной планировки могильных ям в северо-восточной группе памятников указывает на направление культурных связей с лесостепными памятниками причелябинской зоны и Притоболья, Северным Казахстаном. В курганах центрального района выявлена традиция размещения погребений взрослых рядами, а для захоронений детей сохранения принципа подчиненности и локализации детских могил на периферии, вокруг погребения взрослого. Подобное расположение могил хорошо известно в срубной традиции²⁴.

Конструктивные особенности могильных ям также позволяют говорить об определенных отличиях в территориально-культурных группах. Только в центральном и юго-западных районах встречаются погребения устроенные на уровне дневной поверхности. Их количество невелико (1,9 % и 2,6 % соответственно), но сам факт показателен. Погребения совершены либо в камерах, сложенных из бревен или плах, либо в каменных ящиках. Ближайшие аналогии такой способ погребения находит в срубных памятниках Башкирии и Поволжья. Известные в Поволжье срубы на дневной поверхности, да и большинство сложных камер в могилах относятся исследователями к раннесрубному времени и занимают центральное положение на подкурганной площадке, что свидетельствует об особом статусе подобных захоронений²⁵.

Отличия в оформлении могильной ямы связано с территориальными различиями. Так в северо-восточной группе чаще встречаются погребальная камера, либо обкладка деревом стенок ямы (8 %), либо использование деревянного перекрытия (12,5 %). Камень же в оформлении погребальных камер практически не используется. В центральном районе удельный вес каменных конструкций повышается (15,7 %), появляются каменные ящики (1,2 %), в юго-западном районе процент каменных перекрытий (36 %) превышает процент деревянных (18 %). Вероятно, традиция сооружения каменных конструкций принадлежит алакульской культуре южных районов (Оренбург, Казахстан).

Таблица 5.

ХАРАКТЕРИСТИКИ МОГИЛЬНЫХ ЯМ ПО ГРУППАМ

№№	Группа	Количество ям (в единицах)	Вид(%)		Деревянные конструкции (%)		Каменные конструкции (%)		Следы огня (%)		
			Грунтовая	на уровне дневной поверхности	Сруб, обкладка	Деревянное перекрытие (прод. \ попереч.)	Каменное перекрытие (прод. \ попереч.)	Каменный ящик	Обожжение камеры по периметру	Огонь на перекрытии	Следы действия огня на дне ямы
1	СВ район	89	100	0	8	12,5	3,4	0	1,1	2,3	2,3
2	Ц район	414	93,5	1,9	2,4	27,8	15,7	1,2	0,7	3,6	1,2
3	ЮЗ район	39	92,3	2,6	2,5	18	36	12,8	0	0	0

Еще одна характеристика, которая отличает памятники юго-западного района – это полное отсутствия использования огня в погребальном обряде. Если в северо-восточном и центральном районе огонь хоть и изредка используется в погребальной обрядности, то в юго-западном никаких следов нет. Хотя возможно, этот факт объясняется малой выборкой памятников этого района.

Во всех трех группах в качестве основного способа обращения с умершими главенствует ингумация, и в небольшом количестве случаев встречается кремация (Таб. 6). Одиночные погребения преобладают во всех районах, но если для центрального и юго-западного варианта процент подобных захоронений достигает 65,2 % и 59 % соответственно, то в памятниках северо-восточной группы могилы с индивидуальными захоронениями составляют 40 %, за счет коллективных захоронений. Интересно, что в юго-западном варианте вообще не встречено коллективных захоронений, 2,4 % коллективных могил центрального района составляют в большинстве своем детские захоронения (по 3-4 ребенка). Для северо-восточного варианта коллективность захоронений взрослых, прежде всего, находит аналогии в памятниках лесостепного Притоболья, памятниках Причелябинской зоны.

Таблица 6.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХОРОНЕНИЙ ПО ГРУППАМ

№№	Район	Количество захоронения (в единицах)	Нет останков погребенного (в %)	Ингумация (в %)	Кремация (в %)	Одиночные (в %)	Парные (в %)	Коллективные (в %)
1	СВ район	105	25,7	58	5,7	40	4,8	3,8
2	Ц район	460	7,6	78,8	5,6	65,2	5,6	2,4
3	ЮЗ район	44	4,5	79,5	2,3	59	11,3	0

Одним из важных культуроопределяющих признаков является ориентировка погребений. При основной схожести в ориентировках все-таки можно выделить определенные различия. Для северо-восточного варианта характерно преобладание ориентировки погребений по линии СВ-ЮЗ (24,7 %), на втором месте стоит широтное расположение ям (20,2 %) и близкие к ней. Но нужно отметить, что и меридиональная ориентировка ям занимает довольно представительное место (19 %). Примерно такое же соотношение наблюдается и в юго-западном районе (см. Таблицу 6). Иную картину демонстрируют памятники центрального района, где большинство погребений ориентировано меридионально (43,7 %) и субмеридионально (15,4 %). Могильные ямы с широтной ориентировкой представлены весьма слабо (5,5 %). Показательно, что во всех трех группах памятников значительную долю составляют ямы расположенные по оси СВ-ЮЗ. Это достаточно популярное направление в разных районах распространения алакульской культуры.

Таблица 7.

ОРИЕНТИРОВКИ МОГИЛЬНЫХ ЯМ ПО ГРУППАМ

№№	Группа	с-ю	св-юз	ссз-ююв	сз-юв	з-в	ссв-ююз	зюз-всв
1	СВ район	19,1	24,7	3,3	13,5	20,2	2,2	4,5
2	Ц район	43,7	15,5	11	9,7	5,5	6,5	0,5
3	ЮЗ район	10,3	25,6	2,6	5,1	12,8	15,4	0

Аналогичная картина выявляется и при анализе ориентировок собственно погребенных. Несмотря на то, что в большинстве случаев ориентировка не устанавливается, в силу того, что погребения ограблены, можно установить некоторые закономерности (Табл. 8). Так в центральном районе абсолютно преобладает ориентировка головой в северный сектор. Остальные варианты представлены фрагментарно. В северо-восточном районе ситуация обратная — северное направление представлено относительно немногочисленными случаями. Но картина здесь более размытая. Возможно, это связано с привязкой ориентировки погребенных не к сторонам света, а к расположению относительно центральной могильной ямы. С известной долей условности можно говорить о некотором преобладании ориентировок в южном направлении. Аналогично и с юго-западным вариантом, здесь полностью отсутствуют северные ориентировки, хотя есть небольшой процент (9 %) погребенных с северо-восточным положением. Также с большой долей осторожности можно говорить об относительном преобладании южных ориентировок.

Таблица 8.

ОРИЕНТИРОВКИ ПОГРЕБЕННЫХ ПО ГРУППАМ (%).

№№	район	С	Ю	ЮЗ	ЮЮЗ	В	СВ	ССВ	ССЗ	СЗ	З	ЮВ
1	СВ район	3,81	0,9	4,8	2,8	3,81	4,7	2,9	0	1,9	2,9	8,9
2	Ц район	29	0,2	1,1	0	1,3	7	3,2	3,9	3,1	0,7	0,9
3	ЮЗ район	0	2,3	13,6	2,2	0	9,1	6,8	0	0	6,8	0

По характеру инвентаря погребения практически не различаются. Единственно, что можно отметить, что в центральном и юго-западном районах отмечается большее количество безинвентарных погребений (23 и 29,5 % соответственно) по сравнению с северо-восточным.

Таким образом, обладая определенной степенью сходства, могильники степных районов Южного Зауралья демонстрируют и существенные различия. Если памятники северо-восточного района по своим характеристикам практически идентичны по признакам с погребальными комплексами лесостепного Притоболья, Причелебянской зоны и Северного Казахстана, к коим, собственно, они тяготеют и территориально, немногочисленная юго-западная группа с преобладающими каменными конструкциями в погребальном обряде, определенно имеет направление культурных связей на памятники Оренбуржья и Центрального Казахстана. То наиболее многочисленная центральная группа курганов, составляющая основу территории степного Зауралья, отличается своеобразными чертами, истоки которых не вполне очевидны. Этот факт позволяет поставить вопрос о происхождении этого локального варианта алакульской культуры, а также о взаимодействии с культурными традициями соседних территорий.

Сравнение характеристик памятников степного Зауралья с памятниками лесостепного, североказахстанского варианта алакульской культуры показывает существенные отличия между ними.

Таблица 9.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ПРИЗНАКОВ АЛАКУЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ
РАЗНЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

Группа памятников	Памятники алакульская культуры лесостепного Притоболья, Северного Казахстана	Памятники степных районов южного Зауралья
Параметры сравнения		
Количество ям в кургане	Многомогильные комплексы (до 40, 60 погребений под одной насыпью)	Большое количество одномогильных комплексов и захоронений от 3 до 7 в кургане
Планировка подкурганного пространства	Доминирование радиальной планировки подкурганного пространства. Принцип соподчиненности центральным ямам	Наряду с круговой планировкой, распространение линейной и смешанной. Принцип равноправности в расположения могил с захоронением взрослых
Подкурганные конструкции	Ровики, и расположение в них младенческих ям	Единичные случаи ровиков. Небольшой, но устойчивый процент каменных оградок
Конструктивные особенности могил	Устройство деревянных камер на дне могильных ям	Единичные случаи деревянных срубов, наличие каменных ящиков

Группа памятников	Памятники алакульская культуры лесостепного Притоболья, Северного Казахстана	Памятники степных районов южного Зауралья
Параметры сравнения		
Количество погребенных в одной могиле	Наличие коллективных погребений взрослых как в памятниках раннего, так и развитого этапа.	Доминанта индивидуальных, одиночных захоронений. Коллективные погребения встречены в варианте детских захоронений.
Ориентировка погребенных	Отсутствие доминирующих ориентировок, тем не менее, предпочтение южным направлениям и широтным.	Преобладание ориентировок по северным румбам.
Керамический комплекс	Четкие признаки «классического» лесостепного варианта алакульской культуры	Специфические черты алакульских сосудов, наличие черт срубной культуры.

В чертах лесостепного, североказахстанского локального варианта алакульской культуры очень много характеристик, которые можно назвать архаичными, восходящими к традициям синташтинской культуры. Это и радиальность планировки подкурганного пространства, устройство ровиков, ограничивающих площадку, локализация в центре одной-двух наиболее крупных ям, иногда с коллективными захоронениями, практическое отсутствие одномогильных курганов²⁶. Тот факт, что лесостепной, североказахстанский вариант демонстрирует архаичные синташтинские черты, подтверждает правомерность давней схемы «синташта-петровка-алакуль» для данной группы памятников.

Интересно, что обсуждаемые комплексы поздней бронзы степных районов Южного Зауралья, расположенные на территории, являющейся центром локализации памятников синташтинской культуры, в своих характеристиках практически не содержат перечисленных архаичных черт синташтинского погребального обряда. В этой связи, необходимо поставить вопрос - наследницей чьих же традиций является группа погребальных памятников степных районов Южного Зауралья.

Первоначально необходимо прояснить ситуацию, сложившуюся на этих же территориях на рубеже перехода от эпохи средней к поздней бронзе, т. е. непосредственно к «постсинташтинскому времени». Уже на позднем этапе существования синташтинской культуры исследователи фиксируют «осрубнение» синташтинских керамических комплексов, в периферийных (кстати, исключительно одиночных) погребениях, в керамике появляются срубные черты (мог. Каменный Амбар-5, к.2)²⁷. На поселениях наблюдается во многом аналогичная картина, выделяется устойчивая группа раннесрубных сосудов²⁸. Необходимо отметить, что раннесрубные черты в памятниках синташтинской культуры появляются взаимосвязано с признаками петровской культуры. В «постсинташтинское» время на территории степного Южного Зауралья широко представлены раннесрубные памятники в виде отдельных курганов как в составе синташтинских могильников (мог. Большекараганский, к. 11,20; мог. Каменный

Амбар-5, к.7), так и в составе собственно срубно-алакульских (мог. Система-1, к.7; мог. Степное II, к. 1,2,4,6). Кроме того, фиксируются раннесрубные погребения на площадках раннеалакульских курганов (мог. Песчанка-2, к.3, я.5, мог. Песчанка-3, к.8, я.5). Появляются поселения, основу керамических комплексов которых составляют петровско-раннесрубные черты (пос. Елизаветпольское-7). Пришлый характер раннесрубных комплексов доказывается рядом ярких черт, отличающих их от синташтинских памятников, индивидуализацией захоронений, с особенным керамическим и вещевым комплексом, специфичными обрядовыми характеристиками.

Наряду с почти тотальным господством раннесрубных погребальных памятников в «постсинташтинское» время в степях Южного Зауралья (бассейн реки Урал), собственно петровские памятники единичны (мог. Большекараганский, к. 22). Комплексы петровской культуры выявлены преимущественно по реке Тобол и ее левым притокам²⁹. Смена законов существования синташтинского мира на раннесрубные традиции в Южном Зауралье произошла, в какой-то мере, в обиход «классической» петровской культуры. Этот факт не мог не отразиться на генезисе южнозауральского локального варианта алакульской культуры. Судя по вышеописанным характеристикам южнозауральских памятников, в них достаточно много черт увязывается со срубным миром, причем возникших в результате не столько, и не только контактов, сколько на этапе происхождения, на фоне широкой представленности раннесрубных традиций. По-видимому, сходный культурогенез был и у алакульской культуры Оренбуржья, где в западных районах определенно доминируют черты срубной культуры.

К «классическому этапу» относится существование срубно-алакульской контактной зоны, где срубное и алакульское население мирно взаимодействовало, сохраняя свою этническую идентичность. В целом, население срубной культуры на развитом, «классическом» этапе сохраняет свою самостоятельность, их приток из Приуралья, и связь со срубными памятниками Башкирии очевидна. Функционирование контактной зоны, близкая основа происхождения срубной и алакульской культуры Южного Зауралья не могло не сказаться на схожести культурных признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М., 1972; Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985; Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). М., 1994; Федорова-Давыдова Э.Я. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Археология и этнография Башкирии, Т. II, Уфа, 1964; Ткачев В.В. Начальный этап позднего бронзового века в Приуралье (западноалакульская культурная группа) // Культурное наследие степей Северной Евразии, 2000. Вып.1.
2. Сальников. Ук. соч.
3. Федорова-Давыдова. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы Южного Приуралья.

4. *Стоколос*. Ук. соч.
5. *Григорьев С.А.* Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Т.1. С. 299-302.
6. *Рафикова Я.В.* Курган алакульской культуры в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник, 2001. Вып. 3. С. 104-113; *Гарустович Г.Н., Рафикова Я.В.* Курганы Макан II в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып.3. С. 94-104.
7. *Григорьев*. Ук. соч. С. 299-302; *Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988; *Сальников*. Ук. соч.
8. *Григорьев*. Ук. соч.; *Батанина И.М., Иванова Н.О.* Археологическая карта заповедника Аркаим. История исследования археологических авмятников // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995; *Алаева И.П.* Надмогильные конструкции в погребальных памятниках эпохи бронзы Южного Зауралья // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003. С. 98-102.
9. *Виноградов Н.Б.* Кулевчи-VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. №3; *Зданович*. Ук. соч.; *Потемкина*. Ук. соч.
10. *Ткачев А.А.* Бронзовый век Центрального Казахстана. Автореф. дисс. ...док. ист. наук, М., 2003.
11. *Федорова-Давыдова Э.А.* К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М, 1973.
12. *Кузьмина*. Ук. соч.
13. *Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
14. Там же.
15. *Зданович*. Ук. соч.; *Матвеев*. Ук. соч.; *Потемкина*. Ук. соч.; *Ткачев А.А.* Бронзовый век Центрального Казахстана. Автореф. дисс. ...док. ист. наук, М., 2003; *Ткачев*. Начальный этап позднего бронзового века в Приуралье.
16. *Генинг В.Ф., Борзунов В.А.* Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. 1975. Вып. 13. С. 52.
17. *Марков С.С.* Керамические комплексы могильников эпохи поздней бронзы степных районов Южного Зауралья // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции 6-10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С. 88-90.
18. *Ткачев*. Ук. соч.
19. *Федорова-Давыдова*. К проблеме андроновской культуры.
20. *Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Приоболья. М., 1985.
21. *Виноградов Н.Б.* Кулевчи-VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА, 1984, №3; *Виноградов Н.Б.* Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // ПИФК. 2000. Вып.VIII.
22. *Потемкина*. Ук. соч.; *Матвеев*. Ук. соч.
23. *Зданович*. Ук. соч.
24. *Агапов С.А., Кузьмина О.В., Васильев И.Б., Семенова А.П.* Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы, Куйбышев, 1983. С. 7-60.
25. *Агапов С.А.* Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976. С.70-71.
26. *Епимахов А.В.* Погребальная обрядность населения Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998.
27. *Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Межвузов-

- ский сборник научных трудов. Самара, 1995.
28. Зданович Г.Б., Малютина Т.М. Керамика укрепленного поселения Аркаим // Древняя керамика: проблемы перспективы комплексного подхода, Челябинск, 2003. С. 99-131.
29. Григорьев. Ук. соч. Т.1. С. 283.

FUNERAL MONUMENTS OF ALAKUL CULTURE IN STEPPE ZONE OF SOUTHERN URAL AREA DURING THE LATE BRONZE EPOCH

I.P. Alaeva

On the basis of the analysis done on funeral complexes of steppe areas of Southern Ural, the author determines specificity a South Ural variant of Alakul culture. There are three territorial groups of monuments within the framework of a South Ural local variant of Alakul culture: the northeast, the central and the southwest which display a diverse orientation of cultural connections. The main culture forming issues are Sintashta traditions which transformed into Petrovskaya Culture and Early Framework Culture. Migrations of forest-steppe and southern Alakul population exerted significant influence on cultural genesis of Alakul culture within the steppe southern area. The specified local variant of Alakul culture is one of the most eclectic and complicated.

© 2008 г.

Д.И. Ражев

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЫЧАЯ ПРИЖИЗНЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ГОЛОВЫ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ САРГАТСКОЙ ОБЩНОСТИ

Саргатская культурно-историческая общность — археологическое образование, существовавшее на территории лесостепи Западной Сибири в V в до н.э. — III в. н.э. Основу саргатской общности составляла саргатская культура, помимо нее в общность входили гороховская, кашинская культуры, памятники прыговского, баитовского типов и др. Саргатское хозяйство реконструируется как комплексное с основой на подвижные формы скотоводства.

Исследуя антропологию саргатского населения, автор вплотную столкнулся с феноменом прижизненной деформации черепа, существенно повлиявшим на характер изменчивости краниологических показателей локальных групп. Однако последовавшее изучение этого явления показало его большое значение не только для морфологического описания, но и для понимания некоторых других сторон существования саргатских общности.

Циркулярно деформированный череп из саргатских погребений Усть-Тар-

Рис. 1. Несильно деформированный череп мужчины из погребения 8 кургана 5 могильника Абатский 1

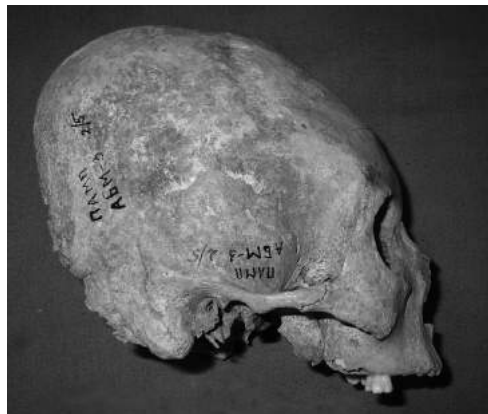

Рис. 2. Значительно деформированный череп женщины из погребения 5 кургана 2 могильника Абатский 3.

тасского могильника был описан еще в 1898 году С.М. Чугуновым. По мнению Г.Ф. Дебеца, повторно исследовавшего эти коллекции, обнаруженная деформация полностью соответствует изменениям, наблюдаемым на сарматских черепах¹. В исследованных автором краниологических сериях саргатской общности преднамеренная деформация не является редкостью. В основном она выражена несильно (слабо или средне), и может считаться вариациями одного типа, при котором лоб оказывается скошенным назад, задние части теменных костей и верхняя часть чешуи затылочной кости уплощены, теменные бугры значительно выступают, в результате этого сагиттальный контур мозговой коробки становится близким к пятиугольному, а сама мозговая капсула расширяется (рис. 1). В области венечного шва деформированного черепа формируется предвенечный валик и позадивенечное вдавление. В случае крайней выраженности черепная коробка приобретает удлиненную назад, широкую и несколько уплощенную форму с обширными плоскостями в области лба и затылка (рис. 2).

Описанные изменения черепа указывают на то, что деформация производилась с применением круговой повязки вокруг мозгового отдела, под которую в области лба и затылка подкладывались твердые плоскости (например, дощечки). Данная форма изменения головы, несомненно, относится к деформациям циркулярного типа, осуществляемым кольцевым бинтованием через лоб и затылок, иногда с использованием одной или двух дощечек, полужестких подкладок и т.д.²

Прижизненно измененные черепа представлены во многих саргатских могильниках всех регионов. Среди изученного в ходе данного исследования краниологического материала они распределены следующим образом: наибольшая частота встречаемости деформированных черепов — 24% (рассмотрен 41 череп), обнаружена в Приишимской выборке; второе место занимает Прииртышская серия — 15% (94 черепа); несколько меньшее количество черепов отмечено в Притоболье — 12% (33 черепа), и измененные черепа не обнаружены

автором в коллекции из Барабы (14 черепов). При этом стоит заметить, что хотя доля деформированных черепов в общем преобладает в материалах из бассейна Ишима, могильники, в которых количество деформантов достигает 20%, широко представлены и в Прииртышье: Бещаул — 2, 3, 4, Стрижево 1, 2, Карташево 2 (табл. 1).

Таблица 1

**НАЛИЧИЕ ДЕФОРМИРОВАННЫХ ЧЕРЕПОВ В ИССЛЕДОВАННЫХ
МОГИЛЬНИКАХ САРГАТСКОЙ ОБЩНОСТИ**

Могильники	Череп	Могиль-	Череп		
	Деформ.	ники		Деформ.	Всего
Притоболье			Прииртышье		
Гаевский 1, ранние погр.	0	1	Бещаул 2	2	10
Гаевский 1, поздние погр.	2	7	Бещаул 3	1	3
Гаевский 2	0	1	Бещаул 4	0	2
Карасье 9	1	1	Богдановка	2	14
Красногорский Борок	0	1	Исаковка 1	2	17
Красногорский 1	0	1	Карташево 2	1	5
Куртугуз 1	0	2	Коконовка 2	2	21
Мурзино 1, ранние погр.	0	3	Стрижево 1	2	9
Мурзино 1, поздние погр.	1	1	Стрижево 2	2	13
Мурзино 3	0	1	Всего	14	94
Тютринский, ранние погр.	0	4			
Тютринский, поздние погр.	0	5			
Савиновский, ранние погр.	0	4			
Савиновский, поздние погр.	0	2			
Всего	4	34	Бараба		
Вавилон	0	3	Абрамово 4	0	1
Абатский 1	4	12	Венгерово 1	0	5
Абатский 3, ранние погр.	6	24	Венгерово 7	0	1
Абатский 3, поздние погр.	5	12	Марково 1	0	7
Кокуйский 3	0	2	Всего	0	14
Всего	15	53			

Помимо наблюдений сделанных непосредственно автором краниологическая деформация описана также и в других могильниках саргатской общности.

В притобольских материалах значительные преднамеренные изменения отмечены на черепе женщины 40-50 лет из погребения 2 кургана 11 могильника Карасье 9, I вв. н.э.³. Следы искусственной деформации, видимо, кольцевого типа имеются так же на черепе женщины зрелого возраста из могильника Ипкуль (к.14. п.1)⁴.

В Прииртышье в погребениях некрополя Исаковка III описаны два случая кольцевой деформации: на фрагменте черепа взрослого человека из могильной

ямы 6 кургана 2, и на черепе женщины 30-40 лет, из могильной ямы 8, кургана 3⁵. Кроме этого в могильнике Черноозерье III, раскопанном В.Ф. Генингом, исследовано одно захоронение мужчины в кургане III-V вв. н.э., в котором обнаружен череп со следами искусственной деформации⁶. На юге прииртышского региона деформация зафиксирована в погребении кургана 2 Покровского могильника, которое датируется I-III вв. н.э. и может быть отнесено к саргатской общности. Останки принадлежат взрослому мужчине⁷.

Хотя в исследованной автором барабинской серии деформированных черепов не оказалось, они были описаны в других могильниках этого региона. Это, в первую очередь, относится к исследованному С.М. Чугуновым Усть-Тартаскому могильнику. Ранним железным веком им были датированы 8 черепов. Сам С.М. Чугунов зафиксировал один череп с выраженной деформацией, он принадлежал взрослой женщине (курган 1, второй участок)⁸. Повторно исследовав серию из этого могильника, В.А. Дремов предположил наличие деформации еще на одном черепе (курган 2, второго участка)⁹. Кроме этого в Барабинских захоронениях последствия преднамеренной деформации обнаружены в могильнике Старый Сад на черепах двух мужчин возмужалого и зрелого возрастов (курган 33, погребения 2 и 3 соответственно)¹⁰.

При исследовании распространение обычая прижизненной деформации головы среди населения саргатской общности неминуемо встает ряд принципиальных вопросов. К их числу относятся: когда и откуда появился обычай деформации головы у населения саргатской общности?

Поиск ответов на эти вопросы начнем с небольшого отступления. Рассматривая высокую кольцевую деформацию, нельзя обойти вниманием лобно-затылочный тип изменения черепа. Техника деформационного процесса обеих форм основывается на циркулярном охвате мозговой коробки с преобладающим давлением в лобно-затылочном направлении. И хотя крайние варианты циркулярной и лобно-затылочной трансформации значительно различаются, между ними существует множество переходов. Палеоантропологическая практика дает нам массу примеров, когда в одной выборке встречаются черепа, деформированные и циркулярным и лобно-затылочным способом, а некоторые экземпляры оказываются весьма затруднительно однозначно отнести к одному из этих вариантов¹¹. Подобное справедливо и в отношении саргатского материала. Таким образом, в дальнейшем изложении при употреблении термина циркулярная форма деформации, будет иметься в виду все варианты трансформации, при которых применялся круговой охват черепа ребенка.

Проблеме преднамеренной деформации головы у древних народов Западной Сибири и прилегающих территорий посвящены несколько обзорных работ¹². Согласно приведенным в них данным возрождение и распространение практики циркулярной трансформации в раннем железном веке представляется следующим образом.

Первые проявления *лобно-затылочной* деформации связываются с сакскими племенами Восточного Приаралья, о чем свидетельствуют единичные находки черепов из некрополей Южного Тагискена (VII-V вв до н.э.), могильников чирик-рабатской культуры Бабишмуллы и Чирик-Рабата (V-II вв до н.э.). Подобные изменения черепа обнаружены также в могильнике Гекдаг 2 (V-III в до

н.э.), находящемся на северо-западе Туркмении и оставленным кочевыми племенами. Наиболее ранняя находка *кольцевой* деформации зафиксирована в погребении V–IV вв. до н.э. на поселении Яз-депе в южной Туркмении. Близки к ней во временном отношении являются циркулярно деформированные черепа из Актамского, Кунгайского, Суфанского могильников Ферганы, датируемые V–III вв. до н.э.. Более поздними оказываются находки из сакских захоронений Кзыл-Кыштак и Кургак, Алай, III в до н.э.; погребальных сооружений Чирик-Рабата в Восточном Приаралье, III–II вв. до н.э.; кургана с каменными выкладками могильника Егиз-Койтас, расположенного в Центральном Казахстане, III–II вв. до н.э.¹³ Учитывая достаточно высокую технологичность кольцевой формы деформации и незначительность доли населения отраженного в антропологическом материале, можно не мало сумняше полагать, что традиция изменения головы, с использованием кольцевых повязок, основательно существовала в ряде локальных групп населения Средней Азии в середине I тыс. до н.э.

В территориальном отношении традиция циркулярной деформации в раннем железном веке охватывает практически всю Среднюю Азию, степи Казахстана и Приуралья. Распространяясь в лесостепях Западной Сибири, она доходит на север до района Тюмени (Козловский могильник)¹⁴. На западе трансформация головы имеет широкое распространение в ареале обитания сармат от Предуралья до украинских степей¹⁵. Кольцевая деформация практиковалась также среди населения городов и селищ Приазовья¹⁶ и Причерноморья и далее в Европе¹⁷. В южном направлении этот обычай обнаруживается во многих могильниках Средней Азии¹⁸ и фиксируется по изображениям на монетах кушанских и эфталитских правителей Индии¹⁹. Восточная граница распространения этой традиции проходит по западным предгорьям Тянь-Шаня²⁰ и Алтая²¹. Далее на восток деформацию кольцевой формы сменяет затылочно-теменной тип деформации. Подобные черепа нередки в погребениях тагарской культуры, особенно в грунтовых могильниках тесинского этапа²².

В хронологическом распространении феномена прижизненной деформации циркулярной формы на территории Евразии можно выделить три заметно различающихся периода. С V в. (или даже VI в.) и до III в. до н.э. находки измененных черепов достаточно регулярны, но малочисленны. Деформация обнаруживается как в могильниках оседлого населения, так и в некрополях кочевников. Со II в до н.э. и до II в н.э. количество памятников, в которых обнаруживаются деформированные черепа, стремительно возрастает. Увеличивается и их доля, оставаясь при этом небольшой и редко достигая 30%. Группы, оставившие эти могильники, как и ранее, характеризуются и скотоводческим, и земледельческим укладом хозяйства²³. Начиная же с III и до V вв. н.э. доля деформированных черепов в сериях значительно увеличиваться, достигая для некоторых памятников 100%. При этом большая часть этих могильников относится к культурам с кочевническим типом хозяйства²⁴.

Рассматривая семантический аспект деформации головы, С.С. Тур²⁵ основное внимание уделила второму и третьему этапам бытования традиции. Так в период II в. до н.э. — II в. н.э., когда фиксируется в основном экстенсивное распространение сдавливания черепа, макрокефалия, по мнению этого иссле-

дователя, выполняла внутреннюю социоразличительную функцию: преднамеренное изменение формы головы показывало принадлежности к особым знатым родам. Подтверждением тому служат многочисленные письменные и визуальные свидетельства маркирования деформацией людей, имеющих высокое социальное положение. Гиппократ пишет о народе макроцефалах, что «имеющих самые длинные головы они считают самыми благородными»²⁶. Зенобиус сообщает о сираках, отдающих царский венец самому рослому или длинноголовому²⁷. Наконец, на это же указывают изображения на монетах кушанских и эфталитских правителей государственных образований Северной Индии²⁸. С другой стороны, отсутствие выраженных различий погребений деформантов и недеформантов в пределах одного могильника указывает на отсутствие однозначной связи преднамеренного видоизменения головы с экономическим и иерархическим положением человека в обществе. Что в свою очередь является свидетельством в пользу родственного, родового характера этой традиции.

В III–V вв. н.э., когда распространение деформации приобрело интенсивный характер, она, по мысли того же исследователя, стала выполнять внешнюю социоразличительную функцию. При этом макроцефальная форма головы, по всей видимости, закрепились как ментальная доминанта в идеологии ряда кочевых образований и стала маркером принадлежности к политическим общностям. Основанием для такого предположения является подавляющее преобладание (до 70–100%) деформированных черепов в могильниках ряда археологических культур, таких как позднесарматская, джетыясарская, кенкольская и др.

Историческим аналогом рассматриваемой модели является изменение практики модификации головы в культуре инков. Первоначально деформированная голова была у земледельческих племен Анд признаком благородного происхождения, при этом в разных провинциях существовали разные варианты деформации. Однако уже первый Верховный Инка, обязал всех своих еще немногочисленных поданных сдавливать головы младенцев, что бы они отличались от других племен. Третий Верховный Инка, значительно расширивший пределы империи, продолжил эту политику и приказал всем племенам подвластных ему территорий деформировать головы²⁹.

Фактические данные обнаружения измененных черепов в выборках и теоретические представления о мотивах осуществления этого действия позволяют сформулировать следующую модель бытования деформации циркулярной формы в Евразии. Модель предполагает три этапа развития событий.

Первый этап, середина I тыс. до н.э. — III в. до н.э., характеризуется находками единичных деформированных черепов в отдельных некрополях, расположенных, в основном, на территории Средней Азии. Очевидно, именно в это время возрождается обычай преднамеренной деформации головы в некоторых среднеазиатских коллективах. По всей видимости, он практикуется в ограниченном количестве семейных групп и служит для визуального обособления этих родов от окружающего населения.

На втором этапе, II в. до н.э. — II в.н.э., наблюдается экстенсивное распространение традиции деформации, которое отражается в существенном расширении ареала находок и увеличении количества могильников, содержащих погребения с деформированными черепами. Однако доля таких захоронений ос-

тается относительно небольшой. По всей вероятности, в это время происходит экспансия группы родов, начинающих играть существенную роль во властных структурах древнего населения многих остепненных областей Евразии (в том числе, проживавших на территориях Средней Азии, современного Казахстана, Приуралья, Южной Сибири). Деформация головы в этот период, возможно, указывала на принадлежность к элитным родам. Инициировавшая этот процесс группа, очевидно, происходила из какого-то района Средней Азии. Судя по скорости распространения феномена и реципиентной среде (скотоводческие и земледельческие культуры), хозяйство этих групп было кочевым, что давало ее обладателям большую мобильность и идеологическое доминирование³⁰.

Третий этап, III–V в.н.э., может быть назван периодом интенсивного распространения феномена циркулярной деформации. В это время уже не наблюдается существенного увеличения ареала распространения этого явления, зато в некрополях происходит значительное увеличение доли погребений с измененными черепами (вплоть до 100%). На третьем этапе, согласно развиваемой модели, происходит образование и экспансия крупных объединений, возглавляемых упоминавшимися выше родами. Измененная особым образом голова была знаком принадлежности к этим, несомненно, могущественным и жестко управляемым политиям. В мировоззренческом плане в этих социумах, по всей вероятности, возобладала идеология, ставящая принадлежность к политике выше принадлежности к роду, а это в свою очередь предполагает усиление и закрепление централизованной власти. Народы, инициировавшие этот этап, со всей очевидностью, вели кочевой образ жизни. В пользу этого говорит протяженность и успешность их экспансии, свидетельствующая о наличии обученного конного войска.

Однако представляющееся по палеоантропологическим данным развитие традиции кольцевой деформации головы в раннем железном веке на территории Евразии находит неожиданное возражение в древнегреческих письменных источниках, описывающих народы, практикующие макрокефалию. Это противоречие относится, прежде всего, к области, из которой пошло распространение этого обычая. М.А. Балабанова в своей статье, посвященной макрокефалам Европы, вслед за Апполоном Родосским идентифицируя макронов и народ, применявший маккрокефальную деформацию³¹, приводит данные трех античных авторов об их географической локализации³². Так Гекатей Милетский (конец IV в до н.э.) упоминает макронов при перечислении причерноморских народов Кавказа. Геродот (VI–V вв. до н.э) несколько раз пишет о макронах, и сообщает следующее: «... сирийцы, живущие на реках Фермонте и Парфении, и их соседи-макроны ...»³³. Гиппократ (V–IV вв. до н.э.) оставил достаточно полное описание процесса деформации головы, не оставляющее сомнений в его результате: «лишь только дитя родится, как его голову, еще нежную вследствие ее мягкости, преобразуют руками и заставляют расти в длину, употребляя повязку и приспособления, годные для того, чтобы уменьшить круглоту головы и увеличить ее длину»³⁴. Макроцефалов, практикующих этот обряд, он помещает в странах «которые расположены по правой стороне летнего восхода солнца, даже до озера Меотийского...»³⁵.

Исходя из общепринятой интерпретации реки Фермондонт как Дона, и Мео-

тийского озера как Азовского моря, и учитывая время жизни упомянутых авторов можно заключить, что обычай кольцевой деформации головы практиковался у народов проживающих к северу от Азовского моря уже в VI–V вв. до н.э. «Письменную модель» раннего существования кольцевой деформации в Европе в раннем железном веке активно поддержала М.А Балабанова в упоминавшейся статье³⁶. Это явно противоречит предположению о среднеазиатском очаге индуцирования этого явления. Однако существенным возражением «письменным» представлениям является отсутствие деформированных черепов в раннем железном веке на территории Европы вплоть до первых веков нашей эры³⁷.

В таком случае, с чем же мы имеем дело: с неправильной интерпретацией сообщений о макрокефалах или с колоссальной, дезинформирующей ущербностью палеоантропологических данных? Мы более склонны придерживаться первой позиции. Одна из возможностей ложной интерпретации нам видится в отождествлении макронов и макрокефалов. Так ни Гекатей Милетский, ни Геродот не сообщают об особой форме головы у макронов. А более поздняя работа главы библиотеки Мусейона в Александрии Аполлония Родосского (III в. до н.э.) носит явно компилятивный характер. У ранних авторов название «макроны», более вероятно, могло означать великаны, высокорослые. Однако все равно остается сообщения Гиппократов именно о макрокефалах. В данном случае ошибочность трактовки может быть связана с однозначным определением Меотиды как Азовского моря. Плутарх в жизнеописании Александра Македонского сообщает «Затем Александр ... отправился в Гирканию. Там он увидел морской залив ... Об этом заливе, который по величине казалось не уступал Понту, Александру не удалось узнать ничего определенного, и царь решил, что это край Меотиды. Между тем естествоиспытатели были уже знакомы с истиной: за много лет до похода Александра они писали, что Гирканский залив или Каспийское море, – самый северный из четырех заливов Океана»³⁸. Это дает основания полагать, что за несколько веков до похода Александра представления о локализации и размерах Меотиды были весьма разнообразны и допускали ее понимание и как Азовского, и как Каспийского моря.

Таким образом, мы полагаем, что древнегреческие источники не опровергают предложенную выше картину существования феномена круговой деформации головы у народов проживавших на остепненных территориях Евразии в раннем железном веке.

Теперь от генеральной модели перейдем к ее локальному воплощению, а именно рассмотрим время появления деформированных черепов на территориях соседствующих с саргатским ареалом. Самые ранние деформированные черепа, как и следовало ожидать, обнаруживаются к югу от саргатского ареала, самыми близкими из них является могильник Чирик-Рабат, где погребения с деформированными черепами датируется III–II вв. до н.э.³⁹ На западе обычай деформации головы впервые отмечен у средних сармат. Доля деформантов в нижневолжской серии сусловской культуры составляет 10%⁴⁰. Деформированные черепа датируются I–II в н.э.⁴¹. В позднесарматской культуре II–IV вв н.э. деформированные черепа преобладают, в выборке из Нижнего Поволжья они составляют 70%⁴². У северных же соседей, обитавших в таежной зоне, кольцевая деформация появляется значительно позднее и относится к карымскому

населению IV–V вв н.э. Так один деформированный череп обнаружен в Козловском могильнике, расположенном вблизи г. Тюмень⁴³. В могильнике Усть-Тара VII, Тарский район Омской области, на всех 4 черепах (взрослые мужчина и 3 женщины) также зафиксирована очень сильная деформация⁴⁴.

На востоке деформированные черепа, имеющие надежную датировку, обнаружены в погребениях большереченской культуры. В могильнике Ближние Елбаны, Топчихинский район Алтайского края, II–IV вв н.э., М.П. Грязнов отметил деформацию на 8 из 12 черепов⁴⁵. В могильнике рубежа эр Быстровка 2, Искитимского района Новосибирской области, по меньшей мере, на 2 женских черепах зафиксирована высокая кольцевая деформация, и еще на 3 мужских и 1 женском отмечается лобно-затылочная деформация⁴⁶. Значительная кольцевая деформация зафиксирована также на черепе из погребения у д. Тугозвонovo, Шипуновский район Алтайского края, относимого к гуннской аристократии и датированного III–IV вв н.э.⁴⁷. На черепах обоих взрослых мужчин из гуннских погребений у с. Черноозерье Саргатский район Омской области, датированных III–V вв. н.э. также зафиксирована кольцевая деформация⁴⁸.

Таким образом, обычай кольцевой деформации ранее всего появляется, у далеких южных «соседей» саргатской общности — в III–II вв. до н.э., на первом, родовом этапе распространения. Затем во время элитарного периода экспансии (второй этап) он доходит до Поволжья, — I–II в. н.э., и лесостепных территорий предгорного Алтая — рубеж эр — IV в.н.э.. И в последнюю очередь, на третьем, политийном, этапе, деформация головы входит в традицию у северных соседей — IV–V вв н.э.

Установив время появления традиции деформации головы у жителей окружающих территорий, обратимся к моменту распространения этого обычая среди населения саргатской общности. Датировки погребений, в которых обнаружены черепа с кольцевой деформацией, приведены в таблицах 2 и 3. Из них следует, что ранее всего деформация обнаруживается в Прииртышье, в могильнике Богдановка 3 и ее появление относится к V–III вв. до н.э. Однако согласно приведенным выше материалам, появление черепов с кольцевой деформацией на территории Западной Сибири ранее I в. н.э. выглядит, по меньшей мере, очень интригующе, так как входит в серьезное противоречие с описанной выше моделью распространения этого феномена. Если бы имелось веское подтверждение такой датировке, то представление о возникновении и распространении этого обычая на территории Евразии пришлось бы кардинально пересмотреть. Увы, материалы могильников, из которых происходят ранние деформированные черепа, а это практически все Прииртышье, за единственным исключением, не опубликованы и не доступны научной верификации. Исключением является могильник Исаковка III, где в 8 погребении 3 кургана на обнаружен деформированный череп женщины. Датруется это захоронение тоже достаточно рано: конец III — начало I вв до н.э.⁴⁹. Однако, учитывая явно впускной характер погребения (скелет находился в насыпи, на 20 см выше уровня материка) и отсутствие в нем точно датирующих артефактов (керамическое пряслице, железный ножик, два раздавленных саргатских сосуда), столь ранняя датировка также представляется необоснованной.

Невозможность проверки заставляет нас подходить к хронологии неопубли-

кованных памятников с большой осторожностью. Явное противоречие датировки черепной деформации в прииртышских могильниках Богданово 3, Карташево 2, Стрижево 2 со сложившимися представлениями дает серьезное основание сомневаться в правильности такого датирования.

Таблица 2

ДАТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ ОПУБЛИКОВАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ,
В КОТОРЫХ ОБНАРУЖЕНЫ ЧЕРЕПА С ДЕФОРМАЦИЕЙ КОЛЬЦЕВОЙ ФОРМЫ

Могильники	Погребение	Пол	Возраст	Датировка	Источник
Притоболье					
Гаевский 1	к. 6 п. 2	м	20–25	1980±30 ВР	Le-5516
Мурзино 1	к. 6 м.я.2 п. 1	м	20–30	2040±70 ВР	Le-5512
Карасье 9	к.11 п.2	ж	40–50	1950±100 ВР 2270±120 ВР	Le-7237 Le-7238
Приишимье					
Абатский 1	к. 3 п.4	м	взрос- лый	I–III вв. н.э.	Матвеева 1994
	к. 3 п. 11	м	35–45	I–III вв. н.э.	
	к. 5 п.6	м	30–40	I–III вв. н.э.	
	к. 5 п.8	м	30–60	I–III вв. н.э.	
Абатский 3	к.1 п.5	м	25–35	II–IV вв. н.э.	
	к.1 п.6	ж	25–40	II–IV вв. н.э.	
	к. 2 п.5	ж	16–20	I–III вв. н.э.	
	к. 3 п.1	м	взрос- лый	I–III вв. н.э.	
	к. 4 п.5	ж	20–30	II–IV вв. н.э.	
	к. 4 п.6 ск. 1	ж	40–50	II–IV вв. н.э.	
	к. 2. п.2 ск.2	м	30–60	IV–V вв. н.э.	
	к. 2. п.8	ж	35–50	IV–V вв. н.э.	
	к. 2 п.10 ск.1	м	25–40	IV–V вв. н.э.	
	к. 2 п.10 ск.2	м	30–45	IV–V вв. н.э.	
	к. 2 п.10 ск.3	ж	25–35	IV–V вв. н.э.	
Прииртышье					
Исаковка 3	к. 3 м.я. 8	ж	30–40	III–I вв. до н.э.	Погодин, Труфанов 1991
Покровский	к. 2	м	взрос- лый	I–III вв. н.э.	Боталов, Гуцалов 2000; датировка А.А. Ковригина
Бараба					
Усть-Тартас- ский	к.2, 2 уча- сток	ж	взрос- лый	III в. н.э.	Дремов 1977
	к.2, 2 уча- сток	м	взрос- лый	III в. н.э.	

Таблица 3

ДАТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ,
В КОТОРЫХ ОБНАРУЖЕНЫ ЧЕРЕПА С ДЕФОРМАЦИЕЙ КОЛЬЦЕВОЙ ФОРМЫ

Могильники	Погребение	Пол	Возраст	Датировка ⁵⁰
Притоболье				
Ипкуль	К.14 п. 1	ж	взрослый	III–V вв. н.э.
Прииртышье				
Бещаул 2	к. 3 п.2	м	20–35	II в. до н.э. — I в.н.э.
	к. 4 п.1	ж	35–60	II в. до н.э. — I в.н.э.
Бещаул 3	—	м	20–40	I в. до н.э. — I в.н.э.
Богдановка 1	к. Б, центр, ск. 1	м	22–25	III в. до н.э. — I в.н.э.
Богдановка 3	к.1 п.1	ж	30–40	V–III вв. до н.э.
Исаковка 1	к. 8 п.3	ж	20–40	II–IV вв. н.э.
Карташево 2	к. 6 м.я. 4	м	40–60	III–II вв. до н.э.
Коконовка 1	к. 17 п.1	м	20–40	II–IV вв. н.э.
Коконовка 2	к.1. п.2 ск.1	ж	30–45	II–IV вв. н.э.
Стрижево 1	к. 11 п.2	м	35–60	III–IV вв. н.э.
	к. 13 п.1	м	30–40	III–IV вв. н.э.
Стрижево 2	к. 2 п.8	ж	взрослая	III–II вв. до н.э.
	к. 8 п.2 ск.2	ж	30–45	III–II вв. до н.э.
Черноозерье 3 ⁵¹	—	м	взрослый	III–V вв. н.э.
Бараба				
Старый Сад	К. 33 п. 2	м	ad.	I в. до н.э. — I в. н.э.
	К. 33 п. 3	м	mat.	I в. до н.э. — I в. н.э.

Таким образом, появление людей с преднамеренной деформированной головой на территории саргатской общности относится к I в. н.э. (согласно радиоуглеродным датировкам погребений из могильников Гаевский 1, Мурзино 1, Карасье 9). Это практически совпадает с возникновением этой традиции у средних сармат и представителей большереченской культуры и оказывается значительно более поздним по сравнению с южными соседями. Это время относится ко второму этапу распространения традиции деформации — к периоду экстенсивной экспансии элитных родов.

Рассматривая вопрос о путях проникновения обычая головной деформации на территорию Западной Сибири, В.А. Дремов полагал, что наиболее вероятными источником этой практики могли быть сармато-аланские племена приуральских степей, допуская при этом возможность частичного влияния из южных районов⁵². Учитывая, что у средних сармат, эта традиция появляется одновременно с появлением у саргатского населения, мы склоны ограничить инициаторов этого феномена кочевыми коллективами Казахстана или Средней Азии.

Теперь можно подвести итоги проведенному исследованию. Вышеизложенное позволяет заключить, что преднамеренная кольцевая деформация была привнесена на территорию саргатской общности в первом веке нашей эры, во время второго этапа распространения, представителями высокородных линиджей среднеазиатских кочевников. Наибольшее количество родов, маркирующихся деформированной головой закрепились на территории Приишмыя. Традиция сдавливания головы у детей бытовала на территории саргатской общности до конца ее существования. Однако визуальная выраженность этого действия в большинстве случаев была невелика.

Рассматривая присутствие феномена деформации головы на территории Западной Сибири в целом, следует отметить, что этот обычай иницировался здесь дважды. Первый раз он проникает в регион в первых веках нашей эры во время второго, «элитного» этапа экспансии. Проявления этой традиции характеризовались слабой выраженностью деформации, небольшим количеством ее обладателей и ограничивалось в территориальном и хронологическом аспектах этнополитическими образованиями «саргатской» лесостепи. Форма черепа людей этого времени предполагает использование в деформационном процессе дощечек. Вторая инициация циркулярной деформации на территории Западной Сибири произошла в III–IV вв н.э., в ходе третьего этапа экспансии, когда вытянутая голова являлась маркером принадлежности к могущественным политическим образованиям. Деформация в этот период приобрела значительную выраженность, хотя по-прежнему охватывала немногочисленную часть западносибирских обществ. Второе проникновение в значительной степени затронуло население лесных территорий и совпало с распадом лесостепных культур. Получающаяся форма черепа практически полностью исключала использование плоских подкладок. Очевидно, именно этот вариант циркулярной деформации головы сохранился у таежного населения в средние века (рис. 3).

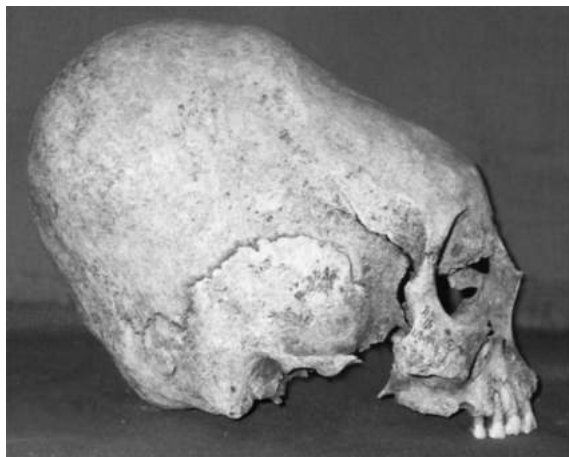

Рис. 3. Сильно деформированный череп мужчины из средневекового погребения Западной Сибири. Могильник Абатский 3, курган 5, погребение 6, подчевашская культура

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дремов В.А.* Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977. С.99–110.
2. *Жиров Е.В.* Об искусственной деформации // Краткие сообщения о полевых исследованиях института истории материальной культуры. Вып. 8. М.-Л., 1940. С. 88–95.
3. *Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П., Ражев Д.И., Шарапова С.В.* Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С.188–204
4. *Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000. С. 31.
5. *Погодин Л.И., Труфанов А.Я.* Могильник саргатской культуры Исаковка-III // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 98–127.
6. *Дремов В.А.* Ук. соч.
7. *Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000; Датировка и определение культурной принадлежности Ковригина А.А.
8. *Чугунов С.М.* О курганных искусственно-деформированных черепах Сибири // Труды Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете: материалы для антропологии Сибири. Казань, 1989. Т. XXXII. Вып. 3. С. 12–23.
9. *Дремов В.А.* Ук. соч.
10. *Багашев А.Н.* Ук. соч. С. 18
11. *Гинзбург В.В.* Древнее население восточных и центральных районов КазССР по антропологическим данным // Труды института этнографии. Т. 33. 1956. С. 238–298; *Жиров Е.В.* Ук. соч.
12. *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972; *Дремов В.А.* Ук. соч.; *Тур С.С.* К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996 С. 237–249; *Ходжайов Т.К.* О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Нукус, 1966. №4. С. 56–60; *Ходжайов Т.К.* Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000. С. 22–46.
13. *Тур С.С.* Ук. соч.; *Ходжайов Т.К.* Обычай преднамеренной деформации головы...
14. *Дремов В.А.* Ук. соч.; *Ходжайов Т.К.* Обычай преднамеренной деформации головы...
15. *Балабанова М.А.* О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 171–187.
16. *Балабанова М.А.* Ук. соч.
17. *Жиров Е.В.* Ук. соч.
18. *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Ук. соч.; *Ходжайов Т.К.* Обычай преднамеренной деформации головы...
19. *Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Ук. соч. с. 333–334.
20. *Ходжайов Т.К.* Обычай преднамеренной деформации головы...
21. *Дремов В.А.* Ук. соч.; *Тур С.С.* Ук. соч.
22. *Громов А.В.* Теменная и затылочно-теменная деформация у древнего населения среднеенисейских степей: морфология и обряд // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 162–170.

23. Тур. Ук. соч.; *Ходжайов*. Обычай преднамеренной деформации головы...
24. *Ходжайов*. Обычай преднамеренной деформации головы... С. 27.
25. Тур. Ук. соч.
26. *Гиппократ* О воздухах, водах и местностях // Избранные книги. / Пер. В.И.Руднев М., 1994. С. 294.
27. По Тур. Ук. соч. С. 246.
28. *Гинзбург, Трофимова*. Ук. соч. С. 333–334.
29. По Тур. Ук. соч. С. 246–247.
30. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
31. Аполлоний Родосский объясняет происхождения топонима Макрия проживанием там народа макронов. «А сами они называются так вследствие того, что у них есть довольно много длинноголовых (макрокефалов)» (по *Балабановой*. Ук. соч. С. 171).
32. *Балабанова*. Ук. соч. С. 171
33. *Геродот*. История / Пер. Г.А. Стратановский. М., 1993. С. 110.
34. *Гиппократ*. Ук. соч. С. 294.
35. Там же. С. 295.
36. *Балабанова*. Ук. соч.
37. Там же. С. 107.
38. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В двух томах. Т. II. М., 1994. С. 145.
39. *Гинзбург, Трофимова*. Ук. соч.
40. *Фириштейн Б.В.* Сарматы нижнего Поволжья в антропологическом освещении // *Тот Т.А., Фириштейн Б.В.* Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., С. 95.
41. *Балабанова*. Ук. соч. С.107.
42. Там же. С.108.
43. *Дремов*. Ук. соч.
44. *Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотажном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия: Преемственность. Вып.3. Омск, 1999. С.160–186.
45. *Дремов*. Ук. соч.
46. *Шпакова Е.Г., Бородавский А.П.* Факты искусственного повреждения черепов из Новосибирского Приобья в эпоху раннего железа (по материалам памятника Быстровка — 2, 3) // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск, 1998. С. 684–692.
47. *Уманский А.П.* Погребение эпохи “великого переселения народов” на Чарыше // Древние культуры Алтая и западной Сибири. Новосибирск, 1978. С.129–163.
48. *Зыков А.П.* Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху великого переселения народов // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск-Омск, 2002. С. 47–50.
49. *Погодин, Труфанов*. Ук. соч.
50. Датировки для всех могильников, за исключением Черноозерья 3, взяты из *Багашева*. Ук. соч.
51. Дата приведена по *Дремову*. Ук. соч.
52. *Дремов*. Ук. соч. С. 109–110.

SPREADING OF CUSTOM ON ARTIFICIALLY CRANIAL DEFORMATION AMONG SARGAT'S POPULATION

D.I. Razhev

The analysis of the artificial cranial deformation among Sargat populations (5th c. BC to AD 3rd c., forest-steppe of Western Siberia) has indicated several important patterns of its development. It appears that the practice of deformation was first introduced into the Sargat region by the noble clans of the Central Asian nomads in the first century AD. Most of these clans have been obtained at the Ishim River region. The tradition of deformation persisted among the Sargat until their decline, but the visual intensity was small. Based on evidence discussed within this article, a new model for the spreading of cranial circular deformation in Eurasia, comprising three phases, can be suggested: 1) middle of 1st millennium to 3rd c. BC, artificial deformation marking a few noble clans; 2) 2nd c. BC to AD 2nd c., development of noble nomad clans in several regions of the Eurasian steppe; 3) AD 3rd to 5th c., emergence of great political formation in which all members exhibit cranial deformation.

© 2008 г.

М.Г. Мошкова

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
III в. н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКА «ТРИ БРАТА»

Памятники позднесарматской культуры (II–IV вв. н.э.) на территории Азиатской Сарматии в степях от Дона до Южного Приуралья представлены тремя крупными регионами. В самом западном из них — междуречье Волги-Дона в настоящее время располагается наибольшее количество (около 500) исследованных позднесарматских погребений. Они концентрируются в самых низовьях Дона на левом и правом его берегах, в бассейне Маныча и особенно Сала, а также в междуречье Дона и Сала. Еще две значительные группировки располагаются на правобережье Волги и в верховьях Маныча (Калмыкия). Несмотря на свою близость по некоторым параметрам они весьма различаются. Особенно своеобразны могильники, находящиеся в среднем течении Сала и междуречья Дона и Сала.

Выделение хронологических групп в общей массе позднесарматских памятников (II–IV вв. н.э.) предпринималось неоднократно. Наиболее обоснованные шаги в этом направлении в начале 80-х годов XX века были сделаны А.С. Скрипкиным на материалах Нижнего Поволжья. Используя метод выявления определенных типов предметов с повышенной взаимо-встречаемостью, обусловленной синхронностью их существования, он выделил погребения второй половины II — середины III вв. н.э., второй половины III в. и конца III–IV вв. н.э.¹.

В конце 80-ых годов XX века, используя весь накопленный материал с территории междуречья Волги-Дона, ростовским археологам удалось выделить на памятниках этой территории финальный этап существования позднесарматской культуры, предшествовавший гуннской эпохе и датировать его второй половиной III–IV вв.² Их утверждение базировалось на существовании характерных форм инвентарного комплекса (двучленные лучковые фибулы, пряжки, небольшие зеркала с петелькой на тыльной стороне диска, некоторые типы гончарной керамики, как правило, северо-кавказского производства), которому сопутствовало появление некоторых особенностей погребального обряда. Они касались сооружения вокруг части позднесарматских курганов круглых или прямоугольных рвов с перемычкой с юга, а также абсолютного преобладания среди погребальных конструкций некоторых донских могильников (Московский, Новосадковский, Новый, Подгорненский, Комаров и другие) подбойных и катакомбных сооружений, в первую очередь с так называемыми Т-образными катакомбами. Авторы совершенно справедливо утверждали, что подбойные могилы середины III–IV вв. сходны с синхронными памятниками Поволжья и Калмыкии. Что касается катакомб, которые не встречаются в Заповжье, Южном Приуралье и единицами известны на правобережье нижней и средней Волги (Барановка³; Большая Дмитриевка⁴), то они считали «мало вероятным раздельное, абсолютно независимое существование донских и кавказских катакомб»⁵. Чуть позднее ростовчане писали, что «нельзя доказать спонтанное возникновение катакомбного обряда у одной из локальных групп обширного позднесарматского мира на заключительном этапе его существования»⁶. Этой же версии придерживаются и другие археологи⁷, поскольку, во-первых, Т-образные катакомбы не имеют генетических корней в позднесарматских памятниках II — середины III вв. н.э. и, во-вторых, самые близкие аналогии, практически тождественные донским Т-образным катакомбам, характерны для «раннеаланской культуры» Центрального Предкавказья. Эта культура является самостоятельным образованием, которое сформировалось в первой половине II в. н.э. В основу ее легли культура местного автохтонного населения и включение степного миграционного импульса с территории междуречья Волги-Дона. Этими мигрантами были носители среднесарматской археологической культуры⁸. Помимо постоянных торговых контактов, предложенная концепция является еще одним доказательством самых тесных и постоянных связей между степным кочевым миром междуречья Волги-Дона и населением Центрального Предкавказья.

Наиболее активно позднесарматскими памятниками Подонья занимался и занимается С.И. Безуглов. В 90-х годах прошлого века благодаря своим работам по материалам могильников позднеримской поры (от середины III в. до начала V в.), он счел возможным разделить ее на два временных периода. К первому отнесены могильники, где катакомбы соседствуют с синхронными им типами погребальных сооружений — главным образом подбойными могилами. Общая дата этой хронологической группы определена С.И. Безугловым как середина III — первая треть IV вв. Дата второй группы определяется — от эпохи Константина I (306–337 гг.) до начала V в.⁹. Представлена она, как правило, только катакомбными захоронениями.

Среди памятников позднесарматской культуры выделение погребений ее финального этапа второй половины III — начала IV вв. весьма сложная задача. Разгром в середине III в. Танаиса и окружающих его городищ нарушил торговые связи сарматов, изменилась их направленность, сократилось поступление в степь импортных изделий, являвшихся важными ориентирами при датировке погребений. Особенно это коснулось отдаленных от Подонья районов, где к тому же не встречаются Т-образные катакомбные сооружения. Но, именно с этого времени налаживаются более тесные отношения с населением Центрального Предкавказья, которое еще активнее продолжает снабжать сарматов своей продукцией (керамика, металлические изделия — фибулы, зеркала).

На юге междуречья Волги-Дона, в районе Элисты и в верховьях Маныча, находится довольно компактная группа могильников, содержащая около 60 погребений позднесарматской культуры (Три брата, Элистинский, Бичкин-Булак, Архаринский, Лола, Кермен-Толга, Восточный Маныч). Часть из них была раскопана П.С. Рыковым в начале 30-х годов, часть — И.В. Синицыным и У.Э. Эрдниевым в 60–70-х годах XX века¹⁰. Во всех этих могильниках лишь менее 10 погребений можно датировать второй половиной III или второй половиной III — рубежом — началом IV вв. н.э. Все захоронения были совершены только в подбойных могилах. Если взглянуть на карту, то все эти памятники располагаются между Центральным Предкавказьем и группой донских могильников в бассейне Сала и междуречья Сала и Дона, содержащих захоронения в Т-образных катакомбах. Они находятся, как бы на пути любого возможного передвижения какой-то группы населения из Центрального Предкавказья на север к Дону.

Наиболее интересные погребения второй половины III — начала IV вв. и самое большое количество их в одном памятнике было сосредоточено в курганной группе «Три брата». Несмотря на то, что все они опубликованы, я позволила себе переиздать их, поскольку в статье П.С. Рыкова¹¹ очень мало иллюстраций инвентаря из этих погребений и все они представлены в виде довольно мелких не очень качественных фотографий.

В начале 30-х годов XX века, начиная раскопки курганов в районе г. Элисты и понимая значимость этой территории, П.С. Рыков писал о необходимости «...изучать этот район, поскольку он может содействовать установлению наиболее полной картины прошлого южной и юго-западной частей Нижнего Поволжья, связывающих огромный край с Северным Кавказом и донскими степями»¹². В течение нескольких лет им были исследованы могильники в непосредственной близости от г. Элисты — Три брата группа I, II, Элиста группа II и Бичкин-Булак.

Поскольку в публикации П.С. Рыкова все курганы могильника и погребальные сооружения описаны достаточно подробно, в настоящей статье эти данные даны кратко, а основное внимание уделено погребальному инвентарю.

Курган 6 (d — 7 м., h — 0,40 м).

Курган содержал одну могилу с подбойным типом погребального сооружения (рис. 1, I). Входная яма ориентирована по линии С-Ю (1,70x0,40 м гл. 0,90 м) подбой был сделан в западной стенке, длина и ширина его та же, что и входной ямы, высота 0,35 м, а высота ступеньки при входе в подбой — 0,15 м.

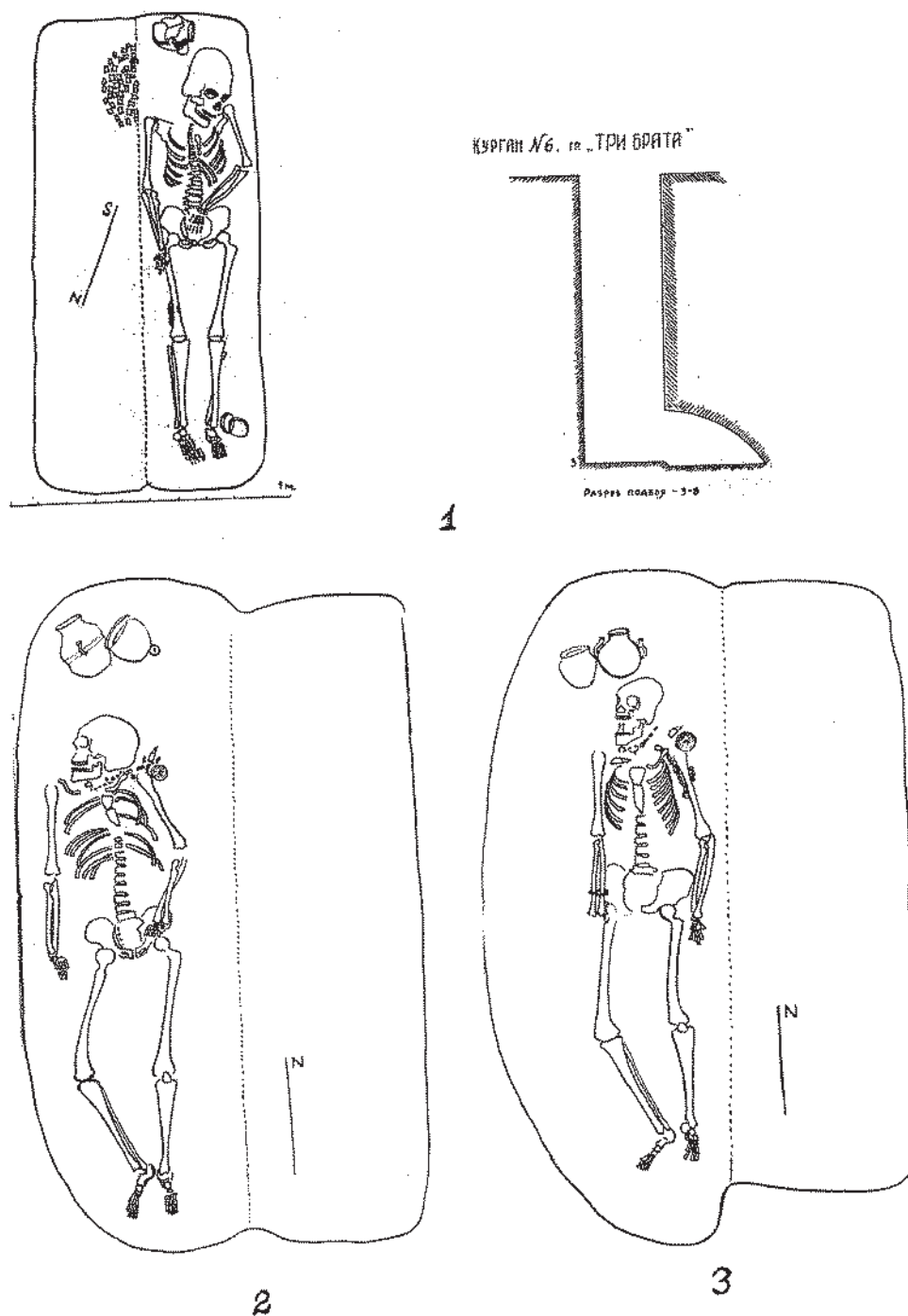

Рис. 1. Погребальные сооружения: 1 — курган 6; 2 — курган 13; 3 — курган 14. Все чертежи погребений даны в одном масштабе

На дне подбоя лежал скелет подростка 14–15 лет, вытянуто на спине, головой на юг. Череп его был деформирован. Правая рука находилась на вершине правого бедра, левая, согнутая в локте, лежала кистью на тазе. Под погребенным сохранились остатки подстилки в виде темного тлена. На дне южного конца входной ямы лежала грудка альчи́ков овцы — 65 штук. В головах погребенного находился раздавленный лепной горшок (рис. 2, 1), а слева — массивные железные кольчатые удила с крупными кольцами диаметром 7,5 см.

Курган 12 (d — 12 м, h — 0,50 м).

В насыпи кургана обнаружена половина челюсти овцы. В центре кургана находилась подбойная могила, входная яма которой ориентирована по линии С-Ю (1,75x0,45 м; гл. 1,55 м). В ее западной стенке был сделан подбой (1,80x0,60 м, высота 0,50 м, дно глубже на 0,26 м). На дне его лежала женщина, на спине головой в сторону севера, череп ее был деформирован. Фаланги пальцев левой руки находились на вершине бедра. В ногах женщины обнаружено несколько кусков истлевшего дерева.

У черепа погребенной лежали височные кольца (диаметр обоих до 2,3 см). Правое сделано из бронзы, один конец его заострен, другой расплюснут и свернут в трубочку (рис. 2, 2), левое — серебряное, концы его связаны друг с другом. Оба кольца сделаны из круглой в сечении проволоки. На грудной кости лежала бронзовая двучленная лучковая фибула с железной иглой и остатками грубой ткани (L — 7 см, рис. 2, 7). Слева от плеча женщины находилось небольшое (d — 3,8 см) бронзовое зеркало со скошенным и чуть приподнятым краем (рис. 2, 3). Имело ли зеркало небольшую ручку-подвеску, обломанную в настоящее время, или это лишь рудимент ее сказать трудно. Между плечевой костью и ребрами лежал обломок железного игольника (L — 6 см).

Курган 13 (d — 10 м, h — 0,50 м).

Курган сдержал подбойную могилу, входная яма которой была ориентирована по линии С-Ю (2,20x0,70 м, гл. 0,80 м). Подбой находился в западной стенке входной ямы и форма его слегка изогнутая (2,20x0,70 м), высота — 0,45 м, дно подбоя глубже дна входной ямы на 10–15 см. В подбое лежала женщина вытянуто на спине головой к северу. Череп ее был деформирован. Левая согнутая в локте рука женщины направлена кистью к бедру. Ноги сомкнуты в ступнях, при этом правая нога слегка согнута в колене, а левая — вытянута (рис. 1, 2). При погребенной находился довольно разнообразный инвентарь. В головах ее, около северной стенки стояло два сосуда. Один из них — прекрасно лощенный сероглиняный гончарный кувшин (h — 20 см) с двумя массивными ручками в виде стилизованных головок животных. Посередине тулова проходила широкая лощеная полоса, на дне было клеймо (рис. 2, 10, 10a). Глина кувшина содержала примесь очень мелкозернистого песка и еле заметных блестящих частиц, очевидно слюды. Вторым сосудом оказался небольшой лепной горшок, венчик которого украшен глубокими косыми вдавлениями (рис. 2, 11). В обоих сосудах были найдены мелкие обломки костей. Рядом с сосудами лежало довольно большое глиняное пряслице (рис. 2, 4). Под черепом женщины были обнаружены две серебряные пластинчатые лунницы с петельками (рис. 2, 6). На шейных позвонках и плечах находилось ожерелье из разнообразных бус (рис. 2, 9). В состав его входили: янтарные кольцевидные плоские бусы большей или меньшей

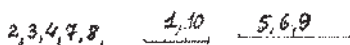

Рис. 2. Вещи из погребений: 1 — курган 6; 2–4, 7 — курган 12; 5–11, 7а — курган 13

толщины (более 30-и штук, рис. 2, 9а), стеклянные 14-гранные — из прозрачного сине-сиреневого стекла (8 штук, рис. 2, 9б), две черные довольно крупные бусины из стекла или стекловидной пасты (рис. 2, 9в), четыре крупные черные стеклянные бусины с белыми разводами (рис. 2, 9г), еще одна черная бусина с белыми и красными опоясывающим ее нитями (рис. 2, 9д), две сердоликовые 14-гранные бусины — одна на бронзовой со спиральками проволочке, другая — на серебряной (рис. 2, 5, 9е), стеклянная желто-белая трехчастная бусина (рис. 2, 9ж). Рядом с ожерельем, около левого плеча находилось бронзовое зеркало с приподнятым бортиком и петелькой на тыльной стороне диска (рис. 2, 8). Здесь же лежала крупная лучковая двучленная фибула (рис. 2, 7а).

Курган 14 (d — 13 м, h — 0,10 м).

В насыпи кургана были обнаружены кости овцы и копытце жеребенка. В центре — находилась подбойная могила, входная яма которой была ориентированна по линии СВ-ЮЗ (1,95х0,65 м, глубина 1,40 от уровня материка). Подбой был сделан в западной стенке входной ямы. По длине и ширине он чуть превосходил входную яму (2,25х0,85 м, h — 0,50 м), а дно его было глубже на 0,10 м. В подбое лежала женщина, вытянуто на спине, головой на СВ. Ее левая рука была слегка согнута в локте и немного отошла от позвоночника (рис. 1, 3). Ноги сомкнуты в стопах, правая — слегка согнута в колене, левая — вытянута. В головах погребенной у северо-восточной стенки стояли два сосуда. Первый из них представлял собой сероглиняный лощеный гончарный кувшин с желобками в самой широкой части тулова и двумя ручками, стилизованными под головки животных (рис. 4, 4). Вторым был довольно большой лепной горшок с короткой шейкой и широким горлом (рис. 4, 3). Около горшка лежали небольшой железный нож (рис. 3, 7) и шильце. На шейных позвонках женщины находилось ожерелье, состоящее из 22-х гешировых листовидных подвесок (рис. 3, 9з), разделенных гешировым бисером (рис. 3, 9ж) и маленькими бронзовыми спиралевидными пронизками. Концы ожерелья заканчивались серебряными плотными спиральками (рис. 3, 4), а в середине его, под подбородком женщины была закреплена маленькая серебряная лунница. На правом плече лежала чуть большая серебряная лунница (рис. 3, 3) с остатками ткани. На левой ключице в остатках ткани была обнаружена бронзовая лучковая двучленная фибула с внутренней тетивой и железным стержнем (рис. 3, 8; длина — 6,3 см). Там же лежало небольшое бронзовое зеркало с петлей в центре тыльной стороны диска (рис. 3, 6). На груди, между грудной и правой плечевой костью находилась вторая бронзовая лучковая двучленная фибула с внутренней тетивой и бронзовым стержнем (рис. 3, 8а; длина — 7,5 см). Под ней лежала круглая плоская в сечении бронзовая пряжка с нарезками по внешнему краю кольца (рис. 3, 5). На левой стороне груди была найдена небольшая бронзовая пластинчатая пряжка овальной формы, которая скрепляла ожерелье, положенное очевидно на погребенную уже в могиле. Оно состояло из двух больших округлых бусин из алебаstra или мрамора, края одной из них сильно стерты и заполированы до блеска (рис. 3, 9а), одной пастовой коричнево-красной бусины с черными очень тоненькими прожилками (рис. 3, 9б), большой синей стеклянной бусины с белыми глазками и красными прожилками в них (рис. 3, 9в), черной округлой небольшой пастовой бусины (рис. 3, 9г), двух сердоликовых 14-гранных бусин,

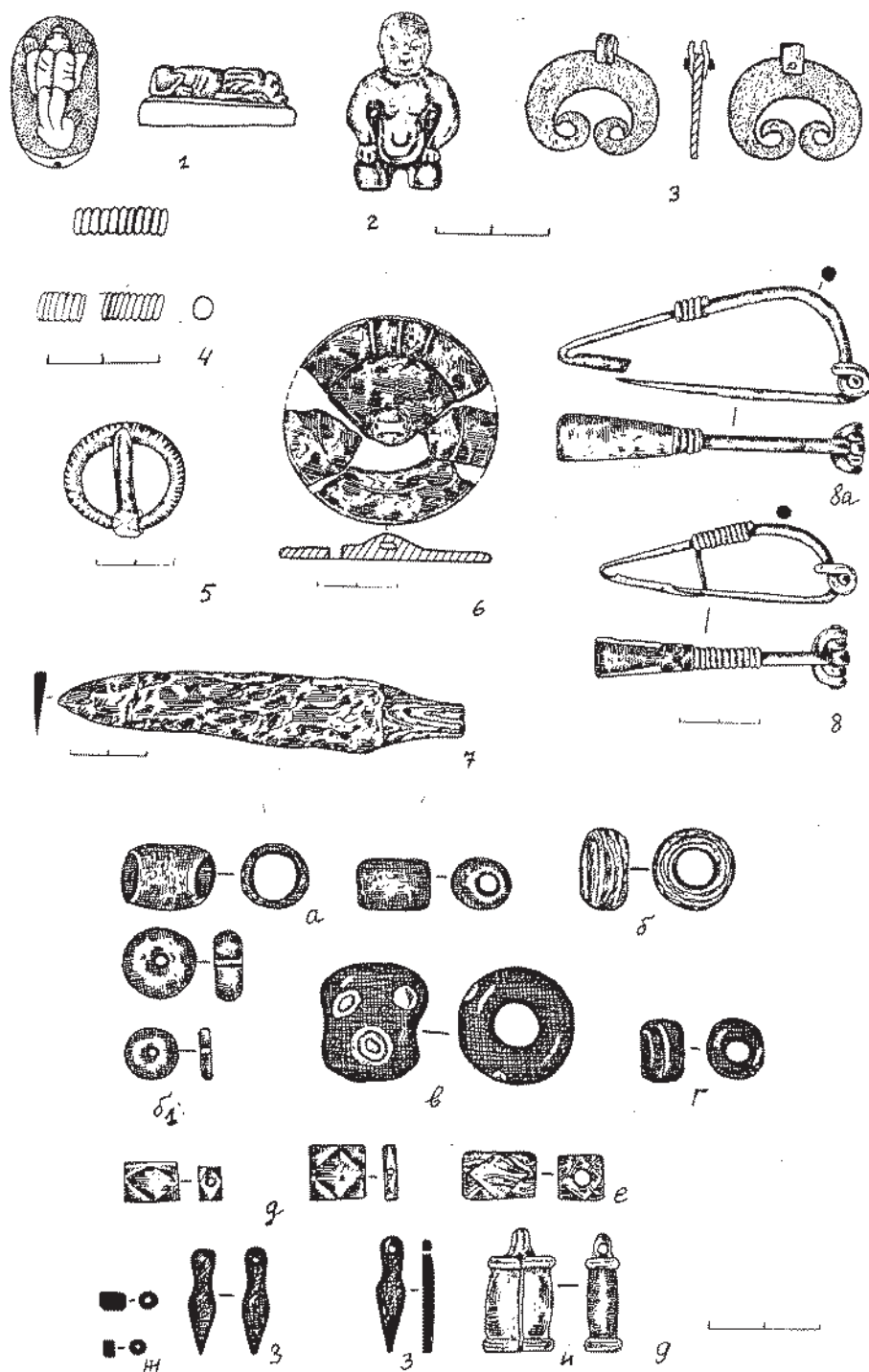

Рис. 3. Вещи из погребений: 1—9 курган 14

одетых на бронзовую проволочку, закрученную по концам в спираль (рис. 3, 9д) и одной стеклянной 14-гранной сине-голубой бусины с серебристыми продольными прожилками (рис. 3, 9е). В ожерелье входили также две подвески из египетского фаянса — одна в виде сдвоенных цилиндриков (рис. 3, 9и) и вторая в виде лежащего льва (рис. 3, 1). Здесь же между левой рукой и ребрами находилась фигурка Беса, сделанная из египетского фаянса (рис. 3, 2). Справа на ребрах, на уровне локтя женщины лежал бронзовый цилиндр с ободком по концам (игольник). На половине локтевых и лучевых костей обеих рук найдены браслеты в виде низки из плоских цилиндрических янтарных бус. На правой руке их сохранилось 26 штук и на левой 15 (рис. 3, 9б1).

Курган 17 (d — 12 м h — 0,65 м).

Под насыпью, в центре кургана была обнаружена подбойная могила, входная яма которой была ориентирована по линии север-юг. Она оказалась очень узкой, но достаточно глубокой (2,15x0,35 м, гл. — 2 м). Подбой был устроен в западной стенке и имел весьма значительные размеры (2,15x0,60 м; высота 0,50 м). Дно подбоя было на 0,40 м глубже дна входной ямы. Погребение частично разрушено, особенно в северной стороне подбоя. По частично сохранившейся верхней части костяка было установлено, что погребенный здесь мужчина лежал вытянуто на спине головой на юг. Около южной стенки могилы, в головах погребенного находилась ножная кость овцы.

Там же лежали два лепных сосуда, раздавленных обрушившейся частью подбоя. Один из них был небольшим шаровидным горшочком из черной довольно грубой глины с примесью крупного шамота (рис. 4, 1). Второй представлял собой кувшин, от которого сохранились обломки высокого (h — 6 см) цилиндрического горла. На одном из них было сквозное отверстие (d — 1,7 см), по-видимому от ручки-носика. Глина кувшина слоистая с примесью мелко истолченного шамота и песка. Справа, вдоль костяка находились обломки широкого и длинного железного меча. Часть из них была сдвинута к северной стенке подбоя. Там же был обнаружен один альчик. На месте правого плеча погребенного лежала бронзовая довольно массивная прямоугольная пряжка с подвижным язычком. Углы ее украшали нарезки (рис. 4, 2).

Датировка описанных погребений временем не ранее чем середина — вторая половина III в. н.э. не вызывает сомнений. Все фибулы, обнаруженные в могилах (курганы 12, 13, 14), по классификации А.К. Амброза¹³ — лучковые подвязные двучленные, две из них имели в пружине ось или стержень (бронзовый и железный). В настоящее время этот тип фибул принято датировать не ранее чем с середины III в. н.э.¹⁴ Эту дату подтверждают лунницы (кург. 13, 14). Абсолютно идентичные им экземпляры были обнаружены в погребении могильника Дружное, датируемом в рамках последней трети III в.¹⁵ Там же находилась и полная аналогия прямоугольной фасетированной по углам пряжке из кургана 17. Курган 6 был отнесен к группе поздних погребений могильника «Три брата» по обнаруженным в нем массивным коленчатым удилам с дополнительными кольцами — псалиями диаметром 7,5 см. Кольца такого диаметра появляются не ранее середины III в. н.э.

Весьма интересный материал представляет собой керамика могильника. Двуручные гончарные сероглиняные лощенные кувшины со стилизованными

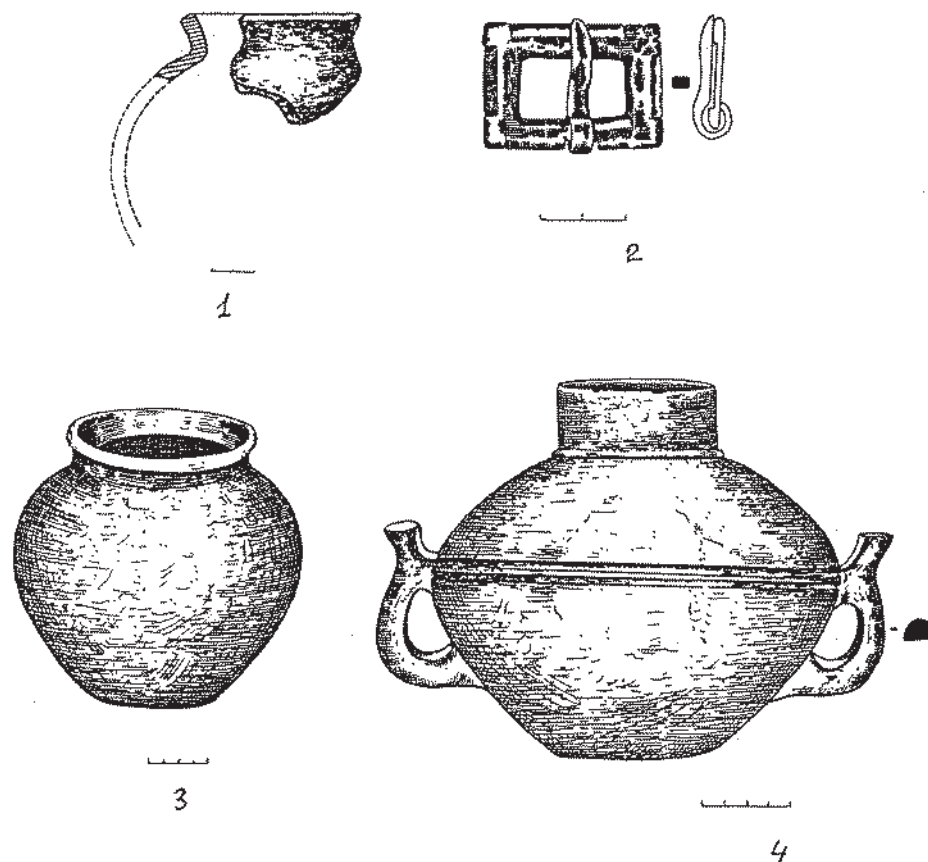

Рис. 4. Вещи из погребений: 1–2 курган 17; 3–4 курган 14

под кабанчиков ручками несомненно являются импортом из Центрально-Кавказских керамических мастерских. В Подонье они появляются еще во II — первой половине III вв. н.э. В верхних слоях помещений, разрушенных в Танаисе в середине III в. было обнаружено множество обломков центрально-кавказской или раннеаланской керамики, в том числе и двуручных кувшинов¹⁶. После разгрома Танаиса и городищ его окружи производство меотской керамики почти совсем прекращается. В кочевнических погребениях ее полностью заменили центрально-кавказские сосуды. Интересно, что даже на местной лепной керамике чувствуется влияние центрально-кавказских производственных традиций. В кургане 17 сохранился обломок довольно высокого горла от лепного кувшина. В стенке его оказалось круглое сквозное отверстие, оставшееся очевидно от штифта, с помощью которого крепилась ручка. Подобная техника крепления ручки к тулову сосуда является характерной чертой для центрально-кавказской керамической традиции¹⁷.

Совершенно не противоречат предложенной дате наборы бус из курганов 13, 14. Так бочковидные бусы из глухого черного стекла, украшенные белыми или

желтыми фестонами (рис. 2, 9с) датируются в рамках II–IV вв. н.э.¹⁸. То же самое можно сказать о 14-гранных бусинах из сердолика и стекла¹⁹, кольцевых янтарных и всех остальных, представленных в погребениях.

В кургане 14 было найдено три предмета из египетского фаянса, что вообще не характерно для сарматских погребений этого времени. Но и они не противостоят датировке комплекса второй половиной III — рубежом III–IV вв. или самым началом IV в. Так подвеска, в виде сдвоенных цилиндров, характерна для более ранних комплексов, но известна и в погребениях III в.²⁰. То же самое можно сказать о подвеске в виде лежащего на подставке льва (рис. 3, 1). В памятниках Боспора они, как правило, датируются I–II вв.²¹, но в могилах кочевников изредка встречаются и позже. Возможно в могильнике «Три брата» это наиболее поздняя находка. И, наконец, в этом же кургане была обнаружена фигурка, описанная у П.С. Рыкова как «фаянсовая фигурка Беса»²². Но, судя по описаниям фаянсовых фигурок Беса, подвеска, найденная в «Трех братьях», представляет собой не Беса, а патека. Как пишет Е.М. Алексеева «Это такие же фигурки обнаженного человека, присевшего на корточки, уперев руки в колени; только голова у патека непокрытая, безбородая с торчащими ушами... Все фигурки помещались на плоских прямоугольных подставках... Происходят фигурки патеков из комплексов римского времени I–III вв.»²³. В представленном экземпляре из «Трех братьев» подставки не было, тыльная сторона фигурки была почти плоская, без петельки или ушка, размер ее 2,8х1,8 см. Кроме отсутствующей подставки все остальные признаки фигурки, включая и ее размеры, соответствуют признакам, характерным для патека.

Погребальный обряд описанных погребений, как и сопутствующий им материал, разрешают предложить для них дату в пределах второй половины III — рубежа III–IV вв. Именно она представляется наиболее предпочтительной для пяти описанных комплексов из могильника «Три брата».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 50–55.
2. Безуглов С.И., Захаров А.В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в правобережном Подонье // ИРОМК. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1988.
3. Скрипкин А.С. Позднесарматское погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. Вып. 140. 1974.
4. Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского Края. Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов, 1997.
5. Безуглов, Захаров. Ук. соч. С. 19–23.
6. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–V веков на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 181.
7. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999. С. 199–201.
8. Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В.Деопику — друзья и ученики. М., 2007. С. 494.

9. *Bezuglov S.I.* Keso romai kori katakombas temetkezések az Also-Don- Videk sztyeppein // *A Mora Ferenc Museum Evkonyve Studia Archaeologica*, I. Szeged, 1995.
10. *Рыков П.С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933–34 гг. // *СА*. 1936 Вып. I; *Синицын И.В., Эрднеев У.Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). Труды. Вып. 2. Элиста, 1966; *Синицын И.В., Эрднеев У.Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 г.). Труды. Вып. 3. Элиста, 1971; *Эрднеев У.Э.* Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста, 1982.
11. *Рыков.* Ук. соч.
12. Там же. С. 117.
13. *Амброз А.К.* Фибулы Европейской части СССР // *САИ Д1-30*. М., 1966. С. 32.
14. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 52, 105–107; *Безуглов, Копылов.* Ук. соч. С. 176–177; *Храпунов И.Н., Масякин В.В.* Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // *Stratum + Петербургский археологический вестник*. СПб., Кишинев, 1997. С. 171.
15. *Храпунов, Масякин.* Ук. соч. С. 171. Рис. 7, 23–25.
16. *Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М.* О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в.н.э. в Танаисе // *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*. М., 2007. С. 440. Рис. 4–6.
17. *Гугуев В., Гугуев Ю.* Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984–1985) // *ИРОМК*. Вып. 6. Ростов-на Дону, 1989. С. 74.
18. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ Г1-12*. М., 1978. С. 48. Табл. 30, 63, 64, 68.
19. Там же. С. 70; *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ Г1-12*. М., 1982. С. 17.
20. *Алексеева.* Ук. соч. С. 47.
21. Там же. С. 44–45.
22. *Рыков.* Ук. соч. С. 148.
23. *Алексеева.* Ук. соч. С. 39.

LATE SARMATIAN BURIALS OF THE SECOND HALF OF THE 3rd C. AD (A BURIAL GROUND «THREE BROTHERS»)

M.G. Moshkova

The article considers late Sarmathian burials of the second half of the 3rd c. AD, located between the Volga and the Don, in Elista region and Manych upper areas. The funeral ceremony of the described burials, as well as, an accompanying material allow to date them within the limits of the second half of the 3rd c. at the turn of the 3rd — 4th cc. AD. The suggested period is to be the most preferable one to five described complexes from the burial ground «Three brothers».

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2008 г.

В.П. Костюков

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ШАМАНА ИЗ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Одиночный курган у «Третьего Плеса», о котором пойдет речь в настоящей статье, исследован на юге Челябинской области, примерно в 200 км к югу-юго-западу от г. Челябинска. В районе расположения памятника, принадлежащем центральной части Урало-Тобольского водораздела, ландшафт холмисто-равнинный, в рельефе господствуют длинные пологие склоны вдоль мелководных речек. В геоботаническом отношении местность характеризуется как «ложная лесостепь», т.к. простирающаяся через нее с севера на юг полоса степных боров представляет собой локальное явление, обусловленное не климатом, а составом подстилающих почву горных пород. Сосновые боры окружены березовыми колками и обширными полянами; травянистая растительность типично степная — ковыль, полынь, типчак.

Курган располагался на правом берегу реки Нижний Тогузак (приток Уя, впадающего в Тобол в его верхнем течении) близ северо-восточной окраины Джабык-Карагайского бора. Занимал ровную площадку мысовидного берегового выступа у устья лога, в 0,35 км к югу от русла реки на высоте 2,5–3 м от ее уровня. Информация о памятнике была получена в 1987 г. от пастухов, в хозяйственных целях заложивших на его поверхности яму и обнаруживших человеческие кости. В том же году курган был исследован отрядом археологической экспедиции ЧГПУ.

Насыпь кургана земляная, в рельефе едва заметная. Диаметр около 8,0 м, высота до 0,25 м. Могила размещалась под восточной полкой (рис.2-1). У ее юго-западного края («в головах» основного погребения) на уровне древнего горизонта локализовалось безынвентарное захоронение ребенка в возрасте до трех лет (рис.2-1, 1). Это погребение было разрушено хозяйственной ямой; поза и ориентировка умершего, к сожалению, остались невыясненными.

Непосредственно над могилой, на верхнем материковом уровне имевшей удлиненно-овальную форму (1,9x0,95 м), был распланирован материковый выкид — слой глины мощностью в центре до 0,25 м. Длинные стенки ямы были ориентированы вдоль линии восток-запад. На глубине 0,3 м от уровня материка на южной стенке была оставлена ступенька шириной до 0,5 м. Ширина могилы здесь сократилась до 0,4–0,45 м. Еще на 0,6 м ниже ступенька шириной 0,25–0,35 м была оставлена на северной стенке, здесь же начинался свод подбоя под южной стенкой. Высота подбоя — до 0,75 м, ширина — до 0,35 м

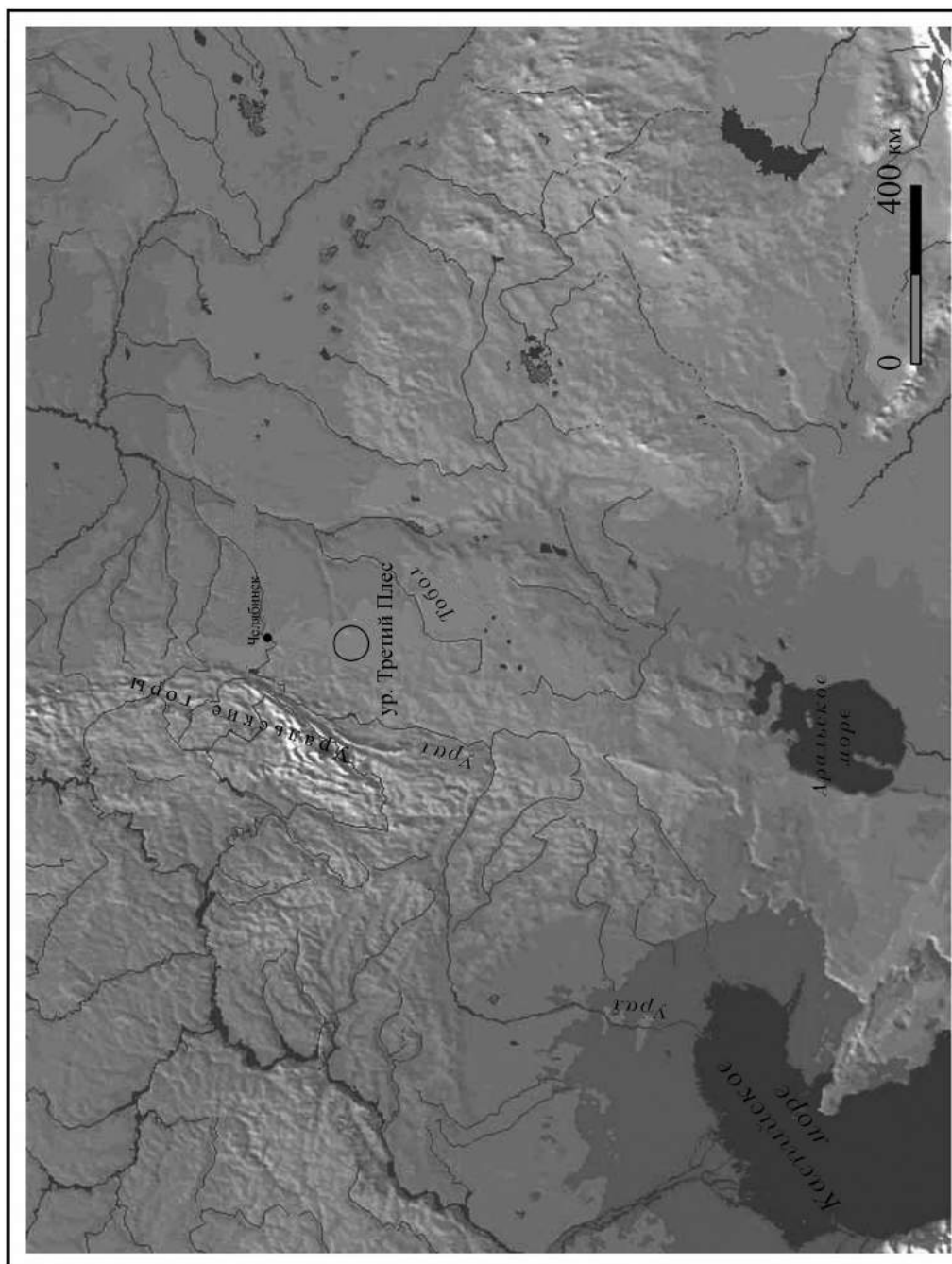

Рис. 1. Карта-схема расположения кургана у «Третьего Пlesa»

(рис.2-II-1, 4). Длина ямы у дна равнялась 1,85 м, ширина — 0,45–0,5 м. Глубина ямы в материке составила 1,3 м.

На уровне нижней ступеньки яма по всей площади была перекрыта растительным материалом (камыш?). На растительной подстилке лежали череп и кости нижних отделов ног коня. Череп, покоившийся на нижней челюсти и ориентированный храпом на запад, находился в западной половине ямы (ближе к ее середине), а кости ног — в восточной. Передние ноги, отчлененные по локтевому суставу, были положены копытами на восток, задние, отчлененные по коленному суставу, — поверх передних, копытами на запад. На костях задних ног у северо-восточного угла ямы лежали кости хвоста (рис.2-II-2).

Рядом с черепом коня в заполнении были зафиксированы два обломка жердей. Один из них (длина 20 см, диаметр 3 см), ориентированный перпендикулярно продольной оси ямы, находился у западной стенки, второй (длина 15 см, диаметр 5 см) занимал вертикальное положение, так что его нижний конец располагался непосредственно над кольцом удила, вложенных в пасть коня, с левой стороны черепа (рис.2-II-2, 1, 2).

На дне подбоя лежал истлевший скелет взрослого человека. Тело умершего было помещено в тесном пространстве подбоя в вытянутой на спине позе, головой на запад. Лицевая часть обращена вверх, руки простерты вдоль туловища. Кости обеих кистей отсутствовали. Среди найденных в погребении вещей — железные удила, 2 железных стремени, железный нож, остатки колчана с 8 железными наконечниками стрел, костяная пряжка, костяные накладки лука, небольшой каменный предмет и 14 серебряных пластинок. Сохранность железных и костяных предметов крайне неудовлетворительная.

Удила, находившиеся в пасти лошади, двухчастные, с кольцами диаметром около 4,5 см (по Г.А.Федорову-Давыдову — тип ГІ) (рис.3, 10). Стремена, несколько различающиеся пропорциями, лежали на берцовых костях (рис.2-II-3, 3). В типологии Г.А.Федорова-Давыдова они относятся к типу ДІІІ — округлого контура с расплющенной дужкой и узкой подножкой (рис.3, 12-13). Между костями правой стопы и стремянем найдена сильно поврежденная костяная подпружная пряжка с обломанным железным шпеньком (рис.2-II-3, 6). Пряжка массивная, продолговатой формы, с небольшим сужением в средней части (длина не менее 7 см, ширина в средней части 3 см, толщина 1,1 см); прорези для шпенька и продевания свободного конца ремня соединены (рис.3, 9).

Вдоль костей левой ноги наблюдались следы колчана в виде пятен органического тлена белесого и черного цвета. В колчане были оставлены 8 стрел, из которых 3 были помещены наконечниками к днищу, а 5 — к устью (рис.2-II-3, 4). Размеры наконечников крупные (общая длина до 11 см, ширина пера до 4 см), формы разнообразные. Наконечники из нижней части колчана плоские, с упором, асимметрично-ромбической формы (рис.3, 2-4). У двух наконечников ударные грани длинные, сходящиеся под острым углом, третий представляет собой лопаточку с прямой или слегка округленной ударной гранью. В верхней части колчана вычленяются лишь 3 наконечника, о форме пера которых можно судить уверенно. Один из них плоский, пламевидной или овально-крылатой формы (рис.3, 1); второй — плоский, в виде лопаточки с раздвоенным концом (рис.3, 7). Третий с длинным узким пером прямоугольной формы, возможно,

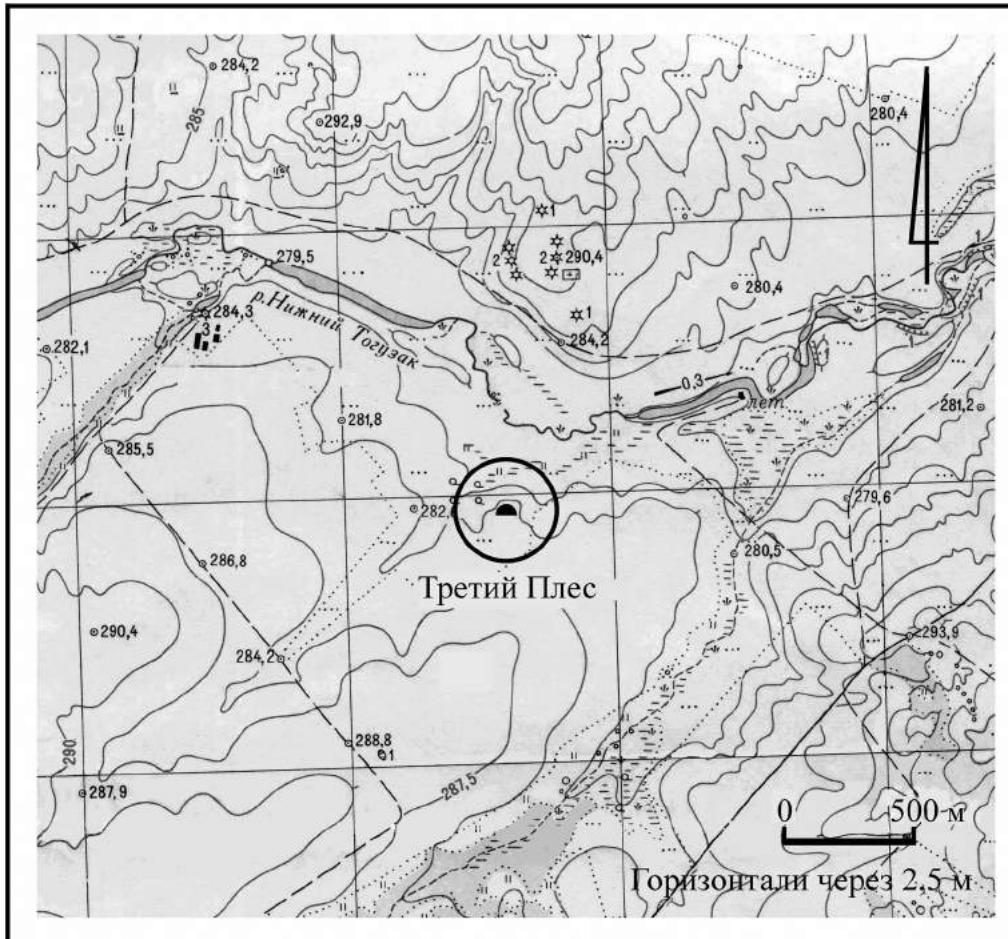

Рис. 2. Одиночный курган у «Третьего Пlesa».

I — Общий план и профили бровок. 1 — детское погребение.

II — могильная яма.

1 — план могильной ямы; 2 — кости лошади на ступеньке и в заполнении ямы: 1 — удила, 2 — фрагменты древесины; 3 — остатки на дне: 1 — серебряные пластинки, 2 — нож, 3 — стремена, 4 — наконечники стрел, 5 — каменный предмет, 6 — пряжка, 7 — накладки лука; 4 — профиль могильной ямы.

бронебойный (рис.3, 8). Длина стрел около 80 см. На древках близ наконечников хорошо различаются полосы бересты шириной 0,3–0,4 см, обвивающие древки по спирали. Черешок одного наконечника был закреплен небольшой костяной биконической муфтой без прорезей (рис.3, 6).

Лук представлен двумя костяными накладками: концевой, лежавшей близ локтевого сустава левой руки, и центральной, располагавшейся параллельно левой бедренной кости с ее внутренней стороны (рис.1-*II*-3). Длина концевой накладки около 9,0 см, ширина 2,0 см, толщина от 0,1 до 0,15 см. Внешняя поверхность накладки глянцевая, со следами обработки режущим предметом, внутренняя поверхность покрыта продольной линейной нарезкой. Центральная накладка была зафиксирована в виде пятна костного тлена, имевшего вид полосы длиной 23,0 см, шириной в средней части 2,0 см, а на окончаниях около 2,5 см. Под тленом центральной накладки лежал маленький нож с горбатой спинкой (общая длина 9,8 см, длина черенка около 3 см, ширина клинка у основания 1,5 см) (рис.1-*II*-3, 2; 3, *II*). Рядом с ножом найден небольшой камень (окремненный известняк) светло-серого цвета, полупрозрачный, со всех сторон покрытый органическим тленом (рис.1-*II*-3, 5). Форма дисковидная (диаметр около 3,0 см, толщина до 1,8 см), следы обработки не заметны (рис.3, 14). На дне подбоя во многих местах фиксировались обширные пятна органического тлена белесого и черного цвета толщиной от 0,1 до 1,0 см.

В размещении серебряных пластинок отчетливо проступала регулярность, выражавшаяся в парности и симметричности. Пластинки первой пары располагались по обеим сторонам нижней челюсти. Вторая пара была расчищена на проксимальных частях плечевых костей, третья — в области локтевых суставов, четвертая — в области лучевых суставов. Пятая пара пластинок прилежала слева и справа к крестцу, шестая располагалась на дистальных эпифизах бедренных костей. И лишь две пластинки отчасти выпадали из системы: одна из них была обнаружена слева от позвоночного столба в верхней его части, вторая — под правым тазобедренным суставом (рис.1-*II*-3, 1).

Пластинки сильно повреждены коррозией, некоторые оказались почти полностью разрушенными, поэтому судить о действительных размерах и пропорциях каждой из них, и тем самым — о проявлении парности в размерах, затруднительно. Лучше других сохранилась пара пластинок, располагавшихся на нижней челюсти. Длина пластинки, прилегавшей к правой ветви челюстной кости, равна 6,0 см, ширина — 1,4 см (рис.3, 22); сохранившаяся часть левой пластинки достигает длины 3,0 см при ширине, равной ширине правой. Длина остальных пластинок варьирует в пределах 2,0–4,0 см, ширина — 0,8–1,8 см, а толщина (за вычетом толщины окислов) в среднем равняется 0,1 см. В целом, преобладают удлинённые формы (рис.3, 15–22). Какие-либо отверстия для крепления отсутствуют; внутренняя поверхность отдельных пластинок покрыта органическим тленом черного цвета. В одном случае (на локтевом сгибе левой руки), вследствие почти полного окисления металла, сохранился повторяющий очертания пластинки фрагмент кожаной основы (длина 4,5 см, ширина 1,5 см), к которой она была, очевидно, приклеена.

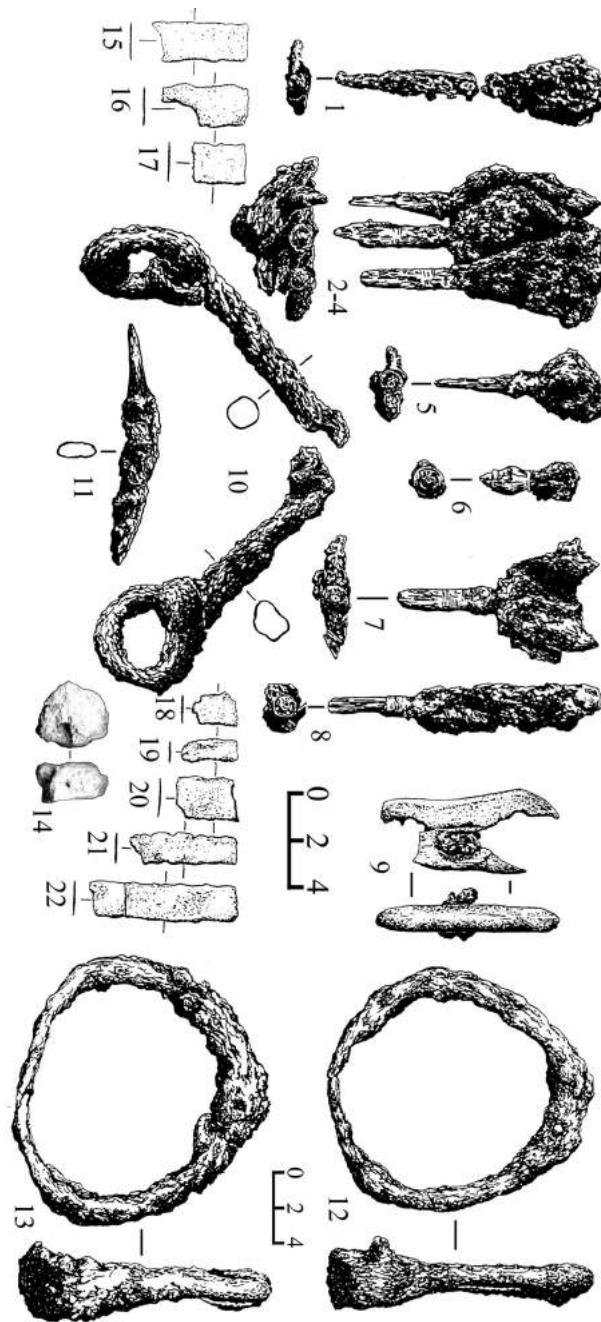

Рис. 3. Одиночный курган у «Третьего Пlesa». Погребальный инвентарь. 1–8 — железные наконечники стрел, 9 — костяная пряжка, 10 — железные удила; 11 — железный нож, 12–13 — железные стремяна, 14 — каменный предмет, 15–22 — серебряные пластинки, 23 — концевая накладка лука (кость)

Некоторые детали погребения и последовательность действий после помещения тела покойного в нишу подбоя могут быть реконструированы следующим образом. Умерший был похоронен в костюме, компонентами которого являлись головной убор с наушниками, кафтан или халат с длинными рукавами и, вероятно, сапоги с высокими голенищами. Нож и кварцитовый камень, по всей видимости, находились в чехлах, крепившихся на поясе. Слева на нижнюю половину тела покойного были положены колчан и лук, а в области голеностопных суставов была размещены элементы сбруи, включавшие стремяна и подпружную пряжку. Вслед за тем могила до уровня нижней ступеньки была заполнена материковой глиной и выстлана растительным материалом, вероятнее всего, камышом. На ступеньке и засыпи ямы были уложены голова и конечности коня. Взаиморасположение черепа и костей ног, наличие костей хвоста указывают на высокую вероятность использования шкуры для макетирования целой туши в положении на брюхе. В пасть коня были вложены удила; вместе с тем, расположение стремян в ногах умершего, очевидно, делало излишним включение в сопровождающий инвентарь седла. По поводу назначения двух обломков древесины, зафиксированных близ черепа коня, определенно можно сказать, что они не имеют отношения к перекрытию ямы. Этнографические данные позволяют видеть в подобных древесных остатках фрагменты юрты, а вертикально ориентированные обломки иногда интерпретируются как остатки коновязного столба¹. До уровня дневной поверхности яма была заполнена гумусом и материковой глиной, после чего остатки глины были распланированы над ее полостью. Последний этап манипуляций с грунтом заключался в возведении над могилой невысокого сооружения из дерновых блоков. Что касается захоронения младенца, то данных для уверенного суждения, является ли оно частью погребального комплекса или же имеет более позднее и случайное происхождение, по существу, нет, но, учитывая его расположение на древней дневной поверхности и локализацию относительно погребения взрослого, обрядовую связь между ними следует признать очень вероятной.

В классификации Г.А.Федорова-Давыдова погребение у «Третьего Пlesa» характеризуется признаками типа БVII. Этот тип в выборке, которой оперировал Г.А.Федоров-Давыдов, представлял всего один комплекс из Нижнего Поволжья. Как и другие погребения, совершенные в могилах с подбоями, он был отнесен к кругу древностей золотоордынского периода². В материалах «Третьего Пlesa» такая датировка подкрепляется типологией наконечников стрел. Наконечники принадлежат к числу тех, которые в западных районах Степи получили распространение только в золотоордынскую эпоху, т.е. в середине XIII–XIV вв.³ В восточной части Степи эти же формы наконечников в памятниках, интерпретируемых как монгольские, имеют более широкую хронологию — XI–XIV вв., за исключением наконечников типа 10 группы 2, период бытования которых Ю.С.Худяков очерчивает в пределах XIII–XIV вв.⁴ Что касается предметов упряжи, то, хотя аналогичные им типы и встречаются в памятниках золотоордынской эпохи, они все же признаются более характерными

для конца XII — начала XIII в.⁵ Таким образом, колчаный набор с достаточной определенностью датирует памятник серединой XIII—XIV в., в то время как стремяна, удила и пряжка сравнительно со стрелами производят впечатление некоторой архаичности. Подобного рода ситуация склоняет к выбору в качестве компромиссной даты XIII в., может быть, даже первой половины века. Эта датировка основывается не только на согласовании хронологических позиций наконечников стрел и предметов упряжи, но и на заметном смещении в обряде черт, свойственных тюркской и монгольской традиции, а также на общем центральноазиатском колорите памятника, что определяет его в большей степени как явление периода монгольской экспансии, нежели предшествующей эпохи, именуемой обычно кыпчакской.

Тюркская традиция со всей очевидностью реализована в сопроводительном захоронении коня. Средневековый монгольский погребальный ритуал, как известно, предусматривал включение в состав могильного инвентаря лишь элементов сбруи. К числу тюркских черт обряда можно отнести и западную ориентировку умершего. Здесь, разумеется, уместна оговорка о пока удовлетворительно не объясненном абсолютном преобладании западной ориентировки в кочевнических погребениях золотоордынского времени. Важнейшей причиной значительного увеличения доли погребений, в которых покойные уложены головой на запад, после захвата Дашт-и Кыпчака монголами, наряду со сменой населения, по всей видимости, явилось усилившееся влияние христианства и ислама, но в данном случае более вероятным источником этого признака видится глубинный этнокультурный стереотип, а не предписания мировых религий. Отнесение западной ориентировки на счет тюркской традиции учитывает также надежно зафиксированное в погребальном ритуале средневековых монголов предпочтение, оказываемое северному и северо-восточному секторам горизонта. В этом отношении любопытно, что в наиболее близком кургану у «Третьего Плеса» территориально и многими чертами обряда кургане 6 могильника Лебедевка VIII, датированном по инвентарю XII — началом XIII в., покойный был положен головой на северо-восток⁶.

Несмотря на то, что бесспорно монгольские составляющие в анализируемом комплексе не приметны, отдельные его черты все же могут быть истолкованы как отражение обрядности, привнесенной из восточной окраины Степи если не самими монголами, то племенами, продвинувшимися в первой половине XIII в. на запад вместе с монгольской волной. Прежде всего, в этом плане следует отметить форму ямы. Как показали исследования Г.А.Федорова-Давыдова, захоронения в подбойных могилах становятся сравнительно частыми лишь в золотоордынский период, тем самым претендуя на роль одного из отличительных археологических признаков нового этнокультурного элемента, появившегося в Дашт-и Кыпчаке в результате монгольского завоевания⁷. Обоснованность этого вывода, в известной мере, свидетельствуется, с одной стороны, наблюдениями Л.Т. Яблонского, согласно которым на городских золотоордынских могильниках монголоидность ярче выражена у погребенных в подбойных могилах, нежели у погребенных в простых ямах⁸, с другой стороны, материалами ряда могильников Забайкалья (Подчерная, Дэрестуйский Култук и др.)⁹. Каменные надмогильные сооружения в этих могильниках имели вид курганов,

в конструкции которых хорошо различались два элемента: прямоугольная или округлая вымостка с крупными плитами по краю и покрывавшая ее насыпь из сравнительно мелких камней; могилы оборудованы подбоем (либо же подбой имитировался каменным закладом или деревянной загородкой); умершие ориентированы головой на север или на северо-восток; в могилах практически обязательно наличествовало баранье «стегно». По мнению Н.В.Именохоева и П.Б.Коновалова, устойчивое сочетание признаков, классифицируемых исследователями как монгольские (каменные вымостки, ориентировка в северный сектор горизонта, баранье «стегно»), с подбоями позволяет включить подбой в реестр черт монгольской погребальной традиции¹⁰.

Другая привлекающая внимание особенность — структура надмогильного сооружения. Точно так же как забайкальские курганы состояли из каменной надмогильной вымостки и покрывавшей ее каменной насыпи, курган у «Третьего Плеса» включал два компонента — глиняную надмогильную площадку и покрывавшую ее конструкцию из гумусного грунта. На первый взгляд, различие материалов, употребленных для возведения курганов, ставит под сомнение саму возможность сравнения структуры насыпей. На самом деле сопоставление и отождествление здесь вполне допустимы. В этом убеждает, в частности, сравнительный анализ «каменных» и «земляных» курганов золотоордынского времени урало-казахстанской степной зоны, выявивший их этнокультурную однородность¹¹. Иными словами, устройство насыпи из материала определенного вида, разумеется, является одним из самых значимых элементов погребального обряда, но применительно к степным золотоордынским памятникам он не может служить жестким культурным индикатором. Его статус в системе этнокультурных признаков, по всей видимости, следует оценивать как предпочтение, а не строгую норму. Следовательно, позволительно заключить, что в надмогильных сооружениях забайкальских каменных курганов и южноуральского земляного кургана разными материалами была реализована некая общая концепция. О ее содержании в положительном смысле высказаться трудно; вероятнее всего, в подобном устройстве насыпи отражена какая-то ступень социальной градации, на что указывают отмеченная авторами публикации средневековых курганов с подбоями из Забайкалья неординарность надмогильных сооружений¹² и зарегистрированная в фонде урало-казахстанских курганов XIII–XIV вв. связь между усложненной структурой надмогильного сооружения и теми деталями обряда, которые, так или иначе, демонстрируют высокое общественное положение погребенных¹³.

Полностью соглашаясь с общепринятым мнением о малой информативности инвентаря средневековых погребений для этнокультурных определений, я полагал бы упущением проигнорировать те особенности предметов вооружения, в которых специалисты видят проявление монгольской культуры. К их числу, кроме характерных форм наконечников стрел¹⁴, можно отнести костяную муфту стрелы и конструкцию лука. Согласно мнению Ю.С.Худякова, костяные муфты, обеспечивавшие надежность крепления наиболее крупных наконечников, являются специфическим атрибутом монгольских стрел¹⁵. Тип лука с одной центральной и одной концевой накладками, покрытыми с внутренней стороны продольно-желобчатой нарезкой, в средневековом вооружении насе-

ления Забайкалья трактуется как монгольский или промежуточный, открывающий монгольскую эпоху¹⁶.

По количеству и разнообразию инвентаря публикуемый памятник почти ничем не отличается от того множества кочевнических погребений, что относят на счет рядового населения. Исключительный интерес вызывает лишь одна категория находок — прямоугольные серебряные пластинки. В публикациях памятников начала II тыс. н.э. из западной части Степи сведения о подобных аксессуарах одежды мною не обнаружены, но очень похожие находки встречены в материалах упоминавшихся выше могильников Забайкалья. В частности, в описании кургана 4 могильника Подчерная сообщается, что «около плеч, локтей, выше пояса и ступней ног погребенного обнаружены прямоугольные деревянные пластинки с тонкой металлической накладкой с одной стороны. Накладки изготовлены из серебристо-желтоватого сплава, прокатанного в тонкий лист»¹⁷. К сожалению, описания Подчерной и кургана 1 из могильника Дэрестуйский Култук, в котором были найдены аналогичные пластинки¹⁸, крайне лапидарны и не дают возможности провести исчерпывающее сравнение по таким параметрам как размеры¹⁹, количество, локализация и бинарность пластинок. Тем не менее, имеющейся информации достаточно для того, чтобы считать пластинки из одиночного кургана у «Третьего Пlesa» и кургана 4 могильника Подчерная функционально и семантически однородными. Несмотря на некоторые различия самих пластинок, в обоих случаях их расположение ясно показывает, что они могли быть только принадлежностью костюма.

Примеров использования подобных украшений на обыденном костюме средневековых кочевников найти мне не удалось; вместе с тем, хорошо известно, что у многих сибирских народов прямоугольные металлические подвески и пластинки (либо прямоугольные нашивки из мягких материалов) были одной из наиболее обязательных деталей шаманского убранства. Согласно авторитетному исследованию по этой теме, «часто на рукава кафтана, на места, соответствующие суставам руки, пришивали квадратные или продолговатые железные и медные пластинки, гладкие или орнаментированные, — суставы крыльев. Кроме этого, встречаются на кафтанах металлические, вышитые или выполненные аппликацией изображения позвоночника, грудной кости птицы, ребер, костей таза. На обуви — кости голени, стопы, коленной чашечки, копыта. На перчатках (рукавицах) — кости кисти или лапы. Различными способами выделяют хвост. На некоторых кафтанах (нагрудниках) имеются вышитые или металлические изображения дыхательного горла, сердца (или пупа) и сосков»²⁰. У бурятских шаманов «на нагрудник прикреплялись изображения грудной кости зверя, ребер и многочисленные трубчатые подвески, на рукава — изображения костей крыла (руки), сделанные из железа»²¹; у долган на шаманские костюмы «непременно пришивали три квадратные или продолговатые пластинки на плечевом и локтевом суставах и у кисти»²²; на алтайский шаманский кафтан «на месте плечевого, локтевого и лучевого суставов на рукавах пришивали полоски меха рыси»²³. Металлические прямоугольные пластинки присутствовали также на шаманской одежде нганасан, селькупов, эвенков, якутов, хакасов, тоджинцев, маньчжуров, монголов²⁴. Поперечные матерчатые и вышитые прямоугольники — по мнению С.В. Иванова, дериваты защитных металлических

пластинок — украшали рукава шаманов манегров, бираров, хинганских эвенков, солонов, дауров, монголов-халха²⁵.

В кургане у «Третьего Плеса» пластинки с достаточной очевидностью маркируют суставы рук, коленные и челюстные суставы²⁶, а также, по всей видимости, тазовые кости погребенного, и, таким образом, вполне вписываются в основные концептуальные схемы шаманского костюма: скелет птицы или зверя, изображение предка-шамана, защита суставов, «броня». Учитывая материал, размеры и локализацию пластинок, трудно остановиться на каком-то одном варианте семантики. Наиболее вероятно, что в рассматриваемом экземпляре костюма пластинки многозначны и символизируют одновременно и соответствующие части скелета человека или зверя, и защиту суставов, «броню», может быть, с большим акцентом на последнем значении. Впрочем, специфика информации, ограниченной только металлическими деталями, позволяет лишь в самом общем виде обсуждать символику и структуру одеяния шамана, погребенного в урочище «Третий плес».

Предположение о том, что погребения, в которых одежду умерших украшали прямоугольные металлические пластинки, следует интерпретировать как шаманские, подкрепляют некоторые другие данные, полученные при исследовании этих погребений. Так, в публикации кургана 4 могильника Подчерная сообщается, что захоронение было совершено под северным краем кургана, отличавшегося от синхронных надмогильных сооружений сложностью конструкции и крупными размерами; могила имела подбой, устроенный под северной стенкой и отделенный от входной ямы крупными каменными плитами; погребенный лежал в вытянутой на спине позе, головой на В-СВ; коллекцию инвентаря, помимо упоминавшихся пластинок и бараньего «стегна», составляли железные стремяна и удила, кинжал и два ножа, наконечники стрел, а также железная четырехугольная пластина, найденная под позвоночником выше таза, и лежавшие слева от черепа три железные колоколовидные подвески, «напоминающие бурятские шаманские полые подвески — *холбохо*»²⁷. В этой сводке признаков и артефактов внимание привлекают конструктивная обособленность надмогильного сооружения, смещение, надо полагать, намеренное, могильной ямы к краю подкурганной площадки, сравнительно большое количество оружия и, в особенности, местоположение железной пластины и конусообразных подвесок, подобных этнографически зафиксированным подвескам шаманского костюма. Квадратные железные пластины входили, например, в состав подвесок, украшавших спинку кафтана тувинского шамана²⁸, а подвески *холбохо* украшали головной убор бурятского шамана²⁹. Наличие железной пластины и подвесок *холбохо*, является, по существу, прямым свидетельством принадлежности погребения шаману, другие признаки, подчеркивающие нерядовой статус умершего, являются косвенными аргументами в пользу указанной трактовки.

В свою очередь, отдельные черты комплекса у «Третьего Плеса» тоже имеют оттенок индивидуальности и престижности. К таковым следует причислить неординарно большое количество стрел в колчане (в подавляющем большинстве синхронных погребений восточной части Степи количество стрел не превышает 3–4 экземпляров), одиночное расположение кургана, подзахоронение мла-

денца, а также наличие в инвентаре полупрозрачного камня. Все эти особенности могут маркировать шаманские погребения.

Присутствие оружия лишь на первый взгляд может показаться парадоксальным применительно к шаманским погребениям. Даже теоретически, учитывая фабулу «путешествия» шамана, наполненного борьбой с многочисленными противниками, для победы над которыми, собственно, и нужны модели защитного и наступательного оружия на костюме³⁰, и совмещение потестарных и сакральных функций, в норме существовавшее у народов Сибири, по меньшей мере, с хуннского времени³¹, оружие в погребениях средневековых шаманов является вполне естественной категорией инвентаря. Действительно, из пяти известных на сегодняшний день достоверно шаманских захоронений Западной Сибири предметов вооружения не было лишь в одном, причем самом позднем, датируемом XIX–XX вв.³² А шаманское погребение из могильника Ортызы-Оба (Минусинская котловина), ориентировочно отнесенное ко второй половине XVII — началу XVIII в., содержало экстраординарно избыточный оружейный арсенал: меч, топор, не менее четырех наконечников копий, кинжал, большое количество панцирных пластин³³. Наделение шамана оружием при погребении засвидетельствовано и этнографически. Так, по данным М.Н. Хангалова, буряты в ходе кремации шамана на погребальный костер кладут «сосновые ветви, их прикрывают потником, затем оргой коня, наконец, покойника, в голову покойника кладут узду, колчан с 8 стрелами и лук, а под голову седло... Стрелы и лук кладутся шаману затем, чтобы он мог избавить от смерти 8 хороших людей, по мнению кудинцев тем, что вместо обреченного на смерть человека, шаман в удовлетворение гнева заянов будет ломать стрелу; балаганские буряты думают, что этими стрелами шаман будет поражать угрожающих людям злых духов»³⁴. Возможно, оставление в колчане из кургана у «Третьего Пlesa» именно 8 стрел имело тот же самый смысл, что и в обряде погребения бурятских шаманов. Попутно замечу, что в якутском эпосе есть сюжет о принадлежавшем «белому шаману» плаще с серебряными украшениями, который «сопоставим с »серебряным панцирем“ (кемюс куйах) светлых богатырей Верхнего мира»³⁵.

Согласно этнографическим данным, шаманов избегали хоронить на общеродовых кладбищах³⁶, поэтому уединенность погребений специалисты относят к числу потенциально шаманских признаков³⁷. Что касается захоронения младенца, то его включение в анализируемый погребальный комплекс могло быть обусловлено разными причинами, среди которых жертвоприношение едва ли может претендовать на первоочередность³⁸. Вместе с тем, учитывая распространенность совмещения функций шамана и военачальника и несомненное бытование практики человеческих жертв при погребении знати в монгольскую и более поздние эпохи, такая интерпретация детского захоронения допустима. Еще в середине XIX в., по утверждению французского путешественника, в погребальную камеру монгольского князя помещали трупы детей, умерщвленных с помощью ртути³⁹. Нужно заметить, что погребение у «Третьего Пlesa» в рассматриваемом аспекте не единично. Детским захоронением, точно так же произведенным на уровне погребенной почвы над полостью могилы, сопровождалось женское погребение XIII–XIV вв. из могильника Салтак (Западный Казах-

стан, Актюбинская область) под отдельно стоявшим курганом усложненной конструкции, характеризовавшееся центральноазиатскими чертами в обряде и сравнительным богатством инвентаря (в который входили, в частности, зеркало и бронзовый сосуд). Памятник справедливо охарактеризован авторами публикации как погребение персоны, обладавшей «социальной значимостью»⁴⁰.

Физические характеристики найденного на дне могилы камня делали его непригодным для использования в качестве кремня. В таком случае, есть резон в выдвижении предположения, разумеется, сугубо гипотетического, не претендующего на какую-либо доказательность: не мог ли этот камень быть тем особым инструментом шаманского влияния на погоду, который у тюркских народов называется *яда таиш*? Конечно, от такого рода камня следовало бы ожидать большей презентабельности в размерах и форме: как известно, «классический» дождевой камень, в соответствии с тюркской легендой, переданной ал-Марвази⁴¹, должен быть конкрецией, образующейся в пищевых органах некоторых жвачных животных. Однако, как считает Дж.Э.Бойл, специально исследовавший вопрос о применении *яда таиш* в тюркском и монгольском шаманизме, «безоаровый камень, вероятно, должен восприниматься как первоначальный дождевой камень, ...однако во все периоды, как представляется, использовались камни различных видов»⁴². Судя по тому, что тувинские шаманы для восстановления магической силы камня *яда* вкладывали его в распоротое брюхо не только копытных животных, но и птицы, дождевой камень, действительно, мог иметь различное происхождение; в частности, тувинцами использовался прозрачный камень, в котором, хорошо всмотревшись, «можно увидеть облака и тучи»⁴³. Тем не менее, поскольку вопрос о должном внешнем виде *яда таиш* остается открытым, повторюсь, что говорить о назначении находки из кургана у «Третьего Пlesa» можно лишь в самом общем виде, обращаясь к естественности такого предмета в инвентаре шаманского погребения и к неоднократно засвидетельствованному в письменных источниках знакомству населения Восточного Дашт-и Кыпчака с искусством применения *яда таиш* в домонгольский и последующие периоды. Вот лишь некоторые примеры. Технику вызывания дождя, правда, менее искусную, чем его даштские сподвижники, демонстрировал последний хорезмшах Джалал ад-Дин⁴⁴. Во время завоевания монголами Северного Китая воин из племени канглы по приказу Толуя с помощью дождевого камня произвел убийственную погодную атаку на китайское войско⁴⁵. В начале своей карьеры Тимур потерпел поражение от Ильяс-Ходжи в битве, которая, благодаря стараниям *ядачи* противника, получила название Грязевой⁴⁶. В 1451 г. для облегчения перехода войска через Голодную степь *ядачи* хана Абулхайра вызвали холод, дождь и снег⁴⁷. Любопытно имя главы Ногайской Орды бия Ямгурчи (1502–1504), означающее «вызыватель дождя»⁴⁸. Казахские *яйдачи* «способом некоего волшебного камня» в 1771 г. обеспечивали оптимальные погодные условия для преследования калмыков⁴⁹. Еще в XIX в. у калмыков особым почетом пользовались *задычи*, за которыми признавалась способность «непостижимой силой возрождать или уничтожать дождь, гром и молнию»⁵⁰.

Несмотря на отсутствие абсолютно бесспорных признаков, в качестве которых во всех пяти случаях идентификации погребений шаманов в Западной Си-

бири выступали, прежде всего, конусовидные подвески с крюками и другие хорошо узнаваемые железные аксессуары шаманского плаща⁵¹, приведенные выше аргументы, в совокупности, с большой долей вероятности позволяют определить публикуемый комплекс как погребение шамана. Известная доля сомнений, неизбежная в работе со столь сложной материей как погребения служителей культа, значительно возрастает при анализе средневековых кочевнических погребений, в массе существенно менее «богатых» и менее вариабельных в сравнении с древностями предшествовавших эпох. Мизерность фонда достоверных, эталонных погребений шаманов обусловлена объективными причинами. Во-первых, у многих сибирских народов для шаманов существовали альтернативные ингумации способы захоронения⁵². Судя по истории гибели шамана Теб-Тенгри⁵³, эта традиция имела место уже в монгольскую эпоху. Во-вторых, при предании тела шамана земле его профессиональная атрибутика почти всегда исключалась из состава сопроводительного инвентаря. Она либо захоранивалась отдельно от тела погребенного⁵⁴, как полагают, из страха перед возможной вредоносностью покойника⁵⁵, либо оставлялась в его семье, так как считалась собственностью рода и должна была достаться новому шаману⁵⁶. В третьих, шаманы могли, вообще, не иметь специального костюма⁵⁷ или пользоваться костюмом без металлической гарнитуры, камлать посредством самых различных предметов: чаши, ковша, ложки, мутовки, лука и стрел, панцирных доспехов, меча, плети, опахала и пр.⁵⁸. Вероятно, нельзя сбрасывать со счетов и сравнительную немногочисленность шаманов. Некоторым ориентиром в этом отношении могут служить данные, приведенные Т.М.Михайловым: в XIX в. у бурят один шаман обслуживал группу населения в 300–400 человек⁵⁹. Понятно, что указанный пример не совсем корректен, но даже вдвое или втрое большие пропорции, соотнесенные с самыми обширными выборками кочевнических курганов, находящимися в распоряжении археологов, вряд ли существенно поднимут уровень ожидаемой встречаемости шаманских погребений. Все это позволяет прогнозировать малую вероятность накопления в обозримом будущем сколько-нибудь представительной выборки шаманских погребений, подобных Ортызы-Оба. Тем более ценными, на мой взгляд, предстают материалы погребения у «Третьего Плеса» и сравнимых с ним памятников Забайкалья. Помимо новых данных для реконструкции развития сибирского шаманского костюма, они предоставляют дополнительные признаки неявных шаманских захоронений.

Еще один вопрос, заслуживающий здесь хотя бы краткого рассмотрения, — вероятная этническая принадлежность покойного. В археологической литературе о кочевнических погребениях XIII–XIV вв. он решается обычно без затруднений. Все такие погребения почти без исключения считаются кыпчакскими. Не избежал в свое время этой участи и курган у «Третьего Плеса»⁶⁰. Однако ныне автор скептически относится к тезису о преобладании кыпчаков в золотоордынском кочевом социуме, особенно, когда речь идет о его восточной части, и сложившейся в археологии практике «кыпчакизации» погребений XIII–XIV вв.⁶¹ Как свидетельствуют разнообразные источники, в том числе и археологические, этнокультурный базис Улуса Шибана образовали тюркские и монгольские племенные группы, приведенные Джучидами из восточных рай-

онов Степи⁶². При рассмотрении комплекса у «Третьего Пlesa» под «восточным» углом зрения внимание привлекает, в первую очередь, серия погребений со шкурой коня, известных на обширной территории от Восточного Казахстана до Монголии и Забайкалья. В этническом плане она связывается с уйгурами⁶³ и датируется VIII—XII вв. и более поздним временем вплоть до этнографической современности⁶⁴. В этой серии нередко встречаются могилы, оснащенные подбоем, который тоже причисляется к признакам, диагностирующим уйгурские погребения⁶⁵.

Разумеется, детальное сравнение погребений, относимых на счет уйгуров, с курганом у «Третьего Пlesa» помимо черт сходства обнаружит и расхождения в ряде признаков, как-то: в оформлении надмогильного сооружения, деталях профиля могильной ямы, манере отчленения ног коня и некоторых других⁶⁶. Обсуждение принципиальности таких различий заняло бы слишком много места, здесь я полагаю достаточным, во-первых, указать на уже обозначенные выше центральноазиатские черты публикуемого памятника, во-вторых, напомнить о признаваемой исследователями несвойственности погребений со шкурой коня кыпчакам⁶⁷ и, в-третьих, имея в виду забайкальские материалы, сослаться на мнение Ю.С.Худякова о вероятности продвижения части уйгуров в монгольское время в Восточное Забайкалье⁶⁸. Что касается пребывания уйгуров в составе Улуса Шибана и, тем самым, в Южном Зауралье, то о нем можно говорить как об историческом факте⁶⁹, а не только ввиду их вездесущести как «первых учителей монголов и первых чиновников монгольской империи»⁷⁰. Уйгуры значатся в списках племен и их предводителей — сподвижников основателя государства кочевых узбеков Абулхайра и в списках племен, оставшихся верными его внуку Шейбани⁷¹. Иоганн Шильтбергер, в начале XV в. сопровождавший своего хозяина, хана Чекре, на Урал и в Сибирь, в повествовании о походе упоминает уйгуров как жителей этого региона и отмечает популярность их веры среди татар⁷². Веру золотоордынских уйгуров Шильтбергер называет поклонением Иисусу Христу «подобно трем святым царям», что справедливо понимается специалистами как буддизм. По преимуществу, буддистами характеризуют уйгуров многие другие средневековые источники. Вместе с тем, и из сообщения Джувейни о влиятельных в монгольской среде уйгурских «камах»⁷³, и из рассказа Киракоса Гандзакеци о *тоинах* — волхвах и колдунах, которые «своим колдовским искусством заставляют говорить лошадей и верблюдов, мертвых и войлочные изображения»⁷⁴, явствует, что шаманские практики были тесно вплетены в уйгурскую модель буддизма XIII в. Впрочем, шаманизм как таковой успешно пережил многие религиозные увлечения уйгуров, так что в Синьцзяне шаманов можно встретить еще и сегодня⁷⁵. Вплоть до этнографической современности шаманизм сохранялся также среди уйгуров Ганьсу, которых считают прямыми потомками древних уйгуров, правда, согласно данным С.Е. Малова, их шаманы уже не имели специального костюма и камлали в обычной одежде⁷⁶. Таким образом, приверженность уйгуров в монгольское время буддизму и другим религиозным системам высокого уровня не находится в непримиримой оппозиции к предпринимаемой здесь попытке интерпретировать курган у «Третьего Пlesa» как погребальный памятник уйгуров XIII в.

Не исключено, что западнобурятские шаманские призывания, упоминая

рыжих шаманов, говорящих на тюркском языке (*уйгур хэлэ*), подразумевали уйгуров⁷⁷. Последний факт, как представляется, мог бы сгладить диссонанс между этнокультурными определениями южноуральского и забайкальских памятников. Этнографией надежно зарегистрировано особое почитание шаманов других племен — иноплеменным шаманам подражали, получали от них в дар атрибуты, сами изготовляли сходные элементы костюма и т.п.⁷⁸. Даже без учета гипотезы, тесно увязывающей происхождение монголов с этнической историей уйгуров⁷⁹, подражания такого типа объективно должны были усилиться в пору монгольских завоеваний, и, вполне вероятно, именно этот феномен в XIII в. стал одним из действенных механизмов формирования монгольской «имперской» культуры⁸⁰.

Как известно, к началу XIII в. многие кочевые племена Степи в той или иной мере были вовлечены в орбиту универсальных религий. Христианство имело неофитов среди западных кыпчаков, кераитов и найманов, буддизм — среди уйгуров и киданей, ислам — среди восточных кыпчаков, канглы и карлуков. Нередко у одного народа получали распространение несколько религий. Так, меж кыргызов были буддисты и манихеи, а уйгуры помимо буддизма исповедовали христианство, ислам и манихейство. Универсальные религии приобретали сторонников, прежде всего, в верхней страте кочевого общества, ибо шаманизм как «народная» разновидность религии в существенно меньшей степени отвечал ее экономическим и политическим интересам⁸¹.

Резонно было бы ожидать, что новые религии находили опору в посмертных надеждах и упованиях новообращенных и как-то отражались в погребальном ритуале. В действительности этого не происходило. Нормы заупокойного культа прозелитических религий или совсем устранились из погребальной практики, или включались в традиционный ритуал настолько фрагментарно, что археологически зарегистрировать их оказывается чрезвычайно трудно либо вовсе невозможно. Главная причина игнорирования канонических элементов обряда погребения, видимо, заключалась в чуждости концепции спасения души и загробного воздаяния традиционному мировоззрению кочевников. Загробный мир шаманистов был почти во всем подобен земному, являясь, так сказать, его улучшенной моделью, и эта идея очень упорно сопротивлялась умозрительным представлениям о рае и аде, сопряженным со страхом вечного проклятия. Хотя искренний прозелитизм не исключался полностью, кочевники, принимая новую веру, чаще всего руководствовались прагматическими интересами и видели в ней, в первую очередь, средство для достижения успеха в реализации насущных мирских потребностей⁸².

Применительно к Улусу Джучи все сказанное выше означает, что принятое в археологии определение начального периода его истории как «языческого», будучи приемлемым в качестве технического термина, фиксирующего облик абсолютного большинства погребений, реальную религиозную ситуацию передает далеко не полно. Несомненное присутствие в кочевом сегменте Улуса Джучи подразделений тех племен, что задолго до монгольской экспансии попали в сферу влияния универсальных религий, данные о религиозных симпатиях от-

дельных Джучидов и религиозной окраске борьбы возглавляемых ими партий, а также ряд разнородных сведений о распространении религий в золотоордынских городах и кочевьях свидетельствуют о высокой степени конфессиональной мозаичности. Другое дело, что процесс усвоения универсальных религий долгое время находился на стадии, обозначенной Р. Итоном как «включение»⁸³, когда элементы новой веры пока еще механистически вводятся в существующую религиозную систему. Эта стадия, главным образом, в силу особенностей кочевого быта могла растянуться на многие столетия, и в то время, как кочевники уже в поколениях признавали себя последователями новой религии, сторонние наблюдатели считали их закоренелыми язычниками либо, в лучшем случае, вероотступниками, «плохими» мусульманами. Так, например, казахи, отсчет приобщения которых к исламу можно начинать, по меньшей мере, с правления Узбека, в начале XVI в. за «земное поклонение идолу и солнцу» и допущение продажи мусульман в рабство были признаны улемами Шейбани-хана язычниками⁸⁴. При отсутствии государственности, массовой неграмотности и без регулярного миссионерского наставления это состояние настолько мало изменялось, что во второй половине XVIII в. русский путешественник писал о казахах, что они, «хотя и содержат веру магометанскую, но не известно им не только истинное богослужение сего закона, но ниже самые малейшие духовные обряды»⁸⁵. Даже в середине XIX в., по свидетельству Ч.Валиханова, между казахов было еще много таких, «которые не знают и имени Магомета»⁸⁶. При этом вплоть до XIX в. источники регистрируют сохранение разнообразных языческих черт именно в погребальном обряде⁸⁷.

Приведенные соображения, как представляется, обязывают весьма сдержанно оценивать потенциал золотоордынских и постзолотоордынских кочевнических захоронений в решении вопроса о вероисповедании покойных. С одной стороны, наличие инвентаря и другие языческие признаки погребения могли иметь место лишь потому, что родственники предпочли приготовить усопшего к перемещению в привычный и надежный мир предков, а не к встрече с ангелами, которые будут решать его судьбу, руководствуясь малопонятными и чуждыми менталитету кочевника принципами; с другой стороны, причиной отсутствия инвентаря могли быть низкий социальный статус умершего или бедственное положение его сородичей, а не погребальные каноны мировых религий, точно также как сакральный аспект находимых иногда в могилах украшений с религиозной символикой мог оставаться абсолютно неведомым для владельца. Иными словами, даже концентрированно «языческий» облик кочевнического погребения золотоордынского времени не позволяет с полной определенностью утверждать, что покойный не принадлежал к числу сторонников одной из универсальных религий или не осознавал себя членом соответствующей конфессии. И в этом смысле курган у «Третьего Пlesa» является исключением — это настоящее, без тени «религиозной шизофрении» языческое погребение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 129.

2. Там же. С. 125. Табл. 17.
3. Там же. С. 116.
4. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. Рис. 63, 64.
5. Федоров-Давыдов. Ук. соч. С. 115.
6. Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 109, 111. Рис. 2, 1-19; 3, 1, 2.
7. Федоров-Давыдов. Ук. соч. С. 160.
8. Яблонский Л.Т. Монголы в городах Золотой Орды // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986.
9. Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1983. С. 69–86.
10. Там же. С. 83–84.
11. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1997. С. 11–12.
12. Именохоев, Коновалов. Ук. соч. С. 72, 74.
13. Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья. С. 10.
14. Относительно стрел можно было бы также заметить, что оклейка древков тонким слоем бересты, известная, по меньшей мере, с древнетюркской эпохи (Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 150), стала особенно популярной в монгольское время (Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. С. 125–126; Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск, 1991. С. 164. Рис. 3, 7, 9, 13).
15. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. С. 124–125.
16. Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. С. 80.
17. Именохоев, Коновалов. Ук. соч. С. 74.
18. В описании кургана 1 могильника Дэрестуйский Култук сказано: «Слева в области грудной клетки и пояса лежали около 10 деревянных пластинок с тонкой металлической накладкой с одной стороны. Металл накладок очень тонкий и напоминает фольгу, без орнамента». Погребение было совершено под каменным конусообразным сооружением, вершиной которого служил вертикально поставленный крупный шпилевидный камень. У западного края могилы — остатки кострища диаметром около 1 м и мощностью до 60 см. Умерший, помещенный в ложном подбое в вытянутой на спине позе, был ориентирован головой на северо-восток. Инвентарь, кроме бараньего «стегна», включал 8 железных латных пластинок, не менее 7 спекшихся наконечников стрел, наконечник копья, однолезвийный железный кинжал с перекрестьем и нож (Именохоев, Коновалов. Ук. соч. С. 74–76).
19. Конструктивно однотипные и, по всей видимости, сравнимые по размерам изделия обнаружены в Западном Забайкалье в одном из курганов могильника Кибадино: «На скелете выше пояса повсюду встречены пластинки-нашивки — деревянные, прямоугольные, размером 3х1 см, толщиной до 3 мм, покрытые светлой

- серебристой пластинкой типа фольги. Таких нашивок встречено около 20, первоначальное количество установить трудно. Некоторые из них встретились около бараньей ноги, в изголовье» (*Коновалов П.Б., Данилов С.В.* Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // *Новое в археологии Забайкалья*. Новосибирск, 1981. С. 68).
20. *Прокофьева Е.Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // *Религиозные представления и обряды народов Сибири* // СМАЭ. Вып. XXVII. Л., 1971. С. 84–87.
 21. Там же. С. 76.
 22. Там же. С. 47.
 23. Там же. С. 60.
 24. *Иванов С.В.* Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // *Этнография народов Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск, 1978. С. 147–148, 151.
 25. Там же. С. 161.
 26. Мне не удалось найти упоминаний о пластинах, укрепленных на головных уборах, что, возможно, обусловлено спецификой засвидетельствованных этнографически головных уборов, чаще всего имевших вид короны. Но шаманы «не в рогатых головных уборах, а в длинноухих малахаях» изображены на скалах Калбак-Таш в Горном Алтае (*Окладникова Е.А.* Шаманские петроглифы Сибири // *Этнография народов Сибири*. Новосибирск, 1984. С. 134).
 27. *Именохоев, Коновалов*. Ук. соч. С. 73–74.
 28. *Прокофьева*. Ук. соч. С. 71.
 29. Там же. С. 77.
 30. *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 213.
 31. Там же. С. 122–123; *Иванов*. Ук. соч. С. 139–142; *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 75–76.
 32. *Боброва А.И., Новоселова Т.В.* Шаманские погребения II тыс. н.э. Западной Сибири // *Человек в пространстве древних культур*. Челябинск, 2003. С. 114.
 33. *Худяков Ю.С., Скобелев С.Г.* Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // *Этнография народов Сибири*. Новосибирск, 1984; *Афанасьева Е.В., Ельцова С.Д., Скобелев С.Г.* Поздние археологические памятники Енисея // *Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки*. Новосибирск, 1988.
 34. *Хангалов М.Н.* Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии // *Собрание сочинений*. Т. I. Улан-Удэ, 1958. С. 367.
 35. *Васильев В.* «Хан первым ударял молотом по наковальне...» // *Илин*. 2001. №2 (25) // <http://ilin.sakhaopenworld.org/2001-2/47.htm>
 36. *Дьяконова В.П.* Об одной категории социальной иерархии шаманов // *Ученые записки ТНННЯЛИ*. Вып. XVI. Кызыл, 1973. С. 72–80.
 37. *Асеев И.В.* Археологический материал как источник отражения некоторых аспектов шаманизма // *Проблемы археологии и этнографии Сибири*. Иркутск, 1982. С. 134–135.
 38. П.С.Паллас, описывая казахские могилы у мавзолея Кесене в нынешнем Варненском районе Челябинской области, замечает, что «на одной из сих могил лежал с крышкой опрокинутой гроб, имеющий подобие небольшой лодки, но в нем примечательно положен был младенец» (*Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Т. II. СПб., 1786. С. 393).
 39. *Кастанье И.А.* Погребальные обряды у калмыков и у ламаитов вообще // *ТОУАК*. Вып. XIV. Оренбург, 1905. С. 184.

40. Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа, 1998. С. 152, 155.
41. Boyle J.A. Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages // Folklore. 1972. № 83. P.187–188.
42. Там же. P.192.
43. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. С. 132.
44. Шихаб ад-дин ан-Насаби. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны. М., 1996. С. 279.
45. Абулгази. Родословная История о татарах. Т.1. СПб., 1770. С. 450–452; *Ата-Мелик Джувейни*. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 128–129.
46. Автобиография Тамерлана // Тамерлан. М., 2003. С. 90.
47. Сочинения Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхаир-хани» // Известия АН Казахской ССР. №3 (8). Алма-Ата, 1958. С. 98; *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Сочинения. Т. II, часть 2. М., 1964. С. 165.
48. Юдин В.П. Фатх-наме // *Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы, 2001. С. 46.
49. Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772. С. 36.
50. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852. С. 96.
51. Боброва, Новоселова. Ук. соч. С. 114.
52. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 384–385; *Асеев, Кирilloв, Ковычев*. Ук. соч. С. 61.
53. Козин С.А. Сокровенное сказание. Т.1. М.; Л., 1941. §§ 245, 246.
54. Дьяконова В.П. Об одной категории социальной иерархии шаманов. С. 224.
55. Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 67.
56. Прокофьева. Ук. соч. С. 89; *Хлопина И.Д.* Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 78–79; *Худяков Ю.С.* Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья. С. 67.
57. Прокофьева. Ук. соч. С. 7; *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 368; *Потапов*. Алтайский шаманизм. С. 159, 208.
58. Львова Э.Л. Материалы к изучению истоков шаманизма (шаманские атрибуты сибирских тюрков) // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 84–92; *Сагалаев А.М.* Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 36–52; *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. С. 230–232; *Хлопина*. Ук. соч. С. 79; *Худяков Ю.С.* Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья. С. 67.
59. Михайлов Т.М. Структура бурятского шаманизма // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 49.
60. Боталов С., Костюков В. Кыпчакские погребения XI–XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
61. Костюков. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья. С. 17–18; *Костюков В.П.* Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999. С. 165–166; *Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.

62. *Костюков В.П.* Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья; Костюков В.П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // ПИФК. 1998. Вып. VI; *Костюков В.П.* О центральноазиатских элементах в культуре населения Улуса Шибана в XIII–XIV вв. // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I. Улан-Удэ, 2000.
63. *Евтюхова Л.А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. № 2. С. 217–220; *Худяков Ю.С.* Орнамент наборных поясов из погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 152–153; *Худяков Ю.С.* Погребения со шкурой коня в Минусинской котловине // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 103–104; *Худяков Ю.С.* Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 92–94; *Савинов Д.Г.* К этнической истории уйгуров на территории Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири. Омск, 1984. С. 93.
64. *Худяков Ю.С.* Этническая история кочевников Центральной Азии в конце I — начале II тысячелетия н.э. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 101.
65. *Алехин*. Ук. соч. С. 10.
66. Так, например, Ю.П.Алехин считает уйгурским признаком отсутствие в погребениях обычного оружия — лука со стрелами (*Алехин Ю.П.* К вопросу об этнополитической ситуации на Рудном Алтае в IX–X вв. // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 11).
67. См., например: *Ахинжанов С.М., Трифонов Ю.И.* К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья VIII–IX вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 158. На эту проблему существует и другой взгляд, сформулированный А.Г.Атавиным (*Атавин А.Г.* Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1).
68. *Худяков Ю.С.* Этническая история кочевников Центральной Азии в конце I — начале II тысячелетия н.э. С. 126.
69. Согласно С. М.Ахинжанову, в домонгольское время местность, в которой в 1216 г. монголы настигли и уничтожили остатки меркитов, т.е. северо-восточная часть Оренбургской области, являлась северной границей «страны Югур», где вместе с кипчаками, канглы, йемеками, уранийцами, байаутами, ильбари проживали и уйгуры (*Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. С. 235).
70. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. 58.
71. *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 9.
72. Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984. С. 35.
73. *Джувейни Ата-Мелик*. Ук. соч. С. 38–39.
74. *Кирикос Гандзакеци*. История Армении. М., 1976. С. 238.
75. *Li Tang*. A History of Uighur Religious Conversions (5th — 16th Centuries) // ARI Working Paper. 2005. № 44 // www.ari.nus.edu.wps05_044.pdf
76. *Малов С.Е.* Остатки шаманства у желтых уйгуров // Живая старина. СПб., 1912. С. 63.
77. *Хангалов М.Н.* Новые материалы о шаманстве у бурят // Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ, 1958. С. 468.

78. Прокофьева. Ук. соч. С. 89.
79. Дугаров Д.С. К проблеме происхождения монголов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной конференции. Т.1. Улан-Удэ, 2000.
80. В плане рассматриваемой здесь темы определенный интерес представляет название р. Утяганка, протекающей примерно в 100 км южнее Нижнего Тогузака. П.Б.Голден, комментируя известный этюд Плано Карпини о шаманизме монголов, которые «усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И, когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют Итога, а Куманы именуют его Кам», пишет, что «Itoga» является либо передачей слова *Etugen* (монг. «Мать-Земля», *etugeni* «шаманистская богиня земли» — слово, определенно связанное с древнетюркской священной Отюкенской чернью), либо, что более вероятно, с искаженным монгольским *idugan* — «шаманка» (*Golden P.B. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia* // CAJ, (), 1998. P.206). Г.Ц.Цыби-ков отмечал, что название шаманки звучит у всех монгольских и тюркских племен почти одинаково («утган», «удган», «одган», «одёган») и в качестве основы имеет тюркское «ут» («огонь»), по-видимому, в силу того, что первыми шаманами были женщины — жрицы огня (*Цыби-ков Г.Ц. Шаманизм у бурят-монголов* // Избранные труды. Новосибирск, 1991. С.164–167).
81. Roux J.-R. La religion des peuples de la Steppe // Popoli delle Steppe, Unni, Avari, Ungari. II. Spoleto, 1988. P.514–515.
82. May T. Attitudes Towards Conversion Among the Elite in the Mongol Empire // Asian Studies on the Pacific Coast, 2002 // <http://mcel.pacificu.edu/easpac/2003/may.php3>.
83. Eaton R.M. The Rise of Islam and the Bengal Frontier 1204–1760. Berkeley, 1993.
84. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976. С. 105–108.
85. Рычков. Ук. соч. С. 26.
86. Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в 5 т. Т.1. Алма-Ата, 1961. С. 524.
87. По свидетельству Н.Рычкова, в 1771 г. проехавшего от Уя до Ишима, казахи «с усопшими погребают... вместе и их оружие», а хан Абулхайр был погребен «в одежде обыкновенной и с некоторыми военными снарядами, как то: с саблею, копьем и со стрелами» (*Рычков. Ук. соч. С. 27, 43*). И.А.Кастанье, ссылаясь на А.Н.Харузина, пишет, что казахи «в древние времена... рядом с трупом клали разные предметы: ратную сбрую, нож, брусек, огниво, кремь, шило, иголку, нитки, сухие жилы и пр. Случалось даже, что с покойником хоронили лучшую его лошадь. Этот обычай был очень распространен еще в конце XVIII века и в начале XIX в. по ту сторону Урала» (*Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей* // ТОУАК. Вып. XXVI. Оренбург, 1911. С. 80).

MEDIEVAL BURIAL OF THE SHAMAN IN SOUTHERN URAL

V.P. Kostjukov

The article presents materials on a barrow of 13th c. in Southern Ural. Features of a funeral ceremony and accompanying inventory allow, in author's opinion, to define the monument as a burial place of the shaman.

© 2008 г.

А.В. Сазанов, Ю.М. Могаричев

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ХАЗАРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В КРЫМУ

В историографии по данному поводу мнения разнятся — от конца VIII в. до середины X в.¹

Еще А.Л. Якобсон писал о фактической утрате хазарами власти в Крыму к середине IX в. По его мнению, тогда хазарские дружины могли оставаться разве что на Боспоре². И.В. Ачкинази пришел к выводу, что к концу IX в. хазары были изгнаны из Боспора, но их власть еще распространялась на области между Судаком и Феодосией³.

В.В. Майко активно отстаивает точку зрения, что в юго-восточном Крыму до 965 г. находился хазарский наместник⁴. По мнению Л.Ю. Пономарева все «салтово-маяцкие» поселения восточного Крыма были оставлены жителями одновременно где-то в конце IX — начале X в.⁵.

В.Е. Науменко отмечая однородность так называемых «салтовских» керамических комплексов на Керченском полуострове и стратиграфическую кратковременность существования памятников наряду с немногочисленностью фрагментов кувшинов с плоскими ручками и ранневизантийской поливной керамики считает логичной датировку «салтовских» поселений на месте Тиритаки, Илурата, Пташкино и в окрестностях Героевского в пределах второй половины/конца VIII — середины-второй половины IX в.⁶. Окончательный выход Таврики из сферы влияния Хазарии он ограничил 80-ми гг. IX в.⁷.

К. Цукерман считает, что ко времени путешествия Константина Философа (начало 60-х гг. IX в.), у хазар, вытесненных венграми, на полуострове уже не оставалось опорных пунктов⁸. В попытке вернуть крымские владения или получить дань, они могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов.⁹

А.И. Айбабин полагает, что хазар изгнали из Крыма «спустя некоторое время» после 861 г., а именно, ближе к 873 г. Основанием для такой хронологии послужил как анализ археологического материала, так и письмо константинопольского патриарха Фотия архиепископу Боспора с поддержкой желания последнего крестить проживавших там иудеев¹⁰: «Если же ты, пленив тамошних евреев на послушание Христу, обратишь от тени буквы к благодати, как написал, то получаю и с избытком получаю прекрасные плоды добрых надежд, которые постоянно к тебе питал»¹¹. Возможность неоднозначного толкования письма Фотия не исключает факта прекращения хазарского господства в Крыму к началу 70-х гг. IX в.¹². (Его следует рассматривать в контексте византийской истории того времени. Известно, что в период правления Македонской династии при Василии I (867–886), после ряда попыток убедить византийских евреев принять христианство, был издан декрет об обязательном и насильственном их крещении¹³. Мы не знаем, были ли крещены местные евреи, и что произош-

ло с непокорными. Но вероятнее всего, желание Антония крестить иудеев можно рассматривать в большей степени как “рапорт с мест” о поддержке политики императора¹⁴).

Помочь в решении проблемы времени прекращения хазарского присутствия в Крыму, в значительной степени может анализ археологического материала из так называемых «салтовских» поселений.

В середине — второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85 % из них основываются на Керченском полуострове. Остальные 15–20 % относительно равномерно «разбросаны» по Северо-западному, Центральному, и Юго-восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях, и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений¹⁵. На ряде памятников, а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения. Крупные храмы исследованы на Тепсене, что дало возможность ряду авторов локализовать здесь центр Фульской епархии¹⁶, небольшая церковь открыта на Кордон-обе¹⁷, известны христианские памятники на поселениях Героевка и Пташкино¹⁸.

Появление этих поселений связано с перемещением части населения с территории Хазарии в Крым. Оно происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона¹⁹. В. Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 — началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани²⁰. Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских «салтовских» памятников. Данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые позволили вновь прибывшим заселить свободные земли Керченского полуострова, и в меньшей степени, Юго-восточного, Центрального и Северо-западного Крыма²¹.

Напомним критерии, которые легли в основу определения хронологии данных памятников.

Первым хронологическим критерием является наличие или отсутствие ранневизантийских амфор, заканчивающих свой цикл в конце VII — начале VIII в. (АДСВ тип 5; «набегающая волна», коричневоглиняные «с перехватом», амфоры с воронковидным горлом). Наличие этих амфор в «салтовских» комплексах при уверенности в том, что они не являются «примесью снизу» однозначно «отбивает» для этих комплексов верхнюю дату в пределах конца VII — первой половины VIII в.

Вторым хронологическим признаком является наличие и процентаж так называемых амфор «причерноморского типа», известным в двух основных типах: с подтреугольным венчиком, гладким корпусом с зональным рифлением и с реберчатым корпусом с венчиком овальной или подтреугольной формы.

Третий хронологический критерий связан с наличием или отсутствием кувшинов с плоскими ручками и их процентажем в комплексах.

Для комплексов первой половины IX в. характерны амфоры причерноморского типа и отсутствие кувшинов с плоскими ручками. Комплексы второй половины IX в. характеризуются сочетанием амфор причерноморского типа с кувшинами с плоскими ручками. Для середины IX в. типично абсолютное преобладание амфор причерноморского типа, кувшины с плоскими ручками единичны²². Далее во второй половине IX в. процент кувшинов возрастает, однако их число в комплексах конца IX в. все равно, как минимум, в 1,5–2 раза меньше амфор. В качестве своеобразного маркера отметим, что из двух херсонесских комплексов с монетами Василия I 867–886 гг. один содержал 8 кувшинов с плоскими ручками при 15 амфорах²³, а другой — только амфоры причерноморского типа²⁴. Это может указывать на начало цикла кувшинов с плоскими ручками где-то в начале правления Василия I, если выстраивать эти комплексы в одну стратиграфическую колонку. В этом случае заманчиво предложить дату появления кувшинов с плоскими ручками в конце 60–70-х гг. IX в., что, конечно, требует подтверждения новыми материалами. В любом случае самыми ранними датирующими контексты монетами, которые обнаружены вместе с кувшинами с плоскими ручками, являются именно монеты Василия I²⁵. Вместе с тем известно значительное количество комплексов IX в., в которых кувшины с плоскими ручками найдены без монет Василия I. Их отсутствие может быть вызвано, конечно, тем, что на эти памятники они не доходили. Но возможен и другой вариант в виде следующей колонки: кувшины с плоскими ручками появляются незадолго до чеканки монет Василия I в 867–886 гг., то есть в 50–60 гг. IX в., потом они сопровождаются монетами 867–886 гг., и позже — 944–945 гг. и 969 г. в пределах X в. В этом случае первыми по хронологии будут комплексы, содержащие единичные экземпляры кувшинов с плоскими ручками, но без монет Василия I. Их можно относить к 860 гг. Далее следуют комплексы с монетами Василия I 867–886 гг. Однако наличие упомянутого херсонесского комплекса с монетами Василия I, но без кувшинов с плоскими ручками может указывать на то, что кувшины появляются некоторое время спустя после начала чеканки этих монет, т.е., условно говоря, в 870–880 гг. Правда, в этом случае придется объяснить, почему эти монеты не попали в большинство комплексов. Видимо, на сегодняшний день более вероятна первая схема: кувшины с плоскими ручками появляются где-то в 60 гг., незадолго до начала чеканки монет Василия I. При принятии этого положения, относительная хронология выстраивается следующим образом: комплексы с ранневизантийскими амфорами — комплексы с амфорами причерноморского типа — комплексы с амфорами причерноморского типа и единичными кувшинами с плоскими ручками — комплексы с заметным процентом кувшинов с плоскими ручками, амфорами причерноморского типа и монетами Василия I — комплексы с кувшинами с плоскими ручками и амфорами причерноморского типа с монетами 944 г.

Только в комплексах второй половины — последней трети X в. эти кувшины начинают преобладать над амфорами (монеты Никифора Фоки 963–969 гг.)²⁶. В начале — первой половине XI в. они уже могут составлять 60–70% комплекса тарных сосудов²⁷. Конечно, идеально было бы проследить весь цикл этих сосу-

дов на одном крымском памятнике, но, к сожалению, пока это невозможно. Некоторым ориентиром может служить кривая этих сосудов в слоях Саркела, опубликованная в свое время С.А. Плетневой. Учитывая последующие поправки к хронологии слоев, мы имеем следующую картину. Кувшины появляются в слое второй половины IX в., их доля в слое достигает максимума в 930–960 гг., их заметно меньше в слое XI в. и они сходят на нет в конце XI — начале XII в.²⁸. Нетрудно заметить, что цикл кувшинов с плоскими ручками в Саркеле несколько отличается от их цикла в Керчи. Есть и отличия от цикла в Херсонесе. Эти различия вполне допустимы и объяснимы как характером комплексов, так и разной ролью этих памятников. Тем не менее, общая закономерность, отмеченная выше прослеживается достаточно четко: появление и их единичность в середине IX в., увеличение их количества во второй половине IX — начале X в., и доминирование в комплексах начиная со второй половины — последней трети X в.

Четвертый хронологический критерий — так называемые «протоворотничковые» красноглиняные амфоры являющиеся поздним вариантом причерноморских. Как будет показано дальше, попытка датировать их исключительно первой половиной X в. не основана ни на каких стратиграфических данных, а комплексы с ними укладываются во вторую половину — конец IX в.

Пятый критерий — настоящие воротничковые амфоры, появляющиеся не ранее середины X в., и четко фиксирующиеся в контекстах последней трети X — первой половины XI в. и второй половины XI в. В начале — первой половине XII в. их цикл кончается, какое-то время они сосуществуют со сменяющими их амфорами с высоко поднятыми ручками, производившимся в том же центре²⁹.

Приведенные критерии являются основными. Однако на ряде памятников присутствует византийская поливная керамика, которую можно выделить в еще два критерия.

Шестой критерий — византийская поливная керамика группы GWW I по Дж. В. Хэйсу. Ее датируют последней третью VII — второй половиной IX в. Дж. В. Хэйс отмечал, что большинство сосудов этой группы происходят из депозитов середины VIII в., а самым поздним контекстом Сарачан с сосудами GWW I является Депозит 36, относящийся к первой половине IX в.³⁰. Несколько более позднюю дату имеют сосуды GWW I из Большого Дворца, где самые поздние экземпляры происходят из уже упоминавшегося слоя III с монетами 867–886 гг. Таким образом верхняя граница этих сосудов не выходит за пределы последней трети IX в., а скорее всего, лежит где-то в 70–90 гг. этого столетия.

Седьмой критерий — византийская поливная керамика группы GWW II по Дж. В. Хэйсу относится к концу IX — началу X — началу XII в.³¹. Наибольшее ее распространение приходится на вторую половину X — первую половину XI в.

Применение этих критериев позволяет выделить следующие комплексы:

1. Конец VII — начало (или первая половина) VIII в.
2. Первая половина IX в.
3. Середина — вторая половина IX в.
4. Первая половина X в.,
5. Последняя треть X — середина XI в.

Основания для выделения представлены в следующей таблице:

	Конец VII — начало VIII в.	Первая половина IX в.	Середина — вторая половина IX в.	Первая половина X в.	Послед- няя треть X — сере- дина XI в.
АДСВ тип 5					
303 Набегающая волна					
Амфоры с воронковидным гор- лом					
Коричневоглиняные с перехва- том					
Амфоры причерноморского типа					
Кувшины с плоскими ручками					
Красноглиняные с отогнутым венчиком («протоворотничко- вые»)					
Воротничковые амфоры					
Византийские поливные сосуды группы GWW I по Дж. Хэйсу					
Византийские поливные сосуды группы GWW II по Дж.Хэйсу					

На основании выделенных критериев, рассмотрим комплексы, характеризующие время прекращения существования «салтовских» поселений, представленные в следующей таблице:

Памятник	Характерные комплексы	Датирующие вещи	Дата
Пташкино	Второй период ³² (храм и склад)	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшин с плоскими ручками	Середина IX в.
Керчь	Темный гумусированный суглинок «хазарского времени». Фаза 1. Комплекс с пифосом ³³	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Амфоры с росписью ангобом 4. поливная керамика группы GWW I по Дж.Хэйсу	
Опук	Опук. Поселение «Над источником». Раскопки 1990 г. Помещение А Завал стены 3 вне помещения «А» Помещение «Б» Помещение «В» ³⁴	1. Кувшины с плоскими ручками 2. Амфоры причерноморского типа	

Памятник	Характерные комплексы	Датирующие вещи	Дата
Заветное	Второй период функционирования «святилища» ³⁵	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками	Вторая половина IX в.
Тиритака	Уч. XXVI. Раскопки 2002 г. Полуземлянка СК-15. Зольник и загородка ³⁶	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками	
Тепсень	Раскоп «К». Слой серой глины. Дом 13. Заполнение ³⁷ .	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Византийская поливная керамика группы GWW 1 по Дж.Хэйсу	
Керчь	Темный гумусированный слой «хазарского времени». Фаза 2. ³⁸ ; Кооперативный переулок. Слой серо-коричневого суглинка ³⁹	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Византийская поливная посуда группы GWW I по Дж. Хэйсу	
Судак	Слой серо-коричневой глины ⁴⁰	1. Амфоры причерноморского типа 2. Кувшины с плоскими ручками 3. Византийская поливная посуда группы GWW I по Дж. Хэйсу 4. Монета Василия I (в зольнике)	Вторая половина IX — первая половина X в.(?)

Тиритака.

Комплексы с участка X прекращают свое существования где-то во второй половине IX в.⁴¹. На участке XIII хронология, по всей видимости, аналогична, хотя, дата амфоры более широкая — вторая половина IX — первая половина X в. Добавим материалы из последних раскопок.

В Тиритаке при раскопках 2004 г. полуземлянки СК-XV в слое пожара были обнаружены обломки двух причерноморских амфор с мелким зональным рифлением класса 24 по новой херсонесской классификации, обломки двух фляг с росписью белым ангобом, ойнохойя баклинского типа и фрагменты кухонной посуды. Полное отсутствие кувшинов с плоскими ручками и причерноморских амфор с крупным бороздчатым рифлением позволило Л.Ю. Пономареву отнести время гибели землянки к первой половине — середине IX в.⁴². Дата определена корректно. Важно отметить, что данный слой был перекрыт золистым темно-серым рыхлым слоем, отражающим время функционирования каких-то комплексов. Из этого слоя происходят фрагменты кувшинов с плоскими ручками. Стратиграфия полуземлянки однозначно указывает на то, что между концом существования полуземлянки и формированием вышележащего слоя не было сколько-нибудь существенного хронологического промежутка. Учитывая отсутствие в золистом слое каких-либо материалов, относящихся к X в., время

формирования его следует отнести ко второй половине IX в. Видимо, в определенной степени индикатором может служить обнаруженный в Тиритаке вне комплекса солид Василия I и Константина, чеканенный в 869–879 гг.⁴³.

Вместе с тем необходимо отметить находку плохой сохранности монеты Василия II и Константина VIII 976–1025 гг. «при раскопках античной Тиритаки 1934 г. на участке крепостных стен, раскоп I, квадрат 7, слой II»⁴⁴. Данная монета, безусловно, отражает иной исторический период — последней трети X — первой четверти XI в. и столь же безусловно не связана с функционированием городища Тиритака как полноценного населенного пункта, на что однозначно указывает отсутствие материалов этого времени во всех известных на сегодняшний день комплексах.

Керчь.

Анализ комплексов этого периода позволил расчленить так называемый «темный гумусированный слой хазарского времени» на фазы, датирующиеся серединой IX в., второй половиной IX в. и серединой — последней третью X в. Этому слою предшествовал на раскопе в Кооперативном переулке слой конца VII — начала VIII в.⁴⁵. Таким образом, слой середины — последней трети X в. здесь реален, но он отделяется от слоев середины и второй половины IX в.

Судак

В настоящий момент благодаря исследованиям И.А. Баранова и В.В. Майко установлена общая стратиграфия раннесредневековых слоев памятника.

Нижний слой (так называемый салтово-маяцкий горизонт), датируется концом VII — первой половиной VIII в. Его перекрывал горизонт с материалом второй половины VIII — первой половины IX в. Еще выше располагался слой серо-коричневой глины с материалом второй половины IX — первой половины X в. Важно то, что в слое пожара отделяющего слой от перекрывающего горизонта обнаружены три медные херсоно-византийские монеты Константина VII и Романа II /после 944 г./⁴⁶.

Для полной ясности приведем таблицу соответствия названий слоев, упоминаемых в тексте с их наименованием в подрисуночной подписи к стратиграфическому профилю и их датировки.

№ слоя по легенде	Фаза	Название слоя по легенде	Название слоя в тексте статьи	Датирующие находки	Дата слоя
I		слой углей с печиной			
II		слой светло-коричневой глины		1. Кувшины с плоскими ручками 2. Воротничковые амфоры	Начало XI в.
III	1	сери-коричневый слой второй половины X в	слой серо-коричневой глины	1. Кувшины с плоскими ручками — примерно 50 % от тары комплекса 2. Воротничковые амфоры 3. Белоглиняная поливная миска Hayes 1992 GWW II Type 8 Chafing-dish конца X в. (Hayes 1992. Fig. 64, dep. 40, 12; Fig. 8, 9)	вторая половина X в.
III	2	Сери-коричневый слой	Слой серо-коричневой глины	1. Кувшины с плоскими ручками — примерно 20 % от тары комплексы 2. Амфоры причерноморского типа	Вторая половина IX — первая половина X в.
IV		слой печины			
V (между фазами III.1 и III.2)		слой углей и ракушки		Монеты Константина VII и Романа II после 944 г.	Середина X в.
VI		слой коричневой глины	горизонт коричневой глины	1. Амфоры причерноморского типа	Вторая половина VIII — первая половина IX в.
VII		слой зеленовато-коричневой глины			
VIII		слой зеленоватой глины		1. Коричневоглиняные амфоры «с Перехватом» 2. Hayes 1992 Type 37 3. Hayes 1992 Type 41	Первая половина VIII в.

Комментариев здесь требуют слои III и V. Поскольку частично слой III разделяется слоем 5 на два горизонта, то мы сочли возможным определять их как фазы III.1 и III.2. Нижняя граница обоих слоев как слоя — III, так и V лежит на нижележащем слое VI, кроме того, оба горизонта на части профиля не расчленяются, составляя единый слой. Это создает некоторые проблемы для относительной хронологии слоев. Принципиален вопрос — какой горизонт отложился раньше — III.2 или V? Внимательное рассмотрение контуров слоев показывает, что слой III.2 является более ранним, поскольку частично заходит под слой 5. Поскольку в слое V были обнаружены датирующие монеты Константина VII и

Романа II, чеканенные вскоре после 944 г., то их необходимо расценивать как *terminus ante quae*, то есть слой III.1 мог отложиться до середины X в., что совпадает с наблюдениями В.В. Майко. Отметим, что в связанном со слоем III.2 зольнике были обнаружены сильно потертые монеты Василия I 867–886 гг., что возможно, может указывать на *terminus post quem* образования слоя. В результате слой может относиться к периоду от конца IX до 40 гг. X в. Соответственно вышележащий слой III.2 относится ко второй половине X в.

Тепсень.

Последнее обобщающее исследование памятника принадлежит В.В. Майко⁴⁷. Исследователь предложил вполне обоснованную периодизацию памятника. К первоначальному периоду, который он датирует второй половиной VIII — первой половиной IX в. относятся 8 жилых сооружений, водопровод и ремесленный очаг, исследованный в 1998 г. на раскопе К. Датировку этого периода подтверждают и нумизматические данные.

Второй хронологический период, по мнению В.В. Майко, можно датировать в рамках второй половины IX — первой половины X в. К нему относятся большинство открытых жилых и хозяйственных сооружений⁴⁸.

Возникает вопрос о безусловных материалах первой половины X в. из комплексов Тепсени. В приведенных В.В. Майко комплексах соответствующего слоя городища присутствуют амфоры причерноморского типа и кувшины с плоскими ручками.

Статистическое соотношение их в комплексах можно примерно оценить по процентажу в находках раскопок нескольких помещений произведенных В.В. Майко.

К их числу относятся полуземлянка 2 раскопок 1997 г. и комплексы с участка «К». Непосредственно на полу полуземлянки были обнаружены фрагменты амфоры причерноморского типа вместе с несколькими венчиками кувшинов с плоскими ручками. Полуземлянка связана с первоначальным этапом функционирования Тепсенинского городища и прекращает свое существование примерно в середине IX в.⁴⁹ Выше лежали хозяйственные ямы, которые, скорее всего, можно относить ко второй половине IX в., судя по тому, что в них было найдено значительно большее количество фрагментов кувшинов с плоскими ручками, чем на полу землянки⁵⁰.

Участок «К» дал следующую стратиграфию. Самым нижним слоем был слой глины светло-серого цвета, не содержащий кувшинов с плоскими ручками и поливной белоглиняной керамики. Он подстилал кладки домов 11, 13, 14. С этим слоем связано заполнение пода очага, содержащего амфоры причерноморского типа⁵¹.

Выше лежал основной слой серой глины, связанный с постройками 11, 13, 14. Именно из этого слоя и происходят фрагменты амфор причерноморского типа, кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных сосудов. В заполнении дома 13 были обнаружены немногочисленные фрагменты амфор причерноморского типа, амфоры с зональным рифлением и два венчика кувшинов с плоскими ручками, что позволяет датировать время прекращения существования помещения в пределах второй половины IX в.⁵² Анализ поливной керамики с участка «К» показывает следующее. Все поливные сосуды с этого

участка относятся к группе «GWW I» по Дж. Хэйсу. Подавляющее количество принадлежит к типу 1, один сосуд — к типу 2. Начнем с последнего. Этот сосуд имеет аналогии в комплексах Константинополя второй половины VIII в. и первой половины IX в.⁵³. Другой, археологически целый сосуд с орнаментацией с Тепсена⁵⁴ имеет аналогии в контекстах стадий III и II Большого Дворца в Константинополе, где они найдены в слоях с монетами 813–820 гг. и 867–886 гг. То есть, грубо говоря, первой и второй половины IX в.⁵⁵.

Остальные поливные сосуды с раскопа «К» являются вариантами GWW I Туре 156. Аналогии им происходят из комплексов Сарачан второй половины VIII — начала IX в.⁵⁷ и Большого Дворца с монетами 867–886 гг.⁵⁸.

Итак, для нас принципиально важна верхняя дата GWW I. Дж. В.Хэйс отмечал, что большинство сосудов этой группы происходят из депозитов середины VIII в., а самым поздним контекстом Сарачан с сосудами GWW I является Депозит 36, относящийся к первой половине IX в.⁵⁹. Несколько более позднюю дату имеют сосуды GWW I из Большого Дворца, где самые поздние экземпляры происходят из уже упоминавшегося слоя III с монетами 867–886 гг. Тем самым, верхняя граница этих сосудов не выходит за пределы последней трети IX в., а, скорее всего, лежит где-то в 70–90 гг. этого столетия.

Таким образом, хронология поливной керамики при неединичных фрагментах кувшинов с плоскими ручками⁶⁰ указывает на верхнюю дату рассматриваемого слоя в пределах второй половины IX в., скорее всего, последней трети этого столетия. То, что в нижележащем слое полностью отсутствовали кувшины с плоскими ручками и поливная посуда, а в рассматриваемом слое их доля уже заметна, может указывать на относительно продолжительный промежуток времени между формированием обоих слоев. Можно предположить, что если нижний слой отложился где-то в первой половине IX в., то верхний — в последней трети этого столетия. Аналогичная ситуация и на других участках городища.

В целом создается впечатление, что, может быть, комплексы Тепсена возможно разделить не на две, а на три хронологические группы, в зависимости от количества кувшинов с плоскими ручками в них. Так, контексты с единичными находками можно датировать серединой, или ближе к середине IX в., а с заметным количеством этих сосудов — последней третью IX в. Предложенная гипотеза, конечно, требует серьезной аргументации.

Что касается X века, то только в одном случае есть безусловный фрагмент (один !) ручки с венчиком «воротничковой амфоры» последней трети X в. — XI в., происходящий, однако, из подводных работ в окрестностях Тепсена⁶¹. Кроме того, по словам В.В. Майко, материалы подводных исследований позволяют поставить вопрос о возможном существовании еще одного подтипа амфор причерноморского типа. Это сосуды с вытянутым горлом и венчиком, приближающимся к импортным византийским амфорам с венчиком в виде т.н. «отложного воротничка». По мнению исследователя, не исключено, что это — один из наиболее поздних вариантов данных амфор, подражающих вышеназванному византийским, которые не ранее середины IX в. начинают поступать в юго-восточный Крым⁶².

В этой связи отметим два момента. Во-первых, речь здесь идет о подводных нестратифицированных и, следовательно, плохо датировемых находках. Во-вто-

рых, идея автора основывается на внешнем сходстве этих амфор, однако «воротничковые» византийские амфоры появляются не ранее середины X в. и имеют абсолютно другой центр производства, на что однозначно указывает состав глины. В-третьих, принятие точки зрения автора приводит к явно ошибочной типологической линии: «постпричерноморские амфоры с отложным воротничком первой половины X в.» — воротничковые красноглиняные амфоры второй половины X в. — воротничковые красноглиняные и желтоглиняные амфоры последней трети X — начала XI в. Соответственно гипотеза автора представляется ошибочной, и, тем более ошибочно строить на ней хронологические выкладки для других поселений, «затягивая» их, на этом основании, в X в. Последнее ярко проявилось в датировке В.К. Голенко и А.В. Джановым комплекса на южном склоне горы Опук⁶³.

В любом случае материалы так называемого слоя Тепсения «второй половины IX — первой половины X в.» реально относятся только ко второй половине IX в. X век, а тем более его середину, как время прекращения существования раннесредневекового поселения как такового, следует исключить.

Поселение на южном склоне горы Опук «Над источником».

Раскопом площадью более 200 кв.м была полностью раскрыта усадьба из двух жилых помещений и остатки примыкавших к ним хозяйственных построек⁶⁴.

Авторы прослеживают в остатках строений три строительных периода. При сооружении помещений был вырыт котлован, заглубленный в материковый суглинок. В помещениях, имеющих утрамбованные глинобитные полы, обнаружены остатки двух очагов и глинобитной печи. Вход в строения усадьбы оформлен каменной вымосткой.

В слое заполнения обнаружен достаточно репрезентативный материал: многочисленные фрагменты северопричерноморских амфор с зональным рифлением (VIII — середина IX в.), амфор с реберчатым туловом и валикообразным или треугольным в сечении венчиком (середина IX — середина X в.), с манжетовидным венчиком, фрагменты кувшинов с плоскими ручками, ойнохои крымского производства, сероглиняная кухонная керамика салтово-маяцкой культуры (VIII–IX вв.), фрагменты кружальных пифосов, сосудов с лощением и т.д.⁶⁵.

Основанием для датировки времени прекращения существования комплекса в пределах первой половины X в. были так называемые «протоворонковидные» амфоры со стратиграфически необоснованной хронологией и сомнительным типологическим рядом. Кроме того, в данном случае, принятие этой даты приводит к необходимости считать фрагменты причерноморских амфор с зональным рифлением «примесью снизу».

Анализ керамического комплекса помещений данного поселения (раскопки 1990 г.) показывает следующую картину⁶⁶:

Опук. Поселение «Над источником». Раскопки 1990 г.					
Типы сосудов	Комплексы	Помещение А	Завал стены 3 вне помещения «А»	Помещение «Б»	Помещение «В»
Амфоры причерноморского типа с зональным рифлением					
Амфоры с реберчатым туловом и валикообразным венчиком					
Кувшины с плоскими ручками					
Лощеные кувшины и горшки					
Горшки «салтовского типа»					
Пифосы с гладкими стенками					
Пифосообразные горшки					
Лощеные горшки с уплощенным венчиком					

В монографии В.К. Голенко предлагается стратиграфическая колонка, описанная в тексте. Хотя памятник назван однослойным, исследователь выделил пять слоев. Для наших целей удобнее характеризовать эти слои снизу вверх. Итак, снизу вверх выделены: слой 5 — материк, слой 4 — сильно утрамбованный пол постройки⁶⁷, 3 — слой зеленовато-коричневой глины, представляющий собой развал сырцовых стен постройки, 2 — слой серо-коричневого суглинки, отложившийся в период активного разрушения постройки, 1 — слой дерна⁶⁸. Поскольку автор отмечает, что «в стратиграфии помещений А и В (подчеркнуто нами — А.С., Ю.М.) выделяются пять слоев», то эти слои общие для обоих помещений.

Из этих слов нас интересуют слои 4 и 3, еще раз подчеркнем, общие для обоих помещений.

По мнению В.К. Голенко «в его (памятника — А.С., Ю.М.) остатках прослеживаются три строительных периода. К первому строительному периоду относилось помещение В, ко второму — помещение А, пристроенное к нему с запада, к третьему — хозяйственная пристройка.

Об обоснованности выделения строительных периодов сказать трудно, поскольку кроме фраз о пристройке одного помещения к другому и «пристройке впритык» никаких более веских аргументов не приводится. Особенно досадно отсутствие в книге чертежей стратиграфических разрезов, и фасировок стен, которые могли бы внести ясность в этот вопрос. Получается, что, по крайней мере, два строительных периода отражены в стратиграфии одним слоем.

Еще более непонятен способ подачи в книге керамического материала из раскопок этого поселения. Из иллюстраций ясен только керамический комплекс помещения В. Остальная керамика приведена с обескураживающими паспортами «Материал из культурного слоя усадьбы 1» и «Поселение над источником»⁶⁹.

Обоснованное выделение строительных периодов, на наш взгляд, требует дополнительных обоснований. У авторов статьи складывается впечатление, что

помещения одновременны, как явно одновременно и прекращение их существования, на что указывает единая стратиграфия обоих помещений.

Итак, по В.К.Голенко к первому строительному периоду относилось помещение В. Таблицы керамики, приведенные в монографии В.К.Голенко, содержат из датирующих материалов только амфоры причерноморского типа, датирующиеся временем от второй половины VIII до середины IX в.⁷⁰ и амфору «с манжетовидным венчиком»⁷¹. Последнюю автор монографии датирует X–XI вв. на основании аналогии «по цвету и составу глины», при этом отмечая, что наиболее полный аналог этой амфоре найден на **синхронном** (подчеркнуто нами — А.С., Ю.М.) поселении Керченского полуострова у с. Пташкино. Как говорилось выше, комплекс с амфорами в Пташкино датируется примерно серединой IX в. Эти амфоры не имеют никакого отношения к «воротничковым амфорам» X–XI вв. Амфоры из контекстов Судака середины X в. и Саркела последней трети X в. относятся к абсолютно другим типам. Поэтому заключение В.К. Голенко о том, что находка сосуда этой группы в слое разрушения усадьбы позволяет нам датировать гибель постройки 30–40 гг. X в. является ошибочным. Представленная на таблице амфора является вариантом амфор причерноморского типа с подтреугольным в сечении венчиком и датируется также, как и амфоры причерноморского типа. Приведенная аналогия с амфорой из Пташкина позволяет датировать ее второй половиной VIII — серединой IX в.

Гораздо более важным представляется то, что данные из книги В.К. Голенко противоречат данным отчета, где в таблице в помещении В фигурируют кувшины с плоскими ручками⁷² (см. выше). Тем самым реальная дата слоя времени прекращения существования помещения лежит где-то в районе середины IX в. Аналогичная картина наблюдалась и в помещении А, где также были обнаружены фрагменты кувшинов с плоскими ручками. Следовательно, слой, отражающий время прекращения существования как помещения А, так и помещения В датируется около середины IX в. Кувшины с плоскими ручками представлены фактически единичными находками, абсолютно преобладают амфоры причерноморского типа, что еще раз подтверждает время прекращения существования этих помещений примерно в середине — 60-х гг. IX в. В любом случае речь идет о времени не позднее второй половины IX в. В целом комплекс явно синхронен «складу с амфорами» в Пташкино.

Итак, приведенные материалы и их статистика показывают, что прекращение существования комплекса относится к середине — 60-м гг. IX в. Амфоры причерноморского типа преобладали над кувшинами с плоскими ручками. Какие-либо материалы X в. в этом комплексе отсутствуют⁷³.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть находки безусловных материалов второй половины X — первой половины XI в. из района горы Опук. Так, Ю.Ю. Марти упоминает о находках трех медных монет Иоанна Цимисхия «с поселения на горе Опук»⁷⁴. А.Л. Якобсон приводит контурный рисунок амфоры второй половины X в. со следующим паспортом: «Керчь, Киммерик, поднята со дна моря в 1950 г.»⁷⁵. К сожалению обе находки нестратиграфичны.

Кыз-Кермен.

Комплексы Кыз-Кермена подробно опубликованы⁷⁶ и не оставляют сомнений в верхней дате памятника. На настоящий момент выделяются два хроноло-

гических этапа жизни поселения, разделенные собой, по мнению А.В.Белого, природным катаклизмом — сильным землетрясением. Материалы из слоя, отражающего второй или поздний этап однозначно свидетельствуют о его дате в пределах первой половины IX в. Отсутствие кувшинов с плоскими ручками при значительном количестве амфор с зональным рифлением и подтреугольным венчиком лишней раз убеждают в правильности этой даты. Материалы как X века, так и середины — второй половины IX в. полностью отсутствуют. Приведенный нами анализ археологического материала городища Кыз-Кермен совпадает со сведениями письменных источников о создании Византией в 841 г. фемы Климатов и, соответственно, установления ею полного контроля над Юго-западным Крымом⁷⁷.

Проведенный анализ комплексов показывает однозначную картину. За исключением Судака и Керчи практически все так называемые «хазарские» памятники заканчивают свое существование в пределах второй половины IX в. Конечно, нельзя исключать появления в будущем отдельных комплексов первой половины X в. на этих поселениях, однако это вряд ли изменит общую картину. «Хазарские» поселения как целостные структуры и явление в истории Таврики прекращают свое существование именно в это время. Это позволяет говорить о массовом уходе пришлого «хазарского» населения из Крыма. Еще раз подчеркнем, что какие-то небольшие анклавы этого населения могли какое-то время задержаться в Крыму, но общая картина, на наш взгляд, весьма показательна. Они уже не определяли ситуацию в Крыму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее см. *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 676; *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 103–105.
2. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 55
3. *Ачкинази И.В.* Об иудейских памятниках конца IX — начала X вв. из Крыма // Тезисы докладов международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье». Симферополь, 1994.
4. *Майко В.В.* Хозари у Криму в другій половині X ст. // *Археологія*. №2. 1999; Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним // *ХА*. К.: Харьков, 2005. Т.4. С.102. Основной его аргумент состоит в том, что «салтово-маяцкие комплексы ... существуют без видимых изменений всю вторую половину IX и первую X вв.» (Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. С. 29).
5. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Т. VII. С. 191.
6. *Науменко В.Е.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // *ХА*. 2004. Т. 3. С. 102–104.
7. *Науменко В.Е.* Таврика у контексті візантійсько-хозарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Киев, 2004. С. 17.
8. *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. С. 677; О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм. // ММАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 527–530;

9. Цукерман. Ук. соч. С. 678–679.
10. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 222.
11. Байер Х.-Ф. История Крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 118–119.
12. С этим согласен и С.Б. Сорочан. Он так же считает, что к 873 г. хазар на Боспоре уже не было, но при этом отмечает, что они могли оставаться в других местах Крыма («Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. 2003. Вып. 111. С. 112–113).
13. Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. Спб., 1998. С. 437; Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского университета в Москве. М.-Иерусалим, 1994. № 1 (5). С. 25.
14. Могаричев Ю.М. К вопросу о “хазарском наследстве” (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. 2001. Вып. X. С. 273.
15. См подробнее. Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины-второй половины VIII в. // ХС. 2004. Вып. XIII.
16. Подробнее см. Майко В.В. О локализации Фулл и Фульської епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев, 2002; Городище на плато Тепсень в свете изучения основных проблем истории Юго-восточного Крыма VIII — первой половины X вв. // Россия и Крым. Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10(158); Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. С. 22–25. Отметим, что локализация Фулл на Тепсене является во многом спорной и поддерживается далеко не всеми исследователями. См. подр. Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2002. Вып. 33.
17. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 133–137.
18. Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. №1; К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 136–139; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 207–208;
19. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 268. Несколько другая интерпретация см. Гадло А.В. Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории) Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. С. 25–26; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998. С. 201; Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. № 2. и др.
20. Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского Каганата (на основании анализа массового археологического материала) // ХА. 2002. Т. 1. С. 66–67.
21. Подробнее см. Могаричев, Сазанов, Шапошников. Житие Иоанна Готского... С. 103–166.
22. Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът Салтовски съоръжения в Судакската крепост // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново. 1996. Т. 5. Рис. 2,9.
23. Седикова Л.В., Рыжов С.Г. Комплексы X в. из раскопок квартала X «б» Северного района Херсонеса // ХС. 1999. Вып. X. Рис. 5. С.325.
24. Седикова Л.В. Керамический комплекс второй половины IX в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
25. (Херсонес, раскопки 1959 г. XXII квартал. Подвал «К». Верхняя насыпь). Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. 750/1.

26. Рыжов С.Г., Седикова Л.В. Комплексы X в. из раскопок квартала X «б» Северного района Херсонеса. Рис. 10. Комплекс полностью отражен графически. Из чего следует, что в цистерне 3 было обнаружено 2 амфоры и 4 кувшина с плоскими ручками.
27. Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 230. Табл. 2; *он же*. Хронология средневековых слоев Керчи // ПИФК. 2002. Вып. V. С. 74. Табл. 13.
28. Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1958. № 62. Рис. 45.
29. Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. 1998. Вып. V. С. 56. Признак 17; *Sazanov A.* Les amphores de l'Antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiévale en Méditerranée. Aix-en-Provence, 1997. Fig. 4, 52. Type 52. P. 98.
30. Hayes J.W. The Pottery Excavations at Sarachane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. II P. 17
31. Hayes. *Op. cit.* P. 18–22; Сазанов. Хронология слоев средневековой Керчи... С. 61. Признак 42. В этой статье нижняя дата была определена нами неверно. Как правильно было замечено, автор спутал внешне схожие по профилю миски GWW I и GWW II. К тому же его ввел в заблуждения рисунок миски в книге И.А. Баранова, не соответствующий реальной вещи. См. Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII — первой половины IX в. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 174, 176.
32. Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII — середине VIII вв. // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 183, 184.
33. Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII вв. I. Проблема «хазарских слоев» Керчи // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 484–486, 487.
34. Горлов Ю.В., Голенко В.К., Усачева О.Н. Отчет о полевых исследованиях Южно-боспорской экспедиции Института археологии АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. С. 71–73.
35. Пономарев Л.Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. 2003. Вып. 111. Рис. 8. С. 271–273.
36. Зинько В.Н., Пономарев А.Л. Салтовская землянка на городище Тиритака. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. II. С. 534–536. Рис. 5–7; Рис. 9, 10.
37. Майко. Средневековое городище на плато Тепсень. С. 54. Рис. 104, 8; Рис. 117, 1–3.
38. Сазанов, Могаричев. Боспор и хазарский каганат в конце VII — начале VIII в. С. 486, 487; Сазанов. Хронология слоев средневековой Керчи. С. 65–69, 82.
39. Сазанов, Могаричев. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII в. С. 489, 500.
40. Баранов И.А., Майко В.А. Праболгарские горизонты судакского городища VIII — первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 84.
41. Могаричев, Сазанов, Шапошников. Житие Иоанна Готского... С. 130–131.
42. Зинько, Пономарев. Ук. соч. С. 532–534.
43. Кротошкин В.В. Клады римских монет на территории СССР. Новые находки византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г4-14. М., 1961. С. 174.
44. Кротошкин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е 4-4- М., 1962. С. 33. N 200.

45. *Сазанов, Могаричев*. Боспор и хазарский каганат в конце VII — начале VIII в. С. 487–489, 500.
46. *Баранов, Майко*. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII — первой половины X в. С. 84.
47. *Майко*. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму.
48. Там же. С. 115–118.
49. Там же. С. 100.
50. Там же. С. 55.
51. *Майко В.В.* Средневековое городище... С. 54. Рис. 57.
52. Там же. С. 95. Рис. 47, 4.
53. *Hayes*. Op. cit. Fig. 52, dep. 33,1; Fig. 56, dep. 35, 4; The Great Palace of the byzantine Emperors. Oxford. 1947. Pl. 15, 16, 19, 22. P. 38 — с монетами Льва V 813–820 гг.
54. *Майко*. Средневековое городище... Рис. 117, 3.
55. The Great Palace. Pl. 15, 18; Pl. 16, 3; Pl. 21, 6; *Hayes*. Op. cit. Fig. 58, dep. 36,3 — начало IX в. С монетой Михаила II 820–829 гг.
56. *Майко*. Средневековое городище... Рис. 117, первый венчик в верхнем углу и два соседних один под другим без номеров.
57. *Hayes*. Op. cit. Fig. 53, dep. 34,2 (середина — конец VIII в.). Fig. 54, dep. 35, 1–3 (конец VIII — начало IX в.).
58. The Great Palace... Pl. 16,5,6.
59. *Hayes*. Op. cit. P. 17.
60. *Майко*. Средневековое городище... Рис. 104,8; Рис. 109.
61. Там же. С. 114.
62. Там же. С. 185.
63. *Джанов А.В., Голенко В.К.* Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. К.-Судак, 2002. С. 76–78.
64. Там же.
65. Там же. С. 76–78.
66. Таблица и соответствующий ей текст из отчета составлены А.В. Сазановым в 1990 г. См. *Горлов Ю.В., Голенко В.К., Усачева О.Н.* Отчет о полевых исследованиях Южно-боспорской экспедиции Института археологии АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. С. 71–73.
67. Непонятно почему пол назван слоем
68. *Голенко В. К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2006. С. 237.
69. Там же. С. 238. Рис. 108–111.
70. Там же. Рис. 110.
71. Там же. Рис. 111.
72. *Горлов, Голенко, Усачева*. Ук. соч. С. 71–73.
73. Там же.
74. *Марти Ю.Ю.* Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра) // ИТОИАЭ. 1928. Вып. 2(59). С. 110.
75. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. Рис. 43, 6.
76. *Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка №2. // История и археология Юго-западного Крыма. Симферополь, 1993; *Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып 2; *Белый А.В., Назаров В.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

77. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1; Могаричев, Сазанов, Шапошников. Житие Иоанна Готского... С. 217–219.

TERMINATION TIME OF CHAZAR PRESENCE AT CRIMEA

A.V. Sazanov, J.M. Mogarichev

The analysis of archeological complexes carried out by the authors on so-called «saltovsky» settlements shows that practically all of them came to the end of their existence within the limits of the second half of the 9th century. These data coincide and with the data of the written sources. Thus, authors come to a conclusion that Chazar presence on the Crimean peninsula stops not later than the second half of 9th century.

© 2008 г.

Н.Н. Болгов, Т.В. Смирницких

ОТ СТРАСТЕЙ ГРЕХА К ПОДВИГУ АСКЕТИЗМА: ФЕНОМЕН СВЯТОСТИ РАСКАЯВШИХСЯ БЛУДНИЦ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Гендерные аспекты в исторических исследованиях¹ постепенно проникают в антиковедение и византинистику. Классические подходы все чаще дополняются новыми, позволяющими представить уже известные проблемы (и источники) под новым углом зрения. Не является исключением и частная жизнь ранневизантийской женщины, точнее, тот ментальный переворот, революция в системе ценностей, который радикально изменил понятия о добре и зле и границах дозволенного в бытовом поведении при смене античных парадигм цивилизации христианскими².

Эпоха Late Antiquity, Postclassical World (IV–VI вв.), начиная с работ 70–90-х гг. британских историков (П. Браун, А. Кэмерон, Г. Бауэрсок и др.), все больше и больше предстает перед нами как самостоятельная субцивилизация, в которой шло сложное взаимодействие различных элементов в системе «континуитет-дисконтинуитет»³.

Как представляется, именно частная повседневная жизнь женщины (в гендерном аспекте) являет собой благодатный материал для изучения сложного переплетения старого и нового, античного и христианского в этот важнейший переходный исторический период.

Можно выделить четыре основных типа социального и личностного индивидуального статуса женщины в Ранней Византии:

1. Свободная девушка и женщина (вне семьи).

2. Обычная замужняя женщина, живущая в семье⁴.
3. Гетера как разновидность свободной женщины (публичная женщина).
4. Рабыня (служанка, несвободная).

В частной жизни ранневизантийской женщины IV–VI вв. можно выделить: материально-предметную, бытовую сторону, и психологически-мотивационную. Практически не изученной осталась в отечественной литературе интимная жизнь женщины в ранней Византии как наиболее концентрированная часть частной жизни. Без знания этой сферы будет неполным наше представление о ментальном перевороте и радикальной смене аксиологической шкалы вследствие христианизации восточно-римского общества. В интимной жизни ранневизантийской женщины, по нашему мнению, выделяются две основные гендерные поведенческие характеристики, раскрывающие женскую идентичность:

1) открытая — публичное выраженное гендерное поведение с акцентацией и репрезентацией своего пола;

2) закрытая — секс (*corula carnis*) и его различные виды⁵.

Сущность ментального переворота позднеантичной/ранневизантийской эпохи заключалась в том, что обе указанные поведенческие характеристики оказались фактически под запретом. Женщина-христианка в поведенческом аспекте должна была в принципе отказаться от прежней половой идентичности⁶. Идеалом была провозглашена асексуальность, девство, которое заместило собой почти всю женскую идентичность. Вторая дозволенная ипостась женщины — это мать семейства, которая имеет интимные отношения с супругом исключительно для продолжения рода.

Отмеченные выше типы социального статуса женщины также претерпели значительную метаморфозу. Тип свободной женщины фактически оказался обреченным на исчезновение с точки зрения христианской морали. Таких женщин со свободным сексуальным поведением отныне быть не должно. Женщина должна была попасть либо в категорию замужних, либо войти в принципиально новую, неведомую античности категорию — монахинь, удалившихся от греховного мира.

Концепция девства, целомудрия (*ушцспуэнз*) как христианского идеала была разработана христианскими богословами очень рано, еще во II–III вв., Климентом Александрийским в трактате «Педагог» и Мефодием Патарским в сочинении «Пир десяти дев, или О девстве». Климент вообще разработал целую программу бытового и публичного поведения женщины-христианки, начиная с приема пищи, проявления эмоций, применения косметических средств, ношения одежды и обуви и т.д. Много страниц Климент посвятил специально публичному гендерному поведению женщины-христианки в ее взаимоотношениях с мужчинами (III.4), словно полемизируя с известными рекомендациями Овидия в *Ars amandi* и *Remedia amoris*. Но к девству можно было прийти и из мира, причем оказалось по большому счету неважно, откуда женщина пришла в монастырь (или стала вести девственный образ жизни в миру) — из семьи или с панели.

В этой связи наиболее интересно отношение ранневизантийской христианской церкви и государства к проституции (институт гетер). Этот античный институт имел давнюю историю⁷. Известны свидетельства греческих авторов об

этом феномене уже в архаический период. Разложение римской морали к концу Республики вызвало к жизни известное законодательство Августа о морали. Тем не менее, после победы христианства потребовалось создать принципиально новое законодательство, которое регулировало бы моральные нормы, интимную жизнь граждан, не исключая и вопросы, связанные с проституцией.

Законы Константина Великого о морали (CTh 8.7.2; 9.8.1; 9.24.1), впервые обозначившие позицию христианского государства по этому вопросу, датируются 326 г. (Zos. II, 29). Закон Константина от 14 июня 326 г., в частности, запрещал женатым мужчинам иметь любовниц и тем самым должен был укрепить институт семьи.

Чрезвычайно показательным, что первые христианские императоры не запрещали проституцию, а облагали ее налогом — частью печально знаменитого налога хрисаргира (Zos. II, 38): «Не пощадил Константин даже несчастных гетер. Результатом этого было то, что на каждый четвертый год, когда взималась эта подать, плач и причитания разносились по городам, потому что били и пытали тех, кто не мог заплатить из-за крайней нищеты. Поэтому матери продавали своих детей, а отцы заставляли дочерей заниматься проституцией, вынужденные пойти на это, чтобы заплатить вымогателям». Ранневизантийские авторы сообщают, что продажа собственных дочерей родителями в публичные дома была в тяжелые времена в ранневизантийских городах вполне обычным делом. Христианские источники не отрицают факт введения Константином этого налога (Evagr. HE. III.40-41). О продаже детей см. также: Lact. De mort. pers. 28 8.5, 27.6.

С одной стороны, торговля своим телом считалась безусловно постыдным делом и морально осуждалась. Однако, реалии повседневной жизни, прежде всего бедность, могли служить определенным относительным оправданием для занятий данным ремеслом. В конце концов, проституция не входила в число десяти смертных грехов. Гетерам как падшим женщинам можно было даже посочувствовать и оказать милосердие, проявив христианскую терпимость и реальную помощь ближнему, оказавшемуся в трудной ситуации.

Христианство безоговорочно осуждало лишь проституцию ради наслаждения, «по убеждению», а среди гетер таковых во все времена находился определенный процент. Точно так же осуждению подвергались и все прочие чувственные удовольствия, ведущие к ущербу для души. Женщина вообще считалась более склонной к пороку чувственных удовольствий, как пол, имеющий более развитую чувственность и эмоциональную сферу, а также, по мнению богословов, в силу своей слабости и изнеженности (по сравнению с мужчиной, разумеется)⁸. Вожделение — ἐπιθυμία (voluptas), плотская похоть (concupiscentia carnis) есть проявление чувственно-животной природы, с которой надо было беспощадно бороться.

Собственно, проституция не полностью попадала под определение блуда (φθορά, πορνεία, stuprum), греха прелюбодеяния (μοιχεία). Вожделение (ἐπιθυμία) есть первопричина блуда как греха (αμαρτία), но сам этот грех касался в первую очередь состоящих в законном церковном браке и нарушавших регламентацию сексуальных отношений. Для не состоящих в браке интимная жизнь есть предмет не канонического церковного права⁹, а только морально-нравст-

венной сферы, хотя эти сферы не так далеки друг от друга. Поэтому блудницы как свободные женщины являются лишь жертвами вождения, греховной природы человека (вследствие грехопадения праматери Евы) и «не вполне» грешницами. Если же блудница занялась своим ремеслом не ради вождения, а ради вынужденного заработка, то тогда она — еще дальше от греха. Но, поскольку секс, плотская связь (*corula carnis*) допускались только в браке, блудницы все же нарушали моральные нормы христианства, так как, даже если не испытывали удовольствия сами, то продавали его другим. Причина греха и любого зла — в свободной воле человека.

В результате возникла парадоксальная ситуация: позднеантичный институт гетер, блудниц оказался в определенной степени нужным христианской церкви, потому что, помимо милосердия, давал возможность падшим женщинам начать путь морального очищения с самой нижней отметки. Поэтому путь к спасению у этих женщин оказывался самым длинным, то есть самым сложным, а значит — этот путь самоусовершенствования оказался едва ли не самым почетным путем к святости. Чем шире диапазон от греха к святости, тем он более почетен. Отсюда феномен святости значительного количества прежних гетер¹⁰. Мефодий Патарский прямо указывает: «Сильно бороться со сладострастными пожеланиями — это заслуживает большей похвалы, нежели соблюдение девства с легкостью, без волнений... Господь отдал преимущество чувствующему похоть и воздерживающемуся перед не чувствующим похоти и соблюдающим девство. ... Душа, которая борется с движениями похоти, не увлекается ими, а напротив устраняет себя и противится им, оказывается более сильной, нежели не чувствующая похоти. Так, душа, чувствующая похоть и воздерживающаяся, превосходит не чувствующей этого и воздерживающейся» (Method. VIII, 7).

Общество, в котором были еще вполне живы и сильны позднеантичные традиции социальной жизни, в принципе также не считало гетер какими-то подонками общества. Это проистекало из античного многовекового убеждения в сексуальной свободе людей. Классическая античность не знала никаких запретов в интимных отношениях. Поэтому христианская борьба с чувственными наслаждениями не могла сразу вырвать с корнем многовековой социальный институт. То, что ранее было социально признанным и приемлемым в одночасье стало грехом. Понять и принять это в масштабе всего общества было достаточно сложно и требовало определенного времени. Поэтому христианский обвинительный пафос в адрес гетер не сразу находил поддержку в обществе. Моральные проповеди Иоанна Златоуста потому и получили такой резонанс, что были направлены против вполне живых и процветающих пороков, среди которых посещение публичных домов было одним из самых распространенных¹¹.

Принятие крещения уже смывало, по сути, все грехи бывшей блудницы, если она прекращала заниматься своим ремеслом. В этом смысле уместна отдаленная аналогия с античным ритуальным очищением. Дальнейший же путь к спасению зависел от личных усилий женщины¹².

В православии женщин-святых всего не более 10 %¹³. Это значительно больше, чем в католичестве. Можно выделить 3 группы «женских» житий:

1) о девушках и женщинах, покинувших отцов и мужей ради девства в миру или монастыря (подгруппа — о женщинах из знатных семей);

- 2) о раскаявшихся блудницах и грешницах;
- 3) мученичества.

Ко второй, наиболее интересующей нас, группе относятся жития Марии Египетской (ум. 522 г.), Пелагии Антиохийской (ум. 461 г.), Зои Вифлеемской (ум. 415 г.), Таисии блудницы (ум. 340 г.), Таисии младшей (ум. 625 г.) и др. Однако, информация о блудницах имеется и в других житийных текстах¹⁴. В этих житиях чаще дается уже преимущественно монашеская повседневная жизнь героинь, а не мирская, предшествовавшая обращению, затрагиваемая лишь в самых общих чертах. Тенденция к сокращению количества агиографических текстов о женщинах к концу ранневизантийского периода выражена достаточно четко.

В агиографических источниках нам наиболее интересны: бытовые реалистические исторические детали¹⁵; античные реминисценции; собственно гендерный аспект, объясняющий поведение той или иной героини. Наиболее важен гендерный аспект: отрыв от мужчины (семьи), девство как часть обращения; уход из своего социального класса, отказ от имущественного положения; уход в монастырь от мира как логическое завершение обращения; уход от блуда, мирского греха как частный случай; мученичество как высшая форма христианского подвига.

Рассматриваемая группа житийных текстов наиболее богата бытовыми подробностями, так как дает наибольшее разнообразие случаев обращения или примеров проявления благочестия. Наиболее контрастным, и потому наиболее ярким, является обращение блудницы. Агиографические тексты в большинстве случаев дают только моральную оценку случая. Так, Мария Египетская утверждает, что она была «похотлива и падка до наслаждения. Я торговала собой не ради корысти. Я была одержима ненасытной и неудержимой страстью пятнать себя грязью». Сходными мотивами руководствовалась Таисия и Зоя. И лишь одна из героинь «Луга Духовного» (136) признается, что ищет блуда потому, что она голодна¹⁶. Сходна и судьба девицы из гл. 207 того же произведения. Важен рассказ Иоанна Мосха (189) о целомудрии, которое выбирает жена, которая могла спасти мужа от смерти ценой своего бесчестия, и это спасает их обоих. Как видим, даже в случае занятий проституцией ради удовольствия христианская церковь милосердна к падшим женщинам, ибо такой путь раскаяния парадоксальным образом наиболее близок к святости¹⁷.

Женщина часто изображается в агиографии как естественный источник соблазна не только для мирянина, но и для монаха (Mosch. Leimon., 205). Поэтому даже для благочестивой женщины нет гарантии от насилия. Поэтому женщина может проявлять даже хитрость для сохранения благочестия. Впрочем, суд Божий для авторов агиографических текстов гораздо важнее суда человеческого, и это служит предостережением к осуждению женщин.

Осквернение тела в вынужденных обстоятельствах грехом не считалось. Так, Амвросий Медиоланский в книге «О девственницах» повествует о девушке-христианке из Антиохии (возможно, это Феодора, пострадавшая в 304 г. от гонений), которая во время гонений подверглась тяжелому выбору: принести жертву языческим богам или отправиться в лупанарий. Она выбирает второе. «Может дева предана быть на поругание, но не может себя опорочить прелюбодением. ...И не блудилище чистоту оскверняет, но чистота даже и из подобных

мест изгоняет их скверну» (II, 26). Выбор девушки очень важен: само по себе осквернение тела может не быть грехом, если нет греха в голове.

Обращение одной блудницы из египетской деревни произошло под влиянием чтения аввой Серапионом обычного правила. Начав Псалтирь, он на каждом псалме творил молитву (ευχήν), прося о спасении заблудшей. Блудница стояла, дрожа, и молилась подле старца, а по окончании молитвословия пала на землю (Logii St. Serap. 1). Впоследствии эта женщина превзошла постами всех отшельников (не ела более 40 дней) и явила пример монахам.

Не всегда, правда, обращение было духовным актом. Так, некие киликийянки Комито и Никоса, жившие во грехе с актером Вавилой, ушли в монастырь, раздав имущество бедным, лишь из-за того, что их содержатель обратился сам и оставил их в миру. «Теперь, возжелав богоугодной жизни, ты бросаешь нас и хочешь спастись один?!» — восклицали разгневанные блудницы (Mosch. Leimon., 32).

Агиография дает яркие образы девушек и женщин, буруемых сильными страстями, собственной греховной природой, иногда поддающихся ей, но обязательно раскаивающихся. А окончательный суд их поступков не должен быть судом человеческим. Таким образом, женщина в агиографии — существо особое, таинственное, самим своим существованием как бы открывающее сосуд греха. Вместе с тем, благочестие и смирение помогают женщине преодолеть свою греховную природу, что является великим христианским подвигом.

Обуздание страстей было возможно и в миру, о чем свидетельствует судьба императрицы Феодоры в изображении Прокопия в «Тайной истории»¹⁸. Став супругой Юстиниана, она всю свою энергию направила на государственные дела, отказавшись от постыдных занятий молодости, столь красочно описанных в указанном сочинении.

Преобладание в Византии вертикальных общественных связей делало судьбы женщин чрезвычайно мобильными. Они могли в одночасье возвыситься из самых низов (как императрица Феодора — жена Юстиниана I), и так же упасть вниз. Но идеальным путем все же считалось обращение в христианство и аскетический подвиг, хотя бы и после самой низменной жизни в миру. Для агиографии характерен и даже по-своему желателен именно путь «от гетеры до игуменьи».

Главное здесь — сложный путь преодоления страстей, своей греховной природы. Обращение в христианство или, что чаще, осознание формальной христианкой (бывшей блудницей) степени своего падения — не составляют сам одномоментный ментальный переворот. Этим актом лишь открывается долгий, пожизненный путь изживания греха. И аскетический подвиг в этой связи противоположен плотским страстям, но в какой-то степени является зеркальным отражением сильного душевного склада, огромного потенциала человеческих эмоций, направленных теперь в правильную сторону. Целомудрие требует не меньших, а даже больших усилий, чем греховные страсти.

Таким же парадоксальным образом о пути к целомудрию и о преодолении страстей говорит античный роман, который вне его символического контекста часто (и ошибочно) сводят исключительно к эротическому¹⁹. Не случайно в Византии этот жанр хорошо прижился, как близкий пониманию мирян.

Таким образом, феномен святости бывших блудниц в ранневизантийское время стал наиболее ярким и глубоким проявлением ментального переворота. Каждая женщина должна была лично сама прийти к христианству, осознать свою греховность и изживать ее подвигами христианского аскетизма. А как она справлялась со своей чувственной природой — каждая женщина решала это сама. Огромные скрытые возможности, энергия, пассионарность, которые раньше расходовались бывшими блудницами на чувственные удовольствия (или предоставление их другим), отныне были брошены в бескомпромиссный поединок с собственной природой и страстями. И многим удалось этот бой выиграть лишь ценой ухода из мира. Обретя покой за стенами монастыря, эти женщины, возможно, достигли почти недостижимого счастья, по крайней мере, совершенно недостижимого при традиционном античном чувственном образе жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. II / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб., 2001; *Пушкарева Н.Л.* Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Харьков, 1999. № 3; *Репина Л.П.* Гендер в истории: проблематика и методология исследований // Теория и методология гендерных исследований / Под ред. О.А. Ворониной. М., 2001 и др.
2. *Brown P.* The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New-York, 1988.
3. *Селунская Н.А.* «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires unlimited» // ВДИ. 2005. № 1; *Brown P.* The World of Late Antiquity. AD 150-750. L., 1971; *Brown P.* The Making of Late Antiquity. L., 1978; *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire. Madison, 1992; *Cameron A.* The Mediterranean World in Late Antiquity. AD 395-600. L., 1993; *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World.* Cambr., 1999; *Interpreting of Late Antiquity: essays on the Postclassical World.* Cambr. Mass., 2001; etc.
4. *Nathan G.* The Family in Late Antiquity: The Rise of Christianity and the Endurance of Tradition. London—New-York, 2000; *Shaw B.D.* The Family in Late Antiquity: The Experience of Augustine // Past & Present. 115. 1987. P. 3-51.
5. *Митчелл Дж.* Женская сексуальность. Введение // Гендерные исследования. Харьков, 1998. № 1.
6. *James L.* Women, Men and Eunuchs: Gender in Byzantium. L., 1997.
7. *Дюнуи Е.* Проституция в древности. Кишинев, 1991; *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., 1995; *Кифер О.* Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003; *Киньяр П.* Секс и страх. М., 2000.
8. См., например: *Григорьевский М.* Учение свт. Иоанна Златоуста о браке. М., 2000. С. 133 и др.
9. § 54.2. Заключение брака в Византии // *Протоиерей Владислав Цыпин.* Курс церковного права. М., 2002. С. 542-544.
10. *Clark E.A.* Ascetic Renunciation and Feminine Advancement: A Paradox of Late Ancient Christianity // Anglican Theol. Rev. 63. 1981. P. 240-257.
11. *Пюш Э.* Св. Иоанн Златоуст и нравы его времени. СПб., 1897.
12. *Clark E.A.* Ideology, History, and the Construction of 'Woman' in Late Ancient Christianity // JECS (Justice Education in Catholic Schools). 2. 1994. P. 155-184.

13. Преосв. Филарет (Гумилевский). Святые подвижники Восточной церкви. СПб., 2005.
14. Болгов Н.Н., Смирницких Т.В. Источниковедческие проблемы истории частной жизни женщины в ранневизантийский период (IV–VI вв.): агиография // Власть и общество: история взаимоотношений. Воронеж, 2007. С. 32-33; Harrey S.A. Women in Early Byzantine Hagiography. Wash., 1990.
15. См.: Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1996.
16. См.: Горайко А.В. Проблема нищеты и бедности Константинополя в контексте деятельности святителя Иоанна Златоуста // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1. С. 168-179.
17. Clark E.A. Sex, Shame, and Rhetoric: Engendering Early Christian Ethics // JAAR. 59. 1992. P. 221-245.
18. Смирницких Т.В. Императрица Феодора: образ и реальность // www-history.univer.kharkov.ua/sno/sno_konf_files/sno_konf_59/smirnickih.htm
19. Протопопова И.А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001.

FROM PASSION OF SIN TO EXPLOIT OF ASCETICISM: PHENOMENON OF SANCTITY OF EX-FORNICATRIXES IN EARLY BYZANTIUM

N.N. Bolgov, T.V. Smirnickih

The authors investigated the phenomenon of a female body in the gender aspect of history and culture of Early Byzantium. Classical traditions of state, urban life and culture were the reason for a more civil self-identification of women at that time. Ideals of Christian asceticism paradoxically co-exist with debauch of sexual passions. The refusal from nudity and public presentation of a female body had been gradually closing women in the female half of the house. Phenomenon of sanctity of ex-fornicatrixes in Early Byzantium was a long and difficult way to Christian Ideal. Still, it was the honourary way.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2008 г.

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В АНТИЧНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

(Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай. Юго-Восточная Азия) / Подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского (кроме отрывков в переводе В.В. Вертоградовой, С.Г. Карпюка, М.Е. Сергеенко), примечания и аннотированный указатель Г.А. Тароняна. Введение А.А. Вигасина. (Москва: изд-во «Ладомир», 2007. 642 с.)

Рецензируемое издание представляет собой подбор античных свидетельств о Южной и Юго-Восточной Азии, а также Дальнего Востока с V в. до н.э. по VI в. н.э. Данные свидетельства охватывают историю, географию, животный и растительный мир, науки, ремесла, искусства, верования, быт и другие стороны жизни. Данная тематика достаточно давно представлена в мировом востоковедении и антиковедении соответствующими переводами¹. В российской науке в значительной степени изучены представления античного мира об Индии²; сведения о Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии оставались в переводах произведений античной литературы на русский язык практически не затрагивались.

Открывает книгу статья А.А. Вигасина (С. 5–23), в которой ёмко обобщаются античные представления о восточной части ойкумены, преимущественно об Индии, с которой греки и римляне имели длительный непосредственный контакт и к которой питали постоянный интерес, подогревавшийся самыми различными факторами. Наиболее важным источникам («Естествознание» Плиния Старшего, «Введение в географию» Клавдия Птолемея) дается расширенная характеристика.

В раздел переводов (С. 27–320) вошли произведения сорока девяти авторов — от Геродота до Косьмы Индикоплова. Данный раздел демонстрирует присущее Г.А. Тароняну тонкое понимание античных текстов, аккуратность при переводе и мастерское владение русским языком³. Многие фрагменты в сочинениях тех или иных авторов не имеют однозначного толкования в виду неточности представлений самих авторов о предмете их описания, поэтому переводчик сопроводил перевод краткими подстрочными примечаниями, в которых предлагаются дополнительные возможности толкования переводимых фрагментов.

Нижеследующие замечания ни в малейшей степени не умаляют достоинств рецензируемой книги. Однако объем охваченного материала столь велик, что

незначительные дополнения или исправления могут сориентировать читателя в некоторых специфических вопросах античной гео- и хорографии.

Один из текстов, перевод фрагментов которого представлен Г.А. Тароняном, был недавно издан и прокомментирован отдельной книгой⁴. Небезынтересным представляется сравнение некоторых пассажей в переводах этого текста. Так, в автор «Перипла» употребляет понятие *πέραν ἐμπορία* (14: 5. 7) для обозначения рынков на африканской стороне Баб эль-Мандебского пролива. Этот термин уже вызывал определенные трудности при переводе на русский язык: С.П. Кондратьевым и Г.М. Бауэром он переводился как «потусторонний»⁵. Перевод «запредельный» (С. 143) представляется еще менее удачным: понятие *ρεβν* является в данном случае переводом др.юж.-ар. *‘br* — «противоположная сторона» и не включает в себе смысла «предела» или «границы». Не вполне точным кажется и трактовка *ἰδίοις ἐξαρτισμοῖς* (21: 7. 23) как «снаряжая собственные корабли» (С. 143). Данный перевод подразумевает, что *ἐξαρτισμὸς* следует трактовать как «снаряжение корабля». Исходя из основного значения *ἐξαρτίζω* — «готовить себе», «устраивать себе» — перевод «собственными поставками» представляется более отвечающим смыслу текста.

Трактовка *Τὰ μὲν οὖν πλοῖα κατὰ τὴν Βαρβαρικὴν διορμίζεται* (39: 13. 5) как «Так вот, суда становятся на якорь у Барбарика» (С. 144) повторяет ошибочное понимание текста предыдущими переводчиками, подразумевающее и в данном фрагменте упоминание некоего порта Барбарика, действительно упоминаемого ранее, а не варварского берега в целом⁶.

Река «Намнад», указанная (С. 146) переводчиком вместо рукописного *Λαμναῖος* (42: 14. 20), является реконструированным топонимом, и его появление в изданиях «Перипла» объясняется стремлением привести расположение древних географических названий в соответствие с реальным положением вещей. Между тем, *Λαμναῖος* является нормальной формой передачи названия *Yamūna* — λ, в частности, являлся стандартным «заменителем» для *уа в начале слова в арабийских названиях, переданных в греческий. Хотя в Камбейский залив впадает р. Нармада, а Ямуна течет совсем в другом районе современной Индии, при переводе следует отталкиваться от рукописных чтений, а несоответствия относить на некоторые неточности географических представлений греков об Индии.

Длительное время вызывает трудности для трактовки и следующий пассаж: *Καί τούτων ἐπάνω μαχιμώτατον ἔθνος Βακτριανών, ὑπὸ βασιλέα ὄντων ἰδίων τόπων* (47: 16. 6) — в переводе «Выше их — воинственнейший народ бактров, под властью царя...» (С. 147). К нему постоянно обращаются специалисты по древней истории Бактрии и сопредельных регионов, а также индологи⁷. Предложенное восстановление действительно испорченного в рукописях места как *ὑπὸ βασιλέα ὄντων ἰδίων τόπων* придает ему стилистическую и смысловую стройность, делая ненужными как отсутствующие в оригинале упоминания царя Кушан, так и вычеркивание фразы *ἰδίων τόπων* как не поддающейся трактовке.

Ссылка на «собакоголовых» (*κυνοκέφαλοι* — 50: 17. 6) как, предположительно, обезьян (С. 148, см. также в указателе С. 584), представляется неверной. Этот термин для насмешливого обозначения «варварских народов» имеет весь-

ма длительную историю, восходящую еще к Геродоту. Ко времени «Перипла», во всяком случае, он давно потерял реальную смысловую нагрузку и вряд ли связан с *швамукхами* индийской мифологии и, скорее, унаследован из предшествующей греческой этнографической традиции. В данном случае за «собакоголовыми» скрывается вполне реальный народ карушей⁸.

Неверной представляется и трактовка и αφ' οὗ καὶ τοπικῶς (57: 19. 3–4) как «с тех пор в соответствии с местом» (С. 149) при объяснении появления названия «гиппалийский ветер». Автор «Перипла» точно называет причину ее причину: ἀπὸ τῆς προσηγορίας τοῦ πρώτου ἐξευρηκότης τὸν διὰ πλοῦν — «по имени первого открывшего плавание {через открытое море}», т.е. ветер был гиппалийским не потому, что так называлось место, где он дул, как подразумевает представленный перевод.

Эти примечания к переводу фрагментов одного лишь текста показывают всю сложность задачи, стоявшей перед Г.А. Тароняном — составителем, переводчиком и комментатором столь различных по природе, стилистике и содержанию текстов многочисленных античных авторов.

Комментарии к переводам, представленные Г.А. Тароняном в форме аннотированного указателя (С. 320–638), имеют самостоятельную ценность своеобразного словаря по античным свидетельствам об описываемом регионе. Комментатор отказался от использования ссылок на исследовательскую литературу, что, возможно, оправданно, так как в значительной степени сократило объем издания. Это обстоятельство трансформирует жанр указателя — традиционно сухой и едва ли читаемый «от и до» — в античное повествование с обычными для древнего историка «говорят», «предполагают», «передают» вместо точных указаний на источник информации, свойственных, например, арабской историографии. С другой стороны, эпизодически приводимые ссылки относятся к устаревшим публикациям, выводы которых настоятельно требуют уточнений или уже были пересмотрены. Могут быть дополнены или уточнены и некоторые статьи данного указателя:

С. 323: утверждение, что название Адулис появилось по «местной народности» нуждается в подтверждении. В египтологии утверждается, что данный греческий топоним произошел от др.-ег. *wdltr*⁹.

С. 331: Анний Плокам. Ссылка на работу Д. Мередит¹⁰ тем более удивительна, что при отсутствии в указателе ссылок в целом, комментатор ссылается на совершенно устаревшую работу. Литература о приключениях Анния Плокама, в том числе уточняющая предложенные Д. Мередит датировки, значительно обогатилась за последние пятьдесят лет¹¹.

С. 380: Геракл. При перечислении возможных прототипов индийского Геракла упущена наиболее правдоподобная возможность отождествления с Юдхистхировой Кауравой¹². Отчасти этот пробел восстановлен на С. 589–590.

С. 383: утверждение, что «Гиппал — кормчий, открывший регулярность муссона», не согласуется с текстом «Периплом Эритрейского моря». Единственное, что можно заключить из § 57 этого источника, это то, что Гиппал первым проделал путь через открытое море на крупном корабле, составив карту моря. Именно карта моря и возможность прямого перехода через Аравийское море, а не регулярность муссонов, явились вкладом Гиппала в историю навигации¹³.

С. 397–398: среди отождествлений «индийского» Диониса упущено его сопоставление с Притху: положившим начало земной истории в индийской мифологии. Именно роль «основателя истории» является доминирующей в историях об индийском Дионисе¹⁴.

С 418: греческое название καλυστρίοι следует выводить из этнонима *kūrū*¹⁵. Данная возможность также упущена в комментариях.

С. 506: идентификация гавани Океалис с Шейх Саид Хор Гурайра должна быть отвергнута. Более верным представляется отождествление Окелис с островом аль-‘Акль, ныне исчезнувшим под водой, в Баб эль-Мандебском проливе¹⁶.

С. 508. расположение эмпория Оманы вполне поддается установлению. Клавдий Птолемей располагает Оманы в непосредственной близости от Χάρυαθα (ДЮА HRG) в Северо-Восточной Аравии, что указывает на существование пути, соединявшего оба эти города.

На положение Ὠμανὸν ἐμπόριον на крайнем северо-востоке Аравии указывает и информация Плиния Старшего, в соответствии с которой территория, занимаемая народом *Omani*, тянется от крайнего северо-запада (Петра) до крайнего северо-востока (Харасена) Аравии¹⁷, а сам горд *Omane* ошибочно локализовался «прежними писателями» в Кармании¹⁸. Все прочие топонимы, обозначенные на карте Птолемея как ἐμπόριον, лежат на побережье. Следовательно, наиболее вероятным является отождествление Ὠμανὸν ἐμπόριον с одним из важных портов на крайнем северо-востоке Аравии на пути из аль-Хардж. О связи этнонима ‘оман с Южной Месопотамией свидетельствует сообщение Лукиана о царе Хараксе, царствовавшем над страной ‘Оман, приносившей (очевидно, в результате транзитной торговли)

благония: «Χαρακηνός... Ὠμάνων τῆς ἀρωματοφόρου βασιλεύσας» (Macrobi. 17).

Лишь при отождествлении Ὠμανὸν ἐμπόριον с совр. Кувейтом могут быть ясно интерпретированы данные «Перипла Эритрейского моря» о расположении порта Ὠμανὸν. В соответствии с информацией «Перипла», для того, чтобы достичь порта Ὠμανὸν, нужно пройти шесть переходов от устья Персидского залива в неуказанном направлении¹⁹. Хотя значение «вплывать» для глагола παραπλέω необычно (можно было бы ожидать εἰσπλέω), речь идет о шестидневном плавании вдоль аравийского побережья Персидского залива, ведущем к территории совр. Кувейта. На это указывает и то, что порт Ὠμανὸν назван наряду с портом Ἀπολόγου целью этого плавания²⁰. Хотя порт Ὠμανὸν достаточно ясно отделен в «Перипле» от «Аравии» — из Оманы в Аравию ходят особые лодки-мадарате²¹ (36: 12. 8–9) — объясняется это тем, что Ὠμανὸν ἐμπόριον лежал на территории Персии, хотя и относящейся географически к Счастливой Аравии. Именно в этом направлении следует интерпретировать легенду ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΜΑΝ на монете царя Харасены Мередата (сер. 2 в. н.э.)²². Эта монета не говорит о распространении власти Мередата на территорию современного ‘Омана²³, но о том, что древний порт Ὠμανὸν и территорию древнего ‘Омана следует локализовать в совр. Кувейте.

С. 600. Датировка посольства Теофила Инда в Южную Аравию 356 г. — явный анахронизм. современная точка зрения сводится к тому, что в Химйар он прибыл в 339–346 гг. н.э.²⁴

Эти уточнения тонут в массиве рецензируемой работы как капля в море. Российская наука о древности обогатилась масштабным трудом, демонстрирующим глубину таланта и эрудиции Г.А. Тароняна — блестящего переводчика и интерпретатора античных текстов — и в значительной степени облегчающим задачу всех тех, кто пожелает обратиться к сведениям античной литературы о странах Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ancient India as Described by Ptolemy; being a Translation of the Chapters which Describe India and Central and Eastern Asia in the Treatise on Geography Written by Klaudios Ptolemaios, the Celebrated Astronomer, with Introduction, Commentary, Map of India According to Ptolemy, and a Very Copious Index by J.W. McCrindle. Calcutta—Bombay—London, 1885; *Cædus G.* Textes d'auteurs grecs et latins relatifs a l'Extrême-Orient depuis IVe siècle av. J.-C. jusqu'au XIV siècle. P., 1910 (Documents historiques et géographiques relatifs a l'Indochine. Tome I); *Renou L.* La géographie de Ptolémée, l'Inde (livre VII, 1—4). P., 1925; *Ctesias.* Histoires de l'Orient. Traduit et commenté par Y. Auberger. Préface de C. Malamoud. P., 1991.
2. *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А.* Индия и античный мир. М., 2002.
3. Некоторое недоумение вызывает разве что использование таких указательных местоимений как «сей» в форме «сю» вместо «эту» в названии раздела «Введения в географию» Клавдия Птолемея «Индия по эту сторону Ганга» (С. 223) или «складочное место» (С. 335) вместо «склад» или «складское место», «Индиоплевет», вместо «Индиоплов» (С. 315).
4. *Бухарин М.Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарии, исследования. СПб., 2007.
5. См.: *Бухарин.* Ук. соч. С. 25.
6. Там же. С. 135.
7. Подробнее см.: *Бухарин М.Д.* «Воинственные бактриане» в «Перипле Эритрейского моря» // *Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин.* Ук. соч. С. 256—261; *он же.* Неизвестного автора... С. 144—148.
8. Подробнее см.: *Бухарин.* Неизвестного автора... С. 154—156.
9. *Goyon J.-C.* Remarques sur l'ouvrage de F. de Romanis, *Cassia, cinnamomo, ossidiana* // *Topoi.* Orient-Occident. 1996. 6. 2. P. 654.
10. *Meredith D.* The Roman Remains in the Eastern Desert of Egypt // *JEA.* 1953. 39. P. 95-106.
11. *de Romanis F.* Romanukharaṭṭha e Taprobane: sui rapporti Roma-Ceylon nel I sec. d.C. // *Helikon.* 1988. 28. P. 5—58; *Cuvigny H., Bülow-Jacobsen A.* Avec des contributions de Laïla Nehmé et Christian Robin. Inscriptions rupestres vues et revues dans le désert de Bérénice // *BIFAO.* 1999. 99. P. 137-140 (№ 2-5); *de Romanis F.* Commercio, Metrologia, Fiscalita. Su P. Vindob. G. 40.822 Verso // *MEFRA.* 1997. 110. P. 11-60.
12. *Бухарин М.Д.* Первые индийские царские династии в пуранической, эпической и античной литературной традициях // *ВДИ.* 2001. № 4. С. 88-103; *Bukharin M.D.* Early Royal Dynasties in the Purāṇas, Epics and Classical Tradition // *Indologica Taurinensia.* 2004. XXX. Proceedings of the XIth World Sanskrit Conference (Turin, April 3rd — 8th, 2000). Pt. 2. P. 51-81.
13. Подробнее см.: *Бухарин.* Неизвестного автора... С. 177—180.
14. Подробнее см.: *он же.* Первые индийские царские династии...; *Bukharin.* Early Royal Dynasties...
15. Подробнее см.: *Бухарин.* Неизвестного автора... С. 155.

16. Подробнее см.: Бухарин. Неизвестного автора... С. 82.
17. ...*a Petra incoluere Omani ad Characeni* (NH. 6. 145).
18. ... *oppidi Omanorum Batrasavaves et Omanae, quod priores celebrem portum Carmaniae fecere* [...города оманитов *Bartasavaves* и *Omanae*, который прежние авторы сделали знаменитым портом Кармании... (6. 149)].
19. Παραπλεσαντι δὲ τοῦτο λό στόμα κλπου μετὰ δρόμοις ἐξ ἑτερον ἐστιν τῆς Περσίδος, ἡ λεγομένη Ὅμμανα (36: 12. 3–4).
20. Ἐξαρτίνεται δὲ ἐς αὐτὴν συνήθως ἀπὸ μὲν Βαρυγάζων εἰς ἀμφοτέρω ταῦτα τῆς Περσίδος ἐμπορία πλοῖα μεγάλα (36: 12. 4–6).
21. Это определение можно интерпретировать в соответствии с араб. *mudawwara* («круглый»).
22. Публикацию см.: Potts D. T. The Parthian Presence in the Arabian Gulf // The Indian Ocean in Antiquity / Ed. by J. Reade. L., 1996. P. 279, Fig. 12.
23. Там же. P. 280. Привлеченный Д.Т. Поттсом фрагмент сочинения Главка, однако, не говорит о том, что древний порт Омана должен был располагаться на территории совр. Омана: «Ὅμμανα, πόλις τῆς εὐδαίμονος Ἀραβίας Γλαῦκος δευτέρω Ἀρ. ἀρχ. Τὸ ἐθνικὸν Ὅμανεύς. Εὐαληνοὶ, ἔθνος περὶ οὗ φησὶ Γλαῦκος ἐν δευτέρῳ Περὶ Ἀραβίας (Glaucos. Arab. Arch. II; = Herodanus. De prosodia catholica. 3. 1. 383)». Даже если этноним Εὐαληνοὶ соответствует древнему Dilmun (о.Бахрейн), это обстоятельство не говорит о том, что Εὐαληνοὶ жили рядом с Бахрейном: перед этнонимом Ὅμανεύς Главк перечисляет народы из западной части Аравии; название Εὐαληνοὶ можно сопоставлять с Ubullu, что говорило бы о локализации Εὐαληνοὶ на территории совр. Юго-Восточного Ирака.
24. Brackmann H. Religionsgeschichte Axums in der Spätantike // Nubica et Æthiopica. 1994–1995. 4/5. Äthiopien gestern und heute. Akten der 1. Tagung der Orbis Æthiopicus Gesellschaft zur Erhaltung und Förderung der äthiopischen Kultur. P. 410.

М.Д. Бухарин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ	— Античная Греция. М., 1983.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь-Керчь
БС	— Боспорский сборник. Москва
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ДБ	— Древности Боспора
ДГ СССР	— Древнейшие государства на территории СССР. Москва
ДГВЕ	— Древнейшие государства Восточной Европы
ЖМНП	— Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗКОЕЛП	— Записки Крымского Общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь
ЗООИД	— Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса
ИА РАН	— Институт Археологии Российской Академии Наук
ИАиЭ СО РАН	— Институт археологии и этнографии (Новосибирск)
ИИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры. Москва
ИСАА	— Институт стран Азии и Африки
ИТУАК	— Известия Таврической Ученой Археологической Комиссии. Симферополь
ИФЖ	— Историко-филологический журнал
КБН	— Корпус Боспорских надписей. М.-Л. 1965.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории, материальной культуры
МАИЭТ	— Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОИАК	— Отчеты Императорской Археологической Комиссии. Петроград.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников СССР
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
ТС	— Таманская старина. Санкт-Петербург.
ХА	— Хазарский альманах. Харьков
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская Археологическая комплексная экспедиция
ActaNum	— Acta Numismatica. Societat Catalana d'Estudis Numismatics. Barcelona, Spain.
АНВ	— Ancient History Bulletin
AJPh	— The American Journal of Philology
AncSoc	— Ancient Society. Leuven
ANRW	— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin-New York, 1972
BAR	— British Archaeological Reports
BSFN	— Bulletin de la société Française de Numismatique. Cabinet des Médailles de la Bibliothèque Nationale. Paris
CAJ	— Central Asiatic Journal
CENB	— Cercle d'Etudes Numismatiques. Bulletin Bruxelles
CIG	— Corpus inscriptionum Graecarum. Berolini
Cohen	— Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain: VI tt. Paris, 1881-1886
CPh	— Classical Philology
CQ	— The Classical Quarterly

Dessau	— Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Berlin, 1892-1916
HSCPh	— Harvard Studies in Classical Philology
JHS	— The Journal of Hellenic Studies. London
JRS	— Journal of Roman Studies. London
JS	— Journal des Savants
Latomus	— Revue d'études latines. Bruxelles.
MHA	— Memorias de historia Antigua. Oviedo
MÖNG	— Mitteilungen der Österreichischen Numismatischen Gesellschaft. Vienna.
NAC	— Numismatica e Antichita classiche quaderni ticinesi Lugano, Arti graf. Gaggini-Bizzozero.
NC	— The Numismatic Chronicle. London.
OGIS	— Orientis Graeci inscriptiones selectae. Lipsiae
RBN	— Revue belge de numismatique publiée sous les auspices de la Société royale de numismatique
RIC	— The Roman Imperial Coinage. Vol. I—X.
RN	— Revue numismatique. Paris
RSA	— Rivista storica dell'Antichita. Bologna
TMon	— Tresors monétaires. Paris

СОДЕРЖАНИЕ

РАУФУ МАГОМЕДОВИЧУ МУНЧАЕВУ — 80 ЛЕТ

<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) — О юбилее Рауфа Магомедовича Мунчаева	5
Список печатных трудов Р.М. Мунчаева	10
<i>Багаев М.Х.</i> (Грозный) — Кавказовед — востоковед	26
<i>Багаев М.Х.</i> (Грозный) — Археологические памятники древней Чечни в трудах Р.М. Мунчаева	29

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Требелева Г.В.</i> (Москва) — Юго-западный район Мервского оазиса (парфянский и сасанидский периоды)	38
<i>Обельченко О.В.</i> (Москва) — Реставрация парфянских ритонов	77

КАВКАЗ

<i>Кореневский С.Н.</i> (Москва) — О зооморфных прототипах каменных скипетров эпохи энеолита, раннего периода бронзового века Восточной Европы и Кавказа	86
<i>Кореневский С.Н.</i> (Москва) — Поселение энеолитической эпохи Предкавказья, Ясенева Поляна и культура накольчатой жемчужной керамики Предкавказья	112
<i>Мастыкова А.В.</i> (Москва) — «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья	149
<i>Козенкова В.И.</i> (Москва) — О потенциале «забытых» коллекций: древности кобанской культуры в Собрании А. Коссиерской	159

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Фролов Э.Д.</i> (Санкт-Петербург) — Архаическая революция в Античной Греции (принципальный обзор инноваций и перемен в социально-политической и культурной жизни древней Греции в VIII—VI вв. до н.э.)	182
<i>Поваляев Н.Л.</i> (Геттинген) — Еще раз к вопросу о моделях греческой колонизации: апойкия или эмпорий. Археологическое сравнение	193
<i>Высокий М.Ф.</i> (Москва) — «Аргонавтика» Аполлония Родосского и Великая Греция	214
<i>Габелко О.Л., Тейтельбаум Е.Г.</i> (Казань) — Взгляды Полибия на религиозные преступления в военных конфликтах эллинистических государств	222
<i>Сивкина Н.Ю.</i> (Нижний Новгород) — Заговор Апеллеса в 218 г. до н.э.	233
<i>Беликов А.П.</i> (Ставрополь) — Завешание Аттала III: источники и историография	241
<i>Квашин В.А.</i> (Вологда) — Катон Цензор и Сципион Африканский в Сицилии (205/204 гг. до н.э.): история и риторика в пространстве нарратива	257
<i>Бибарсова Ю.А.</i> (Магнитогорск) — Вифиния в письмах Цицерона: экономические и политические интересы сенатора в провинции	271
<i>Панов А.Р.</i> (Арзамас) — Армянский царь Тиридат I: взаимоотношения с Римом и проблемы оформления его власти.	276
<i>Куликова Ю.В.</i> (Москва) — Финансовая и фискальная политика галльских императоров. ...	289

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И БОСПОР

<i>Заморяхин А.В.</i> (Пермь) — Археологические исследования области крымских готов в интерпретации дореволюционных учёных	311
<i>Шапцев М.С.</i> (Симферополь) — Мегарские чаши позднескифского городища Булганак ...	325
<i>Храпунов Н.И.</i> (Симферополь) — Монеты из могильника Дружное	336
<i>Храпунов И.Н.</i> (Симферополь) — Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац	356
<i>Кузнецов В.Д.</i> (Москва) — Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации)	392

<i>Прокопенко С.Н.</i> (Белгород) — Хора городов юго-востока Европейского Боспора (конец VI — 1-я четверть III вв. до н.э.)	403
<i>Горлов Ю.В.</i> (Москва) — Географическая ситуация на Таманском полуострове в во второй половине голоцена	415
<i>Строкин В.Л.</i> (Темрюк) — «...Синдская гавань и [одноименный] город» (Strabo. XI. 2. 14) . .	437
<i>Земскова А.А.</i> (Москва) — Классификация погребальных сооружений европейского Боспора I—III вв. н.э.	459

ПЛЕМЕННЫЙ МИР

<i>Бродянский Д.Л.</i> (Владивосток) — Безголовые, обезглавленные и птичеголовые фигурки людей в неолите Дальнего Востока	468
<i>Епимахов А.В., Чечушков И.В.</i> (Челябинск) — «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: поэтическая метафора и историческое содержание	480
<i>Горбунов Ю.В.</i> (Уфа) — Металлопроизводство племен Уральской абашевской культуры. . .	501
<i>Алаева И.П.</i> (Челябинск) — Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны южного Зауралья в эпоху поздней бронзы	507
<i>Ражев Д.И.</i> (Екатеринбург) — Распространение обычая прижизненной деформации головы среди населения саргатской общности	524
<i>Мошкова М.Г.</i> (Москва) — Позднесарматские погребения второй половины III в. н.э. из могильника «Три брата»	538

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Костюков В.П.</i> (Челябинск) — Средневековое погребение шамана из Южного Зауралья .	550
<i>Сазанов А.В.</i> (Москва), <i>Могаричев Ю.М.</i> (Симферополь) — К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму	572
<i>Болгов Н.Н., Смирницких Т.В.</i> (Белгород) — От страстей греха к подвигу аскетизма: феномен святости раскаявшихся блудниц в Ранней Византии	589

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Бухарин М.Д.</i> (Москва) — Южная, Юго-восточная Азия и Дальний Восток в античных свидетельствах (Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай. Юго-Восточная Азия) / Подбор текстов, перевод с древнегреческого и латинского (кроме отрывков в переводе В.В. Вертоградовой, С.Г. Карпюка, М.Е. Сергеенко), примечания и аннотированный указатель Г.А. Тароняна. Введение А.А. Вигасина. (Москва: изд-во «Ладомир», 2007. 642 с.)	597

CONTENTS

<i>Kohelenko G.A.</i> (Moscow) — On the Anniversary of Rauf Magomedovich Munchaev	5
List of scientific works written by R.M. Munchaev	10
<i>Bagaev M.H.</i> (Grozny) — Caucasus and Orient Scholar	26
<i>Bagaev M.H.</i> (Grozny) — Archaeological Sites of the Ancient Chechnya in Works by R.M. Munchaev	29

ANCIENT EAST

<i>Gaibov V.A., Koshelenko G.A., Trebeleva G.V.</i> (Moscow) — Southwest Area of Merv Oasis (Parthian and Sasanidian Periods)	38
<i>Obelchenko O.V.</i> (Moscow) — Restoration of Parthian Rhytons	77

CAUCASUS

<i>Korenevskij S.N.</i> (Moscow) — Zoomorphous Prototypes of Stone Scepters of the Eneolithic and the Early Bronze Age of East Europe and Caucasus	86
<i>Korenevskij S.N.</i> (Moscow) — Eneolithic Settlements in Ciscaucasus, Yaseneva Polyana and Culture of Pin Pearl Ceramics in Ciscaucasus	112
<i>Mastykova A.V.</i> (Moscow) — «The Barbarous Kingdoms» of the Great People Resettlement Epoch At Allanians in Central Ciscaucasia	149
<i>Kozenkova V.I.</i> (Moscow) — Potential of «Forgotten» Gatherings: Koban Culture Antiquities within the Kossniersk's Collection	159

ANCIENT GREECE AND ROME. HELLINISM

<i>Frolov Ed.</i> (St.-Petersburg) — The Archaic Revolution in Ancient Greece (Principal review of innovations and changes in social-political and cultural life of Ancient Greece in the 8 th –6 th centuries B.C.)	182
<i>Povaljaev N.L.</i> (Goettingen) — Question on Models of Greek Colonization: Apoikia or Emporion. Archeological Comparison	193
<i>Vysokij M.F.</i> (Moscow) — «Argonautica» by Apollonius Rhodius and Great Greece	214
<i>Gabelko O.L., Tejtelbaum E.G.</i> (Kazan) — Polybius' view upon Religious Crimes In military Conflicts of Hellenistic States	222
<i>Sivkina N.Yu.</i> (Nizhnij Novgorod) — Apelles' Plot in 218 BC	233
<i>Belikov A.P.</i> (Stavropol) — Attal the III Testament: Sources and Historiography	241
<i>Kvashnin V.A.</i> (Vologda) — Cato the Censor and Scipio Africanus in Sicily (205/204 B.C.): The History and Rhetoric in Space of Narrative	257
<i>Bibarsova Yu.A.</i> (Magnitogorsk) — Bithynia in Cicero's Letters: Economic and Political Interests of the Senator in the Province	271
<i>Panov A.P.</i> (Arzamas) — The Armenian King Tiridates I: Relationship with Rome and Problems of Legislation of his Authority	276
<i>Kulikova Yu.V.</i> (Moscow) — Financial and Fiscal Policy of Gallic Emperors	289

NORTH BLACK SEA AND BOSPORUS

<i>Zamorjakhin A.V.</i> (Perm) — The Archaeological Studies of the Crimean Goths' Region in the Interpretation of the Prerevolutionary Scholars	311
<i>Shaptsev M.S.</i> (Simpheropol) — Megarian Bowls of late Scythian Ancient Settlement Bulganak ..	325
<i>Khrapunov N.I.</i> (Simpheropol) — Coins from the Necropolis of Druzhnoye	336
<i>Khrapunov I.N.</i> (Simpheropol) — Crypt of the 4 th c. AD from the Burial Ground Neizatz	356
<i>Kuznetsov V.D.</i> (Moscow) — Bosphorus tile Stamps (Some Problems of Interpretation)	392
<i>Prokopenko S.N.</i> (Belgorod) — <i>Chora</i> of Bosporan Cities in South-east of Kerch Region in the 6 th — early the 3 rd AD	403

<i>Gorlov Yu. V.</i> (Moscow) — Geographical Situation on Taman Peninsula in Second Half of Holocene	415
<i>Strokin V. L.</i> (Temrjuk) — «...The Sindian Harbour and the [Same] City» (<i>Strabo</i> . XI. 2. 14)	437
<i>Zemskova A. A.</i> (Moscow) — Classification of Funeral Constructions at European Bosphorus in the 1 st — 3 rd cc. AD.	459

PREHISTORY

<i>Brodyansky David L.</i> (Vladivostok) — Headless, Beheaded and Bird-head Figurines of Humans in Neolithic of the Far East	468
<i>Epimakhov A. V., Chechushkov I. V.</i> (Chelyabinsk) — «Horizon of Chariot Cultures» of the Northern Eurasia: Poetic Metaphor and Historical Substance.	480
<i>Gorbunov U. V.</i> (Ufa) — Metal Industry at Tribes of Ural Abashevo Culture	501
<i>Alaeva I. P.</i> (Chelyabinsk) — Funeral Monuments of Alakul Culture in Steppe Zone of Southern Ural Area during the Late Bronze Epoch	507
<i>Razhev D. I.</i> (Ekaterinburg) — Spreading of Custom on Artificially Cranial Deformation Among Sargat's Population	524
<i>Moshkova M. G.</i> (Moscow) — Late Sarmatian Burials of the Second Half of the 3 rd c. AD (a Burial Ground «Three brothers»).	538

MIDDLE AGES

<i>Kostjukov V. P.</i> (Chelyabinsk) — Medieval Burial of the Shaman in Southern Ural	550
<i>Sazanov A. V.</i> (Moscow), <i>Mogarichev J. M.</i> (Simferopol) — Termination Time of Chazar Presence at Crimea.	572
<i>Bolgov N. N., Smirnzkih T. V.</i> (Belgorod) — From Passion of Sin to Exploit of Asceticism: Phenomenon of Sanctity of Ex-fornicatrixes in Early Byzantium	589

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>Bukharin M. D.</i> (Moscow) — Southern, Southeast Asia and the Far East in Antique Testimonies (Ancient East in Antique and Early Christian Tradition (India, China, Southeast Asia / Ed. by V. V. Vetrogradova, S. G. Karpyuk, M. E. Sergeenko, G. A. Taronyan, A. A. Vigasin. Moscow, 2007. 642 p.)	597

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, а также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Суг., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисовочных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М. Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиипии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаубов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. №3. С. 221–232.

Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941. С. 341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Пушкин А.С. Стихотворения Баратынского // ПСС. Т. 11. Л., 1948. С. 14.

Пигарев К.В. Баратынский. Предисловие к изд.: *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 7.

Чехов А.П. Драма на охоте // Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 356.

Аннинский Л. Беседа о странностях истории // Родина. 2008. № 2. С. 18.

ЦДОООСО. Ф. 42. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библийские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

6. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен!

7. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия давать или в переводе, или с пояснением, а также имена на языке оригинала. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

8. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

9. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510.
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru.
Тел. (3519) 34-38-49.

Проблемы истории, филологии, культуры

Выпуск XXI

Сдано в набор 10.10.2007. Подписано в печать 25.08.2008 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 49,56. Уч.-изд. л. 48,91.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ №404.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

На 1 стр. обложки: Телль Хазна 1. Сирия. Фото с аэростата. Раскопки Российской археологической экспедиции под руководством Р.М.Мунчаева.

На 4 стр. обложки: Телль Хазна 1. Общий вид.